Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

XV КОНФЕРЕНЦИЯ ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ(Б)

★

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

1 9 2 7

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

XV КОНФЕРЕНЦИЯ ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (Б)

26 октября — 3 ноября 1926 г.

★

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

1 9 2 7

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ ЛЕНИНГРАД

Главлит № 74495. Гиз № 18553. Тираж 100.000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий". Москва, Пименовская ул., д. 16.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Заседание первое

Открытие конференции. Речь тов. Рыкова 1
Выборы президиума, секретариата, редакционной и мандатной комиссий . . . —
Утверждение порядка дня и регламента 2
О международном положении—доклад тов. Бухарина 3
Приветствие от ЦК КПГ 45

Заседание второе

Прения по докладу тов. Бухарина:
Речь тов. Мануильского 49
„ „ Пеппера 55
„ „ Стэна 59
„ „ Рютина 65
„ „ Лозовского 68
„ „ Кузьмина 76
„ „ Скрыпника 80
„ „ Раскольникова 85
Заключительное слово тов. Бухарина 88
Принятие резолюции по докладу тов. Бухарина 101
Принятие приветствия Центральному Комитету КПГ 102

Заседание третье

О хозяйственном положении страны и задачах партии—доклад тов. Рыкова 104

Заседание четвертое

Прения по докладу тов. Рыкова:
Речь тов. Эйхе 139
„ „ Чубаря 143
„ „ Милютина 151
„ „ Иванова 156
„ „ Куликова 158
„ „ Муралова 160
„ „ Ларина 165
„ „ Сырцова 172
„ „ Сулимова 177
„ „ Криницкого 181
„ „ Голощекина 186
„ „ Калыгиной 188

Заседание пятое

Стр.

Продолжение прений по докладу тов. Рыкова:
Речь тов. Рухимовича 192
„ „ Яковлева 199
„ „ Постышева 206
„ „ Луначарского 208
„ „ Колгушкина 211
„ „ Уханова 215
„ „ Медведева 217
„ „ Любимова 221
„ „ Лобова 227
„ „ Михиенко 230
„ „ Гольцмана 235
„ „ Фигатнера 239
„ „ Богданова 243

Заседание шестое

Продолжение прений по докладу тов. Рыкова:
Речь тов. Пылаева 247
„ „ Гамарника 249
„ „ Халатова 254
Заключительное слово тов. Рыкова 259
Итоги работы и очередные задачи профсоюзов—доклад тов. Томского . . . 266
Прения по докладу тов. Томского:
Речь тов. Угланова 295
„ „ Семкова 300

Заседание седьмое

Продолжение прений по докладу тов. Томского:
Речь тов. Лозовского 306
„ „ Теплова 314
Приветствие от Американской коммунистической партии 318
Речь тов. Мельничанского 319
„ „ Беленького 323
„ „ Чаплина 327
„ „ Догадова 332
„ „ Гинзбурга 337
„ „ Полонского 340
„ „ Михайлова 344
„ „ Матвеева 347

Заседание восьмое

Продолжение прений по докладу тов. Томского:
Речь тов. Рязанова 354
„ „ Артюхиной 363
„ „ Звездова 366
„ „ Михайлова 371
„ „ Радченко 375
„ „ Ендакова 379
„ „ Угарова 381
„ „ Алексеевой 385

Стр.

Речь тов. Лепсе 387
„ „ Москатова 391
„ „ Жукова 393
„ „ Ломинадзе 395
„ „ Вейнберга 399
Заключительное слово тов. Томского 402
Выборы комиссии по проекту резолюции об итогах работы и очередных задачах профсоюзов 416
Заявление тов. Теплова 417
Сообщение тов. Молотова . . . . . —

Заседание девятое

Доклад мандатной комиссии—тов. Гей 420
Об оппозиции и о внутрипартийном положении—доклад тов. Сталина . 421
Прения по докладу тов. Сталина:
Речь тов. Каменева 463

Заседание десятое

Продолжение прений по докладу тов. Сталина:
Речь тов. Ярославского 493
„ „ Троцкого 505
„ „ Ларина 535

Заседание одиннадцатое

Заявление тов. Воронина 545
Продолжение прений по докладу тов. Сталина:
Речь тов. Рудзутака . . . . . —
„ „ Зиновьева 555
„ „ Бухарина 577
„ „ Осинского 604
„ „ Стецкого 617

Заседание двенадцатое

Продолжение прений по докладу тов. Сталина:
Речь тов. Угланова 624
„ „ Кагановича 634
„ „ Газа 645
„ „ Махарадзе 649
„ „ Молотова 654
„ „ Микояна 675

Заседание тринадцатое

Продолжение прений по докладу тов. Сталина:
Речь тов. Соболева 686
„ „ Андреева 690
„ „ Масленникова 695
„ „ Клары Цеткин 698
„ „ Орджоникидзе 707
Заключительное слово тов. Сталина 717
Принятие резолюции по докладу тов. Сталина 757

Стр.

Заседание четырнадцатое

Принятие резолюции по докладу тов. Рыкова 758
» » » » » Томского 761
Сообщение тов. Косиора 765
Заключительная речь тов. Рыкова 766
Закрытие конференции 770

Приложения:

1. Резолюции XV конференции ВКП (б):
По докладу делегации ВКП (б) в ИККИ 773
О хозяйственном положении страны и задачах партии . . . . . —
Итоги работы и очередные задачи профсоюзов 792
Об оппозиционном блоке в ВКП (б) 811
Приветствие КПГ 822
2. Список делегатов XV конференции ВКП (б) с правом решающего голоса 825
3. Список делегатов XV конференции ВКП (б) с правом совещат. голоса 829
4. Список организаций и собраний, приславших приветствия XV конференции ВКП (б) 841

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

Заседание первое.

(26 октября 1926 года, вечернее).

Рыков. Товарищи, по поручению пленума Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии объявляю XV конференцию Всесоюзной коммунистической партии открытой. (Аплодисменты.)

20 июля скончался т. Феликс Дзержинский. Каждый из присутствующих здесь знает, какую потерю коммунистическое движение понесло со смертью т. Дзержинского. Вероятно, подавляющее большинство присутствующих в этом зале и лично хорошо знало товарища Феликса.

Тов. Феликс умер на боевом посту во время июльского пленума ЦК и ЦКК нашей партии, в работах которого он принимал самое деятельное участие. Нет надобности перед делегатами XV партийной конференции характеризовать личность т. Феликса и значение его работы для Октябрьской революции и коммунистического движения.

Едва ли можно найти такого борца-революционера, как т. Феликс, в котором так полно воплотилась вся энергия рабочего класса, вся страсть к преодолению любых препятствий, стоящих на пути коммунистического движения, и твердая уверенность в окончательной победе коммунизма. Предлагаю почтить память т. Феликса вставанием. (Все встают.)

Для предложения о составе президиума слово имеет т. Кадацкий.

Кадацкий. Товарищи, от имени делегаций Ленинградской, Московской, Украинской и Уральской организаций я имею предложение избрать президиум в составе 37 человек. Состав следующий: Антипов, Андреев, Артюхина, Бухарин, Ворошилов, Голощекин, Зеленский, Калинин, Кабаков, Каганович, Киров, Колотилов, Комаров, Криницкий, Кубяк, Куйбышев, Микоян, Михайлов,

Молотов, Орджоникидзе, Орахелашвили, Петровский, Рудзутак, Рыков, Сталин, Смирнов А. П., Сулимов, Сырцов, Томский, Угланов, Уханов, Чаплин, Чубарь, Чудов, Шкирятов, Янсон, Ярославский.

Рыков (председательствующий). По поводу состава президиума желает кто-нибудь взять слово? (Голос с места: «Голосовать».) Голосуется оглашенный список. Кто за него? Прошу поднять руки. Опустите. Кто против? Кто воздержался? Принято единогласно. (Аплодисменты.)

Прошу товарищей, вошедших в состав президиума, занять места. Для предложения о составе секретариата слово имеет т. Кадацкий.

Кадацкий. Секретариат предлагается в следующем составе: Енукидзе, Жданов, Косиор Станислав, Икрамов, Назаретян, Носов, Нурмаков, Румянцев Иван, Угаров, Владимирский М. Ф.

Председательствующий. Имеются ли предложения по составу секретариата? (Голос с места: «Утвердить».) Голосуется. Кто против? Кто воздерживается? Принято единогласно. Теперь редакционная комиссия.

Кадацкий. Редакционная комиссия предлагается в следующем составе: Бубнов, Васильевский, Бердников, Гусев, Демченко, Кнорин, Лебедь, Попов Н. Н., Рошаль, Стецкий, Шверник.

Председательствующий. Дополнения какие-нибудь есть? Голосуется. Кто против? Кто воздержался? Принято единогласно.

Кадацкий. Мандатная комиссия предлагается в следующем составе: Гей, Иванов Вл., Картвелашвили, Рябов, Сольц, Струппе, Филатов, Терехов.

Председательствующий. Кто против этого предложения? Кто воздерживается? Принято единогласно.

Товарищи, предлагаю принять регламент, по которому работала предыдущая конференция. Требуется оглашение этого регламента? (Голос с места: «Известно».) Голосую. Кто за то, чтобы принять регламент прошлой конференции, прошу поднять руки. Кто против? Кто воздерживается? Регламент утвержден.

Порядок дня работы конференции предлагается следующий:

1) Вопрос о международном положении, докладчик т. Бухарин.

2) Вопрос о хозяйственном положении страны и задачах партии, докладчик т. Рыков.

3) Итоги работы и очередные задачи профсоюзов, докладчик т. Томский.

4) Об оппозиции и о внутрипартийном положении, докладчик т. Сталин.

Еще предложения к порядку дня есть? Нет. Голосуется порядок дня. Кто за него, прошу поднять руки. Кто против? Кто воздержался? Принято единогласно.

По первому пункту порядка дня слово имеет т. Бухарин. (Бурные аплодисменты.)

I. Вопросы капиталистической стабилизации.

Бухарин. Я прежде всего ставлю вопрос о стабилизации.

Этот вопрос всем нам изрядно надоел, но думаю, что он довольно значительное количество времени еще будет таким вопросом, который нам придется ставить в порядок дня при обсуждении текущих проблем международной политики. Его придется ставить на этой конференции и потому, что до сих пор внутри нашей партии по этому вопросу есть известное деление, правда такое, при котором с одной стороны оказалось подавляющее большинство, а с другой стороны—незначительное меньшинство. Но все-таки внутри нашей партии есть по этому поводу разногласия. Вы помните, что на собраниях июльского пленума ЦК была по этому поводу полемика между представителями большинства ЦК и товарищами из оппозиции, при чем нам пришлось указывать на то, что в речах представителей оппозиции по этому поводу нет ясно намеченной линии. В числе разных других мыслей оппозиции есть положение относительно того, что стабилизация по сути дела была непрочна, а потом, в конце концов, и совсем исчезла: ход исторического развития слопал ее и съел. Так как товарищи из оппозиции заявили совершенно определенно и прямо, что они от своих взглядов не отказываются, следовательно, разногласия существуют, поэтому я и ставлю этот вопрос. Я прежде всего ставлю этот вопрос в самой общей форме: существуют ли какие-нибудь признаки, которые говорили бы об улучшении положения дел международного капитализма? Я подчеркиваю, что вначале я ставлю этот вопрос в предельно общей форме.

Обще-мировые показатели стабилизации.

Я беру цифры прежде всего мирового производства, начиная примерно с 1922 года. Если мы возьмем мировое производство важнейших и характернейших для капитализма производственных отраслей—чугуна, стали и угля, то мы получим здесь такие цифры в процентах по отношению к 1913 году: 1922 г.—чугуна 73,6%, 1923 г.—89,8%, 1924 г.—87,2%, 1925 г.—95,7%, а за первое по-

лугодие 1926 г. соответствующая цифра будет примерно равняться 98%. Данные эти предположительные, и они не могли включить в себя то изменение, которое наступило в результате английской стачки. По стали за тот же период: цифра 1922 г.—90,5%, цифра 1923 г.—105,5%, цифра 1924 г.—105,0%, цифра 1925 г.—115,4%, предположительная цифра за первую половину 1926 г.—118%. Вы имеете здесь, так же, как и по чугуну, почти правильное повышение из года год. Для угля соответствующие цифры: 86,8%, 98,3%, в 1924 г. известное спадение—96,9%, потом снова повышение—97,6%, т.-е. примерно дело обстоит так же, как по чугуну и стали. Посевная площадь в общем и целом растет, но на посевной площади я специально не буду останавливаться, потому что это в общем известно. Если мы возьмем цифры производства (а производство есть, как известно, базис всего остального), то мы можем сказать, что уровень мирового производства, снизившийся за время войны, в основном к началу 1926 года приблизился к довоенному уровню. По отдельным отраслям будет несколько разнообразная картина, но в общем условно можно сказать, что капитализм приближается к завершению своего восстановительного периода. При этом динамика отношений в области производства такова, что мы видим за последние годы повышение производства характерных для капиталистического строя основных предметов. Это первый производственный показатель.

Я беру другой показатель, который очень характерен с точки зрения восстановления мировых связей, с точки зрения восстановления нарушенных войной отношений между отдельными частями мирового хозяйства. Ведь военный кризис и глубокое падение капитализма за время войны, между прочим, находили одно из своих наиболее существенных и ярких проявлений в распаде мирового хозяйства. Теперь мы видим, что все же, как-никак, цифры, показывающие внешний товарооборот мирового хозяйства, за последние годы возрастают,—этого отрицать нельзя. Вот вам цифры по 32 странам за последние годы: 1923/24 г. (если мы возьмем круглым счетом)—29 млрд. реальных долларов, 1924/25 г.—32,5 млрд. долларов, 1925/26 г.—32,9 млрд. долларов. Значит, в 1925/26 г. темп возрастания довольно значительно уменьшился, но все же возрастание продолжается. Цифра 1913 г. исчисляется в 35,4 млрд. Значит, здесь еще общий товарооборот по внешней торговле не достиг довоенного уровня, но динамика его (а это ведь и показательно для ответа на вопрос, есть или нет стабилизация), динамика такова, что эта цифра за последние три года приблизилась к своей довоенной норме. Вот вам второй показатель—состояние внешней торговли.

Я беру третий показатель—валютные отношения. Если мы возьмем различные валюты, которые, как вы все это отлично знаете, были в высочайшей степени дезорганизованы войной, то и здесь мы видим явления, которые свидетельствуют об известной капиталистической стабилизации. Если мы возьмем последний год, то общий мировой уровень валютных курсов по 40 странам значительно повысился. При этом повышается и мировая кривая и европейская. Они повышаются примерно параллельно, одна кривая бежит рядом с другой. Для Европы здесь определяющими величинами в области валютных соотношений были, в первую очередь, такие явления, как стабилизация германской имперской марки и повышение курса английской валюты.

Если вы возьмете процентное отношение к паритету, то вы увидите, что за 1923/24 г. соответствующие цифры для фунта стерлингов выражались в 89,9%, в 1924/25 г.—98%, в 1925/26 г.—99,8%. Две главные страны: Германия — с одной стороны, Англия—с другой стороны, которые стабилизовали свою валюту, подняли вверх всю европейскую кривую. Противоположные тенденции шли со стороны, главным образом, валюты романских стран, которые обнаруживают либо понижательную, либо чрезвычайно лихорадочную, малярийную кривую, дают скачки и тянут общую кривую книзу. Но английско-германские соотношения перетягивают, и поэтому в общем и целом валютная кривая повышается. Вот третий показатель, который говорит об относительной стабилизации капитализма.

Значит, во-первых, рост мирового производства, во-вторых, рост внешней торговли, в-третьих, укрепление валютных отношений—все они в среднем дают до известной степени повышательную кривую. Но, товарищи, этот вопрос ставится мною сейчас в самой общей формулировке. Такая постановка, как вы увидите несколько позднее, вовсе не является той постановкой вопроса, на которой можно сразу же успокоиться, потому что разнообразие стран, разнообразие типов развития, разница между кривыми, между показателями отдельных стран настолько велика, что никоим образом нельзя останавливаться здесь на вычислении статистических средних. Такое вычисление является лишь до известной степени первым приближением и поэтому недостаточно характеризует процесс капиталистической стабилизации.

Неустойчивость и неравномерность стабилизации.

Против этих, с капиталистической точки зрения положительных, фактов есть целый ряд фактов отрицательного порядка, которые подчеркивают другую сторону дела. Если первый ряд,

о котором я здесь говорил, доказывает наличие стабилизации, то второй ряд фактов показывает всю относительность этой стабилизации. Это прежде всего, мне кажется, находит свое выражение в совершенно особом характере кривых колебаний конъюнктуры, смены времени кризисов и депрессий периодами подъема промышленности. Довоенный цикл развития, который был характерным для так называемых нормальных капиталистических времен, в европейских странах насчитывал большее количество лет, чем в Америке, где цикл был короче. Теперь мы видим, что характерная для этих циклов в довоенное время известная правильная периодичность промышленных кризисов сменилась теперь чем-то совершенно другим. Конечно, и здесь есть своеобразная закономерность, но в тысячу раз более сложная и при этом указывающая нам на ненормальность капиталистического развития в теперешний период. Процесс восстановления капиталистического производства идет крайне неровными скачками, крайне болезненно. Один период сменяется другим совершенно в другой последовательности, чем это было в довоенное время.

В самом деле, если взять мировое производство, то в 1919 г. мы видим его снижение, в 1920 г.—подъем, в 1921 г.—острый кризис, в 1922/23 г.—некоторый подъем, при чрезвычайно остром кризисе в Германии в силу рурского конфликта. 1924 год дает опять некоторое снижение производства; 1925 год—некоторое повышение, которое заканчивается кризисом в Германии, а затем также и депрессией в Англии. Первая половина 1926 года проходит под знаком германского кризиса, с одной стороны, и английского угольного конфликта—с другой. Значит, первым противопоказателем стабилизации и показателем всей ее относительности, показателем ненормального, патологического состояния капиталистического хозяйства является эта лихорадочная кривая, которая ни в малейшей степени не похожа на кривую развития довоенного капиталистического хозяйства. Это—первое.

Второе, что мне хотелось бы отметить, это глубочайшая неравномерность всего развития по странам. Если эта неравномерность была и в нормальный период капиталистического развития, то теперь она приобрела особенно острое выражение, которое не было известно довоенному времени.

Я приводил в начале своего доклада цифры относительно угля, чугуна и стали. Однако тогда речь шла о мировом производстве; а если мы откажемся от такой сплошной постановки вопроса, если мы возьмем соответствующие цифры по отдельным странам или по отдельным комплексам стран, то мы здесь получим чрезвычайно любопытную картину. Вот, например, уголь

в процентах к довоенному мировому производству к началу 1926 г. почти достиг довоенного уровня—96,7%. А если мы возьмем Европу, то там продукция почти на 10% ниже довоенного уровня. Если же мы возьмем Соединенные Штаты, то они перешагнули довоенный уровень—дают 102,5%, а для Англии, которая выражает собой наиболее упадочную тенденцию в рамках европейского хозяйства, соответствующий процент выражается в 84,2. Так же примерно обстоит дело по чугуну, по стали и т. д. Какую картину мы видим? Мы видим, что при средней мировой, которая подходит к довоенной, имеется большая разница, имеются ножницы между европейским и американским хозяйством. Это—раз. А поскольку вы берете только европейский круг, то здесь вы имеете ножницы между развитием Англии, с одной стороны, и Центральной Европы—с другой.

Вот эта неравномерность развития представляет собой точно так же чрезвычайно характерный признак теперешнего положения вещей. Мы все это должны тщательно учесть, ибо наш анализ должен нащупать известную объективную базу, известную линию для разрешения тактических проблем, для намечения нашей политики. Наш анализ никоим образом не может ограничиться сплошной постановкой вопроса относительно капиталистической стабилизации. Теперь уже совершенно прошло время, когда мы могли ограничиться формулой, что есть стабилизация, но эта стабилизация относительная, частичная, и т. д. Эту формулу теперь для определения нашей тактики взять нельзя, ибо она есть лишь только первый подход к дифференцированной постановке вопроса, к анализу положения в разных странах. И вот, если поставить вопрос о стабилизации более конкретно, более дифференцированно, то мы получим несколько типов хозяйственного положения различных стран.

Типы „стабилизации“ в разных странах.

Если мы возьмем Соединенные Штаты Северной Америки, т.-е. страну, где кривая капиталистического развития идет в общем и целом максимально быстро вверх, и где, в скобках сказать, с 1914 года по 1920 год увеличили применение электрической энергии с 3,8 миллиарда лошадиных сил до 13,3 миллиарда, то это будет один тип развития, который не имеет себе аналогии в европейских странах.

Если мы возьмем Англию, то она представляет собою другую категорию стран, которые выражают собой максимальный упадок, идущий довольно равномерно. Этот упадок находит свое выра-

жение в крайне обостренных классовых отношениях, в громадной поистине перегруппировке общественных сил и в еще невиданных в этой стране социально-классовых конфликтах, социально-классовых битвах. Это второй тип стран.

Если мы будем так присматриваться к различным местам географической карты и возьмем такие огромные колониальные и полуколониальные страны, как Китай и Индонезия, то мы увидим там не только отсутствие стабилизации, но и открытую гражданскую войну. Мы имеем там революционный процесс всемирно-исторического значения, которого ни в коем случае нельзя недооценивать. Вот вам третий тип стран.

Мы берем, скажем, наш Советский Союз, который тем, что он является страной диктатуры пролетариата, ни в коей мере не перестал существовать ни физически, ни экономически, ни политически. Здесь мы имеем все более прочную стабилизацию идущего вперед и развивающегося социализма. Правда, социалистические отношения характерны не для всей страны, но их удельный вес в общей экономике страны все более увеличивается, и их ведущая роль все более проявляется—вопреки всякого рода пессимистическим утверждениям и скептическим пророчествам. Вот четвертый тип.

Если возьмете континентальную Европу, то здесь также увидите различные типы отношений и различное состояние капиталистической экономики. Если вы возьмете Францию и Германию, то увидите, что там несомненнейшим образом идет вверх кривая капиталистической стабилизации. Во Франции она шла еще раньше, в Германии она прокладывает себе сейчас дорогу через сильнейший кризис и другие трудности. Мне кажется, этот факт не подлежит никакому сомнению. Об этом я буду еще говорить ниже, потому что эта проблема Франции и Германии есть центральная проблема, вокруг которой увязываются другие проблемы международной политики, в том числе и вопрос о громадных трудностях, которые стоят на пути капиталистической стабилизации.

Вот, следовательно, пять групп стран.

И наконец, шестая группа стран. Я здесь объединяю различные оттенки. Сюда могут быть отнесены такие страны, как Чехо-Словакия, Югославия, Польша, которые примерно находятся на одном и том же уровне, при чем некоторые из этих стран имеют явную тенденцию попятного развития, которое можно обозначить как аграризацию страны, т.-е. уменьшение удельного веса промышленности, снижение промышленного производства по отношению к производству сельскохозяйственному. Аграризация, прозябание, загнивание—вот примерная общая характеристика этого

комплекса стран, хотя они и испытывают различного типа конъюнктурные колебания: например, английская стачка обусловила временное повышение угольного производства в Польше, меж тем как подъем германского экспорта имел своим следствием усиление упадка Чехо-Словакии. В общем и целом получается своеобразная картина своеобразных типов европейских стран, которые не подходят друг к другу, которые нельзя ставить на одну доску, ибо такие страны, как Германия, Франция, Англия, имеют свои особенности, которые явным образом отражаются на сложении общественных сил, отражаются на линиях различных политических партий, выражающих то или иное сочетание классов или ту или другую классовую позицию. Поэтому ясно, что при определении своей тактики мы должны считаться с этими специфическими особенностями той или другой страны.

Вот как обстоит дело. Подчеркиваю здесь еще раз ту мысль, что теперь никоим образом нельзя ограничиться одной сплошной характеристикой положения международного капитализма, а нужно обязательно ставить вопрос дифференцированно, по крайней мере по группам стран, для того чтобы соответствующие выводы покоились на сколько-нибудь прочном теоретическом основании.

Характерные черты современного капиталистического кризиса.

Теперь, товарищи, разрешите мне остановиться на некоторых вопросах, которые невольно возникают при анализе теперешнего положения капитализма. Ясное дело, что это положение все же есть положение какого-то своеобразного кризиса. И вот здесь, мне кажется, легко очень впасть в одну ошибку, в которую очень многие товарищи сейчас впадают. Они утверждают, что в ряде стран, в большом, значительном и решающем количестве стран сейчас налицо обычный кризис перепроизводства, т.-е. такое положение, когда производственный аппарат шире, чем его использование, товарное предложение шире, чем эффективный покупательный спрос. Отсюда очень легко можно бы сделать заключение, что капитализм поднялся на такую ступень развития, когда мы имеем нечто вроде нормального кризиса капиталистического перепроизводства, и что, следовательно, капитализм уже вошел в общую норму, движется по обычным своим законам, мы имеем налицо вполне нормальный кризис капиталистического перепроизводства. Я, товарищи, лично не согласен с такой постановкой вопроса и думаю, что здесь следовало бы сказать парочку слов на эту тему.

Мне кажется, что нужно различать, по крайней мере, три различных типа кризисов капиталистического производства: а) нормальные капиталистические кризисы, характерные для довоенного времени; б) кризисы недопроизводства, голодные кризисы, которые были характерны для целого ряда стран, в первую очередь стран Европы, во время войны и отчасти после войны, и в) теперешние кризисы перепроизводства, которые являются, мне кажется, совершенно особенными, своеобразными кризисами, которых нельзя ставить целиком на одну доску с теми кризисами, которые мы имели в прежнее время.

Еще во время войны, а также и после войны была распространена, как известно, своеобразная теория, которая у буржуазных ученых опиралась на совершенно апологетические ноты, а у германских коммунистов на неправильную теорию Розы Люксембург, и которая утверждала, что во время войны происходит громадное накопление капитала в стране, громадный рост производственного аппарата. С точки зрения этой теории современный кризис капиталистического производства объясняется очень просто. Во время войны капитал воюющих стран быстро возрастал, точно так же, как их производственный аппарат. Потом война кончилась. Этот производственный аппарат остался, делать ему нечего, получается перепроизводство этого производственного аппарата. Отсюда—кризис. Этот кризис, следовательно, есть последствие, так сказать, военного процветания. Я с такой теорией не согласен и думаю, что она неправильна и не соответствует действительности ни в какой мере. Мне кажется, что вообще совершенно неправильно, даже абсурдно представлять себе дело так, что во время войны происходит какое-то громадное накопление капиталов. Это абсурд, ибо по этой теории получается, что чем больше воюешь, тем больше должно происходить капиталонакопление в стране, чем не только решительно отрицается разрушительное действие войны, но открывается прямая возможность «доказательства» ее величайшей экономической полезности.

В чем же здесь дело? Дело здесь прежде всего в том, что смешивают рост капиталов всей страны с ростом капиталов на отдельных экономических участках. Если по всей стране в результате войны капиталы могут падать и обязательно даже в общем и целом падают,—ибо в общем и целом увеличивается в страшной мере непроизводительное потребление, расстрелы в воздух, разрушения и т. д.,—то на-ряду с этим происходит громадный процесс перераспределения капиталов за счет экспроприации мелких, средних и прочих прослоек, а на определенных участках экономического фронта, и в первую очередь в тяжелой индустрии, про-

изводственный аппарат может расти, там может происходить усиленное капиталонакопление. И если видеть только эту одну сторону и рассматривать производственный аппарат только здесь, т.-е. если смешивать совокупность всего производственного аппарата всей страны, в том числе и мелкого, и среднего, и прочего производства, с производственным аппаратом отдельных отраслей производства, хотя бы тяжелой индустрии, то только из такого смешения могла получиться та удивительная теория, которую я вам только что излагал.

Мне кажется, следовательно, что в действительности дело обстоит таким образом. С одной стороны, прежде всего в странах, которые наиболее резко подверглись отрицательному действию войны, основной капитал должен был в общем и целом понижаться и даже, по всей вероятности, резко понизился, хотя на некоторых отдельных участках производственный аппарат и мог несколько вырасти. Одновременно с этим страшно понижалось внутреннее потребление, потому что понижалась покупательная способность масс в силу обнищания. Поэтому совершенно неудивительно, что и при падении совокупного производственного аппарата страны в целом, в силу еще более резкого падения покупательной способности масс получалась диспропорция между производственным аппаратом и покупательной способностью. В целом ряде стран, мне кажется, дело обстояло так, что во время войны производственный аппарат хотя и уменьшался, но в то же время покупательная способность масс шла книзу еще более быстро, и тем самым получалось перепроизводство производственного аппарата.

Я это в еще более решительной форме сформулирую, потому что хотя это кажется несколько парадоксальным, но это имеет серьезное значение, и при этом—для очень актуальных вещей. В самом деле, разница, диспропорция между производством и потреблением, между производственным аппаратом и эффективным спросом со стороны масс может наступать в самых различных условиях: производственный аппарат может бешено расти, а покупательная способность масс может расти, но не в такой степени—тогда наступит перепроизводство производственного аппарата; производственный аппарат может расти, а покупательная способность масс стоять на одном уровне—тогда получится перепроизводство производственного аппарата; наконец, производственный аппарат и покупательная способность масс могут одновременно падать и все же обусловить перепроизводство производственного аппарата, если темп его уменьшения будет слабее темпа падения покупательной способности масс. Совершенно ясно, что экономическое значение всех этих различных вещей будет совершенно различно.

Действительное положение вещей в Европе, мне кажется, обстоит таким образом, что производственный аппарат вовсе не так вырос, как об этом болтают, но страшно понизилась покупательная способность масс. Отсюда вытекает диспропорция между производством и потреблением; получается расхождение между производственным аппаратом и эффективным спросом, т.-е. покупательной силой масс. И в этом специфическая особенность теперешних кризисов производства, которые отличаются от довоенных кризисов, ибо там производство шло страшно быстро вперед, и потребление тоже шло вперед, но отставало, а здесь с другого конца создается это перепроизводство производственного аппарата; оно имеет свою подоснову, в первую очередь, в обнищании широких масс. А что перепроизводство производственного аппарата есть, и довольно значительное, чтобы не сказать больше, об этом свидетельствуют целый ряд данных. Например, известный американский журнал «Iron Age» считает, что в области мирового производства чугуна мы имели в 1925 г. налицо 59,8% загрузки предприятий, а в области выплавки стали—65,4%. По данным «Reichsarbeitsblatt», в Германии в средине 1926 г. 62% предприятий были слабо загружены, 26%—удовлетворительно, и только 12% предприятий хорошо загружены. Данные о промышленности Северо-Американских Соединенных Штатов показывают, что ее нагрузка достигла только 78% ее технической мощности. Все это свидетельствует о том, что производственная способность теперешнего производственного аппарата капитализма значительно выше, чем эффективный спрос, т.-е. что налицо имеется перепроизводство производственного аппарата.

Отсюда вытекает то обстоятельство, что для капиталистического мира центральной проблемой сейчас стала проблема рынков. Если у нас в СССР рыночный спрос превышает и предложение и производственные возможности данного периода, то для капиталистического мира характерной является чрезвычайная узость рынков, особенно для Европы, в связи с обнищанием масс (но также и для Америки, что тоже находится в связи с обнищанием Европы).

Если создается такое положение вещей, что проблема рынков сейчас становится в качестве одной из центральных проблем всей экономической политики буржуазии, то совершенно естественно, что отсюда должна итти волна за понижение себестоимости, за рационализацию, за то, чтобы создать расширение рынков путем понижения себестоимости продукции и путем сокращения продукции по определенным отраслям.

Процесс капиталистической рационализации.

Этот процесс имеет различные формы и принимает различные очень интересные черты, которые нужно точно так же совершенно ясно выделить, для того чтобы правильно ориентировать наши рабочие партии. Главными формами являются здесь: прямой нажим на рабочий класс, во-первых; организация труда, обеспечивающая одновременно и большую производительность и большую интенсивность труда, во-вторых, и наконец, различные технические улучшения. С этим связано и то обстоятельство, что мы переживаем время необычайно интенсивной трестификации производства, сокращения нерентабельных предприятий, объединения различных предприятий между собой, и притом объединения не только в форме коммерческих объединений, которые делят рынки между собой,—картелеподобных или синдикатских,—но и рост фузий, прямое слияние различных производственных отраслей, и вертикальное и горизонтальное.

Я, товарищи, должен вам сказать, что мне в высшей степени трудно здесь дать вам полную картину и описать весь процесс в целом, потому что пришлось бы загружать конференцию и доклад большим количеством различных данных. Но разрешите все-таки здесь привести кое-какие примеры. При этом я главным образом буду приводить примеры из области германской промышленности и германской экономической жизни, потому что здесь гораздо более резко, можно сказать — классически, идет этот процесс рационализации в связи с обнищанием масс.

В нашей литературе, в том числе коммунистической, очень часто предполагается, что эта рационализация ограничивается организацией труда и что технические изменения здесь абсолютно не играют никакой роли. Я думаю, что этот взгляд неверен, хотя он, может быть, продиктован и очень добрыми намерениями. В действительности дело обстоит, к сожалению, не так. Совершенно естественны отдельные этапы этого процесса рационализации. Что должна была сперва делать буржуазия? Она должна была сперва подавить рабочий класс. Это подавление рабочего класса, в частности германского, было исходным социально-классовым пунктом рационализации. Затем она шла, как это часто бывает, по линии наименьшего сопротивления. Что нужно было дальше сделать с точки зрения буржуазии, с точки зрения буржуазной политики? Нужно было нажать экономически на рабочий класс в непосредственно грубой форме. Так буржуазия и сделала. Она шла по линии организации труда и получения от этого добавочного количества прибавочной цен-

ности. Фаза же технического переоборудования часто следует в последнем счете, потому что это наиболее сложный вид рационализации, который предполагает целый ряд других предпосылок. Вот примерно какая была закономерность. Конечно, ее нельзя понимать абсолютно. Не нужно думать, что одна фаза была отделена от другой китайской стеной. Этого я не хочу сказать,— одна фраза тесно переплетается с другими, но центр тяжести перемещается.

Если мы возьмем германские отношения и прежде всего некоторые решающие производственные отрасли, то мы увидим, что развитие идет по разным линиям и что германская буржуазия достигла здесь некоторых успехов, опять-таки к нашему сожалению.

Я думаю, что было бы в высокой степени неправильно, если бы мы эти успехи отрицали и говорили, что буржуазии ничего не удалось сделать. Ей, к несчастью, удалось кое-что сделать. Если, например, взять угольную промышленность, то мы увидим там сильное развитие концентрации. На индивидуальные шахты по всему производству угля в Германии падает не больше 2 — 3% общей суммы. Если поставить вопрос о комбинатах, т.-е. о ряде объединений разнородных производственных отраслей, то мы увидим, что на долю железного концерна падает $^2/_3$ всей добычи каменного угля, а $^2/_3$ добычи бурого угля падает на объединение электрической и химической индустрии. Если взять угольное производство с точки зрения технических преобразований, то мы увидим, что здесь все-таки достигнут целый ряд успехов: рационализация парового хозяйства, использование добавочных продуктов для создания электрической энергии и других целей, рост механизации вспомогательных предприятий, механизации транспорта, развитие механизации самой добычи угля, введение системы конвейера и т. д. Почти половина угля в Рурском бассейне за последнее время добывается механическим путем. Учет производительности труда одного рабочего в Рурской области также показывает немалый рост. Мы имеем здесь такого рода цифры: если вы за 100 берете цифру производства на одного рабочего 1913 г., то в 1922 г. мы обнаружим громадное падение — 63, а в июне 1926 г. соответствующая цифра дает нам уже 116, т.-е. довольно значительное, на 16%, превышение довоенного уровня. Следующая отрасль германского производства, по которой я имею характерные данные,— калильное производство. Здесь происходит громадная рационализация точно так же на основе целого ряда мероприятий и целого ряда усовершенствований, и организационных и технических.

Я прочитаю вам далее цифры, которые характеризуют производство стали в Германии в относительных числах на одного рабочего в день. Если август 1925 г. возьмем за 100, то ноябрь 1925 г. даст 119,5, февраль 1926 г. — 119,9, май 1926 г.— 134,6 и август 1926 г.— 143,8. То-есть с августа 1925 г. производительность одного рабочего выросла на 43,8%. Это есть совершенно очевиднейший факт.

Наконец, я беру данные по химическому производству. Я должен вам сказать, что химическое производство играет очень крупную роль в германском хозяйстве. Как в связи с тем, что у Германии отстригли определенные районы тяжелой индустрии, так и в связи с целым рядом изобретений в области химии в химическое производство начинает переноситься центр тяжести. Я не думаю, чтобы здесь был прав Гильфердинг, который в одной из своих последних статей в «Gesellschaft» заявляет, что роль тяжелой индустрии кончена, что сейчас вообще наступает такая эпоха, когда химическая промышленность будет заменять тяжелую индустрию в смысле своей командной высоты. Для такого предположения и для такой категорической оценки нет данных. Но во всяком случае на данной ступени развития химическое производство для Германии играет громаднейшую роль, и в этой отрасли мы видим целый ряд крупнейших достижений, например, в одном химическом предприятии мы имеем рост производства на 200% при уменьшении числа рабочих на $^2/_3$ и при уменьшении рабочей недели с 50 до 42 часов. Эти успехи достигнуты введением конвейера, организацией транспорта, уменьшением всевозможного рода лежания полуфабрикатов на различных промежуточных ступенях и складах, всяческого рода нормализацией, введением аккордной премиальной системы и т. д. Вообще же в химическом производстве следует отметить ряд технических открытий, которые вносят существенные преобразования в производственные процессы, как то: превращение угля в жидкое состояние, производство бензина посредством гидрации, производство искусственного шелка на новых основах и т. д.

Трестификация и картелирование.

Перейду к другой стороне дела — к вопросу о капиталистических объединениях разного рода, о росте трестов, синдикатов, картелей и т. д. В этой области, бесспорно, происходит огромный прогресс организационных капиталистических форм, в сравнении с которым бледнеют факты крупнейших объединений непосредственно послевоенной эпохи (Стиннес и др.), как вслед-

ствие того, что они являлись более низким типом объединения,— в большей или меньшей мере коммерческими объединениями, так и по размерам объединений и их удельному весу в общей экономике страны. Например—Соединенный стальной трест (Vereinigte Stahlwerke) в Германии, о котором журнал «Wirtschaftsdienst» пишет, что это есть «монументальное построение, являющееся символическим выражением немецкой рационализации». О размерах капитала этого «символического выражения немецкой рационализации» можно судить по тому, что сумма первоначальных акций стального треста равна 800 000 000 имперских марок. Следовательно, здесь налицо крупнейший концерн Европы, объединяющий ряд отдельных производственных отраслей. Не менее интересным примером современных капиталистических объединений служит германский концерн в химической индустрии, так наз. «I.-G. Farbenindustrie», представляющий собой один из крупнейших концернов в мире. Его капиталы составляют 1 100 000 000 марок.

Не останавливаясь подробно на отдельных моментах в изображенном процессе трестификации, отмечу еще раз, что целый ряд производственных единиц сейчас обнаруживает тенденцию к самому теснейшему объединению, к самому теснейшему сотрудничеству. Это есть, конечно, одно из слагаемых общего процесса рационализации.

В силу целого ряда причин, в силу того, что европейские страны в высочайшей степени страдают от слабости рынка, от конкуренции Америки и т. д. и от своей собственной раздробленности, намечаются сильные тенденции,— которые опять-таки идут по линии рационализационных процессов,— возникновения различных интернациональных объединений. И вот в связи с этим стоит создание так называемого Европейского стального картеля, который образовался не так давно и который включает в себя Германию, Францию, Бельгию, Люксембург и Саарскую область.

Это есть одно из крупнейших объединений интернационального типа, которому, по всей вероятности, в ближайшем будущем суждено сыграть довольно значительную роль. За последнее время возникает и целый ряд других интернациональных картелей: рельсовый картель, медный синдикат, международное объединение в производстве калильных ламп и др. Упомяну еще о том, что подготовляется образование общего Средне-Европейского электрического треста.

Товарищи, конечно, все эти явления—усиленная трестификация производства внутри стран, в первую очередь внутри Германии, а с другой стороны — образование международных картелей, международных промышленных соглашений — должны быть оце-

нены нами. Мимо них пройти нельзя. Следует еще специально остановиться на этом явлении потому, что в связи с ним находится особая ориентация главного нашего противника в среде рабочего класса, социал-демократических партий. Конечно, социал-демократические партии здесь отражают настроения ряда буржуазных идеологов. Например, один из буржуазных экономистов, некий К. Зингер, прямо пишет в «Wirtschaftsdienst», что «мы вступили в неизведанную область новых капиталистических отношений». По поводу организации Европейского стального картеля К. Зингер патетически восклицает: «Теперь начинается новый отрезок политической и хозяйственной истории... Сейчас закладывается европейское плановое хозяйство, связанное с рамками капиталистической хозяйственной системы, вызванное капиталистическими стимулами, но развивающееся в таких формах и с такими последствиями, которые выходят далеко за пределы обычных представлений и мыслей довоенного периода... Чрезвычайно вероятно, что этот стальной картель будет иметь такое же влияние на политическую конструкцию Европы, как в свое время таможенный союз на политическую конструкцию Германии».

Вот, товарищи, как обстоит дело сейчас со всеми перечисленными мною тенденциями.

„Пан-европейское“ движение и манифест банкиров.

Если среди деловых буржуазных кругов в отдельных производственных отраслях имеется тенденция к рационализации, в частности в форме образования международных картелей, то среди ряда интеллигентских кругов это уже распухает в целую огромную идеологию, для которой еще нет адэкватного экономического базиса. Я имею в виду так называемое пан-европейское движение, имеющее особую идеологию, которая полагает, что необходимо обратить внимание на организацию всей Европы, иначе она будет захлестнута американской волной. С другой стороны, участники пан-европейского движения полагают, что необходимо иметь эту организацию отчасти как оплот против большевистской России.

Я на этом последнем движении не останавливаюсь подробно, потому что шум, который оно производит, совсем не пропорционален тому реальному политическому весу, который это движение имеет. Но это движение воспринято социал-демократией и служит в ее руках одним из средств надувательства рабочего класса, поэтому нужно сказать о нем несколько слов. Я здесь отмечу прежде всего некоторые черты этого движения, как оно

проявляется в различного рода экономических дискуссиях, имевших место за последнее время. Сошлюсь, например, на имя одного из крупных английских экономистов, Гобсона, который в журнале Гильфердинга «Gesellschaft» пишет как раз о проблеме пан-европейского движения. Как он ставит вопрос? Он говорит: все это очень хорошо, но если вы будете без Англии, тогда вы толкнете Англию на объединение с Америкой, и из этого выйдет очень плохая вещь для всего мира. Если вы Англию захотите принять, то как же в европейский союз пойдут такие страны, как Канада, Австралия, все наши доминионы? И Гобсон ставит над всем этим вопросительный знак, который по сути дела есть разоблачение этой истории, разоблачение ее неосуществимости в буржуазных формах, которые в данном случае предлагаются, потому что объединение с Англией в настоящих условиях невозможно. Все это чувствует такой человек, как Гобсон. А с другой стороны, некоторые «пан-европейцы» косятся на СССР, с которым они не желают объединяться. Характерно то, что в том же социал-демократическом журнале один из присяжных экономистов, Ф. Нафтали, полемизируя против русского меньшевика Войтинского, прямо говорит, что с большевистской Россией объединяться нельзя, что надо вести другую политику.

Из всего этого, само собой разумеется, напрашивается вывод, что реальным является объединение некоторых производственных отраслей, объединение не вечное, потому что предстоит величайшая борьба за доли внутри того же стального синдиката (об этом я буду говорить дальше). Пан-европейское же движение не имеет такого реального основания. Неосуществимая утопия—получить «пан-Европу» на буржуазной основе, и это чувствуют даже такие сторонники этого движения, как Гобсон. От «пан-европейского» движения следует, мне кажется, отличать другие, с внешней стороны даже очень объединительные попытки, которые воплощает в себе так называемый «манифест банкиров», недавно напечатанный в наших газетах. Эту тенденцию, эту струю, мне кажется, нельзя смешивать с пан-европейской «требухой». Здесь перед нами нечто другое. Я думаю, что перед нами рецидив экономического «вильсонизма». Во время войны и непосредственно после войны вильсонизм защищал принцип «самоопределения наций», потому что этот лозунг открывал двери для влияния Соединенных Штатов Америки на политическую жизнь Европы. Сейчас подымающаяся Америка должна иметь своим лозунгом открытые двери «повсюду и везде», потому что только Северо-Американские Соединенные Штаты выигрывают, если будут сняты в Европе таможенные рогатки, потому что тогда Соединенные

Штаты будут «бить» всех. «Манифест банкиров» является контршагом по отношению к различным попыткам объединения отдельных производственных отраслей. Эти попытки намечаются среди самых различных национальных групп буржуазии Европы. В ответ на них «манифест банкиров» под флагом универсалистических идей стремится создать одно из орудий для того, чтобы занять европейские рынки и открыть все двери перед наступлением американского капитала. Вот какое значение имеет этот так называемый «манифест банкиров».

Я, товарищи, считаю еще нужным упомянуть одно движение—движение, направленное к окружению Советского Союза, которое (движение) точно так же есть одно из слагаемых политики капиталистической стабилизации. Бесконечные и разнообразные договоры, «дух Локарно», западная ориентация Германии, соглашение между Польшей и Румынией, Польшей, Югославией и Чехо-Словакией и всякие другие дипломатические попытки, усиление антисоветской деятельности со стороны Англии, выходки Чжан-Цзо-Лина, за спиной которого стояла и стоит Япония,—все это входит в систему стабилизаторских тенденций капиталистического мира.

Рационализация у нас и у них. Трудности капиталистической рационализации.

В связи с этими темами следует поставить еще два вопроса: вопрос относительно рационализации у нас и у них и вопрос относительно трудностей рационализации для капиталистических стран. Само собой разумеется,—это для каждого коммуниста совершенно ясно,—что у нас рационализация совершается в интересах рабочего класса в целом, в целях построения социализма, а не для буржуазии, не для укрепления капитализма. Но это такая святая истина, о которой спорить нечего, если, конечно, в нашей среде нет товарищей, которые бы в своих оценках нашего государства, как «далеко не пролетарского», не продвинулись еще дальше. Но для подавляющего большинства, для тех, кто считает наше государство пролетарским государством и наши предприятия—предприятиями последовательно-социалистического типа, не может быть двух мнений насчет этого.

Я хотел бы отметить еще другую сторону дела, заключающуюся в величайшей разнице, которая выражает собою различие всего механизма развития рационализации у нас и у них не только с точки зрения классовой социальной сущности, но и с точки зрения самого роста производительных сил. У нас основным стимулом нашей рационализации является желание по-

крыть потребности масс, при чем рынок у нас шире наших производительных способностей. У них процесс рационализации вытекает из желания получить больше прибылей и из необходимости приспособления к изрядно сузившемуся рынку. У нас размеры рынка больше, чем размеры производства, у них рынок меньше сравнительно с размерами производства. Поэтому у нас приспособление к рынку идет через расширение производства, а у них на данной стадии развития приспособление к рынку неизбежно должно итти через частичное сокращение производства. Поэтому получается и установка другая по отношению к рабочему классу и количеству занятых рабочих. Несмотря на то, что у нас происходит процесс рационализации, мы неизбежно должны будем в ближайшее время втягивать большее количество добавочных рабочих, а у них рационализация неизбежно превращается в такого рода рационализацию, которая имеет своим последствием рост безработицы в важнейших странах Европы, хронической безработицы, достигшей небывалых размеров, представляющей постоянное явление. Стоит только взять такие страны, как Англия, как Германия. Дальше в связи с этим у нас, поскольку есть безработица, это есть в первую очередь аграрная безработица, это преимущественно крестьяне, пришедшие из деревни, а у них безработные фабричные, это—пролетарии, которые превращаются в безработных.

По всем этим направлениям имеется громаднейшая разница, которая обусловливается в конечном счете иной социально-классовой структурой. Но даже с точки зрения развития производительных сил в капиталистических странах и у нас здесь есть крупнейшая разница, которая (я здесь позволю себе только упомянуть о совершенно другой теме, которая не входит в мой реферат) выражает собою неизбежно разницу в темпах развития—нашего и западно-европейского. Темп развития у нас неизбежно должен быть гораздо более быстрым, несмотря на самые различные противоречия. Этой темы в данном разрезе я касаться не буду.

Далее, вопрос о невероятных трудностях, с которыми связана капиталистическая рационализация. Для меня лично не подлежат никакому сомнению факт рационализации и успехи этой рационализации в важнейших странах Европы, т.-е. в Германии и Франции, при чем наиболее классическим примером я считаю германские отношения. Но я должен сказать, что напрасно идеологи и сторонники германской буржуазии, и в первую очередь социал-демократы, слишком розово смотрят на положение вещей. Для действительной оценки подобных взглядов можно остано-

виться хотя бы на германских репарациях и американских кредитах. Ведь Германия выезжала в известной степени до сих пор именно на американских кредитах. Если вы сравните платежи по репарациям, которые вносит и должна вносить в будущем Германия, с теми кредитами, которые Германия получала от своих американских кредиторов, то вы увидите, что американские кредиты превышали собою репарационные платежи. Так как в течение ближайшего будущего сумма репарационных платежей будет постоянно возрастать (по соответствующим расчетам она сконструирована таким образом, что за 1924/25 г. нужно уплатить миллиард марок, за 1925/26 г.—1 220 000 000, за 1926/27 г.—1½ миллиарда, за 1927/28 г.—1 750 000 000, за 1928/29 г.—2½ миллиарда), то Америка вряд ли может итти в предоставлении кредитов в такой же степени и дальше, и поэтому здесь «ножницы» между американскими кредитами и репарационными платежами будут раздвигаться, и тогда план Дауэса войдет в новую стадию своего развития: он особенно больно ударит по германскому хозяйству. Характерно, что такой крупный английский экономист, как Кейнс, говорит, что фактически вся сумма репарационных платежей до сих пор покрывалась иностранными кредитами, и в первую очередь кредитами Соединенных Штатов. С другой стороны, так как эти американские кредиты подвергаются известной опасности потому, что у Германии рынков нет, репарационные платежи она должна платить и т. д., то среди американских кредиторов начинается известная тревога за судьбу своих капитальных вложений и за перспективу дальнейшего кредитования германской промышленности. Ньюйоркский журнал «New York Journal of Commerce» от 24—25 мая 1926 года, например, пишет следующее по этому вопросу: «Пришло время покончить с этим фарсом, потому что то, что в действительности происходит, есть именно фарс». Конечно, это не всеобщее настроение американских кредиторов, но это есть известный симптом, предчувствие тех трудностей, перед которыми неизбежно встанет германское хозяйство, несмотря на успехи, имевшиеся за последнее время.

Для всех должно быть ясно, что кроме этих трудностей, связанных с репарационными платежами, германскому капитализму предстоит столкнуться с целым рядом других трудностей и противоречий, порождаемых специфическими условиями капиталистической стабилизации. Сюда относятся в первую очередь: колоссальные трудности расширения рынков, борьба между отраслями производства в вопросе о ценах, рост безработицы, обострение конкурентной борьбы с другими странами и т. д.

II. Основные проблемы современного международного положения.

Я, товарищи, сейчас должен перейти к следующему разделу своего доклада. Мне кажется, что из предыдущего анализа вытекает постановка пяти главных проблем, пяти главных задач, решить которые надлежит в первую очередь.

Первый вопрос, это — вопрос о путях китайской революции. Он играет существеннейшую роль и в связи с капиталистической стабилизацией. Когда я говорил о различных типах развития в разных странах, я в числе прочих типов стран говорил и о Китае. Удельный вес китайских событий поистине колоссален. Само собой понятно, что вопрос о путях развития китайской революции должен играть и играет колоссальнейшую роль.

Второй вопрос, который подлежит нашей оценке и рассмотрению, это — вопрос о том, вступает ли капитализм в некую новую фазу, следующую за империалистическим развитием. Как известно, именно таково утверждение социал-демократов, опирающихся на признание стабилизации, на рост интернациональных картелей, на такие факты, как Лига наций и т. д. Вот мы этот вопрос точно так же должны решить — действительно ли мы вступаем в некоторую новую фазу развития капиталистических отношений, которую уже давным-давно предрекал Карл Каутский и которую он называл ультра-империализмом? Это есть второй вопрос, принципиальный, большой вопрос, потому что в зависимости от решения этого вопроса решается и целый ряд очередных вопросов политической тактики.

Третий принципиальный вопрос, подлежащий нашему решению, есть вопрос об оценке германского империализма.

В рядах германской партии дискуссируется сейчас этот вопрос: существует или не существует германский империализм?

Этот вопрос имеет громадное значение, потому что в зависимости от него решается вопрос о позиции коммунистической партии,—должна ли она рассматривать Германию как национальное порабощенное государство, которое коммунистическая партия может защищать, или теперешнее германское государство является империалистическим образованием, и если да, то в какой мере.

Четвертым вопросом, точно так же глубоко принципиальным, является вопрос о нашем отношении, как коммунистов, к процессу хозяйственной рационализации. Этот вопрос, конечно, не так прост, как кажется с первого взгляда, ибо в понятие рационализации входят такие вещи, как улучшение техники, введение

новых машин, одним словом, целый ряд вещей, которые идут по линии технического и экономического прогресса.

И наконец, пятый вопрос, это — вопрос об отношении к советской власти, об отношении к Советскому Союзу.

Этот вопрос я считаю необходимым поставить, потому что в связи с известным наскоком оппозиционных группировок дается иная оценка роли, значения и классовой характеристики Союза, и тем самым проповедуется не то отношение к Советскому Союзу, которое было характерно для всех решительно без исключения коммунистов в предыдущий период развития.

Этими пятью вопросами исчерпываются, в первую очередь, главные, принципиальные проблемы, которые стоят сейчас перед Коммунистическим Интернационалом и перед каждой секцией Коммунистического Интернационала.

Предпосылки и задачи китайской революции.

Я, товарищи, прежде всего хочу сказать несколько слов относительно Китая и китайской революции и прошу вашего извинения за то, что я в последний раз в сегодняшнем докладе вынужден буду прибегать к цитированию некоторых цифр. Но все же я думаю, что это небольшое преступление вызвано объективною необходимостью. Прежде всего я должен сказать, что самый факт китайской революции и победоносное продвижение теперь соединенных революционных войск есть фактор мирового значения, и притом огромного мирового значения. Все мы отлично помним, как тов. Ленин в последних своих статьях предрекал нам вовлечение широчайших масс восточных народов, и в первую очередь Китая, в общий революционный поток. Уже давно принципиальные отношения к такого рода возможностям ставились на обсуждение и нашей партии и Коммунистического Интернационала. И я только в порядке самой общей постановки этого вопроса напомню, что еще на II конгрессе Коммунистического Интернационала т. Ленин указывал на возможность совершенно оригинального пути в общем развитии этих стран. Я только напомню то, что т. Ленин между прочим, рассуждая о вопросе колониальных революций и о революциях в полуколониальных странах, выдвинул одно чрезвычайно важное положение, которое когда-нибудь придется нам рассматривать и с точки зрения практической политики,—положение о том, что при определенных исторических условиях целый ряд стран может пройти ускоренным темпом капиталистическую фазу развития. Само собой разумеется, что это самая общая и очень отдаленная перспектива. Но мне

кажется, что нужно ее иметь в виду. Только в такой форме, в форме отдаленной перспективы, ставлю я сейчас этот вопрос.

Должен сказать, что мы сравнительно мало ориентированы по отношению ко всему Востоку и колониальному движению, в том числе и по отношению к такому огромному движению, как теперешняя национальная революция в Китае. Эта революция является гигантским ударом по стабилизации мирового капитализма в целом, ибо она имеет всемирное историческое значение, в особенности благодаря своему географическому соседству с такой страной, в которой существует диктатура пролетариата.

Если для разных стран Западной Европы у нас хорошо известны основы и экономики и политики, настолько хорошо известны, что мы знаем персональный состав руководителей буржуазных кругов, социал-демократии и руководителей коммунистических партий, то мы должны открыто сказать, что в неизмеримо меньшей степени мы знакомы даже с самыми основами и экономической и политической структуры восточных стран. Между тем без этого знания чрезвычайно трудно намечать какую бы то ни было правильную политику.

Я прежде всего хотел бы сказать парочку слов относительно экономической структуры Китая. Данные здесь чрезвычайно трудно уловимы, но все же они показывают за последнее время рост и явное развитие капиталистических отношений в этой стране, хотя это капиталистическое развитие зашло не очень далеко с точки зрения оценки общего положения страны. У меня есть скудные данные, доставленные товарищами, специально занимавшимися китайским вопросом.

Если вы, например, возьмете крупную индустрию, то вы увидите, как с 1918 по 1923 г. медленно идет нарастание этой крупной индустрии. Берите такую индустрию, как текстильная, и берите число веретен: 1 478 тысяч в 1918 г., 1 749 тысяч в 1921 г., 1 802 тысячи в 1923 г. При этом нужно заметить, что по национальностям владельцы этой крупной индустрии распределяются таким образом: в 1924 г. китайских текстильных фабрик было 61%, японских 34%, британских 5% и т. д.

Если возьмете добычу каменного угля, то она точно так же растет, хотя и не особенно быстро. В 1918 г. было 18 милл. тонн добычи, в 1923 году — чтобы избегнуть промежуточных цифр — 22,6 милл. тонн, при чем по национальностям эти предприятия распределяются так (я здесь беру цифры не по числу шахт, а по числу вложенного капитала): 50 милл. долларов — китайцы, 22 милл. долларов — англичане, 27 милл. долларов — японцы и 250 тысяч долларов — немцы. Значит, между китай-

цами и не-китайцами количество вложенных капиталов делится почти пополам.

Если возьмете вопрос относительно социальной силы рабочего класса и прежде всего спросите, какова величина индустриального пролетариата, то надо сказать, что здесь цифры до крайности растяжимы и чрезвычайно трудно привести точные данные. Но примерно считают, что индустриального пролетариата (без сельскохозяйственных рабочих) около 5 миллионов человек.

Гораздо интереснее вопрос об аграрной структуре Китая. Вы понимаете, что в такой стране, как Китай, и в такой революции, как китайская, крестьянство должно силою вещей играть огромную роль, и крестьянский вопрос должен как-нибудь быть тесно связан с аграрным вопросом, т.-е. с вопросом о земле. Как именно он связан, какие именно здесь соотношения,— все это до чрезвычайности трудно установить. Я, товарищи, могу предложить вашему вниманию только одну сводную таблицу, чтобы не цитировать по отдельным провинциям, потому что боюсь, что вы тогда пошлете меня в Китай для лучшего изучения соответствующих цифр. (Смех.) Я могу предложить вашему вниманию такую таблицу. Парцеллярные хозяйства, насчитывающие от 1 до 20 му (му, это — мера, которая примерно равняется одной шестнадцатой нашей десятины), составляют 49,5% всех семейств, т.-е. всех хозяйств, и владеют только 15% всей земли. Значит, половина семейств-хозяйств суть карликовые, малюсенькие хозяйства, и целая половина крестьянского населения владеет только 15 — 16% годной для обработки земли. Половина имеет 16%. То, что считается у них мелким,— от 20 до 40 му — насчитывает 23% семейств и 22% земли. От 40 до 75 му имеет 15% семейств. Эта группа имеет 25% земли. А к крупным — 75 и выше му — относится 11% семейств, которые владеют 35,9%, т.-е. 36% всей земли. Вот вам степень дифференциации крестьян.

Я для дополнения картины должен вам сказать, что хотя в общем на круг Китай является страной мелкого земледелия, но есть известная доля земли, которая находится в руках более крупных собственников. Это—то, что можно назвать помещичьим земледелием в настоящем смысле этого слова. Есть крупные землевладения остатков прежней феодально-помещичьей чиновнической бюрократии, современных генералов, которые точно так же имеют довольно значительное количество земли. Считается, что существует примерно около 200 помещичьих владений, включающих в себя более чем 10 тысяч му каждое; считается, что есть около 30 тысяч помещичьих владений, которые владеют земельной

собственностью свыше 1 000 му каждое. Вы должны, товарищи, понять, что если мы говорим о таких мелких единицах измерения земли, как му, то, с другой стороны, нельзя это сравнивать по экономическому значению с нашей десятиной. Нельзя сравнивать потому, что там хозяйство чрезвычайно интенсивно, и благодаря этому меньшее количество земли имеет больший экономический вес. Еще со времени экономистов времен Великой французской революции китайское земледелие считается за самую интенсивную форму земледелия. При этом, товарищи, должен вам сказать, что в некоторых провинциях есть исключительно крупные помещичьи категории; нужно подчеркнуть, что как раз в области, в которой расположен Кантон, в Гуаньдуне, крупные землевладения развиты больше, чем в других провинциях Китая. 85% всей земли по долинам рек Северной, Западной, Восточной и Хань принадлежит крупным землевладельцам. В провинции Хенань 1/3 всего уезда Чанте принадлежит семейству Юан-Ши-Кая. Я не буду говорить еще о целом ряде таких крупных помещичьих семей, но скажу только, что есть категории, у которых одной челяди, прислуги, которая обслуживает данную помещичью фамилию, насчитывается до тысячи и свыше людей. Есть еще земля, которая принадлежит храмам и которая по своим размерам далеко превосходит даже средний размер кулацкого хозяйства.

Так что, как вы видите, крестьянский вопрос здесь неизбежно сплетается с аграрным вопросом. Поэтому никак нельзя ставить вопрос так: вопрос о земле в Китае совершенно не стоит, этот вопрос совершенно снят с очереди в китайской революции, потому что Китай есть такая страна, где есть только одно мелкое землевладение.

Второй вопрос, который связан с широчайшими слоями китайского населения, это есть вопрос о налогах, о тех именно, которые в первую очередь падают на широкие массы трудящихся, т.-е. на крестьянство и на ремесленников. Здесь я должен вам сказать, что Китай представляет собой такую страну, которая действительно побила все решительно рекорды в смысле налоговых обложений. Конечно, там налоги бывают различные, в зависимости от провинции и пр., но все же там насчитывается 18 видов налогов, падающих на крестьян.

Вместе с тем, характерным является еще то обстоятельство, что по черепам населения различных провинций и различных категорий крестьянства проходит поток войн между милитаристами, и некоторые генералы в некоторых провинциях ухитрились собрать налог чуть ли не за десятки лет вперед. (Голос: «Ого!»; смех.) Даже революционные правительства тоже за несколько лет за-

брали налог, конечно, в гораздо меньшем, чем милитаристы, количестве. Некоторые американские писатели считают, что в результате последних кризисов—и политических, и экономических, и всяких других—сельское хозяйство разорено на очень значительный процент, примерно на 40%. Проверить это представляется делом совершенно невозможным, но одно ясно и не подлежит сомнению: в силу малоземелья крестьянства, в силу неслыханного налогового обложения, в силу исключительного гнета со стороны иностранцев, которые имеют в своих руках порты, имеют в своих руках таможни, имеют в своих руках наиболее важные налоги,— в силу всего этого идет громаднейший чудовищный процесс обнищания, пауперизации крестьянства. Он настолько чудовищен, что существует прямо миллионная армия деклассированных людей, которая бродит по всей стране, организует разные так называемые бандитские шайки. В одном Пекине исключительно огромное количество этого рода деклассированного элемента, который поставлен, несмотря на крайне низкое развитие своих потребностей, перед угрозой полного вымирания. Поэтому они нанимаются к любому милитаристу, составляют его войска, переходят от одного правительства к другому, не чувствуя никакой социальной скрепы. Этот процесс—симптом известного разложения всей экономики страны, выражающий собой громадное обнищание китайского крестьянства.

Теперь, товарищи, в чем состоят основные трудности при этом положении вещей, основные трудности и проблемы китайской революции на данной стадии ее развития? Эти трудности состоят вот в чем: с одной стороны, совершенно ясно, что китайскому народу, Гоминдану, Китайской компартии нужно сейчас главный удар, центральный удар сосредоточивать на борьбе с иностранными милитаристами. Это—центральная задача,—борьба за самостоятельное существование Китая, за его национальное освобождение. Для решения этой задачи необходимо держать единый национально-революционный фронт. Этот фронт сейчас состоит не только из крестьян, не только из рабочих, не только из ремесленников, не только из демократической и радикальной интеллигенции, но и из торгово-промышленной буржуазии, из купцов и промышленников, не всех, конечно, но тех из них, которые не связаны непосредственно с иностранным капиталом и не могут быть зачисленными в компрадоры, как их называют, т.-е. в посредники между иностранным капиталом и Китаем. Но та торгово-промышленная буржуазия, которая играет сейчас объективно революционную роль и блок с которой на данной стадии развития революционного движения необходим для того, чтобы максималь-

ное количество сил направить против иностранных империалистов,—эта буржуазия связана через правительство с теми полудворянскими и кулацкими элементами, которые сидят в деревне.

Должен вам сказать, что в Китае страшно еще развита система субаренды, при которой какое-нибудь крупное акционерное общество арендует землю, чтоб потом эту землю опять сдать в аренду; новые арендаторы опять сдают землю в аренду, и так идет цепочка. Троньте ее, начните шатать эту земельную собственность,—и у вас сейчас же побежит отсюда волна к торгово-промышленным кругам. Характерно отметить, что в провинции Гуандунь, этой основной базе кантонского правительства, значительное количество земли находится в руках крупных земельных собственников, связанных с торгово-промышленной буржуазией, которая поддерживает кантонское правительство. Троньте вы их,—и начнется колебание. В этом сейчас состоит одна из крупнейших трудностей всей китайской революции. Само соотношение сил внутри Гоминдана таково, что в Гоминдане есть три крыла: правое, центр и левое. Правое крыло Гоминдана как раз выражает собой классовые интересы этой самой буржуазии, даже в ее наиболее правых ориентировках. А с другой стороны, развитие революции неизбежно натыкается на потребность втягивания крестьянства. Нельзя править сейчас против крестьянства и нельзя организовать силы революции, не подводя крестьянского базиса под эту революцию,—нельзя этого делать.

В этом и состоит основная трудность теперешнего положения вещей в Китае, в этом состоит и основная проблема китайской революции, как она мне представляется теперь. Ситуация сейчас такова, что Китайской компартии необходимо решительнее приступить к борьбе за проведение аграрной реформы. Несмотря на то, что центральной задачей остается задача изгнания иностранных империалистов, несмотря на огромную важность сохранения единого национально-революционного фронта, все же нужно приступить к проведению аграрных реформ и организации крестьянства; выведения на сцену вот этого огромного крестьянского резерва требуют насущные интересы китайской революции, которая только начинает входить в фазу более глубокой дифференциации современной классовой борьбы. Само собой разумеется, что это будет связано с некоторыми неприятными вещами в смысле дальнейшего колебания правой части Гоминдана. Само собой разумеется, что эта постановка вопроса может быть связана с опасностями известной «левизны»,—против чего нужно бороться,—т.-е. с тенденциями преждевременно перескочить на другого конька и преждевременно разорвать общенациональный блок.

Против этого нужно бороться. Тут положение чрезвычайно сложное, и сформулировать его можно таким образом: стоя на почве борьбы единым национально-революционным фронтом против иностранного империализма, необходимо в то же самое время проводить аграрную реформу, подводя таким образом широкий крестьянский базис под китайскую революцию.

Нетрудно сообразить, какова дальнейшая перспектива, вытекающая из такого сочетания сил. Подробно о ней я говорить не буду. Скажу лишь, что в случае дальнейшего победоносного продвижения кантонских войск и объединения национально-революционного Китая не явится утопией утверждение, что победоносная китайская революция немедленно же получит огромнейший отзвук в целом ряде близлежащих колониальных стран— Индии, Индонезии, Голландской Индии, в которых и сейчас происходит в течение нескольких месяцев настоящая гражданская война. Все это создает из Китая огромнейший центр притяжения для колониальной периферии, и поэтому никак нельзя недооценивать этого колоссального движения, одного из самых могучих, которое только знает всемирная история, движения, которое наносит чрезвычайно крупный удар капиталистической стабилизации в ее целом.

Вот, товарищи, что я хотел в основе сказать относительно китайской революции. Я намеревался поднять целый ряд других проблем, но это совершенно невозможно сделать по времени.

О возрождающемся германском империализме.

Перехожу ко второму вопросу, принципиальному и большому, о котором я упоминал. Этот вопрос касается совершенно другой стороны и совершенно другого пункта земного шара. Это вопрос о германском империализме.

В коммунистической партии Германии, как я уже сказал, по этому поводу велась и ведется отчасти до сих пор известная дискуссия. Нужно прежде всего понять подоснову этой дискуссии: почему этот вопрос встал, и какое практическое значение, какой смысл он имеет? Я, товарищи, для того чтобы этот смысл демонстрировать, напомню вам времена, непосредственно предшествовавшие рурской оккупации, и события, которые за этим последовали. Как тогда ставили вопрос коммунистические партии? Как тогда ставил вопрос Коммунистический Интернационал?

Ленин еще в начале империалистской войны считал возможной такую перспективу, когда в случае победы какой-нибудь из коалиций в Европе станет возможной национальная война против

победоносной империалистской коалиции: если какое-нибудь из крупных, ранее жизнеспособных империалистских государств будет на-голову разбито. Когда Германия была разбита, была порабощена, когда она перешла на положение полуколонии, когда она в этом своем качестве оказывала известное сопротивление победоносному антантовскому империализму, тогда даже высшие органы советской власти в своих манифестах, декларациях и пр. высказывали ей свое открытое сочувствие; тогда постановка вопроса в Германской коммунистической партии была такова, что не исключалась возможность защиты германского отечества против победоносного антантовского империализма, потому что сама Германия перешла на положение полуколонии антантовского капитала. Ее общественная роль из империалистской превратилась в другую,— в роль известной силы, которая служит объективным препятствием для капитализма,—и силы, до известной степени прямо направленной против империалистского, антантовского господства. В то же самое время это была полоса максимального заигрывания со стороны германской буржуазии с социально чуждым по структуре государством, сумевшим на одной шестой земного шара завоевать власть и построить республику Советов.

С тех пор прошло много времени. С тех пор произошла огромная экономическая консолидация германского капитализма, о чем я рассказывал раньше. Германский капитализм стал уже ставить вопросы,—хотя он их еще не решил и долго еще не будет в состоянии решить,—о колониях, об их возврате; постепенно он начинает нащупывать почву и для экспорта капиталов. За этим появятся и другие разговоры, касающиеся так называемых Machtmittel, т.-е. орудий силы. Эти разговоры неизбежно вытекают из империалистической структуры германского капитализма и находятся в прямой связи с его возросшей экономической мощью и экономической консолидацией. Вот на этой почве возникает вопрос о германском империализме. Его практический смысл заключается в том, что коммунистическая партия Германии ставит вопрос о том, можно ли позицию, которую германские коммунисты занимали по отношению к германскому отечеству в 1923 г., считать правильной для теперешнего времени. На это большинство отвечает, что нельзя. Положение вещей сейчас совершенно иное. Общественно-мировая роль Германии сейчас иная. Германия сейчас не может вести национальной войны против империалистских государств. Поэтому та постановка вопроса, которая была вполне правомерна для 1923 г., историей снята, и в этом есть практический смысл, и это в то же время практический ответ на вопрос о так называемом германском империализме.

Против теории ультра-империализма.

Следующий вопрос касается ультра-империализма. Я об этом, товарищи, скажу только пару слов. Сейчас, исходя из развития национальных картелей, исходя из того, что образуются международные синдикаты, исходя из того, что намечаются такие движения, как пан-европейское движение и пр.,—трубадуры социал-демократических партий видят во всем этом подтверждение своих старых теорий относительно того, что в конце концов весь капитализм вступает в принципиально новую фазу развития, когда не будет больше войн, потому что все будут в Лиге наций, а в Европе будет всеобщее умиротворение. В качестве экономического базиса этой фазы указывают на рост международных картелей, или, как пишет один из цитированных мной буржуазных экономистов, рост планового хозяйства в капиталистической форме.

Товарищи, эта теория как была неверна, так и сейчас остается неверной. И даже тот самый стальной синдикат, о котором я упоминал, не есть вечное объединение. Перед мировой бойней были международные картели, которые распались. Сейчас организовали стальной трест, но в нем неизбежна борьба каждой страны за долю в общем производстве треста. Любое серьезное изменение в соотношении сил поставит существование треста под знак вопроса. Ни одно из коренных противоречий мировой политики и также европейской политики отнюдь не исчезло. Пан-европейское движение в целом, даже если бы оно реализовалось, вылилось бы в блок против американцев, против американских банкиров. В то же самое время англо-французские противоречия не переставали бы существовать, так что все, что мы говорили относительно этих противоречий, и чего я не буду повторять, все это остается абсолютно в силе. И только люди, которые занимаются тем, что сознательно обманывают и германский пролетариат, и французский пролетариат, и европейский пролетариат, и пролетариат вообще (а этим занимаются сейчас социал-демократы), могут полагать, что мы вступили действительно в новую, принципиально отличную, фазу ультра-империалистской структуры мирового хозяйства.

Рационализация и рабочий класс.

Я, товарищи, теперь перехожу очень коротко к вопросу о нашем отношении к рационализации. Вся социал-демократия сейчас поддерживает всеми силами капиталистическую рационализацию.

При этом она иногда аргументирует примерно так же, как это делаем мы, когда проводим рационализацию у нас: если в конце концов удастся поднять производство, то удастся и рабочим уделить из большей продукции, поэтому рабочие должны потерпеть, им же будет лучше; технические же улучшения нужно вводить, это—самая прогрессивная вещь, нужно увеличивать рост производительных сил страны, иначе нельзя. Особенно увлекающиеся из них выдвигают и предложение жесткой концентрации, точно так же, как т. Троцкий в свое время выдвигал жесткую концентрацию для нашей промышленности, предлагая закрыть Путиловский завод (о чем мы великодушно не упоминали даже во время дискуссии, когда об этом можно было бы вспомнить, раз он обещал всякие блага рабочему классу). Социал-демократия целиком, без всяких исключений, всей своей силой поддерживает капиталистическую рационализацию. Должны ли мы поддерживать ее? Здесь ответ для нас не подлежит никакому сомнению. Мы не помощники капиталистической стабилизации, мы не орудие для того, чтобы помогать капитализму вылезать из его пикового положения, мы не инструмент для развития производительных сил капиталистического общества. Поэтому наша позиция по отношению к рационализации совершенно не та, она диаметрально противоположна позиции социал-демократии.

Когда мы формулируем наш лозунг, наш пароль, то мне кажется, мы должны это сделать таким образом: разоблачение действительного содержания капиталистической стабилизации, борьба с теми последствиями рационализации, которые ложатся на плечи рабочего класса. Мы не можем сказать, что мы против введения новых машин или новых изобретений. Так вопрос поставить мы не можем. Мы не можем поставить вопрос и таким образом, что мы принципиально против введения лучшей системы организации труда и пр. Но так как все это проводится в капиталистической форме, и иначе в современной Европе и не может проводиться, то мы против каждого вредного действия любого из этих мероприятий и против суммы этих вредных действий по отношению к рабочему классу должны мобилизовать все его силы. И это есть центр теперешней нашей борьбы. Так, мне кажется, должен решиться вопрос о нашем отношении к капиталистической рационализации.

Мне, товарищи, нечего распространяться по вопросу об отношении к рационализации в Советском Союзе, потому что мы здесь стоим и должны стоять на той точке зрения, на которой стояли и раньше, и можем спокойно предоставить различным оппозиционным критикам подпевать социал-демократическому хору.

Теперь я должен переходить к постановкам других вопросов из которых вытекают и различные политические задачи.

Теперешний кризис есть кризис перепроизводства на почве истощения покупательной силы; отсюда появляется погоня за рынками; из погони за рынками появляется стремление сократить издержки производства, так называемая рационализация; отсюда— атака на рабочий класс. Одно связано с другим. Экономика тут определяет и экономическую политику и вообще всю политику.

Если мы возьмем рабочий класс и спросим себя: как же эти процессы рационализации отражаются на рабочем классе?—то мы должны сказать, что они получают свое отражение прежде всего в громадных перегруппировках внутри самого рабочего класса. Капиталистический кризис, принявший теперь особую форму ползучего кризиса, сам вызывает колоссальные перегруппировки в мировом пролетариате. Например, английский рабочий класс был мировой пролетарской аристократией, а сейчас дело коренным образом изменилось; германский рабочий класс тоже был одной из составных частей мировой аристократии рабочего класса, а теперь это — дело давно минувших дней. Все это знаменует огромнейшую перегруппировку в составе рабочего класса. Это есть один из козырей развития мирового революционного движения. Таким образом рационализационный процесс прежде всего изменяет группировки внутри международного пролетариата и его составных национальных частей.

Громадное упрощение производства уничтожает в значительной мере деление на рабочую аристократию и на необученные категории труда, оно нивелирует рабочий класс и тем самым сплачивает его. Я отнюдь не иду так далеко, как некоторые товарищи, которые считают, что тем самым снимается совершенно проблема рабочей аристократии, потому что рационализация производства в свою очередь выдвигает некоторые группировки новой рабочей аристократии. Например, при фордизации производства появляются особые типы надсмотрщиков, счетчиков и т. д., появляются некоторые новые типы рабочих, которые по своей технической квалификации близко стоят к инженерному составу. Но удельный, числовой вес этих группировок становится гораздо меньше. Так что в общем происходит такой процесс, когда рабочие нивелируются и тем самым сплачиваются.

Разбирая далее вопрос о влиянии рационализации на положение рабочего класса, следует остановиться еще на одном существенном моменте — на вопросе о капиталистической политике цен.

Для курьеза, товарищи, должен вам сказать, что, когда я читал и рассматривал по этим вопросам иностранную экономическую литературу, мне показалось чрезвычайно любопытным то обстоятельство, что среди буржуазии есть направления, аналогичные тем, какие имеются внутри нашей ВКП. Они примерно ведут такие же дискуссии (правда, в буржуазных формулировках), как между нами и оппозицией, потому что и перед буржуазией стоит вопрос, как рационализировать и повысить производительность своего предприятия, как это сделать. И тут совершенно ясно различимы два направления. Одни говорят: необходимо вести политику высоких цен, используя капиталистические монополии, т.-е. проповедуют, примерно, повышение отпускных цен. (К о с и о р: „На линии Пятакова стоят.“ См е х.) Другие (к числу таких людей принадлежат такие люди, как Гувер) стоят на линии нашего ЦК. (См е х.) Они говорят такие вещи: наша задача сейчас заключается в том, чтобы на единицу продукта получать меньшую прибыль, выигрывая на массе продукта, продаваемого по более дешевой цене, и компенсировать все это быстротой оборота капиталов, т.-е. они протестуют против монополистического загнивания, как я, скажем, полемизировал против т. Преображенского, и стоят за то, чтобы выигрывать на быстроте оборота.

Но должен сказать, что здесь наши оппозиционные товарищи оказываются более отсталыми, чем некоторые представители либеральной буржуазии. Само собой разумеется, тут есть лишь некоторая общность в постановке вопросов, поскольку мы отвлекаемся от классовой характеристики. При этом, если, к нашему удовольствию, у нас побеждает линия на более дешевые цены и на более прогрессивное развитие, то у буржуазии побеждают сторонники т. Пятакова, потому что фактически ведется политика высоких монопольных цен, фактически ведется политика более замедленных оборотов. И все хорошие фразы буржуазии относительно быстроты оборота, понижения цен и пр. нигде не реализованы, даже в Америке, хотя американские экономисты напускают величайший туман и говорят, что зарплата в Америке растет, цены все время падают и идет всеобщее благоденствие. Так, например, по мнению одного из крупных экономистов, Карвера, в Америке вообще капитализм исчезает потому, что каждый рабочий сам становится капиталистом. Но все это—болтология сторонников „американского ЦК“, а в действительности они ведут оппозиционную политику, в действительности у них не происходит того изменения, которое они проповедуют, а происходит нечто совершенно противоположное.

III. Сдвиги в рабочем классе и задачи Коминтерна.

Полевение рабочего класса и его формы.

Отсюда, товарищи, вытекает, что тот процесс рационализации, который сейчас обусловливается всем положением капитализма, неминуемо должен сопровождаться нажимом на рабочий класс в той или другой форме: будь то в форме необычайного повышения интенсивности труда при падающей зарплате, или в форме увеличенного рабочего дня, или в форме эксплоатации рабочего-потребителя путем высоких монопольных цен. Рационализация становится поэтому сама исходной точкой на новой основе совершающегося революционизирования рабочего класса, обострения классовой борьбы. Вот почему даже в тех странах, где капиталистическая стабилизация празднует свои относительные триумфы (сюда я причислил в первую очередь Германию, которой предстоят колоссальные трудности, на которых Германия и может сломать себе шею), даже на основе этого стабилизационного процесса, поскольку он имеет место, и поскольку идет вперед процесс обострения классовых противоположностей, происходит революционизирование рабочего класса. Но, товарищи, этим же самым объясняется и специфическая форма этого революционизирования.

Характерная вещь: в большинстве стран рабочий класс не приходит непосредственно в коммунистические партии и даже в большинстве стран не поднимает острой и активной массовой борьбы. На данной стадии развития мы имеем очень своеобразные формы этого полевения, которых раньше мы не знали.

Мы имеем, с одной стороны, рост, и очень большой, профсоюзных оппозиций. Внутри профсоюзов растут левые оппозиции— движение меньшинства.

Далее мы видим, как внутри социал-демократических партий растут левые течения против вождей и даже против левых вождей. Маневрирующие под давлением масс левые социал-демократические вожди должны иногда итти и на такой шаг, как партийный раскол. Например, в Германии: в Саксонии левые социал-демократы получили большинство и выставили из партии правых социал-демократов, которые стоят в непосредственной близости к Центральному Комитету (форштанду) германской социал-демократии. Эти левые вожди – невероятные политические шарлатаны, но масса на них напирает; это и представляет собой выражение всеобщего процесса полевения. Это вторая форма. Третьей формой является рост всевозможных рабочих радикальных обществ,

иногда имеющих совершенно специфический характер. Примером может служить Союз красных фронтовиков в Германии, который пользуется колоссальнейшей популярностью, в который входит огромнейший процент беспартийных рабочих и известная, небольшая правда, часть рабочих социал-демократов. Мы имеем рост всяческих обществ, рабочих конференций и рабочих комитетов. Такая форма, например, развивается за последнее время и в Италии, где люди собираются на общие конференции, обсуждают различные вопросы и т. д. Это движение захватывает даже католических рабочих. Например, вопрос о поездке в Советскую Россию со стороны рабочих-католиков был решен вопреки прямому постановлению Ватикана (несмотря на то, что папа считается совершенно безгрешным и совершенно святым с точки зрения католических убеждений). Такой формой являются различные движения левых и внутри таких партий, как партия центра в Германии, католическая организация в Италии и т. д. Поскольку они охватывают рабочих, и в этих партиях начинается брожение, и в них начинаются соответствующие сдвиги.

Теперь о рабочих делегациях в СССР.

Должен, товарищи, сказать, что мы теперь уже позабыли, какое значение имеет приезд к нам многочисленных делегаций. Мы уже привыкли к этим делегациям. Первые делегации мы встречали с помпой, потом все меньше и меньше было торжественности, так как у нас масса дела на руках и мы не можем каждый день одинаково торжественно встречать все новые и новые делегации. Это с нашей точки зрения. Что если на это посмотреть с точки зрения западно-европейского рабочего? Ведь эти делегации не просто парочка туристов, которые приехали, посмотрели и уехали. Они в большинстве случаев выбираются огромными рабочими собраниями. В большинстве случаев они получают наказы от своих избирателей. Вот, например, какой наказ дали рабочие предприятия Боша в Германии, насчитывающего 12 тысяч человек, своим делегатам. В этом наказе мы читаем: „Рабочие заводов Боша в количестве 12 тысяч человек через своего делегата Карла Рюле, члена фабзавкома, шлют свой братский привет русским пролетариям в надежде, что сознательный русский народ будет и дальше итти по тому пути, на который он вступил,—в пример всему пролетариату“ и т. д. Отчеты этих делегаций, когда они приезжают к себе, имеют огромное значение. А число делегаций достигает многих десятков.

Таковы обстоятельства, выражающие процесс всеобщего полевения рабочего класса, являющиеся ответом на капиталистическую стабилизацию. Важно видеть при этом и то, что в зависимости от раз-

ных условий в разных странах мы имеем различные формы классовой борьбы, несмотря на то, что у них есть много сходного. Английская стачка, которая играет колоссальнейшую роль, которая наносит капиталистической стабилизации колоссальнейший удар, которая сейчас заставляет хозяйство Англии буквально истекать кровью, которая перевернула ряд экономических соотношений в Европе,— эта стачка есть одна из оборонительных битв, которые имеют тенденции переходить и переходят в наступательные битвы.

Другой формой такого более или менее массового движения является, например, всенародное голосование по поводу князей в Германии, которое было начато по инициативе Германской компартии и в общем и целом было проведено блестяще и дало большие политические результаты.

Также симптомом перехода к новым формам является недавно происшедшая стачка в Гамбурге, которая хотя кончилась поражением, но примечательна тем, что это была „дикая" стачка, начатая против профсоюзов. В ней на-ряду с коммунистами участвовали и социал-демократы против социал-демократического правления профсоюзов.

Вот, товарищи, как обстоит дело с перегруппировками внутри рабочего класса. Роль рабочей аристократии уменьшается, классовая борьба обостряется, появляются специальные формы полевения пролетариата. Все это создает огромные пролетарские резервы для коммунистических партий.

Между прочим, немецкие ультра-левые пустили в оборот невероятно глупую идею, что руководящие круги нашей партии желают ликвидировать Коминтерн и коммунистические партии, из которых, как известно, состоит Коминтерн, и желают их заменить бесформенными организациями масс.

Но, разумеется, так ставить вопрос могут только люди, у которых здравый смысл стал ультра-левым и которые не понимают, что из всей обстановки вытекает мобилизация масс, служащая средством для превращения коммунистических партий в массовые партии рабочего класса.

Товарищи, заканчивая, я должен сказать, чем же международная обстановка в основном определяется и каковы главные задачи, которые, как мне кажется, стоят сейчас перед Коммунистическим Интернационалом и перед всеми компартиями.

Совершенно ясно, что если сейчас обострение классовой борьбы происходит на базе попыток капиталистической стабилизации, то сугубо важное значение приобретают вопросы экономического характера, которые превращаются и переходят немедленно в вопросы политического характера.

Компартии и профсоюзы.

Понятно поэтому, какую роль сейчас играют в этих битвах и должны играть такие организации, как профессиональные союзы, и каковы задачи коммунистов в них. Совершенно естественно, что проблема соединения частичных требований с нашими общими требованиями, с курсом на диктатуру пролетариата сейчас приобретает исключительно острое и исключительно определяющее значение. При этом, так как это происходит в специфической мировой обстановке, давшей нам опыт английской стачки и огромную передвижку внутри английского пролетариата, наша международная политика должна здесь перейти в следующий высший класс.

Некоторое время тому назад крупнейшее значение в нашей международной политике имел англо-русский комитет, одним из крупнейших наших маневров было выдвижение на первый план в борьбе за единство профдвижения русских профсоюзов, которые действовали вместе с представителями английского рабочего движения. Сейчас мы перешли в следующий класс. Если раньше нельзя было действовать так усиленно Профинтерну, и русские профсоюзы имели больше авторитета по отношению к не созревшим еще слоям английского пролетариата, то сейчас произошел огромный сдвиг. На последнем конгрессе тред-юнионов значительное меньшинство голосовало с л е в а даже против Кука.

Передвижка внутри английского рабочего класса произошла громадная, и поэтому коммунистам нужно стать на ступеньку выше в дальнейшем продвижении нашей революционной борьбы и на профессиональном фронте.

Что это должно обозначать конкретно? Конкретно, по-моему, это может выразиться в таких лозунгах: прежде всего необходима более тесная связь и более активная роль ВЦСПС в самом Профинтерне и более активная роль самого Профинтерна. Профинтерн, как интернациональная организация профессиональных союзов, автономная, поскольку это зависит от коммунистов, должен сейчас держать курс на более активную работу. Наши профессиональные союзы должны сейчас теснее сомкнуться с Профинтерном и держать курс на то, чтобы играть в Профинтерне примерно такую же роль, как ВКП играет в Коминтерне. Это, конечно, ни в коей мере не должно означать, что мы должны выходить из реакционных профсоюзов, раскалывать их и т. д. Это означает лишь более энергичную работу, сплочение революционных сил в профсоюзах, их международное централизованное руководство.

Коммунисты должны сейчас перейти в высший класс, мы должны перейти на более высокую ступеньку, ибо этого требует дальнейший ход развития всей революционной борьбы.

Ультра-левые и ультра-правые в Коминтерне.

Я, товарищи, должен, сокращая свой доклад, перейти к последней его части. Прежде всего я хотел сказать, что на почве изменившейся обстановки, на почве попыток капиталистической мировой стабилизации и некоторых ее успехов в некоторых странах, на этой почве создался целый ряд явлений внутри коммунистических партий, которые нашли свое выражение в резкой формулировке идеологий крайних правых и ультра-левых, при чем крайние правые в значительной мере поют то же самое, что и ультралевые, точно так же, как и в нашей партии. Переломный момент, который связан не столько со стабилизацией международного капитализма, сколько со стабилизацией социализма в нашей стране, вызвал также известные колебания и в ВКП, что нашло свое выражение в оппозиционном блоке, объединившем и «правых» и «левых».

Неуменье приспособиться к новым условиям выразилось в известном банкротстве части партийного руководства. И это банкротство части партийного руководства наблюдается в целом ряде партий, и в частности в нашей партии (хотя на другой классовой основе развития нашей страны). Оно и привело к некоторым критическим явлениям, которые оказались вовсе не столь большими и не столь страшными, как это думали «зачинатели» этого движения.

Должен вам сказать, что в некоторых странах и ультра-левые и ультра-правые группировки получили особое выражение потому, что буржуазия повернула в сторону *от* Советских Республик, стала переорганизовываться на западную линию, и этот антимосковский, антисоветский, антироссийский и, как вы там его ни называйте, поворот буржуазии получил свое соответствующее отражение в рядах неустойчивых, тяготеющих к мелкой буржуазии слоев коммунистических партий.

Я не могу останавливаться очень долго на этом вопросе, но все-таки хотел бы привести парочку весьма пикантных примерчиков из писаний ультра-правых и ультра-левых. Ультра-правые представлены исключенными из Французской компартии, ультралевые—исключенными из Германской компартии, а отчасти и сидящими в Германской компартии. Что пишет ультра-левый, исключенный из партии в Германии, Корш? Для него, как и для Каца,

«Сталин—крестьянский король». (С м е х.) Русская революция—буржуазная революция, и она теперь переживает даже такой фазис, когда она из радикально-буржуазной превращается просто в буржуазную. Предприятия наши не социалистического типа и не последовательно-социалистического типа, а просто-напросто чисто капиталистические. Вся наша страна—вовсе не страна пролетарской диктатуры, а просто страна нового подымающегося капитализма, вроде американского. Защищать ее, хотя бы во время войны против Советского Союза, нельзя. Это чепуха. Защищать ее, это означало бы опозориться так же, как опозорилась германская социал-демократия в 1914 г.

В этом же духе пишет и Шварц, близкий к этому Коршу. Правда, они недавно разругались друг с другом из-за пишущей машинки. (С м е х.) Они выпустили циркуляр, в котором обвиняют друг друга в краже ротатора и пишущей машинки. Разница между ними та, что Корш—профессор университета, а Шварц—профессор гимназии, поэтому конкуренция между ними очень острая. Шварц заявляет, что нужно ставить вопрос о вооруженном восстании против советской власти. Вот вам крайнее выражение этой ультра-левой, обвиняющей нас в том, что мы изменили ленинизму, в том, что мы изменили марксизму; она выставила сейчас лозунг: «назад к Циммервальду, к циммервальдской левой», и она является идейным вдохновителем всего оппозиционного германского блока.

А вот ультра-правый Суварин, один из ближайших друзей некоторых наших оппозиционных лидеров, тоже исключенный из Французской коммунистической партии. Я, товарищи, сегодня получил последний номер его органа «La Révolution prolétarienne». В этом органе мы читаем: «Оппозиционный блок защищает материальные и моральные интересы пролетариата, нераздельно связанные с рабочей демократией, т.-е. с будущим революции; господствующая фракция представляет более или менее сознательно интересы, выкристаллизовавшиеся в ходе переворота, т.-е. интересы обогащающегося или находящегося на пути обогащения крестьянства, новой буржуазии, мелкой и крупной».

Вот что, значит, по словам этого органа, мы представляем собой и что представляет собой наша революция.

Изобразив нас так, он переходит к вопросу о том, что мы хотим сделать дальше, и как он оценивает эти наши стремления: «Всемогущая фракция, кажется, хочет»—чего бы вы думали?—«провоцировать гражданскую войну». Так прямо и написано, что мы хотим вызвать гражданскую войну. В чем будет состоять гражданская война и между кем она будет происходить? «Подавляя непримиримо всякого рода революционные действия, угро-

жая самыми крайними мероприятиями защитникам интересов пролетариата, она вынуждает оппозицию к мерам сверхнормальным, служащим поводом к новым репрессиям. Отказ от предоставления легального выхода накопленному недовольству может только дать событиям опасное направление».

Я не буду дальше цитировать. Смысл всей философии заключается в следующем: мы (т.-е. Центральный Комитет)—кулаки, воинственные кулаки, которые провоцируют гражданскую войну, мы есть своего рода российские Кавеньяки, которые держат курс на гражданскую войну и на вооруженный разгром защитников интересов пролетариата. Вот общая установка. А вообще говоря, кто дает всему этому пищу? Нужно, товарищи, понять, что вся эта премудрая позиция есть углубление тех благоглупостей, которые некоторые «защитники» пролетарских интересов в нашей стране выдвигают, правда не с очень большим успехом, в течение последних месяцев нашей партийной жизни.

Если мы возьмем другой вопрос, касающийся не наших внутренних дел, а оценки внешней конъюнктуры, то и тут имеется то же самое. Тов. Зиновьев как-то обмолвился, что капиталистической стабилизации нет, она исчезла. Все помнят, что об этом шел разговор на одном из последних пленумов ЦК. Корш подхватил эту формулировку и говорит, что стабилизации вообще нет и даже не было, что она выдумана «ликвидаторами Коминтерна» и поэтому об этом и разговаривать нечего. Нас иногда критикуют за неправильную, якобы оппортунистическую, внешнюю политику. Сейчас ультра-левые поднимают эту «духовную пищу» и прямо заявляют, хотя бы устами Корша: вы сейчас не что иное, как сторонники Гинденбурга. Вот что пишет Корш по этому поводу: «Недавно заключенный германско-русский договор означает осуществление связи между германским империализмом марксо-гинденбургской чеканки и СССР». Вся общая концепция состоит в том, что по линии внешней политики у нас блок с империалистическими разбойниками и сращивание с ними; по линии внутренней политики у нас не что иное, как кулацкое правительство, которое смыкается с нэпманами; по линии государственной власти мы целиком и давным-давно переродились; по линии нашей партии у нас кулацкая партия, по линии Коминтерна у нас уничтожение Коминтерна с жалкими попытками замены коммунистических партий требухой в виде бесформенных рабочих организаций, по своей сути организаций мелкобуржуазных. Вот полная картина, размалеванная «ультра-левыми».

Должен вам сказать, что все эти оппозиционные настроения имеют различные оттенки. Я взял наиболее крайние.

Идущая непосредственно за ними группа Рут Фишер, Урбанса, Маслова не так резко ставит эти вопросы, но она подбирается к такой же постановке. К ней почти примыкает группа Вебера. Все эти группировки—в этом не может быть никакого сомнения—живут, во-первых, исключительно почти багажом наших оппозиционных идей, углубляя и доводя их до логического конца, доводя их зачастую до абсурда. Кроме того, они пользовались некоторыми организационными и тактическими приемами и опытом нашей оппозиции, получали директивы, материалы, указания и т. д. и т. д. Совершенно естественно, товарищи, что после того как в нашей партии мы, как мне кажется, в общем и целом на довольно значительное количество времени покончили с оппозицией, и она должна была войти в легальные рамки партийной конституции, перед Коминтерном и отдельными его секциями, в первую очередь перед германской секцией, встает также задача ликвидации того небольшевистского состояния, когда в партии есть легализованные фракции, когда они делают, что угодно, когда исключенные из партии открыто являются вождями фракции, существующей внутри партии, и т. д. и т. д. Большевизация партий предполагает и теоретическое и практическое уничтожение теории и практики свободы фракций и группировок. Поэтому, мне кажется, совершенно правильно сделал Центральный Комитет коммунистической партии Германии, когда он поставил ряд условий своей собственной оппозиции и когда он выступил с угрозой известных репрессий по отношению к вождям соответствующих оппозиционных группировок, не подчиняющимся общепартийным решениям. За последнее время в Германской партии была проведена широкая дискуссия. Вопросы обсуждались «направо и налево». Русский вопрос трепался всюду и везде. Он был центральным вопросом во всех партиях за последнее время, и в первую очередь в Германской. Оппозиция издавала свои собственные печатные произведения, издавала документы, которые у нас нелегально распространялись. Все это ходило по Германской партии, издавалось легально соответствующими оппозиционерами. Партия проделала огромную работу по разъяснению спорных вопросов, хотя, может быть, качественно не особенно квалифицированную. Теперь нужно сделать шаг по пути большевизации. Спорьте, но фракций не смейте создавать. Спорьте, но после принятых решений подчиняйтесь! Я думаю, что после того как дело здесь в значительной степени уладилось, относительно легко будет решен этот вопрос и для Германской партии, и у нас получится консолидация коммунистических партий на новой, более высокой основе.

Работа отдельных компартий и руководство Коминтерна.

Само собой разумеется, что этой внутрипартийной «музыкой» никак не исчерпываются специальные задачи, которые стоят перед теми и другими коммунистическими партиями. В любой стране эти задачи стоят по-разному. В Германии, например, удалось достигнуть громадных успехов в области влияния коммунистической партии на политическую жизнь. Но все товарищи единогласно утверждают, что широчайшие массы рабочих, даже социал-демократических, доверяют коммунистической партии в области политики, но не доверяют ей руководство экономической борьбой. Не верят, что коммунистическая партия может хорошо вести экономическую борьбу. Считают, что социал-демократические оппортунисты лучше сумеют рассчитывать, маневрировать и т. д. До сих пор еще существуют такие настроения. Поэтому проблема руководства, проблема выставления частичных требований, работы профсоюзов, проблема использования роста политического влияния нашей партии—выступают на первый план. В Англии Коминтерн поставлен перед задачей исправления целого ряда правых ошибок партии, которые за последнее время были. В других секциях Коминтерна стоят другие проблемы, но сейчас я, товарищи, об этом уже не могу говорить. Одну только центральную проблему я сейчас затрону, проблему, которая выдвигается для всего Коминтерна в целом. Последний съезд нашей партии дал директиву делегации нашей партии в Коминтерне способствовать всемерно оживлению работы Коминтерна, бо́льшему привлечению к настоящему руководству иностранных товарищей, усилению коллективного руководства и т. д. Этот план, который был намечен XIV съездом нашей партии, получил всеобщее одобрение всех решительно секций Коминтерна. Этот план начал проводиться. Он начал проводиться с разных концов. Теперь фактически действительно иностранные товарищи больше принимают участие в непосредственном руководстве Коминтерном и его Исполнительным Комитетом, но здесь еще далеко не все сделано в смысле организационного закрепления. На этой основе настоящего твердого руководства еще нет. И если в области повышения теоретического уровня есть известные достижения, что между прочим выразилось в том, что сейчас издается еженедельно и в России и в Германии центральный орган Коминтерна,—если по этой линии кое-что сделано и мы продвинулись сравнительно далеко вперед, то очень мало сделано в области налаживания на этой новой основе

твердого организационного руководства. Это является одной из главных задач в организационной области, и эту задачу должен будет решать и решит очередной пленум Коминтерна.

Три линии нарастания революционных сил.

Я, товарищи, подхожу к концу, и конец мой будет таков: две огромных бреши сейчас имеются в пресловутой капиталистической стабилизации. Одна брешь—Англия, другая брешь—Китай. Одна выражает собой кривую падения старого, настоящего, классического капиталистического мира, это—Англия. Другая выражает эту же брешь с другого конца, ибо она связана с величайшим подъемом колониальных народов. Это—два пункта, в которых разыгрываются два огромных, мировой важности, события. Английская стачка горняков и национальная революция в Китае, это есть, мне кажется, главные точки приложения сил компартий.

Революция марширует сейчас по трем главным направлениям: строящийся социализм в Советском Союзе, английское рабочее движение и китайская революция. И мне кажется, что по всем этим трем линиям у нас нет никаких оснований быть хотя бы в какой-либо мере пессимистами. Советский Союз наш шагает вперед, несмотря на все лжепророчества. Можно предрекать еще двадцать раз, сто раз и тысячу раз нашу гибель, а мы будем все время итти вперед.

Можно смущаться временными неудачами и временными поражениями китайской революции. Но там пущена такая огромная четырехсотмиллионная машина, что если сломается один винтик, другой винтик, если временно застопорится движение какой-либо ее части—эта машина неизбежно будет двигаться дальше. И точно так же не может остановиться в своем революционном развитии английский рабочий класс, ибо основной базис благополучия и сотрудничества классов между английской буржуазией и английским рабочим классом выпал, его нет. Английский капитализм, больше чем какой бы то ни было другой капитализм, стоит перед непосредственной угрозой своего собственного падения. И поэтому пути развития дальнейшего революционизирования английского рабочего класса не подлежат в общем и целом никакому сомнению. Он будет все более и более итти вперед к революции, к идее пролетарской диктатуры. В тщетных усилиях стремятся сейчас насадить в Англии различные общие организации рабочих и предпринимателей, воображая, что американские методы околпачивания рабочих можно сейчас перенести на Англию. Если в Америке они являются только полууспешными для бур-

жуазии, то там есть, по крайней мере, довольно значительная экономическая база для этого. В Англии этой базы нет, и поэтому все эти шарлатанские затеи обречены на полный крах.

Тремя колоннами движется сейчас международная революция. Она движется на Востоке в марше многих сотен миллионов китайского народа. Она движется на крайнем Западе мерной поступью английских углекопов, и она движется в Советском Союзе—в нашем растущем наступлении на капиталистические элементы нашего хозяйства. Эти три силы будут все более и более решающими, и им суждена окончательная победа. (Шумные, продолжительные аплодисменты.)

Председательствующий. Для оглашения приветствия XV партконференции от Германской компартии слово имеет тов. Раскольников.

Раскольников. Я, товарищи, прочитаю перевод письма германской коммунистической партии, адресованного XV партийной конференции ВКП(б).

Германская коммунистическая партия.

XV партконференции ВКП(б).

Дорогие товарищи!

Общность борьбы, которую пришлось за последние месяцы вести против разрушительной фракционной работы ультра-левой оппозиции как в ВКП(б), так и в КПГ, побуждает нас обратить ваше внимание на последствия политики оппозиционного блока, возглавляемого тт. Зиновьевым и Троцким, как для внутрипартийной жизни, так и для революционной работы нашей партии, и просить вас учесть наше сообщение при вынесении вами решений.

После открытого письма Исполкома Коминтерна к нашей партии, в результате которого было отстранено ультра-левое руководство, в нашей партии начался процесс внутренней консолидации и усиления работы в пролетарских массах. VI расширенный пленум Коминтерна единогласно одобрил и санкционировал политику нашей партии, резко осудив оппозицию. Ультра-левая оппозиция не могла противопоставить нашей тактике ничего такого, что подняло бы престиж ее в партии. Постепенное наступление нового подъема германского рабочего движения, установление все более и более тесной связи с широкими массами, связи, почти утерянной в период руководства Рут Фишер—Маслова—Шолема, дало нам возможность восстановить революционный престиж КПГ в глазах германского пролетариата.

Выступление русской оппозиции на XIV съезде ВКП(б), так же как фракционная связь беспринципного блока товарищей Зиновьева, Троцкого с оппозицией в КПГ чрезвычайно затрудняли революционную работу нашей партии, так как эти товарищи позволяли германским ультра-левым использовать их авторитетные имена и авторитет занимаемых ими в ВКП(б) и Коммунистическом Интернационале постов для вербовки в нашей партии сторонников их разрушительной фракционной работы. Тов. Зиновьев молчаливо позволял ссылаться на него всей германской оппозиции, в том числе и ренегатам Коршу и Шварцу, Рут Фишер и Маслову, исключенным за измену партии из ее рядов, а также их оставшимся в партии агентам Урбансу и Шолему. Тов. Зиновьев в течение целого ряда месяцев молчаливо допускал, чтобы ренегат Корш, обосновывающий свою борьбу с СССР тем, «что русская революция не есть революция пролетарская», и призывающий ко второй революции в России, к вооруженному восстанию против диктатуры пролетариата, опирался на аргументацию русской оппозиции. Лидеры русской оппозиции не обмолвились ни единым словом, когда Рут Фишер и Маслов, развернувшие гнусную антибольшевистскую травлю СССР, ссылались на авторитет председателя Коммунистического Интернационала. (Голос с места: «Нет его здесь».)

Расчеты вождей русской оппозиции оказались ошибочными. После исчерпывающей, в течение нескольких месяцев охватившей все партячейки дискуссии по экономическим и политическим проблемам пролетарской диктатуры в СССР, мы можем констатировать, что оппозиция тт. Зиновьева и Троцкого добилась в КПГ прямо противоположного тому, чего ей хотелось: подавляющее большинство партии решительно стало на сторону ленинской политики, конкретным выражением которой на нынешнем этапе пролетарской революции служат решения XIV партсъезда и пленума ЦК и ЦКК ВКП(б).

Германские союзники оппозиционного блока, возглавляемого Зиновьевым и Троцким, строили дискуссию в русском вопросе на хищническом использовании трудностей социалистического строительства в СССР. Одновременно с возвращением из СССР второй рабочей делегации, воодушевленно ратовавшей на митингах за союз германского пролетариата с русским, за социалистическое строительство в СССР, германские союзники троцкистского блока занимались бесстыдной травлей СССР внутри партии и за ее пределами. (Возглас с места: «Позор!».) На публичных массовых собраниях, где побывавшие в России социал-демократы восторженно докладывали о диктатуре пролетариата, гер-

манские ультра-левые объединились с КРПГ (анархистской, явно антибольшевистской группой), стремясь изобразить отчеты побывавших в России делегатов социал-демократов, как ложь и надувательство. Ультра-левая оппозиция сознательно и планомерно старалась расстроить и затормозить процесс нарастания революционного сочувствия широких рабочих масс к СССР. Так сказалось влияние троцкистского блока в германском рабочем движении.

Но не только это: ультра-левая оппозиция проявила себя не только разрушителем единства и спайки мировой коммунистической партии: она предавала классовые интересы пролетариата. Каждому рабочему известно, что германская буржуазия после своего вступления в Лигу наций открыто примкнула к фронту империалистической интервенции против СССР. Об этом свидетельствует не только Женева, но и недавние лондонские переговоры заправил германской химической промышленности (германской военной промышленности в грядущем). Наша партия призывала германский пролетариат воспрепятствовать осуществлению планов английского и германского империализма. Она обращала внимание лидеров оппозиции на необходимость учесть создавшуюся новую обстановку. Что же отвечали сторонники русской оппозиции в Германии? Они усилили антибольшевистскую кампанию против руководства ВКП(б); на всех партийных собраниях они стали трубить, что вывод тов. Зиновьева из Политбюро ВКП(б) есть подарок Чемберлену в целях установления лучших отношений. Путем самой злостной критики они убийственно принижали грандиозную помощь, оказываемую пролетариатом СССР английским горнякам. На всех партийных собраниях распространялась сказка о «национальной ограниченности» ВКП(б). Подавляющее большинство германского пролетариата исполнено искренних симпатий к русскому пролетариату и чувствует себя неразрывно связанным с ним братским союзом. Ультра-левая оппозиция, имевшая возможность ссылаться на то, что она руководится тт. Зиновьевым и Троцким, делала все от нее зависящее, чтобы прервать и остановить этот процесс. Это равносильно измене классовым интересам как русского, так и германского пролетариата.

Мы не можем не обратить внимания XV партконференции ВКП(б) на то обстоятельство, что лидер германских ультра-левых Урбанс имел возможность выступить 21 октября 1926 года на собрании берлинского актива партии с декларацией, в которой подробно изложил точку зрения русской оппозиции, ссылаясь на данные, исходящие, по его заявлению, от русской оппозиции и характеризующие ЦК ВКП(б), как «представителей беспринципной мелкобуржуазной линии, уклоняющейся от пролетарской классовой

линии». Урбанс имел также возможность приводить цитаты из письма тт. Зиновьева, Каменева, Пятакова, Троцкого и Сокольникова от 5 октября к Политбюро ЦК ВКП(б). Мы не располагаем сведениями о том, когда получены эти документы германской оппозицией, но мы считаем подобного рода фракционную работу несовместимой с основными принципами мировой коммунистической партии. В течение целого ряда лет германская партия в своей пропагандистской работе объясняла германским коммунистам троцкизм, как своеобразную разновидность меньшевизма, как систему политики, противостоящей ленинизму. Значительную часть этих положений мы почерпнули из произведений т. Зиновьева, так как произведения Ленина доступны нам лишь в незначительной части. Мы должны констатировать, что ничто не уронило русскую оппозицию в глазах германских коммунистов так сильно, как ее союз с троцкизмом.

Мы с радостью и удовлетворением приветствуем победу ленинизма в ВКП(б) над беспринципным троцкистским блоком. Мы просим XV партконференцию ВКП(б) вынести такие решения, которые послужили бы прочной гарантией обеспечения единства ВКП(б) и Коминтерна, помогли бы укрепить поставленный под угрозу наступлением т. Зиновьева авторитет Исполкома Коминтерна и дали бы всем секциям Коминтерна возможность сплоченно и единодушно обратиться к великим задачам борьбы в целях ниспровержения буржуазии и установления диктатуры пролетариата.

Да здравствует ленинское единство Коминтерна и его передового отряда ВКП(б)!

Да здравствует победа ленинизма!

Берлин, 23 октября 1926 года.

ЦК КПГ.

(Подписи) Тельман и Браун.

(Бурные аплодисменты.)

(Возглас: «Да здравствует германская компартия!»)

Председательствующий. Товарищи, есть предложение завтра заседание начать не в 10 часов, а в 11. Возражений нет? Принято. Объявляю заседание закрытым.

Заседание второе.

(27 октября 1926 г., дневное.)

Рыков (председательствующий). Слово имеет т. Мануильский.

Мануильский. Товарищи, мне кажется, что доклад т. Бухарина в общем и целом не может встретить никаких возражений. Но мне представляется, что есть большой дефект в структуре доклада т. Бухарина. Тов. Бухарин прежде всего поставил проблемы частичной стабилизации, попытавшись в связи с этим наметить новые основные явления мировой экономики, как трестификация, рационализация и т. д. Затем т. Бухарин непосредственно перешел, после этой общей вводной части своего экономического анализа, к характеристике тех сдвигов, которые сейчас происходят в мировом рабочем движении. Вот основной план т. Бухарина. Я понимаю, что т. Бухарин был чрезвычайно утомлен, но мне кажется, что есть еще одна часть, которая должна была бы фигурировать в этом чрезвычайно ценном и многостороннем докладе: это—часть, касающаяся тех перегруппировок, которые происходят сейчас на международной арене в отношениях между великими державами. Это сейчас одна из основных проблем, ибо на почве изменения в экономической структуре мирового капитализма происходят не только перегруппировки внутри мирового рабочего класса, но происходят также перегруппировки в отношениях мировых держав. Так, например, перестройка германского капитализма в связи с экономическим подъемом Германии находит свое политическое выражение во вступлении Германии в Лигу наций. А это предопределяет и линию новых международных перегруппировок. Мы знаем за последнее время, что внутри Лиги наций развиваются чрезвычайно острые противоречия. Лига наций, которая была создана, по мысли инициаторов этого учреждения, как огромная компания по эксплоатации аграрных и колониальных стран и должна была обеспечить

некоторое единство в деле осуществления этой задачи, все больше и больше демонстрирует в последнее время те противоречия, которые возникают внутри ее и раздирают ее. Каковы общие тенденции этих перегруппировок?

Если Германия до недавнего времени играла роль колониального объекта эксплоатации, то за последнее время, в связи с теми изменениями, которые рассматривал т. Бухарин, в связи с вопросом о германском империализме, удельный вес германской экономики в общей системе мирового капиталистического хозяйства повышается, и в связи с этим подымается, хотя, правда пока слабо, и ртутный столбик ее агрессивной политики. Германский империализм сам еще—продукт противоречивых европейских капиталистических условий. Германский империализм имеет известный экономический базис для проведения империалистической политики, т.-е., иначе говоря, он обнаруживает основные черты всякого империализма: во-первых, огромную концентрацию капитала, во-вторых, сращение банковского и промышленного капитала. Но все же пока в экономической природе германского империализма отсутствует еще такой фактор, как вывоз капитала. Правда, в последнее время германский капитал стремится в Южную Америку и делает попытки проникновения в Китай. И этот факт придает «куцый» характер германскому империализму.

С другой стороны, отсутствуют политические элементы германского империализма—армия, колонии и т. д. А это противоречие между экономическим базисом германского империализма и его политическими возможностями влияет на противоречивый характер германской политики (восточная и западная ориентации ее). Поэтому мы можем говорить пока о чрезвычайно крупных тенденциях развития германского империализма.

О том, что Германия уже окончательно стала на империалистский путь, я бы пока сказал без особой категоричности. Но тот факт, что Германия стремится вступить на путь империалистской политики на основе ее экономического подъема, в значительной степени предопределяет новые группировки. Брак лотарингской руды с рурским углем является основой того политического сближения, которое наблюдается в последнее время между Францией и Германией. А это сближение может означать совершенно новую европейскую констелляцию сейчас на континенте. Прежде всего мы наблюдаем (и т. Бухарин этого вопроса как раз не затронул), что на этой экономической основе вырастает германо-французское сближение. Каковы перспективы этого германо-французского сближения? Мне

кажется, что здесь есть две возможности. Возможно, что мы сейчас стоим перед перспективой роста этого сближения и дальнейшего углубления противоречий между Англией и Францией. Франция и Германия, сколотившие международный стальной концерн с Бельгией и Люксембургом, сделали это вопреки Великобритании. Таким образом мы стоим перед возможностью некоторого континентального блока против Великобритании.

Что говорит именно за такую возможность развития европейской политики сейчас? За это говорит прежде всего организация этого стального треста. Мы знаем, какие бешеные усилия Великобритания употребляла для того, чтобы не допустить образование этого треста. Бельгии даже были обещаны большие кредиты. Во-вторых, за это говорит и традиция Великобритании играть роль «судьи» в противоречиях на континенте. Но возможен и другой исход. Возможно, что в ближайшее время борьба между этим континентальным стальным трестом, с одной стороны, и Великобританией—с другой, приведет к соглашению. Но, повторяю, не исключена другая возможность, что на основе стального соглашения, на почве втягивания в него других стран, экономически подорванных (как Чехо-Словакия, Польша, Австрия), мы будем иметь континентальный блок против Великобритании. Какая из этих перспектив победит, сейчас очень трудно сказать; я, пожалуй, склоняюсь к первой перспективе—обострения борьбы с Великобританией.

Что знаменует такая континентальная борьба против Великобритании? Она знаменует дальнейшее углубление противоречий, подготовляет опасность новых войн. Тов. Бухарин на этом вопросе о возможности новых войн не останавливался. А это нужно было сделать, так как сейчас у нас чрезвычайно мало дебатируется этот вопрос. В нашей печати мы занимаемся очень много нашими внутренними вопросами, занимаемся вопросами мирового рабочего движения. Но реальная опасность войны отодвинута в нашем сознании. Она кажется нам как будто музыкой отдаленного будущего. А между тем, товарищи, мы должны теперь ясно ставить эту грозную проблему перед сознанием европейского пролетариата. Мы должны внимательнейшим образом изучать узловые пункты европейских и мировых противоречий, отдавать себе отчет, по каким линиям будет развиваться вооруженный конфликт. Где эти мировые узловые пункты, у порога которых военные конфликты подготовляются?

Я считаю, что сейчас на путях мировой политики есть два больших пункта, чреватых в будущем войной. Это, во-первых, Тихий океан, а во-вторых—Средиземное море. Я не говорю о том,

что мировой конфликт может разразиться среди капиталистических государств непременно на этих путях. Очень возможно, что так же, как мировая война 1914 года разразилась по частичному поводу, вокруг конфликта между Австрией и Сербией, новая мировая война будет иметь отправным пунктом европейскую или балканскую территорию. Но не может быть никакой мировой войны, чтобы вопрос о борьбе за гегемонию между Америкой и Великобританией не явился решающим водоразделом вооруженного мирового конфликта.

Две силы будут стоять в будущей мировой войне лицом друг к другу. Это, с одной стороны, сильно развитый американский империализм и с другой стороны—падающий великобританский империализм. Мы можем заранее предвидеть, что от такого мирового конфликта Великобритания потерпит ту же участь, что и Германия. Но при каких условиях эта англо-американская борьба за гегемонию не была бы решающим фактором будущей мировой войны? Только при одном условии, если бы процесс распада Великобритании пошел быстрее, чем назревание этого конфликта, если бы европейская или английская революция изменила радикальным образом нынешние отношения. Но что этот конфликт не выдумка, за это говорит борьба между Соединенными Штатами Северной Америки и Великобританией в Южной Америке, в Мексике, экономическая борьба за источники нефти, каучука, меди и т. д. В этой войне Тихий океан будет ее ареной.

Вторым пунктом, где может развернуться большой военный конфликт, является Средиземное море. Уже марокканская война Франции обострила противоречия здесь. Это уже была скрытая война между Францией и Италией. Риффы были лишь объектом этих противоречивых интересов. В связи с вопросом о Марокко идет борьба за Танжер. А вопрос о Танжере, это—вопрос о гегемонии на Средиземном море. Франция мечтает о Средиземьи, как «внутреннем французском озере», Италия и Испания—как о море латинском. Великобритания же на деле держит ключ к Средиземному морскому пути, Гибралтар—Суэц. Новая черта, характерная для борьбы вокруг Средиземья, это—появление молодого агрессивного итальянского империализма. Италия после поражения в 1896 году в Абиссинии была государством, выведенным из сферы борьбы за колониальные владения. В борьбе за Триполи итальянский империализм сделал первый шаг экспансии в северной Африке. В настоящее время молодой итальянский империализм является уже одним из факторов агрессивной политики. И это—то новое, что наблюдается сейчас на этом участке мирового фронта капиталистических противоречий. Итальянский им-

периализм ищет сближения с великобританским. Он делит с ним сферы влияния в Абиссинии, он имеет его поддержку в борьбе за Танжер. Вы знаете о том свидании, которое состоялось с Чемберленом, вы знаете о той антифранцузской кампании, которая ведется в настоящее время в Италии. Латинские «сестры» вновь стоят перед тем же положением, какое было в их отношениях в конце 90-х годов прошлого века. А это все говорит о дальнейшем обострении противоречий среди великих держав. И появление Италии на Средиземном море, борьба в северной Африке за Тунис, который имеет первостепенное значение для Италии, как область, куда она может экспортировать излишек своего населения,—все это—события империалистической борьбы нынешнего дня.

В Европе мы присутствуем сейчас перед намечающимися двумя группировками—франко-германской и англо-итальянской. Я хотел бы предостеречь некоторых товарищей, склонных видеть в этой констелляции сил нечто уже откристаллизовавшееся. Что значат эти двойственные соглашения? Быть может, экономически распыленная Европа от былых тройственных союзов накануне 1914 года возвращается к системе двойственных союзов, определяемых экономическим распадом Европы?

Я хотел бы предостеречь товарищей от такого поспешного заключения. Международная обстановка еще не ясна: мы имеем пока лишь очертания новых группировок. Есть тенденция к такому «черному переделу» Европы, но получат ли эти группировки окончательное оформление, об этом, мне кажется, еще преждевременно говорить. Одно все же несомненно. Это—то, что происходящее сейчас в Европе углубляет конфликт. Несомненно, что, например, хотя бы по танжерскому вопросу Италия выступит в борьбе за Танжер не изолированно, а при активной поддержке Великобритании. А это отнюдь не ослабляет противоречий, а углубляет их.

Танжер представляет военную базу, конкурирующую с Гибралтаром. Гибралтар, это—устаревшая скалистая крепость. Танжер, это—его растущий конкурент. Установка, например, дальнобойных орудий в Танжере обеспечивает для государства, которое будет владеть Танжером, господство над всем Гибралтарским проходом.

В этой обстановке скрывается вся внутренняя фальшь современного пацифизма, которым в настоящее время и буржуазия и социал-демократы пытаются одурачить рабочих. Задача Коммунистического Интернационала, и в частности задача нашей партии, заключается в том, чтобы сейчас развить бешеную аги-

тацию против пацифистских иллюзий. Я вижу в этом одну из основных задач того пленума ИККИ, который соберется 20 ноября.

Мы должны проанализировать, что собой представляет нынешний пацифизм. Нынешний пацифизм в значительной мере отличается от довоенного пацифизма. Довоенный пацифизм был идеологией рантье, заинтересованного в стрижке купонов. А спокойная стрижка купонов предполагала устойчивое экономическое положение, без кризисов и войн. Эта идеология нашла свое выражение до войны 1914 г. в книге Анжеля Нормана «Великая иллюзия», где этот автор доказывал за несколько месяцев до мировой войны невозможность ее. Ныне социальная база этого пацифизма меняется.

Что мы видим сейчас? Рантье в итоге инфляции исчез в Германии, он исчезает и во Франции, он возрождается в Америке. Поэтому и пацифизм приобретает некоторую основу прежде всего среди этих американских рантье. Но этого недостаточно. Кокетничает сейчас с пацифизмом и финансовый капитал Америки, заинтересованный в политике «открытых дверей» в Европе и в колониях. И так как социал-демократия идет всегда за более сильным капитализмом, то она представляет второй элемент этого пацифистского течения. Крупный финансовый капитал Америки заинтересован в том, чтобы Европа не представляла собой вулкана, а представляла собой спокойную арену для приложения капиталов и эксплоатации Европы, и этот крупный капитал в настоящее время пытается выступить под пацифистской маркой. Необходимо поэтому проанализировать социально-классовую основу этого пацифизма. Нужно поставить и осветить в прессе вопрос о войне. В этом я вижу сейчас одну из задач Коммунистического Интернационала. Перед войной 1914 года хотя и очень много писали о войне, но она все же застала врасплох II Интернационал. Мы должны сейчас ясно видеть те опасности, которые стоят на пути мирового и европейского рабочего движения. И об этих опасностях надо говорить вслух, нужно подготовить и мобилизовать настороженность европейского пролетариата к тому, что происходит на дорогах мирового империализма.

И это тем более необходимо, что наш Советский Союз не гарантирован от сумасшедших попыток нападения издыхающего капиталистического мира. Об этом также т. Бухарин ничего не сказал. А здесь мы также должны были бы бдительно следить за узловыми пунктами военных опасностей. Эти пункты лежат в двух направлениях: во-первых, на путях нашей революции к европейскому пролетариату (Польша, Румыния) и, во-вторых, на путях Октябрьской революции к пробуждающимся народам Вос-

тока (Средняя Азия, Китай). Наша оппозиция достаточно поработала над тем, чтобы подготовить идейную демобилизацию европейского рабочего класса в случае нападения капиталистического мира на СССР. Но мы, Коминтерн, должны теперь на основе опыта борьбы европейского пролетариата против интервенции (1918—1919 гг.) предусмотреть ряд мероприятий, могущих парализовать авантюру того или другого ставленника английского империализма. И этот вопрос также должен быть поставлен в центре внимания мирового коммунистического движения.

Председательствующий. Слово имеет т. Пеппер.

Пеппер (говорит на немецком языке).

Председательствующий. Слово для перевода имеет т. Шацкин.

Шацкин. Тов. Пеппер останавливается в начале своей речи на необходимости анализа отличия последней ультра-левой волны в Коминтерне от тех левых течений, которые прежде наблюдались в истории Коминтерна. Он насчитывает в истории Коминтерна четыре волны левого течения.

Первая волна в 1919—1920 гг. характеризовалась целым рядом анархо-синдикалистских настроений в романских странах, образованием так называемой Коммунистической рабочей партии в Германии, антипарламентскими настроениями в Англии и течениями в той же Англии против вхождения коммунистов в Рабочую партию. Именно к этому периоду, вернее к его концу, относилось появление книги т. Ленина «О детской болезни «левизны» в коммунизме».

Вторая волна левых настроений охватывает начало 1921 г., когда была выдвинута так называемая теория революционного наступления, теория, которая была создана в связи с мартовским восстанием в Германии в 1921 г., потерпевшим, как известно, поражение. Эта вторая волна нашла свой конец на III конгрессе Коминтерна.

Третья волна левых выступлений связана с сопротивлением против тактики единого фронта. Она кончилась на V конгрессе Коминтерна.

Четвертая волна наблюдается в последние годы в виде ультра-левых выступлений в Польше, представленных Домским, в виде выступлений Бордиги в Италии, в виде настроений против создания «лэбер-парти» в Норвегии и в виде оппозиции в рядах ВКП и ультра-левой в Германии.

Для того чтобы понять эту новую ультра-левую волну, необходимо проследить ее отличия от старых левых течений. Нельзя, конечно, все левые течения оценивать одинаково. Есть между ними существенная разница.

Первое отличие новой волны от старой заключается в объективной обстановке, в которой наблюдаются эти настроения. До 1921 г. был период непосредственно-революционной ситуации в Европе. Сегодня мы имеем период частичной и шатающейся, но все же стабилизации капитализма. Отсюда разница в идеологии старого и нового левого течения. Корни идеологии старых левых заключались в непосредственно-революционной ситуации, а именно в том, что эта непосредственно-революционная ситуация развивалась в разных странах неравномерно. Корни ошибок сегодняшних ультра-левых заключаются в частичной стабилизации важнейших стран.

Второе отличие вытекает из первого. Старые левые проявляли настроение революционного нетерпения. Именно в этом обвинял их т. Ленин,—в том, что они стремятся преждевременно вести изолированный авангард рабочего класса в бой и тем самым преждевременно подставить его под удар буржуазии. Сегодняшние ультра-левые отличаются обратным качеством: они имеют нереволюционное, пораженческое настроение. И это их главный признак. До 1921 г. левые были слишком оптимистичны, сегодняшние ультра-левые потеряли веру в силы революции, они не поспевают итти в ногу с Коммунистическим Интернационалом и рабочим классом.

Третье отличие касается перспектив развития революционного движения. Старые левые не поняли окончания непосредственно-революционной ситуации. Сейчас, наоборот, ультра-левые не говорят о том, что существует непосредственно-революционная ситуация, но они дают, главным образом в лице Маслова, перспективу почти вечной стабилизации, во всяком случае очень длительную перспективу застоя на десятки лет.

Четвертое отличие заключается в различном отношении старых левых и сегодняшних ультра-левых к Советскому Союзу. Старые левые относились с симпатией к Советскому Союзу, они объясняли, например, мартовское восстание 1921 г. в Германии необходимостью срочной помощи Советскому Союзу. Это восстание произошло непосредственно перед объявлением нэпа, когда положение Советской России было наиболее трудным, когда наиболее низко пало производство, когда положение рабочего класса было наихудшим, непосредственно после Кронштадта. Они, боясь гибели изолированной Советской России, начали преждевременное восстание на Западе. Конечно, Коминтерн и Ленин были правы, когда возражали против такой тактики. Но все-таки левые считали необходимой помощь Советской России, они считали Советскую Россию центром мировой революции. Сегодняш-

ние ультра-левые, наоборот, считают Советскую Россию не центром мировой революции, а врагом мировой революции. Они заявляют, что Советский Союз—непролетарское государство, что в нем есть тенденция буржуазного перерождения, что ВКП—не настоящая пролетарская партия, что необходимо бороться против нее. Старые левые хотели немедленной революции в Европе. Сегодняшние ультра-левые вместо этого хотят второй революции в Советской России. На самом деле это желание контр-революции, ибо нет другой третьей возможности: всякая революция против пролетарской революции есть контр-революция.

Есть и второстепенные отличия. Например, старые левые были антипарламентаристами, а новые ультра-левые являются антипрофессионалистами, противниками работы в профсоюзах; парламентские мандаты они принимают охотно, но в профсоюзах работать не желают.

Дальше т. Пеппер переходит к анализу социальных корней ультра-левых и насчитывает четыре общественных слоя, которые могут являться базой ультра-левых настроений.

Первый слой, это—значительная часть мелкой буржуазии, разоренная (в особенности в Германии) периодами инфляции и подошедшая близко по своему социальному положению к рабочему классу.

Второй слой, это—деклассированные интеллигенты, которые в послевоенный период были выкинуты из обычных условий жизни и тоже приблизились к пролетариату, а частично пытались приблизиться и к коммунистической партии.

Третий слой, это—деклассированные слои самого пролетариата, которые находятся в положении перманентной безработицы.

Конечно, надо отличать методы борьбы против деклассированных интеллигентов, с которыми мы должны бороться, и организационные методы, методы борьбы по отношению к тем частям рабочего класса, которые временно оказались выкинутыми из производственного процесса.

И наконец, четвертый слой, это—известная прослойка рабочих в мелком производстве и известная часть пролетариата в мелкобуржуазных странах.

Этот анализ т. Пеппер считает необходимым, чтобы с успехом бороться против ультра-левых.

Дальше он переходит к перечислению источников оживления ультра-левой волны в последнее время и насчитывает пять таких источников.

Первый источник заключается в частичной стабилизации, в замедленном темпе мировой революции.

Второй источник—в трудностях строительства социализма в Советском Союзе.

Третий источник—в политике наступления империализма на Советский Союз, в политике капиталистического окружения Советского Союза, которая, в частности, в Германии особенно ярко проявилась в качестве «западной ориентации» германской буржуазии. Как и социал-демократы, часть так называемых коммунистов поддалась влиянию этой ориентации.

Четвертый источник, это—правые ошибки, сделанные некоторыми коммунистическими партиями. Без понимания ошибок Брандлера в 1923 г. нельзя понять и ультра-левых уклонов Рут Фишер и Маслова. Но в то же время не надо переоценивать этого четвертого источника оживления ультра-левых настроений. Первые три—более важные, они решающие, ибо это есть источники социально-политические.

И наконец, пятый источник этого оживления, это—оппозиция в ВКП(б). Вероятно, не все русские товарищи представляют себе тот вред, который за границей принесло выступление т. Зиновьева, оппозиции, направленной против ленинской линии коммунистической партии. Капитуляция оппозиции в ВКП, поражение ультралевых в Германии, поражение на 99% Бордиги в Италии означают, что ультра-левые скоро будут побеждены.

Окончательная победа над оппозицией необходима не только потому, что оппозиция ведет фракционную борьбу, и что нет возможности руководить коммунистическими партиями, когда в них существуют постоянные фракции. Это первая причина, почему необходимо возможно скорее ликвидировать ультра-левых. Вторая причина, решающая, политическая, заключается в политической линии этих ультра-левых, в том, что они являются фактически противниками единого фронта, что они установили неправильное отношение к социал-демократическим рабочим, в том, что они фактически срывают работу в профсоюзах, выступают против Советского Союза, проповедуют «вторую революцию» против так называемого буржуазного перерождения ВКП, в том, что они выдумывают вместо ленинизма какой-то новый, специально западно-европейский коммунизм, противопоставляемый так называемой «московской диктатуре», в том, что они выступают против революционного централизма в руководстве Коминтерна. Все это делает необходимым уничтожение ультра-левых течений. Старые левые ассимилировались в Коммунистическом Интернационале. Дорога сегодняшних ультра-левых ведет все больше и больше в сторону от Коммунистического Интернационала, в лагерь социал-демократии, а зачастую в лагерь открытой буржуазной контр-

революции. Этот мертвый элемент нужно вырезать из тела Коминтерна. Сегодняшние ультра-левые являются мертвым элементом в Коминтерне. Необходимо прежде всего бороться идеологически, но необходимо применить и организационные меры. Вперед Коммунистический Интернационал может итти только через политические трупы ультра-левых. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Слово имеет т. Стэн.

Стэн. Товарищи, в своем докладе т. Бухарин достаточно полно останавливался на вопросе о стабилизации капитализма. Этот вопрос является одним из важнейших вопросов, который необходимо осветить, для того чтобы ответить на вопрос о ближайших перспективах нашего революционного развития. Тов. Бухарин подчеркивал, что в современном капитализме совершаются известные изменения, что капитализм делает попытки перестроить свой производственный фундамент. Капитализм делает попытки улучшить, усовершенствовать, с одной стороны, свою техническую основу, а с другой стороны—поднять организацию капиталистической промышленности на более высокую ступень. Капитализм пытается провести в более широком масштабе, чем это имело место в довоенный период, синдицирование и картелирование промышленности. С этим связаны техническая рационализация и рационализация организационная. Сейчас все чаще в литературе и в выступлениях мы слышим не слово «стабилизация», а слово «рационализация». Но, товарищи, эти два слова друг от друга не отделимы. Слово «рационализация» охватывает и выражает собой конкретную ступень в развитии капиталистической стабилизации. Это—особая ступень, это—некий новый перелом в экономической политике буржуазии, который продиктован экономическими процессами, совершающимися в самом капитализме. В чем этот перелом? Этот перелом заключается в том, что, достигнувши предварительных успехов в области ликвидации послевоенного кризиса, капитализм старается добиться новых успехов в упрочении своего хозяйства. Капитализм на месте стоять не может. Для того чтобы существовать, он должен сделать попытку продвинуться дальше по пути укрепления своей шаткой и частичной стабилизации. В послевоенный период в Европе капитализм распадался, был дезорганизован. Связи капиталистического хозяйства, аппарат производства и обмена были подорваны и дезорганизованы. Мы знаем, что уже в 1921 г. намечались изменения в сторону частичного улучшения положения европейского капиталистического хозяйства. Этот процесс совершался и продолжает происходить весьма неравномерно, с большими перебоями и частыми срывами. Частичное улучшение, достигнутое в 1921—1922 гг., было почти

целиком сорвано рурской войной и глубоким экономическим и революционным кризисом в Германии в 1923 г. Но пролетарское движение, поднявшееся на этой основе, вновь потерпело поражение, и буржуазия получила возможность заняться возобновлением нормальной хозяйственной деятельности. В этом направлении лежат те успехи, которых капитализм добился в деле восстановления аппарата международно-капиталистического обращения и воссоздания хотя и шаткой, но все-таки известной дисциплины на капиталистической фабрике. Эти достижения характеризуют собою содержание так называемой частичной стабилизации капитализма. В настоящий момент капитализм, для того чтобы решить проблему рынков, о которой говорил т. Бухарин, для того чтобы выйти из затруднительного положения, созданного фактом сокращения рынков, должен произвести техническую и организационную рационализацию своего хозяйства. Классическим примером в этом отношении является Германия. Германия первая вступила на этот путь. Она достигла уже некоторых успехов, некоторой перегруппировки внутри промышленности, достигла некоторых технических усовершенствований. Это делается для того, чтобы удешевить себестоимость продукции, для того, чтобы получить возможность конкуренции со своими противниками на мировых рынках. Без этого нет выхода для немецкого и вообще европейского капитализма. Ему нужно создать возможность конкуренции со своими противниками на мировых рынках. И вот сейчас капитализм делает попытки в этом направлении. Это—самая характерная черта современного мирового положения, из которой вытекают все остальные явления. Но, товарищи, это не значит, что устраняется революционная основа, что ликвидируются революционные перспективы. Конечно, в такой поворотный момент, когда налицо некоторый изгиб в историческом развитии, возможны шатания в сторону ультра-левизны, а также шатания направо. Мы имели за последнее время ультра-левую волну. Она отражала непонимание мелкобуржуазными элементами, примкнувшими к коммунистическому движению в момент острого революционного подъема, нового перелома и новых задач. В связи с тем, что ультра-левая оппозиция потерпела за последнее время непоправимое поражение у нас и в Германии, и в связи с тем, что новые задачи проведения тактики единого фронта в своеобразной обстановке все больше и больше заполняют повседневную работу компартий, опасность шатаний направо становится более резко в порядке дня. Это обстоятельство подчеркивается еще тем, что сами ультра-левые пытались итти налево, но попали в объятия самых правых социал-демократов.

В конкретной обстановке нельзя было ограничиться общим заявлением о том, что мы ведем борьбу направо и налево, а нужно было поставить политическое ударение на борьбе с ультра-левой. Но это не значит, что у нас не существует правой опасности. Нет, такая опасность есть. Мы уже можем отметить, что идеологически и политически начинает проявляться пересмотр значения и роли послевоенного периода капиталистического кризиса. Уже слышны речи некоторых товарищей в том духе, что послевоенный распад и кризис капитализма не могли служить основой революционной победы рабочего класса. Я считаю своим долгом одно из таких заявлений здесь привести ввиду того, что оно было сделано на страницах широко читаемого в наших рядах журнала «Большевик». В № 17 «Большевика» т. Лапинский в своей статье, которая называется «Расслоение реформизма», пишет по этому поводу следующее:

«Неравномерность капиталистического развития считал В. И. Ленин—и с величайшим основанием—одним из факторов революционного развития. Но это уже не неравномерность «развития»,—ибо о развитии в течение целых лет не было и речи,—а беспримерное несходство всего хозяйственного положения, выразившееся в совершенно небывалой зависимости одних стран от других, послужило на сей раз задержкой революционного развития. В таких странах, как Германия или Австрия, поставленных буквально «на паек»—на голодный паек—другими капиталистическими странами, сознание своего национального хозяйственного и политического бессилия, тщательно культивируемое всей сплошь социал-демократией (в том числе и так называемыми «независимыми», что и явилось тем их первородным грехом, под тяжестью которого они должны были фатально, как по наклонной плоскости, скатиться к Шейдеманам и Эбертам), обрезывало крылья пролетариату, убивая в нем веру в его собственные силы и в возможность социальной революции.

Каутский и его единомышленники были только выразителями этих упадочных настроений крупных частей рабочего класса и обнищалого мещанства, когда они выступали со своей критикой «социализации нищеты и развалин». Основным стержнем этой критической «теории» была мысль, что пролетариат не способен обеспечить себе и голого существования иначе, как через национальную и международную буржуазию и в союзе с ней. Возражая против «социализации нищеты», Каутский по сути становился проводником социализма пауперов, люмпен-пролетарского социализма в странах, в которых весь рабочий класс сплошь (и с ним добрая часть мещанских масс) оказался

превращенным международной буржуазией в пауперов».

Эту сверхоригинальную идею о том, что Каутский является представителем пауперовского социализма, что он выражает люмпен-пролетарский социализм,—эту сверхоригинальную идею мы в первый раз слышим от т. Лапинского, но эта оригинальность не гарантирует ее правильности. В самом деле, мы до сих пор полагали, что Каутский выражал устремления рабочей аристократии, что главной задержкой революционного процесса в Европе была эта рабочая аристократия, которая использовала свое старое влияние на рабочий класс, захватила старые организации Амстердамского и II Интернационалов и служила в руках европейской буржуазии прекрасным тормозом революционного развития. Мы думали, что это является главной задержкой революционного процесса, а оказывается, что вообще в условиях общего распада, когда рабочий класс в целом, по мнению т. Лапинского, пауперизован и деморализован, он не может осуществить своей победы, так как у него оказываются подрезанными крылья. С каких это пор тенденцию к обнищанию масс революционные марксисты объявляют главным тормозом революции? Заявлять такие вещи—значит вступить на путь чистого бернштейнианства. Такого рода постановка вопроса снимает ответственность с социал-демократии, как главного тормоза революции, а сваливает ее на плечи «гнилого исторического процесса». Мы здесь имеем ревизионистскую попытку пересмотреть значение послевоенного революционного периода, который был обусловлен прямым распадом, прямой широкой дезорганизацией европейского капитализма.

Товарищи, сейчас мы имеем определенные изменения в европейском капитализме и в капитализме вообще. Прямой распад в Центральной Европе не имеет места, но это, конечно, не значит, что основа революционного развития ликвидирована. Если попытка пересмотреть значение революционного периода (упомянутое мною заявление Лапинского) является ревизионистской, то таким же антиленинским является понимание основы революционного развития только в форме автоматического загнивания и прямого распада капитализма. Ленин всегда подчеркивал, что основу революционного периода составляет факт обострения противоречий в империалистскую эпоху капитализма. В чем смысл заявления т. Ленина, что в начале мировой войны совершился коренной перелом всемирной истории? В чем смысл этого заявления? Смысл этого заявления в том, что империалистическая война небывало напрягла те противоречия, которые свойственны экономической

сущности империалистического капитализма. Империалистический капитализм и до войны открывал в известной степени эру пролетарской революции, в том смысле, что капитализм уже достиг в мировом масштабе такого развития, что имелись налицо материально-производственные предпосылки введения социализма. Эти элементы имелись уже до войны, но война в такой степени напрягла все противоречия межгосударственно-капиталистические, противоречия между империалистическим Западом и колониальным Востоком, классовые противоречия в отдельных странах, что открыла полосу прямой подготовки живых исторических сил, действующих в сторону упразднения капитализма и осуществления социализма. Война выявила наружу, обострила все противоречия и этим усилила работу движущих сил перехода от капитализма к социализму. Теперь уже вопрос идет не о материально-производственных элементах, которые имелись налицо и до войны, а дело заключается в вызревании живых движущих сил для перехода от капитализма к социализму.

В этом смысле Ленин заявил, что империалистическая война открыла новый период всемирной истории, что мы практически, непосредственно вступили в период социальной революции.

Ненормальности капиталистического развития порождают основные противоречия, которые составляют основу нашего развития в сторону социальной революции. Эти основные противоречия сейчас не только ликвидируются, а, наоборот, очень резко усиливаются. Попытки упрочить капиталистическую стабилизацию обостряют классовые противоречия, порождают возмущение масс против последствий стабилизации. Тов. Бухарин в своем докладе указывал, что сейчас мы имеем факты обострения классовой борьбы (события в Англии, всеобщая стачка, стачка горняков, те процессы, которые имеют место в Германии, изживание последствий поражения 1923 г., обострение противоречий между капиталистическими и империалистическими государствами), которые говорят нам о том, что мы вступили в полосу обостренной классовой борьбы и реальной опасности новых войн.

Сейчас капитализму приходится решать вопрос о рынках не только при помощи дешевых товаров (это имело место при старом классическом капитализме), а империалистический капитализм сейчас пытается решать этот вопрос на-ряду с методами дешевых товаров и методами насильственной политики захвата колоний. Вот почему мы сейчас имеем обострения в области колониальной политики, обострения между капиталистическими государствами. Мы имеем в отдельных странах напряженное обострение социально-классовых отношений между буржуазией и пролетариатом. Это

значит, что основные движущие силы для перехода от капитализма к социализму накопляются, что они развиваются, что эти силы созревают. Если мы не имеем в Европе прямого капиталистического распада, то это вовсе не значит, что этим ликвидируются революционные перспективы развития, что революция сейчас отложена на долгий и долгий исторический период. Это означает лишь то, что мы имеем известное замедление темпа развития революции, но что процесс накопления и созревания движущих сил революции совершается. Вопрос идет о том, чтобы вести правильную тактику, помогающую созреванию и накоплению этих сил.

Как раз ультра-левые не поняли этого изгиба истории, они не поняли тех изменений, которые совершаются в капиталистическом хозяйстве, они оказались не в состоянии из этого сделать соответствующий политический вывод, для того чтобы правильно вести практическую работу по завоеванию масс. Этого не поняли ультра-левые, и поэтому они дезорганизуют и разлагают пролетарскую армию, поэтому они дезорганизуют и разлагают движущие силы пролетарской революции. Поэтому мы должны отвергнуть, как ревизионистскую, попытку пересмотреть значение послевоенного революционного периода, которая имеет место в этой статье т. Лапинского. Точно так же мы должны отвергнуть антиленинскую попытку утверждать, что основой революции является только прямой распад, сплошное загнивание капитализма; такие попытки создавать особую теорию упадка, помимо теории империализма, имеются (например, Варга когда-то высказывался о том, что Ленин создал теорию империализма, Маркс—теорию классового капитализма, а сейчас надо создать особую теорию капиталистического упадка). Ленин указывал, что сама империалистическая эпоха есть эпоха загнивания капитализма, эпоха упадка капитализма, но это не означает, что капитализм по прямой линии разлагается. Имеются частичные улучшения, но это не значит, что капитализму удалось или удастся перейти к более прочной стабилизации. Капитализм сейчас пытается перейти к более прочной стабилизации, но это не значит, что это уже удалось и что это ему удастся. Капитализм делает попытки в этом направлении, эти попытки обостряют классовые противоречия. Попытки укрепить стабилизацию создают возможность срыва всякой стабилизации. Эти попытки укрепить стабилизацию могут вновь поставить европейские коммунистические партии перед непосредственно-революционной ситуацией. Но этого еще нет. Поэтому основная задача заключается в том, чтобы использовать те процессы полевения, которые совершаются в европейском рабочем движении,

строить пролетарскую армию, предвидеть опасности, которые могут быть в настоящее время, и правильно повести руководство коммунистическими партиями в духе ортодоксального ленинизма.

Председательствующий. Слово имеет т. Рютин.

Рютин. Товарищи, самая важная часть доклада т. Бухарина, это—та часть, где он говорил о стабилизации.

Вопрос о стабилизации, несомненно, связан и со стратегией и с тактикой всего Коммунистического Интернационала, и из той или иной оценки этого вопроса вытекает та или иная тактика нашей Всесоюзной коммунистической партии.

Тов. Бухарин сказал, что сейчас в отношении постановки вопроса о стабилизации имеется то новое, что самая эта постановка не может быть такой сплошной, какой она была, скажем, года полтора тому назад. Теперь этот вопрос надо рассматривать более дифференцированно. В то же время т. Бухарин подчеркнул, что стабилизация—непрочная стабилизация, которая характеризует загнивание капитализма, эта стабилизация остается. Это одна точка зрения, точка зрения нашей партии, точка зрения Коммунистического Интернационала.

Но мы имеем—это мы слышали из доклада т. Бухарина—и другую точку зрения, точку зрения нашей оппозиции, а также точку зрения германской оппозиции, германских ультра-левых, которые говорят о том, что стабилизация окончилась.

Вопрос о стабилизации—вопрос не только теоретический, как я уже сказал, а и сугубо практический.

Спрашивается, товарищи, если оппозиция заявляет, что стабилизация кончилась, что стабилизации сейчас в наличии не имеется, то почему же она не делает отсюда никаких стратегических или, по крайней мере, тактических выводов?

Если стабилизация кончилась, то из этого вытекает необходимость изменения тактики Коминтерна, из этого неминуемо вытекает необходимость изменения тактики и нашей Всесоюзной коммунистической партии.

Если стабилизация кончилась, если мы имеем примерно такую же революционную обстановку, какую мы имели после окончания мировой империалистической войны, когда рабочие в Италии захватывали фабрики, когда рабочие в ряде других стран или брались за оружие или готовы были браться,—если мы имеем в данный момент примерно такую же обстановку, то отсюда наш вывод должен сводиться к тому, чтобы призвать пролетарские массы, трудящиеся массы к оружию, к вооруженной борьбе, к соответствующей боевой перестройке наших рядов.

Почему, спрашивается, не делает этого оппозиция? Потому, что ежели бы она из своего положения о том, что стабилизация окончилась, ежели бы она из этого положения сделала необходимые выводы, простые логические выводы, то она тем самым наиболее полно обнаружила бы свое банкротство, потому что ясно было бы, что эти выводы оппозиции—авантюристические выводы. В данный момент призывать массы к перестройке в боевые колонны, для того чтобы итти сейчас непосредственно на штурм,—тут каждый рабочий, даже политически мало зрелый, увидел бы всю несостоятельность этого тактического предложения, всю несостоятельность этой стратегии. Дальше, ежели бы стабилизация окончилась, то отсюда вытекают определенные выводы для нас, для Советского Союза и для Всесоюзной коммунистической партии. Нам необходимо соответствующим образом перестроить свои ряды, ибо мы не можем остаться изолированными от той пролетарской борьбы, которая будет вестись в капиталистических странах.

Спрашивается: почему здесь в отношении нашей Всесоюзной коммунистической партии не делается соответствующих выводов? Потому, что, если бы оппозиция была последовательна до конца, она бы в наибольшей мере обнаружила свою непоследовательность, обнаружила бы свое банкротство. Заявление оппозиции о том, что стабилизация окончилась, не случайно. Это заявление, это—точка зрения, это—новая теория, если можно так выразиться, неразрывнейшим образом связанная с пессимистическими настроениями, упадочными настроениями, которые имеются у оппозиции в отношении перспектив нашей пролетарской революции в Советском Союзе. Они говорят о том, что мы скатываемся к мужичку, что нижние этажи советского здания затопляются крестьянством, что государство наше носит далеко не пролетарский характер.

Какой может быть отсюда выход? Выход только в приближении мировой пролетарской революции, в том, чтобы она пришла возможно скорее и тем предохранила нас от дальнейшего перерождения. А так как этого нет в действительности, то надо, по крайней мере, утешать себя разговорами и рассуждениями относительно того, что стабилизация окончилась. Эта «философия» вытекает не из ленинского марксистского анализа, а из тех настроений, которые имеются у оппозиции, которая в свою очередь питается классовыми настроениями определенного свойства, имеющимися в нашей стране.

Тов. Бухарин подчеркнул, что стабилизация не окончилась, хотя она и усложнилась, оставшись относительной стабилизацией.

Отсюда остаются во всей силе и задачи, стоящие перед нами сейчас в области международного пролетарского движения. Именно потому, что эта стабилизация базируется на почве обострения борьбы между пролетариатом и буржуазией, именно благодаря этому облегчается проведение тех задач в отношении рабочих масс, которые были поставлены перед нами. Именно благодаря тому, что имеется в международной обстановке такое обострение противоречий, мы с большей успешностью можем завоевывать массы на сторону Коммунистического Интернационала, именно благодаря этому мы можем сделать наши братские партии в большей мере и скорее массовыми. Из этого вытекает и то обстоятельство, что мы должны усиленно, упорно работать над большевизацией наших коммунистических партий.

Вот задачи, вытекающие из того, что эта относительная, непрочная капиталистическая стабилизация остается.

Второй вопрос, вытекающий из доклада т. Бухарина, заключается во взаимоотношениях нашего Советского Союза с капиталистическим миром. Эти взаимоотношения Советского Союза с капиталистическим миром усложнились. Усложнение заключается в том, что Советский Союз стал в большей мере притягательной силой и знаменем как пролетариата, так и трудящихся масс всего земного шара. С другой стороны, Советский Союз сейчас имеет возможность в большей мере оказывать реальную помощь международному рабочему классу и угнетенным массам Востока. Сейчас мы видим крупнейшую поддержку, которая никогда не может быть забыта, крупнейшую поддержку, которая характеризует наш интернационализм, поддержку, которую оказали рабочие Советского Союза рабочим-горнякам Англии. Это не может не усложнять и не обострять наших отношений с капиталистическим миром.

Дальше мы теснейшими узами связаны с революционным движением, которое поднимается и развертывается в Китае. Империалисты чувствуют, что в героической борьбе, ведущейся кантонцами, последние заимствуют свой опыт из пролетарской социалистической революции в Советском Союзе. Отсюда также вытекает неизбежность усложнения наших взаимоотношений с капиталистическим миром. Отсюда большая острота вопроса о возможности интервенции и отсюда задача в большей мере быть готовыми во всеоружии дать отпор и встретить нашего врага.

Последнее—относительно нашего интернационализма. Нам говорят, что мы собираемся строить «уездный социализм», заявляют, что невозможно построить социализм в одной стране. Спрашивается: случайны ли такие настроения и взгляды, имею-

щиеся не только в нашей партии у оппозиции, но и в других секциях Коммунистического Интернационала? Они вытекают из неправильной, из неленинской, немарксистской теории. Они вытекают из того, что строительство или построение социализма в одной стране невозможно, они основаны на том, что нэп является только отступлением. Если нэп является только отступлением, то естественно, что все те, которые говорят о возможности успешного социалистического строительства в одной стране и демонстрируют успешность этого социалистического строительства,— они не больше, как национал-большевики. Нам думается, наоборот, что как раз этот «интернационализм», основанный на теории невозможности построения социализма в одной стране, провозглашающий, что нэп, это—только отступление, он не имеет ничего общего с ленинизмом, а следовательно, и с доподлинным интернационализмом. Мы свой интернационализм за последние годы особенно блестяще доказали не словами, а делами. Героическая борьба, ведущаяся при нашей материальной и моральной поддержке английскими горняками,—блестящая иллюстрация доподлинного интернационализма Всесоюзной коммунистической партии. Напряженная борьба, которая ведется сейчас кантонцами, также связана неразрывными узами с пролетарской революцией и с Советским Союзом. Эта борьба снова демонстрирует наш доподлинный интернационализм.

В дальнейшем каждый новый шаг укрепления Советского Союза, укрепления командных социалистических высот вместе с тем будет укреплением социалистических интернациональных позиций международного пролетариата. Рабочий класс Советского Союза доказал всей своей практикой свою большевистскую ленинскую последовательность в борьбе за конечные цели и в дальнейшем докажет это не словами, а делами.

Председательствующий. Поступило предложение устроить перерыв. Нет возражений? Объявляю перерыв.

Председательствующий (после перерыва). Слово имеет т. Лозовский.

Лозовский. Товарищи, важнейший вопрос, который поставлен был в докладе т. Бухарина, это—вопрос относительно ф о р м и п р е д е л о в стабилизации капитализма. Дело в том, что у нас было принято слишком много говорить о распаде капитализма «вообще»: капитализм падает, рушится, разлагается и т. д., но давно уже пора сказать—к а к, где и когда, т.-е. внести ясность в это понятие и попытаться установить пределы и характер упадка капитализма и его нынешнего периода стабилизации. Если мы возьмем карту современного мира, то мы имеем на этой карте

два пораженных, с капиталистической точки зрения, места. Одно, это—СССР. Это для капиталистического организма мертвая клетка. С другой стороны, поражен борющийся за свое существование европейский капитализм, который неодинаково во всех своих частях еще ослаблен. Но рядом с этим мы имеем весь остальной мир, который в известных своих частях идет еще по восходящей капиталистической линии. Теперь если мы возьмем совокупность всех континентов—Европу, Америку, Азию, английские колонии и пр.—мы будем иметь перед собой следующее. Европейский капитализм очень медленно в отдельных своих частях падает. Этот медленный темп упадка зависит: 1) от восходящей линии американского капитализма и 2) от того, что американский капитализм сделал все для того, чтобы не дать пасть европейскому капитализму.

Дальше. Южная Америка все больше и больше подчиняется гегемонии северо-американского капитализма. Все побережье Тихого океана сейчас переживает быстрый период индустриализации. Самые отдаленные островки Тихого океана, не говоря уже о таких странах, как Индия, Китай, Индонезия, переживают быстрый темп развития индустрии. Там происходит соединение современной последней техники с рабским дешевым трудом. Эти два перекрещивающихся явления: с одной стороны—ослабление определенных частей европейского капитализма, с другой стороны—продолжающийся рост капитализма в Соединенных Штатах, капиталистический рост колоний, как Канада, Австралия, Индия и пр., и освобождение путей для дальнейшего развития капитализма в такой стране, как Китай, ибо демократическая революция в Китае даст возможность в ближайшие годы развиться капиталистическим отношениям,—создают крайне своеобразную обстановку. На одном участке мира, в СССР, мы имеем совершенное поражение капитализма, на другом участке мира, и главным образом в Европе,—ослабление капитализма, а в других частях—восхождение капиталистической кривой. Только учитывая конкретное соотношение сил европейского и американского капитализма, гигантский рост колоний, рост доминионов, мы поймем, в чем заключается то понятие, которое вкладывается в формулу «относительная стабилизация».

Если поставить вопрос теоретически и спросить себя: мыслим ли для капитализма выход из послевоенного кризиса?—то на этот вопрос ответ дал еще в 1920 году Ленин. Он дал ответ на этот вопрос, отвергая абстрактную постановку вопроса об абсолютной безвыходности для капитализма. На II конгрессе Коминтерна в середине 1920 г. в докладе о международном положении

и основных задачах Коминтерна Ленин сказал по данному вопросу следующее:

«Мы подошли теперь к вопросу о революционном кризисе, как основе нашего революционного действия. И тут надо прежде всего отметить две распространенные ошибки. С одной стороны, буржуазные экономисты изображают этот кризис как простое «беспокойство», по изящному выражению англичан. С другой стороны, иногда революционеры стараются доказать, что кризис абсолютно безвыходный.

Это ошибка. Абсолютно безвыходных положений не бывает. Буржуазия ведет себя как обнаглевший и потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель. Все это так. Но нельзя «доказать», что нет абсолютно никакой возможности, чтобы она не усыпила такое-то меньшинство эксплоатируемых такими-то уступочками, чтобы она не подавила такое-то движение или восстание такой-то части угнетенных и эксплоатируемых. Пытаться «доказывать» наперед «абсолютную» безвыходность было бы пустым педантством или игрой в понятия и в словечки». (Стенографический отчет II конгресса Коммунистического Интернационала стр. 30—31.)

Почему Ленин в середине 1920 года поставил так резко вопрос перед Коминтерном? Потому что в 1920 году особенно были распространены словечки о том, что все падает, рушится и пр. Между тем для острого взгляда Ленина уже было ясно в 1920 году, что начинается новый период в развитии европейского капитализма. Вы знаете, что с первых месяцев 1920 г. начинается период наступления капитала, который тянется до настоящего времени. Ленин своей постановкой вопроса сказал: «поменьше кричите о распаде вообще, поменьше говорите: рушится, падает, разлагается и пр.; ибо настоящим доказательством в этом и в подобных вопросах может быть только практика». Иначе говоря, нужно изучить страну за страной, отдельную отрасль промышленности за другой, и только в той мере, в какой мы будем изучать, мы сможем сказать, где и в каком месте поражены те или другие части капиталистического строя. Ленин ставил этот вопрос еще в связи с состоянием коммунистических партий. «Буржуазный строй,—сказал там же Ленин,— переживает величайший революционный процесс. Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплоатируемыми массами, решительности, уменья, чтобы использовать этот кризис для успешной победоносной революции». Вопрос

о революции,—такова мысль Ленина,—зависит от того, что́ мы, как коммунистические партии, как Коминтерн, будем делать. Этим он сводит вопрос о революционном кризисе, отвлеченные рассуждения о распаде капитализма вообще к вопросу об активности Коминтерна и его секций, как фактора, разлагающего и расслабляющего капитализм.

Абсолютно безвыходных положений не бывает,—сказал т. Ленин в 1920 году. Надо сказать, что целый ряд фактов, приведенных тов. Бухариным, свидетельствует о том, что буржуазия кое-чему научилась за последние 5—6 лет. Одно соглашение тяжелой индустрии Франции и Германии означает громадный шаг вперед по изживанию тех глупостей, о которых говорил Ленин. Мы видим со стороны буржуазии попытку разрешить при помощи нажима капитализма Соединенных Штатов тот кризис, который был вызван войной и послевоенным Версальским договором.

Но если европейский капитализм поражен в определенных своих частях, если капитализм Соединенных Штатов, колоний, доминионов идет еще по восходящей линии, то значит ли это, что тут, на этом пути, возможно разрешение всех, особенно послевоенных, противоречий? То новое соотношение сил, которое создается между Европой и Соединенными Штатами, создало целый ряд новых острейших противоречий, ибо новые, особенно колониальные, страны в своем капиталистическом развитии сразу натыкаются на определенные пределы—на отсутствие рынков. Часть из этих рынков захвачена старыми капиталистическими странами, другая часть стала достоянием американского капитала благодаря исключительно быстрому росту капитализма Соединенных Штатов.

Таким образом новое соотношение сил в мировой экономике создало новые противоречия, при чем на наших глазах происходит развитие по нисходящей линии такой мировой державы как Англия, и развитие по восходящей линии ряда ее колоний и доминионов. Сама Великобритания внутри себя в определенных своих частях развивается в разные стороны. Это видно географически. Метрополия, с одной стороны, все доминионы и колонии—с другой, развиваются в разные стороны. Происходит ослабление наиболее старых капиталистических стран и, с другой стороны, пока что усиление новых капиталистических стран. На этой почве приходится нам действовать. Это нужно иметь в виду, когда мы подходим к выработке тактики наших братских коммунистических партий.

Вот на почве этого ослабления европейского капитализма и

возникли те новые идеологические наслоения, которые получили название пан-европейских. Эти пан-европейские проекты или, если хотите, пан-болтовня относительно пан-Европы, они что отражают? Они отражают слабеющий капитализм Европы перед лицом американского конкурента и невозможность для европейского капитализма выступить единым фронтом против Америки. Я думаю, что в этом смысле все эти проекты в высшей степени симптоматичны, они идут параллельно с новой идеологией и у международной социал-демократии. Социал-демократия сейчас является носительницей, застрельщиком объединения Европы против американской конкуренции. И в этом стремлении объединить Европу против опасного конкурента социал-демократия ставит совершенно определенно, резко вопрос о перераспределении колоний. В этих пан-европейских пацифистских проектах уже лежит зерно новой империалистской политики социал-демократии. Орган Гильфердинга «Die Gesellschaft» совершенно открыто говорит о том, что пан-европейское объединение должно заключаться и в том, чтобы совместно управлять колониальными и мандатными территориями. Это говорит «научный» орган социал-демократии. И вот это стремление подвести под пан-Европу определенный колониальный базис,—а без этого грош цена всем проектам,—это осуждает всю эту идею, все это движение на распад и на разложение.

Характерной особенностью переживаемого нами периода является также непосредственное сжатие с таможенной точки зрения территориальных единиц и возможных торговых операций. Это нашло свое отражение и в «манифесте банкиров». Но то, на что обращали внимание банкиры,—«лишние» таможенные непорядки внутри Европы. Между тем в последнее время эти таможенные барьеры возникают внутри Британской империи. Они возникают внутри этой могущественной мировой державы. И Австралия, и Канада, и Южная Африка, и Индия начинают сейчас громоздить новые барьеры. Это экономически освобождает доминионы и колонии от Англии. Все эти страны идут по линии развития своей собственной индустрии, построения своих таможенных барьеров для того, чтобы отгородиться от конкуренции метрополии.

Таким образом, ближайший период, в какой мы входим, будет итти по линии сжатия территориальных единиц и за пределами Европы, создания новых тормозов для коммерческих операций путем увеличения таможенных барьеров. Это не может не увеличить противоречий в капиталистическом мире, противоречий, ведущих к военным столкновениям, всевозможного рода интервенциям.

Если взять то соотношение сил, которое сложилось между Соединенными Штатами Америки и Европой, то мы можем утверждать следующее: Европа не выступает как единое целое против Америки. Америка имеет свою агентуру в центре Европы. Что представляет сейчас Германия в финансовом отношении? Это агентура американского капитала. Она опирается сейчас на всю мощь капитала Соединенных Штатов. Америка поддерживает Германию во всех комбинациях. И таким образом рост конкуренции ведет не к объединению, а к дальнейшему расколу Европы, при чем Соединенные Штаты притягивают на свою сторону часть Европы, а с другой стороны, Англия стремится перетянуть на свою сторону другую часть Европы. В этой борьбе Франция становится на сторону Америки. Все это, вместе взятое, создает целый клубок новых противоречий, которые возникают на основе внесения капиталов Соединенных Штатов в европейское производство и на основе подчинения части Европы финансовому капиталу Соединенных Штатов.

В этот переплет, который складывается и оформляется на наших глазах, вклинивается экономически и политически СССР, который портит не только чертежи социал-демократических колониальных политиков, но и портит чертежи крупнейших государственных деятелей Европы и Америки. Что представляет с точки зрения стабилизации каптиализма рост СССР? Что означает наша социалистическая стабилизация в этом общем переплете? Она означает ослабление всего капитализма, социалистическая стабилизация означает увеличение неустойчивости капиталистических отношений. И вот эта социалистическая стабилизация, происходящая на нашей территории на основе роста нашей экономики, медленного роста, затрудненного роста, но тем не менее движения вперед, вот эта социалистическая стабилизация нашей страны в значительной степени перечеркивает целый ряд проектов, мешает непосредственному подчинению не только всей, но и части Европы американскому капиталу и заставляет последний искать соглашения с СССР, как с одним из крупнейших покупателей, как с одной из крупных торговых фирм и как с крупнейшим политическим фактором.

Как отражается эта новая полоса в развитии капиталистических отношений, полоса, которая несомненно растягивается на довольно продолжительный срок? Как она отражается на рабочем классе? Если мы будем говорить о рабочем классе «вообще», мы опять так же, как и при разговорах о капитализме, вообще из общих фраз не вылезем.

Нам приходится говорить не о рабочем классе вообще, а брать

страну за страной, брать рабочий класс каждой страны и на основе конкретной обстановки посмотреть, что сейчас внутри этого рабочего класса произошло. Если мы в первую голову возьмем рабочий класс европейских стран и великих держав внутри Европы, то мы увидим, что на основе изменившегося удельного веса европейского капитализма внутри рабочего класса растут недовольство, поиски новых форм борьбы, поиски новой тактики, отрицательное отношение к старой социал-демократической политике при сохранении за социал-демократической верхушкой руководства. Изменения происходят внутри рабочего класса, в его структуре и в его политических настроениях. То полевение рабочего класса—европейского по преимуществу, о котором мы говорили еще на V конгрессе Коминтерна, т.-е. два года тому назад,—это полевение, которое тогда только намечалось, полевение, которое было результатом растущего нажима на рабочий класс, сейчас приняло совершенно конкретные, определенные формы, несмотря на то, что это полевение происходит в значительной степени в н у т р и социал-демократических партий. Особенно это характерно для Англии, для Германии и Франции. И во французском пролетариате происходит сейчас целый ряд своеобразных изменений, которые мы в ближайшее время увидим, они происходят на основе изменившихся социальных отношений. Это полевение рабочего класса в Европе происходит одновременно с поправением верхушки рабочего класса Европы. Ведь то, что произошло за последние 2—3 года,—это есть постоянное движение вправо всей верхушки реформистских профорганизаций и международной социал-демократии, ставшей открыто на колониальную платформу. Все это, и Второй и Амстердамский Интернационалы и их секции, по мере роста брожения и недовольства внутри рабочего класса и его организаций движется вправо,—происходит с р а щ и в а н и е социал-демократии с буржуазным государством. И чем больше происходит рационализация производства, чем больше в Германии и других странах происходит введение американских способов производства, тем больше социал-демократия и амстердамские союзы сближаются с предпринимательскими организациями, ставя рабочие массы членов своих организаций в такое положение, когда они вынуждены выступать против своих организаций, бастовать против союзов, выступать против их решений, чтобы прорвать единый фронт предпринимателей и социал-демократии. Это нечто новое. Так ясно, открыто это с р а щ е н и е не было даже в период коалиционных правительств. Оно сейчас более ясно и определенно, ибо германская социал-демократия и социал-демократия других стран видит непосредственное возму-

щение в массах и ищет новой точки опоры. Этой новой точкой опоры являются могущественные предпринимательские организации.

Если посмотреть дальше на рабочее движение за пределами Европы, то мы видим следующее. В стране могущественно растущего капитализма, в Соединенных Штатах, официальная профессиональная организация, которая играет там выдающуюся роль, Американская федерация труда, тоже продолжает двигаться направо, хотя, казалось бы, дальше некуда. Она выступает застрельщиком борьбы против СССР, даже против наиболее дальновидных представителей американской буржуазии. Но совсем другая получается картина, когда мы переходим от рабочего движения в Соединенных Штатах к рабочему движению новых стран и новых континентов.

Я уже не говорю о рабочем движении Китая, которое целиком и полностью находится под влиянием компартии и профсоюзы которого примыкают к Профинтерну. Но если взять рабочее движение таких стран, как Индонезия, рабочее движение Австралии и других стран, то перед нами окажется нарастание левой революционной волны. Рабочие этих стран впервые за последнее время вступили на интернациональную арену. И совершенно не случайно, например, что инициативу созыва Тихоокеанского съезда профсоюзов берут на себя профсоюзы Австралии. Совершенно не случайно и то, что за такой съезд высказались профсоюзы целого ряда стран тихоокеанского побережья. Вот это движение новых стран и новых континентов по-новому ставит вопрос о единстве, о едином интернационале. Ибо до последнего времени для среднего европейского рабочего, воспитанного в духе социал-демократической идеологии и практики, интернационал был объединением только европейских организаций. Он не видел рабочих Китая, Индонезии, Австралии и других стран. Эта идеология отражала гегемонию—в прошлом, конечно,—европейского капитализма. Сейчас мы присутствуем при новом сдвиге. Рабочие целого ряда стран выходят на международную арену, ставят проблему интернационала так, как мы его ставили против Амстердамского Интернационала, против европейского реформизма. Так по крайней мере сделали австралийские профсоюзы на своем последнем съезде в Сиднее (август 1926 г.), так ставит вопрос целый ряд профсоюзов других тихоокеанских стран.

Если сделать выводы из тех кратких замечаний, которые я сделал в связи с докладом т. Бухарина, то их можно свести к следующему:

1) Более конкретная постановка вопроса о стабилизации применительно к каждой стране, изучение этого вопроса применительно к группам стран и изучение вопроса о том, в какой мере страны восходящего капитализма (а такие страны еще имеются) задерживают развитие европейского капитализма по нисходящей линии.

2) Одними из элементов стабилизации—и очень сильных элементов,—растягивающими период стабилизации на десятилетия, являются современная социал-демократия и реформистское профдвижение. Это очень серьезные элементы стабилизации, с которыми приходится считаться.

3) В противовес этим элементам стабилизации, все революционное рабочее движение разбивает эти стабилизационные моменты, увеличивает неустойчивость, непрочность капитализма, вырывая почву из-под стабилизационной политики и практики.

4) Следующим моментом непрочности капитализма является социалистическая стабилизация СССР. Социалистическая стабилизация СССР усиливает капиталистическую неустойчивость, борьбу между капиталистическими странами и увеличивает упорство, стойкость, крепость, силу и мощь коммунистических партий и революционных профсоюзов, которые, как вы знаете, являются серьезным фактором, действующим против стабилизации капитализма.

5) Для того, чтобы стабилизация Союза ССР шла по восходящей линии, нам нужна полная и прочная стабилизация ВКП (Бухарин: «Правильно!»), ибо это является предпосылкой стабилизации Союза ССР и предпосылкой усиления непрочности капиталистического мира.

6) Именно потому, что стабилизация ВКП является условием, предпосылкой дальнейшей неустойчивости капитализма,—именно поэтому все коммунистические партии целиком и полностью, и без оговорок, за исключением небольшого количества ультра-левых путаников, стали на точку зрения нашей партии.

7) Рабочий класс нашей страны прекрасно понимает связь между социалистическим строительством СССР и расположением сил на мировой арене. Именно потому, что он это понимает, именно поэтому коммунистические рабочие дали отпор тем, кто пытался перевести на рельсы относительной стабилизации Всесоюзную коммунистическую партию. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Слово имеет т. Кузьмин.

Кузьмин. Товарищи, то положение, что возникновение Союза ССР раскололо мир на два стана, между которыми неизбежна

борьба не на живот, а на смерть, усвоено теперь и буржуазией. Это указывает на то, что нам необходимо с достаточной внимательностью присматриваться ко всему тому, что буржуазия будет не только делать, но и пытаться придумывать против нас. Борьба, которую ведет пролетариат с мировой буржуазией, помимо общих причин, помимо общих экономических, социальных сдвигов, вызвана отчасти также и новейшими техническими усовершенствованиями. Если в свое время паровая машина, которая дала в руки человечества возможность подчинять силы природы более решительно, чем ручной станок, поставила вопрос о переходе власти из рук одного класса в руки другого класса, из рук класса феодалов в руки буржуазии, в руки торгово-промышленного класса, то теперь развитие техники и открытия в области электрификации поставили резко вопрос перед всем миром о том, что власть из рук буржуазии должна перейти в руки рабочего класса. При помощи техники человечество подчиняет себе силы природы, и открытия в области электричества дают огромную мощь человечеству в области подчинения сил природы. Буржуазия доказала, что она не в состоянии в интересах всего человечества управлять теми силами и возможностями, которые открывает техника. Мы у нас в стране власть из рук буржуазии вырвали. Зато в остальном мире буржуазия пытается удержать свое положение, стремится укрепить его при помощи рационализации производства, о которой здесь много говорили. Сможет ли она это сделать? Здесь достаточно ясно, всесторонне и глубоко осветил доклад т. Бухарина, а выступления других товарищей подчеркнули, что буржуазии выполнить это не удастся, что ей придется рано или поздно уступить власть пролетариату. Но пока мы имеем так называемую частичную стабилизацию капитализма и на-ряду с этим стабилизацию в СССР, в стране строящегося социализма. Это показывает, что и буржуазия и мы в данное время маневрируем. То положение, которое мы переживаем сейчас, по сути дела есть маневрирование классовых сил, т.-е. ни мы, ни буржуазия друг друга пока не в силах положить на обе лопатки. По сути дела и мы и буржуазия сейчас ищем себе союзников для той схватки, которая рано или поздно произойдет. Эти союзники—рабочий класс, крестьянство, колониальные народы. Во всех наших выступлениях мы больше внимания обращаем на положение Европы, не в полной мере и не так много, как этого требовал т. Ленин, уделяя внимание странам Востока. Совершенно ясно, что ни среди колониальных народов, ни среди пролетариата и даже среди крестьянства буржуазия себе союзников не найдет. Кроме того, как здесь показано т. Бухариным,

развитие мирового хозяйства в общем и целом идет против буржуазии. Больше всего ущемляется жизнью английская буржуазия. Это здесь было доказано достаточно ясно с цифрами в руках. Такое положение английской буржуазии принуждает ее больше других нажимать на нас, вести интриги против нас. Мы видим, как по всем границам, и со стороны Румынии, и со стороны Польши, против нас создаются различного рода угрозы. То же самое пытается делать английская буржуазия на Востоке. Вполне законно и разумно мы фиксируем наше внимание на западных границах, но необходимо помнить, что даже польские буржуазные газеты называют угрозы польской военщины стремлением «защитить Индию на Днепре». Английская буржуазия чувствует, как это показал т. Бухарин, везде себя тревожно. События в Китае, волнения в Индии подрывают престиж английской буржуазии. Но помимо этого Англию тревожит и наша ленинская работа среди народов Средней Азии, которая выражается в политике, помогающей национальностям, живущим в Средней Азии, приобщиться к культурной жизни и, наконец, та земельно-водная реформа, которая частично проведена в Узбекистане и Туркменистане и которая вырвала из рук помещиков землю и право пользования водой и передала и то и другое в руки деревенской бедноты. Все это привлекает на нашу сторону народы Востока, заставляет видеть в нас своих друзей, указывает им путь, как нужно по-настоящему проводить и добиваться самоопределения национальностей и улучшения быта и условий жизни для бедноты. Все это и заставляет Англию интриговать против нас. Та политика заговоров, политика инсценировки восстаний и выдвижения различных претендентов на шахский и эмирский престолы, которую английская буржуазия ведет по отношению к Персии и к Афганистану, ясно показывает, что здесь мы будем иметь, может быть вскоре, попытки подчинить эти страны влиянию английской буржуазии при помощи переворотов. Так английская буржуазия, не имея возможности непосредственно напасть на нас, стремится приблизиться к нашим границам и обратить дружественные нам страны в наших врагов. По сути дела мы наблюдаем сейчас стремление мировой буржуазии окружить нас враждебным кольцом, и больше всех, настойчивее всех работает в этом направлении английская буржуазия. XIV съезд нашей партии указал, что единственной помехой для успехов нашего социалистического строительства, причиной, которая может сорвать его, при правильной нашей политике внутри страны, в современных условиях является интервенция. К словам наших съездов, конференций, к словам нашего Центрального Комитета буржуазия прислушивается до-

статочно внимательно, изучает их не хуже нас, и, конечно, сможет сделать правильные выводы. Буржуазия прекрасно понимает, что именно интервенция больше всего может помешать успеху нашего социалистического строительства.

Я думаю, что т. Мануильский вполне правильно поднял вопрос о том, что пацифистские иллюзии, которые кое-где сейчас пытаются сеять, должны встретить решительный отпор. Нашей задачей является сейчас вести борьбу против пацифистских иллюзий. Но мы должны указывать не только на относительные возможности войны между теми или иными буржуазными странами; нашей главной задачей должно быть указание на то, что вся политика мировой буржуазии направлена сейчас на то, чтобы подготовить нападение на нас. Наши успехи, наш хозяйственный рост увеличивают шансы нападения на нас. Наше маневрирование заключается в том, чтобы наши союзники, в лице европейского пролетариата, не дали возможности своей буржуазии наладить нападение против нас. И вот в этот период, когда приезжающие к нам делегации рабочего класса обещают в полной мере всюду вести борьбу против попыток буржуазии не только напасть на нас, но и мешать нашему социалистическому строительству, мы видим, как появляются попытки если не из рядов нашей партийной оппозиции, то во всяком случае из рядов считающих себя коммунистами, попытки, которые стремятся сорвать поддержку нас со стороны европейского рабочего класса. Тов. Раскольников вчера читал нам письмо Центрального Комитета коммунистической партии Германии. В этом письме четко указывается на то, что ультра-левые раскольники, ссылаясь на свое единомыслие с нашей внутрипартийной оппозицией, ведут борьбу против СССР, стремятся добиться, чтобы рабочий класс не оказывал никакой поддержки нам. В то время как в интересах мирового пролетариата оказывать нам поддержку, на что он сам охотно идет, часть бывших коммунистов и кое-кто из тех, кто еще находится в коммунистической партии, стремятся сорвать этот союз, стремятся показать, что мы не являемся страной растущего социализма. Вот эту опасность мы должны решительно устранить. Мы должны преодолеть эти раскольнические стремления. В то время как даже рабочие социал-демократы, побывавшие у нас, убеждаются в том, что в нашей стране укрепилась диктатура пролетариата, что мы строим социализм, и поэтому ведут борьбу против своих вождей за то, чтобы мобилизовать рабочий класс своих стран на поддержку нам, какие-то оголтелые раскольники ведут борьбу, которая по сути дела оказывает поддержку буржуазии и срывает единство пролетариата. Все это нужно ярко подчеркнуть, и мы

должны просить, чтобы коммунистические партии вели борьбу со всеми теми, которые хотят сорвать единство рабочего класса, которые помогают буржуазии в ее нажиме и в подготовляющемся наступлении против нас. Нельзя давать раскольникам возможность срывать наше социалистическое строительство и тем помогать буржуазии. Это необходимо поставить как задачу дня перед всеми коммунистическими партиями Запада.

Председательствующий. Слово имеет т. Скрыпник.

Скрыпник. Товарищи, основной чертой в жизни нашего Коммунистического Интернационала за последний год было то, что во всех секциях Коминтерна, во всех братских компартиях были поставлены на очень широкое дискуссионное обсуждение наши советские вопросы.

Дело заключается не только в том, что борьба оппозиции у нас, в ВКП, с ленинским руководством взволновала все коммунистические партии; не только в том, что борьба нашей оппозиции дала возможность и смелость оппозиционерам из Германской и иных коммунистических партий говорить теперь такие слова о ВКП(б) и о СССР, которые раньше можно было слышать только из уст контр-революционеров. Не только в этом заключается дело, а в том, что эта борьба нашей оппозиции сейчас объединила всех сторонников пересмотра ленинского руководства Коммунистическим Интернационалом в целом.

И здесь прежде всего встает вопрос относительно стабилизации капитализма.

Как странно, казалось бы, что руководящими вождями всех оппозиционных течений и стремлений во всех партиях явились лидеры оппозиции, т. Зиновьев и т. Троцкий, те самые, у которых в одной речи можно было найти противоречивые заявления относительно наличности и характера стабилизации! Зиновьев в одной и той же речи то заявлял, что у нас имеется относительная стабилизация, то, что ее совсем нет. Троцкий еще недавно выбросил лозунг, что Европа посажена на паек Америкой, и тем самым создавал почву для пацифистского определения жизни и развития европейских стран, а в настоящее время стал застрельщиком, лидером, выразителем воззрения о том, что стабилизация отсутствует.

В чем причина? В той ли теоретической путанице, которая характеризует вообще объединенный блок оппозиции? Нет, не только в этом. Есть и другая причина.

В самом деле, к чему сводятся эти противоречивые заявления относительно стабилизации капитализма? К чему сводится

самая сущность заявления, что стабилизация отсутствует? Только ли к революционному нетерпению, как говорил т. Пеппер, к стремлению непосредственно организовать силы пролетариата для борьбы и двигать эти силы в бой? Нет, не только к этому. Если так понять сущность определения стабилизации, которое дается оппозицией, то это было бы ошибочно. В действительности, это понимание характера стабилизации капитализма и заявления об ее отсутствии тесно связаны с той борьбой, которую оппозиция в нашей стране и в нашей партии ведет против принятого нами и проводимого на деле лозунга о возможности строительства социализма в одной стране. Эти взгляды оппозиции—это две стороны одной и той же медали. Оппозиция заявляет, что социализм у нас может быть построен только тогда, когда в мировом масштабе, в решающих капиталистических странах победит пролетарская революция и пролетариат этих стран, взявший там в свои руки власть, окажет экономическую поддержку строительству социализма в нашей отсталой стране. Их одновременные заявления, что стабилизация капитализма отсутствует (это в особенности видно в заявлении Троцкого, что Европа посажена Америкой на паек), сводятся к тому, что решительная борьба и победа пролетарской революции в одной стране невозможна.

Припомним ту борьбу, которую вел Каменев в 1917 году вскоре после возвращения Ленина из эмиграции, когда он (Каменев) заявлял, что невозможно поставить вопрос о социализме, о победе пролетариата в одной стране. Он говорил, что для этого необходимо, чтобы создались условия для победоносной пролетарской революции в мировом масштабе. Мы видим непосредственную, историческую и логическую связь между прежними ревизионистскими ошибками Каменева и теперешними заявлениями его об отсутствии стабилизации. Эти заявления вытекают из того, что не верят в победу, не верят в возможность победоносной революции в каждой отдельной стране.

Вопрос о стабилизации капитализма есть вопрос стратегии мирового пролетарского движения.

Я не согласен, между прочим, с тем толкованием, которое т. Лозовский дал выступлению Ленина на II конгрессе Коминтерна. Ленин говорил там, что из тогдашнего послевоенного кризиса буржуазия может найти выход, как может создаться выход и из других кризисных положений. Но Ленин никогда не говорил, будто из теперешнего периода капитализма, империалистического периода, могут иметься какие-то пути для сохранения капиталистического строя. Капиталистический строй сам создает в лице

пролетариата своего могильщика и дает ему силы, чтобы он победил. Когда мы говорим о возможности пролетарской революции, то стоит вопрос не о том, каково будет вообще взаимоотношение между пролетариатом и буржуазией, а о том, каково оно будет в каждой отдельной стране прежде всего. Стратегия сил пролетарской революции слагается из того, каковы будут материальные силы у буржуазии, каковы будут организационные силы пролетариата и каковы будут их взаимоотношения. Нельзя рассматривать вопрос стабилизации капитализма только с точки зрения развития материальных сил буржуазии. Это большой и решающий вопрос. Но вместе с тем в каждой отдельной стране, для того чтобы решить вопрос о возможности в ней победоносной пролетарской революции, мы должны рассматривать все перечисленные три элемента.

К чему же сводятся взгляды оппозиции в вопросе о стабилизации? Они сводятся фактически к тому, что пролетарская революция может победить только во всемирном масштабе, только в результате всеобщего «цузамменбруха» капитализма. Это неправильный, неверный, не ленинский взгляд. Но теперь становится понятным, почему оппозиция вносила свои предложения о Гоминдане и китайском революционном движении, которые фактически сводились к выходу Китайской компартии из Гоминдана. Она внесла эти предложения именно потому, что она не верила в возможность победы над мировым капитализмом и на этом участке мировой революции.

Нет, подпочвой для взглядов нашей оппозиции в вопросе о стабилизации является совсем не революционное нетерпение, которое имеется у отдельных слоев пролетариата, которое мы понимаем вполне. Мы его организуем, консолидируем, ведем организованно. Подпочвой является, наоборот, неверие в революцию, неверие в возможность вступить в победоносную борьбу, пока внешние, вне пролетариата лежащие условия, например новая мировая война, не подорвут силы мировой буржуазии и не создадут условий для ее всеобщего краха. Другими словами, то самое, что в 1917 году у нас, в нашей партии, говорил Каменев, выступая против ленинской теории социалистической революции, то сейчас наблюдается у некоторых групп рабочего движения и в мировом масштабе.

Товарищи, если принять эту точку зрения, то весьма характерной чертой для оппозиции является то, что на-ряду с отрицанием стабилизации капитализма, значение чего я сейчас только выяснил, оппозиция резко отрицает стабилизацию социализма в нашей стране. После нашей Октябрьской революции стратеги-

ческие условия победы мировой революции могут быть и должны быть дополнены еще следующими моментами: во-первых, состоянием сил пролетариата в нашей стране, степенью нашего социалистического строительства и, во-вторых, соотношением между СССР и мировым капитализмом. Что мы видим с этой стороны? Как можно охарактеризовать выступление нашей оппозиции? У нас, в ВКП, лидерская оппозиция выступает более умело и высказывается, не договаривая до конца. Но их мысли, их слова проектируют выступления Коршей и всех других, которые фактически, как это правильно отметил один из предшествующих ораторов, стремятся к тому, чтобы подорвать силы пролетариата, силы СССР в борьбе между СССР и капиталистическим миром.

Товарищи, наличность определенной степени стабилизации капитализма в отдельных странах не только не исключает, но, наоборот, предполагает возможность обостренной борьбы капиталистического мира, в первую очередь Англии, против нас. И мы видим последние события в Польше, видим победу фашизма, Пилсудского, различные военные маневры на границе с Литвой и т. д. Мы видим, что Польша становится орудием военного выступления, интервенции капиталистического мира против СССР. В этот момент обязанность коммуниста здесь, у нас, состоит в том, чтобы сосредоточить свои силы, развить наше социалистическое строительство, продвинуть дальше союз рабочего класса и крестьянства, индустриализовать страну и оградить этой работой социалистический уголок социалистической части всего земного шара. Какую роль в этом отношении играют Корши и всякие другие субъекты за границей, в Германии, Франции и т. д., руководимые нашей оппозицией? Предательскую роль. Нам необходимо сказать, что эти лидеры германской оппозиции являются агентами мировой буржуазии и делают ее грязное дело, борясь с СССР, внося разложение в наши коммунистические ряды.

Товарищи, в сложном переплете вопроса о стабилизации встает перед нами один вопрос—о Китае. Я не буду ничего говорить о тактике Китайской компартии. Общие соображения, изложенные т. Бухариным, являются, по-моему, вполне правильными. Я хочу сказать, что нам необходимо сделать здесь, у нас в Союзе, в нашей ВКП(б) для того, чтобы поддержать национально-революционное движение Китая. Здесь мы подходим к вопросам нашего социалистического советского строительства, подходим к поднятию мощи нашей страны. Вместе с тем мы должны ставить вопрос так, чтобы на том самом участке борьбы, на котором идет сейчас сражение китайских крестьян с капитали-

стическим миром на почве национального вопроса, мы сделали все необходимое для содействия успеху в их борьбе.

На июльском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) т. Троцкий в своих репликах т. Сталину уже подвергал сомнению правильность нашей линии в национальном вопросе. С их стороны, вероятно, имелась стратегическая попытка использовать национальный вопрос для своей борьбы против партии. Они этого отчасти достигли в Закавказьи, где к оппозиции присоединилась ничтожная группка грузинских «уклонистов». Но доказать, что наша партия отошла от правильного пути в национальном вопросе,—этого им не удалось и не удастся. Нам необходимо проверить эту работу и напрячь свое внимание для того, чтобы сделать в еще большей степени СССР и наш рабочий класс показателем для угнетенных колониальных народов в области национальной. Я считаю вполне целесообразным, чтобы ЦК вновь созвал совещание по национальному вопросу, подобное тому, которое было в 1924 году.

Теперь я хочу указать на те ошибки, которые были допущены т. Зиновьевым во время его руководства Коммунистическим Интернационалом. Им была проведена некоторая ревизия ленинских взглядов по национальному вопросу. Я говорю об известном письме т. Зиновьева от ИККИ Чехо-Словацкой партии в 1924 году по национальному вопросу и о проведении в Югославской и Польской партиях резолюций, которые в национальном вопросе стояли на почве принципиального автономизма и которые потом на расширенном пленуме ИККИ, после долгой борьбы, где решающее слово сказал т. Сталин, были отвергнуты. Нам необходимо теперь все это пересмотреть и дальше вогнать новую занозу в тело капитализма. Нам необходимо показать пример разрешения национального вопроса у нас и проведения правильной национальной политики в заграничных западно-европейских компартиях.

Борьба, которую ведет против нас оппозиция в мировом масштабе, борьба против нэпа должна поставить перед нами вопросы дополнительно к тем, которые были поставлены т. Бухариным. Что такое нэп? Нэп является не только нашей переходной формой работы, не только переходной формой работы у нас в СССР. Тов. Ленин в своем докладе на IV конгрессе Коминтерна указывал, что это будет наверняка общая линия для всех победивших коммунистических партий в каждой стране. Это есть система взаимоотношений пролетариата с крестьянством и система организации пролетариата на основах добровольных профсоюзов. По-моему, на борьбу со стороны оппозиции нам необходимо будет

ответить и другим предложением: об усилении деятельности Крестьянского Интернационала. Эту задачу нужно теперь поставить на очередь дня. До сих пор Крестьянский Интернационал играл очень маленькую роль, он лишь в известной степени себя проявлял отдельными действиями; необходимо дальше эту работу наладить и развить.

Наконец, по вопросу относительно индустриализации. Вопрос об индустриализации СССР некоторые сопоставляют с вопросом рационализации капиталистического производства. Мы должны здесь резко и определенно отбросить ту борьбу, которую ведет оппозиция, приравнивая проводимую у нас индустриализацию к западно-европейской и американской рационализации капитализма. Между ними ничего общего нет, и попытки Шляпниковых, Медведевых, Урбансов и т. п., которые пытаются представить проводимую у нас индустриализацию страны в таком же виде, как капиталистическое преобразование,—должны быть резко и определенно отброшены. Здесь мы имеем новую попытку со стороны отдельных коммунистов, которые пытаются ослабить поддержку мировым пролетариатом нашего советского строительства.

Если «русский» вопрос, вопросы СССР и ВКП стояли на широком всестороннем обсуждении заграничных коммунистических партий, это неплохо, неплохо по многим причинам. Во-первых, потому, что, когда эти вопросы объединили всю оппозицию в Коминтерне, это позволило нам преодолеть ее во всей ее совокупности; получился общий крах оппозиции. Во-вторых, потому, что эти вопросы встали не только как русские вопросы, но как вопрос стратегии и тактики мирового коммунистического движения. Наконец, я считаю, что дискуссия, которая проведена в мировом коммунистическом движении, после выступления оппозиции имела еще один результат. У нас, в ВКП, проявился твердый стальной отпор массы членов партии, на деле показавший, что наша партия большевизировалась. Я считаю, что та борьба, которая проведена в Германии, во Франции и в других братских коммунистических партиях по русскому вопросу, после выступления нашей оппозиции и ее левых коммунистических германских и прочих подголосков, также сделала свое дело стабилизации Коминтерна, большевизации коммунистических партий и во весь рост поставила задачи и проблему единого мирового коммунистического движения.

Председательствующий. Слово имеет т. Раскольников.

Раскольников. Товарищи, я хочу специально остановиться на проблемах Востока и в частности на вопросе о перспективах китай-

ской революции. Для того чтобы правильно понять события на Востоке, необходимо прежде всего отрешиться от представления о существовании единого Востока. Эта легенда должна быть разрушена. Восточные страны в столь же малой степени похожи одна на другую, как страны европейского Запада. В отношении хозяйственного развития восточные страны можно грубо разбить на три категории.

Первая группа, это—наиболее отсталые государства, где промышленность не развита, рабочий класс отсутствует, где полностью и целиком господствуют докапиталистические отношения. Это прежде всего Марокко в Африке, Афганистан в Средней Азии, Монголия и Танну-Тува на Дальнем Востоке. В этих странах преобладает тип скотоводческого хозяйства. Земледелие характеризуется сохранением общины; буржуазия почти отсутствует; рабочего движения нет. Задача коммунистических элементов в этих странах заключается в том, чтобы поддержать единое национально-революционное движение.

Вторая группа стран характеризуется тем, что там основной преобладающий тип хозяйства—земледелие; но вместе с тем эти страны уже напали на след капиталистического развития, там уже начинают строиться фабрики и заводы, там зарождается индустриальный пролетариат. К этой группе стран нужно отнести Египет в Африке, Турцию и Персию на Ближнем Востоке и Корею на Дальнем Востоке. В этих странах главным носителем национально-революционного движения является мелкая и средняя буржуазия, представляющая главным образом торговый капитал. Вот почему в странах этого типа огромную и исключительную роль играет так называемый базар, где формируется общественное мнение. Рабочий класс в этих странах, организуясь в самостоятельную партию, поддерживает национальную буржуазию в анти-империалистической борьбе. Среди буржуазии этих стран уже намечается тенденция к расколу, но верхушечная часть крупной буржуазии еще не успела сговориться с империалистами.

И наконец, к третьей группе стран нужно отнести Индию и Китай, т.-е. те страны, где наблюдается бурное, стихийное развитие капитализма, особенно в последние, послевоенные годы. В этих странах мы уже наблюдаем мощное развитие рабочего движения. Здесь рабочий класс, в отличие от стран второй группы, уже выделился из общей массы трудящихся и осознал себя, как самостоятельный класс. Поэтому тут перед коммунистической партией стоят самостоятельные задачи. Здесь буржуазия не представляет собой единого целого. Верхушечная, крупная буржуазия, из боязни рабочего движения в своей стране, уже перешла на сторону

империалистов, уже столковалась с ними и по существу играет контр-революционную роль. Лишь мелкая и средняя буржуазия еще не выполнила своей прогрессивной миссии и объективно играет революционную роль. Поэтому, например, в Китае, как в стране, где капиталистическое развитие происходит бурным темпом,— цифры, приведенные т. Бухариным, это всецело подтверждают,— имеется возможность активного, преобладающего участия рабочего класса в революционной борьбе. Прошлогодняя шанхайская стачка в Китае и бомбейская стачка в Индии, вовлекшая 150 000 рабочих, это—факты, иллюстрирующие мощность волны рабочего движения. Само собой разумеется, в Китае коммунистическая партия, имея свои самостоятельные задачи, должна всемерно поддерживать национально-революционное движение, должна поддерживать партию Гоминдан. С легкой руки т. Радека у нас иногда распространяются иллюзорные представления о гоминданском правительстве, как о рабоче-крестьянском правительстве. Нет ничего вреднее такого ложного представления. На самом деле Гоминдан и кантонское правительство, руководимое Гоминданом, представляют собой в значительной мере не что иное, как сознавшую свои национальные интересы мелкую и среднюю буржуазию. И разумеется, наша задача сейчас заключается в том, чтобы поддерживать этот единый фронт национально-революционного движения, избегая всяких возможностей трещин и раскола в его рядах. Правда, сейчас внутри Гоминдана обозначилось правое крыло, т.-е. такое течение, которое стоит за соглашение с империалистами и за разрыв с коммунистами, но это течение чрезвычайно слабо и невлиятельно. Только недавно были получены сведения, что теоретик и идеолог группы правых гоминдановцев Тан-Дзи-Тау отказался от своих взглядов и признал свои ошибки. Это означает победу внутри Гоминдана идеологии левых гоминдановцев, т.-е. тех, которые стоят за продолжение борьбы против империализма до победного конца, за самый тесный и неразрывный союз с коммунистами.

Если Китай стал сейчас на путь капиталистического развития, если там растет крупная промышленность, если там мощно вырастают многочисленные кадры индустриального пролетариата, то означает ли это, что Китаю необходимо пройти классический путь развития капитализма со свойственными ему формами буржуазного парламентаризма? Нет. Развитие Китая пойдет по новому, своеобразному пути. Тов. Ленин еще в 1920 году говорил о возможности для отсталых восточных стран миновать общепринятый путь нормального капиталистического развития. И здесь в Китае реально возможно создание революционного правитель-

ства мелкой и средней буржуазии при поддержке рабочего класса. Исключительная географическая выгодность положения Китая, которую отметил и особенно подчеркнул т. Бухарин, в этом отношении рисует нам чрезвычайно обнадеживающие и на редкость благоприятные перспективы. И если теперь мы наблюдаем, что северный Китай находится под властью Чжан-Цзо-Лина, то южный Китай фактически уже объединен под властью революционного правительства Гоминдана и опирается на поддержку китайского рабочего класса. Сейчас есть две возможности революционного объединения Китая: первая возможность, это — объединение Китая под властью реакции, под гнетом международного империализма, и вторая перспектива, это — революционное объединение Китая под властью кантонского правительства. Можно не сомневаться, что развитие Китая пойдет по второму пути, что исключительные победы кантонских войск, достигнутые ими в союзе с народными армиями, в своем дальнейшем развитии приведут к победоносному концу китайскую революцию. Но эта перспектива на будущее. На ближайшее время, повидимому, исторически неизбежно существование двух правительств: правительства северного Китая во главе с Чжан-Цзо-Лином и кантонского правительства южного Китая. В настоящее время все промежуточные группировки либо исчезают, либо переходят на сторону Кантона.

Создание революционного правительства, объединяющего весь Китай, явится крупнейшим ударом империалистам, которые всю свою политику в Китае строили на разделении Китая, на натравливании отдельных генералов друг на друга.

Таким образом, товарищи, перспективы китайской революции сейчас чрезвычайно благоприятны, и революционное объединение Китая, повидимому, не за горами. Это будет важнейшим фактором дальнейшего победоносного развития мировой революции.

Председательствующий. Заключительное слово имеет т. Бухарин. (Продолжительные аплодисменты.)

Бухарин. Товарищи, я буду в заключительном своем слове довольно краток, потому что по сути дела мне почти некому возражать. Товарищи, которые здесь выступали, в общем и целом стоят на той же точке зрения, которую я защищал в своем докладе. Мне хотелось бы только кратко остановиться на некоторых вопросах, которые я опустил в своем докладе за невозможностью на них остановиться, потому что и так доклад мой затянулся. В своем докладе, ввиду громадного количества стоящих перед нами вопросов, я естественно должен был остановиться на тех вопросах,

которые были наименее разработаны, и должен был опустить вопросы, которые были хорошо разработаны в нашей партии и дебатировались в нашей печати.

Что касается вопроса о стабилизации, то мне хотелось бы здесь подчеркнуть только главное и из того, что я говорил в своем докладе, и из того, что отмечали выступавшие товарищи. Я подчеркивал в докладе, что сейчас этот вопрос нужно ставить дифференцированно. В общем, если перечислить составные элементы теперешнего мирового хозяйства, то видна будет вся относительность этой стабилизации. В конкретной постановке вопроса об относительности стабилизации мы говорим: Советский Союз— главный клин в стабилизации, это есть фактор величайшего значения. Разве можно сейчас представить себе хоть один крупнейший вопрос международной политики, который так или иначе не включал бы в себя так называемой русской проблемы? Стабилизация социализма в наших условиях, т.-е. рост социалистических элементов в нашей стране,—это есть важнейший, огромнейший фактор, который разрушает капиталистическое единство и, следовательно, является гигантским клином в капиталистической стабилизации. Китайская революция, которая захватывает огромнейшие человеческие массы, составляющие крупнейшее ядро во всем населении земного шара (430 миллионов на 1⅔ миллиарда) представляет собой величину небывалой исторической важности. Если рассматривать китайскую революцию с точки зрения всех потенций, всех возможностей, в ней заложенных, если считаться с великим оплодотворяющим значением китайской революции на целый ряд восточных, колониальных и полуколониальных стран, то мы имеем в лице китайской революции совершенно неслыханной важности фактор всемирно-исторического значения, который также представляет собой огромнейший клин в капиталистической стабилизации.

Если мы возьмем английские события, всеобщую стачку в Англии и в особенности стачку мужественных горняков, которые вот уже 6 месяцев держатся при условиях необыкновенно трудных, и если мы оценим эту стачку со всех решительно сторон, с точки зрения ее всемирно-исторического значения; если мы поставим ее в связи с наклонной кривой английского капитализма, которая не подлежит никакому сомнению; если мы будем иметь в виду, что обескровление Великобританской империи, ослабление ее могущества не может не означать развязывания всех центробежных сил этого огромного империалистского государства, усиления центробежных тенденций во всех колониях, доминионах, зависимых частях Великобританской империи; если мы вспомним, что Англия являет собой в капиталистическом мире, после Аме-

рики, самый могучий, крепкий мировой капитализм,—если мы учтем все это, то будет ясно, что английские события и весь комплекс явлений, связанных с ними, представляют собою огромнейший фактор, который является также клином в стабилизации капитализма.

Если затем мы обратим внимание на целый ряд второстепенных стран европейского континента, которые находятся в процессе перманентного полузагнивания и аграризации, о чем я говорил в докладе, то мы увидим, что это обстоятельство также является фактором величайшей важности в общей оценке относительности капиталистической стабилизации. Если же мы, наконец, обратим свое внимание на развертывающуюся классовую борьбу, которая продолжает расти, даже на фоне стабилизации, и, как я пытался доказать, даже там, где кривая стабилизации идет вверх, то это обострение классовой борьбы и величайшие трудности по социальной линии, стоящие перед буржуазией, должны быть также признаны фактором, который нельзя недооценивать, если мы хотим давать исчерпывающий анализ положения мирового хозяйства и капиталистического строя.

Наш анализ таким образом подчеркивает относительность капиталистической стабилизации и обосновывает революционную перспективу в ее развитии. Но отличие этого нашего анализа и то специфическое в нем, что я особенно подчеркиваю, заключается в необходимости для нас отказаться от сплошной постановки вопроса о стабилизации капитализма, ибо она чрезвычайно мало дает, почти ничего не дает для определения нашей тактической линии.

Перехожу ко второму положению, которое мне хотелось бы подчеркнуть. Я и в своем докладе и здесь считаю своей обязанностью подчеркнуть необычность теперешнего кризиса перепроизводства. Мне кажется, что вопрос о безвыходности или небезвыходности положения капитализма, о кризисе или о неравномерности капиталистического развития и целый ряд подобных вопросов, отмеченных еще Лениным в его работе об империализме, не совсем правильно будет и точно прилагать механически к теперешнему положению, не анализируя специфических черт послевоенной обстановки и современного кризиса. Вместе с общими основными элементами анализа империализма мы должны брать также и ту конкретную историческую полосу, которую мы переживаем в ее специфических особенностях. А специфические особенности переживаемого сейчас капиталистического кризиса включают в себя и то обстоятельство, что послевоенная разруха еще не изжита и ее нельзя еще скидывать со счетов. Она влияет на

определение теперешнего критического положения капитализма, и представлять себе положение вещей так, что мы имеем простой кризис перепроизводства или такой кризис, который вызывается неравномерностью капиталистического хозяйства, как это было до войны, без коэффициента на специфические послевоенные затруднения, мне кажется неправильно. Это то, что я должен сказать по вопросу о характеристике капиталистической стабилизации.

Третье замечание, которое мне хотелось бы сделать, это замечание в связи с речью т. Мануильского. Я должен сказать, что на перегруппировках держав я не останавливался не потому, что нездоров и что должен был пить во время доклада молоко в силу своей болезни, а потому, что этот вопрос гораздо больше дебатировался в печати и трудно по этому вопросу сказать что-нибудь новое. По существу дела я согласен с т. Мануильским, что сейчас одним из крупнейших вопросов является борьба с специфическим пацифизмом, который подняла в первую очередь на щит социал-демократия, сопровождая это затушевыванием противоречий между державами, затушевыванием подготовки войн и военной опасности и т. д. Я должен сказать, что в общем и целом я наметил этот ответ, когда говорил относительно ультраимпериализма, потому что это один и тот же вопрос, только в другой формулировке. Если это нужно подчеркнуть сейчас, а это нужно подчеркнуть, то я против этого не возражаю. Скажу только, что тут в общей фазе развития нужно делать ударение не столько на возможность и неизбежность войны между капиталистическими державами, сколько на подготовку «блоковой» войны против Советского Союза. В этом лежит центр тяжести. Те различные капиталистические объединения и различные центростремительные тенденции, которые социал-демократам благоугодно называть переходом в новую стадию империализма, называть ультра-империализмом, на самом деле одной из своих крупнейших задач имеют нападение на Советский Союз или подготовку его окружения. Параллельно идет и дипломатическая подготовка. Все эти направленные против нас блоки, тайные соглашения, военные конвенции и т. д. имеют известный экономический базис в новых явлениях в области капиталистического хозяйства.

Будет ли война в скором времени или не будет—пророчествовать на этот счет, мне кажется, крайне рискованно. Тут нужно, мне кажется, поставить вопрос о нашей практической критике этой военной опасности. В качестве одного из величайших слагаемых и определяющих факторов вопроса, скоро или не скоро будет война—является умонастроение рабочего класса, его актив-

ность, способность борьбы и т. д. В этом отношении мы должны проводить мобилизацию общественных сил рабочего класса. Недооценивать этот фактор ни в коем случае в теперешней обстановке не приходится.

Само собой разумеется, что сейчас для буржуазии точно так же стоит эта проблема, как очень рискованная проблема. Англии начинать войну, когда у нее горит сейчас под ногами, довольно трудно. На примере китайской революции, на том обстоятельстве, что нельзя было сорганизовать большую интервенцию в Китай, на всем этом чувствуется известная относительная слабость и неуверенность целого ряда крупных капиталистических группировок. Как бы то ни было, все попытки консолидации капитализма, военные соглашения, переговоры, подведение известной экономической базы под империалистическую дипломатию действуют в противоположном направлении. Так что эту опасность войны, с той поправкой, что это есть в первую очередь опасность войны против Советского Союза, необходимо всемерно подчеркивать.

Теперь, товарищи, я хотел бы остановиться на некоторых замечаниях, которые я только наметил во вчерашнем реферате, но которые мне не удалось развить. Я говорил относительно новых форм в тактике единого фронта и приводил вам целый ряд примеров, в каких формах этот единый фронт намечается, в каких формах намечается специфическое полевение рабочего класса. Из этого анализа вытекало, что одним из центральных пунктов приложения сил коммунистов является теперь профсоюзная работа. Мне не удалось вчера развить следующую мысль, которая, мне кажется, должна быть одним из центральных мест нашей тактики, тактики коммунистов в деле революционизирования рабочих масс. Дело в том, что в целом ряде европейских партий вы имеете известные кадры коммунистов, работающих в профсоюзах и занимающихся там обычной, будничной профессиональной работой, они чрезвычайно мало по сути дела отличаются от работающих в профсоюзах социал-демократов хорошего типа. А если вы имеете революционный тип коммуниста, то здесь наблюдается в значительной мере такое явление, что либо товарищи эти, при полном принципиальном признании необходимости работы в профсоюзах, мало обращают практического внимания на эту работу, либо стараются демонстрировать свою революционность и свое особое коммунистическое лицо в работе профсоюзов таким образом, что к обычной, мало отличающейся от социал-демократической работе профсоюзов механически приклеивают какие-нибудь революционные хвосты—рабоче-крестьянское правительство, диктатура пролетариата,

или еще какой-нибудь «конечный» лозунг, который с этой точки зрения является совершенно не связанным со всей постановкой работы. Между тем совершенно ясно, что если коммунисты налегают и должны налечь на работу в профсоюзах в настоящее время, то коммунистическая партия и коммунисты, которые работают в профсоюзах, должны иметь специфическое коммунистическое лицо. Коммунистическая работа в профсоюзах должна быть действительно коммунистической работой. И вот здесь возникает целый ряд сложнейших проблем и сложнейших постановок вопроса именно по этой линии: что должно быть сейчас определяющим, что должно резким образом отличать нашу постановку вопроса от социал-демократической? По каким линиям, какие основные перспективы работы мы должны иметь?

Мне кажется, что коммунисты должны иметь ряд задач, до которых социал-демократы дойти не могут ни в каком случае. Прежде всего коммунисты должны сейчас концентрировать главный удар в этой области на борьбе против трестовского капитала. Несомненно то, что в настоящее время, в виду рационализации, трестификации индустрии и пр., коммунисты против себя имеют уже врага, организованного не в тех формах, в каких он был организован прежде. Коммунисты имеют врага объединенного, консолидированного, экономически вооруженного до зубов, спаянного с правительством. В этой тенденции, о которой говорилось еще и до войны, само по себе нет ничего нового и особенного. Но теперь надо сказать, что количество перешло в качество. Если эта тенденция намечалась еще до войны, если она после войны продолжалась, то теперь этот процесс трестификации индустрии зашел настолько далеко и на небольшом сравнительно отрезке времени так быстро продвинулся вперед, что это накладывает на коммунистов обязанность произвести целый ряд диверсий в расположении своих сил, в методах их организации и проделать это в соответствии с консолидацией сил противника. Поэтому лозунги реорганизации профсоюзов на производственной основе, создания могущественных профессиональных объединений, создания боевых синдикатов или картелей профсоюзов, создания соответствующих объединений фабрично-заводских комитетов (там, где они имеются) и направление работы не просто против стоящих перед ними капиталистов, но против трестовского капитала со всеми вытекающими отсюда последствиями,—это есть одна из основных линий, которая должна быть защищаема нами и в работе наших профсоюзов.

Второй генеральной линией нашей политики являются наши отношения к капиталистической стабилизации. Это теперь является

по существу главным исходным пунктом разногласий, где имеются абсолютные категорические «ножницы» между нами и социал-демократией, потому что вся постановка социал-демократов заключается во всемерной поддержке этой стабилизации. Они уговаривают рабочих терпеть, подчиняться, активно помогают капиталистам устраивать производственные совещания на манер наших, где директора фабрик делают доклады перед рабочими о производстве. В этом отношении было правильным замечание одного из выступавших товарищей, который сказал, что буржуазия многому у нас научилась. В связи с выделением известных группировок рабочей аристократии, в связи с установкой социал-демократов, их политики сейчас пытаются призывать часть рабочего класса к помощи в деле капиталистического строительства, при чем здесь имеется еще огромная спекуляция на объективной разнице в положении между занятыми рабочими и безработными. Вы должны считаться с тем крупным обстоятельством, что если вы берете такую страну, как Германия, где капиталистический процесс рационализации продвигается наиболее интенсивно, то там в силу хронической огромной безработицы (безработных насчитываются миллионы) рабочий класс распался на работающих и безработных. Там каждый рабочий поставлен под угрозу выкидки с фабрики, и буржуазия очень сильно спекулирует на этом страхе рабочего, боящегося лишиться своего места. Спекулируя на этом, буржуазия стремится через социал-демократов и профсоюзы вовлечь рабочих в лакейскую задачу, помочь ей найти выход из теперешнего трудного положения, трудного для германской буржуазии. Общая установка коммунистов сейчас до чрезвычайности выгодна. Коммунисты имеют очень большой базис, потому что действительно этот процесс рационализации обрушился с неслыханной тяжестью на рабочий класс. Коммунисты должны мобилизовать рабочие массы, которые испытывают на себе все эти тяготы,—это есть основная наша установка для работы в профсоюзах. При работе в профсоюзах необходимо объединение усилий рабочих занятых и безработных, включение безработных в профсоюзы и мобилизация рабочих масс за эту кампанию. Установка на большую, генеральную битву рабочего класса—во-первых; объединение различных частей рабочего класса, объективно до известной степени расколотых теперешним положением в капиталистическом хозяйстве—во-вторых; коренным образом отличная от социал-демократической наша линия в вопросе рационализации, наконец, мобилизация нами всех пролетарских сил, поддержка нами движения безработных, требование реорганизации профессиональных союзов по производственным отраслям—вот основные

черты специфического лица нашей профсоюзной работы. Это коммунистам в свою очередь облегчает подведение рабочего класса (который еще не стоит на нашей стороне), подведение его от этих задач к задачам непосредственной борьбы, т.-е. к итоговым и основным политическим лозунгам (лозунгам рабочей власти, диктатуры пролетариата и т. д. и т. д.).

Я, товарищи, должен еще остановиться на одном вопросе, который вызвал известное недоумение (судя по тем запискам, которые я получил). Когда я говорил относительно выпирания в теперешней обстановке Профинтерна, его большего и более энергичного выхода на арену мирового рабочего движения и о работе ВЦСПС внутри Красного Профинтерна, то я ни в коем случае не считал, что это нужно сделать в отмену тех решений, которые мы приняли по англо-русскому комитету и т. д. Здесь нет абсолютно никаких оснований отказываться от той тактики, которую мы вели и ведем. В конце концов наша тактика проверяется опытом, как и все на свете. Такая опытная проверка получилась в результате нашей тактики,—этого никто не может отрицать. Никто не может отрицать, что мы не только не порвали связь с английским рабочим классом благодаря нашей тактике, но мы изо дня в день повышаем удельный вес нашего влияния на английский рабочий класс. Этого никто не может отрицать. И даже в том случае, если бы англо-русскому комитету не была бы суждена долгая жизнь (с такой перспективой мы объективно считаемся), мы выдвигали уже тогда целый ряд добавочных окопов, как, например, англо-русский комитет горняков, и т. д. О возрастающем влиянии на английский пролетариат горняцких масс, как крупнейшего отряда передового английского рабочего класса, за которым неизбежно потянутся и остальные, говорить не приходится. Разве здесь опытная проверка не подтвердила нашей тактики целиком и полностью? Разве можно говорить, что удельный вес нашего влияния падает, и что мы не сделали всего, чтобы революционизировать английский рабочий класс? Я думаю, что здесь ни у кого не повернется язык, чтобы сказать, что это не так. Эта единственная по-настоящему работающая и по-настоящему революционизирующая тактика и была той тактикой которую мы проводили. Я утверждаю это и считаю, что ни у кого нет оснований от этого отказываться. Всякая определенная, конкретная историческая ситуация имеет центр тяжести в одном, а другая ситуация—в другом, одно перехлестывает другое, одно переходит в другое. Нам ни в коем случае не нужно рвать с англо-русским комитетом, нам нужно продолжать ту линию, которую мы проводили, и мы ее должны в дальнейшем закреплять. Но нужно делать

дальнейшие шаги. И в связи с тем, что наша тактика совершенно правильная, у нас есть возможность эти дальнейшие шаги делать. Эти дальнейшие шаги заключаются в том, чтобы тактика английского рабочего движения поднялась на высшую ступень, так как сейчас то недоверие, которое существовало к такой организации, как Профинтерн, в английском рабочем классе, по сравнению с ВЦСПС, уже исчезло в значительной степени. С другой стороны, нашей обязанностью является достаточное интернационализирование рабочего движения, так как это интернационализирование рабочего движения сейчас прямо вопиет—это точно так же показал опыт английской стачки. Совершенно естественно отсюда вытекает и та установка, что мы должны держать курс на усиление работы в Профинтерне. Тем более, что здесь можно только присоединиться к речи т. Лозовского, поскольку он говорил относительно перспектив, открывающихся на Востоке, на побережьи Тихого океана, в Южной Америке и т. д.

Я хотел сделать еще одно замечание относительно наших партий и того периода, в который эти партии попали. Я затрогивал этот вопрос в докладе, и здесь мне хотелось сделать несколько дополнений.

Коммунистические партии возникли, как вы все отлично знаете, в период «Sturm und Drang», в период прямой атаки на капиталистический режим. В этот период, в течение достаточно длительного времени, именно потому, что это была эпоха непосредственного штурма на капиталистический режим, было какое-то странное разделение труда между социал-демократическими и коммунистическими партиями. Коммунистические партии говорили: «иди, штурмуй, бей в лоб». Социал-демократические партии копались в мелочах, которые по тогдашнему времени были чрезвычайно подходящими... (Лозовский: «И кроме того били в лоб коммунистов») и били в лоб коммунистов. Кроме того, наши партии в значительной степени страдают таким пороком: они еще не в достаточной мере научились соединять свои революционные цели с повседневными нуждами рабочего класса. Теперь им на этой базе приходится конкурировать с социал-демократами и научиться делать эту работу лучше, чем делают ее социал-демократы, и не только в том, чтобы увязывать эту работу с общими революционными перспективами, а и в том, чтобы наши коммунистические партии, воспитанные на другом типе работы, не прошедшие всего искусства такого соединения частичных требований и общих повседневных нужд с общими лозунгами и великими целями партии,—можно было привлечь к профсоюзной работе, но чтобы эта работа была такой, которая отражала бы их

специфическое коммунистическое лицо и подводила бы рабочие массы к завоеванию пролетарской власти.

Коммунистические партии в этот период как раз и учатся тому, чтобы не швыряться экономическими вопросами, а именно заниматься экономикой, подводя ее к политике. Очередная их задача, это—уменье сопоставлять мелкие требования с великими задачами, повседневную профсоюзную борьбу—с политической борьбой, и уметь делать выводы из насущных экономических требований, которые вытекают из создавшегося положения, связывая их с великими лозунгами революционного пролетариата.

Этот процесс диалектического объединения малых дел и больших выводов, это есть та учоба, которую проходят сейчас коммунистические партии, и то основное, чему они должны научиться.

Товарищи здесь правильно указывали, что даже на фоне тех стран, где имеется капиталистическая стабилизация, происходит усиление классовой борьбы. Рабочие массы этих стран будут революционизироваться, если коммунистические партии вполне овладеют искусством маневрирования в этой новой обстановке, если они будут бить социал-демократов не только потому, что они— крайняя революционная партия, но и потому что они лучше стоят на защите нужд рабочего класса в его повседневной борьбе и на этой почве подводят рабочих к великой цели мировой всемирной революции.

Так стоит вопрос. И если мы берем итоги «на круг», то они могут быть подведены для Коминтерна с плюсом.

Возьмем даже Англию, где положение несколько особое, так как Британская коммунистическая партия была слабейшим зародышем, буквально в несколько человек, рождалась в неслыханно тяжелых условиях и не имела ни одного интеллигента в своем составе, что крайне затрудняет развитие движения (хотя, с другой стороны, дает и положительные результаты). Партия, о которой не говорили иначе, как с усмешкой, и о которой буржуазная пресса говорила в таком духе, что русские, говоря о советской торговле, подразумевают под этим ввоз своих агентов. Но вот оказалось, что здесь дело совершенно не в фантастическом «импорте» из каких бы то ни было других стран, а в общем и целом в правильной партийной ориентации работы Английской компартии в массах.

Об этом я уже говорил вчера и не буду на этом останавливаться. Я отмечал, что Британская компартия забралась в гущу самой массы. Британская партия является одной из немногих партий, которая сумела влиять на профессиональное движение рабочих. Например, член Политбюро Британской компартии является одним

из профессиональных деятелей с признанным авторитетом, о котором с уважением говорят и наши противники в профессиональном движении. Вот именно благодаря тому, что Британская компартия сумела влиять на профессиональное движение, она выросла в такую силу, с которой приходится считаться противникам. Раньше говорили с усмешкой о ней, а теперь ни одна политическая статья, выходящая из-под пера какого бы то ни было буржуазного деятеля, не может пройти мимо коммунизма, ибо он стал реальной опасностью, он стал реально существующим динамитом для английского великодержавного империализма. (Лозовский: «Через движение меньшинства». Да, через движение меньшинства.

Берите нашу Германскую коммунистическую партию. Разве она не научилась кое-чему за последнее время? Она тоже очень долго мучилась в разного рода потугах стать массовой партией. Здесь она неоднократно была бита, но все-таки мы должны сказать, что за последнее время такой факт, как всеобщее народное голосование, которое политически велось и руководилось коммунистической партией Германии, этот факт обеспечил коммунистической партии ее массовое влияние. Если коммунистическая партия Германии по своему числу не стала еще массовой в строгом смысле этого слова, то она уже имеет массовое влияние, и она станет массовой партией в настоящем смысле этого слова, поскольку она сумеет свое растущее влияние на массы организационно закрепить, зафиксировать. Сейчас еще в значительной мере мы имеем такое положение вещей, когда люди проводят блестящую массовую кампанию, а после того, как эта массовая кампания прошла, начинается новая кампания, а организационные результаты старой кампании ни в чем не закреплены. Нужно научиться этому организационному закреплению. Как только товарищи этому научатся, коммунисты тотчас же пойдут быстрыми шагами по пути превращения Германской коммунистической партии в такую массовую партию. Не буду больше делать замечаний по этому поводу.

Я должен отметить, что примерно то же самое можно сказать насчет коммунистических партий в целом ряде стран. Теперешний период есть период ударный, и поэтому чрезвычайно вредны те антиленинские уклоны, которые мы имели в ряде коммунистических партий. Правда, эти уклоны захватывали небольшие слои, но все же эти уклоны мешали нам работать. Центр их был в Германии,—разумеется, только в некоторых частях Германской компартии.

Теперь еще одно замечание. Когда говорят относительно укло-

нов, я должен сказать, что нам необходимо подчеркнуть и сугубо обратить внимание на существование правых и «левых» уклонов и на борьбу с ними. Диалектика теперешних отношений такова, что чуть только произойдет небольшая передвижка ультра-левых «влево», как они начинают говорить то же самое, что и ультра-правые. Фразеология бывает разная, но материальное существо дела одно и то же. Это есть подтверждение того тезиса, что единственной правильной и революционной политикой может быть только большевистско-ленинская политика. Сдвижения вправо и «влево» объединяют эти фланги. Это наблюдается в особенности теперь. Теперь, если вы возьмете ультра-правых, исключенных из Коминтерна, как Суварин, если вы возьмете таких, как Росмер, Монат и прочих, если посмотрите, что пишут ультра-правые Франции и ультра-левые Германии, что они говорят о Советском Союзе, об отношении к крестьянству, о диктатуре пролетариата, то вы увидите, что невозможно их различить друг от друга. Почти никакой разницы, только маленькие оттеночки, которые политически не весят ровно ничего.

Некоторая вариация в политической установке и в исходных пунктах может быть различна, но в общем они с чрезвычайной быстротой идут по одному и тому же пути. Нам поэтому нужно бить по обоим этим флангам. Разумеется, в одной стране центр тяжести лежит в одном, в другой стране центр тяжести лежит в другом, но мы должны бить по обоим этим флангам, и тогда можно будет вести правильную большевистскую политику.

Еще замечание относительно китайских событий. Я должен сказать, что тут особенно возражать нечего, я только должен сказать, что нужно понимать необходимость разрешения сложной и трудной задачи перехода от одного сочетания сил к другому сочетанию сил. Я вчера говорил вам, в чем заключается главное затруднение. Затруднение имеет своей базой совершенно объективное противоречие между необходимостью на данной стадии удержания максимально большего блока, направленного против империализма, и, с другой стороны, необходимостью развивать крестьянское движение. Вот это все составляет объективное противоречие текущего момента. Как его разрешать? Его разрешать надо так, чтобы приступить ко второй задаче с известной постепенностью, чтобы получить максимальный эффект.

Что касается перспектив, то о перспективах я здесь в общих чертах говорил, и мне кажется, что этого достаточно. Относительно Гоминдана и соотношения между Гоминданом и компартией,—я получил записку на этот счет,—товарищи, вероятно, знают, что здесь имеется тесное соотношение и довольно друж-

ная работа между Гоминданом и компартией. Могу только подтвердить, что за последнее время в связи с победами кантонцев раскрываются некоторые перспективы; центр тяжести будет перемещаться несколько налево, что видно из постановления последнего заседания исполкома Гоминдана, о чем вы все читали в газетах. Так что здесь налицо развязывание революционных сил при неизбежном подтягивании крестьянства к революции, что повлечет за собой известную перегруппировку в Гоминдане— усилится его левое крыло, и будет обессиливаться постепенно его правое крыло.

Наконец, последнее замечание, которое хочу сделать, это— относительно английской стачки. Английская стачка горняков, на которой, если бы мне не приходилось затрогивать столь большое количество проблем, я должен был бы остановиться в гораздо большей степени, — английская стачка горняков показала величайшее упорство и величайшее мужество этого отряда рабочего класса. Она открывает перед нами огромнейшую революционную перспективу в Англии. Эта огромнейшая перспектива будет реализована во всех решительно случаях—и в случае поражения горняков и в случае победы. В случае победы—об этом говорить нечего; в случае полупоражения или неблагоприятного исхода она все-таки окажет неслыханное влияние на революционизирование всего рабочего класса в целом. Этот процесс идет, он идет как величайшая сила, как могучий процесс. Рабочий класс Англии представляет собой среди европейского рабочего класса главную крепость пролетариата, и совершенно естественно, что революционизирование этого отряда, переход пушек этой крепости в революционные руки, представляет собой величайшую перегруппировку сил в среде мирового пролетариата вообще, европейского пролетариата в частности.

Сейчас получился целый ряд телеграмм, которые говорят, что теперь, когда мы с вами здесь заседаем, происходит торговля английскими горняками. Состоялось какое-то негласное секретное совещание между правительством и представителями Генерального совета. Ясное дело, что сейчас речь идет о том, продать Генеральному совету или не продать стачку горняков.

И точно так же ясно, что в этом деле принимают участие некоторые лидеры горняков, в том числе и Кук, который за последнее время ведет весьма двойственную политику. Мы здесь должны быть готовы ко всему и должны с неменьшей силой поддерживать стачку горняков. Вот почему я думаю, что мое заключительное слово на нашей XV партконференции полезно

и нужно закончить следующим возгласом: «Да здравствуют английские горняки!». (Бурные аплодисменты.)

Председательствующий. Для предложения слово имеет т. Куликов.

Куликов. От имени Московской, Ленинградской и Уральской делегаций по докладу т. Бухарина предлагается принять следующую резолюцию:

«Заслушав и обсудив доклад т. Бухарина, XV партконференция одобряет целиком и полностью принципиальную линию делегации ВКП(б) и ее работу в Коммунистическом Интернационале.

Конференция вменяет делегации в обязанность продолжать решительную идейную борьбу против антиленинских уклонов в Коммунистическом Интернационале, проповедники которых, солидаризуясь в большей или меньшей степени с оппозицией внутри ВКП(б), в лице своих наиболее последовательных групп перешли уже в явно антиреволюционный лагерь (Корш, Суварин, Маслов, Рут Фишер, исключенные из Коммунистического Интернационала, но имеющие своих сторонников в компартиях в лице Урбанса, Вебера и др.).

Конференция предлагает делегации ВКП(б) проводить в Коммунистическом Интернационале линию на дальнейшую большевизацию компартий, которая исключает теорию и практику так называемой свободы фракций и группировок, как принципа, резко враждебного организационным принципам ленинизма.

Конференция решительно осуждает фракционную и антиленинскую работу оппозиции ВКП(б) в Коммунистическом Интернационале.

Конференция целиком и полностью присоединяется к решениям ряда братских партий и пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) об освобождении т. Зиновьева от работы в Коммунистическом Интернационале. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Имеются ли еще какие-либо предложения? Голосуется эта резолюция в основе. Кто за то, чтобы положить в основу оглашенный проект резолюции, прошу поднять руки. Опустите. Кто против? Воздержался? Принято единогласно. Есть ли какие-нибудь поправки? Нет. Голосую окончательно. Кто за то, чтобы окончательно утвердить эту резолюцию, прошу поднять руки. Опустите. Против? Воздержался? Принято единогласно. (Аплодисменты.)

Слово для предложения имеет т. Сулимов.

Сулимов. Вчера конференция заслушала приветствие от братской коммунистической партии Германии. По поручению президиума я предлагаю конференции принять следующий текст приветствия Германской компартии:

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ.

Дорогие товарищи!

XV конференция ВКП(б) шлет братский пролетарский привет авангарду немецкого рабочего класса—коммунистической партии Германии, с которой наша партия связана в настоящее время больше, чем когда бы то ни было, общей борьбой за ленинизм против «левых» на словах, а на деле—социал-демократических, оппортунистических уклонов оппозиционного блока в ВКП и его союзника—немецкой так называемой «ультра-левой» фракции, открыто проповедующей по существу социал-демократические и ренегатские идеи.

Объединенная оппозиция потерпела в нашей партии решительное поражение. Раскольническая фракционная работа оппозиционного блока встретила со стороны всей массы членов партии сокрушительный отпор. Ни в одной партийной организации, ни в одной рабочей ячейке оппозиция не получила даже сколько-нибудь заметного меньшинства. Рабочие-коммунисты Москвы и Ленинграда, партийная демократия, к которой пытались апеллировать лидеры оппозиции, сплошной большевистской стеной встала на защиту ленинской линии партии и ее единства. Разбитые на-голову на всех партийных собраниях рядовыми партийцами-рабочими оппозиционные лидеры оказались вынужденными, под давлением партийной массы, осудить свою фракционную деятельность и отказаться от фракционных методов борьбы. Партия указала свое место зарвавшимся вождям оппозиционного блока, думавшим завоевать влияние среди большевиков своим былым авторитетом и демагогической фразой. Партия доведет успешно до конца идейно-политическую ликвидацию того мелкобуржуазного уклона, который представлен оппозиционным блоком и на котором оппозиция попрежнему настаивает.

Коммунистической партии Германии приходится вести ту же борьбу против группировок, представляющих собою продолжение оппозиционного блока в ВКП. Идеи оппозиционного

блока, попав на почву германской «ультра-левой», эволюционировали в законченную социал-демократическую политическую линию, которую защищают не только выброшенные за борт германской партией Корш, Маслов и Рут Фишер, но и руководители «ультра-левых» группировок в партии (Вебер—Урбанс—Шолем). Та травля советского рабочего государства и ВКП, Германской компартии и Коминтерна, которую открыто ведут Шолем—Вебер—Урбанс, ставит их в один ряд с ренегатами и худшими врагами коммунизма. ВКП (б) приветствует ту линию, которую братская Германская партия заняла, чтобы положить конец этой пораженческой агитации Урбанса и К° и их раскольнической фракционной работе внутри партии. Мы не сомневаемся, что коммунистической партии Германии в ближайшее время удастся ликвидировать остатки ультра-левого оппортунизма в ее рядах. Поражение оппозиции в ВКП и ликвидация «ультра-левых» группировок в Германской партии обеспечат абсолютно прочное ленинское единство в Коммунистическом Интернационале и сведут на-нет все попытки создания международной антибольшевистской фракции.

В последние месяцы и ВКП, и компартии Германии, и всему Коммунистическому Интернационалу пришлось уделять много сил на борьбу с упадочными мелкобуржуазными настроениями, нашедшими свое выражение во взглядах оппозиционного блока в ВКП и международных «ультра-левых» и «правых» группировок. Борьба эта еще не закончена, но полная победа ленинской линии над всеми разновидностями оппортунизма по всему фронту международного коммунистического движения уже обеспечена. Проявление и оформление пораженческой идеологии среди отдельных групп коммунистов является лишь небольшим преходящим эпизодом в победоносном развитии Коммунистического Интернационала.

Да здравствует ленинизм!

Да здравствует большевистское единство коммунистической партии Германии!

Председательствующий. Голосуется предложение т. Сулимова. Кто за то, чтобы принять это предложение, прошу поднять руки? Прошу опустить. Кто против? Кто воздерживается? Принято единогласно.

Заседание, согласно регламента, объявляю закрытым.

Заседание третье.

(27 октября 1926 г., вечернее.)

Петровский (председательствующий). Товарищи, заседание конференции возобновляется. На повестке у нас стоит вопрос о хозяйственном положении страны и задачах партии. Слово имеет т. Рыков. (Шумные, долго не смолкающие аплодисменты.)

Рыков. Товарищи, тема моего доклада настолько обширна и сложна, что развернутый анализ лишь одного абзаца проекта тезисов, принятого Политбюро, мог бы занять целый вечер. Это заставляет меня не только отказаться от того, чтобы использовать весь цифровой материал, характеризующий хозяйственное положение страны, но и заставляет ограничиться лишь общим обоснованием принципиальной части тезисов, предлагаемых вниманию конференции.

Теперь, когда перед партией и советским государством встают новые, гигантской трудности проблемы хозяйственной политики, не представляется уже возможным охватить в одном, даже многочасовом докладе всю сумму подлежащих разрешению вопросов.

Недавно Госпланом издана очень ценная книга «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926/27 год», дающая общую наметку основных тенденций хозяйственного развития и важнейших директив экономической политики на год. Такого рода работа производится, как известно, второй раз. Если первый опыт построения «Контрольных цифр» в прошлом году не увенчался большими успехами, то работа Госплана, произведенная в этом году с гораздо большей тщательностью, помогает наметить с большей степенью достоверности основные вехи экономической политики ближайшего времени.

Однако и в этой работе есть некоторые недостатки: не все части ее связаны воедино; имеются кой-какие недостаточно проверенные, если не сказать—ошибочные, положения (например

в области политики цен и анализа размеров товарного голода в настоящем хозяйственном году). Но и при всех отдельных недостатках и упущениях эта книга является большим событием как в области нашей экономической литературы, так и в качестве вспомогательного материала для планирования нашего хозяйства.

Для всякого, кто интересуется хозяйственной жизнью страны, «Контрольные цифры» дадут очень много. Кроме того, почти все главнейшие вопросы хозяйственной политики партии уже были подвергнуты предварительной проработке не только в «Контрольных цифрах» и в печати, но и на широких рабочих собраниях, в связи с начавшейся было внутрипартийной дискуссией.

Все это, вместе взятое, значительно облегчает задачу моего доклада и позволяет остановиться только на самых важных и спорных вопросах, избегая по возможности большого количества цифр.

Новая полоса хозяйственного развития.

Теперь считается уже общепризнанным, что народное хозяйство Союза проходит переломный фазис своего развития от так называемого «восстановительного» периода к новому этапу, для которого характерным является осуществление политики партии, определенной на XIV съезде как курс на индустриализацию. По существу дела, с практическим проведением этого курса, с развитием крупной индустрии, с усилением роли и значения рабочего класса во всей стране создаются необходимые материально-технические условия для полного построения социалистического общества. Необходимость предвосхищения дальнейших путей нашего развития, определения главнейших линий экономической политики и уяснения всей трудности очередных задач в области хозяйственного руководства партии и советского государства—все это заставляет подвести некоторый итог пережитому, установить экономическое содержание того, что обычно называют «восстановительным периодом».

Мне кажется, что едва ли правильно обозначать пройденный период хозяйственного развития Союза «восстановительным» в буквальном смысле этого слова.

Буквальное толкование термина «восстановительный период» было бы правильно лишь в том случае, если бы хозяйственный подъем в течение этого периода являлся воспроизведением дореволюционной, довоенной экономики и с количественной стороны (в соотношении различных частей народного хозяйства) и с качественной (в социально-классовом отношении). Между тем это является неправильным как по отношению к промышленности,

так и по отношению к сельскому хозяйству. Развитие производительных сил в деревне происходило при других классовых соотношениях, в условиях совершенно иных отношений собственности. Этот процесс совершался в условиях национализации земли, устранения всего помещичьего слоя, наделения землей неимущих, внедрения в деревню зачатков новой системы организации с.-х. производства (колхозы, совхозы и т. д.), при ином построении системы обложения, иной организации и иной политике с.-х. кредита и т. д., и т. п. Этот процесс является «восстановительным» лишь в том смысле, что размеры посевных площадей, валового сбора росли в направлении достижения «довоенных норм». Но вся структура сельского хозяйства, расстановка отдельных групп крестьянства, бюджет крестьянина—все это глубоко отлично от того, что было в довоенное время.

С этой точки зрения процесс подъема сельского хозяйства не был «восстановительным», а был процессом усвоения завоеваний Октябрьской революции.

Не говоря уже о коренных социально-классовых изменениях в городе, «восстановительный процесс» в области промышленности не означает установления тех же соотношений между отдельными отраслями промышленности, что и до войны. Характер связи промышленности с рынком, например, является теперь совершенно иным, потому что рынок нашего Союза глубоко отличен от рынка царской России. Теперь почти единственным потребителем является массовый потребитель—рабочий и крестьянин, к потребностям которых приспособлялась наша промышленность; из числа потребителей выпали значительный помещичье-дворянский слой, высоко оплачиваемая прослойка чиновничества и т. д. Подъем промышленного производства сопровождался осуществлением плана электрификации, таким развитием, например, электротехнической промышленности, которое уже значительно превзошло довоенный уровень, и возникновением ряда новых производств. Я не говорю уже о том, что распределение национального дохода между различными группами населения теперь совершенно иное, чем было до Октября. Но достаточно и сказанного, чтобы понять всю неточность термина «восстановительный процесс».

Столь же неправильным является такое толкование содержания «восстановительного периода» нашего хозяйственного развития, согласно которому водораздел между этим периодом и тем, в который мы вступили, должен быть проведен по линии накопления. Ошибочно думать, что завершение процесса «восстановления» знаменует собой переход от задачи использования унаследованных от буржуазного общества материально-техниче-

ских элементов производства к задаче «накопления». Раньше якобы мы жили за счет запасов, унаследованных от буржуазии, теперь же мы вступаем в период «накопления», и в этом де состоит принципиальное отличие между двумя этапами хозяйственного развития. Мне кажется, что такое противопоставление «восстановительных процессов» процессу «накопления» неправильно. Здесь совершенно упускается из виду то обстоятельство, что хозяйственный подъем и в течение восстановительного периода мог происходить лишь при наличии накопления в стране.

Различие между этими двумя периодами заключается не в том, что рост промышленного производства происходил за истекшее время за счет каких-то особенных «восстановительных источников», помимо совокупного прибавочного продукта, а в таком использовании прибавочного продукта, при котором последний шел на образование оборотных капиталов промышленности. Такое использование прибавочного продукта определяло в тот период и быстрый темп роста промышленного производства. Нам удалось таким образом создать необходимые для развития промышленности товарные, сырьевые, топливные запасы, консолидировать распылявшийся за годы гражданской войны рабочий класс, организовать кредитную систему, установить твердую валюту и т. п.

Если оглянуться несколько назад, то можно наметить два существенно отличающихся друг от друга этапа в развитии хозяйства Советского Союза за истекшее время. Характерным для первого из них является убыточность промышленности и транспорта и пополнение средств, необходимых для «оживления» промышленного производства, за счет позаимствований из других отраслей народного хозяйства. Вместе с постепенным укреплением промышленности, с расширением рыночной связи ее с сельским хозяйством, с подведением устойчивой денежной системы под все народное хозяйство развертывание промышленного производства все больше и больше начинает опираться на использование прибавочного продукта, создаваемого внутри самой промышленности. Последняя становилась мало-по-малу не только безубыточной, но и начинала давать прибыль, которая составит за истекший хозяйственный год приблизительно полмиллиарда рублей.

Промышленность, начав работать, не имела никакой возможности покрывать даже нормальную амортизацию, вследствие чего продолжался дальнейший износ оборудования, уменьшение основного капитала. Мы принуждены были заимствовать из других отраслей народного хозяйства средства для того, чтобы поддержать промышленность. За истекший период нам удалось обеспе-

чить амортизационными отчислениями восстановление того, что изнашивается, и добиться прибыльности промышленности.

Итак, неправильно думать, что процесс «восстановления» не требовал накопления, не требовал вложения средств, в противоположность тому периоду, в который мы теперь вступаем, и в этом видеть принципиальное различие между этими двумя периодами. Характерным является то, что накапливаемые средства раньше шли на образование оборотного капитала промышленности, а теперь эти средства должны итти и пойдут на расширение основного капитала, т.-е. на постройку новых фабрик и заводов, на создание нового, более высокого материально-технического остова народного хозяйства. Расширение основных капиталов является задачей более крупной и более трудной сравнительно с теми, которые нам приходилось решать до сих пор. Для ее разрешения требуются гораздо большие средства и гораздо более длительные сроки. Тот миллиард, который проектируется вложить в этом году на расширение основного капитала, даст свои результаты через несколько лет. На протяжении того периода, когда фабрики строятся, оборудуются, организуются, мы изымаем громадные средства из хозяйства и делаем их неподвижными до тех пор, пока эти фабрики не будут пущены в ход. Постройка Днепростроя, вероятно, потребует лет пять, если не больше. Новые затраты первое время будут менее эффективны, т.-е. на рубль, затраченный на капитальные работы, мы получим за определенный отрезок времени меньше готового продукта, чем при вложении в оборотные средства в период восстановления. Этим объясняется и значительное замедление темпа дальнейшего развития промышленности.

Накопление, его источники и темп хозяйственного развития.

Судьбы Октябрьской революции и практическое разрешение вопроса о строительстве социалистического общества связаны с тем, сумеем ли мы найти необходимые средства для перестройки всего хозяйства на базе крупной промышленности и целесообразно их затратить. Поэтому вопрос об источниках накопления, т.-е. о том, откуда и в каком размере могут быть получены эти средства, является определяющим для всей политики нашей партии на предстоящий период. Тезисы, представленные на обсуждение настоящей конференции, указывают на следующие источники: внутрипромышленное накопление, использование доходов других отраслей народного хозяйства путем перераспределения через госбюджет и кредитную систему и использование сбережений населения.

В дальнейшем необходимо считаться с тем, что возможность использования денежной эмиссии в целях расширения основного капитала уже отпала. Уже на протяжении минувшего хозяйственного года мы натолкнулись на то, что возможность увеличения денежной массы без риска поколебать червонец очень ограничена. За 1925/26 г. средне-годовой размер денежного обращения увеличился на 55% против 1924/25 г., при чем коэффициент роста его превысил рост валовой продукции промышленности, товарной части сельского хозяйства, железнодорожных перевозок и т. д. И в этом чрезмерном росте эмиссии в прошлом году был завязан один из главнейших узлов всех хозяйственных осложнений, из которых мы с большим напряжением сил выбивались на протяжении всего истекшего года. Так как устойчивость нашей валюты является одним из главнейших условий бескризисного развития всего хозяйства, то рисковать использованием эмиссии для капитальных вложений значило бы итти навстречу острому кризису всей системы нашей экономики. Эмиссия как источник для вложения новых средств в промышленность является уже отпавшей. Тов. Преображенский в своей «Новой экономике» пишет: «Когда государство является одновременно и органом управления страной и хозяином огромного экономического комплекса, эмиссия прямо служит каналом для социалистического накопления». Это правильно только в тех случаях, когда эмиссия не колеблет всего денежного обращения. Использование эмиссии для целей накопления в современных условиях неизбежно приведет к колебанию денежной системы, расстроит весь товарооборот, что всей тяжестью упадет на рабочего и крестьянина, создавая тем самым не только экономические затруднения, но и ряд политических осложнений.

Обращаясь к внутрипромышленному накоплению, я приведу справку ВСНХ о размерах прибылей нашей промышленности за последние годы: в 1923/24 г. прибыль составляла 105 милл. руб.; в 1924/25 г.—305 милл. руб.; в 1925/26 г.—474 милл. руб.

На-ряду с систематическим ростом из года в год прибылей промышленности увеличивается и размер амортизационных отчислений. Приведенные цифры ВСНХ оспариваются Наркомфином, который доказывает, что, например, в 1925/26 г. прибыль будет около 600 миллионов. В таком разнобое цифр мы имеем дело с обычными «недочетами» нашего учета. Вероятно, истина лежит где-то посредине. Накопление внутри самой промышленности, начавшей разворачиваться с дефицита и имеющей теперь до полумиллиарда прибыли, неизбежно должно возрастать в дальнейшем с каждым улучшением в области работы

промышленности, с пуском в ход каждого нового станка, с рационализацией процесса производства, с правильной организацией труда, с вступлением в работу новых, построенных по последнему слову техники фабрик.

Государственный бюджет, являющийся одним из главнейших орудий перераспределения доходов, составляет для 1925/26 г. примерно 25% от всей суммы национального дохода. Из государственного бюджета мы вложили в дело развития нашей промышленности в 1924/25 г. 184,2 милл. руб., в 1925/26 г.—491,1 миллиона рублей.

По данным Наркомфина, все расходы на промышленность, охватывающие не только прямые ассигнования по бюджету в капиталы промышленности, но и расходы по бюджетному фонду премирования нерентабельного экспорта, на рабочее жилищное строительство через Коммунальный банк, по отделу долгосрочного кредита Промбанка, на электрификацию, управленческий аппарат ВСНХ и т. п., составили за три года (с 1924/25 г. по текущий хозяйственный год включительно) 1 300,5 милл. руб., из которых 625,2 миллиона проектируется ассигновать в этом году. Приток же средств из промышленности в госбюджет (отчисление из прибылей, подоходный налог, возврат прежде полученных ссуд, помещение резервных капиталов в гарантийный заем) составил 120,9 милл. руб. в 1924/25 г., 196,4 милл. руб. в 1925/26 г., 250 милл. руб. предвидится в текущем году, а за все трехлетие—567,3 милл. руб.

Таким образом, выражаясь языком бухгалтеров, чистое сальдо в пользу промышленности исчисляется в 63,3 милл. руб. для 1924/25 г., 294,7 милл. руб. для 1925/26 г., 375,2 милл. руб. в текущем хозяйственном году, и за три года 733,2 милл. руб. (Куйбышев: «Заем хозяйственного восстановления входит?».) Да, входит.

Следующий источник, которым можно пользоваться, но которым мы не умеем еще пользоваться, это—привлечение сбережений населения в кооперацию, сберегательные кассы, государственные займы и т. д. Разумеется, здесь нельзя недоучитывать обусловленное самой Октябрьской революцией поравнение доходов различных слоев населения нашей страны. Однако это отнюдь не может служить оправданием тех незначительных пока еще результатов в области привлечения средств в виде мелких вкладов, каких мы добились. Напомню, что царскому режиму удавалось в этом отношении добиваться гораздо бо́льших результатов. Общая сумма сбережений, вложенных в государственные сберкассы, составляет на 1/X 1926 г. приблизительно 90 милл. руб., что составляет всего

лишь 6% остатка вкладов, которые имелись при царе на 1 января 1914 г. Только 6% того, что было в царское время! За истекший 1925/26 год прилив вкладов выразился довольно значительной цифрой—в 52,5 милл. руб. Мне кажется, что экономический подъем и в деревне и в городе достиг достаточной высоты для того, чтобы обеспечить более быстрый приток мелких сбережений по этому руслу. В составе вкладчиков необычайно мал удельный вес вкладов крестьян, составлявший на 1 января 1926 г. всего 3,6% всех счетов и только 2,4% всей суммы вкладов в сберегательных кассах. В довоенное время (на 1 января 1914 г.) крестьянские вклады составляли 28,5% всех вкладов и 28,3% всех счетов. Аналогичную картину можно наблюдать и во всех кооперативных организациях, деятельность которых связана с привлечением мелких средств населения. Надо отдать себе совершенно ясный отчет в том, что помимо объективных затруднений дело привлечения мелких вкладов тормозится и благодаря чрезвычайно малому вниманию к этой проблеме. Ни наша печать, ни государственные и кооперативные органы, ни партийные и профессиональные организации не уделяют должного внимания, чтобы принять все необходимые меры для увеличения притока вкладов в сберегательные кассы. В этом отношении партия должна добиться решительного перелома в лучшую сторону.

Темп дальнейшего хозяйственного развития, темп индустриализации страны зависит от размеров капитальных вложений.

Мне не раз приходилось наблюдать, как некоторые товарищи с большим недоумением останавливались перед вопросом: что же будет дальше? Каким темпом мы будем дальше двигаться? За 1924/25 год промышленность выросла на 60%, для 1925/26 года партия намечала рост ее в пределах от 35 до 40%, на самом же деле мы имеем больше 40%. И вдруг, начиная с текущего года, крутое падение вниз: рост на 17 или 18%, а для следующих лет и того меньше. Такой перелом создал растерянность среди некоторых членов партии, являясь как бы обоснованием для тех пораженческо-капитулянтских настроений, выражением которых является, в сущности, платформа объединенной оппозиции. Необходимо поэтому установить, есть ли в этом уменьшении темпа роста такого рода опасность, которая должна возбуждать серьезную тревогу партии за судьбы нашего социалистического строительства.

С какой быстротой развивалась промышленность в различных странах, особенно в моменты наиболее благоприятной для этих стран конъюнктуры?

Средний ежегодный прирост промышленного производства со-

ставлял в довоенной России с 1900 по 1913 г. 3,87%. В моменты самой благоприятной конъюнктуры процент роста доходил до 6,5 (с 1908 по 1913 г.) и даже выше—до 8,5 (с 1891 по 1900 г.), что объясняется главным образом большим приливом иностранного капитала в промышленность капиталистической России. Для Северо-Американских Соединенных Штатов средний прирост продукции за 1899—1913 гг. составлял 3,5%. Для Англии средний годовой прирост за 1905—1913 гг. выражается всего лишь в 1,16%; в 1922 г. прирост составлял 22%, а в следующем—всего лишь 2,7%. Франция имела за 1898—1913 гг. 3,35% ежегодного прироста [1]). Что это значит, если мы, имея теперь рост в 40 с лишним процентов, сумеем и в 1930 году добиться прироста продукции нашей индустрии, допустим, на 10%? Это значит, что за один год наша индустрия сделает такой скачок вперед, которого не может сделать ни одна капиталистическая страна.

Увеличение промышленного производства на 17—18% в этом году возможно только благодаря наличию еще не использованного резерва оборудования на фабриках и заводах. Если бы этого не было, то прыжок промышленности почти на 20% за год едва ли был бы осуществим. Ведь это значило бы, что на протяжении одного года мы на одну пятую увеличили бы тот размах промышленности, которого она достигла на протяжении всей предшествующей истории. Намечаемый для 1927/28 г. темп роста, приблизительно на 12%, значительно превосходит приведенные исторические примеры. Для паники поэтому никаких данных нет. Мы должны гордиться тем, что пролетарская диктатура, несмотря на всю техническую отсталость и бедность СССР, приступая к разрешению труднейшей задачи расширения основного капитала, смогла с места взять темп, которого не достигала ни одна капиталистическая страна

Практические вопросы нового строительства.

Вопрос о капитальном строительстве связан не только с тем, откуда, сколько и как взять средства, но и с тем, как эти средства использовать. Я очень сожалею, что не в состоянии доложить конференции о пятилетнем плане развития нашего хозяйства.

По существу дела, председатель Госплана т. Кржижановский должен был бы по вопросу о пятилетнем плане хозяйственного развития сделать специальный доклад. Это не произошло только потому, что работа над контрольными цифрами текущего года

---

[1]) Приводимые данные заимствованы мною из статьи Альб. Вайнштейна в IV книге „Социалистического хозяйства“.

настолько загрузила Государственную плановую комиссию, что пятилетний план, вчерне уже подработанный, не мог быть рассмотрен окончательно и представлен на обсуждение партии.

Я думаю, для всех должно быть совершенно ясно, что на этой новой стадии развития вопросы планового строительства приобретают гораздо более крупное значение, чем это было в прошлом. Приступая к постройке в широком масштабе новых фабрик и заводов, новых железных дорог, мы тем самым предопределяем рост промышленности и соотношение отдельных отраслей ее на ряд лет вперед. Значительный просчет в условиях, когда размер капитальных вложений уже определяется в миллиардах рублей (в этом году мы вкладываем более миллиарда рублей), предопределит в будущем диспропорцию различных отраслей промышленности. Поэтому построение плана, охватывающего достаточно длительный срок хозяйственного развития, является важнейшей задачей, от успешного разрешения которой в огромной степени будет зависеть успешное осуществление индустриализации страны.

Истекший год был первым годом крупного капитального строительства, и, как во всяком новом деле, мы и здесь на-ряду с достижением значительных успехов терпели ряд крупных неудач.

Традиции нашей партии требуют, чтобы мы не замазывали наших недочетов и промахов, а подходили бы к ним с открытыми глазами, так как это вернейший путь к тому, чтобы, изучив свои ошибки и промахи, мы быстро и наверняка могли сводить их в нашей работе до минимума. Я думаю, в данном случае тем более необходимо посмотреть прямо в лицо тем недочетам, которые имели место на первых шагах нашей работы в этой области, что ошибки здесь могут особенно болезненно сказываться на всем организме народного хозяйства.

Приведу несколько примеров наших неудач.

У нас ощущался недостаток цинковых белил, которые ввозились из-за границы. Несколько губерний, стремясь очевидно помочь общей работе по индустриализации, стали за свой риск и страх строить заводы цинковых белил. Один построили в Ленинграде, другой—в Ростове, третий—еще где-то. (Голос: «В Ярославле».) Мне подсказывают—в Ярославле. Словом, построили заводы вне всякой связи с наличием сырья и потребностями рынка. Из-за недостатка сырья часть этих заводов консервирована. Так как ВСНХ стремится к тому, чтобы построенные заводы не стояли, он распределяет наличное сырье между всеми заводами так, что они нагружены всего на 50—60% и вместо прибыли приносят убыток. Как видите, по линии цинковых белил мы явно «переиндустриализировали». (Смех.)

Этот пример является наглядным доказательством необходимости наиболее строгого и последовательного проведения в жизнь плановой дисциплины.

Другой пример. В Таганроге есть один из самых крупных кожевенных заводов. Года полтора тому назад он был переоборудован по последнему слову техники. В Москве поспешили построить новый большой кожевенный завод. В результате теперь из-за недостатка сырья московский завод должен стоять, или оба завода должны работать с половинной нагрузкой.

Пример из другой области. Постройка многих заводов связана, во-первых, с расходами на оборудование, заказанное на наших заводах, и, во-вторых, с получением оборудования из-за границы. Я знаю ряд случаев, когда приходит заграничное оборудование, но не готово наше. Бывает и наоборот: наши изготовят, а заграничного оборудования нет. И на много месяцев, а то и на год и больше затраченные средства являются мертвыми для хозяйства, оборудование же портится и стареет, так как техника быстро идет вперед.

Один пример. Было получено из-за границы оборудование для целого завода, кажется, по обогащению руд. Но так как необходимое добавочное оборудование нашими заводами не было выполнено ни в какой степени, то построили специальные амбары, потратили на них 40 тысяч рублей и заперли там новешенькое заграничное оборудование на замок до следующего строительного сезона.

Таких примеров можно было бы привести достаточно много.

Все это—издержки первых шагов: плата за нашу плохую организованность, плохую дисциплину, отсутствие плана и неуменье работать. Все это можно и нужно изжить в короткое время.

Но есть препятствия более крупного значения. К ним я отношу нашу техническую отсталость, которая обнаруживается во всех частях нашего хозяйственного организма. Возьмем, например, хотя бы наши сношения с заграницей. Бывали случаи, когда заказывали за границей уже давным-давно устаревшие машины. Часто не умеют составить спецификации, чертежей, не могут использовать ввозимые к нам машины. Отсталость техники, недостаточная квалифицированность технического персонала, пробелы в технических знаниях, отсутствие технических навыков и сноровки—все это сквозит по всему хозяйству сверху донизу.

Повышение технического уровня страны немыслимо без увеличения квалификации и численности специалистов, без повышения квалификации и активного участия рабочих в строитель-

стве новой техники (через производственные совещания и т. п.), без улучшения всей системы образования в средних и высших технических учебных заведениях.

При расходовании средств на новое строительство должно быть обращено в первую очередь внимание на развитие машиностроения, в области которого наша зависимость от заграницы не только с материально-производственной стороны, но и с точки зрения технических знаний чрезвычайно велика. Мы не можем построить сами ни одной хорошей электрической турбины. Мы не можем ни проектировать, ни строить целого ряда других машин, без которых индустриализация страны совершенно невозможна. Нам нужно научиться самим строить машины, нам нужно обеспечить прогресс машинной техники на территории Союза.

Наиболее слабыми звеньями в общей системе хозяйства страны будут являться на протяжении ближайшего времени топливо, производство электрической энергии и транспорт. Помнится, что в резолюциях партии за истекшее после Октября время на эти отрасли хозяйства неоднократно указывалось как на самые слабые места в нашем хозяйстве.

Я предостерег бы от того, чтобы видеть в том, что сказано в тезисах по поводу этих отраслей хозяйства, только повторение старого.

Необходимо иметь в виду, что в прошлом году Донецкий бассейн дал увеличение продукции на 500 милл. пудов. В текущем году добыча угля в Донецком бассейне вновь повышается на 300—400 милл. пудов. За два года увеличение продукции Донбасса почти на целый миллиард пудов каменного угля! Это такого рода шаг, который позволяет нам гордиться очень большими достижениями в области нашей хозяйственной работы. Добыча угля в остальных угольных районах превышает довоенную. Современные затруднения с топливом страна переживает при громадных достижениях и в угольных и в нефтяных районах и при напряженной работе всего имеющегося для добычи топлива оборудования.

В электростроительстве, если будет исполнена программа текущего года, мы не отстаем от плана. За один 1926 год производство энергии на районных электрических станциях будет увеличено на 150 тысяч киловатт. Несмотря на это, кризис электроэнергии обострился настолько, что Московский совет уже регламентирует потребление электрической энергии. Ближайшие годы сулят дальнейшие осложнения в области электроснабжения, если не будут приняты дополнительные меры по постройке но-

вых станций и расширению существующих. Топливо, электроэнергия являются той основой, которая определяет развитие всего хозяйства страны, и не только хозяйства в узком смысле этого слова, но и жизни населения, особенно в городах. Развитие нового жилищного строительства, улучшение быта рабочих, рационализация производства, расширение трамвайного сообщения, улучшение освещения в городах, не говоря уже о самой непосредственной зависимости всей промышленности от топлива и электричества—все это требует сосредоточения всех сил и всего внимания на предупреждении кризиса топлива и электроснабжения.

В топливо и электростроительство должны в первую очередь направляться средства в размерах, обеспечивающих их развитие в такой степени, чтобы они не явились препятствием для развития всех остальных отраслей народного хозяйства.

На-ряду с топливом, электростроительством и металлом, должно быть обращено особое внимание на вопросы транспортного хозяйства. Железнодорожные перевозки в настоящее время не только достигают довоенного уровня, но даже несколько его превосходят. За истекший год рост перевозок шел удовлетворительно. Однако несмотря на это, в этом году транспорт сделался дефицитным. Идут споры о размерах этого дефицита, и называют цифры от 50 до 100 милл. слишком рублей. Причины дефицита транспорта заключаются в том, что в связи с новым периодом капитального строительства, строительства жилищ и т. п. в составе грузооборота необычайно выросли убыточные или малорентабельные перевозки и уменьшился процент доходных перевозок. Доля рентабельных перевозок, т.-е. тех, которые приносят прибыль железнодорожному транспорту, с 46,5% прошлого года упала до 35%, а малорентабельные и убыточные выросли с 53,5% до 64,9%. Малорентабельные грузы, это—топливо, строительные материалы, лес, цемент и т. д., на которые установлены низкие тарифы. Усиление этих перевозок вытекает из всего характера переживаемой эпохи нового строительства, но для железнодорожного транспорта это выразилось в значительных убытках.

Этот дефицит заставил принять решение о повышении железнодорожных тарифов, которое должно дать на протяжении текущего года дополнительный доход в сумме около 110 милл. руб. Это, конечно, больная мера, но она не может вызвать особенных возражений потому, что и после ее проведения стоимость железнодорожных перевозок будет еще значительно ниже довоенной. Индекс железнодорожных перевозок по сравнению с довоенным уровнем остается гораздо ниже и промышленного и общетоварного индекса.

Вопросы хозяйственного управления.

По мнению некоторых товарищей, абзац в тезисах относительно борьбы с бюрократизмом, режима экономии и о новых задачах в области управления является недостаточно ясным и потому способен вызвать некоторое недоумение.

Причина такой критики этого абзаца кроется, повидимому, в том, что в нем не перечислено с достаточной точностью и конкретностью, что́ именно и в каких областях управления нужно сделать. В тезисах сказано: «Поставить вопрос о пересмотре всей системы управленческого аппарата хозяйства». А как пересмотреть, когда пересмотреть, что́ именно и как изменить—об этом ничего не сказано. Это заставляет меня остановиться несколько подробнее на задачах режима экономии и хозяйственного управления.

Ясно для каждого из нас, что интересы индустриализации требуют максимальной экономии в расходовании средств, в первую очередь, в области управленческого аппарата. Точно так же является совершенно несомненным, что режим экономии связан с более рациональным ведением хозяйства, с улучшением методов государственной работы и с борьбой против бюрократизма.

Каждый шаг по пути индустриализации страны будет ставить перед нами новые и все более сложные задачи в деле организации социалистического общества. Процесс индустриализации означает не только усиление роли рабочего класса, его организаций и более благоприятное для пролетариата соотношение классовых сил, но и коренное изменение методов воздействия рабочего класса на всю хозяйственную и политическую жизнь страны.

Для меня является совершенно несомненным, что созданная нами со времени Октябрьской революции система управления хозяйством не вполне соответствует новым задачам. Она возникла в тот период, когда в условиях гражданской войны и растущего разрушения при помощи государственного централизованного аппарата подбирались предприятия, брошенные буржуазией. С течением времени эта система организации в значительной степени была усовершенствована и в период нэпа более приспособлена к торговому обороту, но и в настоящее время она покоится на такой централизации, которая исходит из недоверия к каждому нижестоящему звену. По самым своим задачам и в период своего возникновения и в последнее время эта система организации не была рассчитана на то, чтобы взвалить на свои плечи задачу индустриализации всей страны. Она целиком была приспособлена к управлению действующими предприятиями, да еще в условиях, которые теперь в значительной степени изменились.

Мы должны решить, насколько система хозяйственного управления, создавшаяся за истекший период, способна выполнять те новые хозяйственные задачи, которые стоят перед страной. Для иллюстрации того, насколько наша система управления приспособлена к новым задачам, на какие болезненные стороны ее мы должны обратить серьезнейшее внимание, я прочту выписку из письма, полученного мною от одного специалиста. Этого специалиста я когда-то лично знал как революционера; я не знаю, в партии он или нет, но считаю его совершенно близким к партии. Он пишет мне, так сказать, по старой памяти, с некоторой смелостью и откровенностью. Я читаю отдельные выдержки из этого письма:

«Пять лет тому назад я взялся с вашего благословения за осуществление задачи создания в наших условиях нового предприятия, обязанного от основания своим возникновением лишь творческим силам нового строя,—предприятия, закладывающего собой фундамент новой промышленности, в блестящее будущее которой верю не только я, но также верят и лучшие наши технологи.

Желая доказать практически, что честный спец в наших условиях, если он предан делу, может сделать многое, глубоко веря в советский строй, я избегал до настоящего времени какого бы то ни было содействия «связей», полагая, что знание и трудоспособность в состоянии победить все трудности. Я отдал этому делу 5 лет своей жизни. С невероятными трудностями, путем доведенной до крайности изворотливости, ободряя все время своих сотрудников, преодолевал я препятствие за препятствием.

И вот теперь, когда все почти уже готово, в чем вы можете убедиться при беглом хотя бы просмотре прилагаемых копий доклада Управлению государственной промышленности ВСНХ и акта ревизии губернского финотдела, когда остается работы еще лишь на 2—3 месяца, я чувствую, что в создавшейся обстановке не дотяну, так как нервы и сердце не выдержат. Вкус к делу и подъем к работе иссякают, бесплодно расточаемые силы слабнут, и остается лишь одно—старое большевистское упрямство, привычка бороться до конца в сознании ответственности за возложенную на тебя задачу. Но и оно подтачивается сознанием, что в создавшейся обстановке я толкусь на месте, распыляя энергию и силы безрезультатно. Судите сами, можно ли плодотворно работать в следующих условиях.

В течение всех пяти лет не было ни одного года, когда были бы даны полностью нужные на текущую работу средства, всегда—лишь клочки, мелкие подачки. В результате этого, например, на

1 октября 1925 года имеем, что сумма возведенных капитальных сооружений и изготовленного оборудования превышает ассигнования на 332 027 руб. 50 коп. За чей счет это превышение? За счет авансов покупателей, подсобной, выросшей из погони за деньгами продукции и за счет моих векселей. Но ведь я же как начальник предприятия, находящегося на госбюджете, выдавать векселя не имею права, однако они явочным порядком ходят по РСФСР, принимаются и учитываются из-за доверия к подписи, ни разу еще не обманувшей. Вместо отпуска денег — бесчисленные обследования.

Так, например, в 1925 году:

1) ревизия губернского финотдела,
2) ревизия губернского отдела труда,
3) ревизия ревизионной комиссии ВСНХ,
4) обследование стройдиректората ВСНХ,
5) обследование особой комиссии по назначению ВСНХ СССР, не считая местных уездных органов.

А в 1926 г.:

1) ревизия соединенной комиссии наркоматов РКИ и НКФ,
2) обследование губернской РКИ,
3) ревизия губфинотдела,
4) обследование губ. ОГПУ,
5) обследование прокуроров,
6) обследование авиозаготовки,
7) обследование химдиректората ВСНХ,
8) обследование стройдиректората ВСНХ,
9) обследование губотдела труда и др.,

при чем в течение одного июля месяца—6 комиссий.

И все эти комиссии считают своим долгом проводить свои обследования в самое горячее по работе, а потому неподходящее время.

Время мое растрачивается самым непроизводительным образом на доклады, заседания, совещания, согласования. Докладов требует центр, докладов требует губерния, докладов требует уезд. Профорганизации, разбив завод по трем союзам—строителей, деревообделочников и рабземлеса, создали три рабочкома, три производственных совещания, три расценочно-конфликтных комиссии. Всюду нужно поспеть, ибо везде требуют моего участия и в случае отказа обижаются. Когда же работать?».

Дальше он описывает другие свои мытарства и приводит один документ уже совершенно исключительный,—то, что побудило его обратиться ко мне. Он получил такой документ:

«Старшему милиционеру Н-ского завода.

Прошу с получением сего выслать в канцелярию уполномоченного губернского отдела ОГПУ по Н-скому уезду гр-на Х... по касающемуся для него делу.

Уполномоченный Н-ского ОГПУ по уезду (подпись)».

Как приложение к этому документу, автор письма получил одновременно записку от своего помощника, из которой следует, что этот вызов, как выяснилось из разговоров по телефону с агентом ОГПУ, не имеет никакой серьезной причины, а является лишь мальчишеской выходкой агента ОГПУ, который хочет показать, что он—начальство.

Выясняя все это дело, я узнал, что никакого суда над этим человеком назначено не было, никто его ни в чем не подозревал, все его считают человеком честным. Я беседовал с товарищами из этой губернии, и ни у кого не было сомнения в том, что человек этот безусловно свой и с большой самоотверженностью, любовью и безусловной честностью работает во вверенном ему деле. Если такие ревизии и эта история с агентом ОГПУ практикуются в случаях, когда дело не возбуждает никакого сомнения и во главе его стоит человек, которого знал Ильич, знаю я, знают Кржижановский и Бухарин, с которым раньше вместе в подполье работали, то что же с другими делается? И можно ли при такой системе быть уверенным, что 1 050 миллионов будут целесообразно истрачены на расширение основного капитала? По-моему, нельзя. (Чубарь: «Миллиард на ревизии, а пятьдесят миллионов на строительство».)

Конечно, на-ряду с хорошими специалистами есть и плохие. Но рабочий класс должен уметь отделить хороших от плохих: хорошему—всячески помочь, плохого—наказать. Но те условия, в которых работал этот специалист, являются совершенно ненормальными. Вся эта система бесконечных и бестолковых ревизий и контролей, связанная в то же время с отсутствием ответственности, едва ли пригодна для того, чтобы обеспечить успешную работу на протяжении всего последующего периода.

Отличительной чертой всего того организационного уклада, который сложился за истекшие годы, является, во-первых, то, что он не имел своей непосредственной задачей индустриализацию страны, и, во-вторых (мы все это признавали и признаем), заражен болезнью бюрократизма. Эта болезнь становится еще более опасной в тот период, когда в гораздо более сложной обстановке мы должны будем затрачивать огромные средства

на индустриализацию страны. Я не буду приводить бесчисленных примеров бюрократического извращения из практики советской работы, а сошлюсь только на свой опыт.

Я часто не могу найти в наркоматах тех рук, которые достаточно твердо и уверенно приняли бы практические вопросы, связанные с индустриализацией страны, не могу найти тех органов, которые быстро и точно разрешали бы их. Такого аппарата нет. Наш управленческий аппарат был приспособлен для разрешения иных задач. Основной вопрос, конечно, заключается в том, какие практические меры нам следует предпринять теперь же. Кто за что отвечает? Какая инстанция окончательно решает? Какие плановые вопросы и в каком порядке должны прорабатываться? Здесь точных указаний или универсальных рецептов я придумать не могу. Нужно ли пересматривать закон о трестах? По-моему, нужно. Эти болезни наиболее губительно отражаются на хозяйственной работе, но я не уверен в том, что и систему нашего государственного аппарата и деятельность советов не нужно пересмотреть не только для того, чтобы уменьшить бюрократизм, но и для того, чтобы несколько повернуть и приспособить эту систему организации к осуществлению индустриализации. Если общая постановка вопроса будет одобрена конференцией, в ближайшее же время должна быть разработана целая система практических мероприятий и постепенно проведена в жизнь. Было бы по меньшей мере странным думать, что мы сможем всю систему, создавшуюся за годы, изменить сразу, одним ударом. В этой работе по пересмотру всей хозяйственной и государственной машины, с целью приспособления ее к осуществлению новых задач и уменьшения бюрократизма, вероятно, будут допущены те или другие ошибки. Это неизбежно, но это отнюдь не может служить аргументом в пользу существующей системы. Едва ли можно уже принять здесь готовые решения по этому вопросу. Мы должны получить одобрение конференции в отношении общей постановки этого основного для нашей работы вопроса.

Сельское хозяйство и индустриализация.

Данная выше характеристика основных, принципиальных вопросов хозяйственной политики партии будет весьма недостаточной, однобокой (не только формально, но и по существу), если не установить связи проблемы индустриализации с проблемами сельского хозяйства. Для всей нашей партии совершенно ясно, что вопросы сельского хозяйства и политики по отношению к крестьянству должны быть полностью согласованы с общей политикой.

Остановиться на этих вопросах тем более необходимо, что политика партии по отношению к крестьянству подверглась наибольшим нападкам со стороны оппозиции.

На апрельском пленуме Центрального Комитета партии было констатировано наличие двух крайних точек зрения по вопросам сельскохозяйственной политики и отношения к крестьянству. Одна из них исходила из необходимости наибольшего покровительствования сельскому хозяйству и вложения туда наибольших средств, чтобы затем, на последующих этапах развития, поставить проблему индустриализации. Другая точка зрения настолько заостряла вопрос индустриализации, что, следуя практически по этому второму пути, наша промышленность стала бы для сельского хозяйства тем же, чем Англия является для колониальных стран. Вторая точка зрения, таким образом, рассматривает сельское хозяйство только как источник получения средств для развития промышленности.

Оба эти взгляда по существу своему являются капитулянтскими. Оба эти взгляда были отвергнуты и XIV съездом партии и апрельским пленумом Центрального Комитета. Но несмотря на это, вопрос об отношении к крестьянству в связи с проблемой индустриализации продолжает дебатироваться и на страницах печати и на рабочих собраниях.

Практическое разрешение задачи индустриализации должно покоиться на такой экономической политике партии и государства, при которой всемерное развертывание промышленности создавало бы одновременно благоприятные условия и для развития производительных сил сельского хозяйства. Само крестьянство заинтересовано в развитии индустрии. Крестьянство заинтересовано в индустриализации не только как покупатель промышленной продукции (предметов потребления и орудий производства), лучшей по качеству и дешевой по цене (чего мы достигнем лишь по мере расширения промышленного строительства), но и как производитель сельскохозяйственного сырья. Нет нужды доказывать здесь, какое совершенно исключительное влияние оказывает машина, например трактор, на развитие сельского хозяйства. В нашей стране только один Путиловский завод приспособлен к производству тракторов. Но и он производит их в пять-шесть раз дороже, чем за границей. Количество производимых тракторов у нас чрезвычайно ничтожно. Мы будем принуждены в этом году отпускать тракторы только коллективным хозяйствам, машинным товариществам, да и то не всем. Мы в состоянии будем удовлетворить не более 1/5 части спроса деревни. Постройка тракторного завода в

Сталинграде является в такой же степени рабочей, в какой и крестьянской проблемой, потому что трактор этого завода будет являться одним из основных двигателей сельского хозяйства. Этот пример с тракторным заводом можно было бы, конечно, дополнить целым рядом других примеров и иллюстраций, из которых видно, что развитие самого сельского хозяйства в настоящий момент зависит от развития индустриализации. Точно так же и вопросы избыточного населения в деревне будут разрешаться по мере расширения промышленности: значительная часть крестьян, не находящих приложения своего труда в сельском хозяйстве, сможет найти заработок в городах только при росте промышленности.

Таким образом и как потребитель и как производитель крестьянство заинтересовано в развитии индустрии. Вместе с тем сельское хозяйство должно быть в большей степени, чем до сих пор, приспособлено к нуждам индустрии. Сущие пустяки, когда утверждают, что теперешний голод на ряд промтоваров целиком и полностью связан только с недостатком машин и оборудования. Это неверно. На протяжении прошлого и настоящего года голод на текстильные, шерстяные, кожевенные изделия был связан не с недостатком оборудования, но с недостатком сырья: кожи, шерсти, хлопка и т. д.

С этой точки зрения особенно опасным симптомом является то снижение роста технических культур, которое наблюдалось в истекшем году. Продукция сельскохозяйственных культур, которые дают сырье для промышленности, составляет в этом году приблизительно 94% продукции прошлого года. Наблюдается также задержка в развитии животноводства. В значительной степени мы сами в этом виноваты, в частности здесь сыграли роль промахи в области регулирования цен. На-ряду с чрезмерным подъемом цен на хлебные продукты было допущено сильное снижение цен на лен и другие технические культуры. Крестьянство, учитывая неблагоприятную конъюнктуру, ориентируется на те культуры, которые дают ему больше дохода. В результате мы имеем падение продукции технических культур. До сих пор очень подробно и очень много обсуждалась везде и всюду, вплоть до пленума ЦК и партийных конференций, проблема хлебных цен. Но очень мало обращают внимания на проблему сырьевых цен, она как-то выпала из поля общественного внимания. Политика цен на важнейшие для нас технические культуры не подвергалась достаточной разработке, считаясь подчиненной, второстепенной. Вопросы, связанные с нею, часто разрешались случайно на тот или другой месяц, по отношению к тому или другому району. Но в целом не было достаточно

твердой, выдержанной линии политики цен на сырьевую продукцию сельского хозяйства. Ошибки, допущенные в этой области, необходимо исправить во что бы то ни стало и чем скорее, тем лучше, ибо ясно для всякого, что чем меньше будет производиться сырья внутри страны, тем больше мы будем принуждены ввозить его из-за границы. В нашем импортном плане на текущий год доля промышленного сырья (хлопок, шерсть, кожа и т. п.) составляет более 40%. Слабости нашего сельского хозяйства мы поправляем тратой валюты на покупку сырья за границей. Необходимо принять поэтому все меры для того, чтобы на протяжении ближайшего будущего устранить разрыв по этой линии между сельским хозяйством и промышленностью.

Необходимо вплотную поставить вопрос о порайонном регулировании цен на сельскохозяйственную продукцию, поощряя развитие технических интенсивных культур. При этом необходимо учитывать не только интересы данного месяца или группы заготовителей, а исходить из учета всей народно-хозяйственной обстановки.

Особенно злободневным в политике партии в деревне является вопрос о расслоении крестьянства.

Некоторыми товарищами из оппозиции дифференциация деревни трактуется так, что вновь в послеоктябрьских условиях «нить экономического развития верхних слоев нашей деревни идет по пути создания слоя капиталистического фермерства, прерванная революцией, эта нить историей снова взята и плетется» (из речи т. Преображенского в Комакадемии). Из этого следует, что оппозиция считает безусловно доказанным, что в настоящее время в деревне происходят точно такие же процессы расслоения, какие происходили и при царе, в условиях частной собственности на землю и дворянско-помещичьего землевладения, что Октябрьская революция не оказывает сколько-нибудь заметного и прочного влияния на соотношение сил в деревне, и «нить, прерванная революцией, вновь взята историей и плетется». Такая постановка вопроса должна привлечь внимание всей партии. Эта «теория» должна получить соответствующую оценку, тем более, что наша политика по отношению к деревне трактуется этими товарищами буквально в таких словах: «Топтаться на месте, лавировать, делать уступки мелкой буржуазии, а затем капитулировать перед ее напором»...

Вот какие обвинения ставятся партии в связи с вопросом о расслоении деревни. Это заставило меня попросить наших статистиков дать возможно новые сведения о процессах расслоения крестьянства. Вот данные выборочных обследований, произведенных ЦСУ по 35 губерниям.

Группировка крестьянских хозяйств по посеву (в процентах).

	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Без посева	6,9	5,3	4,8	4,2
С посевом до 2 десятин	46	40,7	36,6	33
От 2 до 6 дес. . . .	40,3	44	46,7	49,3
» 6 » 10 » . . .	5,6	7,8	9	10,2
Свыше 10 » . . .	1,2	2,2	2,9	3,3

Из этой таблицы видно, что как доля беспосевных, так и доля малопосевных, карликовых хозяйств, с посевом до 2 десятин, уменьшается из года в год. С другой стороны, наблюдается также и рост хозяйств с посевом свыше 10 десятин.

Я приведу дополнительные итоговые данные о группировке крестьянства по скоту по РСФСР, исчисленные в Наркомфине на основании групповых сводок поселенных списков по сельхозналогу.

	1923/24 г.	1925/26 г.
Без скота	17%	15%
До 2 голов	63%	60%
От 2 до 4 голов	18%	22%
Свыше 4 голов	2%	3%

Наблюдается таким образом уменьшение доли бесскотных и малоскотных хозяйств и рост хозяйств, имеющих от 2 до 4 голов скота. Одновременно отмечается и некоторый рост хозяйств, имеющих больше 4 голов на хозяйство.

У меня нет данных о распределении новой тяговой силы, именно тракторов. Благодаря проводимой нами системе продажи тракторов мы добились того, что до настоящего времени большая часть из них находится у малоимущих слоев, объединенных в машинные товарищества, коллективные хозяйства, и т. д.

Что такое расслоение крестьян и как это расслоение понимали в старое время? Под расслоением крестьян подразумевалось рассасывание середняцкого слоя, его распадение на два крайних фланга. Середина вымывается за счет роста, с одной стороны, бедняцкого слоя, а с другой—зажиточного, кулацкого. В таком чистом, «классическом» виде процесса расслоения крестьян в настоящий момент нет. Мы имеем общий подъем всех групп хозяйства, уменьшение бесскотных, беспосевных и малопосевных хозяйств. Все группы крестьянских хозяйств растут вверх. Основная толща середняцкого слоя не только не распадается, но растет и приобретает большее значение, так как поднимающиеся на основе нашей политики в деревне бедняцкие слои пополняют середину.

В то же время происходит пролетаризация части беднейших слоев крестьянства и выделение из зажиточной части крестьянства

кулацкого слоя, который становится более влиятельным, деятельным и активным. В чем политическое значение приведенных данных по посеву и скоту? В том, что они наглядно подчеркивают, что происходящий в деревне процесс расслоения видоизменен условиями революции—национализацией земли, нашей налоговой политикой, политикой построения сельскохозяйственного кредита, организацией бедноты, созданием специального фонда бедноты, деятельностью сельскохозяйственной кооперации, поощрением коллективных форм сельского хозяйства и, наконец,—всей политикой партии и советов.

Во всяком случае несомненно, что как характер, так и темп расслоения иной, чем в дореволюционные времена. В этом—основное своеобразие идущих в деревне процессов дифференциации.

До настоящего времени продолжается процесс освоения бедняками полученной ими в результате аграрной революции земли. До сих пор они, за отсутствием средств, живого и мертвого инвентаря, имея землю, не могли ее использовать. На почве общего восстановления хозяйства продолжается и усиливается процесс освоения земли бедняцкими слоями деревни. Поэтому те взгляды, которые переносят целиком дореволюционные представления о расслоении на нынешнее время, являются совершенно неправильными. Эти взгляды носят на себе печать капитулянтства и в том случае, если в их основе лежит простое незнание процессов, происходящих в деревне, и в том случае, когда они являются результатом какого-то органического недуга пораженчества перед каждым встречающимся затруднением. В связи с этими взглядами была создана специальная программа новой налоговой политики по отношению к деревне. Впервые эту программу изложил т. Троцкий в своей поправке к резолюции по хозяйственной политике на апрельском пленуме ЦК. В этой поправке говорится: «сельхозналог должен явиться одним из важнейших рычагов для перераспределения народно-хозяйственных накоплений». Для сверхиндустриалистов никакого предела в изъятии средств для индустрии нет. Если мы в этом году ассигновали бы на индустриализацию, скажем, 5 миллиардов рублей, то назавтра же получили бы резолюцию о том, что нужно еще прибавить по меньшей мере 4 миллиарда. Но если даже исходить из ассигнования этого года 1 050 миллионов рублей, то и в этой сумме «важнейший рычаг»—сельхозналог—должен, очевидно, дать несколько сот миллионов рублей,—иначе не было бы смысла сельхозналог называть «важнейшим рычагом перераспределения народно-хозяйственного накопления»,—но тогда сельхозналог пришлось бы увеличить если не во много, то во всяком случае в 2 раза. Ведь нельзя же употреблять такие слова, как «рычаг», «важнейший» и т. п., из-за

нескольких миллионов рублей. За добавочное обложение крестьянства, придавая этому добавочному обложению громадное практическое и принципиально-политическое значение, высказываются и многие другие члены оппозиции, например т. Преображенский.

Наш единый сельхозналог построен таким образом, что главною своей тяжестью ложится на кулацкие и зажиточные слои деревни: 15% верхушечной части крестьянских дворов уплачивают 47% всего налога, около 25% крестьянства совершенно освобождено от налога.

Для того чтобы показать, насколько невелики у нас возможности увеличения тяжести обложения, я приведу один пример из жизни деревни. Наши органы для выяснения обложения и определения допустимой меры изъятия обследуют по выборочной системе целый ряд крестьянских дворов. Беру хозяйство Быковской волости Бронницкого уезда Московской губ. Доход этого хозяйства—1 248 руб. Единый сельхозналог взимается в размере 253 руб. 50 коп. К этому прибавляется самообложение, страхование и т. д.; всего вместе получается около 400 руб., т.-е. около 32% всего дохода. Таким образом при доходе хозяйства в 1 248 руб., т.-е. около 100 руб. в месяц, у хозяйства берется около 400 руб., т.-е. четырехмесячный доход. Кроме этого, крестьянство в целом очень много переплачивает из-за высоких розничных цен на промтовары.

Конечно, можно спорить о том, достаточно ли совершенна самая система обложения. Опыт этого года должен показать ее недостатки и направление возможных изменений. У меня есть ряд сообщений с мест о некоторых неправильностях в сельхозналоге, будто бы сельхозналог в этом году оказался в некоторых районах слишком тяжелым и для середняцких хозяйств. Может быть, эти сообщения и неверны, но во всяком случае тяжесть обложения не настолько мала, чтобы можно было сделать из увеличения единого сельскохозяйственного налога «важнейший рычаг» перераспределения средств для индустриализации. Всякие поправки к налогу возможны, возможен пересмотр ставок, при росте сельского хозяйства возможно и некоторое увеличение, а для отдельных групп крестьянства или районов и уменьшение его тяжести. Очевидно, что никаких крупных добавочных средств для индустриализации при современном положении сельского хозяйства этим путем мы не можем получить. Всякий, кто попытается из увеличения единого сельскохозяйственного налога сделать один из важнейших рычагов, обеспечивающих перераспределение средств в целях индустриализации, обеспечит разрыв союза рабочих и крестьян.

Вопросы текущей хозяйственной политики.

а) Вопрос о частном капитале.

Кроме атаки на политику партии в деревне, оппозиция, как известно, пыталась нажить «политический капитал» на вопросе о частном капитале. Во время последней дискуссии оппозиция выдвинула программу, которая со «стопроцентной» ясностью и точностью формулирована т. Зиновьевым (он ведь хороший стилист!) в его выступлении на «Авиоприборе». Вот что он там сказал: «На полмиллиарда сократить расходы за счет бюрократизма. Взять за ребра кулака, нэпмана—получим еще полмиллиарда. Один миллиард выиграем, поделим между промышленностью и зарплатой. Вот в двух словах наша хозяйственная программа»...

Другая хозяйственная программа более пространно изложена неким Майзлиным («Большевик», № 18). Мне говорили, что этот Майзлин—очень хороший знакомый В. М. Смирнова и Пятакова. Этот самый Майзлин нашел новый миллиард путем повышения отпускных цен на предметы широкого потребления на 30%. Итак, один миллиард отыскал Зиновьев, другой Майзлин—два миллиарда,—немалая находка для нашей индустриализации. (Смех. Возгласы: «Индустриализаторы здоровые!», «Для начала ничего!».)

Из этого примера вы видите, в какой обстановке, в каких неравных условиях шла дискуссия. Тов. Зиновьев приходит в ячейку, кладет на стол миллиард (смех), а Майзлина со вторым миллиардом держит в резерве для подкрепления кассы. Наши сторонники ничего подобного предложить не могут. Однако несмотря на это неравенство, эти два «миллиардера» были разбиты рядовыми партийцами по всем ячейкам. (Смех.) Рядовые партийцы оказались более грамотными в экономических вопросах, чем лидеры оппозиции. (Аплодисменты, смех.) Я считаю совершенно анекдотической всю аргументацию оппозиции в пользу этих миллиардов и не хочу унижать конференцию доказательством всей несостоятельности этих предложений. (Микоян: «Не требует доказательства». Аплодисменты.) Но так как получение этих миллиардов связано с вопросом о частном капитале, то я хочу сказать несколько слов по этому вопросу, при чем сразу должен оговориться, что бесспорных, твердо установленных цифр о размерах частного капитала и его накопления не существует. Преувеличенные исчисления т. Пятакова были в свое время опровергнуты т. Дзержинским. Данные, которые мне были представлены о размерах частного капитала и его накопления из различных ведомств и отдельными товарищами, занимавшимися этим вопросом, мне

кажутся спорными. Согласно этим данным, размер годового накопления у частника колеблется примерно от 100 до 200 милл. рублей. Еще раз оговариваюсь что у меня нет твердой уверенности, насколько эти цифры точно отражают действительное положение. Бесспорно установленным нужно считать то, что роль частного капитала за последние годы в нашей экономике постепенно падала. Обращаю ваше внимание на следующие данные: в 1923/24 году удельный вес частника в оптовом обороте определялся 22%; в настоящее время этот процент снизился до 9. В розничной торговле роль частного капитала упала с 57% в 1923/24 г. до 39% в 1925/26 г. Вы видите на этих цифрах, как частник сдавал одну позицию за другой обобществленным элементам нашего хозяйства на том участке нашей экономики, который является главнейшим полем его деятельности. В производстве роль частника незначительна. Одним из источников накопления частного капитала была спекуляция на валюте, была черная биржа, которую мы ликвидировали. В абсолютном своем выражении накопление частного капитала, вероятно, увеличивается, но несомненно, что благодаря более быстрому росту обобществленной части нашего хозяйства относительное значение частного капитала падает. Во время дискуссии в 1923 году т. Преображенский определял накопление для частно-капиталистического сектора в 600 милл. руб., а теперь т. Пятаков исчисляет это накопление в размере 400—500 милл. Таким образом и у оппозиции, несмотря на ее испуг перед частным капиталом, цифра его накопления падает.

Однако необходимо видеть, что в настоящее время частный капитал стал более организованным и активным, чем ранее, более приспособился к современным условиям и укрепляет свои связи с верхушкой деревни, активность которой также растет. Поэтому было бы большой ошибкой с нашей стороны, если бы мы не видели той опасности, которая в этом отношении встает перед нами.

Наиболее характерным в той борьбе, которая нами все время велась и будет вестись с частным капиталом, изменяясь в своих формах в зависимости от условий каждой данной полосы развития, является за последнее время то, что мы—государство, обобществленное хозяйство—ведем наступление на частный капитал, а не он на нас. Мы достигли в борьбе с ним реальных успехов в области оптовой торговли. Мы значительно продвинулись вперед по пути овладения розницей. Мы уже имеем целый ряд способов, проверенных опытом по регулированию частного капитала. Круг этих методов и форм регулирования частного капитала, в смысле вытеснения его из тех отраслей, где его деятельность является наименее желательной, и привлечения его в те отрасли, где он

может быть поставлен под больший контроль и где деятельность его в данный момент является более целесообразной с точки зрения интересов государства,—может и должен быть значительно расширен.

Мы с успехом применяли экономическое регулирование частных перевозок на транспорте. Положительные результаты дал в некоторых случаях опыт со снабжением частника продукцией госпромышленности с одновременным установлением твердых и точных гарантированных условий, на которых частник должен был продавать продукты госпромышленности. В законодательном порядке приняты меры по привлечению частного капитала в область строительства жилищ. Впервые производится опыт проведения специальных, несколько повышенных ставок за перевозки частных грузов, при чем в случае удачи этого опыта запретительные меры по отношению к частным перевозкам на некоторые грузы будут заменены увеличенными тарифами.

Вы знаете также, что нами введен ряд изменений в налоговое законодательство по обложению нетрудовых слоев населения в направлении усиления этого обложения. Это сделано было после изменения состава СТО и коллегии НКФина. Прогрессия подоходного налога усилена в полтора раза по сравнению с прежним законом.

Вот вывод комиссии ВСНХ, специально работавшей над вопросом о частном капитале (оговариваюсь, это мнение комиссии, которое еще не утверждено президиумом ВСНХ):

«Подоходный налог поднят до 45% дохода плательщиков, не считая местной надбавки. Поскольку местная надбавка в размере 35% основного налога местами повышается до 50%,—обложение подоходного налога может достигать 56—67% дохода. Обложение сверхприбыли в пределах до 50% налога, т.-е. 22,5% дохода, может в отдельных случаях повысить размер подоходного обложения до 90%. Однако благодаря нивелированию доходов, несмотря на высоту ставок, средний процент изъятия дохода по подоходному налогу будет составлять всего лишь 8,4%».

Если эти вычисления подтвердятся, то, вероятно, придется для некоторых групп налогоплательщиков принять меры не в сторону повышения прогрессии обложения, а в сторону снижения ее.

Главным недостатком в области налоговой политики по отношению к частному капиталу до настоящего времени является возможность для целого ряда доходов частника ускользать от учета и обложения. Партия до сих пор недостаточно обращала внимание на работу налогового аппарата и не оказывала ему той помощи и поддержки, которые необходимо оказать, если мы хотим

добиться более решительных результатов в области налогового обложения частного капитала.

Главный вопрос заключается не в недостатках наших законов, а в недостатках их практического проведения.

Рост наших хозяйственных, заготовительных, налоговых, кооперативных и других организаций сделал возможным успешное применение в широком масштабе и без риска в какой-либо степени подорвать хозяйственную жизнь страны таких методов регулирования деятельности частного капитала, которые 3—4 года тому назад были еще невозможны.

Главной нашей слабостью в отношении к частному капиталу является недостаток учета и контроля. Поэтому улучшение постановки учета и контроля является важнейшей ближайшей практической задачей в вопросе о частном капитале.

* * *

В план моего доклада входила подробная характеристика хлебофуражного баланса, товарного голода, внешней торговли и вопросов труда и заработной платы. За недостатком времени я не могу этого сделать так, как это было бы нужно для характеристики хозяйственного положения страны. Поэтому ограничусь самыми краткими замечаниями.

б) Хлебофуражный баланс.

Урожай этого года несколько выше урожая предыдущего года— приблизительно процентов на 10. Это отразилось и на нашем экспортном плане, в котором экспорт хлеба играет значительно бо́льшую роль по сравнению с предыдущим годом.

В хлебозаготовительную кампанию мы вступили при более благоприятных условиях, чем это было в прошлом году. Хлебные цены удалось установить на более низком по сравнению с прошлым годом, но в общем и целом удовлетворяющем и интересы крестьянства уровне. Самый аппарат хлебозаготовок значительно улучшился.

Затруднения в хлебозаготовках могут произойти оттого, что повышенный урожай в этом году получился в таких районах, как Казакстан, Башкирия, Оренбургский район и др., в которых условия хлебозаготовок, в силу недостаточного развития путей сообщения и слабости кооперации и хлебозаготовительного аппарата, являются очень трудными.

Относительно уменьшения роли в урожае этого года технических культур я уже говорил.

в) Товарный голод.

В тезисах, внесенных на ваше обсуждение, указано, что товарный голод будет иметь место и в текущем году, но в то же самое время нет данных для того, чтобы ждать обострения товарного голода.

Характерным для товарного рынка в текущем году является то, что удовлетворение спроса на промышленные изделия на внутреннем рынке в этом году идет исключительно за счет внутреннего производства, в то время как в прошлом году около ста миллионов рублей валютой было истрачено на ввоз из-за границы ситца и других товаров широкого потребления. Вместо ввоза готовых товаров мы увеличили ввоз сырья и добились большего увеличения продукции нашей промышленности по недостаточным товарам, чем это предполагалось в плане.

Самый перечень недостаточных товаров сократился и ограничивается хлопчатобумажными и шерстяными тканями, кожевенными изделиями и ходовыми сортами металлических изделий.

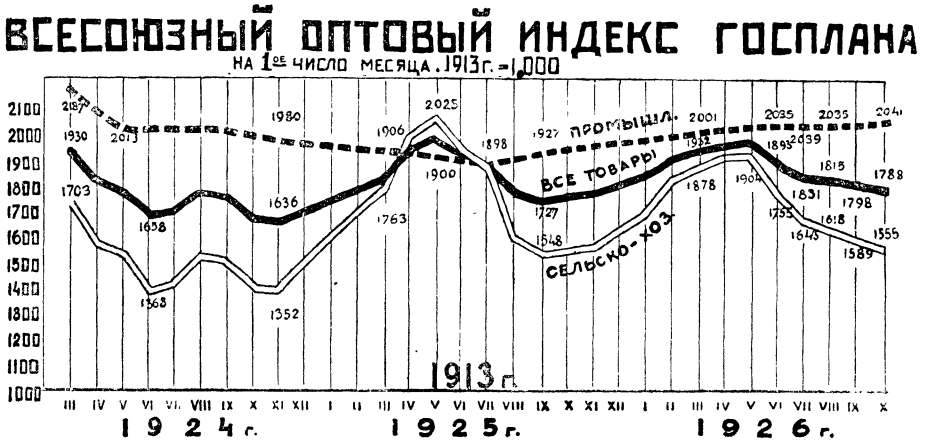
Теперь имеются некоторые данные для того, чтобы положение на товарном рынке улучшить. Урожай хлопка в Туркестане оказался благодаря хорошей погоде за последний месяц несколько выше, чем можно было рассчитывать. С другой стороны, падение цен на хлопок на американском рынке позволяет увеличить импорт заграничного хлопка. Главным и решающим вопросом на товарном рынке является соотношение цен.

г) Политика цен.

Я уже говорил о том, что цены на сельскохозяйственные товары в этом году держатся на значительно пониженном уровне против прошлого года. Как видно из диаграммы (см. диаграмму на 133 стр.), начиная с мая, кривая сельскохозяйственных цен быстро падает; в то же время линия промышленных розничных цен показывает едва заметное снижение (с 1 мая по 1 октября понижение на 2,6%), а оптовые—даже дают некоторое, правда едва заметное, повышение (на 0,4%). В предыдущие годы май—октябрь были месяцами подъема цен; в прошлом году, например, за это время розничные и промышленные цены увеличились свыше чем на 6%. Таким образом тот факт, что на протяжении месяцев сезонного обострения спроса на промышленную продукцию нам удалось достигнуть перелома в движении розничных промышленных цен, является значительным успехом. Однако по сравнению с прошлым годом уровень розничных цен чрезвычайно высок, и на 1 октября 1926 года он был по сравнению с 1 октября 1925 г. выше приблизительно на 10%. Первый толчок наблюдав-

шемуся на протяжении всего истекшего года росту цен был дан преувеличенной эмиссией начала прошлого года и последнего квартала позапрошлого года. Хороший урожай этого года дал возможность быстро оздоровить рынок сельскохозяйственных товаров.

Большую опасность представляют слишком высокие розничные цены на промышленные изделия. Мы ни в коем случае не можем



удовлетвориться достигнутыми результатами в области понижения розничных цен на промышленные товары и должны со всей энергией продолжать начатую кампанию по их снижению. Слишком резкое расхождение между ценами на сельскохозяйственные товары и на промышленные изделия может вызвать вполне справедли-

вое недовольство крестьян и повести к повышению хлебных цен. Поэтому необходимы самые энергичные усилия партии, кооперации и всех хозяйственных органов для понижения цен на промышленные товары.

Относительно политики цен между Центральным Комитетом партии и оппозицией существуют коренные, принципиальные разногласия. Как я говорил, второй миллиард, который «имеется» в кассе оппозиции, является результатом защищаемого ею повышения цен. Эта политика повышения цен находится в полном противоречии с той политикой, которую проводит большинство Центрального Комитета. Аргументы против этой политики оппозиции изложены в тех тезисах, которые представлены вашему вниманию. Я бы хотел только сказать, что разногласия относительно политики цен идут гораздо дальше разногласий чисто экономического порядка. Эти разногласия имеют глубокое политическое значение. Низкие цены, это—цены, отвечающие интересам бедных, малоимущих рабочих и крестьян; высокие цены, это—цены кулаков, нэпманов и зажиточных слоев деревни. Политика высоких цен, это—не что иное, как смычка с кулаком и нэпманом. Высокие цены в конечном счете определяют разрыв союза рабочих с крестьянами.

При всем нашем сопротивлении повышению цен, при всем нашем величайшем нажиме мы, благодаря тому, что наша торговля еще плохо организована, благодаря тому, что накладные расходы государственной и кооперативной торговли чрезмерны, добились пока недостаточных еще результатов. Что же получится, если мы примем платформу оппозиции?

В этом вопросе не может быть оправдания и для тех членов оппозиции, которые свою платформу в области цен или сопровождают бесчисленным количеством оговорочек, или же намекают на то, что внутри оппозиции по этому вопросу нет единства мнений.

Если откинуть все эти дискуссионные оговорочки, которые нужны оппозиции для более убедительного обоснования своей позиции, то станет ясно, что платформа высоких цен оппозиции вытекает из основной предпосылки—из взгляда оппозиции на крестьянство как на своего рода колонию и на цены как на своего рода систему налогов на крестьянские массы. В конечном счете эта политика высоких цен должна была бы привести к величайшим политическим затруднениям.

д) Внешняя торговля.

Два слова о внешней торговле для того, чтобы со всей решительностью подчеркнуть необходимость достижения во что бы то ни стало активного торгового баланса. Проект плана по внешней

торговле предполагает в этом году к накоплению 75 милл. руб. валютных ресурсов, при этом активное сальдо по расчетному балансу должно превысить 100 милл. руб. Этого необходимо добиться особенно потому, что на протяжении двух истекших лет мы имели пассивный баланс и значительное сокращение валютных ресурсов.

Строение импорта в этом году существенно отличается от строения импорта прошлого года: более чем на 50% увеличивается ввоз оборудования по сравнению с прошлым годом. Точно так же значительно возрастает ввоз сырья, что даст возможность расширить работу промышленности, продукция которой поступает на широкий рынок.

Выполнение плана импорта должно быть поставлено в полную зависимость от исполнения экспортного плана, с таким расчетом, чтобы на протяжении всего года было обеспечено постепенное накопление валютных резервов.

Мне нет надобности на конференции доказывать незыблемость монополии внешней торговли, что со всей решительностью подчеркнуто в тезисах.

В качестве иллюстрации к тому, что говорится в тезисах о необходимости всяческой борьбы с высокими накладными расходами, продолжающими оставаться чрезмерными, я приведу следующую справку, сообщенную мне из НКТорга: содержание торгового аппарата по заготовке льна до войны составляло 12—15 к. с пуда, теперь—48—50 к. Такого же рода высокие накладные расходы наблюдаются и в некоторых других отраслях торговли.

е) Вопросы труда.

На повестке дня конференции стоит специальный доклад т. Томского «Итоги работы и очередные задачи профсоюзов», в котором будут подробно освещены вопросы заработной платы, безработицы, производительности труда, деятельности производственных совещаний и т. д.

Каждый участник социалистического строительства прекрасно понимает всю исключительную важность этих вопросов. Мне хотелось бы отметить только основные моменты ближайших задач работы партии в этой области.

Прежде всего необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что, хотя работа производственных совещаний, профсоюзов в последнее время значительно оживилась, мы должны добиться еще большего, чем теперь, участия этих организаций в деле хозяйственного строительства. Каждый партийный, профессиональный и советский работник должен проникнуться сознанием того, что осуществление индустриализации может быть успешным лишь в том случае, если оно будет сопровождаться ростом

активности и организованности рабочего класса и повышением его культурного уровня.

На-ряду с увеличением роли рабочих организаций в деле хозяйственного строительства (вне которого сама идея индустриализации будет неизбежно забюрократизирована) должны быть изжиты всякие попытки проведения режима экономии за счет насущных интересов рабочего класса. Партия должна вести такую политику, чтобы в соответствии с ростом всего хозяйства неуклонно улучшалось положение рабочего класса, в первую очередь наихудше оплачиваемых слоев его.

За последнее время наблюдались случаи ослабления дисциплины на предприятиях и увеличения прогулов. Силами рабочих организаций и партии эти явления должны быть изжиты.

Улучшая социальное страхование рабочих, партия должна добиться более решительных успехов в деле улучшения жилищных условий для рабочих, так как в настоящее время и хозяйственное развитие, и улучшение быта рабочих, и культурный рост рабочего класса в значительной степени зависят от улучшения его жилищных условий.

Вместе с тем партия должна уделить больше внимания мерам борьбы с безработицей. Безработица в наших условиях обусловливается в основном иными причинами, чем в капиталистических странах. Она наблюдается при росте числа занятых в промышленности рабочих, связана своей главной частью с избытком рабочих рук в деревне и будет носить длительный характер. Меры, направленные к изживанию безработицы, должны итти не только по линии развития индустрии и организации общественных работ, но и по линии целого ряда мероприятий, проводимых в деревне. Эти меры, принятые, например, по отношению к Центрально-черноземной области и районам, пострадавшим от неурожая, уже дали заметные результаты. В этом году необходимо создать условия и для улучшения переселенческого дела, предусмотрев в бюджете увеличение ассигнования сумм, сравнительно с прошлым годом, на организацию переселения.

* * *

В тезисах, которые внесены на обсуждение конференции, платформа оппозиции названа «пораженческой». Этот термин, при обсуждении тезисов на заседании Политбюро, вызвал особенно резкие возражения со стороны оппозиции. Так как несомненно, что сторонники оппозиции будут и на конференции доказывать несостоятельность этого термина, я хочу сказать несколько слов в его защиту.

Неверие в силы революции, неверие в силу рабочего класса заставляет оппозицию все время говорить о «грядущем», «ближайшем», «возможном» поражении пролетарской диктатуры. Я напомню письмо т. Троцкого в Политбюро от 8 октября 1923 года и документ «46-ти» приблизительно от того же времени. Оба эти документа содержат в себе подобного рода заявления. Тов. Троцкий тогда писал: «Партия может оказаться застигнутой врасплох кризисом исключительной остроты, и в этом случае партия имела бы право каждого, кто видел опасность, но не называл ее открыто по имени, обвинить в том, что он форму ставил выше содержания». О каком кризисе шла речь в документе т. Троцкого? В документе «46-ти» кризис этот характеризуется так: «Если не будут немедленно приняты широкие, продуманные, планомерные и энергичные меры, если нынешнее отсутствие руководства будет продолжаться, мы стоим перед возможностью необычайно острого хозяйственного потрясения, неизбежно связанного с внутренними политическими осложнениями и полным параличом нашей внешней активности и дееспособности. А последняя, как всякому понятно, нужна нам теперь больше, чем когда-либо, от нее зависят судьбы мировой революции и рабочего класса всех стран».

И дальше: «Хозяйственный кризис в Советской России и кризис фракционной диктатуры в партии, в случае если бы создавшееся положение не было в ближайшее время радикально изменено, нанесут тяжелый удар рабочей диктатуре в России и Российской рабочей партии. С таким грузом на плечах диктатура пролетариата в России и гегемон ее—РКП—не могут войти в полосу надвигающихся новых мировых потрясений иначе, чем с перспективой неудач по всему фронту пролетарской борьбы». Так говорила и так ошибалась оппозиция 1923 года.

Такое же неверие в силы революции сквозит в выступлениях новой объединенной оппозиции. Я вам прочту несколько цитат из поправок тт. Троцкого и Каменева к резолюции апрельского пленума.

Тов. Троцкий пишет: «Все данные говорят за то, что наша промышленность встретит урожай 1926 года без всяких товарных запасов, что может означать воспроизведение нынешних трудностей в возросшем масштабе (подчеркнуто т. Троцким). В этих условиях хороший урожай, т.-е. потенциально возросшее число товарных излишков сельского хозяйства, может стать фактором, не ускоряющим темп хозяйственного развития в сторону социализма, а, наоборот, дезорганизующим экономику, обостряющим взаимоотношения между городом и деревней, а внутри самого города между потребителем и государством».

То же самое «воспроизведение нынешних трудностей в возросшем масштабе» и предсказания осеннего кризиса имеются в поправках т. Каменева к апрельской резолюции. Он говорил: «Хозяйственный период, в который мы вступаем, способен в случае хорошего урожая—на-ряду с общим ростом хозяйства—даже обострить обрисованные затруднения». Мы тогда, на апрельском пленуме, говорили, что этим товарищам никак не угодишь: неурожай—плохо, а урожай—еще хуже. (Смех.) При неурожае—кризис и при урожае—тоже кризис. Разве это не паникерство и не неверие? Не только ко всякому небольшому затруднению, но даже и к таким положительным фактам, как хороший урожай, оппозиция подходит с испугом, с ожиданием неизбежности общего кризиса. Плохое ли, хорошее ли происходит в нашем хозяйстве, они не говорят ни о чем другом, кроме поражения. Поражением они пугали в 1923 г., поражением они пугают в 1926 г. Во всех этих выступлениях красной нитью проходит неверие в силу рабочего класса, в силы партии и революции.

Идеология оппозиции является пораженческой еще и в том смысле, что если бы партия положила в основу своей деятельности ее политическую платформу, ее политику цен, ее отношение к крестьянству, ее двухмиллиардную программу, то поражение революции и диктатуры пролетариата действительно было бы полностью обеспечено.

Конечно, между пораженчеством теперь и пораженчеством в период империалистической войны—кардинальная разница. В тот период пораженцы сознательно держали курс на поражение царских войск в империалистической бойне, на низвержение помещичье-капиталистического режима. Конечно, было бы дико приписывать оппозиции, что она сознательно стремится к поражению диктатуры пролетариата в СССР, но ее неверие в творческие силы революции и рабочего класса, независимо от ее желания, делает ее платформу пораженческой.

Но неужели т. Троцкий не понимает, что быть пораженцем в период империалистической войны, когда царская Россия участвовала в международной бойне, было очень хорошо: это значило быть хорошим революционером, большевиком и коммунистом. Совершенно другое дело (голос с места: «Он тогда этого не знал») быть пораженцем в тот период, когда ведется победоносная борьба диктатуры пролетариата за организацию социалистического общества. (Шумные, долго не смолкающие аплодисменты.)

Председательствующий. Согласно регламента заседание объявляется закрытым.

Заседание четвертое.

(28 октября 1926 года, дневное.)

Петровский (председательствующий). Товарищи, заседание конференции возобновляется. Переходим к прениям по докладу т. Рыкова. Слово имеет т. Эйхе.

Эйхе. Тов. Рыков вчера в своем обширном докладе наметил те основные задачи, на которых нашей партии придется сосредоточить все внимание. Несомненно, что за последний год мы имеем крупные успехи, и эти успехи достигнуты вопреки пророчествам катастрофы, в которых так изощрялась наша оппозиция. За истекший год мы сумели преодолеть массу трудностей, болезненно отзывавшихся на всем нашем хозяйстве. Я напомню, что на XIV съезде партии выступавшие товарищи из оппозиции рекомендовали себя сигнализаторами, так как они будто бы сигнализировали партии опасности, которые стоят на пути строительства. Нельзя, товарищи, не отметить также, что эти сигнализаторы в своей практической деятельности ничего не сделали для того, чтобы помочь партии преодолеть действительные трудности на нашем пути, а многие из этих сигнализаторов в своей практической работе руководствовались, пожалуй, лозунгом «чем хуже, тем лучше». Партия уже дала оценку этой деятельности, и тут не помогли ни обильно обещаемые миллиарды, ни та демагогия, с которой оппозиция выступала.

Большое место в докладе т. Рыкова занял вопрос о плановости. Это сейчас один из наиболее важных вопросов. Мы не можем допускать партизанщины в таком важном вопросе, как строительство новых фабрик и заводов. Но мне кажется, что та неувязка, которая в этой области кое-где допускается, является не только виной мест, это, я бы сказал,—беда мест, чаще всего беда мест. Местные работники не получают достаточного руководства от наших центральных наркоматов, от Госплана. Как руководит местами наш ВСНХ? Он обходится обыкновенно бумажными цирку-

лярами, живого же руководства, действительного оперативного руководства нет, и нередко вместо руководства мы сталкиваемся с таким положением, когда интересам местной промышленности стараются противопоставить интересы республиканской промышленности. А тогда все шишки на бедного Макара валятся: начинается сокращение финансирования местной промышленности, начинается сокращение кредитов, начинается сокращение необходимых подсобных материалов, которые по плану намечены. Я считаю, что прав т. Рыков, когда он рекомендует строго придерживаться того плана, который утвержден высшими организациями. Но я думаю также, что мы должны выдвинуть здесь и вопрос о том, чтобы ВСНХ и другие планирующие органы обращали больше внимания на местную промышленность. Я думаю, что т. Рыков должен был бы внести в свои тезисы одно дополнение— о значении местной промышленности. Ведь роль местной промышленности все-таки большая, а в тезисах т. Рыкова указание на эту роль, указание на важность развития нашей местной промышленности отсутствует. Я боюсь, что при тех настроениях, которые имеются в наших наркоматах, отсутствие указания в тезисах т. Рыкова на важную роль местной промышленности может создать для нее тяжелое положение, и все те шишки, о которых я говорил, могут еще в большем количестве начать падать на эту многострадальную, беспризорную местную промышленность.

Тов. Рыков в своем докладе отмечал, что мы имеем много узких мест в развитии нашего хозяйства. Одним из таких узких мест т. Рыков назвал состояние нашего топливного хозяйства. В Сибири перед нами—величайшие перспективы развития топливодобывающей промышленности, но казенный подход со стороны центральных учреждений до сих пор держит нашу угольную промышленность с ее богатейшими возможностями, я бы сказал, в грязном теле, как будто развитие Кузнецкого бассейна не является задачей первостепенной важности.

Я боюсь, товарищи, что наши планирующие наркоматы могут итти по проторенной дорожке, что они станут строить заводы только в тех районах, где промышленность была сконцентрирована в прежнее время. Тов. Рыков является одним из инициаторов постановки вопроса о необходимости приблизить промышленность к сырьевым рынкам. Он указывал, что вовсе не обязательно, чтобы наша промышленность строилась так, как это было до войны, а, наоборот, обязательно, пожалуй, чтобы промышленность была построена там, где существуют сырьевые базы. Мне кажется, что этот момент у нас в нашей практической работе до сих пор не осуществлен. Лучшим примером этого является при-

мер с Москожей. Здесь кожи нет, сырья нет, а в Сибири есть эта самая кожа, но у нас заводов нет; здесь строят заводы, возят сырье из Сибири в Москву, здесь перерабатывают и привозят обратно к нам, в Сибирь, готовый товар. Спрашивается: целесообразно ли это? Я утверждаю, что нецелесообразно. Я думаю, что совершенно правильны требования мест о том, чтобы строительство тех отраслей промышленности, которые можно развить в данной местности, в данном районе, сосредоточивалось на местах; нашим планирующим органам придется обратить большее внимание на целесообразное развитие промышленности и приблизить ее строительство к сырьевым базам. Я думаю, что этим замечанием я мог бы ограничиться по вопросу о промышленности.

Перейду к остальным вопросам, которые были отмечены вчера в докладе т. Рыкова. Тов. Рыков говорил, что второе узкое место в нашей экономике, в нашем хозяйстве, это—слабое развитие экспорта, это—то, что мы не имеем возможности быстро двинуться вперед и быстро увеличивать наш экспорт. Сибирь в экспорте занимает довольно значительное место, но несомненно, что мы имеем еще большие возможности расширить и увеличить уже существующее количество экспорта. Укажу хотя бы на наше маслоделие. Мы отмечали за эти годы большой рост маслоделия. Стоит вам только назвать две цифры: в 1923 г. мы заготовили по всей Сибири 300 тысяч пудов масла, а в этом году заканчиваем год с цифрой примерно в 2 миллиона пудов масла. Это показывает темп развития, но он, конечно, еще далек от довоенной нормы. Несомненно, мы имеем все основания, чтобы эту довоенную норму превзойти, но те явления, которые в текущем году были, внушают нам серьезные опасения за успешное развитие маслоделия. Во всяком случае мы в этом году вынуждены констатировать, что темп развития маслоделия ослабевает, начинает снижаться, хотя количество стад не дает оснований к понижению темпа развития маслоделия. Когда мы начинаем искать, где же причина, то обнаруживается, что эта причина кроется в ненормальностях нашего рынка. Мы в Сибири до сих пор старались культивировать развитие экспортного маслоделия, развитие производства экспортного масла. Здесь, около Москвы, Ярославская и Вологодская губернии производят сладко-сливочное масло. В довоенное время сладко-сливочное масло стоило дороже экспортного масла не более чем на 2 рубля, а сейчас мы имеем примерно такое положение, когда этот разрыв выражается цифрой более 100%. Сладко-сливочное масло стоит сейчас 30 с лишним рублей, а экспортное масло мы заготовляем по 17 рублей.

Чем это страшно для Сибири? Это, товарищи, страшно для

Сибири и нашего народного хозяйства тем, что стимулирует переход сибирского маслоделия от экспортного масла на сладкосливочное и создает большую угрозу для развития масло-экспорта в целом, ибо если Сибирь начнет переходить на производство сладко-сливочного масла, то вместо увеличения экспорта мы получим уменьшение его.

Тут, конечно, Наркомторг должен принять все меры, чтобы изжить разрыв цен, эту ненормальность рынка. И еще два момента, которые необходимы для того, чтобы стимулировать развитие этого ценного экспортного фонда. Во-первых,— вопрос о кредитах. Надо сказать, что, несмотря на то, что центральные организации неоднократно указывали на необходимость быстрой помощи тем районам, где есть возможность стимулировать экспорт, этого мы до сих пор еще не ощущаем. Сельскохозяйственные кредиты, так необходимые для развития строительства молочных заводов, чрезвычайно мизерны, и Сибирь получает их в очень небольшом количестве. Здесь необходимо, чтобы в области предоставления сельскохозяйственных кредитов также была дана некоторая целевая установка. И второй момент, это—вопрос относительно срока кредитов. Те сроки кредитов, которые установлены, далеко не достаточны для того, чтобы можно было их в сельском хозяйстве оправдать. А отсюда картина такая: мы у крестьян вычитаем за пуд привезенного молока до 14 копеек, тогда как в мирное время средний вычет равнялся лишь 3 копейкам. Выходит, что приносить молоко на заводы крестьянам невыгодно. Это в свою очередь влияет на уменьшение нашего экспортного фонда.

В своих тезисах т. Рыков указывает на необходимость рационализировать сеть нашей торговли, подчеркивая, что эта сеть развивается ненормально. Это, товарищи, факт, и мы чувствуем это в нашей работе на местах каждый день. Маленький пример того, как эта сеть у нас развилась, как она построена по-главкистски и как она нецелесообразна. Есть учреждение—карточная монополия, торгующая картами. Не знаю, насколько широко она распространяет карты, но, думаю, каждый из присутствующих здесь скажет, что вряд ли целесообразно иметь по всей Сибири и по всему Союзу раскинутую специально для торговли картами сеть лавочек. А между тем мы имеем по всему Союзу такие лавочки, которые торгуют этими картами. Несомненно, накладные расходы для государства от этого должны быть очень велики.

Товарищи, здесь нужен решительный шаг вперед. Когда мы ставим в центре вопрос о рационализации товарной сети, мы

постоянно встречаем величайшее сопротивление. Без нажима ЦК, без нажима Совнаркома и СТО нам не удастся двинуться в указанном отношении вперед. Стоит нам только тронуть отдельную лавочку, стоит нам только указать на нецелесообразность существования этой лавочки, как в центре, в разных главках начинается величайший вопль.

Наконец, последний момент—об условиях расчета. Я понимаю, что необходимо, чтобы промышленность в целях увеличения производства имела возможность сосредоточить максимум средств, но думаю, что нельзя устанавливать одинаковые условия расчета по всему Союзу. В Сибири более благоприятная картина в области развития торговли. Наша государственная торговля и кооперация совместно охватывают в этом году 78% всего торгового оборота, но те условия расчета, которые сейчас выдвигаются трестами и синдикатами, ставят нашу торговлю в такое положение, что она не только не может двинуться вперед и завоевывать больший удельный вес в торговом обороте, но, наоборот, ей приходится даже итти назад.

В результате уменьшается удельный вес кооперации, приходится терять удельный вес государственной торговли, и, конечно, это идет в пользу частного торговца. Нельзя устанавливать одинаковые условия расчета как для Сибири, так и для всего Союза. Не забудьте, что по Сибири и по другим отдаленным окраинам товар находится в пути до 40 дней, а нам кредит дают только на 40 дней,—это означает, что наши торгующие организации вынуждены оплачивать на 100% наличными товар, пока он еще не прибыл. Это невозможно. Нужно, чтобы были районированы условия расчета, в зависимости от отдаленности районов производства.

Председательствующий. Слово имеет т. Чубарь.

Чубарь. Товарищи, те цифры, которые привел т. Рыков в своем докладе, и те положения, которые выдвинуты в тезисах, одобренных Политбюро, нагляднейшим образом показывают всю несостоятельность тех разрозненных предложений, которые мы имеем со стороны оппозиции, в области нашей хозяйственной работы. На местах представители оппозиции, являющиеся идеологами сверх-индустриализации, выступали с целым рядом предложений, но все эти предложения они выводили из совершенно неправильных цифр, из совершенно неверного анализа хозяйственной обстановки.

На украинской партийной конференции, которая была перед всесоюзной, один профессор, т. Дашковский, оперировал совершенно недопустимыми цифрами. Следующий же оратор, товарищ

из Донбасса, уличил его в двурушничестве. И вот, когда здесь мы слушали доклад т. Рыкова, то у каждого из нас имелась мысль: что же скажет оппозиция против этого ясного анализа того, что мы имеем, против ясных, резких постановок по основным спорным вопросам, получим ли мы тут, на всесоюзной конференции, принципиальную защиту «принципиальных» взглядов оппозиции в области нашей экономики? Я думаю, что каждому участнику конференции было бы очень интересно выслушать эту защиту, ибо до конференции даже в нелегальных документах мы не имели сводной экономической платформы оппозиции. Мы имели труд Преображенского, «труд» Майзлина, мы имели подпольно распространяемую докладную записку т. Пятакова на имя председателя ВСНХ об основных капиталах промышленности, шпаргалки по заработной плате, по рабочему вопросу, но в большинстве случаев эти документы анонимны. Другие, не анонимные документы, являются отрывками. Было бы полезно для действительного выяснения спорных вопросов, если бы здесь, на XV всесоюзной конференции, мы услышали от оппозиции что-нибудь связное, положительное. (Лазьян: «Это утопия».)

Теперь перехожу к некоторым замечаниям, которые, мне кажется, нужно сделать по вопросам нашей хозяйственной политики для того, чтобы помочь партии в целом, помочь пролетариату и крестьянству найти ту правильную линию в нашей работе, которая бы обеспечила дальнейшее укрепление диктатуры пролетариата, укрепление социалистических элементов нашего хозяйства.

Вопрос об окончании восстановительного периода, на котором останавливался Алексей Иванович,—вопрос чрезвычайно важный, ибо от того, как мы на него ответим, зависит значительная часть нашей практической работы в отношении подхода к крестьянству, к планам индустриализации, к товарообороту и т. д.

Мне кажется, что мы перед рабочими, перед крестьянами должны давать более расширенную формулировку характеристики данного момента, чем просто «окончание восстановительного периода». Ибо потребительские нужды рабочего, потребительские нужды крестьянина не удовлетворены в такой степени, как они удовлетворялись в дореволюционный период. Рабочие и крестьяне, конечно, представляют себе, что у нас издержки революции были очень велики, что у нас разрушение основного капитала в некоторых частях было таково, что его уже не приходилось восстанавливать, а приходилось возмещать достижениями на других участках работы, о которых говорил т. Рыков.

Не имея еще достаточного восстановления норм потребления

и т. д., мы встречаем со стороны рабочих и со стороны крестьян вопрос, который подхватывает оппозиция: «Вы говорите, что у вас все хорошо, что вы успеваете, а почему же заработная плата во многих местах еще недостаточна, почему заработная плата не выплачивается в срок, почему мануфактуры не хватает?» и т. д. В общем, как будто закончено восстановление, а недостатки повседневной жизни, стоящие перед глазами, как будто опорачивают это утверждение. Поэтому то разъяснение, которое дал т. Рыков, мне кажется, должно быть принято партией, и анализ того, почему в отдельных местах мы не достигли определенных довоенных норм, мы должны подчеркнуть в решении конференции. Нужно разъяснить, что отставание в ряде отраслей объясняется тем, что мы на-ряду с окончанием восстановительных процессов вынуждены были вести значительную работу по реконструкции нашего хозяйства и в области сельского хозяйства и в области промышленности. Одна крупнейшая прореха, которая не дает возможности свести концы с концами окончательно, это—наш экспорт и наш импорт, где мы отстали очень далеко от довоенных норм, и нам нужно развить миллиардные обороты, чтобы эту прореху заштопать. На данное время, поскольку мы твердо вступаем в период реконструкции нашего хозяйства, более интенсивной реконструкции, чем это было до сих пор, развитие экспорта и импорта, конечно, будет играть крупнейшую роль. Ссылаться на то, что только развитием экспорта и импорта мы избавимся от трудностей и дойдем во всех областях до довоенного уровня, не приходится. Оппозиция не ищет выходов в улучшении нашей внутренней работы. Она кормит посулами: обещает эти самые миллиарды, и вообще не скупится на привлекательные обещания; увеличение удовлетворения потребительских нужд обещает провести с одновременным увеличением вложений в капитальные работы, как будто это не является противоречием. Каждый понимает, что увязки этих противоречий в предложениях оппозиции мы не находим. Погоня за этими надуманными миллиардами, это и значит стаскивание партии с ленинского пути, отвлечение внимания партии от тех задач, на которых нужно сосредоточить наше внимание, для выполнения которых нужно мобилизовать силы, чтобы преодолеть трудности и накопить реальные миллиарды.

Вопрос о приспособлении всего нашего аппарата, и хозяйственного и советского, к тем колоссальным задачам, которые стоят перед нами, мне кажется, является основным. Он является основным потому, что, только занявшись этим вопросом, только вылечившись от всех пороков, которые мы имеем в работе нашего аппарата за истекший период, мы сможем более экономно, более

целесообразно использовать все те ресурсы, какими мы располагаем. Когда мы ставим его как коренной вопрос сегодняшнего дня, мне кажется, что мы должны с особой резкостью критиковать все те болезни, все те недочеты, какие у нас имеются в этой области.

Тут т. Рыков приводил пример, как очень много ревизовали одного специалиста; можно привести десятки и сотни таких примеров, как у нас в моменты затруднений вместо того, чтобы силы направлять на преодоление этих затруднений, начинаются исследования, ревизии, обследования, изучения, поездки по инстанциям, с места в центр, из центра на место, и получается толчея и сутолока вместо того, чтобы заниматься делом. (Скрыпник: «Экспертизу забыл».) Разберемся в системе общего централизованного руководства нашей промышленностью. Мы, большевики-марксисты, конечно, защитники централизованного государства, централизованного управления, но мы должны внимательно следить, чтобы проведение в жизнь общего принципа не сопровождалось ростом бюрократизма, имеющего корни не только в злой воле того или другого работника, а и в методах и технике руководства хозяйственными органами, в системе технического осуществления вполне понятных, простых функций.

Взять хотя бы стремление наших союзных главков охватить все в малейших деталях, проникнуть до самых низов. Вот пример: наши промышленные планы предприятий республиканского значения составляются по форме, которая разработана ВСНХ Союза. По этой форме трест представляет план в соответствующее управление республиканского ВСНХ, потом в президиум ВСНХ, потом в Госплан, потом в Экосо, потом в Совнарком. Этот же самый план, по такой же самой форме, представляется в союзный ВСНХ, где проходит примерно ту же процедуру. Работники Главного управления ВСНХ Союза занимаются той же работой, что и ВСНХ республики. Проведением этих планов занимаются руководители трестов или предприятий, ездят в республиканские или областные органы, а затем в союзные и по всем этим инстанциям сидят месяцами, доказывая все с начала в каждой инстанции. Мы у себя, на Украине, столкнулись с этим вопросом, когда подошли к задаче сокращения штатов ВСНХ, мы там жестко ограничили штаты ВСНХ и в отделе местной промышленности оставили 6 человек, чтобы было обеспечено лишь общее наблюдение, общее директивное руководство местами. Но по системе, которая устанавливается сверху вниз, это управление должно по обязанности рассматривать промышленные планы местных предприятий. Ему было представлено более 300 промышленных

планов. Могли ли эти 6 человек квалифицированно проработать эти планы и помочь местам? Не могли, а они обязаны были проработать, потому что все высшие органы требуют, чтобы им было представлено все, чтобы все, что делается в местных предприятиях, было расписано с точностью. Думаю, что такова же судьба большинства местных промпланов в ВСНХ Союза. Ряд фактов подтверждает это. Особенно это касается отчетности. Я убежден, что ни один человек не прочитывает многопудовых отчетов, посылаемых в ВСНХ.

Я не буду дольше останавливаться на примерах; подчеркну только, что стремление наших центральных управляющих, регулирующих и плановых органов глубже проникнуть во все детали требует неизбежно громоздкого аппарата, тормозит решение вопросов, обезличивает местные организации, снимает с них ответственность, порождает потребительско-заявочную психологию, когда каждым планом норовят предъявить новые претензии, когда вырабатываются кадры толкачей и устанавливаются самые недопустимые приемы творчества. В итоге работы союзных наркоматов не происходит квалифицированной проработки планов и действительной увязки их между собою и ресурсами страны. Мы за предыдущее время никогда не имели к началу года планов нашей промышленности, планов нашей работы, не имеем их на сегодня и вряд ли будем иметь на 1 января. Значит, работа развертывается без планов, значит, в важнейший период начала нового года наши хозяйственники проталкивают планы, заявки и т. д., а не руководят производством. Отсюда растет бесхозяйственность по заказам и по расчетам, происходят неувязки внутри предприятий и т. д. Разве мы сможем правильно руководить хозяйством, если все это руководство будет чрезмерно централизоваться, а каждый шаг должен будет разрешаться центральными органами? Децентрализация плановой работы и управления, которую провозгласил апрельский пленум ЦК ВКП, должна была бы найти реальное отражение в практической работе, а между тем мы при составлении планов на 1926/27 год имели иные тенденции, противоположные стремления. Если раньше строительство до миллиона рублей могло утверждаться на местах, в республиках и областях, то теперь есть проект стоимость строительства, утверждаемого местами, снизить до 300 тысяч. Это значит—ограничение мест, большая централизация, а не выполнение директив апрельского пленума. Аппарат делает свое дело и тянет всех нас на неправильные пути. Это приводит к тому, что мы тратим на заседания слишком много времени, сил и средств.

Заседают руководители, их помощники, ответственные работ-

ники, а аппарат предоставляется самому себе. (Звонок председателя.) Я прошу 10 минут.

Председательствующий. Тов. Чубарь просит 10 минут. Возражений нет? (Голоса: «Дайте».) Нет.

Чубарь. Вот относительно заседаний. Мне дали справку, что план машиноснабжения, т.-е. план использования той продукции, которую наша промышленность заготовляет, в прошлом году прорабатывался на 80 или 90 заседаниях центральных учреждений СССР, т.-е. в секциях, отделах, управлениях, комиссиях, подкомиссиях и т. п. Если так будут согласовывать и дальше, то, конечно, каждая машина будет стоить очень дорого, во-первых, а во-вторых, тот, кто должен заниматься производством машин, будет затерт этими комиссиями, и производство не будет иметь нужного руководства.

Еще один момент из области нашего советского планирования—прохождение бюджета. Тут мы видим те же недостатки. Квалифицированного заключения по бюджету никто не может дать, поскольку подготовительные инстанции занимаются кропачеством, разбирают каждую сотню, тысячу рублей, торгуются, а общее направление работы, выраженное в бюджете, остается в стороне. При обсуждении общей политики, общей линии остается для докладчика 3 минуты. Конечно, это пережиток того периода, когда мы имели бюджет ограниченный и когда вся работа велась путем штопанья дыр. Нужно давать направление общей линии, проверять политику, чтобы устранять крупные ошибки, а не гоняться за какой-нибудь тысячей рублей, которая записана не в ту графу. Гибкость, т.-е. разграничение прав и обязанностей местных органов, в частности республиканских, в области построения и исполнения бюджета, должна быть достаточной для того, чтобы сутолоку, которая была до сих пор, устранить, чтобы участие в проработке бюджета рабочих и крестьян в исполкомах и ЦИК'ах не сводилось на-нет аппаратом НКФ.

Суммируя эти замечания, подчеркиваю, что во всей нашей работе в период реконструкции нашего хозяйства техника выполнения определенных директив партии, техника выполнения определенных планов будет играть решающую роль. Когда т. Дзержинский выступал с критикой работы хозяйственников, он говорил: «У нас немало хозяйственников, которые требуют дотации, требуют ассигнования и тогда только согласны нести ответственность, тогда только согласны давать тот или иной эффект». Я говорю, что сейчас у нас не только среди хозяйственников, но внутри каждого органа такая психология есть. В общем и целом оппозицией сейчас так и ставится вопрос: давайте откуда-нибудь

сдерем эти миллиарды, и тогда будет все хорошо. Нет, на данной стадии работы мы должны в нашей технике работы, в наших процессах работы найти ту экономию, то улучшение, которое даст нам новые средства, которое поможет более рационально использовать те ресурсы, какими мы располагаем.

Одно замечание относительно частного капитала на Украине. Тов. Бухарин в своем докладе после июльского пленума в Ленинграде говорил, что самое опасное место со стороны развития частного капитала, это—Украина. И пошло ходячее мнение, что Украина, это—такое место, где частник чуть ли не перерастает и государственное и кооперативное хозяйство. Некоторые представители оппозиции это раздувают у нас, на Украине, в невероятных размерах. Мы попытались подсчитать, какова роль частника. Конечно, я тоже подчеркиваю, что базироваться на тех данных, которые были получены, чрезвычайно трудно, но все-таки некоторые процессы и тенденции выявлены. Частный капитал в товарообороте УССР измеряется 26—27%. Частный капитал у нас, на Украине, располагает, по подсчетам нашего наркомата торговли, 86 милл. рублей, при чем оптовые частники располагают 3 миллионами, оптово-розничные—миллионами десятью, а остальное имеет тот мелочной торговец, который у нас насчитывается в количестве около 110 000 торговых единиц. Какова борьба с этим частником? Обложение, стрижка его и т. д. в меру возможности. Но много ли сострижешь с лотошника? Мы говорим рабочим и крестьянам: борьба с этим частником идет и должна итти по линии укрепления кооперации. Только развитием кооперативной торговли, только вовлечением всех рабочих, всего крестьянства в кооперацию мы можем бороться с частником, и частнику не останется места. Если же мы будем его чересчур облагать, то он больше будет вздувать розничные цены, перекладывая эти налоги на покупателя. Главная позиция частника в розниче—на селе, поскольку рост кооперации там недостаточен.

Кто кого обгоняет у нас, в торговле УССР, видно хотя бы из следующих цифр: со второго полугодия 1923/24 г. до первого полугодия 1925/26 г. частник увеличил оборот на 120%, госторговля—на 250%, кооперация—свыше 470%.

Те достижения, которые СССР имеет в истекшем году в области нашего хозяйства, мне кажется, дают все основания для того, чтобы рамки, намеченные контрольными цифрами, мы заполнили конкретным содержанием. Контрольные цифры, это не есть производственный план, производственная программа, это есть границы, в которых, правильно маневрируя, мы можем достигнуть намеченных экономических эффектов. В этих же границах, на

основе улучшения нашей работы, мы можем и должны поставить сейчас проблему нового крупного социалистического строительства.

Здесь я имею в виду в первую очередь развитие электрификации. Тов. Рыков говорил о том, что у нас энергия будет составлять препятствие в развитии нашего хозяйства. Мы на Украине к этому подошли вплотную, и осуществление проекта сооружения электростанции на Днепре, который носит название Днепростроя, есть насущнейшая задача сегодняшнего дня. Пять лет мы должны строить эту станцию, но если мы ее не будем строить, мы те же самые деньги должны будем вбивать в электростанции мелкого типа, где энергия будет стоить, несмотря на применение последних достижений техники, не менее 6 копеек киловатт, в то время как Днепрострой будет давать энергию стоимостью в полкопейки. Таким образом мы здесь будем иметь удешевление в 12 раз. А если сосчитать существующие электростанции, которые отпускают электроэнергию по 25—30 копеек, то мы будем иметь здесь удешевление энергии в 50—60 раз. Без электростанций, без электрификации проблема удешевления продукции, проблема реорганизации нашей промышленности замерзнет на мертвой точке. И эта проблема по силам нашему хозяйству, поскольку мы в гораздо худших условиях, при гораздо меньших ресурсах начинали строить Волховстрой. Может возникнуть вопрос: есть ли потребность на энергию этой станции? По подсчетам наших техников и по подсчетам американских специалистов получается, что первая очередь сооружений, т.-е. установка трех турбин по 50 000 сил, будет покрывать потребность только существующих предприятий. Мы знаем, какое значение в развитии производительных сил имеет, например, железная дорога, проложенная по глухому месту, мы знаем, какое экономическое значение имели раньше и теперь имеют водные пути сообщения. Сейчас, в век электрификации, вступая в период реконструкции нашего хозяйства, мы больше внимания должны уделять созданию мощных электростанций, энергетических пунктов, которые будут революционно развивать производительные силы. Днепровская станция и шлюзование Днепра в экономике СССР сыграют крупнейшую роль. Откладывать эти работы, значит искусственно замедлять темп индустриализации важнейшей части Союза.

Поскольку мое время закончилось, я хочу в заключение подчеркнуть перед Всесоюзной конференцией следующее. Мы в нашей работе на местах, прощупывая действительную обстановку, действительные хозяйственные процессы, не склонны впадать в панику, не склонны итти за соблазнительными предложениями

оппозиции, ибо реальная цена этим предложениям ломаный грош. Мы чувствуем там у себя, насколько важно, насколько необходимо сохранение союза пролетариата с основной массой крестьянства, мы чувствуем, что дальнейшее развитие производительных сил, дальнейшее укрепление социалистического строительства может итти, только твердо опираясь на этот союз, только опираясь на правильную политику нашей партии в области нашего хозяйства. Те тезисы, которые т. Рыков защищал здесь, целиком обеспечивают сохранение этой основной линии и дают целый ряд новых установок, которые при углублении нашей работы, при мобилизации сил партии на эту часть задач—на внутреннее улучшение нашей работы—помогут действительно продвигаться дальше в области социалистического строительства по пути индустриализации страны. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Слово имеет т. Милютин.

Милютин. Товарищи, та сумма задач, которые стоят перед нами в наступающий период, может быть сведена к трем основным задачам: индустриализация, достижение преобладающей роли кооперации в области обмена и, наконец, развитие техники сельского хозяйства, в особенности в области сырьевой. Вот три основных задачи, все остальные являются производными от них. Но вопрос заключается в том, как проводить и осуществлять указанные задачи в наступающий период. В этом будут заключаться основные трудности, и в них мы должны отдать себе ясный, определенный отчет. Я остановлюсь только на важнейших вопросах тактики и политики в проведении и осуществлении указанных основных задач, тем более, что именно на проведении и осуществлении этих задач, на политике проведения их сбивается оппозиция, сбиваются и те «ультра-левые» коммунисты, которые имеются за границей и которые по существу совпадают с реформистами. Вы знаете, что основной задачей экономической политики восстановительного периода была смычка рабочих и крестьян, достигнуть которой было необходимо в процессе развития производительных сил страны, в процессе восстановления производства. На этой почве, как говорил т. Ленин, путем практической работы, чтобы крестьянин почувствовал преимущество нашей системы над капиталистической,—мы вовлекаем крестьянство в социалистическое строительство. Одним из крупнейших завоеваний и достижений восстановительного периода было то, что мы сумели осуществить эту задачу без крупных перебоев. Если посмотреть назад, то мы увидим, что одним из серьезных моментов, затруднявших этот процесс, были пресловутые ножницы

в области цен, против которых мы борьбу вели и ведем до сих пор. Но в общем и целом задача смычки с мужиком была осуществлена, и в этом отношении достигалось вовлечение крестьянской массы в социалистическое строительство, в условиях диктатуры пролетариата.

В настоящий момент эта задача при осуществлении тех трех основных проблем, которые я назвал, также является основной задачей, и если мы позволим себе сбиться в какой бы то ни было степени с этого пути, то можно сказать, что мы поставим все наше строительство под самую серьезную угрозу. В каком направлении может итти извращение этой нашей политики? Прежде всего, в направлении неправильной оценки развития деревни, а отсюда и неправильной политики по отношению к деревне.

Оппозиция, во главе с ее теоретическим обоснователем т. Преображенским, оценивает сейчас развитие деревни в преобладающей степени как капиталистическое развитие. Вот в чем установка оппозиции. Точно так же расценивают развитие деревни и заграничные оппортунисты. Если мы посмотрим дальше, то мы вспомним, что Каутский, ренегат Каутский, основной наш противник и основной теоретик II Интернационала, точно так же оценивал, по существу, наше экономическое развитие и всю нашу революцию.

Тов. Преображенский для настоящего времени следующим образом характеризует это развитие:

«Мы знаем, что капиталистическое накопление в деревне развивается, что это есть результат слабого воздействия нашей государственной промышленности на сельское хозяйство, результат слабого производственного кооперирования бедноты. Это значит, что нить экономического развития верхних слоев нашей деревни по пути создания слоя капиталистического фермерства, прерванная революцией,—эта нить историей снова взята и плетется».

Вот его основное положение. Это по существу основное положение всей оппозиции, свидетельствующее о том, что она не верит в социалистическое развитие у нас. Если бы оказалось, что деревня в преобладающей степени идет по капиталистическому пути развития, это было бы угрозой, серьезной угрозой. Но верно ли это? Нет, это неверно, это извращение действительности. Тут уже т. Рыков указывал, что основной признак разницы заключается прежде всего в области процессов дифференциации деревни. Я не буду приводить тех данных, которые приводил т. Рыков. Ведь, в чем заключается типичная

дифференциация при капиталистическом строе? Она заключается в размычке среднего крестьянства и в росте полюсов: пролетаризации бедняцкого и выделении крупного фермерского крестьянства. У нас процесс иной. Процесс дифференциации деревни изменен. Происходит подъем основной массы крестьянства. Размыва середняцкого крестьянства у нас не происходит. При развитии производительных сил основная масса деревни растет вверх. В этом основное, доказанное отличие от капитализма. Это—первое. Второе, это—форма организации сельского хозяйства. Растет ли оно в капиталистическую сторону или нет? Здесь были приведены данные относительно кооперации. Правда, сейчас товарищи из оппозиции и кооперацию ставят под сомнение—социалистическая это форма или нет? Но я думаю, что это такое же сомнение, как и то, от которого они не так давно отказались, именно—в отношении характера нашей государственной промышленности. Вы помните, что перед XIV партсъездом они точно так же ставили под сомнение социалистический характер нашей промышленности, но когда им доказали, они это замазали. Теперь по существу они выступают против ленинского взгляда на кооперацию. Ставка на кооперацию, это—путь к социализму. Так писал т. Ленин в своих известных статьях о кооперации, как о пути к социализму, как о форме совпадающей во многом с социализмом. Кооперация у нас за последние три года выросла значительно. Сейчас сельскохозяйственная кооперация охватывает уже до 30% крестьянских дворов. Она выросла и укрепилась в финансовом отношении, ее паевой капитал вырос в три раза, прибыль также возросла. Накопление в кооперации из года в год увеличивается. Соотношение с частнохозяйственными формами в области товарооборота мы точно так же знаем: из трех секторов—государственного, кооперативного и частного—кооперация стоит в нынешнем году на первом месте. Это—несомненное доказательство того, что крестьянство у нас идет в основном по пути социалистического развития. Тенденция социалистического развития в деревне начинает побеждать капиталистическую тенденцию. Вот тот вывод, который нужно сделать. Отсюда именно та основная наша задача дальнейшего развития смычки с крестьянством, которая осуществлялась целым рядом мероприятий в области налоговой политики, в области снабжения деревни техническими сельскохозяйственными орудиями и машинами, продуктами, товарами и т. д. и в области организации сбыта продукции деревни. Тов. Преображенский и оппозиция предлагают нам по существу другую политику. Вот что он говорит:

«Задача социалистического государства заключается здесь не в том, чтобы брать с мелкобуржуазного производителя меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше из еще большего дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе мелкого, хозяйства страны».

Вот их позиция, которая противоречит всей нашей политике. Если бы она была принята сейчас, в труднейший момент реконструкции хозяйства, она привела бы к размычке, к отталкиванию крестьянства от вовлечения его в социалистическое хозяйство.

Основная задача заключается в том, что, разрешая проблему индустриализации, мы должны эту проблему ставить так, чтобы укреплять смычку рабочих и крестьян, а это мы можем осуществить только соответствующей системой мероприятий в отношении крестьянства, которая должна будет заключаться в механизации сельскохозяйственного производства, в приближении промышленности к сельскому хозяйству, в развитии местной промышленности, в развитии тех видов промышленности, которые перерабатывают крестьянское сырье, в определенной политике цен и налогов и в целом ряде мероприятий, которые поднимают бедняцкую часть крестьянства, способствуя главным образом коллективным формам его хозяйства. Вот система мер, которые стоят перед нами в наступающий период как основные меры для обеспечения и укрепления смычки. Если в восстановительный период крестьянство получило помощь и увидело, что оно смогло поднять свое хозяйство, улучшить свое положение, то сейчас оно должно участвовать в реорганизации всего народного хозяйства, видя от этого себе выгоду, видя преимущество нашей системы перед системой капиталистической. В этом задача. Когда мы конкурируем с капитализмом, мы конкурируем с ним не так, что мы будем применять те же методы в отношении крестьянства, что и капитализм,— это было бы сугубой, колоссальнейшей ошибкой, принципиально расходящейся со всей нашей линией, со всей нашей политикой. Вот основная наша тактическая задача, о которой придется еще немало говорить, которую придется конкретизировать во весь предстоящий период и которую мы должны иметь всегда и постоянно в поле нашего зрения.

Второй момент, на который необходимо обратить внимание при проведении и осуществлении указанных задач, это—вопросы (я не знаю, как тут охватить их целиком) качества нашей работы. Они точно так же встают сейчас в большей степени, чем раньше. Товарищи, нужно сознаться, что даже в разрешении такой колоссальной задачи, как капитальное строительство, мы в нынешнем году растратили совершенно зря, вероятно, не один деся-

ток миллионов рублей. Тов. Рухимович, заместитель председателя ВСНХ, заявил в докладе по этому вопросу в СТО, что капитальное строительство велось в значительной степени и в бесплановом и в беспринципном порядке. План в прошлом году был утвержден спустя шесть месяцев и менялся в течение этих шести месяцев в центре, по меньшей мере, три раза. Я думаю, многие здесь присутствующие знают, чувствуют, как это отозвалось на местной работе. В этом отношении мы должны в большей степени и в большей мере, чем сейчас, перенести вопросы рационализации на места. И в этом вопросе товарищи из оппозиции за границей, будучи, повидимому, инспирированы отсюда, вкладывают нам палку в колеса, оценивая точно так же под неправильным углом зрения процессы рационализации, качественного улучшения, которые необходимы нам для конкуренции с капитализмом. Я бы хотел огласить одну цитату из брошюры Вебера и Урбанса, ультралевых коммунистов в Германии, которые заявляют, что «идеализация нынешней, отнюдь не идеальной обстановки... (как будто мы признаем, что у нас идеальная обстановка?) взаимоотношений на предприятиях, подслащивание методов рационализации и т. д. опаснее, чем напрямик высказанная правда о том, что эти мероприятия вызваны затянувшимся темпом мировой революции».

Таким образом они точно так же рассматривают всю рационализацию у нас как отступление от методов социалистического строительства в силу затянувшейся мировой революции. Это глупейшая ошибка—таким образом оценивать тот важнейший процесс рационализации, который перед нами стоит.

Третий основной вопрос (я не могу подробно останавливаться на этих вопросах), это—то, что нам нужно избегать кризисов. Наша политика должна строиться на соблюдении равномерности экономического развития.

В начале нынешнего года, под влиянием отчасти т. Пятакова и политики т. Сокольникова, отчасти под влиянием политики т. Каменева, мы чуть было не налетели на кризис; мы стояли на волосок от кризиса. Политика равномерного движения вперед—наиболее верная политика конкуренции с капитализмом. Капитализм даже при стабилизации, при той относительной стабилизации, о которой вы слышали в докладе т. Бухарина, сейчас в отдельных частях находится в кризисном положении—то в области финансовой проблемы, то в области рыночной проблемы; кризис для капитализма неизбежное явление, диктуемое всей структурой капиталистического хозяйства. У нас вся структура хозяйства дает возможность избегать кризисов, если мы не наделаем ошибок в нашей экономической политике, в нашем плановом руководстве.

Когда нам хотят навязать такие затраты, которые не соответствуют нашим ресурсам, которые не связываются с другими частями нашего народного хозяйства, то этим нас точно так же толкают на путь капиталистический, толкают на путь кризисов, на путь губительный.

Товарищи, социалистическое строительство заключается в том, что мы, во-первых, укрепляем плановость нашего хозяйства и, во-вторых, укрепляем преобладающую роль социалистических форм хозяйства, нашей индустрии и кооперации, и это строительство ведем так, что результатом его является улучшение положения рабочих и крестьянских масс. В этом заключается сейчас сущность, деловое содержание социалистического строительства. Кто не понимает этой политики, кто сбивается с ее пути, тот идет против социалистического строительства, тот наносит по существу вред и рабочим и крестьянским массам. В непонимании этого лежит подоплека той позиции, которую занимает оппозиция, и поскольку она не решается выступить здесь с защитой своей точки зрения, постольку нужно ожидать, что сейчас полное единство сил внутри партии при проведении определенной линии, определенной тактики обеспечит дальнейшее социалистическое строительство. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Слово имеет т. Иванов.

Иванов. Товарищи, вчера т. Рыков в своем докладе отмечал крупные достижения угольной промышленности, особенно за последние 2 года. В одном лишь Донецком бассейне, как он говорил, добыча угля увеличилась на миллиард пудов; увеличение добычи отмечено и по остальным бассейнам. Но несмотря на то, что добыча угля идет вперед, несмотря на все это, мы в настоящее время имеем, в связи с расширением промышленности, топливный кризис. Посмотрим, учтены ли все моменты, чтобы избегнуть этого топливного кризиса. Могут ли наши бассейны дать больше, чем они дают сейчас?

Я остановлюсь в частности на Кузнецком бассейне. Кузнецкий бассейн по своим залежам превосходит в 3 раза Донецкий бассейн. Как же разрабатывается Кузнецкий бассейн? Программа добычи угля в этом бассейне из года в год увеличивается. Я хочу остановиться здесь на том, как ВСНХ в настоящем году подошел к этой программе. Против прошлого года программа увеличена почти в 2 раза, но в связи с поднятием производительности труда, в связи с введением некоторой механизации в рудниках мы видим, что утвержденная в этом году программа на 1927 г. не совсем соответствует действительности, так как еще в сентябре было добыто на ½ миллиона пудов больше того, что определено

помесячно в программе на 1927 год. И получается, что или мы должны сокращать рабочих, или, добывая этот уголь, хранить его на складах вследствие того, что на железных дорогах вагоны не подаются и нет нарядов, куда отправлять этот уголь. А мы в то же время имеем топливный кризис.

Почему это получается? Получается это потому, что программа была утверждена в ВСНХ без всякого согласования с местными организациями. Об этом не знают ни краевые, ни окружные хозяйственные и советские организации. Утверждение программы проходило помимо них. Я думаю, товарищи, такой подход к утверждению программ никуда не годится. Нужно его изменить, нужно в обсуждение больше вовлекать работников с мест, чтобы этот вопрос лучше прорабатывался и согласовывался, чтобы меньше было ошибок, ибо на местах больше известно состояние той или другой хозяйственной организации, чем в центре по письменным отчетам хозяйственных организаций.

Теперь дальше. В связи с индустриализацией страны мы сейчас в целом ряде районов строим новые заводы, и, как указывал вчера т. Рыков, это расширение промышленности и постройка новых заводов не всегда бывают удачны. Случается, что и не надо бы строить завод здесь, а он строится, в то время как там, где надо, он не строится. Если мы возьмем Сибирь, так сказать, страну крестьянскую, где сейчас в связи с поднятием сельского хозяйства значительно растет потребность в сельскохозяйственных машинах, то что мы видим? Мы строим наши тракторы на Путиловском заводе, и они, как нам говорил т. Рыков, обходятся в 6 раз дороже, чем за границей. Нужно было бы подумать о том, как приблизить их производство к местам, с одной стороны, к потребителю, а с другой стороны—к тем недровым богатствам, которые в данной местности имеются.

Возьмем тот же самый Кузнецкий бассейн; там имеются громадные залежи руды. И в то же время на такую страну, как Сибирь, с таким огромным сельским хозяйством, мы имеем маленький заводик, выпускающий незначительное количество железа, которое не только не удовлетворяет местных сибирских нужд, но не удовлетворяет даже и части районов. Сейчас стоит вопрос о постройке такого крупного завода, как Телбес. Когда этот вопрос будет окончательно разрешен, неизвестно (пока идут исследования); не мешало бы, однако, уже теперь расширить существующие там заводы и приступить к постройке металлургического завода с таким расчетом, чтобы этот завод выпускал потребное количество железа. Нужно также поставить вопрос о заводе для выделки сельскохозяйственных машин, ибо ввозить

таковые за 4—6 тысяч верст из европейской части Союза—нет никакого расчета. (Косиор: «Правильно».)

Все это нужно приблизить к местам, и это можно сделать, потому что там имеются крупные запасы угля и руды, там можно легче строить, ибо рабочая сила гораздо дешевле, чем в других районах, рабочей силы достаточно, так как у нас сейчас в угольных районах имеется излишек рабочей силы.

Я думаю, это нужно будет и Центральному Комитету и ВСНХ учесть. Если мы говорим, что в крестьянской Сибири мы хотим провести индустриализацию, то к этому нужно приступить не только на словах, но и на деле. В будущем хозяйственном году необходимо больше внимания обратить на вовлечение местных организаций и работников в составление и рассмотрение программ и проектов, тогда меньше будет ошибок и больше реальности. Необходимо на деле осуществлять тот лозунг, который говорит: из Сибири каторжной нужно построить Сибирь социалистическую.

Председательствующий. Слово имеет т. Куликов.

Куликов. Товарищи, дальнейшие пути социалистического строительства в нашей стране вполне правильно намечены и с достаточной четкостью изложены в докладе т. Рыкова и в его тезисах. Мне хотелось бы остановиться лишь на некоторых практических замечаниях по докладу.

Нельзя обойти молчанием вопрос о путях развития производства средств производства. Говоря это, мы имеем в виду, что в процессе одновременного развертывания нашей тяжелой и легкой индустрии мы должны соблюсти известную пропорцию и планомерность их развития. Те средства, которые мы получим, должны пойти на капитальные затраты, но так, чтобы это происходило с одновременным необходимым расширением производства средств потребления. Эта линия, на мой взгляд, вполне правильна. Но, товарищи, имеются, или вернее—проскальзывают, и такие взгляды, как взгляды оппозиции, которая настаивает на известном перераспределении имеющихся в стране средств. Мне кажется, что эти взгляды неправильны, и что если мы слишком увлечемся капитальными затратами, то это может привести к сокращению производства предметов потребления, например обуви, ситца и т. д., и может поставить нас перед необходимостью товарной интервенции.

Политика оппозиции ведет к усилению товарного голода в стране, к снижению реального уровня жизни рабочих и крестьян и может сорвать весь план нашей индустриализации. Вот почему,

мне кажется, точка зрения оппозиции должна быть нами со всей категоричностью отвергнута.

Будет совершенно другое, если мы обратим наше внимание на то, чтобы средства на укрепление легкой промышленности не рассасывались вне соответствующих планов внутри ее самой, а в известной доле или, вернее, в большей мере могли быть обращены на планомерное проведение индустриализации. Проще говоря, мы должны поставить дело так, чтобы наша индустриализация, как это было и до сих пор, являлась средством укрепления нашего союза с крестьянством и никогда не была средством грабежа, как это было при капитализме. Мне кажется, что вот этого-то отличия нашей индустриализации и не понимает оппозиция.

Само собой понятно, что соответственно нашей линии в области развития промышленности должны быть построены и наши экспортно-импортные планы. Как правильно говорится в тезисах т. Рыкова, необходимо при построении экспортно-импортного плана иметь в виду, во-первых, увеличение импорта средств производства и, во-вторых, сокращение импорта средств потребления. Необходимо обратить внимание соответствующих хозяйственных и заготовительных органов и на то обстоятельство, чтобы производственные программы больше соответствовали жизненным практическим условиям и чтобы была соответствующая увязка производственных программ с возможными плановыми заготовками сырья и основных материалов.

Мы имеем в данное время известную заминку в некоторых отраслях промышленности в связи с отсутствием или, вернее, недостатком сырья и основных материалов. Это обстоятельство, как всем вам известно, нервирует рабочие массы. В то время, когда мы развиваем нашу промышленность, когда мы вступаем в новую полосу нашего социалистического строительства, в такое время эти явления должны быть устранены. Подобная ненормальность со всею решительностью должна быть изжита. Вот почему на это обстоятельство следует обратить особое внимание.

Я хочу сделать еще одно замечание. Совершенно правильно то, что перестройка промышленности на новой технической базе требует мобилизации всех технически грамотных сил, имеющихся у нас в стране, и, как говорится в тезисах т. Рыкова, бережного отношения к специалистам. Я здесь вношу поправку: «к действительным специалистам», так как безусловно необходима борьба со лжеспецами.

Но поскольку, товарищи, в данное время мы ощущаем в нашей промышленности недостаток технических сил специалистов, а процесс подготовки специалистов с соответствующими техниче-

скими знаниями и с достаточным опытом имеет несколько длительный характер, мне кажется, что нам нужно сейчас поставить перед собой задачу привлечения специалистов извне.

Кроме того, мы имеем различные командировки специалистов, подчас не совсем полезные для нашей промышленности или недостаточно используемые теми организациями, которые к ним прибегают. Мне кажется, что и этот вопрос не мешало бы поставить на очередь с тем, чтобы мы могли систематически и организованно посылать наших лучших товарищей, может быть даже из учащихся, изучать технику промышленного производства за границей. Постановка этого вопроса, по моему мнению, вытекает из жизненной потребности нашей промышленности.

Совершенно ясно, что трудности, стоящие перед нами в нашем социалистическом строительстве, получили свое отражение у некоторых членов нашей партии. Я хочу здесь пару слов сказать об объединенной оппозиции. Несомненно, эти трудности имеют свое отражение прежде всего в том, что оппозиция истерически пытается доказать, что наша экономическая политика потерпела крах, что чем дальше, тем больше обнаруживается наше банкротство. Оппозиция предрекала, что в результате политики партии мы будем иметь полную хозяйственную и политическую катастрофу. В страхе перед трудностями социалистического строительства, оппозиция начинает упрощать дело, начинает бросаться выдуманными миллиардами и предлагает, абсолютно не считаясь с практическими возможностями нашей страны, огульное повышение заработной платы и т. д.

Но что оказалось в самой жизни? В жизни оказалось «все наоборот»: правильность политики нашей партии подтверждена жизнью, о чем свидетельствуют и контрольные цифры Госплана: Лидеры оппозиции, которые, как заявил однажды т. Зиновьев, шли на дискуссию с уверенностью в победе, представляли собою до некоторой степени королей в шахматной игре и получили от партии не только шах, но и самый настоящий мат. (Смех.)

В правильности политики партии, в правильности ее руководства, в правильности нашей политики по укреплению союза рабочего класса и крестьянства—в этом и есть залог нашей победы.

Председательствующий. Слово имеет т. Муралов.

Муралов. Товарищи, наша партия за последний год по горло ушла в хозяйственное строительство, и мы за этот год имеем достижения, в которых участвуют не только наша партия, но и через наши приводные ремни—советскую власть и профсоюзы,— широкие беспартийные рабочие массы. В оценке хозяйственной работы мнение широких масс единодушно по поводу тех успехов,

которые у нас имеются. В области промышленного строительства мы имеем улучшение. Это достижение более доступно, более наглядно и понятно массам, чем на другом участке, наиболее трудном,—на деревенском фронте. И все же, несмотря на все трудности, мы в области деревенской работы—в кооперативном строительстве (потребительской и промысловой кооперации, сельскохозяйственной и кредитной)—за последний год достигли известного укрепления наших позиций. И поэтому неудивительно, когда к нам, в укомы и волкомы, обращаются широкие крестьянские массы с просьбой дать того или иного работника-партийца на помощь им. Это все показывает, что доверие крестьян к партии растет. Поэтому неудивителен тот единодушный отпор, который дается всем маловерам, всем тем, кто сомневается в правильности пути нашего хозяйственного строительства.

На территории нашей губернии начинают появляться рабочие районы, новые гнезда промышленного строительства, чего раньше никогда не было в Нижегородской губернии. В глухих лесах создаются новые постройки, проводится электрификация и т. д., и т. п. Все это—жизненные доказательства наших успехов в области индустриализации.

Нам, приехавшим сюда на XV конференцию с практическим жизненным опытом, удивительным кажется также то, что мы встречаем со стороны оппозиции молчание. (Моисеенко: «Это фракционное молчание».)

Нет сомнения также, что партия, по горло занятая хозяйственным строительством, имеет достижения не только в области поднятия производительности труда, но и в области промышленности. Мы имеем также громадный успех и в том, что партия направила свое внимание на хозяйственные вопросы и на все вопросы, касающиеся широких масс: вопросы рабочего быта, зарплаты, жилищного строительства и т. д. Наши парторганизации подошли вплотную ко всем вопросам, связанным с руководством хозяйственными организациями. Поэтому вопросы хозяйственных планов, пересмотра принципов хозяйственного управления для нас являются весьма жизненными. Правильно сказано в тезисах о том, что нужно поставить вопрос о пересмотре системы управленческого аппарата. Этот тезис отвечает на наши жизненные запросы. За истекший год мы видели дезорганизацию в области отдельных отраслей народного хозяйства, как, например, лесного хозяйства. В лесозаготовках мы имели ажиотаж, недопустимую дезорганизацию лесозаготовок и другие ненормальности, которые только при подходе вплотную к ним со стороны наших местных организаций как партийных, так и совет-

ских, можно изжить. Мы должны поставить вопрос о реконструкции, о переустройстве на-ряду с промышленностью в частности и лесного хозяйства, как единого хозяйства, которое в целом должно заниматься вопросами не только лесокультуры, лесного возобновления, но и вопросами лесозаготовки и т. д. Вопрос о реконструкции различных отраслей промышленности является таким же жизненным, как вопрос переустройства промышленности в целом.

Товарищи, вопрос управленческий является для нас наиболее жизненным, ибо то, что оглашалось Алексеем Ивановичем, как раз определяет наши взаимоотношения, отношения местных организаций к центральным. Мы в своей практической работе сталкиваемся с этим вопросом. Мы имеем в губернии три крупных строительства, которые несколько лет работают. Что мы видим? Строительство, будучи подчинено исключительно центру и будучи изолированным от местных организаций, выявляет и для партии, и для государства, и для специалистов целый ряд недочетов. Необходим пересмотр управления промышленностью с точки зрения приближения всего строительства к местному влиянию. Что значит, когда в том или ином строительстве по три месяца не выплачивают заработной платы? Такую штуку мы имеем на Вахтанковском строительстве. Рабочие не пойдут в Москву в ВСНХ за заработной платой, а пойдут в местные организации. На местные организации возложена обязанность обслуживать рабочих, а вопросы организации хозяйственного строительства изъяты из ведения местных организаций, ибо управление находится вне территории губернии, вне пределов влияния губернских организаций. Вопросы так называемого мандатного управления давно подняты нашей организацией как в области промышленного управления, так и в области управления совхозами и т. д. Настал момент, чтобы наша партия вплотную подошла к вопросу управления хозяйством, к руководству хозяйством. Настал момент, чтобы в интересах всего государства партия вплотную подошла к централизованному управлению местных организаций.

Мы имеем у нас во главе всех трех строительств беспартийных инженеров. Два из них вплотную подошли к вопросу контактных действий. За годы пятилетнего строительства электрострой переживал тягчайшие моменты, и только с помощью живого участия и содействия местных организаций мы имеем достижения.

В рабочем аппарате мы имеем надлежащее направление через орабочивание аппарата, и больших трений не было. В Вахтанковском строительстве, подчиненном исключительно центру, идея мандатного управления получила отрицательное разрешение.

Кроме этого, реализация средств Наркомфина в меньшем размере, чем полагалось по производственной программе, утвержденной ВСНХ, создала объективные трудности. Поэтому строительству приходилось всячески изощряться для того, чтобы не дать погибнуть делу, но это все не привело к положительным результатам, и именно потому, что строительство свою работу проводило без достаточной помощи местных организаций.

Дело дошло до того, что за три месяца не заплатили рабочим заработной платы. Тогда рабочие и партийные организации поставили вопрос ребром: почему не выполняются декреты о зарплате? Тут не комиссия виновата, ибо нельзя назвать комиссией какого-нибудь представителя той или иной организации, который приедет на место узнать, что случилось и почему.

За пять лет строительства была комиссия РКИ и ВСНХ СССР. Комиссия эта была такова, что местная организация давала ей отпор по всем решениям о пересмотре вопроса о месте этого строительства.

Только содействие со стороны губкома и губисполкома спасло все строительство в целом. Нужно тогда, когда местные организации всецело хотят оказывать содействие данному мероприятию, итти навстречу местам, разрешая организационно-управленческие вопросы в пользу местных организаций.

Это, мне кажется, касается также вопросов взаимоотношения с другими наркоматами, в том числе вопросов управления совхозами, лесным хозяйством, жилстроительством и т. д.

Несколько слов о местной промышленности и бюджете. Совершенно верно ставят задачу не только реконструкции местной промышленности, но также увеличения ее продукции. Мы должны расширять не только губернскую промышленность, но и уездную вплоть до волостной, как по этому поводу была дана директива XIV партийным съездом. Здесь наиболее сложной является задача расширения и реконструкции.

Необходимо пересмотреть вопросы увязки всех организационных взаимоотношений наших промышленных предприятий, которые имеются на территории губернии. Увязка должна касаться всех промышленных предприятий данной территории, в том числе и предприятий так называемого централизованного подчинения, ибо вопросы топлива, сырья, транспорта, электрификации, вопросы финансовой помощи и кредита есть общие вопросы. У нас нет сейчас промышленности, которая не составляла бы части единой государственной промышленности. То, что она делится на группы централизованные и местные, это только формальные признаки,

поэтому нам нужно сейчас ставить вопрос о большей и теснейшей увязке.

Работа по составлению производственной программы и по контрольным цифрам требует этой увязки.

Вопросы бюджета нашей промышленности не получили ясности после выхода декрета об уделении 50% всего нарастания, которое связано с введением нового положения о местных финансах. До этого декрета был целый ряд декретов, погашавший весь этот прирост. Мы имеем декреты о коммунальном хозяйстве, о бронировании на коммунальное хозяйство 25% всех доходов от аренды, о бронировании квартплаты, о поднятии зарплаты субвенируемой группе и т. д. Следуя всем этим декретам, мы полностью погасили весь прирост. Нам приходится вновь при столкновении этих декретов думать о том, как бы защищать это новое положение, думать о том, как можно было бы действительно его защитить, ибо мы знаем, что покушение на него имеется,—в Госплан представлен проект о том, чтобы не вводить это новое положение. Мы решительно против этого возражаем.

Товарищи, еще один момент: это—вопрос о частном капитале. Этот вопрос особенно для нас важен, ибо он в настоящее время связан с вопросом регулирования частного капитала в кустарной промышленности. В тезисах т. Рыкова сказано о лучшем учете, о всех тех мероприятиях, при помощи которых наши организации смогли бы подойти к этому вопросу вплотную. Я говорю о кустарных промыслах, ибо в этой области частный капитал, снабжающий кустаря сырьем и материалами или выступающий как скупщик готовых фабрикатов или полуфабрикатов, играет крупнейшую роль. Трудность борьбы с частным капиталом в этой области усугубляется еще и тем, что большое значение здесь имеет бытовая обстановка, которая издавна благоприятствовала эксплоатации кустаря. Что такое, например, Семеновский уезд? Это старообрядческий уезд, откуда выходили крупные миллионеры—Бугровы и т. д., которые на эксплоатации кустарей вырастали в крупных миллионеров. Бытовые условия старообрядчества играют крупную роль. Частный капитал еще не зависит от органов регулирования и поэтому может подымать эти промыслы без всякого учета производственных возможностей, но, поднявши, он потом, в минуту ухудшения конъюнктуры, бросает их на произвол судьбы. В таком именно положении находится Павловский металлический район, в котором в истекшем году был сильный ажиотаж, когда многие наши государственные заготовительные организации и частный капитал дезорганизовали производство, надавали массу заказов кустарям, подняли тысячи кустарей к жизни, а сейчас

частный капитал в силу заминки бросил кустарей на произвол судьбы, и они валом валят к нам, требуя помощи.

Теперь—вопрос о частном капитале в сырьевых заготовках. Мы по своей губернии наблюдаем, что в тех местах, где имеется кустарная переработка сырья, там частный капитал имеет успех, там же, где кустарной переработки сырья нет, там частный капитал отсутствует. В таких кустарных промыслах, как обработка кожи и шерсти, частный капитал, несомненно, имеет успех, ибо он снабжает частные заводы сырьем и т. д.

Я, товарищи, кончаю. Эти тезисы дают нашим местным организациям—партийным и хозяйственным—на целый ряд лет новую установку, обеспечивающую плодотворнейшую работу по укреплению социалистической промышленности.

Председательствующий. Слово имеет т. Ларин.

Ларин. Вся партия, или почти вся партия, согласна в двух вещах. Во-первых, в том, что оппозиция повержена на землю, разбита и, во-вторых, в том, что выступление оппозиции было объективно проявлением давления буржуазного окружения на нашу партию. Сравнительные хозяйственные заминки последнего хозяйственного года вызвали, несомненно, некоторое временное колебание в части рабочего класса, среди беспартийных и партийных. Среди беспартийных рабочих это выразилось даже в ряде бытовых явлений, как рост хулиганства, рост антисемитизма и т. п. В наших партийных рядах это выразилось в некоторых идейных шатаниях. Не случайно, что как раз после первого наиболее яркого проявления хозяйственных затруднений, именно осенью и в конце 1925 г., больше всего заметно было и идейное брожение в части партийных кругов, к концу 1925 г. проявившееся в выступлениях ряда ленинградских товарищей на партийном съезде. Не случайно, что по мере того как эти хозяйственные трудности изживались, по мере того как они партией преодолевались, падало и то внимание, которое первоначально в тех или иных партийных кругах могла вызвать к себе оппозиция, в частности, это было продемонстрировано потерей оппозициею значительного количества приверженцев, например в Ленинграде.

В данный момент оппозиция разбита—мнение партии совершенно ясно. Теперь нужно заострить внимание на вопросе о том, что надо делать для того, чтобы ныне поверженная оппозиция не могла подняться с земли и чтобы те идейные шатания и колебания, которые происходили хотя бы в небольших отрезках партии, не могли иметь места. Я думаю, что в этом отношении перед нами три задачи.

Прежде всего мы должны усилить внимание к тому, чтобы мы сами, чтобы наша собственная практика не поддавалась, всячески избегала поддаваться подчинению тому давлению буржуазного окружения на нас, жертвой которого пала оппозиция.

Я приведу вам один пример. Мы все, партия, стоим решительно против того взгляда оппозиции, что надо извлекать средства из кооперации и из государственной торговли и, таким образом, фактически предоставить торговый оборот в руки преимущественно частного капитала. Между тем на этих днях напечатан в газетах отчет Центросоюза. И вот практика за последний год наших промышленных трестов и синдикатов, всех органов ВСНХ в их сделках с Центросоюзом показывает, что из квартала в квартал, за все четыре последние квартала совершенно правильно уменьшается та доля всей суммы покупок, которая кредитуется кооперации промышленными органами, т.-е. происходит фактически то самое извлечение средств из кооперации, против которого мы все принципиально возражаем и которое нам рекомендовали недавно т. Пятаков, т. Смилга и другие товарищи. Если посмотреть, далее, на проект государственного бюджета на будущий год, который уже разослан, опубликован, то вы там тоже найдете уменьшение ассигнования на развитие кооперации по сравнению с тем ассигнованием, которое было дано на прошлый год.

Я не считаю, что это нужно приписывать просто тому обстоятельству, что во главе нашего бюджетного управления в Наркомфине стоял товарищ из оппозиции, т. Рейнгольд, а во главе Цугпрома ВСНХ стоял другой товарищ из оппозиции, т. Пятаков.

Я считаю, что здесь просто проявилась сила «стихийного» давления на те участки фронта, которые этому давлению наиболее подвержены. Стало быть, побеждая оппозицию в той открытой идейной схватке, которая произошла, мы должны усилить внимание к нашей собственной практике, к практике нашего аппарата по всей линии, для того чтобы то, что мы отвергли принципиально, не просачивалось практически под внешним прикрытием полного верноподданничества партии, полного подчинения партии и единогласного поднимания рук за все резолюции, которые мы предложим.

Второй пункт, на который нужно обратить внимание для того, чтобы уменьшить возможность обратного поднятия оппозиции с земли, на которую она упала, заключается вот в чем. Борьба с оппозицией отвлекала силы и внимание партии от борьбы с теми недостатками, извращениями, промахами в разных областях нашего хозяйства и вообще в нашей политике, которые есть. Ведь мы все эти недостатки прекрасно знаем. Их критика, их раз-

облачение никоим образом не являются монополией оппозиции. В своем докладе т. Рыков вчера дал достаточно примеров разоблачения разного рода недостатков, неправильностей и т. д. Но хотя мы все это знали,—на практике сила и энергия партийного руководства и широких масс партийного актива были заняты не этим, а борьбой за сохранение прочности пролетарской диктатуры, борьбой, которая велась против попыток оппозиции, имеющих объективное значение и тенденцию к тому, чтобы пошатнуть прочность этой диктатуры. Теперь, после окончания такой исключительной растраты внимания на борьбу с оппозицией, у партии развязаны руки для того, чтобы сосредоточить свое внимание на более жестком, на более твердом устранении тех недостатков, ошибок и извращений, которые есть в самых разнообразных областях политики. Это вторая заповедь, которую мы должны иметь в виду.

Третья, и очень существенная, заключается в том, что в постановке хозяйственных проблем мы должны теперь перенести свое внимание от тех мнимых задач, какие ставила перед партией дискуссия с оппозицией, на задачи реальные, которые вытекают из нашего хозяйственного положения. То обстоятельство, что оппозиция давала неправильную оценку перспективам нашего хозяйственного развития, побуждало ее выдвигать и неправильные задачи, а не те задачи, которые фактически на ряд предстоящих лет стоят. Все внимание партии было сосредоточено на разборе вот этих неправильных задач, вместо тех основных, серьезных пунктов, которые стоят перед нами действительно.

Я перечитал ту литературу оппозиции, которая есть, старался взять самое последнее, самое полное изложение экономических взглядов оппозиции, и в качестве такого прочел ходящую в городе по рукам новую, уже после июльского пленума, видимо, написанную брошюру т. Зиновьева, которая содержит в себе изложение тех условий, на которых сошлись, по его словам, разные части оппозиции и которые они противопоставляют нынешней политике партии. Тов. Зиновьев формулирует это очень точно по пунктам 1, 2, 3, 4, таких пунктов там около 10—12. Читая эту формулировку, видишь, что он противополагает партии либо такие вещи, которые являются неправильными, мнимыми задачами, на чем я еще остановлюсь, либо такие вещи, противопоставление которых линии партии может вызвать только смех. Например, один из центральных пунктов, на которых, по словам т. Зиновьева, объединенная оппозиция условилась объединиться и которые, следовательно, противопоставляются линии партии,

есть требование о том, чтобы отныне была незыблемая смычка рабочих с крестьянами. Из такой платформы следует, что как будто те, против которых они борются, т.-е. мы, партия, Центральный Комитет, стоим, значит, против незыблемости этой самой смычки,—иначе ведь нам нечего противополагать.

Теперь о мнимых и реальных задачах для ряда ближайших лет. Я буду говорить не о всей проблеме нашей экономики, а только о том, что либо было извращено оппозицией, поставлено в мнимую плоскость, либо оставлено без внимания. Я основываюсь в частности на этой брошюре т. Зиновьева и на большом докладе т. Пятакова при его уходе из президиума ВСНХ о результатах работы по перспективному плану промышленности.

Первая перспектива, которую ставит оппозиция для ряда ближайших лет,—ожидание товарного голода, рост товарного голода. В действительности в ряд ближайших лет перед нами станет в этом отношении задача другого рода, и даже тот год, в который мы вступили, явится уже отчасти, возможно, годом переломным в этом отношении, а с каждым дальнейшим годом товарный голод будет изживаться. Перед нами будет стоять не перспектива роста товарного голода, а перед нами будет стоять задача заботы о расширении рынка промышленных потребительских товаров. Во всех расчетах оппозиции о размерах потребления поразительно—до чего просмотрен рост расходов крестьянского населения на средства производства, на производственное обновление земледелия, рост расходов горожан на жилищное строительство, на обновление ремесла и других отраслей хозяйства. Этот просмотр создал совершенно искривленную постановку вопроса о перспективах товарного голода, усиленную еще просмотром значения роста мелкой и средней, частной, кустарной и нецензовой промышленности. Достаточно сказать, что такой авторитетный представитель оппозиции, как т. Пятаков, в расчете о росте нашей продукции в ближайшее пятилетие, из которого делаются выводы о росте товарного голода и, следовательно, о безвыходности нашего положения, предвидит, что за все эти 5 лет рост мелкой и кустарной промышленности составит только 10%, даже не 10% в год, а 10% во все пять лет. Нечто совершенно неслыханное.

Так вот, первое—мы должны будем сосредоточить наше внимание на постепенной подготовке расширения рынка и на ряде связанных с этим мер. Это значит, во-вторых, что вместо задачи извлечения средств из кооперации и государственной торговли, как это нам рекомендуют тт. Пятаков и Смилга, нам придется в течение ряда ближайших лет большее внимание посвятить за-

дачам, все время перед нами стоящим,—задачам большего овладения кооперацией, крестьянским рынком, торговлей в деревне. Вы знаете из ряда всевозможных публикаций и документов, что частная торговля в деревне преобладает; вы знаете хотя бы из напечатанных вчера в «Экономической Жизни» итогов обсуждения Госпланом современного положения торговой сети, что в настоящее время на одну деревню, имеющую кооперативную лавку, приходится шесть деревень, имеющих частные лавки. Постепенная замена в течение ряда предстоящих лет этих частных лавок лавками кооперативными, т.-е. усиление нашей поддержки кооперации, будет означать, что на ту же сумму денег крестьянство сможет купить гораздо больше промышленных продуктов, потому что цена промышленного продукта гораздо меньше в той деревне, где есть кооператив, чем в той, где его нет. Это будет означать возможность разместить на рынке увеличенное производство промышленных потребительских товаров.

Перейду к следующему пункту, к постановке вопроса о земледелии. Если пересмотреть литературу оппозиции по вопросу о земледелии (начиная с самого первого выступления т. Зиновьева о том, что каждому безлошадному надо дать по лошади) и если перевести на язык экономики и агрономии,—то надо будет сделать вывод, что оппозиция мыслит себе нашу работу в области сельского хозяйства как восстановление того примитивного, отсталого, реакционного зернового хозяйства, которое лежало в основе старой деревни и на почве которого нельзя широко подняться маломощным слоям этой деревни, нельзя поднять их быстро вверх. На деле же задача наша в области сельскохозяйственного производства на ближайшие годы будет заключаться в таком изменении его направления, в такой его интенсификации, которая уменьшит в значительной степени роль зерновых хлебов, которая широко разовьет среди крестьян производство технических растений, сырья для промышленности и производство продуктов животноводства, как масло, сыр, мясо и т. п. Фантастическая мера наделить всех безлошадных одной лошадью, на основе зернового хозяйства,—если бы была к этому возможность—привела бы к усилению «зернового кризиса» нашего сельского хозяйства. Только постепенная перестройка земледелия на более интенсивный лад, не требующая колоссальных затрат, даст возможность справиться с тем аграрным перенаселением, которое на нас давит, ибо даст возможность крестьянскому хозяйству существовать при 6—7 десятинах на двор в более высоком состоянии, чем нынешнее зерновое хозяйство, при котором семья имеет 10—12 десятин земли. Я думаю,

что успех работы того или иного губкома в той или другой крестьянской губернии скоро начнет у нас измеряться в значительной мере тем, как велика площадь посева этой губернии, которая от старого зернового, пшеничного, ржаного и тому подобного засева перешла к посеву технических и кормовых растений, и тем, насколько внимание данного губкома обращено на то, чтобы ссуды, направленные в деревню, шли на развитие коровьих стад и на переработку через корову продуктов земледелия в масло, сыр и пр. Само собой разумеется, это вызовет необходимость соответственной политики и в городе, чтобы продукты этого интенсифицированного земледелия находили достаточный сбыт в городском населении.

Четвертый пункт заключается в следующем. Если в последние годы руководителем Цугпрома ВСНХ, т.-е. практического управления промышленностью, был т. Пятаков, то перед ним в ВСНХ на руководящих ролях работал т. Смилга—преемственно двое оппозиционеров работали один за другим. Этот период был, несомненно, периодом роста бюрократизации нашего промышленного управления. Теперь мы стоим перед необходимостью реформы этого промышленного управления. Мы должны в области промышленного управления осуществить своего рода «демократический централизм», если можно так выразиться. Мы третий раз уже стоим перед преобразованием управления промышленностью. В первый раз это было в конце 1917 и в начале 1918 года, когда вместо буржуазного управления мы ввели наши главки и центры; второй раз—летом 1921 года, когда с переходом к новой экономической политике мы ввели тресты, и третий раз—теперь, когда мы переходим от периода восстановления хозяйства до довоенного уровня к периоду строительства социализма в сравнительной полноте своих сил. Теперь мы в такой же мере должны использовать последние достижения буржуазной системы, наполняя их нашим новым классовым содержанием, как мы сделали при двух предшествующих реформах. При нашей реформе управления промышленностью 1917 и 1918 гг. мы взяли фактически немецкие главки и центры военного времени и перенесли их к себе, наполнив нашим классовым содержанием. При начале нэпа мы взяли европейские тресты, как способ организации буржуазией промышленного управления при рыночном хозяйстве, изменив их классовую природу. Теперь мы стоим перед тем, чтобы использовать, переработать по-своему для широкого нового социалистического строительства опыт наиболее передовых крупных американских предприятий, которые за последнее десятилетие ушли вперед сравнительно с Европой в методах ор-

ганизации всего хозяйства и управления, и которые являются носителями буржуазной системы управления при быстром росте хозяйства. Как американские предприятия за последнее десятилетие значительно ушли вперед европейских, так и система управления лучшими из них. То, что они там осуществляют для привязывания рабочих к себе (они осуществили весьма своеобразную систему производственных совещаний с «парламентскими» порядками и т. д.), это мы сделаем здесь, переработав по-нашему, и подчиним не задачам роста эксплоатации, как у них, а задачам роста строительства социализма.

Пропущу сейчас очень важный пункт о подготовке наших кадров—и квалифицированных рабочих и администраторов, о котором может быть поговорю после,—значение этого вопроса для нашего хозяйственного развития будет все возрастать. Остановлюсь только еще на одном. Когда оппозиция подчеркивает необходимость индустриализации и роста затрат на нее, она подчеркивает это таким образом, что фактически отвлекает внимание партии от той необходимой задачи, которая у нас не совсем правильно называется «режимом экономии» и которую гораздо правильнее было бы назвать задачей рационализации использования рабочей силы нашего населения, т.-е. задачей о том, как сделать наиболее целесообразной затрату труда нашего населения, чтобы она давала наибольшие результаты. Вот эта задача, в которой экономия расходов является только необходимой составной частью. В этом отношении мы должны осуществить крупный перелом практики. Если вы вспомните воззвание тройки—тт. Рыкова, Сталина и Куйбышева—о режиме экономии, которое было опубликовано несколько месяцев тому назад и которое изложило точку зрения партии на это, то вы должны будете признать, что пока в этом отношении осуществлено недостаточно, пока не устранены осужденные там извращения. До сих пор проводится со стороны ряда хозяйственников уклон в сторону понимания режима экономии в смысле экономии копейки на рабочем—не дать ему трамвайный билет, хотя это понизит его работоспособность и т. п.,—а не в том смысле, чтобы устроить хорошую вентиляцию, чтобы рабочие могли лучше работать, и т. п. и сокращать лишь ту часть расходов, сокращение которой не ухудшает положения рабочих. Вот в этом отношении то, что было партией обещано—изгнание для примера из партии, скажем, нескольких десятков хозяйственников, как за преступления, за истолкование режима экономии на практике в виде прижима рабочего—это должно быть осуществлено. С одной стороны, учитывая необходимость сосредоточить внимание на тех достаточно

выясненных и ранее задачах, на которых мы не имели до сих пор достаточной возможности остановиться благодаря отвлечению сил оппозицией; с другой стороны, останавливаясь на постановке реальных проблем, вытекающих из нашей действительности, вместо постановки задач мнимых, вытекающих из неправильных взглядов оппозиции,—мы найдем единственно правильный лозунг—переход от оппозиционной болтовни к реальному делу,—который должен стать знаменем наступающего периода, облегчить дальнейшую творческую работу и уничтожить для оппозиции возможность находить хотя бы временный отклик хотя бы у небольшой части рабочих.

Председательствующий. Слово имеет т. Сырцов.

Сырцов. Основная линия, пронизывающая тезисы т. Рыкова, безусловно правильна. Весь ход событий по изживанию хозяйственных затруднений показал, что та линия, тот курс, который был взят Центральным Комитетом на изживание этих хозяйственных затруднений, целиком и полностью себя оправдали. Соответственно этому построения оппозиции должны быть отвергнуты. Какая может быть цена тем предложениям, которые вытекают из абсолютно неправильного, доказавшего всю свою неправильность, анализа и оценки обстановки.

Преувеличенные размеры хозяйственных затруднений, или хозяйственного кризиса, которые имелись в оценке оппозиции, совершенно не подтвердились. И сейчас мы имеем со стороны некоторых оппозиционеров, правда второстепенных, не искушенных в политиканстве, запоздалые признания того, что оппозиция преувеличила, переоценила размеры и характер затруднений, при чем есть разговоры и такого рода, что де, если бы эти затруднения имели такие размеры, как их предполагала оппозиция, то мы бы победили. Если бы де эта оценка оказалась правильной, то наша бы взяла. Если бы да кабы! Но как раз этого и не получилось.

Оценка оказалась неправильной.

И по существу совершенно правильна постановка т. Рыкова, расценивающая эту ставку оппозиции как пораженческую. Оппозиция докатилась до принципа «чем хуже, тем лучше», принципа, конечно, совершенно пораженческого. Ставка оказалась битой, и тут не помогли ни широкие обещания, которые щедро раздавались, ни миллиарды, которые так широко популяризировались.

Года два тому назад некоторым успехом пользовалась кинематографическая картина «Женщина с миллиардами», и это дало

повод Ивану Ивановичу Скворцову сказать, что теперь картина изменилась, что вместо «Женщины с миллиардами» мы имеем «Мужчину с миллиардами». Но тем не менее и миллиарды не помогли абсолютно безнадежной и внутренне противоречивой позиции.

Линия, взятая Центральным Комитетом по хозяйственным вопросам, получающая сейчас свое пополнение и уточнение в виде тезисов, которые предлагаются Политбюро, абсолютно правильна. Но надо отметить затруднения и препоны, которые стояли, стоят и, в значительной степени, будут стоять при проведении этой абсолютно правильной линии. Здесь при определении этих препон необходимо сказать, что некоторые части нашего государственного торгового и кооперативного аппарата иной раз противодействуют стихийно, бессознательно проведению этой линии и искривляют ее. В то время, когда велась большая принципиальная борьба против неправильных положений, скажем, по вопросу о повышении отпускных цен, некоторые организации, надувая партию, ухитрялись все-таки проводить под сурдинку это повышение отпускных цен. Другая задача—понижение розничных цен, которая стоит как одна из центральных хозяйственных и политических проблем. При проведении этой задачи мы также натыкались на сопротивление, на искривление этой линии. Часть нашего аппарата делала вид, что проводит эту линию; немало было случаев, когда торгующие организации сначала цены повысят, чтобы было с чего снижать, а потом снижают, делая вид, что они вполне лойяльно выполняют постановления партии.

В тезисах т. Рыкова имеется совершенно правильное указание на необходимость сокращения накладных расходов и рационализации всей системы управления. Эти накладные расходы представляют часть того барьера, о который мы спотыкаемся, часть тех препятствий, которые искривляют, тормозят, задерживают проведение нашей линии.

Разрешение поставленной тезисами задачи по пересмотру всей системы управления совершенно немыслимо без того, чтобы при осуществлении этих практических задач профессиональные и хозяйственные органы не поставили самым решительным образом вопрос о необходимости самой решительной борьбы с теми условиями, которые извращают и разлагают наш аппарат. Я говорю о необходимости борьбы с протекционизмом и кумовством, которые представляют собою часть общей тлетворной язвы бюрократизма, разлагающего наш аппарат.

Не так давно мне пришлось видеть материал обследования некоторых торговых организаций, обследования, проведенного именно под углом зрения выявления этих сторон. Этот материал

пестрит такими фактами: заместитель заведующего каким-нибудь торговым отделением, человек или партийный или беспартийный, чаще беспартийный, жена его в этом же отделении работает машинисткой, тесть—продавцом, дочь тестя—машинисткой, сын тестя—учеником, и т. д. Такой более или менее замаскированный подбор аппарата по совершенно неделовым признакам представляет собою зло не только в отдельных частях нашего государственного аппарата, но еще в большей степени в низовых хозяйственных, торговых и кооперативных организациях. Вот эта беспринципность и безответственность в подборе людей создает то обстоятельство, что искривляется линия партии, что аппарат выскальзывает из-под нашего руководства, последнее парализуется или ослабляется, и в аппарате задают тон враждебные нам, спаянные против нас, группы, которые тормозят или искривляют проведение руководящей линии.

Конечно, подобранный таким образом аппарат будет отпихиваться от всякого рода выдвиженцев, будет отпихиваться от коммунистов, посылаемых для его освежения. На эту сторону нам необходимо обратить самое серьезное внимание.

6-й раздел тезисов правильно ставит вопрос относительно непомерных накладных расходов и о нерациональной организации товаропроводящей сети. Здесь мы имеем такое же явление бюрократической отдачи со стороны наиболее нездоровой части нашего аппарата, той части аппарата, которая защищает свои шкурные интересы, которая не заинтересована в правильном проведении общих задач и общей линии. Работники лучшей части нашего аппарата распылены, не организованы, и на них мы с полной уверенностью опереться не можем. Снижение розничных цен—одна из основных проблем—наталкивается на противодействие аппарата, на его сопротивляемость. В особенности это наблюдается в отношении кооперации. Если мы в отношении государственного аппарата имеем кое-какие достижения в смысле сокращения штатов и, во всяком случае, приостановки его роста, то кооперативный аппарат до сих пор еще не стабилизовался, продолжает все расти и пухнуть. И это явление представляет собою то зло, которое мешает проведению основной задачи—снижению розничных цен. Казалось бы, что в кооперации,—организации, построенной на принципе самодеятельности и общественного контроля,—в этом отношении должно быть более благополучно. Но мы там имеем явное неблагополучие: аппарат там растет даже без всякой связи с ростом оборотов.

Я позволю себе привести несколько цифр по нашей сибирской кооперации. Сибирская кооперация представляет собой орга-

низацию более устойчивую, чем в целом ряде других районов с мощной хозяйственной базой, но тем важнее отметить ряд недостатков, которые, я думаю, типичны и для других районов. Мы имеем такое положение, что расходы на аппарат растут сильнее и быстрее, чем другие расходы, доля содержания личного состава работников в общих расходах растет сильнее остальных расходов. Даже в такие месяцы, когда оборот сильно сокращается, аппарат все же по инерции растет. Например, июнь месяц, когда происходит уменьшение оборота на $^1/_2$%, число служащих увеличивается на $9^1/_2$% по отношению к октябрю. Таким образом получается, что аппарат—это самодовлеющая сила, которая развивается вне всякой связи с хозяйственными задачами, хозяйственным положением и с оборотами.

Если сравнить темп роста кооперирования населения и темп роста аппарата, получается также удручающая картина. За зимний период потребительская кооперация число членов увеличила на 11%, а кооперативный аппарат увеличился на 16%. Рост аппарата опережает степень кооперированности населения. Я вовсе не думаю, что это наш специфический сибирский недостаток, я считаю, что в основном у нас кооперация гораздо более здоровая, чем в ряде других районов, но тем не менее мы имеем ряд таких недостатков, борьбу с которыми мы поставили перед собой вплотную; мы ставим перед собой задачу всю ближайшую кооперативную кампанию провести под решительным лозунгом сокращения на 20—25% этого аппарата. В деле упорядочения аппарата, роста производительности труда, нагрузки на одного сотрудника мы упираемся не только в ошибки кооперативных работников, не только в неуменье хозяйничать, налаживать аппарат, но и в целый ряд других обстоятельств. Мне кажется, что мы зачастую неправильно проводим нашу линию в области вопросов труда по отношению к этой части нашего аппарата. У нас слишком общий подход к охране труда и пролетария и служащего; мы зачастую автоматически переносим нормы, пригодные для города, для служащего в городе, в деревню, удорожая, усложняя аппарат. В результате получается такое положение, что при особых условиях деревни мы пытаемся прямолинейно проводить общие условия кодекса и норм труда, мы пытаемся жизнь деревенской кооперации втиснуть в такие рамки, в которые она втиснута быть не может. Аппарат охраны труда, местком и т. д. и все влияние советской власти употребляются только на то, чтобы защитить сторожа или приказчика деревенской потребилки от мнимой или действительной эксплоатации, но недостаточно обеспечиваются трудовая дисциплина, удобства потребителя (время открытия

лавки и пр.). Заботимся о том, чтобы как-нибудь не получилось эксплоатации работников деревенской кооперации, а в результате—неизбежный громадный рост штатов, и рабочий класс и крестьянство должны нести на себе тяжесть высоких розничных цен. Здесь, конечно, я не хочу ставить под подозрение линию профсоюза в целом, но для меня несомненно, что у местных низовых органов есть ряд таких извращений, на которые нужно обратить внимание. Надо правильно ориентировать низовые ячейки профсоюзов об их общих задачах и индивидуализировать подход к вопросам труда в городе и деревне. Здесь т. Эйхе уже говорил о сибирском маслоделии. Это касается не только Сибири; вопросы масла имеют всесоюзное значение. Масляный кризис в Москве заставляет присмотреться к этому вопросу. Я коснусь части вопроса. Если до войны расходы на содержание аппарата молочной кооперации на маслозаводах составляли 35% всех расходов артели, то теперь, при общем росте всех расходов, они составляют 50%. Без самого решительного изменения в этой области мы не достигнем удешевления, упрощения кооперативного и торгового аппарата. Снижение розничных цен также будет съедено аппаратом.

Я хотел бы сделать несколько отдельных замечаний по другой части тезисов т. Рыкова. Это по вопросу о специалистах. Здесь совершенно правильно говорится относительно необходимости бережного отношения к специалистам, но мне кажется, что надо отметить и другую сторону,—это то, что сейчас среди некоторой части специалистов, и притом не лучшей части, развивается такое преувеличенное представление о себе, которое в их отношениях с рабочими дает себя знать бьющим в глаза самомнением, грубостью и иной раз третированием рабочих. Мы раньше иногда усиленно боролись с тем, что называется комчванством, будем бороться с ним и сейчас, но надо дать отпор и «спецчванству». Мне кажется, что партийные, профессиональные и хозяйственные организации должны выправлять нетактичную линию отдельных специалистов. Эта почва питает и антиспецовские настроения и содействует их развитию.

Еще одно маленькое замечание, на полминуты, относительно индустриализации. Мы настойчиво выдвигаем вопрос о развитии в Сибири некоторых отраслей промышленности (каменноугольной и постройки большого металлургического завода), но это не значит, что мы забываем остальное, забываем о сельском хозяйстве. Лозунг индустриализации страны никоим образом нельзя подменить лозунгом индустриализации каждого уезда: должно быть разделение труда между различными экономрайонами. И с

этой стороны мне кажется, что сырьевая проблема, задачи в отношении сырья, технических культур и животноводства, которые выдвинул т. Рыков, чрезвычайно важны и совершенно правильны. Планомерное разрешение этих задач и в области промышленности и в области сельского хозяйства обеспечит действительные успехи социалистического строительства.

Председательствующий. Слово имеет т. Сулимов.

Сулимов. Товарищи, уральская организация по напору на нее оппозиции занимает далеко не последнее место в нашей партии, и этот напор шел, главным образом, по хозяйственной линии. У нас обсуждение выступления оппозиции на Верх-Исетском заводе (на одном из крупнейших заводов Свердловска) совпало с предстоящей кампанией по перезаключению колдоговоров. Если тт. Преображенский и Пятаков исчисляют свои сверх-миллиарды теоретически, то местная оппозиционная публика понимает эти миллиарды значительно непосредственнее, значительно более реально,— не теоретически, а конкретно. Именно это выявилось в предложении оппозиции о повышении отпускных цен на промышленные товары, при чем обоснование этой оппозиции давали не рядовики-рабочие, потому что рядовиков-рабочих у нас в оппозиции очень немного. Уральская организация всем оппозиционным выступлениям дала и дает такой же решительный, такой же большевистский отпор, как это сделала Московская, Ленинградская и другие организации нашей партии. Так вот, товарищи, наши оппозиционеры, именно на основании этих перспектив повышения отпускных цен, выдвигают ни больше, ни меньше, как конкретное требование в предстоящую кампанию по перезаключению колдоговоров повысить зарплату на 30%! Это слишком упрощенное понимание «теоретических» миллиардов могло вызвать среди рабочих масс определенное недоумение. Рабочие могли думать: неужели в самом деле партия и советская власть, имея такие широкие возможности для улучшения материального положения рабочих, а главным образом для скорейшего восстановления промышленности, для индустриализации страны, неужели они от этих возможностей отказываются? Не стоило, конечно, большого труда разъяснить на рабочих заводских ячейках всю фальшивость, всю экономическую необоснованность такого предложения со стороны оппозиции. Тов. Рыков прав, говоря, что рабочие ячейки оказались экономически грамотнее вождей оппозиции.

Резолюция т. Рыкова по хозяйственному вопросу ценна в двух отношениях. Во-первых, потому, что она дает точную, ясную генеральную линию нашего хозяйственного развития на ближайший ряд лет. С этой стороны, партия в этом документе получает

действительно целую программу хозяйственной деятельности Советского Союза под руководством нашей партии. С другой стороны, ценность этой резолюции заключается в том, что она дает достаточно твердый, достаточно ясный анализ экономической политики оппозиции. Поскольку оппозиция своими «миллиардами» могла вызвать недоумение среди рабочих масс, резолюция на все недоуменные вопросы дает исчерпывающий ответ. В этом — вторая ценность резолюции, предложенной конференции т. Рыковым. Выводы т. Рыкова, как и все конкретные материалы, изложенные в его докладе, любой из нас, местных работников, мог бы подкрепить еще более исчерпывающими материалами из нашей местной практики. В частности, и мы по нашей уральской работе могли бы привести целый ряд несомненно весьма ценных данных, подтверждающих правильность той постановки, какая дается в резолюции т. Рыкова как в смысле дальнейшего хозяйственного развития, в смысле путей этого развития, путей накопления для нашей индустриализации, так и в смысле тех достижений, которые мы имеем за истекшее время. Я, товарищи, из нашей уральской работы мог бы привести только несколько цифр. Вот хотя бы о том, что наше хозяйство идет вперед (едва ли об этом нужно говорить); но наше хозяйство не только идет вперед — оно идет в сторону усиления социалистических элементов, социалистического сектора, прежде всего промышленности, транспорта и т. д. Если мы в общем хозяйственном росте, который, замедляясь в темпе, все-таки неуклонно и стремительно движется вперед, выделяем такую часть, как промышленность, то нужно сказать, что ее рост и темп роста на протяжении последних 4 лет идет более быстро, чем все наше хозяйство. Движение всей (сельское хозяйство плюс промышленность) валовой продукции по Уралу идет таким образом: в 1924/25 г. рост ее равнялся 34% по сравнению с 1923/24 годом, 1925/26 г.—22% по отношению к 1924/25 г., а на текущий год будет равняться— 11% по сравнению с прошлым. В то же самое время по промышленности Урала (а как вы знаете, уральская промышленность значительно больше отстает технически и меньше имеет возможностей для своего развития, чем передовые промышленные области), если сравнить темп развития промышленности за эти же годы, мы имеем такую картину: 1924/25 год имел по сравнению с предыдущим годом рост на 79%, за прошлый 1925/26 год мы имели рост на 42%, в текущем году мы имеем рост по промышленности на 21%,—а крупная промышленность будет составлять 22% при общем росте хозяйства на 11%. Мы видим неуклонное укрепление основной базы нашего социалистического

строительства—промышленности. Но, товарищи, поскольку я заговорил о более быстром росте нашей промышленности по сравнению с остальным хозяйством, мне хочется отметить особые трудности, которые встречает в своем развитии промышленность на Урале. Мы имеем, как я уже сказал, очень отсталое оборудование на заводах; это отсталое оборудование кладет определенный отпечаток и на материальный уровень уральского рабочего. В прошлом, до революции, промышленники Урала могли выдерживать конкуренцию с Югом только благодаря низкой зарплате уральских рабочих. На протяжении всего дореволюционного времени она составляла примерно лишь 60% заработка рабочих в южной промышленности, а если взять Москву и Ленинград, то заработок уральского рабочего составлял и того меньше.

Экономика, бюджет уральского рабочего за революционные годы значительно изменились. Полукрестьянский характер бюджета уральского рабочего начинает отходить в область прошлого. Количество скота и тем более значение крестьянского хозяйства, в смысле занятия земледелием, у уральского рабочего становится все меньше и меньше, и таким образом это должно быть компенсировано повышением заработной платы за его работу на заводе. И вот тут-то возможности нашей уральской промышленности значительно больше ограничены, чем возможности любой другой, технически более передовой области, например Юга, Москвы, Ленинграда. Тем не менее заработная плата уральского рабочего за эти последние четыре года в соотношении с заработной платой рабочих Юга изменилась в пользу уральского рабочего. Та резкая разница, какая наблюдалась в заработной плате уральского рабочего и рабочего Юга, теперь уже не существует. Вместе с тем это создало для развивающейся уральской промышленности, несомненно, очень большие трудности, потому что серьезных технических достижений, переоборудования, реконструкции уральской промышленности произвести мы еще не смогли, и таким образом соотношение в технике заводов Юга и Урала осталось то же, что было и до революции. Мы переживали период восстановления. Уже в прошлом году мы использовали, пожалуй, все возможности, которые получили в наследство от старой уральской промышленности, и сейчас вопрос стоит таким образом, чтобы мы и правительство Союза изыскали возможность более быстрого развития уральской промышленности.

Для того чтобы понять, в каком напряжении находятся сейчас оборотные средства уральской металлургии, я приведу только две цифры, весьма, по-моему, разительные. Если в 1924/25 г. уральская металлургия при 93 миллионах активного оборотного

капитала дала продукции по себестоимости на 107 милл. рублей, то в текущем хозяйственном году, при активных оборотных средствах в 102 милл. рублей, мы должны дать продукцию на 197 милл. рублей, т.-е. при почти стабильном оборотном капитале промышленности продукцию за эти годы мы удвоили. Тут мы достигли, пожалуй, такого предела, дальше которого нам двигаться будет уже трудно. Очевидно, дальнейшее развитие уральской промышленности должно быть поставлено в зависимость от тех вкладов, какие мы сможем внести в основной капитал уральской промышленности. Урал имеет много хозяйственных возможностей. Его колоссальные богатства в значительной степени еще не изучены. Возьмем, например, только что позавчера появившуюся в «Правде» статью видного русского геолога Преображенского, не Евгения Преображенского... (Голос с места: «Тот тоже геолог».) Тот тоже изыскания делает, только в другой области... Так вот появилась статья о том, что на севере Урала, около Соликамска, найдены богатейшие залежи калийных солей. Это для всего сельского хозяйства Союза сулит колоссальные возможности в смысле развития сельского хозяйства, получения большей урожайности при удобрении земли калийными солями.

До сего времени мировым монополистом калия была Германия. Наши запасы калия, при самых пока ограниченных разведках, дают нам такое количество калия, которое может быть уже сейчас свободно противопоставляемо германским запасам. Разрешение одной этой проблемы дает для Урала, так же как и для всего Союза, огромные возможности в области хотя бы сельского хозяйства.

Опыты последних трех лет дали положительные результаты в смысле возможности коксования кизеловских углей. Уральская промышленность, на-ряду с недостатком оборотных средств и устарелой техникой, имеет еще другую трудность—трудность в отношении топлива. Уральская металлургия не базируется так прочно на угле, как базируется южная металлургия. Древесное топливо, на котором работают наши заводы, обходится очень дорого, и вот отсюда — наши поиски возможностей коксовать уральский уголь. Те опыты, которые были проделаны в отношении коксования кизеловского угля, дали положительные результаты. Разрешение этой проблемы дает, в свою очередь, разрешение проблемы о снабжении углем нашей металлургии.

Постановка вопроса о значительной добыче калийной соли и вопроса о коксовании уральского угля требует затраты определенных средств. Сам Урал этих средств дать не может, по-

скольку уральская промышленность все свои возможности в этом отношении исчерпала. Здесь центр должен пойти нам навстречу. О том, что мы свои возможности исчерпали и что наши оборотные средства сильно напряжены, достаточно говорит то, что все затраты, которые мы будем делать на промышленность в текущем году, на 50% будут составляться из накоплений самой промышленности. Наша техника отстала, но уральские рабочие все свои силы, всю свою энергию прилагают к тому, чтобы двигать и дальше нашу промышленность.

Председательствующий. Слово имеет т. Криницкий.

Криницкий. Товарищи, в тезисах ЦК и в докладе т. Рыкова в полной мере освещены задачи социалистического строительства, в частности—задачи на текущий период по линии индустриализации нашей страны. Эта линия, которая изложена в тезисах, является дальнейшей конкретизацией и продолжением линии XIV съезда. Эта линия в основном уже проверена опытом и не вызывает в партии сомнений.

Четыре проблемы поставлены тезисами: промышленность и капитальное строительство, цены и товарооборот, внешняя торговля, вопросы труда. Работа партии по разрешению этих основных четырех проблем будет направлена тем самым на укрепление социалистических элементов в нашем хозяйстве, на дело перестройки мелкого хозяйства в нашей стране, на дело обобществления мелкого хозяйства. Я в своем слове не думаю останавливаться на этих общих задачах и на общих итогах нашей экономической работы за последний период. Я остановлюсь только на том, как организации партии в районах с преобладанием крестьянского хозяйства проводят в жизнь эту общую линию нашей экономической политики.

Важнейшая задача индустриализации, которая стоит перед партией в целом, перед многими промышленными организациями партии,—эта задача в большой части наших окружных, уездных и районных организаций не является непосредственно прямой заботой и задачей. Если говорить, например, об относительном весе продукции промышленности и сельского хозяйства, то в таком районе, как Белоруссия, продукция промышленности составляет 24% при средних по СССР 40%. Таким крестьянским характером обладает значительная часть районов нашей страны. Следовательно, перед организациями партии в таких районах общие задачи партии и пролетариата по социалистическому строительству должны быть поставлены «снизу», с другой—крестьянской—стороны. Когда мы работаем над общей линией партии, над вырешением общих основных проблем,—мы в крестьянских по преимуществу

районах имеем перед собою, как основную задачу, задачу кооперирования крестьянина и кустаря, в первую очередь бедноты и середняка, тем самым—подтягивания к крупной промышленности мелкого хозяйства, его переработки по пути обобществления. И вот здесь в ближайший период стоит и ставится ряд практических больших вопросов.

В сельское хозяйство в нашей стране вкладываются в целом огромные средства. У меня по нашим «контрольным цифрам» на 1926/27 г. есть данные по Белоруссии. Эти данные характерны не только непосредственно для Белоруссии; очевидно, они характерны для многих районов. Примерно, если все капитальные затраты на экономическое строительство по БССР на 1926/27 год равны 50 слишком миллионам рублей, на сельское хозяйство падает 26 милл. рублей. При этом, товарищи, мы можем и должны сказать с полной откровенностью, что значительная часть этих средств используется не совсем рационально, и расходование их не в полной мере идет по пути реализации линии партии в отношении крестьянского хозяйства. Тов. Рыков вчера говорил, что хозяйственный аппарат по линии промышленности таков, что трудно ответить на вопрос, сумеет ли он переварить и правильно использовать те средства, которые в 1926/27 г. должны быть переварены в промышленности. Нужно то же еще в большей мере сказать относительно больших средств, которые вкладывает государство по линии НКЗема и с.-х. кредита в дело подъема и переработки мелкого крестьянского хозяйства. Аппараты НКЗемов республик, а также уездные, районные, сельские низовые аппараты Наркомзема и кооперативный аппарат проглатывают огромные средства, при этом в значительной мере недостаточно рационально так, что не сказывается того нужного эффекта, над получением которого работает партия. Мы во многих отношениях еще не регулируем так, как нужно, в необходимом нам направлении процессов сельского хозяйства.

Я приведу два примера. Падение технических культур в сельском хозяйстве: при всех больших затратах на агроработу, при всех возможностях сельскохозяйственной политики и регулирования соотношения культур мы не смогли подымать этот процент технических культур, он падает, что тяжелым образом отражается на сырьевом рынке, на промышленности. Второй пример. При вложении больших средств по сельскохозяйственному кредиту, по сельскохозяйственной кооперации мы не сумели достаточно подымать и развивать производственные формы кооперации: и поэтому затраты по линии сельскохозяйственного кредита и сельскохозяйственной кооперации в большей части, чем это не-

обходимо, идут на нужды индивидуальных хозяйств, не воздействуя на их производственный процесс глубоко, а часто даже идут в порядке собесовского распределения кредита и средств.

Огромная задача, когда мы финансируем сельское хозяйство,— задача перестройки крестьянского хозяйства по пути обобществления. Эта задача не в должной мере реализуется. В ряде моментов получается так, что крестьянское хозяйство растет «само по себе», несмотря на то, что со средствами, которые государство вкладывает в сельское хозяйство, и опираясь на командные высоты, которыми рабочий класс владеет в нашей стране, пролетарское государство имеет полную возможность гораздо сильнее направлять крестьянское хозяйство по нужному пути, по пути обобществления. Мне думается, когда тов. Милютин говорит, что «социалистические тенденции в деревне начинают побеждать капиталистические», это звучит несколько преувеличенно. Они начинают побеждать в том смысле, что начинают вырастать абсолютно. Относительное же, удельное их значение в деревне еще слабовато.

И вот, товарищи, мне думается, что в нашеи политике, вернее в практике, в отношении сельского хозяйства в таком направлении нужно многое пересмотреть.

Если брать общий рост кооперации—цифры хороши, слов нет. Например в Белоруссии, несмотря на средний невысокий уровень ее хозяйства, мы имеем хороший рост охвата кооперацией деревни. В настоящее время охвачено 35% дворов кооперацией потребительской и 25% крестьянских дворов—кооперацией сельскохозяйственной. Но если посмотреть, по каким путям идет рост сельскохозяйственной кооперации, то мы видим, что главным образом этот рост касается кредитной сети, т.-е. той сети, которая снабжает хозяйство деньгами, главным образом на индивидуальные нужды, при чем часто средства эти обращаются на потребительские нужды. В то же время специальные формы кооперации—молочная, маслодельная, льняная, картофельная, сыроваренная и т. д.—специальные виды производственной кооперации дают гораздо более слабый рост. Действительно, по числу членов всей сельскохозяйственной кооперации мы имеем относительное снижение в специальных формах кооперации, кредитная же сеть дает рост по числу членов кооперации с 58% до 74%. Другими словами, есть тенденция абсолютного роста специальных видов производственной кооперации, но в основном те средства, которые мы даем на кредитование сельского хозяйства, идут главным образом на дело укрепления роста индивидуального крестьянского хозяйства. Мы средства не исполь-

зуем в достаточной мере для более прочного и глубокого кооперирования—кооперирования производства. То же нужно сказать относительно работы по линии Наркомзема. Пролетарское государство много делает по линии содействия общему хозяйственному росту деревни. Это нужно, и это будет делаться и дальше. Но все возможности для Наркомзема толкать мелкое крестьянское хозяйство на путь обобществления не использованы; например нет достаточной «установки» в этом смысле в работе низовой агрономической и землеустроительной сети.

От общего кооперирования процессов снабжения, сбыта, кредита, потребления необходим теперь более активный переход к производственному кооперированию деревни. Тов. Рыков говорил об огромном значении трактора. Это верно. Трактор является основным коллективизирующим фактором в крестьянском хозяйстве в отношении деревни. Трактор в полной мере может быть уже сейчас применен и применяется успешно в районах с преобладанием главным образом зернового хозяйства, в таких районах, как Северный Кавказ, Сибирь, Украина. Здесь огромный земельный простор, здесь огромное значение имеет зерновое хозяйство, хорошая почва, отсутствие резко выраженных мелкоземелья и чересполосицы. Но ведь в большой части нашей деревни—почти во всей нечерноземной полосе—мы не имеем достаточных условий, чтобы трактор применять вполне рентабельно. Трактор может применяться в коммунах, совхозах и т. д. Но в отношении всей массы крестьянских хозяйств сначала нужно провести генеральное переземлеустройство.

Вот почему мы должны в отношении многих районов более мелкого и более интенсивного крестьянского хозяйства поставить вопрос о том, что именно является коллективизирующим фактором. И мы думаем, что в отношении таких районов нужно в большей мере подчеркнуть моменты коллективизации, обобществления крестьянских хозяйств в процессе переработки—через маслодельные, картофелеобрабатывающие, льнообрабатывающие, кожевенные, консервные заводы и т. д. Крестьянское хозяйство именно в районах нечерноземной полосы идет главным образом по пути развития интенсивных культур,—кооперация и должна охватить главным образом процесс переработки этой продукции.

Я бы здесь добавил еще несколько слов относительно работы в области кустарных промыслов. Здесь то же самое хорошо идет объединение, хорошо растет кустарная кооперация. Но относительно процента потребностей кустаря, которые государство покрывает по линии его снабжения, сбыта и т. д., нужно сказать, что этот процент колеблется, например, по материалам БССР от

22 до 25%. Другими словами, опять-таки и здесь достаточно широкий процесс обобществления еще не начался. Останавливаясь лишь на задаче кооперирования деревни, я считаю необходимым подчеркнуть несколько моментов.

Первое—в отношении крупной промышленности: она должна помогать делу обобществления сельскохозяйственного производства, не только давая деревне трактор,—относительно большей части страны и деревни речь идет о расширении и постановке производства целого ряда машин, предметов оборудования деревенских предприятий, которые будут содействовать делу «индустриализации сельского хозяйства» и его обобществления в процессе переработки сельскохозяйственной продукции.

Второй момент. Развитие местной промышленности должно пойти (такие зачатки развития за последние год-полтора уже есть) также по линии «индустриализации сельского хозяйства».

Третий момент. Необходима проверка результатов больших затрат по сельскому хозяйству и по линии бюджета, и по сельскохозяйственному кредиту с тем, чтобы эти затраты шли более рационально под углом зрения обобществления крестьянского хозяйства.

Четвертый момент. Специальные виды кооперации суть основная ее форма, которую нужно всеми силами развивать и к которой нет достаточного внимания.

Последний момент. В этом деле кооперирования общую нашу линию в отношении середняка и бедняка, отраженную в тезисах, партия должна и будет продолжать дальше.

За недостатком времени я не останавливаюсь на целом ряде вопросов, которые я бы хотел затронуть. По вопросу о сельхозналоге данные по БССР в полной мере опровергают разговоры оппозиции о возможности большего обложения крестьянства. Не буду останавливаться также и на работе в отношении бедноты: фактический материал, например, по БССР опровергает разговоры о том, что партия не делает всего для того, чтобы поднимать нижние слои крестьянского хозяйства.

Необходимо подчеркнуть еще один момент—о лесном хозяйстве, где я всецело присоединяюсь к т. Муралову. В этом вопросе много непорядков, тогда как лесное хозяйство является областью очень значительной во всей экономике нашей страны.

Также необходимо подчеркнуть вопрос о безработице, особенно в отношении тех районов, которые являются весьма перенаселенными; это, главным образом, запад СССР, как, например, Белоруссия, западные округа и уезды Украины и РСФСР. В этих районах положение с безработицей наиболее трудное. При этом

безработица растет главным образом за счет перенаселения деревни. Мероприятия партии в отношении ослабления безработицы и помощи безработным должны быть в первую очередь сосредоточены на этих перенаселенных районах.

Товарищи, нельзя не отметить того, что оппозиция по вопросам экономической политики молчит, хотя в своем заявлении писала, что продолжает оставаться на почве своих взглядов, что свои взгляды будет защищать в рамках устава и пр. Тем фактом, что оппозиция молчит по важнейшим вопросам социалистического строительства, она дает подпись под документом о своей полной несостоятельности. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Слово имеет т. Голощекин.

Голощекин. Товарищи, мне кажется, что тезисы т. Рыкова идут по пути не только разрешения хозяйственных вопросов данного дня, но они в основном намечают пути реального осуществления той генеральной линии, которая была намечена XIV съездом в области индустриализации. Но мы не должны забывать, что в области индустриализации проблема сырья занимает значительное место. Если у нас не будет сырья, если основное сырье мы должны будем ввозить, импортировать, тогда вопрос индустриализации не будет разрешен так, как нам это нужно. Вопросы сырья нашли свое место и в резолюции апрельского пленума ЦК и затем в данных тезисах; иначе обстоит вопрос, когда мы подходим к тому, как это в жизни реализуется. На практике такой республики, какой является Казакстан, мы не видим реализации этого вопроса, ибо в самом деле Казакстан в области сырья—кожи, шерсти, хлопка, кендыря, который произведет революцию в области текстильной промышленности,—может и должен сыграть первостепенную роль по линии индустриализации. В данном случае я говорю не с точки зрения местной экономики Казакстана, а с точки зрения общесоюзной экономики. Индустриализация Казакстана играет и может играть первостепенное место, а между прочим в области финансирования, в области планового подхода в разрешении этих вопросов мы стоим на последнем месте. Никакого внимания в этом отношении нам не уделено, и поэтому я думаю, поскольку мы принимаем резолюцию для того, чтобы провести ее в жизнь, Казакстан должен будет в этом отношении занимать первостепенное место. Не меньшее значение имеет построение у нас фабрик и заводов. Из всего сырья, которое мы даем, наша краевая местная и государственная союзная промышленность, которую мы имеем у нас, в Казакстане, потребляет всего 6% сырья. Это слишком малый процент. Это неверная линия и с точки зрения экономического развития этой отсталой националь-

ной окраины. И невыгодно и дорого стоит провоз сырья к отдаленным фабрикам, тогда как это сырье могло бы обрабатываться на месте. Вместо того чтобы строить кожевенные заводы в Москве, мне кажется, лучше было бы построить такие заводы у нас непосредственно в Казакстане.

Второй вопрос, на котором я хочу остановиться и который, по моему мнению, имеет первостепенное значение среди всех мероприятий по вопросам индустриализации,— я имею в виду Семиреченскую железную дорогу, дорогу, соединяющую Среднюю Азию с Сибирью. Мне кажется, что все то, что намечено в плане строительства железных дорог, и такие предприятия, как Днепрострой, Волго-Донской канал, не могут сравниться с этой задачей, задачей этой дороги, которая имеет громаднейшее значение для хлопкового вопроса, для всего Союза ССР. (Голоса: «Правильно».) Если нам приходится везти хлеб в Среднюю Азию из Сибири или с Северного Кавказа через волжские дороги, через Оренбург, и хлеб стоит 5 рублей в Средней Азии, тогда хлеб конкурирует с хлопком. Крестьянину в Средней Азии и в Казакстане выгоднее становится именно заниматься хлебной, чем хлопковой культурой. Не говорю о других вопросах, которые разрешает эта дорога. Без этой дороги решить серьезно хлопковый вопрос нельзя. И поэтому я считаю, что нам нужно подчеркнуть, что среди всех задач, стоящих сейчас перед нами как в области железнодорожного строительства, так и в области других задач индустриализации, постройка этой дороги больше всего решает вопрос нашей индустриализации.

Несколько слов относительно экономической платформы оппозиции. Я хотел бы отметить один вопрос, который до сих пор никем не был затронут. Я утверждаю, что экономическая платформа оппозиции идет вразрез со всей линией партии по национальному вопросу. Аксиомой ленинизма является то, что национальный вопрос есть отношение пролетариата бывшей державной нации к крестьянству бывших угнетенных наций. Вопрос политики цен, вопрос налоговый, вопрос методов,—за чей счет пойдет индустриализация, касается непосредственно вопроса национальной политики, национальных окраин, ибо если пойти по пути платформы оппозиции и по пути тех теоретических построений, которые преподносит нам т. Преображенский, тогда аграрная часть нашего Союза должна являться базой, на почве которой и за счет которой должна развиваться индустриализация. Это и есть взаимоотношения отсталых аграрных национальных окраин с промышленным центром, это есть основной вопрос. При проведении экономической платформы, экономической политики оппо-

зиции нужно отменить решение по национальному вопросу XII съезда и IV национального совещания. Тут исхода нет. Оппозиция до сих пор по этому вопросу ни слова не сказала. Почему это, именно это им невыгодно говорить? А ведь они могли бы, может быть, и многое сказать, так же как по вопросу о советах, и набрать целый ряд недостатков, так как наш центральный государственный аппарат бюрократичен, имеется много чиновников, сохраняющих в себе великорусский шовинизм. Можно найти много грехов, для того чтобы восстановить против нас, но основа национальной политики лежит здесь, именно в этой экономической платформе, и им от этого не отвертеться.

И последнее, я хотел бы внести маленькую поправку в последние слова доклада т. Рыкова. Вспомните, что он сказал по отношению к т. Троцкому: «Быть пораженцем при империалистической войне, это—революционно, это хорошо. Быть пораженцем при диктатуре пролетариата, это—плохо». Ошибка т. Рыкова состоит в том, что он приписал т. Троцкому такую добродетель, которой он не имел, ибо при империалистической войне он разошелся с большевиками именно на почве того, что он не был пораженцем по отношению к царизму. Именно поэтому он тогда не был последовательным революционером. Таковым он остается и сейчас, занимая пораженческую позицию в данное время.

Председательствующий. Слово имеет т. Калыгина.

Калыгина. Товарищи, я хотела остановиться здесь на вопросе о расширении организации сырьевого крестьянского рынка.

Тов. Рыков в начале своего доклада сказал, что развитие нашей промышленности и задача индустриализации страны упираются в недостаток сельскохозяйственного сырья. В тезисах докладчика есть пункт, где говорится, что технические культуры сократились за этот год на 6%. У меня есть некоторые факты, иллюстрирующие и подтверждающие эту мысль и заставляющие партию в целом обратить особое внимание на сырьевую проблему.

Вот, например, как обстоит дело со льном, с пенькой, сахарной свеклой и т. д. Имеющиеся у меня сведения о развитии технических культур говорят, что почти повсюду посевная площадь по льну и пеньке сократилась на 5%. А в тех районах, которые непосредственно питают нашу государственную промышленность, сокращение достигает 15%. В то время, когда повсюду расширяется общая посевная площадь, в ряде районов с техническими культурами мы имеем хотя и небольшое, но все-таки сокращение посевной площади.

Посевы хлопка по Армении сократились на 2000 десятин. В других местах также имеется тенденция к сокращению.

Если возьмем посевы табака, то мы увидим, что на Северном Кавказе их площадь сократилась почти на 50%. Я, конечно, не сторонница курения табака. Я за то, чтобы не курили. А все-таки это—сырьевая база нашей промышленности, и это сокращение нас тревожит.

Если взять сахарную свеклу, которой питаются наши государственные сахарные заводы, то и здесь хотя и нет сокращения, но нет и роста, особенно в районах, где имеются крупные сахарные заводы. Как было 38 000 десятин, так и осталось, а по отдельным губерниям и районам, как, например, в Курской губ., в Тамбовской, наблюдается даже некоторая тенденция к сокращению площади этого очень важного вида сырья.

Конечно, на это есть очень много причин. Но, судя по тем письмам, которые мне пришлось получить, крестьяне не сеют свеклу потому, что свеклу менее выгодно стало сеять, чем другие культуры обрабатывать. Я получила недавно два письма от крестьян, которые пишут: за берковец картошки Госспирт платит 5 руб. 40 коп., а за берковец свеклы—только 2 руб. 10 коп. А ведь каждому известно, что на выращивание свеклы намного больше затрачивается труда, чем на картошку. Картофель в некоторых районах вытесняет свеклу. Кроме того крестьяне жалуются на то, что «отобрали у нас в прошлом году около 15% земли, которой крестьяне раньше пользовались. Эту землю передали совхозам, находящимся при сахарных заводах. Нам платят за свеклу по 2 руб. 10 коп., а свекла, которая производится в совхозе, обходится 4 с лишним рубля. Почему и нам не установят четыре рубля?», спрашивают крестьяне.

Таким образом надо отметить, что по многим видам сырья, которым питается наша государственная промышленность, мы наблюдаем некоторые хотя и не абсолютные, но все же сокращения. Это сокращение особенно наблюдается у кооперированного крестьянства. Такое сокращение уменьшает товарность крестьянских хозяйств, толкая их в отдельных районах к натуральным формам хозяйства.

В отдельных районах идет вытеснение менее прибыльных культур другими, более прибыльными. Кроме того крестьяне отмечают, что за картошку деньги платят сейчас же. Что же касается свеклы, свезенной в прошлом году, то заключили договор о поставке, доставили во-время на завод, целый год прошел, а денег никак не могут получить (Ракитинский союз, Курской губ.).

Скрыпник. С Сахаротреста? Это же всегдашняя политика Сахаротреста.

Калыгина. Да, Сахаротрест не платит кооперации, а кооперация—мужику.

Правильно и своевременно партия поставила этот вопрос, а т. Рыков заострил внимание на том, что нужно пересмотреть цены на технические культуры, в особенности цены промышленного сырья. Конференция должна дать директиву, чтобы торговые органы, в первую очередь сельскохозяйственная кооперация, были гибкой организацией. Нужно добиться того, чтобы цены на сырье не были такими закостенелыми, как сейчас, чтобы они были более эластичными. Пересмотр цен двинет вперед развитие технических и сырьевых культур. А это приведет к тому, что сельскохозяйственное сырье пойдет через кооперацию, а не через частного скупщика.

Я думаю, что кроме пересмотра уровня цен нужно еще подумать о том, чтобы вообще заострить внимание на мерах экономического поощрения, чтобы заинтересовать крестьянина в работе кооперации. В отдельных местах кое-что делается в этом направлении: например, если мужик все сырьевые продукты сдает только кооперации, то из прибылей кооперации выделяется 20—30% на поощрение этого дела. Особенно важно поощрять развитие тех культур, которые необходимы для нашей госпромышленности. К сожалению, редко где это проводится, и, по моему мнению, на эту сторону дела нужно также обратить внимание.

Товарищи, мало пересмотреть только политику цен на сельскохозяйственное сырье. Нужно вообще обратить сугубое внимание на организацию крестьянства через сельскохозяйственную кооперацию и устранить тот беспорядок, который еще у нас наблюдается при закупке сырья. Приходилось мне самой встречать в деревне в качестве заготовителей и кооперацию и госваготовителей, конкурирующих друг с другом и нагоняющих сами себе цену.

Я думаю, что в этом отношении надо упорядочить дело, и, конечно, совершенно правильна директива Центрального Комитета, которая указывает, что все сырье должно течь к промышленности через кооперацию по нормальным ценам, которые удовлетворили бы крестьянство, удешевляя продукты промышленности. Парторганы должны помочь, чтоб большая часть сырья шла в промышленность через кооперацию. Конференция должна дать директиву, чтобы места обратили большее внимание на кооперирование самих производителей и на поднятие их культурного и общественного уровня развития.

В настоящий момент сельскохозяйственной кооперацией объединено 5 миллионов крестьянских дворов. Сколько же из них непосредственно производителей сырья, продуктов питания и т. д.? Товарищи, ни для кого не секрет, что многие сырьевые продукты и продукты питания производит крестьянка. И вот сколько, вы

думаете, кооперировано этих производителей? Очень и очень мало. Крестьянки составляют только 5 процентиков в сельскохозяйственной кооперации. Я считаю, что это огромный пробел. Нужно дать директиву, чтобы этот пробел был в дальнейшем изжит.

Теперь относительно тех, кого мы кооперируем. Ведется ли среди них какая-нибудь воспитательная работа? Разъясняется ли крестьянину или крестьянке, которых мы кооперируем, что они действительно являются в кооперации строителями новых форм хозяйства?

Я утверждаю, что в этом отношении слабо ведется работа и парторганизациями и кооперацией. Я считаю, что и на эту сторону дела надо обратить внимание. Возьмите масло, которое производится крестьянкой и идет за границу. Часто оно продается там, как второсортное. Почему? Потому что крестьянка, выделывающая это масло, совершенно одинаково относится как к кооперации, куда она сбывает, так и к частнику, и часто, не понимая этой разницы, она портит продукт. Крестьянка часто совершенно не сознает, что она заинтересована в лучшей работе кооперации и что через нее она строит новую жизнь.

Только через практическое дело и через экономическую заинтересованность мы приблизим производителя к кооперации, и тем самым успешней будет борьба со стихией рынка.

Кооперация, конечно, ведет правильно линию на создание фондов и оборотных средств для развития кооперации. Все это правильно. Торговать нужно безубыточно. Но увлекаться торгашеством нельзя. Кооперации надо напирать и на воспитательную работу среди своих членов, добиваясь и улучшения качества продукта и направления его в город организованным путем, привлекая широкие массы населения, пропагандируя необходимость развития и организации нашей сырьевой базы. Через крестьянский актив, через работу с беднотой, через делегатские собрания крестьянок партия сможет привлечь крестьян в кооперацию и направить продукцию сельского хозяйства по правильному пути, а тем самым и устранить стихию рынка, которая и сейчас у нас еще существует.

Планирование сверху и устранение стихии снизу будет способствовать развитию промышленности и всему социалистическому строительству в городе и деревне.

Председательствующий. Согласно регламента, дневное заседание объявляется закрытым.

Заседание пятое.

28 октября 1926 года, вечернее.)

Петровский (председательствующий). Заседание конференции возобновляется. Товарищи, есть предложение, чтобы сегодня закончить прения и заключительное слово по докладу т. Рыкова. (Голоса: «Правильно».) Поскольку я слышу одобрительные возгласы, позвольте считать это предложение утвержденным. У нас имеется записавшихся 60 с лишним ораторов. (Голоса: «Пусть президиум регулирует».) Тогда так, товарищи: поручить президиуму регулировать? Возражений нет? (Голоса: «Нет».) Слово имеет т. Рухимович.

Рухимович. Товарищи, я хочу остановиться на двух вопросах: о капитальных затратах на промышленность и о топливе. Тов. Рыков подробно останавливался на достижениях нашей хозяйственной работы, я их касаться не буду. Мне хотелось бы лишь дать ответ на вопрос, как дальше вести капитальное строительство. Для того чтобы дать исчерпывающий ответ на этот вопрос, необходимо коснуться доклада т. Бухарина. Тов. Бухарин указал на те сдвиги, которые имеются в капиталистических странах, он особенно подчеркнул значение усиленного темпа концентрации сейчас; он указал, если хотите, на энергичную, напористую волю капиталистов к рационализации производства, на невероятный нажим, производимый капиталистами на рабочих, для того чтобы за их счет как-нибудь выкарабкаться из хозяйственного кризиса. Тов. Бухарин между прочим отметил, какую роль сейчас начинает играть химия. Если оставить в стороне теоретические споры о том, прошла ли эра расцвета тяжелой промышленности и переходит ли первенство в руки химической промышленности, то мы должны все же со всей серьезностью отнестись к тому, какое место начинает эта отрасль занимать. Сейчас мы приступили к большим капитальным затратам, восстановительный период под-

ходит к концу, начинается период реконструкции. Прав был т. Рыков, что мы параллельно с восстановлением хозяйства, уже начиная с 1920 г., все время по существу занимались и вопросами реконструкции нашего хозяйства,—достаточно вспомнить, скажем, Гоэлро, план электрификации и т. д. Сейчас же мы подходим вплотную к реконструктивной работе огромного масштаба и ставим ее в центре наших задач. Уже в прошлом году затраты на капитальные работы по одной промышленности достигали около 780 милл. рубл. (округляя цифры) и около 70 милл. по электростроительству, а в этом году намечается план работ на 1 миллиард 50 милл. рублей. И мы должны, проводя работу в каждой соответствующей отрасли, разрабатывая наши планы, ни на одну минуту не отвлекать своего внимания от того, что делается в этой области за границей. Ни на одну минуту мы не можем забывать того, чего достигла, куда шагает и какова тенденция развития промышленности иностранцев. Что мы имеем в нашем хозяйстве в результате прошлых лет? С количественной стороны мы имеем огромные достижения, и я о них говорить не буду (хотя количество и переходит в качество). Но я должен сказать, что наши достижения в текущем году в области капитального строительства ни в коем случае не могут нас удовлетворить по сравнению с теми достижениями, которые имеются у иностранцев. Мы все время имеем увеличивающийся раствор ножниц цен мировых и наших цен. Что мы должны поэтому теперь делать? Если для вчерашнего дня мы говорили (и даже для сегодняшнего дня отчасти говорим), что мы должны были собрать рабочий класс в промышленность, должны были пустить бездействовавшие фабрики, начинать увеличивать продукцию и т. д., то, товарищи, для завтрашнего дня мы не можем уже ограничиваться этой перспективой, иначе мы рискуем очутиться перед очень большими опасностями. В нашей стране мы должны проводить нашу работу по индустриализации с таким расчетом, чтобы в максимальной мере обеспечить независимость нашей страны. В частности мы должны, мы обязаны со всей жесткостью проводить принцип правильного географического разделения труда у себя внутри страны. Мы не можем в каждом районе иметь Мюр и Мерилиз. Мы обязаны, тщательно прорабатывая эти вопросы заранее, сказать, где, в каком районе и что должно строиться для развития района.

Что мы имеем в этом отношении в истекшем году?

Я не буду говорить о том, о чем говорили здесь т. Ларин и особенно о чем говорил Милютин,—я с ними не согласен, и если будет время, я об этом еще скажу. Пока же я должен сказать.

что мы благодаря недостаткам в плановом ведении хозяйства имеем для некоторых отраслей даже перепроизводство. Я беру небольшую сравнительно отрасль работы: спичечную промышленность. Мы в прошлом году приступили к постройке двух фабрик, мы в каждом районе, где есть соответствующие условия для развития спичечного дела, имели тенденцию строить спичечные фабрики у себя, на месте, и в результате получили перепроизводство спичек в стране, и если не будет усиленного экспорта, мы окажемся перед фактом, что те производственные единицы этой отрасли, которые являются более рентабельными, будут выдерживать, а менее рентабельные будут погибать, и их погибель будет итти за счет сундука Наркомфина, за счет бюджета мест и т. д. Нерациональная трата средств на новое строительство есть одна из важнейших проблем, над которой следует серьезно задуматься. Никто не ставит вопроса о том, чтобы все строительство вести из центра, чтобы решительно на все получалось разрешение отсюда. Есть целый ряд предприятий, в отношении которых не требуется детальной проработки, которые определяются, скажем, транспортными возможностями и т. д. Например кирпичные заводы требуют определенного района обслуживания, дальше их укрупнять нельзя, и на это не требуется большой проработки, особого разрешения может быть и не нужно. Для этого достаточно наблюдения области или республики. Если нужны сыроварни для обслуживания и переработки местного сырья, имеющего исключительно местное значение,—здесь, конечно, такого благословения из центра тоже не нужно. Но мы имеем ряд таких отраслей, в которых, если мы будем проектировать предприятия лишь путем копирования и спроектирования уже действующих предприятий в Европе и Америке и не будем применять техники завтрашнего дня, т.-е. техники такой, какая именно применяется теперь на строящихся за границей предприятиях, то мы можем очутиться в тяжелом положении. Будут дополнительные издержки, которые ослабляют план, не позволяют рационально истратить каждую копейку. Отсюда—первый вывод: не распылять средства на местах. Здесь товарищ из Нижнего-Новгорода говорил о том, что мы должны тесно связаться с центром, что мы по топливу, металлу и т. д. неразрывно упираемся в этот тупик, зависим от центра. Но это правильно. Мы должны все направлять единой волей из центра. У нас есть распыление средств и в отраслях государственной промышленности союзного значения. Например мы имеем необходимость в огнеупорных изделиях, в печах, где применяется высокая температура. Как мы их получаем? Мы на каждом металлургическом заводе организуем, строим в кустарном порядке цехи, мы получаем там огнеупорные

изделия, которые зачастую не имеют права быть названными огнеупорными, которые стоят в два-три раза дороже. Если бы мы подошли к этому делу иначе, т.-е. отпустили бы средства для того, чтобы эту работу проводить не кустарно на каждом металлургическом заводе, мы могли бы иметь усовершенствованный технически, со всех сторон оправдывающий себя лучший завод по огнеупорным изделиям, который мог бы снабжать всю страну. Если доказывают, что техника настолько усовершенствована, что можно построить один гвоздильный завод, который будет обслуживать весь мир, то мы на такой масштаб пойти не можем, но во всяком случае ударяться в другую крайность и в таких районах, как, например, Белоруссия, или другом каком-нибудь районе строить специальные гвоздильные заводы, или подготовлять цехи для производства гвоздей—никакого смысла нет. Это будет неправильное ведение хозяйства, самый худший вид анархического хозяйства.

Вот почему, если мы по сегодняшний день развивались при старом основном капитале так, как этого требовала жизнь, как нас подхлестывал рынок, то с сегодняшнего дня, на завтрашний день мы должны иметь более жесткую плановую дисциплину.

Тов. Чубарь говорит, что нужно как-то планы децентрализовать. Я с ним в корне не согласен. Я считаю, что выполнение планов нужно поручить областям, республикам, местам. Основное же—составление планов и увязка их с техникой иностранной—все это должно быть в центре. Я говорю о главных, ведущих отраслях. Конечно, товарищи, у нас имеются курьезы, вплоть до того, что мы сейчас в промплане должны рассматривать и утверждать кондитерскую промышленность (хотя, впрочем, она не так мала). Конечно, это не то. Основные, ведущие отрасли мы должны обязательно из этого выделить и тщательно их увязать.

Дальше, мы должны подойти к экономии в строительстве (здесь я спорю с Украиной). Я укажу один пример из большого строительства в Донбассе, для того чтобы показать, как мы еще нелепо строим. Мы имеем Штеровку, электростроительство, которое тянется на протяжении 5—6 лет. В то время когда мы могли бы установить очередь—установив электростанцию и закончив ее, приступить к другой, т.-е. быстрее возвращать капитал, быстрее заставлять давать стране продукцию и использовать ранее затраченные капиталы,—мы этого не делаем. Как мы строим? Был у нас Стюарт, виднейший инженер Америки, который участвовал в качестве консультанта в Днепрострое. На мой вопрос: «Вот вы были в Донбассе, видели там электростроительство, самую электропередачу,—какое ваше впечатление, какова ваша оцен-

ка?»—он, улыбнувшись, сказал: «Знаете, если бы мне сказали, чтобы я такие подстанции строил в Нью-Йорке, в центре Америки, я бы сказал: мы для этого не настолько богаты».

А мы такие роскошные подстанции с такими прекрасными мачтами для передачи и т. д. строим—и где? в угольном районе, в Донбассе, и нам это стоит колоссально дорого. У нас стоимость строительства примерно 3 : 1 по сравнению с довоенным временем. Когда мы строим фабрики, то стараемся их обставить внешне, вместо того чтобы строить попроще, строить на меньшую продолжительность времени, так как техника быстрыми шагами идет вперед.

Мне кажется, что второе, что необходимо, это—концентрация средств на определенных участках. Если мы каждой определенной отрасли, скажем, Югостали по металлургии или Главметаллу в целом, отпускаем определенные средства,—должны ли они неводом охватить весь металл? Не должны. Это нам стоит дорого. Они у' себя, в своей отрасли, должны выделить определенный ударный участок по части, скажем, черной металлургии и т. д., не поднимая всего, чего сразу поднять нельзя. А при теперешнем положении дела мы не получаем необходимого эффекта. Мы должны во всех отраслях иметь определенную установку, должны концентрировать свою работу, не разбрасываясь: кончив одно, приступать к другому. А у нас получается что? Все требуют увеличения, улучшения, расширения всех своих предприятий: Гомза для себя, Урал для себя, Украина для себя, Ростов для себя, Таганрог для себя и т. д. и т. д. В результате мы при наличии отпускаемых средств даем меньше, чем могли бы дать при более рациональном использовании средств.

Я думаю, что сейчас мы, учитывая, что делается на Западе, какие достижения имеются там, учитывая происходящую там жесткую концентрацию,—мы должны, внимательно к этому прислушиваясь, соответственным образом перестраивать и свое хозяйство. Это не значит, что мы должны в этом году или в будущем все мелкие предприятия строительством прекратить и остановиться на нескольких единицах. Нет, мы должны эту работу проделывать упорно, планомерно, на протяжении ряда лет в шахматном порядке, рядом с мелким строительством перейти к крупному. Мы должны подготовить базу для нового строительства, для реконструкции всего нашего основного капитала.

Я подхожу к вопросу о Днепрострое. Что такое Днепрострой? Это начало, это база, при дешевой энергии, нового хозяйства. Я не говорю—всего нового хозяйства в целом, в Союзе, но начало

всего нового хозяйства, ибо если мы будем продолжать латать свои предприятия, если будем по нескольку лет заниматься проектированиями, если будем запаздывать в области строительства металлургических заводов, если во-время не начнем (я не говорю о том, чтобы сильно все развить) расширять фундамент для вновь нарождающейся химической промышленности, то нам будет крутовато. Лучшим началом является самая дешевая в мире энергия—энергия Днепростроя. Я не ставлю вопроса о необходимости постройки его начиная с сегодняшнего дня, я ставлю этот вопрос как один из тех вопросов, на которые партия в целом должна сугубо ставить свою ставку. Это те камни, которые должны быть фундаментом для нового строительства. Многие товарищи могут мне сказать: для этого ведь нужны средства, откуда вы их возьмете? Я хочу продолжить мысль т. Рыкова и спросить у всех вас: нам отпускается миллиард пятьдесят миллионов рублей; кто может поручиться, что нельзя этих работ провести с экономией в 5—10%? Никто. Конечно, здесь выступят товарищи и скажут: нельзя переобременять бюджета, и поэтому заранее сожмитесь и т. д. Мы, товарищи, не думаем отказываться от тех размеров капитальных работ, которые назначены правительством и на которые отпускаются средства, но мы можем за счет экономии внутри, у себя, найти десятки миллионов рублей. Мы должны их найти, и прежде всего сама Украина.

Я перехожу ко второму вопросу, который связан с экономией—к вопросу о топливе. У нас котлы (я извиняюсь, что перехожу к чисто техническим вопросам, но каждый должен иметь некоторое понятие об этом), у нас котлы имеются трех видов: одни, которые дают коэффициент полезного действия 45%, другие—55% и третьи, в лучшем случае,—65%. За границей редко какие котлы в котельных дают коэффициент полезного действия менее 75—85%. Там, правда, нет этого возраста, там, правда, нет такого разрушения, там, правда, есть целый ряд вещей, благоприятствующих, вернее—облегчающих, как измерительные приборы и все прочее. У нас этого нет, у нас не обучены еще все кочегары. Но у нас варварский способ сжигания топлива, у нас не следят, чтобы котел был замазан, чтобы он не шипел, чтобы горячие газы не вылетали даром в трубу и т. д. На это дело никакого внимания до сих пор не было обращено. Я не говорю, что это даст десятки миллионов рублей экономии, но это избавит на время от того тупика, в который мы сейчас попадаем. Мы сейчас в стране имеем топливный кризис. Мы имеем в городах сейчас топливный кризис, мы не можем давать топлива, кокса и угля даже для металлургии в достаточном размере. Что мы

должны делать? Мы должны сейчас в стране мобилизовать все силы на этом участке, для того чтобы заняться правильным сжиганием топлива. Только это может помочь нам.

Чтобы производство в 1926/27 г. с ростом валовой продукции, как т. Рыков говорил, обеспечить на 17—18%, надо экономить топливо. Это даст нам возможность не иметь некоторых политических затруднений, в виде расчета рабочих металлистов из-за отсутствия чугуна.

Топливо имеет огромное значение у нас в стране, поэтому параллельно с необходимыми временными мерами нужно поставить вопрос о топливной проблеме в целом. И я должен сказать, что если мы возьмем одну нефтяную промышленность и если некоторые товарищи наши боятся увеличения германских или иных кредитов, то небольшой поверхностный подсчет нам говорит, что это ошибочный взгляд, что если бы мы могли десятки миллионов рублей сейчас бросить в нефтяную промышленность, мы в лучшем случае в два года, а в худшем случае в три года, не больше, покрыли бы валютой все кредиты путем расширения экспорта и увеличили бы топливную базу внутри страны. Здесь у нас имеется еще огромнейшая возможность. Поэтому, кроме ресурсов внутри страны, для правильного использования мы должны сейчас более энергично, не боясь, как это некоторые делают, итти на то, чтобы добиваться в большом количестве долгосрочных кредитов за границей. Возможность этого имеется, и мы должны ее целиком использовать.

Что касается угля, то здесь, как т. Рыков указал, уже сверхперенапряжение. Тем не менее я считаю, что можно путем партийной встряски всех организаций на местах добиться увеличения добычи (Моисеенко с места: «А разве встряски нет?») и нужно это делать энергичнее дальше.

Заканчивая, я должен сказать, что необходимо развязать руки местам (Моисеенко с места: «Только не перегибайте») в порядке исполнения плановых заданий, не нужно иметь нянек. Тов. Рыков говорил о ревизии одного специалиста (мы немножко побаивались говорить об этом до его выступления), а сейчас, когда он сделал почин, мы должны продолжить и сказать, что дело касается не только отдельных специалистов. Я спрашиваю, кто из хозяйственников не был за это время в КК по хозяйственным вопросам? Я лично не знаю. (Голос с места: «А вы лично не были?») Этим и хочу сказать, что мы, вследствие того, что имеем очень большую опеку со всех сторон: все следят за каждой вещью, и главное—за каждой мелочью, мы снимаем этим от-

ветственность с тех хозяйственников, которые должны четко вести работу и отвечать за себя.

Председательствующий. Слово имеет т. Яковлев.

Яковлев. Несомненно, что одним из важнейших вопросов теперь является вопрос о том, как увязать развитие сельского хозяйства с нашей генеральной задачей индустриализации страны. Наша главная задача—в развитии тяжелой индустрии. Ее поставил Владимир Ильич, когда предупреждал партию о том, что без тяжелой индустрии мы перестаем существовать не только как социалистическая страна, но и как «цивилизованная» страна. К решению этой коренной задачи мы подошли теперь вплотную. И именно потому же мы подошли вплотную к вопросу о том, в какой увязке с этой генеральной задачей находится и должно находиться наше сельское хозяйство. И здесь общую установку не раз давал Владимир Ильич. 22 декабря 1920 г. на съезде Советов Владимир Ильич говорил о том, что нам нужно иметь широкий хозяйственный план перевода всей страны, в том числе сельского хозяйства, на техническую основу крупного машинного хозяйства. В этой связи он тогда, когда партия впервые подошла к задаче строительства, ставил вопрос об увязке промышленности и сельского хозяйства так: «Мы, говоря о восстановлении земледелия, промышленности и транспорта, об их гармоническом соединении, не можем не говорить о широком хозяйственном плане». (В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 427.)

Этим собственно и дана партийная постановка вопроса. Против идеи Ленина об увязке промышленного и сельскохозяйственного развития в едином хозяйственном плане борются оба крыла оппозиции — и крыло Троцкого и крыло Сокольникова. И в этом, пожалуй, крупнейший порок всей их экономической платформы. Поскольку мы судим о позиции этих крыльев по их литературным выразителям—Преображенскому и Шанину, мы видим, что, несмотря на все различие выводов того и другого, коренная предпосылка у них одна и та же. У т. Преображенского предпосылкой всей его позиции является признание невозможности быстрого развития промышленности вне такого изъятия средств из сельского хозяйства, которое по существу означало бы задержку его развития и даже регресс. И Шанин ставит вопрос совершенно так же. И он не считает возможным добиться быстрого промышленного развития вне насильственно резкой задержки сельского хозяйства. Он говорит прямо:

«Совершенно ошибочно поэтому предположение, что наша промышленность может в ближайшее время развиваться в ногу с сельским хозяйством. На самом деле задача эта неразрешима,

по крайней мере неразрешима без широкого импорта капиталов или насильственно резкой задержки в развитии сельского хозяйства». («Большевик», № 2, стр. 70.)

Из общей предпосылки о невозможности быстрого промышленного развития вне насильственно резкой задержки сельского хозяйства (а ведь каждому понятно, что осуществление предложения оппозиции об изъятии новых сотен миллионов рублей из сельского хозяйства не может не вызвать такой задержки) они делают разные выводы: Преображенский—за развитие промышленности за счет сельского хозяйства, Шанин по существу—за задержку или, как он выражается, «придержку» развития промышленности. Но совершенно ясно, что в основе этих разных выводов лежит отрицание ленинской мысли об увязанном развитии промышленности и сельского хозяйства, о таком развитии промышленности, которое, считаясь с фактом преобладания в нашей стране мелкого и мельчайшего хозяйства, в то же время переделывало бы это мелкое хозяйство, подымало бы его на высшую ступень кооперативной организации и машинной техники.

Из отрицания ленинского типа связи промышленности с сельским хозяйством вытекает попытка оппозиции ввести в программу, в норму, в идеал то, что являлось пороком нашего хозяйственного развития, оставшимся нам в наследство от дореволюционных хозяйственных отношений. Своим предложением повышения цен они идут фактически на дальнейшее раздвижение ножниц—ножниц, в основе которых лежит исторически данная диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством. То необходимое изъятие средств из сельского хозяйства, которое объясняется недостатками нашего промышленного развития, они превращают в норму, в идеал.

А между тем история нашего хозяйственного развития в последний год подвела нас к вопросу о типах связи промышленности с сельским хозяйством со стороны не только теории, но и практики. Несколько дней назад мне пришлось в докладе в Коммунистической академии очень подробно характеризовать состояние сельского хозяйства за последний год. При этом вскрылся целый ряд фактов, заслуживающих партийного внимания и изучения. Прежде всего вскрылся целый ряд очень существенных явлений в области состояния сельскохозяйственного сырья. Обнаружились регресс, отступление назад в области технических культур и задержка развития интенсивного животноводства. Это еще не представляет пока большой угрозы и большой опасности, но тревожный симптом налицо. Если сопоставить эти факты, с одной стороны, с тем, что 35% нашей промышленной продукции дает про-

мышленность, работающая на крестьянском сырье, а с другой стороны, с тем, что в настоящем году более 40% всего импорта составит сельскохозяйственное сырье, то все значение этого факта регресса в сельском хозяйстве будет ясно. Уже теперь ряд отраслей промышленности испытывает недостаток в сырье. Если бы эти тенденции в сельском хозяйстве имели место еще год, то промышленность была бы взята в тиски со стороны сырья. С другой стороны, одним из вернейших средств увеличить ввоз оборудования является разгрузка импорта от сырья. Мы должны итти к тому, чтобы вместо сырья ввозить оборудование. Мы должны обеспечить полностью нашим собственным сырьем нашу промышленность. Здесь у нас в этом году получилась крупнейшая невязка, за которую отдуваться придется промышленности. Так практика подводит каждого, желающего добросовестно разобраться в вопросе, к признанию необходимости увязанного развития промышленности и сельского хозяйства.

Каким образом могла эта невязка проявиться в этом году? Надо прямо сказать, что здесь имел место ряд ошибок, вытекающих прежде всего из того, что в области цен на сырье фактическими хозяевами положения были тресты и синдикаты. В них проявился ряд монополистических извращений. А партийные и государственные органы в недостаточной мере руководили этим делом, в недостаточной мере исправляли ошибки монополистического извращения отдельных трестов и синдикатов. Таким образом получилось, например, что в картофельном и льноводном районе (Костромская, Ярославская губ.) индекс цен на картофель составлял 0,78 индекса всех сельскохозяйственных товаров этого района, а индекс льноволокна—0,66 того же индекса всех сельскохозяйственных товаров. В льноводном районе (Псковская, Тверская, часть Новгородской губ.) 1 апреля 1926 г. индекс льноволокна равнялся только 0,55 индекса всех сельскохозяйственных товаров района. В молочно-пшеничном Уральском районе 1 августа 1926 г. индекс пшеницы равнялся 0,76, а индекс молока—0,91 индекса цен всех сельскохозяйственных товаров этого района. А между тем само собой разумеется, что при уже достигнутой у нас степени специализации районов такое положение не могло не вызвать вытеснения тех технических и специальных отраслей сельского хозяйства, которые характерны для соответствующего района, менее важными с точки зрения интересов всего народного хозяйства в целом культурами и отраслями. А если к этому прибавить, что у нас задержалось развитие хлопковых посевов, темп роста хлопковых посевов ничтожен (в то время как посевная площадь под хлопком по данным Главхлопкома достигла только

84,1% довоенного, урожай составляет только около половины довоенного), то общая картина будет ясна. Причина этого ведь очень проста: в 1925/26 году соотношение цен на хлопок и пшеницу было примерно 3 : 2, а в отдельные месяцы и того хуже, в то время как довоенное отношение было примерно 3:1. Мелкое и мельчайшее хозяйство, преобладающее в нашей стране, на соответствующее соотношение цен реагирует очень просто, сжимая соответствующие отрасли своего хозяйства. Здесь надо считаться с природой мелкого и мельчайшего хозяйства, среднего и бедняцкого хозяйства, являющегося простым товарным хозяйством. Эти хозяйства являются основными производителями сельскохозяйственных продуктов в нашей стране. Они ответили на создавшееся в прошлом году положение так, как это свойственно их природе.

Другой урок, с которым приходится считаться, относится к области границ возможного изъятия из сельского хозяйства. Что изымать из сельского хозяйства для промышленности в известных пределах необходимо, об этом нет спора. Весь вопрос в мере. Вы, вероятно, все обратили внимание на следующее обстоятельство. У оппозиции уже имеется целый ряд теоретических работ по спорным вопросам. У т. Преображенского целая книжища написана. У них Сокольников, которому и карты в руки, который ряд лет занимался налоговыми вопросами. А между тем ни один из них ни разу не попытался по-честному, по-деловому разобраться в вопросе о том, сколько мы берем из сельского хозяйства, сколько можно взять, чтобы не получилось задержки развития сельского хозяйства, а в конечном счете и промышленности. А между тем практически положение таково. Мы взимаем по линии прямых налогов примерно на 252 миллиона довоенных рублей меньше против довоенного (довоенные прямые налоги на крестьянство— считая и аренду и платежи за землю—равнялись примерно 564 миллионам рублей, нынешние — примерно 312 миллионам довоенных рублей). Таким образом получается, что крестьяне не доплачивают против довоенного около 467 миллионов червонных рублей. Зато они переплачивают на ценах на промышленные товары в силу того, что индекс их дохода равен 1,46, а покупают они промышленные товары по индексу 2,404. Одного этого сопоставления достаточно для того, чтобы со всей ясностью показать, что коренная задача в области цен состоит именно в том, о чем говорит ЦК партии,—в работе над сдвижением ножниц, над понижением розничных цен. Оппозиция же, ни разу не попытавшись по-деловому подсчитать, что из сельского хозяйства изымается, что может быть изъято без ущерба для сельского хозяйства и про-

мышленности, без гибели рабоче-крестьянского союза, в практическую свою программу включает такое повышение отпускных цен, которое означает неминуемое повышение розничных промышленных цен, а тем самым и новое раздвижение ножниц.

В связи с этим надо отдать себе ясный отчет в том, какими опасностями в нынешней хозяйственной и политической обстановке нам грозило бы дальнейшее значительное увеличение изъятий из сельского хозяйства. Оппозиция, отрывая вопросы сельского хозяйства от вопросов промышленности, по существу хочет толкнуть партию к тому, чтобы закрепить и увеличить трудности и опасности, уже вскрывшиеся в этом году. Осуществление планов оппозиции, как показал опыт этого года, вызвало бы реакцию крестьянского хозяйства, крестьянской массы по двум направлениям: во-первых, та задержка развития технических культур и интенсивного животноводства, которая была в этом году еще пока только тревожным симптомом на фоне общего роста сельского хозяйства, превратилась бы в общую задержку развития сельского хозяйства. А задержка развития сельского хозяйства в следующем году означает кризис промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье, кризис экспорта и импорта, а это значит—задержку индустриализации. Кроме того, не надо забывать того, что в нынешних политических условиях это получило бы отражение на результатах следующих выборов в советы. Мне приходится по своей работе ежедневно разговаривать с крестьянами. И то новое, что приходится улавливать из слов крестьян, заключается в том, что они осознали значение выборов.

Итак, каков основной вывод из этого? Против ликвидаторской платформы Шаниных и их вдохновителей, Преображенских и их вдохновителей необходимо со всей ясностью обдумать и разработать практически проблему увязки промышленного развития и сельского хозяйства. Для того, чтобы действительно осуществить нашу программу развития тяжелой индустрии, нам нужен ряд минимумов в сельском хозяйстве. Этим даны и границы изъятия средств из сельского хозяйства. Перейдя за эти границы, мы вызвали бы сжимание сельского хозяйства за эти минимумы,—тем самым была бы бита и индустриализация. Мы подошли вплотную к тому, чтобы практически разрешать проблему необходимой увязки промышленности и сельского хозяйства так, как этому учил Владимир Ильич.

Здесь за нас—соотношение классов в деревне. За нас интересы мелкого и мельчайшего хозяйства (а ведь Владимир Ильич в своих предсмертных статьях несколько раз напоминает о том, что наше крестьянское хозяйство является в основном «мелким и мельчайшим»

хозяйством). Мы теперь имеем возможность подвести некоторые итоги в вопросе о развитии классов в деревне за последние три года. У нас три основных источника: весенняя выборочная перепись, динамические обследования сельского хозяйства, массовые данные Наркомфина. Все эти данные совершенно одинаково описывают тенденции развития, вскрывшиеся в эти годы. Основное здесь изложил т. Рыков. Мне к этому хочется добавить только одно. Основным своеобразием развивающегося процесса дифференциации является факт подъема некоторой части бедняков в середняцкие группы. Это не надо понимать так, что этим отменяется дифференциация. Дифференциация идет, не может не итти в условиях товарного хозяйства. Это значит, что, с одной стороны, идет рост кулацких элементов деревни, с другой—пролетаризации.

Но всем этим не исчерпываются процессы, идущие в деревне. Самый существенный факт, который должен быть понят и который, к сожалению, не хотят понять представители оппозиции уже в течение двух лет, это—факт происходящего в последние годы освоения довольно заметной частью бедняков той земли, которую дала им аграрная революция. Иначе говоря, аграрная революция не кончилась в 1917—1920 гг. Она не кончилась тогда постольку, поскольку, за неимением инвентаря и в силу общих экономических условий, бедняк не смог в эти годы овладеть полученной им землей. С этой точки зрения можно утверждать, что для значительных слоев бедняков аграрная революция по-настоящему доходит только в 1923—1926 гг., поскольку именно в эти годы они землей овладевают производственно. Этого, конечно, нельзя было прочесть ни в одной из старых книжек, просто потому, что в этих книжках никто не мог предусмотреть того, как при советской власти, при национализации земли, при нашей налоговой, кредитной, землеустроительной политике пойдет развитие классовых отношений в деревне в условиях хозяйственного подъема. Из дореволюционных учебников было известно, что урожай есть факт расслоения. И у нас, конечно, эта роль урожая не отменена. Но вместе с тем дана и другая его роль—роль могучего фактора подъема заметной части бедняцких хозяйств. Таким образом, за нас на длительный период условия развития классов нашей деревни, за нас факт относительно замедленного роста кулацких элементов при одновременном наличии факта укрепления не только середняцких, но и части бедняцких хозяйств.

За нас и другое. Мы имели практическую проверку ленинского плана кооперирования деревни. При всех недостатках, здесь имеющихся, основную практическую проверку этот план выдержал. Вместе с тем обнаружилось то чрезвычайно существенное обстоя-

тельство, что в области технических и специальных культур кооперирование идет быстрее, чем в других областях, что здесь в большей мере в кооперирование вовлекаются мелкие и мельчайшие хозяйства. В то же время положение таково, что мы не можем иначе поднять мелкие и мельчайшие хозяйства, не можем иначе превратить их в жизнеспособные товарные хозяйства, как путем развития интенсивных и специальных отраслей сельского хозяйства. Здесь имеется прямое совпадение интересов промышленности и интересов сельского хозяйства в его бедняцких и середняцких слоях. Но есть совпадение еще более крупное. Развитие интенсивного крестьянского хозяйства реально возможно только на базе кооперирования и развития промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье. Здесь, таким образом, имеется чрезвычайно выгодное для нас глубокое совпадение интересов развития социалистической промышленности и кооперативно-социалистического пути развития сельского хозяйства. Если в этом направлении будут работать не только наркомземы, а все хозяйственные советские органы и вся партия, то мы получим здесь небывало могучее средство преодолеть ограниченность мелкого крестьянского хозяйства и так поднимать его на ступень кооперирования и машинной техники, что этот подъем будет не только увязываться с подъемом индустрии, но будет помогать подъему индустрии, будет делать его прочным.

Оппозиция отказывается просто от рассмотрения всех этих вопросов. Она ставит вопрос не по-ленински, она против гармонической увязки развития промышленности и развития сельского хозяйства, она ставит вопрос: или—или,—или промышленность, или сельское хозяйство, в то время как Ленин вопрос ставил: и—и,—и промышленность и сельское хозяйство во взаимной увязке. В зависимости от условий времени на первое место выдвигается та или другая задача. Было время, когда на первое место выдвинулась задача развития сельского хозяйства, это было в первые годы нэпа. Теперь решающей является задача развития промышленности. Эту главную задачу форсирования развития промышленности мы должны и будем решать так, как это предлагал Ленин,—увязывая развитие сельского хозяйства с развитием индустрии в едином широком хозяйственном плане.

Оппозиция предлагала подбодрить промышленность в этом году своеобразной порцией водки. Такой порцией водки было бы то новое изъятие средств из сельского хозяйства, которое предлагала оппозиция. Мы имели бы, может быть, некоторый эффект фейерверочного типа на ближайший год, но после наступило бы тяжелое похмелье, возможности дальнейшего развития промыш-

ленности были бы зарезаны регрессом сельского хозяйства. А нашей индустрии нужны не фейерверочные успехи на год, а на годы рассчитанное осуществление ленинского широкого плана роста промышленности из года в год в правильной увязке с крестьянским хозяйством. Мы будем решать главную задачу, задачу развития индустрии, и применительно к ней мы будем решать и задачу увязки с развитием индустрии плана подъема сельского хозяйства на высшую ступень техники и кооперативной организации.

Председательствующий. Слово имеет т. Постышев.

Постышев. Истекший хозяйственный год по своей трудности явился исключительным годом: с одной стороны, хозяйственные затруднения, а с другой—внутрипартийная борьба, которую повели бывшие члены Политбюро в тот момент, когда все силы партии должны были быть направлены на быстрейшее изживание затруднений в области хозяйственного строительства в истекшем году. Партия вынуждена была очень много внимания уделять внутрипартийным вопросам, Несмотря на это, мы все-таки чувствуем, что из этих трудностей понемногу выбираемся и опять встаем на крепкие ноги для дальнейшей работы.

Я хочу сказать несколько слов о тех достижениях и недостатках, которые мы имеем в Киевском округе. Наш округ не является промышленным округом, но те вопросы, которые стоят перед всей партией, стоят, конечно, и перед нами. Рост нашей местной промышленности с 14 миллионов достиг 25 миллионов, рост республиканской промышленности в Киевском округе с 21 миллиона достиг 32 миллионов. Заработная плата по местной промышленности поднялась в истекшем хозяйственном году на 11%, по республиканской—на 13%; количество рабочих увеличилось на 10%, производительность труда на одного рабочего увеличилась на 10%.

Некоторые товарищи из оппозиции говорили, что рабочие кроме политических прав ничего не получили от Октября. Они старались этим козырем бить нас, выступая перед рабочими на партийных собраниях с доводами, что Центральный Комитет не в состоянии реализовать завоевания Октября. У нас еще имеется много недостатков, и без всякого сомнения, рабочий не мог еще от Октября получить то, что он должен по праву получить; но во всяком случае рабочие хорошо знают, что дело движется не назад, а вперед к цели, намеченной Октябрьской революцией.

Беда не только в том, что оппозиция в борьбе с партией ставит так вопрос,—эта беда уже изживается. Партия и рабочий класс сейчас поняли, кто виноват и кто прав в такой постановке вопроса. Но у нас наблюдается, по-моему, другая опасность:

это—тенденция некоторых товарищей не из оппозиции в борьбе с оппозицией освещать вопросы неправильно. Например, чтобы сильнее поразить оппозицию, товарищи выступали с речами о том, что рабочие в повышении заработной платы не нуждаются, что те достижения, которые мы сейчас имеем, настолько велики, что рабочие вполне удовлетворены. Такая тенденция вредна и опасна. Мы не должны скрывать, что рабочие не так еще хорошо живут, что есть целый ряд вопросов, которые необходимо разрешить в самое ближайшее время. Поставлены ли эти вопросы партией и в частности Центральным Комитетом? Поставлены. Сейчас только осталось проводить в жизнь вопросы о заработной плате, о снижении цен, о жилищном строительстве, о режиме экономии и о целом ряде других вопросов, которые сейчас практически поставлены.

Я остановлюсь на недостатках в нашей сахарной промышленности, которая имеет колоссальное значение для крестьянского хозяйства. Здесь т. Калыгина затронула этот вопрос. Сахарная промышленность имеет сейчас значительные достижения в части ее роста и роста зарплаты, но есть еще очень много недостатков, на которые следовало бы обратить внимание. У нас недостаточно и слабо втягивается крестьянская беднота в дело свеклосеяния. Даже те маленькие достижения, которые мы имели в 1923 г., начинают по некоторым губерниям понижаться. У меня имеются труды комиссии по обследованию крестьянского свеклосеяния. Комиссия ставила себе задачей обследование, насколько втянуты крестьяне в дело свеклосеяния. Имеются такие цифры: в 1916 г. по Киевской губ. было 23% крестьян, имеющих до 1 десятины, которые сеяли свеклу, в 1923 г. таких крестьян мы имеем уже 22%, а теперь их только 19%. Стало быть, процент крестьян-бедняков, имеющих до 1 десятины земли и занимающихся свеклосеянием, снижается, а ведь в их хозяйстве свеклосеяние играет большую подсобную роль. Теперь возьмите крестьян, имеющих до 2 десятин земли. В 1916 г. процент этот составлял 24, в 1923 г. 35, а теперь мы имеем 34,7%. Опять понижение. Крестьяне, имеющие до 4 десятин земли, в 1916 г. занимались свеклосеянием в количестве 25%, в 1923 году—33%, а теперь их 35%. Здесь повышение.

Вот цифры по Подольской губернии. Мы видим, что крестьяне, имеющие до 2 десятин земли, в 1923 г. занимались свеклосеянием в количестве 40%, теперь их только 38%. Здесь опять понижение. Крестьяне, имеющие до 4 десятин земли, в 1923 г. занимались свеклосеянием в количестве 33%, теперь—35%. Эта группа и здесь повышается.

По Волынской губернии: крестьяне, имеющие до 1 десятины земли, занимались в 1923 г. свеклосеянием в количестве 16%, теперь их 13%, до 2 десятин—в 1923 г. 32%, теперь их 28%.

По Черниговской губернии: крестьян, имеющих до 1 десятины и сеявших свеклу, в 1923 г. было 16%, а теперь 13%, до 2 десятин—в 1923 г. 25%, теперь 26%, до 4 десятин—в 1923 г. 40%, теперь 41%.

Может быть, в другое время товарищи истолковали бы это как хороший материал для борьбы с большинством партии. Бояться этого не следует. По тем губерниям, данные о которых я зачитал, такие недостатки сахарной промышленности имеются. Нужно будет обратить внимание на это и указать, что крестьянскую бедноту надо наиболее сильно втягивать в дело свеклосеяния, помогая ей путем кооперирования, путем той помощи, которую может оказать сейчас наша окрепшая сахарная промышленность. Нужно будет Сахаротрест поближе подтащить к этому делу.

Председательствующий. Слово имеет т. Луначарский.

Луначарский. Товарищи, в тезисах Центрального Комитета только в одном месте упоминается о тех культурных и просвещенских задачах, которые, однако, абсолютно неразрывно связаны с планом индустриализации страны. Это упоминание сделано там, где говорится о живой рабочей силе, потребной для нашей индустрии, которая будет расти и в качественном отношении подыматься.

Тов. Рыков в своем докладе, широко затронувшем все вопросы, сюда относящиеся, нашел достаточно сильные слова, чтобы утвердить основное положение, что ни о каком росте, количественном и качественном, нашей индустрии без своевременного и чрезвычайно интенсивного подъема знаний, особенно профессиональных, говорить нельзя.

Но несмотря на то, что такие слова от времени до времени говорятся, у нас, т.-е. у тех коммунистов, которые поставлены непосредственно у дела просвещения, нет уверенности, что за этими словами последуют действия, гарантирующие нас от возможности споткнуться в один прекрасный день как раз на недостатке квалифицированных сил в результате недостаточной заботливости об общем деле просвещения.

Какую бы отрасль из тех хозяйственно-больших слоев, которые здесь проходили перед вами в речах предыдущих ораторов, ни затронуть, всюду это бросается в глаза.

Всеми нами уважаемый человек, друг нашей революции и

великий ученый Тимирязев, именем которого мы назвали наше главное сельскохозяйственное учебное заведение, в своей брошюре «О научном прогрессе в сельском хозяйстве» говорит между прочим:

«Каковы причины, что датский крестьянин на таком же точно клочке земли, при том же количестве осадков и солнца, при той же степени трудолюбия и личной смышленности земледельца, умеет в несколько раз больше выгнать пшеницы, чем мы ржи?»

И отвечает: «Единственная причина, это—чрезвычайно низкое состояние школьного дела в нашей стране».

Он делает такой вывод: «Если какой-нибудь государственный деятель хочет серьезно поставить перед собой вопрос о хозяйственном подъеме России, то он должен начать со школьного конца».

Вот мнение огромного научного авторитета в области сельского хозяйства. И чтобы недалеко ходить,—здесь, в этом зале, я встречаю товарищей, которые ездили в разные места для обследования тех или других деревенских нужд, отнюдь не просвещенцев, которые притом утверждают, что если крестьянин о чем говорит, то не о налоге, не столько даже о хозяйственных нуждах, как об удовлетворении своей потребности в области школы. И это крестьянин делает не потому, что он идеалист и друг просвещения, как такового: у него хозяйственно-производственные вопросы занимают 99% всего поля его сознания. Но именно то, что знает Тимирязев, это знает и каждый крестьянин: он вполне дает себе отчет о связи хозяйства со школой. У меня будет возможность в моем докладе о введении всеобщего обучения на ближайшей сессии ВЦИК дать картину и наших достижений и тех огромных провалов, которые существуют в области просвещения, и я надеюсь, что тогда партия окажет достаточную поддержку, чтобы мы вышли из этого доклада, из обсуждения этого дела во ВЦИК'е, с известным плюсом в этом отношении.

Но если перейти непосредственно к индустрии, то и по части среднего индустриального образования дело обстоит чрезвычайно слабо. У нас здесь не наблюдается никакой планомерности. Нельзя с уверенностью сказать, не выпускаем ли мы слишком много инженеров и, наоборот, слишком мало средних технических работников и т. д. Мы запрашиваем хозяйственные организации, хозаппарат об их потребности в персонале; мы спрашиваем, как же планировать подготовку специалистов, и у нас нет определенных ответов. Нам дают приблизительные цифры и часто в весьма короткий срок изменяют их до неузнаваемости. А если говорят о сырье, о непосредственных денежных ресурсах для

индустриализации, о машинах, то нужно же отметить не меньшее значение, которое имеет живая сила, начиная с квалифицированных рабочих до инженеров высокой квалификации. В этом отношении у нас планомерности еще нет, и не Наркомпросу суметь самостоятельно установить ее. Все это я говорю для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, что вопрос о повышении профессионального образования должен входить как неразрывная часть не только в общий государственный план, а именно в государственный план по индустриализации, потому что этот вопрос представляет часть этого плана.

Высшие учебные заведения. У нас была весьма высокопоставленная комиссия под председательством самого А. И. Рыкова, она судила, рядила, выработала большую резолюцию, а в результате в этом году произошло снижение фактического положения дела в вузах.

Товарищи, то же самое можно сказать с уверенностью относительно наших научных учреждений. Между прочим, поскольку ты стоишь около просвещения, на партийных собраниях прежде всего обращаются к тебе с этими вопросами. И вот сейчас некоторые представители провинциальных университетских городов да и Ленинграда ко мне подходят и говорят: «Знаете ли вы, что в научных кругах неспокойно? Там толкуют, что из года в год обещают де нам в известной степени улучшить положение, а на самом деле происходит сокращение ассигнований». Не напрасно здесь т. Рыков говорил о том, что наша промышленность чрезвычайно страдает от таких вещей, как техническая отсталость или чрезвычайная зависимость от Западной Европы. Этого мы не избегнем, если не будем иметь свою собственную высоко развитую науку.

Я предупреждаю, товарищи, что мы, разумеется, не можем бросаться миллионами из фонда на промышленность, но действительно ли мы подготовили таких специалистов, которые, стоя на своем месте, не скомпрометируют нас в нашей борьбе с заграничной продукцией? Сделали ли мы все необходимое, чтобы техники были хорошими субалтерн-агентами нашей промышленности? Мы должны сказать прямо: этого еще нет. Я отнюдь не отстаиваю ту точку зрения, на которой могут стоять некоторые ученые, которые смотрят на дело со своей колокольни. Нельзя сказать, что плановые расчеты наши неверны, что нам нужно перебросить сейчас из сумм на индустрию определенную какую-нибудь большую цифру на науку и просвещение. Но в колоссальную машину, которая называется индустриализацией, входит и подготовка рабочей силы. Как бы вся машина не пострадала от отставания этой

стороны дела. Ибо в этой чрезвычайно сложной общественной механике отставание любого колеса может сломать другое. Еще два года тому назад т. Рыков сигнализировал, что мы можем споткнуться на недостатке квалифицированных сил. Разве у нас в этом отношении стало лучше? Нужно заглядывать немного вперед. Тов. Рыков в своих выступлениях, между прочим и на съезде заведующих губоно, сказал: «Во всяком случае мы гарантируем вам одно,—что бюджет по просвещению ни в коем случае не будет расти меньше, чем общий государственный бюджет». В этом году в общем бюджет вырос на 15% и бюджет (центральный) Наркомпроса РСФСР тоже на 15%, но сюда нам включили компенсацию за те несколько миллионов, которые мы раньше получали от промышленности, а сейчас не получаем. Если принять во внимание эту сторону дела, то оказывается, что мы уже соскользнули с этого обещания. Повторяю, в этом году— мы фактически это можем доказать с цифрами в руках—нам снизили ту сумму, которая давалась до сих пор на штаты высших учебных заведений. Это испытывается болезненно просвещенцами, и они, сигнализируя свое собственное недовольство, указывают на возможность срыва в этом отношении нашего плана индустриализации. Поэтому я, являясь таким лицом, которому поручено блюсти эту сторону дела, считал необходимым сигнализировать вышеуказанное неблагополучие и перед конференцией.

Председательствующий. Слово имеет т. Колгушкин.

Колгушкин. Товарищи, определение и оценка, которые дал т. Рыков восстановительному периоду нашей промышленности и хозяйству в целом, находят полное подтверждение и в работе ленинградской промышленности за этот период. Ленинградская промышленность к настоящему времени достигла выпуска на 560 с лишним милл. довоенных рублей, или 920 милл. червонных рублей. Она увеличила за последний год свой выпуск против предыдущего года на 42% (в предыдущем году увеличение достигло 92%). Вы видите, что за последний хозяйственный год по темпу мы снизились почти в два раза, и все же мы имеем такой темп развития, который является, как говорил т. Рыков, неслыханным во все времена в европейских буржуазных государствах. В общем к настоящему времени мы подошли примерно к 90% от довоенного, но на-ряду с этим количественным ростом нашей промышленности происходила другая очень серьезная и большая работа, которая придавала нашей промышленности другой производственный характер, чем тот, который она имела в довоенное капиталистическое время. Вы знаете, товарищи, что в то время ленинградская промышленность, главным образом металлообрабатывающая,

представляла собой не что иное, как промышленность, обслуживающую царские военные нужды. Приведу для примера следующее: за это время мы поставили, улучшаем и развиваем текстильное машиностроение, которым заняты теперь такие крупные металлообрабатывающие заводы, как, например, имени Карла Маркса (бывший Леснера), имени Энгельса (бывший «Айваз»), имени Калинина (бывший Трубочный), т.-е. наладили, производят, улучшают и развертывают текстильное машиностроение те заводы, которые в прошлом работали по преимуществу на военные нужды, на артиллерию, на обслуживание военного флота и т. п. За это же время поставлено и теперь улучшается и развивается производство турбостроения и генераторостроения на таких заводах, как Металлический и завод «Электросила», при чем потребности в этом производстве—в турбинах и генераторах—таковы, что уже увеличенная пропускная способность этих заводов против довоенного с 25 тысяч киловатт до 40 тысяч киловатт сейчас является в 10 раз меньшей по отношению к тем заказам и запросам, которые к этим заводам предъявляются.

Вы уже слышали, что совершенно заново организована постановка производства тракторостроения на Путиловском заводе, и последние выпуски этих тракторов вполне отвечают тем техническим и эксплоатационным требованиям, которые к ним предъявляются... (Голос с места: «Сколько стоят?») Стоят они примерно в три раза больше стоимости Форда. Но мы еще только приступаем к выпуску их, тогда как Форд выпускает несколько миллионов в год.

На электрозаводах слабого тока поставлено уже и развивается производство по радиотехнике. И, наконец, организуется производство станкостроения на заводе бывшем «Феникс».

Я привел эти данные для того, чтобы показать, что те заводы, которые в прошлом обслуживали военные потребности, сейчас получили другую производственную физиономию. Они учатся и, несомненно, научатся производить станки, машины, дизеля, турбины, генераторы, т.-е. то, чем в первую очередь должна будет разрешаться проблема индустриализации нашего Союза.

Наша промышленность таким образом приняла совершенно другой характер, она сделалась промышленностью машиностроения, точного машиностроения, она определила себя как серьезный и необходимый фактор в деле индустриализации нашей страны и в деле развития других основных отраслей народного хозяйства. Это, товарищи, видит, чувствует и понимает каждый рабочий ленинградских заводов. Этого не заметила и этого не поняла оппозиция, и именно в значительной мере поэтому в по-

следнем налете ее на Ленинград ленинградские рабочие-коммунисты с такой решительностью и исключительным единодушием скомандовали ей «от ворот поворот».

Но, товарищи, было бы, конечно, величайшей ошибкой ударяться в благодушно-беспечное настроение и полагать, что мы этим разрешили все. Не замечать или преуменьшать те затруднения и те недостатки,—а их много и они громадны,—которые перед нами стоят и которые преодолеть мы еще должны, было бы, конечно, величайшим преступлением, и мы этого не делаем. Мы только отмечаем, что вот в этот восстановительный период на-ряду с количественным ростом в развитии нашей промышленности мы имеем значительные достижения качественного порядка, видоизменяющие производственную физиономию наших заводов, даже на основе имеющегося старого, оставленного нам капиталистами, оборудования или основного капитала. Недостатки громадны и в области рационализации, и в области управления нашими фабриками и заводами, и в области учета и калькуляции,—а отсюда и в определении себестоимости,—и в области снабжения, и в области рационального расходования сырья, топлива и финансов. Это—основные задачи, под знаком которых должна проводиться и будет проводиться работа в нашей промышленности в ближайшие годы до тех пор, пока они не получат надлежащего разрешения. Но есть и такие затруднения, которые уже в настоящее время препятствуют дальнейшему развитию производства машин, станков, генераторов и турбин, которые нужны и для электрификации нашей страны и для оборудования наших текстильных и других фабрик легкой индустрии, которые нужны для оборудования добывающих районов. Мы уперлись сейчас в ту энергетическую проблему, о которой говорил т. Рыков. Вопросы энергетики, в частности вопросы топливные, для Ленинградского района и его промышленности всегда имели особо важное значение. При капиталистах эта особенность заключалась в том, что наша промышленность развивалась на дешевом минеральном заграничном топливе. При нас эта особенность заключается в том, что топливный вопрос, энергетический вопрос становится основным хозяйственным вопросом, определяющим темп нашего развития, а в последнее время и ставящим пределы для этого развития.

Вы, товарищи, знáете, что ленинградская промышленность потребляет ежегодно около 80 миллионов пудов минерального топлива, которое завозится к ней по железнодорожным путям на расстоянии около 2 тысяч верст.

Само собой понятно, что это не только затрудняет наш транспорт, в особенности в зимние месяцы, совпадающие с хлебными

перевозками, снежными заносами, но это и лишает возможности создать устойчивое топливное обеспечение. Поэтому является совершенно необходимым, чтобы под ленинградскую промышленность, промышленность точного машиностроения, такую трудоемкую промышленность и т. д., была подведена более устойчивая и постоянная энергетическая база, что возможно на основе использования местных источников топлива, которыми наша область в особенности богата. И, конечно, в первую очередь, таким источником является водная энергия. Волховстрой положил начало этого использования, но мы должны сказать здесь совершенно открыто и определенно, что Волхов является громаднейшим сооружением, разрешившим задачу большого железобетонного строения в воде, но дающим малый эффект в отношении электроэнергии, потому что Волхов на несколько лет запоздал, и ленинградская промышленность переросла его в своих потребностях. В среднем в год Волхов может дать нам 30 000—40 000 киловатт, тогда как мы сейчас один аггрегат на одну станцию ставим в 36 тысяч киловатт. В связи с этим ленинградской организацией выдвинут вопрос о постройке Свири. Здесь т. Рухимович говорил, что каждый район рвет себе, что необходима специализация промышленно-экономических районов. Мысль совершенно верная. Эта специализация необходима, но такие проблемы, как Днепр, Свирь и другие, мы не противопоставляем. Очевидно, должен быть решен вопрос об их очередности и о том, последуют ли они одна за другой или обе вместе. Мы только доказываем экономическую и хозяйственную необходимость постройки у нас Свири потому, что уже в настоящем году мы с 1 мая прекратили присоединение всяких новых потребителей к электрическим станциям и сейчас покрываем эту сжатую потребность промышленности в энергии с дефицитом в 12 тысяч киловатт, при условии, что у нас ни одной запасной турбины, машины или генератора не имеется ни на одной станции. И поэтому вы, вероятно, читали, что у нас систематически выходят из строя то один, то другой мощный генератор, останавливаются заводы, и это ложится расходом на продукцию и лишает возможности производить необходимое снижение себестоимости продукции.

Помимо этого потребность ленинградской промышленности в электроэнергии, уже урезанная на 40%, т.-е. на 55 000 киловатт из 140 000 киловатт, покрывается заводскими станциями, построенными еще при «царе Горохе». (Смех.) Стоимость киловатт-часа этих станций равняется от 16 до 19 коп. Вы видите, какое нецелесообразное, неэкономичное расходование минерального топлива происходит на этих станциях. Значение Свирьстроя далеко

выходит за пределы интересов только промышленности. Богатый лесной район мы не можем использовать и не можем увеличить экспорт леса только потому, что не имеем достаточных водных путей для подвоза.

Заканчивая, должен сказать, что пущенный в ход Волхов экономит уголь, освобождая транспорт от завоза 15 миллионов пудов. Свирьская электростанция заменяет минеральное топливо и освобождает транспорт от завоза угля в Ленинград в размере 25 миллионов пудов, не говоря уже о том, что облегчает топливный баланс Союза. На этом разрешите закончить.

Председательствующий. Слово имеет т. Уханов.

Уханов. По аналогии с предыдущим товарищем мне бы следовало поставить вопрос о постройке гидро-электрической станции на Москве-реке. Но сегодня я этот вопрос выдвигать не буду, а отложу его до следующей конференции. (Смех.)

Я думаю, что вопрос, выдвинутый т. Рыковым, об увязке и плановости нового строительства промышленности заслуживает величайшего внимания. В то время как мы расширяли нашу промышленность за счет ее нагрузки, здесь дефекты, связанные с планированием, могли иметь меньший ущерб для промышленности и для государства. Но когда мы ставим вопрос о новом строительстве, о постройке новых заводов, то такие вещи не должны иметь места. Мы не можем допустить, чтобы каждый совнархоз, каждый губком по своему усмотрению строил новые заводы, не согласовывая этой постройки с общим планом всего нашего строительства. Думаю, что этот вопрос нужно поставить и с другой точки зрения. Изжить это можно только при условии, если наши плановые руководящие органы—Госплан и ВСНХ—будут достаточно своевременно давать инициативу местам, если наши плановые органы в новом строительстве и расширении промышленности не будут отставать так, как они отставали в предыдущие годы, давая не только планы нового строительства, но и производственные программы спустя несколько месяцев после начала операционного года.

Мы считаем, что успешной работа может быть только в том случае, если места заранее своевременно подготовятся к новому строительству, подсчитают имеющиеся у них материалы, соответствующие технические силы и только после этого приступят к той или иной работе. Без этой увязки строительство успешным не будет.

Второй вопрос, на который я хотел обратить ваше внимание,— вопрос относительно поднятия технического уровня специалистов, техников, инженеров. Безусловно, дальнейшее развитие

промышленности без подъема технического уровня наших специалистов невозможно. Но как же это можно сделать? Мне кажется, товарищи, что у нас кое-какой опыт в этом направлении уже имеется, и надо его использовать. Некоторые тресты заключили договоры на техническое содействие с иностранными фирмами, некоторые выписывают иностранных инженеров для постановки производства, непосредственно для самого производства, но это делается, я бы сказал, в виде разрозненного опыта. Это еще не учтено и не изучено. Я считаю это очень серьезным вопросом, и на него следовало бы обратить внимание. Этот вопрос необходимо изучить с тем, чтобы дать соответствующие директивы по всей промышленности, иначе может получиться, что один из хозяйственников, осуществляя этот опыт, использует его недостаточно хорошо, и это послужит для других отрицательным фактом. Только при достаточном изучении его можно дать правильную линию с тем, чтобы мы сумели несколько быстрее поднять технический уровень наших инженеров, посылая их за границу, получая из-за границы специалистов, изучая производство за границей, изучая его оборудование и т. д.

Третий вопрос, на который я хотел бы обратить внимание, это—вопрос жилищного строительства. Те суммы, которые мы тратим на жилищное строительство, очень велики, но если мы посмотрим, как мы расходуем эти суммы, то увидим, что мы их расходуем не с достаточной бережливостью, не с достаточным умением. Наше строительство идет, можно сказать, случайно, идет под давлением жилищного кризиса. Возьмем, например, Москву. Как мы здесь строим? Мы строим под напором жилищного кризиса, строим в один год и в этот же год помещаем людей в эти дома для жилья. Правильно ли это? Нет, неправильно. Довоенный опыт говорит о том, что жилищное строительство шло минимум полтора или два года,—у нас оно идет наспех, особенно если принять во внимание, что мы имеем недостаточного качества и материалы — сырой лес и т. д., вследствие чего мы из года в год вынуждены делать большие переделки. Надо обратить особое внимание, чтобы заготовка необходимых материалов для строительства была заранее обеспечена и чтобы мы имели материалы хорошего качества.

Еще на один момент я хотел бы обратить внимание, это—на вопрос о топливе. С топливом у нас действительно положение серьезное. Сюда мы в развитии хозяйства упираемся больше всего. Выход из этого положения—надо усилить добычу топлива. Мы у себя намерены усилить заготовку на торфо-разработках, но здесь нет необходимого оборудования. Поэтому на заводах,

изготовляющих оборудование для торфо-разработок, следует усилить это производство.

Как обстоит дело с дровами? С дровами дело обстоит так, что мы живем, что называется, с хлеба на воду. То, что заготовляется в этом году, это же самое количество и сжигается. У нас почти никакого запаса топлива на будущий год не остается. Не давая дровам высохнуть, сжигаем их сырыми, и сжигаем значительно большее количество, чем это следовало бы при других условиях. Товарищи из соответствующих органов неохотно отпускают лесосеки для заготовки дров, исходя, видимо, из соображений, что если мы много дров нарубим, то много и сожжем. Надо поставить вопрос иначе. Надо заготовлять дрова в достаточном количестве, на год вперед, чтобы мы имели необходимый запас сухого топлива. Топливо необходимо взять на учет и экономно расходовать. Только при этих условиях будет достигнута задача сбережения лесов.

Председательствующий. Слово имеет т. Медведев.

Медведев. Тов. Рыков построил тезисы своего доклада на основе постановлений XIV партийного съезда, и поэтому в основном, мне кажется, оспаривать их не приходится, поскольку данный вопрос уже решен на XIV партсъезде. Но мне кажется необходимым остановиться на вопросе о планировании нашего хозяйства, и в частности на выступлении т. Рухимовича, который говорит, что наше хозяйство ведется исключительно анархическим порядком. Совершенно верно, что в некоторых случаях у нас хозяйство ведется таким порядком, но спрашивается: почему оно у нас ведется анархическим порядком? Прежде всего должен сказать, что у нас планирующие органы, на мой личный взгляд, работают не так, как должно быть. Наши планирующие органы, вместо того чтобы пропустить тот или иной производственный план в кратчайший срок, если находят, что одна какая-нибудь статья не точно формулирована, вместо того чтобы ее переработать на месте, отсылают все обратно, чтобы целиком был переработан производственный план. В результате работа ведется без всякого планового порядка, и планирование тормозится в центральных органах. Я полагаю, что на это основное положение надо обратить внимание Центрального Комитета с тем, чтобы упростить работу по планированию и добиться ускорения прохождения всех дел. Это один вопрос.

Второе, на что надо обратить внимание, это—следующее. Когда мы ставим вопрос об индустриализации страны, удешевлении себестоимости продукции и когда вводятся те или иные технические усовершенствования, то, я полагаю, небезынтересно узнать,

как это проводится. Вместо того чтобы наметить твердую программу технического усовершенствования в данной отрасли промышленности, у нас принято подходить к данному вопросу пособесовски. Когда выступают с требованиями в этой области товарищи из Ленинграда, Москвы и Украины,—так дать и Ленинграду, и Москве, и Украине с тем, чтобы они успокоились. А спрашивается: какую-нибудь выгоду это принесет? Конечно, нет. Вместо того чтобы те или другие технические усовершенствования провести в течение года, они растягиваются на два и больше лет, остается мертвый неиспользованный капитал, который не дает никакого коэффициента полезного действия. Я полагаю, что надо наметить твердую линию в смысле усовершенствования технического оборудования независимо от нажима и претензий мест, а исходя исключительно из экономической целесообразности того или другого усовершенствования. Это вопрос важный, на него надо обратить внимание, когда мы ставим вопрос об индустриализации.

Мы все читали циркуляр, подписанный тт. Рыковым, Сталиным и Куйбышевым, о режиме экономии. Но спрашивается: усвоен он на местах или нет? Правда, мы говорим об этом очень много на каждом собрании, но когда подходим к реальному осуществлению, мы встречаем сопротивление со стороны хозяйственных, торговых и кооперативных органов.

Дана директива—выделить из прироста местного бюджета 50% на увеличение местной промышленности. Но эти средства не будут использованы по одному тому, что, вместо того чтобы усилить свою производственную программу, в настоящее время ее приходится сокращать, и это мы чувствуем на местах, в частности в бывшей Екатеринославской губернии.

Вот этот бюрократизм в наших органах надо сбить. Нужно, чтобы до некоторой степени они усвоили деловую директиву, данную Центральным Комитетом, и обратили свое серьезное внимание на развитие местной промышленности и на увеличение сырьевого отпуска на ее развитие.

Вопрос о рационализации—вопрос важный, и он ставится не только в нашей стране, он ставится и в мировом масштабе.

Мне кажется, когда подходишь к данному вопросу, прежде всего приходится обратиться к нашей отсталой технике. При нашей отсталой технике едва ли можно провести рационализацию производства.

Я так ставлю вопрос. Прежде всего, если мы находимся в условиях такой технической отсталости, нам нужно не стесняться использованием живой рабочей силы, не в смысле нажима на

нее, а в том смысле, что у нас есть рабочие, которые слабо оплачиваются, и нужно ввести ту или иную поощрительную систему оплаты труда,—премиально-прогрессивную систему, чтобы рабочие получали увеличение заработной платы, чтобы они, вводя улучшения в систему производства, имели при этом известный стимул. Иначе при данной отсталой технике оборудования мы рационализации производства не проведем. И я предлагаю, поскольку мы в перспективе ставим улучшение технического оборудования, именно этот вопрос перед собой поставить. Я думаю, что при этом проведении рационализации не должно быть такого толкования, что это отражается на физическом состоянии рабочего класса, ибо этим он свое здоровье не подорвет, а только повысит свою заработную плату. Рабочие на местах уже к этому идут, эту меру проводят и предлагают ее на производственных совещаниях. Поэтому я полагаю, что необходимо этот вопрос ускорить, так как это удешевит себестоимость данной продукции и ускорит проведение рационализации производства.

Следующий основной вопрос, это—вопрос управления. В последнее время мы видим, что как будто дается известная самостоятельность местным директорам и т. д. Но если мы посмотрим поближе, то убедимся, что по существу положение нисколько не изменилось, и как директора были не чем иным, как приказчиками-исполнителями, не имеющими возможности выявлять свою инициативу, так ими и остались.

Я думаю, здесь нужно прямо поставить вопрос: или структура наших трестов еще настолько неподвижна, что они не могут быстро разрешать тех вопросов, которые перед ними стоят, или нужно центральные управления приблизить к самому производству. Может быть нужно поставить вопрос о возможности упрощения и раздробления трестов на более мелкие группы. Надо сделать так, чтобы центральный орган являлся не чем иным, как регулирующим органом, и больше инициативы предоставлял бы местам. Я не могу конкретизировать этих своих мыслей, этот вопрос нужно проработать, и чтобы упростить производство, удешевить себестоимость, нужно удешевить аппарат.

Но когда ставишь вопрос перед хозяйственниками о сокращении их аппаратов, они говорят: мы сократить аппарат не можем потому, что мы возим по 14 пудов отчетности. (Скрыпник: «И по 400 пудов бывает».) Сколько для этого потребуется рабочих рук? Можно ли при такой системе упростить управленческий аппарат? При всем нашем нажиме этого провести мы не можем, так как это тормозится вышестоящими хозяйственными органами. На эту сторону Центральный Комитет соответствующим образом должен

нажать, и нажать самым решительным образом, так как без этого мы не упростим и не рационализируем наш аппарат.

От вопросов упрощения аппарата я перейду к нашим торговым органам. В первый период построения нашего государства они были необходимы. При слабости кооперации они также были необходимы. В настоящее же время мы наблюдаем укрепление кооперативной сети. Спрашивается: нужны ли здесь еще какие-нибудь передаточные инстанции? Кого снабжают эти передаточные органы? Они снабжают в большей части частного коммерсанта, мелкую торговлю. И поэтому я считаю, что нужно поставить вопрос о том, чтобы проводником товаров являлась исключительно кооперация. У нас же получается так: иной раз на рынке товар есть, а в кооперативах нет. С этим злом необходимо бороться.

Товарищи, вы, наверное, читали доклад на пленуме ЦКК, что, вместо того чтобы итти по пути снижения себестоимости продукции, результаты у нас часто получаются совершенно другие. Наши хозяйственники еще не усвоили себе многого. Мы занимаемся только еще обработкой общественного мнения в области упрощения нашего аппарата, но реально мы еще не продвинулись вперед и ничего еще не достигли в этой области. Я полагаю, что в этом вопросе необходимо возложить большую ответственность на хозяйственников. Здесь т. Рухимович говорил о том, что все хозяйственники побывали в контрольных комиссиях. Я не скажу этого по отношению ко всем хозяйственникам, но в отношении некоторой их части нужно сказать, что они могли побывать не только в контрольных комиссиях, но их можно было передать и прокурору, так как они не усвоили и не провели директивы партии о необходимости принятия самых решительных мер в этой области. Я не буду говорить плохо о всех специалистах, но я должен сказать, что есть такие специалисты, которые стараются разными маневрами и планами отвлечь наших хозяйственников от непосредственных хозяйственных задач, и наши хозяйственники плывут по этому течению. Поэтому я думаю, что нужно не на словах, а на деле заняться действительным проведением режима экономии.

Еще один вопрос: это—вопрос о рабочем жилищном строительстве. Тов. Рыкову надо было остановиться на этом вопросе. Когда мы говорим о невыходах на работу, о прогулах, то нужно знать, что эти прогулы связаны непосредственно с жилищным вопросом. Жилищный вопрос также связан с вопросами безработицы. Рабочие, даже получающие работу, не могут поступить на предприятие из-за жилищного кризиса и принуждены перебра-

сываться из города в город. И в той системе, которая строит централизованным порядком дома для рабочих через заводоуправления, надо сделать отдушину и допустить индивидуальное кредитование рабочих через заводоуправление. Этим мы упростим жилищный вопрос.

Последний вопрос. На XIV партийном съезде выступали тт. Зиновьев и Каменев и другие, которые говорили о своем несогласии с нашей политикой. Я полагаю, что если они не были согласны с нашей политикой тогда, то, повидимому, они не согласны с ней и сейчас. К сожалению, они здесь не выступают и не говорят об этом.

Когда т. Рыков назвал выступление т. Зиновьева глупостью, то я бы не сказал, что это глупость, я бы сказал, что это скорее всего ребяческое шарлатанство, желание бить на чувства молодых рабочих, на чувства вновь принятых в партию товарищей. Нам пришлось наблюдать на предприятиях некоторые настроения рабочих в связи с разговорами о прибавке заработной платы, когда они требовали дать им 3 рубля. Когда мы им сказали: «Товарищи, вы получаете 75 рублей и требуете прибавки 3 рублей!», то они заявили: «Дайте нам девяносто». Созвали делегатское собрание, и тогда действительная картина выявилась весьма отчетливо; выявилось, что там был коммунар, сторонник оппозиции. Он требовал поднятия заработной платы до довоенного уровня и выкинул на беспартийном собрании лозунг необходимости добиться 100% довоенной заработной платы. Вот откуда рождаются эти настроения, и виноват здесь не тот партиец, который выступает, а те товарищи, которые вносят данный лозунг. Поэтому я полагаю, что в том строительстве, которое проводится партией, такими фразами бросаться опасно, опасно не только для нашего Союза, но и для всего международного пролетариата.

Председательствующий. Товарищи, давайте объявим перерыв на 10 минут. Нет возражений? Объявляется перерыв на 10 минут.

Председательствующий. Заседание конференции возобновляется. Товарищи, предположение о том, чтобы сегодня закончить рассматриваемый нами вопрос, не выходит, потому что имеется большой напор со стороны товарищей, желающих высказаться. Поэтому есть предложение такое: сегодня весь вечер посвятить прениям, а заключительное слово т. Рыкова перенести на завтра. Нет возражений? Принято. Переходим к прениям. Слово имеет т. Любимов.

Любимов. Товарищи, я остановлюсь главным образом на вопросе о товарообороте и в той мере преимущественно, в какой это связано с деятельностью потребительской кооперации. Во-

просы товарооборота сейчас являются одними из самых серьезных вопросов, труднейших вопросов нашей экономической действительности.

В тезисах т. Рыкова указано, что вся кооперация в целом сейчас уже охватила розничный товарооборот на 40% с лишним. Это проведение большого количества товаров широкому потребителю через кооперацию имеет большое значение.

Мы установили в отношении получения товаров от госпромышленности систему так называемых генеральных договоров, и по этим генеральным договорам по некоторым отраслям промышленности мы уже проводим значительно большую долю продукции. По текстилю кооперация распределяет сейчас уже до 68%, по кожевенным товарам до 48%, по галошам 42%, по сахару 35% и значительный процент, хотя меньший, чем указанные мною, по другим товарам.

Здесь, в выступлениях, всеми товарищами также отмечалась та большая роль, которую играет потребительская кооперация в товарообороте, отмечалась ставка и партии и правительства на проведение все большей и большей массы товаров через систему потребительской кооперации. Но при такой постановке вопроса мы встречаемся в работе с целым рядом трудностей, главным образом финансового характера. Сейчас потребительская кооперация не имеет в достаточной мере своих собственных капиталов. Своих капиталов она имеет 408 миллионов рублей, при чем из них 228 миллионов рублей являются средствами подвижными и 181 миллион являются неподвижными средствами (в постройках, инвентаре и т. п.). Из этих средств паевых капиталов, собранных непосредственно с пайщиков, всего лишь 58 миллионов рублей.

Потребительской кооперации предоставляется государственный банковский кредит примерно в сумме 235 милл. рублей. Кроме того, имеются долгосрочные ссуды до 40 милл. рублей. Установившиеся за последнее время взаимоотношения с госпромышленностью вынудили потребительскую кооперацию пойти на значительные жертвы при заключении генеральных договоров, пойти на значительное ухудшение условий в расчете с государственной промышленностью, вследствие чего происходит изъятие средств из товарооборота системы потребительской кооперации. Мы и в предыдущем году чувствовали этот недостаток собственных финансовых средств, тем более, что государство не увеличивало кредит в том размере, в каком растет наш товарооборот. Правда, потребительская система за этот год окрепла, получила от операций прибыль. Мы считаем, что за истекший

год вся система потребительской кооперации будет иметь около 120 миллионов накоплений. Но то, что нам не предоставляется достаточное количество кредита, банковских средств в полном соответствии с тем увеличением товарооборота, которое имеется, может поставить потребительскую кооперацию в чрезвычайно тяжелое положение.

Мы сейчас, товарищи, живем, главным образом, и выходим из этого затруднительного положения тем, что доводим ускорение товарооборота до максимальных пределов. Мы имеем обращение товаров в данное время примерно в течение 38 дней, тогда как в прошлом году обращение было в среднем в 48 дней. Если сравнить такую скорость обращения товаров системы потребительской кооперации с обращением товаров кооперации других стран, то мы увидим, что, вследствие товарного голода, товары у нас обращались чрезвычайно быстро, быстрее, чем в системе потребительской кооперации других стран. По имеющимся данным в английской кооперации товары обращаются в 85 дней, в швейцарской в 87 дней и в французской в 72 дня.

Сейчас вся экономическая пресса отмечает, и здесь товарищи говорили, что развитие товарооборота в нынешнем осеннем сезоне не дает того темпа, какой мы предполагали. Заметно некоторое замедление товарооборота, и это возможное замедление товарооборота грозит и может грозить, если не принять соответствующих мер, большой неприятностью для системы потребительской кооперации. Наш товарооборот потребительской кооперации исчисляется на предстоящий год в 8 миллиардов 286 миллионов рублей. Если представить себе, что по всей системе товарооборот замедлится только на 10 дней, то мы должны иметь в системе свободный капитал для маневрирования в сумме до 210 миллионов рублей, ибо оборот каждого дня равняется 21 миллиону рублей. Из этого вы видите, какие проблемы, какие вопросы сейчас перед нами стоят и в каком финансовом положении может очутиться потребительская система, если оборот не будет развертываться так, как на него рассчитывали при построении торгового плана, или если своевременно не будет соответственно увеличен банковский кредит.

Мы не раз при обсуждении кредитных планов на эти обстоятельства указывали, но до настоящего времени, поскольку система выживала, выносила этот кредитный зажим, мы не имели оснований во что бы то ни стало поднимать по этому поводу крик. Во всяком случае нам надо вместе с вами иметь подобное положение в виду и поставить вместе с тем задачу, чтобы система потребительской кооперации становилась главным образом

на свои собственные ноги, налечь и на собирание своих собственных капиталов, которые являются совершенно недостаточными по сравнению с теми размерами оборотов, какие сейчас потребительская кооперация имеет.

Второй вопрос, на который я хотел обратить внимание, это— вопрос о снижении цен. Естественно, что и в этом вопросе одна из главных ролей падала на систему потребительской кооперации. Дело о снижении цен, к сожалению, не пошло столь быстрым темпом, как это предполагалось вначале. У нас огромное количество организаций: 27 000 обществ потребительских и 57 000 лавок. Требовалось некоторое время для того, чтобы эту всю систему раскачать. Однако сейчас следует отметить, что по крайней мере в союзной системе, в областных союзах, в районных союзах и в городских потребительских обществах создался полный перелом, создалось волевое устремление к снижению цен; организации этим занялись вплотную. Но, к сожалению, эта работа не дошла еще в достаточной мере до низов, до деревенских, до сельских потребительских обществ. Дело снижения цен может быть проведено также только общими усилиями, не только системой потребительской кооперации, но совместно с местными партийными советскими организациями. Я должен здесь отметить, что у нас есть ряд фактов и случаев, когда местные организации недостаточно серьезно относятся к этому делу и под видом или постройки складов или холодильников иногда сквозь пальцы смотрят на то, что снижение цен в достаточной мере не проводится. Во всяком случае, такое явление нужно изжить, чтобы провести ту большую государственную задачу, которая на нас возложена.

При проведении снижения цен был целый ряд неблагоприятных обстоятельств. В то время как на некоторые товары цены снижались, скажем, так: ситец на 4%, подошва на 7,7%, железо шинное на 10%, посуда чугунная на 5,7%, — в это время на ряд других промышленных товаров цены поднимались в такой же примерно мере вследствие целого ряда обстоятельств, от кооперации не зависящих.

Вы знаете, товарищи, что за это время, с 1 мая по 1 августа, повысился железнодорожный тариф. За это время поднят акциз на целый ряд товаров. За это же время в некоторых случаях повысились и отпускные цены промышленности. Уменьшены также налоговые льготы.

Должен отметить, что на предстоящий хозяйственный год по тем договорам, которые заключены кооперацией с госпромышленностью, также произведено некоторое повышение цен, хотя

и в скрытом виде. Заключается оно в следующем. В прошлом году в некоторых организациях практиковалась скидка при оптовой продаже в 2—3%. Нынче эта скидка отменяется. В прошлом году по тем или другим организациям учетный процент принимала на себя промышленно-торговая организация; нынче это перелагается на потребительскую систему. Все эти обстоятельства задержат, конечно, тот темп, каким предполагалось провести снижение цен.

Наша общая задача, задача всех вас, задача всей партии— к этому вопросу и к этой работе приступить вплотную. За проведение снижения цен, за то, что снижение цен недостаточно быстро развернуто, нам здесь досталось и от партийных и от советских организаций. Но некоторые товарищи встают, по нашему мнению, на неправильную позицию. Нам говорят следующее: «а сколько вы организаций зажали? Может быть, чтобы повернуть все это колесо, раскачать всю эту машину, все эти 57 тысяч лавок, — может быть следовало бы 5% потребительских обществ так зажать, чтобы они лопнули, но зато произвести перелом во всей системе?»

Нам представляется, товарищи, что такая точка зрения является неправильной. В своей работе мы должны иметь в виду, чтобы организация ни в коем случае не пострадала. Для проведения снижения цен нужен известный период, период перестраивания, приспособления и т. д. Можно нажимать на людей, переизбирать их, преследовать в каком угодно порядке, но ни в коем случае нельзя проводить такую меру, чтобы 5% организаций пустить в трубу для того, чтобы во всех остальных пошло снижение цен. При таком колоссальном обороте, как 8 с лишним миллиардов рублей, 5% представляет огромнейшую сумму, и банкротство 5% организаций отразится на всей системе, всю ее, несомненно, поколеблет.

Дальше, товарищи, я хотел бы остановиться на рационализации нашей товаропроводящей сети. Мы все время указывали, что снижение цен, осуществление этой кампании будет постольку успешным, поскольку не будет существовать разных параллельных товаропроводящих организаций. Здесь ставка правительства и партии поставлена на развитие системы потребкооперации и на постепенное свертывание синдикатских организаций. Но здесь возникает ряд вопросов, которые еще не урегулированы. Скажем, будут ли те районы, в которых ликвидировались синдикатские организации, получать то количество товаров, которые они получали при существовании синдикатских организаций? Этот вопрос, по соглашению с Наркомторгом, уже урегулирован в положи-

тельном смысле. Дальше возникает такой вопрос: будут ли потребительские общества в тех районах, где ликвидируются синдикатские организации, получать тот же кредит, какой они получали раньше? Мы полагаем, что и этот вопрос может быть урегулирован в положительном направлении.

Я еще хочу остановиться на нашем аппарате, на количестве служащих в нашем аппарате. Алексей Иванович Рыков не раз в личной беседе и на заседаниях Совета Труда и Обороны указывал, что у нас огромнейшее количество служащих, огромнейший аппарат, который поедает громадные средства. Товарищи, припомните, что у нас имеется 57 000 лавок и 27 000 потребительских обществ, поэтому те цифры, которые я сейчас назову, может быть вас не удивят. Число торговых служащих—225 000, число рабочих и служащих в промышленности до 75 000. Кооперативная промышленность выпускает продукции на полмиллиарда рублей. Выбранных членов правлений 87 000, при чем получающих жалованье около 70 000. Число членов ревизионных комиссий—83 000, из них получающих жалованье 10—15 000.

Здесь т. Сырцов указывал на то, что в сибирской кооперации вне соответствия с оборотами растет количество служащих. Может быть богатая сибирская кооперация позволяла себе такую роскошь. Сибирская кооперация является у нас наиболее крепкой и богатой. Но у нас есть данные, которые говорят, что по всем звеньям потребкооперации нагрузка служащих увеличивается. Если по городским обществам мы прошлый год имели на одного служащего оборот в 14 820 руб., то нынче имеем 18 970 руб.; по сельским обществам в прошлом году—11 500 руб., в этом году—19 780. По областным союзам в прошлом году нагрузка на служащего была в 43 700 руб., ныне—91 800 руб. По Центросоюзу непосредственно прошлый год нагрузка 92 тысячи руб., нынче—141 тысяча руб. Таким образом все эти данные говорят о том, что нагрузка служащего увеличивается, и те факты, которые отмечал т. Сырцов, возможно, что они являются характерными только для Сибири. Хотя, товарищи, все наши цифры имеют определенную точность и было бы очень хорошо, чтобы непосредственно вслед за этим каждая организация обратила на это особое внимание.

Разрешите, товарищи, остановиться еще на одном вопросе. Я хочу отметить, что наша кооперация еще далека от того, чтобы она являлась действительно доподлинной кооперацией широких масс населения. У нас охвачено еще только по городам 42,5% жителей, профессионально организованных рабочих 64%, в сельских местностях лишь 28% дворов.

А как мал еще членский взнос: по городской сети лишь 4 руб. 32 коп. на 1 апреля, по сельской сети 2 руб. 86 коп. Вот перед нами и стоит эта задача—действительно создавать кооперацию как массовую организацию, построить ее работу на своих собственных средствах.

Необходимо, товарищи, обратить еще внимание на следующий вопрос. Еще до настоящего времени кооперативные организации не имеют того общественно-политического веса и значения, какое они имеют в хозяйственной области; надо усилить и поднять общественно-политический удельный вес всей системы потребительской кооперации, усилить и создать постоянные кадры работников потребительской кооперации. Только при этих условиях, при дружной работе всех организаций, при создании твердого актива мы действительно сумеем построить прочную систему, на которую сейчас возложены столь большие задачи.

Председательствующий. Есть предложение, чтобы следующие ораторы говорили по 10 минут. Есть ли возражение? Нет. Принято.

Слово имеет т. Лобов.

Лобов. В своей речи т. Ларин сказал, что перед нами, перед партией, сейчас стоит задача все сделать для того, чтобы оппозиция снова не могла возродиться. Я думаю, что по линии нашей экономической политики оппозиция на этой конференции чувствует, что у нее ничего не осталось. (Моисеенко с места: «У нее ничего и не было».) Несмотря на то, что к ним взывали: скажите, где ваши разногласия, ваши аргументы, с которыми вы 16 октября выступили в своем заявлении, утверждая, что остаетесь на своих старых принципиальных позициях,—оппозиция молчит. Молчите? Не с чем выступать. Делает ли партия все, что можно сейчас сделать для правильного проведения в жизнь решения XIV съезда партии об индустриализации страны? Мне кажется, делает. И поэтому у них не с чем выступить. Положение о том, что развитие промышленности должно итти на-ряду с развитием сельского хозяйства, бесспорно для партии. Правильно ли направляет партия средства по отраслям промышленности? На этом вопросе я хочу остановиться.

В тезисах Алексея Ивановича указаны три важнейших отрасли нашей промышленности: металлопромышленность, электрохозяйство и топливо. (Косиор с места: «А транспорт?») Транспорт не относится к капитальным затратам, т. Косиор. Капитальные затраты намечены на этот год в 1 050 милл. рублей вместе с электрификацией. На эти три отрасли промышленности выделяется сумма свыше 600 милл. рублей, из них 220 милл. руб.

на металлопромышленность, 250 милл. руб. на топливо нефтяное и угольное, 160 милл. на электрификацию. Несмотря на такую большую, казалось бы, сумму, ясно, что полного удовлетворения всех потребностей она не дает. Недостаток в черном металле, в цветных металлах, неудовлетворенность спроса на металлопромышленность огромная, из-за нее задерживается развитие нашего хозяйства. То же в топливной промышленности. В части электрификации эти 160 милл. капитальных затрат или 90 милл. госфинансирования, намеченные на следующий год, не удовлетворяют насущной потребности в электроэнергии. В этом году и с этой суммой не приходится говорить о постройке новых электрических станций. Потребности в электроэнергии крупнейших промышленных районов не смогут быть удовлетворены; товарищи ленинградцы говорили об этом здесь. Москвичи не говорили, но все знают электроснабжение Москвы. И здесь, как в Ленинграде, давно уже отказано в присоединении новых потребителей. Если бы была бо́льшая сумма энергии, она нашла бы полное использование. Но что мы делали с электрификацией до сих пор? Я хочу на этом остановиться. Алексей Иванович сказал, что в этом году будет введена новая мощность в 160 тыс. киловатт. Я только хотел еще более заострить внимание на деле электрификации. План электрификации, разработанный при участии и под руководством Владимира Ильича на 10—15 лет мощностью в $1\frac{1}{2}$ миллиарда киловатт, выполняется сравнительно неплохо. Если мы в 1926—27 году намечаемую мощность введем, мы будем иметь в плане выполненной около $\frac{1}{3}$ всего плана—500 милл. киловатт. И надо еще принять во внимание то, что говорил Алексей Иванович по отношению ко всему нашему хозяйству,—что оно не только восстанавливается, но что этот восстановительный процесс происходит на новой основе. Это происходит и в электрификации. Под новые мощные и старые станции подводится новая тепловая база. И здесь происходит упорная работа, дающая хорошие результаты. Использование водной энергии для России было совершенно новым делом, и на этой основе осуществляется план электрификации. Пылевидное топливо, сжигание плохих сортов угля в пылевидном состоянии приобретает также большое значение, и на этой основе также осуществляется электрификация. В деле электрификации происходит то же, что в других отраслях хозяйства,—не только идет восстановительный процесс, но идет одновременно процесс совершенно новый, на новой основе, на использовании тех природных богатств, которые были совсем неиспользованными при старом строе. Товарищи здесь спорили: Свирьстрой или Днепрострой

и т. д. Я на этом также несколько остановлюсь. В нынешнем году те средства, которые имеет ВСНХ и которые будут, повидимому, утверждены в плане капитальных затрат, не только не дают возможности говорить о крупных затратах и включении новых потребителей, но едва ли ликвидируют то тяжелое положение, в котором находится электроснабжение Москвы, Ленинграда и других районов, которые испытывают громадную потребность в электроэнергии.

Перехожу ко второму вопросу, которому в тезисах Алексея Ивановича, по-моему, не уделено достаточно места,—к вопросу о местной промышленности и ее развитии. (Голоса: «Правильно!») Правда, отдельные товарищи останавливались на этом вопросе, но в речи Алексея Ивановича не была отмечена роль развития местной промышленности во всем нашем хозяйстве. Алексей Иванович может сказать, что на этот вопрос и на XIV съезде партии и на пленумах ЦК неоднократно указывалось и что имеются соответствующие решения. Что такие решения имеются, я не оспариваю. Но я пользуюсь в данном случае примером, приведенным Алексеем Ивановичем в отношении угольного дела. Несмотря на ряд решений в этом отношении, мы все же в каждой резолюции снова об этом говорим. Я считаю необходимым и для местной промышленности этому примеру последовать. Вопросы местной промышленности, кустарно-промысловой промышленности, промкомбинатов, УИК'овской промышленности, как ее теперь называют, должны приковать внимание партии.

Остановлюсь вкратце на 3-м вопросе, поскольку я ограничен десятью минутами,—о реорганизации управления. Мне кажется, что у Алексея Ивановича в тезисах гораздо резче поставлен вопрос, чем это делали выступавшие здесь товарищи с мест.

Вопросы реорганизации управления требуют к себе самого внимательного отношения. Я понимаю реорганизацию управления в таком виде: строгая плановая дисциплина, но с меньшими формальными показателями, с меньшим количеством всяческих сведений, с меньшим числом учреждений. Когда Алексей Иванович приводил пример с одним из инженеров,—это был пример не исключительный, а пример, характеризующий всю нашу систему. То же самое происходит у нас во всех отраслях нашего хозяйства. Большинству учреждений вменено в обязанность производить обследование строительства. Вопрос о сокращении числа контролирующих учреждений я поставил еще перед покойным т. Дзержинским и Пятаковым (голоса: «Еще не покойный». Смех.), перед покойным т. Дзержинским и не живым политически т. Пятаковым. Когда я поставил перед т. Пятаковым вопрос о сокращении приложений

к промфинпланам,—это было после решения апрельского пленума ЦК,—т. Пятаков сказал, что он против всякого сокращения. Надо представлять все эти сведения, все эти данные. Я думаю, что надо дать решительный отпор этой опеке, которая во многих случаях доходит до смешного. На-днях я просматривал данные одного треста, «Тэжэ», составление промфинплана которого задерживалось. В чем дело? Председатель треста т. Норкин говорит: нужно 800 000 пузырьков на духи. Я записал это на одной странице, но мне сказали, что пузырьки бывают разные—пузатые, короткие, длинные и т. д. и нужно перечислить, сколько и каких понадобится. (Смех.) Или еще: сколько тесемок и каких нужно. Чорт их знает, каких там тесемок и сколько потребуется, а без этого не принимают плана. Другой пример: 5 000 рублей на кожевенные капитальные затраты. Мало того, что президиум ВСНХ РСФСР утверждает, нужно еще утверждение ВСНХ Союза, Госплана РСФСР и т. д. И все эти инстанции рассматривают и утверждают план, они должны эти 5 000 распределить по отдельным статьям,—где 10 рублей, где 15 рублей. По-моему, общая твердая плановая дисциплина не должна ослабевать, но сократить число инстанций и бумажных приложений необходимо самым решительным образом.

Алексей Иванович это в тезисах указал. Необходимо обеспечить проведение этого крайне важного мероприятия в жизнь.

Председательствующий. Слово имеет т. Михиенко.

Михиенко. Товарищи, мне кажется, что в тезисах т. Рыкова, несомненно, охвачены все основные моменты, которые должны лечь в основу нашей дальнейшей работы по хозяйственному строительству, и конференции придется к ним сделать немногие добавления лишь в части практической. В общем и целом конференции необходимо эти тезисы подтвердить.

Алексей Иванович нам доложил, что наша партия имеет колоссальнейшие достижения в деле социалистического строительства. Мы имеем в настоящее время большие достижения как в части развития нашей промышленности, так и в части роста нашего сельского хозяйства. В народном хозяйстве СССР мы имеем весьма выпуклый рост социалистических элементов и неоспоримое их преобладание над элементами частно-капиталистическими. Это, несомненно, есть практическое отражение правильной линии партии, которую она проводит в деле хозяйственного строительства под руководством ленинского Центрального Комитета. Казалось бы, что нет никаких оснований для той паники, которую пытается вызвать оппозиция, которая умышленно не замечает всех достижений, вырывает отдельные недостатки и на этом поднимает ненужную шу-

миху. Такому дерганию, безусловно, нужно положить решительный конец. Товарищи из оппозиции договорились, если можно так выразиться, прямо до глупости (голос с места: «Дошли до ручки»), когда предъявляют обвинение партии в том, что она уделяет недостаточное внимание индустриализации страны, недостаточно руководит хозяйственным строительством, что она якобы тянется в хвосте хозяйственной жизни. Это несомненно противоречит действительности. Мы, работая в пролетарских районах, эти достижения ощущаем особенно близко. Я говорю о пролетарских районах, в частности об округах Донбасса. Товарищам из оппозиции следовало бы знать, что нельзя сейчас рабочих, тем более членов партии, обмануть демагогическими лозунгами, ибо они выросли политически, они хорошо разбираются во всех вопросах как местного, так и общесоюзного значения. Рабочие промышленных районов живут жизнью этой промышленности, участвуют в социалистическом строительстве, и их сбить демагогическими, заманчивыми лозунгами с правильного ленинского пути, по которому ведет их партия, нельзя. Товарищам из оппозиции нужно было научиться на примерах, на опыте, который они производили, выступая в Москве и Ленинграде, где они разбили нос. Мне вспоминается такой случай. Вы знаете, что к нам часто ездят рабочие делегации из других стран. Все они посещают также Донбасс: к нам приезжала первая немецкая рабочая делегация, недавно по ее следам проехала вторая. Она, товарищи, очень внимательно и тонко подходила ко всем вопросам. Мы ей предоставили полную возможность изучить наше хозяйство. И вот один товарищ из этой делегации (это было в Константиновском районе Донбасса) подошел к зданию вновь строящегося стекольного завода. Как будто не веря, что мы все это успели сделать за год, он взялся за железо-бетонную стенку трехъэтажного здания и начал ее трясти. Он, очевидно, подумал, не надувают ли их, не фальшивая ли это стенка, и когда убедился, что это самая настоящая железо-бетонная постройка, он сказал другому товарищу: нет, это не сон, это—реальный результат упорной работы пролетариата СССР, руководимого компартией.

Мне кажется, что и оппозиция сейчас вот так именно стремится поколебать твердую ленинскую линию партии, и, очевидно, ей так же не удастся ее поколебать, как этому рабочему—стену трехъэтажного железо-бетонного здания. Мне кажется, товарищам из оппозиции надо было уже убедиться в правоте партии, отказаться от помех ей; им было бы полезно выступить на этой трибуне и сказануть пару теплых слов. Согласны ли вы с линией партии или нет? А то ваши единомышленники, с позволения

сказать, занимаются глупостью в провинции и до сих пор. Этому безобразию надо положить конец.

В противовес нападкам оппозиции, я хотел привести несколько примеров из жизни Донбасса, характеризующих темп восстановления нашей промышленности. Я приведу пример одного нашего Артемовского округа. Моисей Львович говорил тут, что еще нужно нажать. Да, Моисей Львович, нажмем, но тут еще кое-что придется сделать и вам, чтобы дать больше угля стране. Говорить хорошо, но нужно будет несколько лучше руководить: планировать, централизовать, но не до бесчувствия. Так вот возьмем горную промышленность. По нашему Артемовскому округу в 1924/25 г. ее программа выражалась в 193 милл. пудов, в истекшем году—285 милл. пудов. Мы ее выполнили на 100%. И в текущем хозяйственном году программа увеличилась до 400 милл. пуд. Возьмем металлургию. На четырех работающих заводах в 1924/25 г. программа исчислялась в 39 милл. рублей; в 1925/26 г. эта программа поднялась до 80 милл. рублей, и в текущем году она больше 100 милл. рублей. Имея в виду директиву партии о развитии металлургии, мы пустим за год еще три завода. Возьмем остальные отрасли промышленности: тут также мы имеем бурный темп развития. Промышленность нашего округа переходит довоенную грань. Это, несомненно, колоссальное достижение.

Развитие сельского хозяйства тоже не отстает и уже подошло к довоенному уровню. В области машинизации села мы имеем следующие результаты: в Артемовском округе работает 435 тракторов, за последние два года мы ввезли 392 трактора. Это тоже вклад в индустриализацию страны. Товарищи, такая картина имеется и в других пролетарских округах Донбасса: Сталинском, Луганском и др. Все рабочие и члены партии это видят, ощущают повседневно и должным образом эти достижения. На базе хозяйственного роста улучшается и положение рабочего класса, поднимается его культурный уровень. Мы имеем также большой рост рабочих: так, например, на 1 января 1925 г. по нашему округу было 90 тысяч рабочих, а теперь до 170 тысяч, из них индустриального пролетариата до 115 тысяч человек. Это также несомненное отражение здоровой линии партии, которую она проводит.

Товарищи из оппозиции также, выискивая отдельные недостатки в работе, подымают шум не только в партии, но выносят его за рамки партии; такие случаи были у нас в Донбассе. Они хотят за пределами партии влиять на партию, ищут себе опоры в исключенных из партии, в «обиженных» и т. д. Были случаи, когда товарищи из оппозиции приезжали на «курорт» к нам в Донбасс, где все копотью пропитано, к разным теткам, дядям,

племянниками и т. д. и занимались происками. Когда его спрашивают: «вы—член партии?», он говорит: «Я выше члена партии». Но когда приходится пригласить такого «выше члена партии» куда следует, то чорт его знает, куда он девается.

По линии индустриализации мы имеем от оппозиции упрек за упреком, что мало делается в этом отношении. Но вот вам первые реальные результаты проведения партией индустриализации хотя бы на примере нашего округа. Возьмем группу стекло-химических заводов, о которой т. Рухимович говорил, что это одна из важнейших отраслей промышленности. В 1921 году, при пуске этих заводов, у нас было 40 пудов хлеба на весь район, рабочие-партийцы падали от голода, умирали за станками. Теперь мы имеем такую картину: в 1924/25 году мы дали продукции с этих заводов на 7 миллионов, в 1925/26 году на 8 миллионов за десять месяцев, а в текущем году предполагаем дать продукции на 20 миллионов. Два стекло-химических завода мы механизировали. Когда приезжают из-за границы рабочие делегации, они удивляются такому нашему творчеству.

Первые результаты индустриализации таковы: если раньше ящик бемского стекла стоил нам 23 рубля, то теперь он будет стоить 11 руб. 50 коп., а потом и 10 рублей. Раньше завод выпускал в месяц при наилучшей работе 8 тысяч ящиков стекла, теперь будет выпускать 20 тысяч ящиков. Если на 8 тысяч ящиков в месяц требовалось рабочих 1 500 человек, теперь работает 800 человек.

Если возьмем бутылочное производство (а вы знаете, что уже ставился вопрос о ввозе бутылок из-за границы, теперь, очевидно, обойдемся без ввоза), то раньше бутылка стоила 9 копеек, теперь она стоит 3½—4 копейки. 3½ копейки будет стоить самая настоящая советская бутылка! Можно что хотите наливать! Если кого-нибудь из не верящих в силы пролетариата закупорить, то, уверяю вас, не вырвется. (Смех.)

Возьмите машинное бемское стекло. Кто работал на стекольном производстве, тот знает, какой это был адский труд работать в ручную. Теперь этот адский труд заменен машинным,—машина тянет самое прекрасное, чистое, без всяких раковин стекло. Это уже практическое проведение линии партии в деле индустриализации. Таким образом, товарищи из оппозиции, не каркайте на партию, не галдите, не мешайте, лучше помогайте, если хотите работать, а если не хотите, то какие бы у вас заслуги в прошлом ни были, партия призовет вас к порядку, как учил Владимир Ильич. То, что было,—дело прошлое, а важно, что вы делаете сейчас. Если вы раньше работали хорошо, а сейчас будете глупить, уверяю

вас, партия настолько выросла, окрепла, настолько понимает учение Ленина, что может каждого зарвавшегося партийного вельможу, генерала без армии, взять и поставить на то место, где он может быть полезен. Перед партией нужно встать и опустить руки по швам, иначе вам не сдобровать.

Теперь, товарищи, несколько слов в порядке конкретных предложений. Тов. Рыков говорил, что мы уже восстановительный период закончили, что мы подошли к периоду перестройки нашего хозяйства на новой базе более высокой техники. Этим вопросом партия должна еще решительней заняться. Тов. Рыков в своих тезисах, утвержденных ЦК, предлагает целый ряд весьма правильных мероприятий, к которым добавить почти нечего.

Я хотел бы остановиться на одном моменте, о котором говорил здесь т. Рухимович. Нам необходимо и впредь сосредоточить внимание на получении кредита извне, от буржуазных стран. У нас с этим вопросом дело обстоит еще скверно. Если мы противоречия в капиталистических странах в смысле политическом используем достаточно, то использование этих противоречий между отдельными капиталистическими странами в смысле экономическом недостаточно. Нужно будет увязать поездки наших представителей и наших товарищей за границу так, чтобы товарищи действительно приезжали туда с советским рублем, а привозили бы оттуда на три рубля и выгодно, в рассрочку. И я думаю, товарищи, что зудение нашей оппозиции отражается и на этой работе, дает козырь нашим врагам, это до некоторой степени отражается на наших сделках за границей. И в этой части нам нужно будет, что называется, оппозицию предупредить.

У нас, в Донбассе, чем мы болеем? Нужно сказать, что с себестоимостью, о которой говорил Алексей Иванович, дело обстоит незавидно, некоторое повышение имеется, и на это влияет изношенность оборудования. В Донбассе необходимо провести колоссальную работу по переоборудованию. Мне кажется, что надо иметь в виду мнение Владимира Ильича о Донбассе и обратить особое внимание на усиление электрификации, на усиление оборудования рудников и других отраслей промышленности. Это первое, на чем должно быть сосредоточено особое внимание партии. Необходимо также упростить и удешевить отчетность, о чем товарищ уже говорил.

Теперь насчет аппарата. Он у нас громоздок и дорог. У меня имеются практические предложения на этот счет, которые придется передать в комиссию. Но я прочту, товарищи, одну сводку, после чего передам эти предложения Алексею Ивановичу. У нас по линии оплаты не специалистов, а прочего служебного

персонала имеется много безобразий. Если заработная плата по тарифной ставке (я беру одно предприятие) складывается примерно в 17 тысяч рублей, то, когда мы учтем нагрузку, премию, специальный фонд и т. д. и т. п., этот фонд увеличивается до 49 тысяч рублей, т.-е. на 280%. Если мы возьмем другое предприятие, другой хозяйственный орган, где фонд заработной платы составляет 6 тысяч рублей, то, пройдя все эти мытарства, он составит 14 тысяч рублей. Возьмем третье предприятие, где фонд зарплаты составляет 8 тысяч рублей; опять же, пройдя все мытарства, он возрастает до 19 тысяч рублей. Мне кажется, что на этот вопрос нужно обратить особое внимание.

Дальнейшие успехи в деле нашего социалистического строительства, в деле развития нашего хозяйства будут зависеть от сосредоточения всей энергии и всей воли партии на этом вопросе. В последнее время оппозиция мешала нам в этом. Это необходимо прекратить. Этого требуют пролетарские массы партийной организации Донбасса, этого требуют интересы всего пролетариата. Нам нужно строить наше социалистическое хозяйство, а не заниматься пустыми дискуссиями.

Трудности, несомненно, имеются. Они велики, но угрозы катастрофы нет. Партия под непосредственным руководством ленинского Центрального Комитета все эти трудности преодолеет и будет брать одну позицию за другой в деле социалистического строительства. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Слово имеет т. Гольцман.

Гольцман. Здесь выступали представители ряда мест и требовали, чтобы обратили внимание на их местные нужды. Я тоже требую вашего внимания и тоже к определенному месту, но это место—в тезисах т. Рыкова. Тов. Рыков оговорился, что, когда он советовался с различными товарищами, они указывали ему, что неясным местом, требующим разъяснения, в его тезисах является раздел «Режим экономии и новые задачи в области управления». (Голос с места: «Там очень ясно».) Поэтому он говорил, что сейчас ему трудно развивать более подробно те мысли, которые он здесь изложил по этому вопросу, и просил только принципиального одобрения этих тезисов.

Мне кажется, сейчас уже имеется достаточно статистического материала, чтобы полностью подтвердить основные мысли, изложенные в тезисах, и развить некоторые перспективы в этом отношении. Прежде всего я позволю себе прочитать важнейшую часть этого раздела. Тов. Рыков говорит следующее:

«На протяжении девяти лет после Октябрьской революции создалась очень сложная система организации производства, товаро-

проводящей сети, кредитных органов и т. п. Различные звенья этой системы часто нарастали стихийно. Самый круг их деятельности был определен при совершенно другой хозяйственной обстановке». (Материалы к пленуму ЦК и ЦКК ВКП(б), октябрь 1926 г., стр. 29.)

Из этого т. Рыков делает совершенно правильный вывод. Этот вывод гласит следующее:

«В соответствии с новыми хозяйственными задачами необходимо, не ограничиваясь исправлениями мелких недостатков в административно-хозяйственном аппарате, поставить вопрос о пересмотре всей системы построения управленческого аппарата хозяйством в целях максимального ее упрощения и удешевления». (Материалы к пленуму ЦК и ЦКК ВКП(б), октябрь 1926 г., стр. 29.)

Этот вывод правильный и может быть подтвержден статистическими данными, которые показывают, что с того времени, как была объявлена новая экономическая политика, в нашей хозяйственной системе произошел ряд сдвигов. Эти сдвиги обнаруживают, что мы переживаем процесс строительства социализма не только в материальном отношении, но также и в его организационных формах.

Прежде всего позвольте напомнить, может быть, многим из вас известные цифры относительно роста производства средств производства, т.-е. машин, сырья, полуфабрикатов и т. д., и параллельно с этим роста продукции средств потребления. В начале нэпа у нас преимущественным производством было производство средств потребления. В 1922/23 году продукция средств потребления составляла 51,5% всей нашей валовой продукции промышленности. Вы видите—больше половины. В следующем 1923/24 году, продукция средств потребления составляет уже 48,3%,—меньше. В 1924/25 г.—47,4%,—еще меньше. В 1925/26 году—45,6%,—еще меньше. За счет уменьшения доли продукции средств потребления, естественно, усиливается рост продукции средств производства: машин, сырья, полуфабрикатов и т. д., а именно: в 1922/23 году—48,5%, в 1923/24 году—51,7%, в 1924/25 году—52,6%, в 1925/26 году—54,5%. Вот эти сухие цифры обнаруживают больше, нежели на первый взгляд кажется. Действительно, когда наша промышленность является промышленностью, производящей преимущественно предметы потребления, она обслуживает широкий рынок частных лиц—рабочих, крестьян, служащих, нэпманов, чиновников и т. д. и т. д. Но кого же она обслуживает тогда, когда удельный вес продуктов в виде

средств производства повышается, делается первенствующим, когда наша промышленность является преимущественно или в значительной мере промышленностью средств производства?

Раньше наша промышленность работала преимущественно на широкий рынок, а теперь потребитель продуктов нашей промышленности в значительной мере вырастает из государственной же промышленности и государственного транспорта. Кто потребляет машины? Кто потребляет каменный уголь? Кто потребляет вообще продукцию тяжелой промышленности, продукцию средств производства? Естественно—наша государственная промышленность.

Центр тяжести товарооборота с начала новой экономической политики к настоящему времени переместился. Раньше центр тяжести находился в снабжении широких масс населения продуктами массового потребления; теперь, конечно, производство продуктов массового потребления тоже возросло в абсолютных цифрах, но относительно центр тяжести товарооборота переместился во внутрь государственного хозяйства. Из этого факта нужно сделать все те выводы, которые отсюда напрашиваются.

Возьмем, например, металлопромышленность, одну из важнейших и показательнейших отраслей промышленности. Я беру цифры за 1925/26 г. Конечно, за эти цифры отвечает целиком тот, кто составлял их, я за них отвечать не берусь, потому что всем нам хорошо известно, что наша статистика представляет собой далеко не самую лучшую «продукцию». Американцы говорят, что есть три вида лжи: ложь детская, ложь сознательная и статистика. Оказывается, что из полутора миллиона тонн,—я говорю приблизительно, отбрасывая десятки тысяч,—запроданного металла на долю частных лиц и категорию «прочих» падает всего 12,1 тысячи тонн. Это составляет, — я пробовал высчитывать, хотя и не являюсь хорошим математиком,—0,008% всего запроданного металла. Кто же является главным потребителем металла? Транспорт—155,8 тысяч тонн, государственная промышленность,—самый крупный потребитель,—997,7 тысяч тонн, коммунальное хозяйство и госторговля—197 тысяч тонн и т. д. Вы видите, что главным потребителем металлопромышленности является сама государственная промышленность. То же самое можно сказать и о каменноугольной промышленности; то же самое можно сказать и о нефтяной промышленности, то же самое можно сказать и о промышленности строительных материалов и т. д. и т. д. Потребителем этих важнейших отраслей нашей промышленности является само государственное хозяйство.

Само собой разумеется, что форма обслуживания государственного хозяйства должна быть иной, нежели форма обслуживания частного хозяйства, частного потребителя, но и в обслуживании частного потребителя у нас намечаются новые формы. Я не сомневаюсь в том, что хотя в этой статистике сказано, что частный потребитель получает всего 12,1 тысячи тонн, он несомненно получает еще некоторое количество из кооперации, из государственной торговли, может быть и за счет жилищного строительства. В этом нет ничего удивительного, ничего невероятного, но он получает этот материал через наши государственные особые органы, через органы госторговли, через органы кооперации, коммунального хозяйства, жилстроительства и т. д. Словом, создается новый аппарат или должен быть создан новый аппарат товаропроводящей сети, который обслуживает и государственное и частное хозяйство. И хотя этот аппарат называется аппаратом товаропроводящей сети, но, в сущности говоря, ничего товарного в нем нет. Возьмем хотя бы Наркомпуть. Наркомпуть покупает у Югостали или у Гомзы продукцию. При этой покупке частно-капиталистическая форма прикрывает собой совершенно иное материальное содержание, она прикрывает собой социалистическое распределение. Когда Югосталь отпускает Наркомпути рельсы или Гомза вагоны и паровозы и т. д., это, в сущности говоря, социалистическое распределение нашей общественной продукции, но формы этого распределения—частно-капиталистические. Очень смешно, когда Гомза дает векселя Промбанку под залог своих товаров, как будто Промбанк решится или имеет право этот товар изъять и пустить на рынок. Я хотел бы видеть, как Промбанк пустит рельсы Югостали или локомотивы Гомзы с аукциона. Любопытно посмотреть, когда крупные тресты «продают» друг другу товары, как можно пустить с аукциона товары неисправного клиента. Между тем имеется громадный аппарат, который сложился в начале нэпа, который был хорошо приспособлен к началу нэпа, но который себя теперь в многих частях пережил, который теперь не нужен, который нужно заменить в значительной мере другим аппаратом. Вот ответ на вопрос, который правильно поставил т. Рыков.

Он заключается в том, что формы хозяйства пошли вперед, они стали социалистическими формами, а управление осталось старым, таким, как мы его создали в начале нэпа. Под этим углом зрения мы должны обратить внимание на целый ряд органов. Вы увидите, что тресты, например, несомненно, уже теперь нуждаются в пересмотре; несомненно, что уже теперь некоторые нужно укрепить, укрупнить, создать более крупные единицы со-

ответственно тому гигантскому процессу концентрации государственного хозяйства, процессу, который стал столь явным в течение последних 2—2$^1/_2$ лет.

Недавно было опубликовано статистическое обследование 357 трестов с числом рабочих кругло в 1 600 000, из них 36 трестов охватывают свыше миллиона рабочих, 29 трестов—230 тысяч, 34 треста—123 000 рабочих и т. д. Мы имеем такие тресты, которые являются совершенно ничтожными, маленькими трестами. Когда-то мы стояли на той позиции, что, чем меньше величина промышленного предприятия, тем гибче, тем лучше оно «выворачивается» на рынке. Теперь рынок-то другой, другая хозяйственная картина, теперь такая молекуляризация трестов лишена смысла.

Между тем есть тресты, по данным ВСНХ РСФСР, в которых рабочие и служащие подчиненных им предприятий на одного служащего правления составляют 5$^1/_2$ человек. Такое положение мы имеем в Полиграфтресте,—там на каждого служащего правления приходится 5$^1/_2$ рабочих. Или такой трест, как Лесохимический,—там 2,7 рабочих на одного служащего правления. Ясно, что тут необходимо пересмотреть. (Голос: «А отчеты?») Ну, отчеты, переписка, командировки и пр. — само собой,— это ясно.

Вопрос, который поставлен т. Рыковым, при своем разрешении позволяет, во-первых, упростить все отношения между предприятиями внутри государственного хозяйства, а во-вторых, дает возможность сократить немалую толику лиц, которые теперь зарабатывают средства на обслуживании тех функций, которые совершенно себя пережили.

Председательствующий. Слово имеет т. Фигатнер.

Фигатнер. Я хочу коснуться той части тезисов т. Рыкова, которая относится к удешевлению и упрощению государственного и торгового аппарата. Я думаю, что в дальнейшем государственный аппарат, который охватывает все наркоматы и который имеет (без Наркомздрава, Наркомпроса, Наркомпути и Наркомпочтеля) штат в 148 000 человек, сокращать механически, как это делалось до сих пор, нельзя. Цифры, которые говорят о том, что аппараты наркоматов сокращены до 10%, а в некоторых до 13%, не вполне соответствуют действительности. В этом году максимальное сокращение штатов составляло 4—5%. (Косиор: «Сомнительно!») Да, т. Косиор, к вам попадают цифры, а мы знаем, что делается в аппарате: в этом разница между вами и нами. Вам дают сокращение мертвых душ, которые имеются в аппарате, а мы говорим, что этого сокращения в жизни нет. Возможно ли в дальнейшем механически сокращать штаты? Невозможно. В дальней-

шем можно сокращать штат только при условии пересмотра всей структуры аппарата и методов его работы. Мы можем сказать, что государственный и местный аппараты могут быть сокращены только при их рационализации. Вне этой рационализации мы будем иметь фиктивное сокращение штата и рост сверхурочных, нагрузки, аккордных, сдельных работ. Поэтому я считаю, что нужно заострить вопрос о том, что удешевление государственного аппарата возможно только при условии действительного нажима на рационализацию аппарата, на пересмотр всей его системы и методов работы.

Если перейти к синдикатскому аппарату, то здесь дело обстоит немножко иначе. Здесь дело гораздо хуже, чем в государственном аппарате. Несмотря на все наши старания, которые мы, как союзная организация, применяли в борьбе со сверхурочными, с аккордными и т. д., за установление нормальных условий работы наших учреждений, мы этого добиться не могли и не можем. Тов. Рыкову дают цифры, что аппарат сокращен, а вот вам образец сокращения аппарата; сегодня опубликованы в «Нашей Газете», органе нашего союза, 147 учреждений Москвы, которые, для того чтобы они могли составить свой баланс, запросили сверхурочных 258 000 часов. Мы это сегодня превратили в деньги. Мы подсчитали, во что это должно обойтись государству. Это даст по 147 предприятиям 269 000 рублей. Это при условии оплаты в размере полуторной заработной платы. Если же оплачивать по Кодексу законов о труде в двойном размере, то это будет стоить свыше 300 000 рублей. А так как Советская республика состоит не только из одной Москвы и не только из 147 учреждений, то ясно, что это обойдется в миллиончика два-три. Несмотря на наши усилия покончить с этими безобразиями, покончить со сверхурочными и т. д., это нам не удается. Может быть партийная конференция скажет, что надо приступить, наконец, к жесткому пересмотру методов работы, может быть нам удастся при помощи партконференции кончить со сверхурочными, съэкономить значительные средства.

Я хочу теперь перейти к вопросу о кооперации и госрознице. Я воспользуюсь некоторыми цифрами, которые дал т. Сырцов в докладе, который он сделал на фракции крайсоюза в Сибири и на выступлении здесь. В Сибири имеется в потребительской кооперации—я подчеркиваю: только в потребительской кооперации—около 6 тысяч человек сверх того, что необходимо для нормальной работы. Из них 4½ тысячи работают в деревне, в сельпо, в райсоюзах имеется около 900 с чем-то и в крайсоюзах около 200 человек. Если вы примете во внимание, что сельская коопе-

рация имеет штат по всему Союзу в 139 000 чел., и если примете во внимание, что вы имеете не только в Сибири около 6 000 лишних людей, то станет ясно, какой нажим мы должны сделать на руководителей потребительской кооперации, чтобы 6 000 чел. были сокращены. Необходимо пересмотреть методы работы нашей потребительской кооперации, и на основе этого пересмотра мы смогли бы получить колоссальную экономию в средствах нашей потребительской кооперации. Я должен сказать, что потребительская кооперация имеет штат в 225 000 чел., госрозница имеет 92 000 чел., вся торговля, не считая синдикатских аппаратов и управленческого аппарата кооперации, имеет около 350 000 чел. служащих.

Если мы жестко подойдем к вопросу о правильном построении торговой системы, о правильной его работе, мы сможем получить колоссальнейшую экономию. Конечно, плохо, если мне, как работнику союза, приходится об этом говорить. Но ничего не поделаешь. Обыкновенно нам заявляют, что наш союз противодействует проведению рационализации аппарата. Я решительно утверждаю, что это неверно. Я приведу в доказательство несколько примеров. В Ленинграде, там, где нам удалось создать нормальные условия работы союза, где удалось проделать нашим экономкомиссиям большую работу, мы в итоге шести месяцев дали 368 000 руб. экономии. Это—экономия не будущего, а экономия прошедших шести месяцев. В Москве, в Наркомфине СССР и в Наркомфине РСФСР, нашей экономкомиссии при пересмотре смет и штатов этих учреждений удалось добиться сокращения расходов в сумме 748 000 руб. По кооперативу «Коммунар» в результате нашей работы нам удалось добиться 24 000 руб. экономии и т. д. и т. п. Мы можем привести еще ряд таких случаев по целому ряду районов. Надо решительно сказать, что среди торговых и советских служащих, которые в значительной своей части являются молодежью от 25 до 30 лет и которые не прошли царскую канцелярскую школу, имеется искреннее желание и стремление работать на пользу улучшения работы нашего аппарата. Но не везде и не всегда это желание и стремление служащих встречает поддержку со стороны руководителей хозяйственных организаций. Если производственным совещаниям и производственным комиссиям чрезвычайно трудно работать и проводить в жизнь свои решения; то много труднее нам, если мы предлагаем какие-нибудь меры по улучшению работы государственного или кооперативного аппарата. Хозяйственники говорят, что это, мол, не ваше дело, и лучших из служащих подводят под сокращение штатов и выбрасывают на улицу. Недавно в одном учреждении

несколько десятков служащих были выброшены на улицу за практические предложения по улучшению аппарата и сокращению штата.

Я хочу коснуться вопроса о приспособлении нашего сельского торгового и советского аппарата к обслуживанию крестьянских масс. Недопустимо такое положение, что, когда крестьянин идет на полевые работы и ему нужно купить селедку, махорку, спички и т. п., кооперативная лавочка закрыта. Нужно, чтобы он эти товары мог получить в кооперативной лавочке, а не в частной. (Косиор с места: «В 5 часов утра открывать?») Нужно создать такое положение, чтобы в летнюю пору, когда крестьянину надо пойти в сельсовет и получить ту или иную справку, он мог получить эту справку не в то время, когда он работает, а перед тем, как он уходит на полевую работу. Еще в мае этого года мы на нашем всесоюзном совещании сельских работников и на краевых совещаниях—в Сибири, на Урале, на Украине, Северном Кавказе—предложили нашим союзным организациям вместе с хозяйственными организациями проработать вопрос, чтобы летом кооперативная лавочка в селе была открыта с 5 часов утра и торговала до 9 часов и вечером торговала с 6 до 10 час. Это наше предложение, вынесенное в мае, не было проведено в жизнь, за исключением некоторых пунктов на Украине.

Наша союзная организация предлагала, чтобы соваппарат в деревне в летнюю пору начинал свою работу в 6 часов утра и работал до 9 часов, а затем с 5 и до 9 часов вечера. Это наше предложение не проведено, за исключением нескольких мест на Украине.

Проведение таких мер является приспособлением советского и торгового аппарата к нуждам и потребностям крестьян и трудящихся. Должны ли мы, союзная организация, бороться с кооперацией, с председателем волсовета, чтобы они во что бы то ни стало открывали свою канцелярию в 6 часов утра, а кооператив открывал свою лавочку в 4 часа утра? Я думаю, что не мы должны за это бороться. Я указывал, что, несмотря на то, что мы в мае вынесли это предложение, мы до сих пор его не смогли провести в жизнь.

Я хочу дать еще одну цифру и на этом закончить. В нашем соваппарате и в торговом аппарате недостаточное внимание уделяется вопросу о подборе штата и его укреплении. Мы имеем в кооперации 75% текучего состава. При такой колоссальной текучести кооперации обслуживать трудящихся как следует абсолютно невозможно. Если в тезисах т. Рыкова будет об этом жестко сказано, и если конференция заставит наши хозяйственные орга-

низации прислушаться к голосу союза и его предложениям, то нам удастся встряхнуть наш советский и хозяйственный аппарат так, что он станет дешевым, хорошим, таким, каким он нам нужен. Если же здесь об этом не будет ясно и точно сказано, то мы будем иметь дорогой и никуда не годный советский и торговый аппарат.

Председательствующий. Слово имеет т. Богданов.

Богданов. Товарищи, то, что основа индустриализации в нашей стране будет зиждиться на подъеме тяжелой индустрии и производстве средств производства, не требует никаких специальных доказательств. Но не приходится забывать того, что средства производства в конечном итоге должны дать продукт потребления населению, и потому в нашей хозяйственной политике приобретает большую важность вопрос обеспечения обрабатывающей промышленности необходимым сырьем. В этом отношении такие районы, как Северный Кавказ, получают колоссальное значение в предстоящий период хозяйственного строительства страны.

Северный Кавказ в отношении сырьевой базы для нашей промышленности является одним из наиболее важных районов нашей республики. Достаточно указать, что в области шерсти, кожи, маслосемян и т. д. мы занимаем доминирующее место, во многих случаях—одно из самых главных мест. Необходимо поэтому, чтобы политика в отношении нашего крестьянина, вырабатывающего сырье на базе технических культур и улучшения животноводства, шла по линии его поддержки. Без этого легко можно сорвать ту или другую культуру и работу нашего крестьянства. Например, цены на подсолнух в прошлом году были значительно снижены, и в этом году мы получили в виде ответа со стороны нашего хлебороба уменьшение посевной площади подсолнуха, и в результате—недогруз наших маслобойных заводов. То же самое в отношении табака. Неудачно поставленная политика кредитования в прошлом году, закредитовавшая нашего табаковода и в то же время усиливавшая требование к нему в отношении стандартизации самого продукта, столкнулась с неподготовленностью табаковода к выполнению поставленных ему требований. Получилось недостаточно хорошее сырье, неправильно отсортированное, и когда потребитель дал этому сырью низкие цены, мы в этом году имеем снижение посевов табака. Недостаточное и несвоевременное кредитование и в этом году срывает работу наших табаководов.

Я хочу подчеркнуть, что обеспечение сырьем промышленных районов республики настолько велико, что должна прово-

диться определенная политика усиления подъема нашего края.

Не меньшее значение для индустриализации нашей страны имеет Северный Кавказ и в отношении экспорта. Если говорить об увеличении импорта оборудования, о чем говорил в своем докладе т. Рыков, то как раз в Северо-Кавказском крае мы имеем громадные возможности для увеличения экспорта.

Здесь я хочу отметить, что те задания, которые в отношении организации хлебного рынка были даны летним пленумом ЦК, на Северном Кавказе получили полное и исчерпывающее выполнение. Нам удалось сорганизовать рынок в таком виде, что роль частника на нем значительно упала; согласно данным по перевозкам за последний месяц, значительно усиливается роль кооперации в хлебозаготовках, растет и работа краевого хлебозаготовительного органа (Кавхлеб), объединившего мукомольную промышленность края. В результате мероприятий по организации хлебного рынка нам удалось, с одной стороны, выполнить 100% заданий по хлебозаготовкам и хлебоэкспорту, а с другой стороны, держать цены на намеченном уровне и значительно ниже окружающих районов. Эта низкая цена дает возможность экспортировать наш хлеб с достаточной прибылью и тем самым улучшать положение нашего торгового баланса, получая на вывозимом хлебе солидную прибыль.

Но одновременно с вопросом о низких ценах на наш хлеб ставится вопрос обеспечения нашего крестьянина промышленными товарами и главным образом по доступной цене. И если мы хотим поддержать экспортное значение Северного Кавказа, то необходимо давать крестьянину товары по пониженной цене. Проблема снижения промышленных цен для нашего крестьянского края является одной из основных задач, подлежащих выполнению в предстоящий период.

Помимо хлебоэкспорта, в крае имеются громадные возможности по развитию экспорта целого ряда других статей. Край имеет возможность широко развивать животноводство во всех его видах и давать кожевенное сырье нашей промышленности на базе развития крупного рогатого скота, а также—через мелкое животноводство—бекон, птицу, яйца и т. д. для экспорта. Развитие этих отраслей хозяйства будет повышать товарность крестьянского хозяйства и его благосостояние, а с другой стороны, увеличивать экспортные возможности нашей республики. Увеличение экспортного значения Северо-Кавказского края упирается в необходимость принятия целого ряда специальных мероприятий. Необходимо пол-

ное использование наших портов, рек, развитие железных дорог, устройство целого ряда специальных сооружений, как то: холодильников, элеваторов и т. д. В процессе повышения экспорта ставится задача усиления капитальных затрат на приспособления, связанные с экспортом.

Итак, если мы хотим обеспечить нашу промышленность необходимым сырьем, если мы хотим содействовать улучшению нашего торгового баланса и обеспечивать ввоз недостающего нам оборудования, то необходимо вложение капиталов не только по линии тяжелой индустрии, но и по линии подъема хозяйства таких районов, как Северо-Кавказский край, где необходимо поддержать и развивать как сырьевые, так и экспортные ресурсы.

Одним из вопросов крупного значения для Северо-Кавказского края и для ряда прилегающих районов является вопрос сооружения Волго-Донского канала. Правительство ставит вопрос о крупных капитальных мероприятиях, которые могут быть поставлены на очередь для выполнения в ближайшие годы. Проблема Волго-Донского канала, разрешающая выход за границу хлеба, леса и ряда других продуктов из всего Волжско-Уральского района через Дон и Азовское море, является одной из важнейших проблем, которую Совет Труда и Обороны поставил на очередь среди намечаемых проблем. Здесь хотелось бы подчеркнуть в отношении этой проблемы следующее: если говорить о рациональном вложении капиталов в те или другие крупные предприятия, то вопрос о получении результата в кратчайший срок, т.-е. вопрос о наилучшем использовании этого капитала, является основным. Проблема Волго-Донского канала дает одно из наилучших разрешений этого вопроса, ибо Волго-Донской канал состоит из целого ряда специальных сооружений: сам канал, шлюзование Дона, углубление Ростовского порта, при чем выполнение каждой из этих частей сооружения дает громадную выгоду хозяйственного порядка. Капитал, вкладываемый здесь, постепенно, по мере разрешения этих отдельных задач, даст в сравнительно короткий срок крупный хозяйственный результат. Мы считаем, что среди поставленного сейчас ряда задач проблема Волго-Донского канала является одной из наиболее экономных, дающих в ближайшее время наибольшие результаты, усиливающие наши экспортные возможности.

В конце пару слов относительно вопроса о плановости. Я считаю, что предложение т. Рухимовича о жесткой централизации плана является не вполне правильным и требует поправки. Мы только тогда создадим хорошо и правильно проработанный план всего нашего хозяйства, если в полной мере будет учтен опыт мест. Мы на местах не всегда можем охватить вопросы обще-

республиканского или общесоюзного масштаба, но мы хорошо знаем те задачи, которые существенны и экономически целесообразны для наших районов. Задача центра—объединить и выделить наиболее нужные моменты из этих планов, но без самостоятельности и инициативы мест в деле строительства нашей республики общегосударственный план останется висеть в воздухе и не будет иметь того практического значения, которое он должен иметь.

Председательствующий. Согласно регламента, заседание объявляется закрытым.

Заседание шестое.

(29 октября 1926 г., дневное.)

Петровский (председательствующий). Заседание возобновляется. Слово имеет т. Пылаев.

Пылаев. Товарищи, когда здесь выступал т. Сулимов, то он говорил, что на Урале оппозиция себя тоже выявила, и Урал в этом отношении стоит не на последнем месте. Действительно, оппозиция выступала у нас в некоторых районах, и что она выдвигала? Она выдвигала те же вопросы, что и здешние вожди. Она говорила, что индустриализация проводится не тем темпом, которым нужно проводить. По вопросу же о том, каким темпом и как нужно проводить ее, наша оппозиция говорила, что «ни нам не дают высказаться, ни нашим вождям в Москве»,—следовательно, не дают ей, оппозиции, деловым образом помочь партии строить хозяйство. Сейчас на всесоюзной конференции, как мы видим, по хозяйственному вопросу оппозиция ни гугу. Как должны мы это понимать? Каждый партиец на местах это и поймет так, как нужно, т.-е. что оппозиция хотела не помогать партии заниматься хозяйственным строительством, а мешать; она хотела развернуть широкую дискуссию—сорвать партийную конференцию и ведущуюся нормальную работу. То, что оппозиция молчит и по хозяйственному вопросу, указывает на то (Косиор с места: «Что дело оппозиции плохо»), что дело ее плохо и что разговоры о принципиальных разногласиях, о которых оппозиция упоминала в своем заявлении, есть ни более ни менее, как дипломатический маневр, показывающий неискренность оппозиции по отношению к партии.

Теперь я остановлюсь на некоторых моментах, затронутых в докладе т. Рыкова. Прошедший год был первым годом настоящего строительства. Это выразилось и в том, что мы начали более широко разворачивать жилищное строительство, переоборудовать отдельные цехи отдельных заводов и даже строить новые

заводы. Это строительство выявило и кое-какие недостатки, которые необходимо для будущего учесть. Я бы хотел привести здесь те недостатки, которые зависят не от местных условий, а от центральных организаций. Я это делаю отчасти и потому, что выступавший здесь вчера т. Рухимович, который, как известно, года два-полтора тому назад высказывался против усиленной централизации (Радченко: «Не только два года тому назад, но два месяца тому назад»),—т. Радченко меня поправил, что не два года тому назад, а всего лишь два месяца тому назад,—т. Рухимович высказывался против усиленной централизации, а теперь выступает с этой трибуны за усиленную жесткую централизацию. В этом получается загиб, нехороший для дела. Я могу привести примеры. Возьмем для примера жилищное строительство. У нас, на Урале, есть, примерно, десятка полтора жилищно-строительных кооперативов; некоторые из них более или менее прилично работают. И отсюда, из центрального коммунального банка, хотят управлять этими отдельными жилищно-строительными кооперативами. На ниточке держать их в кредитном отношении. Не доверяют местному коммунальному банку, который имеется на Урале. И эта централизация происходит в отношении 25—30 тысяч рублей на кооператив. Что же в результате получается? Получается опоздание в смысле перевода денег, несвоевременная заготовка материалов, поездки в Москву и, в конце концов, у некоторых неуверенность—дадут или не дадут денег, лишний протест векселей. Вот вам результаты жесткого централизма, вернее некоторых видов централизма. Надо прямо сказать, что в деле рабоче-жилищного строительства надо взять курс на то, чтобы местные организации целиком были хозяевами в этом деле.

Разрешите еще пример. НКПС—один из самых централизованных аппаратов. На Урале Пермская ж. д. (дорога доходная) начала строить дом стоимостью в 2 миллиона. По началу размахнулись очень горячо, строили половину лета и зимой в тепляках. А нынешний летний период дело расстроилось. Не хватило денег. Зимой работу в дорогих условиях вели, а летом в хороших условиях дело стоит. Затратили много денег, много сил, много материалов, и все это укоризненно стоит и напоминает и об излишнем централизме в этом деле и о недостатках плановости.

Я могу еще указать на одну из бед в нашем строительстве. Это та беда, что слишком поздно утверждаются кредиты. Мы строительный сезон в 1926 году на Урале начали очень поздно. Причина та, что нам только в марте, апреле сказали, что дадут денег, а по некоторым видам строительства это было сказано только в конце мая. А при таких условиях у нас строительный сезон

безнадежно пропадает. Вместо того чтобы строить, мы в канцеляриях таскаемся, надоедаем разговорами о кредитах. В результате получается, что строительные планы недостаточно разрабатываются, вместо спокойной работы получается перегонка с одной работы на другую, горячка,—все это задерживает работу, делает ее качественно хуже и нередко расстраивает и оттягивает до следующего строительного года.

Это дело надо упорядочить. В центральных органах должно быть так поставлено дело, чтобы не позже декабря точно было определено и твердо, без изменений, установлено, что и где будут строить и сколько денег будет дано.

Теперь о последнем вопросе, на котором я хотел остановиться. Выступавшие здесь товарищи из Сибири, Северного Кавказа и других мест выдвигали требование об удовлетворении своих нужд. Я хочу обратить внимание конференции на жилищное дело на Урале.

В старое время Урал отличался от всех других промышленных областей тем, что рабочие на Урале, как общее правило, имели свои собственные дома. Между тем, как вы знаете, ни рабочие Москвы, ни рабочие Ленинграда, ни рабочие Донбасса своих собственных домов не имели. Там были постройки от предприятий. Сейчас в связи с общим ростом рабочей силы на Урале и изменением ее состава перед нами в рабочих городах и поселках жилищный вопрос стоит в самых острых формах. Ни в одной области я не видел таких поселков, как у нас на Урале, где они даже название-то носят такое, как «Нахаловка». Городской бедноте и рабочим некуда притулить голову. Нарушая всяческие правила благоустройства, санитарии и чего хотите, строят целые поселки земляных конур. В них и живут. Таких поселков вы не найдете нигде (голоса: «Есть сколько угодно») в таких размерах, как на Урале. В Донбассе их нет, а есть у нас на Урале. (Голос: «Уральский патриот!»). Нет, товарищ, дело не в уральском патриотизме, а в том, в каких условиях живет уральский рабочий. Нам надо добиться, чтобы положение рабочих на Урале в этом отношении было улучшено. Уральская промышленность упорно развивается и будет развиваться. Часто это развитие идет на наши местные средства. Мы, уральцы, колоссальных проектов с колоссальными затратами средств не выдвигаем, но в скромных наших требованиях нас партия должна поддержать.

Председательствующий. Слово имеет т. Гамарник.

Гамарник. Товарищи, оппозиция в своем обращении в Центральный Комитет заявила о том, что она целиком и полностью остается на своих старых идейных позициях. Мы все вчера ждали

выступления здесь оппозиции. Но тщетны были вызовы т. Чубаря, призывавшего оппозицию сюда, на трибуну XV партконференции, для защиты своей экономической платформы, которую оппозиция пыталась защищать в целом ряде нелегальных листовок, на собраниях ряда ячеек, но с которой не рискнула выступить здесь, на XV партийной конференции. Прения подходят к концу. Видимо, мы на этой конференции не услышим голоса оппозиции по столь важному, основному вопросу нашего социалистического строительства. Видимо, будучи побита на «Авиоприборе», на Путиловском заводе и на многих других ячейках нашей страны, оппозиция не рискнула рассказывать авторитетной XV партийной конференции сказки об одном или двух «миллиардах». Но, товарищи, нам, по-видимому, и не следует сетовать о том, что оппозиция отказалась это сделать. Ничего нового мы бы не получили, ничего нового не услышали бы, а тем, что оппозиция не выступила, она дала нам возможность по-деловому обсудить тезисы т. Рыкова, направить ход прений в сторону освещения генеральной экономической линии партии с учетом местной работы, местного опыта и местных нужд. Это полезно и даст возможность точнее выявить нужды хозяйственной работы, исправить кое-какие дефекты и недостатки в прошлом и усвоить полнее всей партии основную генеральную линию партии.

Теперь я перейду к местным делам, к делам Дальневосточного края, не в узко местной постановке вопроса, а в свете того значения, какое, по нашему мнению, имеет Дальневосточный край для всего Советского Союза. Тов. Бухарин в своем докладе о международном положении много места уделил Дальнему Востоку. Тов. Мануильский совершенно правильно говорил о том, что основные узлы международной политики сейчас завязаны в Тихом океане и в Средиземном море. Я не буду пытаться ставить вопрос о том, где больший узел,—в Средиземном море или в Тихом океане. Но несомненно и для вас всех ясно, что на Тихом океане завязывается сейчас очень большой и сложный узел международных политических отношений.

Наш край, который смежен с Японией, Китаем и Монголией, имеет несомненно огромное значение для всего Советского Союза. Борьба за империалистическое влияние в Китае между Америкой, Японией и Англией, борьба, которую мы имеем между этими империалистскими странами в Монголии, нависшая угроза столкновения на Тихом океане между Японией и Америкой,—все это заставляет нас усилить внимание к Дальневосточному краю. Весь этот клубок чрезвычайно сложных отношений, завязанных на берегах Тихого океана, требует сугубого внимания со стороны

Советского Союза к Дальневосточному краю. Дальневосточный край в прошлом был империалистическим аванпостом царизма, а сейчас Дальневосточный край становится и должен стать советским социалистическим мощным экономическим и политическим аванпостом на берегах Тихого океана.

Край называли при царизме «з а п о л ь н ы м х у т о р о м», но на него бросали многомиллионные средства. В 1913 г. Дальний Восток получил из Петербурга дотацию в 150 миллионов рублей. Главным образом этот золотой дождь шел на военные сооружения, на военные нужды, на армию, флот и крепости. Нам же необходимы средства для того, чтобы эту бывшую полуколонию царизма превратить в мощный, крепкий советский форпост на берегах Тихого океана, чтобы угнетенные массы восточных народов учились строительству социализма на нашем примере. Товарищи, мы считаем, что это необходимо осуществить из учета того сложного политического и экономического положения, которое мы имеем на берегах Тихого океана.

Край требует приложения больших капиталов, которые при очень быстрой оборачиваемости их дадут соответствующие положительные результаты для всего Советского Союза. Все затраты на индустриализацию края сторицей окупятся в кратчайший срок.

Для того чтобы не занимать долго вашего внимания, я приведу только несколько цифр о крае, которые дадут вам общее представление о нем. В нашем крае имеется леса 82 миллиона десятин. Это примерно одна восьмая часть всех лесов Советского Союза. У наших берегов самые богатые в мире рыбные водоемы, огромные запасы угля и нефти, серебра, свинца и целого ряда других цветных металлов; мы имеем месторождений до 500 000 пудов золота, что равно 10 миллиардам,—не зиновьевским миллиардам, а самым настоящим десяти золотым миллиардам рублей. (К о с и о р: «Только их выкопать нужно!».) Надо выкопать, т. Косиор,—вот об этом мы и скажем. (Г о л о с с м е с т а: «А вы бы выкопали раньше».) Сейчас мы об этом тоже скажем. Товарищи, приложение капиталов в нашем крае имеет огромное значение для всего Союза.

Кроме того, велико значение Владивостокского порта, грузооборот которого является чуть ли не самым большим из всех союзных портов в настоящее время. Через Владивостокский порт в этом году прошло больше 60 милл. грузов экспортных—транзитных только из Манчжурии. Требуется большое внимание к этому порту, имеющему колоссальное тихоокеанское значение на стыке интересов Советского Союза, Китая, Японии и Монголии.

Кое-что, и немалое, делается уже сейчас в деле развития про-

изводительных сил края, невзирая на то, что мы получаем незначительные пока дотации. Мы на 1926/27 г. будем иметь в производстве превышение довоенной черты. По сравнению с 1913 г. мы будем иметь 103,7% в производстве. Это при условии, когда бюджет наш достигнет только 60% довоенного уровня, когда денежная масса равняется только 43,3%. Вы видите, что тут подтягивание бюджета, подтягивание ассигнований, капитальных вложений сугубо необходимо в крае. Процесс восстановления у нас в крае в основном закончен в текущем году, и мы сейчас уже находимся в полосе нового строительства. Но темп мал, он не отвечает задачам советского форпоста. ВСНХ, Наркомторг, Наркомфин не проявили к краю до сих пор достаточного внимания. Я могу привести несколько цифр: например лесные массивы. До революции Дальний Восток леса не экспортировал, а сейчас, в этом году, Дальний Восток экспортировал 20 милл. кубо-футов леса—это 10 милл. рублей. Рынок сбыта лесных материалов огромный; мы можем экспортировать до 200 милл. кубо-футов леса, мы вывозим только 10% этого количества. Конкурирует с нами Канада. Если бы были вложены соответствующие капиталы в лесную промышленность (они, к сожалению, до сих пор почти не вкладываются), мы могли бы увеличить экспорт леса во много раз и получили бы валюту, столь необходимую стране. Если мы обратимся к рыбе, то в наших водах вылавливается рыбы на 40 милл. руб., из них почти на 35 милл. вылавливают японцы. Они перерабатывают эту рыбу на своих заводах, находящихся на нашей территории. У японцев 19 рыбо-консервных заводов на Камчатке. Эту рыбу они вывозят не только в Японию, а примерно миллионов на 12—13 направляют в Европу. Чистая прибыль японцев в прошлом году превышала 10 милл. руб. Наше участие в рыбопромышленности незначительно, потому что необходимых денег в эту отрасль промышленности не дают, а это необходимо сделать. Рыбопромышленность может быть источником валюты, больших прибылей, при очень скорой оборачиваемости капитала в рыбном деле, при наличии емких рынков.

Товарищи, теперь—по вопросу об угле, нефти. Япония всемерно стремится освободиться от нефтяного влияния Америки, особенно, в связи с угрозой будущей возможной японо-американской войны; поэтому японцы страшно заинтересованы в нашей нефти и в нашем угле.

Вопрос о рисе. У нас есть огромные возможности рисосеяния. Наркомторг ввозит рис в Советский Союз, платит за этот рис валютой, а в нашем крае, где не было почти посевов риса до революции, мы имеем в настоящее время около 14 тысяч десятин

риса. Десятина риса дает при хорошем урожае до 400 пудов. Десятина риса дает чистого дохода рублей 700. Развитие рисосеяния требует вложения некоторых средств на постройку оросительных систем, но оно освободит страну от импорта риса и, наоборот, даст нам увеличение экспорта. Японцы ведут переговоры у нас, они осаждают Москву по вопросу об отводе им больших площадей на Дальнем Востоке под рисовые плантации.

О золоте. Мы сейчас добываем в крае 750 пудов золота ежегодно—это примерно 40% всего добываемого золота в Союзе, а в старое время Дальний Восток давал 2 000 пудов золота стране. Добыча золота—ведь это дело союзное, это дело Наркомфина. Получили ли мы деньги на золото? У нас существует трест Дальзолото, который укомплектован за счет наших местных дальневосточных средств. И когда мы его создали, мы пришли в Москву и сказали: «Примите его, назовите республиканским трестом». Назвали его республиканским трестом, но денег не дали.

Нужно больше внимания уделить нашему краю в силу того, что мы имеем налицо сравнительно большое развитие концессионного капитала у нас. На Дальнем Востоке этому развитию концессионного капитала, которое мы имеем за последние годы, надо противопоставить нашу советскую экономическую работу. Концессионным госкапиталистическим предприятиям на Дальнем Востоке в спешном порядке надо начать противопоставлять последовательно-социалистического типа предприятия и в нашей лесной, и в рыбной, и в золотой промышленности. Для этого, товарищи, требуются сравнительно небольшие средства, значительно меньшие средства, чем те, которые испрашиваются на Днепрострой, Свирьстрой и т. д. Необходимо эти небольшие средства нашему краю отпустить.

Последний вопрос, который почти совсем не затрогивался, но который требует большого к себе внимания и который является всесоюзной проблемой, это — вопрос о переселении. В резолюцию следовало бы внести дополнение о переселении, и Алексей Иванович вчера согласился это сделать. В разделе о безработице в резолюции сказано, что бороться с безработицей нужно путем индустриализации нашей страны, путем интенсификации сельского хозяйства. Я думаю, что не последнюю роль может сыграть в этом деле также переселение. Особенно значительную роль переселение может сыграть для Украины, для Белоруссии, у которых есть сотни тысяч хозяйств, которые следует переселить оттуда, а Дальний Восток и Сибирь, особенно Дальний Восток, требуют сейчас максимального заселения. Если мы обратимся к территории Дальнего Востока, то мы увидим,

что эта территория представляет собой одну восьмую часть Советского Союза. У нас есть волости, бóльшие по размеру, чем весь Северо-Кавказский край. В то же время население нашего края равняется всего 1 700 000 человек. Мы должны этот край заселить и как можно скорее. Украина и Белоруссия заинтересованы в том, чтобы переселить из своих районов значительное количество хозяйств, а мы заинтересованы в том, чтобы заселить наш край. Для того чтобы проделать эту важнейшую работу, необходимы, конечно, средства. Эти средства отпускаются, но в недостаточном количестве. В союзном бюджете 1926/27 г. на это дело ассигнуется миллионов 20—21. Но кроме денег, товарищи, нужно большое партийное, профессиональное, советское внимание к этому вопросу для того, чтобы мы могли этот вопрос выпятить перед всей страной, ибо дело чрезвычайно большое, трудное, сложное,—нужно переселить сотни тысяч хозяйств, переселить на далекие окраины.

Товарищи, когда я говорил о золоте, я чувствовал особый интерес с вашей стороны. Т. Косиор подал реплику, что надо выкопать это золото. Я полагал бы, что, так как у нас на Дальнем Востоке работников маловато, а в Москве имеется целый ряд товарищей, которые рассказывают детские сказки о «миллиардах», было бы не вредно кое-кого из этих товарищей послать на Дальний Восток помочь нам добыть настоящие золотые миллиарды. (Аплодисменты. Смех.)

Председательствующий. Слово имеет т. Халатов.

Халатов. Товарищи, я коснусь той отрасли, той существенной части нашего хозяйства, которая мне наиболее близка и знакома,—коснусь нашего транспорта, о котором т. Рыков в своем докладе говорил очень кратко. Основной нитью его доклада, вступительной частью доклада было то, что основными звеньями, основными моментами нашего дальнейшего хозяйственного развития, за которые мы должны уцепиться и сосредоточить бóльшее внимание для того, чтобы в конечном итоге встать на более высокую ступень развития,—являются четыре звена: топливо, электричество, металл и транспорт.

И потому уместно и своевременно будет коснуться состояния нашего транспортного хозяйства в целом, ибо, если транспорт раньше других отраслей нашего хозяйства подошел к концу уже восстановительного процесса, то новый период, новый этап нашего хозяйственного строительства, в который мы вступаем, именуемый реконструкционным периодом, возлагает на транспорт новые, бесспорно, трудные задачи. Надо для этого несколько вскрыть действительное состояние этой основной отрасли нашего

хозяйства. Те основные моменты, которыми характеризовалось наше хозяйство в настоящий момент, и выводы по отношению к транспорту, к которым пришел Алексей Иванович, заключаются в том, что мы в размерах нашей работы превзошли все намеченные планы и даже превзошли довоенные размеры работы. Вместе с тем мы имеем и один существенный пробел, некоторый и даже значительный просчет в доходах транспорта, что выразилось в значительной недовыручке в течение текущего, вернее, уже истекшего года, что, несомненно, привело к крайне напряженному положению в нашем транспортном хозяйстве. Это выдвинуло необходимость уже сейчас несколько, частично повысить наши железнодорожные тарифы. Но надо вплотную разобраться, что означает 102% довоенной нагрузки и те 115%, которые мы получили уже на предстоящий, наступивший хозяйственный год. Это означает не что иное, что мы так же, как и промышленность, даже раньше ее, использовали рамки наших технических возможностей. Это означает не что иное, что мы работаем, продолжаем работать с исключительным напряжением, напряжением, которое на опыте прошлого года имело некоторый перебой, который, возможно, будет в нашей работе и в этом году. Отсюда вытекает задача, точнее—проблема, развития нашего транспортного хозяйства в связи с общим развитием народного хозяйства. Положение нашего транспортного хозяйства в целом и железнодорожного и водного в общей системе народного хозяйства определяется его ролью, как элемента, фактора, развивающегося и действующего в полном соответствии с общим развитием и состоянием экономики нашей страны. Это—совершенно бесспорное положение. А что это означает? Исходя из этого, следует признать, что мы должны развивать наше хозяйство в одинаковой степени, в одинаковом уровне с другими отраслями хозяйства, это—с одной стороны, а с другой стороны—развитие последних стоит в непосредственной зависимости от подготовленности, состояния и развития транспортного хозяйства.

Сама задача индустриализации, имеющая основную, конечную цель—увеличение работы промышленности, развитие промышленного строительства, вызывает необходимость увеличения нашей работы и предъявляет к транспортному хозяйству требования быть готовыми своевременно принять, перевезти эту увеличенную продукцию. Попутно укажу, что, по данным статистики, в общей работе транспорта на долю перевозок промышленной продукции падает ¾, т.-е. 75% всех перевозок. Отсюда—очевидная наша связь с задачей индустриализации. Вместе с тем индустриализация расширяет нашу сырьевую базу, т.-е. вовлекает в

наш общий товарооборот новые сырьевые районы, преимущественно отдаленные окраины; а мы знаем, что наши сырьевые базы в большей своей части находятся в тех местах, где слабы наши пути сообщения. Отсюда вытекает непосредственная задача форсировать, усиливать новое железнодорожное строительство. Если период, точнее—конец восстановительного периода и начало нового этапа в нашем строительстве выдвинули на очередь такие важнейшие задачи, реально стоящие уже перед нами, как Волго-Донской канал, Днепрострой, то развивающаяся экономика страны выдвигает и другие задачи, как, например, новое транспортное строительство,—и железнодорожное и водное. Только лишь вчера на совещании у т. Лежавы обсуждался весьма важный вопрос, поднятый товарищами из Сибири, Туркестана и Казакстана,—о необходимости проведения магистрали между Сибирью—Туркестаном, соединения Сибири с Туркестаном для того, чтобы дать выход тому неограниченному количеству хлеба и леса, которое имеется в Сибири. А это вместе с тем разрешает и другую задачу, разрешает задачу нашей хлопковой проблемы. Таким образом мы имеем на этом примере необходимость срочного нового железнодорожного строительства, да притом рентабельного. Между тем наши рамки и возможности чрезвычайно ограничены. Для этого достаточно сказать, что мы в течение всего истекшего периода времени на железнодорожное новое строительство, вернее—достройку начатых ранее линий, за все предшествующие годы израсходовали до 50 миллионов рублей, а в бюджете текущего года финансовое положение транспорта позволяет выделить на эту цель не более 30 миллионов; минимальная нужда определена в 70—80 миллионов. Таким образом эта задача стоит перед нами во всей широте. Каково реальное положение состояния нашего хозяйства? Если вдуматься в цифру в 102% работ прошлого года и 115% в предстоящем году, то надо сказать, что мы работаем с чрезвычайным напряжением, продолжая изнашивать основной капитал на транспорте. Если развивается Донбасс, и крупными шагами (как Алексей Иванович указал, за два года на один миллиард увеличивается его добыча: в прошлом году увеличил добычу на 500 тысяч пудов, по производственной программе этого года предстоит увеличение еще на ½ миллиарда пудов), то это означает, что надо транспорту, конкретнее—Донецкой и Днепропетровской железным дорогам, в районе которых эта добыча производится, быть готовым, чтобы эту продукцию поднять и во-время перевезти.

Таково положение и в других районах и с другими видами транспорта. Надо определенно сказать, что тот уровень развития

нашего хозяйства, недостаточная пропускная способность ряда важнейших узлов и те средства, которые мы вкладываем сейчас в восстановление нашего основного капитала, не обеспечивают дальнейшего нормального развития, и если будет таким темпом восстанавливаться и строиться, то мы не сможем во-время поднять продукцию Донбасса, Урала и т. д. Тов. Богданов, например, вчера указал, что они на Северном Кавказе уже столкнулись с такими затруднениями: дальнейшее развитие края сталкивается с задачей необходимости расширения ростовского узла и портового устройства. Таким образом, это—задача сегодняшнего дня. Алексей Иванович в своем докладе указал на одно величайшее достижение, которое мы имеем в нашем хозяйстве,—наличие контрольных цифр текущего года—и попутно указал, что сейчас продолжается важнейшая работа, работа Госплана по составлению ориентировочного, перспективного пятилетнего плана, и необходимо, чтобы в той важнейшей работе, часть которой мы имеем налицо, чтобы в ней состояние нашего транспортного хозяйства, его насущные нужды уже сегодняшнего, завтрашнего дня нашли свое определение и нужное место, ибо задача развития нашего транспортного хозяйства есть общая задача, в разрешении которой в одинаковой степени заинтересованы остальные крупнейшие отрасли хозяйства. Анализ и конкретные предложения, по которым должно развиваться наше транспортное хозяйство, получили свое разрешение, правда предварительно, в выводах комиссии, образованной постановлением пленума ЦК партии по транспорту. Какие могут быть здесь предпосылки для дальнейшего развития? Прежде всего, я приведу несколько весьма характерных цифр. Основной вывод, который мы должны сделать, основная директива, которую должны получить наши руководящие органы для ближайшего периода времени в отношении транспорта, это—надо усиливать процент прироста основного капитала в транспорте. Нельзя оставаться на том уровне, на котором мы находились до настоящего времени. По тем же данным контрольных цифр вы читаете в одной из таблиц: стоимость основного капитала транспорта, в части железнодорожной,—9½ мрд., с остальными видами равняется 10½ мрд. рублей, стоимость основного капитала в промышленности в целом 6200 милл. Посмотрим, что происходит в течение последних 3 лет в смысле прироста основного капитала. В позапрошлом году промышленность имела прирост +1,4%, сельское хозяйство +3%, транспорт еще в позапрошлом году продолжал интенсивно проедать свой основной капитал. Он имел не плюс, а минус 1,1%.

В прошлом году промышленность получила прирост бла-

годаря вложению в капитальное строительство 750 миллионов рублей + 10%; сельское хозяйство те же 3%, транспорт имел только 0,7% прироста. Посмотрим, что получается у нас в этом году? Промышленность получит очередной прирост в 1 мрд. капитального вложения, это сумма действительно минимальная, что нужно промышленности, и максимальная, что мы можем сейчас дать, но все-таки это составляет 9,2% прироста. Сельское хозяйство получает прирост 3,5%, а транспорт только—1,4%. Такое соотношение, такое положение вещей являлось нормальным и вызывалось объективными условиями предшествующих двух-трех лет. Почему? Потому что транспорт имел свои неиспользованные технические ресурсы и потому, с ущербом для транспорта, могли развиваться другие отрасли хозяйства. Теперь, когда транспорт использовал свои технические ресурсы, когда он дошел до довоенных пределов по размерам работы, когда новый реконструкционный период возлагает на него новые трудные задачи,—необходимо сосредоточить свое внимание на этом основном вопросе. Надо добиться того, чтобы в том перспективном хозяйственном плане, который сейчас у нас вырабатывается, транспорту было бы выделено надлежащее место. Тут могут спросить: каковы источники, каковы предпосылки для решения этого вопроса? Есть две основных предпосылки. Первая предпосылка—необходимо теперь же изыскивать финансовые источники для транспорта, и вторая—необходимо выяснить возможное увеличение поставок промышленности транспорту; надо нашу промышленность (металлопромышленность, прежде всего) более приспособлять к тем возрастающим потребностям и нуждам, которые транспорт имеет. Источники финансовые ограничены. Два основных источника: дотация или тариф. Другого источника—займов, у нас нет и не может быть. Я думаю, если конкретно решать, что из них предпочтительнее, это в конце концов почти одно и то же—и дотация и тариф, ибо в конечном счете та же самая дотация извлекает средства оттуда, откуда мы извлекаем средства для тарифа. (Косиор: «Далеко не то же».) Это в конечном итоге почти одно и то же. Можно найти ту или другую форму, можно пойти тем или другим путем, но других источников, т. Косиор, у нас нет. Да, видимо, в настоящем году транспорт прибегнет и к повышению тарифов—вопрос этот уже решен—и частично должен будет получить дотацию для дефицитных видов транспорта. Какой основной вывод надо сделать в части, касающейся нашего транспортного хозяйства? Если наше транспортное хозяйство подошло в основном к довоенному использованию своих технических ресурсов; если оно уже получило очередную нагрузку,

в абсолютной величине в размере 15%, если все основные отрасли нашего хозяйства по тому плану, который мы сейчас имеем, получат дальнейшую нагрузку,—то применительно к транспорту надо сделать основной вывод: транспорт должен, он обязан, себя своевременно подготовить к тому, чтобы выполнить роль фактора и элемента, развивающегося и действующего в соответствии с общим развитием нашего народного хозяйства. Поэтому надо, чтобы в перспективном плане развития нашего народного хозяйства, а также при окончательном прохождении общегосударственного бюджета выдвинутые мною основные моменты, как то: изношенность основного капитала, увеличение пропускной способности, новое ж.-д. строительство, необходимость усиления прироста к основному капиталу, получили свое надлежащее разрешение. Для чего и ради чего необходимо добиваться этого? Для того, чтобы действительно в ближайшем будущем транспорт не создал угрозы, которая может задержать процесс развития, чтобы и в дальнейшем транспорт стал тем же фактором развития нашего народного хозяйства в целом, каковым он был до настоящего времени. В подчинении этой основной директиве этот вопрос должен быть разрешен теперь же, сегодня—завтра, и отодвигать его дальше нельзя.

Председательствующий. Товарищи, есть целый ряд предложений за прекращение прений. Кто за прекращение? Большинство. Заключительное слово имеет т. Рыков. (Продолжительные аплодисменты.)

Рыков. Товарищи, я так много времени отнял у конференции своим докладом, что постараюсь быть совершенно кратким и соблюсти регламент хотя бы в заключительном слове.

В целом ряде записок и выступлений ораторов были выдвинуты предложения, которые, на мой взгляд, могут улучшить проект тезисов, предложенный вашему вниманию. Поэтому мне кажется, что конференция должна избрать комиссию для предварительного обсуждения предложенных поправок и дополнений и представления окончательного проекта резолюции.

О темпе хозяйственного развития.

В некоторых из поданных мне записок указывается на то, что неправильно сравнивать темп хозяйственного восстановления нашего Союза до настоящего времени с темпом развития западно-европейских стран. Тут, повидимому, какое-то недоразумение. Я приводил примеры роста капиталистических стран за довоенный период, когда капитализм был в самом расцвете своего

развития, для того, чтобы установить критерий для оценки темпа нашего дальнейшего роста. Я доказывал, что в дальнейшем нельзя ожидать такого же роста, в таком же масштабе, какой мы имели на протяжении последних лет, когда промышленность увеличивала свою продукцию на 60 и на 40% в год. Такой темп ни в коем случае не может явиться нормой или измерителем хозяйственного развития в период нового строительства.

Поэтому я приводил примеры из опыта западно-европейских стран и Америки за тот период их развития, когда они с наибольшим успехом расширяли свой основной капитал.

В других записках меня просят привести сравнительные данные темпа восстановления хозяйства в послевоенный период у нас и за границей. Характеристика восстановления западно-европейских стран была в достаточной степени дана в докладе т. Бухарина. Из него вы могли видеть, что кроме Америки нет почти ни одной более или менее значительной страны, которая превзошла бы довоенный уровень. Те страны, которые находились в наиболее благоприятных условиях, или приближаются к довоенному уровню, или превзошли его лишь по некоторым отраслям промышленности. Но при сравнении темпа восстановительного процесса у нас и за границей нужно учитывать, что западно-европейские страны гораздо менее нашего пострадали от империалистической войны и не переживали гражданской войны. Восстановительный процесс в нашем хозяйстве начался всего 4—5 лет тому назад, ибо годы гражданской борьбы с Деникиным и Колчаком ни в какой степени не могут считаться периодом восстановления нашего хозяйства, а наоборот, это был период наибольшего разрушения его. Если все это учесть, то мне кажется, необходимо притти к выводу, что и в темпе восстановления мы превзошли западно-европейские страны.

* * *

Полное одобрение в прениях встретила та часть тезисов и доклада, которая говорит о необходимости улучшения управления хозяйством, улучшения всего аппарата и усиления борьбы с бюрократизмом. В частных беседах товарищи с мест говорили мне, что они могли бы привести громадное количество примеров бюрократизма, волокиты и ненужной толчеи, которые являются совершенно достаточным обоснованием той директивы, которая изложена в тезисах. Упорядочение системы управления, борьба с бюрократизмом, приспособление органов управления к новым задачам являются теперь одной из основных проблем нашего строительства.

Районирование и задачи плановой работы.

Это же относится к системе планирования. Я считаю совершенно правильными заявления товарищей, что в дальнейшем нельзя работу планирования вести по такой системе, при которой союзный планирующий орган и органы союзных хозяйственных наркоматов рассматривали бы не только планы и связанные с ними директивы, но и устанавливали бы различные детали, вплоть до утверждения точных смет. При такого рода плановой работе мы неизбежно разменяемся на мелочи и сможем просмотреть самое существенное.

Необходимо добиться районирования плановых предположений. Государственная плановая комиссия лишь теперь начинает переходить от составления планов по производственным линиям (по металлу, текстилю и т. д.) к составлению планов по районам и областям. Необходимо считаться с тем, что та экономическая география, то расположение промышленных центров и промышленных районов, которое мы имели до настоящего времени, есть результат и крепостного права, и царского времени, и часто своекорыстных интересов дворянства и помещиков.

Наша шерстяная промышленность сконцентрирована в бывшей Симбирской губернии. Ни топлива, ни сырья для развития шерстяной промышленности в этой губернии нет, и лишь изучая историю дворянства Симбирской губ., его связь с интендантством и поставками на армию, можно установить, почему именно эта губерния явилась районом развития шерстяной промышленности.

Уничтожение искусственных пут, которые капитализм, дворянство и самодержавие наложили на развитие хозяйства нашего Союза в старое время, должно привести и к изменению экономической географии нашей страны и к созданию новых промышленных районов и новых промышленных центров.

Процесс индустриализации должен и в смысле экономической географии привести к рационализации производства для наибольшего использования естественных богатств каждого района. Работы по районированию должны выявить производственное лицо каждого отдельного района.

Мы в этой части нашей плановой работы и хозяйственного строительства только начинаем двигаться вперед.

До сих пор не установлено с достаточной точностью ближайших перспектив в хозяйственном развитии отдельных районов, а осуществление планов для всего Союза по отдельным производствам часто приводит к тому, что эти планы недостаточно увязаны с общим состоянием и перспективами развития хозяйства в отдель-

ных районах. Этот момент районирования необходимо учесть при составлении пятилетнего плана, который должен быть окончательно разработан на протяжении ближайшего времени.

Представители с мест в своих выступлениях выдвинули целый ряд крупнейших предложений в области капитального строительства.

Украина настаивает на немедленном приступе к постройке громадной гидростанции на Днепре и начала уже для этого сбор средств среди населения. Ленинград требует Свирьстроя. Поволжский район—постройки Волго-Донского канала. Интересы промышленности и интересы сельского хозяйства требуют быстрейшего сооружения железнодорожной линии, которая соединила бы хлопководческий район Средней Азии с Сибирским хлебным районом. Интересы топливоснабжения делают уже необходимой постройку новой магистрали, которая соединила бы Донецкий угольный район с промышленным центром. Я лично считаю совершенно доказанной целесообразность всех этих работ.

Но мне думается, что теперь еще конференция не может решить, какой из этих работ дать предпочтение, не может решать или определять сроки начала той или иной работы. Если бы хватило средств—лучше всего начать две большие работы, но не думаю, чтобы мы смогли уже в настоящем году найти для этого достаточно средств. Вопрос о том, какую из этих работ начать на протяжении ближайшего года, возможно будет разрешить лишь после того, когда хотя бы Государственная плановая комиссия даст свое заключение. На мой взгляд, очередными являются постройка ж.-д. линии Туркестан—Сибирь, постройка Днепростроя, Волго-Донского канала и капитальные работы в Эмбенском нефтяном районе.

Я считаю необходимым обратить внимание конференции на то, что в целом ряде районов намечается своеобразный «местнический» уклон. Этот уклон заключается в том, что отдельные районы понимают индустриализацию как такую систему хозяйства, при которой каждый район должен стать как бы самодовлеющим, независимым, т.-е. иметь у себя текстильную фабрику, кожевенный завод, металлический завод и т. д., и обслуживать все потребности района своими средствами, или чтобы все сырье перерабатывалось в районе его добычи. Я не думаю, чтобы эти тенденции были правильными. Нельзя все сырье перерабатывать на месте, потому что мы держим курс на крупную индустрию. Организация крупной индустрии связана с тем, что сырье из нескольких районов будет перерабатываться на небольшом количестве крупных предприятий, при организации которых необходимо

учесть не только вопросы снабжения сырьем, но и вопросы топливоснабжения, путей сообщения, рабочей силы и т. д.

Мне уже как-то приходилось говорить о том, что у нас находятся такие экономисты, которые понимают индустриализацию так, что около каждой десятины должна быть построена фабрика. Это — своеобразный вид индустриализации. (Голос с места: «Сверхиндустриализация».) Трудно себе представить, чтобы даже при всемерном развитии промышленности у нас совершенно исчезли типично-земледельческие районы. Например, мы едва ли сможем поставить себе целью на протяжении ближайших пяти лет сделать Сибирь индустриальным районом. Индустриализация страны означает, что промышленность должна занимать во всем хозяйстве Союза руководящее, преобладающее значение, но это не значит, что и в хозяйстве той или иной губернии, уезда или даже каждой отдельной республики промышленность должна занимать преобладающее значение. Эти тенденции сепаратизма в области промышленного строительства должны быть преодолены самым решительным образом.

Между т. Чубарем и т. Рухимовичем был спор о том, нужен ли централизованный зажим или децентрализация. По-моему, нужен централизованный план и дисциплина в осуществлении этого плана. На-ряду с этим осуществление плана должно быть децентрализовано.

Необходимо сохранить целостность плана капитального строительства, сочетать интересы всего хозяйства Союза, как единого целого, и создать такие условия выполнения плана, которые давали бы полную возможность развития инициативы республик, областей и губерний. Вот в чем заключается, по-моему, очередная задача изменения нашего планового руководства.

Наши расходы на просвещение.

Тов. Луначарский жаловался на недостаточность ассигнований на дело просвещения, но не привел никакого цифрового материала. Поэтому я должен огласить справку об ассигнованиях на просвещение хотя бы по РСФСР. По полученной из НКФ справке следует, что по государственному бюджету РСФСР на Наркомпрос в 1923/24 г. было ассигновано 56,5 миллиона руб., а в 1926/27 г. предположено ассигновать 124,8 миллиона руб., т.-е. мы имеем за 4 года по РСФСР увеличение ассигнований в 2½ раза.

Если взять ассигнования по государственному и местному бюджету вместе, то получится: в 1924 г. на дело просвещения было израсходовано 184,5 миллиона, в текущем году предположено из-

расходовать 413,8 милл. Таким образом, по государственному и местному бюджету расходы на образование по РСФСР за 3 года увеличились со 184,5 до 413,8 милл. На научные и ученые учреждения, подведомственные НКПросу РСФСР, было ассигновано в 1924/25 г. 6,2 милл., в прошлом году 9,7 милл., в текущем году предполагается ассигновать 11,7 милл., т.-е. увеличение в этом году произойдет на 20,6%. Вот те цифры, которые т. Луначарский, повидимому, забыл сообщить конференции.

Состояние школ и организация народного образования в настоящий момент отнюдь не таковы, чтобы можно было думать, что они полностью удовлетворяют быстро растущим культурным потребностям населения, и расходы на образование несомненно должны возрастать. В этом году они увеличиваются только в соответствии с общим увеличением бюджета.

Трудность в быстром улучшении дела просвещения, особенно народного образования, заключается в том, что оно требует очень значительных расходов. Народных учителей, по справке НКПроса РСФСР, насчитывается около 200 тысяч. Они до настоящего времени не получают достаточной оплаты за свой труд, но чтобы увеличить их оклады, допустим, на 10 рублей в месяц, что было бы вполне справедливо, по одной части нашего Союза—по РСФСР—понадобилось бы 24 милл. руб. в год. Поэтому оплата труда просвещенцев возрастает из года в год, но не с той быстротой, как этого нам хотелось бы. Например, заработок профессоров возрастал так: за 6 недельных часов профессор получал в месяц в 1924 г. 80 руб., в 1925 г.—100 руб., в 1926 г.—110 руб. Во всяком случае в отношении просвещения речь может итти не об уменьшении, а об увеличении фонда заработной платы.

Распределение смет и отдельных статей расходов еще не рассматривалось Совнаркомом, и наметка бюджета на будущий год является пока что исключительно результатом предварительной работы наркоматов, и в том числе НКПроса.

Я думаю, что мы все должны исходить из того, что расходы на просвещение и особенно на техническое образование и научную работу есть в то же самое время расходы на индустриализацию.

Впервые после XIV съезда прения по важнейшим вопросам хозяйственной политики обошлись без параллельных платформ, письменных деклараций и даже устных заявлений оппозиции. Я не знаю, нужно ли это истолковывать как согласие оппозиции с нашими тезисами. Но мне кажется, что после своего «заявления»

оппозиция обязана была выйти на эту трибуну и точно установить сущность тех разногласий, которые отделяют ее от партии. (Голоса: «Правильно!».) Это было нужно не только для оппозиции, но и для всей партии. Одно дело, если оппозиция официально отказывается от своей платформы с «миллиардами», налогами и т. п., потерпевшей крушение во время последней дискуссии на всех рабочих собраниях. Другое дело, если она продолжает стоять на своей старой платформе. Последняя в своей основе была не только ложной и в значительной степени безграмотной, но и опасной для партии по своей демагогии.

Свои предложения о повышении налога, о двух миллиардах и т. д. оппозиция сопровождала апелляцией к беспартийным рабочим о большем повышении заработной платы и апелляцией к крестьянству об освобождении 40% крестьян от сельхозналога. Оппозиция клеветала на партию, что ее политика является политикой непролетарской и содействует быстрому росту буржуазии как в городе, так и в деревне.

Ложная в своей основе, антиленинская в вопросе об отношении пролетариата к крестьянству, эта платформа грозила нарушить союз рабочих и крестьян. Она излагалась в таком виде, уснащалась такого рода демагогическими лозунгами, что получалось впечатление, что она больше приспособлена для общеполитической борьбы в стране, чем для дискуссии внутри партии. (Голоса: «Правильно!».) Оппозиция должна была выйти на эту трибуну и сказать, продолжает ли она стоять на этой платформе, или отказывается от нее.

Я вам приведу один пример, из которого видно, на что оппозиция рассчитывала, вступая в дискуссию. Во время дискуссии один из оппозиционеров заявил открыто на собрании о том, что он разрывает с оппозицией. В публичном объяснении причины своего разрыва он изложил свой разговор с одним из лидеров оппозиции, который ему сказал, что причиной поражения оппозиции является: во-первых, отсталость рабочего класса (голоса: «Ого!») и во-вторых, «просчет» (я не говорю: неоправдавшиеся «ожидания») относительно усиления хозяйственного кризиса осенью текущего года. (С места: «Не ожидания, а надежды!».) В этом объяснении с большой яркостью сказалась пораженческая идеология оппозиции.

Некоторые товарищи в частном разговоре указали мне на то, что «лежачего не бьют». (Смех.) Мы все с удовольствием пожалели бы этих людей (с места: «Правильно!»), если бы мы с вами не несли ответственности перед рабочим классом и страной за выступления оппозиции и если бы платформа последней не была распространена широко среди беспартийных рабочих и не

проникла даже в деревню. Выступление оппозиции являлось актом громадного политического значения (с места: «Правильно!), и поэтому наша партия, несущая всю ответственность за политическое положение страны, не может не сделать из происшедшей дискуссии политических выводов, не может не дать оценки идейной платформы оппозиции, не может не принять всех доступных ей мер, чтобы обеспечить единство партии и идейную выдержанность партийной линии.

Все это необходимо сделать для того, чтобы обеспечить наибольший успех социалистического строительства в нашей стране. (Бурные продолжительные аплодисменты.)

Председательствующий. Товарищи, повидимому, конференция ограничится утверждением тезисов, предложенных Центральным Комитетом, в основе и передаст все поправки в комиссию. (С места: «Правильно».) Какие другие предложения есть? Нет. Разрешите голосовать тезисы за основу. Кто за принятие—прошу поднять руки. Кто против? Кто воздержался? Принято единогласно. (Аплодисменты.) Есть предложение комиссию создать в составе следующих товарищей: А. И. Рыков, Чубарь, Колгушкин, Адамович, Лобов, Рухимович, Постышев, Пылаев, Богданов П. А., Эйхе, Гамарник, Михиенко, Нурмаков, Уханов К. В., Любимов, Сахат-Мурадов, Муралов А. И., Фигатнер, Микоян, Тер-Егизарьян, Догадов, Лепсе, Комаров и Икрамов. Кто за утверждение состава комиссии? Есть ли возражающие? Нет. Утверждается. Объявляю перерыв на 10 минут.

Председательствующий. По вопросу об итогах работы и очередных задачах профессиональных союзов слово имеет т. Томский. (Продолжительные аплодисменты.)

Томский. Товарищи, я позволю себе в своем докладе итти не последовательно тезис за тезисом, а останавливаться на наиболее основных вопросах, полагая, что ряд тезисов является бесспорным, является развитием или повторением того, что было сказано нами на последнем съезде нашей партии. Я не стану, в частности, останавливаться и развивать перед вами введение к тезисам, которое было, по моему мнению, достаточно исчерпывающе развито в докладе т. Рыкова. Я перейду сразу к итоговой части моего доклада. Здесь я позволю себе привести несколько характерных цифр.

Рост числа рабочих и служащих происходил за истекший год следующим образом: на 1 апреля 1925 года рабочих и служащих, занятых в предприятиях и учреждениях, не считая одиночек, работающих в трудколлективах и т. д., было 6 035 300 человек;

на 1 апреля 1926 года цифра эта достигает 7 700 600 человек. Рост занятых на предприятиях и в учреждениях рабочих и служащих за год выражается, таким образом, в 27,5%.

За это же время рост числа членов профессиональных союзов выразился в следующих цифрах: на 1 апреля 1925 года было 6 950 400 членов профсоюзов, а на 1 апреля 1926 г.—8 768 200, т.-е. увеличение на 26,2%. Ко мне уже тут в связи с опубликованными в тезисах цифрами обращались с вопросом: как так получается, что занято в предприятиях и учреждениях меньше, чем имеется членов союзов? Это объясняется просто: во-первых, в учет занятых в предприятиях и учреждениях рабочих и служащих не входят сезонные рабочие, не входят слои земледельческих рабочих, не входят безработные, но безработные ведь остаются членами наших союзов. Есть еще одна группа людей, правда незначительная, которая числится членами союзов, но которая не занята ни в каком предприятии и учреждении: это—пролетарское студенчество.

Как и за счет каких групп происходил рост числа членов профессиональных союзов? Это вопрос немаловажный, потому что в той декларации, которая была оглашена на прошлом пленуме ЦК ВКП представителями оппозиции и которая, согласно постановлению, будет роздана членам конференции, в разделе 6-м—«Бюрократические извращения рабочего государства»—мы читаем: «Число рабочих государственной промышленности у нас сейчас не достигает 2 миллионов, вместе с транспортом оно ниже 3 миллионов. Советские, профессиональные, кооперативные и всякие иные служащие насчитывают никак не меньше того же числа. Уже одно это сопоставление свидетельствует о колоссальной политической и хозяйственной роли бюрократии».

Дело изображено таким образом, что растет количество советских служащих, растет бюрократический аппарат, растут непролетарские слои, что количество служащих никак не меньше количества рабочих. Отсюда получается целая особая концепция, отсюда вытекает ряд социальных и политических выводов.

Поэтому я позволю себе огласить еще некоторые цифры. Группа работающих членов союза за год с 1 апреля 1925 г. по 1 апреля 1926 г. увеличилась на 1 589 300 человек, т.-е. на 27,5%. Какие это союзы? Сельхозлесрабочие выросли на 79,9%, бумажники—на 27,4%, горняки—на 44,6%, кожевники—на 14,1%, металлисты—на 29,1%, печатники—на 19,8%, пищевики—на 27,8%, текстильщики—на 25,2%, химики—на 27,3%, швейники—на 13%, строители (союз строительных рабочих)—на 65%, водники—на 12,6%, железнодорожники—на 28%, местный транспорт—на 6,5%,

почтельработники—на 15%. Потеряли деревообделочники—8,7% и сахарники—28,3%. По неиндустриальным союзам: совторгслужащие дали увеличение на 23,1%, рабис—на 8,8%, медсантруд—на 18%, рабпрос—на 16%, работники коммунального хозяйства—на 14%, народное питание—на 37,7%.

Чисто индустриальная группа увеличилась на 23,7%, сельскохозяйственная—на 79,9%, транспортная группа—на 22,7%, группа служащих—на 19,4%.

Как мы видим, картина, данная в декларации оппозиции, совершенно не соответствует действительности. Главный рост шел за счет сезонных рабочих, за счет строителей, за счет сельхозлесрабочих. Индустриальная группа росла сильнее группы служащих.

Какие союзы из индустриальных групп растут? Наиболее быстро растут горняки, металлисты, железнодорожники, бумажники, текстильщики, пищевики. Вот какие союзы растут в этой группе.

Вернемся к той части оппозиционной декларации, которую я вам огласил, и в которой оппозиция делает очень крупные политические выводы. Там сказано, что у нас число рабочих промышленности и транспорта менее 3 миллионов, группа же служащих не менее, чем группа рабочих. Обратимся к цифрам.

Какой удельный вес имеют отдельные профсоюзы, отдельные группы профдвижения? Металлисты объединяют 8,9% всех организованных в наших союзах рабочих, текстильщики—8,8%, горнорабочие—4,4%, пищевики—4,8%, кожевники—1,4%, химики—2,6%, швейники—0,8%, бумажники—0,5%, печатники—1,3%, деревообделочники—1,8%, сельхозлесрабочие—10,5%, строители—6,1%, сахарники—1,2%. Итого с союзами строителей и сельхозлесрабочих (бесспорно рабочие союзы, нельзя сказать, что это непролетарские союзы) данная группа составляет 53,1%. Транспортная группа (тоже рабочая группа): железнодорожники—11,1%, водники—1,8%, местный транспорт—2%. Эта группа представляет 14,9% всего количества рабочих и служащих, организованных в профсоюзы. Обслуживающая группа, группа неиндустриальных союзов, куда, вопреки существовавшей до сих пор традиции, я отношу и союз почтельработников, представляет: совторгслужащие—12,2%, рабпрос—7,8%, медсантруд—5%, почтельработники—1,3% и рабис—0,9%; итого 27,2%. Кроме того, имеются еще два союза: союз работников нарпитания и союз работников коммунального хозяйства, которые вместе объединяют 4,8%. Цифры, как видим, не соответствуют утверждениям товарищей, выступавших на прошлом пленуме с декларацией.

Теперь посмотрим, какой вывод делают из этого утверждения. Преувеличив число и удельный вес группы служащих,

они далее говорят: «Совершенно очевидно из этого, что государство, государственный аппарат по своему составу и уровню жизни в огромной степени является буржуазным и мелкобуржуазным и тянет в сторону от пролетариата и деревенской бедноты, с одной стороны, навстречу устроившемуся интеллигенту, а с другой стороны—навстречу арендатору, купцу, кулаку, новому буржуа».

Я не могу пройти мимо этого утверждения. Разберем его. Может ли тянуть «к арендатору, купцу и кулаку» неиндустриальная группа, в частности пресловутые советские служащие, к которым подходят на основе традиции 1918 года, когда в наш государственный аппарат, в советские учреждения набивались и офицерские жены и вся деклассированная буржуазия, от которой все было отнято, и т. д.? Что представляет собой советский аппарат сейчас? 9 лет прошло, масса молодняка влилась в состав советских служащих, это—во-первых. Во-вторых, мы, марксисты, когда определяем социальное тяготение того или иного слоя, той или иной группы, должны брать какой-то экономический критерий, а не только то, что работают или не работают в советском учреждении. Какой критерий может быть? Мне думается, что для марксиста одним из основных критериев для определения социального тяготения того или иного слоя населения является его экономическое положение, в частности зарплата. Какая зарплата у этой группы? Возьмем для советского служащего прежде всего пониженную норму экономического положения. Какая эта норма? Можно ли сказать, что получающий меньше 80 червонных рублей жалованья тяготеет к кулакам и арендаторам по своему жизненному уровню? Думаю, что массу советских служащих, получающих ниже 80 рублей, никак нельзя связать с арендаторами, купцами и т. д. Сколько же их у нас, в советском аппарате? Я взял только союз советских служащих, ибо утверждаю, что если возьму цифры по союзам рабпроса и всемедикосантруд, то цифры, несомненно, будут еще выпуклей. Итак, сколько же советских служащих получает ниже 80 рублей и выше 80 рублей? По городам СССР советских служащих, получающих до 80 рублей,—73,3% всего союза совторгслужащих, получающих выше 80 рублей—26,7%; по селам членов союза (работающих в советском аппарате), получающих до 80 рублей—99,3%. Вот основной состав той группы, в отношении которой, не проверив, не подсчитав, не продумав, построили целую социально-политическую теорию. Служащие, чиновники—бюрократия, которой, по утверждению оппозиции, насчитывается не меньше, чем рабочих,—по своему жизненному уровню тяготеют к арендатору, к кулаку, к капиталисту. А на самом деле что получается?

На самом деле получается, что из всей первой группы (по городам) 26,7% получают выше 80 рублей, а 73,3% получают меньше 80 рублей. Откровенно говоря, на эти деньги едва-едва можно вести сытое существование, и я не вижу здесь никакого жизненного уровня, приближающего эту категорию к кулаку и т. д.

Возьмем этот вопрос с другой стороны: сколько процентов из числа членов союза советских служащих находятся в привилегированном положении—работают по 6 часов, и сколько работают по 8 часов? Оказывается, что имеющих 8-часовой рабочий день в этом союзе (которым нас пугают, как жупелом)—43,7%.

У оппозиции мы имеем неверный огульный подход к неиндустриальным союзам, неверно даны цифры, соотношение, неверны поэтому все остальные выводы.

Вот то, что я хотел сказать о составе нашего пролетариата и о составе профсоюзов.

Посмотрим теперь, в каком положении находится развитие сети союзных организаций, ибо расширение сети низовых союзных организаций доказывает степень вовлечения в союзы широких рабочих масс, степень роста активности рабочих. Низовые союзные организации—школа активности, школа обучения организационной работе. И вот за год, с 1 января 1925 года по 1 января 1926 года (по данным, охватывающим на 1925 г. 60%, а на 1926 г.—70% числа работающих), количество фабзавкомов выросло с 30 тысяч до 56 тысяч—иначе говоря, имеется увеличение на 26 тысяч фабзавкомов и месткомов; число членов комитетов увеличилось со 153 тысяч до 226 тысяч; количество освобожденных членов комитетов увеличилось с 24 тысяч до 28 тысяч; число цеховых делегатов возросло с 200 тысяч до 800 тысяч. В это число не входят сборщики членских взносов, хотя, по существу, этот институт является первой ступенью организационной профсоюзной работы.

В комиссиях имелось в 1925 году 226 тысяч, теперь—642 тысячи; цеховых делегатов имелось 200 тысяч, теперь—870 тысяч. Всего же в низовую союзную работу втянуто 1 738 000 человек. Я думаю, это показывает, что, несмотря на ряд дефектов, ряд недостатков в профсоюзной работе, вот эта элементарная работа по обучению, подготовке к активной работе, по вовлечению в сферу общественной жизни миллионного слоя трудящихся—около 2 миллионов человек—свидетельствует о том, что и партия и профсоюзы в этой области делают большую работу.

Какое количество коммунистов в составе этого низового актива? Мы видим, что поставленная здесь нами задача вовлечения беспартийного рабочего в активную профсоюзную работу, а че-

рез нее и подготовка к делу государственного управления, поднятие культурного уровня рабочих масс, развитие их самодеятельности—эта директива выполняется. Коммунистов в фабзавкомах в 1925 г. было 36,2%, теперь осталось 29,7%, процент вовлечения в работу беспартийных повысился; повысился он и в комиссиях: в них в прошлом году было 24,3% коммунистов, теперь осталось 17,4%; среди цеховых делегатов коммунистов было 22,1%, осталось—14,4%. Опасаться увеличения числа беспартийных, втянутых в профсоюзную работу, нашей партии, конечно, не приходится. Это правильный путь.

На прошлом съезде я докладывал о сравнительной слабости работы союза сельхозлесрабочих в деле подготовки деревенского актива, хотя через него, и главным образом через него, и партия и профсоюзы могут наиболее полно осуществлять пролетарское влияние в деревне.

Я могу представить цифры, как идет теперь рост этого актива. В рабочкомах, т.-е. первичных организациях союза, по данным, охватывающим только 13 губерний, находится 15 029 батраков и 6 934 пастуха; всего батраков и пастухов в этих низовых союзных организациях—21 963 чел. В волкомах—волостных организациях союза—батраков 7 417, пастухов—1 374, всего 8 791 чел. В сельсоветах батраков и пастухов находится 3 245 чел., в волисполкомах—143, в комитетах взаимопомощи—541. Всего только по 13 губерниям батраков в низовых союзных организациях, в сельсоветах, в волисполкомах и комитетах взаимопомощи имеется 34 683 чел. Конечно, этого мало для такого большого союза, конечно, этого мало для выполнения той задачи, которая стоит перед партией в деревне, но цифра в десятки тысяч человек новых подымаемых слоев говорит о том, что и на этом фронте без шума, без паники, без крика выдвигается новый кадр строителей в десятки тысяч человек.

Мимо этого явления пройти нельзя.

Нет ли застойности в нашем низовом аппарате? Я оглашу только те цифры, которых, я думаю, никто из здесь присутствующих не может оспаривать. После перевыборов низовых профорганов, после XIV съезда ВКП(б) мы получили значительное обновление низового союзного актива на основе широкой рабочей демократии. Состав фабзавкомов пополнился и обновился новыми работниками свыше чем на 50%, а по отдельным местам эта цифра выразилась в 70—80%.

Общая активность рабочих за последнее время бесспорно и несомненно поднялась. Я не стану утомлять вас цифрами по отдельным областям. Цифры, правда, далеко еще не полные, но

характерное явление заключается в том, что на общих собраниях, на конференциях и на делегатских собраниях процент выступавших по различным вопросам, процент участвовавших на заседаниях, на совещаниях и конференциях вырос примерно на 25%.

Окрепли и оздоровились финансы союзов. Я оглашу несколько цифр. Отчисления местных союзов в свои ЦК с собранных ими членских взносов в 1925 году в первом полугодии составляют 4 492 392 рубля, в 1926 году—6 327 754 рубля,—прирост на 40,8%. Рост приходных балансов выражается в 58,6%. 23 центральных комитета увеличили за год на 105,5% свои вклады на текущем счету в банках. Суммы такие: в 1925 году на 1 июня было 2½ миллиона, в 1926 г. на это же число—5¼ миллионов рублей.

Повышается качество финансовой отчетности, улучшается постановка финансов сверху донизу, в соответствии с этим пропорционально уменьшается и количество растрат. Но партия должна знать об одном чрезвычайно тяжелом явлении. Это то, что в числе растратчиков имеется значительный процент членов партии и комсомола.

Количество растрат падает, но партия должна объявить решительную борьбу с ними. Необходимо принять жесткие меры против этого безобразного явления, ибо даже члены партии, лучшие люди рабочего класса, позорили партию такими недопустимыми проступками. В этом отношении к провинившимся членам партии должна быть полная безжалостность. Особенно опасно и вредно, когда это явление наблюдается среди комсомольцев, ибо это—наша смена. Здесь мы не должны допускать никакого загнивания. Партия должна обратить особенное внимание на это явление.

Процент работниц во всех профессиональных организациях несколько повысился, но повысился, на мой взгляд, недостаточно, еще хуже то, что он понизился по отдельным крупным центрам промышленности, где как раз нужно выдвигать работниц. Вот почему я считаю необходимым поставить перед профсоюзами задачу выдвижения большего процента работниц, а равно и молодежи, молодых рабочих, процент которых понизился незначительно, но все же понизился.

Относительно культурной работы я не стану особенно утруждать вас цифрами. Мы видим бурный рост так называемых «красных уголков», меньший рост работы клубов. Вообще рост работы в клубах, достижения ее заключаются в том, что взрослые рабочие, которые раньше не ходили в клубы, стали больше посещать их за отчетный период, стали больше втягиваться в эту работу.

Дальнейшее развитие клубной работы, как вам всем извест-

но, на местах упирается в недостаток клубных помещений и в загрузку клубных помещений всевозможными заседаниями, не имеющими отношения к клубной работе. Против этого ничего сделать нельзя. Если в уездном городе имеется один зал на 150—200 человек, где происходят и партийные конференции и всевозможные собрания, то и получается, что клуб 6 дней занят под различные собрания, совещания и т. д., и только один раз в неделю может работать собственно как клуб. В это упирается клубная работа, и задача заключается в том, чтобы в план нашего жилищного строительства включить и клубное строительство. Казалось бы, где уж тут до клубов. Но рабочие требуют не только жилищ, они требуют также и клубов. У меня есть заявления, говорящие о том, что рабочему некуда деться во время отдыха, что в пивную или на улицу гонит его отсутствие возможности разумно провести время

Цифры роста «красных уголков», примерно, таковы: с 1 декабря 1925 года по июнь 1926 года количество «красных уголков» выросло с 16 тысяч до 19 тысяч.

Растет вся культурно-просветительная работа, но особенно большие достижения за истекшее время мы можем видеть в области ликвидации неграмотности. Так, в 1923 году на III сессии Красного Профинтерна я, выступая с докладом о положении русских профсоюзов, говорил следующее:

«Я уже говорил вам, что мы получили в наследие некультурную, неграмотную страну. Россия была страной по преимуществу неграмотных, и к началу 1921 года мы имели такие союзы, как, например, нарпит, в котором было 65% неграмотных, союз коммунальников—50% неграмотных, деревообделочников—50%, сельскохозяйственных рабочих—80%, а среди горняков—нашей красы и гордости—мы насчитывали до 50% неграмотных».

Вот как было в 1921 году. Что мы сделали за это время? У металлистов на 1 апреля 1926 года остается 2% неграмотных, у химиков—6%, у сельскохозяйственных рабочих (самый неграмотный был союз) на 1 января 1926 года остается 18,4% неграмотных, у строителей—только 5%, у деревообделочников—6,5%, у кожевников—6,3%, у бумажников—3,9%, у транспортников—10%, у коммунальников—4%, у водников—4%. (Голос: «А у горняков?») Горняки цифр не приводят, но они говорят так: «Ликбез можно считать законченной». Лишь среди сезонников «ликвидация неграмотности сводится на-нет условиями труда сезонников, давая по окончании сильный рецидив». Здесь требуется повторное обучение, так как, уходя с работы, сезонник перестает читать, за-

ниматься, вследствие чего он опять превращается в неграмотного человека [1]).

И я считаю, что всеми этими успехами и партия и профсоюзы вместе могут похвастать перед кем угодно и где угодно.

Я не хотел бы, товарищи, особенно много тратить времени на указание наших недостатков. Я подчеркну только главнейший из них. Со стороны некоторых работников профессионального движения, со стороны некоторых товарищей-партийцев я слышал указания: не крепко ли я в тезисах загнул, указав на то, что со стороны профсоюзов наблюдается еще недостаточное обслуживание и защита экономического положения рабочих. Я утверждаю, что здесь никакого преувеличения нет. Перед XIV съездом мы имели картину так называемого треугольника, который во всех случаях выступал единодушно, сплоченно, перед лицом рабочих, это: директор, председатель фабзавкома и секретарь комячейки. Теперь же мы видим, что этот хозяйственный уклон—во всех случаях, везде поддержать хозяйственника: и тогда, когда он неправ, и тогда, когда он прав—профсоюзами в значительной степени изжит. Но они перешли на другую позицию и проявляют другой, не менее скверный уклон. Это можно документально доказать на ряде случаев, на ряде предприятий, в ряде профсоюзов, и спорить по этому вопросу бесполезно. На основании последних обследований, на основании показаний рабочих выяснилось, что профсоюзники заняли другую равно вредную позицию. Они уже не защищают хозяйственников во всех случаях, но тогда, когда хозяйственником делаются явно неправильные вещи, когда требования рабочих абсолютно правильны, они, профсоюзники, остаются в стороне. Они перешли от активной поддержки хозяйственника всегда и всюду к пассивности в важнейших вопросах.

Второй недостаток—малое внимание к мелочам жизни рабочих. Здесь виноваты одинаково, конечно, и хозяйственники и профсоюзы. Но профсоюзы—в бо́льшей степени. Мелочи, которые для людей, занятых «большой политикой», бывающих часто на разных заседаниях, привыкших обсуждать «планы», вообще являются, по-видимому, неважными, для рабочего же часто имеют большое значение. И мы наблюдаем недовольство рабочих. По какому поводу? Да вот хотя бы к примеру. Выдавали на каждого рабочего по полотенцу, а теперь на основании режима экономии стали выдавать одно полотенце на троих. Как будто бы пустяк. В старое

---

[1]) Цифры относительны и колеблются в зависимости от прилива рабочей силы из деревни.

время стали бы рабочие разговаривать из-за такого пустяка— на трех, на двух или на каждого одно полотенце? А теперь это большой вопрос. Рабочий в своем государстве теперь очень чуток. Это теперь уже не тот рабочий, которого мы, старые рабочие, помним на фабрике, на заводе в царское время. Это уже и не рабочий 1918—19 годов, который знал: ни черта нет у нас с вами, у советского государства и у партии. Ну что ж, такое время, на нет и суда нет! За последние годы, когда мы вступили в мирный период, рабочий стал другим. Он стал очень чутким. Он чувствует себя строителем социализма и требует во всех областях, даже в мелочах, максимального внимания.

Какие жалобы мы слышим? Такие, какие вам и в голову, пожалуй, не придут. Вот, например, немножко анекдотически звучащее заявление одного из рабочих на общем собрании, который жалуется на бюрократизм, на то, что нечутко реагируют союзы на запросы рабочих, не поддерживают разрешения жизненных мелочей. Он сказал: «Комиссия охраны труда груба; председатель забыл, где он работает, и грубит рабочим. На просьбу рабочих принять меры для борьбы с тараканами спустя 8 месяцев получился ответ: «Что я, синица, что ли?» (Смех.)

Такие ответы рабочие, конечно, рассматривают как грубость. Они говорят: чего он нам грубит, он—наш выборный председатель комиссии по охране труда, и пусть он не зазнаётся и не грубит, пусть так не отвечает! У меня имеется много жалоб рабочих, жалоб серьезных, которые показывают, как рабочие относятся к подобным «шуткам». Вот вам такой пример: когда браковщик забраковал слишком много товара у работницы, она его спросила: «Что же, батюшка, так, пожалуй, ты все забракуешь, и мне ничего не останется и, пожалуй, не только не придется ничего получить, а еще из дому надо будет принести». Браковщик на это ответил: «Ну что ж, и из дому принесешь». Эта «шутка» вызвала возмущение среди целой группы работниц.

Такие черточки показывают, что сами рабочие начинают предъявлять к хозяйственникам и профессионалистам бо́льшие требования, они требуют, чтобы выборные товарищи не грубили. Это, по-моему, является плюсом в развитии рабочих. Рабочие чувствуют себя хозяевами. На каждую невнимательность, на каждый недосмотр рабочие болезненно реагируют, реагируют не так, как это было раньше.

Я не буду останавливаться на том тезисе, который говорит об извращении режима экономии. Не стану останавливаться потому, что это всем вам хорошо известно. Некоторые товарищи в частной беседе говорили: «Ну да, бывали извращения режима экономии,

но сейчас этого уже нет, это дело прошлое». Мы, товарищи, не можем делать выводы из фактов только сегодняшнего числа. Нужно брать факты за определенный период и их подсчитать. Я буду очень рад, если кто-нибудь докажет, что теперь мы уже не имеем пресловутых гримас режима экономии. Но, товарищи, уже во время работ XV партконференции я получил сведения, что на одной текстильной фабрике, по случаю режима экономии, заводоуправление отказалось отапливать рабочие казармы: «Режим экономии, дескать, и нас сокращают на 15%, так что отапливать мы вас не будем, нет топлива». Рабочие говорят: «Как же это так, что же нам, мерзнуть теперь?» Им отвечают: «Какое нам дело, нам не дают, и мы вам не даем!»

Я думаю, товарищи, что партии, советским работникам, хозяйственным работникам, профессионалистам, всем вместе нужно положить конец этим гримасам, они нетерпимы.

Я перехожу теперь к пункту, который я считаю наиболее важным—это пункт о производственных совещаниях. Я считаю этот пункт важным потому, что по этому вопросу намечаются кое-какие разногласия в нашей среде. Особенно тяжелы для меня разногласия с рядом старых хозяйственных работников. Разногласия у нас наметились по пункту о контрольных комиссиях. Как бы я ни был этим опечален, я все-таки буду на этом пункте настаивать. (Голос: «Правильно!») Я не стану вам говорить о важности производственных совещаний, развивать то, что, по-моему, достаточно уже развито и обсуждено на XIV съезде нашей партии. Я исхожу из того, что польза и важность производственных совещаний доказана бесспорно для всех, возражений против этого не слышно. Но вот итоги работы производственных совещаний следует подвести.

Мы слышим и в речах и в отдельных документах оппозиции, что наши производственные совещания гибнут, разваливаются, что нужно их оживить и т. д. Мы, товарищи, занялись этим вопросом и посмотрели, что же на самом деле делается. Мы видим, что, вопреки всем этим крикам и заявлениям, производственные совещания работают очень хорошо. Производственные совещания выделили уже тысячи людей на мелкие командные посты—мастеров, бригадиров и т. д. Особенно эта работа хорошо поставлена в Ленинграде, к чести ленинградских профсоюзников. Там издается специальный интересный журнал «Производственные совещания», имеющий свои недостатки и достоинства, но само издание такого журнала—хорошая попытка.

Когда спор о производственных совещаниях был в первой стадии, меня упрекали в том, что Томский недооценивает де

роли производственных совещаний, хочет ограничить их разбором маленьких вопросиков. Это было года два тому назад, на ленинградском съезде профсоюзов, когда я отстаивал свою точку зрения, указывая, что бесполезно ставить на производственных совещаниях перед рабочими вопрос о положении мирового хозяйства вообще, о положении хозяйства СССР в частности, о химической промышленности в особенности и о нашем тресте в отдельности в то время, когда рабочим на нос вода капает через дырявую крышу. Это очень хорошие поучительные вопросы, но надо начать с другого: как сделать, чтобы рабочий не спотыкался о кучи мусора, когда он идет по двору, что нужно предпринять, чтобы тысячи рабочих не обходили кучи железного хлама и грязь во дворе, делая зигзаги, когда проходят из мастерской в мастерскую, как сделать так, чтобы устранить самые элементарные из тех неурядиц, которые особенно больно ощущаются каждым и которые наиболее легко исправить. А то идут на производственные совещания, где говорят о мировых вопросах, о фордизме, о рационализации труда и т. д. и т. п., а, уходя оттуда, спотыкаются о железный лом, опилки на дворе и т. д. На нос вода капает, а они о фордизме рассуждают. Я считаю, что практика производственных совещаний целиком и полностью подтвердила правильность моей линии,—начать с малого, тогда многое можно сделать в дальнейшем.

Относительно формулировки этого тезиса есть возражение, которое заключается в том, что этот период мелочей в основном закончен. Я согласен на смягчение этого тезиса всячески. Я не думаю, что везде и всюду все эти «мелочи» уже окончательно устранены, но я считаю, что закончен он, как определенный период работы, и пора расширить задачи производственных совещаний. Как пример, что мелочи не устранены, мне указывают, что недавно на одной производственной конференции говорили о том, что в посуде очень много брака, потому что, когда несут эту посуду, старые корзины разваливаются, посуда летит на пол и бьется. Но я думаю, что когда поставят в общей форме вопрос о браке, все равно подойдут и к этим мелочам, так как это важно для выяснения вопроса об устранении брака, о борьбе с такими явлениями. Я на этой конференции посмотрел и увидел, что жалуются не только на то, что посуда бьется из-за плохих корзин, но что эти корзины, когда их поднимают по лифту, сбрасываются вниз вместо того, чтобы подниматься кверху.

Мелочей еще осталось много, от них нельзя отказаться, их нужно преодолеть, но в то же время следует сказать, что теперь наступил несколько иной период, теперь надо производственные

совещания поднять на более высокую ступень и переходить на них к более общим вопросам. Это не значит, что производственные совещания должны заниматься вопросами мирового хозяйства и т. д. Они должны заниматься такими вопросами общего характера, как борьба с браком, положение производства, состояние сырья, способы улучшения работы, производства и т. д. и т. п. К этому в отдельных отраслях промышленности ряд производственных совещаний фактически уже подошел.

И здесь нужен план для того, чтобы производственные совещания не превращались, как они местами превращаются, в «новгородское вече», когда один говорит об одном, другой о другом, каждый о чем хочет. Пора переходить к более планомерной работе. План работы нужно разрабатывать, но по-деловому. У нас относительно плана делается обычно так: раз план, то против плана не пикни. Я решительно против этого. Я приглашаю конференцию высказаться против такого понимания плана, что раз де по плану стоит какой-нибудь вопрос, то нужно и говорить по этому вопросу, и хотя в это время над головой горит крыша, не смей говорить о горящей крыше, а говори о том, что по плану положено к рассмотрению. Переходя к плановой работе, однако, не должно стеснять рабочих ставить насущные вопросы на обсуждение производственных совещаний. Ни одно производственное совещание, ни один руководитель его не должен им в этом отказывать.

Я не касаюсь целого ряда вопросов: не касался их в тезисах и не хотел бы слишком расширять доклад, но я должен сказать об изобретателях.

ВЦСПС и ВСНХ разослали циркуляр, который на последнем пленуме, за три дня до смерти покойного т. Феликса, был нами согласован и подписан. Этот циркуляр дает ряд совершенно правильных директив производственным совещаниям. Здесь со стороны хозяйственников раздаются голоса, что в тезисах я обидел хозяйственников, несмотря на положительное отношение с их стороны к производственным совещаниям. Что тут говорить об обиде? Я говорил, что есть хозяйственники, которые проявляют пренебрежительное отношение к производственным совещаниям. Такие хозяйственники есть,—тут ничего не поделаешь. Хотя бы 3% хозяйственников пренебрежительно относятся к производственным совещаниям,—об этом надо сказать. В этом отношении лучше пересолить, нежели недосолить. Что такие нотки по отношению к производственным совещаниям имеются, и что они кое-где сохраняются и сейчас, это—факт, и факт опасный. Психологически это можно объяснить, можно эти факты до некоторой степени даже оправдать, но их нужно искоренить. Из чего вытекает это

пренебрежительное отношение? А вот из чего: «Я—директор, понимаю дело очень хорошо, все знаю, понимаю все детали вверенного мне производства; и вот, извольте видеть, я прихожу к вам, и вы меня будете учить, как нужно управлять и как руководить производством, я дело сам хорошо знаю». И со стороны технического персонала, инженеров, окончивших всякие учебные заведения, тоже проявляется такое пренебрежение. «Я,—говорит,—учился, 15—20 лет работаю по этой специальности, а тут собрались—кто? Восьмой и седьмой разряды, еще до 9-го не дотянули, а будут рассуждать, как мне нужно поставить это дело. А что они знают? Ничего они не знают и ничего не понимают. Я сам все знаю».

Если вам приходилось когда-нибудь беседовать по душам с нашими техниками и инженерами и затрагивать вопросы о том, что вот, дескать, в Западной Европе здорово обстоит дело насчет техники,—вы, вероятно, заметили, как они болезненно реагируют на это. «Что вы говорите о Западной Европе? Мы сами не хуже их это дело знаем. И если б были средства, мы точно так же сумели бы это дело поставить». Тут ревность по отношению к западным техникам и инженерам. Ревность же, может быть более яркая, наблюдается и тогда, когда собираются рабочие, люди полуграмотные, которые едва подписываются, и начинают обсуждать, как поставить производство, или вылезают с изобретениями. Подумаешь,—говорят,—какие изобретатели явились! Что эта нотка есть,—это факт. И эту нотку нельзя квалифицировать иначе, как пренебрежительность. Может быть, это и впрямь обидно, но что же делать? Я считаю долгом сказать так, как оно есть на самом деле.

Теперь рабочие-изобретатели порой могут сказать, что мы делаем все для того, чтобы эту изобретательность убить. Я здесь приведу один маленький пример. На одном заводе существовал такой порядок: станок выбрасывает известный предмет, обрезанный станком, и обрезанный кусок металла в один ящик. Потом этот предмет шел на другую манипуляцию, на другой станок, к женщинам, которые принимали товар весом, сдавали его по принятому весу; в этот вес и в расценку входили также и эти обрезанные медные кружки. Рабочий-изобретатель, видя неудобство старого порядка работы, когда обрезанные предметы и кружки попадают вместе, устроил приспособление: отдельно для кружков, отдельно для обрезанного предмета; это лучше, проще. И что же? Работницам, которые делали следующую манипуляцию, оставили старую цену на вес при сдаче. Подумайте о положении этого изобретателя, когда десяток женщин подходит и говорит: «Изобретаешь на нашу шею» (с м е х),—конечно, этот ра-

бочий зарекся никогда больше не изобретать. (Смех.) Не желая занимать времени, я не привожу других примеров, которые столь же разительны.

Перехожу к вопросу о самом характере дальнейшей работы производственных совещаний. Если, товарищи, не спорят о том, что лозунг: «Производственные совещания, начинайте вашу работу с мелочей, подымаясь в процессе работы к наиболее серьезным, наиболее важным вопросам»,—что этот лозунг правилен (против этого как будто никто не спорит), то нельзя спорить и против того, что в работу производственных совещаний должна быть внесена известная плановость на ряд месяцев, скажем, на первое время на три месяца, переходя потом к планированию на более длительный отрезок времени. Если это не вызывает спора, то нельзя оспаривать и того, что для плановой работы производственных совещаний необходимо при втягивании и вовлечении рабочих в их работу поднимать их выше по ступенькам: от интересов станка поднимать до интересов всего цеха, до интересов всего завода, до интересов всего треста. Вот путь, по которому должно итти производственное воспитание рабочих.

Нельзя возражать и против той мысли, которая выставлена в тезисах о контрольных комиссиях. Обо что может разбиться эта плановость поднятия производственных интересов рабочих, ибо что она разобьется и уже разбивается? А вот обо что. Рабочий говорит: «Ну, хорошо, но как я буду судить о развитии моего предприятия, судить о правильности постановки дела, когда выходит директор,—в том случае, конечно, когда он выходит,— у него диаграммы, у него столбики, кружки, и вот он начинает рассказывать, а я пришел прямо либо от токарного станка, либо от ткацкой машины, сижу и слушаю. Что я могу возразить? Если я заикнусь, что аппарат велик, он начинает говорить: «Велик,— правильно, но это оправдывается тем-то и тем-то». Правильно ли это оправдывается—не знаю. Кто же разинет рот? Если бы вы взяли любого из наших почтенных товарищей, попросили бы сделать здесь, на конференции, доклад о состоянии предприятия, в состоянии ли мы будем проверить его или нет? Нет, не в состоянии проверить! В состоянии ли проверить рабочий, пришедший на производственное совещание от станка, от машины, правильность этих цифр, столбиков, кружков и т. д.? Нет, не в состоянии! И поэтому он думает: может, ты и правду говоришь, может, и неправду. Для того чтобы на это не натыкаться, нужно, чтобы производственные совещания, с своей стороны, через своих доверенных людей подготовились к вопросу. А эта подготовка и должна делаться через контрольную комиссию, ко-

торую иные пытаются изобразить как возобновление принципов рабочего контроля. Этого на самом деле нет. Производственные совещания в плане своей работы ставят месяца через 2—3 доклад директора предприятия, выбирают временную комиссию из ограниченного количества лиц (примерно из 5 человек, может, из 7, может, из 3,—об этом мы будем говорить потом), комиссию, которой всюду открыта дорога, которая пойдет по предприятию: посмотрит аппарат, книжки, заслушает сообщение фабзавкома, обследует, посмотрит все, обойдет весь завод,—а на большом заводе, вы знаете, многие рабочие могут проработать годы и в других цехах не побывать,—обойдет завод, посмотрит все, а потом, когда директор будет делать доклад, она или вместе с ним подтвердит доклад, или поправит его в некоторых пунктах. Конечно, можно предварительно доклад согласовать, а в чем разойдутся,—поправить на производственном совещании. Тут задают вопрос: а если не сойдутся, а если производственное совещание разошлось с директором? Ну, у нас, товарищи, есть много примирительных инстанций. Примирят, успокойтесь! Выявить настроение, выявить желания рабочих масс, это, товарищи, чрезвычайно важно. Когда говорят: «Вот еще новую петлю на шею хотят нам надеть, и так у нас кругом контроль, а тут еще новый контроль хотят устроить!» Ну, что же, пусть не будет никакого контроля. Так, что ли? Никаких административных прав эта комиссия не имеет. Она лишь кое-что просмотрела сама перед докладом директора. Директор говорит: «Вот так у меня обстоит дело». А комиссия докладывает: «Видели так-то». И когда порой хозяйственники чересчур цепляются и боятся умаления своих прав, хочется привести некоторые примеры. Вот недавно в Москве была производственная конференция, участники конференции внесли ряд предложений. На этой производственной конференции сидели директора предприятий, все чины трестов, против предложений не возражали, против принятых предложений ни одного голоса не раздалось. После этого конференция и каждый из ее участников имеют право требовать и считать, что, раз хозяйственник не возражает, значит предложение принято? Как будто имеют! Ну, вот, скажем, было предложение, которое прошло,—построить новый завод. Хозяйственники, присутствовавшие на конференции, должны были выйти и сказать: «Да не от меня зависит постройка нового завода, есть ВСНХ, есть Госплан и т. д., они этим делом занимаются, от них это зависит». Но ни одного голоса не раздалось со стороны хозяйственников. Сидели и слушали. После этого, приняв 100% предложений (не возражать, значит согласиться), 40% провели в жизнь, 20% проводят, осталь-

ные же не подлежат проведению. Надо спросить хозяйственников: «А где вы раньше были?» Ну, что это такое, на что это похоже? Таким образом, у рабочих убивается доверие к хозяйственникам, к их деловитости, к их серьезности, к их желанию разъяснить, что ошибка, а что истина. В этом случае могут истолковать поведение хозяйственников так:—пускай, мол, на совещании говорят, что хотят, а мы будем проводить, что хотим. А если не от нас зависит, пускай начальство в этом разберется. Это несерьезное отношение, товарищи! Тут имеется боязнь, что кто-то ущемит права хозяйственников. Что-то за последнее время на фабриках и заводах СССР я не знаю ни одного случая, где бы права хозяйственников были ущемлены плохими профсоюзами или рабочими. (Голос с места: «Верно».) Зато другие случаи есть (голос с места: «Имеются обратные случаи»),— обратные случаи есть.

Когда контрольная комиссия закончила свои функции, она распускается, и нет никакой контрольной комиссии до следующего раза, когда производственное совещание совместно с фабзавкомом сочтет нужным назначить новую контрольную комиссию для выполнения определенных заданий, при чем задания ей могут быть даны или частичные, или полные. Мы говорим: развивайте самодеятельность рабочих через производственные совещания, втягивая их в курс всех хозяйственных вопросов. Производственные совещания являются органами выявления хозяйственной, производственной инициативы рабочих масс. Если это правильно, а это правильно, тогда не бойтесь дать и соответствующие организационные формы, которые нужны для завершения их организационного оформления, для максимального использования через их посредство хозяйственной инициативы рабочих масс. Если хотите, я вам принесу толстую пачку всяких резолюций, где все это давно на словах было сказано, но подходящих организационных форм не подыскали, не нашли. А, может быть, говорят, это будет плохо. Против того, что может быть, не спорю, но ведь, может быть, и бабушка превратится в дедушку. (Смех.) Посмотрим, что будет. Если будет плохо, так мы и оговариваемся, что это—«в виде опыта». Тогда мы вместе с вами скажем, скажем открыто перед всеми рабочими: вот, хотели сделать хорошее, а получилось что-то неладное, раз так—отменяем. За это никто не упрекнет, мы ни перед кем не клялись, что все принимаемое безошибочно. Если нехорошо, можно отменить. Но почему же бояться опыта? Ну, давайте поставим опыт на 10—5 предприятиях, давайте отдельно спорить: 3, 5, 10 или 12 предприятий. Опыт произведем в таких-то

районах, на таких-то предприятиях, в зависимости от состава рабочих. Но чего же спорить против опыта? Будет мешать, будет плохо, тогда дело разберем. Мы ведь нащупываем формы выявления рабочей инициативы, формы выявления рабочей самодеятельности. Против этого не спорите, чего же тогда боитесь? Нечего бояться!

Поэтому я считаю, что в этом пункте, который не предрешает конструкции контрольной комиссии, не предрешает круга ее обязанностей и прав, не предрешает метода формирования и широты ее деятельности, здесь спорить против самого принципа, по-моему, неправильно. Товарищи, которые думают против этого спорить, не понимают серьезно задач производственных совещаний, как мы их определили на XIV съезде нашей партии.

Я хочу здесь в двух словах коснуться вопроса о так называемом выдвиженстве. Мы за эти годы, и особенно через производственные совещания, выдвинули тысячи рабочих, сотни работниц на всевозможные хозяйственные посты. Система выдвижения, проявив в целом ряде случаев свои недостатки, как линия, как правило, себя целиком и полностью оправдала. Но есть такие дефекты, на которые нам нужно обратить внимание. В выдвиженцы не идут квалифицированные рабочие. Правда это, или неправда? Правда. Почему? Потому, что пост, на который его выдвигают, дает ему меньшую оплату, чем то место у станка, где он работает.

Второе—невнимательность к выдвигаемым со стороны выдвигающих организаций, и особенно профсоюзов. Мне в частных разговорах приводили пример, что бывают такие случаи, когда выдвиженцы не желают брать места меньше директора. Это—плохой выдвиженец, его надо послать обратно к станку поработать. Но большею частью бывает обратное. Выдвиженца выдвигают, назначают его сперва заместителем заведующего хозяйственного отдела. Он работает. Потом говорят, что у него нет достаточного опыта, что он не подготовлен к этой работе, что его надо поставить пониже, чтобы он в низах поработал, а потом сюда выдвигать. Переводят в заместители заведующего материальным складом. Парень работает, старается. Заведующий говорит: «Да, хороший, но нельзя на него положиться полностью, через несколько лет из него выйдет хороший работник, а сейчас нельзя положиться, давайте его поставим заведующим столом личного состава». Ставят. Работает. Хороший, говорят, парень, но малограмотный, тут требуется грамотность, давайте назначим его заведующим уборщицами и курьерами. Не стоит перечислять всех лестниц, но он оказывается потом старшим сторожем! Кто

в этом виноват? Виноваты в этом выдвигающая организация и профсоюз. Мало человека выдвинуть и пустить его в новую обстановку и незнакомое дело. Надо помочь ему. А где помощь ему, где наблюдение, куда он может притти, кто его поддержит? Вот над этим нужно подумать и партии и профсоюзам. Вот здесь нужно разработать вопрос, создать такую обстановку, чтобы выдвинутый не был, так сказать, «выдвинут» обратно. Для этого надо создать ему моральную поддержку и внимательность сверху донизу.

Несколько отдельно стоит вопрос о зарплате и о нашей политике в области зарплаты, которого я не могу не коснуться. Товарищи из оппозиции при обсуждении тезисов в Политбюро говорили мне о том, что если бы мои тезисы не содержали несколько ругательных по их адресу моментов, то они могли бы за них с чистым сердцем голосовать, и что если я уберу эти резкости, то они могли бы эти тезисы принять. В частности, такие резкие выпады против оппозиции содержатся в вопросе о зарплате. Я считаю чрезвычайно важным вопрос о зарплате. Зарплата, это—такой вопрос, на котором легче всего проявить демагогию, легче всего итти на безответственные выступления, и который поэтому является одним из самых опасных и острых вопросов. Почему? Да потому, что нет в природе такого рабочего, который был бы зарплатой доволен и не хотел бы больше. Такого рабочего в природе не существует. Вопрос зарплаты, до тех пор пока существует сама зарплата, как система возмещения за потраченный труд, будет острым вопросом, и здесь требуется, особенно во время диктатуры пролетариата, наибольшая отчетливость со стороны партии, наибольшая ясность в нашей политике и решительное разъяснение всех ошибок, всех безответственных выступлений. Я беру апрельский пленум ЦК ВКП(б). Что мы переживали в начале апреля, когда собрался пленум? Наибольшее повышение товарного индекса, наибольшее повышение цен на товары.

Следующим тяжелым месяцем был май. Что будет дальше, мы знали и в апреле месяце. Мы видели все большее вздорожание. Это понимал и знал каждый из рабочих. В то время была предложена поправка т. Каменева к тезисам А. Рыкова: «Политика зарплаты в ближайшем полугодии должна быть построена на принципе безусловного сохранения не номинальной, а реальной зарплаты и подготовки материальных условий (прежде всего поднятия производительности труда) для повышения зарплаты в дальнейшем. Сохранение номинальной зарплаты совершенно достаточно гарантирует твердость реального заработка, лишь поскольку в общем и целом сохраняется и поддерживается твердая валюта».

Что помешало ЦК в апреле принять поправку о сохранении реальной зарплаты и сказать, что сохранение номинальной зарплаты гарантирует твердость реального заработка лишь тогда, когда существует твердая валюта? Первое—это означало бы признание падения нашего червонца. Правильно или нет? Правильно. Второе—это означало бы переход от системы зарплаты в червонном исчислении к зарплате по товарному индексу. Что другое может быть? Пускай хоть один профессионалист или хозяйственник скажет, что это обозначало что-нибудь другое. «Мы вам гарантируем на ближайшее полугодие сохранение реальной зарплаты»,— что это значит? Это обозначало переход на товарный индекс, возвращение к тому времени, когда считали и спорили, сколько стоит картошка в том или другом районе, по какому индексу и т. д. А что означало бы введение товарного индекса в апреле месяце 1926 г.? Это означало бы признание неизбежности не только падения червонца в настоящее время, но и признание неизбежности дальнейшего падения его по наклонной плоскости. Ничего другого не означало бы. Если я скажу: я гарантирую вам на ближайшее полугодие сохранение реальной зарплаты при наличии вздорожания на рынке, давайте подсчитаем, какой ваша реальная зарплата была в апреле или, допустим, к 1 января и какой она должна быть в мае. Вот товарный индекс, вот червонные рубли. Давайте, посмотрим дальше, что это значит? Это значит признание банкротства червонца, признание не только того, что он покачнулся или поколебнулся (об этом можно было бы еще поспорить в апреле), но признание того, что он полетел и будет лететь дальше. Стоит только его толкнуть,—ввести товарный индекс,—и червонец полетит, ибо товарный индекс влечет за собой большее валовое повышение в червонных рублях, тянет за собой эмиссию, большее количество денежных знаков при том же количестве товаров и т. д. Это значит крушение того, что мы купили слишком дорогой ценой.

Мы, профессионалисты, долго колебались, прежде чем перейти от товарного индекса к червонному исчислению. Мы долго обсуждали этот вопрос, это была большая борьба, но, наконец, и профсоюзы и рабочие путем чрезвычайных усилий, путем большой потери бросили товарный индекс, перешли к червонному исчислению, и рабочие выиграли и вздохнули. Они выиграли на твердой валюте, на относительной устойчивости зарплаты. После этого итти на такую меру, какую предлагала оппозиция,—это значит ни в грош ничего не ставить, это значит признать, что червонец падает и будет падать, ибо если его толкнуть, он полетит. Как могут государственные люди выдвигать такое предложение перед

ЦК в такой трудный момент, когда было наибольшее вздорожание товаров? Разве это есть мудрая, разумная политика зарплаты? Разве рабочие поблагодарили бы нас, если бы мы провалили червонец, если бы мы стали расправляться с ним, как это было в 1919 году, путем прибавления на денежных знаках нескольких лишних нулей, когда мы прибавляли нуль на клише и выходило, что рабочий будет получать вместо ста—тысячу? Проходил месяц, прибавляли еще нули—получался миллион и т. д. На целом ряде заводов (имеются документы и факты)—рабочие спрашивали при повышении заработной платы: «А не поколебнет ли это червонец? Если колебнет, то лучше подождать». Я утверждаю, что если пойти на любое фабрично-заводское собрание и поставить перед рабочими вопрос: принять ли ту меру, которая грозит колебнуть червонец, которая влечет за собой с математической точностью падение червонца, т.-е. переход на систему товарного индекса,—я утверждаю, что рабочие скажут: «Лучше потерпим, подождем, но червонец не дадим толкать», ибо рабочие потеряют от этого в первую очередь. Увеличится ли количество товаров от пересчета на товарный индекс? Пусть скажут, как товарный индекс сохранит реальную заработную плату на ближайший год. Многие из рабочих так говорили: «Улучшайте работу кооперации изо дня в день, ибо улучшение работы кооперации есть увеличение реальной заработной платы рабочих». Но как вы можете посредством признания падения червонца гарантировать реальную заработную плату? Это совершенно абсурдное предложение, политически безответственное.

Вот почему я не могу отказаться от смягчения этого пункта, хотя бы и перед такой соблазнительной картиной, что мы все единогласно будем голосовать за эти тезисы. Мы правильно поступили. Когда мы увидели, что перспективы урожая лучшие, чем мы ожидали, производительность труда поднимается, когда мы увидели, что цены начинают выравниваться, тогда мы сами внесли, посоветовавшись с товарищами из профсоюзов, на Политбюро ЦК вопрос о том, чтобы по-деловому обсудить, сколько мы можем прибавить в фонд зарплаты. Мы обсуждали этот вопрос свыше двух месяцев. А как иначе можно подходить к таким большим вопросам, в которых если произойдет ошибка на один процент, то она потянет за собой двадцать—пятнадцать миллионов рублей и может сделать дырку в государственном бюджете и в промышленности?

Не пустыми, безответственными резолюциями такой вопрос решается, а путем деловой проработки, путем тщательного изучения его. Неправильным было это предложение оппозиции. Про-

тив таких предложений и в будущем партия должна жестоко бороться. Такое предложение нельзя иначе квалифицировать, как демагогическое. Здесь нужна резкая квалификация, чтобы не было и впредь охоты на самых больных местах играть, как на струнах. Здесь нельзя допускать никакой безответственности со стороны членов партии.

Далее я хотел бы коснуться вопроса, больного вопроса,—это о нашей безработице. У нас часто поднимают также большой политический шум вокруг вопроса о безработице. Я хочу только перечислить те своеобразные черты нашей безработицы, которые ее отличают от всякой другой безработицы в Западной Европе и Америке. У нас безработица, несмотря на то, что промышленность растет, а не свертывается, как в Западной Европе; несмотря на то, что количество занятых рабочих растет очень сильно, безработица у нас увеличивается. Ее специфические черты: первое—перенаселение; второе—сезонная безработица. (Мы отличаемся от Западной Европы многими чертами; в Англии, например, строитель работает круглый год, а у нас—только летние месяцы. Сотни тысяч этих людей, привлеченных бешеным строительством в городе, числятся остаток года безработными.) Количество безработных у нас, в профсоюзах, на учете больше, чем на бирже труда, но это почти исключительно за счет сезонных рабочих, которые после того, как прорабатывают сезон, попадают в число безработных данного профсоюза. Причина этого — перенаселение крестьянства, которое выбрасывает к нам излишние силы. Новое в составе безработных, числящихся на учете, заключается также и в наших новых бытовых условиях, а именно в следующем: женщина не хочет быть домашней хозяйкой,—вы понимаете это,—она предлагает свои рабочие руки на рынок, она заявляет: «Лучше буду работать на фабрике, чем на кухне околачиваться!».

Таков характер нашей безработицы. Если мы устраним из общей картины безработицы такое явление, как сезонную безработицу, если исключим эти элементы, о которых я говорил, мы увидим, что безработных квалифицированных рабочих у нас зернышко, пустяки. Если можно говорить, что в борьбе с прогулами квалифицированных рабочих мы ничего не можем сделать, то это объясняется именно тем, что никто хорошему токарю или слесарю за прогул не откажет. Их с завода на завод переманивают. Я знаю случай, когда рабочий приходит наниматься и говорит: «Я работать буду, все мою работу знают, но только, извините,—никаких выговоров, если я загуляю». И его принимают. Что ж, хороший работник—ничего не поделаешь! Квалифи-

цированных рабочих у нас недостаточно, промышленной безработицы у нас почти нет; такая безработица не выходит у нас за пределы «субъективной» безработицы в виде временных перераспределений внутри промышленности и т. д., когда рабочие с одного завода переходят на другой. Это нормальная безработица. Для квалифицированных рабочих, для обученных рабочих безработица не выходит за пределы такой безработицы, которая определяется нормальной для Западной Европы цифрой около 8%, а общая безработица велика.

Какие союзы насчитывают наибольшее количество безработных членов? Союз строителей имеет 17,8%, союз сельхозлесрабочих—15% безработных. Это сезонники. Совторгслужащие—12,3%: это—в связи с сокращением штатов. Пищевики, часть промышленности которых тоже сезонная—7,3%, и рабпрос—5% членов союза. По остальным союзам количество безработных ниже 5%.

Указанные выше основные причины говорят за то, что, несмотря на широкий спрос на рабочие руки в городах, мы будем иметь на ряд лет хроническую безработицу. Но говорить о нашей безработице, как о равной, или сравнительно равной, или похожей на западно-европейскую безработицу, не приходится.

Я хотел коснуться еще одного вопроса. Неправильно изображают, что в города, в силу дифференциации деревни, приливает только беднота. Я думаю, что это неправильный и голословный вывод. Если вы посмотрите на современную деревню, то вы увидите, что деревенская молодежь за эти годы культурно поднялась. Деревня с ее старым укладом—«от колокольни до околицы»—не удовлетворяет современную деревенскую молодежь, и она рвется в город на какую угодно работу. Это далеко не всегда беднота, это в большинстве случаев середняки, а есть и дети зажиточных крестьян. Я уверен, что если мы произведем анкетное обследование крестьянства, прибывающего в город, то мы найдем, что цифры в равной мере будут отражать социальный состав деревни.

Особо стоит вопрос о безработице среди молодежи. Безработица среди молодежи принимает опасный характер и главным образом безработица среди детей рабочих. Я думаю, иваново-вознесенцы хорошо знают, как больно стоит вопрос во всех промышленных предприятиях о переростках и подростках, которых некуда девать, которых нельзя использовать в промышленности. Я думаю, что особенно остро и болезненно стоит этот вопрос теперь, когда беспризорность еще не ликвидирована, когда молодой парень, по выходе из школы, не попав на фабрику, остается на улице, когда он остается вне воздействия рабочей обществен-

ности. Ведь наша работа как поставлена? Партийная работа—по производственному принципу; работа на предприятиях—среди рабочих; комсомол работает тоже по производственному принципу, профсоюзы работают так же, а молодежь—вне предприятия и деревни остается вне нашего внимания. Клубы для нее закрыты—отсюда растет известная часть опасных, социально-вредных элементов, отсюда растет волна хулиганства, о которой, впрочем, нужно здесь сказать, что она (волна хулиганства) чрезвычайно преувеличена. Преувеличена она до смешного, до курьеза. Действительно, сделали из мухи слона. Несомненно, что элементы хулиганства наблюдаются в пролетарских районах среди рабочей молодежи, еще не установившейся в бытовом отношении, находящейся вне производства. Эта молодежь тянет за собою часть молодежи фабрично-заводской и даже комсомольской. Что это явление имеет место и что оно опасно—это факт, но тут так раздули этот вопрос, такой подняли шум и придали ему этакий социальный оттенок, что, когда я читал и слышал о том, что говорят о хулиганстве, как много вокруг этого шума, ей-ей не только у меня, но, я думаю, у многих старых рабочих зашевелилось этакое старое, обидное за рабочих, чувство. (Голос: «Бросить гайкой».) Ведь посмотрите: лучшее, что есть в Советской России, пролетариат, лучший класс в мире, класс, которому надлежит освободить человечество—и вдруг, пожалуйте, кричат во всех газетах, на всех перекрестках, кричат: «хулиганство затопляет рабочий класс, смотрите, любуйтесь, вот вам рабочий класс». Ведь у нас есть другие слои, есть нэпманы, есть высоко-интеллигентные слои, они разве не хулиганят? Чего только не сваливают в рубрику хулиганства! Получилась картина: «любуйтесь, смотрите, вот вам рабочий класс, вот вам носитель освобождения человечества». А о буржуазии и полубуржуазии, которая хулиганит в кабаках и прочих местах, о них нигде ни слуху, ни духу. Да, должен сказать, что в этом вопросе здорово пересолили, когда под хулиганством подразумевается равно и песня на улице, и изнасилование женщины, и нападение на комсомольскую демонстрацию. Что же тогда не хулиганство? (Рязанов: «Обращение к прокурору на ты—тоже хулиганство».)

Вот есть такая газета «Призыв», издается она во Владимирской губернии. Я прочту, товарищи, один интересный документ из этой газеты, чтобы разобраться в том, что у нас теперь называют хулиганством. Этот большой вопрос, который занимает все наши газеты, так преломляется в мозгу администратора, призванного бороться с хулиганством: «В целях борьбы с хулиганством на территории Владимирской губернии губернским административным

отделом разработан проект обязательного постановления, по которому запрещаются»... что бы вы подумали?—«... драки и производимые ради озорства шум, крики, пение и музыка на улицах и в частных домах после 10 часов вечера». (Смех.)

Второе—«запрещается бросание в местах общественного пользования взрывчатых аппаратов (смех), а также стрельба из огнестрельного оружия и из пугачей». (Смех.) Я, пожалуй, не стану все читать, ибо и дальше все в этом же духе. (Голоса: «Читайте, читайте») «...а также стрельба из огнестрельного оружия и из пугачей в черте населенных мест или в местах скопления людей, не вызываемая целями самообороны...» (Смех.) «Совершение в публичных местах разного рода бесстыдных действий, как, например, приближение к купающимся другого пола. (Смех.) Публичное произношение бранных, нецензурных слов, озорные хулиганские поступки, направленные против личности отдельных граждан или приставание к ним в общественных местах». Очевидно, не в общественных можно! (Смех.) «Намеренное, с целью озорства, толкание прохожих или хлестание их прутьями». (Смех.) «Хождение по тротуарам толпами и намеренное преграждение пути прохожим, обрызгивание прохожих водой, грязью или плевками, а также бросание в них снегом, бросание камнями или другими предметами в проходящих животных». (Смех.) Вот как, товарищи, в мозгу некоторых советских администраторов, затуманенных газетной шумихой, преломляется хулиганство.

Вот вам иваново-вознесенская газета «Рабочий Край». В ней печатаются портреты преступников. Я так думаю: можно и большое наказание наложить на человека за дело, но напечатать портрет человека, как преступника, не за то, что он общественные деньги украл или еще какую-нибудь подобную подлость сделал,—это, я думаю, не годится. Вот портрет первый. «З., 25 лет, контролер сада текстилей. В Хуторове приставал к гуляющим и лез драться». И вот его портрет. Вот и другие портреты напечатаны, все это—рабочие, и у всех мелкие проступки на почве пьянки:

«Гайпулин, Г. и Негматулин, Х., рабочие Ново-Прядильной фабрики, пели на улице песни и выражались нецензурными словами».

«Лебедев, В. П., работающий в колбасной ИВЕПО, будучи в нетрезвом виде, на сквере выражался нецензурными словами».

«Зимин, Н. В., 29 лет, землекоп Ново-Прядильной фабрики, Маринычев, А. М., Петров, А. К., 30 лет, и Солдатов, И. В., 30 л., рабочие фабрики имени Афанасьева, выражались нецензурными словами и приставали к прохожим».

«Ефремов, В. И., 20 лет, чернорабочий Сосневской ману-

фактуры, идя по Советской улице, в пьяном виде, дал пинка прохожему».

Дальше в той же газете читаем: «Хулиганам бойкот на фабриках и заводах. Презрение найдут они в рабочей семье». За какие действия? Что сделали эти люди? Разве это такие тяжкие преступники? Напр., «Егоров, П. К., 26 лет, Чижов, П. Д., 44 лет, и Чижов, Н. П., 21 года, плотники по вольному найму, пели песни на улице». «Бойкот им на фабриках и заводах, презрение найдут они в рабочей среде».

Товарищи, ну, а что же нужно делать за большее? Не чересчур ли крепко? Не следует ли более терпимо подходить к несознательным рабочим, их слабостям, ошибкам и проступкам? Когда старый рабочий посмотрит на всю эту шумиху, начавшуюся вдруг, то, ей-ей, все это наведет его на тяжелые размышления. Я уверен в том, что обыватели в худшем смысле этого слова смакуют все это с большим удовольствием. А между прочим, что это за хулиганство? Я уверен, что столько же, сколько пишут во всех газетах за неделю, в любом рабочем районе (возьмем хотя бы Питерский район, Нарвский) можно было увидеть в дореволюционное время за одну субботу и воскресенье. Раньше мы никогда внимания не обращали на это. А тут, видите ли, такую Америку открывают, что русский рабочий пьет, что пьяный поет песни, что он иногда покроет, насчет родителей чего-нибудь вспомнит. (Смех.) Вот все это вместе с уголовщиной сваливают в одну кучу хулиганства, в одну кучу валят с насилием, поджогом и т. п.

Недавно можно было увидеть интересную картину в одном московском клубе. Поймали двух «хулиганов» и тут же учинили над ними публичный суд в клубе. Посадили защитника, прокурора. В чем же их обвиняли? Одного в том, что он во время лекции дергал за косичку девицу, сидящую перед ним. И за это публичный суд закатили. Очень часто детское, ребяческое озорство, за которое следует по товарищески пожурить, приравнивают к хулиганству. С этим нужно покончить. Тому хулиганству, которое представляет собой опасность, которое вытекает из условий беспризорности и безработицы и имеет экономические корни, мы должны объявить жестокую борьбу. Мы должны объявить жестокую борьбу и беспризорности—этому должен быть положен конец. Я думаю, что мы плохо боремся с беспризорностью. (Голоса: «Правильно».) Мы должны теперь, на 9 году диктатуры пролетариата, поставить себе целью, чтобы к 10 году диктатуры пролетариата с беспризорностью было покончено. Мы можем и должны принять все меры к тому, чтобы изжить это

явление,—когда подростки и, даже более страшно, когда переростки—сыновья рабочих, которые не могут найти применения своему труду в производстве,—идут на улицу. Мы должны вовлечь эту молодежь, находящуюся на улице, в сферу влияния рабочих организаций, в рабочие клубы.

Мы должны сами рабочие клубы, самую работу клубов сделать шире и свободней. В каком отношении шире и свободнее? У нас часто слишком пересаливают в отношении регламентации культработы.

Возьмем, например, физкультуру. Когда начали дело физкультуры, то было очень много настроений против спортсменства и рекордсменства. Я был не из последних борцов за развитие рабочей физкультуры. Но я первый поставил вопрос о том, что физкультуру эту стали применять слишком механически. Одну и ту же физкультуру предлагают и грузчику, который целый день таскал тяжести, и советскому служащему, который целый день не упражнял своих мускулов. Теперь, признав это правильным, стали перегибать в другую сторону, все стали заниматься физкультурой и все по линии коррегирования, т.-е. исправляющих движений. Так пошло, что уже дышать нечем. Никакой другой физкультуры нельзя применять, только занимайся коррегированием движений, зарядкой, разрядкой. А я, например, не хочу заниматься зарядкой, разрядкой, коррегированием,—тогда что? (Смех.) Разве можно так подходить? Что за бездушный, кабинетный подход. За что возьмутся, переусердствуют и сделают так, что сил никаких нет. Пошла борьба против рекордсменства, против спортсменства. Для тысячи людей, конечно, может быть, спортсменство, рекордсменство и не нужно и даже вредно, но среди этой тысячи есть 5 человек с живым темпераментом, с сильными мускулами, которым нужно рекордсменство и спортсменство. Им нужно куда-то приложить свою силу,—пусть они пойдут и ставят или бьют рекорды.

Заставляют каждого делать так, как нам хочется, как мы в кабинете придумали. Ведь это же живые люди, а над ними, как над кроликами, опыты делают. Нужно считаться с тем, что хорошо, но нужно считаться и с тем, что данному человеку хочется. Нужно поднимать культуру постепенно, не сразу, не надумывая желательного нам человека, а беря его таким, как он есть. Во всех областях культурно-просветительной работы, как и здесь, нужен сдвиг. Меня сколько раз обвиняли в оппортунизме за то, что я проповедывал (о ужас!) танцы в рабочих клубах. И чрезвычайно добродетельные, ортодоксальные комсомолки и комсомольцы написали мне как-то записку: «Как вам

не стыдно, т. Томский, защищать такие вещи, как танцы!» А я знаю, что эта самая добродетельная молодежь ходит на рабочие окраины к какой-нибудь тетке Дарье или Марье, снимает там комнату и, занавесив окна, такие танцы откалывает, без посторонних взглядов, что дым коромыслом идет. Я, думаю, пускай лучше в рабочем клубе танцуют.

Что лучше—заниматься культурно-просветительной политикой классового воспитания или танцовать? Конечно, политическим воспитанием заниматься лучше, но может ли рабочий выдержать после 8-часового рабочего дня, если изо дня в день его будут лекциями накачивать? Не может. Отдельные люди, конечно, могут. Но пытаться все живое загнать в одинаковые, надуманные рамки невозможно. Нужно объявить войну пустым, мертвым идеям и таким методам работы.

Если мы сумеем правильно подойти к массе и к каждому рабочему, в частности сумеем объявить борьбу беспризорности, сумеем повести борьбу с безработицей среди рабочей молодежи, сумеем взять эту молодежь в сферу влияния клубной работы, приспособить клубную работу к тому, чтобы каждый находил соответствующие его темпераменту и свойствам удовлетворение и культурную работу, наша задача будет выполнена.

Вот к примеру, экскурсии в музей. Они хороши, прекрасны и т. д., но я не люблю музеев. Я всюду бывал: и в Париже, и в Лондоне, но в музей не иду—скучно. Вот вы меня потащите в музей, а я скажу: я на охоту хочу. (Смех.) Нельзя же всех равнять по одной мерке. Экскурсия в музей. Хорошо. А другие экскурсии? А вы попробуйте другие методы, другие формы вовлечения молодежи в пролетарскую общественность и культработу, которые соответствовали бы отдельным оттенкам, темпераментам, известному мускульному развитию и т. д. Надо эти методы поискать.

Я остановлюсь теперь самым кратким образом на вопросе: партия и профсоюзы. Здесь, я думаю, об этом много говорить не стоит. Мы можем констатировать известный сдвиг, известное улучшение во взаимоотношениях между высшими партийными органами и профсоюзами. В губерниях мы имеем известные улучшения, но не везде. Я, к сожалению, должен констатировать, что ниже губерний проведение решения XIV съезда партии далеко не пошло. Наша беда заключается в том, что мы еще не сумели перевоспитать в этом отношении низшие звенья нашей партийной организации. Эта задача в тезисах указана довольно четко. Я думаю, что с этим конференция может и должна согласиться.

Последний вопрос—вопрос международный. Я не стану, после речи т. Бухарина, особенно долго на нем останавливаться. С докладом т. Бухарина я целиком и полностью согласен. Я должен только оправдать один из тезисов, относительно которого товарищи из оппозиции говорили, что я их чуть не облыжно ругал, но у них ведь память плохая. Я хочу остановиться на тезисе об англо-русском комитете. Что предлагала оппозиция? В чем заключалось ее предложение? Разорвать с англо-русским комитетом. Почему? Сделать «революционный жест», чтобы все поняли, и т. д. Нельзя сидеть вместе с предателями. А я говорю, что эта установка, при данных условиях, ведет не туда, куда мы должны направить внимание наших братских коммунистических партий; она ведет не к вовлечению масс в профсоюзы, не к борьбе через профсоюзы, а ведет мимо них, оправдывая выход из профсоюзов, оправдывая наплевательское настроение по отношению к профессиональным союзам со стороны не по уму «левых» коммунистов. Ведь в 1907 г. нам тоже не особенно приятно было сидеть вместе с предателями, когда мы в единственном числе были в ряде правлений профсоюзов, когда рядом со мной в правлении печатников сплошь сидели меньшевики и эсеры да я один; так и хотелось оттуда улепетнуть. Чувство подсказывает: не хочу с предателями сидеть; как ни поднимешь руку,—все равно оказываешься в меньшинстве; но ничего не поделаешь, ведь к массам не доберешься иным путем, как только этим. Установка нашей коммунистической партии должна быть такая: «через профсоюзы обретешь ты массы». А каким методом? Методом, о котором так ясно говорил т. Бухарин и о котором я говорил на расширенном пленуме Коминтерна, где против меня никто не спорил, где я указывал, что задача коммунистических партий заключается в том, чтобы они начали приходить в профсоюзы, как деловые работники, приходящие туда серьезно работать. Я припоминаю, как мы, большевики, в 1907 г. приходили. Приходили и начинали с того: Лондонский съезд постановил: партия и союзы... А нам говорят: долой, проваливай. Мы в 1907 г. тогда изменили фронт и пошли просто работать в профсоюзы, изучали тарифные сетки и проч. и в 1909 г. имели уже значительные успехи и заполняли правления ряда союзов. До сих пор еще некоторые коммунисты, начиная свою работу в западно-европейских союзах, говорят о плане Дауэса и т. д. Отсюда вытекают те явления, о которых говорит т. Бухарин. Масса, доверяя коммунистам политически, не доверяет им защиту своих профессиональных интересов, а когда дело доходит до повседневной экономической борьбы, предпочитает социал-демократов. Вот, говорят, вы, то-

варищи-коммунисты, занимаетесь планом Дауэса и т. д., а насчет тарифной сетки и коллективных договоров этим не хотите и не можете заняться, до этого вам нет дела. Надо помнить, что коммунисты завоюют профсоюзы тогда, когда они будут вести там рядовую работу, изучать ее с начала до конца, сумеют завоевать, заслужить доверие масс на практической работе. Вот на что надо тянуть братские коммунистические партии. Если в это время бросают лозунг: «так как они предатели, не хотим с ними вместе сидеть» и говорят, что это, мол, «революционный жест», который поймут рабочие всего мира, то мы говорим, что это установка на выход из профсоюзов, это установка на наплевизм. Я считаю, что и конференция должна это подтвердить.

Я думаю, товарищи, что, подводя итог,—сделали ли мы все, осуществлены ли те директивы, которые дал XIV партсъезд в области профессиональных союзов,—мы должны сказать, что не все директивы осуществлены. Приступили к их осуществлению? Приступили. Есть ли успехи в этом отношении? Есть успехи. Есть ли недостатки? Есть недостатки. И вывод,—с этими недостатками будем бороться, а сделано нами с вами за эти годы немало. Что бы ни говорили, как бы мы сами и наши противники ни критиковали работу, но мы за 9 лет советской власти создали небывалое в мире централизованное, стройное, мощное профессиональное движение, имеющее около 2 милл. низового актива, сумели развернуть широко культурно-просветительную работу, создали движение, которое шло на протяжении всей революции рука об руку с партией, вместе строило советскую власть, вместе ее завоевало, строит социализм и, я уверен, вместе и построит. (Продолжительные аплодисменты.)

Председательствующий. Товарищи, я предлагаю перерыва не устраивать и до 3 часов заслушать еще трех ораторов. Возражений нет? Нет. Слово имеет т. Угланов. (Аплодисменты.)

Угланов. Товарищи, в период времени от XIV съезда до XV конференции в работе партии в области профессионального движения была задача провести в жизнь решения XIV съезда партии. Если оглянуться назад за истекший промежуток времени от XIV съезда до настоящего момента, то мы можем сказать, что успехи у партии в этой области есть: массовая работа профессиональных союзов безусловно улучшилась, выборность профессиональных организаций, начиная с низовых фабрично-заводских комитетов, является регулярной и широкой. Но есть отдельные факты, когда крупное обновление, в особенности фабрично-заводских комитетов, приводит к значительному ослаблению работы.

Отчетность пред профсоюзными массами продвинулась за указанный период значительно вперед. Наши партийные кадры, работающие в профессиональных союзах, в этом отношении многое успели, улучшили и продвинули значительно вперед. Важнейшая директива XIV съезда партии о задачах профессиональных союзов ограждать и защищать в повседневной своей работе экономические интересы членов профсоюзов тоже в значительной степени усвоена руководящими кадрами партийных работников-профессионалистов и проводится в жизнь.

Два слова по вопросу о «треугольнике», о котором говорил т. Томский. Вопрос о «треугольнике» и его работе необходимо определить более четко. К сказанному т. Томским я хотел бы добавить, что задачей партии является сохранение этого «треугольника» и улучшение его работы. Мы знаем случаи, когда отдельные партийные товарищи, работающие в профсоюзах, имеют неверную тенденцию, направленную к тому, чтобы уничтожить этот «треугольник». Они выставляют себя самостоятельной стороной и заявляют: мы с хозяйственниками не желаем иметь дела. Такие настроения, товарищи, есть. Если бы эти настроения углубились, они бы взорвали «треугольник». Этого допускать нельзя. Владимир Ильич еще в 1922 году, накануне XI съезда партии, ставя перед партией проблему восстановления хозяйства, поставил вопрос и о взаимоотношениях, вопрос о «треугольнике». Владимир Ильич указал, как этот «треугольник» работу свою должен улучшать. Наша задача—устранить в дальнейшей работе недостатки, имеющиеся в этой области. Это первый вопрос.

К числу недостатков в массовой работе я считаю необходимым отнести слабость связи центральных комитетов союзов и руководящих кадров центральных комитетов с предприятиями. Слишком редко посещают руководители центральных комитетов союзов наши фабрично-заводские комитеты. Не всегда члены профсоюзов, даже крупных предприятий данной отрасли промышленности, знают своих руководителей. Это слабое место нашей работы в профсоюзах должно быть в дальнейшем устранено.

К числу недостатков работы партии в профсоюзах нужно отнести, товарищи, слабость работы с техническим персоналом. Хотя за этот год работа эта и продвинулась вперед, но все же она незначительна. Работу с техническим персоналом нужно усилить. Пока работа среди технического персонала идет по линии вовлечения и организации технического персонала, в области защиты их повседневных интересов. Углубленной работы в секциях технического персонала в области организации хозяйства пока

что мало. Это необходимо отметить. У нас сейчас происходит по Москве и в губернии огромное количество производственных конференций. Технический персонал там участвует, но степень участия технического персонала мы считаем все же недостаточной. В дальнейшей работе нужно будет дать более энергичный толчок в этом направлении. Работу в этой области необходимо усилить и, главное, углубить.

Таким образом общие итоги в массовой работе профсоюзов сводятся к следующему. В массовой работе после XIV съезда, безусловно, имеются значительные достижения, работа развернулась и неуклонно разворачивается, крепнет. В последнее время некоторые руководящие товарищи из ЦК нашей партии, принадлежащие к оппозиции, сделали попытку огульного обвинения, огульной оценки работы партии в профсоюзах, как работы полного обюрокрачивания. Эта попытка, товарищи, не выдерживает никакой критики. Такая оценка искажает действительное положение дел и, мягко выражаясь, является клеветой на партию, на партийную политику и на кадры партийных работников, работающих в профсоюзах.

Второй вопрос—вопрос участия профсоюзов в социалистическом строительстве. Я хочу обратиться несколько к истории нэпа. Как дело обстояло в 1922 г. на XI съезде партии, тогда, когда мы твердо вступили на путь нэпа? Тогда мы на XI съезде партии во весь рост, во всю ширь поставили вопрос о более энергичном воздействии профсоюзов на хозяйственные органы для того, чтобы нам двинуть вперед дело восстановления. И решение это было совершенно правильное. Оно несомненно помогло партии и советской власти восстановить хозяйство, собрать распыленный пролетариат и добиться в кратчайший срок восстановления нашего хозяйства. Задача была поставлена совершенно правильно. И я думаю, что вот теперь, когда мы вступили в новый период, в новую фазу хозяйственного развития, когда задачи в области социалистического строительства, в области накопления будут гигантски трудны, тут, товарищи, задача сплочения пролетариев вокруг социалистического строительства является важнейшей. Если мы внимательно вслушаемся в разговоры, в настроения, в выступления во время наших докладов на предприятиях среди массы рабочих, то на-ряду с вопросом об улучшении его материального положения рабочий со всей твердостью и четкостью постоянно, систематически говорит об организации хозяйства, об экономии в производстве. Вопрос этот гвоздем стоит в голове рабочего. Спрашивается: партия, советская власть при помощи

кого может это сделать? Это может быть сделано только при более энергичной работе в этой области профсоюзов. Вот почему, товарищи, когда мы говорим о профсоюзах, то нужно не забывать, что на-ряду с резолюцией XIV съезда партии по вопросу о профсоюзах мы должны иметь в виду соответствующие решения XI съезда партии. В резолюции XIV съезда партии об этом сказано. Нельзя забывать, что хотя успехи есть в этой области, и мы начинаем развертывать работу производственных конференций, все же мы не можем сказать, что у нас много серьезных достижений в работе партии в профсоюзах, особенно по участию профсоюзов в хозяйственном строительстве. Здесь есть слабости, товарищи, и об этом нужно сказать. Конечно, в этом году работа производственных совещаний лучше, чем в прошлом году, но она неизмеримо слаба по сравнению с теми задачами, которые перед нами стоят. Здесь я считаю, что т. Томский недостаточно четко и твердо об этом сказал. Работа слаба, она слаба,—как отмечено в тезисах т. Томского,—по халатности, невниманию, пренебрежению администрации, с одной стороны, она также слаба и по невниманию, по халатности и по непониманию со стороны наших товарищей, работающих в профсоюзах. Это тоже нужно сказать, это факт, которого никто отрицать не будет.

Организация работы производственных совещаний оформлена, ее нужно двинуть вперед. Задачи в области хозяйственного строительства, которые сейчас перед нами стоят в связи с переходом в новую фазу хозяйственного развития, мы можем двинуть только после того, когда наши партийные кадры в профсоюзах будут считать важнейшей своей деятельностью, на-ряду с ограждением экономических интересов своих членов, и работу по хозяйственному строительству. Тогда эти две половинки, составляя целое, сумеют мобилизовать рабочий класс. И тогда мы успешно двинем дело.

Как оживить работу производственных совещаний? Тов. Томский выдвинул лозунг—«временные контрольные комиссии». Я считаю, что такая постановка вопроса несколько гола. Мы еще в недостаточной степени, на недостаточную высоту поставили работу производственных совещаний, еще надо эту работу углубить и закрепить. Я согласен, чтобы одним из методов закрепления этой работы был подход к проверке практической деятельности наших заводоуправлений.

Я считаю, что это можно сделать так. Проверку деятельности хозоргана за тот или иной отрезок времени, в той или иной области производить периодически, заводским комитетом через

производственные комиссии. Производственные комиссии выделяются производственным совещанием и ведут текущую работу. Эти производственные комиссии время от времени, и в зависимости от обстоятельств, от хода дела, могут, по решению заводских организаций, проверять работу за определенный промежуток времени. Я думаю, что будет лучше не нагромождать лишних комиссий. Тов. Томский говорил о работе производственных совещаний: вот придет директор, расставит диаграммы и станет докладывать, а пришедшие из цеха рабочие не разберутся и т. д. Я считаю, что т. Томский несколько упростил вопрос. Не в этом дело. Если работа производственных совещаний будет регулярна, если она будет постоянна, если производственные совещания будут собираться на предприятиях не раз или два в год, а примерно в 2 месяца раз, 6 раз в год, тогда к этим диаграммам и столбикам рабочие привыкнут. Да и сейчас дело обстоит неплохо. Рабочие читают «Экономическую Жизнь», «Правду», «Известия», «Труд», профессиональные журналы и со всеми материалами знакомы. Вот почему нельзя умалять ту работу, которая есть. Я рассчитываю, что т. Томский сделал это со стратегической целью, чтобы заострить вопрос. Заострять вопросы хорошо, но в этой области дело обстоит не так, как кажется т. Томскому. Рабочие диаграмм и цифр не пугаются и разбираются в своем деле. Конечно, главным образом передовые рабочие понимают цифры и диаграммы, но ведь в производственных совещаниях участвуют передовые рабочие, и они задают тон.

Само собой понятно, что наша задача вовлекать всех рабочих, но все-таки тон и музыку в области политики на предприятиях дают передовые рабочие—и коммунисты и беспартийные. Вот почему здесь опасаться нечего. Я думаю, для того чтобы вливать живую душу в работу производственных совещаний, для того чтобы передовые представители рабочих могли добраться до деталей, существующие производственные комиссии и могут сами периодически производить те или иные обследования или мероприятия. Это будет правильно и потому, что в производственных комиссиях участвуют представители администрации, технического персонала и т. д. В этом деле поверки своей деятельности должны принимать участие и представители администрации, директора и т. д. У нас не две стороны на предприятии, у нас, на-ряду с фабзавкомом, ячейкой партии, рабочий класс представляет и советский администратор, который является приказчиком рабочего класса и советской власти. Мы полагаем, что именно так нужно поставить вопрос, и тогда продвинется вперед и вопрос об активном участии проф-

союзов в организации хозяйства. Я думаю, что если пойти по линии производственных конференций, углубления работы производственных совещаний и организации контроля и поверки работы периодически через производственные комиссии, то это будет лучше.

Я еще хотел остановиться на вопросе о профсоюзном активе. Громаднейшие задачи, которые стоят перед партией в области мобилизации поголовно всего рабочего класса на дело социалистического строительства, во весь рост ставят перед партией вопрос о создании крепких, политически высоко поднявшихся кадров профсоюзов.

Обновление и расширение профсоюзного актива мы имеем. Актив широкий и довольно могучий. Но все же задача политической квалификации, задача культурной квалификации кадра работников профсоюзов приобретает сейчас важнейшее значение. У нас уже имеются случаи, когда отдельные работники профсоюзов считают, что задача узко-профессионального порядка—их задача, а вопрос организации хозяйства—дело хозяйственника. Линия хвостизма в работе отдельных работников профсоюзов имеется. Имеется непонимание общей политики, общей хозяйственной политики. Разрешите взять на себя смелость и заявить: я все-таки считаю в известной степени не случайностью, почему в течение полутора дня товарищи профессионалисты, присутствующие здесь в большом количестве члены ЦК союзов, почему ни один из них не выступил в прениях по вопросам хозяйственной политики. (Рязанов: «Всякий сверчок знай свой шесток».) Нет, т. Рязанов, никогда сверчок профессионального движения Советского Союза не может сидеть на цеховой печке, он должен сидеть на печке Мартена, на печке общих задач пролетариата в СССР. (Рязанов: «Правильно, т. Угланов».) Вот в чем дело. Я считаю одним из важных недостатков, когда в известный промежуток времени у товарищей ослабевает внимание к вопросам организации хозяйства. Этот минус надо устранить и двинуть это дело на всех парах. (Голоса: «Правильно!». Продолжительные аплодисменты.)

Председательствующий. Слово имеет т. Семков.

Семков. Товарищи, ЦКК и ее органами на местах произведена была огромная работа по обследованию двух вопросов, связанных с докладом т. Томского,—о производственных совещаниях и о «треугольнике». Все те цифры, которые приводил т. Томский по данным ВЦСПС, проработаны нами. Материалы по одному вопросу—по 150 заводам, по другому—по 82 заводам подтвер-

ждают все это. Вместе с тем нужно установить, что кроме огромного количественного роста и рабсилы и профактива и благодаря этому росту возрастают огромнейшие трудности и ряд коллизий во многих моментах профсоюзной и партийной работы на заводе, в цехе. Я хотел бы обратить ваше внимание на наиболее важные вопросы.

Возьму вопрос о производственных совещаниях. Несмотря на их количественный рост, несмотря на то, что проявлена огромная активность, в ряде мест есть некоторая опасность бюрократического извращения деятельности производственных совещаний, как, например, замена производственных совещаний производственными комиссиями. Великое дело превращается в аппаратную работу. Сущность вопроса о производственных совещаниях заключается во втягивании все новых и новых слоев в социалистическое строительство. Но в ряде предприятий на основании наших обследований можно было установить, что производственные совещания работают меньше, и наиболее активно проявляют себя производственные комиссии. Вот эта замена, которая имеется в ряде мест, наиболее опасна. Мне кажется, что производственные комиссии свое лицо, свои функции еще не определили, и поэтому рано торопиться искать новые организационные формы в проекте организации контрольных комиссий. Не потому они нецелесообразны, что есть боязнь возврата к старому рабочему контролю. Этого быть не может. Мы слишком выросли на новой хозяйственной базе. Вырос рабочий класс. Речь идет лишь о том, что нет нужды создавать новые организационные формы, ибо таковые имеются, надо лишь поставить на должную высоту их работу— работу производственных комиссий. Я внимательно слушал речь т. Томского и считаю, что производственные комиссии в достаточной степени могут справиться с тем, что здесь говорил т. Томский. На них лежит подготовка по упорядочению работ, но не замена производственных совещаний.

Второй опасностью во всей работе производственных совещаний является торможение в осуществлении тех мероприятий, которые у рабочих законно выплывают в цеховой, заводской работе. Они тормозятся и по линии хозяйственной, временами и по профсоюзной линии. Это торможение главным образом является опасностью там, где вопросы труда, вопросы коллективных договоров, вопросы хозяйственной политики партии бюрократически извращаются; в результате получается ослабление работы производственных совещаний, отсутствие интереса и уверенности в результативности их работы. Поэтому я считаю, что, несмотря на

огромные достижения, несмотря на те мероприятия, которые принимаются, производственные совещания требуют еще принятия мер к улучшению их работы и по изживанию имеющихся дефектов. Нам нечего искать новых форм, они есть, надо только эту работу наладить и развернуть.

Второй вопрос, это—вопрос о нашем «треугольнике». Я считаю, что есть слишком много литераторов, которые пишут о крестьянском вопросе, о существенном вопросе нашей республики, много интересуются вопросами международной политики и чистой теорией и слишком мало пишут о деталях рабочего вопроса. Я скажу,—может быть это слишком смело,—что мы меньше знаем рабочие массы, чем мы их знали до Октября. Мы их знаем слишком поверхностно, формально. Мы подходим к рабочему классу, как к чему-то единому, забывая о том, что есть прослойки, что есть внутренние процессы, происходящие в различных группах рабочих. Я не видел серьезных трудов по этому вопросу, а они важны, ибо только на точном знании процессов, происходящих в рабочем классе, в предыдущие годы—с Октября и по нэп—мы строили нашу тактику и стратегию классовой борьбы. Теперь мы это меньше всего знаем, и поэтому временами получаются прорывы на этой почве. Мы не знаем многих процессов, которые в цехах проходят мимо ячейки и мимо фабзавкома. Я вполне согласен с т. Томским, что временами рабочие выражают свое недовольство анархическим путем, но не всегда. Можно ли считать недовольство цеховых групп рабочих анархическим, когда фабзавком просмотрел их бытовые нужды, когда ячейка проглядела, когда хозяйственник тормозит проведение в жизнь элементарных бытовых требований? Поэтому я считаю, что надо уметь отделять эти формы недовольства от анархических проявлений отдельных групп рабочих, не считающихся ни с уставом союза, ни с его дисциплиной, нарушающих решения союзной организации своими требованиями. Но, несомненно, надо обратить сугубое внимание на те слои, которые законно, в рамках возможного, нажимают и требуют осуществления их законных пролетарских прав.

В этой области у нас дело обстоит еще плохо. Возьмем для примера колдоговорную практику. В колдоговорной практике мы имеем, как массовое явление, что от 50 до 80% рабочих участвуют в обсуждении договора в его первой стадии. А многие ли знают, как договоры обсуждались в последней стадии, там, где подписывается рука представителя рабочей профорганизации? Не знают. Поэтому и говорят на заводах и предприятиях, что колдоговоры

подписываются в Москве центровиками. «При чем мы здесь?» Поэтому они их нарушают, ссылаясь, что тот или другой пункт договора им неизвестен. Нам пора переходить к следующей стадии, к рассмотрению договоров не только в предварительной стадии, но и в окончательной стадии, так чтобы рабочие знали, какие у них права и обязанности.

Мне кажется, что одним из недостатков нашей работы является то, что, несмотря на ряд партийных постановлений, несмотря на вновь опубликованный устав, все-таки фракций фабзавкомов на деле не существует, и мы имеем, по всем нашим данным, факты, что они слабо проявляют свою работу. В нашей сложной хозяйственной обстановке, на гигантских заводах в особенности, с целой сетью разбросанных на предприятии организаций, разве можно мириться с тем, что фракции профсоюзных организаций не живут и не дышат, не проводят правильную партийную политику в профессиональной работе? Надо вновь напомнить парторганам на местах, что нам необходимо проводить через эти фракции решения партии. Фракции должны быть созданы, чтобы они могли работать, но не надо чрезмерно опекать их, как это делается иногда, и не надо, как это бывает в ряде мест, мариновать их.

Следующий вопрос—о наших директорах. Я скажу, не в обиду хозяйственникам, что вопрос о директорах и о положении их на предприятиях—очень сложный. С одной стороны, директор должен твердо и правильно проводить хозяйственную партийную политику на предприятии. Понятно, что мероприятия по рационализации встречают сочувствие не у всех слоев рабочих завода, в ряде слоев они встречают противодействие. Я не хочу затруднять вас цифрами, но на ряде заводов мы имеем сопротивление. Мы не можем обойти этого молчанием. С другой стороны, есть и определенные бюрократические извращения.

Я приведу пример. Когда я был в Ленинграде, я достал журнал «Ленинградский Металлист», где по поводу заключения одного колдоговора говорится, что один из ответственных работников нашей партии, член руководящего органа,—это рабкор говорит,—в течение 6 месяцев тормозил заключение колдоговора. Здесь, наверное, огромная доля правды. Ответственный член партии, возглавляющий хозорган в Ленинграде, тормозил таким образом политику партии, при чем все упиралось в какой-нибудь один процент. Это является вещью недопустимой, и очень плохо, если другие хозорганы в Ленинграде равняются по этому товарищу,—я не знаю его фамилии. Это создает недовольство среди разных групп рабочих, когда такой возглавляющий предприятие

ответственный член партии тормозит полгода заключение колдоговора.

Эти бюрократические извращения мы имеем также по ряду мест, по ряду предприятий. Здесь нужна твердая партийная дисциплина, какая имеется в других органах нашего Союза; надо, чтобы хозяйственники отдавали себе определенный отчет в том, что где действительно нужна твердая и партийная политика, там нужно неуклонно и твердо ее проводить.

Однако, с другой стороны, профессиональные организации должны также противостоять тем отсталым слоям рабочих, которые сопротивляются проведению правильной трудовой дисциплины, без которой мы не можем двинуться ни на шаг вперед в хозяйственном строительстве.

И это не в меньшей мере, товарищи, относится к нашим парторгнизациям на предприятиях. Я буду требовать от т. Томского ответа на вопрос о том, как смотреть на то, что рабочий от станка, коммунист, видит, что в его цехе творится безобразие, возникает волынка, а он почему-то не сигнализирует в ячейку и в фабзавком. Почему? Потому, наверное, что он не уверен в том, что его встретят там хорошо, что его там поймут, что ему дадут своевременный ответ и возьмут под свое руководство эту «волынку» для того, чтобы дать ей законные советские формы. Рабочий-коммунист не сигнализирует этой опасности. Вот эти явления в жизни наших цехов и предприятий сигнализируют нам о чем-то. В предыдущие годы—до Октября, от Октября до нэпа—мы были тесными узами связаны с широчайшими рабочими массами. Тогда мы знали все нужды каждого пролетария, мы не занимались ком- и профчванством, мы знали, что для рабочего любой вопрос—вопрос кипятка, мыла, полотенца, уборной—есть существенный вопрос. А этому во многих местах теперь не придают значения, позабыли.

В заключение я думаю, что мы сумеем при наличии огромной массы актива профессиональной организации, при наличии около 25% партийцев и комсомольцев в общей массе рабочих на предприятиях преодолеть все те явления, которые могут сломать, разрушить то гигантское единство, которое было до сих пор на предприятиях. Но для того, чтобы это преодолеть, нам нужно одно: нам нужна по линии хозяйственной, профессиональной, по линии партийной строжайшая партийная дисциплина, чтобы все директивы партии в одинаковой мере всеми со всей строгостью проводились. Нужно, чтобы все те, которые нарушают эту партийную линию, карались в одинаковой мере. Это означает, что

те партийные организации, которые нарушают партийную директиву, неправильно ее проводят, должны вызывать соответствующую оценку со стороны вышестоящих партийных, профсоюзных, хозяйственных органов. Я думаю, что если мы внимательно присмотримся к тому процессу, который происходит на предприятии, если мы его изучим и уделим ему соответствующее внимание, то мы сумеем преодолеть существующие недостатки, и начавшаяся развернутая огромная работа в рабочем классе будет закончена с успехом.

Председательствующий. Товарищи, поступило предложение пополнить комиссию по хозяйственным тезисам тт. Тер-Мирзаяном, Догадовым, Лепсе, Комаровым и Икрамовым. Нет возражений? Принято.

Объявляю заседание закрытым.

Заседание седьмое.

(29 октября 1926 г., вечернее.)

Рудзутак (председательствующий). Заседание объявляется открытым. Слово имеет т. Лозовский.

Лозовский. Товарищи, я целиком и полностью согласен с тезисами, а равным образом и с докладом т. Томского, и если я взял слово, то для того, чтобы обратить ваше внимание на тот вопрос, который по необходимости был недостаточно освещен докладчиком. Дело идет о том, какое место занимают в настоящее время советские профсоюзы в международном профессиональном движении, о той роли, какую советским профессиональным союзам придется в дальнейшем еще играть.

Есть два полюса в настоящее время в мировом профессиональном движении. Как в мировой политике СССР представляет собою полную противоположность Соединенным Штатам, так и в мировом профессиональном движении советское профессиональное движение и американское—представляют собой две взаимно исключающие друг друга теории и практики. И так как капиталистический рост Соединенных Штатов продолжается, и роль их в мировой политике возрастает, то и роль профессионального движения в Америке также возрастает в мировом рабочем движении. Вот почему в настоящее время наиболее ярко противостоят друг другу советское и американское профессиональные движения, при чем и то и другое начинают накладывать серьезную печать на рабочее движение других стран и на рабочее движение Европы.

Советское профессиональное движение отличается от американского и по своей идеологии и по своей практике. Если взять удельный вес профессионального движения обеих стран, то мы видим следующее: в то время как в СССР 90% рабочих организовано, в Соединенных Штатах 90% рабочих не организовано, и Американская федерация труда охватывает всего лишь 10% рабочих и служащих (2 800 000 из 28 000 000).

Американское профессиональное движение является сейчас идеалом не только для буржуазной Европы, но также и для руководящих элементов европейского рабочего движения. Эти особенности могут быть охарактеризованы следующим образом: жгучая ненависть ко всему революционному, абсолютная поддержка буржуазии и своего государственного империализма, отказ от классовой борьбы, устройство всевозможного рода таких учреждений, как рабочие банки, общества страхования и пр., которые связывают союзы с господствующими классами, с одной стороны, и освобождают союзы от контроля масс—с другой, потому что руководители получают, помимо членских взносов, новые источники для своего существования.

Для того чтобы дать вам представление о том, как относятся американские союзы, их руководящая головка, к СССР, достаточно сослаться на последний съезд, который всего лишь дней десять тому назад закончился в Детройте. На этом съезде американский миссионер Шервуд Эдди, человек, который недавно побывал в СССР, враждебно настроенный к коммунизму, попытался уговорить съезд послать делегацию в СССР. В Советской России, по его мнению, имеются три основных зла: первое—отсутствие свободы; второе—«догматический, материалистический атеизм» и третье—«проповедуемая Коминтерном мировая революция путем насилия». Сделав это введение, он тем не менее говорит: пойдите и посмотрите, что там делается, пошлите делегацию в СССР, потому что «там происходит колоссальный социальный опыт в истории, и народ готов бросить вызов всему миру, где только империализм эксплоатирует бедных, беспомощных людей». Что же ответил съезд на этот призыв миссионера, отрицательно относящегося к коммунизму? Съезд ответил принятием резолюции, в которой буквально сказано, что советский режим представляет собой «самый беззастенчивый, самый антисоциальный и самый вредоносный общественный строй».

Таково официальное постановление съезда, при чем выступление этого миссионера настолько поразило всех присутствующих, что один из руководителей этой федерации, старый сподвижник Гомперса, Матью Волл заявил, что делегаты «кипят от негодования». Почему? Потому что Шервуд Эдди пригласил съезд высказаться за то, чтобы поехала в СССР делегация от американских рабочих. Этот пример дает вам представление относительно идеологии руководящей верхушки американского профдвижения.

Эта идеология не только целиком и полностью поддержи-

вается всей буржуазией Соединенных Штатов, эта идеология начинает в настоящее время импортироваться в Европу, и она имеет тенденцию противопоставить себя идеологии, исходящей от вредоносных и зловредных советских союзов и от «вредоносного общественного строя», именуемого СССР.

Уже в начале нашей конференции, в докладе т. Бухарина особое внимание было, как вы помните, обращено на американизацию Европы, на американизацию европейского производства. Надо сказать, что в настоящее время, одновременно с американизацией производства, делаются серьезные попытки американизации европейского рабочего движения, при чем эти попытки усиливаются по мере обострения классовой борьбы в европейских странах. Эти попытки усилились непосредственно после всеобщей стачки в Англии, они усилились и в Германии, они усиливаются и в других странах. Таким образом, нам приходится уже сейчас иметь дело не только с американской рационализацией производства, но и со стремлением «рационализировать» европейское рабочее движение, т.-е. освободить его окончательно даже от намеков на социалистическо-реформистскую фразеологию. Что в этом направлении сделано уже довольно много, свидетельствуют факты.

Непосредственно после всеобщей стачки мы имеем в Англии уже попытки создания компанейских союзов, т.-е. профсоюзов, созданных непосредственно предпринимательскими компаниями. Мы имеем в Англии непосредственно после стачки попытку создать так называемый Промышленный институт, где учредителями являются Артур Пью, Кремп, Сноуден, Вильямс и целый ряд видных общественных деятелей. В Англии создана Лига промышленного мира, во главе которой стоит видный профессиональный деятель, «американец» по своим убеждениям, Гавелок Вильсон и др. В тред-юнионах создаются сейчас либеральные и консервативные фракции и т. д. Несомненно, лига Вильсона имеет своей задачей, например, искоренить из сознания классовую борьбу и бороться против «классовой ненависти». В ряде предприятий делаются попытки введения американских форм соглашения между предпринимателями и рабочими, при чем основным образцом является знаменитый план Балтимора—Огайо, т.-е. договор, заключенный между железнодорожной компанией Балтимора—Огайо и между союзом железнодорожников, где союз выступает в качестве производственного погонщика, в качестве выжимателя высокой производительности и недреманного ока, следящего за уменьшением нерациональной затраты времени в производстве и т. д.

Все это переносится сейчас на территорию Европы. Если возьмете Германию, то и там мы имеем в настоящее время волну увлечения американскими формами рабочего движения. Центральное объединение профсоюзов в Германии в прошлом году послало специальную делегацию из полутора десятков профессионалистов для изучения американского профдвижения. Делегация дала хвалебный отзыв в специальной книге о Соединенных Штатах и его профдвижении. Германские социал-демократы не желают посылать делегацию в СССР, они учатся сейчас в Америке: они все более и более спускаются до примитивного и наиболее чистого американского тред-юнионизма. Целый ряд фактов в нынешней борьбе в Германии свидетельствует о том, что эти методы в достаточной степени уже усвоены. О гамбургской забастовке вы уже слышали, знаете о том, как предприниматели вместе с профсоюзами сорвали эту забастовку. Я приведу два-три других примера. Недавно в одном из промышленных центров Германии, в Хемнице, на конференции совета профсоюзов социал-демократические рабочие упрекали руководителя профсоюзов Франца в том, что он держит себя недостаточно выдержанно, что он якшается с предпринимателями и буржуазными партиями. Он ответил на это буквально следующее: «Я национален, мыслю как германец и чувствую как социалист». Что́ он чувствует, неизвестно, но что немецкие рабочие чувствуют на своей спине довольно основательно всю эту новую американизаторскую и рационализаторскую философию—не подлежит ни малейшему сомнению. Или открытое выступление председателя общегерманского объединения профсоюзов Лейпарта с сочувственной репликой на речь руководителя предпринимательской организации Зильверберга о большой коалиции. Такую же самую волну мы имеем в реформистском профессиональном движении Франции. В Италии эта волна имеет не американизированный, а немного фашизированный характер. Все это вместе свидетельствует о том, что сейчас особенно ярко противопоставлены два основные потока в мировом профессиональном движении. В мировом профессиональном движении один из потоков нашел наиболее яркое выражение в профдвижении Америки, а другой в профессиональном движении СССР. Если взять на фоне этой усиливающейся борьбы все мировое профессиональное движение со всеми имеющимися в настоящее время интернационалами, то что мы видим? Мы видим, что Амстердамский Интернационал сейчас равняется по Американской федерации труда. Он делает попытки почти каждый год привлечь на свою сторону Американскую федерацию, чтобы усилить внутри

европейского реформистского рабочего движения реакционный блок, направленный не только против коммунистов, но и против левых социал-демократов, которые в некоторых странах начали в вопросах единства противопоставлять свою политику политике руководящего ядра Амстердама.

Вот это равнение европейских реформистов по американскому профдвижению вносит целый ряд новых черт в самую борьбу и создает новую обстановку не только в Европе, но и в мировом профессиональном движении. В самом деле. Почему в последнее время усилилась эта тяга в Америку со стороны европейской социал-демократии и Амстердамского Интернационала? Почему? Да потому, что в массах их собственных организаций увеличивается возмущение. И по мере расхождения между верхами и низами, по мере увеличения трещины в реформистских организациях среди руководящей головки Амстердамского Интернационала, международная социал-демократия, ищущая опоры, с одной стороны, у буржуазии своей страны и, с другой стороны, в Лиге наций и в Международном бюро труда, начинает искать новую опору, стремясь включить в свой состав такую организацию, которую можно было бы противопоставить против уклонов—с точки зрения правых амстердамцев—и оказать решительное противодействие коммунистическому профессиональному движению вообще и советскому в особенности.

Одновременно с этим поворотом верхушки в сторону Америки мы имеем со стороны профессионального движения других континентов, как, скажем, Австралии, Южной Америки, Востока и пр., не только нежелание установить смычку с Американской федерацией труда, но категорический отказ от участия в том пан-американском интернационале, инициатором которого является Американская федерация труда.

Таким образом поворот верхушки европейского профессионального движения в сторону Американской федерации труда, поворот, вызванный нарастанием недовольства реформистской тактикой в Европе—и в Англии, и в Германии, и в других странах,—этот поворот наталкивается на встречную волну со стороны рабочих Европы, с одной стороны, и рабочих других континентов, которые тянутся к Москве,—с другой стороны. Таким образом, проблема—Москва или Амстердам, или борьба между Профинтерном и Амстердамским Интернационалом,—эта борьба приобретает в данной обстановке, в обстановке попытки американизации европейского профессионального движения, совершенно новые черты, целый ряд в высшей степени важных особенностей, знание которых нужно для правильного определения дальней-

шей тактики Коминтерна и коммунистических партий, Красного Интернационала, профсоюзов и его секций.

В чем основная разница между двумя важнейшими интернационалами, т.-е. между Амстердамом и Москвой? Она заключается не только в политической линии, которую мы все знаем, не только в теории и практике. Она заключается и в структуре обоих Интернационалов, и это имеет свои положительные и отрицательные стороны для Красного Интернационала профсоюзов. Положительная сторона в чем заключается? Она заключается в том, что Профинтерн не только европейское объединение. Из 22 организаций, объединенных Амстердамским Интернационалом, только 3 находятся за пределами Европы (Канада, Аргентина и Палестина), тогда как Профинтерн, помимо Советского Союза, китайских профсоюзов, Индонезии, имеет целый ряд организаций в колониальных и других внеевропейских странах.

Но не в этом только разница. Разница заключается еще и в том, что Амстердамский Интернационал состоит из целых организаций, тогда как Профинтерн состоит и из целых организаций,— как Союз ССР, китайское профессиональное движение и пр.,— а также из меньшинств, находящихся внутри Амстердамского Интернационала. Поэтому Амстердамский Интернационал выступает официально не только от реформистской части профессионального движения, но и от тех меньшинств, которые во всех странах начинают играть все бóльшую и бóльшую роль. Возьмем хотя бы Англию, где «движение меньшинства» объединяет примерно около 25% организованных рабочих. Возьмем Германию, возьмем любую другую страну, где мы вклинились внутрь Амстердамского Интернационала. Именно поэтому тактика Красного Интернационала профсоюзов значительно сложнее, требует большей гибкости, требует большей приспособленности к особенностям каждой страны. Именно поэтому Красный Интернационал профсоюзов имеет целый ряд трудностей в развертывании своей работы и в проведении на местах своей линии. Мы имеем перед собой задачу не просто создания в каждой стране параллельных организаций, а завоевания старых организаций, вышибания из этих организаций развращенной профбюрократии, вышибания из профсоюзов руководящего ядра амстердамцев. А так как они там основательно окопались, и так как они дальше окапываются, то борьба за нашу линию, за массы встречает в целом ряде стран (я уже не говорю о белом терроре, который громит наше революционное профессиональное движение,—достаточно сослаться на Балканы и пр.) колоссальные трудности. И тем не менее дело подвигается вперед.

Я говорил относительно окапывания в профессиональном дви-

жении. Есть один пример, в высшей степени любопытный. Непосредственно после всеобщей стачки в Англии, когда выяснилась роль руководящего ядра, состоялся съезд союза муниципальных рабочих и чернорабочих, во главе которого стоит небезызвестный Клайнс. На этом съезде была принята резолюция, предложенная исполкомом этого союза, в которой сказано, что все выборные лица избираются на всю жизнь. Если они не подохнут, от них никак нельзя избавиться. Недурно, а? Это есть начало проведения в жизнь политики создания окопов против напора снизу, и эта политика проводится довольно основательно в Америке, сейчас в достаточной степени усвоена и европейским реформизмом.

Одновременно с борьбой, которую приходится вести внутри профессионального реформистского движения, мы имеем целый ряд стран, совершенно незатронутых реформистским интернационалом,—стран, которые недавно, только в послевоенный период, вообще вышли на международную арену. Я уже сообщал в первом своем выступлении относительно состоявшегося в августе съезда австралийских союзов, который высказался за созыв международного конгресса единства. Я уже сообщал, что конференция тихоокеанских профсоюзов назначена в Кантоне на 1 мая 1927 г.,—конференция, участие в которой целого ряда стран тихоокеанского побережья уже обеспечено. Профессиональное движение давно уже вышло далеко за пределы Европы. Только заскорузлая идеология европейской социал-демократии — идеология, которая выросла на почве довоенной промышленно-финансовой гегемонии Европы,—только эта идеология позволяет верхушке амстердамских союзов дальше Европы видеть лишь Америку и больше ничего.

Вот если мы в обстановке увеличивающейся борьбы внутри реформистских союзов, расхождения верхов с низами, в обстановке выступления новых отрядов профессионального движения, целого ряда стран и континентов,—если мы в этой обстановке поставим перед собой вопрос, какие изменения были внесены последними английскими событиями в мировое профессиональное движение, мы должны сказать, что изменения эти колоссальны. После всеобщей стачки и сейчас по линии стачки горняков происходит толкование внутри реформистского профессионального движения за и против стачки, за и против помощи. На этой стачке рабочий класс не только Англии, но и других стран получил настоящий урок интернационализма. Он мог сравнить, что такое Амстердамский Интернационал и что такое Профинтерн и советские союзы. Этот предметный урок продолжает все больше и больше действовать внутри реформистских союзов. Среди социал-демо-

кратических рабочих происходит сейчас почкование по вопросу о том, кто вел более правильную линию во время стачки—Генеральный совет или ВЦСПС, кто прав был в этом завязавшемся конфликте, и это идеологическое почкование имеет громадное значение в смысле обучения новых слоев рабочих настоящей революционной политграмоте.

Я, товарищи, не стану останавливаться на англо-русском комитете. Речь об этом уже была. Я только должен сказать, что тот кризис, который имеется в англо-русском комитете,—а этот кризис есть, ибо имеются серьезные разногласия между ВЦСПС и Генсоветом, разногласия, вынесенные на обсуждение всего рабочего движения,—что этот кризис ни в какой мере не опроверг правильности тактики единого фронта. Наоборот, он подтвердил правильность этой тактики и по отношению к Англии и за пределами самой Англии. В то же самое время те события, которые произошли за последние месяцы, подтвердили правильность линии ЦК относительно англо-русского комитета и борьбы вокруг, внутри и вне англо-русского комитета за влияние на английское рабочее движение.

Советское профдвижение играет в Красном Интернационале профсоюзов такую же роль, какую ВКП играет в Коммунистическом Интернационале. Это совершенно естественно. Тот период, когда наши противники из социал-демократии выступали и с пафосом говорили: «Как это так, такое молодое профдвижение собирается нас учить или собирается указывать наши ошибки!»,—этот период в значительной мере прошел,—прошел потому, что 9 лет существования советского профдвижения показали даже наиболее отсталой части рядовых рабочих, насколько мы во многих случаях—не только с точки зрения правильности нашей линии, но и с точки зрения нашей практики,—насколько мы сделали гигантский шаг вперед в сравнении со старым профдвижением капиталистических стран. И эта борьба между советским профдвижением, являющимся органической частью Профинтерна, борьба между коммунистической струей в мировом профдвижении и струей американской или американизированной,—эта борьба все более и более увеличивается и обостряется. Эта борьба сейчас перенесена в каждый союз, в каждый завод, на каждую фабрику. Сейчас вопрос относительно тактики не только по отношению к английской забастовке, но и по отношению к китайским событиям, по отношению к целому ряду жгучих вопросов (рационализация, американизация и пр.) поставлен непосредственно в массах. Сейчас вопрос относительно этих двух тактик—американизированной реформистской и тактики революционной—

практически поставлен в порядок дня. И поэтому мы можем сказать: каковы бы ни были еще силы международной социал-демократии,—а она еще сильна,—каковы бы ни были силы амстердамских союзов,—а они еще сильны, ибо имеют довольно крепкий, сплоченный, хорошо вышколенный аппарат,—объективная обстановка, т.-е. все эти проблемы: рационализация, столкновение между рабочими и предпринимателями в новой обстановке, нарастание новых конфликтов в новых формах, создание колоссальной безработицы, выталкивание из производства миллионов рабочих, безнадежная безработица или так называемая «перманентная» безработица,—все это, вместе взятое, заставляет массы выбрать ту или другую тактику. И это облегчает не только политическую вербовку, не только увеличивает влияние нашей политики по линии завоевания профсоюзов, но это разрешает вопрос о том, кто победит в профессиональном движении: американизация или советизация. Линия развития профдвижения такова, что побеждает и окончательно победит советизация, что бы на этот счет ни думали и ни предпринимали не только густопсовые американские профбюрократы, но и американизированная европейская социал-демократия. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Слово имеет т. Теплов.

Теплов. В тезисах т. Томского есть одно место, которое в работе нашего предприятия имеет весьма существенное значение и к которому профсоюзы, конечно, также прислушиваются, с которым считаются. В тезисах т. Томского есть довольно сильные выражения по этому поводу. Не знаю, может быть, за краткостью времени, в целях экономии времени, т. Томский не остановился на этом вопросе. Я считаю необходимым на этом вопросе остановиться и надеюсь, что т. Томский в заключительном слове ответит мне, разъяснит, как понимать это место в тезисах. Здесь говорится о профдисциплине и труддисциплине. Тов. Томский говорит в своих тезисах, что гром и молнию можно применять по отношению к тем, которые вредят производству. А в чем выражается этот вред производству? Товарищи, не случайно, я считаю, эта часть тезисов отнесена к разделу «режим экономии». Что мы встречаем на местах? На местах мы имеем такие явления, когда невыходы выражаются в среднем в размере 15%.

Товарищи, я называю невыходы в размере 15% на основании своего личного опыта, на основании того, с чем я встречаюсь у себя на заводе. Хуже того, в отдельных цехах, например, в доменном цехе, невыходов мы имеем иногда до 30%. Что стоят эти невыходы для промышленности, для производства? Очень дорого стоят, ибо дело доходит до того, что благодаря невыходам

доменные печи работают не с полной нагрузкой. Доменные печи начинают работать с ослабленным дутьем, проработают одну смену, а потом нужно два дня для того, чтобы выровнялся нормальный ход печи. Я считаю совершенно правильным, что эта часть доклада отнесена в раздел—по режиму экономии. Тов. Томский не постеснялся наговорить нам, хозяйственникам, очень много «приятных» вещей,—бюрократическое извращение и всякие такие «прекрасные» вещи. Я думаю, что вот эту сторону т. Томский не назовет «бюрократическим извращением» или режимом экономии за счет рабочего класса.

Дальше, товарищи, такой вопрос, тоже относящийся к труддисциплине. Не так давно, незадолго до смерти т. Дзержинского, был издан приказ о правах и обязанностях начальников цехов. Должен сказать здесь, на конференции, что очень часто к нам приходят инженеры и ставят вопрос: для чего был издан этот приказ,—для того, чтобы он значился на бумаге, или для того, чтобы мы действительно этими правами пользовались? Почему этот вопрос ставят перед нами, ставят советские спецы, которые не один год работают вместе с нами, которые действительно не за страх, а за совесть работают с советской властью? Да потому, что мы в заводской практике встречаем такие факты (их масса, я приведу наиболее характерные), когда, например, начальник цеха, руководитель цеха (по приказу т. Дзержинского—хозяин цеха) подходит к рабочему и говорит: «Ты работаешь неправильно; нужно сделать так-то и так-то; для того чтобы не было аварий с мартеновской печью, нужно взять хороший доломит и заделать яму, в противном случае тебе отвечать за это придется»,—и получает ответ: «Почему я должен отвечать? За это отвечает начальник цеха». Тогда начальник заявляет: «Если вы не отвечаете, то тогда вы не можете работать здесь, в цехе,—безответственных рабочих быть не может».—«Ну, это мы еще поговорим на производственном совещании,—говорят ему,—и неизвестно, кто из нас будет больше в цехе—ты или я». После этого, конечно, приходит начальник цеха и говорит: «Будьте добры, разъясните, что представляет собой этот приказ о правах и обязанностях начальника цеха?».

Тов. Томский говорил о том, что через производственные совещания мы имеем определенные достижения в области выдвижения. Целиком и полностью согласен с т. Томским. У нас имеются большие достижения. Низовая администрация—мастера, помощники мастеров, бригадиры—у нас бывшие рабочие. И сейчас выдвигается бóльший процент. Это положительное явление. Но имеются и отрицательные стороны. Тот квалифицированный

рабочий, который не так давно выдвинут из рабочей массы, начинает проявлять себя как администратор (хотя это бывает очень редко), начинает давать соответствующие указания, т.-е. делать то, что полагается мастеру, а ему говорят: «Ну, мол, чего толкуешь, ты особенно не залезай. Тебя избрали и переизберем. Не рыпайся!». Я делал попытки собирать низший административно-технический персонал, созывал помощников мастеров, бригадиров, ставил перед ними вопрос, почему не чувствуется низовой администрации в цехе. Они отвечают: «Сначала оградите нас, а потом заставляйте работать как мастеров». А здесь говорят, что этого не бывает. Нет, товарищи, бывает. Может быть, скажут, что не бывает и до 30% невыхода, а я говорю—бывает, потому что там, где на заводе должно быть 12 тысяч, мы имеем рабочих больше 14 тысяч. Это бывает, т. Мельничанский. Вы не беспокойтесь, профсоюзники будут выступать и говорить об этом. (Радченко: «Тебе будет жарко».) Ничего, т. Радченко, мы уже привыкли, стали к профсоюзникам толстокожими и скоро нас не пробьешь. (Голос: «Это плохо».)

Я не стал бы говорить по этому пункту, если бы здесь, в тезисах, после жутких вещей по части борьбы с распущенностью не было такого места, где говорится, что все это будет проведено, если точно будут выполняться законы, договоры, правила внутреннего распорядка и т. д. Я не знаю, толковали или нет об этом профессионалисты с другими хозяйственниками, но у нас по этому поводу частенько бывал разговор. Мы указывали, что для того, чтобы вот та распущенность, которую мы имеем на местах и о которой т. Томский говорит в своих тезисах,—чтобы эта распущенность поубавилась, необходимо ввести некоторые коррективы в правила внутреннего распорядка. Необходимо, товарищи, потому, что можно писать выговоры до бесчувствия, но это не достигает цели. Основной кадр рабочих не является злостными прогульщиками, но рабочие низшей квалификации, те, которые не являются ценностью для завода, являются постоянными прогульщиками, и вы с ними ничего не сделаете.

Товарищи, я согласен, что в вопросе подбора хорошего и дисциплинированного кадра рабочих имеет серьезное значение жилищный вопрос. (Голоса: «С этого надо было и начинать».) В этом отношении у нас обстоит очень плохо. У меня на заводе по отношению ко всему количеству рабочих есть всего-навсего 7% квартир. Конечно, это отзывается на работе, и благодаря этому у нас имеются переходящие рабочие. Но здесь вопрос государственного кошелька,—сможет ли наше государство выделить такое солидное количество средств или не сможет? Я ду-

маю, сможет, но не так скоро. Вот на этот вопрос нужно обратить внимание.

Дальше я считаю необходимым остановиться на втором вопросе, вопросе существенном, по которому мы спорили с т. Томским,—о контрольных комиссиях. Я должен определенно заявить,—для чего и по какой причине необходимо создание контрольных комиссий? Что у нас—контроля не хватает? Давайте, товарищи, пересчитаем. (Голос: «Кашу маслом не испортишь».) Если вы будете маслить до бесчувствия, пожалуй, вам не поздоровится. (Голос: «В меру хорошо».) Если мы будем подсчитывать органы контроля, то мы увидим, что у нас их действительно много, до бесчувствия. Ведь работу хозяйственников контролирует ячейка цеховая, заводский коллектив, районный партийный комитет, окружной или губернский комитет. Все они контролируют работу хозяйственников. (Этим я не хочу сказать, что хозяйственник—безупречный элемент, который должен работать без контроля. Нет, я хочу только подсчитать контрольные органы.) Кроме того, контролируют: уполномоченный в цехе, завком, производственное совещание, контролирует районный комитет металлистов, контролирует центральный комитет металлистов, контролирует РКИ, контролирует губплан, контролируют воистину до бесчувствия. (Шум.) Товарищи, если говорить: «кашу маслом не испортишь»... (Мельничанский: «В международном масштабе».) Тов. Мельничанский, вы будете говорить «в международном масштабе», я говорю «в домашнем масштабе»... Так вот ставится вопрос, необходим ли контроль до бесчувствия. (Голос: «Распустите профсоюзы!».) Никто не говорит, товарищи, распустите профсоюзы. Я думаю, что работы для профсоюзов хватит, но незачем их превращать в перманентный контроль. Производственные совещания, которые, безусловно, должны вести большую работу, могут выполнять этот контроль, и неправ т. Томский, когда говорит, что к производственным совещаниям хозяйственник относится отрицательно. Это неверно. (Голос: «Очень часто».) Очень часто берут отдельные факты и на основе отдельных фактов говорят: «как правило». Это совершенно неверно. (Звонок председателя. Рязанов: «Продолжить, продолжить, очень интересно». Смех.)

Товарищи, если мне не будут мешать, я скоро кончу. Мы имеем производственные совещания, которые работают непосредственно в цехе, которые наблюдают за каждым мельчайшим движением работы цеха, которые заседают не меньше одного раза в неделю, рассматривают все цеховые мелочи. Я думаю, если эти производственные совещания будут серьезно работать, то

будет достаточно наблюдения, достаточно контроля. Кроме того, мы имеем общезаводское производственное совещание, мы имеем заводский комитет, который также занимается этим делом. Для чего же создавать еще контрольную комиссию, и в чем должна выражаться работа этой контрольной комиссии? Она будет заключаться, я считаю, в том же самом, в чем состоит и задача производственного совещания. Надо сказать, что, к несчастью, профсоюзы (может быть, и мы в этом немножко повинны) работы этой не развернули до сего времени. Производственные совещания целиком и полностью не использовали своих прав и обязанностей. Это надо определенно сказать. И поэтому, когда говорят нам (да и т. Томский сам нам об этом говорил), что производственные совещания недостаточно работают, что хотя они и дают уже положительные результаты, но работа их еще слаба, то давайте используем полностью на 100% то, что мы имеем, и потом будем браться за другое. А то получается, что мы имеем завком и производственное совещание (как будто две солидные организации) и создаем третью организацию, в результате чего и получается ни то, ни другое. (Голос: «Это же не надстройка».) Поэтому я считаю, что если хозяйственники— народ такой отчаянный, которого без контроля к работе нельзя допускать... (Голос: «Боитесь контроля».) Я все-таки, товарищи, уверяю вас, что хозяйственники не боятся никакого контроля,— сколько угодно пусть контролируют. Меньше всего речь идет о боязни, речь идет о другом. В конце концов, если хозяйственник отвечает за работу, порученную ему, то он должен иметь возможность вести эту работу. Ответственность на нас лежит, а работать нет возможности, потому что нас заедает контроль. Мы и сейчас из шести дней в неделю три дня работаем, а остальные дни находимся на всякого рода справках и т. д. Вот в чем вопрос. И если мы здесь боимся, то мы боимся того, что работать станет некогда, а не того, что нас будут контроливать. Мы, товарищи, не дети, и достаточно понимаем, что такое контроль и насколько он необходим. Поэтому вопрос идет не о боязни, а о желании выполнять ту работу, которая нам поручена. В этом вопросе и ошибаются товарищи-профессионалисты. Мы на местах всегда работаем с профсоюзами. В производственных совещаниях мы ведем совместную работу, но когда создают еще надстройку, это может принести только вред, но ни в коем случае не пользу.

Председательствующий. Для оглашения приветствия от Американской коммунистической партии слово имеет т. Дункан.

Дункан. Товарищи, я очень плохо говорю по-русски. У меня телеграмма от Американской партии. Центральный Комитет Вор-

керс (Рабочей) коммунистической партии принял следующее заявление о выступлении оппозиции ВКП(б) и постановил сообщить это заявление XV партконференции ВКП б).

«Противоречащее ленинизму нарушение дисциплины т. Зиновьевым, председателем Коммунистического Интернационала, произвело разлагающее действие на все секции Коммунистического Интернационала. Запоздалое признание сделанных ошибок не может служит извинением этого ошибочного поступка. (Голоса: «Правильно!».)

Центральный Комитет выражает свое полное согласие с решением об отозвании т. Зиновьева с работы в Коммунистическом Интернационале, а также и с дисциплинарными мерами, принятыми ВКП против вождей оппозиции.

Центральный Комитет обещает ЦК ВКП полную поддержку в продолжающейся идеологической борьбе против неленинской точки зрения, которую оппозиция все еще поддерживает.

За Центральный Комитет Воркерс (Рабочей) коммунистической партии Америки—Рутенберг.

Чикаго 20/X—26 г. ».

Председательствующий. Слово имеет т. Мельничанский.

Мельничанский. Товарищи, нам надо обратить серьезное внимание на вопрос членства в наших профессиональных организациях. Мне кажется, что, когда соберется в ближайшие дни Всесоюзный съезд профессиональных союзов, этим вопросом нам придется заняться серьезно.

Тов. Томский здесь огласил цифры роста количества членов профессиональных союзов. Мы имеем дальнейшие цифры. Сегодня мы получили предварительные цифры на 1 июля 1926 г., по которым мы насчитываем 9 268 000 членов профсоюзов. Рост членов профсоюзов требует от нас более серьезного внимания и подхода к вопросу членства в профдвижении.

В наши союзы вовлекается очень большая масса выходцев из деревни, в большинстве не оседающая в городах, для них членский билет является заманчивым документом; он становится даже предметом купли-продажи. Мы выявили целый ряд случаев, когда членские билеты сезонными рабочими, возвращающимися в деревню, продаются.

Я думаю, нам надо серьезнее подойти также к вопросу о безработице и заострить на нем свое внимание.

Мы насчитываем безработных членов профсоюзов на 1 июля 1926 г. 1 155 000. Это только безработные члены профсоюзов,

а если возьмем безработных не-членов профсоюзов, то до 500 тысяч можно прибавить. Это серьезный вопрос. Нельзя от этого вопроса в дальнейшем отделываться заявлением, что среди безработных членов профсоюзов преобладают так называемые сезонные неквалифицированные рабочие. Картина получается такая: по данным на 1 апреля мы имеем 1 182 тыс. безработных членов профсоюзов. Данные по одиннадцати индустриальным союзам, взятым по отдельным группам, показывали до 15% безработных по отношению ко всему числу безработных, по трем же союзам не индустриальным—45% безработных. Но тем не менее, несмотря на то, что такой большой процент безработных падает на неиндустриальные союзы, на так называемые сезонные союзы, вопрос безработицы приобретает весьма и весьма важное значение. Надо отметить, что среди безработных имеется много полуквалифицированных рабочих, имеются рабочие с довольно большим рабочим стажем и профессиональным стажем.

Я дам две-три цифры. Мы производили обследование безработных на 1 ноября прошлого года, при чем этому обследованию подверглось 837 тысяч безработных членов союза. Среди них было с рабочим стажем от 6 до 8 лет—21,3%, членов союза с рабочим стажем от 10 до 20 лет—24,5%, с рабочим стажем свыше 20 лет—11%. Товарищи, на это явление необходимо обратить самое серьезное внимание. Безработных членов профсоюза с профессиональным стажем с 1918 по 1921 год мы имеем 32,3%. Я думаю, что нам на нашей конференции и на ближайшем съезде наших профсоюзов придется обратить самое серьезное внимание на эти вопросы членства и безработицы.

Теперь я хотел бы перейти к тем вопросам, которые были задеты некоторыми товарищами в их выступлениях. Я должен сказать, что я вполне согласен с т. Углановым, когда он говорит, что настоящий момент является в высшей степени серьезным моментом и что необходимо поднять политическую квалификацию профессионалистов. Я полагаю, что здесь товарищи с мест и Центральный Комитет нашей партии должны будут обратить серьезное внимание на эту сторону вопроса. Мы очень часто довольно долго сговаривались с товарищами в Центральном Комитете, в Орготделе, о том, что необходимо перестать обращаться с профессионалистами так, как часто это делается на местах. Мы имеем центральные комитеты союзов, происходят съезды, происходят демократические выборы членов центральных комитетов, и рабочие снизу вовлекаются в эти центральные комитеты. Но характерно отметить, что до окончания срока этих членов ЦК их часто перебрасывают по партийной линии. Мы

должны прямо сказать, что не получим достаточно квалифицированных хороших работников-профессионалистов-коммунистов, если и дальше будет так продолжаться.

Тов. Угланов выступал здесь по вопросу о «треугольнике». В большинстве случаев мы имеем такое положение, что в «треугольнике» довлеющее значение и преобладающую роль играет директор предприятия. (Голос: «Ничего подобного».) Нет, это верно. Вопрос стоит в такой плоскости, что необходимо, чтобы в предприятиях тот «треугольник», который существует, немножко был исправлен, чтобы внесено было больше четкости и ясности во взаимоотношениях между отдельными частями в этом «треугольнике».

Вот здесь выступал т. Теплов, вы все его слышали. Он отметил, что они, т.-е. хозяйственники, стали уже толстокожими. Вот это нужно запомнить. Вся беда заключается в том, что многие из наших директоров—частица этого «треугольника», о котором говорил т. Угланов,—стали слишком толстокожими. (Голоса: «Правильно». Голос с места: «Там нет «треугольника», там—«одноугольник».) Я хочу спросить здесь, нужно ли нашей партии, нужно ли нам, чтобы «треугольник» действовал так, как он действует иногда до сих пор. Я думаю, что на нашей конференции надо прямо сказать, что происходит у нас на предприятиях. Тов. Томский правильно здесь подчеркнул, что сейчас основную роль в настроении рабочих играют мелочи. Вы знаете это, товарищи. Ведь на предприятиях остро не стоял вопрос о повышении заработной платы. Вопрос о повышении заработной платы нервировал группы рабочих 1, 2, 3 разрядов, но в общей массе чаще всего этот вопрос не так нервировал рабочих, как те мелочи, которые на каждом шагу встречаются, то отношение, которое проявляют к ним многие наши директора и находящиеся под их влиянием и давлением секретари ячеек и завкомовцы. Нужно ли это нам?

Тов. Теплов здесь в своем выступлении заявил, что у него 15% и 30% прогула. Я не знаю таких цифр, о которых говорил т. Теплов, мы таких данных не имеем. Эти цифры невозможные. Может быть, 30% получилось у вас во время общих отпусков—это возможно. Мы знаем такие цифры: 2¼% злостных прогулов, остальные 5—6% падают на прогулы по болезни, при чем в тех отраслях работы, где больше заняты женщины, прогулов больше в связи с отпусками по беременности и болезням; там, где процент женщин меньше, прогулов меньше. Злостные прогулы в среднем равняются 1,5—2%, и мы не знаем таких цифр, как 15—30%.

Я думаю, дальше, что те мероприятия, которые наши хозяйственники иногда проводят в своей работе в связи с вопросом

режима экономии, та их толстокожесть, то невнимание, которое они часто проявляют по отношению к мелочам в предприятии и к рабочим, приносят наибольший вред хозяйству. За последнее время мы слышим чрезвычайное недовольство в предприятиях на почве изменения норм выработки, на почве изменения расценок. Чаще всего без согласия с профсоюзами, без согласия с фабзавкомом меняются расценки, нормы, нарушаются коллективные договоры, в связи с чем и бывают простои. И пусть тов. Теплов сосчитает, во сколько обходятся государству эти простои. Я думаю, что этот момент наносит значительно больше вреда нашему производству, нашей стране, чем те мероприятия, которые принимали для осуществления режима экономии.

Я думаю, что по этому вопросу у каждого секретаря губкома, у каждого члена партии имеется много материала о том, как лозунг режима экономии был извращен хозяйственниками до невозможности. Никакой другой лозунг не встречал такого сопротивления в предприятии среди рабочих, как лозунг режима экономии. Это объясняется тем, что у нас много стало таких директоров, как вы, т. Теплов. (Голос: «Ого!»)

В предприятиях давали кипяток. Я думаю, что вы все помните, как в старое время нам приходилось драться с хозяевами за кипяток, и вот теперь, при советской власти, вдруг хозяйственники экономию проводят, перестают давать кипяток,—хорош режим экономии! Вот до чего доходят люди, которые совершенно не понимают, как нужно проводить режим экономии.

Поэтому я думаю, что выступления, которые здесь имели место, например, со стороны т. Теплова, не являются такими, каких мы могли бы ожидать сегодня здесь от хозяйственников.

Несколько слов о контрольных комиссиях. Тов. Теплов говорит, что мы не боимся контроля, но что очень много их контролируют. Когда я сказал о международном масштабе, он обиделся. Тов. Теплов, вам нужно пройти школу политграмоты, раз вы не знаете, что ЦК союзов не занимается контролем, что фабзавком не контролирует, что губотдел не контролирует. Кто из вас, директоров, допустит представителя фабзавкома вас контролировать? Кому вы рассказываете сказки, что представитель фабзавкома вас контролирует, губотдел вас контролирует и т. д.? Весь вопрос сводится к следующему: среди рабочих имеются настроения, которые говорят о том, что мы работаем в производственных совещаниях, мы вносим предложения, которые необходимы в интересах осуществления настоящего режима экономии. Тут и вопросы бесхозяйственного ведения дела, вопросы о сверхурочных, о спецах и т. д., и т. д. Когда мы говорим, что нужно

дать возможность этим рабочим знакомиться глубже с делом, дать им возможность проконтролировать ту или другую область вашей работы, вы выходите и говорите, что усиливается количество контрольных учреждений. Мы говорим—нет, это лишь даст возможность рабочим посмотреть, что делается у вас за ширмочкой, познакомиться с тем, как вы работаете, это даст возможность усилить вашу работу и работу производственных совещаний.

Председательствующий. Слово имеет т. Беленький.

Беленький. Товарищи, я считал бы целесообразным провести аналогию в некоторой части с предыдущим докладом, с докладом т. Рыкова, в части выдвинутого им чрезвычайно важного вопроса о несоответствии построения наших хозяйственных органов с теми задачами, которые теперь перед быстро развертывающейся промышленностью поставлены. Мне кажется, что этот вопрос нужно было бы поставить и в вопросе о профсоюзах в такой плоскости: есть ли соответствие в организационном построении профсоюзов с теми задачами, которые сейчас стоят в связи с огромным ростом, численным ростом самого рабочего класса и его политической активностью.

Я считаю, что наша структура профсоюзов носит на себе еще некоторые следы периода военного коммунизма, которые несомненно являются тормозом для осуществления задачи превращения профсоюзов в организации более массовые, более гибкие, способные лучше и гибче обслуживать рабочий класс. У нас имеется 23 союза, охватывающих несколько десятков производств, и для того, чтобы в разнообразных, не только производственных, но и бытовых условиях, в рамках одних и тех же союзов объединить различные группы рабочих различных видов производства, различного культурного и бытового уровня, различных запросов и навыков,— для этого требуется чрезвычайно сложный и четкий механизм профсоюзов, а наши теперешние производственные союзы этим свойством в достаточной степени не обладают. Разрешите для иллюстрации обратить внимание конференции на чрезвычайно важный показатель профессионального движения, о котором т. Томский, к сожалению, очень мало говорил в своем докладе. Это — вопрос о конфликтах.

Анализ этих конфликтов указывает нам на то, что причиной, вызывающей конфликты, являются, с одной стороны, наличие огромного количества бюрократических извращений в нашем хозяйстве, элементарные нарушения самых основных и наипростейших законных прав рабочих, а с другой стороны—чрезвычайно слабая сопротивляемость союзных организаций в деле устранения недостатков и борьбы с этими бюрократическими извраще-

ниями. Мы имеем из 100 случаев конфликтов—99, падающих на самые элементарные нарушения прав рабочих, при чем количество случаев, когда рабочие помимо союза обращаются в другие инстанции—непосредственно в отдел труда, в трудсуд, в партийный комитет, в исполком и во все прочие организации, имеющиеся на данной территории, увеличивается. Рост обращения в различные инстанции помимо профсоюзов с тем, чтобы в них найти защиту самых элементарных своих прав, прямо свидетельствует о том, что профсоюзы не всегда обладают той гибкостью, которая необходима для защиты членов профсоюзов в этих случаях. Нет той гибкости союзного аппарата, благодаря которой можно было бы эту огромную массу конфликтов переварить у себя, внедрить в сознание рабочих, что профсоюз является подлинным защитником их интересов, единственным органом, куда они во всякое время могут обратиться и получить необходимую им помощь и поддержку. Рабочий не чувствует в профсоюзе той организации, которая в любой момент способна проявить достаточную сопротивляемость этим бюрократическим извращениям, выросшим, особенно за последние месяцы, до чрезвычайно больших цифр.

И было бы, товарищи, неправильно, если бы мы причину этой негибкости профсоюзов искали в слабой воле или в плохом подборе самих профессиональных работников. Было бы неправильно, если бы мы считали, что некоторая негибкость и бюрократичность профессиональных аппаратов является результатом плохой технической работы, малой квалификации работников и т. д. Я считаю, что причины лежат в организационной структуре, в построении самих профсоюзов,—от этого зависят характер и методы обслуживания рабочей массы. Достаточно взять такой пример: союз пищевиков объединяет различные группы рабочих, начиная от пекаря, у которого есть свои условия работы, свои традиции, свои навыки, свои производственные тенденции. Этот пекарь, состоя в одном и том же профсоюзе, сидя на одном и том же собрании с другими членами профсоюза пищевиков—колбасниками, табачниками и т. д., не находит в работе союзной организации отражения тех специфических запросов, тех потребностей, которые он имеет, работая в других условиях, в другой среде, в других отраслях производства. Мы в свое время, в период военного коммунизма, когда перед нами стояла задача принять и провести производственный принцип построения союзов, мы тогда все свои громы и молнии обрушили на цеховщину, на секции и проч., уничтожили их в конце концов и создали производственные союзы.

Но было бы величайшей ошибкой, если бы сейчас, в условиях огромного роста активности рабочей массы, когда наиболее ярко выявляются специфические особенности каждой группы рабочих, когда процесс нивелировки не имеет места, когда наиболее ярко выступают индивидуальные особенности отдельных групп рабочих,—было бы несомненной ошибкой, если бы мы из-за производственного принципа не развернули тех рамок, которые дали бы выход настроениям, тенденциям и потребностям отдельных групп, обладающих специфической психологией и особенностями. И до тех пор, пока мы не индивидуализируем профессиональную работу, до тех пор, пока в работе профессиональных союзов будет фигурировать рабочий класс вообще, а не конкретно те или другие группы рабочих со своими особенностями, до тех пор будет существовать бюрократизм в союзной организации, до тех пор мы не сможем подойти к разрешению и удовлетворению бытовых нужд отдельных групп, отдельных рабочих.

Тов. Томский в недавней практике работы ВЦСПС, когда стоял вопрос о слиянии двух союзов—союза местного транспорта и коммунальников,—этот курс взял. Но я считаю, что ошибочно будет, если при определении основной задачи нашей партии в профессиональных союзах партийная конференция даст директивы ВЦСПС только в смысле устранения бюрократизма в профсоюзах вообще,—об этом много раз говорили. Необходимы конкретные директивы в смысле направления своей работы в области организационной в сторону создания полного соответствия между организационным построением союзов и политическими задачами партии. (Радченко: «Что это, профкарту будем разбирать?») Тов. Радченко, вы это к профкарте относите,—может быть, т. Радченко останется при своем мнении. А партийная конференция должна будет продиктовать нам, партийцам, работающим в профессиональных союзах, не только голые лозунги, но конкретную практическую директиву в отношении построения профорганизации,—директиву, которая обеспечит партии правильное руководство профсоюзами, а через профсоюзы—проведение политики партии в рабочем классе. И сведение этого вопроса до вопроса техники означает непонимание роли организационной структуры профсоюзов в проведении политических задач, выполняемых профсоюзами.

Я считаю, что наша организационная структура в некоторой части отстала от тех задач, которые стоят перед партией и рабочим классом в связи с его огромнейшим ростом и в связи с ростом активности рабочего класса. У нас имеется в профсоюзах ряд секций. Но эти секции созданы специально для того, чтобы уничтожить всякую идею секций. Наши секционные уставы, наши инструк-

ции, писанные центральными комитетами союзов, построены так, чтобы обезличить всякую секцию внутри профсоюза, чтобы превратить ее в один аншлаг, ни уму, ни сердцу ничего не говорящий. Нужно перейти к построению по секционному принципу и даже к некоторому разделению союзов, ибо я считаю, что союз совторгслужащих, например, является нелепейшим, нежизненным, который не сумеет по своему построению близко подойти к массе до тех пор, пока не будет разбит на два союза. Это означает приспособление производственных принципов профсоюзов к тем задачам, которые сегодня конкретно стоят у нас на конкретной почве советской страны, в нашем советском рабочем классе. Это не есть отход на меньшевистские позиции и дробление профсоюзов. Это есть приспособление наших производственных профсоюзов к данным конкретным условиям, а не превращение в икону лозунга производственных союзов с тем, чтобы заглушалась гибкость в деле обслуживания отдельных категорий рабочих. Я указал на то, что анализ конфликтов, который является чрезвычайно важным показателем работы профсоюзов вообще, который является чрезвычайно важным показателем настроений рабочих, этот анализ конфликтов указывает на то, что опасность угрожает нам с двух сторон.

Опасность угрожает со стороны дальнейшего роста тех бюрократических извращений в нашем хозяйстве, о которых здесь много говорилось. Партия должна принять конкретные меры к тому, чтобы направить работу хозяйственных организаций в сторону самой жесткой борьбы с этими бюрократическими извращениями. Я не буду затруднять внимания конференции перечнем целого ряда безобразнейших фактов, за которые не может не краснеть ни один коммунист-хозяйственник, но которые имеют место в нашем советском хозяйстве и которые являлись источником конфликтов, источником усложнения отношений с рабочими массами.

Вторая опасность заключается в организационной структуре профсоюзов. Надо перестроить, приспособить и внедрить в союзный аппарат ту необходимую гибкость, без которой не может быть разрешена задача по превращению союзов в подлинные массовые организации, органически связанные с каждым рабочим.

Эти две опасности должны найти свое отражение в постановлениях конференции. Я считаю, что вопрос о значении организационной структуры наших союзов и вопрос об усилении сопротивляемости профорганизаций, усилении деятельности профорганизаций в деле борьбы с бюрократическими извращениями в нашем хозяйстве и госаппарате,—эти два момента, как несущие

в себе большую опасность по разрыву союзных организаций с массами, должны найти большее отражение в постановлении конференции, чем это в тезисах т. Томского.

Председательствующий. Имеется предложение объявить перерыв на 10 минут. Возражений нет? Нет. Объявляется перерыв на 10 минут.

Председательствующий. (После перерыва). Заседание возобновляется. Слово имеет т. Чаплин.

Чаплин. Товарищи, я взял слово для того, чтобы высказать несколько соображений, касающихся рабочей молодежи. XIV съезд нашей партии поставил ряд крупнейших задач в деле классового воспитания пролетарской молодежи. Эти задачи, которые прежде всего сводятся к удовлетворению культурно-экономических запросов пролетарской молодежи, не могут быть выполнены только одним союзом молодежи.

В деле классового воспитания пролетарской молодежи мы сейчас вплотную упираемся в необходимость самой энергичной помощи и поддержки со стороны профсоюзов. Можно без преувеличения сказать, что те практические задачи, которые стоят сейчас в деле производственного обучения рабочей молодежи, в деле поднятия ее профессионально-технических знаний и культурного уровня, в деле ее классового воспитания, не могут быть выполнены без того, чтобы профсоюзы не поставили в центре внимания своей работы вопросы, касающиеся рабочей молодежи. Конечно, за истекший период мы имеем и известные достижения в деле работы профсоюзов среди молодежи. Но вместе с тем нужно подчеркнуть, что со стороны отдельных профработников, отдельных профорганов мы не всегда встречаем правильное понимание вопросов труда и образования рабочей молодежи, не всегда встречаем сочувственное отношение с их стороны к целому ряду, по нашему мнению, совершенно правильных мероприятий, которые нужно проводить в этой области.

Основной вопрос, который стоит сейчас перед нами в деле воспитания рабочей молодежи, это—вопрос ее производственного обучения и коммунистического воспитания. В нашей советской стране мы подходим к труду молодежи не так, как к нему подходили в прежнее время—при капитализме, не с точки зрения рассматривания труда молодежи, как наиболее дешевой рабочей силы, а с точки зрения подчинения этого труда задачам обучения и коммунистического воспитания. Поэтому нельзя рассматривать труд молодежи только с точки зрения чисто-хозяйственной выгоды сегодняшнего дня, прежде всего его надо рас-

сматривать с точки зрения воспитания из рабочей молодежи хороших, квалифицированных рабочих-коммунистов, подготовки нового, коммунистического поколения рабочего класса. Основной формой социалистической организации труда молодежи в СССР является школа фабрично-заводского ученичества. Из года в год комсомол бился над разрешением этой задачи. За это время мы сумели охватить до 90 тысяч рабочих-подростков в школе ФЗУ. ФЗУ является той формой воспитания молодежи, где производительный труд молодых рабочих соединяется с их теоретическим образованием. ФЗУ является такой формой организации труда молодежи, которая как будто признана всеми нами. Но вместе с тем мы в практике своей работы очень часто встречаемся с попытками неправильно рассматривать школу ФЗУ. Некоторые проф- и хозработники, к примеру взять т. Гастева, даже заявляют, что «школа ФЗУ, это—огромная энергия комсомола и недосмотр взрослых». Мы считаем такое отношение к основной форме социалистической организации труда молодежи, к ФЗУ, вредным. Конечно, ФЗУ имеет много недостатков. Нужно еще много работать над рационализацией фабрично-заводского ученичества, над удешевлением его, над увеличением хозяйственной ценности фабзавуча, но отрицать ФЗУ в том виде, как оно сложилось сейчас, т.-е. как основную форму обучения рабочей молодежи в производстве, на основе сочетания производительного труда с теоретическим образованием и политическим воспитанием, значит отрицать принцип социалистической организации труда молодежи.

По моему мнению, основная задача профсоюзов в области труда молодежи на ряд предстоящих лет должна заключаться в том, чтобы постепенно, по мере развертывания нашей промышленности, по мере ее реконструкции, все большее количество молодежи охватывать ФЗУ, добиваясь в конце концов полного перевода труда молодежи на социалистические начала. Конечно, нельзя не учитывать реальной действительности, и мы вовсе не такие утописты, чтобы не видеть того, что сейчас и в ближайшее время мы не сможем охватить всех рабочих-подростков фабзавучем. Поэтому на-ряду с фабзавучем необходимо самое широкое развитие таких форм, как бригадное, индивидуальное ученичество и ряд других форм подготовки квалифицированной силы. Но вместе с тем линия на увеличение удельного веса фабзавуча в системе обучения рабочей молодежи должна проводиться твердо и последовательно. Эта задача является важнейшей обязанностью профсоюзов. Все наше законодательство о труде молодежи построено именно исходя из необходимости обеспечить

социалистическую организацию труда молодежи в производстве: сокращенный рабочий день для молодежи до 18 лет, политику зарплаты, которая выражается в том, что рабочий-подросток за сокращенный день получает как за полный 8-часовой. Это есть экономическая гарантия против срыва сокращенного дня подростков. Все эти законы направлены к тому, чтобы обеспечить правильную линию в вопросах труда молодежи. Несмотря на это, мы все время встречаемся с попытками снизить зарплату подростков. Я не говорю, что это линия всех профсоюзов, но среди отдельных профессионалистов эта линия есть, среди отдельных хозяйственников она проявляется. Есть предложение о введении бесплатного ученичества. Нужно понять, что введением бесплатного ученичества не разрешается проблема борьбы с безработицей, ибо в конце концов набор бесплатных учеников упирается в недостаток оборудования предприятий. Бесплатное ученичество вредно и тем, что оно неизбежно ведет к срыву всех основных законов о труде молодежи, поведет к срыву социалистической организации труда молодежи, которую мы должны укреплять, а не ослаблять.

По вопросу о зарплате у нас имеется недоговоренность с профессионалистами: распространять ли повышение зарплаты на фабрично-заводских учеников или нет. Об этом мы толковали с т. Мельничанским. Тов. Мельничанский стоит на той точке зрения, что ученики фабзавуча не должны получить прибавки зарплаты. (Мельничанский: «Неверно».) Вы это заявляли на нашем совещании, другое дело, что вы мотивировали недостатком фондов и т. д. Я приведу цифры о зарплате рабочих-подростков в целом, не подразделяя на учеников и подростков, занятых непосредственно в производстве. В 1925/26 году их средний заработок в червонных рублях составляет 21,4 руб. Зарплата учеников фабзавуча в большинстве производств ниже, чем зарплата подростков, находящихся непосредственно на черновой или подсобной работе. В большинстве производств она не достигает более 84% по отношению к зарплате подростков, занятых на черновых и подсобных работах. Исключение составляют: полиграфическое производство, где зарплата учеников фабзавуча составляет 120% по отношению к зарплате всех подростков, хлопчатобумажное производство—101%, льняное производство—108%. Ясное дело, если мы не будем распространять на учеников фабзавуча общей прибавки зарплаты, которую получают наиболее отсталые группы рабочих, то ученик фабзавуча не будет иметь никакого стимула к поднятию своей квалификации, ибо подростки, работающие на черновых и подсобных работах, будут получать

полностью первый разряд, считая и прибавку, а ученики фабзавуча этого получать не будут. После этого какой будет стимул у подростков учиться в фабзавуче и повышать свою квалификацию? Никакого. Этим мы наносим удар школе фабзавуча.

Теперь беру отношение заработка подростков к среднему заработку взрослых рабочих. Вот цифры: в 1923/24 г.—45,8% в 1924/25 г.—43%, в 1925/26 г.—40,3%. Все время заработок подростков падает. Если же мы возьмем цифру 1914 года, то соотношение зарплаты подростков и зарплаты взрослых рабочих составляло тогда 47%.

Конечно, это не значит, что положение рабочей молодежи сейчас хуже, чем в довоенное время. Нужно принять во внимание неограниченный рабочий день, фактически существовавший раньше, неограниченную сдельщину и т. п. Но все-таки это дает известный подход к определению того соотношения заработка, который должен быть между заработком подростков и взрослых рабочих. Мы считаем, что на-ряду с подтягиванием зарплаты отсталых групп рабочих нужно поднять зарплату рабочих подростков и учеников фабзавуча. Исходя из этого, ЦК комсомола высказался против отдельной ученической тарифной сетки, которая ведет к снижению зарплаты подростков. Мы считаем, что прибавка должна коснуться и подростков-учеников так же, как она касается соответствующих категорий рабочих. В этом вопросе нужно создать полную ясность. Я не буду подробно останавливаться на том, что уровень зарплаты учеников зачастую понижается задержкой перевода из разряда в разряд, по мере улучшения квалификации ученика. Разве это нормальное явление, когда на 3-м году обучения, в конце учебного года, в фабзавуче более 40% учеников проходят по 1 и 2 разрядам? Такая задержка в переводе подростков-учеников из разряда в разряд несомненно отражается на уровне зарплаты учеников.

Теперь я перейду к другому вопросу. Недавно президиум ВЦСПС вынес решение о том, чтобы изменить существовавший до сих пор порядок приема рабочих-подростков в профсоюзы—принимать с 16 лет, а не с 14 лет. Мы считаем это решение неправильным, потому что, поскольку мы в производство принимаем молодежь с 14 лет, постольку вся трудящаяся молодежь должна входить в профсоюзы, чтобы ее интересы защищались. У нас значительное количество рабочей молодежи от 14 до 16 лет. (Томский: «Сколько?») В государственной промышленности несколько десятков тысяч; кроме того, нужно принять во внимание частную и кустарную промышленность, а также наемный труд в сельском хозяйстве. Я спрашиваю: зачем понадобилось сей-

час изменять старый порядок приема? Неужели подростки так вредно влияли на профессиональную работу? Думаю, что нет. В связи с этим встает вопрос: кто же будет защищать интересы этой части рабочих-подростков, в особенности в частной и кустарной промышленности, а также в сельском хозяйстве? Кто будет защищать их интересы? Я думаю, что это постановление неправильное, и президиуму ВЦСПС следует его изменить. По тем справкам, которые мы имеем, даже в странах Западной Европы (там существуют при профсоюзах юношеские секции) прием подростков в союзы производится с 14—15 лет. Мы считаем решение ВЦСПС неправильным, ибо такой подход к молодежи оставляет значительную часть молодых рабочих, занятых в производстве, вне защиты профессиональных организаций.

Теперь последний вопрос—о взаимоотношениях комсомола с профсоюзами. Комсомол, как коммунистическая организация рабочей молодежи, не может не ставить в центре своего внимания экономические запросы и интересы рабочей молодежи. Комсомол должен являться инициатором проведения профсоюзами ряда мероприятий, ведущих к улучшению экономического положения рабочей молодежи, поднятию ее производственного обучения, культурного уровня и т. д. Без этого мы не будем иметь того политического влияния на массы рабочей молодежи, которое мы имеем и которого добились в результате огромной экономической работы, которую мы ведем среди рабочей молодежи, проводя все мероприятия через аппарат профсоюзов. Связь комсомола с профсоюзами осуществляется через его представителей в органах профсоюзов. Это представительство, как форма связи и совместной работы, себя оправдало. Правда, со стороны комсомола имеется много недостатков в смысле плохого подбора работников, частой их смены и т. п. Недостатки в этом отношении имеются, мы их не отрицаем, но нельзя же из того, что есть ряд недостатков, делать вывод о ликвидации этой формы связи комсомола с профсоюзами, тем самым отстраняя Союз Молодежи от профессиональной работы. А некоторые профессионалисты стоят за ликвидацию представительства. Тов. Томскому самому пришлось выступать на пленуме ВЦСПС против отдельных товарищей, которые были против представительства. В частности т. Мельничанский, который здесь сидит, был против. Такое консервативное отношение к молодежи у т. Мельничанского имеется, и оно не более тонкое, чем отношение к рабочим некоторых красных директоров, о которых здесь он говорил. (Голос: «Тонкий намек».)

Нужно более внимательно и чутко относиться к рабочей моло-

дежи. Со стороны отдельных профессионалистов наблюдается пренебрежительное отношение к молодежи, это—факт. Мы это наблюдаем. Вывод таков, что форма представительства комсомола в профсоюзах должна быть сохранена. Профсоюзы требуют, и они вправе требовать, улучшения этого дела со стороны комсомола, ликвидации всех недостатков в этой области. Мы сделаем для этого все, что от нас зависит.

Несколько слов о культурной работе. Здесь в отношениях профсоюзов к молодежи тоже имеется много неправильностей. Часто юнсекции при рабочих клубах не получают необходимых средств, часто юнсекции рабочих клубов загоняются в худшие помещения, часто юнсекции не имеют возможности развернуть свою работу, а между тем борьба с хулиганством требует усиления культурной работы среди молодежи. Здесь т. Томского в разговорах обвиняют в том, что он поощряет хулиганство. В основном, на мой взгляд, постановка этого вопроса в его докладе правильна. Борьба с хулиганством не должна быть ослаблена, но нельзя же все малейшие факты, все, что мы замечаем плохого со стороны рабочей молодежи в смысле поведения, нанизывать на ниточку хулиганства и травить рабочую молодежь. Это неверно. Борьба должна быть, но должна быть борьба и с извращениями в борьбе с хулиганством. Я думаю, что те моменты, которые отмечены т. Томским в его тезисах и в докладе по части борьбы с безработицей среди молодежи, совершенно правильны. Но я считаю, что нужно тезисы т. Томского дополнить рядом практических предложений, касающихся рабочей молодежи, занятой в производстве, и вопросом, касающимся укрепления совместной работы комсомола с профсоюзами. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Слово имеет т. Догадов.

Догадов. Товарищи, закончившаяся за этот период времени черновая работа дала, наконец, возможность привести в «христианский» вид наши профсоюзы. (Смех.) Мы прямо можем сказать, что нами проделана та элементарная работа, без которой было бы немыслимо дальнейшее развитие нашего профдвижения. Сюда относится: индивидуальное членство, проведение методов рабочей демократии при выборах профсоюзных органов, борьба с хозяйственным уклоном, который приводил к тому, что рабочий не знал, где администрация и где хозяйственные органы. И дальше, с течением времени и по мере ликвидации слабых мест, на которые приходится обращать внимание и партии и профсоюзам, ставятся новые вопросы профдвижения. К числу этих слабых мест, до которых мы, наконец, добрались, относится и вопрос о про-

изводственных совещаниях. Партия и профдвижение при развитии наших профсоюзов шли постепенно, уделяя внимание в первую очередь наиболее болезненным явлениям профсоюзной работы, которые у нас были, и, наконец, добрались до производственных совещаний. Тут надо сказать, что многие товарищи, в том числе и т. Теплов, который выступал против контрольных комиссий, совершили самую основную ошибку, рассматривая эти контрольные комиссии, как нечто техническое, как одну из форм нового контроля. Я думаю, контрольные комиссии так рассматривать нельзя, это вопрос, товарищи, глубоко политический в первую очередь, и только во вторую очередь, и то отчасти,—технического характера.

Что значат контрольные комиссии? Это—завершение организационного строительства, головка производственных совещаний. В чем мы имели до сих пор слабость производственных совещаний?

Понятно, можно констатировать, что партия, профсоюзы и хозорганы сравнительно мало обращали внимания на эту область работы,—это правильно. Но все-таки, в результате длительного изучения этой стороны, ЦКК и профсоюзы выявили ряд недочетов, которые лежат даже вне природы этих производственных совещаний, вне связи с тем, что мало внимания обращалось на них. Это относится к таким недочетам, как отсутствие прав, отсутствие юридического лица, если можно так выразиться, у производственных совещаний.

Контрольные комиссии должны некоторым образом завершить организационное построение производственных совещаний.

Почему я сказал, что это вопрос не технический, а глубоко политический? Потому что вопрос работы производственных совещаний, это—вопрос втягивания рабочих в наше социалистическое строительство. Некоторые товарищи хозяйственники пробовали производственным совещаниям придать узкий характер, рассматривая их только как аппарат по борьбе за режим экономии и больше ничего. Были такие тенденции, но думаю, что партия и профсоюзы смотрят гораздо шире на производственные совещания и считают их одной из важнейших форм по вовлечению рабочих в социалистическое строительство. Нельзя говорить о вовлечении рабочих в социалистическое строительство, говорить о том, что мы должны втягивать в эту работу массы, не давая в то же время определенных форм, не давая таких практических методов проведения работы, которые имеются в лице производственных совещаний.

Поэтому я думаю, что возражения, которые направлены про-

тив контрольных комиссий, все-таки происходят из-за того, что товарищи недооценивают роли производственных совещаний: контрольные комиссии, в первую очередь, должны дать толчок развитию производственных совещаний.

Я, понятно, согласен с т. Тепловым, согласен с его воплями, что у нас много контроля, слишком много контроля. Я думаю, что профсоюзы охотно пошли бы навстречу хозяйственникам в том отношении, чтобы уничтожить ряд контрольных учреждений, которые у нас есть. В этом отношении т. Теплов прав, но он неправ, считая эти контрольные комиссии одним из аппаратов какого-то нового контроля.

Теперь, товарищи, я сделаю несколько замечаний по поводу речи т. Чаплина.

Тов. Чаплин выражался весьма осторожно, говоря: «Некоторые профессиональные организации», «некоторые профработники». Но, поскольку он выступал по тезисам т. Томского, его речь была направлена против всей линии профсоюзов, против всей линии, которую ведут профессиональные организации. Я должен отметить, что ряд вопросов, которые т. Чаплин подымал, как вопросы о бесплатном членстве, о школах фабзавуча, разрешены Центральным Комитетом, и никаких споров или разговоров на эту тему нет. Но надо сказать, что́ создает недоразумение между ЦК комсомола и президиумом ВЦСПС по таким, например, вопросам, как зарплата. Основное, это—то, что, по нашему мнению, ЦК ВЛКСМ в вопросе заработной платы узко понимает защиту интересов рабочей молодежи. Мне лично кажется, что эту защиту он понимает в смысле защиты членов ВЛКСМ. (Матвеев: «Ничего подобного!») Я говорю, что мне лично так кажется. В этом, мне кажется, состоит основная ошибка ЦК ВЛКСМ, который так понимает защиту интересов молодежи, в этом состоит ошибка ЦК, которая создает недоразумения между профсоюзами и союзом молодежи. Профсоюзы на вопрос о зарплате подростков смотрят с точки зрения защиты молодежи в целом, а не защиты только членов организации ВЛКСМ. (Матвеев: «Поэтому вы не принимаете молодежь в профсоюзы. 50% молодежи остается вне профсоюзов».) Что значит вопрос заработной платы для подростков? Это—вопрос наибольшего вовлечения подростков в производство. И до сих пор ЦК ВЛКСМ не может этого понять; в то время, когда на всех общих собраниях рабочих поднимается вопрос о том, что сыновья рабочих бьют баклуши, находятся вне производства, в это время повышение заработной платы механически сведется к удорожанию рабочей силы подростков, т.-е. увеличит тот кадр подростков, откуда вербуются бандиты и хули-

ганы. (Матвеев: «А что же им делать до 16 лет, если их не принимают на работу? Бить баклуши?». Голос: «А бесплатное ученичество?».) Вопрос бесплатного ученичества разрешен уже Центральным Комитетом. Я должен сказать, что этот вопрос поднят не профессиональными союзами, а иваново-вознесенскими ткачами, и товарищи из ВЛКСМ это знают. Так что вот кто влияет на профсоюзы и что заставляет вопрос о подростках ставить в плоскость борьбы с беспризорностью. На этой почве было много недоразумений, и они будут до тех пор, пока ЦК ВЛКСМ не станет целиком на ту точку зрения, что нам придется обратить большее внимание на вовлечение рабочих в производство, чем даже на вопросы повышения заработной платы, на вопросы о положении в целом рабочей молодежи.

Теперь о членстве. Что предлагает ВЛКСМ? Он предлагает неограниченное членство, т.-е. чтобы в члены союза принимали с 12 лет (ведь в сельском хозяйстве допускают к работе с 12 лет, хотя с оговоркой,—с разрешения инспектора труда; но ведь это факт). Нам ЦК ВЛКСМ предлагал прием неограниченный с тем, чтобы только по достижении 16 лет члены союзов пользовались пассивным избирательным правом. Профессиональные союзы не знают членов 1,2 и 3-го разрядов. У нас все члены пользуются одинаковыми правами. Нам же предлагают новую категорию членов, которую нужно ограничить в правах: они являются членами союза, но не имеют права быть выбранными. Но ведь это является противоречием всего нашего профессионального строительства и всей нашей практики в членстве. По этому поводу мы считаем, что вопрос о приеме в члены с 16 лет решен правильно, при чем я должен заметить, что те подростки моложе 16 лет, которые сейчас состоят членами союзов, остаются членами союзов.

Теперь, в заключение, о представительстве. Тут я должен сказать, откуда пошла реакция отдельных профессионалистов против представительства. Это объясняется тем, что ЦК ВЛКСМ слишком небрежно относился к этому представительству. Туда посылались такие люди, которых просто некуда было девать ЦК ВЛКСМ. (Матвеев с места: «Неверно это!») Извиняюсь, это верно. Во-вторых—не рабочих, а недоучившихся учеников школ. (Матвеев с места: «Неверно, это можно доказать, кого посылаем».) И в-третьих, этих представителей они снимали иногда просто без всякого согласования, снимали, когда им заблагорассудится. У нас сейчас есть конфликт, что выборный член ЦК союза снимается ЦК ВЛКСМ. Где же демократия, где здесь выборное начало? (Голос с места: «В такой форме не снимали».

Матвеев: «Тов. Догадов, вы соглашались на пленуме ЦК комсомола, а потом отказались».) Этот недостаток они сами не отрицают, хотя Матвеев и спорит. (Матвеев: «Давайте изживать, недостатки, конечно, есть».) Правильно, эти недостатки нужно изживать в работе, вы на это обратили внимание, дали ряд указаний, все это правильно. Среди профессионалистов замечается такое настроение против представительства, но президиум ВЦСПС в целом стоит за представительство и никаких изменений до сих пор не вносит. (Матвеев: «А постановление президиума ВЦСПС?») Да, да.

Теперь я хотел бы остановиться на некоторых вопросах, которые здесь затрагивались. В первую очередь, т. Угланов указал, что профессионалисты отошли от хозяйственников, и в качестве аргумента привел то, что по вопросу о хозяйственном положении не выступали профессионалисты. Я думаю, что это непоказательно,—по докладу Томского 90% записавшихся—профессионалисты. Это—более четкое разграничение функций между профессиональными и хозяйственными органами. Участие профсоюзов во всех плановых органах, во всей работе хозяйственных органов продолжается с прежней интенсивностью, с прежней энергией. Взять хотя бы вопрос капитального строительства. Тов. Рухимович здесь подтвердит, что недели две тому назад он делал доклад в ВЦСПС с участием ЦК союзов, которые приняли самое активное участие в этой работе. Так что здесь есть только более четкое и ясное разграничение функций профсоюзов и хозяйственных органов.

В заключение—несколько слов о коллективных договорах. У нас охвачено коллективными договорами 87% всех рабочих, или 6 707 000 членов профсоюзов. Я не буду говорить о том, насколько важно обсуждение коллективных договоров в смысле воспитания членов союза, но я должен сказать, перед конференцией, что эта работа с каждым днем осложняется, и перед нами встает ряд трудностей, которые вытекают из объективной хозяйственной обстановки. Первая трудность, которая стоит перед нами, это—та, что в связи с усилением планового хозяйства и вопросы заработной платы тоже входят в орбиту этого плана, т.-е. повышение зарплаты входит в хозяйственный план. Но, товарищи, если повышение заработной платы проходит по плану главным образом здесь, в Москве, то вы сами представляете, что роль общих собраний, роль работников на местах и профессиональных организаций суживается соответствующим образом. Здесь, в Москве, вам определят известный процент такой-то прибавки для таких-то отраслей промышленности, и, конечно, для вас понятно, что боль-

шой активности при обсуждении коллективных договоров на местах не будет и не может быть. Второе, товарищи, нужно констатировать, что (плохо ли, хорошо ли—это пусть судит сама партконференция) у нас ни один коллективный договор в последнее время не проходил без конфликта, без того, чтобы не приходилось обращаться к третейскому суду. Ни один коллективный договор не проходил без третейского суда. Этот фактор тоже до некоторой степени снижает активность масс при обсуждении коллективных договоров.

Все эти обстоятельства, понятно, вносят осложнения при обсуждении коллективных договоров и этим самым снижают активность рабочих масс, которые участвуют в обсуждении коллективных договоров. Я думаю, что нам нужно серьезно подумать и на партконференции и на всесоюзном съезде, чтобы разрешить этот вопрос таким образом, чтобы вся рабочая масса не была устранена от обсуждения коллективных договоров.

Председательствующий. Слово имеет т. Гинзбург.

Гинзбург. Товарищи, мне кажется, что нужно коснуться одного вопроса, который в тезисах т. Томского недостаточно ясно выражен,— вопроса об отношении к профсоюзам. (Голос с места: «Со стороны кого?».) Со стороны хозяйственных советских органов и ряда парторганов. То, что за последние год-полтора авторитет профсоюзов в отношении их влияния на хозяйственную работу, на решение важнейших вопросов рабочей политики упал, снизился,— это бесспорно. Причины этого падения влияния профессиональных союзов нужно искать, прежде всего, в субъективной вине самих профсоюзов, в ошибках и недостатках нашей работы. Попытки связать это с состоянием нашего хозяйства ни к чему не повели бы. Объективных оснований для падения роли союзов нет. Тов. Томский в своих тезисах указывает на некоторый отход от хозяйства или некоторое ослабление работы профсоюзов в хозяйственных вопросах,— это бесспорно. Но это и есть одна из причин, повлекших ослабление нашего влияния на решение хозяйственных вопросов.

Далее, тут уже говорили о режиме экономии, сопровождавшемся на первой стадии своего проведения целым рядом искривлений со стороны хозяйственников. Здесь мы не встретили должного отпора со стороны профсоюзов, несмотря на то, что больно задевались интересы рабочих. При проведении режима экономии союзы, в большинстве своем, были пассивны, вместо того чтобы направить все мероприятия по режиму экономии в должное русло и бороться с теми искривлениями, которые наблюдались. Это тоже привело к некоторому ослаблению нашего влияния.

И третье,—в целом ряде партийных органов мы видим некоторое недоверчивое отношение к предложениям, исходящим от профсоюзов. На партконференции об этом можно сказать открыто, что у парторганов кое-где имеется уклон в сторону защиты хозяйственников. Это опять-таки ведет к ослаблению нашего влияния. Недавно Сибирским Краевым комитетом партии и профорганизациями произведен ряд обследований рабочих районов. На Сибирь принято смотреть, как на крестьянский край. Однако и у нас есть важные рабочие районы, и материалы, которые мы имеем, бесспорны, показательны и типичны. По нашим материалам отношения к профсоюзам со стороны рабочих в ряде случаев формулируются так: профсоюзы улучшили свою работу, стали действительно выборными организациями, но они недостаточно сильны в разрешении важнейших текущих вопросов. Отсюда попытки направить решение вопросов, споров и конфликтов помимо профсоюзов,— попытки чрезвычайно вредные и для производства и для рабочего класса. Отсюда, мне кажется, совершенно ясно, что нужно поставить перед партией задачу—поднять участие, а, главное, влияние профсоюзов в работе по разрешению всех вопросов хозяйственной политики, поднять авторитет профсоюзов в рабочих массах и вне — перед советскими и хозяйственными организациями.

Второй вопрос, которого я хочу коснуться, это—вопрос о заработной плате. Тов. Догадов отчасти этого вопроса касался. Система регулирования зарплаты коллективными договорами, оправданная всей практикой профсоюзов, начинает испытывать довольно серьезные затруднения. Можно сказать смелее, что в целом ряде случаев значение договоров сводится на-нет. Что такое положение ненормально для наших условий, вряд ли требуется доказывать. Мне думается, что между плановым хозяйством, наличием плана повышения зарплаты и системой колдоговоров внутренних противоречий нет. Надо только не доводить планирования до той централизации, излишней, ненужной, которую т. Рыков признал вредной для хозяйства и которая совершенно нетерпима в таком остром вопросе рабочей политики, как заработная плата. Если заранее будет дана контрольная цифра повышения зарплаты, то это не исключает регулирования зарплаты колдоговорами, но если вы пытались здесь, при т. Шмидте, в комиссии детально утверждать ставки и нормы на каждое предприятие, то этим вы сводите на-нет коллективные договоры. Поэтому здесь необходимо отказаться от попыток жесткого регулирования, передав на места, в нормальном порядке, заключение договоров. Тогда мы будем иметь возможность действительно во-

влечь массы в договорную работу, разъяснять проводимую нами политику зарплаты.

Затем, возьмем вопрос, связанный также с зарплатой, это— вопрос ее регулирования. Как будто этот вопрос приводит нас к технике, но он сейчас имеет важнейший характер. То, что у нас сейчас делается на предприятиях, есть ломка всех существующих систем зарплаты. Мы имеем на предприятиях такую пестроту в регулировании расценок, такую пестроту установления норм оплаты отдельных категорий, которая неизбежно вызывает, в виде реакции, отказ от всякой системы регулирования зарплаты. Я не буду перед партийной конференцией демонстрировать сложную систему зарплаты, которая не дает возможности рабочим до сих пор точно знать свой заработок. И те поправки, которые сейчас делаются для того, чтобы подтянуть низшие категории, вносят новые осложнения. Низко оплачиваемые группы подтянуть нужно, но не в порядке новых наслоений в системе действующей заработной платы. Та система, которая была нами создана и которая вносит некоторые регулятивные нормы вместо произвола в систему оплаты на предприятии,—она все больше и больше засоряется, ломается. И сейчас мы у грани того, когда заработная плата на предприятии фактически будет так сложно определяться, что неизбежно вызовет отказ от всякого регулирования. Я считал бы это неверным и опасным для наших условий. Мы в области заработной платы должны сохранить какие-то регулятивные нормы. Мне думается, что партийная конференция должна дать директиву—покончить с той сложностью, которая имеется в этом вопросе, упростить систему заработной платы и принципиально признать необходимым возврат к твердой системе зарплаты.

Наконец,—о контрольных комиссиях, связанных с работой производственных совещаний. И тут, по-моему, т. Угланов прав в той части, где он говорит, что успехи наши в улучшении работы производственных совещаний весьма скромны. Переоценивать успех производственных совещаний нельзя. Работа производственных совещаний также упирается в некоторое неверие рабочих в целесообразность этой организации, в некоторое неверие в силу решений производственных совещаний и т. д. Главная вина и главная слабость производственных совещаний заключается не в том, что они плохо работают, а в том, что мы их не можем сделать достаточно массовыми организациями. Я не уверен, что контрольные комиссии—именно та форма, которая исправит этот грех, которая даст уверенность рабочему, что через производственные совещания он может достаточно влиять на хозяйственную жизнь. Все же попытка найти добавочную форму к про-

изводственным совещаниям необходима, несмотря на то, что мы два года бьемся над этим делом. Производственные совещания труднее, чем всякая другая организационная форма союзной работы, проводятся на предприятии. Попытка внести здесь кое-что новое, которое гарантировало бы большую уверенность рабочих в том, что работа производственных совещаний не пропадет зря, может дать серьезные результаты, усилить интерес к ним, и поэтому такая попытка крайне своевременна.

Председательствующий. Слово имеет т. Полонский.

Полонский. Одним из самых основных достижений в работе профсоюзов за истекший период, мне кажется, является проведение и укрепление в союзах широкой рабочей демократии. За прошлый период, до XIV съезда партии, мы имели очень много нареканий и жалоб на местах на то, что методы военного коммунизма еще в значительной степени не изжиты, что действительной выборности иногда не бывало, что наблюдался целый ряд явлений нездорового порядка. Недаром эту задачу проведения широкой внутрисоюзной демократии подчеркнул и XIV съезд в своей резолюции. Сейчас мы не можем не отметить, что со стороны рабочих нет больших жалоб. Отмечаются, может быть, только отдельные случаи нарушения или неправильного проведения широкой рабочей демократии в союзах. Это безусловно огромнейшее достижение в работе союзов. Но, товарищи, отдельные факты до сих пор еще, к сожалению, наблюдаются. Вот на-днях мне рассказывали о том, как один инструктор союза текстильщиков председательствовал на производственной конференции, где отчитывался трест. Представитель треста построил доклад так, что все у них благополучно; представитель союза его поддерживал. Все заводские организации возражали, сильно критиковали трест. В результате создалось у многих мнение, что в работе треста есть много недочетов. Несмотря на это, благополучную, прилизанную резолюцию усиленно навязывали. И председательствующий добился того, что за резолюцию голосовало 5 человек, а остальные не участвовали в голосовании. Это у нас, в Москве, товарищи. Однако я считаю, что это—отдельные случаи. Безусловно, чем дальше, тем их будет меньше. Они говорят, товарищи, что успокаиваться нам в отношении проведения широкой рабочей демократии в союзах нельзя; нужно двигаться дальше. Конечно, работа союзных органов значительно улучшилась, ими усвоены резолюции XIV съезда и основные директивы партии, но также они усвоены и широкими рабочими массами. Мне кажется, что огромное значение имеет здесь то обстоятельство, что сами рабочие массы выросли, научились

осуществлять демократию, научились использовать те права, которые им предоставлены. Об этом нашим союзным организациям также забывать нельзя.

Приглядываясь к работе профессиональных организаций на местах, я лично наблюдаю—не скажу, что совсем оформившуюся, но уже довольно явную—тенденцию к некоторому искажению проведения правильной линии рабочей демократии в профсоюзах. В чем состоит это искажение? Во-первых, формальное проведение демократии: огромное количество всякого рода собраний, связанных с отчетностью союзных органов, связанных иногда даже с перевыборами заводских комитетов, благодаря чему в этом количестве исчезает качество работы. Содержание страдает от того, что неправильно проводится внутрисоюзная рабочая демократия. Во-вторых, у некоторых профсоюзных работников проявляются тенденции к ослаблению руководящей роли партийной организации. Я считаю, товарищи, что не случайно раздаются отдельные голоса о том, что при перевыборах завкомов нужно намечать в партийных органах только платных работников завкомов, а остальных, минуя даже общие собрания ячейки, передавать на общие собрания рабочих без должной вдумчивой подготовки кандидатур, обеспечивающих деловую работу.

При проведении колдоговоров тоже иногда замечается недооценка необходимости обеспечить их прохождение на местах соответствующим партийным руководством. Бывают, конечно, недочеты и в ячейках, когда коллективные договоры обсуждаются на ячейке слишком детально: говорят о рукавицах и о чем угодно. Это неправильно. Именно принципиальные положения должны предварительно обсуждаться в партийных организациях и уже после этого, когда авангард (т.-е. члены партии) достаточно подготовлен и информирован, переносить на общие собрания рабочих. Мы, конечно, должны иметь в виду, что руководство очень осложняется, что необходимо чутко прислушиваться к тому, что́ говорит масса. Руководство на местах никоим образом не должно выродиться в опеку партийной ячейки над завкомом и профсоюзом. Но мы должны неизменно выполнять свои задачи, как авангард пролетариата, и не ослаблять партруководства. В вопросе о составе завкомов от парторганов требуется достаточно серьезная подготовка делового состава, чтобы случайное голосование на общем собрании не повредило деловой работе этого очень важного низового союзного органа. Конечно, парторганизациям следует выходить к беспартийным всегда, продумав свои предложения, хорошо организовав их проведение, чутко прислушиваясь к настроениям беспартийных, считаясь с этими настрое-

ниями. Но никоим образом это не должно вести к какому бы то ни было ослаблению руководства партии, тем более, что мы имеем значительные новые кадры в составе рабочего класса. Характеристику этих новых кадров нечего повторять, об этом уже говорилось. Мы имеем до 30% новых рабочих. Отдельные настроения у некоторых профсоюзных работников, по существу говоря, могут привести к ослаблению руководства партии; они неправильны и неверны. Мы должны иметь в виду, что руководство должно быть очень гибким. Все ошибки в этом отношении парторганизациям нужно исправлять, но это никоим образом не должно повести к ослаблению руководства и невыполнению своей роли со стороны нашей партии, как авангарда класса.

Теперь, товарищи, второй вопрос, на котором я хочу остановиться,—вопрос о более энергичном втягивании широких рабочих масс в дело практического строительства нашего советского хозяйства. Принципиальное решение этого вопроса дано XI съездом. XI съезд сказал таким образом: будучи школой коммунизма вообще, профсоюзы должны быть в частности школой управления социалистической промышленностью. XI съезд был созван в начале нэпа и дал основные принципиальные директивы. Практические меры, которые были даны в решениях XI съезда, это главным образом—мероприятия, направленные к вовлечению союзных выборных органов в дело участия в управлении нашим советским хозяйством. О привлечении тех масс, которые заняты в производстве, о рабочих от станка конкретно тогда еще было преждевременно говорить, потому что положение рабочего класса тогда было слишком еще тяжелое. И только XIV съезд партии в декабре 1925 года констатировал, что тяжелый процесс деклассирования пролетариата остался позади. В этот же период дальнейшее укрепление рабочего класса выдвинуло и новые формы привлечения широких масс к делу практического строительства советского хозяйства. Я имею в виду производственные совещания. В этот период была выдвинута жизнью и закреплена XIV съездом форма, в которой непосредственно участвуют рабочие, работающие у станка, т.-е. участвует та масса, о которой мы всегда говорим. Изучая опыт работы производственных совещаний, можно наметить, конечно условно, три периода в их работе. Первый период: значительное увлечение производственными совещаниями со стороны рабочих масс, борьба за мелочи. Этот период т. Томский правильно отмечает в тезисах. Он уже закончился и только, может быть, в отсталых районах заканчивается. Этот период характерен тем, что технический персонал почти не участвовал в ра-

ботах производственных совещаний. Далее следует короткий период заминки в работе производственных совещаний. Почему это происходило? Эта заминка в работе производственных совещаний происходила отчасти благодаря небрежному отношению и слабому руководству со стороны хозяйственников. Бывали, конечно, иногда нереальные предложения, которые не проводились. Но главное заключалось в том, что заминка в работе производственных совещаний происходила благодаря неисполнению решений производственных совещаний. У меня имеются материалы Московского комитета ВКП о работе производственных конференций, итоговые материалы. Изучая прения на производственных конференциях, видно, на что больше всего упирают. Говорят именно о том, что основной причиной временного ослабления работы производственных совещаний является недостаточное проведение в жизнь предложений и постановлений совещаний. 30% проводится в жизнь. Большинство предложений не проводится в жизнь. Сейчас мы имеем в связи с теми лозунгами, которые партия дала об индустриализации, о режиме экономии, третий период. Новый значительный подъем интереса рабочих масс к вопросам производства и активного участия в производственных совещаниях, при чем здесь мы имеем уже участие технических сил в работе производственных совещаний. Это, товарищи, характерно, потому что обозначает влияние наших хозяйственников. Когда директор интересуется работой производственного совещания, вполне понятно, что технический персонал это учитывает и сам начинает принимать участие. Это в значительной степени повышает уровень производственных совещаний, что для нас очень важно. Также характерно, что от мелочей переходят к вопросам треста, к вопросам более высокого порядка. Такой процесс развития работы производственных совещаний идет параллельно с материальным укреплением, политическим и культурным ростом основных кадров рабочего класса. Мы переживаем такой период, когда имеем огромнейшую консолидацию и политический рост основных кадров рабочего класса. Я считаю, что в связи с этим особенно важно закрепить этот подъем интереса к производству и творческую энергию масс, которая сейчас проявляется в работе производственных конференций и совещаний. Выросший рабочий, умеющий ценить свое достоинство (это я подчеркиваю, товарищи), хочет гарантии того, что его советы и предложения не будут брошены в корзину. Если дальше будет продолжаться та же самая картина, что решения производственных совещаний и конференций не будут выполняться, то, вполне понятно, дело не пойдет, и работа может быть сорвана.

Поэтому я считаю, что те предложения, которые имеются у т. Томского, насчет ревизионной комиссии или контрольной комиссии, как он говорит, на фабрике вполне целесообразны и необходимы. Они поднимут авторитет производственных совещаний в глазах массы и воздействуют на хозяйственников. Эти комиссии не только будут иметь право, но и обязанность проверить хозяйственника, почему он не выполняет те или другие постановления производственного совещания. Это делу в значительной степени поможет.

Конечно, основной и до сих пор еще неисчерпанной формой обучения и привлечения широких масс являются производственные совещания и конференции. Ревизионная или контрольная комиссия только поможет укрепить их работу, и только под этим углом зрения я понимаю то, что предлагает т. Томский.

О рабочем контроле говорить, к сожалению, нет времени. Но основной задачей рабочего контроля, кто его помнит, была подготовка рабочих к захвату власти на фабриках и заводах. Никакой аналогии с тем, что предлагает т. Томский, провести нельзя. Необходимо дать гарантию рабочим того, чтобы их предложения, принятые на производственном совещании, действительно проводились в жизнь. Мне кажется, что необходимо закрепить и продолжать линию партии на внимательную проверку исполнения принятых уже решений до самых низовых органов на фабриках и заводах.

Председательствующий. Слово имеет т. Михайлов (Ленинград).

Михайлов. Товарищи, когда слушаешь речи наподобие речей т. Мельничанского, право, иногда становится тревожно, почему у нас такие взаимоотношения между союзниками и хозяйственниками. Такие взаимоотношения абсолютно ненормальны. Они дальше не могут быть терпимы. Слушаешь т. Мельничанского и удивляешься, почему это вдруг наши союзники претендуют на абсолютную монополию защитников рабочего класса. Где это сказано? (Голос: «Так партия приказала».) Я считаю, что партия одинаково считает защитниками интересов рабочего класса и профсоюзников и хозяйственников. Это не есть два врага, это есть два сектора одной дисциплинированной коммунистической партии. Так не годится, т. Мельничанский. Это не подход партийца, это подход простого массовика, недовольного иногда зарплатой и впадающего в истерику. Т. Мельничанский говорил об ошибках хозяйственников. Мы не говорим, что ни одного малюсенького пятна у хозяйственников нет. Было бы неправильно так ставить вопрос. Конечно, ошибки есть, но такое огульное обвинение, такой тон, взятый т. Мельничанским, является безусловно неверным, неправильным, ошибочным.

Он не подводит нас к разрешению вопроса, а только натравливает определенную часть партии, определенный сектор ее на другой сектор. (Голос: «А Теплов?».) Совершенно верно, т. Теплов тоже, может быть, сделал некоторую оговорку. Выступление т. Теплова я понимаю, как крик души хозяйственников, к которому надо прислушаться. (Голос: «У Мельничанского тоже крик души». Голос: «Плохая душа».) Сейчас стоит вопрос: достаточно ли хороши взаимоотношения между хозяйственниками и союзниками, не окружает ли хозяйственника такая атмосфера, которая не только приподнимает его энергию, а иногда заставляет впадать в уныние. Вот на это, товарищи, надо обратить серьезнейшее внимание. Такие явления у нас имеются, к ним партия должна прислушиваться. Тов. Дзержинский, которого все хозяйственники любили действительно, как лучшего своего вождя-хозяйственника, за его величайший талант, состоявший в том, что он мог хозяйственника понять и отразить его настроение и хозяйственник его мог понять,— т. Дзержинский, незадолго перед смертью, в своих предсмертных письмах охарактеризовал эти настроения.

Товарищи, я предостерегаю от таких нападок, которые мы здесь слышали от отдельных товарищей-союзников.

От ошибок не гарантированы и союзники в не меньшей мере, чем хозяйственники. Я могу привести целый ряд примеров из области своей работы. У нас, в Ленинграде, на металлическом заводе была волынка в кузнице. (Это бывает не только у нас.) Произошла волынка совершенно ни на чем не основанная, неправильная волынка. (Рязанов: «Есть правильные волынки?».) Рабочие требовали того, чего завод дать не мог, требовали того, что было сверх коллективного договора, сверх кодекса законов о труде. Бывает иногда нервность настроения, но это не страшно. Страшно то, что во главе этой волынки стоял профессионалист, бывший цеховый уполномоченный. В этой волынке также участвовали коммунисты. (Томский: «А-а».) Это очень печально. Вот на это нужно обратить внимание. Если рабочий-беспартийный иногда недоволен и нервничает—это понятно, но если в волынке активно участвуют члены партии (а их там было около 50%), то над этим надо призадуматься. Партия должна обратить на такие факты самое серьезное внимание. Такое явление я считаю абсолютно недопустимым. В последнее время раздается везде и всюду вопль о невыносимости контроля. Я считаю, лучше всего здесь отразил этот вопль т. Рыков,—это вопль о безграничном, о бесконечном контроле. Товарищи, это становится уже нашей стихийной болезнью. Надо поставить вопрос о том, чтобы не отдельные маленькие поправки

внести, а самым радикальнейшим образом изменить постановку вопроса о контроле. Я приведу вам пример. В прошлое лето по нашему тресту—Ленинградскому машиностроительному—Ленинградская РКИ назначила обследование. Это обследование длилось 6 месяцев. Закончилось оно, точно не помню, кажется, в ноябре прошлого года. Весною этого года назначается проверка того, что сделано по этому обследованию. Сколько времени прошло? Пустяки, каких-то 3—4 месяца. Начинается опять обследование, проверка, которые длились свыше 3 месяцев. Не успела эта комиссия закончить обследование, как приезжает комиссия в несколько человек от наркомата РКИ для обследования вопросов зарплаты, системы нормирования, системы премирования, системы штатов и т. д. Но ведь теми же вопросами занималась Ленинградская РКИ. К чему это приводит? Это приводит к пренебрежительному отношению к РКИ. Беспартийный специалист ставит себе вопрос: да что же это такое, на что это похоже? Мы не против контроля, но мы за контроль здоровый, за контроль обдуманный, за контроль плановый, организованный. Вот мы за какой контроль. Мы против бюрократического контроля, против извращенного ведомственного контроля, который становится часто в этом виде самоцелью. Вот почему мы об этом вопим. Так, и только так нужно ставить вопрос. (Голос: «А профсоюзы?».) О профсоюзах я парочку слов скажу.

Мы ни в коем случае не уклоняемся от контроля такого, который дает нам пользу, который не обременяет нашу работу, а направляет ее.

Хозяйственники настораживаются и к новому типу контроля, который выдвинут в тезисах т. Томского. Мы считаем, что, конечно, т. Томский вовсе не подразумевает реставрирование давно отжившего рабочего контроля. Не в этом дело. Тов. Томский считает, что нужно ввести контрольные комиссии, чтобы через них приблизить рабочих к управлению. Мы считаем, что сейчас на заводах уже имеется немало форм участия рабочих в управлении предприятиями. Нужно только их хорошенько использовать (здесь т. Угланов на 100% прав). Возьмем такую форму, как наши расценочные комиссии. (Анцелович: «Ой-ой-ой, ну и форма управления!».) Тов. Анцелович, вы качаете головой, это очень печально, вы недооцениваете их роли. На почве расценок эта комиссия часто обсуждает определенные производственные операции. Дать расценку, это значит показать, исследовать, какие у тебя станки, какая у тебя подача материалов, хороши ли материалы, это есть сумма многих производственных процессов. (Рязанов: «Слушайте, профессионалисты, он прав, слушайте».)

Если бы эту работу союзы смогли использовать и обобщить опыт работы расценочных комиссий, сделать ее понятной рабочим,—разве это не приблизит рабочих к производству?

Здесь очень многое союзами не использовано. Возьмите производственные совещания. Здесь тоже очень много союзами не использовано. Товарищи-союзники, вы очень мало и очень редко посещаете производственные совещания, в этом ваша беда, ваш недостаток. Даже председатели заводского комитета на этих совещаниях бывают редко, а ведь они непосредственно находятся на заводе. Есть опасение, что когда у нас будут контрольные комиссии, то получатся такие явления, как при волынках: недовольство рабочих, начинаются собрания, начинается галдеж: давайте изберем делегацию, пошлем ее с требованием. Получается игнорирование существующих организаций.

У нас имеется заводский комитет, производственное совещание; производственное совещание имеет производственные комиссии,— это уже готовый орган, где люди более или менее подобраны. Что такое контрольные комиссии? Что такое аппарат? Аппарат выражается в людях, без людей все организационные фокусы, все организационные идеи—ничто. Где вы наберете таких людей? Это ответственное дело, в эти контрольные комиссии нужно испытанных людей. Тов. Угланов на сто процентов прав, что для этого нужно использовать производственные комиссии.

Производственные комиссии могут за месяц, или за две недели до доклада заводоуправления познакомиться, проверить то, что будет докладываться, и выступить с содокладом; иначе получится такое положение: будет заводоуправление, будет производственное совещание, будет производственная комиссия, будет и контрольная комиссия. Здесь т. Томский сказал: «Не сойдутся — помирим». Товарищ Томский, наши соглашения, наши примиренческие «волынки» слишком нам дорого стоят. Нужно ставить вопрос так, чтобы весь этот опыт стоил возможно дешевле, а когда заводоуправления будут говорить одно, контрольные комиссии—другое, а производственные комиссии—третье, то получится замечательный концерт. После этого трудно будет наладить работу управления предприятием. Мы говорим, радикально нужно изменить, сократить и упорядочить ведомственный контроль. Это в первую очередь. Затем, в целях большего приближения рабочих к организации производства, нужно максимально использовать существующие производственные совещания и производственные комиссии и не создавать и не нагромождать новых организаций.

Председательствующий. Слово имеет товарищ Матвеев.

Матвеев. Товарищи, я хочу сначала сделать два общих за-

мечания. Во-первых, нас—комсомольцев—чрезвычайно удивляет то обстоятельство, что в тезисах т. Томского обойдены все маломальски важные вопросы, которые сейчас интересуют молодежь и по которым нет полной договоренности ни с профессиональными союзами, ни с ВЦСПС в целом. Тут вопрос не только безработицы, но и вопрос подготовки квалифицированной рабочей силы, вопрос постановки массовой работы среди молодежи и т. д.

Второе замечание — по поводу выступления т. Догадова. Тов. Догадов заявил, что комсомол делает тут крупнейшую ошибку, что в своей повседневной практической работе защищает якобы только комсомольцев. Это неверно практически, а тем более неверно политически. Тов. Догадов, утверждая это, забывает, что наш комсомол, по выражению т. Сталина на XIII партийном съезде, является так же, как и профсоюзы, приводным ремнем партии к широким массам рабочих, в частности рабочей молодежи. Мы являемся политической организацией рабочей молодежи, которая заботится не только о своих членах комсомола, но заботится о всей массе рабочей молодежи. А тов. Догадов подходит к комсомолу, как к организации, которая защищает только свои кастовые интересы, и делает здесь крупнейшую ошибку.

Посмотрите практически на вопрос относительно той же безработицы. Тов. Томский предлагает целый ряд практических мероприятий в своей резолюции, против которых мы не спорим. Мы не спорим, что безработица является одним из основных корней растущего хулиганства, распущенности и прочего. Но практически, на самом деле, принимаются решения, которые говорят, что надо принимать в производство с 16 лет. В частности, уже здесь, на конференции, мне пришлось слышать от товарищей: в 14 лет какой же член профсоюза? А поэтому давайте принимать с 16 лет.

Это самый «убийственный» и неверный мотив, который выставляют профсоюзы. Мы имеем основания выступать резко и категорически против таких мнений. Если мы примем решение о том, чтобы принимать в профсоюзы с 16 лет, этим мы увеличим кадры безработных, а не сократим их. Следующие цифры говорят, что среди безработной молодежи, которой насчитывается по всему СССР 133 тысячи, 45% безработных составляют дети рабочих. Из этой общей массы в 133 тыс.—30% составляют подростки в возрасте от 14 до 15 лет. Это те, которые на улице, что называется, «собак гоняют», это те, о которых говорят, что они хулиганят и т. д., это те, которых т. Томский защищал против владимирских и иваново-вознесенских борцов с хулиганством.

Мы за прием в члены союза до 16 лет еще потому, что наши нормальные школы выпускают к 12 годам, и если при-

нимать в производство с 16 лет, то получается промежуток довольно изрядный: 4 года. Что прикажете этому парню, сыну рабочего, в течение 4 лет делать? У нас получается колоссальный разрыв между окончанием школы и приемом в производство. Четыре года, которые чем-то надо заполнить, а если не заполнить, то за это время наши подростки будут главным источником хулиганства, против которого мы сейчас боремся. Мы сейчас выдвинули практическую задачу строительства школы-семилетки при производстве. У нас в семилетку поступают семи лет и должны кончить ее к 14 годам. С этого возраста должна быть предоставлена возможность перейти в производство, поступить в фабзавуч. Вот решение вопроса. Прием с 16 лет ничего не дает и практически ничем не диктуется. Диктуется он только неверным соображением, что подросток в 14 лет, это—«не член профсоюза». Надо прямо заявить, что никаких причин к тому, чтобы принимать в профсоюзы и в производство с 16 лет, нет. Этим решением увеличиваются только кадры безработных, увеличиваются корни хулиганства.

Перехожу к следующему вопросу—о заработной плате. Здесь тоже все точки над і не поставлены. Нам предлагают целый ряд проектов, предлагает тот же т. Мельничанский. Недавно, когда мы спорили на собрании Цекамола, он говорил нам: «нам не увеличили фонда заработной платы». (Мельничанский с места: «Незачем извращать, я ведь слушаю».) Я знаю, что вы слушаете. Я говорю не для того, чтобы вы не слушали, а именно для того, чтобы вы слушали, я не извращаю. Вы говорите: у нас нет фондов, мы распределили, для молодежи не осталось. И просмотрели маленькую величину, 130 тысяч рабочих-подростков. Забыли.

Надо фонд перераспределить. Потом уже впоследствии распределили прибавку не выше 10%. Мы говорим, что та рабочая молодежь, которая работает совместно на одной работе по квалификации со взрослыми рабочими, эта рабочая молодежь должна получить одинаковую прибавку. Те, которые не получают никаких приработков, и не должны их получать, а прибавку получать должны. Таких всего в школах фабзавуча имеется только 20%, оплачиваемых по первому разряду, а остальная масса учеников фабзавуча разбивается среди второго, третьего, четвертого разрядов, не говоря о тех подростках, которые находятся в производстве.

Поэтому мы предлагаем: распространить прибавку на всю молодежь в равной мере со взрослыми рабочими тех же квалификаций и разрядов. Товарищи предлагают: давайте так сделаем—для

учеников фабзавуча введем особую сетку, а подростков-рабочих, работающих в производстве, оставим в общей сетке рабочих. Мы считаем, что это предложение не имеет под собой сколько-нибудь существенных корней, и вот почему. Если мы пойдем на разделение рабочей молодежи внутри самого производства, то тем самым мы подрежем, подсечем, разрушим нашу школу фабзавуча. Какой отец захочет послать своего сына в фабзавуч... (Голос с места: «Он хочет бесплатного ученичества».) Какое настроение у рабочих насчет бесплатного ученичества, мы покажем фактами, данными, а не просто разговорами.

Насчет отношения к бесплатному ученичеству рабочих вам должно быть известно, т. Мельничанский. Оно делит молодежь на две части: привилегированных, получающих оплату, и непривилегированных, не получающих ее. По части выделения фабзавучей из общей тарифной сетки: никто не пойдет и не согласится работать на фабзавуче и получать меньше, чем такой же рабочий-подросток, работающий в производстве, который получает больше. Это не вызывается необходимостью, это измышление.

Мы считаем, что сейчас мы должны оставаться твердо на тех принципах, которые в прошлом установили партийные съезды. Сейчас партконференция и по вопросу о зарплате и по вопросу о возрасте приема должна оставаться на прежнем принципе.

Наконец, еще один вопрос, это — вопрос о фабзавуче и ЦИТ. В последнее время ведется наступление на фабзавуч не под флагом того, что фабзавуч не нужен, что он не годится. Товарищи, вряд ли кто-нибудь сейчас решится выступить против фабзавуча в производстве, как ненужной формы обучения. Таких нет. Теперь наступление идет по такой линии, что фабзавуч должен стать отделением ЦИТ, фабзавуч должен перейти в ЦИТ, должен быть подчинен ему. Вот здесь у меня имеется докладная записка т. Гастева в комиссию Совнаркома по вопросу о рассмотрении его предложения. Мне эта записка кажется довольно несерьезной по существу. В этой записке по вопросу о роли и значении фабзавуча в производстве говорится очень много чепухи. Скажу прямо, здесь фабзавуч обвиняется в том, что он готовит работников для производства на второй, третий, четвертый разряды, а ЦИТ—на 6-й разряд. Товарищи, если кто-нибудь из вас следит за этим делом по «Комсомольской Правде», в которой мы ведем освещение этого вопроса, то он убедится в обратном. У нас имеется заявление администрации завода АМО, Рогожско-Симоновского района в Москве, в котором говорится, что «их больше ничем не заставят брать учеников из ЦИТ, что они

совершенно не приспособлены к жизни предприятия, они только привыкли ритмично махать молотком, а когда попадают в мастерскую, на производство, тогда они оказываются неприспособленными к работе, не знают, что делать». И это правильно в отношении $^3/_4$ всех учеников ЦИТ, если не на все $^9/_{10}$. ЦИТ выпускает учеников по 2-му—3-му разряду—эти данные мы имеем по Путиловскому заводу, по АМО и по целому ряду других фабзавучей, подтвержденные особой комиссией НК РКИ, которая обследовала работу цитовцев. Фабзавуч в основном выпускает работников на 5—6 разряд, а в процессе работы через год они получают 7, а бывают случаи, и 8—9 разряд. Тов. Гастев, развивая свою теорию,—реконструкция, механизация человека и т. д.,—упрекает нас за создание школ фабзавуча и борьбу за них; я прочту вам одно место из его докладной записки, где он пишет:

«Следующий весьма интересный вопрос, это — школы фабзавуча. ФЗУ в современном виде должны быть охарактеризованы больше как форма народного образования, а не как форма подготовки рабочей силы. Современная ФЗУ, это — форма народного образования, приспособленная к детям фабрично-заводских рабочих, к тем детям, которые свое образование должны получить вблизи того места, где они живут».

Для Гастева фабзавуч необходим постольку, поскольку здесь дети рядом живут, и тут же школу нужно создавать, а мы считаем, что фабзавуч, это—марксистская школа, еще Маркс писал о том, что нужна такая школа, которая сочетала бы производственное и индустриальное обучение, устранила бы разрыв между практикой и теорией в школе.

Томский. Матвеев, какое отношение это имеет к моему докладу, различные Гастевы и т. п.?

Матвеев. Я сейчас скажу, какое отношение. По-моему, очень большое отношение. (Ломинадзе: «Прямое отношение».) Прямое отношение. Товарищи, я так поставлю вопрос: здесь т. Рыков в своем докладе говорил о том, что мы вкладываем в этом году большие деньги на капитальное промышленное строительство, вкладываем около миллиарда рублей, в прошлом году вложили 800 милл. рублей. Через 3 года эти вклады выразятся в постройке новых заводов и фабрик. (Томский: «Да что ты говоришь!».)

Мы для этих фабрик и заводов должны приготовить рабочую силу. Разве это не обязанность профсоюзов? Обязанность профсоюзов. Но у нас, товарищи, этого часто не понимают, не учитывают, что скоро придет такое время, да отчасти оно и те-

перь есть, когда у нас будет кризис квалифицированной рабочей силы. Тогда мы начнем издавать различные приказы, постановления о том, что нужно это дело подготовки рабочей силы углубить, расширить, подчеркнуть, отметить и т. п., начнем на все стороны кричать о том, что у нас недостаток рабочей силы.

Нам надо это предусмотреть и, по-моему, в тезисы т. Томского нужно включить пункт относительно фабзавуча. (Томский: «Наконец-то я понял, куда ты гнешь».) А вопрос о подготовке квалифицированной рабочей силы до последнего времени не привлекал должного внимания и со стороны профорганов.

Наконец, последний вопрос, это—вопрос о физкультуре. Тов. Томский, говоря о физкультуре, с большой иронией высмеивал коррегирующие упражнения, всякие вдохи и выдохи и т. п. Это, товарищи, не так смешно, как кажется сначала. Тов. Томский высказывается за рекордсменство. Я не знаю, входит ли это в интересы нашей партии, в интересы профсоюзов—давать, как сам т. Томский выразился, возможность пяти или шести из всей массы заниматься тем, чем они хотят, обладая силой, готовить, я бы сказал,—тренированных быков, которые всего больше заботятся о своей шее, о своих мускулах, о колоссальной груди, жмут и выжимают. Мы против этого будем бороться. Мы не против коллективных соревнований, мы за коллективные соревнования, но мы против таких соревнований, которые выдвигают отдельных личностей.

Надо задуматься над другим вопросом физкультуры: профсоюзы непосредственно руководят физкультурой,—почему среди физкультурщиков 95% рабочей молодежи и только 5% взрослых рабочих старше 23 лет? Почему т. Томский не ответил на этот вопрос? (Томский: «Потому, что взрослые работают 8 часов и после этого не хотят физкультурить».) И молодежь рабочая 23-х лет тоже работает 8 часов и все же занимается физкультурой. Это объясняется не тем, что коррегирующие упражнения виноваты, а тем, что мы порой выхолащиваем из физкультуры инициативу. Нужно поставить вопрос о новых организационных формах физкультуры (Рязанов: «Пролетарских».), пора прекратить подминать физкультуру под себя, надо поставить вопрос о создании добровольного общества,—о красном спортивном союзе, может быть, тогда мы вложим живую душу в физкультуру, и она действительно будет развиваться.

Последнее замечание—относительно выдвижения на активную советскую, профессиональную и административную работу. У тов. Томского есть этот пункт, надо только добавить вопрос

относительно выдвижения молодежи. Надо прошедших довольно большую школу комсомола молодых рабочих—не подростков, находящихся на производстве и не находящих выражения своей активности по линии комсомола, не подошедших еще близко к партии,—надо их активность организовать по линии выдвижения на руководящую профессиональную, советскую и административную работу.

Вот те дополнения, которые мы считаем необходимым в тезисы т. Томского включить. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Согласно регламенту, вечернее заседание объявляется закрытым.

Заседание восьмое.

(30 октября 1926 г., дневное).

Ворошилов (председательствующий). Объявляю заседание открытым. Продолжаем прения по докладу т. Томского. Слово имеет т. Рязанов.

Рязанов. Так как т. Томского нет, то некоторые замечания, которые мне хотелось бы лично ему сделать, я отношу на после, в надежде, что он придет.

Я, товарищи, начну с треугольника. Весьма неудачный термин,—лучше было бы сказать троица, смысл которой иногда так же мало понятен глядящим на нее, как догмат троицы православным и неправославным (смех.) Кто кого, кто там отец, кто там сын, духа там не особенно много (смех),—я не говорю о том духе, в котором топоры виснут.(Смех.) Тов. Томский, т. Угланов, за ним и т. Мельничанский коснулись этого вопроса. Я начну с роли ячейки, с роли партийной организации, ибо мы на партконференции. Нужно сказать, что в течение последних двух лет комячейка очень часто укрепляла авторитет отца, хозяина, директора. Правду сказал т. Теплов, — этим объясняется та развязность выступления т. Теплова вчера, которое я просил продлить. (Голоса: «Правильно». Аплодисменты.) Только уверенностью этих отцов, командиров на фабриках, на заводах, что их поддержит ячейка, можно объяснить эту распоясанность. (Голоса: «Правильно».) Ведь, товарищи, всякий, кто слышал здесь вчера т. Теплова, скажет себе: даже тогда, когда такой директор прав,—он вызывает конфликт одной своей фигурой, одной манерой говорить с рабочими, с рабочими, которые стоят во главе государства. Это тип, который мы встречаем везде и всюду, к сожалению, и среди товарищей коммунистов. Тов. Теплов жаловался—у него, говорит, семь нянек. А известно, что у семи нянек,—он не прибавил скромно,—дитя без глаза. А это такое дитя, что у него 14 нянек с синяками под обоими глазами будут ходить, если только совсем без глаз не останутся. (Смех. Голоса: «Правильно».)

Когда я вчера говорил с хозяйственниками,—я еще коснусь этого,—один из них сказал: справились с вашими ревизионными, справимся и с вашими контрольными комиссиями. Тоже дитя, но без одной няньки. После они выступали несколько скромнее. Возьмем Москву. Я в последнее время тоже стал «предпринимателем» и «хозяином» (смех), занимаюсь строительством, но гораздо успешнее, чем тот инженер, которого цитировал тут т. Рыков. У меня денег нет, никто их не дает, а дом за домом, к великому удивлению Наркомфина и других инстанций, выстраивается. (Голос с места: «Святым духом выстраиваются».) Но мне приходится иметь дело с организацией,—т. Угланова нет, к сожалению,—и вот приходится наблюдать в процессе работы, как ведут себя предприниматели-коммунисты по отношению к той категории рабочих, которая нам так нужна для установления смычки между городом и деревней,—по отношению к строителям. Когда я натолкнулся на ряд безобразий, недопустимых не только при рабоче-крестьянском правительстве... (Голос с места: «при рабочем правительстве»),—об этом мы с вами будем спорить в Комакадемии (смех),—я говорю, недопустимых при советском режиме, мне беспартийный инженер ответил: «Нас так заставляет поступать Московский комитет». Я тогда вызвал председателя месткома, коммуниста, обратился к председателю Московского отдела союза строителей, пошел в Московский комитет. А был еще один случай, когда беспартийный инженер пошел дальше и говорит: «Директива Политбюро». (Смех.) К чему это сводится? Дело в том, что представители профсоюзов до смерти напуганы, ибо им приходится непосредственно иметь дело не только с дитей, но и с довольно грубыми и некультурными деревенскими рабочими. Он думает: пока, пока, пока, а кулаки-то ближе к моей физиономии. Итак, я пошел в Московский комитет и спросил: неужели это правда, неужели так поняли некоторые хоз. и другие органы директиву сверху, неужели они так поняли, что они будут внушать строительным рабочим, приезжающим из деревни, что профсоюзов нет, что распоряжается только Московский комитет, что распоряжается только партия, что она ответственна за все эти обсчеты, за все эти обмеры, за все эти мелкие ненужные обманы, за попытки снизить заработную плату?

Тов. Угланов, кажется, «принял некоторые меры», и результаты этого я вчера почувствовал в его речи, когда он сказал: профсоюзники, не будьте сверчками, не сидите на шестке, а будьте членами партии, поставленными партией на ответственные профессиональные посты. Спасибо т. Угланову, что он делает выводы из этого урока. Но, товарищи, если вы хотите поднять авторитет

профсоюзов—школы коммунизма и в то же время приучаете их к тому, что, как пословица говорит: «Всяк сверчок знай свой шесток»,—то при неуклонном понижении авторитета профсоюзов—этой школы коммунизма—приходится каждый год, каждый день выдумывать новые ненужные организации. И вот тут, товарищи, я скажу: более ненужной, т. Мельничанский, более нецелесообразной выдумки, чем та, которую нам предлагают в тезисах т. Томского,—трудно придумать. С этой самой трибуны т. Томский несколько месяцев назад слышал обвинение в том, что он недостаточно оценивает роль производственных совещаний. Его учили питерцы. Тов. Томский, с которым мы периодически сходимся и периодически расходимся (смех), но, в силу какой-то старой привязанности конспиративно продолжаем любить друг друга (смех),—т. Томский защищался от упреков питерцев, а они ему говорили: с Рязановым согласен, боишься признаться,—кричал ему Глебов. Тов. Томский, как опытный старый профессионалист, понимал, что представляют собой производственные совещания: в переводе на более простой язык,—это значит общие собрания рабочих и служащих данной фабрики, данного завода, данного предприятия, выслушивающие отчет администрации. Он плохо соображал, почему нужно новое имя, но в конце концов, так как мой приятель более опытный тактик, чем я,—я тактике не обучался, особенно на партийных собраниях (Скрыпник: «Тактичность, а не тактика»),—то он уступил. Милый мой Скрыпник, сейчас и вам кое-что напомню. (Смех.)

Практика показала, что производственные совещания, пока профсоюзы, пока их основная ячейка, клетка на предприятии—фабзавком—не пользуется никаким авторитетом, тоже не приобретают этого авторитета. Вместо того, чтобы прямо указать, в чем тут причина, т. Томский ссылается на недостаточную подготовленность, на недостаточную культурность, на недостаточную образованность рабочих. Оказывается, им дают диаграммы, картограммы, всякие такие вещи, в которых, как известно, они плохо разбираются. Для этого нужно, видите ли, чтобы производственные совещания выбрали особый орган, который ознакомится с планом, с методами управления, с структурой аппарата и потом уже сделает совместно с хозяйственниками доклад на этом производственном совещании. Михаил Павлович, если бы фабзавком, губотдел профсоюза и высшие органы профсоюзов употребляли больше времени (т. Семков вам это верно заметил) на изучение требований, нужд рабочих, форм зарплаты с той точки зрения, на которую вам указывали и такие «предприниматели» из Питера,

как Михайлов, то не нужно было бы никаких комиссий, никаких сведущих людей. Все рабочие на заводе знали бы, что в их распоряжении имеется представитель профсоюза, который не спорит с директором завода насчет температуры плавления и всяких других вещей, но по вопросу эксплоатации управления, связи данного предприятия с остальными предприятиями треста, связи данного треста со всем народным хозяйством и—не страшно—со всем международным хозяйством,—не уступит любому хозяйственнику. Ибо, товарищи, тезис, установленный международной литературой, гласит: нет бо́льших дураков и несведущих людей в вопросах связи народного хозяйства, в вопросах не рабочей, а хозяйственной эксплоатации, чем так называемые специалисты-техники. Самым худшим министром путей сообщения является тот, который. может провести поезд из Ташкента в Питер и обратно, самым скверным, ибо для того, чтобы быть министром путей сообщения, недостаточно быть хорошим машинистом или кочегаром. Так вот, т. Томский, ваша новая комиссия—совершенно ненужный орган, бесполезный, который вводит только в заблуждение, который только возбуждает излишние иллюзии. И тут, т. Томский, мы с вами возвращаемся к нашему спору, где втайне мы с вами согласны, но где нам приходится расходиться публично. (Смех.) Старый вопрос. Мы в международном масштабе говорим теперь: есть такие элементы, которые не довольствуются тем, что имеется организация рабочего класса. (Звонок председателя.) Вы (обращаясь к председателю) продлили вчера Теплову по моей просьбе. Прошу продлить и мне. (Голос: «Прибавить полчаса».)

Председательствующий. Тов. Рязанов сначала просил продлить ему на 15 минут...

Рязанов. Но так как мне предлагают дать полчаса, то я согласен на полчаса. (Смех.)

Председательствующий. Нет возражений? (Голоса с мест: «Нет».)

Рязанов. Мы в международном масштабе говорим теперь нашим товарищам (это вы можете читать не в одной резолюции): будьте осторожны со старыми профсоюзами; не разрушайте их, не устраивайте никаких параллельных организаций; не выходите из профсоюзов, а реорганизуйте их. Что мы делаем? Мы имеем великолепное профдвижение, Михаил Павлович.

Томский. Благодарю вас. (Смех.)

Рязанов. Вместе работали, Михаил Павлович. (Смех.)

Томский. Давненько только это дело было. (Смех.)

Рязанов. Не по моей вине. Мы имеем профдвижение, работающее в таких благоприятных условиях, при каких не работает ни одно профдвижение. И что же мы делаем? Мы каждый раз показываем, что этого профдвижения мало, этих профессиональных организаций мало, к ним нужно пристраивать и пристраивать все новые организации. Дело дошло до того, т. Томский, что и в одной из резолюций ЦК я читал о производственных совещаниях, как о новой форме рабочих организаций на ряду с профсоюзами. (Голос: «Не может быть».) Читал! Со мной читали и профсоюзники, которые объяснили это редакционной оплошностью. (Смех.)

И именно в этот момент, товарищи, нам надо поставить на очередь вопрос—поднять авторитет профсоюзов, поднять авторитет этих организаций, которым приходится иметь дело с такими вот «дитятками», как Теплов, притти им на помощь, поднять их авторитет так, как партия поднимала авторитет хозяйственников, или, по крайней мере, Михаил Павлович, добиться дружественного нейтралитета между отцом и сыном (смех), дружественного нейтралитета. Пора! Этого надо добиваться!

А теперь я перейду к вопросу о контроле принципиально. Вот сидит передо мной бывший секретарь фабрично-заводских комитетов города Ленинграда, т. Скрыпник. Тут сидит много представителей этой компании,—много! (Смех.) Тов. Скрыпник вел самую свирепую борьбу против профсоюзов.

Скрыпник. Против меньшевистских профсоюзов.

Рязанов. Не только против меньшевистских профсоюзов, милый мой, это вам напомнит Михаил Павлович.

Скрыпник. Против меньшевистствующих.

Рязанов. Лозунг, пароль, с которым шли фабрично-заводские комитеты,—это знаменитый контроль. Я, товарищи, был тогда против контроля фабрично-заводских комитетов.

Скрыпник. А Ленин был «за».

Рязанов. Но, товарищи, вы знаете, что Ленин учился на своих ошибках, а вы этого никогда не делаете. (Смех.) Я тогда доказывал, что раз власть перешла в руки рабочего класса, раз мы имеем диктатуру пролетариата, то рабочий класс имеет несравненно более действительные формы контроля на данном предприятии, чем фабзавкомы, совершенно не связанные тогда с профессиональной организацией на соответствующем предприятии. Я тогда доказывал, а фактов было много,—Михаил Павлович их может привести больше, чем я,—что фабзавком шел рука об руку с администрацией своего завода, если она была более разумна, чем т. Теплов (Теплов: «Не такой веселый, как Рязанов»), ибо хороший хозяин никогда не наступает на мозоли рабочим, ни-

когда не возится из-за мелочей. Хороший хозяин фордовского типа умеет, не потакая рабочим в крупных вещах, а уступая в мелочах, привязать рабочих данного предприятия к себе и отрезать их от рабочего класса. Он умнее вас. Я тогда настаивал, что контроль должен производиться рабочим классом, органами рабочего класса, диктатурой пролетариата. Для этого создан государственный орган. Тов. Томский, а вам я скажу—возьмите предприятие того самого нашего общего приятеля, который вам и всем нам сказал: «обвели вашу ревизионную комиссию, обведем и контрольные комиссии»,—на этом предприятии у него есть целый ряд тайн, которые он умеет скрывать не только от рабочих, но и от РКИ, ЦКК и даже от таких умных людей, как Наркомфин. Что тут может сделать комитет, комиссия, выбранные производственным совещанием данного предприятия, данного треста? Ничего. Иллюзии для себя, иллюзии для других. А хорошо было бы, если бы рабочие, а особенно представители профорганов, слезли бы со своего шестка и настойчиво указали на целый ряд мусорных куч раньше, чем рабочий разобьет об них нос. Но есть и другие мусорные кучи, на существование которых не указывали, о которых все знают, но о которых никогда не узнают наверху. Необходима организация контроля, но контроля общегосударственного, общепролетарского, общерабочего контроля, который считался бы с тем, что и при наших условиях рабочие-профсоюзники данной местности плохо еще знают, плохо сознают общие интересы всего государственного организма. Тов. Томский, вы видите,—товарищи хозяйственники этого просто по невежеству не знают,—что я поддерживаю, развиваю свою старую точку зрения: рабочий класс на всех стадиях—от фабзавкомов до ВЦСПС—принимает деятельнейшее участие в организации производства, в организации промышленности, в организации социалистического хозяйства, но на выстрел не подпускается к управлению предприятиями. На предприятии должна быть единая власть. Тов. Теплов и другие товарищи, покультурнее его, вроде Михайлова из Питера, прекрасно понимают эти вещи. Надо раз навсегда сказать себе: на предприятии один хозяин, подотчетный, подконтрольный тому органу, который умеет и должен его контролировать. Рабочие, фабзавком, профсоюз в управление предприятием не должны вмешиваться (Голос с места: «Правильно») ни на иоту, ни на минуту; если окажется, что заведующий управлением данного предприятия не на месте,—дело вышестоящих органов снять его, а двоевластие на предприятии, двоевластие в учреждении означает крах данного учреждения. Тов. Буденный утвердительно качает головой. Он знает, как упра-

влять в армии при двоевластии. (Смех.) И я, товарищи, старый профсоюзник, не боюсь это сказать, потому что тут мой старый приятель Иванов, теперь фабрикант и заводчик (смех), вчера верно повторил то, что я ему раньше сказал: если у меня в руках имеется вся власть по части защиты интересов рабочих на данном предприятии, то я в расценочно-конфликтной комиссии наколочу Теплову кожу толще кожи бегемота. (Смех.) Я, товарищи, сидел не в одной комиссии с предпринимателями. 25 октября 1917 г. я успел еще полчаса посвятить беседе со знаменитыми нефтяниками Белопольскими и др., сидел не в одной железнодорожной комиссии и знаю, что профсоюзники, если не совсем теоретически, то кое-что понимают в практической жизни, отличают, Михаил Павлович (Томский с места: «Правую руку от левой»; смех), станок от паровоза,—а в Наркомфине, как уверяет т. Рудзутак, не все знают, что такое паровоз,—это демагогическое заявление т. Рудзутака на съезде железнодорожников. (Смех.) Если только он, профсоюзник, знает эту практику рабочего движения, то он всегда поставит предпринимателю вопрос, от которого мороз подирает по коже и носорога. Я, товарищи, думаю, что в руках профсоюзов имеется достаточно средств для такого контроля всего предприятия, без того чтобы вмешиваться в ход управления данного предприятия. Товарищи, со мной часто спорят, я имею несчастие в моем предприятии—а у меня научное предприятие—иметь местком, а последнее время—ячейку. (Хохот.) Местком у меня, как только Михаил Павлович утвердил производственные совещания, потребовал и от меня производственного совещания. Я сказал, Михаил Павлович, что всегда готов дать отчет о работе Института, но производственного совещания тут никак не выкроишь. Долго со мной спорили. Я пригласил профсоюз, и представитель профсоюза объяснил месткому, что в Институте Маркса и Энгельса производственные совещания должны носить другой характер. (Продолжительный смех.)

Итак, товарищи, я считаю совершенно ненужной, даже в виде опыта, Михаил Павлович, даже на маленький срок, организацию этой новой ненужной организации.

Я считаю очень опасным в резолюции Политбюро, одобренной и пленумом ЦК, как отрыжку старых вещей, которые были уже похоронены в докладе т. Бухарина, такие слова как: «в интересах углубления вопросов производственных совещаний, их приближения к управлению предприятия». Что за вавилонское столпотворение будет на каждой фабрике, на каждом заводе, если начнут управлять производственные совещания!

Те немногие рабочие, не-хозяева, которые тут присутствуют, протестуют молчаливо. Они находят, что производственные совещания смогут управлять предприятиями. (Голос с места: «Да».) Товарищ Теплов, он не у вас ли на фабрике? (Голос с места: «Вероятно, ближе к вам».)

Я не приведу целого ряда других мест, которые у вас имеются и которые дают точку опоры, простите меня, для старых синдикалистских увлечений моего и вашего друга Шляпникова.

Теперь, товарищи, я надеюсь, что комиссия, которая будет выбрана по этой резолюции, откажется от этого ненужного и опасного новшества, но подчеркнет еще более решительно необходимость усиления и укрепления профорганизаций и подкрепления их авторитета всем авторитетом партийной организации.

Тов. Томский, вы ведь знаете, что у меня много приятелей среди профсоюзников, у меня много приятелей среди рабочих. Я многое знаю, я мог бы рассказать конференции анекдоты, которых хватило бы на 30 часов (смех), анекдоты, происходящие в рамках Москвы. Но не буду их рассказывать. (Голос с места: «Бесполезно».) Не то, что бесполезно, товарищи, а это ненужно, ибо вы-то лучше их все знаете.

Теперь несколько слов только по поводу двух пунктов. Товарищи, я вчера с большим удовольствием слушал моего приятеля т. Томского по вопросу о хулиганстве. Я лично тоже думаю, что более хулиганской кампании, чем та, которую подняли на страницах наших журналов, к великому удовольствию белогвардейской и капиталистической пакости, трудно себе было представить. Я не могу себе представить, чтобы на девятом году пролетарской власти было высказано такое отсутствие понимания психологии рабочих, такое отсутствие самых элементарных представлений о тех условиях, в которых живут рабочие. Это было состязание дурачков из нашей среды с весьма хитрыми опытными людьми из среды тех, которые скрываются в наших рядах. Но, т. Томский, нам нужно приняться за борьбу с этим хулиганством. Вы вот делаете предложения. Действительно нам нужны клубы, но я думаю, что вы не с того конца подходите. Нам не нужно увлекаться клубным строительством. Это мания, дикая, цеховая фантазия строить, т. Рудзутак, клубы для каждого отдельного союза, тратить иногда миллион рублей для одного союза и оставлять другой союз без этого. Этой мании надо положить конец. Гораздо важнее нам увеличить число школ, число коммунальных помещений, где иметь залы для собраний. Если бы те средства, которые были потрачены на цеховые клубы по одной Москве, употребить более рационально, вы имели бы помещения

для целого ряда рабочих собраний. Я недавно был в Париже и говорил с крупнейшим знатоком истории Французской революции; он меня упрекал, что мы делаем то-то, то-то и то-то. Я ему сказал, что мы гораздо трусливее, чем французская буржуазия. У нас имеется масса церквей, и мы не только не разрушаем их,—это было бы идиотством,—но у нас не хватает мужества добиться того, чего добилась буржуазия у себя. Там церкви служат не только для удовлетворения религиозных потребностей,—церкви служат для удовлетворения духовных потребностей,—церкви, синагоги и мечети. Лондонский съезд нашей партии происходил в лондонской церкви, и никакие газеты не писали по этому поводу громовых статей. Одно из собраний базельского социалистического международного конгресса рабочих в 1912 году происходило в базельском соборе. Конечно, нам надо было бы добиться более высокого уровня культуры, чтобы ходить в эти церкви, не позволяя себе курить и плевать. При таких скромных требованиях мы могли бы добиться, чтобы и пропитанное предрассудками крестьянское население поняло, что можно использовать эти помещения и для собраний.

И в заключение несколько слов моим засидевшимся в мальчиках комсомольцам—Матвееву и Ломинадзе. Вы знаете, что вместе со всеми профессионалистами я высказываюсь самым решительным образом против даже существования таких профессиональных организаций, как комсомол, что вместе с вами высказываюсь самым решительным образом,—только в отличие от вас всегда говорю это открыто,—против вмешательства женотделов в такие дела, в которых они ничего не понимают. Об этом мы с комсомольцами поговорим отдельно, на съезде профсоюзов. Но одно надо сказать. Мне сообщили, что только за два дня до конференции принято постановление о том, что членами профсоюза молодежь может становиться только с 16 лет. Это значит собственными руками усиливать, углублять корни хулиганства. Нам надо поставить вопрос (и поставить его в государственном масштабе) о некоторой перестройке нашей школьной системы.

Надо постараться сделать так, чтобы этим образованием занимались не до 14 лет, т. Матвеев, а до 16 лет, чтобы шестнадцатилетних, попадающих на предприятия, сразу же записывали бы в равноправные члены профсоюза. Это вопрос крайне важный, но для его решения недостаточно одной компетенции профсоюзов. Один из самых трагических вопросов для нас всех, на который я неоднократно обращал внимание партийных съездов: нас, стариков, осталась маленькая кучка, не пройдет и десяти лет, как мы все (я надеюсь всех пережить) (с м е х) отправимся в новый

крематорий. Коренной вопрос наш—подготовить смену, смену во всех областях (вы видите, как она необходима для Тепловых), смену для тех, которые в двадцать раз хуже Теплова, смену во всех отраслях государственной, хозяйственной, профессиональной и партийной жизни. И это будет только тогда, когда мы все средства, все силы, всю свою страсть, весь свой энтузиазм потратим на подготовление, образование и воспитание нашей рабочей и крестьянской молодежи. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Слово имеет т. Артюхина.

Артюхина. Товарищи, мне очень трудно говорить после высоко теоретической речи т. Рязанова по его историческому спору с т. Томским. Но есть целый ряд мелких, повседневных вопросов жизни и работы профсоюзов, которые касаются и женотдела, который здесь т. Рязанов совершенно не к месту лягнул, так же как он лягал и целый ряд других товарищей.

Я считаю, что первый пункт предложений т. Томского, касающийся недостатков работы профсоюзных организаций в области недоучета мелких и мельчайших нужд рабочего класса, поставлен совершенно правильно. Те товарищи из хозяйственников и часть профессионалистов, которые старались смягчить этот пункт, по-моему, поступали неправильно. Этот пункт касается как рабочих, так и в особенности работниц. Еще до сего времени целый ряд низовых профессиональных организаций—фабзавкомы—относятся к этим мелким нуждам внимательно лишь один раз в год, когда они заключают колдоговоры и, может быть, еще и тогда, когда пересматривают тарифное соглашение. Что же касается вопросов, с которыми работницы и рабочие обращаются в фабзавкомы ежедневно, то, к сожалению, на эти вопросы профсоюзы обращают еще очень мало внимания.

Я знаю целый ряд таких фактов из моей еще совсем недавней практики, когда я работала в Тверской губ. на «Пролетарке». Я бы хотела по этому поводу несколько слов сказать т. Теплову. На фабриках проводятся нередко такие мероприятия, по отношению к которым возникают серьезные сомнения—кому они в конце концов выгодны, выгодны ли они предприятию? У нас бывали случаи, когда заводоуправление предлагало отобрать от работниц фартуки, которые делаются из мешков-тары. Говорят, что при режиме экономии выдача этих фартуков нецелесообразна и что таким образом можно съэкономить определенные средства. На деле же оказывается, что эта тара совершенно не используется, а работницы поднимают шум, и из-за этого теряется рабочее время. Эту тару можно было бы без ущерба отдать работницам на фартуки.

Или возьмем ряд вопросов, касающихся быта, с которыми рабочие обращаются в фабком. Во всех предприятиях, особенно в текстильных, вопросы быта глубоко волнуют не только работниц, но и рабочих. Этого еще не учли профессионалисты. Сокращают детский сад или ясли,—работницы и рабочие волнуются. (Поговорите об этом с Колотиловым из Иванова или с секретарями Тверского или Владимирского губкома.) Эти вопросы быта задевают рабочих.

Имеется целый ряд мелких вопросов, которые при внимательном отношении можно уладить, совершенно не нарушая проведения режима экономии. А на это тратится, и часто зря, много сил и средств. Этот вопрос т. Томский поставил несомненно правильно. Крупные вопросы охраны интересов рабочих профсоюзы разрешают правильно. Теперь нужно усиливать внимание к мелким нуждам и запросам рабочих и работниц.

Что касается вопроса о ликвидации неграмотности, который т. Томский выдвинул в своем докладе, то мне бы казалось, что этот вопрос нужно разделить. Он сказал, что в некоторых индустриальных союзах неграмотность понизилась до 5%. Но в учитываемую группу входят рабочие в возрасте только до 35 лет. Между тем на предприятиях возраст квалифицированных рабочих, которые ценны и для предприятий, и для политической, и для культурной работы, зачастую выше 35 лет. Имеются громадные кадры таких рабочих.

Мне бы казалось, что тут нужно произвести разделение. В союзах сезонных и неиндустриальных рабочих, где много неграмотных до 35 лет, там нужна ударная работа среди этих возрастных групп. Что же касается таких союзов, как металлисты, текстильщики и др., то тут надо задуматься о возрастах, не долженствующих по декрету ликвидировать неграмотность. В этих союзах задачу надо расширить, потому что работницы и рабочие, вовлекаемые в управление производством, в профессиональную жизнь, должны быть грамотны, а у нас неграмотность среди рабочих и работниц старше 35-летнего возраста очень велика.

По вопросу о квалификации. Я считаю, товарищи, что этот вопрос имеет огромное значение для рабочих, хотя он гораздо больнее касается работниц. Я думаю, что в связи с развертыванием нашей промышленности, с фактическим проведением индустриализации нужно резче поставить вопрос о подготовке рабочей силы. В этом отношении среди работниц наблюдается абсолютно недостаточный сдвиг. Каждый год дает маленькое повышение в смысле квалификации, но все еще недостаточное. Дело делается кустарно. Фабрично-заводские комитеты на это дело обращают очень мало

внимания. И хотелось бы, чтобы в резолюции т. Томского хотя бы в двух-трех фразах было отмечено, что на поднятие квалификации рабочих и работниц, в особенности молодых, которые сейчас приходят в производство, было обращено самое серьезное внимание. Молодежь, которая идет в производство, не умеет работать и застревает на второй категории. В политике она очень активна, особенно комсомольцы, а в самом производстве она не может пользоваться авторитетом, потому что не умеет работать. На это положение нужно обратить самое серьезное внимание.

По вопросу о яслях. Ввиду того, что никто об этом не говорил (с места: «Даже Рязанов»), даже т. Рязанов, я хочу сказать несколько слов. В связи с проведением режима экономии по циркулярам профсоюзов, ВСНХ и наших партийных органов решено ясли не включать в коллективные договоры. Но, товарищи, имеется постановление комиссии при ЦК, согласованное с ВЦСПС и ВСНХ, о том, чтобы ясли ни в коем случае не закрывались и чтобы они не только сохранялись, но и расширялись.

На апрельском пленуме ЦК, после доклада по хозяйственным вопросам и после выступления т. Рыкова, где по этому вопросу было сказано так, что можно было понять, что и наши ясли тоже попадут под режим экономии, я имела разговор с т. Дзержинским. Он сказал совершенно определенно, что если проведение режима экономии пойдет по линии сокращения таких необходимых учреждений, как ясли, то, конечно, это будет извращение, а не проведение режима экономии. Центральный Комитет нашей партии это учел, и сейчас есть постановление комиссии, которое в ближайшее время будет проведено в жизнь профсоюзами и ВСНХ, о том, чтобы ясли не только сохранить, но и расширить, используя для этого страховые фонды и фонд по улучшению быта рабочих. На содержание тех яслей, которые находятся непосредственно на предприятиях, предполагается возможным тратить до 0,25% заработной платы.

Мне хотелось бы обратить внимание наших партийных организаций, чтобы они об этом знали и всемерно поддержали бы наших работников, которым, к сожалению, все эти вопросы еще приходится весьма усиленно проталкивать, так как профсоюзы и фабзавкомы этим вопросом занимаются очень мало.

Теперь по вопросу, поднятому здесь т. Михайловым из Ленинграда, о том, чтобы одно лицо имело дело с рабочими, и о том, что хозяйственники не хуже профессионалистов сумеют защищать интересы рабочего класса. Мне кажется, что необходимо разделение труда сохранить. Пускай тт. хозяйственники в первую очередь управляют производством, а профессиональные союзы в

первую очередь защищают интересы рабочего класса. Для нас, работниц, было бы гораздо выгоднее иметь дело с профсоюзами. Хотя у нас взаимоотношения с профсоюзами только не на много лучше, чем у т. Матвеева с т. Мельничанским, но все же лучше было бы, чтобы оставалось так, как есть. Разделение труда совершенно необходимо, и нет никакого смысла валить это дело в одну кучу.

Еще по вопросу о том, что сейчас в работе профсоюзов, в низовых организациях вся профессиональная работа среди работниц целиком падает на фабзавкомы. Есть постановление Центрального Комитета от 31 мая с. г. о том, что всю профессиональную работу среди работниц ведут фабзавкомы. Прошло уже около 5 месяцев после этого постановления, а результатов пока очень мало. В этом отношении профсоюзы нам совершенно не помогли, ибо только 29 сентября ВЦСПС удосужился написать соответствующий циркуляр о том, чтобы это постановление проводилось в жизнь. Нам казалось, что в этой работе профсоюзы должны быть больше заинтересованы. Тут, кстати, имеется большая уступка т. Рязанову, ибо женотделы на предприятии непосредственно профработу среди работниц вести не будут. Есть определенное постановление партийных органов, и его нужно проводить в жизнь, а не рассуждать тогда, когда пришел момент начать работу, которая уже развертывается. ВЦСПС же удосужился только через 5 месяцев дать соответствующее распоряжение о том, чтобы это постановление проводилось в жизнь.

Последнее—относительно замечания т. Семкова, что наши делегатки на предприятиях нейтральны. Это совершенно неверно. В нынешнем году целый ряд фактов говорит о том, что наши делегатки идут вместе с ячейкой, вместе с партией, и если был отдельный случай, когда делегатки оставались пассивными, то это еще не характеризует положения и работы наших делегаток на производстве. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Слово имеет т. Звездов.

Звездов. Товарищи, нет сомнения в том, что с ростом нашего хозяйства и с развитием нашей промышленности осложняется общественная обстановка, общественная работа. Это осложнение наблюдается особенно на хозяйственном фронте. Здесь т. Томский уделил довольно много времени этому вопросу, но я бы не сказал, что нам, хозяйственникам, поздоровилось. Мы, хозяйственники, ни в коей мере не плачем о нашем авторитете; но к тому букету из отрицательных сторон работы хозяйственников, который преподнес Всесоюзной конференции т. Томский, я полагаю, букету недостает другого, не менее интересного

букета, из недостатков профсоюзов. К нам, хозяйственникам, сейчас предъявляются большие и сложные требования. Директор должен быть одновременно хорошим хозяйственником, общественником и партийцем,—и уничтожать тараканов и быть активнейшим работником клуба, выходить с докладами, с диаграммами и быть учителем и т. д. Это несомненнейший факт, что если говорить о недостатках, их больше всего у товарищей директоров и хозяйственников, не вооруженных в достаточной мере марксизмом и не обладающих в достаточной мере всем необходимым запасом оружия, называемого ленинизмом. У таких хозяйственников недостатков больше. Но когда мы подходим к недостаткам профсоюзов, то и здесь, т. Томский, бывает много недостатков. Что здесь творится? Идет буквально борьба, и на это нужно обратить внимание. Вы знаете, нередки случаи, когда председатель производственной комиссии на ходу машины срывает шестеренку, бежит с работницей в кабинет директора и этим нарушает работу. Почему это происходит? У нас огромнейший недостаток в выборе шестеренок. Вместо 32 зубьев приходится ставить шестеренку в 30 или 36 зубьев — таким образом, она вертится или слишком быстро или слишком медленно, а это отражается на производстве.

Есть пословица, что всякое правительство достойно своего народа. И если у нас чувствуется по всей линии недостаток работников, то надо об этом сказать и позаботиться, чтобы их подготовлять и выдвигать. Есть председатели фабзавкомов, которые приходят к директору, а директор случайно говорит о другом товарище-партийце в шутку, что вот—«коммунист без пяти минут». Тогда председатель фабзавкома спрашивает: «А я без скольких?» Тот отвечает: «А ты без десяти». Товарищ обижается, летит в ячейку: реабилитируйте меня немедленно: «без скольких минут я коммунист?». Начинается скандал, склока.

А нередко встречается особая категория секретарей ячеек или председателей фабзавкомов «директороедов». Если они с этакими настроениями приходят на фабрику, то этим не только усложняется, т. Томский, обстановка, но и создается букет борьбы.

Наша промышленность,—что было отмечено и в докладе т. Рыкова,— исчерпала все ресурсы, все оборудование, которое имелось, и сейчас идет вопрос о рационализации ее. Дело не в изобретении нового типа машины, а в том, как рациональнее использовать имеющееся оборудование. Мы должны во что бы то ни стало выполнить директиву партии и правительства о поднятии производительности труда на 10—15%. Во что бы то ни

стало! А это, т. Томский, делает необходимым переход на три станка и три сторонки, чтобы, с одной стороны, окончательно загрузить наши предприятия, а с другой стороны, увеличить заработную плату на 25—30%.

Вот если мы эту работу в промышленности не проделаем, то в результате получится, что если мы через год придем к снижению цен, то любой трест с трудом выдержит снижение цен на 10—12%. Без осуществления мер по поднятию производительности труда наша промышленность будет стоять перед вопросом, что делать дальше, ибо никакой прибыли, никаких остатков у промышленности не будет. И ясно, что у нас нет другого выхода, кроме перехода на три станка и на три сторонки, т.-е. полного укомплектования рабочего дня и сокращения количества рабочих, обслуживающих каждую тысячу веретен. Полагается 9,25 человек на 1 000 веретен, а по многим фабрикам до сих пор мы имеем 11—12. Нормально это? Нет, ненормально. А как т. Томский подходит к этому вопросу? Я спрашиваю т. Томского, что такое фабрика — это сборище людей, или это база промышленности, где требуется подчинение какой-то воле и где расстановка людей зависит от директора и является его правом.

На кого мы будем держать курс? У нас стоит вопрос о новых кадрах рабочих, которых в прошлом году мы вовлекли до полумиллиона человек, которые еще не дисциплинированы, не переварены в фабричном котле, а старый рабочий кадр, через который только и можно дисциплинировать новых рабочих, постепенно выбывает. Тут, товарищи, нам нужно уточнение. Мы, хозяйственники, выступаем облеченные доверием партии, которая поручила нам вести хозяйство по правильному пути. Мы говорим о всей трудности и сложности, а здесь выступают тт. Мельничанский и Томский, не замечающие, что если над нами и дальше начнут профессионалисты на фабрике так подтрунивать, то подрыв хозяйственников получится полнейший.

Я т. Рязанову еще раз говорю, что вся наша оппозиция споткнулась на заигрывании с рабочими, на болтологии о демократии. Тов. Рязанов еще в 1923 году ругал «Замоскворецкие казармы» т. Землячки, а на этот раз оппозиция кричит о зажиме в Москве и чуть ли ни о мордобое. Ложь это. Приходите к нам на общее собрание рабочих, приходите на фабричную ячейку, и вы увидите там подлинную пролетарскую демократию. И рабочие говорят сейчас и профессионалистам, и нам, хозяйственникам: «Ты мне не ври, а отвечай ясно, прямо, точно, по-большевистски на вопрос». И мы, хозяйственники, как и выдержанные профессионалисты, говорим рабочим о действительном положении, о тех

трудностях, какие перед нами стоят, и о том, как мы должны их во что бы то ни стало преодолеть, как бы тяжела ни была эта задача.

За что нас ругают? Нас ругают, т. Томский, на фабриках за то, что у нас плохая основа, плохой уток, плохая пряжа и т. д. Почему? Потому что у нас нет среднего и низшего технического персонала, нет подмастерьев и мастеров. Мне говорили товарищи: «На кой чорт мне пойти на эту работу, если мне потом дома стекла бьют, а я за эту работу получаю лишних каких-нибудь 10—15 рублей». Ведь вот как рассуждают. И подмастерья выбывают из строя, а нового командного состава нет. Вот на этом поприще предстоит очень сложная работа. Время перед партией поставить во всю широту вопрос о подготовке командного состава не только в школах, но, главным образом, на фабрике и у станка.

В заключение скажу относительно контрольных комиссий, которые предлагает т. Томский. Я еще, когда создавались ревизионные комиссии, в «Торгово-Промышленной Газете» написал статейку,—писака я—неважный,—где указал, что это «плод кабинетной фантазии». Прав я был или нет? Прав, товарищи. Ревизионные комиссии всеми теперь признаны наростом, болячкой на здоровом теле. Ничего они не дают. Сказали: еще повременим. Я готов еще годик ждать. Ничего не дадут. И не успели еще их испытать, как создали производственные комиссии, производственные совещания и т. д. Потом, хлоп, еще нет пока никакого опыта с производственными совещаниями, как т. Томский преподносит новый опыт, новое несчастье в виде каких-то контрольных комиссий. (Голос: «Правильно!».) О чем т. Томский говорит? Он говорит: ознакомление с финансовыми планами, с торгово-операционным аппаратом, рационализацией, рациональным использованием и т. д. Придите вы с этим к рабочему, и рабочие вам скажут: да катитесь вы к чорту, давайте лучше производство будем ставить, как бы получше да побольше выработать, побольше заработать,—вот о чем стоит конкретно вопрос. Мы все, начиная с т. Куйбышева и кончая последним директором, в один голос все говорим: товарищи, от контроля мы задыхаемся. Все это есть только воображение, фантазия, а пока что это не контроль, а несчастье, которое называется бюрократизмом. Контрольные комиссии ничего положительного не дадут. Услышьте же нас голос, дайте работать! Мы задохнулись в трестах, задохнулись на фабриках, все с ума посходили в трестах, на фабриках, в мастерских, в учреждениях. (Шум. Смех.) Перманентные заседания, комиссии—все с ума посходили! Приходит 18-летний

парень и говорит: караул, не могу, 20 дней в неделю нехватает. Опять и опять заседания. Дайте единый контроль, товарищи. Создайте какую-нибудь рабочую палату, отведите такой вот зал, куда будем приходить со всеми монатками. (Смех.) С этим контролем нужно быть поосторожнее и помнить, что есть еще и специалисты, с которыми мы сработались и которые работают не за страх, а за совесть, а теперь мы им говорим: стой, чорт тебя дери, мы тебе кандалы дадим и т. д. И получается так, что свяжем человека и говорим: ну, беги, сукин сын! Смотрим,— он стоит, не бежит, а мы говорим: каналья, не умеешь бегать.

А вопрос с выдвиженцами? Здесь т. Томский говорил об этом. Ведь то, что нам не гоже, даем под предлогом выдвиженцев и говорим: смотри, вот дурака выдвинули. Этим мы компрометируем всех, в том числе и партию.

Товарищи, мы работаем в сложной обстановке. Нужно новое оборудование, а мы достать его не можем; нам еще лет 7—10 придется работать на этом оборудовании, и задача заключается в том, чтобы хорошо содержать имеющееся оборудование. А на этой сложности и тяжести обстановки играют те, которые рядятся в демократическую одежду. Но и оппозиция сломала себе голову на безжизненной демагогии. Я говорю, что сейчас партии нужно отдать должное внимание той тяжелой обстановке, в которой мы находимся. Товарищи партийцы знают болезни треугольника. Давайте серьезнее подбирать хозяйственников и председателей фабзавкомов и поменьше, товарищи, контроля! Давайте, т. Томский, сейчас снимем этот пункт и к XV съезду его подработаем. Я полагаю, этот пункт, эти новые кандалы, которые ни уму, ни сердцу ничего не дадут, нужно отвергнуть. У всех голова закружилась от различных форм контроля, а нам нужно сделать единый контроль, но по двум линиям, партийной и советской. Какие мы должны принять контрольные комиссии по линии РКИ, покажет будущее, но нужны такие аппараты, через которые мы сможем вовремя убирать головотяпов, и тогда, товарищи, не будет растрат, не будет бюрократизма и т. д. и т. п.

Вот, товарищи, основные задачи, которые стоят перед нами на этом важном фронте. Раньше мы работали на военном фронте и тоже с ошибками и недостатками, а теперь на хозяйственном фронте надо работу углублять, взяться за сердцевину производственных процессов. И если, товарищи, мы этого не охватим, перед нами будет тяжелое положение. Нам нужно держать курс на старые испытанные кадры рабочего класса, на ту гвардию, которая нас вывозила так долго и которая еще будет вывозить нас впредь.

Председательствующий. Слово имеет т. Михайлов, В. М.

Михайлов. Товарищи, Михаил Павлович Томский достаточно ярко и красочно осветил ряд вопросов, которые стоят перед профсоюзами. Я в свою очередь хочу остановиться на отдельных вопросах и прежде всего на вопросе о заработной плате. Именно на партконференции нам необходимо обратить внимание на этот вопрос. У нас, товарищи, номинальная зарплата растет, но в последнее время мы опять наблюдаем также рост цен на отдельные продукты. Поэтому ту задачу, которую партия поставила перед собой,—борьба за снижение цен,— нам нужно здесь особенно подчеркнуть, так как эта борьба есть фактически борьба за сохранение и повышение реальной зарплаты. И я думаю, что XV партконференция должна в своих решениях на этом вопросе остановиться и конкретно эту задачу разрешить.

Второй вопрос в связи с докладом т. Рыкова о хозяйственном строительстве. Многие из выступавших указывали, что из 1 050 милл. рублей, ассигнованных на промышленное строительство, примерно около 600 миллионов падает на переоборудование старых предприятий. Но ни один из хозяйственников не сказал: а какая сумма из этого выделяется на техническую безопасность или на охрану труда. Между тем, товарищи, эта задача приобретает сейчас особое значение. Наши старые предприятия, это—антисанитарные предприятия, и вопрос об их оздоровлении, о создании санитарных условий нужно поставить также на очередь. Тов. Томский говорил о гримасах режима экономии; я думаю, что эти гримасы прежде всего бьют по охране труда. То, что на троих дают одно полотенце,—это еще хорошо; бывают случаи, когда на целый отдел, на целый цех выдают 2—3 полотенца и по нескольку дней их не меняют. Или выдают такую прозодежду, что рабочие справедливо называют ее «слезодеждой» и «смеходелжой». На это нам нужно обратить побольше внимания, ибо на доброкачественности прозодежды экономить нельзя. Нельзя экономить на мелочах рабочего быта, это болезненно нервирует рабочих. В вопросе промышленного строительства нужно все время напоминать о технике безопасности, об оздоровлении наших предприятий, потому что это даст нам возможность еще больше повысить производительность труда.

Наконец, вопросы производственной работы. Тов. Звездов говорил здесь,—захлебываясь, как утопающий, с таким видом, будто под ним трибуна рушится,—что профессионалисты налегают, создают ряд организаций, которые мешают плодотворной работе хозяйственников. Многие из вас, наверное, помнят, что, когда ста-

вился вопрос о производственных совещаниях, раздавались голоса, что производственные совещания нецелесообразны, что они ни к чему, какая де от них польза, и т. д. Очень многие хозяйственники говорили именно так, а теперь они так же выступают в отношении контрольных комиссий. Как все мы знаем, наши производственные совещания имеют теперь колоссальные достижения, и неправы те товарищи, которые утверждают, что производственные совещания работают слабо. Результаты работы производственных совещаний налицо. Эти совещания проделали огромную работу по исправлению недостатков производства на наших фабриках и заводах. Однако, работа производственных совещаний упирается в ряд трудностей, и отсюда заминка в дальнейшей их работе, так как нужно детально изучить такие важнейшие вопросы, как себестоимость продукции, брак, доброкачественность сырья, простои и ряд других. Поэтому задача создания временных контрольных комиссий приобретает исключительное значение. Когда некоторые товарищи говорят: «Зачем временные контрольные комиссии,—у нас есть производственные комиссии, на них можно эти функции возложить»,—они неправы, ибо они, предлагая передать все эти функции производственным комиссиям, высказываются, таким образом, за постоянный контроль. Мы же предлагаем в виде опыта изучить данный вопрос на отдельных крупных предприятиях и создать временные контрольные комиссии, которые и поднимут авторитет производственных совещаний. Тогда поменьше будет таких ответов, какие мы имеем сейчас. Например, на производственной конференции рабочие говорят хозяйственникам: «На нашем предприятии было мало простоев, но и эти малые простои легли на плечи рабочих». Хозяйственники отвечают: «Были малые простои, мало и легло на плечи рабочих; а если будут большие простои, больше ляжет».—«Почему?»—«Да потому, что рабочие—хозяева на предприятии». Тогда поменьше будет таких ответов, потому что будет создана временная контрольная комиссия, которая даст возможность производственным совещаниям и фабзавкомам проверить и детально изучить эти вопросы не только с точки зрения заводоуправления. Бояться этого нечего. Отдельные хозяйственники опасались введения производственных совещаний,—эти опасения не оправдались. Тов. Звездов и некоторые другие указывают, что у нас бездна всякого контроля, всяких ревизий и прочего со стороны вышестоящих организаций. Этот вопрос нужно упорядочить. Но среди широких рабочих масс растет заботливость к производству, растет заботливость к своей фабрике, и эту заботливость мы должны вылить в конкретные формы, т.-е. в такие формы, при которых рабочие могли бы, путем участия во

временных контрольных комиссиях, проверять работу заводоуправления по тем или иным вопросам.

Тов. Звездов говорил также относительно производственной дисциплины. Но, товарищи, разве вы слышали когда-нибудь голос профессионалиста, который противодействовал бы поднятию производительности труда или трудовой дисциплины? Ни одного такого голоса вы не услышите. Наоборот, именно профессионалисты об этом больше всего говорят, и плох такой хозяйственник, как т. Теплов, который, выступая, указывает, что у него, на его крупном предприятии, много прогулов. Это говорит не в его пользу. Если прогулы увеличиваются, то тут—слабость работы заводоуправления. Нет, профессионалисты всячески ведут кампанию за поднятие производительности труда, и ни одного голоса вы не слышали и не услышите, чтобы мы где-нибудь противодействовали этому. Напротив, мы всегда и всюду заостряем на этом внимание масс.

Товарищи, когда мы говорим о производственной работе, о тех производственных совещаниях, которые у нас имеются, мы можем рассказать о новой форме в производственной работе, о производственных конференциях. Производственные конференции есть высшее проявление нашей производственной работы. Это есть суммирование производственной работы не по отдельным предприятиям, а в целом, по тресту. Это есть широкое участие рабочих масс в проверке работы треста в целом. У нас, в Москве, проходят сейчас 115 производственных конференций. На этих производственных конференциях участвовали представители примерно полумиллиона рабочих. На них особенно выпячиваются задачи углубления производственной работы, а это мы можем сделать только тогда, когда дадим возможность большей проверки по отдельным вопросам работы хозяйствующих организаций и в особенности, когда дадим возможность сосредоточить внимание на проверке выполнения тех предложений, которые применяются нашими производственными совещаниями. В этом большой недостаток. Производственное совещание принимает ряд решений, а хозяйственник не особенно внимательно к этим решениям относится. Таких примеров у нас можно найти сколько угодно.

Я хотел бы еще коротко коснуться вопроса о рабочем изобретательстве, и,—в связи с этим,—о поощрении рабочих. Тов. Томский вскользь сказал об этом, но у нас на этот вопрос обращают очень мало внимания. Вся творческая инициатива рабочих упирается в рутину и бюрократизм советских и хозяйственных организаций. Очень трудно бывает протолкнуть то или иное рабочее изобре-

тение, очень мало уделяют внимания поощрению, вознаграждению и проч.

Теперь о комсомольцах.

Комсомольцы здесь много говорили о фабзавуче. Да разве профессионалисты и профсоюзы отрицают фабзавучи? Наоборот, надо комсомольцам выходить и говорить не вообще о фабзавуче, а надо говорить об его недостатках, которые имеются. Самые существенные недостатки фабзавуча заключаются в том, что у нас они представляют собой пока еще непомерно дорогое учреждение. Пока еще мы не упорядочили в достаточной мере организацию этих фабзавучей. Но комсомольцы мало говорят об этих недостатках, а больше говорят о том, что фабзавуч есть высшая форма социалистического образования рабочей молодежи. У нас на фабзавуче больше занимаются «патриархатом», изучают экономические науки и проч. и мало обращают внимания на производственную работу, на квалификацию, на повышение этой квалификации. Поэтому комсомольцы лучше бы делали, если бы говорили о тех недостатках, которые имеются в фабзавуче, для того, чтобы удешевить эту организацию и приблизить ее к производству.

И, наконец, вопрос о культурно-просветительной работе и в связи с этим о нашем клубном строительстве. Товарищи, культурный уровень рабочей массы растет, ее запросы к профсоюзам становятся все требовательнее, но возможности их удовлетворения у нас очень небольшие. Поэтому сейчас во всей остроте ставится вопрос о нашем клубном строительстве: пора поставить задачу строить рабочие дворцы. Некоторые выдвигают другую мысль, говоря: «зачем будем строить рабочие дворцы, когда налицо жилищный кризис». Нельзя, товарищи, под этим соусом откладывать вопрос, который играет колоссальнейшую роль в индустриализации нашей страны. Поэтому не мешало бы нашему правительству, а также и Центральному Комитету партии поставить этот вопрос. Приобретает также особое значение вопрос о нашей общеобразовательной работе. Сейчас наблюдается большая тяга со стороны рабочей массы на вечерние рабочие школы, в вечерние университеты. А эта задача еще не совсем удовлетворительно выполнена.

Тов. Луначарский с трибуны XV конференции выступил с защитой профессуры, и ни одного слова со стороны Наркомпроса не слышно было об открытии вечерних рабочих университетов, вечерних рабочих школ. Между тем задача организации вечерних рабочих школ и университетов приобретает исключительное значение.

В деле подготовки мастеров, в деле производственной пропаганды вечерние рабочие техникумы сыграли бы не последнюю роль.

У нас обращается внимание на расширение вузов, но недостаток этих организаций заключается в том, что они непомерно раздуты, и выходящие инженеры и врачи идут фактически на биржу труда. Многие из них больны туберкулезом и неврастенией. Лучше бы эти учреждения сузить и за их счет организовать вечерние рабочие школы, воскресные школы, вечерние рабочие техникумы. В заключение, товарищи, выражу надежду, что при поддержке и руководстве нашей партии профессиональные союзы справятся со всеми возложенными на них задачами.

Председательствующий. Слово имеет т. Радченко.

Радченко. Товарищи, я в первую очередь дам справку по поводу выступления т. Теплова, который, я считаю, к своему собственному предприятию, которым он управляет, отнесся недобросовестно. У вас 14% прогулов (Теплов: «Невыходов») и невыходов, а—по вине рабочих—они никогда не превышали 7%, да и то бо́льший процент падал по мартеновскому цеху и по доменному цеху, так как мартеновский цех старой конструкции, а в доменном цехе не приспособлена эстокада, что никак нельзя отнести к вине рабочих. Это первая справка.

Сейчас, чтобы не повторять того, что уже говорили некоторые ораторы, я остановлюсь на отдельных моментах. Мне кажется, что в докладе Михаила Павловича недостаточно был вскрыт политический анализ тех настроений, которые имеются в нашем профдвижении и вокруг профдвижения. Мне кажется, об этом надо будет сказать несколько слов. Может быть, это незаметно в других местах, а у нас, на Украине, чувствуется, что среди профессионалистов есть в некоторых местах синдикалистские настроения. Некоторые заявляют—было бы хорошо работать в профсоюзе, если бы в государственном аппарате все обстояло благополучно. Как будто недостатки в нашем государственном аппарате не касаются самих профессиональных организаций, как будто государственный аппарат и профессиональный аппарат имеют какую-то особенную разграничительную черту в системе диктатуры пролетариата. Совершенно понятно, что если есть недостатки в государственном аппарате, то эти недостатки не чужды и профсоюзам. Так называемые тред-юнионистские настроения также замечаются у отдельных наших товарищей, которые заявляют, что все было бы хорошо, если бы нам не мешала партия, если бы нам не мешали отдельные парторганизации. Мы считаем, что у нас профдвижение тесно связано с партией, что

наши профсоюзы созданы партией и под ее руководством они работают. Каждый профсоюзник должен знать, что нет высшего авторитета среди беспартийных рабочих, чем авторитет партии, и каждый коммунист, где бы он ни работал, должен всячески стремиться укреплять авторитет партии. Парторганы в отдельных местах также перегибают палку, когда руководство осуществляют не через фракции профсоюзов. Беря всю монополию себе, парторганы забывают, что не всегда парторганам выгодно брать на себя всю ответственность.

Какие имеются настроения среди хозяйственников? Может быть, то, что я здесь скажу, имеется только на Украине, может быть, мое выступление будет стоять несколько особняком, но я вынужден на конференции сказать, что у нас в отдельных местах среди хозяйственников имеется недооценка творческих сил рабочего класса. (Голоса с мест: «Это правильно».) На это указывают, между прочим, выступления тт. Теплова, Звездова и Михайлова из Ленинграда. Я думал сначала, что только мы на Украине выращиваем «Тепловых»; оказывается, что и в других местах они имеются. Это не случайное явление. Чем оно вызывается? Вызывается отчасти чисто-механической передачей нашим хозяйственникам настроений специалистов в отношении к рабочему классу. К чему сводятся такого рода выступления? Они, хозяйственники, хотят делать все независимо от влияния пролетарских масс, они подчеркивают, что мы, мол, являемся на предприятии выразителями общеклассовых интересов. Но позвольте, когда в той или иной части массы неспокойно, разве это хорошо для рабочего класса? Нет, это нехорошо для всего рабочего класса.

Теперь, товарищи, я перехожу к некоторым настроениям, особенно усилившимся разговорам относительно авторитетности профсоюзов, хозяйственников и т. д. На чем базируется авторитетность, в том числе авторитетность самих профорганизаций? Авторитетность базируется на сугубо-практической работе. Если есть сугубо-практическая работа, идущая по линии улавливания всех процессов и настроений внутри масс, если имеется умение отстаивать интересы этой массы, умение защищать эти интересы,— у такого союза имеется авторитетность, у такой союзной организации будет авторитет. Отсутствие умения улавливать процессы и настроения масс, отсутствие умения формулировать, ставить и отстаивать интересы масс, порождает отсутствие авторитета у союзной организации. Мне кажется, что нам нужно сейчас говорить не столько о теоретической постановке, как это сейчас делал т. Рязанов—мы всегда с ним на профсъездах дискуссируем,

и я сейчас вынужден не согласиться с ним, когда он преподносит здесь, на партконференции, выхолощенный авторитет профорганизаций,—мы должны всячески итти по другой линии, укрепляя авторитет не только профсоюзов, но и хозяйственников и в первую очередь партии. Надо сейчас говорить о сугубо практической работе в наших профессиональных союзах. В их работе самую большую роль играет сейчас практическое содержание. Конечно, она, эта работа, должна базироваться на учете настроений, на анализе тех процессов, которые происходят внутри нашего рабочего класса, на анализе всей обстановки, которую переживает страна и партия в целом. Поэтому сейчас, говоря конкретно, на чем нужно заострить внимание? Надо заострить наше внимание на массовой работе. Тот наш союз будет авторитетен и мощен, который сумеет достаточно четко углубить массовую работу. Совершенно прав Михаил Павлович Томский, когда он заостряет вопрос на воспитании профессионального актива. Мы, на Украине, имеем в настоящее время 184 000 профактива на всю профсоюзную массу в 1 780 000 членов союзов. Мы за эти годы,—когда нажали на практическое проведение внутрирабочей демократии,—обновили наш актив на 75%. Среди нашего актива 52% работников с годичным профстажем. Значит, профактив ослаблен. Каков должен быть актив? Он должен отражать все те процессы, которые имеются внутри рабочего класса. С другой стороны, наш актив должен проводить то руководство, которое идет от высших органов к массе. И с третьей—наш актив должен быть той точкой, вокруг которой заворачивается вся активность на предприятиях. Он должен быть цементом, скрепляющим руководство массами. Есть ли у нас все это? Нет. Но мы должны это сделать. И сейчас надо решительно говорить не только о воспитании профессионального актива, но надо говорить о пополнении его лучшими, крепкими большевиками, особенно внизу, на предприятии. Мы должны более гибко, более квалифицированно ставить массовую работу, так, чтобы мы сумели охватить не только ту или другую группу рабочих, но пронизать каждое звено. Дальше—вопрос о производственных совещаниях. Тот, кто кричит сейчас о том, что не нужно контрольных комиссий,—тот не понимает и не хочет согласиться с нами, что работу производственных совещаний, закончивши первую ступень, надо переводить во вторую ступень, более сложную и более ответственную, надо переходить к руководству производственными совещаниями. С другой стороны, товарищи, давайте откажемся от тех старых привычек, которые были: если тогда где-нибудь заволынили безработные, так сейчас же выносится решение предложить профсоюзам уси-

лить культурно-просветительную работу среди безработных. Не в культурно-просветительной работе среди безработных дело,— надо знать, надо изучать сейчас рынок труда, надо, товарищи, более решительно заняться организацией рынка труда, чего у нас в отдельных местах нет. То же самое и о производственных совещаниях. Как только на предприятии складывается какая-нибудь конъюнктурная неувязка, так сейчас же выносится решение, что профорганизация не руководит производственными совещаниями. Не в этом дело. Мы должны указать, что производственные совещания достигли своего темпа развития и сделали большую положительную работу. Сейчас надо, товарищи, внутри производственных совещаний и вокруг производственных совещаний установить ту точку, вокруг которой производственное совещание в дальнейшем продолжало бы процесс своего развития. Почему сейчас нужно так ставить вопрос? Да потому, что мы на-ряду со всеми хорошими вещами—налаживание работы цеха, рационализация работы в цехе, рационализация работы предприятия и проч.,—должны решительно поставить вопрос о производственном воспитании нашей пролетарской массы.

Я убедительно прошу продлить мне еще минут десять. (Голос с места: «Просим».)

Мы сейчас в отдельных местах в связи с приливом новых кадров рабочих на предприятия потеряли то чутье, которое было даже в старое время,—любовь к своему предприятию. Имеется некоторое расхолаживание в данном вопросе. Сейчас не только отдельный рабочий не уясняет, что такое последовательно-социалистический тип предприятия, как должна проводиться работа на концессионном и арендном предприятии, но не уясняют в отдельных местах вопроса о темпе рационализации нашего предприятия, проводимой нами в данный момент. Мы имели в отдельных местах уродливое сопротивление, направленное против рационализации предприятия—в Харькове, Урале, Донбассе. Сейчас в задачу производственных совещаний надо поставить вопрос о производственном воспитании рабочих.

Вопросы материального положения. Не правильно, что все рабочие говорят о заработной плате. О заработной плате говорят низкие категории, малоквалифицированная часть рабочих. И им нужно зарплату поднять. Те рабочие, зарплата которых является в некоторых случаях вполне достаточной, не говорят об ее росте, но они упорно говорят о снижении розничных цен, о лучшей медицинской помощи, о жилищах, о школе и о культурном содействии рабочим вообще, ибо в этом вопросе, насчет культурного содействия рабочим, не все благополучно. Я спрашиваю,—возь-

мите любой пролетарский район—за эти 9 лет изменилось что-нибудь в наших промышленных районах, отдаленных от городских центров? Есть ли там приличный театр, есть ли там для рабочего приличная кинокартина, есть ли там клуб? Конечно, нет, рабочие до сих пор питаются случайностями. Во многих районах не охвачены полностью соцвосовскими школами дети рабочих, и на этом участке мы наблюдаем чрезвычайно сильное давление. Надо говорить о культработе не вообще, а об ее идейном содержании, ибо и здесь мы хромаем. И вам, Анатолий Васильевич, нужно подумать о промышленных пролетарских районах, чтобы меньше занимались насаждением культуры в центре, а хотя бы в Кузбасс, в Криворожский бассейн, в Донбасс перекинули полдюжины культучреждений. Положение в этом вопросе на местах очень сложно. Я кончаю и должен подчеркнуть один вопрос. Мне кажется, что надо сейчас решительно подготовиться к встрече атаки на профсоюзы со стороны оппозиции. Оппозиция обожглась на партии, и на местах начинает переносить работу во внепартийные организации. Первые ласточки мы уже наблюдаем на Украине на наших профессиональных съездах. И нужно позаботиться о том, чтобы в профсоюзах оппозиция получила такой же отпор, какой она получила внутри нашей партийной массы.

Председательствующий. Слово имеет т. Ендаков.

Ендаков. Товарищи, итоги работы профорганизаций после XIV съезда еще раз показывают, вопреки выпадам и обвинениям оппозиции, правильность линии нашей партии. Опыт работы среди промышленных рабочих и железнодорожников у нас, в условиях Белорусской республики, еще раз подтверждает правильность конкретных предложений тезисов т. Томского и общей оценки им всех моментов работы профорганизаций. Я здесь хочу остановиться на некоторых особых моментах, которые характерны в работе профорганизаций в национальных республиках,—это работа профсоюзов в деревне, профсоюзы и национальная политика и два конкретных момента—безработица и режим экономии.

Я думаю, что мне здесь не придется доказывать, что сельскохозяйственные рабочие и батрачество являются одной из опорных сил диктатуры пролетариата в районах, где отсутствует крупная промышленность и где преобладает крестьянское население. А если это так, то необходимо уделить исключительное внимание работе союза сельскохозяйственных и лесных рабочих и делу организации батрачества. Несмотря на ряд больших достижений в области этой работы,—здесь т. Томский отметил, что у нас имеются десятки тысяч профактива из среды этих рабо-

чих,—пред ними стоит и ряд больших трудностей. Первое—это отсутствие культурно и политически воспитанного профактива среди батрачества, второе — тяжелое финансовое положение союза сельхозрабочих, третье—большой процент неграмотных среди членов этого союза и их распыленность. Я сообщу некоторые цифры по Белорусской республике. По нашим предварительным данным, батраков в Белоруссии насчитывается около 50 тысяч. Из них вовлечено в профсоюзные организации только 5—7 тысяч, охвачено труддоговорами около 20 тысяч. Понятно, это не потому, что кто то не хотел проводить работу, но потому, что нехватало сил, нехватало средств полностью охватить и обслужить этот деревенский пролетариат профсоюзными организациями. Я думаю, товарищи, что XV партконференция должна еще раз подчеркнуть всю важность и сложность работы и сказать об ее усилении.

Теперь по вопросу о профессиональных союзах и национальной политике. Понятно, линия нашей партии в национальном вопросе каждому из нас ясна, но когда мы подходим к практическому ее осуществлению, то наталкиваемся на ряд несомненно больших трудностей. Я остановлюсь, на некоторых противоречиях, которые существуют у нас в работе в условиях национальных республик. Они имеются не только в Белоруссии, но и на Украине и т. д. Первое—это то, что рабочий класс в значительной своей части руссифицирован. Царское правительство сделало все возможное, чтобы задавить культуру и язык национальностей, представляющих у нас, в Белоруссии, большинство. И, как следствие, получилось, что рабочий говорит на русском языке, рабочий не очень хочет изучать тот язык, на котором говорит большинство трудящегося населения. Это, товарищи, конечно, затрудняет политическое руководство, руководство культурным строительством со стороны рабочего класса, затрудняет осуществление диктатуры пролетариата в национальных республиках.

XIV съезд нашей партии в своих постановлениях подчеркнул, что в условиях нэпа, в условиях хозяйственного подъема страны растет активность не только рабочего класса, но растет активность и других мелкобуржуазных слоев, в частности интеллигенции. Здесь, товарищи, есть вот какая опасность. Мелкобуржуазная интеллигенция будет стараться монополизировать руководство культурным строительством в национальных республиках, и не только это, но она иногда пытается взять на себя руководящую роль и в проведении национальной политики. Учитывая это, я считаю неправильным, что в тезисах т. Томского

этот момент опущен. Мне кажется, что необходимо записать в тезисах, представленных XV конференции, об этих опасностях. Конечно, товарищи, мы будем привлекать интеллигенцию к культурному строительству, ко всей нашей работе, но под нашим руководством, под руководством пролетариата и коммунистической партии.

Теперь я остановлюсь на вопросе о безработице. В Белорусской республике безработица имеет особую остроту, которая объясняется аграрным перенаселением. По нашим подсчетам, в деревне имеется около 40% излишней рабочей силы. Я приведу некоторые цифры по составу безработных в Белоруссии. Мы насчитываем 160 тысяч членов профсоюзов, а безработных 28 тыс., из которых 70%—неквалифицированные рабочие, 16%—малоквалифицированные и только 14%—квалифицированные. Из общего количества взятых на учет биржей труда 52% в первый раз предлагают свой труд. Безработные женщины по отношению к общему числу безработных составляют 47%. Все это говорит за то, что наш рынок труда, наши биржи труда пополняются главным образом за счет деревни. Тут, товарищи, конечно, ничего особенного нет, ибо Белоруссия и в прежнее, дореволюционное время выкидывала десятки тысяч излишних рабочих рук в Америку и в различные районы России. Но своими силами нам будет трудно справляться с безработицей, и здесь будет нужна всемерная помощь центра.

Несколько слов о режиме экономии. Тов. Томский остановился на моментах извращения режима экономии. Таких извращений и в нашей республике, к сожалению, наберется сколько угодно. Я хочу указать на одно извращение: приходит рабочий к хозяйственнику или к администратору и говорит: «Вот посмотрите мою спецодежду, она с плеч лезет, надо бы новую дать». Его похлопают по плечу, говорят: «Ну, что же, брат, поделать—режим экономии». Он идет в фабрично-заводский комитет, тоже ведет беседу на ту же тему, ему говорят: «Ну, что же, товарищ, делать—режим экономии». По-моему, нельзя трепать лозунг режима экономии как попало и где попало и пришивать его куда не нужно. С этим наша партия должна вести решительную борьбу

Председательствующий. Слово имеет т. Угаров.

Угаров. Товарищи, я хотел остановиться на тех вопросах, которые были подняты выступающими здесь товарищами хозяйственниками, в частности моим земляком по Ленинграду—т. Михайловым. Вчера он поставил перед нами вопрос о том, что партии необходимо пересмотреть те взаимоотношения, которые существуют между хозяйственниками и профсоюзами. Я должен

вам заявить, товарищи, что у наших профсоюзов с Михайловым взаимоотношения не ахти какие хорошие. (Радченко: «Это и заметно».) Поэтому необходимо установить причины, которые создают подобные взаимоотношения. Т. Михайлов является одним из лучших хозяйственников Ленинграда, он—председатель правления большого машиностроительного треста.

Вполне понятно, что нам, как профессиональным организациям, приходится выполнять те задачи, которые возложила на нас партия. У нас с т. Михайловым было много споров, которые продолжаются отчасти и сейчас. Споры эти относятся больше к вопросам зарплаты и рабочего быта. Мы с т. Михайловым заключали коллективный договор и, как везде, по коллективному договору не договорились, перенеся его на разрешение в Москву. Вообще, за последнее время вопросы зарплаты, условий работы в производстве решает третья сила или третье лицо. Хозяйственники, отчасти и профессионалисты, боятся взять на себя ответственность за заключение коллективного договора и переносят всю ответственность на третье лицо или третью силу—на суперарбитра. Тов. Михайлов тянул заключение коллективного договора более 2 месяцев. За это время была проделана большая работа; работа эта заключалась в том, что т. Михайлов почти по всем своим заводам снизил расценки. Мало того, у т. Михайлова директора, не согласовывая с союзами, вывешивают приказ о переводе рабочих из разряда в разряд, конечно, из высшего в низший, а не наоборот. У нас с т. Михайловым бывают споры и по частным вопросам. Тов. Михайлов говорит, что сейчас надо сократить на металлических заводах человек 300. Когда мы подсчитали, то, оказывается, т. Михайлов за последние 2—3 месяца набрал 380 человек, при чем 233 человека он взял даже от ворот, а не через биржу труда. Вот по этим вопросам быта и жизни рабочих, вопросам зарплаты мы сталкиваемся с т. Михайловым. Тов. Михайлову, по всей вероятности, нужен такой профессиональный союз, который ничего не делал бы. Таких профсоюзов нам не надо, ибо тогда нам нечего будет делать. Нас партия послала не за этим. Из постановления съездов вы знаете, что основной задачей профсоюзов является защита материальных интересов рабочего класса. Мы эту задачу по поручению партии, выполняли и выполняем и вполне понятно, что у нас и впредь с т. Михайловым, да и с каждым хозяйственником будут споры, но не до бесчувствия. Задачи, стоящие перед профсоюзами, зачастую нервируют наших тт. хозяйственников. Это—факт. От этого никуда не скроешься. Конечно, тут имеются трудности в области поднятия хозяйства, мы это понимаем, но думаю, что

партия нас молчать не заставит, когда мы ставим перед хозяйственниками те или другие вопросы, когда мы заявляем хозяйственникам, чтобы они поосторожнее проводили условия работы и поосторожнее относились к рабочему классу. Здесь, товарищи, у всех хозяйственников действительно какая-то боязнь контрольных комиссий, какое-то неверие в рабочих. Что на самом деле здесь страшного? Поглядим, сделаем. Неудачи у нас бывают, мы же не взяли монополию на то, что все опыты у нас будут удачны. Есть ли что-нибудь в этих предложениях т. Томского, что может заинтересовать рабочих и приблизить их к производству? Я думаю, что есть. Вы тут указывали на производственные совещания, на их плохую работу. Но задача помочь в этой работе лежит на нас обоих — и на хозяйственниках, и на профсоюзах. Это—задача не только производственных совещаний не только профсоюзов, но и всей партии, это огромнейшая задача.

Есть ли в этой области достижения? Несомненно есть. У нас в Ленинграде в настоящее время вовлечено в производственные совещания 44 тысячи рабочих, при чем число рабочих от станка составляет 75%.

Приведу вам маленькую статистику предложений и процент выполнения. У меня имеются данные по четвертям года: октябрь—ноябрь—6 292 предложения. Проведено в жизнь 51%, в стадии проведения—27%, отклонено администрацией 6%. Я беру дальше: январь—март—6 255 предложений. Идут на одном уровне. Предложений проведено хозяйственниками 54%, в разработке — 31%, отклонено 5 — 7%. Апрель — июнь. Вот за что нас ругали, и надо было ругать не только нас, но и хозяйственников. В это время у нас в Ленинграде были особые вам известные специфические условия, обязывавшие нас заниматься другой, необходимой для партии работишкой. А тут еще отпускное время. В июле у нас предложения понизились: их было 5 439. Проведено в жизнь 48%, в стадии проведения 33%, отклонено администрацией 5,8%.

Товарищи, необходимо обратить внимание на процент предложений, находящихся в стадии разработки. Это чрезвычайно нервирует рабочих, ибо они сидят, обсуждают, спорят у себя в цехах, надумают что-нибудь, а их предложения лежат. Рабочие ждут ответа. Время проходит, и вопрос теряет всякое актуальное значение. Рабочие судят о своей работе в производственном совещании по результатам. Если спросишь рабочего, почему он не ходит, он вам ответит: «Все равно, что ни постановят, все отвергнут».

Внимание союзников и хозяйственников должно быть самым серьезным образом обращено на проведение в жизнь решений производственных совещаний. Это нам даст большие достижения в деле втягивания рабочих и действительного участия их в социалистическом строительстве.

Я, товарищи, еще хотел остановиться на вопросе нашей культурной работы. По этому поводу мы много говорили, много писали. Сейчас в Ленинграде по вопросу культурной работы мы подняли большую бучу. В нашей газете ежедневно появляются статьи рабкоров о том, как улучшить работу клубов. О том, что плохо работают клубы, что нет соответствующих помещений,— каждому известно. Тяжело работать. Вся территория клуба поделена. Я объездил несколько клубов и наблюдал такую картину: в одном углу один кружок занимается, в другой комнате—другой кружок, в третьей—собрание, внизу музыка дует или какой-нибудь барабан. Уюта в клубе, действительного отдыха для рабочего, куда бы он мог притти и отдохнуть, мы еще не создали. Мы поставили перед собой эту задачу и это дело двинули. Я думаю, что нашу культурно-просветительную работу в профессиональной работе нужно с задворков, с заднего плана вытащить. До сих пор мы уделяли очень мало внимания культурно-просветительной работе. Я просмотрел повестку обсужденных вопросов на наших конференциях и съездах. Характерно, что культурно-просветительные вопросы обсуждаются везде последними. Чрезвычайно большая тяга наблюдается у рабочих к учобе. Мы должны с нашей стороны сделать все, чтобы помочь рабочим в этом вопросе. Мы в Ленинграде открываем на средства профсоюзов рабочий вечерний университет. Один уже мы открыли, теперь открываем другой. Нам нужно было набрать всего 300, а прибыло к нам больше полуторы тысячи человек. Тяга очень большая, и в этой области мы должны пойти навстречу рабочим, и средства, которые у нас имеются, должны быть в бо̀льшей степени потрачены по этой линии.

Парочку слов относительно безработицы. В Ленинграде 160 000 безработных. У нас безработица растет, как и везде, за счет деревни. За последнее время у нас произведено сокращение на некоторых заводах; по металлической группе безработных имеется около 15—16 тысяч человек. Это квалифицированные рабочие, есть ленинградцы, которые и в голодовку там сидели, никуда не уезжая. Понятно, публика бузит. Мы принимаем ряд мер для того, чтобы обеспечить положение рабочих, но надо сказать, что, если мы наши средства будем тратить на всех безработных, ничего не выйдет. Надо поставить вопрос так, что-

бы определенные группы рабочих взять, им помогать, остальным, которые теперь идут в город, заявить прямо, что мы для вас на данной стадии развития нашего хозяйства сейчас никакой работы предоставить не можем. Мы регистрируем всех желающих регистрироваться. Мы нарегистрировали 160 000 безработных. Работы мы им дать не можем. Это загружает работу биржи. Безработные ходят по союзам и мешают и им работать. Надо принять ряд мероприятий, чтобы сузить эту безработицу, а это мы сделать можем.

Председательствующий. Поступило предложение о 10-минутном перерыве. Возражений нет? Нет. Объявляется перерыв на 10 минут.

Председательствующий. Заседание продолжается. Слово имеет т. Алексеева.

Алексеева. Товарищи, наш т. Рязанов так расходился, что под конец своей речи, можно сказать, ни за что, ни про что лягнул женотдел. Но стоило ли ему лягать женотдел? Мне думается, не стоило, потому что если т. Рязанов по своему собственному признанию строит себе флигель в том учреждении, где он работает, то в это время женотделки сидят на фабриках и бегают по многоэтажным лестницам, которые находятся на текстильных предприятиях. И если т. Рязанов говорит, что пускай женотделки не суют нос туда, где они мало понимают, то, к его сведению, я приведу маленькую цифирку, которая говорит о том, что если на предприятии было 46 работниц-женотделок, то теперь, с переходом на новую общесоюзную работу, в нашей Ивановской губернии 46 работниц осталось уже на органической работе в профсоюзах,—это доказывает, что они кое-чему научились.

Теперь я хочу остановиться на том вопросе, который сейчас абсолютно не модный, и, может быть, здесь и вы так же зашикаете на меня, как шикают иногда по этому вопросу на местах. Я хочу сказать, что если наши профсоюзы стоят уже по ту сторону той черты, которую наша партия отметила на XIV съезде, где говорится о том, что надо повернуть работу в сторону масс,—то, товарищи, все-таки наши профсоюзы многого кое-чего не доделали. Мне хочется сказать, что именно в области быта наши профсоюзы хранят гробовое молчание. Одна работница на собрании в Иваново-Вознесенске сказала, что наша страна сейчас похожа на большой дом, обставленный лесами. Он строится, товарищи, этот дом,—везде идет огромнейшее строительство, и те прения, которые развернулись здесь, на конференции, по докладу т. Рыкова, являются именно блестящим перевертыванием

страниц этого нового строительства. Так вот, товарищи, в тот момент, когда мы строим, мне думается, что у нас намечаются некоторые маленькие болезни, и эти болезни заключаются в том, что за теми лесами, которыми мы окружили наше строящееся здание, мы иногда забываем действительные, законченные формы строящегося здания. А забывать этого нельзя, потому что иначе мы никогда не построим этого здания. Я хочу сказать, что если мы сейчас все время говорим о том, что нужно строить жилища для рабочих, то где та линия профсоюзов, которая должна быть направлена на то, чтобы это строительство шло в сторону коммунизма? Ведь, товарищи, нельзя ожидать, что этот самый коммунизм ни с того, ни с сего, сам по себе построится. Я утверждаю, что коммунистическое направление нашей жизни, как и вообще все, само по себе не делается. Для того, чтобы поднять сельское хозяйство, наше государство дает крестьянству кредиты, и тогда его хозяйство подымается, но оно сейчас ничего не делает для того, чтобы немножко направить наш быт в надлежащую сторону. В Иваново-Вознесенске на женском профактиве выступила работница и сказала: «В новом жилище крепкие хорошие стены, в новом советском жилище не слыхать, как муж по-старому бьет работницу; и почему,—говорит она,—профсоюзы по этому вопросу не задумываются?». Вот, товарищи, тот голос снизу, тот голос с фабрик и заводов, который позвольте здесь привести по обязанности, какую должен выполнять каждый член партии. Я думаю, товарищи, что здесь в нашем жилищном строительстве должна быть взята новая линия. Не подумайте, что я хочу сказать что-то такое, что невозможно сделать. Я считаю, что больные вопросы быта в значительной степени будут изжиты только на основе самодеятельности масс. Но, товарищи, если мы хотим вызвать эту самодеятельность, то нам нужно хотя бы дать пример, дать образец, по которому эта самодеятельность может быть направлена.

Теперь, товарищи, я хочу остановиться на втором вопросе—это о массовой работе профсоюзов. Основная мысль, которая особенно авторитетно защищается профсоюзниками, заключается в том, что должна быть общая работа. Очень хорошо, но я хочу сказать, что толкование этой общей работы понимается по-разному. У нас на местах частенько бывает такое положение, когда под общей работой профсоюзники на местах понимают всякое отсутствие приспособления к отдельным группам членов профсоюза,—общая работа для слесаря, общая работа для подметальщика и общая работа для юноши-подростка. Вот как, товарищи, понимают этот вопрос на местах. А мы считаем, что

общая работа должна заключаться в том, чтобы ни та, ни другая часть не брала специальных функций по защите той или другой группы рабочих; общая работа должна заключаться в том, что весь фабрично-заводской комитет в целом сумеет найти формы, приспособиться ко всякой группе рабочих и в данном случае обслужить и наших работниц. Мы знакомы с такими фактами,—и вы их знаете, потому что они обсуждались на последнем заседании Всесоюзного съезда текстильщиков,—когда некоторые фабкомы умеют выбрасывать 20—30 тысяч на устройство цветников, на устройство оранжерей, но в то же время жалеют 60—70 рублей на организацию бытовых кружков работниц, таких бытовых кружков, которые дали за год в нашей Ивановской губернии 3 000 членов клуба. (Звонок председателя.) Я сейчас закончу.

Товарищи, мне хотелось бы еще остановиться на важном моменте—это относительно производственных совещаний. Мне кажется, что неправильно раздувать вопрос о контрольных комиссиях, которые создаются на предприятиях. Мы считаем, что производственные совещания имеют чрезвычайно важное значение в смысле производственного воспитания рабочих. Но мы дальше указываем на то, что даже в таких крупных центрах, в которых преобладают работницы,—и там работа в этой области ведется еще чрезвычайно слабо. Беда в том, что производственные совещания,—хотя в отчетах пишется, что они выполнили 75% требований рабочих,—на самом деле этого не выполнили. Мы считаем, что эта контрольная комиссия даст какой-то новый живой заряд этим производственным совещаниям. Надо обратить серьезное внимание на то, чтобы втягивать квалифицированную часть работниц в производственные совещания, для того чтобы оттуда выросли хозяйственники, которые не будут толстокожими.

Председательствующий. Слово имеет т. Лепсе.

Лепсе. Я, товарищи, хотел бы указать на неправильности в выступлении как нашего старого профессионалиста т. Рязанова, так и некоторых товарищей-хозяйственников. Мы не можем согласиться с такой постановкой вопроса, что профсоюзы должны заниматься только защитой интересов рабочих, а хозяйственники—управлять производством, избегая вмешательства со стороны профсоюзов. Такая постановка вопроса неправильна; это не партийная постановка вопроса.

Каждый раз при обсуждении вопроса о работе профессиональных организаций мы должны возвращаться к постановлению XI съезда партии о профсоюзах, где очень ясно и точно сформулирована задача профсоюзов в условиях диктатуры пролета-

риата. От этих формулировок мы ни в коем случае отступить не можем. В своей работе профсоюзы всегда должны уметь найти в требованиях рабочих часть справедливых требований, которые профсоюзы могут защищать в данной стадии развития промышленности. Надо уметь разъяснять рабочим, почему часть предъявленных требований не подходит, и что удовлетворение их при данных условиях может подорвать правильную работу заводов. Точно так же руководители наших хозяйственных органов не могут ставить вопрос, что наше де дело только управлять, а другими вопросами: в каких условиях живут рабочие, какова их заработная плата, каковы их жилищные условия, каковы условия охраны труда и т. д. и т. п., мы заниматься не будем. Пусть профсоюз де борется за это, а я буду от него защищаться. Такая постановка вопроса также неправильна. Если мы в повседневной нашей работе должны иметь твердо разграниченные функции: профсоюз есть орган, защищающий интересы рабочих, а хозяйственник—руководит промышленностью, то и профессионалисты и хозяйственники в своей повседневной работе всегда должны найти общие точки соприкосновения: например, в вопросе, как лучше поставить работу производства и улучшить условия труда, ибо только при правильном сочетании интересов рабочих и производства мы лучше и правильнее поставим дело нашего социалистического строительства. С уклонами, откуда бы они ни исходили: со стороны ли профсоюзов, понимающих свои задачи очень узко, доходя до цеховщины, или со стороны руководителей хозяйства, если свои задачи они не хотят понимать правильно, мы должны вести решительную борьбу. Здесь присутствует т. Степанов, Сергей Иванович, теперешний председатель Тульского губисполкома. Раньше он был директором одного из тульских заводов. Тов. Степанов был примером того, как коммунист-хозяйственник управляет заводом. Тов. Степанов при самых тяжелых условиях всегда находил время переговорить с профсоюзом по тому или иному вопросу. Тов. Степанов, будучи директором, всегда проявлял инициативу в вопросах жилстроительства, кооперации и пр. Умение подойти к вопросам производства создает здоровую атмосферу на заводе, укрепляет производственную дисциплину и поднимает производительность труда. У нас много хозяйственников, не понимающих этого, ставящих вопросы слишком узко, слишком односторонне; они создают конфликты, не видя больших вопросов на заводе, занимаясь мелочами. Есть случаи, когда, вследствие режима экономии, отменяется гудок на заводе. Многие рабочие не имеют часов. Чтобы своевременно притти на завод, рабочие пользовались гудком. даю-

щимся за полчаса. Отменили, ибо много пару расходуется. Был кипятильник. Рабочий отрывается от работы, идя за кипятком, поэтому—лишить его этого кипятильника. Был в Туле такой случай: устраивается экскурсия из специалистов и хозяйственников. Попали в Ленинград на один из ленинградских заводов по изготовлению текстильных машин. Узнали, что на ленинградском заводе рабочие работают по 6 разряду, а в Туле по 7-му. Приезжают обратно в Тулу, устраивают сейчас же заседание и говорят: «Товарищи, наша текстильная промышленность погибнет, если 20 рабочих из 7 разряда не переведем в 6 разряд». На этом получается 150 руб. экономии. Но на другой день рабочие узнают, что 150 руб. прибавлено специалистам. Может быть, специалистам и нужно было прибавить, но рабочие в недоумении: ведь им объяснили, что производство текстильных машин погибнет из-за 150 руб., а на следующий день эти же деньги отдали другим. Такие мелочи, такой неумелый подход к производственным вопросам едва ли могут гарантировать поднятие производительности труда. Поэтому со всеми такими мелочами, уклонами, извращениями мы должны повести решительную борьбу.

Следующий момент, на котором я хотел бы остановиться, это—производственные совещания. Я думаю, что этому вопросу не уделяется достаточного внимания. Цифры, которыми профорганизации располагают, говорят за то, что эта работа в низах принимает значительный и широкий размер и что эта работа имеет свои положительные стороны не только потому, что рабочий получает возможность больше вникать в процесс производства, но и потому, что целый ряд конкретных предложений, которые делают рабочие, получает свое осуществление. Но в этом вопросе есть и недостатки. Я приведу несколько цифр о росте числа участников этих производственных совещаний. В Ленинграде в апреле—июне 1925 года участвовало 30 260 чел., за те же месяцы 1926 года число рабочих, участвовавших в производственных совещаниях, дошло до 38 000 человек. Этот рост числа участников в производственных совещаниях в металлопромышленности наблюдается во всех районах. На 1 августа 1925 г.—18,5%, на 1 июля 1926 г.—20,6%, а дальше—21% всех рабочих принимают активное участие в работе производственных совещаний. То же самое можно было бы сказать относительно количества предложений, сделанных на производственных совещаниях. Растет также количество исполнений этих предложений. Но тут есть такое «но». Если, к примеру, на одном заводе количество предложений примем за 100, то 40—45%, в некоторых случаях 35%, этих предложений проводится; 7%, в некоторых случаях и

больше, признаются невозможными к проведению, а остальные остаются на будущее время. Это «будущее время»—самое опасное, ибо это «будущее время» попадает под сукно, и предложения, часто очень дельные, пропадают и не используются.

Предложение, отмеченное в тезисах т. Томского, относительно временных контрольных комиссий, в виде опыта на целом ряде наших заводов мы должны провести в жизнь. На особо крупных заводах рабочие, работающие в заводских производственных совещаниях, часто поднимают вопрос о том, что они не имеют возможности более широко, более всесторонне ознакомиться со всей работой завода.

Я хотел бы еще остановиться на вопросе о зарплате, но время у меня истекло. (Голоса с мест: «Дать еще пять минут».)

Председательствующий. Сколько нужно?

Лепсе. Минут 10.

Председательствующий. Нет, мы уже должны закончить. 5 минут.

Лепсе. Я хочу говорить о существующей системе построения зарплаты. Та система, которая у нас существует, создавалась во время военного коммунизма,—это наша 17-разрядная сетка. Она некоторым образом улучшилась за последние годы, но все же не соответствует тому действительному положению с зарплатой, которое мы имеем на заводах. Специалисты не тарифицируются по этой сетке, оплата конторского персонала идет с приплатами в виде премии и других надбавок, также оплата квалификации рабочих не вкладывается в существующую сетку. Фактически мы имеем на заводе не одну 17-разрядную сетку, а несколько. Вся существующая система оплаты и создает лишнюю работу в заводских конторах, и затрудняет усвоение системы зарплаты широкими рабочими массами. Инициаторами создания технико-нормировочных бюро на заводах являлись профсоюзы. Сейчас технико-нормировочные бюро развились и являются одним из основных аппаратов в управлении. Нужно сказать, что ничего нового в систему зарплаты ТНБ не внесли. Это их недочет. Эти аппараты довольно сильные, и они должны были перед профсоюзами поставить целый ряд вопросов об улучшении существующей системы зарплаты. Этого не было сделано. Поэтому профсоюзы должны поставить этот вопрос. Надо облегчить работу заводских контор, сделать нашу систему зарплаты более понятной для широких рабочих масс.

Ведь сейчас для производства месячного расчета рабочим в оплате труда учитывается до 10 элементов. Над вопросом построения системы оплаты труда необходимо серьезно призаду-

маться и внести необходимые исправления. В этом вопросе у представителей комсомола есть непонимание. Они считают, что если учеников выделить из существующей сетки, то от этого у них получится снижение зарплаты. Это совершенно неправильно, потому что и в ЦК металлистов и во всех других союзах вопрос не ставился в плоскости понижения заработной платы ученикам. Вопрос ставился о том, что ученики должны получить среднее увеличение, которое получат все рабочие. Вопрос ставился об упорядочении существующей системы заработной платы, т.-е. чтобы часть сдельного заработка, часть премии включить в тарифную сетку, сделать тарифную ставку рабочего более реальной. Если мы это введем, то гарантируем сдельный заработок премии. Если же мы введем ее в существующий тарифный разряд рабочих, то заработок по существу у него остается тот же, но тариф значительно изменится. Если мы оставим существующее соотношение, мы должны будем в очень многих случаях ученикам повысить заработную плату на 40, на 50%. На это промышленность в настоящее время итти не может. Поэтому такая постановка является неправильной.

Председательствующий. Слово имеет т. Москатов.

Москатов. Товарищи, основная директива XIV съезда партии по вопросу о роли профсоюзов, по-моему, партией и профорганизациями усвоена. Ряд товарищей отметил изъяны в проведении в жизнь директив партии. Мне кажется, что широчайшие рабочие массы подошли вплотную и принимают участие в развитии нашей промышленности, в деле индустриализации нашей страны и внимательно прислушиваются ко всем мероприятиям нашей партии. В имевших здесь место выступлениях некоторых представителей хозяйственных органов выявлялась линия, которая расходится с линией партии, намеченной на XIV съезде. Образчиком таких хозяйственников может служить выступивший здесь т. Теплов. Эти люди не могут уловить линию нашей партии. Здесь, по-моему, три типа хозяйственников. Первый тип, это—тот хозяйственник, который проводит свою линию на предприятии не на основе решений и директив партии, а по своему личному усмотрению. Другой тип, это—тот, который идет на всякие уступки профорганизациям в вопросе заключения коллективного договора и после заключения договора сам разрешает ряд вопросов: увеличивает норму выдачи спецодежды и т. д. Такой хозяйственник иногда наносит большой ущерб производству. Хозяйственник третьего типа,—по-моему, настоящий хозяйственник,—проводит линию партии: свою работу согласовывает с партийной ячейкой и профорганизациями, выступает на рабочих собраниях не только как

администратор, но и как общественник, как член партии, за которого партия, несомненно, отвечает. (Томский с места: «Правильно, правильно».) Вот такой хозяйственник ценен для всей партии.

Нужно, т. Томский, чтобы мы обратили также внимание и на другую сторону. Это—о хвостизме. Он проявляется не только у отсталых групп рабочих, лишь недавно влившихся в нашу крупную промышленность, но и у отдельных профработников. Такие работники не выступают перед рабочими и не говорят им прямо в лицо правду о том, что можно сделать и чего потому-то и потому-то нельзя сделать при данных условиях состояния производства. Они боятся потерять ненужный для партии дешевый авторитет. Они замазывают основную линию партии. С этим злом нужно вести решительную борьбу. Рабочий никогда не будет ругать того или иного работника, если этот работник, веря в творческие силы пролетариата, скажет рабочим о политике партии. Но не совсем плохо, если рабочий иногда тебя ругает за дело. Это, пожалуй, принесет только пользу.

В тезисах т. Томского в решительном тоне сказано о расценках, о бытовых условиях рабочих. Это все должно быть полностью выполнено. Я думаю, что нужно обратить внимание еще и на следующее. Года два-три тому назад партия выбросила лозунг: «внимание к мелочам». Мне кажется, что этот лозунг и сейчас должен быть нашей генеральной линией. Такие мелочи, как: кипяток, столовая, мыло в цеху и т. д., имеют большое значение в жизни рабочего. Все это связано с большим делом. Этого забывать нам нельзя.

Взять, хотя бы, проведение в жизнь режима экономии. Есть такие казусы, за которые виновников нужно привлечь к строжайшей ответственности. Я имею такой факт. На маслозаводе директор завода во время сезонной остановки на ремонт уволил рабочих. Прежде на этом же заводе рабочие прогуливали полтора-два месяца во время ремонта, получая средний заработок. Теперь же управляющий увольняет рабочих, оставляя двух-трех человек. Он набирает новых поденных рабочих и экономит 3 тысячи рублей. Директор записывает в книгах, что сэкономил три тысячи рублей.

Это извращение режима экономии, а не экономия.

Вот вам другой факт. У меня документ, на который нужно обратить внимание. Это — доклад ЦКК Украины на президиуме ЦКК ВКП(б) об итогах проведения режима экономии. На Таганрогско-Балтийском заводе сэкономили 50 тысяч рублей, по Таганрогско-Котельному заводу — 3 тысячи рублей. А мы на

пленуме окружного комитета партии также обсуждали вопрос об итогах режима экономии. Мы там установили другую картину. Вы знаете, каким образом, сэкономили эти средства? Балтийский завод уволил 250 человек. Если фонд заработной платы, к примеру, сто тысяч рублей, а после сокращения 250 человек стал 50 тысяч, значит 50 тысяч рублей «сэкономили». А уволенным рабочим выдали 3 000 рублей подъемных денег, которые были затребованы заводом. Мне кажется, что представленные цифры должны быть проверены, ибо они не соответствуют действительности.

Несколько слов о выдвижении. Хозяйственник к этому вопросу подходит, как «толстокожий». Вот вам один факт. Выдвинули одного токаря (правда, выдвинули не по назначению) брандмейстером на железную дорогу. Послали его на экзамен и спрашивают: «Что вы знаете по пожарному делу?»—«Ну, я знаю как паровоз поставить, кое с чем в этом деле знаком». Его спрашивают: «А сколько ниток в шланге?» Он отвечает, что он не текстильщик, а токарь. «Я могу вам сказать, сколько в соединительной гайке ниток. Что же касается количества ниток в шланге, я не знаю».—«Раз вы не знаете, говорят ему, так вы и не годитесь». Отослали «выдвиженца» обратно.

Последнее — о рабочем кредите, о котором здесь не говорилось. Этому вопросу нужно уделить особое внимание, потому что та линия, которая сейчас занята по вопросу о долгосрочном рабочем кредитовании, не всеми хозяйственными организациями принимается всерьез. Одни организации дают векселя, другие отказывают в них. И создается антагонизм между рабочими. Я думаю, что на это нужно обратить внимание.

Заканчивая, должен сказать, что, несмотря на все трудности и недочеты в нашей практике, генеральная линия нашей партии в профдвижении правильна. Все попытки объединенной оппозиции сбить нас с правильного пути не удались и впредь не будут иметь успеха. Решениями партии живут не только все партийцы, но и широкие беспартийные рабочие массы, которые не на словах, а на деле помогают нашей партии.

Председательствующий. Слово имеет т. Жуков.

Жуков. Товарищи, я хочу заострить ваше внимание на самых основных вопросах, которые здесь были выставлены и в тезисах т. Томского и в речах выступавших здесь ораторов. Из выступлений предыдущих товарищей получается, что у нас существуют две части: очень толстокожие хозяйственные органы—хозяйственники, и очень тонкокожие профсоюзники. Я считаю такую постановку неправильной, ошибочной, непартийной постановкой, не так вопрос стоит на деле, нельзя так ставить

вопрос. В самом деле, в любом хозяйственном органе есть ошибки и упущения, и впредь они, конечно, будут, но в меньшем количестве. Если говорить об ошибках, то разве в профсоюзах нет ошибок и недочетов? Нет, они есть. И если сравнивать, у кого их больше и у кого меньше,—то это еще вопрос спорный. Вопрос не в том, кто больше виноват и кто больше сделал ошибок, вопрос нужно ставить так, как эти ошибки быстрее и лучше изживать, как эти ошибки лучше излечить. Вот в чем вопрос. Это основной вопрос, и на него надо прямо отвечать. Можно ли ошибки или недочеты устранить беспрерывным нагромождением все новых и новых органов, или лучше улучшить те органы, которые существуют, помочь им наладить их работу? Я склоняюсь к последнему. Только что выступавший профсоюзник т. Угаров говорил: с хозяйственниками часто бывают нелады, но мы договариваемся, а дальше говорил, что в Ленинграде 51% предложений производственных совещаний выполнено, 26—25% выполняются, и только 6—7% отклонено. Что нужно сделать в этом вопросе? Я считаю, что здесь нужно сделать все, что от партии зависит, чтобы в отношении всех недочетов, которые не устранены и которые можно будет устранить, понудить, заставить их изжить. Так нужно ставить вопрос. Немыслима постановка т. Мельничанского, что этих толстокожих хозяйственников никак не прошибешь. Я не знаю за все время работы в партии, чтобы партия не могла справиться с любым «толстокожим». Таких случаев не было. Были случаи, что некоторые брыкались, когда с ними хотели справиться, но партия всегда справлялась с ними и будет справляться великолепно. (Мельничанский: «А как насчет колдоговоров и полотенец?».) Все эти вопросы о полотенцах и колдоговорах нужно и можно разрешить тогда, когда у нас с вами, т. Мельничанский, будет твердое и активное руководство со стороны партии и нами и вами,—только так можно ставить вопрос. Что вытекает из его постановки? Вот хозяйственник как будто пришел, сел и сам хозяйствует; и профсоюзник сам сел. А где же партия? (Голос с места: «А вы кто?».) Кто вас туда сажает? Кто вами руководит? Какие директивы вы выполняете? Кто должен за этим следить? (Мельничанский: «Партия говорила насчет полотенец?».) Так что постановка вопроса была сделана в корне неправильная.

Что нам сейчас предлагает т. Томский? Тов. Томский нам предлагает ко всем существующим ныне органам контроля создать еще новый контроль. (Голос с места: «Правильно! А сколько есть контролей?».) Я скажу, сколько «контролей». Так ли на самом деле обстоит дело, что нужно создавать новый контроль? Нет.

У нас «контролей» больше, чем нужно, по количеству, а по качеству очень мало. У нас одних ведомственных «контролей» можно насчитать два десятка.

Я предлагаю конкретно поставить вопрос о том, чтобы все существующие сейчас абсолютно ненужные контроли ликвидировать, а вместо них создать настоящий, твердый и реальный контроль, который бы имел плановость в работе и который бы серьезно занимался этим делом. От такого контроля может быть колоссальная польза делу, потому что если такой контролирующий орган выявляет все твои ошибки, указывает на них, ставит вопросы, ты знаешь, как эти ошибки можно и нужно исправить. А при теперешнем контроле, когда на одной неделе приезжают в одно и то же время три разных контроля, каждый думает по-разному, ни один ничего не скажет, что он проконтролировал, что он нашел такие-то ошибки,—не знаешь, как их исправить. Я предлагаю категорически поставить вопрос не об увеличении контроля, а о сокращении и улучшении его. Я бы поставил даже глубже вопрос: может быть, следует придать ему больше прав, чем он сегодня имеет. А привлечь рабочие массы к делу управления предприятием можно при помощи углубления, улучшения и расширения работы производственных совещаний или производственных комиссий. Можно это сделать. Вот т. Угаров оглашал цифры, сколько в Ленинграде привлечено рабочих к производственным совещаниям. Цифра солидная. Может быть, нужно ее в несколько раз увеличить, еще больше привлечь из рабочего актива в работу производственных совещаний, чтобы те болячки, которые там есть, каждый день выявлялись и исправлялись, а тут нам предлагают создать еще новый контроль! Это—несерьезная постановка. Я предлагаю уменьшить количество контроля, но улучшить его по качеству.

Председательствующий. Слово имеет т. Ломинадзе.

Ломинадзе. Товарищи, мне предоставлено десять минут, и я поэтому остановлюсь коротко только на двух вопросах. Прежде всего о контрольных комиссиях. Я считаю, что дискуссия о контрольных комиссиях имеет очень большое политическое значение и что этот вопрос следовало бы рассматривать, в первую очередь, с политической стороны, чего никто, кроме т. Рязанова, между прочим не сделал. Те возражения, которые все товарищи, кроме т. Рязанова, выдвигают против контрольных комиссий,—эти возражения сводятся главным образом к тому, что мы имеем изобилие контролирующих органов, а к ним добавляется еще новая форма контроля. Но эти возражения отпадают просто хотя бы потому, что в своем докладе т. Рыков указал на необходи-

мость сокращения контроля, и в этом духе, очевидно, будут приняты и решения. Контролирующие инстанции, которые обследуют производство сверху, могут быть очень просто сокращены. Это не такая трудная задача.

Но характерно, что выступления товарищей хозяйственников направлены главным образом против контроля снизу, против того единственного контроля, в котором будут принимать участие рабочие массы. Мне кажется, эту форму контроля, конечно, в соединении и под руководством государственного контроля (об этом я буду говорить дальше) надо предпочесть всем остальным формам; при этом совершенно свободно можно было бы ликвидировать тот список контролирующих органов (их десять—одиннадцать), который оглашался т. Рыковым, а оставить рабоче-крестьянскую инспекцию плюс эти рабочие контрольные органы в низах.

Я хотел бы сказать несколько слов по вопросу о ЦКК. По моему мнению, выступавший здесь, кажется единственный, представитель ЦКК т. Семков неверно понимает задачи ЦКК, когда выступает против этого предложения профсоюзов. Если у нас Контрольная Комиссия и Рабоче-Крестьянская Инспекция хотят действительно пойти по тому пути и дойти до той цели, которая была поставлена т. Лениным, то, по-моему, никакого иного пути, кроме вовлечения рабочих через профсоюзы в дело контроля над производством, в дело контроля над работой хозяйственников, не может быть. Возьмите работу РКИ. Тов. Ленин еще в 1923 г. писал, что нам надо «задаться целью через несколько лет выработать учреждение, которое, во-первых, должно быть образцовым, во-вторых, должно внушать всем безусловное доверие и, в-третьих, доказать всякому и каждому, что мы действительно оправдали работу такого высокого учреждения, как ЦКК». Товарищи, приблизилась ли наша Рабоче-Крестьянская Инспекция к этой цели? По моему мнению, она стоит от нее еще довольно далеко. Но так как сегодня вопрос о ЦКК не обсуждается, я больше не буду об этом говорить. Мне думается, что один из важнейших путей развития Рабоче-Крестьянской Инспекции и КК должен лежать по линии вовлечения рабочих, выбираемых в низах, в такие органы, как контрольные комиссии. Поэтому мне кажется, что нужно полностью принять то предложение, которое выдвигают профсоюзы, и, может быть, даже несколько точнее его формулировать. Я боюсь, что та оговорка, которая содержится в тезисах т. Томского, оговорка, что ВЦСПС поручается определить точно функции контрольных комиссий, будет служить тому, что под таким натиском, который мы имели на

этой конференции, будут сделаны некоторые уступочки, и роль рабочих контрольных комиссий будет сведена на-нет.

Единственное политическое возражение, которое мы здесь слышали, было сделано т. Рязановым. В чем заключается это возражение? У т. Рязанова последовательная линия в вопросах профдвижения. Он находит, что при диктатуре пролетариата задачи профсоюзов не меняются по сравнению с теми, которые стояли перед союзами до завоевания власти пролетариатом. Если проследить выступления т. Рязанова по вопросам профдвижения в течение последних 6—7 лет, то они всегда сводятся к этому. Т. Рязанов, формально признавая необходимость участия профсоюзов в организации производства, на деле сводит его на-нет, отрицая необходимость контроля рабочих. Контроль нужен, контроль пролетарской диктатуры,—говорит т. Рязанов, — осуществляемый через органы государства. А если эти органы бюрократические, если контроль пролетарской диктатуры превращается в контроль бюрократических органов, а это иллюстрируется всеми данными, которые мы имеем, то достаточен ли, правилен ли такой контроль или нет? Нужно, или не нужно выдвинуть новую форму контроля, которая лучше всего обеспечила бы от бюрократизма? Разве пролетарской диктатуре противоречит участие широких рабочих низов в этом контроле? Ни в коем случае. Тов. Рязанов, защищая свою последовательную точку зрения, что задача профсоюзов не меняется при диктатуре пролетариата, пришел к той крайности, которую отстаивают и товарищи хозяйственники, подходившие совсем с другого конца к этому вопросу. И, по-моему, то, что в этом вопросе сошлись две крайности, является лучшим доказательством неправильности этой позиции.

Перехожу к другому вопросу, поднятому здесь. Я считаю, что вопросы, поставленные молодежью, имеют большое политическое значение. Пару слов т. Рязанову и по этому поводу. Тов. Рязанов говорил, что мы засиделись в мальчиках, я и Матвеев. Мне действительно приходится соприкасаться с комсомолом, потому что я поставлен партией на такую работу. Но т. Рязанов, судя по некоторым чертам его характера, засиделся даже не в комсомоле, а, пожалуй, в пионерах. Конечно, очень приятно его слушать, очень приятно послушать его остроты, но от этого сам факт не меняется.

Я хочу сказать несколько слов по вопросу о приеме молодежи в профсоюзы.

За два дня до конференции ВЦСПС большинством пяти голосов против 4 постановляет изменить условия приема молодежи в профсоюзы и принимать не с 14 лет, а только с 16 лет. Во-

первых, на каком основании такое постановление принимается за два дня до конференции? Оно должно быть поставлено на обсуждение конференции. Почему принималось это постановление ВЦСПС, когда по этому вопросу нет никаких партийных решений? Комсомол протестовал против этого постановления и совершенно законно. Несмотря на это, через два дня постановление было опубликовано в газете.

Здесь уже говорили о том, что это постановление может повлиять на усиление хулиганства. Но не надо забывать и о том, какое значение это будет иметь для иностранных партий, какое это имеет международное значение. Все делегаты иностранных партий, находящиеся здесь, выражают удивление по поводу постановления. Здесь присутствуют представители германской партии, тт. Гешкэ, Реммеле и др., которые рассказывали мне, как в десятом — одиннадцатом годах им приходилось вместе с Либкнехтом вести борьбу за то, чтобы облегчить всей пролетарской молодежи, занятой в производстве, доступ в профсоюзы. Нигде на Западе рабочие не поймут этого решения ВЦСПС. Сейчас коммунистические партии и профессиональные союзы всюду ведут усиленную борьбу за совершенно свободный доступ занятой в производстве молодежи в профсоюзы. А ведь они с нас берут пример. Что будут они говорить, если мы примем постановление, ограничивающее доступ рабочей молодежи в профсоюзы? Сейчас единственная страна—Америка, где совершенно прекращен доступ молодежи до 21 года в союзы. Неужели нам нужно брать пример с Америки и подражать в этом отношении Американской федерации труда.

В других странах, даже в Англии, в настоящее время удалось уже добиться совершенно свободного доступа молодежи в профсоюзы.

Я не говорю уже о том, как такое решение отразится на сотнях тысяч той молодежи, которая будет втянута в ближайшие месяцы и годы в кустарную промышленность, в сельское хозяйство и даже в нашу государственную промышленность.

Здесь выступал т. Догадов и заявлял, что мы не можем у себя в профсоюзах иметь неполноправных членов союзов. И на этом основании он лишает всяких прав сотни тысяч молодежи, которая подвергается эксплоатации в частных предприятиях, а в государственных предприятиях не будет чувствовать себя членами семьи рабочего класса. Нельзя этого делать! Поэтому я считаю совершенно правильным требование комсомола, чтобы это постановление было отменено конференцией. Это решение не делает

чести ВЦСПС, оно вынесено им впопыхах, наспех и не спросясь партии.

Председательствующий. Слово имеет т. Вейнберг.

Вейнберг. Товарищи, мне хотелось бы обратить внимание конференции на один важный вопрос, который сейчас стоит в порядке дня работы профсоюзов—на вопрос о работе общих и делегатских собраний рабочих на предприятии. Мы сделали только первый, довольно серьезный шаг по пути осуществления союзной демократии. Мы проводим выборы союзных органов довольно демократическим способом. Но мы стоим сейчас перед новым вопросом: недостаточно предоставить рабочим возможность демократически выбирать своих представителей,—для того, чтобы активность рабочего класса использовать максимальным и лучшим образом, нужно дать возможность общим и делегатским собраниям рабочих обсуждать и решать те вопросы профессиональной жизни, которые их интересуют.

Это сейчас является одним из главнейших вопросов нашей профсоюзной работы, и этого нужно добиваться прежде всего тем способом, чтобы на этих собраниях ставить наиболее волнующие рабочих вопросы. Во-вторых, нужно добиваться, чтобы собрания не затягивались, чтобы докладчики не делали двухчасовых докладов, нужно сделать собрания более живыми, чтобы рабочие могли в них принимать активное участие.

Второй вопрос, на котором, за краткостью времени, я не могу подробно останавливаться, это—о взаимоотношениях низовых партийных и профессиональных организаций. Нам нужно добиться того, чтобы такие отрицательные явления, которые еще местами имеются, когда бюро ячейки или секретарь ячейки заменяет фабзавкомы, были устранены.

Зачастую бывает так, что когда на заводских профсоюзных собраниях и конференциях профсоюз или завком отчитывается перед рабочими, то вместо союза и завкома выступает секретарь ячейки, и получается чрезмерное выпячивание партруководства. Это бывает и при разборе конфликтов по зарплате. Таким образом, партийные организации до некоторой степени заменяют собою организацию профсоюзную. Это явление уже в значительной степени изжито, но и в дальнейшем наша задача состоит в том, чтобы там, где это до сих пор еще наблюдается, также его изжить. Задача состоит в том, чтобы профсоюзы больше связывались с рабочими массами и чтобы те меры, которые могут быть проведены в жизнь по улучшению положения рабочих, чтобы эти меры проводились через профсоюзы.

Несколько слов по вопросу о производственных совещаниях. Здесь уже приводились данные о работе производственных совещаний в Ленинграде. Я должен сказать, что в Ленинграде мы, на-ряду с большими достижениями в этой области работы, имеем и слабые места. Здесь выступали хозяйственники, в частности ленинградские, которые не решались открыто выступить против производственных совещаний. Но посмотрите, что на практике получается в работе производственных совещаний? Возьмем важнейший момент—о выполнении предложений рабочих. Я должен сказать, что в Ленинграде процент выполнения предложений все время падает, равным образом падает процент премирования рабочих за изобретения. Я бы мог здесь огласить цифры о тех премиях, которые были даны рабочим по изобретениям. Я должен сказать, что эти цифры до курьеза падают. Вы знаете, как щедро раздаются у нас всякие тантьемы, командировочные, наградные, спецставки и проч. А вот если взять внесенные рабочими предложения, число которых за 2-й квартал 1926 года почти равняется 6 тысячам, то увидим, что только 89 предложений было принято и премии за них составили всего 8 тыс. рублей, так что на каждое предложение падает премия в 90 рублей. Из того огромного количества предложений, которые принесли огромную пользу предприятиям, у нас учтено в деньгах только 5% всех проведенных за последний квартал предложений. И эти 5% принятых и проведенных предложений принесли пользу в 40 тыс. рублей. И даже эти 5% (216) предложений не все премированы. Отсюда мы получаем такую картину, что интерес рабочих к производственным совещаниям падает.

Здесь много говорили о том, нужны ли контрольные комиссии. Товарищи, ни один хозяйственник не поставил перед собой вопроса о том, как рабочие относятся к работе производственных совещаний и комиссий. Целый ряд рабочих сплошь и рядом сейчас говорят, что ничего из наших предложений не выходит. Они указывают на то, что их предложения не проводятся в жизнь, и что поэтому интерес к производственным совещаниям падает. Если мы хотим оживить эти производственные совещания и больше привлечь на них рабочих, то, естественно, встает задача доказать рабочим, что они могут проверять, как хозяйственники проводят в жизнь их предложения, а также, как проводятся общие планы в жизнь. Я говорил со многими хозяйственниками в кулуарах, никто из них не отрицает того, что в конце концов получится польза от этого контроля. Они не могут скрыть того, что когда рабочие выдвигают те или иные предложения, то при осуществлении предложений рабочих почти всегда получается

реальная польза. Но эти же хозяйственники по какой-то инерции все же спорят против контрольных комиссий.

Я хочу добавить следующее. У нас Ленинградский совет проводит практику такого рода: прежде чем тот или иной доклад ставится на обсуждение президиума исполкома или совета, рабочие—члены Ленинградского совета обследуют, проверяют, вносят ряд своих предложений, проверяют работу трестов и предприятий, работу того или иного учреждения. Мы можем от такой работы констатировать только пользу. Я думаю, что поэтому не приходится спорить против работы будущих контрольных комиссий.

Несколько слов относительно заработной платы. За недостатком времени я не могу долго останавливаться на этом вопросе. У нас в области политики цен дело обстоит очень и очень неблагополучно. Мы имели обычное летнее снижение цен, а сейчас опять начинается повышение. Нам нужно в резолюции отметить тот момент, что надо с еще большей энергией усилить работу по снижению цен, иначе мы будем стоять перед серьезными затруднениями, и те мероприятия, которые партия сейчас принимает для поднятия заработной платы отсталых групп, сойдут на-нет. Нужен еще больший нажим и на кооперацию и на госорганы в смысле снижения цен.

Мне бы хотелось еще коротко остановиться на вопросе о молодежи. Я должен сказать, что в отношении молодежи и заработной платы молодежи, может быть, придется кое-что пересмотреть. Я думаю, что профсоюзам не нужно занимать ту позицию по отношению к молодежи, которая дает возможность хозяйственникам сидеть спокойно, потому что союзы де защищают интересы молодежи. При общем повышении заработной платы нужно учесть и интересы молодежи. Но молодежь неправа, когда она неправильно подходит к вопросу об ученичестве, оспаривает методы работы ЦИТ'а. Нужно сказать, что и фабзавуч должен теперь применять эту методику. Комсомол это признает, и поэтому неправилен здесь подход т. Матвеева, который шельмует методику ЦИТ'а, показавшую себя в деле рациональной подготовки квалифицированной рабочей силы.

Председательствующий. Товарищи, президиум предлагает следующий порядок работ конференции: сейчас прения прекратить, дать заключительное слово т. Томскому, а затем вечернего заседания не устраивать и посвятить вечернее время для работы комиссий. Завтра не работать, а в понедельник начать с доклада т. Сталина. (Голоса: «Правильно».) Разрешите считать предложение принятым. Заключительное слово имеет т. Томский. (Аплодисменты.)

Томский. Товарищи, когда Секретариат предварительно сообщил мне, что намерен предложить Политбюро ЦК поставить в порядке дня конференции вопрос о профсоюзах, я первое время колебался, нужно ли ставить на конференции этот вопрос, или нет. Я даже пытался возражать, думая, что за внутрипартийными спорами, когда самым острым вопросом является вопрос об оппозиции, вопрос о профсоюзах пройдет незамеченным совершенно, и этому большому вопросу, чрезвычайной и политической и практической важности, не будет уделено достаточно внимания со стороны партийной конференции. Я должен теперь покаяться, что я ошибся. Я не ожидал, что на конференции этот вопрос пройдет так живо, при чем некоторое оживление здесь, несомненно, внесли товарищи-хозяйственники.

Я прежде всего извиняюсь перед товарищами, что на целый ряд разнообразных записок практического характера по отдельным вопросам профсоюзной работы отвечать не могу. Ответ на вопросы практического характера, которые для всей конференции будут мало интересны, можно получить в ВЦСПС. Лишь одна записка носит общеполитический характер, она спрашивает: есть ли учет растратчиков-женщин, и какой процент их? Должен сказать, что в этом деле женщины страшно отстают (смех, аплодисменты), их почти не видно в рядах активных растратчиков. (Смех.)

Теперь я перехожу к затронутым в прениях отдельным, частным вопросам, а потом к общим. Некоторые товарищи, т. Беленький и другие, затрагивали вопрос об организационных перспективах профсоюзов, по которому был предварительный обмен мнений на президиуме ВЦСПС. Вопрос об организационных перспективах профсоюзов является весьма спорным, весьма специальным вопросом, и он будет обсуждаться на предстоящем Всесоюзном съезде профсоюзов. Поэтому я его не коснулся, как не коснулся и многих других вопросов. Меня здесь упрекают в том, что я много кое-чего в своих тезисах, а равно и в докладе не отметил. Действительно, я не писал в тезисах о задачах профсоюзов в области организационной, национальной, тарифной, о деталях работы среди молодежи; много кое-чего не сказано в моих тезисах или слишком мало сказано, как, например, о культурно-просветительной работе и т. д., и т. д., ибо, товарищи, нельзя же, касаясь вопроса о профсоюзах, каждый раз касаться всех отраслей и деталей профсоюзной работы; мы не ставили вопроса о задачах профсоюзов вообще, а остановили внимание на наиболее важных, на наиболее злободневных вопросах. Поэтому и на вопросе о наших методах регулирования заработной платы, поднятом

т. Л. Гинзбургом, я не стану останавливаться и не стану на него отвечать, хотя считаю, что кое в чем т. Гинзбург ошибается. Об этом мы поговорим на ближайшем съезде профсоюзов.

Коротко остановлюсь на вопросе, затронутом т. Полонским. Тов. Полонский выражает опасение по поводу того, что на-ряду с несомненными здоровыми успехами профсоюзов может наметиться опасность отрыва профсоюзов от партийных комитетов, особенно в области демократии и в области зарплаты. Я думаю, т. Полонский, что в настоящий момент такой опасности, тем более в Москве, не замечается. Существует другая опасность: опасность мелочной опеки, когда каждая мелочь, каждый мелочной вопросик,—выдача рукавиц и т. п.,—проходит иногда через парторганизации. И тогда справедливо говорят: а что же делать профсоюзам, если вопрос о выдаче рукавиц обсуждается партийным комитетом? Вот как стоит вопрос.

Выдвигался вопрос относительно прогулов. Ставили этот вопрос целый ряд хозяйственников, Томский де и не коснулся его. В тезисах довольно обстоятельно об этом сказано, и я в начале своего доклада оговорился, что многого, что есть в тезисах, я касаться не буду, не буду касаться того, что является очевидным, а таковым является, например, вопрос о прогулах. С прогулами мы боролись, боремся и вместе с вами будем бороться с ними и впредь. Но давайте условимся, что такое прогулы и как с ними бороться. Когда вы говорите о прогулах по неуважительным причинам, то имейте в виду, что иногда прогулы по неуважительным причинам происходят благодаря несовершенству нашего государственного аппарата. Вот, например, особый вид прогулов по уважительным причинам: сына или дочку нужно в школу устроить, — тратится 4—5 дней. Рабочий пошлет жену, она толку не добьется, и приходится ему бросать производство, терпеть выговоры и шататься по бестолковым учреждениям, чтобы устроить ребенка в школу.

Так происходят прогулы благодаря волоките и благодаря недостатку начальных школ; последнее особенно остро ощущается в Донбассе. И когда здесь товарищи-комсомольцы рассказывают о школах фабзавуча, о необходимости политехнического, универсального образования,—все это правильно. Но вот одна маленькая подробность: 25% детей рабочих по целому ряду районов не могут получить начального обучения, а потом, когда они вырастут, мы в порядке профессиональной работы будем их обучать и вести это обучение как борьбу с неграмотностью. Вот

как дело обстоит. Зачем же мы будем рисовать перед собой хрустальные замки, закрывая глаза на реальную действительность? Пусть кто-нибудь опровергнет, что в Донбассе или, например, у нас в средней России до 15% детей рабочих не могут найти места в школе для начального обучения. Никто не оспорит этого.

Вы сами знаете, сколько времени нужно употребить на то, чтобы получить квартиру рабочему. Попробуйте переехать с квартиры на квартиру: сколько времени нужно затратить в Муни и т. д. (Голос: «Не меньше недели».) Эти прогулы, они тоже ложатся балластом на промышленность, но здесь борьба должна главным образом итти по линии улучшения нашего госаппарата.

О дисциплине, дескать, Томский не сказал. Неужели вы на самом деле можете кого-нибудь из нас, профсоюзников, упрекнуть, что профсоюз когда-нибудь, где-нибудь не поддержал хозяйственников в деле установления трудовой пролетарской дисциплины? Неправда, не было этого. Теперь, когда выступают товарищи и говорят, что в борьбе с прогулами, в борьбе за дисциплину нужно пересмотреть правила внутреннего распорядка, я говорю: не в правилах внутреннего распорядка дело, а в том, что вы этими правилами не умеете пользоваться. Я утверждаю, что большинство лучших хозяйственников не применяет правил внутреннего распорядка, как не умеет пользоваться своими правами и в ряде других случаев. Когда говорят—обострились отношения,—это вызывается часто неумением использовать свои права.

Я хочу сказать несколько слов т. Угланову, который сделал неверное заключение из того, что профсоюзники мало выступали по докладу т. Рыкова. Выступил один т. Фигатнер, и из этого т. Угланов делает такое смелое заключение, что профсоюзники не интересуются хозяйственными вопросами. Это немного смело сказано. По-моему, это вытекает из другого,—профсоюзники вообще не ораторы. (Смех, шум. Тов. Косиор: «ну-ну!».) Особенно они не любят говорить тогда, когда они не имеют сказать чего-нибудь нового. Основные предложения в тезисах т. Рыкова всем профессионалистам давным-давно известны, никаких разногласий с т. Рыковым нет, выдумывать не хотим, развивать эти предложения после его обширного доклада дополнительно—это значит зря тратить время и собственное и конференции. Если поговорить наедине с любым из профессионалистов, он скажет: хотел записаться, думал выступить, а потом думаю—о чем спорить,—не о чем, все правильно, выдумывать неохота, развивать то, что уже сказано,—лучше не стоит. И второе положение, выдвинутое т. Углановым, это—о треугольнике, о треугольнике

незыблемом, необходимом и т. д. Мы говорим в данном случае с т. Углановым о разных вещах. Тов. Угланов обосновывает свое понятие о треугольнике так, что у нас де нет и не должно быть чего-то оторванного от единой коммунистической партии, от единого рабочего класса, осуществляющего диктатуру пролетариата, нет разорванного: один—хозяйственник, другой—профессионалист, третий—партиец и т. д. Правда, все мы—партийцы, все мы делаем одно и то же дело, и профессионалисты никогда не отрицали того, что хозяйственник делает общее партийное дело. Но мешать все это вместе, как в данном случае мешает т. Угланов, не следует. Будет дело дрянь, когда мы треугольник устроим, в этом треугольнике концы с концами соприкоснем крепко, а в середине треугольника пустота получится,—вдруг получится, что о состоянии рабочей массы треугольник и не знает. Таких треугольников нам не нужно. На самом же деле у нас не треугольник, а многогранная фигура, где все вместе представляет ВКП. Вот в чем дело. Так что старый треугольник давайте не перестраивать.

Товарищи-хозяйственники так поставили вопрос, что будто бы их всех осуждают, в чем-то обвиняют, показывают их недостатки, а о профсоюзных недостатках не говорят. Но кто же это делает? Недостатков у профсоюзов много,—говорили мы об этом тысячу раз. Нужно будет,—еще сто тысяч раз скажем. И кто, товарищи, больше, чем ваш покорный слуга, говорил о недостатках профсоюзов, подчеркивая их на самых больших партийных и беспартийных рабочих собраниях! Где это было, чтобы мы скрывали, прятали свои недостатки? Кто осмелится говорить, что в профсоюзах все хорошо, что нет бюрократизма, что у профессионалистов не проявляется иногда самодурство, которое есть у хозяйственников? Разве всего этого нет у профсоюзов? Нет у других наших органов? Везде это есть. Курьезов, недостатков, извращений, ошибок,—всего этого достаточно, но не в этом дело. Сейчас речь идет о новых формах, о новых методах вовлечения широких рабочих масс в социалистическое строительство. Вот о чем надо подумать.

Тут выступал т. Михайлов и говорил о трудности положения хозяйственника; говорил, по-моему, много неверного, ошибочного, неправильного, но я ни на минуту не усомнился в искренности т. Михайлова. Конечно, трудная работа, но кто же это отрицает? Роль хозяйственника мы никогда не забываем и никогда не думаем ее принижать. Хозяйственник, как глаз государства, как приказчик рабочего класса, поставленный рабочим классом на определенную работу, выполняет труднейшую задачу. Он обязан в интересах рабочего класса добиваться безубыточности, прибыльно-

сти, развития, расширения предприятия, бороться с цеховыми и групповыми предрассудками рабочих. Мы ни на минуту не забываем высокой роли хозяйственника, не забываем, что это трудная работа. Сложность ее усугубляется также тем, что хозяйственник-коммунист в торговом и хозяйственном аппарате работает в окружении ближайших помощников, специалистов, далеко еще не проникнутых пролетарской психологией. Через них он осуществляет свои задачи. Он невольно выступает порой перед глазами беспартийных широких масс рабочих в видимом блоке со специалистами, опираясь на специалистов, на некоммунистический элемент, не проникнутый пролетарской психологией и на 50% не понимающий ни структуры советского государства, ни задач общей политики партии; с этими специалистами он должен выступать и через них осуществлять задачу, поставленную перед ним партией и рабочим классом. Отсюда—опасность его положения: находясь в этом окружении, он забывается иногда и начинает говорить таким тоном, каким не надо говорить советскому, коммунистическому хозяйственнику. Когда мы его поправляем, то нельзя вопрос рассматривать так: раз выступают Томский, Догадов, значит—это профессионалисты на нас нападают,—нельзя так подходить. Мы ни на минуту не хотим и не думаем принижать, ослаблять насколько-нибудь авторитет и влияние хозяйственников, так как трудность их работы мы прекрасно понимаем. Дело заключается в том, что когда говорят по одному из основных вопросов, по вопросу о так называемых контрольных комиссиях, выдвинутых в тезисах по моему докладу, одобренных Политбюро, то многие товарищи-хозяйственники обнаруживают здесь, что они не поняли самой его постановки. О чем они говорили, вместе с т. Рязановым? Они свели этот вопрос к аппаратному вопросу. (С места: «Правильно!».) Дескать, как будто аппарата контроля недостаточно,—вот Томский с профессионалистами выдумали еще новый аппарат контроля. Да ведь суть дела не в этом. Дело идет не об аппарате контроля, а дело идет о том, что в обстановке диктатуры пролетариата рабочий класс, руководимый коммунистической партией, идя к социализму, должен выделять из своей среды тысячи и десятки тысяч рабочих, подготавливать их к овладению государственным аппаратом, еще весьма бюрократичным и плохо устроенным, в котором много еще чуждых элементов, и в первую очередь необходимо эти десятки тысяч рабочих обучать управлению и руководству хозяйством. Должны ли мы это делать? Я думаю, что при такой постановке вопроса и т. Жуков, и т. Теплов, который так неудачно здесь дебютировал, т. Михайлов и все другие скажут: да, это так,—

и решительно отмежуются от теории: «на выстрел не подпускать профсоюзы к управлению производством», ибо это—не ленинская теория. Давайте вот с этого конца подходить. Производственные совещания являются методом воспитания, формой воспитания, вовлечения рабочих в дело строительства социализма.

Я уверен, товарищи-хозяйственники, несмотря на то, что есть отдельные лица, которые ошибаются, заблуждаются, немножко отрываются от рабочей массы, не оглядываются, не согласуют своей линии с общеполитической линией партии, берут иногда неподходящий тон, как т. Теплов на этой конференции,—я уверен, что в общем и целом у товарищей-хозяйственников нет сомнения в том, что при диктатуре пролетариата поднимать хозяйство, строить социализм без вовлечения рабочего класса в это строительство нельзя. Вот вы и подойдите к этому вопросу так, а не с точки зрения, создавать или не создавать лишний аппарат контроля. Вопрос нужно поставить не так, что это есть недоверие хозяйственникам. Не в этом дело. Поставьте вопрос, идет ли это на выполнение поставленной задачи—поднятия интереса рабочей массы к производственным совещаниям, большего доверия к ним и к самим хозяйственным органам. Вот о чем идет речь. А вы свели вопрос к аппарату контроля. Вы, вот, т. Звездов, жалуетесь, что очень часто вас отвлекают всякие собрания, производственные совещания, доклады, а теперь новую обузу еще, мол, вешают на шею и т. д. Да ведь этим вы и отличаетесь, красные, коммунистические директора, от буржуазных директоров, что вы—общественники, вы—свои люди, вы не только хозяева, не только технические руководители, но и приказчики рабочего класса, общественники, подотчетные рабочему классу. В частном разговоре со мной т. Звездов косвенно затронул вопрос о выдвиженчестве,—прямо он не решился его поставить. Выдвиженчество,—говорил т. Звездов,—это так себе, пустячки: если человек способный, так его не нужно выдвигать, он сам себя выдвинет, я ведь, дескать, сам себя выдвинул. (Смех.) Тогда я его спросил: а ты в старой армии кем был?—Рядовым. Почему же ты там бригадным не стал, почему директором правления тебя тогда не сделали? Если, товарищи, подходить с точки зрения делячества,—извините, не в обиду вам будь сказано,—мы бы давным-давно директоров текстильных предприятий выписали из-за границы, из Англии. Когда я это в частной беседе сказал, т. Звездов мне возразил: ни один буржуазный специалист в наших условиях ничего не поймет. Вот поэтому-то мы и ставим вас—старых рабочих, старых партийцев, потому что вы понимаете все это. Мало ли вам что иногда мещает. (Смех.) А вы думаете

нам, профессионалистам, ничего не мешает? Многое кое-что мешает. Когда вы другой раз сгоряча забываете, что нужно с тем-то и с тем-то поговорить, поговорить с рабочей массой, объяснить им и т. д., когда вы это забываете и двинете что-нибудь, а потом начинаете, по самолюбию, упираться, приходится итти в партийный комитет, в ЦКК, согласовывать.

Товарищи-хозяйственники говорят нам: контроль обеспечен, РКК контролирует, производственное совещание контролирует, а теперь еще выдумывают контрольные комиссии. Давно ли, однако, хозяйственники спорили со мною, когда я сказал, что в советском государстве нет и не может быть коммерческой тайны от рабочих. Раздавались голоса: как это может быть, никак это невозможно. ЦК поддержал мое положение: да, не может быть коммерческой тайны от рабочих. Ну, и что от этого пострадало? Ничего не пострадало. Да и фактически нет никакой коммерческой тайны,—то, что вы знаете, давным-давно все знают. (Смех.) Вот, говорят, РКК контролирует, да ведь это же неверно, на самом деле этого нет. Мы поддерживаем и будем поддерживать хозяйственников, будем поправлять их ошибки и должны их поправлять, как поправляют и наши ошибки. В данном вопросе вы подошли не с политическими соображениями, вы подошли с точки зрения дельцов: я хочу управлять так, как мне удобнее и проще. Контрольные комиссии, конечно, усложняют управление. А производственные совещания усложняют? Усложняют. А РКК усложняет? Усложняет. Некоторые говорят: они и так много на себя взяли—расценки намечают и т. д. Расценочно-конфликтная комиссия есть паритетный орган. В последнее время у представителей хозорганов, у наших директоров-хозяйственников появилась дурная манера—посылать в эти комиссии не лучших людей, а посылать туда мелких людей, у которых нет духа самостоятельно решать вопрос. Поэтому они просто по всем вопросам не соглашаются. Не соглашаются, ну и, конечно, вопрос переносится в примирительную камеру. В примирительной камере они опять не соглашаются, ибо это—тоже паритетный орган, затем дело передается в арбитражный суд, а все это продолжается три месяца. Вот в чем дело. Какой тут контроль, какое тут регулирование производства? А в это время рабочий, по вопросу которого тянется эта канитель (у меня зафиксирован ряд таких случаев по украинским заводам), подходит к начальнику мастерской или главному инженеру, спрашивая: что вы канителитесь?—А ты о чем?—А вот насчет такого-то конфликта. Тот пишет записку, и живо все дело сделано. Профсоюз канителится, а тут записка инженера—и все кончено. Что это такое? Это

есть подрыв общего нашего авторитета, авторитета партии, авторитета профсоюзов, подрыв авторитета рабочего класса и его диктатуры. Поэтому мы с вами вместе должны следить за тем, чтобы этого не было. Вот в чем дело. И мы будем жестоко проводить борьбу против подобных явлений; пускай никто не обижается, партия поддержит нас. Набор рабочих по кумовству, назначение расценок по кумовству, распределение работ по кумовству—позорное явление, которому пора положить конец. РКК отошли на задний план. Что, разве это—критика только наших хозяйственников? Это—наши общие недостатки. Ваши недостатки есть наши недостатки, наши недостатки есть общие недостатки. Зачем же так расценивать большой политический вопрос о методах вовлечения, обучения рабочего класса, его подготовки к действительному управлению предприятием и всем хозяйством? Зачем подменивать этот вопрос вопросом о лишнем аппарате? Создайте один контроль, мы с удовольствием согласны не только всемерно и всячески поддерживать, но и проводить это.

Тов. Звездов заявляет: «Я говорил, что ничего не выйдет с ревизионными комиссиями, и ничего не вышло». Здесь я целиком беру половину вины на профсоюзы.

Наша вина в том, что у нас не было и не получилось никакой связи с нашими представителями в ревизионных комиссиях. Почему? Потому, что мы не противились превращению представителей профсоюзов в РКК в служащих ревизуемого учреждения, а тресты требуют, чтобы все члены ревизионных комиссий постоянно работали в тресте и получали там жалованье, и часто ревизор соблюдает интересы того, кто ему жалованье платит. Вот как это дело получается, разве это не так, товарищи?—Так. Но ревизионные комиссии еще не умерли, мы постараемся поставить их работу на надлежащую высоту.

Тут я должен несколько поправить своего союзника по вопросу о контрольных комиссиях—т. Ломинадзе, который правильно сказал: это большой политический вопрос, большая проблема, но это надо увязать с РКИ, и т. д. Ради бога, не увязывайте с РКИ (с м е х), ничего из этого не выйдет. Делая одно дело, вы погубите другое. Именно эти комиссии должны быть временными; выбранные в них люди не должны иметь постоянной должности. Какую картину мы имеем? Пусть это будет проявление некультурности нашего рабочего класса, пережитки старого и т. д., но что мы наблюдаем? Вот, например, по всем правилам демократии сегодня выбирают фабзавкома, а через 3 месяца ему заявляют: ты оторвался от масс. Разве не так? Если вы дадите постоянное

место и жалованье по его должности,—крышка, доверие к нему рабочих уменьшится. Требуется еще длительная, большая массовая воспитательная работа для того, чтобы рабочий изменил свои взгляды. Может быть, это является результатом наших ошибок, ошибок всех профсоюзов, но такая недоверчивость у рабочих есть. Можете сделать вид, что ее не замечаете, но это же не будет способствовать тому, чтобы изживать это явление. Доверие производственным совещаниям нужно завоевать, авторитет их нужно поднять. Я не буду повторять сказанного в резолюции XIV съезда нашей партии о том, что производственные совещания есть русло, через которое может быть осуществлен ленинский завет о том, чтобы обучать тысячи и десятки тысяч рабочих управлять хозяйством и государством. С этой точки зрения подойдите к вопросу. Не с точки зрения контроля, желания вас проверить, ущемить,—для этого достаточно контрольных органов,—а с точки зрения метода осуществления этой величайшей задачи,—способствует ей наше предложение или нет? Если так поставить вопрос, я утверждаю, что, отбросив свои директорские интересы, и т. Теплов, и т. Михайлов согласятся с этой точкой зрения. Что это вам неудобно—согласен, неудобно. Что же сделать? И нам даются задания сделать то-то и то-то. Ведь это лишняя работа, разбивка внимания, канитель, мы бы большую половину работы свалили с себя. У нас тоже много непрофессиональной работы делается. Ничего не поделаешь. Вместе строим, вместе должны и страдать. (Смех.) Дело такое. Тут у некоторых ораторов прорывалась опасная нотка. Все предложения, которые приняты на производственных совещаниях, должны быть проведены. Я этого не рекомендую, и другие профессионалисты не станут рекомендовать. Те предложения, которые производственными совещаниями приняты и хозяйственниками признаны целесообразными, должны быть проведены. Но на производственных совещаниях могут быть вынесены и такие решения, как недавно на одной московской производственной конференции, где хозяйственники, к удивлению, не возражали: построить новый завод. Да откуда его построишь? Как можно гарантировать проведение этого предложения? Скажут—переменить все станки, а у тебя денег нет. Поэтому говорить, что каждое предложение производственного совещания, за которое голосовало большинство, подлежит проведению, значит тем самым производственные совещания превратить в пресловутые «собрания производителей», а до тех пор, пока этого нет,—и мы этого не допустим,—до тех пор производственные совещания ни капельки на это не похожи.

Пару слов о комсомоле. Товарищи, я думаю, что здесь из-за последнего нашего спора (в президиуме ВЦСПС), который, нужно сказать, в силу своего темперамента чрезвычайно обострил т. Матвеев, товарищи-комсомольцы немножко потеряли и тон и понятие того, что действительно реально есть и чего нет.

Несколько слов о зарплате подростков. Тов. Чаплин, когда вы говорите нам, что зарплата подростков сейчас ниже зарплаты 1914 года, почему вы не называете 1910 или 1913 г.г.? Потому что 1914 г.—военный год, взрослые рабочие были посланы на фронт, и на все специальные станки поставили женщин и молодежь. Приспособили заводы к производству жестяных бомб и т. д., и тогда молодежь зарабатывала, но стала падать реальная заработная плата, и был обесценен денежный знак. Вы сами знаете, что это так. Зачем же с такими аргументами относительно 1914 года выступать? Не годится так для серьезного человека. А вот пускай здесь (здесь, вероятно, порядочно старых рабочих присутствует), кто-нибудь оспорит, что мы свое учение начинали в лучшем случае с четвертака в день. (Голос: «С двадцати копеек».) Пожалуйста, я без всяких цифр на память приведу вам заработную плату почти любого рабочего по определенным профессиям. На память приведу вам, какие продукты рабочего питания сколько стоили. Нас, говорят, обижают по заработной плате. Тов. Матвеев, правильно это или нет? Правильно ли, что президиум ВЦСПС, принимая решение о повышении заработной платы,—которое в точном смысле было предназначено для наиболее низкооплачиваемых рабочих,—не имел в виду подростков?—Президиум ВЦСПС постановил распространить это повышение на подростков в размере не менее 10%; правильно это или нет? (Матвеев: «Неправильно то, что на 10%».) Правильно. Никто не сможет этого оспорить, а вы здесь хотите двурушничать. Когда металлисты и химики выдвинули свое предложение и хотели занести приработок в ставку, на что хозяйственники согласны, то комсомол заявляет: так как ставка рабочих будет соответственно повышена, то приравняйте к ней и комсомольцев, которые в данный момент не имеют приработков. (Матвеев: «Не комсомольцев, а молодежь».) А так как у них есть теория, что в школе фабзавуча ученик должен получить столько, сколько и тот, который не в школе, а стоит в производстве у станка, то значит надо распространить это и на фабзавуч, ученики которого на фабрике и заводе не бывают, для которых приработок даст повышение на 60%. Получается скверная картина: квалифицированный рабочий получает полтора процента на приработок, чернорабочий—10—12% прибавки, а ученик—50—60%.

Это вызовет бурю негодования. Рабочие скажут: мне заработок повысили на 10%, а ребятам—на 50—60%. Это неправильно, это невыгодно и самому производству.

Теперь по вопросу о профсоюзном членстве 14-летних, которых у нас имеется около 100 тысяч в производстве. ВЦСПС постановил, что те, которые находятся в профсоюзах, остаются в них, ибо мы исходим из того, что каждый член профсоюза должен принимать активное участие в профдвижении. Вы же мне скажете, товарищи, что 14-летнему мальчику, который придет в производство, нужно пассивное, активное избирательное право и т. д. Но право же, это несерьезно, потому что нашей задачей на ближайшее время является устранение безобразнейшего явления—безработицы переростков-рабочих. Я очень жалею, что здесь не выступили иваново-вознесенцы, которые могли бы многое рассказать относительно переростков не 18, а 20 и 22 лет, которые по ряду текстильных районов не могут найти применения своего труда. Нам говорят: необходимо в школы фабзавуча принимать с 14-летнего возраста, а то между окончанием школы и производством разрыв получается; нет, товарищи, разрыв получается между 12 и 22 годами,—вот это скверный разрыв. А если есть разрыв между школой и производством от 14 до 16 лет у молодежи,—этот разрыв терпим. Мальчик от 14 до 16 лет может и при родителях пожить. Наша задача заключается на ближайший период в том, чтобы устроить на производство тех 16—17-летних, которые находятся на улице; для этого, может быть, придется в ближайшее время отказаться от закона о допущении к производству 14-летних подростков. Помните, первоначальный текст Кодекса законов о труде говорит, что к производству допускаются подростки только с 16 лет. Мы же делали отступления, в виде исключения допуская в школы фабзавуча 14-леток, которые при нынешнем положении не пошли бы на производство, и теперь была бы возможность устроить 16-летних,—это было бы плюсом, а не минусом.

Но когда выдвигают такой вопрос, что, поскольку они не будут членами профсоюзов, их интересы не будут защищены, то этим только показывают незнание элементарной политграмоты, потому что наше профдвижение, в отличие от западно-европейского профдвижения, одинаково защищает экономические и прочие интересы рабочих независимо от того, члены они профсоюзов, или нет.

Есть люди, которые хотят непременно, о чем бы ни говорили, но чтобы все останавливались обязательно на вопросе о моло-

дежи. Говоришь о мировой революции—скажи о молодежи; говоришь о землетрясении—и о молодежи что-нибудь скажи (смех), а то ведь выйдет так, что было землетрясение, а молодежи там не было. (Смех.) Я многого не касался в тезисах. Нет, говорят, ты ничего не сказал о молодежи. Клянусь, люблю молодежь, хорошие вы ребята, не по злому умыслу я не сказал о молодежи. Давайте включим отдельную резолюцию. Но зачем вы вносите сюда вопрос о представительстве? Наши споры с вами о представительстве довольно прозаического свойства. Если вы вносите этот вопрос на конференцию, то позвольте мне рассказать конференции, в чем же дело.

Права комсомола на представительство не оспаривает никто, а вопрос заключается в том, что вы хотите, чтобы вы посылали своих представителей в профессиональные органы и чтобы мы платили им ставки, брали ваших представителей на жалованье. Мы против этого тоже не спорим, но мы будем платить в том случае, если они будут элементарно соответствовать работе. Аппетит у вас в этом отношении неплохой. Вы хотите, чтобы мы им платили рублей 120—160. (Рязанов: «Партмаксимум».) А кто же тогда будет учиться в производстве на слесаря, на токаря, на чугунолитейщика? Стоит ли учиться, когда можно итти представителем в профсоюз, не зная ничего, не умея ничего делать, и получать хорошую ставку в 120 рублей? Никогда никакой дурак не пойдет учиться. (Смех.) Мы говорим вам: дайте хороших ребят, которые будут работать, мы им будем платить, но дайте хороших ребят. Мы тоже посылаем своих представителей тысячами и десятками тысяч, но мы заставляем их работать. Я спрашиваю присланного ко мне представителя: Ты—представитель?—Представитель.—А работать умеешь? Умеешь—будем платить, не умеешь—учись. Вы, комсомол, посылаете представителя и хотите только за то, что он—представитель, чтобы платили ему. Мы комсомолу говорим: пошлите представителя, пускай будет представительствовать, но платить ему будете вы. Вот в чем дело. (Смех.)

Те же самые споры идут вокруг пионерских вожатых. Вы говорите, что мы должны на свой счет принимать пионерских вожатых. Мы спрашиваем: сколько будет стоить?—Каждый вожатый звена—90 руб. А кто он такой? Юноша, быть может очень хороший, но не имеющий производственного стажа и не окончивший даже среднеучебного заведения. Кто же тогда пойдет в несчастное производство учиться? В производстве для того, чтобы 90 рублей получать, нужно 4 года протрубить, горб погнуть, в чугунолитейной два фунта земли в день съесть. А то

хотят 90 рублей! Не подходит, дороговато для нас. (Смех. Аплодисменты.) А не согласитесь ли вы на следующее: чтобы доказать полное уважение к вам, мы вам своих представителей пошлем, а вы им будете платить. (Смех, продолжительные аплодисменты.)

Мы спорим не о принципе, а о практике—она жестока; мы же практические люди—все время с пятачками имеем дело. Мы выдвигаем молодежь, но другой раз это делается не в достаточной мере благодаря тому, что к нам предъявляют требования о том, что мы обязаны ее выдвигать больше всего в профессиональные органы и непременно платить. Но когда мы выдвигаем молодежь на государственную и профессиональную работу, то я думаю, что здесь не надо увлекаться.

Что такое представляет выдвижение молодежи в 18—19 лет? Молодежь не окончила производства, у нее нет производственного стажа, не окончила среднего обучения. В 16 лет он пришел в производство, а в 18 лет его выдвигают. Куда выдвигают? На административно-хозяйственный пост. А что он знает? Ничего грешного не было бы из того, если он проработает вместо 2 лет 6 лет. Тогда его можно выдвинуть. А то только пришел, понюхал, как на фабрике пахнет, и уже выдвигают. Ты сперва познакомься, что это такое за штука: труд, фабрика, завод, производство,— тогда тебя и выдвинут, и тогда мы поддержим тебя целиком и полностью.

Теперь о физкультуре—вопросе, который поднял т. Матвеев. Мы против рекордсменства,—заявляет он. Я должен оговориться: я вовсе не предлагаю менять направление нашей физкультуры круто, я вовсе не хочу сказать, что коррегирующее движение— плохое движение. Зарядка и разрядка нужны, но я против того, чтобы было только коррегирующее движение, только зарядка и разрядка, а все другое от лукавого. Если говорят: «Я имею стремление итти дальше в своем развитии, желаю участвовать в соревновании», вы говорите: «Нет, не смей, заряжайся и разряжайся». (Смех.) Регламентация!! Я против подобной дикой регламентации. Коррегирующее движение—очень хорошая вещь, и, насколько мне память не изменяет, я первый поставил вопрос о коррегирующем движении. Но не надо жесткой регламентации: так дыши, а так не смей. Вот если говоришь человеку: не смей,—это возбуждает в нем чувство сопротивления, и человек говорит: я так хочу. В противном случае ему скучно, он уходит.

Вот вам пример. Вышел сборник о работе клуба очень почтенного учреждения—Главполитпросвета. Там пишут так: с гре-

хом пополам можно танцовать, но не всякие танцы, а только характерные, при чем на Украине—гопака, в Великороссии—трепака. (Смех.) А вдруг на Украине кому-либо захочется танцовать камаринского. Нельзя, не смей, в Великороссии это хорошо, а тут это будет национальный душок. Ты камаринского запляшешь на Украине, значит великорусский шовинизм проявляешь. (Смех.)

Тов. Алексеева выдвинула здесь в своей речи очень правильное положение, чтобы к отдельным группам рабочих подходить с отдельными методами работы. Тов. Алексеева это поняла, а вот мой старый приятель т. Рязанов не понял этого. «Недостаточно применяется индивидуальный подход к каждой группе рабочих соответственно ее культурному уровню», говорит т. Алексеева. Это—недостаток клубов, это—недостаток нашей работы. А т. Рязанов говорит: растворитесь все в общественных домах. Что это такое? Это старые народные дома, на которые мы иногда сбиваемся. Все будут туда приходить, но там будет разношерстная публика без всякой связи. А мы чего хотим? Связи между массой и своим союзом и членов клуба между собою. Скажут—«цеховщинка». Но когда вы в один и тот же клуб соберете советского служащего—бухгалтера, чугунолитейщика, грузчика и думаете, что там пойдет дружная, объединенная работа, что там живая работа пойдет... (Рязанов: «Я говорил о клубном строительстве».)

Вы, т. Рязанов, спрашивали, почему мы не устраиваем заседания в церкви? Почему лондонский съезд можно было устроить в церкви, а у нас этого нельзя? Да потому, что там в церкви можно сидеть, там церкви сидячие, а если бы вы устроили этот съезд, который длился 14 дней, в храме Спасителя, и с 10 утра до 12 часов ночи продолжались бы заседания, то вы не довели бы этот съезд до конца потому, что столько времени стоять нельзя. Значит, чтобы устраивать заседания в наших церквах, их нужно переоборудовать. Таким образом, мы опять подходим к клубному строительству. Тов. Рязанов говорит: конечно, нужно, чтобы была элементарная культурность, например чтобы там не курить,—в православных церквах курить нельзя. А когда придешь в мечеть, значит надо сапоги снимать. Я уж не знаю, что еще нужно делать в синагоге. (Смех.) Таким образом, практические советы т. Рязанова неудачны, так же, как и его отношение к контрольным комиссиям.

Я, товарищи, заканчиваю свое слово. Я думаю, неправильно было бы толковать тот спор, который шел здесь между нами и хозяйственниками, как какую-нибудь попытку травли хозяйственников, как сигнал к нападению: товарищи-хозяйственники, мы вас

ценим и уважаем, вы—наши товарищи, рабочий класс вас поставил на одно из ответственнейших мест. Ваши ошибки, может быть, не больше, чем ошибки профсоюзов и других организаций. Но в данном случае, на прошедшем отрезке времени, если это так жгуче выявилось, то потому, что в связи с режимом экономии целый ряд хозяйственников перегнул палку. Вот в сегодняшней газете я читаю: «Главтекстиль проводит режим экономии: сэкономил 600 тысяч рублей»,—на чем, как бы вы думали?—«на прачечных и банях». Подумайте об этом, товарищи директора. Если уж это делаете, то стоит ли хвастаться и в газетах печатать? Как будто у нас уж так много моются, и как будто это действительно предмет роскоши и излишеств у текстильных рабочих? Если на почве такого режима экономии много болячек наболело у профсоюзов, а вам кажется, что вам подложили еще новую трудность—контрольные комиссии,—то это ошибка. Неправы те хозяйственники, которые думают, что на них напали, и т. д. Ничего подобного и в помине нет.

Я должен сказать т. Теплову, что он в первый раз выступал здесь с нехорошей ноткой. Но я не буду обижать товарища, потому что ему здесь уже порядочно досталось.

На пленуме конференции мы можем центральные пункты проголосовать, остальные же передать в комиссию.

Мы много кое-чего еще не сделали. Я думаю, что теперь, после этой конференции, в нашу работу будет внесена свежая струя, и то, что нам нужно еще сделать, мы будем медленно и верно, без особого дергания, совместно, поправляя друг друга, осуществлять. (Дружные продолжительные аплодисменты.)

Председательствующий. Для завершения вопроса необходимо, очевидно, избрать комиссию.

Прежде всего предлагается проголосовать в основу тезисы т. Томского. Разрешите голосовать. Кто за то, чтобы тезисы т. Томского принять в основу, прошу поднять руки. Кто воздержался? Кто против? Нет. Принято единогласно. (Аплодисменты.)

Теперь относительно комиссии. Предлагается следующий список состава комиссии: Томский, Молотов, Куйбышев, Михайлов, Колотилов, Догадов, Чаплин, Угланов, Андреев, Квиринг, Угаров, Рындин, Каганович, Шиткина, Мельничанский, Артюхина, Радченко, Матвеев, Халатов, Лепсе, Лобов, Михайлов, Гинзбург, Шверник, Ударов, Соболев, Ендаков, Морозов (Тула), Беленький, Жданов, Амосов, Мещеряков, Мирзоян, Косиор Иосиф, Каримов, Пилацкая (Украина), Евреинов, Курамысов, Сахат-Мурадов.

Разрешите голосовать весь список в целом. Кто за этот список, прошу поднять руку. Список утверждается.

По личному вопросу просит слова т. Теплов. Тов. Теплов, вы имеете три минуты.

Теплов. Товарищи, я бы не стал брать слова по личному вопросу, если бы не имело места, должен определенно сказать, такое безобразное выступление т. Рязанова.

Товарищи, слова о толстокожести я сказал после того, как раздались реплики: «Толкуй, толкуй, мы тебя погреем!». И, отвечая на то, что мы не боимся, когда нас греют, я сказал о толстокожести.

Дальше, товарищи, вопрос о невыходах. Может быть, я оговорился, сказав, что прогулов такой-то процент есть. Я говорил и имел в виду говорить о невыходах. И, товарищи, если я говорил о проценте, то т. Рязанов неправ; я беру целиком и полностью невыходы и категорически заявляю, что на том заводе, где я работаю, нередки явления, в особенности после получки, когда у большинства неквалифицированных рабочих,—я имею в виду только неквалифицированных рабочих,—имели место невыходы на работу до 30%.

Это, товарищи, факт. И потому я считаю, что такое выступление седобородого «дитю» комедиантским способом не годится. Это попытка просто к ошельмованию, не сказав ничего по существу. (Рязанов с места: «Я не прошу слова для личного заявления».)

Председательствующий. Слово для сообщения имеет т. Молотов. (Аплодисменты.)

Молотов. Я, товарищи, имею сообщить решение Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии, касающееся вопроса о тт. Шляпникове и Медведеве.

В результате вчерашнего заседания Политбюро, на которое были приглашены тт. Медведев и Шляпников, Политбюро поручило двум товарищам, Орджоникидзе и Янсону, повести окончательные переговоры с тт. Шляпниковым и Медведевым о характере заявления, которое они должны сделать для того, чтобы устранить всякие поводы для обвинения их во фракционной работе и в тех грубо и явно ошибочных взглядах, которые они защищали и которые нашли себе выражение в известном письме т. Медведева «К бакинскому товарищу» и в статье т. Шляпникова, опубликованной в «Большевике». В результате мы имеем последний текст заявления этих товарищей, которое завтра будет опубликовано в «Правде». Я прочитаю весь этот текст, он небольшой.

В связи с этим заявлением ЦК и ЦКК постановили опубликовать следующее извещение:

Извещение от ЦК и ЦКК ВКП(б).

ЦК и ЦКК с удовлетворением извещают всех членов партии, что т. Медведев и т. Шляпников обратились в ЦКК и ЦК с заявлением, в котором они не только признают вред своей фракционной работы, но и отказываются от пропагандировавшихся ими глубоко неправильных взглядов. ЦК и ЦКК констатируют таким образом дальнейший развал оппозиционного блока, что означает полную и категорическую победу идей ленинского единства ВКП(б).

Заявление тт. Шляпникова и Медведева.

Москва, 29/X—26 г.

В президиум ЦКК ВКП(б).

В Политбюро ЦК ВКП(б).

В интересах партии и ее подлинного единства мы заявляем открыто, что:

1. Письмо т. Медведева бакинскому товарищу (1924 г.) содержит ряд грубо ошибочных взглядов, направленных против некоторых положений партии и противоречащих ленинизму и принципам Коммунистического Интернационала.

2. Важнейшим ошибочным местом этого письма является указание на методы работы Коминтерна, содержащее оскорбительное сравнение одной из секций (орава мелкобуржуазной челяди, поддерживаемая русским золотом). Мы считаем эту важнейшую часть письма грубо ошибочной, не выражающей нашего подлинного отношения к Коминтерну.

3. Таким же ошибочным местом является указание относительно Профинтерна, дающее возможность обвинить автора в желании ликвидировать его. Мы считаем эту формулировку ошибочной. В отношении Профинтерна мы стоим на почве партийных решений.

4. Мы являемся решительными, безоговорочными сторонниками Коминтерна и столь же решительными противниками II Интернационала. Мы считаем, что вожди современных социал-демократических партий предают интересы рабочего класса, являясь агентами буржуазии.

5. Мы признаем, что ряд подобных грубых ошибок дал основание к обвинениям, выдвинутым против нас на страницах «Правды» и «Большевика».

6. Полемический тон и ряд резких выражений в статье т. Шляпникова в № 17 «Большевика» мы считаем недопустимыми.

7. В связи с делом о «бакинской оппозиции» нами был сделан целый ряд резких устных и письменных заявлений ЦК и ЦКК. Мы считаем их ошибочными.

8. Мы осуждаем решительно и безоговорочно допущенные нами методы фракционной борьбы, а также решительно осуждаем всякое организационное закрепление на основе взглядов, расходящихся с партийными решениями, и там, где наши единомышленники вступили на путь создания фракционных подпольных группировок, мы призываем их к немедленному роспуску таковых.

9. Мы признаем безусловно обязательными для себя решения съездов и конференций партии, ее ЦК и ЦКК и безоговорочно будем проводить их в жизнь.

С коммунистическим приветом: А. Шляпников, С. Медведев.

Председательствующий. Согласно регламента, заседание объявляется закрытым.

Заседание девятое.

(1 ноября 1926 г., дневное.)

Рыков (председательствующий). Для сообщения от мандатной комиссии имеет слово т. Гей.

Гей. Товарищи, на конференции присутствуют 194 делегата с решающим голосом и 640 с совещательным. Состав делегатов определен решениями ЦК партии, и поэтому мандатная комиссия только проверяла соответствие выданных мандатов тем решениям, которые были по этому вопросу вынесены Центральным Комитетом. Сверх мандатов, предоставленных ЦК, комиссия выдала 4 мандата с совещательными голосами тт. Шумскому, Демченко, Соркину и Короткому, которые и просит утвердить. Обращает на себя внимание большое количество совещательных голосов. В большинстве случаев это—члены ЦК и ЦКК. 219 совещательных мандатов принадлежит членам ЦК и ЦКК, 186 совещательных мандатов предоставлено местным организациям.

Характеристику состава конференции я дам только по решающим голосам. В большинстве случаев, как и следовало ожидать, по роду занятий это—работники партаппарата; 86,6% принадлежит работникам партаппарата.

Состав решающих голосов по партстажу: 51,5% подпольщиков, несколько меньше, чем на апрельской конференции прошлого года,—на апрельской конференции было 53,9%.

Снижение процента подпольщиков произошло на 2,4%. Это явление мы отмечаем из года в год, от съезда к съезду, от конференции к конференции. Оно объясняется тем, что партия растет, подпольщики убывают.

Количество выходцев из других партий на этой конференции значительно меньше, чем на прошлой конференции. Так, на XIV конференции их было 14,5%, теперь—только 10%.

Если возьмем состав конференции по социальному положению, то увидим, что количество рабочих выше, чем на всех предыдущих конференциях. На XII конференции рабочих было 40%, на XIII—

47%, на XIV—51%, на XV—58,8%. Таким образом количество рабочих от конференции к конференции значительно возрастает и на этой конференции по сравнению с предыдущей возросло почти на 8%. Соответственно этому уменьшились группы крестьян и интеллигентов.

О возрастном составе я не буду говорить подробно, отмечу лишь, что по возрасту эта конференция несколько старше предыдущей. Увеличилась группа от 30 до 39 лет, и сократилась группа в возрасте от 20 до 29 лет.

По нацсоставу заметных изменений по сравнению с предыдущей конференцией нет. 30% решающих голосов принадлежит товарищам украинцам, белоруссам, армянам и другим национальностям. (Голос: «Всем вместе?».) Да. Количество женщин на конференции не изменилось по сравнению с предыдущей конференцией. Им принадлежат два решающих голоса.

Таковы основные данные о составе настоящей партийной конференции; по сравнению с предыдущей конференцией мы отмечаем заметное улучшение главным образом социального состава, которое свидетельствует о большой работе по улучшению партийного аппарата, проделанной партией.

Председательствующий. Желает кто-нибудь взять слово по докладу мандатной комиссии?

Голоса. Утвердить, утвердить.

Председательствующий. Голосую. Кто против? Кто воздерживается? Нет. Единогласно принято.

Слово для доклада об оппозиции и о внутрипартийном положении имеет т. Сталин. (Бурные продолжительные аплодисменты; все делегаты встают; овация.)

Доклад т. Сталина.

I. Этапы развития оппозиционного блока.

Товарищи, первый вопрос, которого нужно коснуться в докладе, это—вопрос об образовании оппозиционного блока, об этапах его развития и, наконец, об его начавшемся уже развале. Эта тема является, по-моему, необходимой темой, как введение в существо вопроса о тезисах об оппозиционном блоке.

Еще на XIV съезде т. Зиновьев дал сигнал к подтягиванию всех оппозиционных течений и к объединению их в одну силу. Товарищи делегаты конференции, должно быть, помнят эту речь т. Зиновьева. Не может быть никакого сомнения, что такой призыв не мог не найти отклика в рядах троцкистов, которые с самого

начала придерживались той мысли, что группировки должны быть более или менее свободны и они должны более или менее объединяться для того, чтобы вести борьбу против той основной линии партии, которая т. Троцкого давно уже не удовлетворяет.

Это была, так сказать, подготовительная работа по сформированию блока.

Первый этап.

Первый серьезный шаг по сформированию блока был предпринят оппозицией во время апрельского пленума ЦК, в связи с тезисами т. Рыкова о хозяйственном положении. Полной сговоренности между новой оппозицией и троцкистами тогда не было еще, но что блок в основном был уже готов,—в этом нельзя было уже сомневаться. Товарищи, читавшие стенограмму апрельского пленума, поймут, что это совершенно верно. В основном обе группы успели уже сговориться, но были оговорки, из-за которых им пришлось внести к тезисам т. Рыкова не общие для всей оппозиции поправки, а два параллельных ряда поправок: один ряд поправок, исходивший от «новой оппозиции», во главе с Каменевым, и другой ряд поправок, исходивший от группы троцкистов. Но что в основном они били в одну точку и что пленум уже тогда говорил, что они реставрируют в новой форме августовский блок,—это несомненный факт.

В чем же состояли тогда эти оговорки?

Вот что говорил тогда т. Троцкий:

«Недостатком поправок т. Каменева я считаю то, что в них дифференциация деревни поставлена как бы до некоторой степени независимо от индустриализации. Между тем значение и социальный вес крестьянской дифференциации и ее темпа определяется ростом и темпом индустриализации по отношению к деревне в целом».

Оговорка немаловажная.

В ответ на это Каменев в свою очередь делает оговорку в отношении троцкистов:

«Не имею возможности,—говорит он,—присоединиться к той их части (т.-е. части поправок Троцкого к проекту резолюции Рыкова), которая оценивает прошлую хозяйственную политику партии, которую я на 100% защищал».

Новой оппозиции не нравилось, что т. Троцкий критикует хозяйственную политику, которой руководил т. Каменев за предъидущий период. А т. Троцкому в свою очередь не нравилось, что вопросы дифференциации отрываются новой оппозицией от вопроса об индустриализации.

Второй этап.

Второй этап—это июльский пленум ЦК. На этом пленуме мы имеем уже формально сколоченный блок, блок без оговорок. Оговорки т. Троцкого сняты, сданы в архив, так же, как оговорки т. Каменева сняты и сданы в архив. У них теперь имеется уже общая «декларация», которая всем вам хорошо известна, товарищи, как документ антипартийный. Таковы характерные черты второго этапа в развитии оппозиционного блока.

Сколотился блок и оформился он в этот период не только на почве взаимного отказа от поправок, но и на почве взаимной «амнистии». Мы имеем за этот период интересное заявление т. Зиновьева насчет того, что оппозиция, ее основное ядро в 1923 г., т.-е. троцкисты, были правы в вопросе о перерождении партии, т.-е. в главном вопросе о практической позиции троцкизма, вытекающем из его принципиальной позиции. Мы имеем, с другой стороны, не менее интересное заявление т. Троцкого о том, что его «Уроки Октября», направленные специально против Каменева и Зиновьева, как «правого крыла» партии, повторяющего теперь октябрьские ошибки,—являются ошибкой, что начало правого уклона в партии и перерождения надо отнести не к Каменеву и к Зиновьеву, а, скажем, к Сталину.

Вот что говорил т. Зиновьев в июле этого года:

«Мы говорим, что сейчас уже не может быть никакого сомнения в том, что основное ядро оппозиции 1923 г., как это выявила эволюция руководящей линии фракции (т.-е. большинства ЦК), правильно предупреждало об опасностях сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте аппаратного режима».

Иначе говоря: недавние утверждения т. Зиновьева и резолюция XIII съезда о том, что Троцкий ревизует ленинизм, что троцкизм является мелкобуржуазным уклоном,—все это было ошибкой, недоразумением, и опасность не в троцкизме, а в ЦК.

Это есть беспринципнейшая «амнистия» троцкизма.

С другой стороны, Троцкий в июле месяце заявляет:

«Несомненно, что в «Уроках Октября» я связывал оппортунистические сдвиги политики с именами Зиновьева и Каменева. Как свидетельствует опыт идейной борьбы в ЦК, это было грубой ошибкой. Объяснение этой ошибки кроется в том, что я не имел возможности следить за идейной борьбой внутри семерки и во-время установить, что оппортунистические сдвиги вызывались группой, возглавляемой т. Сталиным против тт. Зиновьева и Каменева».

Это значит, что т. Троцкий открыто отрекся от своих нашумевших «Уроков Октября», дав тем самым «амнистию» Зиновьеву и Каменеву в обмен за ту «амнистию», которую он получил от Каменева и Зиновьева. Прямая и открытая беспринципная сделка.

Итак, отказ от апрельских оговорок и взаимная «амнистия» за счет принципов партии,—вот те элементы, которые определили полное оформление блока, как блока против партии.

Третий этап.

Третий этап в развитии блока—это открытые выступления оппозиции против партии в конце сентября и в начале октября этого года в Москве и Ленинграде, это тот период, когда лидеры блока, отдохнув там, на юге, и набравшись сил, вернулись в центр и пошли в прямую атаку на партию. Раньше чем перейти от нелегальных форм борьбы против партии к открытым формам борьбы, они здесь, в Политбюро (меня не было тогда в Москве), оказывается, говорили: «Мы вам покажем, мы пойдем на рабочие собрания, и пусть рабочие скажут, кто прав, мы вам покажем». И они стали путешествовать от ячеек к ячейкам. Но результаты этого выступления оказались, как вам известно, плачевными для оппозиции. Вы знаете, что они потерпели поражение. Из печати известно, что как в Ленинграде, так и в Москве, как в промышленных районах Советского Союза, так и в непромышленных районах оппозиционный блок получил решительный отпор со стороны партийных масс. Сколько голосов они получили, сколько высказалось за ЦК,—я повторять не буду, это известно из печати. Ясно одно, что расчеты оппозиционного блока не оправдались. С этого момента начинается поворот оппозиции в сторону мира в партии. Поражение оппозиции не прошло, очевидно, даром. Это было 4 октября, когда оппозиция внесла в ЦК заявление о мире и когда впервые, после ругани и наскоков, мы услышали от оппозиции слова, напоминающие слова партийцев: пора прекратить «внутрипартийную распрю» и наладить «совместную работу».

Таким образом оппозиция, потерпев поражение, оказалась вынужденной притти к тому, к чему ее неоднократно призывал ЦК,—к вопросу о мире в партии.

Естественно, что ЦК, верный директивам XIV съезда о необходимости единства, охотно согласился с предложением оппозиции, хотя он и знал, что предложение оппозиции не вполне искренно.

Четвертый этап.

Четвертый этап—это период, когда было выработано известное «заявление» лидеров оппозиции от 16 октября этого года. Обычно его квалифицируют как капитуляцию. Я не буду резкой квалификации давать, но ясно, что заявление это говорит не о победах оппозиционного блока, а об его поражении. Истории наших переговоров я рассказывать не стану, товарищи. Переговоры велись при стенографических записях, и вы имеете возможность познакомиться с этим делом по стенограмме. Я хотел бы остановиться только на одном инциденте. Оппозиционный блок предлагал в первом абзаце «заявления» сказать, что они остаются при своих взглядах, и остаются не просто, а «полностью» на своих старых позициях. Мы убеждали оппозиционный блок не настаивать на этом. Почему? По двум причинам. Во-первых, потому, что если они, отказавшись от фракционности, отказались вместе с тем от теории и практики свободы фракций, отмежевались от Оссовского, «рабочей оппозиции», группы Маслова-Урбанса, то это значит, что оппозиция отказалась тем самым не только от фракционных методов борьбы, но и от некоторых политических позиций. Можно ли после этого говорить, что оппозиционный блок остается «полностью» при своих ошибочных взглядах, при своих идейных позициях? Конечно, нельзя. Во-вторых, мы говорили оппозиции, что ей самой невыгодно кричать о том, что они, оппозиционеры, остаются, да еще «полностью», на старых позициях, ибо рабочие с полным основанием скажут: «значит, оппозиционеры хотят драться и впредь, значит, мало им наклали, значит, надо их и впредь бить». (Смех; возгласы: «Правильно!».) Тем не менее они не согласились с нами и приняли лишь предложение исключить слово «полностью», сохранив фразу о том, что они остаются на старых позициях. Пусть теперь они расхлебывают кашу, которую они тем самым заварили на свою голову. (Голоса: «Правильно!».)

Ленин и вопрос о блоке в партии.

Тов. Зиновьев говорил недавно, что у ЦК нет оснований ругать их блок, так как Ильич одобрял будто бы вообще блоки в партии. Я должен сказать, товарищи, что заявление т. Зиновьева не имеет ничего общего с позицией Ленина. Ленин никогда не одобрял вообще блоки в партии. Ленин стоял лишь за принципиальные и революционные блоки против меньшевиков, ликвидаторов, отзовистов. Ленин всегда боролся против бесприн-

ципных и антипартийных блоков в партии. Кому не известно, что Ленин три года боролся против августовского блока Троцкого, до полной победы над ним, как против антипартийного и беспринципного блока. Ильич никогда не стоял за всякие блоки. Ильич стоял только за такие блоки в партии, которые являются принципиальными, во-первых, и, во-вторых, которые преследуют цель укрепления партии против ликвидаторов, против меньшевиков, против колеблющихся элементов. История нашей партии знает опыт такого блока ленинцев с плехановцами (это было в 1911—1912 году) против блока ликвидаторов, когда сформировался против партии августовский блок, куда входили Потресов и прочие ликвидаторы, Алексинский и другие отзовисты, и во главе которого стоял т. Троцкий. Был один блок, блок антипартийный, августовский блок, беспринципный, авантюристский, и был другой блок, блок ленинцев с плехановцами, т.-е. революционными меньшевиками (тогда Плеханов был революционным меньшевиком). Вот такие блоки Ленин признавал, и мы все признаем такие блоки.

Если блок внутри партии повышает боеспособность партии и ведет ее вперед, то мы за него, за такой блок. Ну, а ваш блок, товарищи из оппозиции, разве он, этот самый блок, повышает боеспособность нашей партии, разве он, этот самый блок, является принципиальным? Какие принципы вас объединяют, скажем, с группой Медведева? Какие принципы вас объединяют, скажем, с группой Суварина во Франции или Маслова в Германии? Какие принципы объединяют вас самих, «новую оппозицию», которая считала еще недавно троцкизм разновидностью меньшевизма, с троцкистами, которые считали еще недавно лидеров «новой оппозиции» оппортунистами? И затем, разве ваш блок, товарищи из оппозиции, направлен в сторону и в пользу партии, а не против партии? Разве он повысил боеспособность и революционность нашей партии хотя бы на иоту? Ведь весь мир знает теперь, что за 8 или 6 месяцев существования вашего блока вы старались тащить партию назад, к «революционной» фразе, к беспринципности, вы старались разложить партию и довести ее до паралича, до раскола. Нет, товарищи, оппозиционный блок не имеет ничего общего с тем блоком, который Ленин с плехановцами заключил в 1912 году против августовского блока оппортунистов. Наоборот, нынешний оппозиционный блок напоминает в основном августовский блок Троцкого как своей беспринципностью, так и своей оппортунистической основой. Организуя такой блок, товарищи из оппозиции отошли, таким образом от той основной линии, которую вообще Ленин старался проводить. Ленин всегда говорил нам, что самая правильная политика есть принципиальная

политика. Оппозиция, сколотившись в одну группу, решила, наоборот, что самая правильная политика есть политика беспринципная.

Поэтому оппозиционный блок не может существовать долго, он должен неминуемо распасться и разложиться.

Таковы этапы развития оппозиционного блока.

Процесс разложения оппозиционного блока.

Чем характеризуется теперь состояние оппозиционного блока? Его можно было бы охарактеризовать как состояние постепенного распада блока, как состояние постепенного отпадения от блока его составных элементов, как состояние разложения блока. Только так можно охарактеризовать нынешнее состояние оппозиционного блока. Оно так и должно быть, ибо блок беспринципный, блок оппортунистический в рядах нашей партии долго существовать не может. Мы знаем уже, что группа Маслова и Урбанса отпадает от оппозиционного блока. Мы слышали уже вчера, что Медведев и Шляпников отказались от допущенных ими грехов и отходят от блока. Известно, кроме того, что внутри блока, т.-е. между оппозицией «новой» и оппозицией «старой», тоже имеется размолвка, которая должна будет сказаться на этой конференции.

Выходит таким образом, что блок-то они сформировали и сформировали его с большой помпой, а результат получился обратный тому, чего они ожидали от блока. Получилось то, что с точки зрения арифметики они должны были получить плюс, ибо сложение сил дает плюс, но не учли того, что кроме арифметики есть еще алгебра, что не всякое сложение сил дает плюс (смех), ибо дело зависит не только от сложения сил, но и от того, какие знаки стоят перед слагаемыми. (Продолжительные аплодисменты.) Получилось то, что они, сильные по части арифметики, оказались слабыми по части алгебры, при чем, складывая силы, они не только не увеличили свою армию, а, наоборот, довели ее до минимума, довели ее до развала.

Чем была сильна зиновьевская группа?

Тем, что она вела решительную борьбу против основ троцкизма. Но коль скоро зиновьевская группа отказалась от своей борьбы с троцкизмом, она, так сказать, оскопила себя, лишила себя силы.

Чем была сильна группа Троцкого?

Тем, что она вела решительную борьбу против ошибок Зиновьева и Каменева в октябре 1917 г. и против их рецидива в настоящем. Но коль скоро эта группа отказалась от борьбы

с уклоном Зиновьева и Каменева, она оскопила себя, лишила себя силы.

Получилось сложение сил оскопленных. (Смех; продолжительные аплодисменты.) Ясно, что из этого не могло получиться ничего, кроме конфуза. Ясно, что честнейшие из группы т. Зиновьева должны были отойти после этого от Зиновьева, так же, как лучшие люди из троцкистов должны были покинуть Троцкого.

На что рассчитывает оппозиционный блок?

Каковы перспективы оппозиции? На что они рассчитывают? Я думаю, что они рассчитывают на ухудшение положения в стране и партии. Сейчас они свертывают свою фракционную работу, так как времена нынче «трудные» для них. Но если они не отказываются от своих принципиальных взглядов, если они решили остаться на старых своих позициях, то из этого следует, что они будут выжидать, ждать «лучших времен», когда им можно будет, накопивши силы, вновь выступить против партии. В этом не может быть никаких сомнений. Один из оппозиционеров, перешедший недавно на сторону партии, рабочий т. Андреев, сообщил о планах оппозиции поразительную вещь, которую необходимо, по-моему, отметить на конференции. Вот что об этом рассказывал нам т. Ярославский в своем докладе на октябрьском пленуме ЦК и ЦКК:

«Андреев, который вел в течение довольно долгого времени работу в оппозиции, в конце концов пришел к убеждению, что он не может больше работать с ними. Его привело к этому главным образом то обстоятельство, что он услышал от оппозиции две вещи: первая—то, что оппозиция натолкнулась на «реакционное» настроение рабочего класса, а вторая—то, что экономическое положение оказалось не так плохо, как они думали».

Я думаю, что т. Андреев, бывший оппозиционер, а ныне партиец, высказал то, что у оппозиции на душе и чего она не решится сказать открыто. Чувствуют они, очевидно, что экономическое положение теперь лучше, чем они предполагали, а настроение рабочих не так плохо, как они хотели бы, т.-е. «реакционно». Отсюда политика свертывания «работы». Ясно, что если потом несколько обострится экономическое положение,—в чем оппозиционеры убеждены,—и в связи с этим ухудшится настроение рабочих,—в чем они тоже убеждены,—то они не замедлят развернуть «работу», развернуть свои идейные позиции, от которых они не отказались, и пойти на открытую борьбу с партией.

Вот каковы, товарищи, перспективы оппозиционного блока,

который распадается, но еще не распался, и, пожалуй не распадется скоро без решительной и беспощадной борьбы со стороны партии.

Но раз они готовятся к борьбе и ждут «лучших времен» для того, чтобы возобновить открытую борьбу с партией, то и партии зевать не полагается. Отсюда задачи партии: вести решительную идейную борьбу против ошибочных идейных позиций оппозиции, на основе которых она остается, разоблачать оппортунистическую сущность этих идей, какими бы революционными фразами они ни облекались, и вести дело к тому, чтобы оппозиция была вынуждена отказаться от своих ошибок под страхом окончательного разгрома.

II. Основная ошибка оппозиционного блока.

Перехожу, товарищи, ко второму вопросу, к вопросу об основной ошибке оппозиционного блока в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции.

Основной вопрос, разделяющий партию с оппозиционным блоком, это—вопрос о том, возможна ли победа социализма в нашей стране, или, что то же, каков характер и каковы перспективы нашей революции.

Вопрос этот, товарищи, не нов, он более или менее подробно обсужден, между прочим, на апрельской конференции 1925 г., на XIV конференции. Теперь, в новой обстановке, он снова всплыл, и нам придется заняться этим вопросом вплотную, при чем, так как на недавнем объединенном заседании пленумов ЦК и ЦКК тт. Троцкий и Каменев бросили обвинение в том, что в тезисах об оппозиционном блоке неправильно переданы их взгляды, я вынужден привести в своем докладе ряд документов и цитат, подтверждающих основные положения тезисов об оппозиционном блоке. Заранее извиняюсь, товарищи, но я вынужден так поступить.

Перед нами стоят три вопроса:

1) Возможна ли победа социализма в нашей стране, учитывая то обстоятельство, что наша страна является единственной пока что страной диктатуры пролетариата, что пролетарская революция в других странах еще не победила, что темп мировой революции замедлился?

2) Если она, эта победа, возможна, то можно ли назвать такую победу полной победой, окончательной победой?

3) Если такую победу нельзя назвать окончательной, то какие

условия необходимы для того, чтобы она, эта победа, стала окончательной?

Таковы три вопроса, которые объединяются в общий вопрос о возможности победы социализма в одной стране, т.-е. в нашей стране.

Предварительные замечания.

Как марксисты решали этот вопрос раньше, скажем, в 40-х годах прошлого столетия, в 50—60-х годах, вообще в период, когда монополистического капитализма не было еще, когда закон неравномерного развития капитализма не был еще открыт и не мог быть открыт, когда в связи с этим вопрос о победе социализма в отдельных странах не ставился еще в той плоскости, в какой он был поставлен впоследствии? Мы все, марксисты, начиная с Маркса и Энгельса, придерживались тогда того мнения, что победа социализма в одной отдельно взятой стране невозможна, что для того, чтобы социализм победил, необходима одновременная революция в ряде стран, в ряде, по крайней мере, наиболее развитых, цивилизованных стран. И это было правильно тогда. Для характеристики этих взглядов я хотел бы привести одну характерную цитату из набросков Энгельса «Принципы коммунизма», ставящую вопрос в самой резкой форме. Этот набросок послужил потом основой «Коммунистического манифеста». Он написан в 1847 г. Вот что говорит Энгельс в этом наброске, опубликованном всего несколько лет тому назад.

«Может ли эта революция (т.-е. революция пролетариата. *И. Ст.*) произойти в одной какой-нибудь стране?

Ответ: нет. Крупная промышленность уже тем, что она создала мировой рынок, так связала между собою все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы, что каждый из них зависит от того, что происходит у другого. Затем крупная промышленность так уравняла общественное развитие во всех цивилизованных странах, что всюду буржуазия и пролетариат стали двумя решающими классами общества и борьба между ними—главной борьбой нашего времени. Поэтому коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, т.-е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии [1]. В каждой из этих стран она будет развиваться быстрее или медленнее, в зависимости от того, в какой из этих стран более развита промышленность, больше накоплено богатств и имеется более значительное количество про-

[1]) Разрядка моя. *И. Ст.*

изводительных сил. Поэтому она осуществится медленнее и труднее всего в Германии, быстрее и легче всего в Англии. Она окажет также значительное влияние на остальные страны мира и совершенно изменит и чрезвычайно ускорит их прежний ход развития. Она есть всемирная революция и будет поэтому иметь всемирную арену». (Ф. Энгельс, «Принципы коммунизма». См. «Коммунистический манифест», ГИЗ, 1923 г., стр. 317.)

Это писано в 40-х годах прошлого столетия, когда монополистического капитализма не было еще. Характерно, что тут нет даже упоминания о России, Россия вообще отсутствует. И это вполне понятно, так как России с ее революционным пролетариатом, России, как революционной силы, не было еще тогда, да и не могло быть.

Правильно ли было то, что сказано здесь, в этой цитате, в условиях домонополистического капитализма, правильно ли это было в тот период, когда Энгельс писал об этом? Да, правильно.

Правильно ли это положение теперь, в новых условиях монополистического капитала и пролетарской революции? Нет, уже неправильно.

В старый период, в период домонополистического капитализма, в период доимпериалистический, когда земной шар не был еще поделен между финансовыми группами, когда насильственный передел уже поделенного не являлся еще вопросом жизни и смерти капитализма, когда неравномерность экономического развития не была и не могла быть столь острой, какой она стала потом, когда противоречия капитализма не были еще доведены до той степени развития, когда они превращают капитализм цветущий в капитализм умирающий, открывая возможность победы социализма в отдельных странах,—в этот старый период формула Энгельса была, бесспорно, правильной. В новый период, в период развития империализма, когда неравномерность развития капиталистических стран превратилась в решающую силу империалистического развития, когда неизбежные конфликты и войны между империалистами ослабляют фронт империализма и делают возможным его прорыв в отдельных странах, когда закон о неравномерности развития, открытый Лениным, превратился в исходный пункт теории о победе социализма в отдельных странах,—в этих условиях старая формула Энгельса становится уже неправильной, в этих условиях она неизбежно должна быть заменена другой формулой, говорящей о возможности победы социализма в одной стране.

Величие Ленина, как продолжателя Маркса и Энгельса, в том именно и состоит, что он не был никогда рабом буквы в мар-

ксизме. В своих исследованиях он следовал указанию Маркса, неоднократно говорившего, что марксизм есть не догма, а руководство к действию. Ленин знал это и, строго различая между буквой и сутью марксизма, никогда не считал марксизм догмой, а старался применить марксизм, как основной метод, в новой обстановке капиталистического развития. В том именно и состоит величие Ленина, что он открыто и честно, без колебаний, поставил вопрос о необходимости новой формулы и возможности победы пролетарской революции в отдельных странах, не боясь того, что оппортунисты всех стран будут цепляться за старую формулу, стараясь прикрыть именем Маркса и Энгельса свое оппортунистическое дело.

С другой стороны, было бы странно требовать от Маркса или Энгельса, какими бы они ни были гениальными мыслителями, чтобы они предусмотрели в точности за 50—60 лет до развитого монополистического капитализма все возможности классовой борьбы пролетариата, появившиеся в период монополистического, империалистического капитализма.

И это не первый случай, когда Ленин, исходя из метода Маркса, продолжает дело Маркса и Энгельса, не цепляясь за букву марксизма. Я имею в виду другой аналогичный случай, а именно—случай с вопросом о диктатуре пролетариата. Известно, что по этому вопросу Маркс высказал ту мысль, что диктатура пролетариата, как слом старого государственного аппарата и создание нового аппарата, нового пролетарского государства, является необходимым этапом развития к социализму в странах континента, допустив исключение для Англии и Америки, где, по заявлению Маркса, милитаризм и бюрократизм слабо развиты или вовсе не развиты и где поэтому возможен другой путь, «мирный» путь перехода к социализму. Это было совершенно правильно в 70-х гг.

Рязанов. И тогда не было правильно.

Сталин. Я думаю, что в 70-х гг., когда милитаризм в Англии и Америке не был так развит, как впоследствии развился,—это положение было совершенно правильно. О том, что это положение было правильно, вы могли бы убедиться по известной главе брошюры т. Ленина «О продналоге», где Ленин считает неисключенным развитие социализма в Англии 70-х гг. в порядке соглашения между пролетариатом и буржуазией в стране, где пролетариат составляет большинство, где буржуазия привыкла итти на компромиссы, где милитаризм был слаб, бюрократия была слаба. Но это положение, будучи правильным в 70-х гг. прошлого столетия, стало уже неправильным после XIX столетия, в период империализма, когда Англия стала не менее бюрократической и

не менее, если не более, милитаристической, чем любая другая страна континента. В связи с этим т. Ленин говорит в своей брошюре «Государство и революция», что «ограничение Маркса насчет континента отпадает» теперь, потому что наступили новые условия, делающие излишним допущенное для Англии исключение.

В том именно и состоит величие Ленина, что он не отдавал себя в плен букве, что он умел схватывать сущность марксизма и, исходя из него, развивать дальше положения Маркса и Энгельса.

Вот как обстояло, товарищи, дело с вопросами о победе революции в отдельных странах в период доимпериалистический, в период домонополистического капитализма.

Ленинизм или троцкизм?

Из марксистов Ленин был первый, который подверг действительно марксистскому анализу империализм, как новую, последнюю фазу капитализма, по-новому поставил вопрос о возможности победы социализма в отдельных капиталистических странах и разрешил его в положительном смысле. Я имею в виду брошюру Ленина «Империализм». Я имею в виду статью Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы», вышедшую в свет в 1915 году. Я имею в виду полемику между Троцким и Лениным о лозунге Соединенных Штатов Европы или всего мира, когда Ленин впервые выставил тезис о возможности победы социализма в одной стране.

Вот что писал тогда Ленин в этой статье:

«Как самостоятельный лозунг, лозунг «Соединенные Штаты мира» был бы, однако, едва ли правилен, во-первых, потому, что он сливается с социализмом, во-вторых, потому, что он мог бы породить неправильное толкование о возможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным. Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстания против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств»..., ибо «невозможно свободное объединение наций в социализме

без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами». (Ленин, т. XVIII, стр. 133.)

Так писал Ленин в 1915 году.

Что это за закон неравномерного развития капитализма, действие которого в условиях империализма ведет к возможности победы социализма в одной стране?

Говоря об этом законе, Ленин исходил из того, что капитализм старый, домонополистический, уже перерос в империализм; что мировое хозяйство развивается в условиях бешеной борьбы главнейших империалистических групп за территории, за рынки, за сырье и т. д.; что раздел мира на сферы влияния империалистических групп уже закончен; что развитие капиталистических стран протекает не равномерно, не так, чтобы одна шла за другой или параллельно другой, а скачкообразно, путем оттеснения одних стран, ушедших ранее вперед, и выдвижения новых стран на первый план; что такой порядок развития капиталистических стран неизбежно вызывает конфликты и войны между капиталистическими державами за новый передел уже поделенного мира; что эти конфликты и войны ведут к ослаблению империализма; что мировой фронт империализма становится в связи с этим легко уязвимым для его прорыва в тех или иных странах; что ввиду этого становится возможной победа социализма в отдельных странах.

Известно, что еще совсем недавно Англия шла впереди всех других империалистических государств. Известно также, что впоследствии Германия стала перегонять Англию, требуя для себя места «под солнцем» за счет других государств и прежде всего за счет Англии. Известно, что империалистская война (1914—1918 г.г.) возникла именно в связи с этим обстоятельством. Теперь, после империалистской войны, Америка забежала далеко вперед, оставив позади как Англию, так и другие европейские державы. Едва ли можно сомневаться, что это обстоятельство чревато новыми большими конфликтами и войнами.

То обстоятельство, что империалистический фронт был прорван в связи с империалистской войной в России, это обстоятельство говорит о том, что в современных условиях развития капитализма цепь империалистического фронта будет прорываться не обязательно в той стране, где промышленность более всего развита, но там, где эта цепь слабее, где пролетариат имеет серьезного союзника, например крестьянство, против империалистической власти, как это имело место в России. Вполне возможно, что в будущем цепь империалистического фронта прорвется в одной из таких стран, как, скажем, Индия, где пролетариат имеет серьезного союзника в лице мощного революционного освободительного движения.

Говоря о возможности победы социализма в одной стране, Ленин полемизировал, как известно, прежде всего, с т. Троцким, так же, как и с социал-демократией.

Как реагировал т. Троцкий на статью Ленина и тезис Ленина о возможности победы социализма в одной стране?

Вот что писал тогда Троцкий (в 1915 году) в ответ на статью Ленина:

«Единственное сколько-нибудь конкретное историческое соображение,—говорит т. Троцкий,—против лозунга Соединенных Штатов было формулировано в швейцарском «Социал-Демократе» (тогдашний центральный орган большевиков, где и была напечатана вышеупомянутая статья Ленина. *И. Ст.*) в следующей фразе: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма». Отсюда «Социал-Демократ» делал тот вывод, что возможна победа социализма в одной стране, и что незачем поэтому диктатуру пролетариата в каждом отдельном государстве обусловливать созданием Соединенных Штатов Европы. Что капиталистическое развитие разных стран неравномерно—это совершенно бесспорное соображение. Но самая эта неравномерность весьма неравномерна. Капиталистический уровень Англии, Австрии, Германии или Франции не одинаков. Но по сравнению с Африкой и Азией все эти страны представляют собой капиталистическую «Европу», созревшую для социальной революции. Что ни одна страна не должна «дожидаться» других в своей борьбе, это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок к борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать,—так свидетельствуют и опыт истории и теоретические соображения,—что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире» [1]). (См. т. III соч. т. Троцкого, ч. 1, стр. 89—90.)

Так писал т. Троцкий в 1915 году в парижском журнале «Наше Слово», при чем эта статья была перепечатана в России впоследствии в составе сборника статей т. Троцкого под названием «Программа мира», вышедшего впервые в августе 1917 года.

---

[1]) Разрядка моя. *И. Ст.*

Вы видите, что в этих двух цитатах Ленина и Троцкого противопоставляются друг другу два совершенно различных тезиса. В то время как Ленин считает, что победа социализма в одной стране возможна, что пролетариат, захватив власть, не только может удержать ее, но он может пойти еще дальше, экспроприировав капиталистов и организовав социалистическое хозяйство для того, чтобы оказать действенную поддержку пролетариям капиталистических стран,—т. Троцкий, наоборот, считает, что если победившая революция в одной стране не вызовет в самый ближайший срок победы революции в других странах, то пролетариат победившей страны не сумеет даже удержать власти (не говоря уже о том, что он не сможет организовать социалистическое хозяйство), ибо,—говорит Троцкий,—безнадежно думать, что революционная власть в России может устоять перед лицом консервативной Европы.

Это две совершенно различные точки зрения, две совершенно различные установки. У Ленина пролетариат, взявший власть, представляет активнейшую и инициативнейшую силу, организующую социалистическое хозяйство и идущую дальше на поддержку пролетариев других стран. У Троцкого, наоборот, пролетариат, взявший власть, превращается в полупассивную силу, требующую немедленной помощи в виде немедленной победы социализма в других странах, и чувствующую себя как на бивуаке, под страхом немедленной потери власти. Ну, а если не подойдет немедленная победа революции в других странах,—как тогда? Тогда сворачивай работу. (Голос с места: «И в кусты».) Да, и в кусты. Это совершенно правильно. (Смех.)

Могут сказать, что это расхождение между Лениным и Троцким представляет область прошлого, что потом это расхождение в ходе работы могло дойти до минимума или даже совершенно стереться. Да, могло дойти до минимума и даже стереться. Но, к сожалению, не произошло ни то, ни другое. Наоборот, это расхождение осталось во всей своей силе вплоть до самой смерти т. Ленина. Оно продолжает существовать и теперь, как видите сами. Наоборот, я утверждаю, что это расхождение между Лениным и Троцким и полемика на этой почве продолжались все время, при чем соответствующие статьи Ленина и Троцкого появлялись одна за другой, и скрытая полемика продолжалась, правда, без наименования лиц.

Вот некоторые факты на этот счет.

В 1921 году, когда мы ввели нэп, Ленин вновь ставит вопрос о возможности победы социализма уже в более конкретной форме, о возможности построения социалистического фундамента нашей экономики на рельсах нэпа. Вы помните, в 1921 году, при

введении нэпа, одна часть нашей партии, особенно «рабочая оппозиция», обвиняла Ленина в том, что он, вводя нэп, сворачивает с пути социализма. Видимо, в ответ на это Ленин несколько раз заявлял тогда в своих выступлениях и статьях, что, вводя нэп, мы имеем в виду не отход от нашего пути, а продолжение его в новых условиях на предмет построения «социалистического фундамента нашей экономики», «вместе с крестьянством», «под руководством рабочего класса» (см. «Продналог» и другие статьи Ленина на тему о нэпе).

Как бы в ответ на это т. Троцкий в январе 1922 года печатает «Предисловие» к своей книге «1905 год», где он сообщает, что строительство социализма в нашей стране вместе с крестьянством представляет вещь неосуществимую, ибо жизнь нашей страны будет протекать по линии враждебных столкновений между рабочим классом и крестьянством, пока не победит пролетариат на Западе.

Вот что говорит т. Троцкий в этом «Предисловии»:

«Пролетариат, взявший власть, «придет во в р а ж д е б н ы е с т о л к н о в е н и я [1]) не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти», что «противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата». (Т р о ц к и й, «Предисловие» к книге т. Троцкого «1905 год», написанное в *1922* году.)

И здесь, как видите, противопоставляются друг другу два различных тезиса. В то время как Ленин допускает возможность строительства социалистического фундамента нашей экономики вместе с крестьянством и под руководством рабочего класса, у Троцкого, наоборот, выходит, что руководство крестьянством со стороны пролетариата и совместное строительство социалистического фундамента—вещи неосуществимые, так как политическая жизнь страны будет протекать во в р а ж д е б н ы х столкновениях между рабочей властью и большинством крестьянства, а эти столкновения могут быть разрешены лишь на арене мировой революции.

Далее. Мы имеем выступление Ленина на пленуме Моссовета спустя год после этого, в 1922 г., где он еще раз возвращается к вопросу о построении социализма в нашей стране. Он говорит:

«Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного буду-

---

[1]) Разрядка моя. *И. Ст.*

щего, или какой-нибудь отвлеченной картины, или какой-нибудь иконы. Насчет икон мы остались мнения старого, весьма плохого. Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей, и как много трудностей она нам ни причиняет,—все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая». (См. т. XVIII, ч. 2, стр. 108.)

Как бы в ответ на это или, может быть, в разъяснение того, что было сказано т. Троцким в вышеупомянутой его цитате, т. Троцкий печатает в 1922 году «Послесловие» к своей брошюре «Программа мира», где он говорит:

«Несколько раз повторяющееся в «Программе мира» утверждение, что пролетарская революция не может победоносно завершиться в национальных рамках, покажется, пожалуй, некоторым читателям опровергнутым почти пятилетним опытом нашей Советской республики. Но такое заключение было бы неосновательно. Тот факт, что рабочее государство удержалось против всего мира в одной стране, и притом отсталой, свидетельствует о колоссальной мощи пролетариата, которая в других, более передовых, более цивилизованных странах способна будет совершать поистине чудеса. Но, отстояв себя в политическом и военном смысле, как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли... До тех пор, пока в остальных европейских государствах у власти стоит буржуазия, мы вынуждены, в борьбе с экономической изолированностью, искать соглашения с капиталистическим миром; в то же время можно с уверенностью сказать, что эти соглашения в лучшем случае могут помочь нам залечить те или другие экономические раны, сделать тот или иной шаг вперед, но что подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы [1]) пролетариата в важнейших странах Европы». (См. т. III соч. т. Троцкого, ч. 1, стр. 92—93.)

И здесь, как видите, противопоставляются друг другу два противоположных тезиса Ленина и Троцкого. В то время как Ленин считает, что мы уже протащили социализм в повседневную жизнь и что, несмотря на трудности, имеем все возможности из России нэповской сделать Россию социалистическую, Троцкий, наоборот, полагает, что мы не только не можем сделать

---

[1]) Разрядка моя. *И. Ст.*

Россию нынешнюю Россией социалистической, но мы не можем даже добиться подлинного подъема социалистического хозяйства до победы пролетариата в других странах.

Наконец, мы имеем записи т. Ленина в виде статей «О кооперации» и «О нашей революции» (против Суханова), данные перед смертью Лениным и оставленные нам в виде его политического завещания. Эти записи замечательны в том отношении, что в них Ленин вновь ставит вопрос о возможности победы социализма в нашей стране и дает такие формулировки, которые не оставляют места для каких бы то ни было сомнений.

Вот что он говорит в записях «О нашей революции»:

«... До бесконечия шаблонным является у них (у героев II Интернационала. *И. Ст.*) довод, который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистическую войну, не мог ли он под влиянием безвыходности своего положения броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации»...

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы?»...

«Для создания социализма,—говорите вы,—требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического периода недопустимы или невозможны?» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 118—120.)

А вот что говорит Ленин в статьях «О кооперации»:

«В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,—разве это не все, что

нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую и которую с известной стороны имеем право третировать теперь, при нэпе, так же,—разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»[1]). (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 140.)

Итак, мы имеем таким образом две линии в основном вопросе о возможности победоносного строительства социализма в нашей стране, о возможности победы социалистических элементов нашего хозяйства над элементами капиталистическими, ибо, товарищи, возможность победы социализма в нашей стране означает не что иное, как возможность победы социалистических элементов нашего хозяйства над элементами капиталистическими—линию Ленина и ленинизма и линию Троцкого и троцкизма. Ленинизм решает этот вопрос положительно. Троцкизм, наоборот, отрицает возможность победы социализма в нашей стране на основе внутренних сил нашей революции. Если первая линия есть линия нашей партии, то вторая линия является приближением ко взглядам социал-демократии.

Поэтому и говорится в проекте тезисов об оппозиционном блоке, что троцкизм есть социал-демократический уклон в нашей партии.

Из этого же вытекает тот несомненный факт, что наша революция является революцией социалистической, что она представляет не только сигнал, толчок и исходный пункт мировой революции, но и базу, базу необходимую и достаточную для построения полного социалистического общества в нашей стране.

Итак, мы можем и должны победить капиталистические элементы нашего хозяйства, мы можем и должны построить социалистическое общество в нашей стране. Но можно ли назвать эту победу полной, окончательной? Нет, нельзя назвать. Победить наших капиталистов мы можем, строить социализм и построить его мы в состоянии, но это еще не значит, что мы в состоянии тем самым гарантировать страну диктатуры пролетариата от опасностей извне, от опасности интервенции и связанной с нею реставрации, восстановления старых порядков. Мы живем не на острове. Мы живем в капиталистическом окружении. То обстоятельство, что мы строим социализм и революционизируем тем самым рабочих капиталистических стран, не может не вызывать ненависть и вражду со стороны всего капиталистического мира. Думать, что капи-

[1]) Разрядка везде моя. *И. Ст.*

талистический мир может равнодушно смотреть на наши успехи на хозяйственном фронте, успехи, революционизирующие рабочий класс всего мира,—это значит впадать в иллюзию. Поэтому, пока мы остаемся в капиталистическом окружении, пока пролетариат не победил, по крайней мере в ряде стран, мы не можем считать свою победу окончательной, какие бы успехи ни оказали в своем строительстве, мы не можем считать страну диктатуры пролетариата гарантированной от опасностей извне. Поэтому, чтобы победить полностью, чтобы победить окончательно, нужно добиться того, чтобы нынешнее капиталистическое окружение сменилось окружением социалистическим, нужно добиться того, чтобы пролетариат победил, по крайней мере, еще в нескольких странах. Только тогда можно считать нашу победу полной и окончательной.

Вот почему победу социализма в нашей стране мы рассматриваем не как самоцель, не как нечто самодовлеющее, а как подспорье, как средство, как путь для победы пролетарской революции в других странах.

Вот что писал на этот счет тов. Ленин.

«Мы живем,—говорит Ленин,—не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока это наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен. Это значит, что пролетариат, как господствующий класс, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это также своей военной организацией». (Ленин, т. XVI, стр. 102.)

Из этого следует, что опасность военной интервенции существует и будет еще существовать долгое время. Другой вопрос, могут ли сейчас капиталисты предпринять против Республики Советов серьезную интервенцию. Это еще вопрос. Тут многое зависит от поведения рабочих капиталистических стран, от их сочувствия стране пролетарской диктатуры, от степени их приверженности делу социализма. Что рабочие капиталистических стран не могут сейчас поддержать нашу революцию революцией против своих капиталистов,—это пока что факт. Но что капиталисты не в состоянии поднять «своих» рабочих войной против нашей республики,—это тоже факт. А воевать со страной диктатуры пролетариата без рабочих нельзя по нынешним временам без опасности подвергнуть капитализм смертельному риску. Об этом говорят бесчисленные рабочие делегации, приезжающие в нашу страну для проверки нашей работы по строительству социализма. Об этом говорит то громадное сочувствие, которое питает к Республике

Советов рабочий класс всего мира. На этом сочувствии и базируется теперь международное положение нашей республики. Без него мы имели бы теперь ряд новых попыток интервенции, перерыв нашей строительной работы и отсутствие периода «передышки».

Но если сейчас капиталистический мир не в состоянии пойти военной интервенцией против нашей страны, то это еще не значит, что он никогда не будет в состоянии сделать это. Во всяком случае капиталисты не спят, и они принимают все меры к тому, чтобы ослабить международные позиции нашей республики и создать предпосылки для интервенции. Поэтому нельзя считать исключенными как попытки интервенции, так и связанную с ними возможность реставрации старых порядков.

Ленин прав поэтому, когда он говорит:

«Пока наша Советская республика останется одинокой окраиной всего капиталистического мира, до тех пор думать... об исчезновении тех или иных опасностей было бы совершенно смешным фантазерством и утопизмом. Конечно, пока такие коренные противоположности остались, остаются и опасности, и от них никуда не убежишь». (См. т. XVII, стр. 408—409.)

Вот почему говорит Ленин, что:

«Окончательно победить можно только в мировом масштабе и только совместными усилиями рабочих всех стран». (См. т. XV, стр. 287.)

Итак, что такое победа социализма в нашей стране?

Это значит завоевать диктатуру пролетариата и построить социализм, преодолев таким образом капиталистические элементы нашего хозяйства на основе внутренних сил нашей революции.

Что такое окончательная победа социализма в нашей стране?

Это значит создание полной гарантии от интервенции и попыток реставрации на основе победы социалистической революции по крайней мере в нескольких странах.

Если возможность победы социализма в одной стране означает возможность разрешения внутренних противоречий, вполне преодолимых для одной страны (мы имеем в виду, конечно, нашу страну), то возможность окончательной победы социализма означает возможность разрешения противоречий внешних между страной социализма и странами капитализма, противоречий, преодолимых лишь силами пролетарской революции в нескольких странах.

Кто смешивает эти два ряда противоречий, тот либо безнадежный путаник, либо неисправимый оппортунист.

Такова основная линия нашей партии.

Резолюция XIV конференции РКП (б).

Впервые эта линия получила свое официальное партийное выражение в известной резолюции XIV конференции по вопросу о международном положении, стабилизации капитализма и строительстве социализма в одной стране. Я думаю, что эта резолюция является одним из важнейших партийных документов в истории нашей партии не только потому, что она представляет величайшую демонстрацию в пользу ленинской линии в вопросе о строительстве социализма в нашей стране, но и потому, что она является вместе с тем прямым осуждением троцкизма. Я думаю, что было бы нелишним отметить важнейшие пункты этой резолюции, принятой, как это ни странно, по докладу т. Зиновьева. (В зале движение.)

Вот что говорится в этой резолюции о победе социализма в одной стране:

«Вообще победа социализма (не в смысле окончательной победы) безусловно возможна в одной стране».

По вопросу об окончательной победе социализма в резолюции сказано:

«...Наличие двух прямо противоположных общественных систем вызывает постоянную угрозу капиталистической блокады, других форм экономического давления, вооруженной интервенции, реставрации. Единственной гарантией окончательной победы социализма, т.-е. гарантии от реставрации, является, следовательно, победоносная социалистическая революция в ряде стран».

А вот что сказано в резолюции по вопросу о построении полного социалистического общества и о троцкизме:

«Из этого отнюдь не вытекает, что невозможна постройка полного социалистического общества в такой отсталой стране, как Россия, без «государственной помощи» (Троцкий) более развитых в технико-экономическом отношении стран. Составной частью троцкистской теории перманентной революции является утверждение, что «подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы» (Троцкий, 1922 год),—утверждение, обрекающее пролетариат СССР в нынешний период на фаталистическую пассивность. Против подобных «теорий» т. Ленин писал: «До бесконечности шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных предпосылок для

социализма». (Заметки о Суханове.) (Резолюция XIV конференции РКП «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ».)

Я думаю, что эти основные пункты резолюции XIV конференции не нуждаются в пояснениях. Невозможно выразиться более ясно и определенно. Особое внимание обращает на себя то место резолюции, где между троцкизмом и сухановщиной ставится знак равенства. А что такое сухановщина? Мы знаем из известных статей Ленина против Суханова, что сухановщина есть разновидность социал-демократизма, меньшевизма. Это особенно необходимо подчеркнуть для того, чтобы понять, почему т. Зиновьев, защищавший на XIV конференции эту резолюцию, отошел потом от нее, примкнув к точке зрения Троцкого, в блоке с которым он состоит теперь.

В связи с международным положением резолюция отмечает далее два уклона от основной линии партии, могущие создать опасности для партии.

Вот что говорится в резолюции об этих опасностях:

«В связи с сложившимся на международной арене положением нашей партии в данный период могут угрожать две опасности: 1) уклон к пассивности, вытекающий из чрезмерно расширительного толкования наметившейся кое-где стабилизации капитализма и замедленного темпа международной революции, отсутствие достаточного импульса к энергичной и систематической работе над построением социалистического общества в СССР, несмотря на замедленный темп международной революции, и 2) уклон к национальной ограниченности, забвение обязанностей международных пролетарских революционеров, бессознательное пренебрежение к теснейшей зависимости судеб СССР от развивающейся, хотя и медленно, международной пролетарской революции, непонимание того, что не только международное движение нуждается в существовании, упрочении и усилении мощи первого в мире пролетарского государства, но и диктатура пролетариата в СССР нуждается в помощи со стороны международного пролетариата». (Резолюция XIV конференции РКП «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ».)

Из этой цитаты видно, что XIV конференция, говоря о первом уклоне, имела в виду уклон к неверию в победу социалистического строительства в нашей стране, распространенный среди троцкистов; говоря же о втором уклоне, она имела в виду уклон к забвению интернациональных перспектив нашей революции, имеющий некоторое распространение среди некоторых работников по

линии международной политики, сбивающихся иногда на позицию установления «сфер влияния» в зависимых странах.

Заклеймив оба эти уклона, партия в целом и ее Центральный Комитет этим самым объявили войну опасностям, идущим по линии этих уклонов.

Таковы факты.

Как могло случиться, что т. Зиновьев, защищавший резолюцию XIV конференции в специальном докладе, отошел потом от линии этой резолюции, являющейся вместе с тем линией ленинизма; как могло случиться, что он, отходя от ленинизма, бросал вместе с тем по адресу партии смехотворное обвинение в национальной ограниченности, прикрывая свой отход от ленинизма этим обвинением,—об этом фокусе я постараюсь рассказать вам, товарищи, сейчас.

Переход „новой оппозиции" к троцкизму.

Расхождение нынешних лидеров «новой оппозиции», тт. Каменева и Зиновьева, с Центральным Комитетом нашей партии по вопросу о строительстве социализма в нашей стране впервые приняло открытую форму накануне XIV конференции. Я имею в виду одно из заседаний Политбюро ЦК накануне конференции, где Каменев и Зиновьев попытались защищать по этому вопросу своеобразную точку зрения, не имеющую ничего общего с линией партии и совпадающую в основном с позицией Суханова.

Вот что писал на этот счет Московский Комитет ВКП в ответ на известное заявление бывшей ленинградской верхушки, в декабре 1925 года, т.-е. спустя 7 месяцев.

«Не так давно товарищи Каменев и Зиновьев защищали в Политбюро ту точку зрения, будто бы мы не сможем справиться с внутренними трудностями из-за нашей технической и экономической отсталости, если только нас не спасет международная революция. Мы же, вместе с большинством ЦК, думаем, что мы можем строить социализм, строим и построим его, несмотря на нашу техническую отсталость и вопреки ей. Мы думаем, что это строительство будет итти, конечно, гораздо медленнее, чем в условиях мировой победы, но тем не менее мы идем и будем итти вперед. Мы точно так же полагаем, что точка зрения тт. Каменева и Зиновьева выражает неверие во внутренние силы нашего рабочего класса и идущих за ним крестьянских масс. Мы полагаем, что она есть отход от ленинской позиции». (См. «Ответ».)

Я должен, товарищи, отметить, что это заявление Московского Комитета, напечатанное в «Правде» в день открытия XIV съез-

да, тт. Каменев и Зиновьев не попытались даже опровергнуть, молчаливо признав тем самым, что обвинения, выдвинутые Московским Комитетом, соответствуют действительности.

На самой XIV конференции тт. Каменев и Зиновьев признали формально правильность партийной линии по вопросу о строительстве социализма в нашей стране. Они были вынуждены к этому, видимо, тем обстоятельством, что точка зрения Каменева и Зиновьева не нашла сочувствия среди членов ЦК. Более того, как я уже говорил, Зиновьев даже защищал в специальном докладе на XIV конференции известную резолюцию XIV конференции, являющуюся, как вы имели возможность убедиться в этом, выражением линии нашей партии. Но последующие события показали, что Зиновьев и Каменев защищали партийную линию на XIV конференции лишь формально, по внешности, оставаясь на деле на своих позициях. Появление в свет книги т. Зиновьева «Ленинизм» в сентябре 1925 года представляет в этом отношении «событие», проводящее водораздел между Зиновьевым, защищавшим на XIV конференции линию партии, и Зиновьевым, отошедшим от партийной линии, от ленинизма—к идейной позиции троцкизма.

Вот что пишет т. Зиновьев в своей книге:

«Под окончательной победой социализма следует понимать, по крайней мере: 1) уничтожение классов и, стало быть, 2) упразднение диктатуры одного класса, в данном случае диктатуры пролетариата»... «Чтобы еще точнее уяснить себе,—говорит дальше т. Зиновьев,—как стоит вопрос у нас, в СССР, в 1925 г., надо различать две вещи: 1) обеспеченная возможность строить социализм,—такая возможность строить социализм вполне, разумеется, может мыслиться и в рамках одной страны, и 2) окончательное построение и упрочение социализма, т.-е. осуществление социалистического строя, социалистического общества»... (См. «Ленинизм» т. Зиновьева, стр. 291 и 293.)

Вы видите, что тут все перепутано и перевернуто вверх дном. По Зиновьеву выходит, что победить, в смысле победы социализма в одной стране—это значит иметь возможность строить социализм, но не иметь возможности построить его. Строить, будучи уверенным, что не построишь. Вот что называется, оказывается, у Зиновьева победой социализма в одной стране. (Смех.) Что касается построения социалистического общества, то он спутывает его с вопросом об окончательной победе, демонстрируя тем самым полное свое непонимание вопроса в целом о победе социализма в нашей стране. Строить социалистическое хозяйство, зная, что не построишь,—вот до чего докатился т. Зиновьев.

Нечего и говорить, что такая позиция не имеет ничего об-

щего с основной линией ленинизма о строительстве социализма. Нечего и говорить, что такая позиция, ослабляя волю пролетариата к строительству социализма в нашей стране и тормозя тем самым развязывание революции в других странах, опрокидывает вверх дном самые основы интернационализма. Это есть та позиция, которая прямо подходит и подает руку идейной позиции троцкизма.

То же самое нужно сказать о выступлениях т. Зиновьева на XIV съезде в декабре 1925 года. Вот что он говорил на XIV съезде, критикуя т. Яковлева:

«Вы посмотрите, до чего, например, договорился т. Яковлев на последней курской губпартконференции. «Можем ли мы в одной стране,—спрашивает он,—будучи окружены со всех сторон капиталистическими врагами, можем ли мы в таких условиях в одной стране построить социализм?» И отвечает: «На основе всего сказанного мы в праве сказать, что мы не только строим социализм, но что мы, несмотря на то, что мы пока что одни, что мы пока единственная в мире советская страна, советское государство,—мы этот социализм построим». («Курская Правда», № 279 от 8 декабря 1925 г.) Разве это ленинская постановка вопроса, разве здесь не отдает душком национальной ограниченности?» [1]). (Зиновьев, заключительное слово на XIV партсъезде.)

Выходит, что т. Яковлев, защищавший в основном линию партии и ленинизма, заслуживает обвинения в национальной ограниченности. Выходит, что защищать линию партии, закрепленную в известной резолюции XIV конференции,—значит впасть в национальную ограниченность. Это и называется у нас: докатился! В этом, собственно, и кроется фокус, разыгрываемый т. Зиновьевым и состоящий в том, что свой отход от ленинизма к позиции троцкизма старается он прикрыть смехотворными обвинениями по адресу ленинцев в национальной ограниченности.

Поэтому тезисы об оппозиционном блоке говорят сущую правду, утверждая, что новая оппозиция перешла на сторону троцкизма в основном вопросе о возможности победы социализма в нашей стране, или—что одно и то же—в вопросе о характере и перспективах нашей революции.

Несколько особое положение занимает в этом вопросе формально т. Каменев, что должно быть здесь отмечено. Это факт, что т. Каменев, вопреки т. Зиновьеву, заявил открыто как на XIV партконференции, так и на XIV партсъезде о своей солидарности с линией партии в вопросе о строительстве социализма

---

[1]) Разрядка моя. *И. Ст.*

в нашей стране. Тем не менее XIV съезд партии не принял всерьез заявление т. Каменева, не поверил ему на слово, отнеся его в своей резолюции по отчету ЦК к группе товарищей, отошедших от ленинизма. Почему? Потому, что т. Каменев не захотел и не счел нужным подкрепить свое заявление о солидарности с линией партии делом. А что значит подкрепить свое заявление делом? Это значит порвать с теми, которые ведут борьбу с линией партии. Партия знает немало примеров, когда люди, заявлявшие словесно о своей солидарности с партией, продолжали вместе с тем политическую дружбу с элементами, ведущими борьбу против партии. Ленин в таких случаях обычно говорил, что такие «сторонники» партийной линии хуже ее противников. Известно, например, что т. Троцкий в эпоху империалистской войны заявлял неоднократно о своей солидарности и преданности принципам интернационализма. Однако Ленин его называл тогда «пособником социал-шовинистов». Почему? Потому, что, заявляя о своем интернационализме, т. Троцкий не хотел в то же время рвать с Каутским и Мартовым, Потресовым и Чхеидзе. И Ленин был, конечно, прав. Ты хочешь, чтобы твое заявление было принято всерьез,—тогда подкрепи свое заявление делом и прекрати политическую дружбу с людьми, ведущими борьбу против линии партии.

Вот почему я думаю, что заявления т. Каменева о его солидарности с линией партии в вопросе о строительстве социализма не могут быть приняты всерьез, коль скоро он не хочет подкрепить слово делом и продолжает оставаться в блоке с троцкистами.

Отписка т. Троцкого. Тов. Смилга. Тов. Радек.

Могут сказать, что все это хорошо и правильно. Но нет ли каких-либо оснований и документов, говорящих о том, что лидеры оппозиционного блока непрочь повернуть от социал-демократического уклона к ленинизму? Вот, например, книжка т. Троцкого «К социализму или к капитализму?». Не является ли она, эта книжка, признаком того, что т. Троцкий непрочь отказаться от своих принципиальных ошибок? Некоторые даже думают, что т. Троцкий действительно отказался, или старается отказаться, в этой книжке от своих принципиальных ошибок. Я, грешный человек, в данном случае страдаю некоторым неверием в это дело (с м е х) и должен сказать, что такие предположения, к сожалению, совершенно не соответствуют действительности.

Вот, например, наиболее яркое место из книги т. Троцкого «К социализму или к капитализму?»:

«Государственная плановая комиссия (Госплан) опубликовала сводную таблицу по «Контрольным цифрам народного хозяйства СССР на 1925/26 г.». Все это звучит очень сухо и, так сказать, бюрократично. Но в этих сухих статистических колонках и почти столь же сухих и сдержанных пояснениях к ним звучит великолепная историческая музыка растущего социализма». (Л. Троцкий, «К социализму или к капитализму?», изд. «Плановое хозяйство», 1925 г., стр. 1.)

Что это такое: «великолепная историческая музыка растущего социализма»? Каков смысл этой «великолепной» фразы, если вообще есть в этой фразе какой-либо смысл? Есть ли тут ответ, хотя бы намек ответа на вопрос о возможности победы социализма в нашей стране? Об исторической музыке растущего социализма можно было говорить и в 1917 году, когда мы свергли буржуазию, и в 1920 году, когда мы вышибли вон интервенционистов из нашей страны, ибо это была, действительно, великолепная историческая музыка растущего социализма, когда мы, свергнув буржуазию в 1917 году и изгнав вон интервенционистов, дали всему миру великолепные факты силы и могущества растущего социализма в нашей стране. Но имеет ли это и может ли иметь какое бы то ни было отношение к вопросу о возможности победоносного строительства социализма в нашей стране? Мы можем,—говорит Троцкий,—итти к социализму. Но можем ли притти к социализму,—вот в чем вопрос. Итти, зная, что не придешь к социализму,—разве это не глупость? Нет, товарищи, «великолепная» фраза т. Троцкого о музыке и прочем представляет не ответ на вопрос, а адвокатскую отговорку и «музыкальную» отписку от вопроса. (Голоса с мест: «Правильно!».)

Я думаю, что эту великолепную и музыкальную отписку т. Троцкого можно было бы поставить на одну доску с той отпиской в вопросе о квалификации ленинизма, которую дал в свое время т. Троцкий в своей брошюре «Новый курс». Не угодно ли послушать:

«Ленинизм, как система революционного действия, предполагает воспитанное размышлением и опытом революционное чутье, которое в области общественной—то же самое, что мышечное ощущение в физическом труде». (Л. Троцкий, «Новый курс», изд. «Красная Новь», 1924 г., стр. 47.)

Ленинизм, как «мышечное ощущение в физическом труде». Не правда ли, и ново, и оригинально, и глубокомысленно. Вы поняли что-нибудь? (Смех.) Все это очень красочно, музыкально и, если хотите, даже великолепно. Не хватает только «мелочи»: простого и человеческого определения ленинизма.

Ленин имел в виду такие именно случаи особого увлечения Троцкого музыкальной фразой, когда он писал о Троцком следующие, например, горькие, но правдивые слова:

«Не все то золото, что блестит. Много блеску и шуму в фразах Троцкого, но содержания в них нет». (Ленин, т. XII, ч. 2, стр. 449.)

Так обстоит дело с книжкой т. Троцкого «К социализму или к капитализму?», выпущенной в свет в 1925 году.

Что касается более позднего времени, например 1926 года, то мы имеем документ от сентября 1926 года, подписанный т. Троцким, который не оставляет никаких сомнений в том, что Троцкий продолжает оставаться на своей, отвергнутой партией, точке зрения. Я имею в виду письмо т. Троцкого к оппозиционерам.

Вот что говорится в этом документе:

«Ленинградская оппозиция своевременно забила тревогу по поводу замазывания дифференциации деревни, по поводу роста кулака и роста его влияния не только на стихийные процессы хозяйства, но и на политику советской власти; по поводу того, что в рядах нашей собственной партии создалась под покровительством Бухарина теоретическая школа, которая явно отражает давление мелкобуржуазной стихии нашего хозяйства; ленинградская оппозиция энергично выступила против теории социализма в одной стране, как теоретического оправдания национальной ограниченности...» (Из приложений к стенограмме заседаний ПБ ЦК ВКП(б) от 8 и 11 октября 1926 г. по вопросу о внутрипартийном положении.)

Тут, в этом документе, подписанном т. Троцким, сказано все: и то, что лидеры «новой оппозиции» отошли от ленинизма к троцкизму, и то, что т. Троцкий продолжает оставаться целиком и полностью на старых своих позициях социал-демократического уклона в нашей партии.

Ну, а как другие лидеры оппозиционного блока, например т. Смилга или т. Радек? Я думаю, что эти товарищи являются тоже лидерами оппозиционного блока. Смилга или Радек,—чем они не лидеры? Как они расценивают позицию партии, позицию ленинизма в вопросе о строительстве социализма в нашей стране?

Вот что говорил, например, т. Смилга в сентябре 1926 года в Комакадемии:

«Я утверждаю,— говорит он,— что он (Бухарин. *И. Ст.*) находится целиком в плену восстановительной идеологии, он считает доказанным, что экономическая отсталость нашей страны не может быть препятствием

для построения социалистического строя в России... Я считаю, что безусловно, занимаясь социалистическим строительством, мы строим социализм. Но, спрашивается, дает ли восстановительный период основания для проверки, для ревизии центрального пункта марксизма и ленинизма, который заключается в том, что в одной технически отсталой стране социализм построить невозможно?» [1]). (Смилга, выступление в Комакадемии 25 сентября 1926 года по вопросу о контрольных цифрах.)

Тоже, как видите, «позиция», целиком совпадающая с позицией г. Суханова в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции. Разве не верно, что позиция Смилги вполне отвечает позиции т. Троцкого, которую я назвал, и назвал по праву, позицией социал-демократического уклона? (Голоса: «Правильно!».) Можно ли считать, что оппозиционный блок ответственен за подобные выступления т. Смилги? Можно и должно. Пытался ли когда-либо оппозиционный блок отмежеваться от т. Смилги? Нет, не пытался. Наоборот, он всемерно поощрял т. Смилгу в его выступлениях в Комакадемии.

А вот и другой лидер т. Радек, выступавший в Комакадемии совместно со Смилгой и разносивший там «в пух и прах» нашего брата. (Смех.) У нас есть документ, говорящий о том, что т. Радек хихикал и издевался над теорией построения социализма в нашей стране, называя ее теорией строительства социализма «в одном уезде» или даже «на одной улице», при чем на реплику товарищей с мест о том, что эта теория есть «ленинская идея», т. Радек ответил:

«Вы плохо читали Ленина; если бы Владимир Ильич был жив, он бы сказал, что это—щедринская идея. У Щедрина в «Помпадурах» есть помпадур единственный, который либерализм строит в одном уезде». (Речь т. Радека в Комакадемии.)

Можно ли назвать это пошлое и либеральное хихиканье т. Радека насчет идеи строительства социализма в одной стране иначе, как полным разрывом с ленинизмом? Отвечает ли оппозиционный блок за эту пошлость т. Радека? Безусловно, да. Почему же он не отмежевывается от нее? Потому, что оппозиционный блок не думает покидать своей позиции отхода от ленинизма.

Решающее значение вопроса о перспективах нашего строительства.

Могут спросить: к чему все эти споры о характере и перспективах нашей революции, к чему споры о том, что будет в будущем

[1]) Разрядка моя. *И. Ст.*

или что может быть в будущем,—не лучше ли отбросить все эти споры в сторону и заняться практической работой?

Я считаю, товарищи, что такая постановка вопроса в корне неправильна, ибо она не имеет ничего общего с ленинизмом.

Мы не можем двигаться вперед, не зная, куда нужно двигаться, не зная цели движения. Мы не можем строить без перспектив, без уверенности, что, начав строить социалистическое хозяйство, можем его построить. Без ясных перспектив, без ясных целей партия не может руководить строительством. Мы не можем жить по рецепту Бернштейна: «движение—все, цель—ничто». Мы, наоборот, как революционеры, должны подчинять свое движение вперед, свою практическую работу—основной классовой цели пролетарского строительства. Без этого—в болото оппортунизма, неминуемо и безусловно.

Далее. Без ясных перспектив нашего строительства, без уверенности построить социализм рабочие массы не могут сознательно участвовать в этом строительстве, они не могут сознательно руководить крестьянством. Без уверенности построить социализм не может быть воли к строительству социализма. Кому охота строить, зная, что не построишь? Отсутствие социалистических перспектив нашего строительства ведет поэтому к ослаблению воли пролетариата к этому строительству неминуемо и безусловно.

Дальше. Ослабление воли пролетариата к строительству социализма не может не вызвать усиления капиталистических элементов нашего хозяйства. Ибо что значит строить социализм, как не то, чтобы побороть капиталистические элементы нашего хозяйства. Упадочные и пораженческие настроения в рабочем классе не могут не окрылить надежд капиталистических элементов на реставрацию старых порядков. Кто недооценивает решающего значения социалистических перспектив нашего строительства, тот помогает капиталистическим элементам нашего хозяйства, тот культивирует капитулянтство.

Наконец, ослабление воли пролетариата к победе над капиталистическими элементами нашего хозяйства, тормозя наше социалистическое строительство, не может не задерживать развязывание международной революции во всех странах. Не следует забывать, что мировой пролетариат смотрит на наше хозяйственное строительство и на наши успехи на этом фронте с надеждой, что мы выйдем из этой борьбы победителями, что нам удастся построить социализм. Бесчисленное количество рабочих делегаций, приезжающих к нам с Запада и щупающих каждый уголок нашего строительства, говорит о том, что наша борьба на фронте строи-

тельства имеет громадное международное значение в смысле ее революционизирующего значения для пролетариев всех стран. Кто пытается свертывать социалистические перспективы нашего строительства, тот пытается гасить надежды международного пролетариата на нашу победу, а кто гасит эти надежды, тот нарушает элементарные требования пролетарского интернационализма. Ленин был тысячу раз прав, когда он говорил:

«Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира, без всякого исключения и без всякого преувеличения... На этом поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу,—и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно [1]). Поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное. На этом фронте мы должны одержать победу медленным, постепенным,—быстрым нельзя,—но неуклонным повышением и движением вперед». (См. т. XVIII, ч. 1, стр. 282.)

Вот почему я думаю, что наши споры по вопросу о возможности победы социализма в нашей стране имеют важнейшее значение, ибо в этих спорах куется и определяется решение вопроса о перспективах нашей работы, о классовых целях этой работы, об основной установке этой работы на ближайший период.

Вот почему я думаю, что вопрос о социалистических перспективах нашего строительства имеет для нас первостепенное значение.

Политические перспективы оппозиционного блока.

Политические перспективы оппозиционного блока вырастают из их основной ошибки о характере и перспективах нашей революции.

Так как международная революция затягивается, а веры во внутренние силы нашей революции не имеется у оппозиции, то перед нею стоят две перспективы:

Либо перерождение партии и госаппарата, фактический отход «лучших элементов» (т.-е. оппозиции) коммунизма от власти и образование из этих элементов новой, «чисто пролетарской» партии, стоящей в оппозиции к официальной, не «чисто» пролетарской партии (перспектива Оссовского).

---

[1]) Разрядка моя. *И. Ст.*

Либо попытки выдавать свое собственное нетерпение за действительность, отрицание частичной стабилизации капитализма и «сверхчеловеческие», «героические» прыжки и вторжения как в область внутренней политики (сверх-индустриализация), так и в область внешней политики (ультра-левые фразы и жесты).

Я думаю, что из всех оппозиционеров Оссовский является наиболее смелым и наиболее мужественным. Если бы у оппозиционного блока хватило мужества и последовательности, то он должен был бы стать на путь Оссовского. Но так как у оппозиционного блока не хватает ни последовательности, ни мужества, то он скатывается на путь второй перспективы, на путь «сверхчеловеческих» прыжков и «героических» вторжений в область объективного хода вещей.

Отсюда—отрицание частичной стабилизации капитализма, лозунг отхода или даже выхода из профсоюзов на Западе, требование взорвать Англо-русский комитет, требование индустриализовать нашу страну чуть ли не в полгода и т. д.

Отсюда—авантюризм в политике оппозиционного блока.

В связи с этим приобретает особое значение теория оппозиционного блока (она же—теория троцкизма) о перепрыгивании через крестьянство у нас, в нашей стране, в деле индустриализации нашей страны, о перепрыгивании через реакционность профсоюзов там, на Западе, особенно в связи с забастовкой в Англии.

Оппозиционный блок думает, что если партия выработала правильную линию, то этого вполне достаточно для того, чтобы партия стала массовой тотчас же и немедленно, чтобы партия могла повести массы на решающие битвы тотчас же и немедленно. Оппозиционный блок не понимает, что такое отношение к вопросу о руководстве массами не имеет ничего общего с позицией ленинизма.

Были ли правильны апрельские тезисы Ленина о советской революции, данные весной 1917 года? Да, были правильны. Почему же Ленин тогда не призывал к немедленному свержению правительства Керенского? Почему он боролся с ультра-левыми группами в нашей партии, выкинувшими тогда лозунг немедленного свержения Временного Правительства? Потому, что Ленин знал, что для совершения революции недостаточно иметь правильную партийную линию. Потому, что Ленин знал, что для совершения революции необходимо еще одно обстоятельство, а именно, чтобы массы, широкие рабочие массы убедились на своем собственном опыте в правильности линии партии. А для этого, в свою очередь, необходимо время, неустанная работа партии в массах, неустанная работа по убеждению масс в пра-

вильности линии партии. Именно поэтому Ленин, давая свои революционные апрельские тезисы, вместе с тем давал лозунг о «терпеливой» пропаганде в массах в пользу правильности этих тезисов. На эту терпеливую работу ушло тогда 8 месяцев. Но эти месяцы были революционными месяцами, которые равняются по крайней мере годам обычного «конституционного» времени. Мы выиграли Октябрьскую революцию потому, что умели различать между правильной линией партии и между тем, чтобы массы признали правильность этой линии. Этого не понимают и не хотят понять оппозиционные герои «сверхчеловеческих» прыжков.

Была ли правильна позиция английской компартии в период забастовки в Англии? Да, в основном она была правильна. Почему же ей не удалось повести сразу за собой миллионные массы английских рабочих? Потому, что она не успела и не могла успеть убедить массы в короткий срок в правильности своей линии. Потому, что между выработкой правильной линии партии и между тем, чтобы партия повела за собой миллионные массы, существует промежуток, более или менее длительный промежуток, в продолжение которого партия должна вести неустанную работу по убеждению масс в правильности своей политики. Этот промежуток нельзя перепрыгнуть. Глупо думать, что его можно перепрыгнуть. Его можно лишь изжить и преодолеть в терпеливой работе по политическому просвещению масс.

Этих азбучных истин ленинского руководства массами оппозиционный блок не понимает, и в этом надо искать источник его политических ошибок.

Вот один из многочисленных образчиков политики «сверхчеловеческих» прыжков и отчаянных жестов т. Троцкого:

«Российский пролетариат,—говорил в свое время т. Троцкий,—оказавшись у власти, хотя бы лишь вследствие временной конъюнктуры нашей буржуазной революции, встретит организованную вражду со стороны мировой реакции и готовность к организованной поддержке со стороны мирового пролетариата. Предоставленный своим собственным силам, рабочий класс России будет неизбежно раздавлен контр-революцией в тот момент, когда крестьянство отвернется от него. Ему ничего другого не останется, как связать судьбу своего политического господства, и следовательно, судьбу всей российской революции, с судьбой социалистической революции в Европе. Ту колоссальную государственную политическую силу, которую дает ему временная конъюнктура российской буржуазной революции, он обрушит на чашу весов классовой борьбы всего капиталистического мира. С государственной властью в руках, с контр-революцией за

спиной, с европейской реакцией перед собой, он бросит своим собратьям во всем мире старый призывный клич, который будет на этот раз кличем последней атаки: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!!!» [1]). (Троцкий, «Итоги и перспективы».)

Не угодно ли: пролетариат, оказывается, должен взять власть в России, но, взяв власть, он должен обязательно передраться с крестьянством, и вот после того, как пролетариат передерется с ним, он должен броситься в отчаянную схватку с мировой буржуазией, имея «контр-революцию за спиной» и «европейскую реакцию» перед собой.

Что тут, в этой «схеме» т. Троцкого, имеется немало «музыкального», «сверхчеловеческого» и «отчаянно-великолепного», —с этим, пожалуй, можно согласиться. Но что тут нет ни грана ни марксизма, ни революционности, что тут мы имеем дело лишь с пустой игрой в революцию и с авантюризмом в политике,— в этом тоже не может быть сомнения.

А между тем не подлежит сомнению, что эта «схема» т. Троцкого является прямым выражением нынешних политических перспектив оппозиционного блока, результатом и плодом троцкистской теории «перепрыгивания» через не изжившие себя формы движения.

III. Политические и организационные ошибки оппозиционного блока.

Политические и организационные ошибки оппозиционного блока являются прямым продолжением его главной ошибки в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции.

Говоря о политических и организационных ошибках оппозиции, я имею в виду такие вопросы, как вопрос о гегемонии пролетариата в деле хозяйственного строительства, вопрос об индустриализации, вопрос о партийном аппарате и «режиме» в партии и т. д.

Партия исходит из того, что в свой политике вообще, в экономической политике в особенности,—нельзя отрывать сельское хозяйство от индустрии, что развитие этих двух основных отраслей хозяйства должно пойти по линии их сочетания, по линии их объединения в социалистическом хозяйстве.

Отсюда—наш социалистический метод индустриализации страны через неуклонное улучшение материального положения

---

[1]) Разрядка моя. *И. Ст.*

трудящихся масс, в том числе и основной массы крестьянства, как основной базы развертывания индустриализации. Я говорю о социалистическом методе индустриализации в отличие от капиталистического метода индустриализации, проводимого через обнищание миллионных масс трудящихся слоев.

В чем состоит основной минус капиталистического метода индустриализации? В том, что он ведет к разрыву интересов индустриализации с интересами трудящихся масс, к обострению внутренних противоречий в стране, к обнищанию миллионных масс рабочих и крестьян, к обращению прибылей не на улучшение материального и культурного положения широчайших масс внутри страны, а на вывоз капитала и на расширение базы капиталистической эксплоатации внутри и вне страны.

В чем состоит основной плюс социалистического метода индустриализации? В том, что он ведет к единству интересов индустриализации и интересов основных масс трудящихся слоев населения, в том, что он ведет не к обнищанию миллионных масс, а к улучшению материального положения этих масс, не к обострению внутренних противоречий, а к их сглаживанию и разрешению, в том, что он неуклонно расширяет внутренний рынок и подымает емкость этого рынка, создавая таким образом прочную внутреннюю базу для развертывания индустриализации.

Отсюда—прямая заинтересованность основных масс крестьянства в социалистических путях индустриализации.

Отсюда—возможность и необходимость осуществления гегемонии пролетариата в отношении крестьянства в деле социалистического строительства вообще, индустриализации страны в частности.

Отсюда—идея смычки социалистической индустрии с крестьянским хозяйством—прежде всего через массовое кооперирование крестьянства, идея руководящей роли индустрии в отношении сельского хозяйства.

Отсюда—наша налоговая политика, политика снижения цен на промтовары и т. д., учитывающая интересы сохранения экономического сотрудничества пролетариата и крестьянства, интересы укрепления союза рабочих и крестьян.

Оппозиционный блок, наоборот, исходит из противопоставления индустрии сельскому хозяйству и сбивается на путь отрыва индустрии от сельского хозяйства. Он не понимает и не признает, что нельзя двигать вперед индустрию, обходя интересы сельского хозяйства, грубо нарушая эти интересы. Он не понимает, что если индустрия является руководящим началом народного хозяй-

ства, то сельское хозяйство, в свою очередь, представляет ту базу, на основе которой может развертываться у нас индустрия.

Отсюда—рассматривание крестьянского хозяйства как «колонии», которую должно «эксплоатировать» пролетарское государство (Преображенский).

Отсюда—боязнь хорошего урожая (Троцкий), являющегося, будто бы, силой, могущей дезорганизовать нашу экономику.

Отсюда—своеобразная политика оппозиционного блока, сбивающаяся на путь обострения внутренних противоречий между индустрией и сельским хозяйством, на путь капиталистических методов индустриализации страны.

Не угодно ли, например, послушать т. Преображенского, являющегося одним из лидеров оппозиционного блока? Вот что он говорит в одной из своих статей:

«Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства...—тем больше социалистическое накопление вынуждено опираться на эксплоатацию досоциалистических форм хозяйства... Наоборот, чем более экономически и индустриально развитой является та или другая страна, в которой побеждает социальная революция..., чем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты колоний, т.-е. уменьшить эксплоатацию последних,—тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм, т.-е. опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и собственного земледелия». (Е. Преображенский. Статья «Основной закон социалистического накопления», «Вестник Комакадемии», 1924 г., № 8.)

Едва ли нужно доказывать, что т. Преображенский сбивается на путь непримиримых противоречий между интересами нашей индустрии и интересами крестьянского хозяйства нашей страны—стало быть, на путь капиталистических методов индустриализации.

Я думаю, что т. Преображенский, приравнивая крестьянское хозяйство к «колонии» и пытаясь строить отношения между пролетариатом и крестьянством как отношения эксплоатации,—подрывает тем самым, пытается подорвать, сам того не понимая, основы всякой возможной индустриализации.

Я утверждаю, что эта политика не имеет ничего общего с политикой партии, строящей дело индустриализации на основе

экономического сотрудничества между пролетариатом и крестьянством.

То же самое, или почти то же самое, нужно сказать о т. Троцком, который боится «хорошего урожая» и думает, видимо, что хороший урожай представляет опасность с точки зрения хозяйственного развития нашей страны. Вот что он говорил, например, на апрельском пленуме:

«В этих условиях (Троцкий говорит об условиях современной диспропорции. *И. Ст.*) хороший урожай, т.-е. потенциально возросшее число товарных излишков сельского хозяйства, может стать фактором, не ускоряющим темп хозяйственного развития в сторону социализма, а, наоборот, дезорганизующим экономику, обостряющим взаимоотношения между городом и деревней, а внутри самого города—между потребителями и государством. Практически говоря, хороший урожай—при отсутствии промтоваров—может означать перегонку зерна в увеличенном количестве на самогон и возросшие городские хвосты. Политически это будет означать борьбу крестьянина против монополии внешней торговли, т.-е. против социалистической промышленности». (Стеногр. засед. апрельского пленума ЦК, поправки Троцкого к проекту резолюции т. Рыкова, стр. 164.)

Стоит только сопоставить это более чем странное заявление т. Троцкого с заявлением т. Ленина в период самого обостренного товарного голода о том, что «хороший урожай является спасением страны», чтобы понять всю неправильность заявления т. Троцкого.

Тов. Троцкий, видимо, не признает того положения, что индустриализация может развиваться у нас лишь через постепенное улучшение материального положения трудовых масс деревни.

Тов. Троцкий, видимо, исходит из того, что индустриализация должна осуществляться у нас через некоторый, так сказать, «нехороший урожай».

Отсюда—практические предложения оппозиционного блока насчет поднятия отпускных цен, налогового нажима на крестьянство и т. д., предложения, ведущие не к укреплению экономического сотрудничества между пролетариатом и крестьянством, а к его разложению, не к подготовке условий для гегемонии пролетариата в области хозяйственного строительства, а к подрыву этих условий, не к смычке индустрии с крестьянским хозяйством, а к их размычке.

Несколько слов о дифференциации крестьянства. Всем известны шум и паника оппозиции по поводу роста дифференциации. Всем известно, что никто так не разводил панику насчет роста

частного мелкого капитала в деревне, как оппозиция. Что же, однако, получается на деле? А вот что. Во-первых, дифференциация среди крестьянства, как это показал в своем докладе т. Рыков, происходит в совершенно своеобразных формах, в обстановке нашей действительности, не через «вымывание» середняка, а, наоборот, через его усиление, при значительном сужении крайних полюсов, при чем такие факторы, как национализация земли, массовое кооперирование крестьянства, наша налоговая политика и т. д., не могут не создавать известных рамок и ограничений для самой дифференциации. Во-вторых,— и это главное,—рост частного мелкого капитала в деревне покрывается и перекрывается таким решающим фактом, как развитие нашей индустрии, укрепляющей позиции пролетариата и социалистических форм хозяйства и представляющей основное противоядие против всех и всяких форм частного капитала.

Все эти обстоятельства, видимо, прошли мимо поля зрения новой оппозиции, продолжающей по инерции кричать и разводить панику насчет частного капитала в деревне.

Может быть, не лишне будет напомнить оппозиции слова Ленина на этот предмет. Вот что говорит на этот счет т. Ленин:

«Всякое улучшение положения крупного производства, возможность пустить некоторые крупные фабрики, настолько упрочивает положение пролетариата, что бояться стихии мелкой буржуазии, даже возрастающей, нечего. Не того надо бояться, что мелкая буржуазия и мелкий капитал вырастут. Надо бояться того, что слишком долго продолжается состояние нужды, недостатка продуктов, из которого вытекает уже обессиление пролетариата, его невозможность противостоять стихии мелкобуржуазных колебаний. При увеличении количества продуктов никакое развитие мелкой буржуазии не будет большим минусом, поскольку это дает развитие крупной промышленности». (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 154—155.)

Поймут ли когда-либо товарищи из оппозиции, что паника насчет дифференциации и частного капитала в деревне есть обратная сторона неверия в возможность победоносного социалистического строительства в нашей стране.

Несколько слов о борьбе оппозиции против партийного аппарата и «режима» в партии.

К чему сводится на деле борьба оппозиции против партийного аппарата, представляющего руководящее ядро нашей партии? Едва ли нужно доказывать, что борьба оппозиции в этой области сводится в конце концов к попыткам дезорганизовать партийное руководство и разоружить партию в ее борьбе за улучшение

государственного аппарата, за изгнание бюрократизма из этого аппарата, за руководство государственным аппаратом.

К чему ведет борьба оппозиции с «режимом» в партии? К тому, чтобы разложить железную дисциплину в партии, без которой немыслима диктатура пролетариата, к тому, чтобы расшатать в конце концов основы диктатуры пролетариата.

Партия права поэтому, утверждая, что политические и организационные ошибки оппозиции являются отражением напора непролетарских элементов на нашу партию, на диктатуру пролетариата.

Таковы, товарищи, политические и организационные ошибки оппозиционного блока.

IV. Некоторые выводы.

Недавно на пленуме ЦК и ЦКК т. Троцкий заявил, что принятие конференцией тезисов об оппозиционном блоке должно неминуемо повести к исключению лидеров оппозиции из партии. Я должен заявить, товарищи, что это заявление т. Троцкого лишено всякого основания, что оно является насквозь фальшивым. Я должен заявить, что принятие тезисов об оппозиционном блоке может иметь лишь одну цель: решительную борьбу с принципиальными ошибками оппозиции на предмет их полного преодоления.

Всем известно, что X съезд нашей партии принял резолюцию об анархо-синдикалистском уклоне. А что такое анархо-синдикалистский уклон? Нельзя сказать, чтобы анархо-синдикалистский уклон был «лучше» социал-демократического уклона. Однако из факта принятия резолюции об анархо-синдикалистском уклоне никто еще до сих пор не делал вывода о том, что члены «рабочей оппозиции» подлежат исключению из партии.

Тов. Троцкий не может не знать, что XIII съезд нашей партии объявил троцкизм «явно выраженным мелкобуржуазным уклоном». Однако никто еще до сих пор не считал, что принятие такой резолюции должно повести к исключению лидеров троцкистской оппозиции из партии.

Вот соответствующее место из резолюции XIII съезда:

«В лице нынешней оппозиции мы имеем перед собою не только попытку ревизии большевизма, не только прямой отход от ленинизма, но и явно выраженный мелкобуржуазный уклон. Не подлежит никакому сомнению, что эта «оппозиция» объективно отражает напор мелкой буржуазии на позиции пролетарской власти и ее политику». (Из резолюции XIII съезда.)

Пусть объяснит нам т. Троцкий, чем лучше мелкобуржуазный уклон уклона социал-демократического. Разве трудно понять, что социал-демократический уклон является разновидностью мелкобуржуазного уклона? Разве трудно понять, что, говоря о социал-демократическом уклоне, мы лишь уточняем то, что сказано у нас в резолюции XIII съезда. Мы вовсе не объявляем лидеров оппозиционного блока социал-демократами. Мы только говорим, что у оппозиционного блока наметился социал-демократический уклон, и предупреждаем, что еще не поздно отойти от этого уклона, к чему мы и призываем оппозиционный блок.

А вот что сказано о троцкизме в известной резолюции ЦК и ЦКК в январе 1925 года:

«По существу дела современный троцкизм есть фальсификация коммунизма в духе приближения к европейским образцам псевдомарксизма, т.-е. в конце концов в духе «европейской» социал-демократии». (Из резолюции пленумов ЦК и ЦКК 17 января 1925 года.)

Должен сказать, что обе эти резолюции писаны в основном рукой т. Зиновьева. Однако не только партия в целом, но даже Зиновьев в частности не делали из этого вывода о том, что лидеры троцкистской оппозиции должны быть исключены из партии.

Может быть, не лишне будет отметить отзыв т. Каменева о троцкизме, приравнивающий троцкизм к меньшевизму. Слушайте:

«Троцкизм был всегда наиболее благовидной, наиболее прикрытой, наиболее приспособленной к обману именно революционно настроенной части рабочих формой меньшевизма». (Сборник статей «За ленинизм». Л. Каменев, «Партия и троцкизм», стр. 51.)

Все эти факты известны тов. Троцкому не меньше, чем любому из нас. Однако никто еще не ставил вопроса об исключении т. Троцкого и его единомышленников на основании резолюций, скажем, XIII съезда.

Вот почему я думаю, что заявление т. Троцкого на пленуме ЦК и ЦКК является неискренним, насквозь фальшивым.

Одобряя в основном тезисы об оппозиционном блоке, октябрьский пленум ЦК и ЦКК имел в виду не репрессии, а необходимость идейной борьбы с принципиальными ошибками оппозиции, от которых оппозиция все еще не отказывается и за которые она намерена бороться и впредь, в рамках устава, как она сообщает об этом в своем «заявлении» от 16 октября. Поступая так, пленум ЦК и ЦКК исходил из того, что борьба с принципиальными

ошибками оппозиции является единственным средством их преодоления, а преодоление этих ошибок единственным путем действительного единства в нашей партии. Разбив оппозиционный блок и заставив его отказаться от фракционности, партия добилась этим необходимого минимума, без которого невозможно единство в партии. Это, конечно, не мало. Но этого недостаточно. Для того чтобы добиться полного единства, необходимо сделать еще шаг вперед, добиваясь отказа оппозиционного блока от его принципиальных ошибок и ограждая таким образом партию и ленинизм от наскоков и попыток ревизии.

Это—первый вывод.

Отклонив принципиальную позицию оппозиционного блока и отбросив прочь попытки оппозиции к новой дискуссии, партийные массы сказали: сейчас—не время для болтовни, пора взяться вплотную за дело социалистического строительства. Отсюда вывод: поменьше болтовни, побольше творческой положительной работы, вперед за социалистическое строительство!

Это—второй вывод.

А третий вывод состоит в том, что в ходе внутрипартийной борьбы и в ходе отражения наскоков оппозиции партия сплотилась воедино, как никогда, на основе социалистических перспектив нашего строительства.

Это—третий вывод.

Партия, сплотившаяся на основе социалистических перспектив нашего строительства, это—тот самый рычаг, который так нужен теперь для того, чтобы двинуть вперед социалистическое строительство в нашей стране.

Этот рычаг выковали мы в борьбе с оппозиционным блоком.

Борьба сплотила нашу партию вокруг ее ЦК на основе социалистических перспектив нашего строительства. Конференция должна оформить это сплочение тем, что она, я надеюсь, единогласно примет тезисы, предложенные ей Центральным Комитетом.

Я не сомневаюсь, что конференция выполнит это свое дело с честью. (Бурные, продолжительные аплодисменты; все делегаты встают; овация.)

Председательствующий. Слово имеет т. Каменев.

Каменев. Товарищи, две недели тому назад Центральный Комитет «с удовлетворением»—как сказано в его извещении партии—принял заявление ряда членов Центрального Комитета, а редакция нашего центрального органа на следующий день отметила, что извещение Центрального Комитета и наше заявление являются «историческими документами».

Почему мы подали „заявление 6-ти“?

Я думаю, что этими словами Центрального Комитета и центрального органа указано на то, что партия не воспринимает нашего заявления как какого-либо внутрипартийного маневра или шахматного хода. Это заявление, которое подводит итог очень тяжелой полосе внутрипартийной истории, вызвано не какими-либо «маневрами», а вызвано нашим пониманием состояния партии, нашим пониманием того, чего требуют от нас, подписавших это заявление и поддерживающих его, самые широкие круги партийной массы.

Оно вызвано прежде всего опасением того, что мы ненароком могли бы оказаться перед той перспективой, от которой больше всего предупреждал нас Владимир Ильич в последние месяцы своей жизни,—перед перспективой раскола. (Шум.) Поэтому, товарищи, это заявление отнюдь не носит только организационный характер: оно для нас есть политический документ, оно есть обязательство, которое мы взяли перед центральными учреждениями партии, перед всей партией и перед всеми пролетарскими массами, которые читают во всем мире это заявление.

Мы в большевистской партии не отделяем непроходимой стеной вопросы идей, вопросы принципа от организационных форм. И неправильно было бы рассматривать наше заявление исключительно как организационный шаг. Из этого заявления вытекает ряд политических обязательств для нас. Между прочим вытекает то обязательство политического характера, чтобы отстаивание наших взглядов велось в таких формах, которые бы не дали возможности никому—ни внутри партии, ни нашим врагам вне партии—истолковать нашу защиту тех вопросов, по которым нам приходится или пришлось бы в будущем разойтись с Центральным Комитетом или с другими учреждениями,—истолковать как возобновление или подготовку новой борьбы. Из этого заявления вытекает обязательство отказаться от таких методов выступления с защитой наших взглядов, которые могли бы быть поняты как нападение на Центральный Комитет той партии, которая воплощает диктатуру пролетариата в единственной стране, строящей социализм.

Мы полагали, что это обязательство заставляло нас свести к минимуму наши выступления в данный момент, когда атмосфера разгоряченной борьбы еще далеко не успокоилась и когда грозит опасность того, что любое наше выступление может быть понято как подготовка новой борьбы или как нападение на Центральный Комитет.

Мы этого не хотели и не хотим, и этим объясняется, что мы полагали своей обязанностью свести к минимуму наше выступление на данной конференции. Но вы поймете, товарищи, что, промолчав в продолжение предшествующих дней, мы не можем не объяснить нашей позиции по поводу тех обвинений, которые сформулированы компактно в одном документе, в том документе, который защищал сейчас перед вами т. Сталин. (Голоса: «Правильно, хорошо защищал».)

Моя задача заключается в том, чтобы на основании этого документа главным образом установить подлинный размер того, в чем мы расходимся, и указать в самых кратких чертах на то, как мы понимаем судьбу этих расхождений в дальнейшей истории партии.

В чем наши разногласия?

I. Выдуманные обвинения.

Резолюция, защищавшаяся здесь т. Сталиным, констатирует и конструирует разногласия между так называемым оппозиционным блоком и Центральным Комитетом по поводу основных вопросов. Я полагаю, что если бы действительно было правильно, что существуют у нас коренные и существенные разногласия по основным вопросам—о характере и перспективах нашей революции, о характере и перспективах нашего государства, о характере данного этапа мировой истории и разногласия в определении общей задачи коммунистической партии в СССР,—если бы случилось с нами такое несчастье, что в этих основных вопросах действительно мы разошлись бы крупно с партией, то тогда было бы похоже, что нам нечего делать вместе. Тогда можно было бы и было бы честней разойтись, чтобы каждому делать свое историческое дело.

Товарищи, хотя эта резолюция намекает на существование разногласий в этих основных вопросах, я думаю, что дело обстоит не так. Я попытаюсь доказать это, исходя из текста самой резолюции. Нет никакой необходимости к тем действительным разногласиям, которые у нас есть, прибавлять несуществующие разногласия по этим основным вопросам.

Прежде чем перейти к рассмотрению отдельных пунктов выдвинутого против нас Центральным Комитетом и Центральной Контрольной Комиссией политического обвинительного акта, я позволю себе указать, что первый приступ характеристики наших взглядов излагается в следующих словах:

«Некоторые части нашей партии... испугавшись трудностей, испытывают усталость и колебания, впадают в отчаяние и куль-

тивируют упадочные настроения, заражаются неверием в творческие силы пролетариата и приходят к идеологии капитулянтства». (Голоса: «Ведь это же правильно, верно».)

Товарищи, я полагаю, что в этих словах, в одной только части содержится действительно не психологическая, а политическая характеристика. Что касается «неверия, усталости, упадочных настроений», это—вещи, которые нельзя взвесить на точных политических весах. Мы можем сказать одно, что, поскольку вы спрашиваете нас, никакой усталости, никаких упадочных настроений, никакого неверия мы в себе не чувствуем. (Шум.) Поэтому, так как эта штука, по правильному замечанию т. Ворошилова, мало весомая, надо перейти к определению и формулированию действительного политического обвинения. Это обвинение заключается в двух словах: идеология капитулянтства. Это—политическое обвинение, это—вещь, которая может и должна быть переведена на классовый язык, а не на настроения того или другого человека. И вот я спрашиваю себя: что такое идеология капитулянтства, что такое обвинение в капитулянтстве?

Капитулировать означает сложить оружие, сдаться на милость победителя. (Голоса: «Так и вышло. А как же, разве вы не сдаетесь?» Шум.) Вот я и спрашиваю: какой смысл в этом обвинении, перед кем мы складываем оружие, на милость какого победителя сдаемся мы? Перед партией? Но тут речь идет не о том, что мы складываем оружие перед партией, не в этом заключается обвинение. Это обвинение намекает на то, что мы складываем оружие, сдаемся на милость какого-то классового врага. Иначе понять это невозможно.

Но что значит это обвинение? Перед кем складывает так называемый оппозиционный блок оружие? Перед нэпманом? Вот одна классовая сила, с которой коммунизм должен воевать. Перед ним складываем мы оружие? В этом вы нас обвиняете? (Голос с места: «Не против капиталистов, а против партии».)

Вторая сила, которая стоит против коммунизма,—кулак. Перед ним складывает оружие оппозиционный блок? (Бабушкин с места: «Он у вас в глазах страшен».)

Третья классовая сила, с которой приходится бороться коммунизму,—международная буржуазия, международная биржа. Перед ней складываем мы оружие?

И, наконец, последняя из крупных классовых сил, которая стоит против коммунизма и капитуляция перед которой была бы позорна, после нэпмана, после кулака, после международной буржуазии, это—II Интернационал. Перед ним складываем мы оружие? (Моисеенко с места: «Перед всеми вместе».)

Итак, товарищи, это хлесткое слово «идеология капитулянтства» не может быть поддержано. Оно сильно звучит. (Голос с места: «Оно правильно».) Но вы не назовете, товарищи, той силы, не обозначите ее на нашем классовом, марксистском, большевистском языке, перед которой мы хотим сложить оружие. Мы хотим не складывать оружие, а бороться с нэпманом, не складывать оружие, а бороться с кулаком, не складывать оружие, а бороться с международным капиталом, не складывать оружие, а бороться со II Интернационалом. (Голос с места: «То-то вы и боролись». Смех. Движение. Голос с места: «А с партией не будете больше бороться?» Моисеенко с места: «Вы на ячейке «Авиоприбор» с кулаком хотели бороться?»)

Тов. Моисеенко, я не был на «Авиоприборе». (Моисеенко с места: «Так не вы, а ваши приятели».) Я взял слово для того, чтобы указать и то, в чем мы ошибались, и оценить указания, что мы боролись плохо, но я прошу конференцию дать мне возможность перед лицом политического обвинительного акта высказать то, что я думаю. Не надо лишних обвинений—это первое. Если мы виноваты, то судите нас за наши действительные грехи, которых найдется достаточно, не придумывая новых и лишних. (Смех. Движение.)

То же относится также и к обвинению в «пораженчестве». Мы привыкли в большевистской партии считать пораженчество таким политическим течением, которое желает поражения данной страны или данного класса. Иначе пораженчество никогда не понималось. Рискуя вызвать опять негодование т. Моисеенко, я должен, однако, спросить: в чем же, обвиняя нас в пораженчестве, вы нас обвиняете? Кому поражения хотим мы? Что же, поражения рабочего класса—этого мы хотим? (Голоса: «Правильно». Шум.) Поражения СССР мы хотим? Поражения партии—этого мы хотим? (Голоса: «Правильно». Шум.)

Нет, товарищи, это неверно, это неверно. (Голоса: «А к чему вели фракционную борьбу? Ожидали хозяйственного кризиса».) Товарищи, ведь вы же достаточно сильны для того, чтобы осудить все наши действительные ошибки, и право же, это не сила, а слабость, если вы мешаете мне в такой момент точно и ясно изложить то, что мы думаем. (Голос: «Правильно».) Мы не желаем никакого поражения и кличку «пораженцы» отметаем.

Перехожу к тем основным обвинительным пунктам, которые здесь выдвинуты. Первый пункт, и это—действительно основной, это—вопрос о характере нашей революции и ее перспективах. Резолюция ставит перед нами этот вопрос, и мы на этот вопрос о характере и перспективах нашей революции отвечаем, ни на

минуту не колеблясь, что никто из нас, начиная с апрельской конференции 1917 г., когда ленинская резолюция определила наперед весь характер нашей революции, не сомневался и не сомневается, что наша революция есть революция социалистическая, не только потому, что во главе ее стоит пролетариат, но и потому, что пролетариат употребляет власть, им завоеванную, для строительства социалистического общества.

В последнее время, товарищи, неоднократно обращались к воспоминаниям о 1917 годе, и это—полезное обращение. Но я утверждаю, что начиная с того момента, когда апрельская конференция 1917 г. подвела итог всем разногласиям, которые были с т. Лениным у меня лично и у некоторых других товарищей, о возможном характере революции, с этого момента никто из нас не пересматривал и не сказал ни единого слова, которое бы дало основание партии думать, что мы сомневаемся в социалистическом характере нашей революции. Я, товарищи, знаю после этой конференции только одно заявление, которое действительно пересматривает характер нашей революции и которое было сделано отнюдь не нами. Это—заявление, сделанное в феврале 1918 г.; оно перепечатано в сочинениях Ленина и гласит: «В интересах международной революции мы считаем целесообразным итти на возможность утраты советской власти, становящейся теперь чисто формальной». Вот подлинный пересмотр социалистического содержания нашей революции и нашего государства. К счастью нашей партии, такое заявление сделано было лишь однажды во все прошедшие 9 лет революции. Оно вышло из среды «левых коммунистов», и это только т. Бухарин нашел в себе смелость заявить, что советская власть становится теперь чисто формальной. (Шум в зале. Голос: «Негодные методы употребляете, т. Каменев».) Тов. Бухарин быстро отказался от этого, но это единственный пересмотр социалистического характера нашей революции, который был сделан после того, как т. Ленин сформулировал ее задачи. (Шверник: «А кого хотели исключить из партии?» Движение в зале.)

Поэтому, товарищи, мы можем целиком и полностью без всякого, без малейшего насилия над своими убеждениями присоединиться целиком к той характеристике нашей революции, которая дана в том политическом документе, который защищал здесь т. Сталин. Здесь сказано: «Партия исходит из того, что наша революция является революцией социалистической, что Октябрьская революция представляет не только сигнал, толчок и исходный пункт социалистической революции на Западе, но она является вместе с тем, во-первых, базой дальнейшего развертывания миро-

вой революции и, во-вторых, открывает собой переходный период от капитализма к социализму в СССР (диктатура пролетариата)».

Повторяю, у нас нет ни малейшего сомнения, и вы это сами признаете, что в нашем прошлом нет ни малейших оснований для того, чтобы в какой-нибудь мере затруднить для нас присоединение к этой характеристике. Мнение всей партии состоит в том, что наша революция является социалистической, что она является базой дальнейшего развертывания мировой революции, что она открывает собой переходный период от капитализма к социализму. Мало того, мы считаем, что эта характеристика несколько даже неполна, отстает (смех) от той полной характеристики, которая определяет социалистический международный характер нашей революции. Ибо сказать, что наша революция является базой дальнейшего развертывания мировой революции и открывает собой переходный период от капитализма к социализму (что не представляет никаких разногласий), мало; вышеуказанное могло бы быть дополнено определенным указанием, как сделано в резолюции XIV конференции, на то, что наша революция является не только базой, не только опорой, не только тем тылом, на которые опирается мировая революция, но является ведущим началом этой революции. Мы помним слова Ленина о том, что ведущее начало может быть, при известном повороте событий, перенесено из Москвы в Берлин или Лондон, но для данного периода Москва является не только базой, но и ведущим началом мировой революции, ее рычагом.

Итак, товарищи, зачем, кому нужно выдумывать разногласия о характере нашей революции и ее перспективах, если мы целиком и полностью можем сойтись на том, что здесь в резолюции характеризуется как исходная точка зрения партии в вопросе о характере нашей революции? (Голос: «А социализм можно устроить?») Подождите, товарищи, я не могу сказать все сразу, скажу по порядку.

К этому вопросу самым ближайшим образом примыкает вопрос о задачах нашей партии. Резолюция Центрального Комитета говорит, что «Октябрьская революция открывает собой переходный период от капитализма к социализму в СССР (диктатура пролетариата), на протяжении которого пролетариат, при правильной политике в отношении к крестьянству, может и будет с успехом строить полное социалистическое общество», и добавляет к этому: «если, конечно, мощь международного революционного движения, с одной стороны, и мощь пролетариата СССР, с другой, будет достаточно велика для того, чтобы оградить СССР от военной интервенции империализма».

Мы целиком и полностью, так же, как на XIV конференции, так же, как на протяжении всей революции, начиная с Октября, стоим на этой же точке зрения, и партия здесь не говорит для нас ничего нового.

II. О характере нашей революции.

Да, на протяжении переходного периода от капитализма к социализму пролетариат, при правильной политике в отношении крестьянства, может и будет с успехом строить полное социалистическое общество, но тут сами авторы резолюции ставят «если». И вот это «если» должно быть точно сформулировано. «Если,—прибавляет резолюция,—конечно, мощь международного революционного движения, с одной стороны, и мощь пролетариата СССР, с другой, будет достаточно велика для того, чтобы оградить СССР от военной интервенции империализма». (Голос: «Правильно».) Правильно, товарищи, но недостаточно. Я спрашиваю прежде всего: это ограничительное условие, т.-е. возможность военной интервенции, которая прервет социалистическое победоносное строительство, исчерпывает ли оно те опасности, которыми нам угрожает тот факт, что мы одни и находимся в капиталистическом окружении?

Я сказал, товарищи, что я не буду обращаться ни к каким цитатам и материалам, по возможности, кроме тех фактических документальных данных, которые прошли перед данной конференцией. Я беру резолюцию т. Рыкова по хозяйственному вопросу. Я читаю в ней: «Необходимо стремиться к тому, чтобы в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем превзойти уровень индустриального развития в передовых капиталистических странах».

Я спрашиваю: верно ли это? Отвечаю: абсолютно верно. Но почему т. Рыков написал, вы единогласно приняли и мы целиком к этому присоединяемся,—почему написано здесь, что нам необходимо в относительно минимальный исторический срок нагнать, а потом превзойти уровень развития в передовых капиталистических странах? Почему это необходимо? Почему не ограничиться здесь словами: «желательно было бы», «хорошо было бы»? Нет, т. Рыков сформулировал это правильно: необходимо нам нагнать и перескочить через этот уровень. Почему? Потому, что только на этом пути, догнав и перегнав уровень развития капиталистических стран, мы действительно сможем доказать реальное превосходство социалистического хозяйства над капиталистическим. Ведь только поэтому написаны эти

слова о необходимости догнать и перегнать. Что это значит? Это значит... (Бухарин: «Это значит, что возможно это сделать».) Это значит, что вы признаете этот темп необходимым, так же, как мы признаем это необходимым. (Рыков: «И возможным».) Вопрос сейчас, товарищи, идет о том, что этот темп необходим, и почему он признан необходимым. Необходим потому, что СССР, как первая страна социализма, должен показать для миллионных масс трудящихся, рабочих и крестьян реальное преимущество социалистического хозяйства. Это значит, что он должен и может организовать снабжение населения гораздо более полно, гораздо более дешево, чем может это капиталистическое хозяйство. (Бухарин: «Слава тебе, господи!» Смех.)

Я спрашиваю: это положение резолюции о том, что необходимо догнать и перегнать уровень капиталистических стран,—имеет ли оно какое-нибудь отношение к нашему окружению или нет? Что нам может угрожать? Если вы считаете это указание необходимым сделать, то вопрос заключается в том, что, видимо, невыполнение этого задания тоже грозит нам какими-то опасностями и трудностями. И когда мы подходим к этому моменту, то необходимо сказать: не только военная интервенция может явиться препятствием делу завершения постройки полного социалистического общества, не только она, но и невыполнение вот этой директивы. И вот поэтому ставится вопрос о темпе нашего хозяйственного развития, а не только о военной интервенции. Вот почему темп нашего хозяйственного развития сравнительно с темпом развития капиталистических отношений, возможность быстрыми шагами нагнать и перегнать уровень последних—есть такая же необходимая предпосылка окончательной победы социализма в нашей стране, как и отсутствие военной интервенции.

В резолюции XIV конференции (апрель 1925 г.) сказано об условиях окончательной победы социализма в нашей стране иначе, чем сказано в данных тезисах. И хотя резолюция XIV конференции—компромиссная, но в данном пункте она выражается точнее и полнее. Резолюция XIV партконференции говорит: «Наличие двух прямо противоположных общественных систем вызывает постоянную угрозу капиталистической блокады, других форм экономического давления, вооруженной интервенции, реставрации. Единственной гарантией окончательной победы социализма, т.-е. гарантией от реставрации, является, следовательно, победоносная социалистическая революция в ряде стран».

Зачем же в нынешней резолюции, где вы указываете условия

победы социализма, осталась «военная интервенция» и пропал этот вопрос о других формах экономического давления? А этот вопрос сводится к необходимости такого темпа поднятия нашего хозяйства, который превратил бы, как сказал Ленин, нашу страну (Сталин цитировал это) из «окраины капиталистического мира» в демонстрацию действительного, реального превосходства социалистического хозяйства, с точки зрения реального удовлетворения потребностей самых широких миллионных масс, над капиталистической организацией этого хозяйства. Правильно указание на угрозу военной интервенции; оно должно способствовать напряжению наших сил, заставляет нас готовиться к возможности этой интервенции и к возможности ее победить. Но мы прибавляем к этому указанию пункт о том, что опасность угрожает не только в виде пулеметов или броненосцев, а опасность угрожает и от того, если темп развития нашего хозяйства, развития наших цен, нашей заработной платы, подъема сельского хозяйства будет отставать от уровня капиталистических стран, вместо того чтобы демонстрировать, что мы с каждым днем приближаемся и перегоняем этот уровень. Разве это указание есть указание, направленное по линии упадочных настроений? Разве это указание не поднимает воли пролетариата к борьбе, так же как указание о военной интервенции? Разве это указание не поднимает воли пролетариата и всех других слоев к тому, чтобы уметь противостоять этой опасности? Разве, товарищи, указание на эти обстоятельства хотя бы в малейшей мере могут действительно быть названы обстоятельствами, которые способствуют, вызывают хотя бы малейшие элементы неверия или уныния? (Голос с места: «Не по словам, а по делам судить будем». Другой голос: «Поменьше болтологии, побольше реального дела».) Товарищи, если вы считаете мою попытку защититься от тех обвинений, которые сделаны, болтологией, я уйду с трибуны.

Товарищи, скажите, когда писались нижеследующие слова: «Мы создали советский тип государства, начали этим новую всемирно-историческую эпоху, эпоху политического господства пролетариата, пришедшую на смену эпохе господства буржуазии. Этого назад взять уже нельзя, хотя «доделать» советский тип государства удастся лишь практическим опытом рабочего класса нескольких стран»,—разве автор этих слов хотя бы в малейшей мере подавал повод думать о неверии? Разве это сеяло пессимизм, разве это лишало рабочий класс перспектив, разве эти слова дезорганизовали сознание и волю рабочего класса, а не организовали их? Между тем тут сказано, что не только экономический, но политический строй, «тип советского государства»

удастся доделать лишь практическим опытом рабочего класса нескольких стран. Дальше автор переходит к экономической стороне и говорит:

«Но мы не доделали даже фундамента социалистической экономики. Это еще могут отнять назад враждебные нам силы умирающего капитализма. Надо отчетливо сознать и открыто признать это, ибо нет ничего опаснее иллюзий (и головокружения, особенно на больших высотах). И нет решительно ничего «страшного», ничего дающего законный повод хотя бы к малейшему унынию в признании этой горькой истины, ибо мы всегда исповедывали и повторяли ту азбучную истину марксизма, что для победы социализма нужны совместные усилия рабочих нескольких передовых стран». (Н. Ленин. Собр. соч., т. XX, ч. 2, стр. 487.)

Товарищи, разве же здесь содержится какой-нибудь призыв к унынию, а не самый мощный призыв ускорить дело построения фундамента социалистической экономики? (Голос с места: «В каком это году писали?») Товарищ, я знаю, что вы были бы рады, если можно было бы сказать, что это было написано в 1917, 1918, 1919 г.г. Но я не вижу ни для себя, ни для пролетариата ни малейшей горечи, ни малейшего уныния, если я скажу, что эта статья написана в марте 1922 г., буквально за несколько месяцев до статьи о кооперации, где сказано, что мы имеем все необходимое и достаточное для построения социализма. Разве неправильны, товарищи, эти слова о том, что нет ничего страшного, ничего дающего законного повода хотя бы к малейшему унынию признать эту азбучную истину о необходимости совместных усилий рабочих нескольких передовых стран для победы социализма? Разве эти слова не должны быть повторены теперь и повторены перед всем пролетариатом, перед всем крестьянством? Разве уж действительно нам нужны иллюзии? Разве нам нужно сказать, что для нас эти трудности идут исключительно только из того, что придут дредноуты и пулеметы и начнут стрелять? Разве не было бы громаднейшим стимулом для пролетариата нашей страны, если бы он узнал из постановлений нашей конференции голую истину, которая заключается в том, что мы не доделали фундамента социалистической революции, что мы прошли сравнительно с 1922 г. очень сильно вперед, но что не нужно питать иллюзий, что отставание в темпе хозяйственного развития может наносить нам ущерб не только в виде дредноутов и снарядов, а может наносить ущерб в такой простой вещи, как в вопросе о ценах и в вопросе об экспорте и импорте? Разве это есть уныние? Я полагаю, что если мы впишем вот эти слова Владимира Ильича в предложенную вам резолюцию, если мы по-

ложим эти слова в основу разъяснения наших задач всей широкой рабочей массе, то мы будем сильнее, а не слабее. А если мы скажем, что не только военная интервенция нам может помешать, а впишем и эти слова Ленина, то тогда не будет никаких поводов, никаких расхождений в том, чтобы соединиться и дружно работать на той платформе, которая написана словами Владимира Ильича.

Итак, товарищи, мы совершенно и целиком можем принять, без всякого насилия над своей теоретической совестью коммунистов и ленинцев, ту характеристику нашей революции, которая дана здесь. Мы полагаем, однако, что было бы точнее, если бы к словам о прямой военной интервенции было добавлено, как стимул к дальнейшей работе, указание на необходимость ускорить темп хозяйственного развития единственно так, как сказано у Ленина, и тогда, повторяю, никаких разногласий по этому вопросу у нас не будет. (Рютин с места: «Тогда можно сюда и о единстве партии добавить».) Будет. Нельзя же говорить о социализме в одной стране и о единстве партии. Все по порядку.

III. О взглядах Ленина в 1915 г.

Дальше, товарищи. Тов. Сталин представил здесь подробный анализ взглядов Владимира Ильича на возможность строительства социализма в одной стране. Он опирался при этом на статью Владимира Ильича, напечатанную в 1915 г. Он доказывал, что из этой цитаты и из этого закона о неравномерности капиталистического развития исходит, так сказать, теория и практика построения социализма в СССР. Я не могу подробно говорить потому, что у меня времени не хватит, а я должен указать еще на целый ряд других пунктов. Не могу, однако, не отметить, что нельзя распространять эту цитату 1915 года на то, как понимал Ленин в это время задачи революции в России.

Простое обязательство быть точным относительно цитат из Ленина заставляет меня сказать это. Эта цитата, приведенная правильно и полностью т. Сталиным, была напечатана в «Социал-демократе», в центральном органе нашей партии, 25 августа 1915 года. Она заключала в себе общую критику, общее положение, направленное против тех социал-предателей, которые говорили: мы не можем начинать социалистической революции в Германии, или в Англии, или в Италии, а должны начать все сразу. Ильич говорил: вы предатели, потому что под прикрытием этой теории, которая заставляет одну страну дожидаться другой, вы отказываетесь от обязанности поднять пролетарскую революцию

в каждой данной стране. Это было в эпоху империалистской войны, в 1915 г. Через 1½ месяца в № 47 «Социал-демократа» от 13 октября, значит ровно через 6 недель, Владимир Ильич писал специально о задачах, которые стояли тогда перед большевиками России. Казалось бы естественным, что если в сентябре Владимир Ильич говорит, что победа социализма возможна в одной стране и притом в отсталой, если он говорит, что обязанность пролетарского революционера именно так ставить вопрос, то прежде всего он должен был поставить этот вопрос именно для России.

Но, товарищи, это не так. Ведь нельзя же ради того, чтобы ударить нас побольнее, нельзя ради этого изображать небрежно фактическую историю взглядов Ленина.

Через 1½ месяца после приведенной т. Сталиным цитаты Ильич писал в своей знаменитой статье «Несколько тезисов»: «Считаясь с указанием товарищей из России, мы формулировали несколько тезисов по злободневным вопросам нашей работы»... Затем идет ряд тезисов. 5-й тезис: «Социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». 6-й тезис: «Задача пролетариата России—довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта вторая задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей». (Голос: «О чем это говорит?». Голос: «Это мы читали сами». Голос: «Это не подходит. Ничего не вышло».) Товарищи, если вам не угодно вслушиваться в эти положения, я, конечно, поделать ничего не могу... (Голос: «Мы не только слушаем, но понимаем».)

Если вы добросовестно возьмете это заявление Владимира Ильича, сделанное через 1½ месяца после той цитаты, которую правильно привел т. Сталин, то вы должны сказать, что то, что писал Ленин о строительстве социализма в одной стране в 1915 году, явно относилось к западно-европейским государствам... (голос: «Ничего подобного») и что для России он в это время намечал другую очередную задачу, намечал как социальное содержание ближайшей революции то, что я вам прочитал. (Голос: «Вы прочитайте, что говорит новая экономическая политика».) Никто не забывает, что еще в 1905 году Ленин готов был прорвать рамки буржуазно-демократической революции в каждый данный момент, если бы сила пролетариата дала возможность для совершения этого, для того чтобы перешагнуть эти буржуазно-демократические рамки.

Нет для нас никакого сомнения в двух вещах. Во-первых, что

за первым звуком революции 1917 года Владимир Ильич сказал: «Старые рамки старого большевизма, которые представляли себе, что содержание революции в России будет буржуазно-демократическим, должны быть прорваны, и мы должны полным ходом итти к революции социалистической». Второе. Никто из нас не отрицает, что все мы, которые задержались на этом этапе старобольшевистского представления, мы были неправы, а Ильич был целиком и полностью прав. Но разве эта справка из истории взглядов Ильича не подтверждает того факта, что та цитата, которую приводил т. Сталин и которая относится к 1915 году, тогда ни в коем случае не могла иметь в виду Россию, а имела в виду совсем другие страны? (Голос: «Засыпался. Откуда это видно?») Я никак не предполагал, что эта простая историческая справка может в какой бы то ни было мере действовать на вас таким образом. (Голоса: «Конечно, действует, это искажает».) Что искажает? (Голос: «Вы ее не так трактуете».) Я вам привел, цитату, как Ильич в 1915 г. смотрел на задачи революции в России, но если вам кажется, что она неверна и не имеет отношения к революции 1917 года, позвольте тогда прочитать еще одну цитату.

Ленин писал немедленно после Февральской революции 1917 г., организуя пропаганду большевистских взглядов в России, т. Ганецкому следующее:

«Во что бы то ни стало я должен требовать переиздания в Питере—хоть бы под заглавием «Из истории последних лет царизма»—здешнего «Социал-демократа», брошюры Ленина и Зиновьева о войне и социализме, «Коммуниста» и «Сборника социал-демократа». А больше всего и прежде всего тезисов из № 47 «Социал-демократа» (от 13/X 1915). Эти тезисы говорят прямо, ясно, точно, как нам быть при революции в России, говорят за 1½ года до революции».

Эти тезисы замечательно буквально подтверждены революцией. (Голос: «Подтверждены революцией»). Вот именно подтверждены революцией.

Повторяю еще раз, чтобы не было никаких недоразумений: у нас нет никаких сомнений, и вы не докажете ни одной цитатой из наших произведений, чтобы мы сомневались в социалистическом характере революции. У нас нет ни малейшего сомнения в том, что критика Лениным нашего представления, господствовавшего в нашей среде и у меня лично в редакции «Правды» того времени до приезда Ленина, критика этих взглядов, как старобольшевистских, уже не подходящих к социалистической революции 1917 года, была абсолютно правильна. Из этого, однако, това-

рищи, никак не следует, что в данный момент мы можем ограничиться указанием исключительно только на военную интервенцию, как на трудность для окончательного построения полного социалистического общества. Это, товарищи, первый вопрос, основной вопрос, относительно которого я сказал: если бы у нас были расхождения в основном вопросе о характере и перспективах революции, то тогда действительно было бы чрезвычайно трудно вести общую политику.

IV. О характере нашего государства.

Второй вопрос, который не затронут прямо и непосредственно в тезисах т. Сталина, но который, однако, в последнее время часто поднимался и по которому, я также полагаю, необходимо добиться полной точности, и по которому вы имеете право требовать от нас полного ответа, это—вопрос о характере нашего государства. Мы стоим здесь целиком и полностью на том, что наше государство есть государство пролетарское в обоих смыслах этого слова. (Смех. Голоса: «А Троцкий?».) Товарищи, если бы мы имели дело с обвинениями, которые действительно фиксировали наши подлинные разногласия, мне не пришлось бы к этому обращаться. (Шум.) Товарищи, позвольте поставить вопрос прямо: или вам неприятно слышать, что мы в вопросе о государстве целиком и полностью согласны с вами? (Смех. Шум. Возгласы: «Очень приятно».) А то ведь я боюсь, товарищи, что может создаться такое впечатление, что когда я здесь заявляю, что с такими-то и такими-то положениями партии я абсолютно согласен, т. Моисеенко почему-то недоволен. (Моисеенко: «Я сижу и молчу, т. Каменев, я скажу вам после». Возглас: «А о Троцком когда скажете?») И о Троцком будет, товарищи.

Так вот вопрос о государстве. Мы считаем наше государство пролетарским не только потому, что это есть государство пролетарской диктатуры, но и потому, что пролетариат употребляет государственную власть и государственную организацию как орудие для подъема всех не-пролетарских трудящихся слоев к социализму.

Но, товарищи, мы к этому прибавляем—и мы обязаны прибавить—то, что говорил по этому вопросу Ленин. Если бы мы сказали, что у нас пролетарское государство—и только, мы не только сказали бы неправду, но сказали бы не то, что сказал Владимир Ильич, потому что он сказал, что у нас пролетарское государство в этих обоих смыслах—диктатуры пролетариата и подъема пролетариатом всей основной трудящейся массы на высшую и высшую

ступень,—но пролетарское государство в стране с преобладанием крестьянского населения и, второе, с бюрократическими извращениями. (Голос: «Правильно. Выводы?»)

Если никто этого не оспаривает, то давайте занесем это в ту золотую грамоту, в которой будет записано все то, в чем мы все согласны. (Смех.) А тогда, товарищи, я думаю останется кое-что записать и в ту книгу, в которой будет записано, в чем мы несогласны. Но этих двух книг нельзя смешивать. Нельзя же изображать дело так, что будто бы есть разногласия в таких вопросах, по которым в партии существует полное единство.

Раз пролетарская диктатура осуществляется в стране с большинством крестьянского населения, то из этого неизбежно вытекает определенный практический вывод, между прочим неизбежно вытекает то, что нижние этажи здания государственной власти фактически в будничной, повседневной работе находятся не в руках чисто фабрично-заводского пролетариата, а в руках крестьянства. (Шум, возгласы: «Где же там пролетариат? Пролетариат, вместо работы на фабриках, послать что ли в сельсоветы?») Позвольте спросить, товарищи: это факт или не факт? Если не факт, тогда вы отрицаете арифметику, географию, территорию и пр. Не может этого быть. Это факт. Для того, чтобы вести правильную пролетарскую политику и осуществлять правильное руководство, т.-е. диктатуру пролетариата в нашей стране, правильное руководство крестьянством, не нужно закрывать глаз на этот простой факт. А это факт, не может быть иначе. Если у вас сто миллионов крестьянства и если вы ведете правильную линию советского демократизма, то у вас обязательно будет вытекать из этого указанный мной факт. И правильная политика заключается не в отрицании факта, а только в одном—в усилении дальнейшей работы, дальнейшего приспособления методов руководства пролетариатом теми низовыми органами советского аппарата и власти, которые неизбежно заполняются крестьянством. (Возгласы: «Зачем эти факты?») А вы, когда мы говорим об этой необходимой задаче, вы начинаете говорить: преувеличиваете, такого факта нет. Так, товарищи, сговариваться невозможно.

И так же, товарищи, как этот факт неизбежно вытекает из осуществления диктатуры пролетариата и пролетарского государства в крестьянской стране, так же бюрократические извращения государственного аппарата ведь тоже имеют классовое выражение. Государство с бюрократическими извращениями, пролетарское государство с бюрократическими извращениями,—что это такое значит?

На мой взгляд это значит, что государственный аппарат,—рассматривая это явление с классовой точки зрения,—пытается собою заменить и оттеснить непосредственное участие рабочих масс в управлении государством, пытаясь все больше и больше подчинить самодеятельность этих масс бюрократическому аппарату. Когда мы констатируем этот факт и говорим: это есть тенденция государственного аппарата, поддерживаемая всей мелкобуржуазной атмосферой, и что против этого надо бороться методом привлечения рабочих, методом орабочивания государства, то нам, с одной стороны, говорят: нельзя орабочивать рабочее государство, ибо оно и так рабочее, а с другой стороны,—вы преувеличиваете факты. С партией у нас нет никаких принципиальных расхождений по вопросу о характере нашего государства; есть только стремление вывести из этих ленинских характеристик конкретные задачи и по делу руководства крестьянством и по делу орабочивания аппарата и борьбы с бюрократизмом, что мы считаем своим долгом сделать.

Я рассмотрел вопрос о характере нашей революции—и не нашел принципиальных разногласий в этом вопросе. Я рассмотрел вопрос об общих задачах коммунистической партии в данной обстановке и указал те условия построения полного социалистического общества, которые отчасти отмечены в этой резолюции и которых недостаточно. (Шум; голоса: «А чего вы дрались?») Вы думаете, что мы дрались потому, что считали нашу революцию буржуазной? Вы очень много, т. Рубэн, пишете, но ничего не поняли из нашего спора. (Смех; шум; звонок председателя. Голос: «Не Рубэн, а его двоюродный брат».) К сожалению, не понял смысла наших споров не только Рубэн, но и его двоюродные братья.

Перехожу к четвертому вопросу. (Голоса: «Уже 3½ часа».)

Председательствующий. Я думаю, что поступил согласно желанию конференции, когда до настоящего времени не ограничил т. Каменева (голоса: «Правильно»), представителя оппозиции. Тов. Каменев говорит уже час и просит дать еще полчаса. (Голоса: «Дать».)

Каменев. Товарищи, вы понимаете законность моего желания разъяснить до конца. (Шум.) Я не буду вас долго задерживать и буду говорить тезисообразно.

Товарищи, я рассмотрел три основных вопроса, расхождения по которым, если бы они были в тех размерах, какие нам приписываются, сделали бы невозможной нашу совместную работу.

V. Вопрос оценки мирового положения капитализма.

4-й пункт—вопрос о нашей оценке мирового положения, данного этапа мировой истории. Если бы мы разошлись в этом вопросе, иначе оценивали всю мировую обстановку, весь данный период мировой революции, то нам было бы очень трудно на чем-либо сговориться. Однако я полагаю, что и в этом вопросе нет такого рода расхождения.

В резолюции, предложенной т. Сталиным, сказано:

«Партия исходит из того, что передовые капиталистические страны переживают в общем и целом состояние частичной, временной стабилизации, что нынешний период является периодом межреволюционным, обязывающим коммунистические партии к подготовке пролетариата к предстоящей революции, что наступление капитала, тщетно пытающегося упрочить стабилизацию, не может не вызывать ответной борьбы и объединения сил рабочего класса против капитала, что компартии должны вмешаться в обостряющуюся классовую борьбу и превратить атаки капитала в контр-атаки пролетариата на предмет завоевания диктатуры пролетариата»...

Я не вижу ни малейшей причины не принять характеристики переживаемого периода как периода межреволюционного, как общего взгляда всей партии. Если, товарищи, вам при проработке сказали, что мы считаем, что в данный период, сегодня или в ближайшие недели, есть революционная ситуация, которая заставляет нас итти на штурм, или если вам сказали, что мы не верим вообще в мировую революцию,—вам, товарищи, сказали неправду. (Голос: «Вы же сами об этом писали на 25 листах».) Что бы кто ни писал на 25 листах или на 25 тысячах листов, а наша точка зрения заключается в том, что мы имеем частичную временную стабилизацию, потрясаемую революционным движением пролетариата и при правильной политике нашей партии и Коминтерна способную в более или менее обозримый период времени перейти в наступление пролетариата против капитализма. (Голоса: «А выступление Зиновьева?») Скажу и о Зиновьеве.

Но, товарищи, когда мы читаем в речи т. Лозовского, руководителя Профинтерна, сформулированные пять пунктов, где он говорит о том, что «одним из элементов стабилизации, и очень сильным элементом, растягивающим период стабилизации на десятилетия»..., тогда я говорю: вот с этим я не согласен. Товарищи, можно период от 1905 до 1917 года назвать межреволюционным периодом, можно назвать межреволюционным

периодом эти 12 лет, когда революционные силы росли, формировались, получали удары, опять подкреплялись и росли. Но что бы вы сказали о человеке, который бы назвал период, скажем, между Парижской Коммуной 1871 года и революцией 1905 года межреволюционным периодом? Ясное дело, что те товарищи, которые считают, что стабилизация на десятилетия, смотрят совершенно в другую сторону. Тем, кто считает, что стабилизация действительно на десятилетия, тем товарищам надо пересматривать свою тактику. Тактика, гожая в период межреволюционный, не годится на период десятилетий стабилизации капитализма. Вот в чем наши расхождения. (Голос: «Оказывается, расхождение-то с Лозовским?») Нет, товарищи, это не только Лозовский так говорит. Я утверждаю, что статья одного из нынешних плодовитых писателей (смех), т. Стэна, под названием «Стабилизация и перспективы», что она по существу дела повторяет перспективы т. Лозовского, и я могу только выразить искреннее сожаление т. Стэну по поводу того, что его весьма и весьма похвалили социал-демократы, сказав, что с таким пониманием стабилизации они очень согласны. Вы, товарищи, критикуйте не отдельные фразы, даже хотя бы неудачные фразы, сказанные т. Зиновьевым. Подумаешь, экое великое дело, если Зиновьев в одной из своих агитационных речей сказал что-то, не то—наплевать, не то—начихать на капиталистическую стабилизацию. (Голос: «А Лозовского так критиковать можно?» Голос: «Не в речи, а в тезисах».) Тезисов никаких т. Зиновьев единолично не писал. Тезисы есть коллегиальное произведение, и за них мы отвечаем. (Шум.) Позвольте, товарищи, у меня полчаса, так нельзя.

Берите наши взгляды, как они есть, критикуйте их, критикуйте не фразы, а существо. Боритесь с тем, кто хочет объявить, что у нас завтра революция, и объявите нас сумасшедшими, если мы где-либо сказали, что завтра у нас революционная ситуация.

Но боритесь также и с теми, которые под гул нападок на нас, под гул вашей проработки культивируют и протягивают идейки о десятилетиях стабилизации. Вот с кем тоже не забудьте бороться, потому что они, я уверяю вас, окажутся вам много повреднее, чем мы, потому что через них другая классовая струя идет.

Я кончил с этой частью. Я утверждаю, что в вопросах основных, в вопросах характера и перспектив нашей революции, в вопросах характера и перспектив нашего государства, общих задач строительства социализма в нашей стране, выдвинутых нашей коммунистической партией, и общей оценки международного положения, нет таких принципиальных, коренных разногласий, ко-

торые могли бы нас развести на две партии, или которые давали бы кому бы то ни было право оскорбить нас и вызвать удивление во всем мире приклеиванием к нам ярлычка социал-демократов.

VI. Соотношение классовых сил в нашей стране.

Но есть, товарищи, другого рода разногласия, есть разногласия в сфере оценки соотношения классовых сил в нашей стране. Это разногласия политические. Вопрос об оценке соотношения классов в нашей стране, это есть вопрос политический, но он не может привести к тем выводам, которые можно было бы сделать, если бы эти разногласия держались на линии определения общего характера нашей революции, общего характера нашего государства. Подобного рода разногласия могут затруднить практическую работу, они ее затрудняют. Из этих расхождений в оценке конкретной ситуации данного момента, соотношения тех или других классовых сил вытекают практические разногласия. Из этого можно сделать определенные организационные выводы. Можно сказать: раз ты не согласен с такой-то оценкой классовых сил в данный момент, с оценкой соотношения между кулаком, бедняком, пролетариатом и т. д., то ты не должен быть в том штабе, который на основании данной оценки принимает практические решения. И вы будете, товарищи, по-своему правы. И не надо вам в полном несоответствии и с истиной и с историей называть нас социал-демократами, для того чтобы сделать те практические и организационные выводы, которые устраняют из постоянно действующих штабов людей, которые в тот или другой момент несогласны в тех или других политических или практических вопросах.

Эти разногласия, товарищи, есть, и их тоже надо взвесить и оценить их размер. Вы в праве спросить нас: что заставило нас забить тревогу, что заставило нас в тревоге... (Голос с места: «Фракционность».) Фракционность ведь не родилась со мной в люльке, ведь она только в 1925 году появилась. (Голос с места: «Нет, еще в 1917 году».) В 1917 году фракционность? Это уже никуда не годится. А в 1925 году я «заразился» фракционностью. Вы теперь можете сказать: ну, заразился фракционностью, Сталин скажет, как тебя следует наказать, кончай речь. Но должно это вас, товарищи, интересовать: как же это могло случиться, почему это Зиновьев, Каменев, Троцкий, один, другой,—товарищи, которые не страдали этой болезнью в продолжение 8 лет... (Голос с места: «Троцкий не страдал?» Смех,

шум.) Относительно Троцкого, товарищи, будет еще речь, уверяю вас. (Смех, шум.) Я вышел на трибуну, товарищи, для того, чтобы сказать вам прямо и откровенно, потому что мы были объяты тревогой за правильность практической политики нашей партии в данный момент. (Голоса: «Почему?») Почему? Дайте сказать. Потому, что мы полагали, что в оценке конкретных классовых отношений в нашей стране в 1925 г. партия стоит не на правильном пути, и мы считали своим долгом на этот неправильный путь указать и об этом кричать. Мы перешли в этом границы партийной дисциплины и границы партийного устава. Наказывайте нас за это, мы достаточно за это наказаны, но не отрицайте, что в основе этого нарушения лежит не что иное, как тревога за правильность политики партии, как желание убедить партию. Мы не смогли партию убедить. Мы не хотим ей навязывать свои взгляды.

Вы отвергли наши взгляды на съезде, в апреле и июле, но мы не пытаемся во что бы то ни стало навязывать вам наши взгляды. (Шум. Шверник: «Этого только нехватало».) Если вы считаете, что тот, кого политически обвиняют, имеет право рассказать, как он пришел к тем или другим мыслям, то выслушайте меня.

Мы испытывали подлинную глубокую тревогу за определенную политику партии в данный момент, нам казалось, что ряд товарищей и пресса в частности недооценивают всех процессов, которые происходят не в социалистическом, а в капиталистическом секторе нашего хозяйства. Нам казалось, что партия не отдает себе отчета в тех трудностях, которые несет усиливающееся накопление кулака и нэпмана, усиливающееся отодвигание от нас бедняка. Правы мы были или неправы, это—дело другое, но мы считали, товарищи, что нашей законной обязанностью было, конечно в рамках партийного устава, об этом партии сказать.

Далее. Мы полагали, что партия недооценивает и того задерживающего влияния этих процессов накопления в несоциалистическом секторе нашего хозяйства, которое они оказывают на социалистический сектор нашего хозяйства.

Товарищи, я уже заранее объявлен Центральным Комитетом имеющим уклон к социал-демократам, но это не может помешать мне сказать здесь, перед ЦК, что, когда перед началом истекшего хозяйственного года я лично указывал на трудности наряду с нашими достижениями, то теперь, когда год прошел, каждый, внимательно следящий за нашей экономикой, скажет, что трудности оказались больше, чем это можно было предположить

в сентябре 1925 г., и эти трудности пошли по той линии, против которой я предупреждал, против которой мы предупреждали. (Шум.) Трудности оказались в том, что процесс накопления кулацкой части деревни и нэпманской части города пошел таким быстрым темпом, что дал возможность задерживать развитие нашего государственного сектора, хотя бы в виде того, что мы не получили необходимого для экспорта хлеба, мы не получили для экспорта необходимых других продуктов, что мы должны были сократить импорт. (Голос: «Паника».) Правильно? (Голос: «Паника».) Ах, паника! Я не знаю, товарищи, что вы понимаете под словом «паника». Если вам какой-нибудь товарищ говорит, что вот такие-то и такие-то трудности стоят перед нами, если это вы называете паникой, то что же вы хотите,—чтобы мы пришли к вам и сказали: никаких трудностей нет? Этого вы хотите? Мы этого сделать не можем.

Основная задача, которая стоит перед нами в этой области, заключается в правильном решении вопроса об укреплении смычки с крестьянством. Когда резолюция говорит, что «должна проводиться такая экономическая политика (политика цен, налоговая политика и т. д.), которая укрепляет смычку индустрии с крестьянским хозяйством и сохраняет союз рабочего класса и основной массы крестьянства», мы говорим, что это правильно, но слишком обще. Ведь это правильная платформа и для 1921 г., и для 1925 г., и в 1930 г. это будет правильно. Смычка нужна, но вопрос заключается в том, что́ в 1925/26 г. угрожает этой смычке, откуда идет подрыв этой смычки? (Голос: «Высокие цены и 2 миллиарда».)

Я отвечаю: этой смычке угрожает диспропорция, товарный голод со всеми его последствиями, т.-е. с высокими розничными ценами, с неполной стабилизацией червонца и т. д. Вот откуда, товарищи, шло наше беспокойство в этом вопросе. Предлагаем ли мы действительно меры, которые, как здесь сказано, рассматривают крестьянство как враждебную среду? Это неправда! Это выдумка! (Голос: «А Преображенский?») Как враждебную среду мы, ленинцы, крестьян рассматривать не могли. Я заявляю, что рассматривать крестьянство как враждебную по отношению к пролетариату среду есть такая идеологическая глупость, что такого человека не только социал-демократом нужно назвать, а нужно просто сказать, что он умер для политики, что он может заниматься домашним хозяйством. (Шум, смех.)

Вопрос коренной заключается вот в чем: есть ли у нас в стране внутренние ресурсы для того, чтобы поднять промышленность на ту ступень, которая бы не озлобляла крестьянство недостат-

ком и дороговизной товаров, а показывала ему выгодность хозяйничанья пролетариата в области крупной промышленности. Есть ли у нас в стране внутренние материальные ресурсы для этого? Мы отвечаем—есть! (Голос: «Два миллиарда». Шум, смех.) Вы недовольны были бы, если бы у нас было два миллиарда? Так вот, товарищи, эти внутренние ресурсы есть. Теперь—где они, как их получить можно? (Шум. Голос: «Это самое важное».) Если, товарищи, та точка зрения, что накопление кулака и нэпмана происходит в минимальных размерах, получила бы возобладание в нашей партии, если бы некоторые голоса, которые несомненно затушевывали рост дифференциации в деревне, рост кулачества и нэпманства, действительно определяли нашу политику, тогда мы должны были бы сказать: откуда же мы возьмем эти материальные ресурсы внутри, необходимые для индустриализации, если рабочий получает низкую зарплату, если у нас «несчастненький», «маленький» кулачок, который слабо развит, которого, собственно говоря, пожалеть следует и который обещает еще «врасти» тихонечко «в социализм», если, с другой стороны, нэпман получает по 4 руб. на нос, откуда мы возьмем деньги? Тогда уже нельзя самоубаюкиваться, тогда нужно сказать—развитие социализма пойдет таким «черепашьим» шагом, как сказал Бухарин, что от необходимости догнать и обогнать капиталистические страны ничего не останется, кроме хороших слов в резолюции т. Рыкова! Ведь мы к Пуанкарэ не пойдем за деньгами, насчет этого не слышно разногласий, монополией за заграничные кредиты расплачиваться не собираемся! (Голос: «А Сокольников?») Откуда же мы возьмем материальные ресурсы?

Для того, чтобы вести правильную налоговую политику, надо прежде всего, чтобы партия признала две вещи. Во-первых, что рост частно-капиталистического накопления в городе и в деревне есть факт, который замазывать, затушевывать вредно, нельзя; во-вторых, надо, чтобы вы признали, что дело распределения национального дохода, т.-е. передвижки средств, накапливающихся в капиталистическом секторе,—в секторе государственной промышленности, есть вопрос классовой борьбы. Эти две вещи нужно было признать раньше, чем садиться за стол с карандашиком в руках и высчитывать размеры налогов и пр.

Я утверждаю, что наша тревога была вызвана тем, что признание этих двух факторов—роста капиталистического накопления, затем классовой борьбы за перераспределение этого накопления, не встречало достаточного отклика в партийном сознании

и что они не находили себе достаточного отражения и места в практической политике партии.

Вы можете нас упрекнуть, что здесь у нас преувеличение, что партия всегда так думала, что все обстоит благополучно. Нет, товарищи, мы заявляем: в партии, в этом смысле, полного благополучия не было, сознания важности этих фактов в полной мере не было. Когда говорят, как сказано было в обращении, подписанном тт. Сталиным, Рыковым и Куйбышевым, о режиме экономии (обращении, которое по существу правильно указывало на извращения режима экономии, на попытки искать средств для индустриализации за счет рабочего класса), что часть коммунистов предлагает грабить крестьянство, я должен сказать: обвиняйте, товарищи, нас в чем угодно, но мы живем уже не в средние века! Невозможны же теперь «процессы ведьм»! Нельзя же живых людей, которые говорят, что нужно установить налоговый нажим на кулака, чтобы помочь бедняку и вместе с ним строить социализм,—нельзя же этих людей обвинить и сжечь на политическом костре по обвинению в том, что они хотят грабить крестьянство! Владимир Ильич говорил левым эсерам: «Тот, кто мешает в одну кучу напор на кулака и на крестьянство вообще, подставляет под кулака вообще крестьянство, тот,—говорил он,—преступник. Если бы вы нашли хоть какую-нибудь зацепочку, которая показывала бы, что мы действительно берем крестьянство все целиком и на нем хотим установить налоговый нажим, тогда другое дело. Но разве не мы, товарищи, настаивали на необходимости более точно зафиксировать в резолюции партии дифференциацию крестьянства? Разве не от нас шло предложение о снижении обложения бедняка? Как же можно с нас драть две шкуры? Сначала одну шкуру дерут за то, что мы слишком потворствуем бедняку, предлагаем сложить налог с 40% деревни вместо 25%; потом дерут с нас шкуру за то, что мы слишком несправедливы к кулаку и не думаем о том, что кулак врастает в социалистическое строительство; а потом за то, что мы предлагаем грабить все крестьянство. Неверно, товарищи. Вы накажите нас за то, в чем мы виновны, если мы повинны по вашей мысли, но не выносите, товарищи, приговоров, которые неправильны по существу, которые приклеивают нам взгляды, нами не разделяемые. Мы не разделяем теории враждебности к нам среднего крестьянства. Мы отстаиваем теорию, что крестьянство дифференцируется... (Голос с места: «Вы с Преображенским или без него?».) С партией, чорт возьми! (Смех.)

Так вот, товарищи, кончаю. (Голос с места: «А о Троцком?») Сейчас. Я надеюсь, что на Троцкого вы мне прибавите.

Товарищи, каковы пределы разногласий в этой области? Я посвящу остающиеся 5 минут этому вопросу.

Тезисы т. Сталина начинаются так: «Характерной чертой переживаемого периода является усложнение борьбы между социалистическими элементами и элементами капиталистическими внутри нашей страны». Усложнение борьбы! Усложнение борьбы еще не вполне ясно рисует, в чем тут дело. Что борьба между капиталистическими и социалистическими элементами усложняется,— это ясно. Но в какую сторону, какое классовое содержание этого, — это неясно. Однако у нас есть резолюция т. Рыкова, которая говорит, что СССР переживает момент «острой борьбы социалистических и капиталистических элементов как в городе, так и в деревне». И у нас есть резолюция т. Томского, которая дальше уточняет слова: «острая борьба». Я не спрашиваю, товарищи, полагаю, что мне сейчас не место спрашивать, когда эта острая борьба началась, после XIV съезда, или после апрельского пленума, или после июльского пленума.

Цифринович. Она никогда не прекращалась.

Каменев. Прочтите, товарищ, некоторые материалы к проработке материалов в МК.

Цифринович. Я читал.

Каменев. У т. Томского сказано так: «Рост производительных сил страны сопровождается вместе с тем ростом социальных противоречий и на данном отрезке времени—известным обострением классовой борьбы в стране, при чем «возрастает хозяйственная, а также и политическая активность классов и групп, прямо враждебных пролетариату (буржуазии и кулачества), а равно возрастает активность городской и сельской мелкой буржуазии»...

Товарищи, если вы хотите разоружить оппозицию, выбить из наших рук идейное оружие (голос с места: «Капитал хотите нажить?»), то самый лучший способ говорить этим языком (голос с места: «Мы всегда так говорили») о росте социальных противоречий, об острой классовой борьбе, о растущей активности классов и групп, прямо враждебных пролетариату. Но, товарищи, как же это так, как же это связать? Я не пойму. (Голос с места: «Выходит, что партия пришла к оппозиции, в общем».) Каким образом можно нас обвинить в социал-демократических уклонах по тому, собственно, поводу, что мы предлагаем партии говорить вот этим языком? Вот передо мною передовица «Правды» от 27 октября. Я должен сказать, что передовица написана так, что она нас «разоружает». Правда, эта передовица не удержалась от того, чтобы сказать, что мы, оппозиция, видите ли, сомневаемся в том, что мы на основании вну-

тренних ресурсов можем победоносно строить социализм. Это, так сказать, необходимый припев. Но что, по существу, говорит эта передовица? Я считаю эту передовицу рядом с прочитанными мною пунктами резолюций тт. Рыкова и Томского важнейшим политическим документом. Вот что говорит эта передовица:

«Перед нами стоит задача роста хозяйства, но на-ряду с ним с еще большей остротой станевится перед пролетариатом задача соответствующего использования происходящих внутри страны накоплений.

Эта задача есть задача классовой борьбы, ибо в обстановке капиталистического окружения, в условиях происходящего внутри страны капиталистического накопления в городе и деревне (кулак и частный капиталист), вопрос об использовании накоплений для упрочения позиций социализма не может не быть вопросом самой острой борьбы классов».

Эти слова, эта оценка современного положения сосредоточивают внимание партии на том, что сейчас вопрос идет о перераспределении национального дохода и что этот вопрос есть вопрос об острой классовой борьбе, в которой кулак и бедняк стоят по разные стороны, в которой нэпман и социалистическая промышленность стоят по разные стороны. Вот если бы эти положения положить в основу «проработок», которые ведутся теперь в партии, если исходить из этой оценки положения, показывая пролетариату путь, если готовить рабочий класс к этим перспективам, то оппозиция будет удовлетворена (голос с места: «Она и так разоружена»), ей нечего будет давать.

Теперь, товарищи, послушаем «Правду» дальше: «Проблема использования накоплений является решающей и для вопроса о том, каким темпом пойдет индустриализация, и для вопроса о том, как быстро мы будем укрепляться перед лицом враждебного нам капиталистического окружения... Если взять обстановку наступившего хозяйственного года, то совершенно ясно, что она «взывает» о том, что нам надо увеличивать промышленную продукцию.

То же, вероятно, будет и в следующем году. Намеченные планами размеры промышленной продукции и капитальных затрат не устраняют товарного голода. В чем выход?

Выход в том, чтобы суметь найти средства увеличить мобилизацию накоплений внутри страны для развертывания промышленности».

Здесь ведь есть признание, что и те средства, которые будто слишком щедро отпустил промышленности СТО под моим пред-

седательством, т.-е. которые теперь он отпустил под председательством Рыкова, не устраняют товарного голода. Где же выход? Выход в том, чтобы суметь найти средства и увеличить мобилизацию накоплений. Это есть проблема классовой борьбы. В этой борьбе за укрепление пролетарской мощи за счет накоплений и капиталистического сектора в городе—нэпманов, новой буржуазии,—и капиталистического сектора в деревне—кулачества—с нашей стороны никаких разногласий и затруднений не будет.

Время истекло, и я скажу только два слова об аппарате, о бюрократизме и о Троцком. Товарищи, я обещаю в две минуты. Вы пишете в своей резолюции, что мы не только критиковали, не только пытались переделать, но что мы шельмовали партийный аппарат. Сейчас ответ по этому вопросу. Чему радоваться—не понимаю. (Смех. Степанов-Скворцов с места: «Радоваться нечему».) Вы пишете в резолюции в качестве обвинительного акта против нас: «Партийный аппарат вмещает в себя лучших людей пролетариата, которых можно и нужно критиковать за ошибки, которых можно и нужно «освежать», но которых нельзя шельмовать, не рискуя разложить партию и оставить ее безоружной».

Правильно, товарищи, совершенно и абсолютно правильно. (Голос с места: «А декларация?») Сейчас прочту, что в декларации сказано. Вот, товарищи, что сказано нами в том боевом документе, который, как вы, конечно, прекрасно представляете, был документом борьбы. (Голос с места: «Позорный документ».) В этом «позорном», на ваш взгляд, документе сказано:

«Значение крепко спаянного, централизованного аппарата в большевистской партии не требует пояснений. Без этого костяка пролетарская революция была бы невозможна. Партийный аппарат в большинстве своем состоит из преданных и бескорыстных партийцев, у которых нет других побуждений кроме борьбы за интересы рабочего класса. (Голос с места: «А дальше?») При правильном режиме и надлежащем распределении сил те же самые работники с успехом помогали бы осуществлять партийную демократию».

Дальше, товарищи, стоит точка и начинается другой отдел. (Смех.) Этот документ, наша декларация на июльском пленуме ЦК и ЦКК, есть документ борьбы—правильно. В этом документе мы сконцентрировали все, что имели и хотели сказать партии, и я полагаю, лучше было бы, если бы резолюция, критикующая наши взгляды, опиралась не на цитаты 1922—1923 гг. и не на отдельные мысли, высказанные в Комакадемии, а критиковала вот

этот документ, за который мы отвечаем и под которым стоят наши подписи. Тогда вы не могли бы сказать, что в этом боевом историческом документе мы вздумали «шельмовать» партийный аппарат, потому что перед вами горели бы эти сейчас прочтенные мною слова, в которых сказано совсем другое.

Я не отрицаю, что в полемике у того или другого товарища могла сорваться фраза, выкрик, речь, которая могла быть не так истолкована (смех), и вы, товарищи, если бы нашли это, вы бы это процитировали, показали. Вы этого не процитировали. А в том официальном документе, в котором мы излагали обдуманно перед партией то, что мы действительно хотим сказать партии, мы сказали о партийном аппарате то, что я прочел. Поэтому все то, что переходит за эти пределы, что от этой критики переходит к «шельмованию», мы готовы осудить вместе с вами.

Теперь, товарищи, о Троцком. (Председатель звонит. Каменев, обращаясь к президиуму: «Хотите—о Троцком?»)

О блоке с Троцким.

Так вот, товарищи, о Троцком. Товарищи, ваша формулировка говорит:

«Основным фактом в развитии внутрипартийных отношений в ВКП после XIV съезда (осудившего принципиальные взгляды «новой оппозиции») является то обстоятельство, что «новая оппозиция» (тт. Зиновьев, Каменев), боровшаяся раньше против троцкизма, против социал-демократического уклона в нашей партии, перешла на сторону идейных позиций троцкизма»... (Голос с места: «Правильно». Голос с места: «Вы нам скажите сейчас».) Теперь, товарищи, спрашивается только одно: за что же вы нас осудили на XIV съезде?

Ежели «основным фактом в развитии внутрипартийных отношений после XIV съезда является то обстоятельство, что оппозиция перешла на сторону идейной позиции троцкизма», тогда за что же вы нас осудили на XIV съезде? Итак, товарищи, вы на XIV съезде... (Шум. Голос: «На XIV съезде были самостоятельные грехи».) Вы нас на XIV съезде осудили независимо от того, что мы не перешли на сторону троцкизма. Теперь хотите осудить за то, что мы якобы перешли на сторону троцкизма. Я боюсь, что вы осудили бы нас, если бы мы вообще ни на какую позицию не переходили. (Смех.) Факт остается фактом. Я заявляю, что вы не укажете, как не мог указать в своем обстоятельном докладе т. Сталин, ни одной цитаты, ни одного факта, в котором можно было бы констатировать то, что здесь нам

приписывается,—что мы «перешли» на сторону идейной позиции троцкизма... (Голос: «А декларация?»)

Никогда, нигде мы не защищали, не защищаем и, можем вас уверить, не будем защищать (голос: «Это вопрос») то специфическое, что действительно отличало исторический троцкизм от ленинизма. (Смех.) Нам, товарищи, совершенно достаточно ленинизма. (Голос: «А Троцкий отказался от своих взглядов?») Подождите, товарищи.

Да, мы сошлись с Троцким на защите совершенно определенных взглядов, против совершенно определенных уклонов в партии. Мы сделали то, что неоднократно практиковал в своей работе и т. Ленин (смех), опираясь во внутрипартийной борьбе на те или другие группы внутри руководящих учреждений партии. (Смех.) Тов. Ленин, вы это прекрасно знаете, воевал с нами против Троцкого и воевал с Троцким неоднократно против тех или других уклонов Рыкова или Томского. Это факты партийной истории. Это записано в истории партии. И в том, что мы сошлись с т. Троцким на определенных задачах, которые мы правильно или неправильно ставили себе в данный момент, сошлись для того, чтобы отстаивать определенную линию,—в этом самом по себе нет, конечно, ничего недопустимого или тем паче позорного.

Одним из политических документов этого политического блока являются слова т. Троцкого (из его «Ответа на запросы товарищей об оппозиции», напечатанного в «Стенограмме заседаний Политбюро» от 8 и 11 октября 1926 г.): «Мы исходим из того, что, как неопровержимо показал опыт, во всех сколько-нибудь принципиальных вопросах, где кто-либо из нас расходился с Лениным, правота была безусловно на стороне Ильича». Если вы к этому прибавите, что в этом же документе т. Троцкий писал: «В вопросе о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства мы полностью и целиком стоим на почве того теоретического и тактического учения, которое формулировал Ленин»,—тогда я думаю, что наш блок с т. Троцким не представляет ничего чрезвычайного (экстравагантного) и должен быть судим не потому, с Троцким он или без Троцкого, а лишь на основании того, правильна или неправильна общая линия этого блока.

Товарищи, после всего этого я спрашиваю: можно ли ввести наличные, действительные разногласия в рамки совместной работы и солидарной ответственности каждого из нас за работу партии?

Мы заявляем: можно и должно! Вы не можете не отдавать себе отчета, товарищи, что принятие резолюции о социал-демократическом уклоне, конечно, сильно затруднит эту работу. Но

мы со своей стороны готовы сделать все, чтобы на основе решений съездов, ЦК и конференции целиком вложиться в практическую работу и подчинить все наши шаги, все наши действия и выступления высшему принципу единства партии и укрепления ее диктатуры. Мы заявляем, что заявление наше о том, что система фракций противоречит интересам единства партии и диктатуры пролетариата есть наше политическое заявление, что на этой почве мы стоим, что мы признаем, что ни один член партии, на какое бы место он ни был поставлен, не может складывать с себя ответственности за общую политику партии. Мы считаем, что отстаивание наших взглядов в пределах действительных разногласий есть обязанность коммунистов, но что подчиняться партийной дисциплине, нести ответственность за общую работу, есть также наш долг, который мы перед партией выполним.

Председательствующий. Товарищи, я предлагаю вечернее заседание начать с 7 часов. Дневное заседание объявляется закрытым.

Заседание десятое.

(1 ноября 1926 года, вечернее.)

Петровский (председательствующий). Товарищи, прошу занять места. Заседание конференции возобновляется. Слово имеет т. Ярославский.

Ярославский. Товарищи, мы не знаем, что еще скажут нам лидеры оппозиционного блока. Но то, что мы слышали сегодня от т. Каменева, не может нас сколько-нибудь успокоить относительно того, что оппозиционный блок, который был провозглашен с такой помпой, не будет продолжать борьбу против партии по целому ряду основных вопросов, несмотря на самые успокоительные заявления т. Каменева. Конечно, конференция ждала гораздо большего; после тех заявлений, какие были сделаны в печати, конференция ждала от лидеров оппозиции определенных доказательств того, что эти товарищи имели право поднять против партии такую бучу, какую они подняли, начиная с XIV съезда партии. Но, по правде надо сказать,—таких доказательств здесь не было приведено; наоборот, все то, что говорил т. Каменев, можно было бы перевести на такой язык: «К чему, друзья, весь этот шум? Я ваш старинный друг и кум». Совсем понапрасну вы подняли такую борьбу против нас. В речи т. Каменева не было того пафоса (конечно, не обязательно, чтобы в речи был пафос), который свидетельствовал бы о внутренней убежденности человека. Перед нами говорил человек, который сговорился с другими товарищами из оппозиционного блока, как не выдать этих товарищей, которые дали друг другу амнистию, которые обязались друг перед другом,—не было внутренней убежденности у т. Каменева в правоте того дела, которое он защищает. Мы привыкли слушать т. Каменева, привыкли слышать другого Каменева, который проводил в течение ряда лет ленинскую линию. Мы помним, как он упрекал троцкистскую оппозицию 1923/1924 года, когда он говорил: «Вы вышли с такими

пустяками, жизнь отвергла ваши предсказания, и вы подняли против партии такую борьбу,—разве вы имели право на это? Но, товарищи, так трепать партию, как трепала ее оппозиция 1926 г., еще не трепала даже и троцкистская оппозиция, и мы должны признать, что у новой оппозиции, пожалуй, было еще меньше оснований трепать партию.

Мы имели заявления на октябрьском пленуме Центрального Комитета и ЦКК, что оппозиция готова голосовать за тезисы Центрального Комитета, если только мы выбросим из них кое-какие полемические места. Вот что говорил т. Зиновьев несколько дней тому назад, 23 октября:

«**Зиновьев.** Товарищи, мы в Политбюро сделали следующее заявление по поводу тезисов о хозяйственном положении, да и по поводу тезисов о профсоюзах. Мы сказали, что в обоих этих тезисах...

Голос. Кто это мы?

Зиновьев. Тов. Каменев, я и некоторые другие товарищи,—мы сказали, что в этих тезисах содержится по 3, по 4 пункта, содержащих острую полемику против так называемой «оппозиции». Мы считали, что если бы эти пункты были удалены из соответствующих резолюций,—а нам казалось, что деловые соображения не требуют обязательно этих пунктов в этих резолюциях,—то это сделало бы возможным голосование за основу, за принятие в основу этих резолюций, и, вероятно, после некоторых комиссионных обсуждений и поправок сделало бы возможным единогласное принятие резолюций». (Протоколы пленума ЦК и ЦКК.)

Товарищи, такое заявление было сделано т. Зиновьевым, очевидно, с согласия всей объединенной оппозиции. Но тогда мы спрашиваем вас: куда же девались те глубокие разногласия, в которых вы уверяли партию и Коминтерн? Куда же девалась ваша платформа, которую вы распространяли, распространяли нелегально, несмотря на запрещение ее распространять? Где же те жестокие обвинения, которые вы бросали по адресу партии? Они исчезли, их нет. Оказывается, никаких глубоких разногласий нет,—только не задевайте нас, не трогайте нас, 3—4 пункта измените—и мы будем голосовать. Это, товарищи, есть свидетельство величайшей беспринципности. Так серьезные политические деятели не поступают, как вы поступили с партией: выступить на XXII Ленинградской конференции в декабре 1925 г. с призывом объединиться для борьбы на XIV съезде партии; устранить из делегации всех тех, кто не был согласен с линией т. Зиновьева; выступить на XIV съезде партии с особым содокладом; создать объединенный блок с троцкистами и другими оппо-

зиционерами против Центрального Комитета,— ибо вы заявляли, что нет Центрального Комитета, а есть сталинская фракция; выступить с заявлением на апрельском пленуме, что оппозиция не может голосовать за нашу резолюцию в силу очень глубоких разногласий; выступить на июльском пленуме с особыми тезисами и с особой платформой, которая является не чем иным, как зародышем программы другой партии; заявить, что оппозиционный блок, который они создали, есть блок всерьез и надолго; затем построить подпольные организации с группами, кружками, комитетами, с особой печатью подпольной, с членскими взносами на организационные расходы, с конспиративными совещаниями, с явкой, с шифрами и пр. и пр.; затем через голову Центрального Комитета, Центральной Контрольной Комиссии и местных организаций обратиться непосредственно к ячейкам с требованием открыть дискуссию, так как, дескать, существуют такие глубокие разногласия, что их иначе изжить нельзя; затем довести дело до прямой угрозы расколом партии, что если вот сегодня ночью не собраться, то дело грозит катастрофой, расколом партии; довести дело до возможности использования положения «третьей силой»,—ибо т. Зиновьев сам признал в комиссии ЦКК под председательством т. Шкирятова, что дело доходило до того, что положение могло быть использовано третьей силой и что он берет на себя частичную ответственность за это,—затем способствовать мобилизации всех враждебных коммунистической партии сил у нас и за рубежом,—ибо оппозиция способствовала мобилизации этих сил, способствовала острейшей борьбе против ЦК и нашей партии (голоса: «Правильно!»); и после этого притти сюда и заявить, что у нас серьезных разногласий нет, и мы готовы голосовать за эти тезисы! Это есть авантюризм. (Голоса: «Правильно!».) Это не что иное, как политический авантюризм! (Аплодисменты. Голоса: «Правильно!».)

Товарищи, по всем основным вопросам партийной политики оппозиция сформулировала свои разногласия в платформе. У меня нет времени остановиться на этом подробно, это сделают другие товарищи и покажут, насколько несостоятельна была оппозиция по всем этим вопросам. Я думаю, что для подавляющего большинства членов нашей партии и даже беспартийных рабочих совершенно ясна и теперь уже эта несостоятельность. Когда т. Каменев спрашивает: «перед кем мы капитулировали», то он должен знать, что прежде всего они капитулировали перед троцкистами. Вначале вы, тт. Зиновьев, Каменев и вся Ленинградская делегация, те, кто шел за вами вначале,—капитулировали перед троцкистами, а теперь вместе с троцкистами и вместе с другими вы

капитулировали сначала перед величайшими трудностями социалистического строительства нашего времени, а затем должны капитулировать перед напором организованного общественного мнения коммунистического пролетариата. Вы капитулировали, и вы этой капитуляции отрицать не можете.

Товарищи, недавно еще распространялось письмо, распространялась декларация, в которой говорилось, что партия сползает с ленинских рельс. Недавно еще бросалось такое обвинение. Мы спрашиваем вас: признаете вы теперь это обвинение, которое бросали партии? И если признаете, то какое вы имеете право говорить, что вы присоединяетесь к линии партии и готовы голосовать вместе с нами по всем основным вопросам?

Недавно распространялось письмо тов. Троцкого, в котором партия называется сталинской фракцией. Товарищ Троцкий, выступая теперь перед этой партией, которую вы называете сталинской фракцией, ответьте нам, перед кем вы держите ответ,— перед сталинской фракцией или перед партией? (Аплодисменты.) И скажите нам, имели ли вы право так квалифицировать партию, как вы это делали, потому что партия вам не простит, что вы и целый ряд других товарищей так опутали пошедших за вами рядовиков, может быть искренно поверивших вам, будто в самом деле у нас партии нет, а есть сталинская фракция; теперь перед этой большевистской стеной, перед этой единой, монолитной ленинской партией ответьте—партия или сталинская фракция призывает вас к ответу?

Товарищи, в этом письме тов. Троцкий уверял, будто бы партия, большинство партии, большинство ЦК, или, как он называет «сталинская фракция», тем самым, что мы предполагаем возможность построения социализма в одной стране, тем самым мы являемся партией национальной ограниченности. Сегодня тов. Каменев нам заявил, что он принимает наши формулировки о возможности построения социализма в одной стране. И мы призываем вас ответить перед партией: что же, вы смеете теперь утверждать, будто бы мы проводим теорию национальной ограниченности?

Ваши утверждения еще недавно, что тов. Сталин не может объединять партию,—а ведь это был центральный пункт выступлений тов. Каменева на XIV съезде, вы помните это? Это был центральный пункт всей атаки—вопрос о т. Сталине. Распространяли книгу Истмена, клеветнический документ, который оппозиция распространяла, перепечатывала, после того как сама заклеймила его, как клеветнический документ. И вы, т. Каменев, выступаете, утверждая, что тов. Сталин не является тем генеральным секретарем, который может объединить партию.

Я спрашиваю вас: имеете ли вы смелость повторить перед всей партией ваши обвинения? Разве вы не знаете, не видите, что т. Сталин тем, что в это труднейшее время отстаивал ленинскую линию, приобрел еще большее уважение всей партии, а вы его потеряли! (Аплодисменты.)

3 октября эти товарищи подали заявление в Политбюро по поводу резолюции бюро МК от 2 октября,—резолюции, вполне законно отстаивавшей наши организационные формы работы, наши большевистские организационные принципы работы. Они подали заявление, в котором имеется пять «почему», пять вопросов:

«Почему, несмотря на хозяйственные успехи и повышение интенсивности труда, зарплата фактически снизилась, а безработица возросла?

Почему, несмотря на успехи, товарный голод обострился, и розничные цены растут?

Почему, несмотря на успехи, покупательная сила червонца упала?

Почему, несмотря на успехи, себестоимость в промышленности возросла, что ведет к дальнейшему повышению цен?

Почему, наконец, в советах города и деревни возросла роль кулака и мелкого буржуа за счет пролетария, батрака и бедняка?»

На заседании Политбюро я процитировал другой документ, документ «Рабочей Правды», воззвание, с которым «Рабочая Правда» обращалась накануне XII съезда к партии; там вы найдете почти все эти вопросы «почему» в точно такой же демагогической постановке вопроса и в таком же извращенном свете. Что же, эти товарищи нам помогли разрешить трудности, разъяснили деловым образом партии эти «почему», хотя наполовину нет правды в этих утверждениях-вопросах? Принимали они в это время должное участие в нашей практической работе? Нет и нет. В гораздо большей степени оппозиция занималась борьбой против партии, чем помощью партии в разрешении тех трудностей, которые стоят перед нами. Мы прямо должны сказать, что оппозиция эксплоатировала эти трудности, она их преувеличивала, заостряла перед партией в целом ряде анонимных документов, хотя бы в документе «Рабочий вопрос».

Я вам задам, товарищи из оппозиции, вопрос: почему вы, если вы считали, что вам нужно объяснить партии (у вас имеется какой-то особый секрет, вроде хотя бы этих прямо скоморошьих миллиардов, которыми т. Зиновьев и другие оперировали в Ленинграде и Москве),—если у вас есть такой секрет, что вы можете трудности роста разрешить, почему же вы здесь не выступили

с развернутой вашей хозяйственной линией, не выступили по хозяйственному вопросу, по докладу т. Рыкова? Да потому, что вам нечего сказать партии по этому вопросу. Вы банкроты в этом отношении. (Голоса: «Правильно».)

А теперь чего они от нас требуют? Они говорят: «Мы с вами согласны в общем и целом (выходит вроде того, что мы даже к ним пришли), а вот вы только не сравнивайте нас с меньшевиками, не говорите, что у нас социал-демократический уклон». Почему? На каком основании? Тов. Зиновьев—я не буду цитировать его очень многих речей, где он называет т. Троцкого меньшевиком, но я напомню только один документ: это его речь на XIII съезде партии. В речи на XIII съезде партии т. Зиновьев относительно того основного документа, который он в 1926 году признал правильным,—«Новый курс», Троцкого—заявил:

«Мы двадцать раз готовы предать забвению прошлое, но вопросы, касающиеся основ большевизма, мы предать забвению не можем. (Аплодисменты.)

Мы глубоко убеждены, товарищи, что «Новый курс»—не большевистское произведение. Мы совершенно убеждены, что это абсолютно не наша дорога, что не по ней должны мы итти, и не по ней шла партия».

У т. Зиновьева есть вообще иногда склонность к гиперболам и очень сильным словам: «Мы глубочайше, абсолютно убеждены» и т. д., а потом через месяц или два оказывается, что вы «глубочайше убеждены» в совершенно противоположном. А вы имели огромный политический авторитет, к вам прислушивались. В чем же вы «глубочайше убеждены» сейчас? Мы совершенно не знаем, в чем вы теперь «глубочайше убеждены», потому что вы еще недавно нам заявили, что вы недавно перечитывали перед XIII съездом этот документ спокойно и объективно. Конечно, раз человек спокойно и объективно читал, так он может спокойно и объективно оценивать. И вы заявили тогда: «это одно из самых крупных произведений оппозиции, но большевизма в нем ни грана».

А проходит немного времени, и т. Зиновьев уже делает совершенно иного рода заявление. Тов. Зиновьев вместе со всей оппозицией делает заявление такого рода:

«Сейчас уже не может быть никакого сомнения в том, что основное ядро оппозиции 1923 года, как это выявила эволюция руководящей ныне фракции, правильно предупреждало об опасностях

сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте аппаратного режима».

Вот вам «объективное и спокойное» отношение т. Зиновьева! То не было ни грана большевизма, а сегодня оказывается, что это самый правильный документ, что были правы т. Троцкий, «Новый курс» и «записка 46», и неправы были партия и Коминтерн.

А после такого заявления, которое т. Каменев сам подписал, т. Каменев спрашивает сегодня нас: «Процитируйте хоть один документ, где бы мы скатывались к троцкизму в основных вопросах». Вот вам, т. Каменев, получайте!—это заявление, подписанное вами и целым рядом ваших товарищей, вот здесь подписи: Бакаев, Сокольников, Пятаков, Лиздин, Муралов, Троцкий. Оказывается, мы были неправы, неправа была партия, а т. Троцкий был прав. Тогда было «ни грана большевизма», там было «совершенно небольшевистское произведение», а тут оказывается «основное ядро оппозиции 1923 года» (т.-е. троцкисты) были правы. И вы еще спрашиваете, где ваша капитуляция перед троцкизмом?!

Председательствующий. Сколько вам времени еще нужно?

Ярославский. Минут двадцать. (Голоса: «Дать, дать».)

Я могу отослать вас, товарищи, к брошюре о новой оппозиции, где я собрал выписки, в которых Зиновьев и Каменев называют троцкизм ренессансом меньшевизма, разновидностью меньшевизма и пр., и пр. Почему же они себе этакую роскошь позволяли по отношению к своему сегодняшнему союзнику? Почему еще вчера называли нас комнародниками, эсерами и т. д., и т. д.? Теперь они говорят, что вы хотите нас поссорить с т. Троцким тем, что вспоминаете эти прошлые наши оценки троцкизма. Да мы вовсе нисколько не заботимся о том, чтобы поссорить вас друг с другом. Живите в любви и дружбе хотя бы до гроба. Мы только хотим, чтобы партия вас оценила как следует, чтобы партия видела ясно ваш отход к троцкизму.

В сегодняшней речи т. Каменева вы заметили, вероятно, когда т. Каменев подошел к 1917 году и стал доказывать, что Ленин доказывал необходимость, так сказать, перерыва некоторого в наших большевистских взглядах и что нам надо эти взгляды пересмотреть, я спрашиваю,—у кого из вас не получилось такого впечатления, что т. Каменев оправдывает взгляды т. Троцкого, будто наша партия для того, чтобы совершить Октябрьский переворот, должна была идейно перевооружиться? Это, товарищи, сегодня сказал т. Каменев. И когда он спросит нас после сегодняшнего дня: а в чем мы капитулировали, мы ему скажем: вы сегодня еще раз капитулировали перед троцкизмом и пошли в этом еще дальше, чем

до сегодняшнего дня. А после этого вы претендуете на то, чтобы мы умалчивали о том, что у вас есть социал-демократический уклон. Почему? Они, видите ли, отгородились от ряда людей, у которых эти меньшевистские уклоны выпирают так, что терпеть нельзя было. Я говорю об Оссовском. Не все члены партии знают, что т. Каменев и т. Троцкий голосовали против исключения Оссовского из партии. Тов. Зиновьев не мог голосовать в Политбюро, он не был членом Политбюро. Они подали заявление, в котором брали Оссовского под защиту и говорили, что Оссовского надо оставить в партии, что взгляды Оссовского, таким образом, фактически должны быть «законным оттенком» в нашей партии. Вот что они пишут, я прочту некоторые пункты их заявления: «ЦКК постановила исключить т. Оссовского»—видите, «товарища Оссовского»—«за написанную им статью без предъявления т. Оссовскому каких бы то ни было других обвинений. Статью эту ЦКК называет меньшевистским ликвидаторским документом. Это надо, очевидно, понимать не в том смысле, что т. Оссовский является тайным меньшевиком, вошедшим в партию для достижения целей, враждебных нашей партии, а в том смысле, что он изложил в статье взгляды, которые в развитии своем могут повести к меньшевистским выводам. В первом случае к т. Оссовскому должно быть отношение как к злостному врагу. Во втором случае—как к товарищу, который стал на неправильный путь. Как ни сгущены формулировки постановления ЦКК, но она имеет в виду не первый, а второй случай. Это необходимо установить прежде всего».

«По существу дело обстоит так: наиболее ошибочные взгляды т. Оссовского, в крайне сгущенном и неправильном к тому же виде, были сперва подкинуты оппозиции вообще, а затем, когда путем такого недопустимого приема статье Оссовского был придан тот политический вес, которого она не имела и иметь не может, ЦКК привлекла т. Оссовского к ответственности и исключила его из партии. Таким образом, мы имеем здесь не меру ограждения идейной линии партии, а полузамаскированный, искусственно подстроенный удар по оппозиции».

«Но оппозиция ни в каком случае не могла присоединиться к сосредоточению удара по т. Оссовскому, в то время как без всякого осуждения оставлялись и оставляются явно противоречащие принципам партии заявления и предложения целого ряда товарищей, занимающих ответственные посты».

«Ни из статьи т. Оссовского, ни из объяснения представителя ЦКК мы не вынесли того впечатления, что т.Оссовский внутренне порвал с партией, что он неспособен, при более правильном

отношении к нему, исправить свои ошибочные взгляды. Вот почему мы голосуем против исключения т. Оссовского из партии».

Для вас, товарищи, разве не ясно, что они желали, чтобы такие люди, как Оссовский, взгляды которого вам известны как взгляды меньшевистско-ликвидаторские, нетерпимые совершенно в большевистской партии,—чтобы такие люди, как Оссовский, оставались внутри нашей партии? Что же, это не есть защита меньшевизма, не есть социал-демократический уклон? Это не есть еще социал-демократизм, не есть меньшевизм, но есть уклон к социал-демократизму, к защите меньшевистских взглядов в нашей партии.

О неверии в возможность строительства социализма в нашей стране недавно еще говорил Радек. Я надеюсь, что по этому вопросу ему ответил достаточно основательно т. Сталин, приводя цитату из речи т. Радека в Коммунистической академии,—речи, которую т. Молотов где-то назвал ренегатской, отступнической, и я считаю, что эта квалификация совершенно правильна. Докатиться до того, чтобы перед беспартийной аудиторией, перед беспартийными профессорами изображать наш величайший опыт строительства социализма в виде помпадурского опыта проведения либерализма в одном уезде,—это и есть ренегатство, отступничество. А когда т. Минин—тоже не из последних оппозиционеров, не лыком шитый оппозиционер,—в Гомеле выступает и говорит: «Вы все говорите: строим, строим социализм. Что толку? Мы собираемся построить социализм, когда у нас еще нет культурных сортиров!»—то, действительно, дальше этого докатиться нельзя в пессимизме, в неверии, в упадочности. По этой теории выходит, что строительство социализма должно начаться в такой стране, где лучшие уборные. Ну, если бы только за этим стало дело, то мы бы могли уборные построить как-нибудь.

Теперь насчет темпа индустриализации. (Сырцов: «Сортиризации, стало быть?») Тов. Каменев отстаивает ту мысль, что мы можем добавочные средства на индустриализацию найти только обложением нэпмана, кулака, при чем у него получается такая картина, что если мы этого не сможем сделать, то все дело погибло. Прямой вывод, что мы должны, следуя тт. Каменеву, Зиновьеву и другим, дать возможность развиваться кулакам и нэпманам, иначе ведь с них и брать нечего будет,—только такой может быть прямой вывод из ваших рассуждений о средствах на индустриализацию. Хотите ли вы или не хотите, но именно так получается.

Тов. Каменев спрашивал нас: где это оппозиция говорила, что у нас непролетарское государство; мы, говорит т. Каменев сегодня,

стоим на том, что у нас пролетарское государство. Но кто же может забыть, что оппозиционеры спорили по этому вопросу и доказывали, что у нас «не вполне пролетарское» государство; т. Каменев пугал, что наши нижние этажи затопляются крестьянством.

Нас упрекали, как вы помните, в том, что мы не хотим как следует прижать кулака, и здесь замечательное, я бы сказал, хамелеонство некоторых товарищей из оппозиции. Вот т. Зиновьев на XIII съезде партии говорил:

«Много у нас говорят о кулаке. И тут тоже надо иметь в виду, что не надо перебарщивать в двух направлениях: 1) в уступках кулаку и 2) в том, что в кулаки производят того, кто вовсе не кулак. Нельзя каждого мало-мальски зажиточного и сыто живущего крестьянина называть кулаком. Прав наркомзем т. Смирнов, утверждающий, что тут у наших товарищей есть уклон.

Я думаю, что пришло время, когда нам надо различать: кулака в прежнем смысле слова и деревенского нэпмана, растущего воочию. Раньше часто, вы помните, почти каждого зажиточного крестьянина называли кулаком. Владимир Ильич учил нас различать его в зависимости от губернии, в зависимости от места, в зависимости от обстоятельств и времени: в Сибири такой крестьянин не кулак, а в Центральной России он—кулак. Тем более осторожно нужно подходить сейчас. В деревне растет простой нэпман-ростовщик, лавочник, самогонщик, оптовик, там растет тот нэпман, на которого мы будем всячески нажимать. Это совсем не значит, что мы будем на всех сыто живущих и исправно ведущих свое хозяйство нажимать». Кто это говорил? Это, оказывается, говорил тот самый т. Зиновьев, который через короткое время вместе с другими товарищами подписывал заявление за заявлением, что наркомзем т. Смирнов имеет кулацкий уклон и т. д. Как это иначе назвать, как не хамелеонством: сегодня одно, завтра другое?

Кончаю. Почему оппозиция подняла бунт против партии? Потому что у нас в партии неблагополучно, потому что линия партии не-ленинская, потому что у нас кулацкий уклон, что мы сползаем с ленинских рельс и прочее,—так говорила оппозиция. По всем пунктам она формулировала свои разногласия. А пришли они через несколько месяцев к тому, что вся их платформа несостоятельна, неприемлема для партии, хотя они и заявляют, что в основном они остаются на прежних принципиальных позициях. Однако для всех теперь очевидно, во-первых, невероятное

принципиальное убожество оппозиции. Тов. Троцкий очень часто любил говорить в последнее время по адресу ЦК: «вы заменяете идейное убожество аппаратным всемогуществом». У него было, прежде всего, здесь совершенное непонимание того, что такое аппарат партии, он об него шишки набил основательные. Во-вторых, такое чувство, как у лисицы, которая смотрит на виноград, а достать не может. Вы, т. Троцкий, не могли овладеть аппаратом и никогда не овладеете аппаратом большевистской партии. (Голоса: «Правильно». Аплодисменты.) И, в-третьих, он заявлял так потому, что ему казалось, что он сам преисполнен великих идей, что он ослепит партию этими замечательными идеями, что стоит только партии их узнать—и партия пойдет за ним. А что оказалось? Невероятное идейное убожество этой самой оппозиции, которое она должна была здесь сегодня фактически признать.

Когда нам говорят и т. Зиновьев и другие: «верьте нам, ибо мы искренно пришли сюда, искренно заявляем, что прекращаем всякую борьбу фракционными методами, всякую борьбу вне рамок нашего устава», и т. д., у нас в памяти встает такой факт, который мы забыть не можем. Всего несколько времени тому назад, в то время как подается заявление о желании установить мир в партии, т. Зиновьев отправляется в Ленинград и там выступает через голову ЦК перед партийными массами с защитой оппозиционных взглядов, с требованием дискуссии. Это надо назвать вероломством, а мы хотим, чтобы вероломства не было. Тов. Андреев, работавший в течение долгого времени вместе с оппозицией, нам заявил, что вот, кажется, 10 октября он был на собрании, в котором участвовали тт. Бакаев, Равич и ряд других товарищей, более 10 человек. И вот на этом собрании,— описывает он,—«встал вопрос о том, что делать дальше. Настроение на этом собрании было подавленное, в районах опереться не на кого, в общем и целом констатировали, что разбиты. При чем при обсуждении вопроса, что делать дальше, было зачитано письмо за подписью пятерых, меморандум большинству о том, что нужно перемирие. Часть товарищей, которая там присутствовала, возмущалась, что вожди сдрейфили, что итти на перемирие сейчас —значит дискредитировать самих себя и этим самым давать в руки большинства все козыри. Вот, примерно, мнение по этому вопросу. При обмене мнений выяснилось, что делать дальше; было положено в основу следующее: дальнейшие шаги направить, чтоб законспирироваться, уйти в подполье, вести только индивидуальную обработку и главным образом сохранить кадр, который существует в наличии в данный момент, и приобретать по

возможности постепенным порядком других. Вот примерно то, что происходило на этом собрании».

Конечно, и т. Бакаев и другие некоторые товарищи говорят, что не так это дело было, немножко не так это дело было. Подавленность была, разбитость была, но насчет того, чтобы законспирироваться,—этого не говорили. Но я думаю, что их оправдания трудно очень признать. Но что это факт, что вы хотите сохранить кадры и сохранить их за собой,—это совершенно ясно из ваших заявлений. Но мы вам не позволим сохранить кадры против партии.

Вы говорили, т. Каменев, на XIII съезде об окопах против мелкобуржуазного уклона. Вы говорили:

«Мы думаем, что окопы против мелкобуржуазного влияния в нашей партии надо держать в порядке, и мы думаем, что если т. Троцкий выполнял свой долг, высказываясь перед партией, то партия выполняла свой долг, поправляя т. Троцкого и разъясняя широким пролетарским массам ошибочность его позиции. Если бы мы это делали, имея только хорошо подвешенный язык, не опираясь на объективные факты и не имея роста народного хозяйства, улучшения положения рабочего класса, мы были бы побеждены оппозицией во главе с т. Троцким. Если она оказалась политическим банкротом, то потому, что объективная действительность смяла их теорию, их предсказания и их доводы. И поэтому мы, отдавая власть в завет, так сказать, новому Центральному Комитету, могли бы только одно пожелать,—чтобы история позволила нам ошибки т. Троцкого поправлять как можно реже, ибо поправка этих ошибок стоит очень дорого партии».

Это говорил Каменев на XIII съезде партии. И если и он оказался сегодня политическим банкротом, то потому, что «объективная действительность смяла их теорию, их предсказание и их доводы»...

Мы заявляем и сегодня всей оппозиции, что «окопы против мелкобуржуазного влияния в нашей партии надо держать в порядке» и окопы против социал-демократического влияния в двойном порядке будем держать. (Аплодисменты.) И мы уверены, товарищи, что вы не сочтете легкомысленным т. Каменева, когда он выступал с таким заявлением на XIII съезде, а вы скажете, что он тогда правильно, по-большевистски защищал ленинскую партию, а сегодня он сам засел в мелкобуржуазные окопы вместе с т. Троцким против партии. Мы должны выбить их из этих окопов, мы должны показать всей партии, что они представляют собой в полном смысле слова политических банкротов. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Слово имеет т. Троцкий.

Тов. Троцкий и т. Зиновьев обратились с просьбой дать им по часу.

Троцкий. Может быть, больше.

Председательствующий. Товарищи, т. Троцкий сказал мне, что больше часу.

Троцкий. Ведь доклад и резолюция в огромной степени посвящены были мне. Цитаты, как т. Сталин справедливо сказал, требуют времени, и он с самого начала сказал: ввиду важности вопроса тут не жаль времени. Я прошу дать мне возможность ответить на цитаты т. Сталина.

Председательствующий. Голосую. Кто за то, чтобы предоставить т. Троцкому час—прошу поднять руки. Кто за еще большее время?

Троцкий. Прошу полтора часа.

Председательствующий. Еще раз голосую. Кто за час, прошу поднять руки. Кто за большее время? Меньше. Имеете час.

Троцкий. Товарищи! Резолюция обвиняет оппозицию, меня в том числе, в социал-демократическом уклоне. Я пытался мысленно еще раз перебрать спорные вопросы, которые разделяют нас, меньшинство ЦК, с его большинством за последний период, т.-е. за тот период, к которому относится самое название «оппозиционного блока». Я должен был констатировать, что спорные вопросы и наша позиция в этих спорных вопросах не дают решительно никакой опоры для обвинения нас в «социал-демократическом уклоне»

Мы спорили, товарищи, прежде всего по вопросу о том, какая опасность угрожает нам в нынешнюю эпоху, в нынешний период—опасность о т с т а в а н и я нашей государственной промышленности или опасность з а б е г а н и я вперед. Оппозиция доказывала, я в том числе, что реальная опасность, перед которой мы стоим, это—опасность отставания государственной промышленности от народно-хозяйственного развития в целом. Мы указывали на то, что диспропорция при той политике в области распределения национального дохода, которая проводилась, угрожает нам дальнейшим возрастанием. Это называли почему-то «пессимизмом». Товарищи, арифметика не знает ни пессимизма, ни оптимизма. Экономическая статистика не знает ни оптимизма, ни пессимизма, ни маловерия, ни капитуляции. Цифры суть цифры. Если вы возьмете контрольные цифры Госплана, то они говорят о том, что в прошлом году диспропорция, точнее нехватка промтоваров, измерялась суммой в 380 милл. рубл., в этом году—в 500 милл.

рублей, т.-е., по первоначальным контрольным цифрам Госплана, диспропорция выросла на 25%. Тов. Рыков в своих тезисах говорит, что можно надеяться (пока лишь надеяться) на то, что диспропорция в этом году не возрастет. Но откуда эта «надежда» получилась? А получилась она оттуда, что урожай оказался хуже, чем все мы надеялись. Я мог бы, если итти по фальшивой дорожке наших критиков, сказать, что т. Рыков в своих тезисах, в сущности, приветствует то, что плохие условия уборки подмочили наш неплохой урожай, потому что, если бы урожай оказался бóльшим, то и диспропорция была бы неизбежно бóльшей. (Рыков с места: «Мое мнение другое».) Но цифры говорят за себя. (Голос: «Почему не выступили по докладу Рыкова?».) Тов. Каменев объяснял здесь, почему мы не выступали. Потому что по этому специальному экономическому докладу я бы не мог что-либо прибавить, в смысле поправок или доводов, к тому, что мы излагали на апрельском пленуме. Поправки и предложения, сделанные мною и другими товарищами на апрельском пленуме, сохраняют всю свою силу и сейчас. Но хозяйственный опыт с апреля, очевидно, еще слишком мал для того, чтобы мы могли надеяться на данной стадии переубедить товарищей—членов конференции. Возобновлять же свежие споры, еще не проверенные ходом хозяйственной жизни, значило бы зря обострять атмосферу. Те же вопросы неизбежно станут для партии приемлемее, если новый опыт даст их цифровую проверку, потому что объективный хозяйственный опыт проверяет разногласия не так—оптимистичны ли цифры или пессимистичны,—а расценивает их иначе: правильны они или неправильны. Я думаю, что наша оценка диспропорции была правильна.

Мы спорили относительно темпа индустриализации, и я был в числе тех, которые указывали, что нынешний темп недостаточен и что именно недостаточность темпа индустриализации придает исключительную важность процессу расслоения деревни. Разумеется, ничего катастрофического еще нет в том, что поднимается кулак, или—это другая сторона того же,—что удельный вес бедняка в деревне уменьшается. Это—тяжкие явления переходного периода. Болезненные явления. «Пугаться», разумеется, нет никакого основания. Но их надо правильно учесть. Я был в числе тех, которые утверждали, что явления дифференциации деревни могут стать опасными при отставании промышленности, т.-е. при увеличении диспропорции. Мы обязаны,—говорила оппозиция,—каждый год диспропорцию сокращать. Я не вижу тут, товарищи, ничего социал-демократического.

Мы настаивали на том, что дифференциация деревни требует

более гибкой налоговой политики по отношению к разным слоям деревни, снижения налогового бремени по отношению к низовым середнякам, увеличения по отношению к зажиточным верхам середняков и более энергичного нажима на кулака, особенно по линии его смычки с торговым капиталом. Мы предлагали вовсе освободить от налогов 40% бедноты. Правы ли мы были, или нет? Я думаю, что правы; вы думаете, что нет. Но что тут социал-демократического, мне невдомек. (Смех.)

Мы говорили о том, что рост дифференциации в деревне, при отставании промышленности, создает необходимость двойных гарантий в области политической, т.-е. что мы ни в коем случае не можем терпимо относиться к расширению избирательных прав по отношению к кулакам, по отношению к работодателям, к эксплоататорам, хотя бы и маленьким. Мы били тревогу по поводу знаменитых инструкций, расширявших избирательные права мелких буржуа. Было ли это правильно, или неправильно? Вы скажете, что мы «преувеличили» по этому поводу нашу тревогу. Ну, допустим. Но я не вижу тут ничего «социал-демократического».

Мы требовали, настаивали, предлагали решительно осудить курс сельскохозяйственной кооперации на «производственно-мощного середняка», под каковым именем выступает обычно не кто иной, как кулак. Мы предлагали осудить «сдвижок» (это словечко было сказано на докладе в Политбюро) кредитной кооперации в сторону деревенских верхов. Я не знаю, товарищи, что тут «социал-демократического».

По вопросу заработной платы были разногласия. Их существо сводится к тому, что мы считали и считаем, что на данной стадии развития нашей промышленности и нашего хозяйства, на данном, уже достигнутом уровне его вопрос о зарплате должен ставиться не так, что рабочий должен дать раньше повышенную производительность труда, которая поведет затем к повышению заработной платы, а что система должна быть обратная: повышение заработной платы, хотя бы и скромное, должно быть предпосылкой повышения производительности труда. (Голос с места: «Из каких средств?») Правильно это или неправильно, но здесь нет ничего «социал-демократического».

Мы связывали известные вам явления партийной жизни с ростом бюрократизма. Думаю, что и здесь не было ничего «социал-демократического».

Мы выступали, далее, против переоценки экономических элементов стабилизации и против недооценки ее политических элементов. Если спросить, скажем, в отношении Англии: в чем собствен-

но там состоит ныне экономическая стабилизация? Окажется, в том, что Англия разоряется; в том, что у нее пассивный баланс; в том, что внешняя торговля уменьшается; в том, что производство падает. Вот в чем экономическая «стабилизация» Англии. А чем же держится буржуазная Англия? Не Болдуином, даже не Томасом, а Перселем. Перселевщина есть псевдоним, другое название нынешней «стабилизации» в Англии. Вот почему мы считаем, что перед лицом рабочих масс, проведших всеобщую стачку, прямо или косвенно солидаризироваться с Перселем—в корне неправильно. Поэтому мы требовали разрыва англо-русского комитета. Я не вижу здесь ничего «социал-демократического».

Мы настаивали на новом пересмотре уставов наших профсоюзов, о чем я докладывал в ЦК,—уставов, из которых в прошлом году выкинут был «Профинтерн» и заменен «Международным объединением профсоюзов», чего нельзя было, даже при самой доброй воле, понимать иначе, как «Амстердам». Я с удовольствием констатирую, что сейчас произведен пересмотр прошлогоднего пересмотра, и «Профинтерн» снова введен в уставы наших профсоюзов, с чем нельзя их не приветствовать. Но почему наша тревога по этому поводу была социал-демократической? Этого я, товарищи, никак понять не могу. (Смех.)

Я хотел—разумеется, лишь в самой краткой форме—перечислить основные пункты разногласий, которые прошли за последнее время. Они все диктовались нашим пониманием опасностей, угрожающих классовой линии партии и рабочего государства, в обстановке затяжного нэпа и международного капиталистического окружения. Из этих разногласий, из той позиции, которую мы защищали в этих разногласиях, никаким сложным логическим или даже схоластическим путем нельзя, товарищи, вывести социал-демократического уклона. Вот почему понадобилось от этих реальных разногласий — фактических, серьезных, порожденных данным этапом нашего хозяйственного и политического развития,—отступить далеко назад и построить разногласие в понимании «характера нашей революции» в о о б щ е,—не данного ее этапа, не данных конкретных задач, а в понимании характера революции вообще, или, как сказано в тезисах, революции, взятой «сама по себе», «по своему существу». Немцы говорят в таких случаях: an sich und für sich (в себе и для себя). Это известный метафизический термин, означающий, что революция берется вне реальной связи с окружающим ее миром, вне ее вчерашнего и завтрашнего дня, а как некая «сущность», из которой все вытекает. Так вот, в этом вопросе о «сущности» я оказываюсь виноватым на девятом году революции в том, что отрицаю социали-

стический характер нашей революции. Ни больше, ни меньше! Я, товарищи, впервые об этом узнал из этой самой резолюции. Казалось бы, если товарищи почему-то сочли нужным построить резолюцию на цитатах из того, что я писал,—а основная часть резолюции, которая воздвигает теорию первородного греха («троцкизм»), эта основная часть опирается на цитаты из того, что я писал в 1917—1922 гг.,—то надо было, по крайней мере, брать то основное, что я писал по вопросу о характере нашей революции. Я извиняюсь, товарищи,—нет никакого удовольствия, вместо того, чтобы говорить о вопросе по существу, ссылаться на то, что писал, где писал и когда писал. Но ведь тут, в резолюции, в обоснование «социал-демократического уклона» приведены цитаты из моих писаний, и я вынужден дать необходимые справки. По поручению партии я написал в 1920 году книгу «Терроризм и коммунизм» против Каутского, против понимания Каутским нашей революции как революции не-пролетарской и не-социалистической. Эта книга издавалась большое количество раз, у нас и за границей, через Коминтерн. Книга встречала отнюдь не враждебные отзывы ближайших товарищей, в том числе и Владимира Ильича. Эту книгу резолюция не цитирует. Я писал в 1922 году книгу, по поручению Политбюро, «Между империализмом и революцией». Там, на частном опыте Грузии, я снова рассмотрел—в полемике с международной социал-демократией, которая нас травила по вопросу о Грузии,—основные вопросы пролетарской революции, имеющей право попирать не только мелкобуржуазные предрассудки, но и учреждения. Это опять-таки не цитируется. На III конгрессе Коминтерна я, по поручению ЦК, делал доклад, суть которого сводилась к тому, что мы выступили в эпоху неустойчивого равновесия. Я полемизировал с т. Бухариным, который тогда считал, что мы до победы социализма во всем мире будем итти через непрерывный ряд революций и кризисов, и что никакой «стабилизации» не будет и не может быть. Тогда т. Бухарин обвинял меня в правом уклоне (может быть, и в социал-демократическом?). В полном согласии с Владимиром Ильичом я на III конгрессе защищал тезисы, мною сформулированные. Смысл тезисов был таков, что несмотря на затяжку революции мы через этот этап пройдем, наращивая социалистические элементы нашего хозяйства. На IV конгрессе, в 1922 году, я, по поручению ЦК, читал доклад о нэпе, вслед за Владимиром Ильичом. Что я доказывал? Я доказывал, что нэп означает только изменение форм и методов социалистического строительства. И вот вместо того, чтобы взять эти, хорошие или плохие, но основные работы, где я, по по-

ручению партии, с 1920 до 1922 года, давал определение характера нашей революции, берутся за тот же период отдельные цитатки, из одного предисловия и из другого послесловия — по две-три строки. Ни одна из них не взята, повторяю, из основных работ. На этих четырех цитатках (1917—1922 гг.) и воздвигается обвинение в том, будто я отрицаю социалистический характер нашей революции. А затем уже, когда это построено, под это обвинение, под этот первородный грех подводится все остальное, даже и оппозиция 1925 года! Требование более быстрой индустриализации и предложение о повышении налога на кулака вытекают затем из этих четырех цитаток. (Голос: «Фракций не создавайте».)

Товарищи, я жалею вашего времени, но я должен буду все-таки привести несколько цитат,—я бы мог их привести сотни,— в опровержение того, что приписывает мне резолюция. Прежде всего, однако, я обращаю ваше внимание на то, что все четыре цитаты, на которых построена теория первородного греха, извлечены из того, что я писал за время с 1917 до 1922 года. После этого как метлой смело, после этого неизвестно, считал ли я нашу революцию социалистической или нет. Ныне, в конце 1926 года, чтобы определить нынешние взгляды так называемой оппозиции по основным вопросам хозяйства и политики, берутся цитаты из моих личных писаний от 1917 до 1922 г., не позже, и притом не из основных, повторяю, работ, а из таких, которые я писал по совершенно случайным поводам. Я вернусь к этим цитатам, товарищи, я на каждую из них отвечу. Но позвольте раньше привести несколько более существенных цитат из того же периода.

Вот что я говорил, например, на конференции МГСПС 28 октября 1921 г. после введения нэпа: «Мы сейчас перестроили нашу хозяйственную политику в расчете на более затяжное развитие нашего хозяйства. Мы считаемся с тем, что революция в Европе хотя и нарастает и укрепляется, но развивается медленнее, чем мы рассчитывали. Буржуазия оказалась более устойчивой. И в нашей стране, которая попрежнему окружена капиталом, мы вынуждены считаться с более медленным переходом к социализму. Свои силы мы должны сосредоточить на крупных и наилучше оборудованных предприятиях. При этом мы не закрываем глаз на то, что продналог в деревне, рост предприятий, сданных в аренду,—все это создает почву для развития товарного хозяйства, для накопления капитала и создания новой буржуазии. Но на-ряду с этим на более узком, но прочном базисе крупной промышленности будет строиться социалистическое хозяйство».

В Сокольническом районе на общепартийном собрании 10 ноября того же года я говорил: «Что мы имеем сейчас? Мы имеем сейчас процесс социалистической революции,—во-первых, на почве одного государства, а во-вторых, на почве самого отсталого—и в экономическом и в культурном отношении—государства, окруженного со всех сторон капиталистическими странами».

Какой же вывод я делал? Предлагал капитулировать? Вот что я предлагал: «Наша задача состоит в том, чтобы социализм доказал свою выгодность... Крестьянин будет судьей о выгодности или невыгодности социалистического государства. Мы конкурируем на крестьянском рынке с капитализмом...

Какие у нас основания для уверенности в победе теперь? Их очень много. Они заложены в международном положении, и в развитии коммунистической партии, и в том, что мы власть сохранили целиком, и в том, что мы свободную торговлю открываем лишь в тех пределах, в которых находим нужным».

Это было сказано в 1921 году, товарищи, не в 1926-м.

В своем докладе на IV международном конгрессе я говорил (это было направлено специально против Отто Бауэра, с которым меня теперь столь неожиданно пытаются породнить): «Важнейшее наше средство в хозяйственной борьбе на основе рынка—государственная власть. Только реформистские дурачки могут не понимать значения этого орудия. Буржуазия понимает прекрасно. Это доказывает вся ее история.

Другим орудием в руках пролетариата являются важнейшие производительные силы страны: весь хозяйственный транспорт, вся добывающая промышленность, подавляющее большинство предприятий обрабатывающей промышленности находятся в непосредственном хозяйственном заведывании рабочего класса.

Ему же, рабочему государству, принадлежит земля, и крестьянин вносит за нее сотни миллионов пудов в год натурального налога.

В руках рабочей власти—государственная граница: иностранные товары, вообще иностранные капиталы могут получить доступ в страну в тех пределах, в каких это признает желательным и допустимым рабочее государство.

Таковы орудия и средства социалистического строительства».

В книжке, которую я выпустил в 1923 году, называется она «Вопросы быта», говорится на ту же тему следующее: «Что рабочий класс добыл и обеспечил предшествующей борьбою?

1. Диктатуру пролетариата (через посредство рабоче-крестьянского государства, руководимого коммунистической партией).

2. Красную армию, как материальную опору диктатуры пролетариата.

3. Национализацию важнейших средств производства—без чего диктатура пролетариата была бы пустой формой без содержания.

4. Монополию внешней торговли, которая есть необходимое условие социалистического строительства при капиталистическом окружении.

Эти четыре элемента, незыблемо завоеванные, образуют стальную оправу всей нашей работы. Благодаря ей, этой оправе, каждый наш хозяйственный или культурный успех, — если это действительный, а не мнимый успех, — становится необходимо составным элементом социалистической постройки». И далее, еще более отчетливая и резкая формулировка в той же книжке. Там говорится: «Чем легче (относительно, конечно) оказался для российского пролетариата революционный переворот, тем труднее—социалистическое строительство. Но зато выкованная революцией оправа нашей новой общественности, характеризуемая четырьмя основными элементами (см. выше), придает объективно социалистический характер всем добросовестным, разумно направленным усилиям в области хозяйства и культуры. При буржуазном строе рабочий, не желая того и не думая о том, обогащал буржуазию, и обогащал тем больше, чем лучше работал. В советском государстве добросовестный и хороший рабочий, даже и не думая и не заботясь о том (если он беспартийный и аполитичный), совершает социалистическую работу, увеличивая средства рабочего класса. В этом-то и состоит смысл Октябрьского переворота, и в этот смысл нэп не внес никакой перемены».

Я мог бы эту ленту цитат увеличить чрезвычайно—потому что другого истолкования нашей революции я не давал и давать не мог. Но я ограничусь еще той книжкой, которую цитировал т. Сталин («К социализму или к капитализму?»). Она вышла впервые в 1925 году, первоначально печаталась в «Правде» фельетонами, и редакция центрального органа ни разу мне не указала, что там есть какая-нибудь еретическая мысль насчет характера нашей революции. Книжка вышла в этом году вторым изданием, переведена на иностранные языки через Коминтерн. Я не слышал ранее, что книжка дает неправильное изображение нашего экономического развития. Тов. Сталин прочитал две-три произвольные строки, чтобы заявить, что это «неопределенно». Я вынужден поэтому прочитать больше, чтобы показать, что это вполне определенно.

Вот что говорится прежде всего в предисловии, которое посвящено критике наших критиков—буржуазных и социал-демократических, прежде всего Каутского и Отто Бауэра. Здесь говорится: «Суждения (врагов о нашем хозяйстве) идут по двум линиям: во-первых, про нас говорят, что, строя социалистическое хозяйство, мы разоряем страну; во-вторых, про нас говорят, что, развивая производительные силы, мы фактически идем к капитализму. Первая линия критики характеризует чисто буржуазную мысль. Вторая линия критики свойственна социал-демократии, т.-е. замаскированной буржуазной мысли... Настоящая книга покажет, надеюсь, непредубежденному читателю, что врут и те и другие, т.-е. и откровенные крупные буржуа и мелкие буржуа, прикидывающиеся социалистами. Они лгут, когда говорят, что большевики разорили Россию... Они лгут, когда говорят, что развитие производительных сил идет по линии капитализма. В области промышленности, транспорта, торговли и финансово-кредитной системы роль государственного хозяйства по мере развития производительных сил не уменьшается, а наоборот,—возрастает в общей экономике страны. Об этом с полной несомненностью свидетельствуют цифры и факты.

Гораздо сложнее обстоит вопрос о сельском хозяйстве. В этом для марксиста нет ничего неожиданного. Переход от распыленного крестьянского хозяйства к социалистической обработке земли мыслим только через ряд последовательных технических, экономических и культурных ступеней. Основным условием такого перехода является сохранение власти в руках класса, который стремится вести общество к социализму и который во все большей степени способен воздействовать на крестьянство через государственную промышленность, повышая технику сельского хозяйства и тем создавая предпосылки для его коллективизации».

Резолюция, посвященная оппозиции, говорит, что взгляды Троцкого, видите ли, очень близки к взглядам Бауэра, который говорит, что «в России, где пролетариат составляет только незначительное меньшинство нации, он может утвердить свое господство только временно», что «он должен неизбежно вновь потерять его, как только крестьянская масса нации сделается достаточно зрелой в культурном отношении для того, чтобы самой взять власть в свои руки». Прежде всего, товарищи, как можно предполагать, что такого рода пошлейшая постановка вопроса может притти в голову кому-нибудь из нас? Что это за формулировка: «когда крестьянские массы сделаются зрелыми в культурном отношении»? Что это значит? Что понимать под «культурным отношением»?

Самостоятельной крестьянской культуры в условиях капитализма нет, и крестьянство может зреть в культурном отношении либо под руководством пролетариата, либо под руководством буржуазии. Есть только эти две возможности культурного развития крестьянства. Думать марксисту, что, скинув пролетариат, «культурно созревшее» крестьянство самостоятельно овладеет властью,—это же грубейший, пошлейший предрассудок. Мы слишком хорошо знаем из опыта двух революций, в освещении Ленина, что крестьянство, если бы оно пришло в столкновение с пролетариатом и столкнуло его власть, оказалось бы только—через бонапартизм—мостом для буржуазии. Самостоятельного крестьянского государства на основах новой культуры, не пролетарской и не буржуазной, не может быть. Вот почему вся эта бауэровская конструкция есть жалчайшая мещанская пошлость.

Говорят, что, дескать, мы не верим в строительство социализма. И в то же время обвиняют нас в том, что мы проповедуем ни более ни менее, как «грабеж» крестьянства (не кулака, а крестьянства).

Я думаю, товарищи, что это вообще слова не из нашего словаря: по отношению к крестьянству коммунисты не могут предлагать рабочему государству грабежа, а ведь речь идет именно о крестьянстве. Если предлагают освободить 10% бедноты от налога и переложить этот налог на кулака, то это может быть правильно или неправильно, но во всяком случае это не грабеж крестьянства.

Но я спрашиваю вас: если мы не верим в строительство социализма в нашей стране, или (особенно, как это обо мне сказано) предлагаем пассивно дожидаться европейской революции, я хотел бы, чтобы мне сказали: зачем это мы предлагаем грабить крестьянство? Для какой собственно цели? Понять невозможно. Мы считаем, что индустриализация—основа социализма—идет слишком медленно, и что это бьет крестьянина. Если у крестьянина, скажем, в его товарной части урожай на 20% выше прошлогоднего—я условно беру,—но если отпускные цены на хлеб упали на 8%, а цены на различные изделия на 16% повысились, как это и произошло, то крестьянин может получить худшие результаты, чем при более слабом урожае и при более низких розничных ценах на промышленные товары. Ускорение индустриализации, в частности путем более высокого обложения кулака, даст большую товарную массу, которая понизит розничные цены, и это выгодно как для рабочих, так и для большинства крестьянства.

Вы можете с этим не согласиться. Но никто не будет отрицать, что здесь речь идет о системе воззрений на развитие нашего

хозяйства. Как же вы можете сказать нам: «Вы не верите в возможность социалистического развития, но требуете, чтобы грабили мужика»? Зачем? Для чего? Никто этого не объяснит. Я утверждаю, что этого объяснить нельзя. Есть вещи, которых объяснить невозможно. Я, например, спрашивал не раз, почему разрыв англо-русского комитета обозначает призыв к выходу из профсоюзов? И почему в то же время невхождение в Амстердам не означает призыва к рабочим не входить в амстердамские профсоюзы? (Голоса: «Вам объяснят».) На этот вопрос я до сих пор ответа не получил и не получу. (Голоса: «Получите».) И на вопрос о том, как можно не верить в социалистическое строительство и почему-то стараться «грабить» крестьянина, я также ответа никогда не получу.

Между тем в этой самой книжке («К социализму или к капитализму?») подробно говорится, что правильное распределение национального дохода важно именно потому, что наше хозяйственное развитие состоит в борьбе двух тенденций: социалистической и капиталистической. «Исход борьбы определяется темпом развития обеих тенденций. Это значит, другими словами, что если бы государственная промышленность стала развиваться медленнее сельского хозяйства, если бы это последнее со все возрастающей быстротой стало выделять полярные группы: капиталистических фермеров сверху, пролетариев снизу,—то такой процесс привел бы, разумеется, к реставрации капитализма. Но пусть наши враги попытаются доказать, что эта перспектива неизбежна. Они обожгут себе пальцы, даже если возьмутся за дело более искусно, чем бедняга Каутский. Исключена ли, однако, только что намеченнная перспектива? Теоретически она не исключена. Если бы правящая партия стала делать ошибку за ошибкой и в области политики и в области хозяйства, если бы она этим затормозила рост промышленности, которая сейчас так многообещающе развертывается, если бы она выпустила из рук контроль над политическими и экономическими процессами в деревне, то, разумеется, дело социализма было бы в нашей стране проиграно. В нашем прогнозе мы отнюдь, однако, не собираемся исходить из таких предпосылок. Как терять власть, как сдавать завоевания пролетариата, как работать на капитализм,—этому Каутский и его друзья великолепно учили международный пролетариат после 9 ноября 1918 года. Тут и прибавить ничего нельзя. Наши задачи, наши цели, наши методы иные. Мы хотим показать, как удерживать и укреплять завоеванную власть и как наполнять форму пролетарского государства экономическим содержанием социализма».

Все содержание книги (голоса: «О кооперации ничего нет»)— говорится и о кооперации,—все содержание книжки посвящено этой теме, как наполнить социалистическим содержанием советскую форму государства. Могут сказать так (намеки на это уже есть): «Да, ты считал, что мы идем к социализму, пока был восстановительный процесс, пока темп развития промышленности составлял 45—35%, но вот мы подошли к кризису основного капитала, и у тебя так называемая «паника» перед трудностями восстановления и расширения основного капитала».

Я не могу процитировать целиком главу «Темп развития, его материальные границы, его возможности» (стр. 43 и след.). Здесь указываются четыре элемента, которые составляют наше преимущество перед капитализмом, и делается такой вывод: «В совокупности своей имеющиеся у нас преимущества перед капитализмом создадут нам, при правильном их использовании, возможность уже в ближайшие годы поднять коэффициент промышленного роста не только в два, но и в три раза выше довоенных 6%, а может быть, и более того».

Если не ошибаюсь, то коэффициент роста нашей промышленности в этом году намечен 18%. Правда, сюда еще входит восстановительный элемент. Но во всяком случае, та статистическая прикидка, очень грубая, которую я для примера делал года полтора назад, довольно близко совпала с тем фактическим темпом, который у нас имеется в этом году.

Вы спросите: а как же объясняются вот эти ужасающие цитаты, которые приведены в резолюции,—я должен буду дать ответ. Но прежде всего я еще раз повторю, что из тех основных работ, которые я писал о характере революции с 1917 по 1922 год, не процитирована ни одна; а на все то, что я писал после 1922 г., и в прошлом году и в этом году, накинут вообще странный покров. Взяты вот эти четыре цитаты. На них подробно останавливался в докладе т. Сталин, о них говорит резолюция, стало быть, вы и мне позволите на них остановиться.

«Рабочее движение побеждает в демократической революции. Буржуазия становится контр-революционной. В крестьянстве вся его зажиточная часть и изрядная доля среднего крестьянства тоже «умнеет», успокаивается, поворачивает на сторону контр-революции, чтобы выбить власть из рук пролетариата и крестьянской бедноты... Борьба была бы почти безнадежна для одного российского пролетариата, и его поражение было бы неизбежно..., если бы на помощь российскому пролетариату не пришел европейский социалистический пролетариат».

Я очень боюсь, товарищи, что если бы сказали, что эта цитата

есть злостный продукт троцкизма, то многие бы этому поверили. Но это цитата из Владимира Ильича. В V ленинском сборнике опубликован конспект брошюры, которую замышлял Владимир Ильич в конце 1905 года. Там рисуется перспектива: рабочие побеждают в демократической революции, зажиточная часть крестьянства и изрядная доля среднего крестьянства поворачивают на сторону контр-революции. Кстати сказать, эта цитата приведена в последнем номере «Большевика», на стр. 68, к сожалению, с грубым искажением, хотя и взята в кавычки: упоминание о значительной части среднего крестьянства попросту выкинуто. Я предлагаю сравнить V ленинский сборник, стр. 451, и последний номер «Большевика», № 19/20, стр. 68.

Я мог бы привести из произведений Владимира Ильича десятки таких цитат—из VI тома, стр. 398, из IX тома (я не имею достаточно времени, чтобы прочитать, но по стенограмме всякий, кто захочет, проверит),—из IX тома, стр. 410, из VII тома, часть 1-я, стр. 192.

Я приведу только еще одну цитату из IX тома, стр. 415: «Русская революция (речь идет о демократической революции) не может своими собственными руками удержать и закрепить своих завоеваний..., если на Западе не будет социалистического переворота; без этого условия реставрация неизбежна и при муниципализации, и при национализации, и при разделе, ибо мелкий хозяйчик, при всех и всяческих формах владения и собственности, будет опорой реставрации. После полной победы демократической революции мелкий хозяйчик неизбежно повернет против пролетариата». (Голос с места: «Ввели нэп».) Правильно, об этом я поговорю. Теперь приведем ту цитату, которую я в 1922 году написал, характеризуя, как формировались мои взгляды на революцию в эпоху 1904—1905 гг.

Я, товарищи, совершенно не намерен подымать вопрос о теории перманентной революции. Никакого отношения к нынешним спорам эта теория,—ни то, что в ней было верного, ни то, что в ней было неполного и ложного,—никакого отношения к нынешним спорам она не имеет. Об этом я десятки раз заявлял. Во всяком случае, за эту теорию перманентной революции, которой у нас занимались за последнее время так прилежно, не только оппозиция 1925 года, но и оппозиция 1923 года не несет, как вы знаете, ни малейшей ответственности, а я сам этот вопрос считаю давным-давно сданным в архив. Но вернемся к цитате, которая приведена в резолюции (правда, я писал в 1922 году, под углом зрения 1905—1906 гг.): «Пролетариат, взявший власть, придет во враждебное столкновение не только со всеми группиров-

ками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти». Хотя это писалось в 1922 году, но здесь говорится в будущем времени о том, что пролетариат придет в столкновение с буржуазией, ибо изображаются дореволюционные взгляды. Я спрашиваю: подтвердился ли тот прогноз, который Владимир Ильич давал в 1905/6 году, что среднее крестьянство в значительной своей массе «поумнеет» и повернет на сторону контр-революции? Подтвердился или не подтвердился? Я утверждаю, что отчасти подтвердился. (Возгласы: «Отчасти? Когда?» Шум.) Да, под руководством партии, под руководством Ильича в первую голову, раскол с крестьянством был преодолен при помощи новой экономической политики, это бесспорно. (Шум.) Если кто из вас думает, товарищи, что я о значении новой экономической политики в 1926 году не догадываюсь, то ошибается, я о нэпе догадываюсь в 1926 году,— может быть, и хуже, чем другие, но все же догадываюсь. Но примите во внимание, что тогда, когда новой экономической политики еще не было, когда еще не было и революции 1917 г., а когда мы рисовали себе перспективы ее развития, то на основании опыта революции прошлых—и Великой французской революции и революции 1848 г.—у марксистов, не исключая Владимира Ильича (я цитаты приводил), были такие взгляды, что, завершив демократическую революцию и передав землю крестьянам, пролетариат столкнется с сопротивлением не только крупного, но и значительной части среднего крестьянства, как с противником, даже как с контр-революционной силой. Были ли у нас «намеки» на это или не были? Кое-какие намеки были, и немалые. Когда, например, махновщина на Украине помогала белогвардейцам выметать советскую власть, то это означало, что прогноз Ильича был правилен; когда у нас было восстание антоновское, восстание в Сибири, восстание по Волге, восстание на Урале, когда у нас было кронштадтское восстание, во время которого «середняки» разговаривали с советской властью 12-дюймовыми морскими орудиями—это что же, не означало разве, что прогноз Ильича оказался правильным на известной стадии развития революции? (Моисеенко: «А вы что предлагали?».) Разве же не очевидно, что цитата из моей работы 1922 г. насчет расхождения с крестьянством ничего другого не означает, как констатирование этого именно факта? Раскол с крестьянством мы преодолели посредством нэпа. Но разве же при переходе к нэпу были разногласия? При переходе к нэпу разногласий не было. (Шум.) Были разногласия по профсоюзному вопросу накануне пе-

рехода к нэпу, когда партия искала выхода из хозяйственного тупика; эти разногласия имели серьезное значение; но по вопросу о нэпе, когда на X съезде Владимир Ильич выдвинул платформу нэпа,—мы за нее голосовали целиком, и когда из новой экономической политики выросла новая резолюция о профсоюзах, через несколько месяцев после X съезда, мы в ЦК за нее голосовали опять-таки единогласно. А на переломе,—перелом этот был не маленький,—крестьяне, в том числе середняки, говорили: «Я за большевиков, но против коммунистов». Что это обозначало? Это обозначало специально русскую форму отхода на данной стадии крестьянина-середняка от пролетарской революции.

Мне вменяется в вину, что я исходил из того, что «безнадежно думать, что революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы». Это я писал в августе 1917 г. Я думаю, что это было совершенно правильно. Разве мы устояли бы перед лицом к о н с е р в а т и в н о й Европы? Вспомним факты. В тот момент, когда Германия заключала договор с Антантой, опасность была особенно велика. Если бы к этому моменту не подоспела немецкая революция, — незавершенная, изнасилованная социал-демократией, но все же низвергшая старый режим, революция, которая деморализовала старую гогенцоллернскую армию,— если бы, говорю, Германия оказалась такою, как она была, то мы были бы опрокинуты. Здесь не случайно сказано—не «при капиталистической Европе» вообще, а «при к о н с е р в а т и в н о й Европе», которая сохраняет весь свой аппарат, а главное—армию. Я вас спрашиваю: мы бы существовали при этих условиях или нет? (Г о л о с: «Что вы, с детьми что ли разговариваете!») И если мы, товарищи, живем, то именно потому, что Европа не осталась все же такой, как была. Вот что Ленин пишет по этому вопросу:

«Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской республики рядом с империалистическими государствами п р о д о л ж и т е л ь н о е в р е м я немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит». Когда это Владимир Ильич говорил?—18 марта 1919 года, т.-е. через 2 года после Октябрьской революции. Разве это по существу не то же самое? Мои слова, относившиеся к августу 1917 г., означали, что если наша революция не сдвинет Европу с места, не потрясет ее, то мы не устоим. (Г о л о с: «Ошиблись в Германии, что сделали революцию».) Все старшие товарищи, те, которые до 1917 г. и в 1917 г. мысленно политически уже мыслили,—как они, спрашиваю я, представляли себе революцию с ее последствиями? Когда я пытаюсь напомнить это себе и другим, то не нахожу другой формулировки, как примерно такая:

«Мы думали: либо международная революция придет к нам на помощь, и тогда наши победы вполне обеспечены, либо мы будем делать нашу скромную революционную работу в сознании, что в случае поражения мы все же послужим делу революции, и наш опыт пойдет на пользу другим революциям. Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна.

Еще до революции, а также и после нее, мы думали: сейчас же или, по крайней мере, очень быстро наступит революция в остальных странах, в капиталистически более развитых, или, в противном случае, мы должны погибнуть». Вот как мы себе представляли судьбу революции. Кто это сказал? (Моисеенко: «Ленин». Голос: «А что он немного после сказал?») Ленин сказал это в 1921 году, а моя цитата сказана в 1917 году. Так что я имею право от своих слов, сказанных в 1917 году, апеллировать к тем словам, которые сказаны Лениным в 1921 году. (Голос: «А что Ленин позже сказал?») Позже и я кое-что другое говорил. (Смех.) «Еще до революции, а также и после нее, мы думали: сейчас же или, по крайней мере, очень быстро наступит революция в остальных странах, в капиталистически более развитых, или, в противном случае, мы должны погибнуть. Несмотря на это сознание, «мы делали все, чтобы при всех обстоятельствах и во что бы то ни стало сохранить советскую систему, так как знали, что мы работаем не только для себя, но и для международной революции. Мы это знали, мы неоднократно выражали это убеждение до Октябрьской революции, точно так же, как и непосредственно после нее, и во время заключения Брест-Литовского мира. И это было, говоря вообще, правильно».

Дальше цитата говорит о том, что путь оказался более зигзагообразным, более сложным, но что в основном наше предвиденье было правильно. К нэпу, повторяю, мы переходили солидарно, без каких-либо разногласий. (Моисеенко: «Для того, чтобы не погибнуть».)

Правильно, именно для того, чтобы не погибнуть; именно для того, чтобы не погибнуть,—я уже сказал, что догадываюсь об этом,—мы общими силами переходили к нэпу.

Товарищи, я прошу мне время продлить. Я хочу сказать о теории социализма в одной стране. Я прошу мне дать,—мне пять минут осталось,—еще полчаса. (На местах шум.) Товарищи, по вопросу о пролетариате и крестьянстве...

Председательствующий. Погодите, мы решим. Еще предложения есть какие-нибудь?

Есть три предложения: первое предложение—остаться при старом решении, второе предложение—удлинить еще на полчаса и третье предложение—удлинить еще на четверть часа.

Голосую. Кто за то, чтобы увеличить еще на полчаса? Прошу поднять руки. Кто за то, чтобы увеличить на четверть часа? Меньше. Вы имеете полчаса.

Троцкий. Следующая цитата вменяет мне в вину следующее: в то время как Ильич сказал: «10—20 лет правильных взаимоотношений с крестьянством, и обеспечена победа во всемирном масштабе»,—троцкизм, наоборот, исходит из того, что правильных взаимоотношений с крестьянством не может быть у пролетариата до победы мировой революции». Эта цитата что означает, спрошу я, прежде всего? Ильич говорит: 10—20 лет правильных взаимоотношений пролетариата и крестьянства. Это значит, что Ильич говорит: в 10—20 лет мы социализма никакого не построим. Почему? Потому что под социализмом мы должны же понимать такой строй, когда нет пролетариата и крестьянства, когда нет классов. Социализм устраняет противоположность города и деревни. Значит здесь строится перспектива на 20 лет, в течение которых нам придется вести политическую линию, устанавливающую правильные отношения пролетариата и крестьянства. Это прежде всего. Но, сказано далее, троцкизм считает, «что правильных отношений с крестьянством не может быть до победы мировой революции», т.-е., что я устанавливаю такой закон, что до победы мировой революции нужно установить по возможности неправильные отношения с крестьянством. (Смех.) Товарищи, очевидно, тут не ту мысль хотели выразить, потому что эта фраза вообще смысла не имеет.

Чем был нэп? Нэп был переходом на новые рельсы, именно—для установления более правильных отношений пролетариата с крестьянством. Расходились мы в этом вопросе? Нет, не расходились. Мы спорим сейчас о налоге на кулака, о формах и методах связи пролетариата с деревенской беднотой. Это что такое? Это спор о том, как установить правильные взаимоотношения с крестьянством. Вы можете те или другие наши предложения считать неправильными, но ведь вся-то идейная борьба идет как раз из-за того, какие именно отношения на данной стадии развития хозяйства более правильны.

В течение 1917 года обнаружились у нас разногласия по вопросу о крестьянстве? Нет! Мы принимали крестьянский наказ, «эсеровский» крестьянский наказ в основу нашей платформы еди-

ногласно. Декрет о земле, написанный карандашом, почти на колене, Владимиром Ильичом, вызывал в нашей среде разногласия? Нет, был принят единогласно. Политика раскулачивания вызывала разногласия? Не вызывала никаких разногласий. (Моисеенко: «А Брест?».) Борьба за середняка, открытая Владимиром Ильичом, вызывала разногласия? Нет. Программа партии, определявшая отношение к крестьянству, вызывала разногласия? Нет. Я не говорю, что разногласий вообще не было, но утверждаю, что если бывали разногласия по отдельным очень крупным вопросам, то по основной линии политики партии по отношению к крестьянству разногласий не было.

Да, в 1919 году ходили в народе слухи о разногласиях в этой области. Что написал Владимир Ильич об этом? Напомню об этом. Я ответил тогда крестьянину Гулову, который спрашивал меня: какие разногласия у тебя с Ильичом?—ответ мой был напечатан в «Правде» и «Известиях ВЦИК». И вот что написал Владимир Ильич—это было напечатано в «Известиях» и «Правде» в феврале 1919 года. Вот доподлинная цитата из статьи Ленина:

«В «Известиях ВЦИК» от 2 февраля 1919 года было помещено письмо крестьянина Г. Гулова, который ставит вопрос об отношении нашего рабоче-крестьянского правительства к крестьянам-середнякам и рассказывает про распространенные слухи, будто Ленин с Троцким не ладят, будто между ними есть крупные разногласия и как раз насчет середняка-крестьянина. Товарищ Троцкий уже дал свой ответ в «Письме к крестьянам-середнякам», напечатанном в «Известиях ВЦИК» от 7 февраля. Товарищ Троцкий говорит в этом письме, что слухи о разногласиях между мною и им—самая чудовищная и бессовестная ложь, распространяемая помещиками и капиталистами или их вольными и невольными пособниками. Я, со своей стороны, целиком подтверждаю заявление товарища Троцкого. Никаких разногласий у нас с ним не имеется, и относительно крестьян-середняков нет разногласий не только у нас с Троцким, но и вообще в коммунистической партии, в которую мы оба входим. Товарищ Троцкий в своем письме подробно и ясно объяснил, почему партия коммунистов и теперешнее рабоче-крестьянское правительство, выбранное советами и принадлежащее к этой партии, не считают своими врагами крестьян-середняков. Я подписываюсь обеими руками под тем, что сказано тов. Троцким».

Это было до нэпа. Затем переход на нэп. Еще раз повторяю: разве при переходе к нэпу были разногласия? Не было! По вопросу о переходе на нэп я делал доклад на IV конгрессе, где

полемизировал с Бауэром. Вот что я писал по этому же поводу позже: «Нэп приветствовался буржуазией и меньшевиками, как необходимый (но, разумеется, «недостаточный») шаг на пути раскрепощения производительных сил. Меньшевистские теоретики как каутскиантской, так и отто-бауэровской разновидности одобрили нэп именно как зарю капиталистической реставрации в России. Они прибавляли: либо нэп сорвет большевистскую диктатуру (благой исход), либо большевистская диктатура сорвет нэп (исход печальный)».

Весь мой доклад на IV конгрессе доказывал, что нэп не сорвет большевистской диктатуры, но что большевистская диктатура в условиях нэпа обеспечит перевес социалистических элементов хозяйства над капиталистическими.

Мне ставится в вину цитата—и здесь мы непосредственно переходим к вопросу о возможности победы социализма в одной стране: «Противоречия в положении рабочего правительства (мои слова) в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата». Это сказано в 1922 году. И дальше в обвинительной резолюции говорится следующее: «Конференция констатирует, что такие взгляды т. Троцкого и его единомышленников по основному вопросу о характере и перспективах нашей революции не имеют ничего общего со взглядами нашей партии, с ленинизмом». Ну, сказали бы еще, что здесь есть оттенок—я-то его не нахожу и сейчас,—что здесь не совсем точная формулировка (я и этого не вижу), но здесь слишком уж густо сказано: эти взгляды «не имеют ничего общего со взглядами нашей партии, с ленинизмом». Прежде всего, я приведу одну цитату, имеющую близкое отношение к ленинизму: «Полная победа социалистической революции немыслима в одной стране, а требует самого активного сотрудничества по меньшей мере нескольких передовых стран, к которым мы Россию причислить не можем». Это не я сказал, это кто-то побольше меня сказал, это Ильич сказал 8 ноября 1918 года! Не до Октябрьской революции, а 8 ноября 1918 года, через год после захвата власти. Если бы, товарищи, он только это сказал, то мы, конечно, могли бы на этом построить все, что угодно, выдернувши отдельную цитату. (Голос с места: «Это об окончательной победе».) Нет, извините, он сказал: «требует самого активного сотрудничества». Попытка, товарищи, отъехать на «интервенцию» не пройдет, попытка отойти от основного вопроса в сторону интервенции не пройдет, ибо здесь сказано ясно, что

победа социалистической революции требует сотрудничества,— не ограждения только от интервенции,—а сотрудничества, «по меньшей мере нескольких передовых стран, к которым мы Россию причислить не можем». (Голос с места: «В чем дело?». Голос с места: «Вывод, вывод».) Это не единственная, товарищи, цитата, говорящая, что вопрос не только в интервенции. Вывод, пока что, то, что взгляд, который я выражал,— что внутренние противоречия, вытекающие из отсталости, должны найти свое разрешение в международной революции,—не был моей особенностью, и что тот же взгляд выражался неоднократно и притом несравненно резче и категоричнее Ильичом.

Нам говорят, что это было верно для эпохи, когда будто бы неизвестен был закон неравномерного развития капиталистических стран, т.-е. для эпохи до империализма? Я не могу на этом подробнее остановиться. Но должен, к сожалению, сказать, что тут т. Сталин впал в величайшую теоретическую и историческую ошибку. Закон неравномерного развития капитализма старее, чем империализм. Это раз. Капитализм, несомненно, крайне неравномерно развивается и сейчас во всех странах, но в XIX столетии эта неравномерность была больше, чем в XX. Тогда Англия была владычицей мира, а Япония, например, на памяти старшего поколения, предшествовавшего нашему, была наглухо замкнутой феодально-кастовой страной. Одновременно с падением крепостного права у нас Япония стала приобщаться к капиталистической цивилизации. Китай спал мертвым сном и пр. и пр. В тот период неравномерность капиталистического развития была резче, глубже; Маркс и Энгельс об этой неравномерности знали не хуже нас. Именно потому, что финансовый капитал есть самая подвижная и гибкая форма капитала, именно поэтому империализм развивает более «уравнительные» тенденции, чем до-финансовый капитализм. Бесспорно, гигантская неравномерность развития сохраняется и теперь,—но сказать так, что в старину, в XIX столетии, до империализма, капитализм был более равномерно развит, и поэтому, дескать, тогда теория социализма в одной стране была неправильна, а теперь, когда империализм увеличил разнородность развития, теория социализма в одной стране правильна,—нет, это не годится, это противоречит всему историческому опыту, это опрокидывает явления на-голову,—надо искать других более серьезных аргументов.

Тов. Сталин писал: «Кто отрицает возможность построения социализма в одной стране, тот должен обязательно отрицать и правомерность Октябрьской революции». (Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 229.)

А мы слышали от Ильича в 1918 г., что для построения социализма нужно прямое сотрудничество нескольких передовых стран, «к которым мы Россию причислить не можем». И все же Ленин не отрицал, однако, «правомерность» Октябрьской революции. Вот что он говорил по этому поводу в 1918 г.:

«Я знаю, что есть мудрецы (это было против каутскианства, против сухановщины), считающие себя очень умными и даже называющие себя социалистами, которые уверяют, что не следовало брать власти до тех пор, пока не разразится революция во всех странах. Они не подозревают, что, говоря так, они отходят от революции и переходят на сторону буржуазии. Ждать, пока трудящиеся классы совершат революцию в международном масштабе, это значит всем застыть в ожидании. Это бессмыслица».

Виноват, тут так и сказано дальше:

«Это бессмыслица. Трудность революции всем известна... Ибо окончательно победить можно только в мировом масштабе и только совместными усилиями рабочих всех стран». (Ленин, том XV, стр. 287, 14 мая 1918 г.)

Ильич не отрицал, однако, «правомерность» Октябрьской революции.

И далее, в 1921 г.,—не в 1917, а в 1921 г.:

«В странах развитого капитализма есть в течение десятков лет сложившийся класс наемных рабочих земледелия. Только в таких странах, где этот класс достаточно развит, переход от капитализма к социализму возможен».

Не об интервенции здесь говорится, а об уровне экономического и классового развития страны.

«Мы подчеркивали в целом ряде произведений, во всех наших выступлениях, во всей прессе, что в России дело обстоит не так, что в России мы имеем меньшинство рабочих в промышленности и громадное большинство мелких земледельцев. Социальная революция в такой стране может иметь окончательный успех лишь при двух условиях: во-первых, при условии поддержки ее своевременно социальной революцией в одной или нескольких передовых странах»...

«Другое условие, это соглашение между... пролетариатом и большинством крестьянского населения»...

«Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах. И так, прямиком, во всех собраниях, во всей прессе нужно говорить». (Ленин, Речь на X съезде РКП, 1921 г., т. XVIII, часть 1-я, стр. 137—138.)

Значит, не так ставил вопрос Ильич, что достаточно согла-

шения пролетариата с крестьянством, и мы можем построить социализм, независимо от того, какова будет судьба мирового пролетариата. Нет, это только одно условие. Другое: своевременная помощь со стороны революции в других странах. Он соединяет оба эти условия, как особенно необходимые для нас, потому что мы страна отсталая.

Я, наконец, сказал, что «подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы». Это мне вменяется в вину. Очевидно, товарищи, мы немножко разучились правильно употреблять термины. Что мы называем социалистическим хозяйством в подлинном смысле слова? Конечно, у нас есть крупнейшие успехи, которыми мы вместе гордимся и которые я старался иностранцам изложить в этой брошюрке «К социализму или капитализму?». Но размер этих успехов надо оценивать трезво. В тезисах т. Рыкова сказано, что мы приблизились к довоенному уровню. Но и это не точно. А население у нас то же? Нет. Большее! А среднее душевое потребление промышленных товаров? Значительно ниже, чем в 1913 году. По наметке ВСНХ мы только в 1930 году достигнем душевого потребления промышленных товаров 1913 года. А что такое уровень 1913 года? Это уровень нищеты, отсталости, варварства. Когда мы говорим о социалистическом хозяйстве и о подлинном подъеме социалистического хозяйства, это значит: противоречия между городом и деревней не должно быть; это значит общее довольство, обеспеченность, культура. Вот что понимается под подлинным подъемом социалистического хозяйства. Нам до этого еще страшно далеко. У нас есть беспризорные, безработные, у нас деревня выдвигает из своей среды каждый год 2 миллиона избыточных рабочих рук, выбрасывая в город каждый год около полумиллиона, а промышленность собирается поглощать не более 100 тысяч в год. Мы можем достигнутыми успехами гордиться, но ломать историческую перспективу нельзя. Это не есть еще подлинный подъем подлинного социалистического хозяйства, это только несколько первых серьезных шагов по тому длинному мосту, который соединяет капитализм с социализмом. Разве это одно и то же? Не одно и то же. В той цитате, которую мне ставят в вину, я абсолютно прав.

Ильич говорил в 1922 году:

«Мы не доделали даже фундамента социалистической экономики. Это еще могут отнять назад враждебные нам силы умирающего капитализма. Надо отчетливо сознать и открыто признать это, ибо нет ничего опаснее иллюзий (и голово-

кружения, особенно на больших высотах). И нет решительно ничего «страшного», ничего дающего законный повод хотя бы к малейшему унынию в признании этой горькой истины, ибо мы всегда исповедывали и повторяли ту азбучную истину марксизма, что для победы социализма нужны совместные усилия рабочих нескольких передовых стран». (Ленин, Собр. соч., т. XX, ч. 2, стр. 487, 1922 г.)

Значит тут не об интервенции идет дело, а о совместных усилиях рабочих нескольких передовых стран для построения социализма. Или, может быть, скажете, что это Ильич писал до эпохи империализма, когда не был будто бы известен закон неравномерного развития? Нет, он это писал в 1922 году, и закон был известен.

Правда, есть одна-единственная цитата—это в статье о кооперации, одна-единственная, которую пытаются противопоставить всему, что Ильич говорил... (голос: «Случайно»), не случайно, нисколько, я с ней согласен целиком, надо только ее правильно понять. Она говорит:

«Власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую и которую с известной стороны имеем право третировать теперь, при нэпе, так же,—разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения». (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 140; «Правда», 26 мая 1923 г.) (Читает очень быстро. Смех.) Тогда прибавьте мне, товарищи, несколько минут. (Смех. Голос: «Правильно».) Правильно, я с этим совершенно согласен. (Голос: «Вот это нам и надо».)

О чем здесь говорится, какие элементы здесь перечисляются? Здесь перечисляются: собственность на средства производства—раз, власть пролетариата—два, союз пролетариата и крестьянства—три, руководство пролетариатом крестьянства—четыре и кооперация—пять. Вот те элементы, которые здесь Ильич перечисляет. Я вас спрашиваю, ведь никто из вас не считает, что социализм можно построить во всякой стране, отдельно взятой. Если бы в Болгарии пролетариат, во главе с крестьянством, завладел властью и прибег бы к кооперации (шум), мог ли бы болгарский пролетариат построить социализм? Нет, не мог бы.

Значит, кроме этих элементов, нужен ряд других: географическое положение, естественные богатства, техника, культура. Владимир Ильич здесь перечисляет условия государственные, условия собственности и организационные формы кооперации. Только! И говорит, что для того, чтобы построить социализм, нам не нужно пролетаризовать мужика, нам не нужно новых революций, а имея власть, союз с крестьянином и кооперацию, мы можем при помощи этих государственно-общественных форм и методов задачу довести до конца. Но, товарищи, ведь мы знаем и другое определение социализма у Ильича, которое говорит, что социализм, это—советская власть плюс электрификация. Так вот, эта прочтенная мною цитата отменяет электрификацию или нет? Нет, не отменяет. Все остальное, что Ильич говорил о построении социализма,—а я выше приводил отчетливые формулировки,—этой цитатой дополняется или отменяется? Я говорю: то, что говорится—этой цитатой дополняется, но не отменяет все приведенное мною раньше, ибо бороться за электрификацию нам приходится не в безвоздушном пространстве, а в определенных условиях, в обстановке международного рынка, международного хозяйства, которое есть очень реальный факт. Мировое хозяйство не теоретическое обобщение, это есть определенная и могущественная реальность, законы которой давят и на нас, и каждый год нашего развития нас в этом убеждает.

Прежде чем сказать об этом подробнее, я позволю себе напомнить, что, прежде чем некоторые товарищи создавали, на основании односторонне истолкованной цитаты из статьи Ильича о кооперации, совершенно новую теорию, по-моему теорию глубоко неправильную, они сами придерживались других взглядов. Тов. Сталин в 1924 г. говорил совсем иное, чем ныне (голос: «Это на XIV съезде»), на XIV съезде это было указано, но цитата не исчезла от этого, а осталась полностью и в 1926 г. Прочитаем ее:

«Можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране, без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран? Нет, невозможно. Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны,—об этом говорит нам история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно,—для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран» («Об основах ленинизма», апрель 1924 г.).

Это т. Сталин писал в 1924 г., а меня резолюция цитирует, кончая 1922 г. (Смех.) Да, это сказано было в 1924 г.; для орга-

низации социалистического хозяйства,—не для ограждения от интервенции, не для страховки от реставрации, нет, нет и нет, а «для организации социалистического производства», усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия—недостаточно. Тов. Сталин эту точку зрения изменил. Это, разумеется, его право.

Он в книге «Вопросы ленинизма» говорит:

«В чем состоит недостаток этой формулировки? В том, что она связывает в один вопрос два разных вопроса: вопрос о возможности построения социализма силами одной страны, на что должен быть дан положительный ответ, и вопрос о том, может ли страна с диктатурой пролетариата считать себя вполне гарантированной от интервенции и, стало быть, от реставрации старых порядков, без победоносной революции в ряде других стран, на что должен быть дан отрицательный ответ» (Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 46, 1926 г.).

Извините, в первой цитате (1924 г.) эти два вопроса вовсе не смешаны, там речь идет не об интервенции, а совершенно ясно говорится о невозможности полной организации социалистического производства одними лишь силами такой крестьянской страны, как Россия.

И разве же, товарищи, в самом деле, вопрос сводится к интервенции? Ведь нельзя же себе дело представлять так, что вот мы строим в этом доме социализм, а враги извне нам стекла могут разбить. Вопрос не так просто стоит. Интервенция есть война, а война есть продолжение политики другими средствами, а политика есть обобщенная экономика. Стало быть, вопрос идет об экономических взаимоотношениях СССР с капиталистическими странами в полном объеме. Эти взаимоотношения отнюдь не исчерпываются той исключительной формой, которая называется интервенцией. Они имеют гораздо более непрерывный и глубокий характер. Тов. Бухарин прямо говорит, что вся опасность только в интервенции, что, не будь интервенции, «мы можем строить социализм даже на этой нищенской технической базе (строить можем, это правильно. *Л. Т.*), что этот рост социализма во много раз будет медленнее, что мы будем плестись черепашьим шагом, но все-таки мы социализм строим и мы его построим» (на XIV съезде).

Что мы социализм строим—правильно; что мы его построим рука об руку с мировым пролетариатом—бесспорно. (Смех.) Я думаю, что неправильно смеяться на конференции коммунистической партии, когда говорят о построении социализма рука об руку с мировым пролетариатом. (Смех. Голоса: «Демаго-

гией не занимайтесь». «На этом нас не подыграете».) Но я говорю, что черепашьим шагом мы социализма не построим никогда, ибо нас все строже контролирует мировой рынок. (Возглас: «Вы струсили».) Вы возьмите, как т. Бухарин представляет себе эту постройку. В последней своей статье в «Большевике» (нужно сказать, что это наиболее схоластическое произведение бухаринского пера) (смех) он говорит: «Спор идет о том, сможем ли мы строить социализм и построить его, если мы отвлекаемся от международных дел, т.-е. спор идет о характере нашей революции». (Бухарин, «Большевик», № 19—20, стр. 54.) Слышите: «можем ли мы построить социализм в нашей стране, если мы «отвлекаемся» от международных дел». Если «отвлекаемся», то можно. Но отвлекаться-то нельзя! В этом вся штука. (Смех.) Можно в январе месяце нагишом пройти по Москве, если «отвлечься» от погоды и от милиции. (Смех.) Но я боюсь, что ни погода, ни милиция не отвлекутся от вас, если вы этот опыт проделаете. (Смех.)

«Еще раз повторяем: спор идет о внутренних силах, а не об опасностях, связанных с заграницей. Спор идет, следовательно, о характере нашей революции». (Бухарин, «Большевик», № 19—20.) Характер нашей революции, независимо от международных условий, с какого времени начинается он, этот самодовлеющий характер? Я утверждаю, что нашей революции, такой, какою мы ее знаем, не было бы на свете, если бы не было двух международных условий: во-первых, финансового капитала, который оплодотворял хищнически наше хозяйственное развитие—раз, и, во-вторых, марксизма, теоретического сгустка международного рабочего движения, который оплодотворил нашу пролетарскую борьбу. Так что же, значит, до 1917 года революция подготовлялась путем пересечения великих мировых сил, из этого пересечения их, через мировую войну, выросла Октябрьская революция,—а теперь нам говорят: «отвлечемся» от международной обстановки и будем строить социализм в нашем доме? Весь подход метафизический. Нельзя отвлечься от мирового хозяйства. Что такое экспорт? Внутреннее или международное дело? Внутри надо собрать экспортный продукт—как будто внутреннее дело, а вывезти надо наружу—как будто международное. (Смех.)

А что такое импорт? Импорт как будто международное—надо купить товар за границей, но ввезти надо внутрь—как будто внутреннее. (Смех.) Так вот, на импорте и на экспорте вся теория т. Бухарина, предлагающая «отвлечься» от международной обстановки, сразу трещит по всем швам. Успех социалисти-

ческого строительства зависит от темпа, а темп нашего хозяйственного развития сейчас непосредственнее и острее всего определяется ввозом сырья и оборудования. Конечно, можно «отвлечься» от недостатка иностранной валюты и заказать большое количество хлопка и машин, но это можно сделать только один раз, второй раз этого «отвлеченья» повторить нельзя. (Смех.) Все наше строительство международно обусловлено.

Когда меня спрашивают, пролетарское ли наше государство, я должен сказать, что самый вопрос этот неуместен. Если вы захотите судить не по двум произвольно вырванным словам из невыправленной стенограммы, а по тому, что я об этом писал и говорил в десятках и сотнях статей и речей, а только так нам и полагается друг к другу относиться—не ловить на невыправленной фразе, а брать взгляды друг друга по существу,—то вы, не колеблясь, признаете, что вместе с вами я считаю государство пролетарским. На вопрос, ведет ли это государство социалистическое строительство, я уже дал ответ в ряде цитат. Если вы спросите, имеется ли достаточно сил и средств внутри страны, чтобы, независимо от того, что будет происходить во всем мире, довести до конца в течение 30 или 50 лет построение социализма, то я говорю, что самая постановка вопроса в корне неправильна. У нас есть достаточно средств для того, чтобы вести социалистическое строительство вперед и тем самым помогать мировому революционному пролетариату, который имеет никак не меньше шансов завоевать власть в течение 10—20—30 лет, чем мы—построить социализм; никак не меньше, а больше шансов!

Я вас спрошу, товарищи,—и это есть основной пункт, это есть стержень всего вопроса,—что произойдет с Европой, пока мы будем строить социализм?—вы говорите: мы построим социализм в нашей стране, независимо от того, что будет происходить за это время во всем мире. Хорошо. Сколько нам нужно времени для построения социализма? Ильич считал, что за 20 лет мы никак не построим социализма, при отсталости нашей крестьянской страны, и за 30 лет не построим. Допустим, 30—50 лет, как минимум. Так я вас спрашиваю, что за это время произойдет с Европой? Не могу же я давать прогноз для нашей страны, не давая прогноза для Европы. Тут может быть несколько вариантов. Если вы скажете—за 30—50 лет европейский пролетариат, разумеется, возьмет власть,—тогда и вопроса никакого нет, ибо, если он возьмет власть в течение ближайших 10—20—30 лет, то позиция социализма и у нас и в международном масштабе обеспечена. Но, очевидно, вы счи-

гаете, что надо исходить из такой перспективы, что в ближайшие 30 лет европейский пролетариат власти не возьмет. Иначе зачем вам весь ваш прогноз? Так вот, я спрашиваю: что же за это время произойдет с Европой? Тут мыслятся, чисто теоретически говоря, три варианта: либо Европа будет, как ныне, качаться вокруг довоенного уровня, пролетариат и буржуазия будут качаться, уравновешивая друг друга. Но это «равновесие» потому мы и называем неустойчивым, что оно... неустойчиво. Это положение не может длиться 20, 30, 40 лет. Оно должно в ту или другую сторону разрешиться. Думаете ли вы, что капитализм найдет новое динамическое равновесие, думаете ли вы, что европейский капитализм может обеспечить себе новую полосу подъема, расширенное воспроизведение того процесса, который был до империалистской войны? Если считать, что это возможно (а я полагаю, что на это шансов у капитализма никаких нет), если теоретически на минуту это допустить, то это означало бы, что капитализм в европейском и мировом масштабе своей исторической миссии еще не исчерпал, что это не империалистический загнивающий капитализм, а развивающийся капитализм, ведущий хозяйство и культуру вперед,—но это означало бы, что мы пришли слишком рано.

Председательствующий. Товарищ Троцкий исчерпал предоставленное ему время с избытком, свыше полутора часов. Он просит еще пять минут. Голосую, кто за то, чтобы дать еще пять минут? Кто против? Переголосование требуется?

Троцкий. Я прошу переголосовать.

Председательствующий. Кто за то, чтобы дать т. Троцкому пять минут? Кто против? Большинство.

Троцкий. Я хотел сделать краткие конспективные выводы в течение пяти минут.

Председательствующий. Голосуется еще раз. (Голос: «Голосовать мандатами».) Голосуется мандатами. Кто за то, чтобы предоставить Троцкому пять минут? Поднимите мандаты. Кто против? Меньшинство. Лучше дать пять минут, чем пять минут считать. Товарищ Троцкий имеет слово.

Троцкий. Итак, если исходить из того, что европейский капитализм будет итти вверх в течение ближайших 30—50 лет, которые нам нужны были, чтобы построить социализм, то надо притти к выводу, что мы будем задушены или разбиты, ибо развивающийся капитализм будет иметь, помимо всего прочего, соответствующую военную технику и вообще соответствующие средства. Кроме того, мы знаем, что когда капитализм мощно поднимается, он через рабочую аристократию сможет поднять

массы на войну. Эта мрачная перспектива исключается, по-моему, всей обстановкой мирового хозяйства. Во всяком случае не на ней же мы можем строить перспективу социализма в нашей стране.

Тогда остается вторая перспектива: капитализм упадочный и загнивающий. Но ведь это и есть та база, на которой европейский пролетариат обучается—медленно, но обучается—искусству делать революцию.

Можно ли представить себе, что в течение 30—50 лет европейский капитализм будет загнивать, а пролетариат окажется неспособным совершить революцию? Я спрашиваю, почему я должен брать эту предпосылку, которую нельзя иначе назвать, как предпосылкой необоснованного черного пессимизма за счет европейского пролетариата, и в то же время развивать некритический оптимизм насчет постройки социализма изолированными силами нашей страны? В каком смысле мой теоретический или политический долг коммуниста обязывает меня принять ту предпосылку, что европейский пролетариат в течение 40—50 лет власти не возьмет (если возьмет, то тем самым и спорный вопрос снимается). Я утверждаю, что у меня нет никаких теоретических или политических оснований думать, что нам вместе с крестьянством легче построить социализм, чем европейскому пролетариату взять власть.

Нет. Тут перевес шансов целиком на стороне европейского пролетариата. А если это так, то я спрашиваю: почему эти два элемента противопоставляются друг другу, а не соединяются как «два условия» у Ленина? Почему требуется теоретическое признание построения социализма в одной стране? Откуда взялась эта перспектива? Почему до 1925 года никто этого вопроса не выдвигал? (Голос: «Выдвигали».) Неверно, никто не выдвигал, и т. Сталин в 1924 году писал, что усилий одной страны, крестьянской страны, недостаточно для того, чтобы построить социализм. Я и сегодня считаю, что победа социализма в нашей стране обеспечена только совместно с победоносной революцией европейского пролетариата. Это вовсе не означает, что наше строительство не-социалистическое, или что мы не можем и не должны со всей энергией вести его вперед. Так же, как немецкий рабочий готовится к захвату власти, мы подготовляем элементы будущего социализма, и каждый наш успех на этом пути так же облегчает борьбу немецкого пролетариата за власть, как его борьба облегчает наши социалистические успехи. Это есть единственно правильная интернациональная перспектива для нашего социалистического строительства.

В заключение повторю то, что сказал на пленуме ЦК. Если бы мы не думали, что наше государство пролетарское, хотя и с бюрократическим извращением, т.-е. такое, которое еще нужно весьма и весьма приблизить к рабочему классу, вопреки некоторым неправильным бюрократическим мнениям; если бы мы не считали, что наше строительство социалистическое; если бы мы не думали, что в нашей стране есть достаточные ресурсы для того, чтобы вести вперед социалистическое хозяйство; если бы мы не были убеждены в полной и окончательной нашей победе,—то, разумеется, нам не могло бы быть места в рядах коммунистической партии. И оппозицию можно и должно расценивать по этим двум критериям: либо одна линия у нее может быть, либо другая. Если считать, что наше государство не рабочее, что наше строительство не социалистическое, то надо противопоставить пролетариат данному государству и надо строить другую партию.

Вторая линия (голоса: «Вы ее начали»)—если же считать, что наше государство рабочее, но с бюрократическим извращением, под давлением мелкобуржуазной стихии и капиталистического окружения; если считать, что наше строительство социалистическое, но что наша хозяйственная политика недостаточно обеспечивает необходимое распределение национальных средств,—тогда надо партийными средствами и путями бороться против того, что считаешь ошибочным, неправильным, опасным, неся полную ответственность за общую политику партии и рабочего государства. (Звонок председательствующего.) Сейчас кончаю. Полторы минуты.

Несомненно, что внутрипартийная борьба последнего периода характеризуется крайней остротой своих форм—фракционностью. Несомненно, что эта фракционная обостренность со стороны оппозиции,—все равно, какими бы условиями она ни была вызвана, я в это сейчас не вхожу, — могла быть понята и была понята значительными частями партийной массы в том смысле, что разногласия зашли так далеко, что могут сделать невозможной совместную работу, т.-е. могут привести к расколу. Это означает явное несоответствие между средствами и целью, т.-е. между тем, что оппозиция хотела отстаивать, и теми средствами, которые она по тем или иным причинам применяла. Именно поэтому мы признали это средство—фракционность—ошибочным, не по соображениям сегодняшнего дня (голоса: «Сил нет. Потерпели поражение»), а по учету всей обстановки, создавшейся в партии. Цель и смысл заявления 16 октября—ввести отстаивание тех или других взглядов, которые мы защищаем, в рамки

совместной работы и солидарной ответственности за общую политику партии каждого на своем посту.

В чем, товарищи, объективная опасность резолюции о социал-демократическом уклоне? Опасность в том, что она приписывает нам такие взгляды, из которых необходимо вытекает не только политика фракционности, но и политика двух партий.

Эта резолюция имеет объективную тенденцию превратить в бумажку как заявление от 16 октября, так и извещение ЦК, которое с удовлетворением... (голос с места: «Это угроза?») ...нет, товарищи, это не угроза. Меньше всего я имею в виду говорить об угрозе. (Голос с места: «А это для чего?».) Сейчас вы услышите, дослушайте до конца, тут еще несколько слов.

Принятие этой резолюции, по нашему убеждению, причинит вред, но, насколько я могу судить о настроениях товарищей так называемой оппозиции, прежде всего руководящих товарищей, принятие этой резолюции не сдвигает нас с линии 16 октября. Мы не принимаем навязываемых нам взглядов. Мы не собираемся искусственно раздвигать или обострять разногласия, чтобы тем подготовить рецидив фракционности. Наоборот, каждый из нас, не преуменьшая разногласий,—они есть,—приложит все усилия к тому, чтобы ввести эти разногласия в рамки бесперебойной работы и общей ответственности за политику партии.

Председательствующий. Товарищи, сейчас половина десятого. Если конференция в силах без перерыва продолжать работу... (Голоса: «Перерыв».) Объявляю перерыв на 10 минут.

Председательствующий (после перерыва). Слово имеет т. Ларин.

Ларин. Товарищи, вне всякого сомнения, мы переживаем сейчас один из драматических эпизодов нашей революции. Я характеризовал бы его так: революция перерастает часть своих вождей. Вот та картина, которую мы сейчас видим перед своими глазами. Если мы возьмем те два доклада, которые сделали сейчас тт. Каменев и Троцкий, два обширных доклада, то мы увидим, что, собственно говоря, тут не было того политического доклада, который должен быть сделан конференции, а был, если хотите, литературный спор о цитатах и различных толкованиях различных мест различных сочинений. Ведь эти товарищи пришли сюда не в дискуссионный клуб академии, а пришли после большой политической борьбы, которая только что проведена ими на фабриках и заводах в Москве и Ленинграде и проведена по ряду определенных вопросов. Они должны были притти и сказать три вещи.

Во-первых, проанализировать ту борьбу, которую они вели,—почему она имела такой исход. Как они себе объясняют то обстоя-

тельство, что рабочий класс от них отошел, как они объясняют то обстоятельство,—тт. Зиновьев, Каменев и Троцкий, которые годами были одними из виднейших, популярнейших вождей рабочего класса,—что вдруг они оказались совершенно без рабочих? Что-нибудь должно было произойти или с рабочим классом или с ними. Они должны были сказать партии, объясняют ли они это тем, что, может быть, рабочий класс отказался от социализма, может быть, рабочий класс отошел на сторону буржуазии и потому не слушает их, как слушал когда-то т.т. Зиновьева и Троцкого, когда они вели его в бой. А может быть, тт. Троцкий, Зиновьев и Каменев как-нибудь изменили свои взгляды, так что оттолкнули от себя рабочих? Но они вовсе не подвергли здесь, в своих речах, политическому анализу ту борьбу, которая произошла. Они вели себя не как политические вожди, а как безответственные литераторы. Это я говорю отнюдь не потому, что звание литератора считаю непочетным, вы знаете, что все время во главе революции стояли у нас литераторы, как Ленин, Троцкий, Зиновьев, Сталин, но литератор должен уметь быть и политиком, и когда он приходит на политический съезд, он должен об этом помнить.

Второе, что они здесь в своих речах не сделали, это они не сказали, чем и как они думают загладить тот вред, который они принесли нашему делу своими открытыми выступлениями, своей фракционной борьбой за последнее время. Ведь то, что эта борьба принесла вред нашей партии, как будто и они признают, иначе бы они не сделали заявления 16 октября о том, что они прекращают фракционную борьбу и обязуются на будущее время не вести ее.

А ведь это—вред, вовсе не ограниченный нашими национальными рамками. Ведь факт, что за последнее время у нас здесь, в СССР, создался очаг разложения всего международного рабочего движения. Ведь фактически та борьба, которая велась здесь, и те методы, которыми она велась, это отражалось повсюду—до Австралии, до другой стороны земного шара, а не то что только в Москве, Харькове или Ленинграде. СССР был долгие годы местом, которое одушевляло мировое рабочее движение, звало, вело его на борьбу. А теперь вожди оппозиции сделали все от себя зависящее, чтобы СССР стал местом, откуда идет разложение мирового рабочего класса, откуда идет волна разочарования в возможности победоносно вести до конца борьбу. Как вожди оппозиции могут этот вред возместить? Они ведь увидели вредные последствия своей работы для нашего и для международного рабочего движения. Это видно также из того, что они в своей декларации отреклись, отказались, отбросили от себя Рут Фишер, Маслова и др. А если так, то они должны были

притти и сказать партии, что они постараются возместить причиненный ими вред, по крайней мере, хотя бы двумя вещами. Во-первых—отказом не только от фракционной борьбы, а и от тех идейных ошибок, которые несовместимы с линией партии и которые партия терпит вовсе не потому (я полагаю, что выражаю этим общее мнение партии), что считает эти ошибки законным оттенком партийной идеологии, а потому, что надеется, что в какой-либо срок, по мере развития наших успехов, эти товарищи поймут свои ошибки и вернутся на линию партийной идеологии.

Значит, во-первых, вождям оппозиции надо было открыто отказаться от идейных ошибок, во-вторых, обязаться перед партией приложить все усилия для обратного перевоспитания ряда хороших рабочих, которые за ними пошли и которых они борьбой против партии совершенно развратили.

Я знаю хороших революционных рабочих, которых годы знал, и вижу, во что фактически превратила их эта практика и психология борьбы против партии. Если наверху вожди умеют держаться в известных рамках, то ведь внизу это превращается в злопыхательство против партии, в злопыхательство против советской власти и создает людей, которые при каком-нибудь затруднении, внутреннем или внешнем, способны выдвинуть вождей для каких-либо местных фашистских движений. На вождях оппозиции, прежде всего на них, лежит обязанность перевоспитать всех тех, кого они вели за собой и кого характером своей агитации и методами борьбы развратили.

В-третьих, т. Каменев и т. Троцкий, когда делали здесь сегодня свои доклады, должны были дать ответ по тем боевым вопросам, которые оппозиция выдвинула, которые тревожили партию. А что они вместо этого сделали? Сначала пришел т. Каменев и заявил, что в средние века ведьм сжигали на костре и что он согласен, чтобы и его сожгли, если он виновен, но вместе с тем он ставит условие, что он сам будет определять, виновен он или нет. (Смех.) И после этого он стал «определять» таким образом: берет партийную резолюцию, читает кусочки из нее и говорит: «Что же плохого в этом кусочке? Хороший кусочек, я согласен с ним. В чем же вы меня обвиняете?». Тов. Каменев, всю оппозицию и вас обвиняют в согласии не с тем, что написано в партийной резолюции, а с тем, что в ней не написано. И на эти выдвинутые деятелями оппозиции боевые вопросы,—я сейчас для примера могу несколько перечислить,—на эти вопросы вы не дали партконференции ответа. У вас было

два способа: или способ замалчивания, как у т. Троцкого, или способ виляния около этих вопросов, как у т. Каменева. Тов. Каменев говорил: я согласен, хорошая мысль, и прибавлял «но», т.-е. делал оговорочку, которая это его согласие постепенно сводила на-нет. Тов. Троцкий напрямик молчал. Я не знаю, может быть, молчание в данном случае тоже есть способ атаки. Можно атаковать и молчанием. Но, во всяком случае, это не есть ясный ответ партии на тревожившие ее вопросы о практических намерениях и боевых требованиях оппозиции. Таких вопросов много. Вот, например, партию тревожило то, что ряд видных руководителей оппозиции, стоящих на ответственных хозяйственных постах, как тт. Пятаков, Смилга и другие, выдвинули мысль о фактическом отказе от кооперативного плана партии, выдвинули известную теперь всем мысль о том, что средства для ускорения индустриализации,—т. Пятаков, кажется, предлагал один миллиард рублей,—нужно извлечь из государственной торговли и из кооперации, и обратить их на постройку новых фабрик и заводов, а торговый оборот, следовательно, передать таким образом в руки буржуазии, которая тем самым получила бы возможность собрать вокруг себя деревню, так как в ее руках было бы все торговое снабжение деревни. Партия была встревожена таким отступлением от ленинского кооперативного плана. Это была определенная линия на уступки буржуазии. Не в том вас обвиняли, товарищи из оппозиции, что вы сочувствуете бедняку, что вы хотели освободить 40% крестьян от налога, а мы освободили только 25%. На сколько процентов освободить, это—вопрос для нас с вами не принципиальный, а разрешающийся наличностью наших средств. Два года тому назад мы не могли и 25% освободить, мы освободили 10% только; теперь мы можем освободить уже 25%, а еще через два года, наверное, сможем освободить и все 40%. Так что на этом никакого политического капитала оппозиция себе не наживет. А вот мы говорили вам: мы тревожимся теперь, что вы предлагаете взять все наши средства из кооперации и, значит, отдать всю торговлю буржуазии. Что вы на это ответили, т. Троцкий? Ничего не упомянули даже об этом. Что вы ответили, т. Каменев? Ничего; не упомянули об этом. Так разговаривают с партией? Не так.

Далее. Партию тревожил вопрос об идеях, выдвигаемых теоретиком оппозиции, т. Преображенским. Его выдвигают тогда, когда надо выдвинуть теоретика оппозиции. Вожди оппозиции указывают, что единственный «настоящий» теоретик, единственный, кто двинул дальше ленинизм, это — т. Преображенский.

И вот такой видный представитель оппозиции, по ее мнению, выдвигает мысль, обеспокоившую партию,—относительно крестьянства. Не только об обложении крестьян. Здесь тт. Каменев и Троцкий говорили: мы хотим обложить кулака, чего вы оппозицию за это обвиняете? Но ведь речь у оппозиции шла и об оптовых ценах, об их повышении. Речь шла о том, чтобы политикой цен извлечь новые и новые крупные средства из деревни в дополнение к тем, которые мы сейчас извлекаем, а ведь мы извлекаем не так мало. Вы знаете из доклада ЦК и из всех печатаемых в газетах материалов, что мы в нынешнем 1926/27 г. в дело промышленного, электрического, жилищного и транспортного переоборудования и строительства вместе вкладываем до полутора миллиардов рублей. Вы знаете также, что прибыль нашей государственной промышленности достигает только полумиллиарда. Стало быть, мы откуда-то еще один миллиард возьмем: возьмем не от рабочего класса в этом году минимум миллиард рублей,—значит, в два раза больше, чем от рабочих,—на наше дальнейшее хозяйственное строительство.

И вот приходят т. Преображенский и другие оппозиционные товарищи и предлагают взять еще один миллиард или даже еще 2 миллиарда—сразу утроить эту сумму. Партия, естественно взволнована, она опасается разрыва с крестьянством от такого громадного увеличения. Тов. Каменеву во время его выступления все время кричали с мест: скажите, согласны ли вы с Преображенским, или нет? Тов. Каменев ни слова об этом не ответил, он умолчал, он ничего не сказал и тем самым сказал внятно, что оппозиция эту идею Преображенского поддерживает, иначе бы он отрекся от этой идеи. И то же самое т. Троцкий о т. Преображенском, несмотря на все вопросы, которые многократно и устно и печатно задавались, ничего не ответил.

Дальше, партию беспокоит вопрос о возможности построить социализм в одной стране. Что мы получили в ответ? А ведь несомненно, что отрицательный ответ на этот вопрос, это и было то, что более всего вызвало подозрения в рабочем классе против своих вождей—тт. Зиновьева, Каменева и Троцкого. Именно двусмысленный ответ на этот вопрос предопределил отрицательное отношение широких рабочих масс к оппозиции. Что мы получили в ответ? От т. Троцкого мы получили рассуждения в такой форме, что если человек в январе пойдет гулять по холодным улицам Москвы, то он замерзнет, а потому невозможно при таком сравнительно небольшом количестве рабочих и очень значительном количестве крестьян, как у нас, построить социализм в СССР, и только когда присоединится европейский рабочий класс,

только тогда можно построить социализм в СССР. Но ведь земной шар городом Москвой не кончается. Есть страны, где можно даже в январе гулять и не замерзнуть. Как быть, когда социализм придется строить не на одной улице города Москвы, где гуляет т. Троцкий, а на всем земном шаре? На всем земном шаре рабочий класс, пролетариат, представляет незначительную часть по сравнению с крестьянством. Громадное большинство населения земного шара, это—крестьяне—китайские, индусские, африканские, патагонские и всякие прочие. И вот мы собираемся вместе с т. Троцким построить социализм в мировом масштабе и сразу натыкаемся, по его теории, на невозможность построить этот социализм, ибо рабочих мало в мировом масштабе, а крестьян очень много. И если невозможно при таких условиях, по теории т. Троцкого, строить социализм в СССР, то по этой теории нельзя строить социализм и в МССР, т.-е. в мировом ССР. (Смех.) Тут что-то гнилое в этих рассуждениях оппозиции. Что же гнилое в этом деле? Гнилое то, что вопрос принципиальный т. Троцкий попробовал поставить по-оппортунистически как вопрос только сегодняшнего дня. (Голоса с мест: «Правильно».) Мы ставим вопрос о возможности построить социализм в нашей стране принципиально: можно это сделать или нет? А т. Троцкий говорит: а вдруг уйдет 30 лет на это строительство, и за эти 30 лет во всех других странах произойдет революция, так зачем же нам теперь спорить? Если так рассуждать, так ведь можно сказать: экий был дурак Карл Маркс, что завел споры с буржуазной наукой и написал «Капитал», прошло бы 70 лет, и капитализм все равно бы погиб. (Аплодисменты; смех.)

Есть, товарищи, такой поставленный т. Троцким вопрос, на который нужно ответить, чтобы не было неясности. Тов. Троцкий спрашивает, почему обвиняют оппозицию в том, что мы хотим слишком большого нажима на крестьянство, когда, с другой стороны, обвиняют нас в неверии в возможность построить социализм в одной стране? Зачем же нам нужно грабить крестьянство, когда мы не верим в возможность построения социализма, к чему нам тогда эти средства?

Вы обвиняете оппозицию, говорит нам т. Троцкий, как-то противоречиво, разрешите-ка эту задачу. Эта задача разрешается, т. Троцкий и остальные товарищи из оппозиции, очень просто. Она разрешается тем, что ваша позиция, по ее социальным корням, не может не быть противоречивой. Потому что, что такое оппозиция? Оппозиция, это есть известное брожение в некоторой части рабочей партии, отражающей

давление буржуазии на нее. А при таком обстоятельстве неизбежна нелогичность требований оппозиции. Нельзя безнаказанно соединить огонь и воду, рабочий класс и буржуазное давление—неизбежна при таком соединении, во-первых, нелогичность требований оппозиции и, во-вторых, неизбежна внутренняя противоречивость этих требований.

И тут можно было бы привести не только тот пример, который привел т. Троцкий (о социализме и грабеже крестьян). Я могу помочь т. Троцкому и привести ряд таких противоречий оппозиции. Например, с одной стороны, оппозиция заявляет, что спасение нашей индустриализации заключается в том, чтобы всемерно усилить налоговое обложение на частно-торговый капитал, чтобы изъять его таким образом от торговцев и пустить на постройку новых фабрик и заводов, а с другой стороны, та же самая оппозиция, не моргнув глазом, предлагает наши средства изъять из кооперации и государственной торговли и таким образом торговлю предоставить тому частному капиталу, который она только что перед этим предлагала экспроприировать для нашего строительства. Как видите, противоречие ничуть не меньше того противоречия, на которое так победоносно указал т. Троцкий. Но почему он тут праздновал победу по случаю таких противоречий в идеологии оппозиции, мне осталось неясно. (Смех.)

Теперь, товарищи, ссылки на Ленина. Вот т. Каменев много оперировал ссылками на Ленина. Он много лет был учеником Ленина, и мы всегда готовы внимательно выслушать все ссылки его этого рода. Но как он ссылался на него? Ленин высказывал такие мысли, что даже если наше советское государство погибнет под ударами международной буржуазии, то все-таки историческое значение нашего дела останется, будет громадно. Вот что говорил Ленин. А т. Каменев приходит и, приводя это, говорит про наше развитие без «если». Он не говорит, что если у нас будут такие трудности, которых мы не одолеем и погибнем, то все-таки, ребята, мы жили ненапрасно, со временем будут новые мстители буржуазному миру, и пролетариат ниспровергнет буржуазию. Нет, оппозиция просто говорит, что у нас будут расти хозяйственные затруднения, без «если». Вся оппозиция только и занимается утверждениями, что на предстоящие пять лет у нас все время будет расти товарный голод, на предстоящие годы будет расти отставание промышленности от сельского хозяйства. Вся оппозиция все время предсказывает, что мы обязательно пропадем и погибнем, если не сможем вложить в индустрию еще, скажем в этом году, те два миллиарда, которые они нашли, и в бу-

дущем году опять еще какие-нибудь миллиарды сверх имеющихся, по оценке партии, в распоряжении советского государства и т. д.

Тов. Каменев спрашивает нас: разве вы недовольны были бы, если бы действительно я и Зиновьев принесли вам сюда два миллиарда? Ну, конечно, мы были бы довольны. Я думаю, что мы их даже в Политбюро обратно выбрали бы. (Смех.) Но ведь, товарищи, дело-то в том, что они два миллиарда не приносят, а только все время проповедуют—и непартийные массы это читают, и малосознательные слои рабочих читают, и все наше население читает и слушает, что есть возможность еще два миллиарда вложить в улучшение нашего хозяйства и в улучшение быта населения, а вот партия не вкладывает, а вот советская власть не вкладывает, потому что мирволит кулакам и буржуазии. Ведь получается самая определенная контр-революционная по смыслу агитация в широких массах, когда все время говорится, что можно вложить два миллиарда, что без этого мы погибнем, а упрямая партия не вкладывает.

Теперь о социал-демократичности оппозиционного уклона, о том новом названии, против которого особенно оппозиция протестует. Я думаю, что те выступления, которые мы слышали, должны нас убедить, что это название применено правильно, во-первых, по содержанию и, во-вторых, по методам. В чем правильность этого названия по содержанию? Во-первых, уклон оппозиции является уклоном к развитию буржуазного хозяйства. Я сошлюсь хотя бы на вопрос о передаче торговли частному капиталу путем извлечения наших средств из кооперации и государственной торговли. Во-вторых, он является уклоном к методам капиталистического строительства хозяйства. Ведь строить промышленность тем, что под гребенку стричь не только кулака, а—повышением оптовых цен—и середняка и бедняка (ибо все покупают товар), это есть не наш, а буржуазный способ построения промышленности. Мы знаем, что крестьяне должны участвовать в этом, как и рабочие, но должны участвовать соразмерно с возможностью теперь же далее улучшать свое положение, как и рабочие. Для современной социал-демократии в Европе именно и характерно, что она является такой, в значительной мере рабочей, организацией, которая признает необходимость существования и развития буржуазного хозяйства в настоящее время. Ведь все социал-демократы «в душе величайшие социалисты». Они—«за социализм», только не за социализм в тот исторический период, который они переживают. Для этого периода они считают необходимым сделать уступку в сторону сохранения развития буржуазного хозяйства. Уклон оппозиции

объективно направлен в ту же сторону. Даже приемы партийной работы, которые мы видели на этой конференции, это—типичные социал-демократические методы. Во-первых, метод замалчивания боевых пунктов. Еще, Ауэр писал Бернштейну: гляди, Бернштейн, есть вещи, о которых говорить не нужно, а делать нужно. За пределами этого зала оппозиция выставляла ряд боевых требований—о кооперации, об отпускных ценах, о крестьянстве и др., а здесь ни слова о них. Во-вторых, второй типичный метод, это—виляние, классический образец которого дал т. Каменев. Если т. Троцкий пошел по линии замалчивания, то т. Каменев пошел по второй линии, по линии виляния. И третий метод, это—оппортунистическая постановка спора, как это было с принципиальным вопросом о строительстве социализма. Представим возможность, что оппозиция победила, что рабочий класс сам изменил своему историческому делу и стал на путь увеличения количества фабрик даже такими мерами и средствами, которые объективно привели бы, во-первых, к сдаче всего обмена в руки буржуазии и через это к отдаче под ее руководство и деревни и, во-вторых, к широкому созданию иностранной буржуазной промышленности в нашей стране. Ведь поскольку нет у тт. Зиновьева и Каменева тех двух миллиардов, которые они обещали, и поскольку они говорят, что без этого дополнительного вложения в нашу промышленность советская власть, индустриализация и диктатура пролетариата погибнут, то у них логический вывод должен стать тем, к чему пришел уже один участник их блока т. Сокольников. Они должны притти к широкой сдаче иностранному капиталу наших экономических позиций, как, например, монополии внешней торговли, наших трестов и пр.

Если они сегодня этого не говорят, то вспомните, что они позавчера не говорили еще о передаче кооперативной торговли частному капиталу. Они это сказали только вчера. Они постепенно развиваются в эту сторону, потому что их линия имеет свою логику. Если здесь не будет перелома, если они себя не переломят, то они будут катиться дальше и дальше, и если они считают правильным вывод, по их словам, что без новых миллиардов гибель, а новых миллиардов нет, то они должны будут пойти дорогой самого широкого предоставления наших заводов всяким Урквартам, уничтожения монополии внешней торговли и т. д. Это вместе с передачей торговли частной буржуазии, вместе с фактической передачей деревни под опеку этой буржуазий, это означает купить некоторое ускорение темпа промышленного развития России в данный момент за счет ослабления нашей страны как базы социалистического движения про-

летариата всего мира. Это значит с позиции рассматривания нашей страны, как части интернационала рабочих всего мира, как одного из участников мировой борьбы рабочих,—скатиться на позицию возрождения национального хозяйства. В дальнейшем это должно привести зато к гораздо более медленному темпу, чем при нашей линии. И фактически позиция оппозиционного блока, если это продумать до конца, к тому и сводится, что они ускорение темпа хозяйственного развития в данный момент покупают усилением развития буржуазного хозяйства у нас, т.-е. ослаблением нас, как социалистической базы мирового движения, т.-е. скатываются на типичную позицию социал-демократических партий II Интернационала, на которой превыше всего—наше собственное экономическое развитие, безотносительно к тому, какой его вид находится в согласии и какой идет в разрез с интересами мирового социалистического движения. Мы же считаем, что мы можем и должны использовать возможность хозяйственного, торгового, коммерческого и всякого иного общения с буржуазией лишь в той мере, в какой это совместимо с дальнейшим ростом перевеса социалистического хозяйства, без сдачи буржуазии таких позиций, как внутренняя торговля, хозяйственное руководство деревней и т. п. Следовательно, основная ошибка оппозиции заключается в том, что она скатывается к новому лозунгу: «Русские рабочие, думайте только об увеличении ваших фабрик». Я думаю, что этому ее лозунгу мы должны противопоставить и мы противопоставляем наш старый лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». (Аплодисменты.)

Председательствующий. Согласно регламенту, заседание объявляю закрытым.

Заседание одиннадцатое.

(2 ноября 1926 года, дневное.)

Рыков (председательствующий). Слово для заявления имеет т. Воронин.

Воронин. Товарищи, в шестом заседании т. Томский, говоря в своем докладе о том, что хулиганство раздули, что газетная шумиха создала неправильное представление у советских администраторов о понятии хулиганства, в частности сослался на выдержки из газеты «Призыв», издающейся во Владимирской губернии. Владимирская делегация поручила мне заявить XV партконференции, что дело обстоит совершенно не так. В связи с этим Владимирская делегация считает необходимым и нужным заявить следующее...

Председательствующий. Товарищи, предлагаю приложить это заявление к протоколу и его не зачитывать. (Голоса с мест: «Приложить».)

Воронин. Разрешите мне еще минутку. Здесь мы прилагаем документ, на основании которого заметка была помещена. Этот документ есть результат циркуляра № 267 Народного комиссариата внутренних дел. Владимирская губерния никакого своего документа не издавала. Об этом мы заявляем и просим приложить документ к протоколам партконференции. (Возгласы с мест: «Приложить, приложить». Смех.)

Председательствующий. По докладу т. Сталина слово имеет т. Рудзутак.

Рудзутак. Товарищи, т. Каменев вчера в своем докладе говорил обо всем, но он не ответил по существу на те вопросы, которые прямо и недвусмысленно были поставлены т. Сталиным перед нашей новой оппозицией. Прежде всего он пытался изобразить удивление,—ЦК, мол, с удовлетворением констатировал тот факт, что оппозиция отказывается от оппозиционной борьбы, а потом на XV партконференции выступают со специальным до-

кладом по этому вопросу. Но ведь Центральный Комитет выразил удовлетворение по поводу того, что оппозиция прекращает свою подпольную фракционную деятельность, но никакого удовлетворения по поводу того, что оппозиция не отказалась от своих неправильных взглядов, ЦК не выражал. И совершенно ясно, что ЦК должен был выступить по этому поводу перед партконференцией, для того чтобы вскрыть эти неправильные взгляды. ЦК удовлетворен по поводу прекращения подпольной фракционной деятельности оппозиции. Это удовлетворение остается в силе до тех пор, пока фракционная деятельность не будет обнаружена снова.

Следующее заявление т. Каменева о том, что мы, мол, научились выводить наши организационные формы из основных принципов, для меня, грешным делом, явилось совершенно новым утверждением в нашей партии. Мы никогда не выводили организационных форм из одних общих принципов. Организационную форму мы строим в зависимости не только от наших принципов, но и от тех практических условий, в каких нам приходится работать и эти принципы применять. Если мы каждый раз будем строить наши организационные формы исключительно на основных принципах, то, возможно, получится такая каша, какая получилась вчера у т. Троцкого, который пытался доказать, что может быть какая-то революция сама по себе, независимо от конкретных условий, независимо от времени и обстановки.

Основной момент в докладе т. Каменева (или в слове т. Каменева) заключался в том, что он пытался доказать, что они не складывали ни перед кем оружия. Кулака мы не испугались, нэпмана не испугались и даже, представьте себе, не капитулировали перед II Интернационалом. Выходит так, что они совершенно невинные младенцы, хоть в рай пусти. А ведь на самом деле обстояло немножко иначе. В чем оружие рабочего класса? В чем наше революционное оружие? Прежде всего в нашей партии, во всей нашей революционной борьбе. А вот по основным вопросам, по вопросу о кулаке, разве т. Каменев и оппозиция шли за партией? Нет, они шли против партии. По вопросу о нэпе, о новой экономической политике, разве оппозиция шла с нами? Нет, не с нами. Если по основным тактическим вопросам оппозиция оказывалась против партии, я спрашиваю: с каким же оружием оппозиция шла, какое оружие оппозиция имела? Если они не имели в своих руках основного оружия, т.-е. нашу партию, нашу организацию и нашу партийную тактику, то по существу у вас оружия не было. А если и было оружие, то это было оружие против партии и против ЦК. Этого оружия вы не

сложили, поскольку вы оказались против партии и, как потом показала ваша попытка дискуссировать, против рабочего класса в целом. В настоящее время совершенно ясно, что вы капитулировали. Вы сложили оружие, ибо в наших условиях, в нашей стране какого-нибудь другого оружия, кроме партийного, не может быть, и не может быть другой позиции, кроме партийной позиции, с которой мы можем обстреливать наших врагов. А раз вы это оружие выпустили из рук, раз эти окопы оставили, значит, вы оружие сложили. Поэтому мы имеем полное право сказать, что вы капитулировали. Вы позорно бросили ваше партийное оружие и сохранили в руках лишь оружие против партии, против партийно-организационных форм и против партийной дисциплины.

Дальше т. Каменев, переходя к основным разногласиям, обрисовал дело так, что, мол, по существу у нас по основным вопросам никаких разногласий нет, что подо всем, мол, подписываемся. Строительство социализма в одной стране—мы, говорит, подписываемся под этим тезисом. Только тут недостаточно оговорен вопрос об интервенции. Нужно еще добавить о темпе развития.

Это значит смешивать совершенно различные вещи. И тут вы опять, т. Каменев, пытаетесь под шумок подсунуть нам совершенно непригодное дело. Когда мы говорим об интервенции, о том, что интервенция может нарушить ход нашей работы, ход нашего государственного строительства, это означает, что мы внутри страны имеем достаточно сил и достаточно средств для социалистического строительства, но что внешние силы могут нам в этом помешать. А что нам предлагает т. Каменев и еще больше подчеркнул т. Троцкий (хотя Каменев заявил, что принципиально у него вообще с Троцким никаких общих линий, общих идей нет)? Он нам пытался все-таки подсовывать свое старое неверие в возможность строительства социализма в нашей стране. Ибо раз он говорит о том, что все зависит не только от интервенции, но и от внутренних противоречий, т.-е. от причин, зависящих от нас, от темпа хозяйственного строительства, то вместе с тем он высказывает сомнение по поводу того, что внутри нашей страны имеется достаточно элементов, имеется достаточно материалов, имеется достаточно средств и сил, чтобы строить в нашей стране социализм.

Одно дело—говорить о том, что мы имеем полную возможность строить социализм в нашей стране, если не будет никаких внешних причин, которые могут нарушить наше социалистическое строительство. А другое дело, когда Каменев с Троцким подсовывают свою точку зрения и говорят, что вопрос о возможности строить

социализм в нашей стране заключается в том, достаточны ли будут у нас накопления, достаточно ли мы имеем оборудования, стоим ли мы на достаточно высокой технической базе, достаточно ли быстро развиваемся. На этот счет мы отвечаем совершенно определенно. Да, мы считаем, что те технические материальные средства и та организованность рабочего класса, которую мы имеем в настоящий момент, являются достаточными, чтобы на основании этих элементов строить и построить социалистическое общество в нашем государстве. Может нам помешать лишь капиталистическое окружение своим насильственным вмешательством в это дело. И если оппозиция высказывает сомнение, что недостаточное накопление, недостаточно высокая техническая база, слишком медленный темп развития промышленности могут помешать социалистическому строительству в нашей стране, то в силе остается наше обвинение против оппозиции в неверии в возможность построить социализм в нашей стране и в неверии в силу рабочего класса. Троцкий привел несколько цитат 1915 г. из Владимира Ильича, желая доказать, что Ильич еще в 1915 г. говорил о том, что в России, в одной стране, не может быть социальной революции. Ленин в 1915 г. говорил о ближайшей революции, что «социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Революция не может победить в России, не свергнув монархию и крепостников-помещиков». Какая же ближайшая революция была после 1915 г.? Февральская революция 1917 г. А мы знаем, что это именно и была демократическая, а не социальная революция, и только об этой революции и мог говорить тогда Ленин. О другой он не мог тогда говорить, потому что в 1915 году Ленин не мог сказать, что мы можем сразу перескочить из царской России к диктатуре пролетариата. И поэтому совершенно правильно было утверждение Ленина о том, что ближайшая революция в России, т.-е. после 1915 года, Февральская революция 1917 года, может быть только революционно-демократической. Совершенно не подходит для т. Каменева попытка доказать, что этим Ленин хотел сказать, что в одной России не может быть социальной революции, и что социалистическое строительство не может быть совершено в одной лишь нашей стране.

Дальше т. Каменев ставит недоуменный вопрос: «Почему мы стали фракционерами?» и отвечает очень красивой фразой: «Мы, говорит, были объяты тревогой за политику партии». Если товарищей объяла такая тревога, то очевидно, были достаточно веские причины для этой тревоги. Но ведь эта оппозиция оформилась

на ваших глазах, и вы все помните, что с самого начала не было никаких оформленных крупных вопросов, которые оппозиция могла выдвинуть против большинства ЦК. Ведь вы ваши разногласия каждый раз кропотливо выискивали, чтобы найти новое обвинение против ЦК.

С чего вы начали? Вы начали с обвинения т. Сталина в полутроцкизме. Потом была дана новая платформа—за равенство, известные «шаги истории», затем участие рабочих в прибылях, после этого на горизонте появился кулак, затем недостаточная индустриализация, партрежим, строительство социализма в одной стране, англо-русский комитет и т. д. Все использовали, начиная с «мировых» вопросов и кончая базарными сплетнями. И вот из этих разногласий, которые подбирались каждый день, когда ловилось каждое слово, неудачно оброненное тем или другим членом Центрального Комитета, создавали платформу, создавали эту самую «тревогу» за политику партии. Ведь если дело дошло до того, что заговорили о возможности раскола, дело дошло до того (по свидетельству самого т. Зиновьева), что в этом деле мог заговорить третий, посторонний—мещанство, остатки капитализма у нас, т.-е. контр-революция, то ведь для таких действий нужно было иметь действительные, достаточно веские основания, для того чтобы начать в партии раскол, для того чтобы начать партию трясти, чтобы образовать нелегальную организацию внутри нашей партии. А все те разногласия, которые я перечислил,—к ним можно было бы еще таких же пустяшных разногласий насчитать целый воз,—ведь эти разногласия не являются достаточным основанием для того, чтобы оппозиция, объятая ужасом и тревогой относительно политики нашей партии, создавала новую партию, новую группу.

Когда т. Каменев ставил вопрос о возможности индустриализации нашей страны и когда его спрашивали, есть ли у нас средства для более усиленного темпа индустриализации, он отвечал, что есть. Он говорил, что они заключаются в более усиленном обложении кулака и нэпмана. И после этого т. Каменев, а вместе с ним и т. Зиновьев неоднократно выступают здесь и заявляют, что у них нет никакого неверия в рабочий класс! Так вот я спрашиваю т. Каменева, разве его вчерашний ответ об источниках индустриализации в виде нэпмана и кулака, как единственных, разве это не есть неверие в силы рабочего класса?

Мы думаем, что рабочий класс является той основной базой, которая создает у нас главную массу ценностей и для индустриализации и для социалистического строительства в нашем хозяйстве. Но что касается нэпмана и кулака, то они во всяком случае

для нас этой базой для индустриализации служить не могут. Ведь нам для индустриализации нужны миллиарды, которые, правда, тт. Каменев и Зиновьев обещали, но ведь они кроме обещаний ни копейки не дали. Эти миллиарды могут быть созданы только рабочим классом. Поэтому основа индустриализации и силы развития нашей страны должны покоиться не в надежде на то, что мы средства получим только с нэпмана или кулака, а в надежде на творческие силы рабочего класса. А то, что мы получаем с нэпмана, то, что мы можем получить с кулака, это по сути дела является такими пустяками, которые не могут послужить базой для индустриализации. И поэтому выдвигать платформу, что мы можем строить индустриализацию на основе средств, изымаемых от кулака и нэпмана, это значит переоценить значение кулака и выразить неверие в творческие силы рабочего класса.

Свою связь с т. Троцким т. Каменев вчера, так сказать, в очень нежных тонах обрисовал. Вышло так,—что хотел проехать мимо, но заехал по дыму. У нас-де с т. Троцким ничего общего нет, мы объединились только для определенных практических задач.

Какие же эти определенные практические задачи? Если вы с т. Троцким не имеете общих идей, общих точек зрения, то очевидно, этой общей практической задачей было сотрясение нашей партии и борьба против ЦК. И т. Каменев сам вчера открыто признался в том, что был образован беспринципный блок, не на основе каких-либо общих идей и общих принципов. Был создан военный союз для разложения партии.

Тов. Троцкий своим вчерашним выступлением полностью подтвердил, что он, Троцкий, остался таким же, каким он был в 1915 году, в 1917 году, в 1923 году, таким он оставался до сегодняшнего вечера. В чем заключалась сущность вчерашней речи т. Троцкого? Его речь целиком и полностью сводилась к тому, чтобы доказать, что он, Троцкий, никогда не ошибался, что все, что он когда бы то ни было говорил, все осталось правильным до последнего слова по вчерашний день. Но как построил т. Троцкий свое оправдание? Он перечислил целый ряд вопросов. А вот, говорит, по вопросу о диктатуре пролетариата—что же тут меньшевистского? По вопросу о дифференциации в деревне, то, что мы имели другую точку зрения,—что же тут меньшевистского? Хотя и тут надо сказать, что т. Троцкий немножко передернул, заявляя, что они предлагали освободить 40% бедняков. Мы, Центральный Комитет, думаем, что нужно всех бедняков освободить, и они освобождены по закону о едином с.-х. налоге; они же, оппозиция, говорили об освобождении 40% всех крестьян, а не 40% бедняков. Далее т. Троцкий заявил, что они, оппозиция,

выступали против курса на кулака в кооперации, который будто бы у нас был (я, по правде сказать, не помню, чтобы у кого бы то ни было был такой курс), и вопрошал: в чем тут меньшевизм? А там, где у него действительно есть меньшевизм, он про это умолчал. Он вышел с целым рядом цитат, чтобы доказать, что у него кое-что партийного еще есть. Он не опроверг ни одной цитаты, которые приводил т. Сталин. Он обвинял Сталина в том, что он цитирует то, что Троцкий писал в 1920 году и в 1917 году, а то, что он писал в 1922 году, в 1923 году—это не цитируется. Но мы, товарищи, не собрались здесь для того, чтобы читать полное собрание произведений т. Троцкого. И если т. Троцкий вышел вчера на эту трибуну с тем, чтобы показать, что кое-что партийное у него есть,—то никто в этом не сомневался. Если бы у него не было ничего партийного, то не было бы его и в партии, его бы давно из партии исключили. Но дело заключается в том, что на-ряду с тем партийным, что вчера пытался доказать т. Троцкий, у него есть целый ряд положений, противоречащих принципам нашей партии, на что указывал вчера т. Сталин. Именно то обстоятельство, что у т. Троцкого найдешь цитату про всякий случай, что у него есть товар про всякого Якова,—в этом и заключается меньшевизм т. Троцкого. Если можно найти у него цитату о том, что крестьянство пойдет против рабочего класса в случае социальной революции, как и о том, что крестьянство пойдет вместе с рабочим классом, то неизвестно, какой цитате т. Троцкого верить: той ли, которую цитирует т. Сталин, или той, которую цитирует т. Троцкий в его ответе беспартийному крестьянину. В том-то и заключается вся беда, что вы жуете ту жвачку, которая вам в каждый данный момент в рот попадает. Но ведь вы пытаетесь быть лидером нашей партии; а лидер партии не может иметь одну точку зрения сегодня, другую—завтра. Вот, например, сегодня т. Троцкий является самым активным борцом против бюрократизма. На языке Троцкого нет ругательного слова хуже, чем бюрократизм. Но я вам приведу одну цитату, в которой т. Троцкий выступает поборником бюрократизма, выступает в пользу бюрократизма. Вот что он пишет:

«Но нельзя забывать,—ибо это основа вопроса,—что в виде наших во многом неуклюжих комиссариатов и главков мы создали и создаем не нечто случайное и вредное, а нечто необходимое, именно административно-хозяйственную советскую бюрократию, без которой не может существовать государство, доколе оно остается государством, т.-е. в нынешнюю переходную эпоху к коммунизму. Бюрократия имеет не только отрицательные, но и положительные черты: более специальное знакомство с опреде-

ленными отраслями управления и хозяйства, точную иерархию взаимоотношений, определенные, выработанные долгой практикой приемы работы и т. д. Такого рода аппарат советской бюрократии (партийной и непартийной) приходит на смену самодельщине, кустарничеству, наконец, первобытному хаосу и потому является необходимым этапом в нашем государственном развитии». (Л. Троцкий, «Путь к единому хозяйственному плану». «Экономическая Жизнь» № 251 от 9 ноября 1920 г.)

Вот вам Троцкий против бюрократизма, а вот вам Троцкий, который доказывает пользу бюрократизма.

Тов. Каменев вчера, выступая, заявлял, что у них с троцкизмом, с троцкистами и с Троцким никаких общих принципиальных линий нет. А вот Троцкий в своем манифесте «к народу», который напечатан в последних стенограммах пленума ЦК, говорит, что «только благодаря совокупному опыту обоих течений (оппозиции 1923 г. и оппозиции 1925 г.) все основные вопросы—хозяйства, партийного режима, политики Коминтерна—получили правильное и целостное разрешение».

Троцкий в своем манифесте прямо заявляет, что объединенная оппозиция—Зиновьев, Каменев и Троцкий—дает правильный курс советской и партийной работе, который до сего времени отсутствовал.

Пытаясь далее доказать, что все-таки в его сочинениях слово «социализм» есть и что он вообще в принципе против социализма не возражает, Троцкий вчера цитировал место, что фабрики и железные дороги сейчас находятся в руках рабочего класса, границы также находятся в руках рабочего класса, что это есть могучее средство для построения социализма. А единомышленник Троцкого и софракционер Сокольников на XIV съезде партии доказывал с этой трибуны, что по существу ничего в нашей экономике не изменилось после Октября, изменился только хозяин, а то, что сейчас железные дороги находятся в руках рабочего класса—что же, разве какой-нибудь производственный процесс изменился? Паровоз так же тянет вагоны, как и раньше, изменился-де только хозяин. На этом основании Сокольников доказывал на XIV съезде, что мы врастаем в капитализм, что никаких социалистических начал у нас нет. Так что приведенная Троцким цитата, что он за социализм, потому что он признает, что фабрики и железные дороги в руках рабочего класса, границы—в руках рабочего класса,—это дешевый аргумент в пользу того, что Троцкий верит в социализм. Зато вчера т. Троцкий почти целый час пытался доказать,—не в пример т. Каменеву, который очень ловко обошел этот вопрос,—что мы социализм в нашей

стране построить не можем, и опять-таки пытался привлечь к этому в свидетели Владимира Ильича. Но он, очевидно, из Ленина читает только те места, в такой связи и в таком сопоставлении, которые выгодны для Троцкого. Ленин о необходимости помощи по крайней мере нескольких передовых стран писал, когда на нас со всех сторон наступали, когда капиталистические государства всего мира ополчились против нас, когда от нас были отрезаны все источники сырья и хлеба, когда у нас остался лишь один Центральный промышленный район с массой рабочих и предприятий без сырья и без хлеба. Но как только мы перешли на мирное строительство, и первые шаги в этом отношении были сделаны, Ленин по этому вопросу говорил уже в несколько других тонах.

В 1921 году, в начале нэпа, т. Ленин писал следующее. Обрисовав всю дикость и невежество нашей страны, техническую и культурную отсталость ее, Ленин спрашивал: «Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого преобладающего в России состояния к социализму? Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной и завершенной научной работе, точно. Это условие—электрификация. Если мы построим десятки районных электрических станций (мы знаем теперь, где и как их построить можно и должно), если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к социализму, или почти не потребуется. Но мы прекрасно знаем, что это «одно» условие требует, по меньшей мере, десяти лет только для работ первой очереди, а сокращение этого срока мыслимо в свою очередь лишь в случае победы пролетарской революции в таких странах, как Англия, Германия, Америка». (Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 221.)

Ленин здесь говорит, что сокращение этого срока мыслимо, если будет победа пролетариата в Англии, Германии и Америке, но он не говорит, что это мыслимо только в том случае, если эта победа будет. Он говорит, что мыслима победа в нашей стране, но мы к ней пойдем медленно, и этот срок можно сократить и ускорить, если победит пролетариат в Англии, Германии и Америке. А т. Троцкий ведь нас битый доказывал, что нет таких сил и технических условий в нашей стране, чтобы без помощи других стран мы могли строить и построить социализм.

И после этого он все-таки приходит и утверждает, что ни-

какого неверия в рабочий класс и в строительство социализма у него нет.

Или в другом месте т. Ленин говорит: «Коммунизм, это—советская власть плюс электрификация» и развивает это таким образом, что, подведя техническую базу под наше хозяйство, мы можем построить социалистическое общество.

Таким образом, здесь нужно разграничить то, что вчера пытался запутать т. Каменев: вопрос относительно возможности строительства социализма в нашей стране и вопрос о вооруженной интервенции. Оппозиция подтвердила вчера свое неверие, заявляя, что, если даже не будет интервенции, наша некультурность и техническая отсталость не дают нам достаточно внутренних сил и элементов для строительства социализма. Мы имеем поэтому право сказать, что вы—нытики, вы страдаете безверием, что вы не верите в творческие силы пролетариата нашей страны, и мы имеем, следовательно, право в этой части вас осудить, назвать ренегатами и сказать, что вы позорно бросили оружие, потому что вы испугались трудностей, которые стоят на нашем пути. Тов. Троцкий вчера вопрошал с трибуны: «Если мы не верим в социализм, то скажите, пожалуйста, зачем мы предлагаем вам грабить крестьянство, зачем это понадобилось?» Тов. Зиновьев выступит сейчас после меня. Вероятно, и он скажет: «Если мы не верим в социализм, почему я обещал два миллиарда рублей?» На эти вопросы можно ответить только одно. Вы вносите эти предложения потому, что другого багажа у вас нет. Вот почему вам приходится предлагать самые несерьезные вещи и насчет партийного режима, и насчет англо-русского комитета, и прочие благоглупости, потому что нельзя же образовать фракции, не имея никакого политического багажа, а так как этого у вас нет, то пришлось создать, измыслить небылицы, путаницу. Я совершенно уверен, что если бы имел место такой невероятный случай, когда Зиновьев, Троцкий, Каменев победили бы в нашей партии и очутились бы у руля, я уверен, что никаких миллиардов они не собрали бы, никаких кулаков не обобрали бы, заработной платы не повысили бы, и вся их программа пошла бы насмарку. А ведь нужно было эту программу создавать для того, чтобы вести борьбу против Центрального Комитета, нужно было все эти благоглупости говорить для того, чтобы получилось, что эта фракция имеет какую-то видимость принципиальности, что она имеет какой-то идейный багаж, с которым она выходит на борьбу против Центрального Комитета.

Вчера Каменев, выступая, под всем подписывался: никаких-де крупных разногласий нет, а так только, одни пустячки. Зачем же

нужно было на войну итти? Я думаю, товарищи, что вчерашнее выступление Каменева и Троцкого должно вселить в сознание нашей партии очень большую тревогу. Тов. Троцкий доказывал и доказал нам, что все их биение в грудь, все их утверждения, что они честно и открыто признают все решения партии, что они честно и открыто будут эти решения проводить,—что все это неискренно, ибо, если Троцкий вчера здесь доказывал, что он был прав все время, что его точка зрения осталась непоколебимой, то мы должны сказать: борьба с оппозицией не окончена; очевидно, что оппозиция свои ложные взгляды не оставила; очевидно, что оппозиция будет пытаться и дальше эти ложные взгляды излагать перед нашей партией. В этом отношении я считаю, что решение конференции должно быть твердым. Мы должны тесно сплотить наши ряды, мы должны изолировать эти оппозиционные блуждания, оппозиционную ересь. Мы должны в первую очередь во главу угла нашей работы поставить чистоту наших партийных принципов, чистоту нашей партийной линии. Ибо с тем идейным багажом, который изложен здесь тт. Каменевым и Троцким, наша партия не может работать, не может бороться со всеми препятствиями, и тем более не может наша партия на основе этого идейного убожества победить. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Слово имеет т. Зиновьев.

Зиновьев. Товарищи, чего в праве ждать от нас конференция в первую очередь? Я думаю, объяснения по поводу той острой борьбы, которая закончилась известным заявлением от 16 октября. С другой стороны, товарищи, наше право заключается в том, чтобы дать объяснения конференции по поводу предъявленного нам обвинения в «социал-демократическом уклоне».

Эта вторая часть не может не быть полемической. Это понятно, ибо отказ наш от полемики во второй части означал бы то, что мы в самом деле чувствуем себя уклонившимися в сторону социал-демократии. А этого-то, товарищи, нет, и этого мы за собой не признаем и не можем признать.

Как мы оцениваем наше заявление от 16 октября.

Я представляю себе, что наверняка найдутся товарищи, которые эти полемические замечания по поводу предъявленного обвинения в «социал-демократическом уклоне» истолкуют как новые наши атаки, как попытку продолжать ту острую борьбу, которая велась. Но это было бы неправильно. Мы в соединенном заседании ЦК и ЦКК прямо, открыто, по-товарищески поставили вопрос о том, следует ли нам выступить на конференции с объяснениями по

поводу обвинений в «социал-демократическом уклоне». И если бы товарищи из ЦК и ЦКК сказали, что в интересах мира не надо этого делать, то мы этого и не сделали бы. (Движение в зале. Голос: «А что вам сказали?») Нам сказали, что против этого никаких возражений нет. Поэтому мы, сведя к минимуму наши выступления на конференции, считаем своим правом по вопросу о «социал-демократическом уклоне» совершенно открыто, ясно, а если нужно, и в резкой форме выступить против тех обвинений, которых мы не заслужили, которые неправильны. (Голос с места: «Бедная овечка».)

Есть основания думать, что некоторые товарищи, разделяющие взгляды оппозиции или считающие, что они их разделяют, не поняли значения нашего заявления от 16 октября. Такой пример я бы мог привести из жизни германских коммунистов. Я читал заявление двух членов ЦК Германской компартии, тт. Урбанса и Шиманского, на активе Берлинской организации 20 октября; из него ясно видно, что они не понимают значения нашего заявления от 16 октября.

Они не поняли, что этот документ не есть «маневр» или «ход», а продиктован тем, как мы сами, в результате наших выступлений, оценили настроение наших рабочих-коммунистов; а именно, мы считаем, что у последних над всем остальным возобладала боязнь, что если допустить сейчас дискуссию, то единство партии может подвергнуться действительной опасности. (Голос с места: «Правильно».) Делая свое заявление от 16 октября, мы равнялись по желаниям, по настроениям рабочих-рядовиков нашей партии, которые требуют, чтобы единство партии было обеспечено прежде всего. (Голос с места: «А раньше, что вы не думали об этом?») Товарищи, я не буду отвечать на реплики.

Предполагать, что в нашем заявлении могли играть какую-либо роль госорганы, как предполагают тт. Урбанс и Шиманский, конечно, чудовищно и нелепо. Заявление наше, конечно, продиктовано только нашим пониманием интересов нашей партии и Коминтерна, интересов единства партии. Наше мнение—что от фракционности должны отказаться также и немецкие товарищи, стоящие на точке зрения Урбанса и Шиманского, а ЦК Германской компартии должен им это облегчить.

Я думаю, товарищи, что значение нашего заявления от 16 октября, о котором Каменевым правильно было сказано, что это не только организационное, но и политическое заявление, будет понятно так, как мы этого хотим, т.-е. как шаг,—нет даже не как шаг, а как решительное прекращение фракционной борьбы с нашей стороны. Мы сказали в этом заявлении, что мы будем проводить

решения съездов, ЦК и других высших органов нашей партии, что мы будем отстаивать всеми силами единство нашей партии, что мы будем выполнять каждый ту работу, которую поручит каждому из нас соответствующее учреждение нашей партии. И это, товарищи, наше заявление мы выполним до конца.

Естественно, что товарищи ставят рядом с этим вопросом такой: ну, хорошо, однако вы в своем заявлении от 16 октября сказали, что вы остаетесь при тех взглядах, которые вы защищали; а раз так, то не выйдет ли новой борьбы, не есть ли это с вашей стороны резерв для того, чтобы начать в новой форме фракционную борьбу?

Мы на это отвечаем словами Ленина, который говорил: «идейная борьба в партии не значит взаимное отметание, а значит взаимное воздействие» (т. XVIII, ч. 1, стр. 71). Вот мы и будем придерживаться именно этих слов. Мы будем защищать те мнения, какие мы имеем, в рамках устава нашей партии, в таких формах, которые всегда нашей партией признавались и будут, мы уверены в этом, признаваться и впредь.

Само собой понятно, что в конце концов на $^{99}/_{100}$ все тут зависит от большинства. (Возгласы: «Ого!» Шум.) Да, товарищи, когда газеты нашей партии, когда центральные органы наши по поводу, скажем, нашего молчания по предыдущим двум или трем пунктам порядка дня конференции писали разжигающие передовицы каждый день, неужели они в самом деле служили делу окончательного замирения, прекращения острой борьбы? (Бабушкин: «Что ж вы хотите, чтобы партия перед вами на колени стала?») Нет, отнюдь не хотим. Само собой понятно, что мы вовсе не ожидали, что после нашего заявления сразу начнутся объятия. Конечно, нет. Мы знали, что идейная борьба будет продолжаться, но мы ожидали, что тон нашей прессы должен измениться. Мы ожидали... (Голос: «Что ж вы ждали, что вас хвалить будут?») Нет, не хвалить, но есть середина между похвалой и между тем, что было на самом деле сделано. Вот, например, орган Саратовского комитета партии «Коммунистический Путь», статья, которая называется «За единство партийных рядов», от 20 октября, т.-е. спустя 4 дня после нашего заявления. Статья кончается так:

«Партия бережно охраняет единство. Партия восстановит единство, невзирая ни на какие препятствия, откуда бы они ни проявлялись, кем бы они ни выдвигались.

Пора знать всем и каждому, что ВКП(б) даст беспощадный отпор всякой попытке нарушить единство ее рядов. И пусть не винят в этом партию.

„Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
в тяжелых наших лапах?“

(„Коммунист. Путь“, № 52.)

(Смех. Возгласы: «Неплохо написано, очень хорошо сказано».) Я не против стихов, и в частности не против стихов Блока, но чтобы как раз через 2 дня после нашего заявления уместна была такая статья, я думаю, что едва ли большинство из вас найдет это подходящим.

Как партия относилась к оппозициям при Ленине.

Товарищи, мы все знаем, что оппозиции возникали в нашей партии много раз. И конечно, все мы должны учиться, между прочим, на истории этих прошлых оппозиций, как рассасывались они при Владимире Ильиче и как товарищи, которые бывали тогда в меньшинстве по тому или другому вопросу, потом входили в повседневную работу, и борьба кончалась.

Я хотел привести пару примеров.

Первая оформленная фракция после взятия власти нашей партией имела место в конце 1917 г. и начале 1918 г.; это была фракция «левых коммунистов». Обстановка, в которой тогда мы работали, всем известна: она была неслыханно тяжелая, советская власть висела на волоске. Вот в этой тяжелой обстановке у нас образовалась группа, в которой участвовал ряд выдающихся товарищей. Если взять этих товарищей сейчас, то они разделились: часть их с большинством партии в данный момент, а часть— с оппозицией. Но достаточно сказать, товарищи, что в числе нынешних сторонников большинства к этой группе принадлежали Бухарин, который возглавлял эту группу «левых» коммунистов, затем Ярославский, Куйбышев, Ст. Косиор, Ломов и др. Эти товарищи тогда имели свою особую газету в Ленинграде и в Москве, имели одно время в своих руках Питерский губком, затем Московское областное бюро.

Они сами рассказывали впоследствии, что некоторые из них вели переговоры с левыми эсерами об изменении состава Совнаркома. Так вот, товарищи, я хочу привести некоторые тогдашние заявления этой фракции. Вот, например, полный текст резолюции, которая была принята Московским областным бюро, возглавлявшимся тогда т. Бухариным. (Шум.) В этой резолюции говорится:

«Обсудив деятельность ЦК, Московское областное бюро РСДРП выражает свое недоверие ЦК ввиду его политической линии и состава и будет при первой возможности настаивать на его перевыборах. Сверх того, Московское областное бюро не считает себя обязанным подчиняться во что бы то ни стало тем постановлениям ЦК, которые будут связаны с проведением в

жизнь условий мирного договора с Австро-Германией». (Н. Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 109.)

Вот другой документ, относящийся к этой резолюции. Это так называемый «объяснительный текст» к ней:

«Московское областное бюро находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время, при чем ставит своей задачей служить объединению всех последовательных революционно-коммунистических элементов, борющихся одинаково как против сторонников заключения сепаратного мира, так и против всех умеренных оппортунистических элементов партии. В интересах международной революции мы считаем целесообразным итти на возможность утраты советской власти, становящейся теперь чисто формальной. Мы попрежнему видим нашу основную задачу в распространении идей социалистической революции на все иные страны и в решительном проведении рабочей диктатуры, в беспощадном подавлении буржуазной контр-революции в России». (Н. Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 109—110.)

Я напомню, что когда т. Ленин выступил со статьей о «революционной фразе», то т. Бухарин ответил ему тогда статьей, которая называлась: «Об оппортунистической фразе». Это было 5 марта 1918 г. Бухарин писал, что Ленин «повторяет по существу дела те самые ошибки, в которых погряз Каутский», что Ленин «поспешил и в данном случае он действительно и насмешил», что «фразеры оппортунизма (имеется в виду Ленин) объективно разлагают волю пролетариата к действию», что «мирная политика официального ЦК (т.-е. ленинского ЦК) сошла с рельс пролетарской революции», что политика Ленина ведет «к капитуляции пролетариата в его классовой войне против иностранной и отечественной буржуазии», и что, «исходя из этих соображений, несколько членов ЦК и Совнаркома (Бухарин и др.) заявили в свое время о выходе из этих учреждений». (Голоса: «Вы о себе расскажите. Письмо Ленина о вас прочитайте. Тов. Зиновьев, плох ваш конек, на таком коньке не выедете». Шум.)

Товарищи, и все-таки как была рассосана эта оппозиция? Я принимал деятельное участие в борьбе с этой оппозицией. Центральный Комитет послал Я. М. Свердлова и меня в Москву для выступления против этих ошибок. (Шум. Голос: «А кто ездил в Питер в 1926 году? И мы пахали».) Были ли тогда приняты по этому поводу какие-нибудь специальные тезисы против «уклона»? Не было этого. (Голос: «Вы о «Красном Путиловце» расскажите». Шум.) Вы мне скажите: был ли тогда исключен хотя бы один товарищ из партии в связи со столь

резкой оппозицией «левых коммунистов»? Не было этого. Это не маленький вопрос. Мы знаем, что сейчас (голос: «Они не делали, как вы»; шум) целый ряд товарищей исключен из партии, чего не было тогда. (Шум. Голос: «Они прямо сказали, а вы что делали? Вы фракцию создавали».) Это не шутка. Товарищи, ведь вы имеете возможность постановить, что вы мне не даете слова, и этим будет кончено. (Голоса: «Вы целый час имеете. Вы скажите, как вы создавали фракцию».)

Давал ли тогда Владимир Ильич лозунг «добивать оппозицию»? Нет, не давал. Здесь в зале достаточно много старых товарищей, и они могут подтвердить, что лозунга «добивай оппозицию» не давали, хотя борьба была достаточно острая, как вы видите из тех цитат, которые я привел.

Дальше я напомню о серьезных разногласиях в 1919 г. по вопросу, скажем, об организации Красной армии. Многие из вас, вероятно, помнят, какая была горячая схватка по этому вопросу на VIII съезде партии. Однако после нее ни особых оргвыводов, ни особых тезисов о каком-либо уклоне не последовало.

В 1920 г. перед IX съездом нашей партии разногласия тоже были очень важные по вопросу об организации хозяйства, когда Владимир Ильич на фракции ВЦСПС получил два голоса, а большинство голосовало против него. Выдвигались ли по этому поводу тогда тезисы о «социал-демократических уклонах» и давался ли лозунг «добивай оппозицию»? Нет, этого не было.

Наконец, товарищи, еще один пример: ноябрь, осень 1920 г. Осенью 1920 г., в Москве в особенности, была острая борьба в партийной организации. Во главе одной группы стояли демократические централисты с т. Бубновым во главе. Тов. Ленин играл роль посредника. Общегородская конференция разделилась на две части и заседала в разных помещениях. (Голос с места: «Это старое, а вот вы расскажите нам, как вы организовывали фракцию».)

Тов. Ленин говорил тогда: «...В связи с кризисом в партии, в оппозиции, существующей не только в Москве, но и во всей России, проявляется очень много совершенно здорового, необходимого и неизбежного в моменты естественного роста партии и перехода от такого положения, когда все внимание было обращено на задачи политические и военные, к положению строительства и организации, когда мы должны охватить десятки бюрократических учреждений, и когда культурный уровень большинства пролетариата и крестьян не соответствует задаче».

И он говорил дальше: «...Мы много потеряли времени на перепалки, перебранки и на склоки и должны сказать себе: «до-

вольно» и постараться на тех или иных условиях сделать работу здоровой. Сделать такие и такие-то уступки, лучше бо́льшие, чем меньшие, тем, кто недоволен, кто называет себя оппозицией, но добиться того, чтобы работа была дружной, ибо без этого существовать в таких условиях, когда мы окружены внутренними и внешними врагами, невозможно». (Том XVIII, ч. 2, стр. 200—201).

Так вот, товарищи, как можно рассасывать оппозиции. Я констатирую, что лозунг «добивай оппозицию» дан в первый раз. И если о «скелетах» в Саратове 20 октября писали так, как я цитировал, то легко себе представить, товарищи, как будут писать после того, как дан лозунг «добивай оппозицию». (Голос с места: «Вы рассоситесь сами, это лучше будет».)

Несколько слов о мнимых разногласиях.

Я понимаю, конечно, что в ходе борьбы были неизбежно большие преувеличения. Конечно, мы, большевистская партия, партия «костоломная»,—это уже давно сказано,—партия «твердокаменная». Само собою разумеется, что борьбу мы ведем не в перчатках, и не приходится жаловаться по поводу каждого резкого слова. Мы прекрасно знали и знаем это. Но, товарищи, я должен все-таки напомнить здесь, что было сказано в повседневной агитации, что было сказано народу, стране про нас. (Шум. Крики: «А что вы говорили, а что вы сделали?»)

Вот два номера газеты «Плуг и Молот», издаваемой Ленинградским комитетом в Кингиссепе специально для широких крестьянских масс. В номере от 21 августа с. г. на первой странице аншлагом во всю полосу напечатано: «Оппозиция предлагает обобрать крестьянина, как липку».

Автор этого широковещательного анонса начинает свою статью с того, что «вопрос о крестьянстве является вопросом очень сложным, а особенно для некоторых пролетарских вождей с наличием склонностей к уклонизму—он для них так же сложен, как загадка из крестьянской жизни для буржуя, имеющего понятие о деревне только понаслышке».

И ниже он приходит к такому выводу:

«Понятно, ежели власть находится в руках рабочих, то партии и советской власти очень легко за один год очистить крестьян под липку и все эти средства закинуть в промышленность, и, конечно, промышленность сразу поднимется высоко». (Голоса с мест: «Правильно. А что «Ленинградская Правда» писала во время XIV съезда?»)

В другом номере той же газеты (от 28 августа с. г.) наша

оценка последней кампании по перевыборам в советы, как отказ от вовлечения беспартийных крестьян в советы и формулируется той же газетой так: «Караул. Спасайтесь. Мужик давит. Гоните скорей его в шею из советов».

Здесь некоторые кричат: правильно. А когда я цитировал это в Политбюро, все товарищи сказали, что это неправильно, и даже обещали принять меры к тому, чтобы этого не повторялось. (Шум.)

Я думаю, товарищи, что неправильно было также, когда в обращении ЦК и ЦКК о режиме экономии, по существу говоря, правильном, писалось: «Есть два пути добыть эти сотни миллионов. Один путь—обобрать максимально крестьян, выжать у них максимум средств и передать выжатое на нужды индустрии. На этот путь толкают нас некоторые товарищи». («Правда», 16 августа с. г.)

Это неправильно и особенно неправильно (голоса с мест: «Правильно!») в крестьянской стране. (Возглас с места: «Вы лучше скажите, с Преображенским вы или нет».) Преображенский этого никогда не предлагал. (Возглас с места: «А вы с ним или нет?») Я надеюсь, что т. Преображенский будет иметь слово для того, чтобы объясниться. (Возглас с места: «Вот вертится».)

Или вот, товарищи, например, ЦО Закавказской нашей организации, издаваемый в Тифлисе, «Заря Востока», пишет в передовице от 8 октября: «Не хотим дискуссии». «Чего хочет оппозиция?.. Она хочет преобразовать диктатуру пролетариата в демократическую республику (голоса с мест: «Правильно, правильно!») с демократически созываемым съездом». Товарищи, вы очень хорошо знаете, что это неправильно, и только в пылу полемики можно приписывать это нам. (Голос с места: «А тайное голосование?») К чему же тогда ограничиваться «демократической республикой?» Уж если для того, чтобы было «покрепче», так сказали бы прямо, что мы за монархию стоим. (Смех. Шум.) Вы сами знаете, товарищи, прекрасно, что это обвинение насчет «демократической республики», это—неслыханное обвинение.

И что же после этого удивляться, если действительные разногласия наши подхватываются элементами третьей силы? Мы же не можем от себя скрывать того, что в нашей стране есть элементы мелкой буржуазии, которые, может быть, действительно мечтают о демократической республике. Если им говорят, что часть нашей партии, часть членов ЦК, люди, которые не со вчерашнего дня участвуют в работе партии, что они вдруг стоят за демократическую республику, так действительно могут начать

подымать голову элементы, которые представляют собою элементы третьей силы.

Мы прекрасно знаем и понимаем, что в борьбе неизбежны преувеличения, но вместе с тем мы говорим, что в борьбе против нас эти преувеличения до самого последнего времени принимали размеры поистине гомерические, которые никогда раньше не были возможны в нашей партии. Говорить крестьянину в крестьянской стране, что мы крестьянина хотим «обобрать, как липку», и говорить, как дальше сказано, что, «конечно, рабочая власть может обобрать крестьянина, если бы хотела»,—это, товарищи, значит говорить такие вещи, которые еще скажутся очень отрицательно не только на спине и боках наших, но и нашего государства и всей нашей партии.

В чем наши подлинные разногласия.

Товарищи, нам было много «пришито» разногласий несуществующих и мнимых, но, конечно, есть и серьезные разногласия между нами, которые, однако, укладываются целиком в пределах одной партии. (Голоса с мест: «Расскажи, расскажи».) О них-то я и хочу рассказать. (Голос с места: «Расскажи, пожалуйста» Другой возглас: «Расскажи лучше о разногласиях с Троцким без дипломатии».) Какая тут дипломатия? Никакой тут дипломатии нет.

Вы беретесь обвинить нас в «социал-демократическом уклоне». Этому очень слабо поверят наши рабочие, не поверят сами социал-демократы во всем мире. Они поверят чему угодно про нас, в частности про меня, но не поверят тому, что мы—социал-демократы или имеем социал-демократический уклон.

В чем разногласия? Я думаю, товарищи, что общая посылка разногласий лучше всего иллюстрируется следующими словами Ильича. Он писал так:

«...Да, тем, что мы свергли помещиков и буржуазию, мы расчистили дорогу, но не построили здания социализма. Ибо на расчищенной от одного буржуазного поколения почве постоянно в истории являются новые поколения, лишь бы почва рожала, а рожает она буржуев сколько угодно». (Том XV, стр. 239.) (Возглас с места: «Когда было написано?») Это написано было в 1919 г. Я думаю, товарищи, это имеет ближайшее отношение к тем настроениям, которые отразились в наших спорах в связи с нэпом.

Что только через нэп можно итти к социализму в нашей

стране,—это абсолютно для нас бесспорно. Об этом не может быть двух мнений. Конечно, когда нам приписывают, что мы хотим покончить с нэпом, чтобы вернуться на рельсы военного коммунизма, то это было облыжное обвинение. (Голос с места: «А пересмотр нэпа?») Только через нэп можем мы вести нашу страну к социализму, это бесспорно. Но вместе с тем мы думали и думаем, что если сказать, что мы пойдем плавно через нэп к социализму,—это будет неверно. Через нэп к социализму, это—верно, безусловно верно; а вот сказать «плавно» через нэп к социализму, т.-е. почти без классовой борьбы, это будет неверно. Я знаю, товарищи, что партия в целом этого никогда не говорила, но вы не можете отрицать того, что у нас непосредственно перед XIV съездом (в этом и была основа наших расхождений в ядре ленинцев) возникло довольно сильное течение в партии, которое исходило из других настроений, из других формулировок, которое исходило из настроений «врастания кулака в социализм». Вы знаете, что это было. Так, т. Бухарин в апреле 1925 г. писал: «Наша политика по отношению к деревне должна развиваться в таком направлении, чтобы раздвигались, а отчасти и уничтожались многие ограничения, тормозящие рост зажиточного и кулацкого хозяйства». («Новые задачи в области нашей крестьянской политики», «Правда», № 92). (Голос с места: «Это прорабатывалось несколько раз».) Вы знаете, товарищи, что такое течение в нашей партии было и что оно особенно резко сложилось накануне XIV съезда. (Голос с места: «Фракций не было?») Вот почему эти разногласия свалились, как снег на голову, на самом съезде. Почему создалась такая тяжкая обстановка? Потому, что мы считали, и действительно это было так, что партия перед XIV съездом в достаточной мере не обсудила разногласий, не выслушала обеих сторон—по причинам, которые я не буду разбирать. Конечно, доля вины лежит и на нас, но факт, что это было так.

Вот, действительно, основное разногласие. Я пройдусь по некоторым, самым существенным, разногласиям, только прошу мне не мешать. (Голос с места: «Немножко о дисциплине поговорите».) Я, товарищи, сделал заявление относительно дисциплины три раза; другие товарищи—тоже; если хотите, я могу повторить четвертый раз. Я могу сказать, что дело не в количестве повторений. Я знаю прекрасно (голос с места: «А исполнение?»), что вы будете требовать, чтобы время показало, как мы исполняем. Мы это условие принимаем. Время покажет, действительно ли мы выполняем это заявление. (Голос с места: «Не верим вам».) Что же другого я могу сказать в данный момент? Время

проверит, действительно ли мы делаем то, что мы заявили. (Голос с места: «Ваше заявление на деле покажет».)

Товарищи, нам предъявили обвинение, будто мы считаем, что «никакой» стабилизации капитализма нет. Это неверное обвинение. (Голос с места: «А в июльской речи?»)

Действительный мой взгляд на стабилизацию капитализма таков:

«Стабилизация» капитала означала бы прежде всего: а) низкие цены на мировом рынке,—что отразилось бы очень сильно на хозяйственном подъеме СССР; б) приближение новых войн против нас. Если до появления на свет первого рабочего государства (СССР) рост экспансии империалистского капитала приводил к войне между двумя группами империалистских держав, то теперь рост этой экспансии мог бы привести к крупному блоку империалистов против СССР.

Частичная стабилизация есть факт, но эта стабилизация шатка и недолговременна. Всеобщая забастовка в Англии подчеркнула это особенно ясно. Всеобщая забастовка в Англии вполне могла сыграть роль искры, зажигающей пожар, если бы не контр-революционная роль Перселей и Томасов, работающих на стабилизацию капитализма. Важнейшее значение имеет субъективный фактор, т.-е. степень организованности пролетариата и боеспособности компартии. Говорить о стабилизации на десятилетия значит пересматривать взгляд Ленина на нашу эпоху как эпоху мировой революции. Вы обвиняете нас в том, что мы считаем, что никакой стабилизации нет. Это неверно, товарищи. Вот наш действительный взгляд на стабилизацию.

Вы говорите, товарищи, что мы не верим в строительство социализма в СССР. Я буду об этом говорить с вашего разрешения несколько ниже. Я напомню, что в Кутаисе на одном собрании была вынесена следующая резолюция. До сих пор нас обвиняли в неверии в возможность строительства социализма, а там пошли дальше и вынесли резолюцию, в которой мы обвиняемся в следующем: «вера в невозможность социалистического строительства» («Заря Востока», от 8 октября 1926 г.). (Смех.) Маленькая «поправка». Неужели вы не скажете вместе со мною, что это уж слишком «переляпано». Одни говорят: «Вы не верите в строительство социализма», а другие «углубляют»: «Вы верите в невозможность социалистического строительства». (Стуруа: «К грамматике не придирайтесь».) Хорошо. Я не буду «придираться» к грамматике. По-моему, ясно, что тут не «грамматика». Хотят, видите ли, представить дело так, будто смысл нашего существования, символ нашей веры, то, чем мы

живем и работаем, это—«вера в невозможность социализма»! Вы видите, какое «переляпание». Теория международной пролетарской революции, заложенная Марксом и Энгельсом и развитая Лениным, остается нашим знаменем. Окончательная победа социализма в одной стране невозможна. Теория окончательной победы в одной стране неправильна. Социализм в СССР мы строим и построим с помощью мирового пролетариата в союзе с основной массой нашего крестьянства. Окончательную победу мы одержим, ибо революция в других странах неизбежна.

Вопрос о крестьянстве. Мы утверждаем, что следующая формула Ленина целиком приемлема, и на ней мы должны были бы сойтись, как один человек. Ленин говорил: «Уметь достигать соглашения со средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту». (Т. XV, стр. 564.) Вот формула, взвешенная на аптекарских весах. Ни одного слова лишнего. Вот на этой формуле, давайте, сойдемся. Мы целиком на ней стоим. Но, конечно, она не вяжется с теми течениями, которые были в нашей партии и которые еще имеются в нашей партии вроде «врастания кулака в социализм».

Вы знаете, что Ленин говорил, что мы должны ограничивать эксплоататорские стремления кулака. А мы слышали другую формулу перед XIV съездом, которая говорила, что мы должны раздвигать, а отчасти и уничтожать многие ограничения, тормозящие рост зажиточного крестьянства и кулацкого хозяйства. Вот, товарищи, если возьмем формулу Ленина: «уметь достигать соглашения со средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту», то на этом мы целиком сойдемся.

Организация бедноты и помощь бедноте во все растущих размерах есть самое насущное дело. Это теперь должно стать одним из главных критериев успешной работы наших местных организаций. Я не сомневаюсь, что на местах к этому все больше и больше переходят. И я не сомневаюсь, что постольку наши разногласия будут смягчаться. Охлаждение отношений с бедняком могло бы стать величайшей опасностью для революции. Бедняк—главная опора пролетариата в деревне. Усиленное внимание организации батрака. Усиленное внимание постепенной коллективизации сельского хозяйства. Каждый трактор должен стать орудием коллективизации. Борьба против кулака не есть борьба против крестьянства. Середняк остается главным союзником рабо-

чего класса. Союз заключает, с одной стороны, рабочий класс и беднейшее крестьянство, с другой стороны—середняка, при чем руководящая роль должна принадлежать рабочему классу. Союз рабочего класса с крестьянством должен быть незыблем.

Мы приветствуем целый ряд постановлений ЦК за последний период, целиком поддерживаем такие постановления, как постановление о заработной плате, как исправление теневых сторон режима экономии, как отмену избирательной инструкции, как постановление о сокращении расходов на аппараты на 15%.

Вот здесь многие говорили о миллиардах (голос: «Два миллиарда»); теперь уже два миллиарда, скоро станет четыре. В циркуляре, подписанном тт. Сталиным, Куйбышевым и Рыковым, говорится, что у партии «нет оснований сомневаться в том, что можно было бы сократить эти расходы миллионов на 300—400 и тем раздобыть добавочные средства для индустрии». Вот 400 миллионов мы соберем. (Голоса: «Не вы берете, ЦК берет». «Чужими руками жар загребаете».) Мы думаем, что поскольку все мы говорим о том, что накопление в городе и в деревне все же растет, то мы не видим оснований сомневаться в том, что не только на аппарате и режиме экономии нашего аппарата мы можем съэкономить 400 миллионов, мы думаем, что из больших серьезных накоплений последнего времени у верхушки города и деревни мы можем также при совместном и дружном желании получить порядочные суммы. (Смех.) Если из миллиарда получится, допустим, пока только 700 миллионов, это—не такой большой просчет, тут еще большой беды нет. (Смех, шум; голоса: «Это очередной ваш просчет».) Возьмем пока что 700 миллионов, а 300 миллионов отнесем на первый квартал следующего года (смех) и принесем их на алтарь нашего единства. Из 700 миллионов увеличим помощь промышленности и увеличим зарплату. Так вот, товарищи, мы приветствуем это решение Центрального Комитета о 300—400 миллионах, целиком его приветствуем и поддерживаем. (Голос: «Это называется—чужими руками жар загребать».) Поддержим целиком всякое постановление о том, чтобы частника прижать, приветствуем то, что в деле организации бедноты мы видим на местах проявление большей инициативы, чем это было до сих пор (шум), хотя резолюция об организации бедноты была принята год тому назад (смех; голоса: «А решения съезда приветствовали?»), решения съезда мы будем проводить, мы это сказали, будем проводить целиком. (Голос: «Отчего же не проводили?») Мы приветствуем постановление ЦК о работе кооперации, отклонившее неправильную установку на

«экономически мощного середняка», об оживлении работы производственных совещаний; мы приветствуем директивы ЦК о некотором пересмотре бюджета в сторону увеличения средств на индустриализацию, а также внесение существенной поправки в наши уставы профсоюзов о вхождении последних в Профинтерн.

Благодаря этому часть разногласий обнаруживает тенденцию уменьшаться. Мы сказали, что ненормальность положения заключается именно в том, что основные разногласия, надвинувшиеся вплотную к XIV съезду, не были партией перед самым съездом как следует обсуждены. И вы не можете отрицать, что это именно так.

Я напомню вам одно место в резолюции XIII съезда партии, принятой единогласно. Там говорится (по смыслу): ненормальности партийной жизни иногда приводят и дисциплинированных партийцев на путь фракционности. Я не буду говорить о себе. Допустим, что я — самый недисциплинированный член партии. (Голос: «Так и есть».) Но вы не можете отрицать, что в рядах оппозиции есть немалое количество старых и дисциплинированных товарищей (голоса: «Например?»),—например, Лашевич,—которых вы сами считали долгое время дисциплинированными членами партии. (Шум.) И вы знаете, что если они перешли на путь фракционности, то это было выражением каких-то ненормальностей у нас в партии. (Голос: «Каких ненормальностей?» Ворошилов: «Это было вызвано сумасбродством вождей». Голос: «А Лашевич?». Голос: «Вы сбили Лашевича».) Я думаю, что одна из причин заключается в том, что перед партией, перед XIV съездом мы не вынесли на обсуждение, как то следовало бы, все коренные вопросы, которые перед нами стояли. Мы пытались их решить без широкого обсуждения. (Голос: «Что, попали в дискуссию?») Я принимаю долю ответственности за это на себя, но что это привело к ненормальному положению,—это есть факт. Это привело к тому, что нам «прицепили» теперь ряд разногласий, абсолютно высосанных из пальца, вроде «демократической республики». В крестьянской стране говорить, что мы хотим крестьянина «ограбить», приписывать нам «веру в невозможность строительства социализма»,—вот что нестерпимо.

Теперь мы, кажется, подходим к тому моменту, когда действительные серьезные разногласия, которые у нас имеются и которые целиком укладываются в рамки единой партии, будут введены в должные границы. И при этом каждый из нас готов нести ответственность за общую линию партии и за общие ре-

шения ее и будет эти решения выполнять. Только сейчас мы подходим к тому, чтобы эти действительные разногласия партия смогла видеть в действительном свете.

О построении социализма в одной стране.

Тов. Сталин говорил вчера на три четверти о теории построения социализма в одной стране. И действительно, этот вопрос— узловой, центральный вопрос, пока еще наименее освещенный нашей партией. Этим объясняется, что отдельные товарищи меняют формулировки, уточняют их, вновь меняют и т. д. Вопрос очень сложный и трудный.

Меня очень удивило то, что сказал т. Сталин относительно Энгельса. Я с этим не могу согласиться. Я не думаю, чтобы был прав т. Сталин, когда считал устаревшим положение Энгельса (и Маркса, что то же самое—потому что вы знаете, они работали всегда вместе) из первоначального текста «Коммунистического манифеста», легшего в основу окончательного текста его. Я не думаю, чтобы мы могли сказать, что эти взгляды устарели. Ленин никогда этого не говорил. Вы этого в сочинениях Ильича не найдете. Ильич в 1906 г. писал: «То, на что мы претендовали,— отстаивание позиции революционной социал-демократии (теперь мы бы сказали: коммунизма) против оппортунизма, отнюдь не о создании какого-то «оригинального» большевистского направления».

Ленин считал, что задача большевизма заключается в том, чтобы взгляды Маркса и Энгельса интерпретировать в новой исторической стадии, в новой конкретной обстановке. Если бы Ленин считал нужным поправить Энгельса, он бы сказал это ясно, точно, открыто. Он этого не сказал и не мог этого сказать. То, что цитируется сейчас, Энгельсом было написано в 1847 г. Энгельс прожил сам после этого около 50 лет, он этого не поправил. Ленин работал на политической арене добрых три десятка лет; он излагал Маркса и Энгельса все время; после взятия нами власти Ленин в целом ряде сочинений каждый раз излагал, применял взгляды Энгельса в нашей новой советской обстановке. Он ни разу не сказал, что это положение Энгельса неправильно. Да и Сталин это сказал нам только вчера. А между тем вопрос этот крайне важный и существенный. (Голос: «А книга «Ленинизм?»)

Владимир Ильич писал на эту тему в 1918 г. следующее:

«Великие основоположники социализма, Маркс и Энгельс, наблюдая в течение ряда десятилетий развитие рабочего движения

и рост мировой социалистической революции, видели ясно, что переход от капитализма к социализму потребует долгих мук родов, долгого периода ломки всего старого, беспощадного уничтожения всех форм капитализма, что для этого необходимо сотрудничество рабочих всех стран, которые должны слить все свои усилия, чтобы обеспечить победу до конца. И они говорили: «Француз начнет, а немец доделает»...

«Мы видим теперь иное сочетание сил международного социализма. Мы говорим, что легче всего начинается движение в тех странах, которые не принадлежат к числу эксплоатирующих стран, имеющих возможность легче грабить и могущих подкупить верхушки своих рабочих..., и мы теперь ясно видим, как пойдет дальше развитие революции; русский начал—немец, француз, англичанин доделает, и социализм победит». (Том XV, стр. 87—88.)

Вот та «поправка», которую Ленин вносил ко взглядам Маркса и Энгельса. (Голос: «Совершенно правильно».) Конечно, правильно. Однако здесь нет никакого пересмотра вопроса относительно победы социализма в одной стране. Ленин пишет: «Маркс и Энгельс говорили: «Француз начнет, а немец доделает». А вышло иначе: русский начал, а немец, француз и англичанин доделают. Это «исправление», внесенное нашей революцией, Ленин зарегистрировал и на него указал. (Голос: «И Сталин этого не отрицает».) Но чтобы Ленин сказал, что неправилен был взгляд Энгельса насчет невозможности победы социализма в одной стране,—Ленин этого не говорил. (Голос: «О начале революции в одной стране».) По этому вопросу высказывался не только Энгельс, но и Маркс.

Я хотел бы привести то, что говорил Маркс по этому поводу, но я приведу сначала соответствующее место из «Коммунистического манифеста». То, что цитировал т. Сталин, это есть первоначальный текст «Коммунистического манифеста»; это вошло потом в окончательный текст «Коммунистического манифеста», который ни капельки не устарел. Ленин боролся всегда против указаний на то, будто «Коммунистический манифест» «устарел».

Вот что там сказано по интересующему нас вопросу:

«Прежняя местная и национальная замкнутость и самодовление уступают место всестороннему обмену и всесторонней взаимной зависимости народов... Национальная односторонность и ограниченность становятся теперь все более и более невозможными... Низкие цены товаров являются в ее руках (в руках буржуазии) тяжелой артиллерией».

То-есть не только интервенция, но и низкие цены товаров

(Голос с места: «А вы хотите повысить цены»), законы мирового рынка являются в руках буржуазии тяжелой артиллерией.

И несколько ниже: «Соединение усилий по крайней мере цивилизованных стран есть одно из первых условий освобождения пролетариата». (К. Маркс и Ф. Энгельс, «Коммунистический манифест», Институт К. Маркса, стр. 61.)

Маркс остановился на этом вопросе еще в статье «Новый 1849 год». Статья эта была навеяна главным образом событиями 48-го года во Франции и датирована: «Кельн, 31 декабря» (1848 г.); стало быть, она написана через некоторое время после выхода в свет «Коммунистического манифеста». Маркс писал так:

«Революционное восстание французского рабочего класса и мировая война—таковы перспективы 1849 года... Падение буржуазии во Франции, победа французского рабочего класса и освобождение рабочего класса вообще составляют поэтому лозунг европейского освобождения... Освобождение Европы... обусловлено победоносным восстанием французского рабочего класса».

Маркс ожидал восстания французских рабочих в 1849 году, назавтра после поражения 1848 года. Что это значит? Это значит, что Маркс превосходно давал себе отчет в том, что рабочая революция может начаться и в одной стране. Маркс, Энгельс и Ленин стояли в этом отношении на одной точке зрения. Неверно истолковывать, будто раньше марксисты (и Энгельс в том числе) думали, что начинать революцию можно только вместе всем странам. Что начать может и одна страна—это знали Маркс, Энгельс и, конечно, Ильич. Больше того, из этой цитаты видно, что Маркс превосходно отдавал себе отчет в том, что начать может не обязательно самая промышленная страна, ибо Франция была в те годы не промышленной, а отсталой по своей экономике страной, очень похожей тогда на нашу. (Голос с места: «А вы говорите, что начать нельзя».) Маркс, невзирая на поражение рабочих в июньские дни 1848 года, рассчитывал на новое победоносное восстание французского пролетариата. И тут же он ставит вопрос о том, каково было бы международное положение рабочей революции во Франции назавтра после победы. И отвечает так:

«Но та страна, которая превращает целые нации в своих наемных рабочих, которая своими гигантскими руками охватывает весь мир, которая однажды уже взяла на себя расходы европейской реставрации, в собственном лоне которой классовые противоречия развивались в наиболее ясной и бесстыдной форме,—Англия кажется скалой, о которую разбиваются революционные волны, которая хочет уморить голодом новое общество

еще в чреве матери. Англия господствует над мировым рынком. Переворот в экономических отношениях любой страны европейского континента или даже всего европейского континента без Англии—только буря в стакане воды. Промышленные и торговые отношения внутри каждой нации зависят от ее сношений с другими нациями,—они обусловлены ее отношением к мировому рынку. Но Англия господствует над мировым рынком, а буржуазия—над Англией».

А несколько ниже Маркс добавляет, что задача рабочего класса (т.-е. то, что он ожидает от французских рабочих: социалистической революции) «разрешается не во Франции, но во Франции она возвещается. Она нигде неразрешима в пределах национальных границ». Вот, что писал Маркс,—социальная революция во Франции возвещается, но разрешается она в Англии, которая по своему положению держала судьбы капитализма в своих руках. Рабочая революция нигде не разрешима в пределах национальных границ.

Энгельс в 1885 году, когда писал историю первого союза коммунистов, говорил:

«Как открытое общество, так и тайный союз скоро стали принимать все более интернациональный характер, впрочем, пока в ограниченном смысле этого слова; практически они становились интернациональными благодаря различию национальностей его членов, теоретически—благодаря взгляду, что победоносной может быть только общеевропейская революция. Дальше этого еще не шли, но основа была заложена». (К. Маркс и Ф. Энгельс, «Коммунистический манифест», под ред. Д. Рязанова, стр. 13.)

Таким образом уже первый Союз Коммунистов до выхода «Коммунистического манифеста» знал, что победоносной может быть только общеевропейская революция. Когда Энгельс говорит, может ли победоносная революция произойти в какой-нибудь одной стране, и дает ответ—«нет», то он говорит не о том, может ли она начаться, не об этом он говорит, потому что достаточно прочитать двумя главами выше в «Принципах коммунизма», чтобы увидеть, что Энгельс под «такой революцией» имеет в виду не только захват власти рабочим классом, а имеет в виду целый ряд экономических мер, которые в сумме своей приводят к действительному социалистическому строю. Таких мер он перечислил 12; десять из них в несколько измененном виде вошли в окончательный текст «Коммунистического манифеста». Эти меры в сумме своей дают социалистическое переустройство общества. Там есть такие пункты, как «разрушение всех нездоровых и

плохо построенных жилищ и кварталов в городах», т.-е. дело идет не о захвате власти, а о действительном строительстве социализма. Там есть пункт об «организации труда или доставлении занятий пролетариату в национальных имениях, фабриках и мастерских», там есть «одинаковый принудительный труд для всех членов общества до полной отмены частной собственности», «увеличение числа национальных фабрик, мастерских и железных дорог» и т. д. Эти двенадцать пунктов в своей сумме дают действительный социалистический переворот. И вот Энгельс ставит вопрос, возможна ли такая революция в одной стране, и отвечает — «н е т».

Я думаю, производить такой пересмотр Энгельса нам нельзя,— это было бы неосмотрительно и чревато чрезвычайно крупными ошибками. Никогда до сих пор никто не говорил партии, что Энгельс устарел. (И в а н о в: «А вы, оказывается, правы были в октябрьские дни».) Свою ошибку я признал. (Г о л о с: «И вы за них ответите».) Энгельс не отвечает за мои ошибки. Я говорю о том, что объявлять устарелым этот взгляд Энгельса было бы крайне неосторожно и не соответствовало бы тому, что говорил Ленин, что говорил Маркс. Мы должны остаться на старой точке зрения. Неверно, что неравномерность капиталистического развития до начала империалистской эпохи была меньше. Напротив, тот факт, что мы имеем теперь капитализм м о н о п о л и с т и ч е с к и й, централизованную олигархию финансового капитала, в этом отношении только облегчает именно международные действия, более или менее одновременные.

Я думаю, товарищи, во всяком случае следовало бы подождать «канонизировать» тот взгляд, будто мнение Энгельса устарело, следовало бы подождать делать официальным этот вывод. Давайте сначала подумаем, посмотрим об этом в толстых сборниках, как советовал Ленин, или в дискуссионных статьях, но не будем торопиться объявлять эту точку зрения точкой зрения нашей партии. Неверно, что взгляд Энгельса на этот вопрос был достоянием социал-демократов до сих пор. Это слишком большой комплимент для социал-демократов; они отнюдь не стоят на точке зрения Энгельса и Маркса в этом вопросе, а ее извращали и извращают. Вот почему я не могу с этим согласиться.

Ленин о социализме в одной стране.

Что говорил Ленин относительно социализма в одной стране? Товарищи Троцкий и Каменев приводили по этому поводу целый ряд точных цитат. Я мог бы привести их больше, но у меня очень

мало времени. Я только хочу напомнить, что при первой дискуссии о программе нашей партии на VII съезде нашей партии, когда впервые мы обсуждали программу нашей партии, произошел следующий маленький эпизод. Вы найдете это в протоколах VII съезда, на стр. 185. Тов. Милютин произнес следующую небольшую речь: «Я предлагаю вставить слова: «международной социальной революции»; там, где говорится—«начавшейся эрой социальной революции», необходимо вставить слово—«международной». Я думаю, что это мотивировать незачем, но представляется чрезвычайно необходимым добавить, что при развитии этого пункта особое внимание надо обратить на то, что социальная революция наша может победить только как международная революция. Не может она победить только в России, оставивши в окружающих странах буржуазный строй. Это должно быть подчеркнуто, что социальная революция может быть укреплена только как международная революция. Я предлагаю во избежание недоразумений вставить это. **Председатель**. Тов. Ленин принимает эту поправку».

Вот, товарищи, что было при первом обсуждении программы на VII съезде. Тогда это считалось чем-то само собою разумеющимся. И до 1924 г., по изложению вопроса у т. Сталина в его книжке, это также считалось само собою разумеющимся. Вот почему меня очень беспокоит попытка пересмотреть в данное время этот вопрос.

Нам приписывают мысль, будто мы говорили, что техническая отсталость нашей страны есть непреодолимое препятствие к строительству социализма в СССР. При этом ссылаются на устную речь в Политбюро, так как в доказательство сего не имеется никакого письменного документа. Нам приписывается слово: «непреодолимое». Что техническая отсталость нашей страны является препятствием к строительству социализма—это, конечно, верно. И каждый скажет, что это так. Но что она является непреодолимым препятствием, это—неверно. Этого мы не говорили.

Ленин говорил по поводу техники следующее:

«Социализм немыслим без крупно-капиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов». (Н. Ленин, Собр. соч., т. XV, «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности», стр. 267.)

«...Но от марксиста, учившегося тому, что социализм невозможен без использования завоеваний техники и культуры, достигнутых крупнейшим капитализмом, слышать такие речи несколько странно. От марксизма тут не осталось ничего». (Н. Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 267—277.)

«...Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна, это—крупная промышленность. Без капиталистической крупной фабрики, без высоко поставленной крупной промышленности не может быть и речи о социализме вообще и тем менее может быть речь о нем по отношению к стране крестьянской, а мы в России знаем это гораздо более конкретно, чем прежде, и вместо неопределенной или отвлеченной формы восстановления крупной промышленности мы теперь говорим об определенном, точно рассчитанном, конкретном плане электрификации». (Том XVIII, ч. I, стр. 260. Доклад о продналоге на всеросс. конференции РКП, 26 мая 1921 г.)

Такую постановку вопроса мы разделяем целиком и сейчас. Ленин прекрасно сознавал необходимость преодолеть нашу техническую отсталость, но он никогда не считал ее непреодолимой. На этой точке зрения мы всегда стояли и продолжаем стоять. (Голос: «А кто это отрицает?»)

Я в данном случае, товарищи, только оправдываюсь, а не обвиняю. Нас обвиняли в том, будто мы сказали, что мы считаем непреодолимым препятствием нашу техническую отсталость. Я утверждаю, что этого мы не говорили, что слово «непреодолимый» нам «пришивается» так же, как и «социал-демократический уклон». Я утверждаю, что техническая отсталость действительно затрудняет наше строительство. Это, конечно, мы всегда говорили, это есть та азбука, которой учил нас всегда Ленин. (Голос: «А как насчет статьи о кооперации?») Статья о кооперации абсолютно и целиком верна, но я очень сожалею, товарищи, что абсолютно все, кто ее цитировал до сих пор, как это делал вчера и т. Сталин, останавливались как раз перед фразой Ленина о международных задачах. «Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе». (Том XVIII, ч. 2, стр. 144—145.) При чем он это говорил не только с точки зрения долга международного пролетарского революционера «вообще», но и с точки зрения того, как закрепить нашу победу в СССР в международном масштабе.

Я также считаю, что крайне неудачно т. Бухарин говорит

о том, что «если мы отвлечемся от международных дел»... то тогда... и т. д.

Отвлечься от этого нельзя.

Конечно, если «отвлечься» от законов физиологии, то можно сказать, что мы с Бухариным проживем еще по двести лет, да еще будем при этом молодеть с каждым днем и умнеть. (Шум. Голос: «Вы не умнеете».)

Это в том случае, если «отвлечемся» от законов физиологии. Но отвлечься-то от них нельзя. И поэтому, когда Бухарин меня обвиняет, что я смешиваю в одну кучу и «международное и внутреннее»,—он не прав. В одну «кучу» вообще ничего не следует смешивать. Но что эти два фактора связаны, это—бесспорно.

Вот, товарищи, опубликованная только недавно статья Владимира Ильича «Ответ на вопросы английского корреспондента Ренсома».

Председательствующий. Одна минута осталась.

Зиновьев. Я кончаю эту тему. Ленин на вопрос о ценах в одном месте отвечает так: «Цены будут устанавливаться... ценой производства за границей плюс нашу государственную надбавку, идущую на субсидию производства» («Правда» от 21 января 1926 г.). Вот что сказал Ленин. И можно ли говорить о том, что только вооруженная интервенция нам угрожает? Нет и нет. Законы мирового рынка тоже имеют над нами известную силу. Это сказано в резолюции XIV конференции, которая есть компромиссная резолюция, если принять во внимание, как она вырабатывалась.

Вот, товарищи, почему неверно сказать, что только со стороны вооруженной интервенции нам угрожает опасность. (Звонок председателя, шум.) Я сейчас кончаю эту тему. Поэтому, товарищи, когда говорят, что нужны же перспективы строительства, когда нас спрашивают (шум, звонок председателя), какие же перспективы вы даете, когда упрекают, будто мы не даем перспектив ни культурникам, ни профессионалистам, ни комсомольцам,—мы говорим: неверно это: перспектива у нас есть, и ее мы даем; перспектива у нас та же, которую давал Ленин. Эта перспектива целиком связана с перспективами мировой революции. (Голос: «Вы лучше скажите, кто прав: партия или вы?»)

Когда нас спрашивают, построим ли мы социализм, мы говорим,—да, построим! Когда нас спрашивают, как мы его построим, мы говорим, что построим его в союзе с рабочими других стран, что построим его в союзе с мировой революцией и, конечно, в союзе с крестьянством нашей собственной страны и с колониальными народами.

Когда нас спрашивают, придет ли эта международная революция своевременно,—мы говорим: да, она придет своевременно. Что значит—удержаться до прихода революции в других странах? Ленин на это отвечал: «Наша задача, поскольку мы одиноки, в том, чтобы революцию удержать, сохранить за ней хоть некоторую крепость социализма, каких бы слабых и умеренных размеров она ни была, пока назревает революция в других странах, пока подходят другие отряды»... (Том XV, стр. 232).

Товарищи, я хотел бы несколько слов сказать о блоке... (Голоса: «Вы довольно сказали. Вы собирались с самого начала сказать и ничего не сказали. Довольно». Шум.) Я хотел сказать несколько слов о блоке и Коминтерне... (Голоса: «Довольно, об этом и надо было говорить, а не о том, о чем вы говорили».) Да неверно же это, что же, вопрос о строительстве социализма в одной стране не важный вопрос? Почему же Сталин говорил об этом три часа и сказал, что на это времени жалеть нельзя? (Шум, протесты.) Я прошу 10—15 минут для того, чтобы сказать о блоке и о вопросах Коминтерна. (Шум, голоса: «Достаточно».) Вы знаете, товарищи, что теперь партия решает, что я не должен работать больше в Коминтерне. (Голос с места: «Уже решила».) Это безусловно неизбежно в данной обстановке, но не дать мне пять минут сказать о вопросах Коминтерна—будет ли справедливо с вашей стороны? (Шум, крики: «Довольно». Звонок председателя.) Поэтому я прошу вас, товарищи, предоставить мне 10—15 минут на эти два вопроса.

Председательствующий. Голосуется. Кто за то, чтобы продлить время т. Зиновьеву на 10 минут? Кто против этого? Большинство. Слово имеет т. Бухарин. (Голоса: «Перерыв».)

Председательствующий. Мною предоставлено уже было слово т. Бухарину.

Бухарин. Товарищи, речи выступавших здесь представителей оппозиционного блока наводят на некоторые размышления. Прежде всего меня лично страшно поразило следующее обстоятельство. Выступают один за другим т. Каменев, т. Троцкий, т. Зиновьев и просто-напросто держат себя так, как будто бы ничего особенного не случилось (голос: «Все спокойно».), как будто бы были некоторые маленькие разногласия. Эти разногласия теперь даже, по Каменеву, уменьшились до последних пределов,—заявление от известного числа ими дано, и больше ничего! Между тем необходимо прежде всего вспомнить, что было, с какой системой взглядов выступали названные товарищи и что проделала эта система взглядов внутри нашей партии, внутри

Коминтерна. Об этом, о главном, об основном, о том, что в конце концов решает дело, они ничего не сказали. Вот я и думаю, что на это необходимо прежде всего обратить внимание.

Заявления оппозиции раньше и теперь.

Всем известно, что нас обвиняли в том, что наша партия стала на путь «термидора». Было это сказано оппозицией или нет? (Голоса: «Было».) Сказано об этом сейчас хоть одно слово? Нет, не сказано! Отказались они здесь от того, что у нас «термидорианская эпоха»? Ничего они об этом не сказали, как будто бы этого не было.

Сказаны ли были слова о Кавеньяках, о том, что мы душим пролетариат? Сказано это было или нет? Сказано! Радеком было сказано, Сапроновым, был сделан намек Преображенским, в широких партийных кругах эта история ходит. Вышли ли здесь с повинной головой представители оппозиции, заклеймили ли они эту фразеологию, которая была возмутительной и преступной с партийной точки зрения? (Аплодисменты.) Об этом ни звука, ни слова!

Сказано ли было т. Троцким, что представители нашей партии суть могильщики революции, или не было сказано? Было сказано! (Голос: «Позор!».) Ничего об этом сейчас не говорят. Это все пустячки,—сказать, что Центральный Комитет—Сталин и другие,—что они являются могильщиками революции,—это все мелочь! А это все—и относительно могильщиков—было повторено на ячейке Авиоприбора. (Голос: «Призвать их к порядку!».)

Сказано ли было, или не сказано, что наша партия сползает с рельс пролетарской революции? Сказано! А здесь они выходят, и как будто бы ничего не случилось!

Сказано ли было, или не сказано на заседании пленума Центрального Комитета, что политика нашей партии расходится с интересами широких трудящихся масс? Сказано т. Каменевым, сказано и записано, а он выходит и ни гу-гу, ничего не говорит, как будто бы ничего не случилось.

Сказано ли было, или нет т. Троцким, что наше государство есть «далеко не пролетарское государство»? Сказано! Только потом была попытка со стороны т. Троцкого исправить это путем подправки, подчистки стенограммы, чтобы обмануть партию. После этого он здесь выходит и не кается в этом, не говорит, что они совершили громаднейшую ошибку,—это пустячки.

Сказано ли было, или нет, что мы переживаем бюрократиче-

ское перерождение наверху, где создалась каста оторвавшихся от масс, а нижние этажи нашего государственного аппарата затопляются крестьянскими элементами, при чем крестьяне потом были переделаны в кулаков? И после этого т. Каменев говорит, что тот, кто смешивает кулака с крестьянами, тот—преступник, и таким образом он говорит сам против себя. Было все это сказано? Было! А после этого люди выходят и ничего об этом не говорят. Сказано ли было, или нет, что наша партия ведет кулацкую линию? Сказано! Здесь опять-таки об этом молчок. В заявлении-декларации на пленуме Центрального Комитета было ли сказано относительно нашего партийного режима? Тов. Троцкий читал с этой трибуны, что партийный аппарат и руководящие круги партии схватили всю партию за горло? Сказано! Но после того как вся партия схватила за горло нашу оппозицию, на это точно так же закрывают глаза, как будто бы абсолютно ничего не было! (Аплодисменты.)

Была или не была распространена оппозицией совершенно исключительно возмутительная листовка под названием «Рабочий вопрос», где была, между прочим, повторена терминология, которая ничем ровно не отличается от меньшевистской, где было сказано, что сейчас наша партия ведет линию полицейского нажима на рабочий класс, где было сказано, что сейчас восстановлены методы довоенного самодержавия на наших фабриках и т. д. и т. д. Вот что они писали. Сейчас они проходят мимо этого, совершенно мимо.

Неоднократно говорилось на заседаниях Политбюро, в связи с обсуждением английского вопроса, что мы идем по линии приближения ко II Интернационалу, что мы ведем политику II Интернационала. Теперь это все ничего, об этом абсолютно ничего не говорят. Это—одна сторона дела. А с другой стороны, мне кажется, был совершенно прав т. Ларин, когда он вчера, выступая, утверждал, что названные товарищи здесь выступают как литераторы, а не как политики. А где ваша политическая линия? Где ваша политическая линия? Вот т. Зиновьев выходит и делает попытку говорить о миллиарде. Вы все видели, насколько это было жалко и убого. Зиновьеву безразлично, ему все равно, что триста миллионов, что семьсот миллионов, что миллиард—разницы никакой нет. Вся партия выросла настолько, что с карандашом в руках постоянно подсчитывает, каждую цифру как можно больше уточняет, а в то же самое время один из ответственных лидеров оппозиции выходит и говорит, что «ну, не миллиард, так 700 миллионов или 300 миллионов». В цифрах разницы для него не существует!

Второй вопрос—вопрос относительно цен. Всякий товарищ отлично понимает, что сейчас главнейшая плоскость трений между рабочим классом и крестьянством, это—вопрос цен. Какие же другие вопросы? Ведь это всякому, даже не особенно грамотному экономически человеку понятно, что главная плоскость трений между рабочим классом и крестьянством, где все экономические вопросы непосредственно переходят, упираются в политику, это—вопрос о ценах. Но что по этому поводу они членораздельно сказали? Мы слышали краем уха, что Каменев несогласен с Пятаковым, что Пятаков несогласен с Каменевым, несогласен с Троцким, что Троцкий несогласен с Зиновьевым и т. д., но все это—слухи, и этим заниматься мы не можем. А мы знаем, что линия на повышение отпускных цен есть линия удара по рабочему классу, так как рабочий класс страдает прежде всего от дороговизны. Мы знаем, что эта линия есть прямая помощь кулаку, ибо при высоких ценах будет покупать кулак, а не бедняк. Куда эта линия сейчас девалась? Что вы по этому поводу сказали? Что партия должна думать по этим кардинальнейшим вопросам? Мелочи, все это пустяки, они, видите ли, защищали классовые поправки. Когда эти основные вопросы ставишь в упор, они молчат. Почему они по хозяйственным вопросам не выступили? Потому, что у них самым слабым местом является экономическая политика, несмотря на то, что они об экономических вопросах всячески шумят. На самом деле в основном вопросе цен они запутались безысходно. Они здесь молчат, потому что исходной линией у них является линия троцкизма, которая навязана или принята, не знаю,—по соглашению или по полусоглашению,—но она является линией всей оппозиции. И партия имеет полное право за это бить и выставить это в качестве кардинального момента во всей экономической платформе оппозиции. Ничего об этом не сказано, абсолютно ничего. Так же обстоит дело с вопросом об изъятии средств из области торговли, так же обстоит дело по всем коренным вопросам нашей экономической политики.

„Теория“ „вырвавшихся“ речей.

Для того чтобы придать какую-нибудь видимость, оправдание всем этим вещам, т. Каменеву было «благоугодно» вчера выставить очень забавную теорию, которую мне впервые пришлось слышать на партконференции. Он сказал: мало ли, что Зиновьев сказал, мало ли, что кто-то в Комакадемии сказал, мало ли, что Преображенский сказал. У нас бывает, что вырывается слово,

вырывается фраза, вырывается даже речь. Можно сказать—замечательный политический лидер оппозиции, у которого настолько эмоциональная натура, что даже целая речь вырывается! (Голос: «Недержание речи!» Смех.) Можно только сказать, что эту аргументацию можно продолжить. Например, у т. Зиновьева вырвалась целая книга. (Аплодисменты, смех.) А потом т. Зиновьев из-за блока с Троцким вырвал из этой вырвавшейся книги определенное количество страниц, направленных против Троцкого. (Смех.) Теория «вырывания» вообще есть какая-то своеобразная теория тактики оппозиции. Это пустяки какие-то; разве можно этим оправдываться? Так можно от всего решительно отгородиться, если даже речь вырвалась, тогда все решительно может вырваться. Так ставить вопрос нельзя. Вовсе нельзя исходить из того, что «Кавеньяк» вырвался, «термидор» вырвался, «могильщики» вырвались, «кулацкий уклон» вырвался. Не слишком ли много вырвалось? (Бурные продолжительные аплодисменты, смех.) А если бы даже все это вырвалось, то даже при том положении вся эта сумма вырвавшихся образует собой определенную политическую линию, и осью этой политической линии является такая оценка нашего положения, что мы экономически и политически перерождаемся.

Причины капитуляции оппозиции.

Вот почему партия была обязана поставить коренной вопрос революции и сказать всем рабочим, организованным в нашу партию, и тем рабочим, которые за нами стоят и с партией нашей идут,—сказать им твердо и уверенно: да или нет? Ошибаемся мы или нет? Стоим ли мы на правильной классовой линии или нет?

Отсюда постановка коренных вопросов революции. Вот откуда! И это вовсе не наша вина, а это вина со стороны тех, которые на партию повели атаку под лозунгом «термидора», обвинили нашу партию в «термидорианском перерождении». Этой политической установке, этой линии и соответствовала определенная фракционная борьба.

Когда вчера т. Троцкий дополнил картину тем, что если бы все это было верно, то тогда де нам нужно было бы прибегнуть к методам построения новой партии и пр., это—совершенно правильное положение. Но позвольте, а разве они не пытались построить в рамках нашей партии новую партию? Разве они не после того, как партия положила их навзничь, разве только не после этого они отказались от этой атаки? Разве они не защищали Оссов-

ского, который выдвигал эту систему двух или нескольких партий? Они его защищали! Разве Каменев и Троцкий не голосовали против исключения Оссовского? Голосовали! Разве они не пожертвовали организационным учением ленинизма против свободы фракций и группировок? Они пожертвовали им по совершенно определенной логике. Что же, разве они не понимали, что они отступают здесь от организационных принципов ленинизма? Отлично понимали! Но это оправдывалось тем, что против «термидорианской партии» они строят настоящую партию, а для того чтобы эту настоящую партию построить, им надо было старую партию разложить. Поэтому и заговорили о свободе фракций и группировок; с этой точки зрения совершенно естественно они должны были нарушить все внутрипартийные нормы. Они сплачивались, направляя свои удары против партии. Когда этот номер не прошел, когда эта тактика, которая целиком вытекала из их политической ориентации, была опрокинута (это неправда, когда Троцкий говорил вчера, что оппозиция размахнулась больше, чем это нужно было для достижения ее цели,—вот поэтому и размахнулись, что вы исходили из этого анализа, о котором я говорил),— после того, когда рабочие вас привели в православную веру, после того, как рабочие вам показали, что они, как стена, стоят вокруг нашей партии, только после этого вы отступили. И даже после этого была сделана попытка: это—зиновьевская поездка в Ленинград, как известно, «к больному папаше», который оказался рабочим на Путиловском заводе! Она была сделана в качестве последней попытки прощупать настроение масс. И когда вы увидели в Ленинграде, что все стоят, как стена, вокруг партии, только тогда вы стали соображать: а может быть они не так переродились, как нам это казалось? Эту поправку на вашу добросовестность можно было бы сделать, но тогда вы должны были бы сюда выйти и сказать, что рабочие вас научили думать. Но вы этого не только не сказали, но, как видно из выступлений представителей оппозиции—и Каменева, и Зиновьева, и в особенности Троцкого, они целиком стоят на прежней позиции. (Голоса: «Правильно».) И в этом есть смысл их речей. Они в настоящее время утверждают, что они, видите ли, потому отступили, что испугались катастрофы. Да полно-те сейчас шутки-то шутить! Какая такая катастрофа,—прямо партийный раскол!? Три человека отошли бы от партии—вот вам и весь раскол! (Смех.) Никакого раскола сейчас быть не может, потому что вся партия совершенно сплочена, и все те рассуждения, которые здесь раздавались относительно катастрофы, гибели, все эти оханья и аханья есть плод расстроенного воображения т. Зиновьева,

потому что они видят, как почва уходит у них из-под ног. Это есть катастрофа, но это есть катастрофа политических лидеров, а не катастрофа нашей партии. (Аплодисменты.)

Кто на кого „опирается" в оппозиционном блоке.

Теперь, товарищи, посмотрим, с какой позицией и с какими мыслями выступают сейчас товарищи из оппозиции? Должен вам сказать, что они за последнее время, в особенности т. Троцкий, известный своей самоуверенностью, защищают ту замечательную мысль, что у них-то в карманах и есть главный идейный багаж, тогда как Центральный Комитет в этом отношении—нищий духом, по евангельскому тексту. (Смех.) Так вот, что это за идейный багаж, который преподносится оппозицией в качестве того, чему должна партия поучиться.

Вот я, товарищи, сейчас перехожу к тому, что развивал т. Троцкий. Одно только предварительное замечание. Сейчас все это перестало быть трагедией и в значительной мере превращается в фарс. (Голоса с мест: «Правильно».) Когда т. Каменев выходит сюда и на прямые вопросы о том, в каких вы отношениях с троцкизмом, говорит: я, Каменев, сейчас объединяюсь с Троцким, как Ленин объединялся с Троцким и опирался на него, то в ответ на это можно разразиться только гомерическим хохотом. Ишь какой Ленин нашелся! Вы видите, и все мы видим прекрасно, что т. Каменев и т. Зиновьев весьма странным образом опираются на Троцкого. (Продолжительный смех, аплодисменты.) Они «опираются» на Троцкого так, что Троцкий сидит целиком «верхом» на них. (Хохот, аплодисменты.) И потом т. Каменев из-под идейной гегемонии Троцкого что-то хриплым голосом пищит: я опираюсь на Троцкого. (Хохот.) Совсем как Ленин! (Смех.) Претензия замечательная! Ну, разве это не фарс, разве это не комедия? Конечно, комедия, чистейшая комедия, которой решительно никто не поверит.

Современное значение теории перманентной революции.

Позвольте, товарищи, перейти к взглядам т. Троцкого. Вот уже много лет партия ставит в той или другой форме обсуждение вопроса о перманентной революции, при чем в 1923 году все это проделывалось с прямой помощью, поддержкой и даже по инициативе тт. Зиновьева и Каменева. Всякому известно, что все

наши политические, экономические вопросы, принципиальные, решающие—упираются в вопрос о соотношении классовых сил в нашей стране. Выходит т. Троцкий и говорит: а вопрос о перманентной революции никакого отношения к делу не имеет. Разве теория перманентной революции в первую очередь не предполагала определенной оценки классовых сил в нашей стране, и разве т. Троцкий в своем письме к т. Ольминскому не писал, что его оценка в общем и целом подтвердилась, и разве тт. Каменев и Зиновьев ошибались, когда они привлекали обсуждение вопроса о перманентной революции к обсуждению вопросов нашей экономической политики, денежной реформы, политики цен и пр.? Если вы здесь ошибались, будьте любезны выйти и сказать: мы ошибались, перманентная революция ко всем этим вопросам никакого отношения не имеет. Они об этом—молчок! Это—«принципиальная высота», это—«великолепный теоретический идейный багаж»! А т. Троцкий говорит прямо: никакого отношения к нашим спорам это не имеет. Имеет отношение! И весьма непосредственное!

Вы могли бы жаловаться и сказать ЦК: чего вы разбираете все эти коренные, большие вопросы? Такая постановка была бы уместна, если бы вы не поставили своего «термидорианского» обвинения. Так можно было бы поставить вопрос, но когда вы обвиняете нас в термидорианстве, то уж, извините, на это мы пойти не можем.

О т. Троцком Ленин еще говорил, что он возьмет у одного, у другого, толком не поймешь, чего он хочет, а стремится протащить то, чего не нужно протащить. Тов. Троцкий вчера сказал: «Теория перманентной революции со всеми ее правильными и неправильными чертами». Позвольте, а что нужно понимать под неправильными? Когда т. Троцкий сообщал об этом, когда мы что-нибудь слышали от Троцкого, что он находит правильным, а что неправильным? Никогда, ни разу не слышали! Хоть когда-нибудь Лев Давыдович удостоил сказать, что он считает правильным и что неправильным? Последние его произведения гласят, что большевизм перевооружился, что большевизм, по Троцкому, пришел к троцкизму, к теории перманентной революции, а дальше мы не знаем и не обязаны знать, пока т. Троцкий нам этого не сообщит.

А вот то, что он вчера нам сообщил, это очень интересно! Он нам стал петь, что у нас подъем социалистического хозяйства, якобы, невозможен без государственной помощи извне. Это я считаю одним из крупнейших положений, потому что, в самом деле, ведь тт. Троцкий, Каменев и целый ряд других выставляют,—

и здесь они правы,—что необходимо итти все ускоряющимся, бешеным темпом, и в резолюции нашего ЦК сказано, что мы должны догнать, а потом перегнать мировое хозяйство и уровень развития мирового хозяйства. Но, позвольте, если же вы предполагали, что без государственной помощи извне подъем социалистического хозяйства невозможен, то как же вы будете догонять, дорогие друзья, Европу и другие страны без этой государственной помощи? Выходите сюда и скажите тогда: пока международная революция не победила, до тех пор об этом темпе, о котором пишется в резолюции ЦК, нечего и писать. Попробуйте это, скажите, докажите! А что скажут рабочие на это? Мы говорим, что возможно, и поэтому в резолюции пишем не зря, не по-зиновьевски,—700 миллионов, миллиард,—не зря, а потому, что мы считаем возможным такой темп развития. Мы считаем, что внутренние силы и внутренние материальные ресурсы нашей страны этот темп допускают. Я эту тему не буду разворачивать, я только ставлю эту проблему.

И после этого говорят, что вопрос перманентной революции к делу не имеет отношения,—нет, имеет ближайшее отношение!

О внутренних силах нашей революции.

Теперь, товарищи, я беру вторую проблему. Это—вопрос, о котором т. Троцкий говорил (он говорил удачнее, чем другие, говорил с наибольшим подъемом, правда, не социалистического хозяйства, а своего собственного духа). Главная аргументация т. Троцкого направлялась против нашей аргументации в вопросе о строительстве социализма в одной стране. Мы утверждаем, что нужно логическое различие между вопросом о сочетании наших внутренних сил (здесь речь идет о другой формулировке вопроса, о характере нашей революции) и вопросом об интервенции. Тов. Троцкий выходил здесь, страшно издевался, говоря, что если вы об этом пишете, то это есть лучшее воплощение «метафизического духа», что так ни в коем случае нельзя ставить вопрос, что нельзя интервенцию выделять от внутренних дел и вообще, что внутреннее и внешнее—одно с другим переплетается.

Ну, ладно, мы относительно этого переплета скажем потом, но я позволю себе привести только одну единственную цитату из Ленина. Вот что говорил Ленин в своей статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата». Он говорит сперва о том, что кое-как вперед подвигается дело сбора хлеба, что мы немножко растем и т. д. Я прошу, товарищи, эту замечательнейшую цитату выслушать со всем вниманием...

Ленин пишет:

«Поэтому, как бы ни лгали, ни клеветали буржуа всех стран и их прямые и прикрытые пособники («социалисты» II Интернационала), остается несомненным: с точки зрения основной экономической проблемы диктатуре пролетариата у нас обеспечена победа, победа коммунизма над капитализмом. Буржуазия всего мира именно потому бешенствует и неистовствует против большевизма, организует военные нашествия, заговоры и пр. против большевиков, что она превосходно понимает неизбежность нашей победы в перестройке общественного хозяйства, если нас не задавить военной силой. А задавить нас таким образом ей не удастся» (В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 350. Разрядка наша).

Выделяет здесь Ленин интервенцию от внутреннего строительства наших экономических отношений? Несомненно выделяет. Как он ставит вопрос? Точь-в-точь так же, как ставим вопрос мы. Если буржуазии не удастся нас задавить военной силой, то, с точки зрения внутреннего соотношения экономических сил в нашей стране, проблема построения социализма, т.-е. проблема социалистического строительства до успешного конца, у нас может быть решена целиком и полностью положительно. Это—определенная и ясная постановка вопроса. Пусть же т. Троцкий выйдет на трибуну и скажет: «Ленин—известный метафизик, ибо нельзя отделять интервенции от вопросов внутреннего строительства, нельзя разделять экономические ресурсы от военной опасности и т. д.». Вот каково было мнение Ленина по интересующему нас вопросу. Это была главная мысль у Льва Давыдовича, это был центр его рассуждения, главная стрела, которую он пускал в представителей точки зрения ЦК, но эта стрела оказалась парфянской стрелой, она попала обратно в Троцкого, потому что нельзя ссылаться на Ленина, подтверждая теорию перманентной революции. Теория перманентной революции—не ленинская теория.

Тов. Троцкий говорил о том, что у Ленина есть цитата относительно активного сотрудничества пролетариата других стран с рабочими нашей страны, относительно того, что окончательная победа социализма в нашей стране без этого сотрудничества невозможна. Это совершенно верно. Но не об этом же идет речь. Вы ответьте на вопрос: при внутренних экономических ресурсах нашей страны, при данном соотношении сил, при данной динамике сил можно довести до конца строительство социализма, если не помешает интервенция, или нет? Вот как Ленин ставил

вопрос. Вы поддерживаете эту цитату из Ленина или нет, солидаризуетесь с ней или нет? Да или нет,—этот ответ нужно получить.

Я должен сказать, товарищи, что и другая цитата, приводившаяся не так давно т. Зиновьевым,—она тоже целиком и прямо бьет против них. Если Ленин говорит, что мы имеем все необходимое и достаточное для построения социализма, если только не помешают международные осложнения, то Ленин как раз и отличает внешние факторы от внутренних, отделяет их в своем анализе. Троцкий здесь выдумал пример, что если в январе месяце голым походить по тротуару, то трудно будет при этом отвлечься от погоды,—я согласен: трудно. Но я беру эту аналогию и продолжаю. А если есть такие индивидуумы или члены партии, оппозиционеры или нет, которые подняли бы вопрос, есть ли ноги у этого субъекта, который голым должен ходить, и стали бы сомневаться в существовании ног, то можно поставить вопрос и так: раз нет ног у этого субъекта, то, какой бы ни была погода, он ходить не будет. Для того чтобы ходить, нужны предварительно ноги. Так что и эта аналогия, претендующая на остроумие, никуда не годится. Ведь они ставят вопрос: есть ли у этого молодчика ноги, не лишился бы он этих ног, не отпилил бы ему эти ноги кулацкий уклон. В такой постановке мы вполне правы на время отвлечься от погоды, чтобы обсудить еще более важный вопрос о ногах. Ибо все-таки, несмотря на то, что ноги связаны с погодой, нужно отличать ноги, с одной стороны, а погоду—с другой. (Аплодисменты.)

Такой же туман товарищ Троцкий напускает, когда приводит следующие удивительные рассуждения: ну, что же, война—война, эк, напугали! Интервенция есть война, а война есть продолжение политики другими средствами, политика же есть концентрированная экономика. Какие же тут разногласия, не все ли равно—война или не война? Ишь ведь какой остроумный диалектик! Ведь тут у него налицо совершенно недопустимое смешение. Одно дело, что здесь все связано одно с другим, а другое дело, это — вопрос о тождестве этих вещей. Из той постановки вопроса, из которой исходил т. Троцкий, можно сделать прямой вывод, что все равно, что торговать с иностранными державами, что воевать с ними! (Смех, аплодисменты.) Конечно, когда иностранные державы торгуют, они стараются по возможности навредить нам, сколько в их силах; когда они воюют, они продолжают ту же политику, но другими средствами, более острыми. Точно так же обстоит дело и с нашей внутренней и внешней торговлей

и с нашими войнами, когда мы их ведем. Но из этого нельзя сделать такой сногсшибательный вывод, который делает т. Троцкий, который не любит говорить о метафизической сущности и думает, что так как метафизической сущности нет, то можно все решительно смешивать друг с другом, как они смешались — Троцкий, Зиновьев, Шляпников и Медведев — в одном блоке. Хотя ведь и там нужно отличать кое-какие штуки. (Аплодисменты.)

Мне кажется, что нужно троякого рода вопросы решать при обсуждении проблемы о построении социализма в одной стране. Первое—о внутренних ресурсах и о внутреннем сочетании сил,— это есть в сущности вопрос о характере нашей революции. Второе—об интервенции и опасности вооруженного подавления нас буржуазией. И, наконец, третье—о давлении на нас мирового хозяйства. Я думаю, что ответить на эти вопросы нужно таким образом: внутреннего сочетания сил и внутренних ресурсов у нас достаточно для построения полного социалистического общества; гарантией от интервенции и войн может служить только победоносная международная революция; давление же мирового хозяйства есть громадная трудность для нас, но трудность вовсе не непреодолимая. Так надо ставить вопрос, таков ответ на те вопросы, которые здесь ставились.

Есть еще один аргумент у т. Троцкого, который утверждал, что вопрос снимается, если международная революция победит. Его рассуждение в связи с этим таково, что он хочет подсунуть нам такую постановку вопроса, будто бы мы считаем, что победа международной революции в ближайшее десятилетие невозможна. Это есть клеветническая постановка вопроса со стороны т. Троцкого, это есть клеветническое извращение наших позиций. Кто это и когда говорил, что мы исключаем на десятилетия международную революцию? Где это сказано? Кто это говорил? Если кто это и говорил, то это говорил бывший коммунист Маслов, который сейчас идет рука об руку с т. Зиновьевым. Он это говорил, а мы этого не говорили никогда, нигде. Ни одной фразы, ни одной цитаты, ни одного звука в этом направлении не было нами сказано. Можно, разумеется, сказать, что жизнью снимаются всякие вопросы, в том числе и вопросы разногласий. Это совершенно верно, но потому только, что они будут в будущем сниматься, отказываться их обсуждать в настоящем, — только Троцкий может ухитриться так поставить вопрос.

Тов. Троцкий заявил, что то, что он писал в 1922 г., писано под углом зрения 1905 г. Но это значит только фокусами за-

ниматься и вывертываться. Это есть фокус, а мы хотим определить перспективы нашего развития, ответить на вопрос: можем ли мы строить социализм или нет, можем ли мы исходить из расчета на победу? Этот вопрос вовсе не лишний. Ведь если у нас в силу внутреннего сочетания сил в нашей стране невозможно доведение до конца хозяйственной победы социализма, то тогда совершенно естественно, что мы живем постольку, поскольку мы делаем постоянные уступки, поскольку мы, при затяжке мировой революции, отступаем. Тогда естественно, что мы живем постольку при затяжке мировой революции, поскольку мы с определенного срока начинаем перерождаться за счет изменения нашего классового существа. Так же выходит по всем правилам логики. Поэтому совершенно естественно, что все эти «термидоры» и «Кавеньяки», «сползание с рельс» и пр. пущены в оборот, потому что люди думали, что этот процесс зашел далеко. Объективных внутренних предпосылок для построения социализма нет, международная революция не подходит, мы у власти стоим, нэп есть только отступление, решения XIV партийной конференции есть только отступление, которое было сделано на восьмой год пролетарской диктатуры, на восьмой год пролетарской диктатуры мы отступаем на важнейших фронтах. Нельзя же все время отступать, выкидывать балласт, как из воздушного шара, когда-нибудь начнется перерождение. Вот отсюда и появились термидорианство, галиматья с Кавеньяками и т. д. Так что тут все увязано одно с другим. Я удивляюсь, как интеллектуально развитые люди не могут понять, почему нужно в этих условиях поставить вопрос о внутренних силах революции. Потому что, если на этот вопрос вы отвечаете, милостивые друзья, отрицательно, тогда из этого, как Петрушка из ящика, выскакивают Кавеньяки. Вот как нужно поставить вопрос! У вас увязано все. Пожалуйста, не притворяйтесь Иванами Непомнящими, не притворяйтесь такими людьми, которые не могут увязать концов с концами. Не поверим! Вы увязали! Вот только в своих расчетах ошиблись, но вы очень увязали концы с концами. Поэтому нечего пенять на то, что партия ставит вопрос о внутренних силах нашей революции, т.-е. о характере нашей революции.

Попытка Троцкого фальсифицировать Ленина.

Теперь, что проделывает т. Троцкий в дальнейшее оправдание своей теории? Я считаю, что это прямо возмутительная игра с Ильичом. Тут происходит то же самое, что делал т. Троцкий, когда утверждал, что большевизм перевооружился и надел на

себя троцкистские одежды. Партия не может позволить такой игры. Тут нужно прямо сказать, где согласен, где не согласен, а заниматься школой военной маскировки на этой конференции совершенно не годится. Вот смотрите, что делает Троцкий. Троцкий вышел сюда и вопрошает: что писал Ленин перед революцией 1905 года, что говорил Ленин на Стокгольмском съезде? Ленин писал и говорил, что после победоносной революции, даже при национализации земли, середняк неизбежно сделается контр-революционным, и что эта контр-революционность поставит нас в пиковое положение. А потом Троцкий продолжает: ну, что же, разве прогнозы Ильича (я потом скажу, что Ильич здесь только псевдоним Льва Давыдовича Троцкого), разве прогнозы Ильича не совпадали с моими прогнозами? А махновщина, а Кронштадт, а то, а другое?

Давайте здесь разберем, о чем шла речь у Ильича на Стокгольмском съезде, перед революцией 1905 года? О буржуазной революции. Так или нет? Так. Что тогда предполагалось? Что если не придет помощь со стороны социалистического пролетариата, Временное Правительство, которое осуществляло бы диктатуру пролетариата и крестьянства, должно было в силу внутреннего сочетания сил обязательно пасть. Почему? Потому, что после уничтожения феодализма, при собственнических капиталистических инстинктах, ничем не сдерживаемых, наоборот, получивших максимальный простор, крестьянство попало бы в такое положение, когда оно целиком, всеми колоннами пошло бы по капиталистическому пути развития. Прогрессивная, революционная роль крестьянства в условиях этого капиталистического развития сошла бы на-нет; пролетарий буржуазно-демократического государства не мог бы сохранить союза с массой мелких собственников, развивающихся по капиталистическому руслу. Другого пути не предполагалось. В этих условиях был неправилен прогноз Ильича? Абсолютно правилен. Сказывалась ли тогда, по крайней мере с такой остротой, проблема перерастания? Если мы на это и намекали, то в стокгольмской речи и пр. речь шла о буржуазной революции. И когда Ленин говорил относительно поворота крестьянства, он предполагал буржуазный тип развития этого крестьянства. Теперь приходит Троцкий и говорит: вот эти предсказания Ленина оправдались, а так как я о социалистической революции говорил почти то же самое, то, значит, тем самым отчасти оправдались и мои предсказания. Что это за тенденция? Это теоретически совершенно недостойная тенденция. (Сталин: «Фокусничание».) Ибо давайте посмотрим теперь, что оправдалось и что не оправдалось. Ленина оставим, Ленин здесь абсолютно не при

чем. Ленин ставил совершенно другие проблемы, и только хитроумный палец т. Троцкого извлек это и привязал к разбираемой нами сейчас проблеме, а мы эту нитку режем, потому что это совершенно искусственно. А вот что говорит Троцкий? Пускай он говорит от своего имени, а не от имени Ленина, и пускай не выступает под псевдонимом Ленина. Это будет гораздо лучше, теоретически честнее и для партии полезнее. Троцкий говорил следующее: пролетариат возьмет власть; при количественном преобладании крестьянства, которое будет неизбежно контр-революционным, пролетариат этой власти не удержит без государственной помощи международного пролетариата. Он это говорил не только в 1905 г., он это повторял и в 1922 г. Вот это должно было подтвердиться в ходе нашей революции, и про это он говорит, что это отчасти подтвердилось. Я думаю, что подтвердилось несколько наоборот — обратное подтверждение, ибо совершенно прав Ленин, когда он говорил, что гражданская война укрепила союз пролетариата и крестьянства, но это была особая форма союза—военная форма. Были колебания среди середняков. Это верно. Были колебания и среди бедноты. И я вам скажу: в особо тяжелые времена были колебания даже среди пролетариата. Достаточно вспомнить время перед кронштадтскими днями. Но разве можно смешивать основную линию развития наших классовых сил с колебаниями настроения отдельных классов, которые были в нашей стране, хотя бы и довольно солидными? Общая линия нашего развития заключается в том, что мы привязали крестьянство к себе. Если у Троцкого написано, что конфликт неизбежен и что поэтому неизбежна гибель, то у нас получилось совсем наоборот, у нас другое оправдалось: у нас был реализован союз с крестьянством. После этого выходит Троцкий и говорит: все, многое оправдалось. Это опять претензия протащить под маской Ленина теорию Троцкого, которая ни капельки не оправдалась.

О социал-демократическом уклоне оппозиции.

Маленькое замечание относительно следующего вопроса. Вчера Троцкий страшно возмутился, что его сравнили с Бауэром. «Помилуйте, как это меня можно сравнивать с Бауэром?». (Сталин: «А Бауэр не возмущался этим?».) Я с ним в связи не состою (смех). Так вот, Троцкий говорит такую вещь: «Как можно меня сравнивать с Бауэром, когда я писал против Каутского, против Бауэра, я по заказам партии проделал такие-то и такие-то полезные работы». Это верно. Троцкий против Каут-

ского писал, против Бауэра писал; еще бы, если бы Троцкий никогда против Каутского и Бауэра не писал, то он ничем не отличался бы от Каутского и Бауэра, тогда нам нечего было бы разговаривать с т. Троцким. А вот почему т. Троцкий уклонился от ответа на вопрос: в чем его несходство с теми цитатами из Бауэра, которые приведены в резолюции? (Голос с места: «Это его не касается».) Может быть, это так же не касается дела, как теория перманентной революции, между тем, это—и формально и по сути дела—троцкистская теория. Вот Бауэр говорит, что пролетариат один в такой отсталой крестьянской стране, как Россия, у власти не удержится, что гибель его неизбежна.

Так же, как и Троцкий!

Но Троцкий ловко сфокусничал: он взял фразу относительно крестьянской культуры и говорит: «Помилуйте, какая пошлая формулировка о крестьянской культуре!». Но о гибели—молчок. А факт в том, что Бауэр говорит, что в условиях пролетарской диктатуры, по мере роста классового сознания крестьянства, оно восстает против рабочего класса и что это обстоятельство ведет к неизбежной гибели пролетарской диктатуры. Ведь это политическая мысль, тут дело не в «пошлой формулировке о крестьянской культуре». А что по поводу «гибели» т. Троцкий нам сообщил? Абсолютно ни слова. Против центральной политической мысли ни единого словца. Как будто там этого и не было.

Так что здесь мы видим типичное такого рода увиливание: взял эту самую крестьянскую культуру и начал копаться в этой словесной шелухе. А что касается политической мысли, которая там содержится, то это нас не касается, об этом мы не знаем, с этим пускай Пушкин разбирается. (Смех.)

Есть еще один как будто сногсшибательный аргумент: «помилуйте! У нас социал-демократический уклон,—как же это так? Ведь мы требуем большего жалованья рабочим, мы требуем 40% бедноты от налога освободить и в Амстердамский Интернационал не хотим входить? Вот какие мы хорошие!» А я вас спрашиваю, если бы у вас развитие пошло по Оссовскому,—от чего избави нас коммунистический бог,—и если бы на съезде советов мы имели чисто парламентскую буржуазную фракцию? (Сталин: «Меньшевистскую».) Я не говорю уже о меньшевистской, но если бы мы имели даже буржуазную фракцию? Что же вы думаете, она не проявляла бы величайшего рабочелюбия? Да; она высказывалась бы за 7-часовой рабочий день, она говорила бы, что рабочие у нас в бедноте, в нищете живут, что их положение надо улучшить и пр. и пр. Почему бы она все это говорила? Потому, что ей надо

было бы опереться на массы, для того, чтобы спихнуть нас. А уж потом она распропоказала бы им этот семичасовой рабочий день! Что же, давайте, посмотрим, разве меньшевистская пресса не пишет, что рабочие мало получают, что нужно вести агитацию, что под этим лозунгом нужно проводить стачки? Тут т. Троцкий говорит: «Что же тут социал-демократического?». Но это значит только то, что вы не поняли основной механики развития политических сил. А что здесь по сути дела действительно социал-демократического? По сути дела действительно социал-демократического здесь то, что товарищи считают, что внутренние силы нашей революции настолько недостаточны, что с этим неизбежно связан термидор, более или менее неизбежно связан термидор.

Но товарищ Троцкий выставил здесь еще другой аргумент. Он говорит: «Если мы говорим о том, что мы погибли,—объясните, зачем же мы тогда предлагаем обобрать крестьянство? На это никто никогда не ответит». Такой уж это страшный аргумент!

Ни капельки не страшный. Только ваша постановка вопроса предполагает ужасно «свирепую» логику у вас. А мы этого не обязаны предполагать: мы видели, насколько вы логичны во всех своих построениях. А почему вы предлагаете ограбить крестьянство? Да потому что у вас это жест отчаяния. Вы думаете, что наше положение все хуже и хуже, что наши затруднения растут из года в год, вы полагаете, что выпрыгнуть из этого можно только путем какого-нибудь сверхчеловеческого нажима. Давайте, махнем. Выпрыгнем! Авось, кривая вывезет!

Это уже психология отчаянных жестов, сверхчеловеческих нажимов, волевых импульсов, которые так свойственны т. Троцкому.

А мы стоим за более спокойный курс, за более спокойную, уверенную политику, которая даст бо́льшие результаты. Я считаю, что речь т. Троцкого демонстрирует, что Троцкий ни от единой своей главной мысли не отказался (Сталин: «Правильно»), что весь свой так называемый идейный багаж, на который он стремится наклеить, правда очень плохим клеем, ленинский ярлычок,—что весь этот идейный багаж он в целости у себя сохранил. И пусть после этого не обижаются на нас товарищи, что мы должны партии эту фразеологию разъяснить, что мы должны вести идейную борьбу, что мы должны это делать, потому что перед нами стоит целехонькой троцкистская концепция. Троцкий не желает учиться, Троцкий не желает продумать до конца вопрос, а он стремится только увильнуть от основной проблемы, прикрывая свой троцкизм ленинским флажком.

О капитулянтстве оппозиции и фальсификации партийной истории.

Я перехожу ко второму оппозиционному герою—т. Каменеву. Тов. Каменев в начале своей речи думал нас оглушить или произвести огромный эффект тем, что он здесь кричал: «Перед кем мы складываем оружие? Перед нэпманом мы складываем оружие? Перед капиталистическим миром мы складываем оружие? Перед социал-демократией мы складываем оружие?» и т. д. «Как можете это вы предполагать?». А вот я вас спрашиваю, когда в октябрьские дни ваши позиции Ленин назвал крикливым пессимизмом, перед кем вы т о г д а складывали оружие? Конечно, вы не прямо складывали его, чтобы сделать угодное буржуазии, но вы оценивали внутренние силы таким образом, что у рабочих все плохо, а вот у буржуазии все хорошо. Когда сейчас выступает оппозиция и говорит: «Смотрите, в капиталистическом старом обществе рабочему платят столько-то и столько-то», или, как Смирнов под псевдонимом Майзлина писал в «Большевике», что даже резервную армию мы плодим не в пример буржуазному миру. Или когда наши успехи и достижения оппозицией преуменьшаются, она находит, что у рабочих все плохо, а у буржуазии все хорошо. Ведь все это и есть нотки крикливого пессимизма. Если вы занимаетесь разлагающей проповедью о термидорианстве, о перерождении и пр. и всякую дрянь вокруг себя собираете, то вы объективно капитулируете перед буржуазией, как бы это странным ни казалось. (Г о л о с а: «Правильно!».) Тов. Каменев думал, что он ходит по крайней мере с дамы или хотя бы с валета, когда он говорил, что мы никогда со времени Февральской революции не ставили вопроса относительно оценки нашей революции, и что только Бухарин ставил этот вопрос в резолюции Московского областного бюро. Он прочел вам здесь ту же самую резолюцию, которую в силу страшного единодушия в рядах оппозиции Зиновьев еще раз повторил. Я должен сказать, что всякий отлично знает, что я свои лево-коммунистические ошибки признал первым из всей группы левых коммунистов, но все же я не могу пройти мимо замечания т. Каменева, который должен по обязанности знать историю партии. Резолюцию эту писал не я, а писал ее т. Стуков, который обретается в рядах теперешней оппозиции. Зачем, немножко мягко выражаясь, эта подделка с документом? Это не годится. Если т. Троцкий это делает тем, что он приписывает троцкизм Ленину, то это фокуснически повторяется Каменевым, хотя он отлично знает, что это не так. По этому поводу было выступление т. Стукова, и т. Каменев, повторяю, по должности обязан

знать партийную историю. Я думаю, что вряд ли нужно было прибегать к этой подделке. А вот когда т. Каменев подтверждает ту мысль, что после апреля ни разу не было попытки дать другого анализа классовых сил,—я скажу тут: вы, милый Лев Борисович, проглотили, как щуку, свои октябрьские ошибки. Разве октябрьский багаж ваш, октябрьские ваши ошибки в воздухе висели? Они на чем-то базировались.

Они на чем-нибудь базировались или это был просто какой-то бред малолетних фантазеров, которым почему-то взбрело на ум итти против восстания. Что же вы рассказываете нам всякие грешки, а скрываете то, что было после апреля, когда вы пытались пересмотреть линию оценки нашей революции. Да, извините, ведь все ваши октябрьские ошибки из этого вытекали, все они опирались на эту оценку. А вы говорите—не было. Мы знаем, что у вас, дорогие друзья, создалась в этом отношении традиция. В своей книжке «Ленинизм» т. Зиновьев говорит, что вся его октябрьская ошибка свелась к тому, что он на два лишних дня продолжил ленинскую линию. А Каменев углубляет своего «Аякса». Он утверждает, что вообще ничего не было, никаких заявлений не было. Но мы все-таки, товарищи, понимаем немножечко, и этот номер также не пройдет.

А теперь перехожу к некоторым основным установочкам речи т. Каменева и постараюсь показать, что и сейчас и в своей вчерашней речи т. Каменев повторяет свою неправильную октябрьско-апрельскую позицию. (Голоса: «Правильно».) Мы ставили вопрос о социалистическом строительстве в нашей стране. Так или не так? Так. А т. Каменев выходит здесь на трибуну, упрекает т. Сталина и говорит: «Смотрите, что написано в «Социал-Демократе», в тезисах о нашей революции. Там написано, что у нас буржуазно-демократическая революция». Точка. На этом для него стоит точка. Но если политически на этом поставить, т. Каменев, точку, то это значит превратить Ленина из пролетарского революционера, опирающегося на социалистическую революцию, в радикально-буржуазного демократа. (Голоса: «Правильно».) А это значит не что иное, как с этой кафедры прикрывать—весьма, правда, неуклюжими средствами прикрывать—свою октябрьскую ошибку, столь неудачно проглоченную т. Каменевым. Боюсь, что октябрьская косточка несколько застрянет в горле т. Каменева, и проглотить целиком ее мы ему не дадим.

В самом деле, как ставил вопрос Ленин в этих тезисах? Он ставил здесь вопрос об исходном пункте революции, о первом этапе этой революции, с намеками которые есть в этих тезисах

относительно перерастания, но с намеками очень слабыми. Правильно это было? Правильно. На той фазе развития это было совершенно правильно, но т. Каменев, повторяю, ставит здесь политически точку, когда мы обсуждаем вопрос о возможности социализма в нашей стране. Вот что чудовищно. И после этого он выходит сюда и говорит: я думаю, что нужно правильно излагать Ленина,—это смеху уж подобно. Тов. Каменев, очевидно, от Троцкого заразился такой тенденцией. Как Троцкий танцует вокруг Ленина и старается изобразить себя под псевдонимом Ленина, так и Каменев начинает апрельско-октябрьские свои штучки оправдывать ленинскими тезисами. Не пройдет это! Эта история шита белыми нитками. Скелет ваших октябрьских ошибок торчит решительно со всех сторон. И я утверждаю, что если сейчас при обсуждении вопроса о социалистическом строительстве в нашей стране ставить точку на этом буржуазном этапе нашей революции, то это значит обнаруживать социал-демократический уклон, и это значит, что из-под вашей фразеологии социал-демократические ушки на полвершка, а то и на вершок выскакивают. (Смех.) Так что по политической линии у Каменева здесь номер не прошел.

Экономическая „философия“ т. Каменева.

Теперь я возьму экономику. Не буду говорить о том, о чем мы двадцать тысяч раз говорили, но вот вчера т. Каменев такую замечательную экономическую вещь сказал. Он говорил: смотрите, если правильна ваша оценка, если у нас кулак маленький,—вот такой; если у нас нэпман маленький,—вот такой; если у нас накопление частного капитала маленькое,—то с чем же мы будем строить социализм? Буквально так и сказал, все это слышали. Но, позвольте,—что же из этого вытекает? Это нужно разобрать; пропустить такую вещь никак нельзя, потому что это есть центр всей экономической платформы, и я вам это докажу.

Если предполагается, что социализм строить можно только за счет фискального взимания с нэпмана и кулака,—это предполагает такой размер частно-капиталистического накопления, при котором вся наша деревня почти сплошь идет капиталистическим путем и когда наша торговля точно так же идет в значительной мере капиталистическим путем. Это есть отрицание возможности социалистической революции в деревне, это есть отрицание кооперативного плана Ильича, это есть представление, что мы и в деревне и в городе пройдем через огромную и высоко развитую фазу государственного капитализма. Тогда будьте любезны выйти сюда и

сказать это самое—или вы должны взять обратно это свое заявление. Мы ориентируемся вовсе не на какую-то фискальную теорию построения социализма, когда мы при помощи одних налогов с нэпмана и кулака, которые, конечно, мы с них будем брать в гигантском масштабе,—построим социализм. Это есть о д и н из элементов нашего накопления, о д и н из каналов, откуда мы берем жатву со стороны враждебных нам хозяйственных элементов, но это вовсе не есть главное. И наша ориентировочная линия вовсе не состоит в том, чтобы поощрять без конца это накопление до такой степени, чтобы из этого построить социализм. Вы, когда начинаете ставить этот вопрос, у вас в душе накопляется опять страх, и оба социал-демократических ушка тут как тут. А это все связано и с другим вопросом, с вопросом об изымании торговых средств из сферы обращения, о чем говорил т. Ларин. Как можно сказать, что частному торговцу нужно дать возможность оба локтя положить на стол для того, чтобы после его стричь налоговыми обложениями? Правда, тогда придется позабыть то, о чем учил т. Ленин—«учитесь торговать».—«Мало ли что, Ленин может ошибаться, давайте будем делать так: стричь кулака, стричь торговца, а он пусть пока положит оба локтя на стол». Другая это ориентация! Не наша, не партийная и, позвольте вам сказать, не коммунистическая. (Г о л о с а: «Правильно!»)

Вот вам экономическое дополнение к политической установке т. Каменева относительно того, что он говорит о буржуазно-демократической фазе нашей революции и ставит точку, замазывая вопрос о перерастании. Не связана ли эта политическая установка с его экономическими предложениями? Я думаю, что связана. Они ни капли друг другу не противоречат, а, наоборот, взаимно дополняют. Потому что если у нас плохо дело обстоит с ростом социалистических элементов, если нужно было бы нашу линию ориентировать на такое положение, при котором капитализм должен развиваться и потом на этом развитии основывается строительство социализма,—тогда наша партийная линия, конечно, была бы совершенно другой, и эта политическая линия была бы не та, которую можно было бы назвать коммунистической.

Наконец, третье крупное замечание относительно речи т. Каменева—это вопрос относительно того, насколько оправдались или не оправдались «замечательные» предсказания оппозиции. Тов. Каменев прямо здесь, не моргнув глазом, сказал: затруднения оказались даже более значительные, чем мы предполагали: задержка в развитии произошла; мы оказались правы. Ну, знаете ли, здесь действительно т. Каменев ни капли не капитулировал. Наоборот, он обнаружил большое мужество. Но мне кажется—

мужество страшно печальное, ибо ведь вспомните, товарищи, что́ в прошлом году говорилось т. Каменевым о главном и основном в области хозяйственных затруднений. Он тогда сформулировал это таким образом: основная опасность идет со стороны крестьянского накопления, кулацкого накопления, кулак против нас устроил хлебозаготовительную забастовку, он нас регульнул так, что у нас ничего не выйдет. Он это говорил? Говорил. Вот запомните. Назовем это тезисом т. Каменева № 1. Итак, в тезисе № 1 тов. Каменев говорит: кулак оказался настолько сильным в своем выступлении, что устроил хлебную забастовку, регульнул и сбил все наши планы.

А вот тезис т. Каменева № 2, который появился в последнее время. Кулак сейчас еще более мощно возрос, накопил еще более сил, опасность со стороны кулака еще больше усилилась. Это тезис второй.

Я вас спрашиваю: хлебозаготовки в этом году идут хуже? Должно было бы вытекать, что должны итти хуже, а идут лучше. Мы спрашиваем: почему кулак, который так страшно вырос, нас не регульнул? А я скажу: здесь т. Каменев немного сваливал с больной головы на здоровую. Факт наших хлебозаготовок, факт переустройства бюджета, факт, что дали больше миллиарда на индустрию нашей страны, разбивает вдребезги всю философию экономического строительства, которую в прошлом году проповедывала оппозиция. Ничего от нее не остается, потому что всякий понимает, что не в хлебной забастовке вина, а в глупой политике тех, на которых тогда лежала обязанность хлебозаготовок. (Аплодисменты.)

А если бы мы приняли тогда всю эту философию и пошли на гораздо больший зажим и на всякие другие скорпионы и прочее,—мы в этом году получили бы действительно такие затруднения, из которых бы не вылезли.

Я предлагаю прочитать всем присутствующим речь одного из оппозиционеров, т. Андреева, который делал доклад на активе Хамовнического района, почему он ушел из оппозиции: «я ушел из оппозиции, когда оппозиционные вожди сказали, во-первых, что они натолкнулись на реакционное отношение рабочей массы, а во-вторых, что экономическое положение оказалось не столь плохим, как они предполагали». Вот что он говорил. Когда этот честный рабочий услыхал такие штуки, он сказал: ага, вот вы чем спекулировали, и ушел. А теперь т. Каменев выходит и говорит, что все целиком оправдалось. Так же оправдалось, как предсказание Троцкого насчет крестьянства, в такой же мере

оправдалось, т.-е. получилось совершенно обратное. И потому, что партия вела правильную политику. Вот в чем дело!

Вот, товарищи, те замечания, которые я хотел сделать относительно т. Каменева. Еще только скажу, к чему Каменев вплотную подводит вопрос,—и я считаю, что они попытаются на этом отыгрываться,—он вплотную подводит вопрос к тому, чтобы сказать, что все-таки ЦК поступил по-нашему и этим наша «историческая миссия» выполнена. Если бы вы говорили, мол, таким языком, как сейчас, если бы выплачивали заработную плату, как мы потребовали, если бы индустриализацию проводили, когда нужно,—тогда все было бы хорошо. Эти рассуждения предназначены не для совсем умных, и все понимают, в чем здесь дело. В апреле, когда шли споры по вопросу зарплаты, какое было положение? Страшное напряжение с кредитом, пошатнувшийся червонец, свертывание промышленных предприятий. Было напряжение величайшее, и мы должны были выезжать из этого трудного положения, свертывать кредиты, проводить жесткую кредитную рестрикцию и т. д., ибо нам неоткуда было взять денег. Когда получилась другая ситуация, когда благодаря нашей политике червонец поднялся, промышленность стала выходить из тяжелого положения, положение по всему фронту улучшилось, мы сказали: теперь можно прибавить заработную плату. Что тут удивительного? Это значит, что ЦК пришел к оппозиции? Это же смеху подобно! А если мы через некоторое время сможем для индустрии в четыре раза больше ассигновать—они придут и скажут: вот ведь мы говорили, что можно на индустрию в четыре раза больше дать. Что же тут удивительного? Смогли и дали. Политика делается не в безвоздушном пространстве; она предполагает определенные условия, и нужен величайший цинизм, чтобы говорить, что это мы тогда-то и тогда-то говорили. Не это совсем вы «тогда» говорили!

А то, что вы говорили, и то, что составляло вашу душу живую, о всех термидорах и пр.,—о них будут помнить,—о них вы скажите партии, по этому поводу придите с повинной головой перед партией и скажите: простите нас за то, что мы согрешили и против духа, и против буквы, и против самого существа ленинизма! (Аплодисменты.)

Двойственная политика т. Зиновьева.

Я хотел бы сказать только несколько слов относительно т. Зиновьева. Мне кажется, что речь т. Зиновьева вначале носила такой характер: можно было т. Зиновьева вполне так понять, что он

Урбансу и прочим, которые одной ногой стоят вне партии, дает пароль: дожидайтесь! Не так еще плохо! Мы еще стоим на своих позициях! Неправильно вы нас поняли! Вы держите свое знамя, это в конце концов будет все не так плохо, и т. д.

Вот такая, мне кажется, была установка по отношению к Урбансу и другим. Эта установка, мне кажется, совершенно неправильная. Так нельзя было сейчас говорить. Нужно было со всей решительностью осудить то, что подлежит осуждению у этих групп.

Здесь я возвращаюсь несколько к тому, что говорил т. Каменев. Тов. Каменев то же самое говорил: послушайте, разве указывать на недостатки, это значит ослаблять волю пролетариата? Разве мы ослабляем волю пролетариата, когда говорим ряд горьких истин? Но все это—слова. Вопрос идет не об этом. Вопрос идет о том, что делает та или другая политическая группировка. Вопрос решается проверкой опыта, а проверка опыта уже показала, в чем тут дело. А дело в том, что вокруг мнений оппозиции собрались все злобствующие против Советской России, против Коминтерна.

Кто был обрадован выступлением нашей оппозиции? Корш и прочие! Они говорили, что мы переродились. Могли ли они опираться на то, что говорила оппозиция у нас? Могли, потому что термидор и пр.—шли отсюда, отсюда, из «нашей» оппозиции! (Голоса: «Правильно».) Что они говорили относительно теперешней нашей политики? Что мы против рабочих выступаем. Это и Рут Фишер говорила, и Маслов, и Урбанс, и прочие. Далее, оппозиция говорит о термидоре, а Корш и Шварц говорят уже: «Необходимо вооруженное восстание против Советской России». Вот какая установка была. И после этого, после того как там собрался вокруг оппозиционных клеветнических фраз поистине мало ароматный букет всего дрянного, паршивого, контр-революционного и пр.—в результате тут выходят и говорят: мы усиливали веру рабочего класса в строительство социализма. Ведь это же смеху подобно! Опыт проверки говорит совсем другое, и не зря буржуазия так прижимала вас страстно к сердцу, дорогие товарищи,—не зря! Тут, действительно, была классовая правда классового врага. Вот где проверка! И зная все это, тов. Зиновьев говорит: держитесь еще, дело не так плохо!

Не так нужно было говорить. Нужно было выйти и со всей суровостью сказать: не смейте клеветать на Советскую Россию! Не смейте продолжать настаивать на том реакционном курсе, который вы держите! Не смейте кричать, что у нас термидор! Не смейте кричать, что у нас перерождение, потому что, как

теперь уже говорят, у нас государство пролетарское, слава тебе, господи! Скажите же, по-честному скажите: Троцкий ошибался, когда он говорил, что «не совсем пролетарское»! Почему у вас нет элементарного мужества выйти и сказать, что это ошибка? Почему? Стыдно вам сказать, что вы здесь ошибались! Вот в чем суть! Тов. Зиновьев ничего подобного не сказал. Он говорил главным образом относительно того, какая хорошая у них была позиция, и как хорошо Ильич поступил с оппозицией, не выключая всех тогда, когда он имел только два голоса из всех на профессиональном собрании. Ильич дело понимал: ну-ка, исключи всех, когда имеешь два голоса. (Смех.) А вот тогда, когда имеешь всех, и против себя имеешь два голоса, а эти два голоса кричат о термидоре,—тогда можно и подумать. (Возгласы: «Празильно». Аплодисменты, смех. Сталин с места: «Здорово, Бухарин, здорово. Не говорит, а режет».)

Ну, товарищи, я должен сказать относительно всех этих теоретических или квази-теоретических упражнений т. Зиновьева: «через нэп... плавно и гладко...». Кто же об этом говорит насчет «плавно и гладко»? Это «плавно» существовало в фантазии у т. Зиновьева, который ведь и раньше пользовался перепутанными и фальшивыми цитатами. Например, он цитату из «Азбуки коммунизма» так привел, что посадил себя в лужу, потому что секретари выпустили самое опасное для него место. Вы можете прочесть это в «Большевике», где я об этом пишу. Так что все это—плод усердия и увлечения секретарей т. Зиновьева. (Смех.) А вот когда он выходит здесь и говорит относительно стабилизации: «вот наша платформа—частичная, шатающаяся»... «английская стачка подчеркнула»... и т. д., так это ведь и наша платформа. Но все-таки, позвольте, а как же вы сказали, что частичной стабилизации нет? Это тоже у вас вырвалось? Так и скажите—вырвалось, но я ошибаюсь. Об этом вы молчите. Тов. Каменев замазывает ошибку в Октябре, а вы молчите о стабилизации. У вас замечательно милое, честное теоретическое объяснение для партии. Прямо можно брать пример добродетели с этого. Право! Вы говорите, что был уклон относительно послабления даже зажиточным слоям крестьянства, и мы против этого страшно боролись. Я должен сказать, что на XIV конференции некоторые рогаточки, задерживавшие развитие зажиточного крестьянского хозяйства, были сняты. Это в вопросе об аренде, в вопросе о наемном труде и пр. Позвольте напомнить: т. Каменев и т. Зиновьев голосовали за эти мероприятия или не голосовали? Голосовали! А сейчас т. Зиновьев выходит и говорит: «Ленин говорил—сокращай нэп», а они предлагают до известной степени раздвигать. Но позвольте,

ведь вы связываете с этим то, что было на XIV конференции? Тогда скажите, как вы сказали уже насчет одного постановления XIV конференции: это была компромиссная резолюция. Слава богу, мы только сегодня узнали об этом! Скажите же тогда и относительно этих хозяйственных рогаточек, что это была компромиссная резолюция. Но ведь мы вас допрашивали на XIV съезде: хотите вы отменить или не хотите отменять решений XIV конференции? Вы отвечали: нет, не хотим, целиком и полностью разделяем. Так зачем вы ведете сейчас недостойную, двурушническую политику. (Голос с места: «Опять демагогия».) Опять вспомнили слово о «расширении». Я одно скажу—это слово было у т. Троцкого, у которого мы из статьи вычеркнули его. Я лично просил т. Троцкого вычеркнуть, и это слово было вычеркнуто из статьи т. Троцкого, а у Крупской оно осталось. А вы тут хотите отыграться на ком-нибудь из молодых товарищей, позабыв, что т. Троцкий и т. Крупская это же самое пустили в оборот. Это прямо скучно. Все равно, что эти газеты, из которых Зиновьев здесь сегодня цитировал и которые совершенно затрепались, из них уже суп можно варить. (Смех.) На каждом собрании одно и то же говорить,—нельзя ли что-нибудь новенького сказать?—Ораторы почтенные, первоклассные, дорогие товарищи, угостите чем-нибудь свеженьким! (Аплодисменты, смех.)

Наша революция—составная часть мировой революции.

Ну, и в заключение, товарищи, парочку слов относительно компромисса и всяких других вещей, о которых говорил т. Зиновьев. Сталин взял одну очень резкую формулировку у Энгельса, которая в такой формулировке неправильна, и Сталин прав был тогда, когда критиковал эту формулировку. Но Сталин вовсе не хотел сказать, что у Маркса и Энгельса не было других высказываний. В этой формулировке Энгельса, которую критиковал Сталин, такое предложение: революции есть однократный акт. Это и немудрено, потому что писалось в 40-х годах и было еще незрелым произведением. На это, конечно, упирала социал-демократия и пр., но у Маркса есть целый ряд других формулировок. У Маркса есть такая формулировка, например, что рабочему классу нужно 15—20—50 лет гражданских войн и битв народов для того, чтобы он смог переделать свою собственную природу.

То, что т. Зиновьев говорил: «начнет Германия, докончит Франция»,— это тоже говорит о большой, длительной эпохе. И это совершенно правильно. А теперь т. Зиновьев приходит и хочет нашу позицию изобразить таким образом, точно мы противо-

поставляем революцию в нашей стране революции международной. Этот номер не пройдет! Наша революция есть составная часть великого международного революционного процесса,—куда входят и колониальные войны, и национальные революции, и пролетарские восстания, и все бывшие пролетарские революции, и все революции, которые будут, потому что мы вступили в эпоху войн и революций. Наша революция есть составная часть международной революции, и, конечно, наша окончательная победа есть победа мирового коммунизма. Какой же дурак против этого спорить станет? Мы здесь по сути—международные революционеры, и этот вопрос ставится настолько остро, что мы теоретически допускаем наступление победоносной революции против капиталистических стран. Разве мы этого не говорили 20 тысяч раз? Кто в этом сомневается? Подтверждает ли наша практическая политика, так сказать, то, что мы стоим на другой точке зрения? Нет, она подтверждает эту точку зрения. Никто больше нас не оказывает моральной поддержки революционному Китаю, никто больше русских профсоюзов не помог английским горнякам, никто не может отрицать, что компартия Советского Союза есть, была и будет опорой мировой революции. Это все знают,—смешно об этом спорить! Смешно об этом спорить, и совершенно, мне кажется, неудачной является попытка т. Зиновьева противопоставить нашу революцию международной революции. Для нас наша революция есть составная часть международного, общереволюционного процесса, который идет кривыми путями, который идет не так, чтобы все колонны маршировали по одной линии, который даже по самому существу своему состоит из разных частей. Достаточно только взять пролетарские революции и национально-революционные, колониальные и полуколониальные восстания, чтобы убедиться, что это есть великий процесс, рассчитанный на громадную эпоху. Но не об этом мы спорим, и совершенно неудачной и фальшивой, неправильной и недопустимой является попытка перевести вопрос с предметов настоящего спора вот на это истолкование, изжевывание азбучных истин, что мы должны быть международными революционерами, что мы должны проводить лозунг: пролетарии всех «стран, соединяйтесь!».

Вчера был совершенно неприличный инцидент, когда т. Троцкий подумал про конференцию, что она может смеяться, потому что он сказал, что мы должны итти бок о бок с международными пролетариями. Конференция не потому смеялась, а потому, что т. Троцкий разжевывает эту азбучную истину. Вот этому она смеялась, и нужно иметь огромную долю высокомерия,

самоуверенности, недоверия к партии, чтобы заподозреть партийную конференцию в том, в чем заподозрел ее т. Троцкий. (Аплодисменты. Лазьян с места: «Он никогда не знал партию».)

У нас спор идет относительно того, позволяют ли нам наши внутренние силы с полной уверенностью вести вперед дело социалистического строительства. Мы утверждаем,—да! Мы можем построить социализм. Поэтому мы представляем линию нэпа не только как отступление, но и как наступление. И когда мы говорим о текущем хозяйственном годе—мы все ощущаем действительный мышечный рост наших сил, потому что теперь переломный год. Несмотря на трудности, которые мы имеем в нашей стране, несмотря на них, это есть год начавшегося еще более решительного наступления на капитал. Это выражается в индустриализации, в вытеснении частника из розничной торговли, это выражается в его зажиме тарифами; это выражается в том, что он кинулся в сферу кустарного ремесла; это выражается в укреплении кредитной системы; это выражается, наконец, в растущей мощи социалистических элементов нашего хозяйства. Что тут похожего на термидор? И мне кажется, вся партия в праве поставить в упор товарищам из оппозиции: скажите, вы остаетесь при прежнем решении и при прежних взглядах о термидоре, или вы осуждаете их? Нам смешно, когда т. Каменев выходит и блох давит: маленькие практические разногласия. (Аплодисменты.) Мы должны сейчас сказать: «Не давите блох, а ответьте на эти коренные вопросы: проповедуете ли вы, что мы гнием на-корню, или согласны, что мы маршируем вперед?». Вот как стоит вопрос. Это коренной вопрос, и на этот вопрос мы отвечаем: мы идем вперед, мы будем итти вперед и победим, несмотря на пророчество о термидоре, вопреки ему и против него. (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты. Овация всего зала.)

Председательствующий. Объявляю перерыв.

Председательствующий. Слово имеет т. Осинский.

Осинский. Я взошел на эту трибуну, товарищи, для того, чтобы защищать лозунг строительства социализма в одной стране. Но дабы не быть неверно понятым в отношении моей общей внутрипартийной ориентации, я хотел предварительно сделать пару оговорок. Их пора и необходимо сделать, для того чтобы товарищам было ясно, какое я лично положение занимаю в той борьбе, которая у нас в последние дни протекала, чтобы они знали о том, что я думаю по некоторым вопросам. Сделаю это я весьма

кратко. Я должен констатировать, что с большинством Центрального Комитета меня разделяет до сих пор различный подход к вопросу о нашем внутрипартийном положении и о так называемой внутрипартийной демократии. Что же касается оппозиционного блока новейшего происхождения, то меня от него отделяет весьма радикально тот общий уклон, который этот блок принял и который т. Сталин квалифицирует в конечном счете как уклон социал-демократический. Для меня, как для бывшего левого коммуниста, у которого еще не испарились воспоминания об этих днях моей далекой молодости (голос: «Толстовец!»), в первую очередь в первом же подходе бросается в глаза то, что я имею дело с левокоммунистической постановкой вопроса. С 1918 года для меня небезрезультатно прошли 8 лет моей жизни. С тех пор Ленин выпустил одно известное свое произведение, носящее заглавие «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», с тех пор, выражаясь фигурально, у меня обсохло на губах молоко в политическом смысле. (Смех.) Поэтому я в настоящий момент к левому коммунизму никакой возможности присоединиться не имею.

Итак, весьма кратко сформулировав свою позицию, я могу итти теперь дальше, отметив еще следующее обстоятельство. Не все товарищи понимали, почему моя подпись оказалась под так называемой «буферной» резолюцией. Я должен здесь констатировать, что в резолюции, составленной тт. Смилгой, Раковским, Кучменко и Шкловским, я не видел ничего противоречащего той постановке вопроса о внутрипартийной демократии, на которой я и до сих пор настаиваю; хотя я и не видел там ряда своих положений, но так как я не имел возможности на июльском пленуме выступить самостоятельно и развить свою точку зрения, то, чтобы выявить ее по вопросу о внутрипартийном положении вовне каким-либо образом, я и подписал эту резолюцию, получившую название «буферной».

Теперь разрешите мне перейти непосредственно к делу. Перед нами стоит очень важный, очень интересный и весьма принципиальный вопрос о строительстве социализма в одной стране. Я не считаю для себя возможным в этой дискуссии не принять участия, поскольку здесь разбирается вопрос большой важности для партии, который будет иметь принципиальное значение, и поскольку каждый обязан внести в обсуждение этого вопроса ту долю аргументов, которую он имеет возможность предъявить. (Рязанов: «Товарищи из президиума, прислушайтесь».) Тов. Троцкий утверждал здесь по существу, что, собственно говоря, никаких коренных разногласий (т.-е. так выходило, по крайней мере, из его построения), никаких разногласий с точкой зрения

Сталина о построении социализма в одной стране не имеется. Почему? Да ведь если нужно 30 лет для того, чтобы построить социализм полностью или в достаточно развернутом масштабе в Советской России, если до этого срока безусловно произойдет революция в решающих странах Европы,—тогда спрашивается: в чем же спор? Тогда, по мнению т. Троцкого, вовсе и нет надобности ставить вопрос о строительстве социализма в одной стране. Однако это можно несколько иначе повернуть и сказать: зачем же тогда возражать против идеи строительства социализма в одной стране? При такой постановке вопроса это разногласие по внешности совершенно расплывается и превращается в какое-то совершенно непонятное абстрактное словопрение. Если мы до конца доведем построение т. Троцкого, то вопрос оказывается только в том, на чем поставить ударение,—на том ли, что грядет мировая революция,—поэтому наша дальнейшая работа есть работа, объективно идущая по социалистическому руслу,—или поставить ударение на том, что мы строим здесь социализм, при чем у нас в тылу, подкрепляя нас, находится революция за границей в срок не дальше 30 лет, которая наши затруднения в конечном счете сметет. Я должен, однако, повторить, что одна уже эта постановка вопроса о том, что в конце концов дело сводится к тому, на чем поставить ударение, бьет против самого т. Троцкого. Я решительно не понимаю тогда, почему он так резко полемизирует против идеи строительства социализма в одной стране. Впрочем, даже и при таком подходе большое имеет значение, на чем поставить ударение (это я в дальнейшем разовью более подробно), и реальное значение имеет, на чем поставить это ударение. И по-моему, надо поставить сильнейшее ударение на том, что мы строим здесь настоящий социализм. (Голоса: «Правильно».)

Остановлюсь прежде всего на следующем. По Троцкому выходит, что мы здесь, в Советской России, в течение 30 лет никакого «полного социализма» не построим, а раньше произойдет революция за границей. И вот я спрашиваю: если бы завтра в самой развитой стране (беру Америку) произошла социалистическая революция по мановению волшебного жезла, можно ли было бы там построить полный социализм, можно ли было бы построить его раньше, чем в 30 лет? Я категорически утверждаю, что это невозможно. Между прочим, что такое этот «полный социализм»? В основе этого термина лежит совершенно метафизическая, схоластическая постановка вопроса. Предполагается, что есть какой-то «полный социализм», который, если будет произведена революция в передовой стране, может появиться на сцену сразу,

в отсталых же странах явится гораздо позже. Между тем вот что нужно принять во внимание, чтобы понять всю перспективу строительства социализма. Капитализм, в смысле охвата капиталистическими отношениями всего народного хозяйства какой-либо страны, явился не на десятки лет, а на сотни лет позже того, как появилось в этих странах товарное обращение, затем появились деньги, затем возник денежный, ростовщический капитал, возник торговый капитал, и затем через очень долгий промежуток времени была охвачена капиталом промышленность, и создался современный, теперь уже умирающий капитализм. И вот, если кто-либо не стоит на совершенно схоластической, метафизической точке зрения, тот должен понять, что процесс умирания капитализма, вытеснение его социализмом пойдет (он уже идет) аналогично, но в обратном порядке: последним умрет товарное обращение. Почему это так? Простейший аргумент был употреблен вчера и очень правильно т. Лариным. Если подсчитать на земном шаре соотношение численности промышленных наемных рабочих и крестьян—мелких самостоятельных производителей, то вы получите колоссальный перевес последних. Если вы возьмете пролетарскую революцию в самой передовой стране, то и там товарное обращение будет уничтожено очень нескоро, так как везде в сельском хозяйстве преобладает мелкое производство. Однажды мне пришлось частным порядком обсуждать с некоторыми товарищами вопрос о том, какую экономическую политику должна будет принять Германская компартия, если произойдет пролетарская революция в Германии. Все мы согласились на том, что там придется,—если не окажется никаких специальных обстоятельств, которые сделают это невозможным,—ввести с самого начала «нэп», взяв производительные силы промышленности в свои руки и постепенно реконструируя все хозяйство на социалистических началах. Что это значит? Это значит, что товарное обращение останется. Его можно отменить, его можно уничтожить после долгого ряда лет, после упорной строительной работы,—тогда только оно умрет. Оно родилось раньше капитализма, и умрет оно позже капитализма. И тот, кто думает, что какой-то «полный социализм» может быть где бы то ни было преподнесен сразу на блюде, тот говорит пустяки. Мы строим социализм, когда, захватив власть, изменяем отношения собственности и берем в свои руки производительные силы, организуя их по-социалистически; совокупность таких действий есть основной удар, который и начинает строительство, и самое главное—создает в основе социалистические отношения; а товарное обращение и связанную с ним систему взаимоотношений переработать в любой

стране и во всем мире можно только с колоссальной постепенностью. Поэтому я и утверждаю, что десятки лет пройдут после мировой революции или после решающих ударов в нескольких крупных странах, прежде чем появится «полный социализм».

А что такое полный социализм, если это понятие что-либо практически важное означает? Оно означает между прочим уничтожение товарного обращения и замену этой формы распределения продукта сознательным его распределением. Этот полный социализм не только в России, но и во всех странах появится очень нескоро.

Дальше вот на что я хотел обратить ваше внимание. Тут и мне придется поговорить несколько о социал-демократии. Я утверждаю, что самая идея строительства социализма прямиком и неизбежно ведет к постановке вопроса о строительстве социализма в одной стране. Идеи строительства социализма у социал-демократии нет. (Лозовский с места: «Социализма нет, нет и строительства».) Вы меня не совсем понимаете, т. Лозовский, вы сейчас увидите, о чем я говорю.

Какова идея социал-демократов относительно не строительства социализма, а его осуществления, проведения его в жизнь,—выражайте это как хотите, только не словом «строительство»? Социал-демократическую точку зрения на этот вопрос выразил весьма ясно Каутский в той самой брошюре, против которой т. Троцкий писал свой «Терроризм и коммунизм». Там Каутский развивает следующую постановку вопроса о том, когда, при каких условиях и как может быть осуществлен социализм. Он может быть осуществлен только тогда, когда совершенно созреет развитие производительных сил, совершенно созреют производственные отношения и, самое главное, когда рабочий класс во всех отношениях, в том числе и в отношении культурном, созреет настолько, что он сможет осуществить социализм. По сути дела социал-демократическая точка зрения, которая представляет собою извращение в определенную сторону основной марксистской точки зрения, состоит в том, что социализм вылупляется готовым из яйца, когда уже в яйце он совершенно созреет, когда достаточно только снять скорлупу. Отсюда в конечном счете получается отказ и от революционной постановки вопроса. Если нужно только пробить оболочку, и вот вам социализм на блюде, если он в совершенно готовом виде вылупляется из яйца, тогда исчезает необходимость и в настоящей революции.

Какова была постановка вопроса, очень быстро усвоенная нами в 1918 г., лишь только перед нами встала проблема, как осуществить социализм? Мы поставили тогда вопрос о строи-

тельстве социализма. Ставшая тогда перед нами специфическая проблема (об этом и я тогда писал) заключалась в том, что мы стояли перед упадком производительных сил; между тем с точки зрения того, как раньше социал-демократы подходили к этому вопросу, самое осуществление социализма, раз налицо имеется упадок производительных сил, представляется невозможным.

Ответ по этому пункту был дан такой и был дан совершенно правильно. Если происходит пролетарская революция, если пролетариат захватывает власть, если отношения собственности изменяются, то пролетариат даже в обстановке упадка получает возможность строить социализм. В процессе этого строительства он производит восстановление производительных сил, и самое строительство социализма является, между прочим, средством кратчайшего и быстрейшего восстановления производительных сил. То, что это было правильно, мы видим сейчас, мы проверили это на опыте, мы видим это из истории нашего так называемого восстановительного периода. Социалистический охват нашей промышленности был мощным рычагом к восстановлению производительных сил. Мы восстановили производство на новых общественных основах гораздо быстрее, чем это мог бы сделать любой капитализм, если бы он взялся за это в России. И именно потому, что это происходило в процессе социалистического строительства.

Что такое строительство социализма? Это не есть только подведение итога совершившимся фактам объективной «социализации» хозяйства, это не есть продукт какого-то фаталистического развития, созревания, снимания скорлупы и т. д., чего никогда не бывает и не будет,—это есть активный процесс, это есть борьба, это есть напряжение сил, которое требует самопожертвования, которое требует жертв, вызываемых неизбежно обстановкой, где каждая пядь завоевывается вновь и вновь. Вы строите здесь многое, как совершенно новое, до того неизвестное, нащупывая, что́ вы должны построить впереди, и даже не всегда зная, что́ вы должны будете делать завтра.

Вот эта-то основная постановка вопроса о строительстве социализма и приводит в конечном счете неизбежно в той обстановке, которую мы имеем сейчас, к тому, что лозунг строительства социализма связывается с лозунгом построения социализма в одной стране. Ибо если вы ставите в стране, начавшей свою революцию раньше всех остальных, вопрос о строительстве социализма, как вопрос об активном процессе, о процессе вашей собственной борьбы за новый хозяйственный порядок, то вы должны иметь в виду, что и ответственность за успехи в первую

очередь падает на ваши усилия, ваша страна в первую очередь должна полагаться на себя, независимо от общей среды.

Раз вы становитесь на точку зрения активности этого процесса социалистического преобразования общества, вы не можете перекладывать ответственность на третьих лиц, не можете становиться на пассивную точку зрения, на точку зрения пассивистскую, которая говорит, что в первую очередь надо надеяться на коммунистического бога. Вам неизбежно придется сказать: на коммунистического бога надейся, а сам не плошай, и в первую очередь сам не плошай, а коммунистический бог может помочь, а может и не помочь в течение некоторого срока. Первая и главная ответственность на самом тебе. (Рязанов: «И на бога не надейся, и сам не плошай». Сталин: «Только на Рязанова не надейся».)

Я хотел еще сравнить эту постановку вопроса с другой постановкой вопроса. Лозунг строительства социализма в одной стране имеет полное идейное сродство с постановкой вопроса о так называемом пораженчестве во время войны, т.-е. с мыслью о том, что мировая революция может быть начата только в том случае, если не бояться поражения «своей» страны, не связывать свою революционную активность такими соображениями. Лозунг пораженчества означал тогда: ты победишь только если ты выступаешь сам и проявишь максимальную долю революционной ответственности и активности. То же говорит нам лозунг строительства социализма в одной стране теперь, когда мы имеем следующую стадию революции—стадию строительства социализма. Ибо строительство социализма есть не что иное, как революционный процесс, продолжение процесса революции, начатого в 1917 году. Если мы хотим добиться в строительстве социализма полной активности, мы так же, как тогда ставили вопрос о том, что не нужно бояться поражения в «собственной» стране, мы так же должны говорить,—хотя в обратной постановке вопроса, которая является диалектическим антитезисом первой,—что мы сами ответственны за строительство социализма в нашей стране, что мы не должны бояться его строить в одной стране, в своей стране.

Я хотел бы также отметить, что этот лозунг имеет организующее значение, точно так же, как и лозунг пораженчества имел революционно-организующее значение. Для того чтобы бороться за социализм, надо прежде всего знать, за что ты борешься; для того чтобы итти на соответствующие жертвы,—а рабочий класс нашей страны уже принес эти жертвы и должен будет их еще принести,—надо знать, что ты борешься именно за социализм. Не обижая наших хозяйственников, я бы сказал также, что по-

скольку в среде их встречаются иногда уклоны в сторону сдачи социалистических позиций, уклоны в сторону потачки возрождению мелкобуржуазных и буржуазных элементов в нашем хозяйстве, надо иметь прямую, правильно намеченную линию нашего строительства, знать, куда мы идем, если мы хотим предотвратить такие уклоны. Только в том случае, если мы будем иметь эту ориентацию на социализм, тогда мы можем социалистическую линию в нашем строительстве иметь правильную.

Меня крайне неприятно поражает соединение у нашей оппозиции двух постановок вопроса: лево-коммунистических конкретных лозунгов и, с другой стороны, отклонения от прямой ориентировки на социализм в конечном счете, в общей постановке вопроса. Ведь в том случае, если иметь ясно поставленную установку на строительство социализма, тогда только можно с успехом бороться за строительство социализма в этой стране.

Надо помнить и еще об одном обстоятельстве. Мы имеем налицо две постановки вопроса. Первая: мы строим здесь, в нашей стране, социализм; мы не исключаем, разумеется, ни с какой стороны перспектив коммунистической революции за границей. Ведь мы именно поэтому и считаем, что можем и должны строить социализм в нашей стране, что наступила эпоха мировых войн и революций. Другая постановка вопроса, на которой останавливается т. Троцкий: в первую очередь—коммунистический бог, а во вторую очередь—мы делаем подготовительные шаги к полному социализму. Но дело в том, что дальше за этим следует еще третья постановка вопроса, третий оттенок, который примыкает к предшествующему оттенку с п р а в а и который говорит уже вот что: да вовсе здесь никакого социализма и не строится, з д е с ь в о з р о ж д а е т с я к а п и т а л и з м. Мы должны считаться и с этим третьим оттенком. И поскольку у нас нет ясного заострения того, что здесь, в этой стране, происходит строительство социализма, поскольку ударение ставится не на этом, а переносится вовне, политически выигрывает следующий ближайший оттенок. Резко отточенная постановка вопроса нам нужна как раз для борьбы с этим следующим оттенком, с тем оттенком, который совсем не верит в то, что здесь происходит строительство социализма.

Теперь я остановлюсь еще на том, в о з м о ж н о ли строительство социализма в нашей стране нашими собственными средствами, без существенной экономической помощи извне, возможно ли это м а т е р и а л ь н о.

Я лично утверждаю,—и думаю, что утверждение это совершенно правильно,—что это возможно. Возможно оно по целому

ряду соображений, которые мною были сформулированы более обстоятельно в 1925 году в одном фельетоне, помещенном в «Правде». Я кратко напомню, в чем состояли эти аргументы, и, может быть, добавлю еще новые аргументы. Величайшей недооценкой наших материальных возможностей является тот общий подход к производительным силам бывшей России, который господствовал в экономической литературе до войны и который имел большое распространение в наших собственных рядах. Это, в сущности говоря, являлось у многих плодом незнакомства с конкретным экономическим развитием нашей страны накануне революции, результатом наблюдения над ней из-за границы или с дальнего расстояния. В течение целых 40 лет, до 1913 года, у нас происходил процесс ввоза иностранного капитала из-за границы. Тем не менее в России вплоть до 1913 года постоянно господствовала та точка зрения (которая в наших рядах частью подкреплялась и нашей коренной оппозиционностью к буржуазному порядку), что Россия—страна отсталая и к самостоятельному экономическому развитию все еще неспособная.. Многие из нас такую тенденцию имеют и сейчас, но она является недооценкой того развития производительных сил, которое в течение этих 40 лет успело совершиться.

Я же утверждаю, что за эти 40 лет—очень порядочный срок—у нас развитие капиталистических отношений и развитие производительных сил в промышленности сделало такие значительные успехи, что все исходные точки для того, чтобы эта страна развивалась дальше самостоятельно, при прочих, как говорится, равных условиях, уже создались. (Звонок председателя.) Товарищи, я вынужден констатировать, что мне еще нужно 10 минут для того, чтобы кончить. (Голоса: «Продолжить».)

Итак, я утверждаю, что то накопление производственных ресурсов, которое наметилось у нас к началу мировой войны, было достаточно для того, чтобы,—если бы у нас не произошло революции, если бы мы находились в другой исторической эпохе, если бы этот процесс развития капитализма в России начался раньше,—Россия могла начать самостоятельное развитие. 40 лет—довольно почтенный срок. Мы все время смотрели на себя (я говорю о нас в прошлом, в довоенное время, и говорю о преобладавшей точке зрения) как на каких-то экономических недорослей, которым еще долго и долго нужно, чтобы их тащил за уши иностранный капитал. Между тем к 1913 году уже несомненно капиталистическая колонизация в России продвинулась настолько далеко вперед, что исходные точки для дальнейшего развития производительных сил на «национальной» базе были уже сделаны.

Что же еще к этому прибавилось? Произошел переворот, пролетарский переворот, который ввел совершенно новые формы хозяйства и который создал, между прочим, такой колоссальной важности факт, как социалистическую экономию в использовании средств производства. Уже одно добавление к тому материальному наследству, правда, потрепанному и частью израсходованному за 1914—1920 гг., которое мы получили от буржуазии, есть колоссального значения плюс.

Далее, так как у нас произошел этот переворот, то он отразился на нашем финансовом хозяйстве. Наш нынешний государственный бюджет построен совершенно иначе, чем он был построен в дореволюционной России и чем он построен в любой капиталистической стране. При помощи этого построения нашего государственного бюджета мы можем усиливать те ресурсы накопления, которые нужны нам для разворачивания производительных сил; и я утверждаю, что через несколько лет мы увидим плоды все более и более зреющего, все более и более увеличивающегося в масштабе экономического наступления, которое в настоящий момент мы разворачиваем. Процесс расширенного воспроизводства, который у нас сейчас идет быстрыми шагами, через некоторое время развернет свою спираль еще гораздо больше, чем сейчас. Если мы сейчас можем вкладывать 900 миллионов в новые средства производства, то ведь их вложение дает тотчас же дальнейшее расширение наших ресурсов. В той обстановке, при которой мы делаем эти вложения, мы слышим постоянно об одном и том же. Строится у нас там-то новая фабрика на совершенно новой технической базе; и каждый раз при открытии ее мы слышим и читаем в газетах одну вещь, которая является не случайной, а совершенно необходимой. Нам указывают, что все оборудование этой фабрики, завода и пр. в течение 2—3 лет полностью амортизируется. Что это означает? Это означает, что в той экономической обстановке, в которой мы находимся, вновь вложенные средства дадут возможность с необычайной быстротой дальше развертывать это расширяющееся производство. В результате всей экономической обстановки, напряженного спроса, того товарного голода, который мы имеем не только потому, что не окончился еще у нас полностью процесс восстановления, но и потому, что расширился рынок, что потребности населения значительно выросли,—благодаря всем этим обстоятельствам вновь вкладываемые суммы гораздо скорее создадут возможность дальнейшего расширения производства, чем это было до революции, и цифры наших капиталовложений будут все больше и больше

увеличиваться в своем масштабе. Когда т. Зиновьев говорил о своих миллиардах, мне припомнилась та сказка, где крестьянин, получив за что-то в награду корову, повел ее домой, по дороге выменял ее на овцу, овцу на гуся, гуся на иголку и в конце концов потерял эту иголку. (Смех. Рязанов с места: «Зоологические анекдоты не всегда»...) В такое же положение попал и т. Зиновьев со своими миллиардами, он по дороге обменивал их на корову, корову на овцу, овцу на гуся и т. д. Но эти ныне нереальные миллиарды в будущем у нас могут стать, и обязательно станут, реальными, по той простой причине, что мы имеем расширяющееся воспроизводство на совершенно новых социальных основах и в новой экономической обстановке, где накопление внутри страны усиливается.

Перехожу к следующему пункту. Тов. Сталин единственным внешним ограничением для построения социализма в одной стране совершенно правильно поставил опасность внешней интервенции. Тов. Троцкий против этого полемизировал. Он говорил, что у нас имеется и ограничение экономическое. Наше хозяйство связано с мировым хозяйством, мы не можем совершать процессов нашего развития без связи с этим мировым хозяйством. Но поскольку мы связаны с этой мировой—буржуазной—обстановкой, постольку она нас ограничивает. И здесь де лежит еще одно ограничение, которое т. Сталиным упущено. По-моему, постановка вопроса Сталина правильная. Он ставит вопрос законченно и точно. Ибо поскольку т. Троцкий выдвигает другой предел—нашу экономическую связь с заграницей, с мировым хозяйством, надо прежде всего сказать, что это ограничение является не абсолютным, а является ограничением весьма относительным и гибким. Тов. Троцкий забывает о том обстоятельстве, что это ограничение развития мировым рынком для каждой капиталистической страны также всегда существует. Но оно не устраняет для нее возможности самостоятельного экономического развития. Точно так же оно не препятствует тому, чтобы и наша страна на основе своих внутренних возможностей и внутренних ресурсов могла самостоятельно развиваться,—но в социалистической форме.

Возьмем Соединенные Штаты Северной Америки и посмотрим, препятствует ли их связь с мировым хозяйством тому, чтобы, имея обширнейший внутренний рынок,—заметьте, как раз это самое имеется и в России,—имея обширнейший внутренний рынок, они в первую очередь развивались за свой собственный счет и экономика их определялась в первую оче-

редь внутренними процессами, а не внешними условиями. Мы должны ответить, что не препятствует.

Далее. В целом ряде стран мы можем наблюдать, если возьмем историю кризисов, что ряд кризисов, которые надо считать более или менее мировыми (более или менее, потому что они не захватывали отдельных стран), что ряд таких кризисов Северо-Американские Соединенные Штаты не захватывал. Что это значит? А это значит, что данный внешний предел в этом случае не действовал на Северо-Американские Соединенные Штаты. Если же мы посмотрим, почему эти кризисы иногда не действовали на ту или иную страну (это, между прочим, относится и к Германии), то в качестве одной из причин найдем следующее. Хотя там и существует капиталистическая форма производства, но там имеется большая организованность хозяйства (также в капиталистической форме), которая имеет возможность создавать некоторый барьер против распространения этих кризисов. Я теперь спрашиваю вас: не имеется ли в Советской России ещё более организованное, еще более концентрированное хозяйство, такое, где в случае перебоя мы во все концы можем быстро бросать подкрепления, которым можем командовать по всей линии, не имеется ли у нас даже еще более организованное хозяйство, чем в Северо-Американских Соединенных Штатах? Я полагаю, что мы в гораздо большей степени, чем Северо-Американские Соединенные Штаты, имеем хозяйство, планомерно руководимое, т.-е., следовательно, и еще менее поддающееся удару кризисов, плывущих из сферы мирового рынка. И потому я повторяю: этот предел является относительным, а не абсолютным. Он способен только искривить в худшем случае линию нашего подъема, но он не способен ее сломать. У т. Сталина же в качестве предела берется предел действительно абсолютный, и в этом основное различие.

Этот абсолютный предел намечен совершенно правильно и в отношении чисто политическом, в смысле организующего его значения для нашей борьбы за социализм. Он вновь говорит нам о том, что мы должны принять на себя полную ответственность за успех нашей борьбы и развернуть самую энергичную борьбу и строительство здесь, в нашей стране, только в одном отношении надеясь на коммунистического бога, на помощь наших заграничных товарищей, только в том направлении, где эта помощь абсолютно необходима: когда извне пойдут на нас, дабы силой сломать то, что мы создаем. В этом случае мы безусловно не обойдемся без помощи заграничных товарищей, можем и должны ее требовать. Во всех остальных отношениях мы должны в пер-

вую очередь надеяться на себя, дать образец революционной активности и энергично развивать наше социалистическое строительство.

Последнее, что я хочу сказать, есть следующее. Я, может быть, пойду дальше т. Сталина и скажу, что неправильно было бы сказать: мы строим социализм в одной стране, а поэтому только для самих себя. Нет, мы строим его не только для себя, мы строим его у себя, но для всех, для всего мира: это совершенно правильная постановка вопроса. (Голоса: «Это и Сталин говорил».)

Мы строим его по экономической линии не только для себя, мы строим его также для нужд мирового пролетариата, ибо весь тот опыт методов экономического строительства социализма, который накопляется в нашей стране, будет использован всем мировым пролетариатом. В этом смысле мы строим мировой социализм в нашей стране. Но это относится не только к нашему экономическому строительству. Строительством социализма является также и наша работа в надстройках над экономической базой. Тот опыт, который мы получаем, например в вопросах государственного управления, есть опыт ценнейший для всякой социалистической республики, которая возникнет. Тот опыт, который мы получаем в деле военном, он не только будет иметь значение в качестве теоретического опыта для других стран, но, весьма возможно, он получит и некоторое практическое значение. Наши достижения в этой области будут использованы мировым социализмом.

Наконец, то культурное строительство, которое нами проделывается, эта развивающаяся сейчас социалистическая культура, она послужит всему мировому пролетариату. Мы уже сейчас без всяких самовозвеличений можем констатировать, что здесь, в СССР, мы создали мировой очаг социалистической культуры. Все те научные работы на основе марксизма, которые мы ведем, все, что мы делаем как по теоретической проработке вопросов, так и по просвещению масс, по созданию нового типа народного образования,—я могу упомянуть, если хотите, и о том новом искусстве, которое у нас создается,—все это мы делаем для мирового пролетариата, для мирового социализма. И вот поэтому я могу с полной уверенностью закончить такой краткой формулировкой своей точки зрения: здесь в этой стране мы не только строим социализм, но строим его не для нас одних. Мы строим социализм не «полный» или «неполный», мы просто строим социализм, мы боремся за мировой социализм, мы делаем великое

дело для мировой революции, для мирового пролетариата. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Слово имеет тов. Стецкий.

Стецкий. Вчерашняя речь т. Каменева произвела на меня впечатление дымовой завесы, под которой оппозиция пыталась скрыть свою артиллерию, скрыть расположение сил, для того чтобы облегчить возможность обороны и различных диверсий по отношению к партии, которые производили затем тт. Троцкий и Зиновьев.

Тов. Каменев все разногласия пытался свести к каким-то «недоразумениям». Однако, пытаясь затушевать оппозиционную платформу, он в то же самое время помахивал здесь, с трибуны, основным документом оппозиции, так называемой декларацией, предъявленной вождями оппозиции на июльском пленуме ЦК и ЦКК. Между тем в этом документе как раз и содержится все то, что т. Каменев назвал «недоразумениями», все те обвинения, которые выставила оппозиция по адресу ЦК и всей партии. Я хотел бы продемонстрировать некоторые из этих «недоразумений», которыми полна декларация, для того чтобы показать, что́ скрывается за ««дымовой завесой» т. Каменева. Вот, например, характеристика внутрипартийного курса:

«На самом деле, перед нами здесь очевидное и несомненное последствие господствующего курса, при котором говорят только сверху, а снизу слушают и думают про себя, врозь, под спудом. Недовольные, несогласные или сомневающиеся боятся поднять голос на партийных собраниях. Партийная масса слышит всего только речь партийного начальства по одной и той же шпаргалке. Взаимная связь и доверие к руководству ослабевают». (Стенограф. отчет объединенного октябрьского пленума ЦК и ЦКК, 1926 г., стр. 31.)

Вот вам «недоразумение» номер первый, которое содержится в документе, объявленном т. Каменевым основным документом оппозиции.

Дальше говорится относительно нашей хозяйственной политики, и эта хозяйственная политика определяется таким образом:

«Расхождение между направлением хозяйственной политики и направлением чувств и мыслей пролетарского авангарда усиливает неизбежно потребность в нажиме и придает всей политике административно-бюрократический характер». (Стенограф. отчет объединенного октябрьского пленума ЦК и ЦКК, 1926 г., стр. 31—32.)

Вот, товарищи, «недоразумение» номер два. Наша хозяйственная политика объявляется расходящейся с интересами пролетариата.

Дальше говорится об индустриализации:

«Резолюция XIV съезда об индустриализации на деле все больше отодвигается назад, по примеру того, как на-нет сведены все резолюции о партийной демократии». (Стенограф. отчет объединенного октябрьского пленума ЦК и ЦКК, 1926 г., стр. 33.)

Вот «недоразумение» номер три: партия обвиняется в том, что она якобы не выполняет своего собственного решения об индустриализации.

Затем говорится о нашей политике в деревне, и она характеризуется следующим образом:

«В вопросах сельскохозяйственной политики все ярче определяется опасность сдвига в сторону деревенских верхов... Союз с середняком все чаще превращается в курс на «зажиточного» середняка, который чаще всего является младшим братом кулака». (Стенограф. отчет объединенного октябрьского пленума ЦК и ЦКК, 1926 г., стр. 33.)

И наконец, товарищи, характеристика нашего государственного аппарата:

«Совершенно очевидно, что государственный аппарат по своему составу и уровню жизни в огромной степени является буржуазным и мелкобуржуазным и тянет в сторону от пролетариата и деревенской бедноты, с одной стороны, навстречу устроившемуся интеллигенту, а с другой—навстречу арендатору, купцу, кулаку, новому буржуа». (Стенограф. отчет объединенного пленума ЦК и ЦКК, 1926 г., стр. 33.)

Оказывается, что наш государственный аппарат ни больше, ни меньше, как тянет в сторону буржуазии, т.-е. весь целиком действует против пролетариата.

Вот, товарищи, те «недоразумения», которые содержатся в этом «июльском манифесте» оппозиции. И мне кажется, что всем словам т. Каменева партия могла бы поверить только в том случае, если бы он отказался от этого большого «недоразумения», каким является эта декларация. Но он этого не сделал. Наоборот, он заявил, что этот документ является основным документом оппозиции, что на почве этого документа они продолжают стоять до сих пор, и поэтому мы не можем рассматривать иначе речь т. Каменева, как определенный политический маневр, которым стараются облегчить положение и задачи обороны оппозиции.

Мне кажется, далее, что т. Каменеву не удалось скрыть своих оппозиционных мотивов и своих не-ленинских теорий, своих расхождений с ЦК и по основному вопросу—по вопросу о возможности победы социализма в одной стране.

Нужно сказать, что несмотря на то, что все оппозиционные вожди в этом вопросе согласны между собой по существу, в оценке значения этого вопроса наметилось отсутствие единого мнения между т. Зиновьевым и т. Троцким, ибо т. Троцкий вчера говорил, что самая постановка вопроса о возможности построения социализма в одной стране является схоластической, что она совершенно не нужна, она не имеет никакого отношения к вопросам нашей политики, она притянута за волосы. А т. Зиновьев сегодня заявил нам, что этот вопрос является действительно узловым, центральным вопросом нашей политики. Таким образом мы видим, что несмотря на то, что по существу и т. Зиновьев и т. Троцкий защищают одну и ту же позицию, в этом вопросе, в оценке значения этого вопроса, блока у них не получилось.

И в данном случае, конечно, был прав т. Зиновьев против т. Троцкого. Вопрос о возможности победы социализма в нашей стране действительно является центральным вопросом. Вопрос этот не абстрактный, не отвлеченный, не схоластический. Он имеет величайшее значение и ближайшее отношение к нашей политике, к оценке нашей революции и ее перспектив. В чем дело? Куда упирается этот вопрос? Мне кажется, что он прежде всего упирается одним своим концом в проблему взаимоотношений пролетариата и крестьянства. Так формулировал дело и сам т. Зиновьев на XIV партсъезде. В своем содокладе на XIV партсъезде он заявил следующее:

«Бесспорно и всем ходом нашего хозяйственного развития доказано, что мы действительно строим социализм в нашей стране. Мы спорим лишь о том, можно ли окончательно построить социализм и закрепить социалистический строй в одной стране, и притом не в такой стране, как Америка, а в нашей, крестьянской». (Стенографич. отчет XIV съезда ВКП(б), Гиз, 1926 г., стр. 98.)

Вот формулировка разногласий, как она была дана т. Зиновьевым на XIV партсъезде. Здесь дело нельзя свести к оговорке или к недоразумению, ибо т. Зиновьев выступал с содокладом, держал программную речь от имени оппозиции и дал точную формулировку того, в чем заключается сущность спора о возможности победы социализма в одной стране.

Здесь черным по белому написано, и было сказано в выступлении, что сущность разногласий сводится к тому, что оппозиционеры сомневаются в возможности окончательного построения социализма в силу отсталости, в силу крестьянского характера нашей страны. Вот в чем суть разногласий.

Их мнение заключается, таким образом, в том, что мы не можем построить социализм в нашей стране вследствие тех непреодолимых препятствий, которые вытекают из преобладания в ней крестьянства и из ее отсталости.

И если вспомнить всю ту картину положения и развития нашей деревни, которая давалась оппозицией, то станет ясным, почему именно так ставил вопрос т. Зиновьев. Он ставил этот вопрос так потому, что оппозиционеры не верят в то, что мы сможем переделать крестьянство, потому что они не верят в прочность нашего союза с крестьянством, потому что они не верят в возможность пролетарского руководства крестьянством. В этом заключается суть вопроса. Вся оценка развития деревни, которая была дана оппозицией на XIV съезде и дается теперь, сводится к тому, что развитие деревни идет по капиталистическому руслу, что в деревне господствуют сейчас капиталистические элементы, что в деревне основной силой является кулак. К этому сводится основная оценка развития деревни и положения внутри нашей страны. Эта оценка нашла себе снова подтверждение и во вчерашнем выступлении т. Каменева. Совершенно ясно, что если деревня идет по капиталистическому пути, если крестьянство выступает вместе с капиталистическими элементами и под их руководством против дела строительства социализма,—совершенно ясно, что отсюда должно вытекать убеждение в невозможности построения социализма в нашей стране.

Отсюда неизбежно вытекает заключение, что мы не можем справиться со всеми трудностями, которые перед нами возникают, что нам придется споткнуться на деревне, быть захлестнутыми той капиталистической волной, которая из деревни идет. Вот та перспектива, которая была дана оппозицией на XIV партийном съезде, и вот как связывается эта перспектива с разногласиями относительно возможности построения социализма в нашей стране.

И надо сказать, что эта линия—одна из основных, по которой идет и произошло объединение новой оппозиции с троцкизмом. В этой оценке крестьянства и развития деревни содержится уже переход к тому положению, которое выставлял и защищал т. Троцкий, а именно: что нам придется после завоевания власти иметь неизбежно против себя крестьянство.

Тов. Троцкого вчера здесь допрашивали, какую же связь имеет его позиция о невозможности построения социализма в нашей стране с его политикой нажима на крестьянство. Связь очень ясна и очень очевидна. И если т. Троцкий этой связи не хочет понять, это свидетельствует о том, что объединенная оппозиция плохо

«познала себя», связь и зависимость между отдельными элементами своих построений.

К чему дело сводится в действительности? Совершенно ясно, что если деревня развивается против нас, если из деревни идет капиталистическая волна, если в деревне господствуют капиталистические элементы, то отсюда возникает стремление застопорить это идущее против нас развитие путем нажима, поставить преграды этому капиталистическому развитию. Раз деревня идет против нас, то отсюда вытекает политика «нажима» на деревню, политика эксплоатации деревни, политика увеличения налогов и повышения цен, для того чтобы «почистить» эту якобы капиталистическую деревню. Вот где та связь, которую искал вчера т. Троцкий.

Я хотел остановиться еще на одном моменте, который был затронут в речи т. Каменева: это—на вопросе относительно темпа нашего развития. Тов. Каменев поставил здесь вопрос, подошел к вопросу о возможности победы социализма в нашей стране именно с этого конца, с вопроса относительно темпа. И нужно сказать, что эта постановка как раз является тем обходным движением, которое оппозиция сейчас предпринимает для того, чтобы доказать свою теорию невозможности полного построения социализма у нас.

К чему сводится эта постановка вопроса о темпе? Она сводится к тому же самому вопросу относительно нашей технической отсталости, к тому, что у нас нет достаточных ресурсов для того чтобы догнать капиталистические страны и доказать преимущества социалистической организации хозяйства. Так ставил вопрос т. Смилга в своем выступлении в Комакадемии. Мне кажется, дело сводится к тому, что оппозиция пересматривает здесь основное положение марксизма и ленинизма, то положение, что диктатура пролетариата, что социалистическая организация хозяйства представляют такие преимущества перед капиталистическим строем, которые дают возможность более быстро развивать производительные силы страны, более быстро развертывать хозяйство.

Тов. Троцкий вчера подтвердил свое прежнее положение, что подлинный подъем нашего хозяйства в настоящее время еще невозможен, что он наступит после мировой революции. Что это означает? Это означает, что мы теперь еще не можем использовать тех преимуществ, которые дает социалистическая организация крупного хозяйства, которые дает национализация земли, которые дает национализация промышленности и других средств производства. Мы не можем развернуть

преимущества нашей организации хозяйства перед капиталистической. Между тем это глубоко неправильная постановка вопроса. И в тех самых контрольных цифрах, которые разработаны Госпланом, в этих контрольных цифрах уже дается целый ряд примеров того, как мы при нашей организации хозяйства уже сокращаем непроизводительные расходы по сравнению с капитализмом и создаем условия для более быстрого развития хозяйства, чем в капиталистических странах. В этих «Контрольных цифрах» говорится между прочим следующее:

«Однако и моменты реконструкции социальной структуры общества, вызванные Октябрьской революцией, отчетливо определяются этими данными. До войны число лиц наемного труда, занятых в промышленности, торговле, в строительном деле, было относительно общего числа занятых лиц в этих отраслях народного хозяйства значительно меньше, чем в настоящее время, что объясняется замещением в этих отраслях мелкого ремесленного производства крупным, работающим на наемном труде и преимущественно принадлежащим государству. На-ряду с этим почти исчезает группа рантье». («Контрольные цифры народного хозяйства на 1926/27 г.», стр. 137.)

Таким образом, несмотря на все недостатки нашего аппарата, несмотря на то, что мы к проведению режима экономии, к рационализации аппарата только приступаем, общее изменение социальной структуры нашего хозяйства дает уже себя знать. Соотношение между производительным и непроизводительным трудом сказывается иначе, чем при капитализме: количество лиц, занятых производительным трудом, относительно больше количества лиц, занятых непроизводительным трудом. Это подтверждается дальше и следующим фактом:

«Что касается торговли, то по приводимым данным число лиц, в ней занятых, много ниже довоенного и продолжает таковым оставаться в 1926/27 году, несмотря на сравнительно значительный рост темпа». («Контрольные цифры народного хозяйства на 1926/27 г.», стр. 138.)

А это обстоятельство—относительное увеличение производительных расходов—создает возможность более быстрого движения вперед, чем это возможно при капитализме. Об этом говорил в своем докладе т. Рыков, об этом говорится и в «Контрольных цифрах». Оппозиция недоучитывает эти наши возможности, недоучитывает того, что каждый наш шаг в области расширения нашей социалистической организации создает вместе с тем возможность более быстрого накопления, более быстрого движения вперед. Что значит сейчас—не говоря уже о социалистиче-

ской промышленности, транспорте и пр.—расширение кооперативной сети, сельскохозяйственной кооперации, расширение сети сберегательных касс и т. д.? Это означает возможность увеличения социалистического накопления, означает то, что возможность частного капиталистического накопления уменьшается, и что те средства, которые шли на частное накопление, сокращаются. Каждая новая сберегательная касса, каждый новый сельскохозяйственный кооператив, точно так же как потребительский, означает расширяющиеся возможности социалистического накопления за счет вовлечения в это дело крестьянства. Таким образом на-ряду с развитием накопления в промышленности, транспорте и пр. мы социалистическое накопление можем расширять путем вовлечения (а не эксплоатации) крестьянства в дело социалистического строительства. А это значит, что мы с каждым годом получаем все большие и большие ресурсы для построения более рациональной социалистической организации производства и получаем возможности все более быстрого движения вперед, благодаря этой рациональной организации.

Вот та ленинская перспектива, которую защищает партия, и она прямо противоположна той пессимистической оппозиционной перспективе, сводящейся к тому, что мы социализма построить не можем, что мы не можем догнать и обогнать передовые капиталистические страны.

С этой перспективой и с этой идеологией мы боролись и будем бороться.

Председательствующий. Согласно регламента, заседание объявляется закрытым.

Заседание двенадцатое.

(2 ноября 1926 г., вечернее.)

Петровский (председательствующий). Заседание конференции возобновляется. Слово имеет т. Угланов. (Аплодисменты.)

Угланов. Товарищи, в выступлениях трех лидеров оппозиции не было одного вопроса, который был главным и начальным в платформе оппозиции, которая была сформулирована на июльском пленуме ЦК нашей партии и которая июльским пленумом ЦК нашей партии была отвергнута. Платформа не была внесена в стенограмму и только теперь роздана членам ЦК и нашим партийным организациям. Первым пунктом этой платформы оппозиции было следующее утверждение: «Ближайшая причина все обостряющихся кризисов в партии—в бюрократизме, который чудовищно вырос в период, наступивший после смерти Ленина, и продолжает расти». На июльском пленуме ЦК нашей партии, а затем в открытых выступлениях лидеров оппозиции у нас на ячейках Московской организации вопрос о том, что наша партия и что наш государственный аппарат насквозь проросли бюрократизмом и что это является одним из самых больших зол, которые приводят к непрекращающимся кризисам в партии,—это было главное утверждение и обвинение оппозиции против Центрального Комитета. Это обвинение стояло во главе программы оппозиции, но почему-то на настоящей конференции оно совершенно исчезло. Спрашивается—почему? Не подлежит, товарищи, никакому сомнению, что этому обвинению, которое было брошено партии, не верили и сами лидеры оппозиции, не верили полностью и до конца. Это было лишь приманкой, рассчитанной на несознательность, на то, что партия в этом вопросе не разберется; это было рассчитано на то, чтобы привлечь к себе сочувствие широких рабочих масс.

Выступая, в особенности в нашей Московской организации,

со своими часовыми речами лидеры оппозиции пытались доказать рабочим, что нас заел бюрократизм. В ответ на свои выступления они получили должный отпор. В нашей Московской организации им пришлось потерпеть поражение. Вот почему теперь об этом, главном, казалось бы с их точки зрения, вопросе они сейчас замолчали. Обман, при помощи которого оппозиция пыталась ввести в заблуждение партию, не удался, и теперь это обвинение как главный пункт, стоявший в программе оппозиции, снято с очереди. Товарищи, я тут же прибавлю, что кого-кого, а уж Московскую организацию и внутрипартийную жизнь Московской организации оппозиция, в особенности троцкисты, обвиняла в этих смертных грехах больше всего. После того как они в первом столкновении, в первом своем выступлении были разбиты и, потерпев поражение, апеллировали в Центральный Комитет нашей партии по вопросу о своем поражении, они так примерно формулировали свои взгляды на внутрипартийную жизнь в Московской организации по вопросу о резолюции бюро Московского комитета нашей партии от 2 октября, явившейся как ответ на дезорганизаторские выступления лидеров оппозиции. Вот что они говорили:

«Резолюция бюро МК от 2 октября представляет собою самый яркий образец того недопустимого и прямо-таки гибельного режима, который проводится в Московской организации под руководством т. Угланова. Если хоть сколько-нибудь вдуматься в эту резолюцию, то она сама по себе представляет неоспоримый довод за необходимость изменения партийного режима».

Что было в нашей резолюции? В нашей резолюции было констатирование антипартийных выступлений лидеров оппозиции, направленных к тому, чтобы втянуть партию в дискуссию, навязать партии дискуссию. В нашей резолюции был большевистский призыв к Московской организации и всей партии дать оппозиции отпор. С точки зрения большевистской организации мы считаем, что мы последовательно до конца выполнили поставленную перед нами партией задачу. Это правильное большевистское разрешение поставленной перед нашей партией задачи оппозиция называет гибельным режимом. Вот почему, товарищи, если вдуматься в формулу оппозиции, что всюду нашу партийную жизнь проедает бюрократизм, если в это внимательно всмотреться, то под этой анонимной вывеской бюрократизма скрывается другое,—здесь скрывается нежелание лидеров оппозиции чувствовать на себе твердость большевистской партийной дисциплины, которую партия и Центральный Комитет продолжают проводить после смерти Владимира Ильича и в отношении ли-

деров партии. (Голоса: «Правильно!» Аплодисменты.) Как только лидерам оппозиции стало не очень свободно ходить по большевистской улице и нарушать партийный порядок, как только для них стало обязательным соблюдение партийной дисциплины, с их стороны раздался этот протест против большевистской дисциплины. Вот что скрывается под формулой все съедающего в партии бюрократизма. Это открыто сказать боятся и преподносят под заманчивым лозунгом бюрократизма, а когда оказываются разбитыми, отступают и об этом помалкивают.

Теперь я перейду к вопросу о партийном аппарате, о котором говорил т. Каменев. Тов. Каменев в своей речи заявил, что в тезисах ЦК, которые представлены настоящей конференции, оценка партийного аппарата правильна. Дальше он заявил, что в их декларации на июльском пленуме ЦК они заявили, что аппарат они ценят. Хорошо, мы знаем из последующей деятельности оппозиции—развития нелегальной работы и затем направления ударов по аппарату, что я буду другими документами характеризовать,—как они ценят партийный аппарат в своей июльской декларации, с их точки зрения. Таким образом, ломаный грош—цена их лицемерному заявлению о том, что они ценят партийный аппарат. Но если т. Каменев говорит, что он считает правильной оценку, данную в резолюции партийному аппарату, то мы должны спросить т. Каменева,—в тезисах ЦК нашей партии дается оценка партийному аппарату не только вообще, но и аппарату, действующему и руководящему партией в данный момент,—как он относится и какую дает оценку ныне действующему партийному аппарату. Пусть т. Каменев ответит на этот вопрос. Пока что до сего времени, хотя т. Каменев открыто в дискуссии не выступал, но по всем данным, которые мы имеем в ЦК и Московской организации, он был вроде генерального секретаря нелегального ЦК оппозиции. Вроде этого. (Голоса: «Правильно, верно!».) Так пусть он скажет, как он относится к ныне действующему аппарату, руководящему партией. Мы этого ответа пока что не получили, а деятельность т. Каменева до настоящего времени наводит совсем на другие размышления. Оценка ЦК партии в отношении партийного аппарата в тезисах правильна. Раз т. Каменев, союзник т. Троцкого, утверждает, что определение партийного аппарата, данное в тезисах ЦК, правильно, то как т. Каменев относится к такому документу, определяющему наше партийное руководство, нашу партийную политику и наш партийный аппарат, который представляет листовка т. Троцкого, появившаяся на свет нелегально в Московской организации в конце сентября? Как т. Каменев относится к этой оценке партийного

аппарата? Отдельные товарищи ссылались на этот документ, но никто его не читал. Я прочитаю отдельные места этого документа.

Тов. Троцкий писал: «Ответ на запросы товарищей об оппозиции: «Сталинская фракция строит свою политику раскола партии на противопоставлении «троцкизма» ленинизму и на утверждении, что оппозиция 1926 года (ленинградцы) перешла с позиции ленинизма на позицию «троцкизма». Всякому мыслящему члену партии совершенно ясно, что целью такой агитации является отвлечение внимания от действительных разногласий, вызванных явным сползанием сталинской фракции с классовой линии в сторону старых разногласий, которые либо совершенно изжиты, либо потеряли острое значение, либо оказались мнимыми.

Утверждение, будто оппозиция 1925 г. отреклась от себя и стала на путь оппозиции 1923 г., явно ложно и продиктовано соображениями грубого и нелойяльного политиканства. С 1923 г. партия накопила гигантский опыт, и на этом опыте не учились только те элементы, которые автоматически сползают в мелкобуржуазное болото».

А дальше:

«Ленин формулировал на основании опыта революции 1905 и 1917 гг., как и опыта социалистического строительства («смычка»), о необходимости радикальной борьбы с тенденциями мелкобуржуазного перерождения в рядах нашей собственной партии; наконец, о необходимости всемерно укрепить пролетарский состав партии и обеспечить решающее влияние пролетарских центров, районов и ячеек на политику партии и вместе с тем вернуть партийный режим на ленинские рельсы внутрипартийной демократии».

Вот такой документ вышел в конце сентября, который в таком разрезе оценивает наш партийный аппарат, наше партийное руководство как сталинскую фракцию, которая все искажает, которая скатывается в оппортунистическое болото, и т. д.

Как т. Каменев, который говорит, что оценка, данная партийному аппарату, партийному руководству в тезисах Центрального Комитета, является правильной,—как он смотрит на такие листовки, на такие воззвания к «народу» со стороны т. Троцкого, согласен или нет? Листовка подписана—«Л. Троцкий». Как на такую листовку смотрит т. Каменев?

Деятельность т. Каменева за последние недели и его выступление на конференции, где он выступал в роли, так сказать, одного из военачальников головного отряда троцкистской армии, говорит об обратном. Его заявление о том, что оценка партаппа-

рата, данная в тезисах, предложенных конференции, правильна, это—лицемерие, это—заявление, которое не заслуживает доверия.

Это заявление должно быть подкреплено. Если т. Каменев хотел заявить, что в этом вопросе он согласен с Центральным Комитетом, он должен заявить об этом более убедительными аргументами, более искренно, иначе это является лицемерием.

Перейду к другому вождю оппозиционной армии, т. Зиновьеву. Тов. Зиновьев взял на себя защиту и попытку оправдания своей дезорганизационной работы ссылками на Ленина, на то, как Владимир Ильич боролся с оппозицией. Тов. Зиновьев говорил, что у нас проводятся небывалые методы рассасывания оппозиции, что Владимир Ильич таких методов рассасывания оппозиции никогда не применял. Неверно это. Это искажение действительного положения дел в нашей партии.

Да, Владимир Ильич, поскольку дело не доходило до обособления, поскольку дело не доходило до организации нелегальной партии внутри партии, Владимир Ильич в легальный период нашей революции, в легальный период существования нашей партии с величайшей осторожностью применял резкие меры.

Но все товарищи знают, что перед XI съездом партии стоило только т. Шляпникову сделать несколько дезорганизаторских шагов, как не кто иной, как Владимир Ильич, поставил вопрос на пленуме ЦК об исключении т. Шляпникова из партии. Что стоят эти шаги Шляпникова по сравнению с той гигантской дезорганизаторской, раскольнической работой, которую ведут тт. Троцкий, Зиновьев и др.? Ведь выступление Шляпникова в 1922 году, это—детская игра по сравнению с тем, что организовали наши лидеры оппозиции в этом году. У них и иногороднее информационное бюро для связи с провинцией, и рассылка туда своей фракционной литературы, и нелегальный Московский комитет в Москве, комитеты по другим организациям, по губернским, по районным и пр., организация нелегальной работы по части распространения литературы и т. д. Что это такое? Разве это может пойти в какое-нибудь сравнение с тем, за что Владимир Ильич предлагал исключить Шляпникова из партии? Это вообще другие порядки. Здесь уже запахло возникновением второй партии в партии. И пусть т. Зиновьев не жалуется на то, что слишком жесткие меры были приняты по части рассасывания. Не жесткие были приняты меры, а мягкие, слишком мягкие. (Аплодисменты.)

Я не хотел бы здесь останавливаться, но поскольку т. Зиновьев взял на себя, так сказать, роль человека и политического деятеля, который выступил с тем, чтобы напомнить, что необходимо применять более мягкие методы по части рассасывания, я тоже хочу

здесь напомнить, что все мы знаем по деятельности т. Зиновьева, когда он был в большинстве нашей партии, что все мы знаем его по части методов рассасывания. Всем уже хорошо известно и в партии много раз повторялось о том, как т. Зиновьев предлагал Центральному Комитету «рассасывать» т. Троцкого. (Смех. Аплодисменты.)

Кто из старых партийных работников-ленинградцев присутствует здесь, тот великолепно знает, как порой демагогически т. Зиновьев рассасывал партийных товарищей, старых работников, стоящих на линии ЦК все время и безоговорочно, но только несогласных с т. Зиновьевым по целому ряду вопросов практического порядка. Тов. Зиновьев самым бесшабашным образом «рассасывал» целые кадры товарищей из Ленинградской организации, и не т. Зиновьеву с его лицемерием выступать здесь и вопить о более мягких методах рассасывания. (Аплодисменты.)

Теперь я перехожу к третьему лидеру оппозиции, так называемому главнокомандующему оппозиционной армией, к т. Троцкому. (Голоса: «Армии-то нет! Генерал без армии!».)

Тов. Троцкий спрашивал: «Что есть у нас социал-демократического?». И он повторил целую группу вопросов. Тов. Троцкий спрашивал: «Что есть социал-демократического в том, что мы предлагаем 40% бедноты освободить от налога?». Я согласен т. Троцкому сделать уступку и назову это предложение не социал-демократическим, а авантюристическим. (Голоса: «Правильно».) Почему я называю это предложение Троцкого авантюристическим? Это предложение Троцкого и всех лидеров оппозиции является авантюристическим потому, что на данной стадии развития нашей страны партия и советская власть этого выполнить не в состоянии. Они должны великолепно знать, что по причинам экономического и политического характера выполнить это предложение нельзя. А поскольку эти люди знают, что выполнить этого предложения нельзя, постольку это предложение является авантюристическим.

В этом я т. Троцкому делаю уступку, называя эту постановку вопроса не социал-демократической, а авантюристической. (Звонок председателя.) Мне еще немножко надо, чтобы я мог кончить. (Голоса: «Продолжить, продолжить».)

Второй вопрос. Тов. Троцкий говорил: повышение заработной платы должно предшествовать повышению производительности труда. Что, говорит, здесь есть социал-демократического? Здесь я согласен с тем, что нельзя назвать такую формулу социал-демократическим определением. Но, товарищи, все же такая постановка противоречит партийной постановке вопроса. До сего времени мы,

вся партия, и на съездах, и на конференциях, и в каждодневной работе, и каждый беспартийный рабочий, каждый работник профсоюзов, директор завода, будь он коммунист или беспартийный,—все были ориентированы в том направлении, и все мы превосходно понимали и понимаем и беспартийные рабочие понимают,—что заработную плату, которую получает рабочий у нас, нельзя вырывать из общей системы нашей экономической политики. У нас производительность труда связана с себестоимостью продукции. У нас заработная плата неразрывно связана с производительностью труда. У нас бывают моменты, когда мы в ряде отдельных отраслей промышленности, в отдельных производствах, для того чтобы обеспечить подъем производительности труда, идем на некоторые шаги по поднятию производительности труда, стимулируем это поднятие производительности труда рабочего повышением заработной платы, когда еще производительность труда и не достигла соответствующего уровня. Но, с другой стороны, мы также знаем, что нам противопоставлять фабрику, противопоставлять наше советское хозяйство рабочему классу и только его повседневным экономическим интересам тоже невозможно. Мы делать этого не можем, ибо вопрос стоимости продукции промышленности есть вопрос политики и союза с крестьянством. Вот почему здесь т. Троцкий ставит вопрос на голову, так ставит, как партия ставить не может. Здесь мы с т. Троцким согласиться не можем, и это предложение есть авантюризм.

Тов. Троцкий говорил: что тут у нас есть социал-демократического, когда мы предлагаем взорвать англо-русский комитет? Думаю, что в этом вопросе дальнейшего объяснения не требуется. Здесь также под левой фразой скрывается то колебание и то желание перескочить определенную ступень развития, которую еще не изжили рабочие массы. Вот почему это определение дано уже июльским пленумом ЦК нашей партии,—что под левой фразой нам пытаются рекомендовать небольшевистские методы в нашей тактике завоевания масс. Это тоже смахивает полностью и целиком на авантюристические пути.

Теперь, товарищи, общий вопрос. Все лидеры оппозиции заявляли о том, что им приписывают социал-демократический уклон, и говорили, что это неправильно. Я же считаю, что это целиком и полностью правильно, и хочу этот вопрос несколько расширить и углубить. Я считаю, что эти уклоны социал-демократического порядка привели нашу оппозицию, наших лидеров оппозиции и их помощников уже к первым шагам социал-демократической деятельности. И вот сейчас приведу вам ряд фактов.

На июльском пленуме ЦК нашей партии оппозиция говорила

о том, что материальный уровень рабочего класса неизменно падает. А вот после этого в развитие этого сжато формулированного положения у нас в Московской организации и в Иваново-Вознесенской тоже,—не знаю, как в других организациях,—появилась листовка под заголовком «Рабочий вопрос». Как же тут оценивается политика партии? А вот как оценивается:

«Вынужденная политикой низких цен к снижению себестоимости, промышленность пошла по линии наименьшего сопротивления—давления на рабочего: с осени 1924 г. с величайшей энергией и нажимом на рабочий класс проводится кампания по поднятию производительности (на деле интенсивности) труда не только без соответствующего повышения зарплаты, но даже с некоторым ее понижением. Политика низких цен, приведшая главным образом к наживе спекулянтов, ударила не только по темпу расширения промышленности, но и по положению рабочего. «Курс на повышение заработной платы» оказался сплошной демагогией и был выброшен за борт тотчас же, как оппозиция была подавлена.

Вся эта кампания, отнюдь не оправдывавшаяся общими задачами экономической политики, проводилась при этом в формах, живо напоминающих капиталистические навыки и приемы»...

Вот, товарищи, оценка нашей рабочей политики, которую партия проводит.

И дальше по вопросу о профсоюзах:

«В связи с этим и организации профсоюзов все более бюрократизируются. Членство в профсоюзах становится формальным и является прежде всего приобретением права на получение работы и некоторых гарантий от увольнения в случае сокращения. Выборность в профсоюзных органах также является формальной при сложившихся отношениях внутри партии—между партией и профсоюзами и между профсоюзами и рабочей массой: руководящие члены каждой профсоюзной ячейки фактически просто назначаются».

А вот по режиму экономии, при чем слова «режим экономии» взяты в кавычки, лозунг партии взят в кавычки:

«Режим экономии» также превратился в нажим на рабочего, рабочих лишают трамвайных денег, сокращают расходы на ясли и другие культурные нужды, поднимается и почти уже решен вопрос об установлении перед днями отдыха 8-часового рабочего дня вместо 6-часового. Борьба с прогулами, которые являются следствием введения водки, превращается в систему полицейских мер с увольнением рабочих за малейшие опоздания...

В области внутреннего распорядка на фабриках явно проявви-

лась тенденция к установлению полного самодержавия администрации» и так далее. (Голос: «Меньшевистская прокламация».)

Этот документ мы в резолюции Московского комитета нашей партии назвали литературой, сходственной с меньшевистской литературой, и мы считаем, что были правы. (Голоса: «Правильно!».) Я утверждаю, что, когда началось распространение этого документа, это и было начало, введение к социал-демократической деятельности, развитие того уклона, который у оппозиционеров имеется. (Голоса: «Правильно!».) Это факт, товарищи. Что это так, что эта литература, распространяемая оппозицией, сходственна с меньшевистской литературой, я могу вам привести то место из «Социалистического Вестника» от 26 июня, в статье Далина, где говорится:

«Так как к тому же реальные заработки за последнее полугодие уже понизились благодаря дороговизне, то объективный смысл всей политики последнего времени представляется в самом чистом и самом обнаженном виде: вынужденные обстоятельствами уступки буржуазии; крохи политических прав, брошенные деревне, чтобы усмирить растущее недовольство, и понижение уровня жизни наемного труда всех видов и родов и в деревне и в городе.

Но злая шутка истории состоит в том, что коммунистическое правительство, вызывая своей «рабочей политикой» естественное недовольство пролетариата, в то же время не может и не сможет своими уступками буржуазии и крестьянству купить их подлинные симпатии, сочувствие и поддержку. Ибо то, что оно дает одной рукой, оно другою отнимает».

А вот уже от 16 октября с. г. в статье меньшевика Шварца, в «Социалистическом Вестнике», говорится так:

«Процесс поднятия жизненного уровня рабочего класса, начавшийся в России после отказа руководителей советской политики от «военно-коммунистического» безумия, достиг осенью 1925 г. пределов, за которые рабочему классу в рамках советской современности, повидимому, переступить не дано. Зима и весна 1925/26 г. были периодом понижения жизненного уровня рабочего класса. Летом этот процесс приостановился, частью положение даже начало улучшаться, далеко оставаясь, однако, позади достигнутого уже осенью прошлого года уровня».

Никакой разницы между утверждением нашей оппозиции и утверждением «Социалистического Вестника» нет. (Голос: «Абсолютно».) Вот почему мы говорим, что если оппозиция, настаивая на своих взглядах, еще дальше будет продолжать в тех или иных размерах свою деятельность, то из социал-демократического уклона им может быть гарантировано развитие в сторону социал-демократии.

Председательствующий. Ваше время истекло.

Угланов. Мне понадобится еще минут пять. (Голоса: «Продолжить».) Теперь, товарищи, что значит оппозиционное поругание руководства партии, когда т. Троцкий на одном из заседаний Политбюро ЦК нашей партии заявил, что Сталин выставляет свою кандидатуру в могильщики нашей партии и революции? Что это значит? Это—поругание партийного руководства. Тов. Сталин не представляет собой особую линию нашей партии. У партии есть определенная линия, которую проводит один из ее работников, один из ее руководителей—т. Сталин. И такое тяжкое обвинение, такую клевету на партийную политику и на партийное руководство и на отдельных партийных руководителей могут бросить только люди, которые не верят в партию, которые не верят в силы революции (аплодисменты), и никак иначе.

Нам сейчас очень частенько напоминают о сползании большевистской диктатуры в сторону заурядной бонапартистской буржуазии. Вот что говорят меньшевики о проблемах революции:

«Стихийное сползание большевистской диктатуры в сторону заурядного буржуазного бонапартизма, до поры до времени прикрывающегося плащом «социалистического строительства», неизбежно должно время от времени порождать оппозицию слева. Каждый хозяйственный кризис, ставящий на очередь дня расширение нэпа, неизменно вызывает в рядах правящей партии реакцию слева и открывает «дискуссию», заменяющую в нынешней России открытую политическую борьбу».

Товарищи, если вот это клеветническое обвинение т. Троцкого, что т. Сталин выставляет свою кандидатуру в могильщики нашей партии и революции, сравнить с этой развиваемой теорией меньшевиков о том, что мы сползаем к буржуазной реставрации и идем к бонапартизму, разница между Троцким и меньшевиками в этом вопросе будет небольшая. Хороший ответ Троцкому дали рабочие на ячейке «Авиоприбор», когда т. Троцкий, вроде богатого хозяина, выступил на ячейке и говорил: «Конечно, т. Сталин—крупнейший человек в нашей партии, крупнейший работник, без его участия нельзя сформировать Политбюро». Когда его один из товарищей в заключительном слове спросил: «Как же так,— ведь это величайшее лицемерие, что вы говорите, что Сталин— крупнейший человек в партии, а две недели тому назад вы называли его могильщиком нашей партии и революции?», тов. Троцкий сказал: «Под контролем партии, под контролем партии». Рабочие ответили: «Никогда наша партия не отдаст Центральный Комитет и т. Сталина под контроль Троцкого». Так ему ответили. (Аплодисменты.) Для того чтобы Троцкому закре-

питься на позиции руководящих кадров нашей партии, ему нужно сбросить с себя эту гордыню, это самохвальство, это зазнайство, которое сквозит и во вчерашней его речи от начала до конца. Вчерашняя речь Троцкого была полным отстаиванием своих взглядов и переходом в наступление на большевистскую партию. Так только и можно оценивать. Выступление Каменева было по сути дела прикрытием троцкизма. Он шел в авангарде. Он, лавируя, ковыляя кое-как, плохо стреляя, прикрывал тяжелую артиллерию троцкистской армии. (Аплодисменты.) Я думаю, в дальнейшей работе нужно более энергично нажимать, и при более сильном огне этот каменевский авангард мы, товарищи, расколотим. Эту задачу нужно поставить.

Тов. Зиновьев взял на себя задачу прикрывать отступление штаба разгромленной оппозиционной армии. Он взял на себя задачу арьергарда, задачу обозную. Он взял на себя задачу навалить на обоз все разбитое, расколоченное, все остатки от идеологии троцкизма. И нужно сказать, что, как всегда бывает, когда разбитая армия отступает, обоз обыкновенно больше всего шалит, дезорганизует, вызывает панику во всей армии. Так и в сегодняшней речи Зиновьева паники было больше всего. И нужно сказать, этот обоз троцкистской армии не оправдал доверия Троцкого, не оправдал доверия главнокомандующего, а все перепутал. (Аплодисменты.) В дальнейшем нам, товарищи, огонь по зиновьевскому обозу нужно не сокращать, а усилить для того, чтобы его окончательно дезорганизовать и разгромить. И дальнейшая задача, товарищи, поскольку становой хребет оппозиционной армии — Троцкий — держится и не только держится, а пытается перейти в наступление, постольку очередная задача партии заключается в том, чтобы скорей закончить с внутрипартийной борьбой, для чего необходимо открыть усиленнейший огонь по остаткам троцкистской армии. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Слово имеет т. Каганович.

Каганович. Товарищи! В своих речах представители оппозиции пытались доказать, во-первых, что их напрасно обвиняют в социал-демократическом уклоне; иначе говоря, что происходит судебная ошибка, или им «пришивают» дело; во-вторых, что они были и остаются защитниками пролетариата и бедноты, и, в-третьих, что ЦК партии взял из программы оппозиции ряд пунктов и, как выразился т. Каменев, ее обезоружили. Это есть попытка сохранить хорошую мину при плохой игре, сохранить известное достоинство при отступлении и подменить сущность спора. Вынужденные капитулировать в организационном вопросе, после

того как они были разбиты партией и рабочими массами, оппозиционеры сейчас пытаются отстаивать свои идейные позиции, прибегая к различного рода фокусам. Особенно выделился в этом отношении т. Троцкий.

Товарищи, когда мы слушали речи тт. Зиновьева и Каменева, то грусть охватывала нас, ибо мы до некоторого времени считали тт. Зиновьева и Каменева вождями нашей партии, учившими нас ленинизму. В их речах не оказалось ничего цельного, я бы сказал даже, ничего принципиально выдержанного, ничего, кроме повторения, кроме поддакивания ошибкам троцкизма. А Троцкий выступил с новой защитой всей своей позиции.

В тактике оппозиции необходимо отметить два периода. Если вы помните, товарищи, после XIV съезда нашей партии оппозиция начала критику ЦК, критику нашей партии с постановки общих вопросов, программных вопросов,—вопроса о перерождении, вопроса о том, что партия сходит с рельс классовой пролетарской политики и т. д. Оппозиция ставила вопрос достаточно остро и резко. Сейчас, когда партия побила оппозицию, ее представители применяют новую тактику,—оппозиция переходит к так называемым частичным требованиям. Представители оппозиции разбивают общую постановку вопроса и всю сумму своих взглядов на отдельные клеточки, на отдельные частички.

В самом деле, что дал здесь т. Троцкий в своем выступлении? Он не отвечал на выдвинутые партией обвинения их в том, что в общей системе их взглядов имеется социал-демократический уклон. Он взял отдельные вопросы, на них останавливался и спрашивал: мы спорим об опасности отставания или забегания вперед,—что в этом социал-демократического? Мы предлагали изменить систему налогов,—что в этом социал-демократического? Мы спорили против избирательной инструкции,—что в этом социал-демократического? Мы предлагали повысить зарплату,—что в этом социал-демократического? и т. д.

Но т. Троцкий ошибся, если он думал, что выступает здесь перед малосознательным собранием, которое не сможет разобраться во всех этих фокусах. По существу, если даже взять все эти вопросы в отдельности, можно доказать, и мы это докажем, что и в этой постановке есть социал-демократический уклон. Но в самом методе постановки вопроса мы видели схоластику, схематизацию; здесь нет ни капли диалектики, ни капли диалектического подхода, который учит брать все явления в их общей связи, брать всю систему взглядов. Нельзя брать отдельные кусочки, как это пытался сделать т. Троцкий, увиливая от общих коренных вопросов, которые сама же оппозиция поставила.

Тов. Троцкому не удастся сбить партию с анализа и отвлечь от разоблачения всей системы его неправильных взглядов на разбор лишь отдельных вопросов.

На самом деле, товарищи, мы имеем сейчас, как это доказали предыдущие ораторы и докладчик, мы имеем целую систему взглядов, которые особенно ярко определились после XIV съезда партии и особенно ярко были сформулированы, после того, как во главе оппозиционного блока стал т. Троцкий. Если выделить спор о строительстве социализма в одной стране, если взять этот вопрос вне связи со всеми последующими пунктами оппозиционной платформы, то получился бы схоластический спор. Вопрос о строительстве социализма в одной стране мы должны разобрать в связи со всеми пунктами, выдвигавшимися оппозицией. Одним из основных пунктов, одним из основных источников, питающих социал-демократический уклон оппозиции, были взгляды новой оппозиции в споре о том, являются ли наша промышленность, наши банки, наша кооперативная система, система монополии внешней торговли,—является ли все это хозяйством последовательно-социалистического типа или это является госкапитализмом? Став на путь отрицания последовательно-социалистического характера нашего государственного хозяйства, оппозиция неизбежно скатывается к ревизии Ленина в вопросе о строительстве социализма в одной стране, к ревизии Ленина в рабочем вопросе, в вопросе об отношении рабочего класса к нашему государству. Именно такое развитие мы имеем по всем пунктам; и не случайно оппозиция выступает уже на июльском пленуме с законченной программой, которая имеет в себе,—как здесь правильно выразился т. Сталин,—все элементы социал-демократического уклона. Если, товарищи, основной рычаг, основу нашего строительства охарактеризовать как госкапитализм, то ясно, что мы социализма строить и построить не можем. Кто кричит: я верю в строительство социализма,—как это делал т. Каменев, который здесь чуть ли не крестился, не божился, но который не сказал здесь, на трибуне, перед лицом партии, что они отказываются от ревизии взглядов Ленина на то, что наша госпромышленность, банки, монополия внешней торговли и т. д. являются хозяйством последовательно-социалистического типа,—тот не может верить в строительство социализма в нашей стране.

И в крестьянском вопросе мы имеем у оппозиции отрицание того, что пролетарское государство может при помощи кооперации постепенно преобразовать мелкое крестьянское хозяйство, может, имея в руках промышленность, банки и кооперацию, поставить все остальные отрасли и типы хозяйства на службу

пролетариату. Кто отрицает это, тот неизбежно впадает в панику перед ростом крестьянского хозяйства. Ибо, товарищи, то, что мы имеем у оппозиции, отнюдь не есть проявление здорового классового инстинкта в борьбе с кулачеством,—это есть паника перед ростом сельского хозяйства, проистекающая от неверия в силы социалистической промышленности, в силы пролетариата. В практических предложениях оппозиции, в ее подходе к крестьянству кроется не что иное, как подмена точки зрения Ленина на строительство социализма путем роста социалистической промышленности, путем регулирования сельского хозяйства, путем кооперации,—замена этого ленинского плана точкой зрения наскока, методами реквизиции, к чему неизбежно скатывается, по существу, оппозиция. Вместо того, чтобы деловым образом помогать партии собрать те сбережения, которые имеются у крестьянства, вместо того, чтобы помочь партии действительно привлечь на нужды социалистического строительства все сбережения, которые имеются в сельском хозяйстве,—вместо этого оппозиция предлагает нам итти по пути наименьшего сопротивления. Их путь — путь обирания крестьянства, гибельный путь, и, как бы здесь тт. Троцкий и Зиновьев ни протестовали против этой постановки вопроса, их лозунги именно таковы и есть. Конечно, эти лозунги не обоснованы, не имеют за собой никакой базы, никакого серьезного экономического анализа.

А в вопросе о характере нашего государства,—разве оппозиция не скатилась к обвинению нашей партии, к обвинению советской власти в изменении пролетарского характера нашего государства, в классовой передвижке его? По всем этим основным вопросам, и в особенности по вопросам внутрипартийным, мы имеем безусловно проявление социал-демократического уклона, и как бы оппозиция ни пыталась от него отбиваться, ей от этого не отбиться.

Тов. Каменев взывал тут к нашему чувству: неужели вы думаете, что я пораженец? и т. д. Он хочет этим разжалобить малых ребят. Когда мы говорим о капитулянтстве, о пораженчестве, то мы вовсе не имеем в виду субъективных проявлений со стороны того или иного товарища. Мы говорим, что политика Каменева, Троцкого и Зиновьева приводит неизбежно к капитуляции, к сдаче позиций, что она приводит неизбежно к пораженчеству. Не сравнивайте этого с пораженчеством, которое мы применяли по отношению к царизму.

Оппозиция, становясь в положение «мы» и «они», становясь в положение борьбы с ЦК, неизбежно ждет того, чтобы было хуже. Я обращаю ваше внимание на одно место в речи т. Троцкого, где

он заявляет: мы по хозяйственному вопросу не выступали потому, что мы остаемся на позиции апрельских тезисов, опыт еще, мол, не показал, что́ в результате политики большинства получилось, а когда опыт покажет, мы посмотрим. Что это означает—опыт не показал? Я считаю, что заявлением подобного рода т. Троцкий сказал, что они ждут наших хозяйственных затруднений (голоса с места: «Правильно, правильно».); они ждут, чтобы опыт показал, что ваша, дескать, политика проваливается. Тогда они выступят и скажут: глядите, вот что мы говорили,—мы были правы. Извините, т. Троцкий, мы вам не позволим играть с партией. Мы вам не позволим ждать трудностей в развитии нашего хозяйства; мы будем добиваться того, чтобы вы деловым образом работали, а если вы не захотите деловым образом работать над проведением в жизнь хозяйственной политики партии, тогда партия сделает отсюда соответствующие выводы.

Тов. Троцкий, говоря о наших трудностях, изобразил себя борцом с этими трудностями, за что ЦК якобы их и травит и угнетает и т. д. Дешевые это приемы, и не раз применялись они различными оппозициями в нашей партии. Что говорил тот же т. Троцкий Медведеву и Шляпникову на XI съезде нашей партии? Он говорил прямо: «...Поставьте себя в положение «мы» и «они», с одной стороны, дескать, Центральный Комитет, а с другой стороны—вот какие факты происходят. Это уже будет значить бедственное положение страны эксплоатировать для знамени, которое может стать знаменем Кронштадта, только Кронштадта». (Речь т. Троцкого на XI съезде партии. Стенограф. отчет, стр. 118.) Почему же вы, т. Троцкий, имели право сказать так Медведеву и Шляпникову тогда, когда они ошибались (а эти товарищи являются старыми большевиками), почему же вы могли им это сказать, а мы не можем вам сказать, что вы идете по пути Кронштадта, что вы эксплоатируете трудности. А трудностей еще очень много; мы знаем, что у нас бюрократизма много, много безработицы, что у нас еще есть нищенство. Партия работает и будет работать, не покладая рук, чтобы изживать эти трудности. Но вы эксплоатируете эти трудности для того, чтобы нажить на этом капитал. Партия вас побила, партия вам не позволит в дальнейшем наживать таким путем политический капитал.

Тов. Троцкий протестует, зачем, говорит, меня связали с Бауэром, с социал-демократами, зачем к вопросу о строительстве социализма припутали вопрос о характере нашей революции и прочее? Товарищи, сущность взглядов социал-демократии на нашу революцию, кратко говоря, выражается в том, что страна наша технически отсталая, что диктатура пролетариата не может дер-

жаться в такой отсталой стране, что крестьянства у нас большинство, что оно постепенно становится господствующим классом, отодвигая пролетариат на заднее место, и что объективные потребности роста производительных сил вступают в противоречие с системой диктатуры пролетариата. Отсюда, мол, неизбежно перерождение, перерождение государства и перерождение партии, термидорианство. Я спрашиваю: разве во взглядах оппозиции и т. Троцкого нет элементов этих социал-демократических взглядов? Я утверждаю, что они есть. Своей постановкой вопроса о технически отсталой стране, своими отчаянными спорами по вопросу о строительстве социализма в нашей стране, о перерождении, о термидорианстве оппозиция обнаруживает социал-демократический уклон. Тов. Троцкий пытался здесь выезжать на анекдотах. Но надо сказать т. Троцкому, что на анекдотах далеко не уедешь.

Вы помните, как он цитировал статью Ленина «О кооперации»: он читал ее сначала быстро-быстро, а когда потребовали медленного чтения, прочел медленно и вслед за этим, чтобы спастись от цитаты Ленина, побежал в Болгарию, начал ссылаться на Болгарию. Если бы в Болгарии, спрашивал он, пролетариат вместе с крестьянством захватил власть, мог ли бы болгарский пролетариат построить социализм? и т. д. Троцкий пытался спрятаться за спину Болгарии. Не удастся это. На самом деле Троцкому очень хотелось отделаться от ленинской постановки вопроса о строительстве социализма в одной стране, но он не смог отделаться. Больше того, он не прочитал того места из Ленина, где тот говорит, что в наших условиях кооперация становится одним из могучих факторов строительства социализма. Ведь не случайно то, что Ленин в своих предсмертных статьях остановился на вопросах о строительстве социализма, о кооперации, на вопросе о союзе рабочего класса с крестьянством. Чем объясняется то, что как раз перед смертью Владимир Ильич писал на эти темы—статьи о Суханове, «О кооперации», «О Рабкрине». Чем это объясняется? Тем, надо полагать, что Ленин предвидел, что в партии при затяжке мировой революции неизбежно появятся ликвидаторские тенденции и настроения, что появятся люди, у которых поджилки будут трястись, которые потеряют веру в строительство социализма и будут создавать теорию, что невозможно без международной революции строить социализм. Чтобы дать партии руководящую линию на ряд лет, Ленин и выступил с этими программными статьями, с настоящим своим политическим завещанием. Попытка отделаться от этого анекдотами, отболтаться разговорами о Болгарии не удастся. Анекдотами нельзя замазать коренной вопрос, на него мы не получили от т. Троцкого ответа.

Совершенно не случайно, что сегодня мы получили такого рода телеграмму по радио (из информации ТАСС):

«Дан приветствовал съезд австрийской социал-демократии в Линце от имени «нелегальной социал-демократии России». В своей речи Дан заявил: «Меньшевики высоко ценят теоретические возможности австрийской социал-демократии, которая будет путеводной звездой также и для русского пролетариата. Наша критика большевизма только что получила подтверждение не от кого иного, как со стороны наиболее компетентных в этом вопросе представителей старой большевистской гвардии».

Вот вам, тт. Зиновьев, Каменев и другие, поцелуй от Дана. (Смех. Голоса: «Позор!».) Конечно, этот поцелуй не очень приятен, но не всегда бывают приятными поцелуи всяких родственников, а вы с ними сроднились своей борьбой против ленинской постановки вопроса о строительстве социализма в одной стране, постановкой вопроса о перерождении и т. д.

Возьмем теперь конкретные вопросы, по поводу которых здесь т. Троцкий столь торжественно спрашивал,—что, мол, социал-демократического в том, что мы говорим об опасности нашего отставания, а т. Каменев спрашивал,—что социал-демократического в том, что мы говорим о слабости темпа роста нашей промышленности. Товарищи, они забывают, вернее, они скрывают, что вопрос о темпе развития нашей промышленности и есть вопрос о крестьянстве, об отношениях с крестьянством; они забывают, что вопрос о развитии индустрии есть вопрос о накоплении, который теснейшим образом связан с вопросом об отношении к крестьянству, с вопросом о взимании налогов, с вопросом о методах руководства крестьянством. Они спрашивали здесь,—что социал-демократического в том, ежели они предлагают изменить систему налогов. Не о том спор шел, чтобы систему налогов изменить. Мы сами изменили систему налогов, без вашей помощи, задолго до ваших указаний. Спор шел и идет о другом,—будем ли мы выполнять завет Ленина о том, чтобы десять-двадцать лет жить в мире с крестьянством, создавая тем самым основную гарантию успешности диктатуры пролетариата, или мы будем вести политику наскока, не имеющую ничего общего с ленинизмом.

Я утверждаю, что вся речь т. Троцкого есть повторение всех его ошибок, есть повторение его непонимания роли крестьянства в нашей стране, в нашей революции. Это есть повторение всего того, с чем боролись в свое время тт. Каменев и Зиновьев. Что говорил Зиновьев, доказывая, что Троцкий не понимает роли крестьянства? Он говорил:

«Нужны ли еще другие доказательства того, что т. Троцкий

как не понимал, так и не понимает большевистской постановки вопроса о крестьянстве?..

Гнилой орех не станет лучше, если его слегка покрыть позолотой. Троцкизм довоенного времени, представлявший собой разновидность меньшевизма, не станет лучше от того, что его попробуют поднести с позолотой «ленинизма». («За ленинизм», стр. 130.)

И мы скажем тт. Зиновьеву и Каменеву: троцкизм не стал лучше от того, что вы попытались покрыть его даже своей позолотой. Вы попытались освятить именем Ленина, именем ленинизма все ошибки Троцкого, который всегда болел социал-демократическим уклоном. Но партия разоблачила и вас, партия своевременно вскрыла и ваши ошибки и ошибки Троцкого. Здесь Зиновьев говорил о том, что «мы с удовлетворением можем признать, что на местах действительно ведется работа помощи бедноте». Слава тебе, господи, признали! А между тем, что они говорили в июле? «Между тем факт таков, что решения прошлогоднего октябрьского пленума об организации бедноты до сих пор почти не нашли применения в работе местных организаций». Так скажите же честно и откровенно, что вы клеветали на партию. Не изучив материалов, не зная их, не зная, что делается на местах, идя в бой против партии, выдвигали обвинение, что партия ничем не помогает бедноте. А сейчас, когда партия побила вас, вы говорите: да, на местах кое-что делается в отношении бедноты. Это фокусы, в которых каждый бедняк и каждый рабочий разберется.

Если мы возьмем вопрос о зарплате, в чем здесь выражается социал-демократический подход? В том, что они не считаются с ресурсами государства и выдвигают в агитационных целях требование к государству о повышении зарплаты, при чем для них не важно, сможем мы дать повышение зарплаты или нет, лишь бы им показаться добрыми защитниками заработной платы перед рабочими. Но рабочий сейчас на удочку красивых слов и пустых обещаний не идет. Он видит, что партия и государство все, что возможно для улучшения его положения, делают.

Наконец, в вопросе о нашем государстве оппозиция скатилась целиком к обвинениям, которые выдвигала против нас социал-демократическая печать. Здесь т. Троцкий пытался отделаться от своего словечка «далеко не пролетарское государство». Но отделаться от этого словечка не значит отделаться от неправильной постановки вопроса. Мы утверждаем, что оппозиция исходила в своих заявлениях именно из того, что наше государство не пролетарское, что оно перерождается.

Между словами Троцкого о «далеко не пролетарском характере нашего государства» и той общей постановкой вопроса, которую оппозиция давала, мы имеем безусловно связь. Вот что говорила оппозиция: «Расхождение между направлением хозяйственной политики и направлением чувств и мыслей пролетарского авангарда усиливает потребность в нажиме и придает всей политике административно-бюрократический характер. Всякое другое объяснение роста бюрократизма является второстепенным и не охватывающим сути вопроса».

Следовательно, здесь вопрос о характере нашего государства связывается с общей политикой этого государства. Это не случайное слово, которое «выскочило» у Троцкого. Они предъявляли партии обвинения в перерождении, в термидорианстве, они предъявляли партии обвинения, что выборы в советы показали якобы классовую передвижку и изменение характера нашего государства. Сказали ли вы здесь полностью, что вы отказались от этого? Нет, вы этого не сказали.

Наконец, товарищи, они в отношении партии допустили такие вещи, от которых никак нельзя отделаться разговорчиками, что у нас, мол, нет глубоких коренных разногласий.

Оппозиция пыталась поставить вопрос так, что мы, дескать, никого не обвиняли, у нас нет глубоких разногласий; а если бы у нас были серьезные и глубокие разногласия, то нужно было бы строить другую партию. Товарищи, мы могли бы здесь привести ряд цитат из писаний оппозиции, из их речей, которые показывают, что оппозиция развернула самую возмутительную, самую недопустимую травлю и борьбу и против отдельных представителей партии, и против всей партии в целом. В характеристике партии оппозиция перешла всякие грани допустимого,—она тут сравнялась с «Социалистическим Вестником». Позвольте для сравнения привести несколько цитат из органа меньшевиков и из заявлений оппозиции: вы увидите, как они целиком и полностью сходятся.

Что пишет оппозиция? «Центральный Комитет правящей партии располагает для воздействия на партию не только идейными и организационными, т.-е. не только партийными, но и государственными и хозяйственными средствами».

Что пишет «Социалистический Вестник»? «Все средства ничем не сдерживаемого административного давления пускаются в ход руководящими большевистскими органами».

Оппозиция пишет: «Недовольные, несогласные или сомневающиеся боятся поднять голос на партийных собраниях... На собраниях царит казенщина и неизбежно с ней связанное безраз-

личие. К моменту голосования остается нередко ничтожное меньшинство: участники собрания торопятся уйти, чтобы не быть вынужденными голосовать за решения, продиктованные заранее... члены партии боятся открыто высказывать вслух свои наиболее заветные мысли, желания и требования». Так писала оппозиция.

Что пишет «Социалистический Вестник»? «Запуганность рядовой партийной массы, боязнь «не попасть в тон» центральных директив, воздержание от всякого собственного мнения никогда не достигали таких гомерических размеров, как сейчас. И к этому присоединяется чудовищный страх перед контрольными комиссиями (КК), которые сделались притчей во языцех».

Оппозиция пишет все в той же декларации, что «Центральная Контрольная Комиссия сама стала чисто административным органом, который помогает зажиму со стороны других бюрократических органов, выполняя для них наиболее карательную часть работы, преследуя всякую самостоятельную мысль в партии, всякий голос критики, всякое критическое замечание об определенных руководителях партии», а «Социалистический Вестник» пишет: «ЦКК сделалась внутри партии тем же, чем ГПУ является для прочего населения, т.-е. органом беспощадного террора».

Разве вы здесь не видите полного сходства в оценке состояния нашей партии,—оценке, даваемой «Социалистическим Вестником» и нашей оппозицией? Разве это не есть социал-демократический, меньшевистский уклон? Отреклась ли оппозиция от этой своей оценки? Мы требуем, партия требует, чтобы оппозиция отреклась от тех обвинений, которые она предъявляла партии. Ее отказ от фракционности, о котором здесь заявила оппозиция, вовсе еще не значит, что партия может мириться с теми ошибочными идейными взглядами, на почве которых оппозиция остается, ибо их методы работы, их попытки создать внутри партии новую партию, их защита Оссовского—вытекают целиком и полностью из их оценки политики и состояния нашей партии. Если я, как член партии, убежден в том, что партия и ЦК стали на путь перерождения, на путь термидорианства, что у нас происходит передвижка в классовом характере советского государства, что в партии такой режим, каким его оппозиция рисовала, то отсюда логически неизбежно вытекает необходимость создания другой, новой партии для защиты интересов пролетариата. Именно такая концепция и лежала в основе всей тактики, всей практики оппозиции.

Мы требуем от оппозиции, чтобы она не только отказалась от фракционности, но чтобы она отказалась от тех взглядов, которые породили ту безумную, преступную политику разложения нашей

партии, которую они вели на местах. (Аплодисменты.) И когда здесь выступает т. Каменев и заявляет: «мы не обвиняем аппарат, мы не травим аппарат»,—это же смешно. Ведь в заявлениях оппозиции полностью сказано, что оппозиция 1923 года была права. А что говорила оппозиция 1923 года? Она травила партийный аппарат, она травила партийный костяк.

Вот, например, что писал Троцкий в 1923 году:

«Коротко,—писал он,—задачу нового курса можно формулировать так: партия должна подчинить себе свой аппарат». («Новый курс», стр. 78.)

«Формулированное резолюцией ЦК от 5 декабря 1923 года обвинение в бюрократизме есть обвинение именно по адресу руководящих кадров партии». (Там же, стр. 12.)

«Чрезмерность аппаратных методов решения партвопросов не проходит бесследно для старшего поколения. Перерождение старой гвардии наблюдалось в истории не раз». (Там же, стр. 79—80.)

«Партия живет на два этажа. В верхнем решают, а в нижнем принимают». (Там же, стр. 50.)

Вот в чем состоит основной взгляд оппозиции 1923 года на партаппарат.

Что делает сейчас оппозиция на местах? Товарищи, нет времени рассказать вам, что творилось, например, у нас на Украине, что делали оппозиционеры под покровительством Троцкого, под покровительством Зиновьева и Каменева. Троцкий переписывается с людьми, которые позволяли себе возмутительные выражения по отношению к советскому государству, по отношению к Октябрьской революции. (Голоса: «Позор!».) Троцкий переписывался с неким Меклером, который группе товарищей заявляет: «Так же, как во Франции празднование дня взятия Бастилии стало праздником кокоток и проституток, так и у нас годовщина Октябрьской революции становится тем же». И с таким человеком Троцкий поддерживает переписку! Или взять хотя бы то, что говорил у нас Дашковский, заявивший демагогически: «Рабочий класс ничего не получил от Октября, и теперь ему еще хуже живется». Разве это не меньшевистский призыв? Это вы культивировали таких своих агентов на местах, вы их воспитывали.

Я могу привести еще пример, как в одном из округов Украины создается группа под названием «лензинцы», которая оформилась в самостоятельную группу, пославшую Зиновьеву приветственную телеграмму с пожеланием успеха в дальнейшей работе. (Голос: «Телеграмма опоздала».) Да, опоздала телеграмма, успеха они не имели. Эта группа создает свою печать, покупает оружие для целей экспроприации и т. д. Конечно, не Зиновьев им давал такие

директивы, но идеология Зиновьева и всего оппозиционного блока питает такие группы.

Один из руководителей оппозиции на Украине, Голубенко, который имеет хорошую связь с оппозицией в Москве, охарактеризовал заявление оппозиции об ее отказе от фракционности как навязанный ей «Версальский договор».

Что это значит? Это, я думаю, словечко не только нашего оппозиционера Голубенко. Он лишь сказал то, что думают руководители оппозиции. Этот документ, который они написали, они рассматривают как документ, написанный под давлением, под дулом; они ждут, когда настанет такое время, когда они смогут взять реванш.

Партия не позволит играть словечками о Версальском договоре и вести подготовительную работу к реваншу. Партия показала вам, что вы сошли с рельс ленинизма, партия заставила вас отказаться от преступной фракционной борьбы,—она заставит вас отказаться и от тех взглядов, которые вы здесь проповедуете.

Здесь т. Зиновьев говорил о том, что «никто не поверит вашим обвинениям». Нет, т. Зиновьев, партия поверит, она заставит и вас поверить; а если вы не поверите, то партия пойдет своей дорогой, а вы будете итти своей, неправильной, неленинской, небольшевистской дорогой, которая вас заведет очень далеко.

Тов. Зиновьев сказал здесь: от вас зависит наша дальнейшая совместная работа, 99 процентов этого зависит, мол, от вас. Что это такое? Это—желание заранее возложить на нас ответственность и сказать, что, дескать, оппозиция хотела работать дружно, но мы-то им не давали.

Разве с такими речами выступают перед партийной конференцией, если оппозиция действительно хочет дружно работать? Товарищи из оппозиции, вы выступаете здесь с речами, которые не устраняют опасности дальнейшей фракционной, раскольнической работы.

Партия будет продолжать решительную идейную борьбу с троцкизмом, с идеологией, ведущей к фракционности, к расколу. Мы будем бороться за идейную чистоту и принципиальную выдержанность партии, против извратителей ленинизма. Партия останется ленинской, какой была и до сих пор. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Слово имеет т. Газа.

Газа. Товарищи, я являюсь работником ячейки «Красного Путиловца» и не могу не заверить конференцию в том, что у нас на заводе «Красный Путиловец» в течение октября был только один Зиновьев молодой,—папаши у нас не было, и их свидание, которое было назначено у нас, не состоялось.

Я взял слово потому, что после выступления т. Зиновьева на «Красном Путиловце» мы имели от него заявление о том, что через два месяца соотношение сил в партии должно измениться. Кроме того, было второе заявление его по приезде из Ленинграда на одном из заседаний, кажется, Политбюро или пленума ЦК о том, что он, Зиновьев, никакой антипартийной работы в Ленинграде не вел. Выходило так, что будто он приехал укрепить нашу партийную организацию.

Пару слов о том, как и при каких условиях мы проводили нашу работу с XIV съезда. С XIV съезда мы находились в условиях лихорадки до последнего момента. Не было ни одного дня спокойной работы, для того чтобы воспитывать тот молодняк, который мы имеем в своих рядах. Наша ячейка, наш коллектив имеет 2 с лишним тысячи человек и является в сущности очень и очень молодым по своему партийному стажу. Мы имеем 89% членов партии 1924 года и моложе, сюда входят и кандидаты. Вот к кому пытался апелировать т. Зиновьев, пытался провести пересмотр принятых партией решений, и вот кто дал ему решительный отпор. Мы считаем, что одно это является, без сомнения, уроком для т. Зиновьева.

Здесь т. Каменев очень ехидно заявил, что, начиная с XIV съезда, его очень жестоко прорабатывали, очень жестоко; даже члены партии, вступившие в партию после XIV съезда, уже к настоящей XV конференции в деталях изучили наши разногласия с оппозицией. Мы в течение этих 10 месяцев сделали все, для того чтобы партийная организация нашего завода осталась на ленинских рельсах. (Аплодисменты.) И я полагаю, что никакой подпольной работой и никакими гастролерскими наездами с этих рельс ее больше не собьешь. (Аплодисменты.)

Товарищи, мне хотелось бы несколько слов сказать еще относительно нашей работы среди беспартийных. Очень большие трудности стояли перед нами в этот период в нашей работе среди беспартийных масс. Вероятно, многие из здесь присутствующих знают о том, что мы переживали некоторые волнения, что было некоторое недовольство среди рабочих. Какое отношение, какое участие в ликвидации этого недовольства принимали так называемые оппозиционеры? Что они делали? Они стояли в сторонке. Стояли в сторонке в то время, когда мы направляли все усилия к тому, чтобы сглаживать эти минутные разногласия с беспартийными рабочими. Нам заявляли, что если, мол, я был вчера брюнетом, сегодня не могу быть блондином—это излюбленное выражение Сафарова, которое вдалбливалось в сознание партийцев.

Я не буду останавливаться особенно на тех или иных своих

умозаключениях. Остановлюсь на выступлении т. Зиновьева, цитируя его по его же стенограмме. Товарищи, мы считаем, что поездка т. Зиновьева на «Красный Путиловец» является разложением партийной организации. Вот доказательство. Он говорит,—я цитирую его собственные слова: «Один рабочий говорил в Москве (Зиновьеву): у меня была бабка, которая говорила: «Библия— прекрасная книга, на все вопросы ответит, но должны ее читать митрополиты, а простые люди не могли знать». Это намек на то, что каждый член партии должен знакомиться с партийной жизнью и с общественной жизнью не из нашей печати, не из наших газет, а на основании тех протоколов, которые носят название секретных. И мы полагаем, что этот намек делается главным образом потому, что к этим протоколам за последнее время очень много подшито таких документов, которые партия считает неленинскими. Они приравнивают теперь это к библии. Я считаю, что это прямая травля против ЦК, так как, мол, от вас скрывают кое-что. С другой же стороны, это—разложение партийной организации, так как начинают воспитывать недоверие в членах партии к нашей партийной прессе. Я считаю, что это одно из мест, на которое необходимо было бы указать.

Товарищи, что еще говорил Зиновьев у нас? Он говорил: «Газа сказал мне, что нервность создалась. Как раз ее-то и не надо, когда обсуждаются серьезные вопросы. Но кто создает ее (нервность)?». Таким образом, и в этом вопросе, в вопросе бузы, которая велась в последнее время в партийных ячейках, дело объясняется опять-таки не их работой, а главным образом якобы работой ЦК, работой большинства членов партии. С этой стороны мы считаем уместным отметить, пожалуй, то место из стенографического отчета речи Зиновьева, когда он заявил, что медведь корову дерет и сам же ревет. В тот момент, когда мы направляли все усилия к тому, чтобы ликвидировать оппозицию, чтобы не допустить дискуссии в настоящих условиях, он в это время заявляет, что у нас в партии такой режим, что ЦК является в роли медведя, а он, бедный Зиновьев, на положении этой коровы. (Смех.)

Затем он говорит относительно того, что, мол, ему рабочие поставили упрек, что он за последнее время оторвался от партийных масс. А он, Зиновьев, говорит, что он не оторвался, а его оторвали. Мне припоминается одно знаменитое, милюковское, кажется, выражение, который заявил, что не он ушел, а его ушли. Мне помнятся дни, когда т. Зиновьев, всходя на трибуну, не чувствовал под собой ступенек лестницы, тогда его поднимали на руках. Тов. Зиновьев забыл о том, что раньше он всегда приходил к нам на завод с общепартийным мнением, с защитой партийных

решений. А вот 7 октября он заявился с тем, чтобы вести против партии борьбу, и поэтому ему оказали соответствующую встречу.

Что еще говорил у нас на пленуме т. Зиновьев? Он говорил: не забудьте, члены партии, о том, что у нас в Политбюро имеется виднейший член Центрального Комитета—Троцкий. Товарищи, мы на это ответили ему, что собой представляет Троцкий. Мы вычитали этот ответ из книги Зиновьева «Ленинизм» (смех) и считаем, что в этом мы его уверили. (Аплодисменты.)

Мы считаем демагогией выступление т. Зиновьева на нашем коллективе. Каким образом можно квалифицировать настоящую часть речи т. Зиновьева? Вот он говорит: «Повышение цен есть. Вот неделя тому назад повышен железнодорожный тариф, вот квартирная плата поднята и очень сильно. Разве это не есть повышение цен?» А мы ему на это ответили: «Разве это есть борьба с теми трудностями, которые стоят перед партией?». Так поставили перед ним вопрос рядовые партийцы. И на это ему ответить не удалось; он объясняет это тем, что его время истекло. Мы полагаем, что если он не согласен с проводимой политикой и с ЦК, то и объяснением может быть только демагогия.

Товарищи, вот тут говорится относительно миллиарда, а потом еще миллиарда. Пока из Москвы с ячейки «Авиоприбора» доехали до «Красного Путиловца», они растеряли кое-что. Я зачитаю одну часть из речи т. Зиновьева, когда он говорит о частном капитале и об источнике средств на индустриализацию:

«Теперь о частном капитале. Посмотрим контрольные цифры. Сколько рабочих у частного капитала? Сколько наемного труда, сельскохозяйственных рабочих, служащих и батраков? Больше 10 миллионов, а у частника 2 с половиной миллиона, т.-е. 25%. Вот в панику впадешь, если цифры говорят, что два с половиной миллиона участвуют у частных лиц».

Товарищи, мы считаем, что когда здесь говорили о панике, то вот эти самые слова Зиновьева подтверждают, что паника есть. Вот он говорит, что частный капитал имеет 2½ милл. рабочих, а мы ему говорим, что эти 2½ милл. распадаются на кой-какие части. Я сейчас останавливаться на этом подробно не буду.

Затем он говорит: «Частник кладет себе 500 миллионов рублей в год. О чем все это говорит: 400 миллионов возьмите, по числу носов 1 000 рублей в год. Ведь говорят, надо детишкам на молочишко. Это называется замазывание, адвокатство».

Выходит, что большинство партии говорит, что необходимо дать частнику подработать детишкам на молочишко, и добавляет, что это называется замазыванием, адвокатством. Можно заявить,

что этим т. Зиновьев приклеивает партии ярлык адвоката частника и нэпмана. Только так это можно понять.

У меня нет времени, и я в заключение скажу одно,—что т. Зиновьеву, по-моему, к тем неверия м, которые здесь перечислялись, можно с полным успехом прибавить еще одно неверие, это—его неверие в свою собственную работу. Он всегда напоминает о том, сколько лет своей жизни он положил на укрепление партии, и надо было так случиться, что в 1926 г. он вдруг не верит в результаты своей собственной работы. Да, не поверил, ибо, если бы он поверил, он не пришел бы к нам на партийное собрание с защитой своих взглядов против общепартийных решений. Значит, именно тогда вышло бы так, что за 26 лет работы так плохо сколочена партия, что приходи на ячейку и демагогией сейчас же стащишь ее с пути ленинизма к троцкизму. В этом заключается очередной просчет оппозиции. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Слово имеет т. Махарадзе.

Махарадзе. Товарищи, на меня сейчас выпала очень неблагодарная роль, потому что выступавшие здесь ораторы в достаточной степени уже разгромили и без того разгромленный оппозиционный блок. Я все-таки постараюсь не повторяться.

Лидеры оппозиции, которые здесь выступали, говорили о разных тонких вещах: о перспективах революции, о том, можно ли построить социализм в одной стране, но мне кажется, как т. Бухарин уже отметил, что на три четверти во всяком случае они говорили не на тему, не по существу доклада т. Сталина.

Мы пережили очень большую драку внутри партии. Были моменты, когда приходилось опасаться за единство нашей партии. Наша партия сейчас миллионная. Значительная часть членов нашей партии вступила в партию недавно. Многие из вновь вступивших еще не прошли школы старого большевизма. С другой стороны, в нашей партии по тем или иным причинам имеется достаточное количество недовольных элементов. И вот при такой обстановке в партию бросают лозунг о том, что ЦК ведет губительную политику, что он сползает к социал-демократизму, изменяет рабочим и т. д.

Можно было опасаться, что более или менее значительная или незначительная часть пойдет за этими демагогическими лозунгами, но, к счастью, этого не случилось: масса дала своевременный отпор. Мы сейчас этот период уже пережили, но мне кажется, что все-таки мы еще не окончательно ликвидировали то, что имело место. Выступления лидеров оппозиции доказывают, что еще много в этом отношении придется доделывать, что еще придется вести соответствующую работу. В частности

у нас, в Грузии, положение было довольно серьезное. Вначале агитаторы оппозиционного блока везде и всюду распространяли всевозможного рода клеветнические слухи насчет состояния внутри партии. Говорили о том, что в скором времени они совершат революцию. Революция рисовалась таким образом, что ЦК будет смещен, и что все органы власти будут смещены, собственно говоря, рисовалась настоящая революция. И все это пускали не только в партийную, но и в беспартийную массу.

Для иллюстрации сошлюсь на следующий факт. Как вам известно, в 1924 г. у нас была меньшевистская авантюра. Часть руководителей этой авантюры находится там, где следует. Мы в прошлом году их участь смягчили ввиду того, что они на судебном процессе в достаточной степени разложились. Когда к нам приезжают какие-нибудь иностранные делегации, они прежде всего спешат к этим меньшевикам. Что меньшевики говорят, нас это мало интересовало, но в общем они вели себя до сих пор, по крайней мере, довольно лойяльно, давали довольно лойяльные ответы по отношению к нам. Но вот в последнее время под влиянием того разложения, которое получилось вследствие работы оппозиции, они изменили совершенно тон самым нахальным образом. Последняя делегация германских рабочих, которая была у нас, посетила узников. И вот на вопрос т. Гейнике лидер меньшевиков Андроникашвили дает такой ответ:

«Ни в России, ни здесь не существует ни демократии, ни диктатуры пролетариата, а есть диктатура одной коммунистической партии. Что это не мои измышления, можете удостовериться у оппозиции, имеющей место сегодня в коммунистической партии и в Коминтерне. Во главе этой оппозиции стоят лучшие сотрудники Ленина: Зиновьев, Каменев, Радек, Троцкий—слева и Медведев, Шляпников и другие—справа. Как левые, так и правые доказывают центру «пролетарской власти», что они социалистическое хозяйство не строят. Наша партия есть крестьянская мелкобуржуазная, но не пролетарская. Страна вступила на путь капиталистических взаимоотношений... Мы не будем надувать себя: это не есть диктатура пролетариата, а диктатура Сталина».

Дело не в том, что находящиеся в тюрьме меньшевики могут болтать то или другое; дело в том, что—это характерно—и туда проникла разлагающая работа оппозиции.

Что же у нас произошло? У нас был большой шум, и казалось нам, что положение очень серьезно. Но когда дело дошло до голосования после обсуждения всех этих вопросов на собраниях объединенных ячеек, как в Тифлисе, так и в Кутаисе и в Батуме получилось то, что оппозиция, собственно говоря, не имеет ника-

кой почвы: из 8 000 голосовавших в Тифлисе они получили всего-навсего 27 голосов; та же пропорция получилась в Кутаисе и в Батуме.

Но я снова повторяю, что дело этим не может кончиться, поскольку я слушал здесь выступления лидеров оппозиции. Возьмем даже то заявление, которое они сделали, на которое они ссылаются, и про которое они говорят, что это не маневр. Можно даже им поверить, что они искренни в своем заявлении. Но что, собственно говоря, они здесь говорят? Ведь Центральный Комитет потребовал от них минимум, минимум того, что требуется от большевика, от члена партии. За что собственно они ручаются? Что они отныне не будут вести фракционной работы, не будут организовывать фракций и что свои взгляды они обязуются защищать в пределах или в рамках устава нашей партии. Товарищи, ведь это элементарная вещь, которая требуется от всякого рядового члена партия. Мне кажется, что во всяком случае этого недостаточно для таких товарищей, какими являются тт. Троцкий, Зиновьев и Каменев. Поведение этих товарищей мне кажется школьническим поведением: вот школьник шалил, натворил что-то такое и потом говорит, что больше не будет вести себя так (Голос с места: «Правильно!».) Этого недостаточно. Мы этим удовлетвориться не можем. Я не знаю, как отнесутся к этому заявлению лидеров оппозиции на местах, в низах. У меня, по крайней мере, нет никаких данных на этот счет.

Выступления тт. Каменева, Зиновьева и Троцкого здесь уже в достаточной степени разобраны, я не буду повторяться, но я вам должен сказать о своем впечатлении. Когда я слушал здесь тт. Каменева и Зиновьева, мне стало их жаль,—я видел их в другом положении, в других ролях. Это не были речи большевиков. (Голос с места: «Правильно!».) Для того чтобы сопоставить настоящее их положение с тем, что было год или полтора года тому назад, я сошлюсь на характерные выступления этих товарищей. Вот что на XIII партконференции говорил т. Зиновьев:

«Некоторые оппозиционеры, кажется, впервые поняли, что такое большевистская партия. Учитесь, что такое большевистская партия. Когда вы будете посягать на нее, когда будете пытаться ломать аппарат, ломать ЦК, вы встретите железную стену большевиков, которые умеют защищать свое дело со всей страстью революционеров»... (Речь Зиновьева на XIII партконференции, стр. 177.)

Возьмите другое выступление, выступление т. Каменева на той же конференции, там, где шел вопрос насчет экономики. Вот чему они учат, т.-е. оппозиция, оппозиция тоже во главе

с Троцким, Сапроновым, Преображенским и т. д.: «Политика ЦК,— они говорят,—способствовала усилению хозяйственного кризиса и беспрепятственному быстрому росту частного капитала за счет социалистического накопления. Я спрашиваю вас: можем ли мы позволить кому бы то ни было от имени нашей партии учить рабочих, что политика ЦК способствовала беспрепятственному росту частного капитала за счет социализма? Я утверждаю, что от имени партии мы учить этому рабочих никому не позволим»... (Речь Каменева на XIII партконференции, стр. 52.)

Это—выступления действительно большевиков-ленинцев.

Что же было сегодня и вчера здесь? Это было нечто жалкое, жалкое выступление. Почему же это произошло? Произошло потому, что эти товарищи растеряли свои позиции. У них уже нет этой позиции, а насколько позиция у них есть, эта позиция является в корне неправильной, в корне ошибочной. Это положение запутывает их и делает их, можно сказать, не-ленинцами, не-большевиками. Это положение, товарищи, ужасно.

Я не буду утруждать вас разбором их речей, а вот насчет выступления т. Троцкого я должен сказать, что по форме это выступление большевика, но по содержанию речь т. Троцкого насквозь меньшевистская. Чем т. Троцкий морочил нам здесь голову? Разумеется, он говорил умело, мы очень хорошо знаем это качество т. Троцкого и уважаем его за это, но тем не менее его вчерашнее выступление—выступление меньшевистское. Что он хотел увильнуть от обвинения в меньшевистском уклоне, это, товарищи, пустяки. Он просто ломился там в открытую дверь. Но разве он не знал, в чем мы его обвиняли? Мы обвиняли и обвиняем его в том, что он поддерживал хорошо известного вам Оссовского. Дальше, в чем мы обвиняем т. Троцкого? В том, что он допускает свободу группировок, свободу фракций. Мы обвиняли его в том, что у него неправильная, совершенно не ленинская точка зрения на крестьянство. Разве вчера т. Троцкий опроверг это? Он вчера нам это доказал самым великолепным образом.

Насчет строительства социализма он уже подтвердил в корне меньшевистский взгляд. Что он нам сказал? Он подтвердил, что строительство социализма возможно у нас только при победоносной революции в Западной Европе. Это говорят меньшевики: когда назреют все условия во всем мире, тогда можно строить социализм,—этого они не отрицают. Я думаю, что лидеры оппозиции достаточно определили свою точку зрения на строительство социализма. Как т. Троцкий смотрит на это? У нас, говорит он, дело идет черепашьим шагом. Предположим, что черепашьим

шагом, но что же из этого следует? Так ставить вопрос совершенно нельзя. Как, товарищи, можно строить социализм?—разве можно этот вопрос задавать? Так что же мы строим, если не социализм? Значит, строим буржуазное государство, буржуазный строй? Это ли нужно сказать? Для чего тогда нужно было производить Октябрьскую революцию? Для чего нужно было столько крови, столько жертв? Для чего это было нужно? В конце концов, мы же имеем прямое указание в этом отношении нашего учителя, что мы строим, хотя очень медленно, но строим социализм. Что же вы хотите?—совершенно правильно вчера задавал вопрос т. Сталин. «Мы строим, но достроить не можем». Разве можно говорить такую вещь? На Тверской улице строится громадное здание—почтамт, колоссальнейшее здание. В будущем социалистическом строительстве, очевидно, будут такие дома. Теперь, если спросить инженера, строящего это здание, достроит он его или нет, и если бы он ответил, что если произойдет землетрясение и постройка провалится, он его не достроит, этот ответ можно было бы сравнить с тем, что здесь говорят. Можно строить, но достроить мы не можем. Мы собственными усилиями не можем достроить, нужно совместное сотрудничество рабочих и т. д. Это мы знаем и без вас очень хорошо, и мы готовы на все жертвы, для того чтобы ускорить наступление этого момента.

Сейчас оппозиционеры приходят к нам и говорят, что они хотят заключить мир. Но мир бывает двоякий: бывает формальный мир, и бывает настоящий мир, действительный мир. Мы хотим именно настоящего мира, но настоящий мир возможен только тогда, когда в нашей партии будет определенная линия, признанная всеми членами. Такая линия у нас имеется. Это ленинская линия. Противопоставить ленинской линии другую линию наша партия не допустит. И вот как раз во время этой дискуссии,—во время этой драки, собственно говоря,—выяснилось везде и всюду, что рабочие на подмену этой линии какой-нибудь другой линией не пойдут. Это мы знаем. Теперь оппозиционный блок распался, мы это здесь видели. Но тем не менее отдельные оппозиционеры выступают и говорят: «мы», «наше заявление» и т. д. Я не знаю, от лица кого они это говорят. От Шляпникова и Медведева они отвернулись, также и от заграничных оппозиционеров. Здесь вчера т. Каменев тоже, хотя нерешительно, но отмежевался и от троцкизма. Я не читал стенограммы, но это должно быть зафиксировано так.

Но тем не менее они все-таки говорят: «мы», «наше заявление» и т. д. Потом они говорят, что они стоят на своих позициях, которые они развивали в своих платформах, заявлениях и т. д.

Значит, остается все-таки идейная какая-то организация, идейная какая-то группа. Как будут расцениваться эти заявления на местах, мы еще не знаем, очень может быть, что места это примут как маневр. Оппозиция, как таковая, еще сохраняется, тем более, что т. Троцкий, который возглавляет, собственно говоря, в настоящее время эту оппозицию, остается на всех своих старых позициях. Товарищи, это не годится. На нашу Всесоюзную XV конференцию со всех сторон смотрят. Эта конференция будет иметь колоссальное значение. И уже одно то, что они сделали определенный шаг, имеет значение, но этого недостаточно, нужно еще пойти дальше. Если они действительно хотят сохранить единство нашей партии, они должны отказаться от своих ошибочных взглядов. Это, товарищи, в интересах партии, тем не менее я заявляю здесь, что если они даже этого не сделают, если оппозиция все-таки будет настаивать на своем, я уверен, что единство нашей партии будет сохранено во что бы то ни стало. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Объявляется перерыв на 10 минут

Председательствующий (после перерыва). Слово имеет т. Молотов. (Продолжительные аплодисменты.)

Молотов. Товарищи, каждый, выступающий по столь обширному докладу, затрогивающему такое огромное количество вопросов, должен, очевидно, выбрать какой-нибудь основной вопрос и на нем сосредоточить свое внимание. Я выбрал таким вопросом, такой темой выступления следующее: почему партия должна теперешнюю оппозицию, теперешний оппозиционный блок определить как социал-демократический уклон? Мне кажется, что мы имеем для этого достаточно серьезные основания, и они абсолютно правильно даны и обоснованы в тезисах т. Сталина.

I. Взгляды большевизма и вопрос о гегемонии пролетариата в нашей революции.

За время нашей революции можно отметить два главных этапа в развитии взглядов большевизма на основные вопросы революции, на основные вопросы революционной тактики. Эти два основных этапа соответствуют этапам развития нашей революции: во-первых, этапу буржуазно-демократической революции и, во-вторых, этапу пролетарской революции. По отношению ко второму этапу я, для большей ясности, сделаю еще подразделение на два особых периода, неразрывно связанных между собою, благодаря чему, между прочим, будет легче сосредоточить внимание на особенностях настоящего момента.

В эпоху первой, по существу своему буржуазной, революции, еще перед 1905 годом большевизм, и прежде всего Ленин, считал основным вопросом революции вопрос о гегемонии пролетариата. Именно на этом вопросе определялось—является ли каждый данный товарищ, именующий себя революционером, действительно последовательным революционером, марксистом, большевиком и, как мы теперь выражаемся, ленинцем, или это всегонавсего полулиберал, оппортунист, меньшевик и, как бы мы теперь сказали, социал-демократ в современном смысле этого слова. Именно по вопросу о гегемонии пролетариата в революции раскололась тогдашняя российская социал-демократия на две фракции, на большевиков и меньшевиков. Кто является основной движущей силой революции, на кого должна ставить наша партия ставку, как на гегемона, как на вождя и руководителя революции: на пролетариат или на либеральную буржуазию? По этому вопросу в основном произошло деление на большевиков и меньшевиков. Этот вопрос был основным вопросом разногласий того периода.

Тот, кто приходил к выводу, что в тогдашний этап нашей революции нужно стать на защиту идеи гегемонии (возглавления) пролетариата,—тот шел правильным, революционным путем и неизбежно приходил к тому основному практическому большевистскому выводу, что осуществление гегемонии пролетариата в эпоху буржуазно-демократической революции есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Тот, кто отказывался или колебался в этом вопросе, тот отказывался и от задачи осуществления диктатуры пролетариата и крестьянства. И наоборот, тот, кто отказывался от идеи демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, не признавал ее необходимости, ее целесообразности или ее осуществимости, тот неизбежно шел к отказу от основной идеи о гегемонии пролетариата в нашей революции, тот отдавал буржуазии руководство в революции. Так обстояло дело на этом этапе нашей революции. Большевики были теми марксистами, теми последовательными революционерами, которые подошли к задачам пролетариата в период 1904—1917 гг., включая период победы Февральской революции, как к задачам осуществления гегемонии пролетариата в революции. Наоборот, меньшевики целиком скатились к защите идеи гегемонии либеральной буржуазии в нашей революции. Тов. Троцкий в этом основном вопросе на деле был вместе с меньшевиками.

Если вы возьмете второй период революции, период, когда наша партия поставила вопрос о захвате власти, то перед нами

та же идея гегемонии пролетариата была поставлена в новом виде. VI партийный съезд окончательно сказал от имени всей партии, что мы приступаем к решению задач нового этапа революции, что мы непосредственно переходим к задаче захвата власти пролетариатом. Это решение о непосредственном переходе к захвату власти и было дальнейшим этапом развития идеи гегемонии пролетариата, применительно к условиям второй половины 1917 года.

Совокупность условий, весь ход революции подвели нас к тому, что для пролетариата и всей массы трудящихся оставалось только два выхода: либо итти за буржуазией, в хвосте того или иного, хотя бы и либерального, ее крыла, а фактически на поводу Антанты и империализма, либо итти за большевиками, за авангардом пролетариата по пути к социализму. Наша партия тогда сказала, что у пролетариата не может быть другого пути, как итти на восстание против буржуазии, против империализма. Партия решительно сказала, что это единственный путь к окончанию войны, к миру, к экономическому возрождению, к освобождению народа.

И тогда партия и прежде всего ее вождь Ленин не мог не поставить вопрос,—если мы идем на Октябрьское восстание, то есть ли надежда на победу этого восстания? И Ленин за несколько недель до восстания напечатал свою, поистине замечательную брошюру: «Удержат ли большевики власть», в которой дает свой прямой ответ на этот вопрос. Разобрав условия, в которых тогда находилась наша страна, и пути, которыми можно выйти из создавшегося кризиса, Ленин решительно заявил: «...не найдется той силы на земле, которая помешала бы большевикам, если они не дадут себя запугать и сумеют взять власть, удержать ее до победы всемирной социалистической революции». Итак, Ленин не только обосновал, что из объективной исторической обстановки второй половины 1917 года вытекает необходимость пролетарской и социалистической революции, но он поставил вопрос и о том, удержат ли большевики власть в тогдашних условиях, и ответил: да, удержат! Поэтому вопрос о восстании он поставил смело, решительно, по-революционному, по-пролетарски. Можно ли в самом деле итти на восстание, вести рабочих на отчаянную борьбу без веры в победу, без возможности победить?

С другой стороны, как раз для этого момента характерно, что те, кто не признавал октябрьского восстания неотложной практической задачей, те и не допускали, чтобы большевики в этих условиях могли удержать власть. Таковы были меньшевики

«новожизненцы» и т. п. Но не только они. И среди большевиков те, которые не верили в победу, которые не допускали возможности удержания большевиками власти в 1917 году, те неизбежно приходили к выводам против октябрьского восстания. Таковы были тогда тт. Зиновьев и Каменев. Они, Каменев и Зиновьев, не считали октябрь 1917 года тем моментом, когда пролетариат должен перейти к новому этапу, к социалистической революции, потому что они не допускали того, в чем был убежден Ленин, они не верили в возможность того, что большевики могут удержать власть. А между тем именно этот вопрос отделял тогда большевиков от небольшевиков, пролетарских революционеров от буржуазных, и в том числе мелкобуржуазных политиков. И вместе с тем то или иное решение этого вопроса, вопроса о восстании и победе пролетариата—в создавшихся новых революционных условиях—обозначало то или иное решение вопроса о гегемонии пролетариата на новом этапе революции.

Как известно, т. Троцкий в 1917 году был против линии тт. Зиновьева и Каменева. Он пошел на Октябрьское восстание вместе с большевиками. Но можно ли сказать, что т. Троцкий в тот момент целиком стоял на линии нашей партии, на позиции Ленина? Найдется ли у т. Троцкого хотя бы одно место в его статьях и речах того периода, где бы он так же твердо, как и Ленин, признал, что большевики не только должны итти на восстание, но и то, что большевики могут победить и удержать власть до победы всемирной социалистической революции? Нет, не найдется. У т. Троцкого этот вопрос ставился иначе. В основном его позиция в октябрьский период 1917 г. сводилась к следующему: он, как и большевики, считал, что для партии и рабочего класса нет другого выхода, кроме восстания и борьбы за власть, но сказать про т. Троцкого (на основании всего того, что было тогда им написано и сказано), что он так же, как и Ленин, признавал, что большевики удержат власть до победы всемирной социалистической революции, этого про т. Троцкого сказать никто не может. Такова была разница между Лениным и Троцким в Октябрьскую революцию. Об этом не надо забывать и ныне. Ленин шел на Октябрьское восстание и вел за собой рабочих потому, что он знал, был убежден и верил, что Октябрьская победа возможна и, больше того, не только возможна, но что большевики победят, «если они не дадут себя запугать и сумеют взять власть». Следовательно, Ленин признавал, что от партии, от самих большевиков зависит решить эту задачу. Другое дело итти на восстание, смотря на это как на опыт, который, может быть, удастся, может быть, и нет, или, в лучшем случае, надеясь на не-

медленную помощь европейской революции. Но итти на восстание, как на опыт, в успех которого не веришь, это—граничит с революционным авантюризмом.

Возьмем, например, тогдашнее участие левых эсеров в Октябрьском восстании. В сущности, это участие было в значительной мере стихийным, с большой долей революционного авантюризма. Но это и наложило свой отпечаток на все их поведение. Я помню, что в Смольном уже в ночь на 25 октября в Военно-Революционном Комитете находились левые эсеры, которые оправдывали свое участие в Военно-Революционном Комитете смешными доводами в таком роде: мы участвуем в Военно-Революционном Комитете потому, что мы вынуждены обороняться от Керенского; мы не ведем никакого наступления; мы охраняем революционный Петроград от опасности новой корниловщины. А в это время пушки гремели над Зимним дворцом, и большевики занимали решающие позиции, определившие исход восстания. Левые эсеры оказались в этом, довольно нелепом, положении, так как у них не было правильной оценки объективного хода революционных событий и не было марксистского понимания революционных перспектив. Но это был не тот путь, которым шли марксисты, большевики, ленинцы, т.-е. наша партия. Наш путь в Октябрьской революции, это—путь большевиков, которые твердо верили в успех того дела пролетарского восстания, руководство которым всецело принадлежало им.

Если, товарищи, вы возьмете вопрос о гегемонии пролетариата применительно к теперешней обстановке, то в настоящее время он решается в связи с перспективами строительства социализма. В настоящее время в нашей среде никто не может отрицать, что социалистическое строительство возможно, что мы его ведем. Однако сказать сейчас только это—недостаточно. Теперь вопрос стоит таким образом: ведя социалистическое строительство, верим ли мы в возможность его победы, признаем ли мы, что победа социализма в нашей стране возможна, или мы думаем так, как тт. Троцкий, Каменев и Зиновьев, которые выходили здесь на трибуну и говорили примерно так: да, пролетариат СССР ведет социалистическое строительство, но может ли он своими силами победить,—в этом мы не убеждены; сможет ли пролетариат СССР своими силами удержать власть, т.-е. строить и построить социализм,—в этом мы не уверены, и,—заявляют они, наконец,—не требуйте от нас в этом теоретической и политической присяги.

Однако, если бы мы так подходили в 1917 году и к октябрьскому восстанию, это бы на деле означало неверие в возможность

удержать власть, и наш призыв к рабочим в октябрьские дни носил бы на себе печать авантюризма. Точно так же ни российский рабочий класс, ни международный пролетариат не может принять политики, которая говорит, что мы строим социализм, а построим ли мы его, можем ли мы победить на основе наших внутренних данных без немедленной поддержки европейской революции, в этом мы не убеждены, этого мы не знаем. Отсюда неизбежно—тот, кто не верит, кто не убежден, что можно построить социализм на основе наших внутренних сил, тот и в самой практике строительства в политике его осуществления будет колебаться, будет вихлять, будет путаться, не будет иметь линии, будет сбивать тех, кого он может сбить. Это логика вещей. Если бы мы шли на октябрьское восстание без того, чтобы быть уверенными в том, что мы можем удержать власть, мы были бы плохими революционерами и вряд ли бы мы победили. И теперь победить мы можем только при том условии, если будем руководствоваться ясным сознанием, что победа возможна (конечно, при условии правильных взаимоотношений пролетариата и крестьянства,—что теперь зависит от политики партии,—и в том случае, если иностранная империалистическая интервенция,—что уже зависит не только от нас,—не помешает этой победе). Тот, кто теперь не верит в победу социализма, кто не допускает возможности построить социализм в СССР без победы социализма в других странах, тот, как правильно говорил тов. Бухарин, должен, ввиду затяжки международной пролетарской революции, перейти к идеологии «перерожденчества», тот, логикой вещей, придет к выводу, что перерождение советской власти и партии в ту или иную разновидность буржуазного типа неизбежно, тот волей-неволей превращается в пораженца.

II. Вопрос о победе социализма в нашей стране и взгляды тт. Троцкого, Зиновьева и Каменева.

Поставлю следующий вопрос. Можно ли вопрос о строительстве социализма в одной стране снять с порядка дня, как это предлагает тов. Троцкий? Говоря это, он много раз подчеркивал, что им много сказано и написано о социалистическом характере нашей революции. Быть может, тов. Троцкий в начале своей речи кое-кого обнадежил насчет своего отношения к нашему социалистическому строительству. Он говорил, что в тезисах тов. Сталина процитированы главным образом его старые статьи, и что он, мол, может процитировать и эту свою статью, и другую, и третью, и ряд других, где много говорится о социалистическом строи-

тельстве. Тов. Троцкий и привел достаточное количество своих цитат на эту тему. Но привел ли он хоть одну новую цитату, хоть одну сколько-нибудь подходящую фразу на тему о том, что мы не только строим, но и можем построить социализм в нашей стране на основе наших внутренних возможностей? Нет. Этого он не сделал и не мог сделать, отделавшись, если это можно так назвать, красивым жестом: передо мной этот вопрос не стоит. Так как, видите ли, тов. Троцкий рассчитывает, что международная революция будет раньше, чем через 30—50 лет, то, по его мнению, об этом вопросе можно и не говорить. Так ли это? Почему же Ленин об этом говорил 11 лет назад, в 1915 г., и считал еще тогда этот вопрос актуальным? Ведь тогда о социалистической революции можно было говорить как о перспективе, однако Ленин уже говорил о возможности победы социализма «даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране». А вот тов. Троцкий находит и сейчас, что этот вопрос не существен, что его можно снять с обсуждения партии, и уж во всяком случае по этому вопросу ни для кого не обязательно давать какие-либо «теоретические и политические обязательства». На деле это означает: ходить вокруг да около основного вопроса революции, не давая ясного ответа на него. И здесь мы видим заметную разницу между Лениным и Троцким.

Дальше я попутно остановлюсь на том, как тов. Троцкий, увлекаясь цитатами из своих книг, немножко злоупотребил рассказами о других цитатах. В частности, он указывал на то, что вот, дескать, в «Большевике» была процитирована одна из статей Ленина, напечатанная в пятом «Ленинском сборнике». Он говорил здесь, что «Большевик» перепечатал цитату из ленинской статьи и опустил из нее важнейшую фразу о середняке. Я вхожу в состав редакции «Большевика» и, когда слушал это место речи тов. Троцкого, был несколько поражен его словами, тем более, что помнил, что именно эту цитату я полностью читал в одном из номеров «Большевика». Вчера вечером я сам проверил указанный тов. Троцким факт с цитатой. Что же оказалось? Тов. Троцкий назвал страницы, на которых находится эта цитата. Я сделаю так же. Цитата, о которой говорил тов. Троцкий, находится на 451 странице № 5-го «Ленинского сборника». Если вы возьмете № 13—14 «Большевика», стр. 111, где дается рецензия на № 5 «Ленинского сборника», вы там найдете полную цитату, о которой говорил тов. Троцкий. Сказать после этого, что «Большевик» исказил важнейшую цитату тов. Ленина, было бы по меньшей мере странно. Но тов. Троцкий указывал не на этот номер «Большевика». Действительно. в № 19—20 «Большевика» есть статья польской

коммунистки тов. Костржева «К роли мелкой буржуазии в революции», и в ней также разбирается указанная выше статья Ленина. Эта статья (вернее, напечатанный в «Ленинском сборнике» план ее), говорящая действительно об очень важном вопросе—о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую—состояла у В. И. Ленина из 6 пунктов. Тов. Костржева цитирует 4 первые пункта полностью, 5 пункт, о котором говорил тов. Троцкий,—в сокращенном виде, а 6—еще более кратко. Сделала ли тов. Костржева ошибку таким цитированием плана статьи Ленина? Мне кажется, что тов. Костржева сделала действительно ошибку, выпустив очень важное место и неправильно сократив изложение двух последних пунктов. Однако можно ли по этому случаю сказать, что «Большевик» искажает важнейшие цитаты Ленина, что «Большевик» выпускает из статей Ленина то, что ему не нравится? Утверждать это, значит искажать действительность, что ясно из сказанного мною выше. Хорошо, если бы тов. Троцкий сделал иначе, и сам бы высказался хотя бы и в «Большевике» по поводу интереснейшего плана статьи Ленина, о котором он здесь говорил. Тов. Бухарин уже делал предложение тов. Троцкому высказаться в печати о своих взглядах на перманентную революцию и в частности о том, что у него было правильного и что—неправильного (на что указывал вчера и сам тов. Троцкий) в этом вопросе. В связи с этим планом статьи Ленина, это бы как раз было уместно. Поэтому я целиком присоединяюсь к предложению тов. Бухарина.

Я возвращаюсь к основной теме,—к вопросу о победе социализма в одной стране. Если вопрос о победе социализма в одной стране, по мнению т. Троцкого, может быть снят с очереди как вопрос, не имеющий серьезного значения, то как быть с тт. Зиновьевым и Каменевым?

Дело в том, что предыдущая XIV партконференция по докладу т. Зиновьева приняла по этому вопросу определенную резолюцию, и тогда мы все голосовали за нее единогласно. Эта резолюция, защищавшаяся т. Зиновьевым, была принята единогласно Центральным Комитетом с участием голосовавших за нее тт. Зиновьева и Каменева. Она была принята единогласно XIV партконференцией и подтверждена XIV партсъездом. Мы полностью стоим и сейчас на почве этой резолюции. Но интересно, что теперь не только уже резолюции XIII партконференции и XIII партсъезда о троцкизме, но и резолюция XIV партконференции, по поводу которой тт. Зиновьев и Каменев всегда заявляли, что у них с нею нет никаких разногласий,—теперь не признаются ими и в частности самим защищавшим ее на предыдущей кон-

ференции т. Зиновьевым. Это является показателем коренного поворота в линии тт. Зиновьева и Каменева, и потому этот факт показывает, что именно с ними случилось в политике за это время. До вчерашнего дня тт. Каменев и Зиновьев нигде не заявляли о своем несогласии с этой резолюцией. Теперь они формально выступили против нее.

Что же они говорят теперь? А говорят они, как это мы слышали вчера от т. Каменева, вот что: XIV партконференция сказала, что победа социализма в нашей стране возможна, если наша страна сможет устоять от империалистической интервенции. Теперь т. Каменев считает одно это, так сказать, внешнее условие недостаточным. Он считает, что для положительного решения вопроса о победе социализма должно быть выдвинуто второе условие, а именно гарантия, что у нас будет иметься соответствующий, нужный для победы темп хозяйственного строительства СССР. Итак, вместо одного условия—внешней опасности—теперь выдвигается необходимость второго условия—внутреннего порядка для победы социализма в нашей стране. Но почему же на XIV партконференции не говорили об этом ни т. Каменев, ни т. Зиновьев? Почему на XIV партконференции единогласно, вместе с ними, мы приняли решение, что единственным препятствием в строительстве социализма в нашей стране, пока нет победы международной пролетарской революции, является возможная империалистическая интервенция? Да именно потому, что в этом основном вопросе о характере нашей революции, о перспективах ее и о нашей тактике тт. Зиновьев и Каменев отказались от самих себя и перешли на позицию троцкизма (голоса: «Правильно!».), перешли на ту позицию, против которой они раньше боролись.

Вопрос о «темпе» нашего социалистического строительства был поднят как тт. Зиновьевым и Каменевым, так и т. Троцким в сущности на апрельском пленуме Центрального Комитета в этом году. Это, кстати, дает основание теперешний оппозиционный блок назвать «апрельским блоком». Вопрос о «темпе» был поднят ими в связи с хозяйственной резолюцией, принятой тогда Центральным Комитетом партии. Тогда и т. Зиновьев и т. Каменев были против резолюции т. Рыкова по хозяйственному положению, где говорилось, что у нас есть все основные экономические предпосылки, т.-е. объективные материальные данные, для построения социализма в нашей стране до победы международной пролетарской революции, если этому не воспрепятствует империалистическая интервенция. XIV партконференция, XIV съезд и, наконец, апрельский пленум ЦК дали ясный и определенный ответ на вопрос о том, имеются ли у нас внутри страны объективные предпосылки

для строительства социализма. В этих решениях прямо и целиком на основе того, что говорил Ленин по этому вопросу,—у нас есть «все необходимое и достаточное» для построения социализма,—партия сказала, что в нашей стране еще до социалистического переворота в других странах имеются все объективные предпосылки для победы социализма.

III. Объективные и субъективные предпосылки победы социализма. Социал-демократия и социал-демократический уклон в ВКП (б).

Однако победа революции, как известно, зависит не только от объективных условий, а также от наличности соответствующих субъективных предпосылок, т.-е. прежде всего от наличия сознательности и организованности рабочих, от способности правильно и на деле руководить пролетариатом со стороны коммунистической партии. Именно сочетание объективных предпосылок с необходимыми данными «субъективного порядка» требуется на данном этапе нашей революции для победоносного строительства социализма. В этом корень вопроса. Отсюда при наличии объективных данных, как это имеется у нас, вытекает исключительная важность вопроса о способности коммунистической партии правильно руководить рабочим классом Советского Союза, что в данных условиях является решающим моментом, что теперь и определяет дальнейший ход и действительную возможность победы социализма в нашей стране. С этой точки зрения понятны слова Ленина: «10—20 лет правильных соотношений с крестьянством,—и обеспечена победа во всемирном масштабе». С точки зрения Ленина и нашей партии дело, следовательно, не в объективных предпосылках, которые у нас имеются, а в правильной политике и прежде всего в правильных взаимоотношениях пролетариата и крестьянства, т.-е. дело в самой партии, в ее способности руководить пролетариатом на пути к победе социализма.

Дальше. Здесь т. Троцкий и за ним т. Зиновьев говорили, что в решении вопроса о строительстве социализма в нашей стране мы не можем «отвлекаться» от международной обстановки. Но прочтите, что писал Ленин в своей статье «О кооперации», прочтите эту статью от первой до последней строчки. Там, за исключением двух фраз, в которых Ленин специально говорит о международной обстановке и наших международных коммунистических обязанностях, Ленин разбирает вопрос, «отвлекаясь» от международных вопросов и сосредоточивая внимание исключительно на вопросах внутреннего порядка. Поэтому понятны слова Ленина о том, что у нас есть «все необходимое и достаточ-

ное» для построения социализма, а также понятны следующие слова Ленина из статьи «О кооперации»: «Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной...».

Нам говорят лидеры оппозиции: вы требуете, чтобы мы поверили в возможность победы, чтобы мы отказались от неверия и упадочничества, но мы, говорят они, ведь не обязаны верить так, как другие, а указание на неверие, дескать, не имеет политического значения, так как будто бы слова «неверие», «упадочничество» и т. п. дают, видите ли, не политическую, а только психологическую характеристику. Нет, товарищи, это не так просто! Эта «психологическая характеристика», от которой хочет отмахнуться оппозиция, вовсе не такой пустяк, чтобы о нем не говорить на партконференции как о важнейшем вопросе. Недаром же противников Октябрьского восстания Ленин называл «крикливыми пессимистами», не верящими в победу пролетариата. Это говорилось не напрасно. Ленин понимал, что когда объективные предпосылки для победы восстания налицо, когда объективные предпосылки для победоносной революции пролетариата имеются, то вера в победу, уверенность в силах, действительная убежденность в правильности своей линии и вытекающая отсюда непоколебимая решимость в борьбе решают дело.

В основном в этом заключается вопрос и в настоящее время, когда партия сказала свое веское слово о наличии в стране объективных предпосылок для победы социализма. (Надо при этом помнить, что Ленин вполне справедливо доказывал—смотри его статью против Н. Суханова: «О нашей революции»,—что при известной революционной ситуации пролетариат может «начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок... для дальнейшего роста цивилизации», необходимого для строительства социализма.) На основании научного анализа хода всей нашей революции, как и непосредственно на основании ленинского учения, мы (партия) утверждаем, что в деле победоносного строительства социализма мы можем теперь исходить из наличных объективных предпосылок, но нам необходимо, чтобы в этот период несомненно напряженнейшей и еще долгой борьбы за победу не дрожали руки, не колебалась воля, не парализовался разум, не покидала партию марксистская уверенность в том, что мы можем победить при правильном руководстве рабочим классом и крестьянством. Снова повторяю, что, исходя из своей известной оценки объективных условий революции, только одно условие выставил Ленин как условие победы, а именно: необходимость в течение одного-двух десятилетий правильных взаимоотношений между

пролетариатом и крестьянской массой, а это условие, как известно, «внутреннего порядка». Добиться осуществления его, как это ясно из ленинского учения, зависит от партии, т.-е. от «субъективного фактора» революции.

Поставим теперь вопрос о социалистической революции в международном масштабе. Каково здесь в настоящее время, хотя бы в наиболее передовых капиталистических странах, соотношение объективных и субъективных предпосылок победы социализма?

Среди нас по этому вопросу не может быть никаких споров о том, что в таких странах, как Англия, Германия, Франция, Соединенные Штаты, объективные предпосылки для социализма имеются налицо, а вот субъективных предпосылок пока здесь не было. И потому их не было, что руководство рабочими массами, большинством рабочих здесь находилось пока в руках социал-демократии, не верящей в возможность строительства социализма. Именно то, что в этих странах не было пока необходимых субъективных предпосылок, что там пока еще растут, крепнут, поднимаются, но не стали по-настоящему на ноги в рабочем классе коммунистические партии, именно этот факт, этот исторический недостаток «субъективного порядка» мешал и мешает до сих пор победе пролетариата в передовых капиталистических государствах.

Если бы коммунистические партии в передовых капиталистических странах оказались, скажем, уже в последние годы империалистской войны или непосредственно после нее способными руководить пролетариатом, была бы обеспечена победа пролетариата в Англии, Соединенных Штатах, в Германии и Франции или нет? Каждый большевик ответит: да, была бы. Ведь в том теперь и заключается основное препятствие для этой победы, что социал-демократия, сохраняющая влияние на огромные массы рабочих, мешает победе социализма в передовых капиталистических странах. Если тов. Троцкий говорил, что «перселевщина»—это псевдоним, т.-е. другое название, капиталистической стабилизации, то он был совершенно прав. Но «перселевщина» не только там, где есть капиталистическая стабилизация, она находит для себя своеобразное выражение в лице тех пессимистов в нашей партии, которые не верят в то, что у нас есть возможность победы социализма. Вот это надо понять. Аналогично роли социал-демократии в международном рабочем движении у нас основным препятствием для победы социалистической революции явилась бы, в случае ее торжества, политика, которая воплощена в нашем оппозиционном блоке, т.-е. линия неверия в строительство

социализма, неверия в его победу. Партия потому должна была вести и ведет такую беспощадную борьбу с политической линией оппозиционного блока, что в настоящее время преодоление этой линии, изживание этой идеологии является для нее тем, без чего нельзя итти верной дорогой к победе социализма.

Конечно, наша оппозиция—не социал-демократия. Никто этого и не говорит. Но ее подход к решению коренных современных задач рабочего класса СССР своеобразно и до известной степени отражает дух, линию, политику социал-демократии. Идеология неверия в победу социализма в наших исторических условиях является идеологией, отражающей пережитки идеологических влияний социал-демократии. Вот почему теперешняя наша оппозиция вполне справедливо получает теперь имя «социал-демократического уклона».

IV. От неверия в победу социализма к идеям о перерождении пролетарской революции.

А с этим мы обязаны бороться до конца. Ведь из неверия в возможность победы социализма в наших современных условиях исходят разговорчики о перерождении нашей революции, о перерождении нашего пролетарского государства.

Тов. Троцкий пытался здесь отмести от себя всякого рода указания на его причастность к такого рода утверждениям. Между тем все-таки тов. Троцкий на июльском пленуме ЦК и ЦКК сказал, что у нас государство «далеко не совсем пролетарское». Он потом поправился в этом пункте, но колебания в этом вопросе у него явно обнаружились. А такого рода колебания в одном из основных вопросов, когда сегодня говорят одно, а завтра делают к этому поправочку,—эти колебания дают повод таким, как Оссовские, думать, что наша партия и наше государство уже в настоящее время—хотя и более или менее стараются проводить пролетарскую линию,—но не проводят «сплошь пролетарскую» линию, а только «наполняют» эту линию «максимально возможным при нынешних условиях пролетарским содержанием». Так говорил Оссовский, почитайте его.

А вот я процитирую один из последних оппозиционных документов, который, мне кажется, по существу ничем не отличается от того, что говорил т. Троцкий на июльском пленуме ЦК и ЦКК и что он потом исправлял в своей стенограмме. Это один из анонимных оппозиционных документов, который распространялся в последнее время в Туле, и который мне передал уже во время этой конференции тов. Кабаков. Несомненно, он принадлежит перу одного из лидеров оппозиции. Там говорится: «большин-

ство ЦК... способствует на деле постепенному уменьшению пролетарского характера нашего государства». Теперь сравните: «далеко не совсем пролетарское государство» и «большинство ЦК... способствует на деле постепенному уменьшению пролетарского характера нашего государства»,—по-моему, это в основном одно и то же, в этих формулировках существенной разницы нет. И если тов. Троцкий отказался от своей формулировки в лично исправленной стенограмме, то вот вам другой документ, который говорит по существу то же самое, высказывает ту же мысль, которую Оссовский, в свою очередь, выразил еще более ярко.

Мы должны иметь ясный и определенный ответ на вопрос, какое у нас государство—пролетарское ли по своей политике, по своим принципам, по своей классовой линии, или «непролетарское», «далеко не совсем пролетарское», не «сплошь пролетарское»? А прежде всего надо установить, что всякая попытка противопоставлять наше государство и рабочий класс есть попытка насквозь фальшивая, попытка насквозь отреченческая, воплощающая отказ от основной линии строительства советского государства.

Здесь т. Каменев говорил: почему же всегда говорили о необходимости орабочивания нашего госаппарата? Да, совершенно верно, мы говорили это и будем говорить впредь и должны на практике делать все, что можно для этого. Но можем ли мы говорить об «орабочении» нашего государства, поскольку дело идет об его политике, принципах, линии? Пусть найдется такой товарищ, который скажет, что мы будем «орабочивать» не только госаппарат, но и самую политику и классовую сущность нашего государства. Такой товарищ тем самым откажется от того, что у нас есть диктатура пролетариата. Нельзя же прикрывать и затушевывать вопроса о государстве, т.-е., в основном, вопроса об его классовых принципах, об его классовой линии, вопросом о государственном аппарате, так как последний представляет, конечно, из себя нечто совсем другое.

Наше государство—пролетарское, рабочее, но, как говорил Ленин и за ним вся партия, наше рабочее государство живет в крестьянской стране и имеет бюрократические извращения на практике, т.-е. в работе своего аппарата. Относительно госаппарата Ленин не раз говорил очень жесткие слова. В статье «О кооперации» он прямо говорит, что наш госаппарат «ровно никуда не годится». Дальше этой характеристики госаппарата, кажется, итти некуда, но она правильна и в настоящее время. Значит, аппарат мы должны орабочивать, по-социалистически переделывать и улучшать, но смешивать или подменять вопрос о том,

какова классовая сущность нашего государства, с вопросом, каков наш госаппарат на практике, это значит за вопросом об аппарате не видеть принципиальной политической линии и тем самым переходить на аппаратную точку зрения, в чем Ленин не раз и совершенно справедливо обвинял т. Троцкого. Способность подменять принципиальные вопросы вопросом об аппаратчине имеет мало общего с марксизмом. Этот грешок был у тов. Троцкого раньше, остается и сейчас.

Следует особо остановиться на том, как далеко зашла оппозиция в своих оценках нашей государственной власти, этой первой победоносной диктатуры пролетариата, а также в оценках руководства ею со стороны нашей партии.

Это наиболее ярко можно показать, если сравнить эти оценки с тем, что говорят о нашей пролетарской диктатуре заграничные критики из меньшевистского лагеря. В «Социалистическом Сплетнике» всегда говорится, что у нас не диктатура пролетариата, а диктатура ВКП. Противопоставить одно другому меньшевик считает своей первой обязанностью. Наша оппозиция пошла в этом вопросе дальше. Оппозиция договорилась до такой глупости, что в нашей партии существует «фракционная диктатура», что руководство партией заменено руководством «фракционной диктатуры». Но оппозиция на этом не остановилась. И этого оказалось мало. В том самом документе из Тулы, который я уже цитировал, оппозиция договорилась до того, что у нас «диктатура пролетариата подменяется (вы думаете, чем?) диктатурой Секретариата»! Так просто и говорится: «диктатура пролетариата подменяется диктатурой Секретариата». Ни один меньшевик до этого еще не договорился! Я думаю, что это такой предел антипартийности, насквозь буржуазно-ренегатского отношения к нашей рабочей власти, к диктатуре пролетариата в СССР, дальше которого итти уже некуда.

V. Партия и оппозиция. Почему оппозиция так „блестяще“ провалилась.

А теперь перейду к вопросу о том, в какое отношение к партии оппозиция поставила себя за последнее время.

Работа оппозиции против партии, как теперь уже достаточно вскрылось, переходила за последние месяцы всякие границы. Это исходило очевидно из той точки зрения, которую оппозиция установила на партию и на ее ЦК. Конечно, каждая партия достойна своего ЦК. Я думаю, что так дело обстоит и в нашей партии. Любопытно, как оппозиция определяет свое отношение к ЦК, или, как она предпочитает выражаться, к «большинству

ЦК»,—хотя бы в том же самом «тульском» документе, который представляет собой «вопросы и ответы» по основным вопросам разногласий между оппозицией и партией. Вот что говорится в этом документе о «большинстве ЦК». Читаю: «21-й вопрос. Какие принципы объединяют большинство ЦК?

Большинство ЦК называет оппозицию сбродом неоднородных элементов (против этого я не буду сейчас возражать! *В. М.*), а что же оно само из себя представляет? Оно представляет собой блок самых разношерстных элементов. В нем объединяются элементы партийные, сползающие на кулацкую точку зрения (Калинин, А. П. Смирнов, Ворошилов), с элементами, сползающими на тред-юнионистскую точку зрения, из среды вождей наших профессиональных союзов, которым очень импонируют «деловые» люди европейских профсоюзов (Томский, Угаров, Шмидт),—коммунист, преклоняющийся перед крепким мужиком, с коммунистом, раболепствующим перед всякими Перселями и Пью, крепкими элементами рабочего движения,—в нем объединяется партийная бюрократия, не видящая дальше своего носа, почитающая аппарат за партию, считающая большие вопросы, поставленные революцией и выдвигаемые оппозицией, за интеллигентские вымыслы».

Чей это чужой голос, товарищи, чьи это «идеологические уши» отсюда вылезают? Это «идеологические уши» буржуазной интеллигенции. (Голоса с мест: «Правильно!». Аплодисменты.) И нашли же кого обвинять в «преклонении» перед кулаком и «раболепстве» перед Перселями, нашли же кого объединить под именем «партийная бюрократия»! Выбрали шесть имен и это сплошь одни пролетарии,—Калинин, Смирнов, Ворошилов, Томский, Угаров, Шмидт,—сплошь рабочие, подлинный цвет нашей партии. (Голоса с мест: «Правильно!». Вся конференция встает и долгими бурными аплодисментами приветствует перечисленных товарищей.) Это, товарищи, все без исключения рабочие, 5 металлистов и, если можно так выразиться, во главе с типографом—Томским; у каждого не менее 20 лет безукоризненного большевистского прошлого, а некоторые имеют около 30 лет большевистской работы за плечами. При этом все это люди, ни на один момент не отрывавшиеся от нашей партии, не болтавшиеся, как некоторые другие, ни среди меньшевиков, ни среди «примиренцев» какого бы то ни было толка. (Аплодисменты.) И вот именно эта группа лучших представителей подлинного российского пролетариата оказывается, по словам самой оппозиции, воплощением того, что из себя представляет большинство теперешнего ЦК. С удовольствием подписываюсь под этим, потому что эти 6 товарищей и подобные им являются подлинно коренной группой нашей партии и нашего ЦК. (Аплодисменты.)

Вот как оценивает оппозиция наш партийный штаб. А каково ее отношение к партии в целом?

Об этом много говорить я не буду. Достаточно тех фактов, которые мы знаем, того, как лидеров оппозиции встретили недавно на наших партийных ячейках. Та встреча, которая этим лидерам была устроена партийными массами в рабочих ячейках, в высшей степени поучительна и представляет из себя, действительно, исключительное событие в истории партии. Должен сделать маленькое отступление, остановиться прежде на одном небольшом факте. По вызову из ячейки «Авиоприбора», в день памятного ее собрания 1 октября, мы с тов. Бухариным хотели было отправиться в эту ячейку, когда туда уже собрались почти все лидеры оппозиции: Троцкий, Зиновьев, Пятаков, Смилга, Сапронов и Радек. Подумав немного, мы отказались, однако, от этого плана и решили, что партийная масса и местные руководители дадут достаточный отпор зарвавшимся лидерам оппозиции. Мы положились в данном случае на рост нашей внутрипартийной демократии. Решили, что эта внутрипартийная демократия чего-нибудь да стоит. Мы в этом не ошиблись. Теперь мне даже кажется, что скоро может выйти так, что недовольство развитием внутрипартийной демократии будет наиболее сказываться со стороны тех, кто пока щеголяет в качестве лидерствующих в оппозиции. Ведь научила же и их чему-нибудь внутрипартийная демократия за эти последние недели. Можно только спросить их, какая им больше нравится внутрипартийная демократия: «авиоприборовская» или «красно-путиловская»? (Аплодисменты, смех.) Я думаю, что тов. Зиновьев как ленинградский патриот будет все-таки предпочитать «красно-путиловскую», но зато тов. Троцкий наверняка «авиоприборовскую». (Смех.)

Наши «оппозиторы» говорят теперь нередко так: в своих выступлениях мы выражали только те или другие тревоги за судьбы революции и партии, мы только указывали на трудности, нельзя же нас за это винить. Товарищи «оппозиторы», вы указывали на «трудности», вы выражали «тревоги», но вы столько выражали «тревог» и столько насчитывали «трудностей», что не всякому... социал-демократу за вами угоняться. Вот в чем дело. Ведь и социал-демократии для того, чтобы, несмотря на наличие объективных данных для победы рабочих, оправдать свое отрицательное отношение к революционному восстанию и к революционной борьбе вообще, нужно придумывать десятки и сотни «трудностей», оправдывающих оттяжку с их стороны всякой революционной борьбы, якобы оправдывающих те многочисленные палки, которые они ставят в колеса пролетарской революции. Социал-демократия на Западе тем и отличается от коммунистов, что она насчитывает

такую массу «трудностей» в деле борьбы за диктатуру пролетариата, проникнута такими большими «тревогами» за возможность поражения восстания рабочего класса, что эти «трудности» и «тревоги» в конце концов толкают их против революции, против интересов рабочего класса и на деле превращают социал-демократию в ползучего раба капитализма. Этот социал-демократический дух насквозь враждебен нашей партии. И когда этот «дух» или «душок» начинает ручейками переливать в нашу партию, начинает заполнять те или иные наши клеточки, то в результате получается «социал-демократический уклон», которому партия должна дать серьезнейший, беспощадный идейный отпор. Само имя «социал-демократический уклон», которое теперь вполне заслужил скатившийся к троцкизму оппозиционный блок, будет призывом к идейной борьбе с чуждыми влияниями в рядах нашей партии.

Тов. Зиновьев выражал надежду на то, что после проделанного оппозицией фракционного «опыта» и полученных ею «приветствий» от партийной массы можно и следует перейти к работе с предоставлением оппозиции права защищать свои взгляды в рамках устава. Но он тут же довольно прозрачно намекнул насчет того, что были и раньше оппозиции в партии, при чем была де, например в 1918 году, оппозиция «левого коммунизма», которая имела даже свою газету, и при этом разъяснял,—жили, мол, люди, терпела их партия, уладилось. Вот только тов. Зиновьев не понял, что теперь совсем другое время. 1918 г. и 1926 г.—большая разница.

Нам говорят: в 1918 году оппозиция имела свою газету, но тогда свои газеты имели и меньшевики и эсеры. И даже кадеты имели свою газету. Что-то теперь на это у нас непохоже. Разве это не заметно? Для кого, может быть, и незаметно, а для кого очень и очень заметно. Насчет же свободы пропаганды своих особых взглядов в нашей партии мы имеем и более поздний пример, чем 1918 год. Стоило бы тов. Зиновьеву напомнить, например, 1921 г., когда Ленин на X съезде провел по отношению к анархо-синдикалистским взглядам Шляпникова, Медведева и других довольно крепкую резолюцию. Ленин в 1921 году не только не предложил им дать свою газету, а провел через партийный съезд постановление: «признать пропаганду этих идей (выражающих «синдикалистский и анархистский уклон») несовместимой с принадлежностью к ВКП». Вот как бывает с некоторыми «особыми» идеями, не говоря уже насчет «особых» газет.

Партия имеет право сказать: если ты хочешь быть большевиком, будь хоть похож на большевика, хоть мало-мальски напоминай собой облик революционера, пролетарского борца, ленинца, а это означает, что пропаганда враждебных ленинизму идей не

совместима с пребыванием в нашей партии. Нас этому учил В. И. Ленин, и само собой понятно, если оппозиция пойдет по худшему пути, если она будет углублять свой «социал-демократический уклон», то этим она встанет на путь непримиримой борьбы против партии. Партия с развитием и углублением «социал-демократического уклона» помириться не может, так как при таком положении партия не может строиться, не может развиваться. Партия должна будет положить этому «углублению» конец.

Последние события и факт исключительно дружного отпора фракционной работе оппозиции со стороны партии имеют исключительное значение. В самом деле, почему оппозиция так «блестяще» провалилась? Надо же было идеологам оппозиции посерьезнее подумать на этот счет.

А дело в том, что за время в особенности с 1923 года партия в борьбе с троцкизмом, в борьбе против того, что было и остается пережитком социал-демократизма в нашей партии, настолько выросла, что теперь в основном она этот уклон идейно преодолела. В смешном положении оказываются те товарищи, недавно еще лидеры,—которые, сохраняя приверженность этому уклону, этим взглядам, отвергнутым партией, как непримиримым с ленинизмом,—пытаются претендовать на руководство в ВКП. Когда партия выяснила себе отношение к троцкизму, когда в течение ряда лет партия, можно сказать, разжевала антиленинскую сущность троцкистских идей, когда она решительно перешагнула через них,—тогда попытки возрождения этого «социал-демократического уклона» в нашей партии неизбежно должны потерпеть жалкое фиаско. При таких условиях, кто бы ни пытался защищать отвергнутую партией идеологию, кто бы ни пытался пятиться назад и тащить за собою вспять партию, он поставит себя в смешное положение, так как вопреки подобным попыткам тащить назад партия идет и пойдет дальше, вперед, по проверенной дороге к своей победе. Тов. Ларин прав: революция и прежде всего партия перерастает часть своих лидеров. Партия идет уверенно к победе, к социализму. Во имя этого она должна преодолеть всякие попытки возрождения троцкизма,—этого социал-демократического уклона в нашей партии.

VI. О перспективах. О международной социалистической революции и о наших интернациональных обязанностях.

Несколько слов о наших перспективах.

Разбор фактов революционного развития, рассмотрение внутренних объективных предпосылок и субъективных моментов нашей революции, приводят нас к тому, что рабочий класс СССР,

опираясь на эти объективные и субъективные возможности, может и должен победить, может строить и построит социализм. Это не значит, что мы недоучитываем значения для нашей победы пролетарской революции в других странах. Когда т. Троцкий выражал здесь надежду на то, что международная революция придет раньше, чем через 30—50 лет, то это вопрос, по которому среди всех нас не может быть спора. Но заявление т. Троцкого на этой конференции,—«очевидно, вы считаете, что надо исходить из такой перспективы, что в ближайшие 30 лет европейский пролетариат власти не возьмет»,—иначе как неслыханной клеветой на партию назвать нельзя. У партии нет никакого основания сомневаться, что международную революцию нам не придется ждать в течение трех и больше десятилетий.

Однако это вовсе не означает, что тем самым мы можем отмахиваться, как от назойливой мухи, от постановки вопроса о возможности победы социализма в нашей «отдельной стране», поскольку этому не воспрепятствует империалистическая интервенция. Это не поможет никому и для целей прикрытия своего отхода от ленинизма. Мы всегда заявляли и повторяем снова, что окончательная победа социализма возможна только в международном масштабе, что только тогда, наконец, исчезнут и опасности международного порядка, т.-е. внешние опасности для социалистической революции в одной, отдельной стране. Если здесь мы добиваемся ясности в принципиальной постановке вопроса о строительстве социализма в одной (нашей) стране, то это имеет, как уже ясно из всего, что говорилось, не только громадный теоретический смысл, но и величайшее практическое значение. Только тогда мы можем итти твердой поступью вперед, к победе социализма, если у нас есть уверенность в возможности победы, если мы верим в победу.

С другой стороны (если учесть, что СССР окружен экономически более высоко развитыми государствами, что во всех капиталистических странах растет коммунизм в рабочих массах, что строительство социализма в СССР является могучим фактором воздействия на подъем пролетарской революции в других странах, чему с каждым новым своим внутренним успехом все более и все непосредственнее будет помогать победивший пролетариат СССР), вполне возможно, что на практике, что исторически победа социализма в одной (нашей) стране совпадет и уже во всяком случае неизбежно поведет за собой победу социализма в международном масштабе. Это значит, что и в случае затяжки социалистической революции в других странах победа социализма в одной (нашей) стране в исторических условиях современного

империализма превратится в окончательную победу, т.-е. в такую победу, которая устранит не только внутренние, но и международные препятствия всестороннему социалистическому развитию и тем самым приведет к победе коммунизма.

Мы добиваемся теперь полной ясности по основному, принципиальному вопросу о возможности строительства и победы социализма на основе тех объективных данных, которые имеются в нашей стране, и постольку, поскольку этот вопрос мы можем ставить, отвлекаясь (по крайней мере, методологически) от международной обстановки. Необходимо, чтобы то, что партия сказала о возможности победы социализма в нашей стране на XIV партийной конференции и подтвердила на последнем партсъезде, вошло полностью в сознание членов нашей партии. Это будет вместе с тем значить, что партия будет отдавать себе полный отчет в том, что дело победы социализма в нашей стране в историческ ой перспективе неразрывно связано с делом окончательной победы социализма, т.-е. с победой социализма в международном масштабе. Отсюда все международные обязанности, о которых Ленин и вся партия всегда говорили, как о неизменных обязанностях каждой компартии, каждой победившей пролетарской республики.

Что на деле мы ведем именно эту линию, что на деле мы связываем всю нашу внутреннюю работу строительства социализма, борьбу за его победу с интересами международной пролетарской революции, это доказывается теми несомненными фактами, что всю свою работу мы, вся партия, рабочий класс нашей страны, идейно и практически по-революционному связываем с теми основными руслами пролетарской революции—Англия, Китай,—по которым, как правильно говорил т. Бухарин, идет в настоящее время главный подъем международной революции. СССР, поднимающийся в борьбе рабочий класс Англии и развивающаяся революция в Китае—вот три русла, которые определяют в настоящее время основные пути международной пролетарской революции. И со всеми основными путями революционного развития наша партия и наш рабочий класс неразрывно, и больше, чем когда бы то ни было, неразрывно, связаны во всей своей борьбе, во всей своей социалистической работе. Политика нашей партии есть и остается политикой победы социализма в нашей стране и, вместе с тем, политикой окончательной победы социализма в международном масштабе.

Рабочие всех стран знают, что мы представляем собой не плохих интернационалистов, что мы, большевики, всю свою работу связываем с интересами интернациональной рабочей револю-

ции. Недаром мы в настоящее время уточнили и интернационализировали и самое имя нашего оппозиционного уклона. С полным основанием называя его «социал-демократическим», мы придаем его политической сущности необходимую ясность в интернациональном смысле. (Смех.) Эта интернационализация необходима и с точки зрения интересов международной пролетарской революции (голоса: «Правильно!»), так как наша оппозиция делает попытки искать себе союзников на международной арене. Мы даем теперь оппозиции ясное имя, которое она заслужила и говорим всему Коммунистическому Интернационалу: вот он, социал-демократический уклон в нашей партии, мы с ним боремся и призываем всех коммунистов к борьбе против этого социал-демократического уклона, где бы он ни пытался приютиться. Можно ли сомневаться в том, что наша партия, а в данный момент ее представительница—XV партконференция,—будет в этом вопросе, как один человек, единодушна! (Бурные продолжительные аплодисменты.)

Председательствующий. Слово имеет т. Микоян.

Микоян. Товарищи, самым худшим для нашей партии было бы, если бы в этот исторический момент ее жизни мы оставили ее в неправильном понимании всех происходящих событий и не дали ясного представления о них. Между тем выступления оппозиции набрасывают туман на действительное положение вещей. Тт. Каменев и Троцкий утверждали здесь, что они прекратили фракционную борьбу, ибо боялись, что эта борьба приведет партию ненароком к расколу. Я считаю это заявление фальшивым. (Голоса: «Правильно».) Неужели люди, имеющие опыт десятков лет революционной борьбы, не только знающие, что такое фракции в теории, но и видавшие их на практике, знающие, что фракции ведут к расколу, только теперь это поняли? Неужели, в частности, т. Троцкий, который, возвратившись с кавказских курортов, заявлял, что он пойдет на улицы и площади Пресни, Замоскворечья, чтобы бороться против Центрального Комитета,—неужели он не знал уже тогда, что такая политика грозит партии расколом? Он знал это великолепно. Неужели и Каменев этого не знал? Он, несомненно, это знал. Прекратили же они фракционную борьбу потому, что партия и—что самое ценное и самое важное—низовые рабочие-передовики дали им решительный отпор. Я пытался восстановить в памяти все перипетии прежних дискуссий; однако, я не мог припомнить факта, чтобы лидеры, крупнейшие, способные лидеры оппозиции были столь решительно разбиты без участия в спорах лидеров большинства Центрального Комитета, исключительно силами рядовых рабочих-партийцев.

В этом отношении «Авиоприбор» и «Красный Путиловец»—величайшие факты в жизни нашей партии. (Аплодисменты.)

Я думаю, что т. Зиновьев был более откровенным в своей речи на Политбюро, чем тт. Каменев и Троцкий. Зиновьев, например, когда мы спросили его, почему он поехал в Питер, сказал прямо,— и в своей речи это подтвердил, примерно: «Я был уверен, что соотношение сил другое, был уверен в том, что значительная часть партии, большинство партии пойдет в этом за нами». Вот в чем было дело. (Голоса: «Просчитались, ошиблись».) Просчитались так, что никогда нельзя им доверить подсчеты сил социальных, партийных и других. (Голоса: «Правильно!» Аплодисменты. Томский с места: «Миллиардом больше, миллиардом меньше»...)

Далее, т. Каменев был совершенно прав и выразил в своей речи большевистскую истину, когда сказал, что нам нельзя отрывать организационные взгляды от общих политических принципиальных взглядов, ибо первые вытекают из вторых и им подчинены. Это азбучная истина для большевика. Но эта истина во всей позиции оппозиционного блока, в том числе и в знаменитом документе от 16 октября, отражена насквозь фальшиво. Почему? Потому что этот отрыв организационных взглядов от взглядов идейных именно там мы и находим. В документе говорится: наши принципиальные политические взгляды остаются старыми, организационные же взгляды меняются в корне. Что это значит? Этот документ открывает две перспективы. Первая перспектива— организационный отказ от фракционной борьбы является временным маневром, для того чтобы в подходящий момент снова возобновить борьбу. (Голоса: «Правильно».) Другая же перспектива—отказ от фракционности есть серьезный принципиальный шаг, и поэтому оппозиция найдет удобный момент отказаться от основных своих взглядов, несовместимых с политикой нашей партии. Я думал грешным делом, что осуществится вторая перспектива, и что на этой конференции оппозиция (после документа прошло уже две недели, произошло некоторое сглаживание острых впечатлений) откажется от наиболее неприемлемых для партии принципиальных своих взглядов. Здесь т. Каменев сделал некоторую попытку кое от чего отказаться и кое-что признать, хотя в общем итоге он замазал ряд разногласий, дипломатически о них умолчал. Но следует подчеркнуть, что некоторые попыточки с его стороны в этом направлении как будто были. Я предупреждаю, что у т. Каменева неоднократно случался такой грех за последнее время. Так, например, на июльском пленуме ЦК он выступил с этой же трибуны так примиренчески, что т. Серго крикнул:

«Переходи к нам, чего ты ждешь?» (Смех.) А в конце этой примиренческой речи, в которой он заявлял, что у нас нет никаких принципиальных непримиримых разногласий, он, однако, сказал: ваша политика расходится с интересами пролетарской революции. (Смех.) Вот эта-то ложка дегтя испортила всю бочку меда, а меда у него, надо сказать, много бывает в его речах, и во вчерашней речи меда было достаточно, но дегтя, я думаю, тоже хватило настолько, чтобы эту бочку не принимать к употреблению. (Смех.) И вот после этого июльского мирного заявления мы имели острую фракционную борьбу. Оппозиция не нашла силы, чтобы отказаться от своих, явно чуждых партии, политических взглядов во имя единства партии и дружной работы. Однако, тт. Зиновьев и Каменев нашли возможным, во имя блока с Троцким в целях борьбы с партией, отказаться от самих себя, от своих книг и речей, произнесенных против троцкизма за длительный период в 3—4 года. Они нашли возможным принести такую величайшую принципиальную жертву. Кому и во имя чего? Троцкому, во имя оппозиционного блока для разложения партии. Это они сделали, а вот, заявляя о необходимости мира в партии, они не могут найти решимости, мужества, чтобы во имя партии хотя бы от отдельных взглядов, высказанных за 8 месяцев, а не за 3—4 года, отказаться.

Этого мужества они не нашли, и отсюда ясно, что им дороже блок с Троцким для борьбы против партии, чем единство со всей партией для борьбы с оппозиционными извращениями ленинизма, блок с самой партией. Это не доказывает, что у них есть искреннее стремление к дружной работе. Этому нет доказательств. Конечно, вопрос не в вере на слово по христианскому манеру: помолились, перекрестились и поверили; нам нужны политические доказательства, и, если вы сумели доказать свою преданность Троцкому, извольте доказать преданность партии.

Так как у меня недостаточно времени, я хотел бы только в кратких словах остановиться еще на т. Троцком. Тов. Троцкий выступил здесь в защиту всей своей идейной позиции. Характерно, что за все дискуссии с т. Троцким, когда его били достаточно крепко, я не помню ни одного случая, ни одного партийного собрания, когда т. Троцкий имел бы храбрость выступить с такой последовательной защитой взглядов троцкизма, как вчера. За все годы революции он сделал это впервые на этой конференции, и сделал это после документа от 16 октября, после всего совершившегося. Только здесь он впервые развернул широко знамя троцкизма, прикрываясь ленинизмом, путем ловкого использования и фальсификации цитат из Ленина.

Я должен сказать, что предыдущие ораторы, в частности т. Бухарин, достаточно разбили общую программу взглядов Троцкого. Я не стану повторяться: эти взгляды и аргументы против них достаточно всем известны. Но я хотел отметить одну особенность: на партийной конференции, по-моему, важнейшим вопросом является не только то, какие аргументы приводились, какие документы подобраны и т. д., а здесь должен быть некоторый предел элементарной политической честности, которую мы имеем право требовать перед лицом партии. Я утверждаю, что у т. Троцкого этого не было. (Голоса: «Правильно».) Тов. Троцкий, который за все эти годы дискуссий ни разу, ни на партийных съездах, ни на собраниях, прямо и открыто ни от одной своей ошибки не отказался, этот самый т. Троцкий за период одного только месяца кулуарных переговоров о создании оппозиционного блока,—июльского блока, столь похожего на августовский блок,— отступил, отказался от своих знаменитых «Уроков Октября». Партия в свое время раскритиковала его «Уроки Октября», требовала, чтобы он признал их ошибочность, но он молчал и отказывался итти навстречу желаниям партии и требованиям правды. А чтобы наладить блок с Зиновьевым и Каменевым, он от этих своих взглядов отказался. Вот вам объективная историческая честность политического деятеля. Он в своей книжке «Уроки Октября» писал, что, независимо от лиц, этих второстепенных и третьестепенных соображений, необходимо дать объективную историю Октября. «Уроки Октября» написаны в 1924 году, а в 1926 году он пишет, что он ошибался, приписывая известные октябрьские ошибки Зиновьеву и Каменеву. Неслыханное лицемерие, неслыханное двурушничество! Вот слова самого Троцкого, в которых он это выразил:

«Несомненно, что в «Уроках Октября» я связывал оппортунистические сдвиги политики с именами тт. Зиновьева и Каменева. Как свидетельствует опыт идейной борьбы внутри ЦК, это было грубой ошибкой. Объяснение этой ошибки кроется в том, что я не имел возможности во-время установить, что оппортунистические сдвиги вызывались группой, возглавляемой т. Сталиным, против тт. Зиновьева и Каменева».

Во-первых, «Уроки Октября» были написаны в 1924 году. Никаких разногласий у Зиновьева и Сталина тогда не было. Никто не знает об этом, и если бы эти разногласия были, они, несомненно, всплыли бы. Разногласия начались после 1924 г., после написания брошюры Троцкого. Неужели же поведение Зиновьева и Каменева, послужившее основанием для «Уроков Октября» Троцкого, меняется от того, что они перешли сейчас к Троцкому? По нашему

мнению, не меняется, а, наоборот, этим подтверждаются лишний раз октябрьские ошибки их. (Голос: «Не случайны эти ошибки».) Да, не случайны эти ошибки. А Троцкий, наоборот, говорит, что его оценка этих ошибок меняется. И что Троцкий делает? Ошибки Каменева и Зиновьева 1917 года, октябрьские ошибки, он приписывает не кому другому, как Сталину и его группе. А ведь это называется объективной историей, это называется историей Октября, на которой партия должна воспитываться! Это, по-моему, не история, а фальсификация истории, допущенная т. Троцким. И как после всего этого верить всем историческим обобщениям, историческим фактам, которые приводятся им! Как верить лидерам, которые меняют свои взгляды на историю в зависимости от того, кто в тот или другой момент их взгляды разделяет! (Бабушкин: «Ведь это же банкротство!».)

Дальше. В чем еще сказывается у Троцкого фальсификация? Вы знаете, что он привел массу цитат. Чтобы подобрать эти цитаты и оперировать ими, на это нужна масса времени, и литераторы, разумеется, это сделают в журналах. Не на конференции этим можно заниматься. Но несколько примеров фальсификации взглядов Ленина я приведу. Вы помните, как конференцию ошеломила та цитата, где был приведен взгляд Ленина на крестьянство, где т. Троцкий говорил, что т. Ленин считал неизбежным, что крестьянство пойдет на реставрацию и пойдет против пролетарской революции, и как Троцкий утверждал, что этот «взгляд Ленина» оправдался на деле. Он прочитал следующее: «Следовательно, говорил я, реставрация на основе мелкого товарного производства, мелкокрестьянской собственности в капиталистическом обществе не только возможна в России, но даже неизбежна»... Он это привел и говорил: «Видите, сходится с моими взглядами и подтвердилось на деле». Вы знаете, что за годы после Октября у т. Ленина достаточно написано, чтобы судить о его взглядах на роль крестьянства в Октябрьской революции. Во-вторых, в этом же месте доклада т. Ленина о Стокгольмском съезде, на этой же странице, откуда взята цитата, есть место, которое совершенно опровергает выводы Троцкого. Троцкий это место скрыл от конференции. Он выдернул одну часть из мысли Ленина, подчеркнутую часть оговорки, и всю оговорку Ленина скрыл и тем ввел в заблуждение конференцию во имя фракционных целей. Во имя фракционности он здесь фальсифицировал Ленина перед глазами конференции.

Что говорит Ленин? Ленин сравнивает в 1906 году русскую революцию с французской революцией и говорит следующее:

«Мелкий товаропроизводитель колеблется между трудом и капиталом. Вместе с рабочим классом он борется против крепостничества и полицейского самодержавия. Но в то же время он

тяготеет к укреплению своей собственнической позиции в буржуазном обществе, и поэтому, если условия развития этого общества складываются сколько-нибудь благоприятно (например промышленное процветание, расширение внутреннего рынка, вследствие аграрного переворота и т. п.), то мелкий товаропроизводитель неизбежно поворачивает против пролетария, который борется за социализм» (Н. Ленин, Собр. соч., т. VII, стр. 192).

И Ильич говорит, что в капиталистическом обществе,—подчеркивая, что речь идет о буржуазном обществе,—если все благоприятно для развития капитализма, то в этих условиях крестьянин поворачивает в сторону капитализма. Вот эту совершенно верную мысль Ленина он исказил, разорвал предпосылку от вывода и прочел только вывод, фальсифицировав Ленина для того, чтобы оправдать троцкизм. После этого способа защиты своих взглядов верить такому лидеру нельзя. На партийной конференции так искажать Ленина—значит проявить величайшую недобросовестность и быть о себе большого мнения и думать, что конференция безграмотна и не может проверить эти взгляды Ильича. И все цитаты такого же порядка.

Тов. Троцкий здесь говорил, что его плохо цитируют, не то, что ему нужно, не с того бока, как нужно. Но я думаю, что Троцкий так много написал и по всякому поводу, что никто не обязан—ни ЦК, ни докладчик—все, что он писал, цитировать, и цитировать именно то, что желательно ему. Всякий оратор цитирует то, что подтверждает положения, которые он приводит. А т. Троцкий говорит: цитируйте так, а не этак. Я хочу из этой речи и именно это место и т. д. и т. п. Странные у него претензии. Пускай он опровергает то, что цитируется из его речей и статей. В частности, он говорит о том, что перманентная революция не имеет никакого отношения к вопросам нынешних споров. Кроме того, он сказал, что в этой теории есть правильное и неправильное. Тов. Бухарин прав, спросив его, что же неправильное и правильное в этой теории. Он не говорит. А вот в 1924 году т. Троцкий во время дискуссии в своем знаменитом «Новом курсе» писал о крестьянстве и перманентной революции следующее:

«Излюбленным аргументом, вошедшим в употребление в некоторых кругах за последнее время, является указание—преимущественно косвенное—на мою «недооценку» роли крестьянства. Тщетно стали бы вы, однако, искать какого-либо анализа этого вопроса, приведения фактов, цитат, вообще доказательств. Обыкновенно дело ограничивается глубокомысленным кивком на теорию «перманентной революции», да еще разве двумя-тремя кулуарными

словечками. А между теорией «перманентной революции» и советскими кулуарами—ничего, пустота. Что касается теории «перманентной революции», то я решительно не вижу оснований отрекаться от того, что писал по этому поводу в 1904—5—6 годах и позже. Я и сейчас считаю, что основной ход мыслей, развивавшихся мною тогда, несравненно ближе к действительной сущности ленинизма, чем многое и многое из того, что писалось рядом большевиков того времени». (Троцкий, «Новый курс», стр. 50—51.)

Посмотрите на политическую честность человека, который говорит, что эта теория не имеет никакого отношения к вопросу, который в 1924 году подтверждал правильность его теории, а сегодня говорит, что есть часть неправильного в этой теории, и не говорит, что именно неправильное, и, наконец, здесь по существу подтверждает полностью свою теорию перманентной революции, осужденную Лениным и всей нашей партией.

Взгляды т. Троцкого не могут считаться большевистскими и имеют явно социал-демократический оттенок. Возник вопрос о неравномерности развития капитализма. Совершенно ясно, что закон неравномерности развития капитализма есть закон, входящий в учение Маркса о развитии капитализма, и этот закон так же стар, как сам капитализм. Однако что нового внес Ильич в понимание этого закона в эпоху империализма? Этот закон, как и все другие законы капитализма, в различной стадии развития капитализма имеет различное воздействие, различную силу и результаты. Ильич указывал, что в эпоху империализма неравномерность принимает более грандиозные формы. Например, в эпоху расцвета Соединенных Штатов, в эпоху загнивания Англии, мы имеем загнивание некоторых отраслей хозяйства в одной стране и расцвет других отраслей, расцвет одной страны, загнивание другой страны. Это есть усиление неравномерности развития капитализма. Тов. Сталин об этом и говорит. Тов. Троцкий выступил с заявлением, на которое я хочу обратить ваше внимание. Я читаю по стенограмме, хотя эта стенограмма не правлена.

Он говорил следующее:

«Капитализм, несомненно, неравномерно развивается во всех странах, но в XIX столетии неравномерность была больше, чем в XX, когда Англия была владычицей мира, и когда Япония на памяти старшего поколения, следующего за мною, была замкнутой, феодальной, кастовой страной».

Итак, капитализм неравномерно развивается во всех странах, но в XIX столетии неравномерность была больше, чем в XX, т.-е. XX век—век империалистический, а неравномерность развития

капитализма стала меньше, чем в доимпериалистическую эпоху капитализма. Как будто так получается. (Голоса: «Так, правильно».) Я только так могу объяснить это место его речи. Я могу вам прочитать снова, если потребуется,—жаль, что Троцкого здесь нет. По Троцкому выходит, что в эпоху большего развития капитализма, в эпоху империалистического развития капитализма неравномерность стала меньше, чем была в доимпериалистическую эпоху и после. (Голоса: «Так и говорил».) Мы, большевики, полагаем, что чем больше растет капитализм, чем в более высокую стадию своего развития вступает он, тем больше растут противоречия и принимают более угрожающий характер. Это мы все знаем. Но вот т. Троцкий говорит, что все, что он говорит,—от Ленина, а все, что мы говорим, это не от Ленина, а от дьявола. Я приведу по этому поводу цитату из Ленина, показывающую его взгляд на этот вопрос. Тов. Ленин говорит о том, что в эпоху империализма противоречия растут, что только социал-патриоты могут утверждать, что в эпоху империализма противоречия уменьшаются. Я могу дословно привести слова т. Ленина. Тов. Ленин говорит:

«Разговоры Каутского об ультра-империализме поощряют, между прочим, ту глубоко ошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала ослабляет неравномерность и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно усиливает их». (Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 310.)

А вот т. Троцкий эту каутскианскую мысль, льющую воду на мельницу апологетов империализма, протаскивает под видом ленинизма, хочет здесь перед лицом конференции ленинизм подменить троцкизмом. Как же можно после всего этого не направить все силы нашего идейного оружия критики именно на троцкизм и на т. Троцкого, который после того, как он побит всей массой, всей нашей партией, еще громче и смелее, говоря мягко, отстаивает свою ошибочную, вредную, гибельную теорию, пытаясь провести ее под флагом ленинизма? По-моему, должна быть объявлена беспощадная борьба против обнаглевшего троцкизма. (Аплодисменты.)

Переходя к т. Каменеву, я должен сказать, что он по ряду вопросов сказал, что никаких разногласий нет, в частности он говорит, что разделяет нашу международную политику. Что это значит? Ведь на июльском пленуме в этом зале 3—4 дня спорили о международной политике нашей партии. Оппозиция выступила с обвинением, что мы изменники, что мы чуть не Томасы, что мы предаем партию, страну, пролетариат и пр. и пр. Однако в речах тт. Каменева и Зиновьева ни одного слова об этом нет. Если

молчание есть знак согласия и отказ от своей позиции, так не лучше ли это сделать прямо? Мы могли бы приветствовать то, что из арсенала тт. Каменева и Зиновьева выпал англо-русский комитет. Тов. Троцкий, который упрощает все это, выступил агитатором и адвокатом, говоря, что до сих пор ему не ответили, какая разница между невхождением в Амстердам и вхождением в англо-русский комитет,—и как будто бы убил нас этим вопросом. Когда образовался англо-русский комитет, Троцкий и Зиновьев были за вхождение в него и против вхождения в Амстердам. Значит, была разница? Какая разница между тем, что мы входим в интернациональные производственные объединения, и Троцкий против этого не возражает, и Зиновьев не возражает, а против вхождения в Амстердам—возражает. В этом есть разница. Если Троцкий не понимает этого, то лишь потому, что каждый вопрос он превращает в оружие борьбы с партией. Когда бы у него было хотя бы некоторое желание понимать, он бы понял, но, увлекшись фракционной борьбой, он перестал понимать.

Далее, т. Каменев говорил, что он согласен с нашей внутренней политикой, что принципиальных разногласий нет. Куда же делись все прежние обвинения? Между тем он сказал, что у нас расхождения практические, «маленькие», «в сфере оценки соотношения классовых сил», «маленькие разногласия»! Все хорошо, во всем согласны, а вот «маленькие разногласия» «об оценке классовых сил в нашей стране». Товарищи, как же можно быть большевиком, соглашаться с общей политикой, не иметь принципиальных разногласий, но расходиться в общей оценке классового соотношения сил? Ведь политика держится на соотношении сил. Чему же верить: вашему согласию с нашей политикой или вашим разногласиям о классовом соотношении сил?

Далее, т. Каменев говорит, что он не ошибся, что в сентябре прошлого года указал на трудности, что трудности оказались бо̀льшими, чем он предсказывал. В этом он прав. В сентябре были экономические трудности, они оказались бо̀льшими, чем он говорил,—это верно. Но я скажу, они были бы еще бо̀льшими, если бы мы оставили СТО под руководством т. Каменева после XIV съезда. Дело в том, что т. Каменев работник не плохой, работник хороший (Томский: «Когда хочет»), когда хочет и когда политическая установка правильна, а вот когда политическая установка у него, как и у всякого, неправильна, тогда и лучший работник шею себе сломит. Он видел трудности, у нас были трудности, а эти трудности он объяснял не тем, что нужно приспособиться, лучше руководить, исправлять наши ошибки и т. д. Нет, он говорил: мы правы, другая линия невозможна, а все дело в объективных непреодолимых трудностях, возникших из

растущего сопротивления крестьянства, из растущего сопротивления деревни. Вот что он говорил. Раз кулак мешает, раз деревня мешает,—он ни при чем. Так никак нельзя управлять, нельзя отступать перед трудностями, которые могут привести к катастрофе. Ведь XIV съезд дал нам отчаянное наследство: у нас экспортно-импортный план треснул, у нас вместо накопления получилось 80 миллионов растраты нашей валюты, заводы и фабрики закрывались, заработная плата не выплачивалась, червонец летел, хлеб не заготовлялся. Такое наследство получили т. Рыков и другие работники СТО. Все полгода прошли в том, что мы изживали эти трудности. Это означает, что установка была неправильна. Мы справедливо поступили, отказавшись от такой установки.

Тов. Каменев говорил об опасностях, трудностях, предсказанных им в прошлом году в сентябре. Но с сентября прошлого года до сих пор прошел второй сентябрь. Казалось бы, надо было и сейчас сказать, что тогда были трудности, а сейчас их меньше, что сейчас хорошо или плохо. Об этом молчок. Почему молчок? Потому что новые руководители хозяйства, новые руководители СТО сумели так подготовить, что у нас эти трудности прошлого года приходят к концу, а новые трудности не так страшны. Ведь это же против вас. Тов. Каменев говорил здесь, ратовал за усиление социалистического накопления, за стрижку буржуазии и пр. Выходило так, что вот партия была против, а Каменев добился, чтобы провести. Но, товарищи, до января советское хозяйство было в руках Каменева и Сокольникова. Был ли случай, чтобы ЦК или СТО или кто-нибудь из нас отверг хоть один проект оппозиции, идущий в сторону увеличения обложения, или какой-нибудь другой хозяйственный проект в этом направлении? Ни одного слова не было. Тов. Троцкий выступает по единому налогу за увеличение, но, товарищи, это безответственная оппозиция, это безответственное заявление со стороны Зиновьева, Каменева и Троцкого. Ведь налог у нас принимается раз в год Центральным Комитетом, мы приняли налог, но ни одной поправки, ни одного конкретного предложения о размерах налога, о системе его не было ни у кого. А вот налог приняли, расписали, мужику разъяснение сделали,— и вот они выходят с политикой увеличения налога. Что это такое? Безответственность оппозиции, которая не имеет ничего практического, а просто критикует ЦК. Мы провели ряд мер: налог на буржуазию, налог на сверх-прибыли, налог на частный капитал и пр. Это мы провели. Почему же после этого Каменев не критикует? Он же это не проводил. Это показывает их полное банкротство. Они говорят и болтают об этом. Мы предпочи-

таем не болтать об этом на каждой улице, а проводить то, что возможно, разумно и трезво учитывая обстановку.

Тов. Каменев высказал верную мысль, что вопрос распределения национального дохода, это есть вопрос классовой борьбы. Это совершенно верно. Однако он сказал дословно, что в этом вопросе в деревне мы имеем по одну сторону кулака, по другую сторону бедняка; в борьбе за распределение национального дохода мы имеем с одной стороны кулака, с другой стороны—бедняка. Середины нет. Случайно ли это? Это роковая случайность, каждый раз повторяющаяся у Каменева: выпал середняк. И выходит, что в налоге один из рычагов распределения средств и национального дохода—середняк—выпал. Мы имеем с одной стороны бедняка, а с другой стороны—кулака, а остальных никого не видно. Почему эта роковая случайность? Кажинный раз на эфтом месте у Каменева случается, что забывается основная масса крестьянства—середняк. Почему это? Потому что у т. Каменева неправильная установка, и мы должны сказать, что вся линия оппозиции неверна.

У Каменева и Зиновьева была попытка сгладить разногласия, но, товарищи, замазыванием и сглаживанием делу не поможешь. Что получается? И вам плохо и нам плохо от этого. Вы кое от чего отказываетесь, но от основного не отказываетесь. Это жалкая, негодная тактика. Вы теряете все и ничего не получаете. Я бы сказал: лучше бы вам прямо сказать, что вы не отказываетесь или что вы отказываетесь, или что вы остаетесь на прежнем, и тогда мы будем знать, кого, как бить. Чем больше ясности в позиции, тем справедливее и яснее будет отношение партии к вам.

Тов. Каменев жалуется. Что за странный народ! Их пришпилили к стене, и они не знают, что делать. На XIV съезде, говорит он, нас осуждали за грехи, и мы получили наказание. А потом, говорит, за блок с Троцким нас обвиняют, за то, что мы к нему примыкаем. Что же нам делать? Я, говорит, боюсь, что если еще какие-нибудь другие взгляды у нас будут, вы тоже осудите нас, и если без всяких взглядов будем,—все равно осудите.

Я, по-моему, выражу мнение конференции, если скажу, что если они откажутся от взглядов Троцкого и оппозиции, присоединятся к партии, тогда мы готовы всей конференцией приветствовать их возвращение в нашу семью, большевистскую семью. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Согласно регламента, заседание объявляется закрытым.

Заседание тринадцатое.

(3 ноября 1926 г., дневное).

Петровский (председательствующий). Заседание конференции возобновляется. Товарищи, которые были записаны в порядке прений, не пришли. Слово имеет т. Соболев.

Соболев. Товарищи, со времени XIV партсъезда партия потрясается внутренней борьбой. Эта борьба захватила и комсомол. Оппозиция, написав заявление от 16 октября, подчеркивает, что она остается верной тем принципиальным взглядам по всем вопросам партийной политики, которые она высказывала на XIV партийном съезде и после него. Особенно ярко это звучит в выступлении лидера оппозиционного блока т. Троцкого. Все это, вместе взятое, говорит о том, что оппозиция своего главного идейного багажа не сдала, что она пытается снова протащить свои оппозиционные взгляды. Выступавшие здесь товарищи совершенно справедливо указывали на то, что партия должна попрежнему непримиримо разоблачать антиленинскую сущность оппозиционного блока и вести с ним решительную идейную борьбу. Если оппозиция пытается протащить свои взгляды в рядах нашей партии, то такие же попытки делаются с ее стороны и в комсомоле. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, начиная от предложения о делегатских собраниях крестьянской молодежи, всем известной «синей папки», и кончая последними клеветническими листовками и конспиративными документами, которые распространяет оппозиция внутри нашей страны и за границей, и той платформой по вопросам комсомола, которую оппозиция оформила в своей клеветнической декларации на июльском пленуме ЦК и ЦКК. Все это говорит о том, что оппозиция борьбе за молодежь придает большое значение.

Вот то заявление, которое оппозиция сделала на июльском пленуме ЦК и ЦКК по вопросу о комсомоле:

«Тяжелее всего бюрократический режим отзывается на жизни

рабочей и крестьянской молодежи. В обстановке нэпа молодежь, не знающая опыта старой классовой борьбы, может развиваться до большевизма только путем самостоятельной работы мысли, критики, проверки. О необходимости особенно внимательного и бережного отношения к идейным процессам в молодежи не раз предупреждал Владимир Ильич. Бюрократизм, наоборот, берет развитие молодежи в тиски, загоняет сомнения внутрь, подсекает критику и этим сеет неверие, упадок, с одной стороны, карьеризм—с другой. В верхушке союза молодежи бюрократизм получил за последний период чрезвычайное развитие, выдвинув немало чиновников из молодых, да ранних. Отсюда все большее вытеснение из кадров союза молодежи пролетарских, батраческих и бедняцких элементов интеллигентскими, мещанскими, которые легче приспособляются к потребностям руководства из канцелярии, но дальше отстоят от рабочей и низовой крестьянской массы. Чтобы обеспечить надлежащую пролетарскую линию в комсомоле не менее, чем в партии, нужен поворот руля в сторону демократизации, т.-е. создание таких условий, в которых молодежь будет и работать, и думать, и критиковать, и решать, поднимаясь к революционной зрелости, под бережным руководством партии».

Товарищи, не требуется приводить много доказательств, для того чтобы убедиться, насколько оппозиция солидаризируется в своих взглядах по вопросу о комсомоле с теми, которые за границей пишут ряд лет уже по этому поводу в таком же тоне в «Социалистическом Вестнике». Передо мной статья, помещенная в XV—XVI номерах «Социалистического Вестника». Есть такой Агренев—сотрудник «Социалистического Вестника», который пишет про комсомол, точно такими же словами. Из всей клеветы, которая льется со страниц этого социалистического «сплетника» о комсомоле, я вам оглашу только одно место—о деревне. Вот что они говорят, разбирая наше отношение к вопросам работы среди крестьянской молодежи:

«Удачное проведение кампании по «охвату» крестьянской активности следует отчасти приписать организационному давлению комсомольского аппарата. Принимая участие в управлении страной и опираясь на аппарат диктатуры, комсомольский актив без особого труда «убедил» молодого и политически безграмотного крестьянина в необходимости 100%-ного выполнения плана ЦК КСМ».

Меньшевики расценивают наши успехи по вовлечению крестьянской молодежи в союз как результат нажима при помощи государственного аппарата. Есть там целый ряд и других мотивов и напевов по вопросу о работе среди молодежи. Какой ответ

напрашивается на эту жалкую клевету? Из декларации оппозиции следует, по существу говоря, что союза молодежи, такого, какой он имеется в представлении нашей партии, рабочего класса,—такого союза молодежи нет. Есть лишь беспросветный бюрократизм, отсутствие самодеятельности, безыдейность, отсутствие критической мысли и т. п. Так ли это, товарищи? Нет, это самая гнусная ложь.

Мы констатируем несомненный идейный рост нашей молодежи. На основе сочетания своей учобы с работой по социалистическому строительству наш комсомол изо дня в день продолжает расти, решительно борясь с уклонами от ленинизма и воспитывая в своих рядах новые кадры революционеров-большевиков. Кто из оппозиционного блока сможет отрицать этот несомненный рост комсомольской молодежи? Оппозиция, сама зная об этих успехах, пытается в то же время вселить в молодежь, особенно в ее новые слои, сомнения, неверие в успехи, в победу нашего социалистического строительства, извращает, искажает характер и перспективы пролетарской революции, способствуя шатаниям и интеллигентским хныканьям.

Вот это самое главное, товарищи, против чего наш союз сейчас выступает со всей решительностью. Если для старых кадров партии, если для старых большевиков это антиленинское течение приносит вред, то для подрастающего поколения рабочего класса это течение втрое, вдесятеро вреднее и опаснее. Можно ли на взглядах этого течения воспитывать молодежь? Нет, нельзя. Мы, товарищи, поэтому боролись, боремся и будем бороться против этих оппозиционных взглядов и течений. Начиная с 1923 года, с борьбы против троцкизма, и по сей час наш союз был в состоянии дать и давал решающий отпор этим течениям. На своем горьком опыте оппозиционеры должны были убедиться в идейном росте комсомола. Разве не известны результаты последнего налета оппозиционной саранчи на Ленинград, на Москву, на Харьков? Разве нужно доказывать тот факт поражения, которое потерпела оппозиция в комсомольских коллективах? Вряд ли это нужно доказывать. Ведь неспроста эти комсомольские организации дали вместе с партийными организациями такой исключительный отпор оппозиции. Интересы борьбы за единство партии у комсомольцев все больше и больше растут. Можно без преувеличения сказать, что комсомол за время борьбы с оппозицией, как никогда, стоит близко к партии и понимает все значение единства партийных рядов. Товарищи, это есть выражение идейного роста союза.

Комсомольцы критикуют оппозиционеров за их лицемерные

взгляды, комсомольцы сознательно борются за единство партии, комсомольцы разбираются в задачах строительства социализма и активно в нем участвуют; а оппозиционеры обвиняют комсомольцев в том, что они превратились в людей, которые воспринимают все механически. Неверно это. Разве оппозиционеры на своей собственной спине в Ленинграде и других пролетарских организациях не почувствовали, что комсомольцы и вся комсомольская организация относятся критически к тому, что происходит? Они почувствовали это. Отношение комсомольцев Ленинграда, Москвы, Харькова и других промышленных центров к оппозиции есть проявление той активности, той энергии, того критического подхода, которые комсомольцы сейчас проявляют. Поэтому утверждение оппозиции о бюрократизме в комсомоле есть ложь и демагогия. Конечно, в работе комсомола есть много недостатков, но мы сами их вскрываем, с ними боремся и сумеем их преодолеть. Вы посмотрите, какие скачки во взглядах оппозиции на молодежь. Но этот «барометр» показал против троцкизма. В 1923 г. комсомол изображали как «барометр партии». В 1926 г. молодежь превратилась уже в «сплошную бюрократию». Откуда это? Не оттуда ли, что молодежь идет против вас, оппозиционных лидеров, идет вместе с партией, и вам не остается никаких аргументов, которые можно было бы пустить в ход против комсомола?

Мы констатируем сейчас перед партией колоссальный рост рабочего актива в организациях комсомола. Неверно утверждение оппозиции о том, что рабочий актив в ВЛКСМ вытесняется интеллигентскими и мещанскими элементами. Неверно это. Я не буду приводить цифр, которые по этому вопросу у нас имеются и которые опубликованы в печати, но все факты свидетельствуют о том, что происходит как раз обратный процесс—увеличение в комсомольском активе рабочего слоя. Из года в год выдвигаются многочисленные кадры пролетарского актива, начиная с коллективов и кончая центральным руководящим органом нашего движения. Разве это оппозиции не известно? Известно, товарищи. Для чего же они об этом говорят? Для того, чтобы компрометировать комсомол и его руководящие кадры. Неверно заявление, что союз сейчас перерождается из пролетарской организации в интеллигентско-крестьянскую организацию,—как это утверждали оппозиционеры в Харькове. Рабочая молодежь в союзе сохраняет свой удельный вес и умело осуществляет пролетарское руководство в движении. Комсомол был и останется пролетарской организацией по своей политике, по существу своих классовых задач. Одновременно он сумеет выполнить свою роль в деле коммунистического воспитания масс крестьянской молодежи.

Наш союз после XV партийной конференции должен еще больше вооружиться знанием и пониманием ленинизма, для того чтобы быть во всеоружии в идейной борьбе со всеми ревизионистами ленинизма.

Наш союз должен попрежнему активно вести борьбу за единство партии и своих рядов.

Вопрос о воспитании подрастающего поколения рабочего класса—вопрос огромной важности. В этом партия должна принять еще большее участие и усилить свое руководство воспитанием молодежи, чтобы она и впредь могла успешно бороться против оппозиционных уклонов и взглядов. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Слово имеет т. Андреев.

Андреев. Товарищи, если может итти речь об объяснениях оппозиции на нашей конференции после того, как они подписали свое заявление 16 октября, то, мне кажется, теперь в итоге можно сказать, что эти объяснения для партии совершенно неудовлетворительны. (Голоса: «Правильно».)

Ни те адвокатские, длинные, бессодержательные речи, которые здесь произносили тт. Каменев и Зиновьев, ни тем паче речь т. Троцкого, более определенная и более содержательная, но целиком и полностью оправдывающая все поведение и все взгляды оппозиции,—не могут быть названы удовлетворительными объяснениями.

Каждый из лидеров оппозиции, поднявшись на эту трибуну, начинал свою речь с того, что доказывал, какое огромное историческое значение для нашей партии имеет тот документ, который они подписали 16 октября. Этим они хотят изобразить дело так, что они якобы являются спасителями партии; что, дескать, партия стояла перед перспективой раскола, накануне раскола, что в результате этого раскола кто-то третий должен был попользоваться плодами,—а вот они, благоразумные вожди и лидеры оппозиции, пришли и своим манифестом от 16 октября спасли партию от гибели.

Но все это шито белыми нитками, ибо, товарищи,—я не знаю, так ли думают остальные,—лично у меня отношение к данному документу такое, что этот документ является неискренним документом (голоса: «Правильно») и что его подписала оппозиция по нужде, неискренно. Ибо как же можно объяснить иначе подписание этого документа, когда последний появился на свет из-под их пера только после того, как оппозиция, вступив на путь прямой борьбы и пойдя по ячейкам, встретила единодушный отпор всех ячеек и получила много шлепков от рабочих-коммунистов?

Но я спрашиваю вас, товарищи: если бы случилась такая беда, что в Москве, допустим, какие-нибудь две-три ячейки вдруг высказались бы за оппозицию, фигурировал бы тогда этот документ или его не было бы? (Голоса: «Нет, не было бы».) Я более склонен к тому, что его не было бы. (Голоса: «Правильно».)

Тов. Зиновьев говорил тут насчет искренности и т. п. Но кто же этому поверит после того как, подав заявление в Политбюро с предложением мира, на второй же день после этого т. Зиновьев едет в Ленинград «к папаше», а по пути заворачивает на Путиловский и другие заводы со всем своим штабом, чтобы провести там оппозиционные резолюции? Вот почему я думаю, что этот шаг оппозиции является неискренним шагом и что никаких доказательств искренности они нам пока не дали.

Я спрашиваю, товарищи, далее, разве вся сумма их разногласий с партией по коренным вопросам нашей политики не есть та почва, на которой может произрастать организационная работа оппозиции, нелегальная организация,—та же самая работа, какую они вели до 16 октября?

Вот почему вывод из факта подписания заявления-манифеста от 16 октября для партии может быть только один: никаких увлечений на этот счет, больше настороженности, больше выдержки; надо подождать тех доказательств, которые должна дать оппозиция в подтверждение этого документа, для того чтобы партия могла их проверить и им поверить. Но, конечно, товарищи, и этот вынужденный шаг оппозиционеров является большой победой партии, ибо партия доказала свою сознательность, партия дала единодушный и решительный отпор вылазкам оппозиции, в результате чего и появился настоящий документ.

Основной аргумент оппозиции, который приводился в речах лидеров оппозиции, был тот, что нам, дескать, приписывают несуществующее, обвиняя нас в социал-демократическом уклоне, что все это выдумано, что в действительности ничего подобного не существует. Дальше т. Каменев утверждал, что, дескать, последние мероприятия фактически означают принятие партией наших оппозиционных взглядов. Дальше Каменев говорил, что есть лишь практические разногласия, что не о чем де спорить. Все это, товарищи, шито белыми нитками, все это рассчитано на дурачков. Ведь не зря же происходили споры и обсуждение этих вопросов и на XIV съезде и после XIV съезда. Тов. Троцкий в начале своего выступления изощрялся на вопросах-восклицаниях: «что социал-демократического в том-то?», «что социал-демократического в том-то?» и т. д. И таким образом он хотел протащить все пункты своей оппозиционной платформы. Но возь-

мем, например, рабочий вопрос, вопрос заработной платы. Как ставит оппозиция вопрос заработной платы? Я бы хотел задать в упор вопрос т. Троцкому: пусть он ответит, какая разница в вопросе о зарплате между той линией, которую занимает меньшевистский «Социалистический Вестник», и линией нашей оппозиции? Какая разница? И есть ли разница вообще? Я твердо убежден, что, к сожалению, достаточно ясной разницы между той линией, которую ведет «Социалистический Вестник» в вопросе о заработной плате, и линией оппозиции нет. И т. Троцкий это фактически подтвердил в своей речи. Мы,—говорит,—ставим вопрос о заработной плате так: сначала повышение заработной платы, а потом повышение производительности труда. Похоже ли это на нашу партийную постановку вопроса? Ни в какой мере! Наша партийная постановка заключается в том, что именно поднятие производительности труда и общий подъем хозяйства обеспечивают дальнейшее улучшение материального положения рабочего класса. Только так и можно ставить вопрос. Ни на какой другой основе повышение заработной платы зиждиться не может. Оппозиция же ставит этот вопрос на голову, совершенно поиному. Вот почему нет никакой разницы между той линией, которая проводится на страницах «Социалистического Вестника», и той линией, которая проводится в различных выступлениях нашей оппозиции. Это и есть социал-демократический уклон.

Но, товарищи, наши рабочие уже перестали верить этой болтовне и этим болтунам, потому что слишком много неоправданных векселей осталось ото всех выступлений и т. Зиновьева, и т. Каменева, и т. п. Все мы прекрасно помним, что стоит только случиться какому-нибудь торжественному выступлению т. Зиновьева, как бедняк обязательно получает лошадь, рабочий—повышение заработной платы, а потом... все это остается только в произнесенных речах того же т. Зиновьева. Вот почему наши рабочие перестали теперь верить этой болтовне.

Но разве указанная выше постановка оппозицией вопроса о заработной плате, рабочего вопроса,—разве это не является одним из звеньев неверия в социалистическое строительство? Является, ибо тот, кто действительно серьезно думает о строительстве социализма в нашей стране, тот никогда не будет ставить вопроса о заработной плате так, как это делает оппозиция. Владимир Ильич учил нас совершенно другому. Он учил нас тому, что рабочий класс вынужден нести жертвы не только в период гражданской войны,—для того чтобы победила пролетарская революция,—но что рабочему классу и после гражданской войны, при строительстве социализма, придется нести жертвы. Вот чему учил

нас Владимир Ильич. Наша оппозиция от этой постановки вопроса отходит, и вопрос о заработной плате ставит независимо от вопроса о социалистическом строительстве. Это, повторяю, есть одно из звеньев того неверия в возможность построения социализма, которое является самой крупной ошибкой в платформе нашей оппозиции. Я думаю, товарищи, что именно вот это неверие и есть корень всех тех идейных разногласий, какие отделяют оппозицию от партии. И напрасно тут т. Каменев выступал и изображал дело так, что у нас, дескать, только одни практические разногласия, что, будто, только несогласие в отдельных практических вопросах разделяет нас. Неверно это. Нас разделяет это принципиальное разногласие по основному, коренному вопросу о судьбах нашей революции, о судьбах нашего социалистического строительства,—приведем мы страну к победе, к полному построению социализма или не приведем.

Вот на этот самый вопрос нужно дать рабочему совершенно ясный, прямой ответ, ибо рабочий требует ответа, хочет знать, к чему и куда ты его ведешь. Рабочий должен ясно видеть перед собою перспективу и цель. И вовсе не отвлеченным теоретическим спором является этот спор о судьбах построения социализма в нашей стране. Именно этот вопрос является главным, коренным вопросом, а все остальное, о чем говорит т. Каменев: о крестьянском вопросе, о рабочем вопросе, о травле партийного аппарата и т. д.,—все остальное есть лишь производное от этого основного. Повторяю, что основной корень ошибочности позиции нашей оппозиции, это — неверие в построение социализма в нашей стране.

Это неверие—не случайно, не случайно потому, что своими корнями оно упирается в октябрьскую ошибку (в 1917 году) тт. Зиновьева и Каменева. Тогда они не верили в победу пролетарской революции, а теперь они не верят в построение социализма в нашей стране. Тт. Каменев и Зиновьев делают удивленные лица и восклицают: «как же мы не верим, для чего же мы тогда работаем?» и т. д. Ну, если вы считаете, что это все вам приписывают зря, то почему же вы не выйдете на эту трибуну и ясно и членораздельно не заявите: «Вы считаете нас не верящими в возможность построения социализма в нашей стране. Нет, мы таковыми не являемся,—мы верим в построение социализма в нашей стране и категорически открещиваемся ото всех тех, которые не верят в таковую возможность», и т. д. Почему, вместо того чтобы держать двухчасовую адвокатскую речь, вы на поставленный вам прямо вопрос прямо не ответили? Почему вы этого не сделали? Значит, что-то есть, что вас удерживает, а вас удер-

живает неверие в возможность построения социализма в нашей стране.

Я думаю, товарищи, что из обсуждения данного вопроса на XV партконференции могут быть сделаны следующие выводы. Первый вывод: после произведенной проверки оппозиции на настоящей конференции для всех нас совершенно ясно становится, что идейный блок нашей оппозиции еще не распался: несмотря на то, что тон речей одних ораторов был один, тон речей других ораторов был другой—более определенный и т. п., в общем и целом линия у всех их единая. Вот почему мне кажется, что т.. Сталин маленько преждевременно говорил о распаде оппозиционного блока. То, что этот блок неизбежно развалится, потому что он является гнилым, противоречивым блоком, это ясно, но пока это еще не совершилось. Все это лишний раз подтверждает, что удары, направленные против объединенного оппозиционного блока, ни в каком случае не должны ослабевать. Это первый вывод, который партия обязана сделать.

Второй вывод заключается в том, что ни от одной своей ошибки, ни от одного своего уклона оппозиция здесь не отказалась. Не отказалась она от своего коренного уклона, который выражается в неверии в построение социализма в нашей стране; не отказалась она от травли нашего партийного аппарата; не отказалась она от разлагающей демагогической линии в рабочем вопросе; не отказалась она от того обвинения в термидорианстве, которое она предъявила руководящим слоям нашей партии; не отказалась она от обвинения большинства Центрального Комитета в кулацком уклоне; не отказалась она и от всей своей полуменьшевистской платформы, выдвинутой на июльском пленуме ЦК.

Третий вывод касается того вопроса, который задал т. Зиновьев: можно ли дальше бить оппозицию,—задал, пытаясь привести исторический пример насчет того, что, дескать, никогда не было такого положения в партии, когда оппозицию окончательно бы добивали. У т. Зиновьева на этот счет две логики: одна логика была у него, когда он сам стоял у руководства партией и когда он был самым рьяным по части борьбы и расправы с троцкизмом, и когда большинство Центрального Комитета стало на более мягкую позицию, то он обвинял нас в полутроцкизме; а другая логика появилась теперь, когда т. Зиновьев пытается доказать обратное и просит дать постоянное право жительства для оппозиции в партии. Здесь мы можем только сказать, что за короткое пребывание т. Зиновьева в оппозиции он уже успел растерять все большевистские принципы и всю большевистскую

практику. Никогда большевистская партия не была такой, о какой говорит т. Зиновьев, — сохраняющей отдельным уклонам право жительства в нашей партии. И этого быть не может. На вопрос о том, что же дальше делать, мы должны ответить: добивать оппозицию. (Голоса: «Правильно!») Конечно, не физически, это никому не нужно (смех), а беспощадно разоблачая всю гнилость, всю фальшь, всю чуждость тех взглядов, которые оппозиция преподносит. Это мы должны делать для того, чтобы партия была не только организационно единой, но и идейно единой партией.

В заключение я хотел бы сказать только одно: нельзя ли нам на этой конференции кончить длинные разговоры с оппозицией и об оппозиции? Надоело это всем до чортиков! Я думаю, что выражу общее мнение, когда скажу: в таких длинных разговорах слишком много чести для оппозиции. Что по сути дела происходит на этой конференции? Происходит повторение тех разговоров, которые были на XIV съезде. Слишком много чести для трех оппозиционных лидеров, потерявших голову, и пора с этим кончить, для того чтобы наше время использовать для творческой, социалистической работы. Надо всяких болтунов-от-оппозиции заставить практически работать, ибо это одно может освежить их голову, поставить их на правильные рельсы. (Голоса: «Правильно». Аплодисменты.)

Председательствующий. Слово имеет т. Масленников.

Масленников. Товарищи, наша Уральская организация весьма единодушно и резко осудила действия оппозиции. Только на 3 заводах оппозиция имела некоторый успех благодаря личным, и в некоторой степени родственным, связям. Это было на Верх-Исетском, Уфалейском и Шайтанском заводах. Остальные же организации ни в какой своей части не поддерживали эту преступную деятельность оппозиции.

Товарищи, в декларации оппозиция, кажется, жалуется на то, что члены партии боятся высказать свои «заветные мысли». Я работаю секретарем районного комитета партии заводского района. Я вам скажу, какие «заветные мысли», и весьма сильные, были у членов партии, например в Литвинском заводе, где я работаю, как и в других заводах: Мотовилихе, Чусовой, одним словом, на крупных заводских организациях нашего Пермского округа. Эти заветные мысли говорят: «довольно канителиться с оппозицией, надо показать, в какую сторону открываются двери партии, надо исключить их из партии». Мне и другим товарищам, работавшим в организации, приходилось выступать перед парторганизацией и доказывать, под весьма сильным напором со стороны партийных низов, о том, чтобы такие требования Цен-

тральному Комитету со стороны нашей организации не предъявлялись.

Что по вопросу внутрипартийной борьбы оппозиция дала партийной конференции, что она сказала партии? Выходили на трибуну тт. Зиновьев, Каменев. По их речам можно было заключить, что они почти полностью согласны с ЦК и партией. А что касается разногласий, то их не существует, что де это им приписывают. Из-за чего же дрались, из-за чего же организовывали фракции со своими комитетами, с членскими взносами и всякими другими вещами—я даже не подберу названия (голос: «С инструкторами»)—да, и с инструкторами, со своим шифром, со своей связью и т. д. Из-за чего же оппозиционный блок шел на борьбу, шел на раскол партии? Оппозиционный блок с удовольствием бы, вероятно, откололся, но этого им не удалось.

Партия не захотела этого и дала им такой решительный отпор, что после этого они стали «во всем согласны». Товарищи, нельзя так путать партию. Я думаю, что выступления лидеров оппозиционного блока на партконференции не внесли никакой ясности в вопросы разногласий. По-моему, нужно требовать от товарищей из оппозиционного блока, чтоб они пришли и сказали партии совершенно откровенно о разногласиях по всем вопросам, по которым они дрались. В чем оппозиционный блок обвинял партию? Он обвинял партию в кулацком уклоне, в перерождении партии, он утверждал, что наше государство имеет непролетарский характер, обвинял ЦК в том, что ЦК никак не хочет использовать миллиарды, которые лежат, так что стоит только их взять. А когда пришли сюда, то ломаного гроша не сумели дать партии. А чего стоят разговоры о неиспользованном миллиарде, о повышении отпускных цен на промтовары, о повышении заработной платы рабочим, о фракциях и т. д.?

Товарищи, здесь представители оппозиции очень обижались на то, что их обвиняют в меньшевизме. Вся их борьба, которую они вели в партии, их идейная сущность, которая здесь с совершенной очевидностью была обнаружена и разоблачена,—все это показывает, что обвинение их в социал-демократическом уклоне было правильно. Тут им можно ответить русской пословицей: что пенять на зеркало, раз оно отразило ваше собственное лицо. Тт. Зиновьев и Каменев обиделись также, когда их обвиняли в том, что они скатились на платформу троцкизма. Тов. Зиновьев в 1924 г. во время борьбы с т. Троцким на собрании актива Московской организации говорил, что: «Троцкий создал теперь платформу, на которой можно стоять только одному». Через очень короткий срок оказались «некоторые» неправильности этого утвер-

ждения. Оказывается, Троцкий потеснился, а Зиновьев и Каменев—бочком-бочком, да и устроились на этой платформе. Теперь, говорят, «в тесноте, да не в обиде», или «если обида, так уже всем одинаковая». Нечего обижаться. Надо же называть вещи собственными именами.

В выступлениях на партконференции товарищей из новой оппозиции было утверждение, что будто бы в предложениях оппозиционного блока находятся такие элементы, которые поднимают энтузиазм рабочего класса и усиливают волю к борьбе. Что-то не похоже на это! Вся путаница, которую они сумели создать за это время, вся их практика не только ни в какой степени не поднимает их авторитета в рабочих массах, а, наоборот, разлагает рабочие массы. Разговоры о госкапиталистической сущности нашей промышленности, о неверии в построение социализма в нашей стране, о неиспользованных миллиардах и т. д. и т. п.,—все это ослабляет и затрудняет работу партии и не только отрывает партию от ее насущнейших неотложных дел, но и дезорганизует рабочие массы. Нечего оппозиции здесь себя убаюкивать, что их разговоры не имеют никаких последствий.

Товарищи, заявление оппозиции от 16 октября было встречено чрезвычайно недоверчиво со стороны нашей организации. Наши партийцы увидели, что оппозицией оставлена для себя лазейка, что она, по существу, не отказывается от своих идейных ошибочных взглядов, что она хочет продолжать свою борьбу, правда, с той оговоркой, что будет вести борьбу «в рамках устава партии». Тов. Зиновьев здесь говорил: «Что я вам могу сказать еще, кроме того, что мы фракции создавать не будем? Время проверит». Опыт, который получила партия с поездкой Зиновьева «к папаше», говорит об обратном. Приходится относиться с недоверием к заявлению оппозиции, будто они хотят мира в партии. Это заставило нашу организацию дать мне наказ о том, чтобы поставить перед партией, перед ЦК вопрос, просить, требовать, настаивать, чтобы этому заявлению дали ту веру, какую ему можно дать, чтобы были приняты соответствующие меры для бдительного наблюдения за действиями оппозиции, чтобы не было допущено дальнейшей фракционной борьбы в партии со стороны оппозиции.

Товарищи, мне хотелось бы сделать еще одно замечание. Когда мы у себя обсуждали вопрос и читали о «художественных произведениях» Медведева насчет «оравы мелкобуржуазной челяди», ликвидации Профинтерна и т. д., когда мы читали статью т. Шляпникова в «Большевике», которая больше подходит к «Социалистическому Вестнику», то у нас не было абсолютно никакого со-

мнения в том, что авторы этих статей не могут принадлежать к нашей партии. После заявления, которое они сделали ЦК и ЦКК, ЦК,—если грубо выразиться,—простил все их «художества», и они состоят в рядах нашей партии. По моему мнению, по крайней мере, наша организация будет чрезвычайно неудовлетворена этим постановлением ЦК. Известную кару за свои действия (я не подберу слов, для того чтобы поздоровее охарактеризовать эти действия) они должны понести перед партией.

В заключение должен сказать следующее. Давши обещание прекратить фракционную борьбу в партии и заявив, что они находятся «на старых позициях», оппозиция с необходимостью поставила перед партией вопрос (как здесь совершенно правильно указал т. Сталин) о том, что необходимо в партии продолжить и углубить идейную борьбу с идейной сущностью новой оппозиции, чтобы не осталось ни одного коммуниста, который бы глубоко, до конца не понял всей идейной бедности оппозиции. Поэтому мы должны не ослабить, а усилить и углубить идейную борьбу против новой оппозиции. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Слово имеет т. Клара Цеткин. (Конференция стоя бурными аплодисментами приветствует появление т. Клары Цеткин на трибуне.)

Клара Цеткин произносит свою речь на немецком языке. По окончании речи—аплодисменты.

Председательствующий. Для перевода слово имеет т. Нюрина.

Нюрина. Тов. Цеткин сказала:

Во всех секциях Коминтерна с огромной солидарностью следили за той борьбой, которую Всесоюзная коммунистическая партия вела с оппозицией. Мы не рассматривали дело так, что будто бы происходит борьба двух групп. Мы знали и солидарно следили за тем, как партия,—ленинская коммунистическая партия,—ведет борьбу с группой оппозиции. Мы рассматривали борьбу ленинской партии с оппозицией как наше собственное дело, как нашу собственную борьбу, ибо коммунистическая партия вашей страны является вождем и руководителем Коминтерна. ВКП является руководителем Коминтерна не только потому, что она совершила бессмертное дело—привела пролетариат к победе, но и потому также, что она строит социализм. Этим сказано, почему борьба внутри вашей партии являлась также и нашей борьбой.

С величайшим возмущением мы слушали о том, что оппозиция усомнилась, что вы можете строить и построить социализм. Мы с негодованием и возмущением следили также за тем, как оппозиция борется против единства партии, нарушает дисциплину

партии. Мы все прекрасно знаем, что единство ВКП, идеологическое и организационное единство, является гарантией победы.

Мы с радостью приветствуем победу партии над оппозицией. Ваша конференция в этом блестящем зале только подтвердит то решение, которое уже вынесено партийными массами за ее стенами, в простых помещениях фабрик и заводов, на собраниях ячеек. Ибо это—созданная оппозицией легенда, будто «партийный аппарат» подавил фракцию меньшинства. Оппозиция побита партийной рабочей массой. И как раз это обстоятельство особенно знаменательно. Оно свидетельствует о политической зрелости широких партийных масс, о том, что партия здорова; оно является выражением растущей снизу пролетарской демократии. Все это говорит за то, что партия столь же успешно преодолеет огромные затруднения в деле социалистического строительства, как она преодолела теперешний кризис, обусловленный именно этими трудностями.

Но к нашей радости по поводу ваших побед примешиваются две капли горечи. Прежде всего это—сознание, что вожди оппозиции вернулись в ряды партии лишь как побежденные, а не как идущие, несмотря на это, в уровень с историей. Случай к этому им представлялся, если бы они хотели показать, что они, хотя и будучи побеждены, вышли из борьбы, лучше и яснее ориентируясь в вопросах, вокруг которых велся спор. Не как кающиеся грешники, а как убежденные должны были бы они ясно сказать, что они разделяют мнение партии по основным вопросам пролетарской диктатуры и социалистического строительства, что они в полном идеологическом единодушии и единении, выполняя решение партии, поведут совместно с ней работу. Вожди оппозиции после нанесенных им жестоких ударов обязались отказаться от разрушающей партию фракционной работы, но они заявили, что остаются при тех мнениях, которые привели их к борьбе и разногласиям с партией, и на этой партийной конференции они опять-таки не дали на этот счет удовлетворительного, ясного и прямого ответа. Выступление троих выдающихся вождей было выступлением политических банкротов, и эти политические банкроты старались спасти возможно больше из своего идеологического имущества. Литература при этом заступила место политики. Обильные цитаты должны были скрыть бедность и ложность платформы оппозиции и столь чуждую ленинизму оторванность от данной действительности с ее суровыми, неумолимыми фактами.

Тов. Каменев уверял, что у оппозиции нет принципиальных возражений против тезисов т. Рыкова по вопросу о хозяйственном

положении, разногласия имеются лишь по вопросам практической работы. Тов. Троцкий заявил, что оппозиция хотела лишь предостеречь партию, обратить ее внимание на наличие колоссальных трудностей и больших опасностей в деле строительства. Но средства оказались не соответствующими цели.

Тов. Зиновьев требовал изучения всех бывших в партии дискуссий. Он пытался пачками цитат из истории партии показать, как бессмертный вождь партии, тов. Ленин, мягко обращался со всякого рода оппозициями и как они рассасывались в партии. Но разве есть ответ на тот вопрос, который перед оппозицией был поставлен? На важнейший вопрос, будут ли они и дальше противопоставлять свою обособленную линию линии партии, они не дали ответа. Как политические простачки, они теперь заявляют: мы ошиблись в средствах, средства не соответствовали цели. Это такие-то умные, опытные, известные политики, как вожди оппозиции! Этим много сказано, и партия должна сделать отсюда необходимые выводы. (Аплодисменты.)

Отсюда вторая капля горечи, которая примешивается к нашей радости по поводу победы над оппозицией. Необходимые выводы, это—дальнейшая борьба по пути идеологического преодоления ошибочных взглядов оппозиции на основные вопросы пролетарской революции.

Идеологическое преодоление ошибок оппозиции для ваших заграничных братских партий не менее необходимо, чем для вас, быть может, оно для них еще важнее.

У вас огромная идеологическая зрелость, у вас огромный организационный опыт, у вас единство и сплоченность партии. Но там, где кончается страна советов, та борьба, которую вела оппозиция, всем секциям Коминтерна нанесла гораздо больший вред. Там еще нет той идеологической зрелости, там нет того организационного опыта, как у ВКП. Я искренно сожалею, что конференция не голосовала за продление речи т. Зиновьева. Как председатель Коминтерна он наверно исполнил бы свой долг и извлек бы из своего огромного мешка с цитатами высказывания, доказательства, факты, которые документально установили бы то замешательство и то расстройство, которое внесла оппозиция в ряды важнейших секций Коминтерна. То, что происходит под влиянием вашей оппозиции во всех секциях Коминтерна, заставляет нас говорить о том, что борьбу необходимо продолжать беспощадно. Оппозиция начала с того, что она сразу перешла рамки «национальной ограниченности». Она сразу поставила дело в международном масштабе. Однако последний расширенный пленум Исполкома Коминтерна отклонил дискуссию по «русскому

вопросу» подавляющим большинством голосов. Это требование, кроме Бордиги, было поддержано лишь немногими ультра-левыми, фракционная махинация и двойная бухгалтерия которых нашли самое резкое осуждение. Вопреки решению расширенного пленума Исполкома, те же элементы продолжали с возрастающим жаром борьбу вокруг «русского конфликта» в тех больших секциях Коминтерна, которые еще изживали последствия своих собственных внутренних кризисов. Решения вашего июльского пленума, солидаризация с ними руководящих центров заграничных партий, одобрение ими заявлений полномочных представительств партий—развязали неслыханную бешеную травлю со стороны ультра-левых фракционных героев и героинь. Эта травля была направлена против ЦК партий, против Коминтерна, против ВКП и, наконец, против самого Советского Союза.

В Германии, Чехо-Словакии, Италии, Польше и Франции развитию коммунистической партии, ее работе, ее действенной силе был нанесен тяжелый вред. Товарищи, не подлежит сомнению, что позорные действия ультра-левых, к сожалению, вдохновлялись и питались блоком ваших оппозиционных групп. Связующие нити были протянуты за пределы Советского Союза. Фракционных дел мастера там и сям состояли в переписке, вели заговорщицкую работу, конспирировали друг с другом против единства и сплоченности коммунистических партий и Коминтерна. Разрушительные влияния коснулись даже самого аппарата Коминтерна. Я ограничусь здесь приведением наиболее ярких примеров. В тех секциях, которые сильнее, в которых прочно пролетарское ядро, там подавляющее большинство не колебалось. Но мы имеем значительные секции, в которых чрезвычайно тяжело сказалась разлагающая работа, которую вела оппозиция. Например, во Франции. Вы все, товарищи, знаете, какую тяжелую борьбу против левых и правых уклонов проводила коммунистическая партия Франции в течение долгих месяцев для того, чтобы создать настоящее, ленинское единство партии. Борьба вашей оппозиции против партии внесла новое замешательство в ряды французской партии. Реабилитация ультра-правого Суварина была, можно сказать, приданым, калымом союза между Троцким и Зиновьевым. А Суварин и примыкающая к нему группа использовали то, что происходит у вас, чтобы этой борьбе помешать. Ядом, взятым у вашей оппозиции, напоили они оружие, направленное против коммунистической партии. Суварин под радостный рев реформистов и буржуазии вел борьбу не только против французской коммунистической партии, но и против СССР, против ВКП(б).

А вы знаете, как отразилась работа вашей оппозиции в Чехо-

Словакии? Умирающие уже группки всякого рода оппозиционных уклонов подняли там голову. Вы знаете, что пришлось т. Нейрата снять с весьма ответственной работы, что и там оппозицию старались использовать во-всю, чтобы поколебать огромнейший процесс оздоровления партии.

Но особенно тяжко, особенно вредоносно отразилась работа оппозиции на жизни и работе Германской коммунистической партии. В Германии тот процесс идеологического и организационного оздоровления, который начался после прошлогоднего письма Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, далеко еще не закончился. В верхах и в низах партии, в ее руководящем ядре и в рядах ее массовиков—в полном разгаре борьба за преодоление парализующих и отравляющих последствий режима группы Маслова—Фишер—Шолема. В порядке дня еще стоит концентрация всех сил, совместная деятельность которых—на почве решений Коминтерна—должна поднять работоспособность и действительную силу партии, укрепить связь ее с широчайшими массами, помочь действительному завоеванию этих масс. Борьба против партии и образование фракции вашей оппозицией дали новый желанный повод для внесения новой путаницы и для новой раскольнической работы вождям ультра-левых фракций и группировочек, которые всеми средствами, вплоть до самых недопустимых, пытались затормозить начавшийся процесс оздоровления.

Товарищи! Борьба оппозиции против вашей партии, которая в случае успеха могла бы стать роковой для дела социалистического строительства, для диктатуры пролетариата, пришлась как раз кстати вождям ультра-левых фракций в Германии, т.-е. дала им возможность отвлечь внимание партии и ориентирующихся «влево» рабочих от политической неспособности и нечестности этих господ. «Русский вопрос» должен был послужить прикрытием катастрофического развала фирмы Маслов—Фишер—Шолем, прикрытием дальнейших ультра-левых глупостей и преступлений. «Русский вопрос», это—та платформа, на которой объединяются «решительные левые» типа Катц—Корш—Шварц с «нерешительными левыми» вроде Маслова, Шолема, включая Урбанса и Шиманского. В «русском вопросе» они трогательно единодушны. Когда исключенная из партии Рут Фишер вернулась в Германию, ее первым, а позднее единственным, политическим действием было,—в нарушение дисциплины и данного ею слова,—плести фракционные махинации самого худшего свойства, на-ряду с недобросовестным использованием происходящего в ВКП. На первом же собрании, устроенном ею и ее единомышленниками, она на-

чала с ожесточеннейшей борьбы против якобы правого ЦК немецкой партии и якобы сползающего вправо Коминтерна, и вместе с тем с обещаний, что в октябре с победой оппозиции в Советской России будет обеспечена победа ультра-левых во всех коммунистических партиях. Она, говорят, даже пророчествовала, что в октябре улицы Москвы будут сотрясаться от пушек второй, настоящей, пролетарской революции.

Еще две особенно характерные подробности. Во-первых,— «меморандум по русскому вопросу» Веддингской оппозиции и группы Урбанса. Этот меморандум—не только свидетельство теоретической путаницы и незрелости в основных вопросах пролетарской мировой революции, которые являются жгучими проблемами повседневной практики социалистического строительства в Советском Союзе. Этот меморандум представляет собою коллекцию всякого рода доносов, клевет и поношений строительства большевистской партии. Партия эта перерождается и предает Ленина в теории и на практике. Предаваясь иллюзиям насчет возможности осуществления национально-ограниченного социализма, она ведет в экономике и в политике к господству нэпманов и кулаков. Коминтерн будет ликвидирован, идеал мировой революции блекнет, испаряется. Этот документ, являющийся ярким показателем последствий выступления вашей оппозиции, рассчитан главным образом на то, чтобы завлечь «лево» настроенных рабочих немецкой партии в сети фракционных махинаций.

Явление того же порядка, что и меморандум, представляет сбор 700 подписей в целях выдвинуть дискуссию по «русскому вопросу» в немецкой партии и Коминтерне. Этому коллективному произведению ультра-левых вождей, на котором братски объединились Маслов и Урбанс, предпослано «введение», совершенно открыто призывающее к расколу партии. Идеологические ошибки и организационные грехи вашей оппозиции, благодаря дружески-соседскому содействию ультра-левых фракционных групп и группочек, наделали больших бед в Германии. И это в такой ситуации, когда усилившаяся буржуазия нагло наступает на пролетариат и мелкобуржуазные слои и когда защита жизненных интересов трудящихся масс ставит компартию перед огромными задачами, которые последняя может разрешить, лишь будучи вооруженной ясными принципами и организационно сплоченной.

Надо учесть еще один необычайно важный и серьезный момент. В рядах социал-демократических рабочих Германии наблюдается сейчас чрезвычайно важный процесс. Под влиянием тяжелых условий жизни происходит полевение социал-демократических рабочих, растет настоящая тяга к красному единству под руководством

коммунистической партии Германии. Особую роль в форсировании этого процесса играют те делегации рабочих, которые возвращаются из СССР. Когда они приезжают из СССР и рассказывают о зрелости пролетариата СССР, о той творческой работе по строительству социализма, которая идет в стране советов,—они окрыляют ту тягу к компартии Германии, которая имеется в рядах социал-демократических рабочих. Их доклады оказывают революционизирующее воздействие.

А что делает ультра-левая оппозиция в Германской партии, которая так солидаризуется с тт. Зиновьевым, Троцким и др.? Взгляды и борьба вашей оппозиции используются для того, чтобы свести на-нет это воздействие. Вот один из многих примеров. Когда недавно в Германии на огромнейшем собрании в «Нойвельте» делегация рассказывала о том, что́ видела здесь, в СССР, пришел не кто иной, как знакомая вам госпожа Рут Фишер, выступила там против членов делегации и самым наглейшим образом высмеивала то, что они говорили о строительстве социализма, о положении рабочих в СССР и т. д. Этим она сослужила прямую службу немецкой буржуазии и немецкой социал-демократической партии, этим она выполняла явно контр-революционную роль. Она выполняла роль, которую до сих пор играли редактора «Форвертса» или соглашательские вожди профсоюзов. Она хотела вынести на собрание русский конфликт в ультра-левом освещении. Возмущенные слушатели помешали этому. Сторонники группы Урбанса также выступали против докладчиков рабочих делегаций. Мнимолевые вожди социал-демократии пытались помешать переходу действительно лево настроенных рабочих социал-демократов в коммунистический лагерь, пытались помешать созданию единого фронта под коммунистическим руководством, используя взгляды и борьбу вашей оппозиции, как доказательство краха революции в Советской России. В трогательном единении с ультра-левыми фракционными вождями и на их жаргоне говорили они о процессах, совершающихся в Советской России, о кулацком перерождении советского хозяйства. Свое реформистское отступничество от революции, от захвата власти, от пролетарской диктатуры—эти тоже-левые обосновывали суждениями и требованиями руководителей вашей оппозиции. Я уже не говорю о победных кликах правых социал-демократов насчет «банкротства большевизма». Итак, оппозиция повредила процессу прояснения классового сознания широких пролетарских масс, их зарождающейся боевой энергии, делу образования левого блока и профсоюзному единству.

Тов. Троцкий здесь говорил о том,, что голоса оппозиции были голосами внутренней тревоги, были голосами предостерегаю-

щими. Это неправда. Это были голоса призыва к борьбе против партии, против революции. Ведь крик оппозиции о термидоре преисполнил надеждой все контр-революционные силы, он был подхвачен всей буржуазной прессой, всеми буржуазными правительствами мира, от Пекина до Лондона, Берлина и Парижа. Началась спекуляция на развале партии. Они прекрасно знают, что единство партии есть залог победы строительства социализма в Союзе ССР, залог силы и мощи страны. Единодушие и решительность, с которым ленинская партия отразила нападение оппозиции, покажут этим выжидающим случая господам, что грозди контр-революции еще совсем незрелы и висят слишком высоко. Ни на какой термидор нет намека. В государстве пролетарской диктатуры социалистическое строительство мощно и быстро пойдет вперед, вопреки всем трудностям.

То ничтожное влияние, которое оппозиция вначале еще имела, определяется не тем содержанием, которое она давала в своих выступлениях, а старыми заслугами лидеров, ее возглавлявших. Решение партии свидетельствует о том, что даже блеск имен вождей оппозиции не смог возместить недостаточной внутренней убедительности их ложных аргументов, являющихся отклонением от ленинской революционной политики. Заслуги этих товарищей в деле победы пролетарской революции непреходящи. Они, конечно, не забудутся. Их дела вошли в историю революции. Не забываю их и я. Однако, как бы ни были велики личные дела и личные заслуги руководящих товарищей из оппозиции, это есть нечто большее, чем чисто индивидуальные дела и заслуги. С ними неразрывно сплетена жизнь и деятельность партии, вместе с которой и в рядах которой они стали революционными борцами, это есть индивидуально кристаллизовавшиеся страстные желания и сознание поднимающегося пролетариата, его воля, его боевые действия. Их исторические заслуги—не их личное, а общее достояние, достояние большевистской партии и масс, одержавших победу в боях за власть пролетариата и героически несущих жертвы и силы на дело социалистического строительства. Поэтому ценность исторических заслуг и имен не должна, по-моему, умаляться и растрачиваться в борьбе п р о т и в партии. Эта ценность должна быть сохранена и увеличена. Это будет достигнуто, если к старым заслугам в деле создания первого великого пролетарского государства присоединится новая, состоящая в том, что вожди теперешней оппозиции в величайшем единодушии с партией,—что не означает, конечно, недопустимости необходимой критики,—превратят хозяйство и общество пролетарского государства в социалистические.

Мне бы очень хотелось принять участие в той теоретической дискуссии, которая завязалась вокруг вопроса о том, возможна ли победа пролетариата и осуществление социализма в одной стране и зависит ли и в какой степени зависит утверждение пролетарской диктатуры и дело строительства социализма в Советском Союзе от успехов пролетарской мировой революции. Но недостаток времени заставляет меня от этого отказаться. Скажу лишь несколько слов относительно того комплекса вопросов, вокруг которых идет борьба. По моему мнению, более сильный голос, чем даже голоса Маркса, Энгельса и Ленина, уже ответил на основные вопросы. Это—голос Октябрьской пролетарской революции 1917 года. Революция гордо предстоит перед нами и взывает к нам: я есмь! Победа пролетариата есть победа социализма. Она создает Союз советских республик, и под сенью пролетарской диктатуры миллионы трудятся над осуществлением социализма. Гигантским хором звучат их голоса: мы строим, мы построим социализм! Незрелость объективных факторов общественного развития нагромождает трудности за трудностями на пути коммунизма. Но они не могут устрашить революционной воли к строительству или наложить на нее оковы. Значение и сила движущих субъективных факторов исторического поступательного процесса блестяще выявляются в Советском Союзе. В могучее целое слиты здесь два потока: революционный напор широчайших пролетарских масс и отдающее себе ясный отчет в целях и путях руководство этих масс, осуществляемое через крепко идеологически и организационно спаянную классовую партию.

Творческий переход пролетарской революции в социалистическое строительство Советского Союза является сильнейшей движущей силой мировой пролетарской революции. Она пробуждает и делает более зрелым сознание, революционную волю, революционную решимость к борьбе как у пролетариата, так и у всех эксплоатируемых в не-советских странах всего мира. На-ряду с неустойчивыми экономическими и политическими результатами стабилизации мирового капитализма выступила на историческую сцену окруженная ореолом победоносная революция и социалистическое строительство Советского Союза.

Сохраняя верность заветам Ильича, надлежит наивозможно дальше продвинуть дело осуществления социализма в первом и пока все еще единственном государстве победоносной революции и диктатуры пролетариата, чтобы тем самым ускорить и споспешествовать пролетарской революции в других государствах, которая может найти свое полное окончательное завершение лишь с переустройством всего мира. Так победа и построение социа-

лизма в Советском Союзе сомкнется в одно целое с пролетарскими революциями в других странах как одна из важнейших частей мощного исторического роста коммунистического строя. Социалистическое строительство Советского Союза, это — двигатель пролетарской мировой революции, залог ее победы. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Сейчас слово предоставляется т. Орджоникидзе, потом будет сделан маленький перерыв и после него заключительное слово т. Сталина.

Орджоникидзе. Товарищи, мне кажется, что после Октябрьской революции со стороны т. Троцкого не было ни разу такой открытой серьезной попытки подменить ленинизм троцкизмом. Тов. Троцкий в произнесенной им в высшей степени красивой речи всячески доказывал, что у него после Октября не было никаких разногласий с Лениным. Никаких разногласий! Если на прочих съездах и конференциях т. Троцкий пытался через голову конференций и съездов говорить с рабочим классом нашей страны, то нынешняя его речь была направлена больше в сторону западноевропейского рабочего класса, и она менее всего говорилась для конференции и для рабочего класса нашего Союза. Так и должно было быть. На предыдущих конференциях и съездах т. Троцкий, пытающийся через голову съездов завоевать рабочий класс нашего Союза, терпел в этом зале поражение за поражением. Потерпев поражение и в октябрьских выступлениях нынешнего года на фабриках и заводах, т. Троцкий теперь обращается к международному пролетариату и хочет доказать, что сидящие здесь не доверяют силам рабочего класса Западной Европы (голос: «Позор!») и со своим косолапым мужиком думают строить социализм в одной стране. В чем основное разногласие с т. Троцким? Об этом он сам говорит в письме т. Ольминскому в 1921 г., до сих пор Троцким нигде не опровергнутом.

Оно гласит следующее: «Считаю, что моя оценка движущих сил революции была безусловно правильна»... (Из письма тов. Л. Троцкого к т. М. Ольминскому, помещенного в предисловии к книге «Ленин о Троцком и троцкизме», изд. «Новая Москва», 1925 г., стр. 320.)

Это он писал т. Ольминскому 6 декабря 1921 г., и после этого нигде он не отказывался от этой мысли. Тов. Троцкий пытается доказать, что его оценка движущих сил русской революции была правильна, а ведь именно в этом было главное разногласие с Троцким, а не в том, что он не так оценивал меньшевиков. Мы были решительными противниками меньшевиков не потому, что мы Мартова или Дана не любили, а потому, что мы расходи-

лись с ними в коренном вопросе о движущих силах революции. И вот Троцкий говорит, что его оценка движущих сил революции остается правильной. Больше того, он говорит, что свои статьи первой категории—статьи, посвященные движущим силам русской революции, он может опубликовать без всяких поправок.

«Статьи первой категории я и сейчас мог бы дать без поправок, так как они вполне и целиком совпадают с позицией нашей партии, начиная с 1917 года». (Из того же письма к т. М. Ольминскому.)

В чем тут дело, товарищи? Одно из двух: или Ленин перешел на точку зрения Троцкого, или Троцкий перешел на точку зрения Ленина. А Троцкий утверждает, что данная им оценка движущих сил революции была правильной. И здесь, в своей большой речи, он всячески доказывал это. То, что он говорил о построении социализма в одной стране, и ссылка на взятые из V Ленинского Сборника цитаты из Ленина, написанные в 1905 г.,—это ему нужно было только для того, чтобы доказать, что то, что говорит сейчас большинство нашей партии, неправильно, что Владимир Ильич сам, мол, признавал когда-то, что на середняка опираться нельзя. Вот в чем смысл его выступления. Если к этому, товарищи, прибавить еще речь т. Троцкого, произнесенную им в в 1925 г. в Кисловодске в 8-ю годовщину нашей Октябрьской революции, где он говорит: с одной стороны, от середняка отваливаются зажиточные слои, которые впоследствии выходят в кулаки, а с другой—бедняцкие слои, которые выходят в батраки,— то будет ясно, что середняцкие слои нашего крестьянства находятся все время в процессе разложения, и ни о каком прочном союзе с ними в таком случае не может быть разговоров. Но тут прямо поразительно, каким образом тт. Зиновьев и Каменев соглашаются с такой постановкой вопроса т. Троцким. Не так давно, в том же 1925 году, тт. Зиновьев и Каменев говорили совершенно иначе, и ту попытку, которую здесь делал т. Троцкий, попытку подменить троцкизм ленинизмом, они объясняли совершенно иначе. Возьмем, товарищи, то, что говорил тогда т. Зиновьев:

«Новое» в этой попытке заключается в том, что из «стратегических соображений ревизию пытаются проделать именем Ленина. Нечто подобное мы видели в начале кампании Бернштейна и бернштейнианцев, когда они приступали к «ревизии» основ марксизма». (Г. Зиновьев, «Большевизм или троцкизм», из сборника «За ленинизм», изд. «Новая Москва», 1925 г., стр. 231.)

И дальше он продолжает:

«Идеи ленинизма настолько преобладают сейчас в международном революционном движении—и в особенности в нашей стра-

не,—что «критики» ленинизма считают необходимым прибегнуть к такому же приему: они производят ревизию ленинизма «именем Ленина»—со ссылками на Ленина, с божбой в верности основам ленинизма (покойный Владимир Ильич в этих случаях любил повторять: «И как божиться-то не лень?»)». (Там же.)

Вот как говорил т. Зиновьев в 1925 году, когда он видел, что т. Троцкий делает попытку ревизии ленинизма. Так он говорил тогда, когда т. Троцкий выпустил свою книжку об «Уроках Октября». По сравнению с тем, что т. Троцкий говорил здесь в своей позавчерашней речи, что собой представляют «Уроки Октября»? Это невинная шутка со стороны т. Троцкого. Ничего подобного за все время с момента Октябрьской революции мы не слышали от т. Троцкого. На самом деле, что он говорил, приводя цитату из Ленинского Сборника о конце «1905 года»? Цитата эта говорит следующее:

«Итак, в этой стадии либеральная буржуазия и крестьянство и зажиточное (плюс отчасти среднее) крестьянство организует контр-революцию. Российский пролетариат плюс европейский пролетариат организует революцию». (V Ленинский Сборник, стр. 452.)

И вот на основе этой цитаты Троцкий говорит: вот Владимир Ильич еще тогда, в 1905—1906 году, частично повернул в сторону Троцкого, и в том же письме к Ольминскому в 1921 г. Троцкий пишет:

«Я считал... что самый ход революции приведет обе фракции к позиции перманентной революции и завоевания власти рабочим классом, что отчасти и произошло в 1905 г. (Предисловие т. Ленина к статье Каутского о движущих силах русской революции и вся линия газеты «Начало»)».

«Начало» было центральным органом русских меньшевиков, в котором вместе с Троцким сидели Мартов, Дан и вся меньшевистская компания.

Сейчас, в 1926 году, он считает, что уже тогда, когда Владимир Ильич писал предисловие к книжке Каутского, он начал переходить на точку зрения т. Троцкого, которую тот проводил в меньшевистской газете «Начало». Хотя Каменев и пытался что-то сказать о том, что он не защищает того специфического, что было и есть в троцкизме, но не сказал нам, в чем же это специфическое, а раньше Каменев доказывал и учил партию, что специфическое Троцкого, это—теория перманентной революции, от которой т. Троцкий и с этой трибуны не отказался. Тов. Троцкий сказал, что эта теория не имеет отношения ни к оппозиции 1923 года, ни к оппозиции

1925/26 г., что все, что было правильно в этой теории перманентной революции, все, что было неполно и неправильно,—все это относится к прошлому. Как так? Все, что было правильно, оно в архив не может итти, оно остается; а что же правильно,—он нам не сказал. А мы должны сказать, что это «правильное», по мнению Троцкого, на самом деле было глубоко ошибочным и тогда, ошибочно и теперь: это—неуменье т. Троцкого расценивать крестьянство так, как оценивал его Ленин. А т. Каменев утешается маленьким заявлением, которое он выманил у т. Троцкого, о том, что он во всех своих расхождениях с Лениным был не прав и вообще согласен с Лениным. Но когда же это было, товарищи, чтобы выступали и говорили прямо: я с Лениным не согласен? Тогда бы разговор был прекращен окончательно, никаких споров с Троцким не было бы, тогда мы бы прямо сказали: идите туда, куда вам угодно, вам в нашей партии делать нечего. (Голос с места: «Правильно».) И Троцкий, конечно, этого не делает. Он доказывает, что после Октября у него с Лениным разногласий не было. Он считает, что был прав в 1923 году; то же самое утверждает т. Преображенский в «Большевике» (№ 15—16) в статье «Экономические заметки»: т. Преображенский прямо пишет, что их теоретические предложения, их практические выводы, которые они давали в 1923 г. (он указывает на себя, на т. Пятакова и т. Троцкого), были абсолютно правы, и доказывает, что мы перешли на их точку зрения. А т. Каменев удовлетворяется только тем, что выманил у т. Троцкого жалкое заявление, «что он с Лениным вообще согласен». (Голос с места: «Ценой перехода на его сторону».)

Тогда что же, тт. Каменев и Зиновьев, ваши писания про Троцкого в 1923—24—25 гг. надо сжечь, не оставить ни одного листка, чтобы они вас не позорили сегодня?

А как обстоит дело, товарищи, насчет крестьянства? Это самый основной вопрос. Отсюда и разногласия в вопросе о строительстве социализма в одной стране и все другие вопросы. Что Владимир Ильич говорил о среднем крестьянстве? Надо было цитировать не то, что он сказал в 1905 г., но то, что он сказал в 1919 г., надо было привести то, что он сказал в 1919 году, что является его последним словом. Вот что говорит Ленин в 1919 г., в день открытия VIII съезда нашей партии:

«В особенности надо подчеркнуть здесь, что одна из самых трудных задач коммунистического строительства в стране мелкого крестьянства теперь как раз должна стать перед нами, это—задача об отношении к среднему крестьянству... Беспощадная война с деревенской буржуазией и кулаками на первое место выдвигала задачи организации пролетариата и полу-

пролетариата деревни. Но дальнейшим шагом для партии, которая хочет создать прочные основы для коммунистического общества, выдвигается задача—правильно разрешить вопрос о нашем отношении к среднему крестьянству. Это задача более высокого порядка. Мы не могли ее поставить во всей широте, пока не были обеспечены основы существования Советской республики. Это задача более сложная. Она требует определения нашего отношения к многочисленному и сильному слою населения. Это отношение не может быть определено простым ответом: борьба или опора. Если по отношению к буржуазии задача наша формулируется словом «борьба, подавление», если по отношению к пролетариям и полупролетариям деревни эта задача формулируется словом «опора»,—здесь наша задача, несомненно, более сложная. Тут лучшие представители социализма старого времени,—когда они еще верили в революцию и теоретически служили ей,—говорили о нейтрализации крестьянства, т.-е. о том, чтоб сделать из этого среднего крестьянина общественный слой, если не активно помогающий революции пролетариата, то по крайней мере не мешающий нашей работе. Эта отвлеченная теоретическая постановка задачи для нас вполне ясна. Но она недостаточна. Мы вошли в такую стадию социалистического строительства, когда надо выработать конкретно, детально, на опыте работы в деревне основные правила и указания, какими мы должны руководиться для того, чтобы по отношению к среднему крестьянину стать на почву прочного союза, чтобы исключить возможность тех неоднократно случающихся уклонений и неправильностей, которые отторгали от нас среднего крестьянина, тогда как на самом деле мы могли бы рассчитывать на полное его доверие, как руководящая коммунистическая партия, впервые помогшая русскому крестьянству скинуть до конца помещиков и основать для него настоящую демократию». (VIII съезд РКП(б), Стенограф. отчет, речь т. Ленина на открытии съезда 18/III 1919 г.)

Вот, товарищи, взгляд Владимира Ильича на среднее крестьянство, и вытаскивать после этого, сказанного в 1919 году, цитату из набросков Владимира Ильича, написанных им в 1905 году, и на этом основании пытаться доказать, будто бы Троцкий прав и что в оценке движущих сил русской революции Владимир Ильич перешел на сторону Троцкого,—это, по-моему, в высшей степени неприличная игра, если не сказать больше. (Голос: «Спекуляция Лениным».) Дальше, Троцкий говорил здесь, что в вопросах хозяйственного положения нашей страны он остается на тех же позициях, которые он занимал в апреле, что с того времени

прошло очень мало времени, чтобы проверить жизненным опытом, кто оказался прав.

У нас, товарищи, имеется другая проверка,—почему на это не сослаться? Что говорили в 1923 году т. Троцкий и его единомышленники, когда тт. Зиновьев и Каменев не были с ним, когда они, Зиновьев и Каменев, считали, что Троцкий и его сторонники ревизуют ленинизм (теперь не то,—ничего не поделаешь)? Что тогда говорил Троцкий? Здесь т. Рыков уже приводил цитаты, и я не буду их повторять. Троцкий указывал, что партия ведет страну к гибели. А как сам Троцкий вынужден был сказать через год? В восьмую годовщину Октябрьской революции в Кисловодске он произнес речь, в которой ставит вопрос: к социализму или к капитализму? и говорит следующее:

«Наше народное хозяйство растет. Но вопрос: кому на пользу идет этот рост? Растем ли мы в сторону капитализма или в сторону социализма? Ответ на этот вопрос определяет смысл всей нашей работы. Нас занимает вопрос не только о том, что мы хозяйственно растем, что мы из года в год производим больше продуктов,—нет, нас, как коммунистов, занимает вопрос о том, в каком направлении мы растем—вперед, в сторону социализма, или назад, в сторону капитализма. Ответ на этот вопрос дан в таблице, выработанной Государственной плановой комиссией (Госплан). Ответ дан совершенно бесспорный по отношению к промышленности, торговле и финансам.

В этом году 79% промышленных товаров, обращающихся на нашем рынке, дали государственные заводы, 20% с небольшим дали кустари, арендаторы и концессионеры (в прошлом году они дали 23%). Значит, государственная промышленность дает подавляющее большинство продукции, и процент ее растет из года в год за счет продукции частной. А как обстоит дело в области торговли, которая соединяет производителя с потребителем? В 1923/24 году оборот частного капитала в торговле составлял 50%, оборот государственного и кооперативного капитала—тоже 50%,—значит, пополам. Было законное опасение, что частный торговый капитал, развиваясь за счет государственного и кооперативного, найдет свою смычку с деревней. Но вот проверка: в 1924/25 году оборот государственной торговли и кооперации—74%, а частный торговый оборот—26%, т.-е. около ¼. В позапрошлом году—половина и половина, а в прошлом хозяйственном году, который кончился 1 октября,—¾ и ¼.

В области внешней торговли на долю государства приходится процентов 95, на долю частного капитала и контрабанды, которую тоже надо отнести к частной торговле, придется процентов пять.

Финансы, кредит, банковская система—целиком в руках государства.

Это и есть так называемые командные высоты. Не только военные, но и невоенные знают, что такое командная высота, это—такая позиция, с которой легче, удобнее давать отпор врагу и наступать на него. Эти высоты рабочий класс не только удержал за собой, но и укрепил. Они теперь еще больше возвышаются над всем полем хозяйства, чем возвышались ранее. Повторим еще раз: продукция промышленности на $^4/_5$ в руках государства, внутренняя торговля на $^3/_4$, внешняя торговля почти на 100%, транспорт на 100%, банковская система почти на 100%. По этой линии развитие явно и бесспорно идет в сторону социализма». (Л. Троцкий, «Речь на торжественном заседании Кисловодского горсовета 8/XI 1925 г.».)

Казалось бы, после такого заявления надо было бы бросить всякие разговоры о том, кто был прав и кто был неправ в 1923 г. Если в 1923 г. Центральный Комитет нашей партии вел страну к гибели, то нечего говорить о том, что в 1925 г. нельзя было писать такие вещи. Если т. Троцкий вынужден был воспеть такие дифирамбы нашей промышленности в 1925 г., то это значит, что позиция, которую тогда Центральный Комитет отстаивал, и то руководство, которое тогда было всем нашим народным хозяйством, дало такие положительные результаты, и несмотря на это т. Преображенский в № 15—16 «Большевика» все же выступает и пытается доказать, что в 1923 г. оппозиционеры были правы. А что же оппозиция говорила нам в апреле 1926 г.? Тов. Каменев в апреле заявлял, что мы вступаем в новый хозяйственный год с высокими хлебными ценами и страшным товарным голодом, и что на этой почве осенью нас ожидают еще бóльшие потрясения и бóльшие осложнения.

Как же обстоит дело? Если мы возьмем то, что происходит сейчас на хлебозаготовительном фронте, то увидим, что если осенью 1925 г. на Украине цены доходили до полутора рубля, теперь мы видим, что цена около 1 руб. 10 коп. за пуд. Сколько хлеба закуплено на Украине? На 20—25% больше, чем в прошлом году, цены снижены на 20%, и это несмотря на то, что, как утверждают украинцы, в этом году у них урожай немного ниже, чем прошлогодний. На Северном Кавказе то же самое: цены (на пшеницу) всюду на 12, 13, 10 коп. ниже, тогда как урожай в этом году на 60 милл. пудов меньше, хлеба же заготовлено столько, сколько и в прошлом году. Казалось бы, что проверка за эти 6 или 7 месяцев сказала не в пользу этих товарищей, и в этом они и должны были бы признаться. Вы помните, товарищи, что

оппозиция думала победить этой осенью, рассчитывая на то, что на почве затруднений, на почве провала хлебозаготовок в среде рабочего класса будут колебания, и тогда они выступят спасителями страны. И попробовали.., но встретили страшный отпор. Почему? Да потому, что не оказалось того, что они предполагали. Казалось бы, они должны сказать, что как в 1923 году, так и сейчас они оказываются неправы.

Можно ли на этом основании сказать, что больше затруднений у нас не будет? Конечно, нет; затруднения будут. Но если оппозиция хочет сохранить себя до того момента, когда у нас будут затруднения, и опять высунуться и будоражить рабочий класс, то я не знаю, кто выиграет от этого. Я много раз говорил, что напрасно оппозиция надеется на затруднения и хочет нажить себе на этом политический капитал. Надо прямо сказать: если у нас будут тяжелые затруднения, то от этого выиграет не оппозиция, а третья сила. Этого не надо забывать. Не надо мешать партии созданием новых затруднений, надо помогать партии в ее борьбе с затруднениями, заложенными в нашем хозяйстве. Тов. Зиновьев в свое время говорил т. Троцкому: что же вы каждый раз устраиваете кризисы партии, перестаньте это делать. А теперь он сам решил, что это наиболее подходящее занятие. В 1925 году Зиновьев писал:

«Положа руку на сердце, мы спрашиваем бывших и настоящих сторонников т. Троцкого, разве они не знают, что каждое выступление т. Троцкого против большевистского ЦК, начиная с 1921 года, является все большей и большей радостью для всего небольшевистского лагеря, и чем дальше—тем больше. Случайно ли это?

Пусть не толкуют нас превратно. Еще Маркс сказал: «Можно быть фактическим выразителем настроений мелкой буржуазии, отнюдь не будучи самому мелким лавочником». Разумеется, и у т. Троцкого самые лучшие желания. Но добрыми желаниями вымощен ад. Нужно, чтобы т. Троцкий раз и навсегда отказался «спасать» нашу партию от мнимых ошибок, а понял бы и признал бы свои собственные политические ошибки, в значительной мере проистекающие из остатков его политической идеологии времен 1903—1917 гг., когда т. Троцкий выступал открытым противником большевизма. Нужно перестать устраивать очередные «кризисы» партии по «календарной программе» через каждый год, а в последнее время через каждые полгода».

А теперь Зиновьев начал устраивать кризисы партии через каждый месяц (смех), чуть ли не через каждые 2 недели.

«...Нужно понять, что наскоком, нахрапом подмять ленинизм под

троцкизм никому не удастся. Нужно понять, одним словом, что большевизм есть большевизм». (Г. Зиновьев, «Большевизм или троцкизм», из сборн. «За ленинизм», стр. 284.)

Мне кажется, что эти прекрасные слова надо вспомнить самому т. Зиновьеву и в особенности после его нахрапистого наскока на Путиловский завод, когда он, бывший кумир этого завода, выскочил оттуда, и рабочие ему сказали: «Тов. Зиновьев, надо помнить, что большевизм остается большевизмом». (Голоса: «Правильно».)

Как отнеслись к выступлению т. Зиновьева наши враги, на которых он сам ссылается, говоря, что с каждым выступлением Троцкого наши враги начинают радоваться? Возьмем «Социалистический Вестник». Что там говорится?

«Она не выполнила бы своего долга, если бы не ухватилась за те элементы исторического прогресса, которые имеются в борьбе «оппозиции», с тем, чтобы, исходя из них, попытаться толкнуть мысль не только широких рабочих масс, но и поколебавшихся в своем «ленинизме» рабочих-коммунистов обоих станов к тем политическим выводам, которые диктуются их классовым положением в пореволюционной обстановке. «Оппозиция» взращивает не только в рабочих массах, но и в среде рабочих-коммунистов ростки таких идей и настроений, которые при умелом уходе легко могут дать социал-демократические плоды... Своей критикой «существующего строя», почти дословно повторяющей критику социал-демократии, большевистская «оппозиция» подготовляет умы не только масс, но и рабочих-коммунистов к восприятию и положительной платформы социал-демократии». («Социалистический Вестник», № 17/18 от 18/IX 1926 г.)

Вот как оценивает Дан выступление нашей оппозиции. Нашей оппозиции очень не нравится, когда говорят, что ваш уклон— социал-демократический уклон. Тов. Каменев здесь довольно раздраженно говорил: «Перед кем мы капитулируем, кого предаем?». Дело не в том, что субъективно т. Каменев никого не предает и никого не хочет предать, а дело в том, что объективно они служат нашим врагам, и враги это чуют.

Товарищи, я бы мог привести и другие цитаты, но не буду задерживать вашего внимания и кончу свою речь.

Оппозиция разгромлена, она побита рядовыми партийцами. Но можно ли успокоиться на этом, можно ли сказать, что все кончено, можно ли поверить нашей оппозиции, что их заявление от 16 октября является искренним заявлением, что они хотят прекратить борьбу с партией? Нет, я думаю, что выступление т. Троцкого говорит за то, что и эту конференцию они хотят

использовать для того, чтобы развернуть свою платформу и агитировать на ее основе. Когда же настанет момент, заявление от 16-го числа будет забыто, и вновь начнется фракционная борьба. А на этот случай, мне кажется, нам надо будет опять-таки поступить так, как учил т. Зиновьев. Тов. Зиновьев вчера здесь говорил между прочим, что при Владимире Ильиче оппозиция рассасывалась таким-то и таким-то образом. Я не совсем понял, что т. Зиновьев хочет. Если он хочет рассосаться,—я думаю, что вся конференция будет очень довольна, если т. Зиновьев как можно скорее рассосется и оставит свою нынешнюю позицию. (Смех; аплодисменты.)

Несомненно, товарищи, прав Зиновьев, когда сознается, что вследствие выступления оппозиции была угроза раскола. Надо предотвратить повторение этой угрозы и сохранить их для партии. Но как сохранить? Вот как нас учил т. Зиновьев:

«Лучшее средство удержать т. Троцкого от дальнейших ошибок, которые еще больше отдалят его от большевизма, это—дать самый единодушный отпор его нынешней ошибке. Если вся партия, как один человек, встанет против теперешнего уклона т. Троцкого, то он, будем надеяться, сам скорее всего выправит свою ошибку.

Все, о чем мы говорили в предыдущей главе, разумеется, не есть еще вполне закончившийся процесс. Это только тенденция. Увидев всю губительность этой тенденции, увидев все единодушие партии против громадной ошибки т. Троцкого, т. Троцкий, будем надеяться, сойдет с неверного пути.

Не раз т. Ленин формулировал «закон» политической эволюции т. Троцкого: когда дело идет на подъем, т. Троцкий большею частью приближается к большевистской линии; когда дело идет на затяжку или на временный упадок волны, т. Троцкий колеблется вправо. Чтобы удержать его от теперешнего, очень уж чрезмерного колебания вправо, нужен идейный отпор со стороны всей партии.

Партия скажет свое окончательное слово, и еще и еще раз преждевременные злорадные ожидания врагов будут посрамлены. А большевистская партия получит новый, еще более крепкий закал, и подлинный ленинизм войдет в идейный обиход всех до единого членов нашей партии». (Г. Зиновьев, «Большевизм или троцкизм», из сборн. «За ленинизм», изд. «Нов. Москва», 1925 г., стр. 286—287.)

Мне кажется, товарищи, эта цитата нуждается в маленьком добавлении: там, где говорится «Троцкого», надо добавить: «Зи-

новьева и Каменева» и целиком обратить эту цитату к этой троице.

Партия уже дала им очень дружный отпор, и на этой конференции они также получат такой дружный отпор, какого они едва ли могли ожидать до 1 октября. А дело партии в дальнейшем—вести идейную борьбу с троцкизмом. Надо бить троцкизм. Что касается Зиновьева и Каменева, то они настолько запутались, что у них ровным счетом ничего за душой не осталось; они плетутся за Троцким и троцкизмом, пытаются подменить ленинизм. Этого партия никогда им не позволит. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Объявляется перерыв на 10 минут.

Рыков (председательствующий). Слово имеет т. Сталин (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

Заключительное слово т. Сталина.

I. О некоторых общих вопросах.

Марксизм не догма, а руководство к действию.

Товарищи! В своем докладе я говорил, что марксизм не догма, а руководство к действию, что известная формула Энгельса, данная в 40-х годах прошлого столетия, была правильна в свое время, но теперь она стала недостаточной. Я говорил, что она должна быть ввиду этого заменена формулой Ленина о том, что при новых условиях развития капитализма и классовой борьбы пролетариата победа социализма в отдельных странах вполне возможна и вероятна.

Мне возражали во время прений. Особенно постарался в этом отношении т. Зиновьев. Я вынужден поэтому вновь поставить этот вопрос и осветить его более подробно.

Я думаю, что т. Зиновьев не читал «Принципов коммунизма» Энгельса, а если читал,—не понял их, иначе он не стал бы возражать, иначе он учел бы тот факт, что за старую формулу Энгельса цепляется теперь социал-демократия в своей борьбе с ленинизмом, иначе т. Зиновьев понял бы, что, идя по стопам социал-демократии, можно нарваться на некоторые опасности «перерождения».

Вот, что говорит Энгельс в своих «Принципах коммунизма», представляющих собой изложение отдельных положений в виде вопросов и ответов.

«Вопрос: Возможно ли произвести отмену частной собственности сразу?»

«Ответ: Нет, невозможно, точно так же, как нельзя сразу увеличить имеющиеся средства производства в таких пределах, какие необходимы для создания общественного производства. Поэтому революция пролетариата, которая по всей вероятности произойдет, сумеет только постепенно преобразовать нынешнее общество и лишь после этого отменит частную собственность, когда уже будет создана необходимая для этого масса средств производства».

«Вопрос: Каков будет ход этой революции?»

«Ответ: Прежде всего она создаст демократический строй и тем самым, прямо или косвенно, политическое господство пролетариата».

Речь идет здесь очевидно о свержении буржуазии и завоевании диктатуры пролетариата. Вы знаете, товарищи, что этот пункт у нас уже осуществлен, осуществлен с избытком. (Голоса: «Верно», «Правильно».) Дальше:

«Демократия была бы совершенно бесполезна для пролетариата, если ею не воспользоваться немедленно как средством для проведения широких мероприятий, непосредственно посягающих на частную собственность и обеспечивающих существование пролетариата. Главнейшие мероприятия эти, с необходимостью вытекающие из существующих ныне условий, суть следующие:

«1) Ограничение частной собственности: прогрессивный налог, высокий налог на наследства, отмена наследования в боковых линиях (братьев, племянников и т. д.), принудительные займы и т. д.».

Вы знаете, что эти мероприятия осуществлены и осуществляются у нас с избытком. Дальше:

«2) Постепенная экспроприация земельных собственников, фабрикантов, владельцев железных дорог и морских судов, частью посредством конкуренции со стороны государственной промышленности, частью непосредственно, путем выкупа ассигнатами».

Вы знаете, что эти мероприятия также проведены у нас еще в первые годы нашей революции. Дальше:

«3) Конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков, восставших против большинства народа».

Вы знаете, что мы уже конфисковали и переконфисковали так, что дальше некуда итти. (Смех.) Дальше:

«4) Организация труда или предоставление занятий пролетариям в национальных имениях, фабриках и мастерских, благодаря чему будет устранена конкуренция рабочих между собой, и фабриканты, поскольку они еще останутся, будут вынуждены платить такую же высокую плату, как и государство».

Известно, что на этом пути мы стоим, на этом пути мы одер-

живаем ряд побед, и в основном этот пункт уже осуществляется. Дальше:

«5) Одинаковый принудительный труд для всех членов общества до полной отмены частной собственности. Образование промышленных армий, в особенности для сельского хозяйства».

Вы знаете, что мы пробовали этот путь в период военного коммунизма в виде организации трудовых армий. Но на этом пути больших результатов не добились. Мы пошли потом к этой цели обходными путями, и нет оснований сомневаться в том, что добьемся в этой области решающих успехов. Далее:

«6) Централизация кредитной системы и торговли деньгами в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом. Закрытие всяких частных банков и банкирских контор».

Это также, товарищи, как вам хорошо известно, в основном уже осуществлено у нас. Далее:

«7) Увеличение числа национальных фабрик, мастерских, железных дорог и морских судов, обработка всех земель, остающихся невозделанными, и улучшение обработки возделанных уже земель соответственно тому, как увеличиваются капиталы и растет число рабочих, которыми располагает нация».

Вы знаете, что и это дело осуществляется и идет у нас вперед, чему содействует всемерно и национализация земли, и национализация основных отраслей промышленности. Дальше:

«8) Воспитание всех детей с того момента, как они могут обходиться без материнского ухода, в государственных учреждениях и на государственный счет».

Это дело у нас осуществляется, но оно далеко еще не осуществлено, так как, разоренные войной и интервенцией, мы еще не в состоянии взять на попечение государства воспитание всех детей в государстве. Дальше:

«9) Сооружение больших дворцов в национальных владениях в качестве общих жилищ для коммун граждан, которые будут заниматься промышленностью, сельским хозяйством и соединять преимущества городского и сельского образа жизни, не страдая от их односторонности и недостатков».

Речь идет, очевидно, о жилищном вопросе в большом масштабе. Вы знаете, что это дело мы двигаем вперед, и ежели оно в основном еще не осуществлено и не скоро, пожалуй, будет осуществлено, то это потому, что, получив в наследство разоренную промышленность, мы не успели еще и не могли успеть накопить достаточные фонды для широкого жилищного строительства. Дальше:

«10) Разрушение всех нездоровых и плохо построенных жилищ и кварталов в городах».

Этот пункт является составной частью предыдущего пункта, поэтому сказанное насчет предыдущего пункта должно быть отнесено и к этому пункту. Дальше:

«11) Одинаковое право наследования для брачных и внебрачных детей».

Мне кажется, что это дело идет у нас, так сказать, удовлетворительно. Наконец, последний пункт:

«12) Концентрация всего транспортного дела в руках нации».

Вы знаете, что это дело уже осуществлено у нас полностью.

Такова, товарищи, программа пролетарской революции, данная Энгельсом в его «Принципах коммунизма».

Вы видите, товарищи, что девять десятых этой программы уже осуществлено нашей революцией.

Дальше:

«Вопрос: Может ли эта революция (о которой говорилось выше. *И. Ст.*) произойти в одной какой-нибудь стране?»

«Ответ: Нет. Крупная промышленность уже тем, что она создала мировой рынок, так связала между собой все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы, что каждый из них зависит от того, что происходит у другого. Затем крупная промышленность так уравняла общественное развитие во всех цивилизованных странах, что всюду буржуазия и пролетариат стали двумя решающими классами общества и борьба между ними — главной борьбой нашего времени. Поэтому коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, т.-е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии» [1]). (См. Ф. Энгельс, «Принципы коммунизма».)

Вот как обстоит дело, товарищи.

Энгельс говорил, что пролетарская революция с изложенной выше программой не может произойти в отдельной стране. А факты говорят, что в новых условиях классовой борьбы пролетариата, в условиях империализма мы уже произвели в основном такую революцию в отдельной стране, в нашей стране, осуществив девять десятых ее программы.

Тов. Зиновьев может сказать, что мы ошиблись, осуществив эту программу, осуществив эти пункты. (Смех.) Очень может

---

[1]) Разрядка моя. *И. Ст.*

быть, что мы допустили некоторую «национальную ограниченность», осуществив эти пункты. (Смех.) Очень может быть. Но одно все же ясно, что то, что считал Энгельс в 40-х годах прошлого столетия, в условиях домонополистического капитализма, неосуществимым и невозможным для одной страны, стало осуществимым и возможным в нашей стране, в условиях империализма.

Конечно, если бы Энгельс был жив, он не стал бы цепляться за старую формулу, а, наоборот, всемерно приветствовал бы нашу революцию, говоря: «К чорту все старые формулы, да здравствует победоносная революция в СССР!». (Аплодисменты.) Но не так думают господа из лагеря социал-демократов. Они цепляются за старую формулу Энгельса для того, чтобы, прикрывшись ею, облегчить себе борьбу против нашей революции, против большевиков. Это их дело, конечно. Плохо только, что т. Зиновьев старается подражать этим господам, становясь в данном случае на путь социал-демократии.

Приводя формулу Энгельса и развивая ее подробно, я имел в виду три соображения: во-первых, путем противопоставления формулы Ленина о возможности победы социализма в одной стране формуле Энгельса, являющейся наиболее крайним и резким выражением точки зрения марксистов известного периода, создать максимальную ясность в вопросе; во-вторых, разоблачить реформизм и антиреволюционизм социал-демократии, старающейся прикрыть свой оппортунизм ссылкой на старую формулу Энгельса; в-третьих, показать, что Ленин был первый, который разрешил вопрос о победе социализма в одной стране.

Надо признать, товарищи, что именно Ленин, а не кто-либо другой, открыл истину о возможности победы социализма в одной стране. Нельзя отнять у Ленина то, что принадлежит ему по праву. Не надо бояться правды, надо иметь мужество сказать правду, надо иметь мужество сказать открыто, что Ленин был первый из марксистов, который по-новому поставил вопрос о победе социализма в одной стране и разрешил его в положительном смысле.

Я этим вовсе не хочу сказать, что Ленин, как мыслитель, был выше Энгельса или Маркса. Я хочу этим сказать только две вещи. Во-первых, нельзя требовать от Энгельса или Маркса, какими бы они ни были гениальными мыслителями, чтобы они предусмотрели в период домонополистического капитализма все возможности классовой борьбы пролетариата и пролетарской революции, открывшиеся спустя более чем полстолетие, в период развитого монополистического капитализма; во-вторых, нет ничего удивительного в том, что Ленин, как гениальный ученик Энгельса и Маркса, сумел подметить новые возможности пролетарской ре-

волюции в новых условиях развития капитализма и открыл, таким образом, истину о возможности победы социализма в одной стране.

Нужно уметь различать между буквой и сущностью марксизма, между отдельными положениями и методом марксизма. Ленину удалось открыть истину о победе социализма в одной стране потому, что он считал марксизм не догмой, а руководством к действию, он не был рабом буквы и умел схватывать главное, основное в марксизме. Вот что говорит на этот счет Ленин в своей брошюре «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»:

«Наша теория не догма, а руководство к действию, говорили Маркс и Энгельс, и величайшей ошибкой, величайшим преступлением таких «патентованных» марксистов, как К. Каутский, Отто Бауэр и т. п., является то, что они этого не поняли, не сумели применить в самые важные моменты революции пролетариата». (Ленин, т. XVII, стр. 159.)

Вот путь, путь Маркса, Энгельса и Ленина, на котором мы стоим и на котором должны стоять и впредь, если мы хотим оставаться революционерами до конца. Ленинизм отстоял себя, как марксизм эпохи империализма и пролетарской революции, потому, что он стоял и продолжает стоять на этом пути. Отойти от этого пути—значит попасть в болото оппортунизма. Соскользнуть с этого пути—значит поплестись в хвосте за социал-демократией, что и произошло в данном случае с т. Зиновьевым.

Тов. Зиновьев говорил здесь, что впоследствии Маркс и Энгельс смягчили старую формулу Энгельса, допустив возможность того, что пролетарская революция может начаться и в отдельных странах. Он приводил цитату Энгельса о том, что «немцы начнут, а французы доделают». Все это верно. Это известно теперь каждому совпартшкольцу. Но дело в том, что не об этом идет теперь речь, т. Зиновьев. Одно дело сказать: начинай революцию, тебя в ближайшее же время поддержит победоносная революция в других странах, при чем, в случае такой победы в других странах, ты можешь рассчитывать на победу. Это одно дело. Другое дело сказать: начинай революцию и двигай ее дальше, зная, что, если даже не подоспеет в ближайшее время победа революции в других странах, условия борьбы теперь, в период развитого империализма, таковы, что ты можешь все же победить для того, чтобы разжечь потом революцию в других странах. Это другое дело. И если я приводил старую формулу Энгельса, то не для того, чтобы пройти мимо факта о том, что Энгельс и Маркс впоследствии смягчили эту резкую и крайнюю формулу, а для того, чтобы: а) создать ясность в вопросе путем противопоставления двух противоположных формул, б) вскрыть оппортунизм социал-

демократии, старающейся прикрыться старой формулой Энгельса, и в) показать, что Ленин был первый, который по-новому поставил вопрос о победе социализма в одной стране и разрешил его в положительном смысле.

Как видите, товарищи, я был прав, говоря, что т. Зиновьев не читал «Принципов коммунизма», а если и читал, то не понял их, трактуя старую формулу Энгельса по-социал-демократически и скатившись, таким образом, на путь оппортунизма.

Некоторые замечания Ленина о диктатуре пролетариата.

Я говорил, дальше, в своем докладе, что мы имеем более или менее аналогичный случай в вопросе о диктатуре пролетариата в обстановке развитого империализма. Я говорил, что в вопросе о диктатуре пролетариата, понимаемой как слом старого буржуазного государственного аппарата и постройка нового пролетарского аппарата, Маркс сделал в свое время (в 70-х годах XIX столетия) исключение для Англии и, пожалуй, для Америки, где милитаризм и бюрократизм были развиты тогда мало и где могла быть тогда возможность достижения политического господства пролетариата другими путями, «мирными» путями. Я говорил, что это исключение или ограничение, допущенное Марксом для Англии и Америки, будучи тогда правильным, стало, по мнению Ленина, неправильным и излишним в нынешних условиях развитого империализма, когда милитаризм и бюрократия расцвели в Англии и Америке так же, как и в других странах.

Рязанов. Не стало, а было. (Голос с места: «Не мешайте, т. Рязанов».) Я не мешаю.

Сталин. Позвольте, товарищи, сослаться на Маркса. Вот что писал Маркс в своем письме к Кугельману в апреле 1871 года:

«...Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18-е Брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а сломать ее, и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте [1]). Как раз в том и состоит попытка наших геройских парижских товарищей». (Цитирую по книге Ленина «Государство и революция»—т. XIV, ч. 2, стр. 326.)

---

[1]) Разрядка моя. *И. Ст.*

Так писал Маркс в 1871 году.

За эту цитату ухватились, как известно, все и всякие социал-демократы и первым долгом Каутский, утверждая, что насильственная революция пролетариата не является обязательным методом движения к социализму, что диктатура пролетариата не должна быть понята обязательно как слом старого буржуазного государственного аппарата и постройка нового пролетарского аппарата, что мирный путь перехода от капитализма к социализму является тем самым путем, за который и должен бороться пролетариат.

Как реагировал на это обстоятельство т. Ленин? Вот что он писал на этот счет в своей книге «Государство и революция»:

«Интересно отметить особо два места в приведенном рассуждении Маркса. Во-первых, он ограничивает свой вывод континентом. Это было понятно в 1871 г., когда Англия была еще образцом страны чисто капиталистической, но без военщины и в значительной степени без бюрократии. Поэтому Маркс исключал Англию, где революция, и даже народная революция, представлялась и была тогда возможной б е з предварительного условия разрушения «готовой государственной машины». Т е п е р ь, в 1917 г., в эпоху первой великой империалистической войны, э т о о г р а н и ч е н и е М а р к с а о т п а д а е т, и Англия и Америка, крупнейшие и последние во всем мире представители англо-саксонской «свободы» в смысле отсутствия военщины и бюрократизма, скатились вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих. Теперь и в Англии и в Америке «предварительным условием всякой действительно народной революции» является л о м к а, р а з р у ш е н и е «готовой» (изготовленной там в 1914—1917 гг. до «европейского», общеимпериалистического совершенства) «государственной машины» [1]). (Л е н и н, т. XIV, ч. 2, стр. 327.)

Вы видите, что мы имеем тут случай, более или менее аналогичный тому случаю, о котором я докладывал в связи со старой формулой Энгельса.

Ограничение или исключение, допущенное Марксом для Англии и Америки, имело свои основания, пока не было развитого империализма и развитой бюрократии в этих странах. Это ограничение отпало, по мнению Ленина, в новых условиях монополистического капитализма, когда милитаризм и бюрократия развились в Англии

---

[1]) Рязрядка моя. *И. Ст.*

и Америке не меньше, если не больше, чем в странах европейского континента.

Поэтому насильственная революция пролетариата, диктатура пролетариата является неизбежным и обязательным условием движения к социализму во всех без исключения империалистических государствах.

Поэтому оппортунисты всех стран, цепляясь за допущенное Марксом условно ограничение и ратуя против диктатуры пролетариата, защищают не марксизм, а свое собственное оппортунистическое дело.

Ленин пришел к этому выводу потому, что он умел различать между буквой марксизма и сущностью марксизма, он рассматривал марксизм не как догму, а как руководство к действию.

Было бы странно требовать, чтобы Маркс предусмотрел за несколько десятилетий все и всякие возможности развития капитализма и классовой борьбы в будущем. Но было бы еще более странно удивляться тому, что Ленин подметил и обобщил эти возможности в новых условиях развития капитализма, когда эти возможности появились и развились в более чем достаточной степени.

Тут была реплика с места, кажется, т. Рязанова, о том, что ограничение, допущенное Марксом для Англии и Америки, неправильно не только для нынешних условий классовой борьбы, но оно было неправильно и для тех условий, когда Маркс допускал это ограничение. Я не согласен с т. Рязановым. Я думаю, что т. Рязанов ошибается. Во всяком случае, Ленин думает об этом иначе, заявляя совершенно определенно, что Маркс был прав, делая такое допущение для Англии и Америки 70-х годов. Вот что пишет об этом т. Ленин в своей брошюре «О продналоге»:

«Когда мы спорили в ВЦИК с товарищем Бухариным, он заметил между прочим: в вопросе о высоких жалованьях специалистам «мы» «правее Ленина», ибо никакого отступления от принципов здесь не видим, памятуя слова Маркса, что при известных условиях рабочему классу всего целесообразнее было бы «откупиться от этой банды» (именно от банды капиталистов, т.-е. выкупить у буржуазии землю, фабрики, заводы и прочие средства производства). Это чрезвычайно интересное замечание. Вдумайтесь в мысль Маркса. Дело шло об Англии 70-х годов прошлого века, о кульминационном периоде домонополистического капитализма, о стране, в которой тогда всего меньше было военщины и бюрократии, о стране, в которой тогда всего более было возможностей «мирной» победы социализма в смысле «выкупа»

буржуазии рабочими. И Маркс говорил: при известных условиях рабочие вовсе не откажутся от того, чтобы буржуазию выкупить. Маркс не связывал себе—и будущим деятелям социалистической революции—рук насчет форм, приемов, способов переворота, превосходно понимая, какая масса новых проблем тогда встанет, как изменится вся обстановка в ходе переворота, как часто и сильно будет она меняться в ходе переворота. Ну, а у Советской России после взятия власти пролетариатом, после подавления военного и саботажнического сопротивления эксплоататоров—неужели не очевидно, что некоторые условия сложились по типу тех, которые могли бы сложиться полвека тому назад в Англии, если бы она мирно стала тогда переходить к социализму? Подчинение капиталистов рабочим в Англии могло бы тогда быть обеспечено следующими обстоятельствами: 1) полнейшим преобладанием рабочих, пролетариев в населении вследствие отсутствия крестьянства (в Англии в 70-х годах были признаки, позволявшие надеяться на чрезвычайно быстрые успехи социализма среди сельских рабочих); 2) превосходной организованностью пролетариата в профессиональных союзах (Англия была тогда первою в мире страной в указанном отношении); 3) сравнительно высокой культурностью пролетариата, вышколенного вековым развитием политической свободы; 4) долгой привычкой великолепно организованных капиталистов Англии—тогда они были наилучше организованными капиталистами из всех стран мира (теперь это первенство перешло к Германии)—к решению компромиссом политических и экономических вопросов. Вот в силу каких обстоятельств могла тогда явиться мысль о возможности мирного подчинения капиталистов Англии ее рабочим... Бухарин—превосходно образованный марксист-экономист. Поэтому он вспомнил, что Маркс был глубочайше прав, когда учил рабочих важности сохранить организацию крупнейшего производства именно в интересах облегчения перехода к социализму и полной допустимости мысли о том, чтобы хорошо заплатить капиталистам, выкупить их, ежели в виде исключения (Англия была тогда исключением) обстоятельства сложатся так, что заставят капиталистов мирно подчиниться и культурно, организованно перейти к социализму на условии выкупа» [1]). (См. Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 209—211.)

Я думаю, что прав тут Ленин, а не т. Рязанов.

Я очень уважаю т. Рязанова, но должен признаться, что еще больше уважал и продолжаю уважать т. Ленина.

---

[1]) Разрядка моя. *И. Ст.*

О неравномерности развития капиталистических стран.

Я говорил в своем докладе, что Ленин открыл и обосновал закон неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран, что, исходя из этого закона, исходя из факта развития и обострения неравномерности, Ленин пришел к идее о возможности победы социализма в одной стране. Против этого положения возражали т. Троцкий и т. Зиновьев. Тов. Троцкий говорил, что это положение Ленина неправильно теоретически. А т. Зиновьев вместе с т. Троцким заявили, что раньше, в период домонополистического капитализма, неравномерности развития было больше, чем теперь, в период монополистического капитализма, что связывать идею о возможности победы социализма в одной стране с законом неравномерности капиталистического развития нельзя.

Что Троцкий возражает против известного теоретического положения Ленина о законе неравномерного развития, в этом нет ничего удивительного, ибо известно, что этот закон опрокидывает «теорию» т. Троцкого о перманентной революции.

Кроме того, т. Троцкий явным образом сбивается здесь на обывательскую точку зрения. Он смешивает здесь экономическое неравенство отдельных стран в прошлом, каковое неравенство не всегда вело, и не могло вести, к скачкообразности развития этих стран, с неравномерностью экономического и политического развития в период империализма, когда экономического неравенства между странами меньше, чем это было в прошлом, но неравномерности экономического и политического развития несравненно больше, чем прежде, и проявляется она острее, чем раньше, при чем неравномерность эта ведет обязательно и неминуемо к скачкообразности развития, ведет к тому, что отставшие в промышленном отношении страны в более или менее короткий срок перегоняют ушедшие вперед страны, что не может не создавать, таким образом, предпосылок для грандиозных империалистических войн и возможности победы социализма в одной стране.

Едва ли нужно доказывать, что такое смешение двух разнородных понятий не говорит, и не может говорить, о высоком «теоретическом» уровне т. Троцкого.

Но я не могу понять т. Зиновьева, который был ведь большевиком и нюхал кое-что от большевизма. Как можно утверждать, что неравномерности развития раньше было больше, чем теперь, в условиях монополистического капитализма, не рискуя попасть в болото ультра-империализма и каутскианства? Как можно утвер-

ждать, что идея победы социализма в одной стране не связана с законом неравномерности развития? Разве не известно, что Ленин выводил эту идею именно из закона неравномерности развития? О чем говорят, например, следующие слова Ленина:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует [1]), что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»

Из чего исходит закон неравномерности развития?

Он исходит из того, что:

1) капитализм старый, домонополистический, перерос и развился в капитализм монополистический, в империализм;

2) раздел мира на сферы влияния империалистических групп и держав уже закончен;

3) развитие мирового хозяйства протекает в обстановке отчаянной смертельной борьбы империалистических групп за рынки, за сырье, за расширение старых сфер влияния;

4) это развитие происходит не равномерно, а скачкообразно, в порядке вытеснения с рынков забежавших вперед держав и выдвижения вперед новых;

5) такой порядок развития определяется возможностью для одних империалистических групп быстрейшим образом развивать технику, удешевлять товары и захватывать рынки в ущерб другим империалистическим группам;

6) периодические переделы уже поделенного мира, становятся, таким образом, абсолютной необходимостью;

7) переделы эти могут происходить, таким образом, лишь насильственным путем, в порядке проверки могущества тех или иных империалистических групп силой;

8) это обстоятельство не может не вести к усиленным конфликтам и к грандиозным войнам между империалистическими группами;

9) такое положение неизбежно ведет ко взаимному ослаблению империалистов и создает возможность прорыва империалистического фронта в отдельных странах;

10) возможность прорыва империалистического фронта в отдельных странах не может не создавать благоприятных условий для победы социализма в одной стране.

Чем определяется обострение неравномерности и решающее значение неравномерного развития в условиях империализма?

Двумя главными обстоятельствами: во-первых, тем, что раздел

---

[1]) Разрядка моя. *И. Ст.*

мира между империалистическими группами закончен, «свободных» земель нет больше в природе, и передел поделенного является абсолютной необходимостью для достижения экономического «равновесия» путем империалистических войн; во-вторых, тем, что небывалое раньше колоссальное развитие техники, в широком смысле этого слова, облегчает одним империалистическим группам перегонять и опережать другие империалистические группы в борьбе за завоевание рынков, в борьбе за захват источников сырья и т. д.

Но эти обстоятельства развились и дошли до высшей точки лишь в период развитого империализма. Да иначе оно и не могло быть, ибо только в период империализма мог закончиться передел мира, а колоссальные технические возможности появились лишь в период развитого империализма.

Этим и нужно объяснить тот факт, что если раньше Англия могла стоять впереди всех государств в промышленном отношении, оставляя их позади в продолжение более чем сотни лет, то потом, в период монополистического капитализма, Германии понадобились каких-нибудь два десятка лет для того, чтобы начать опережать Англию, а Америке понадобилось и того меньше для того, чтобы перегнать европейские государства.

Как можно после этого утверждать, что неравномерности развития раньше было больше, чем теперь, что идея победы социализма в одной стране не связана с законом неравномерного развития капитализма в период империализма?

Разве не ясно, что только обыватели в теории могут смешивать экономическое неравенство промышленных стран в прошлом с законом неравномерности экономического и политического развития, получившим особую силу и остроту лишь в период развитого монополистического капитализма?

Разве не ясно, что только полное невежество в области ленинизма могло продиктовать т. Зиновьеву и его друзьям более чем странные возражения против известных положений Ленина, связанных с законом о неравномерности экономического и политического развития капитализма?

II. Тов. Каменев прочищает дорогу для т. Троцкого.

В чем состоит основной смысл выступления т. Каменева на этой конференции? Если отвлечься от некоторых мелочей и обычной дипломатии т. Каменева, то смысл его выступления состоит в том, чтобы облегчить т. Троцкому защиту своей позиции, об-

легчить ему борьбу с ленинизмом в основном вопросе о возможности победы социализма в одной стране.

Для этой цели т. Каменев взял на себя «труд» доказать, что основная статья Ленина (1915 г.), трактующая о возможности победы социализма в одной стране, не касается будто бы России, что Ленин, говоря о такой возможности, имел в виду не Россию, а другие капиталистические страны. Тов. Каменев взял на себя этот сомнительный «труд» для того, чтобы прочистить, таким образом, путь т. Троцкому, «схему» которого убивает, и не может не убивать, статья Ленина, писанная в 1915 г

Грубо говоря, т. Каменев взял на себя роль, так сказать, дворника у т. Троцкого (смех), прочищающего ему дорогу. Конечно, печально видеть директора Института Ленина в роли дворника у т. Троцкого, не потому, что труд дворника представляет что-либо плохое, а потому, что т. Каменев, человек, несомненно, квалифицированный, я думаю, мог бы заняться другим, более квалифицированным трудом. (Смех.) Но он взял на себя эту роль добровольно, на что он имел, конечно, полное право, и с этим ничего не поделаешь.

Посмотрим теперь, выполнил ли т. Каменев эту более чем странную роль.

Тов. Каменев заявил в своей речи, что основное положение Ленина в его статье от 1915 г., положение, которое определило всю линию нашей революции и нашего строительства, что это положение, говорящее о возможности победы социализма в одной стране, не касается и не может касаться России, что Ленин, говоря о возможности победы социализма в одной стране, имел в виду не Россию, а только другие капиталистические страны. Это невероятно и чудовищно, это очень походит на прямую клевету на т. Ленина, но Каменеву, видимо, нет дела до того, что может подумать партия в связи с этой фальсификацией Ленина. Он заботится лишь об одном: прочистить дорогу т. Троцкому любой ценой.

Как же он пытается обосновать это странное утверждение?

Он говорит, что спустя две недели после упомянутой статьи т. Ленина Ленин дал известные тезисы о характере предстоящей революции в России, где он сказал, что задача марксистов исчерпывается тем, чтобы добиться победы буржуазно-демократической революции в России, что, сказав это, Ленин, будто бы, исходил из того, что революция в России должна застрять на ее буржуазной фазе, не перерастая в революцию социалистическую. Ну, а так как статья Ленина о возможности победы социализма в одной стране трактует не о буржуазной революции, а о

революции социалистической, то ясно, что Ленин не мог иметь в виду России в этой статье.

Таким образом, по Каменеву выходит, что Ленин понимал размах русской революции, как левый буржуазный революционер или как реформист типа социал-демократов, по мнению которых революция буржуазная не должна перерасти в революцию социалистическую, по мнению которых между революцией буржуазной и революцией социалистической должен существовать длительный исторический интервал, длительный перерыв, промежуток, по крайней мере, в несколько десятков лет, в продолжение которого капитализм будет процветать, а пролетариат будет прозябать.

Выходит, что Ленин в 1915 г., когда он писал свою статью, не думал, не хотел и не добивался того, чтобы от победы буржуазной революции перейти немедленно к революции социалистической.

Вы скажете, что это невероятно и чудовищно. Да, это утверждение т. Каменева, действительно, невероятно и чудовищно. Но Каменева этим не смутишь.

Позвольте привести некоторые документы, говорящие о том, что т. Каменев грубо фальсифицирует т. Ленина в этом вопросе.

Вот что писал о характере русской революции т. Ленин еще в 1905 г., когда размах русской революции не был и не мог быть таким мощным, каким он стал впоследствии, в результате империалистической войны, к февралю 1917 г.:

«От революции демократической мы сейчас же [1]) начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции». (См. Ленин, т. VI, стр. 449.)

Эта цитата взята из статьи Ленина, вышедшей в свет в сентябре 1905 г.

Знает ли о существовании этой статьи т. Каменев? Я думаю, что директор Ленинского Института должен знать о ее существовании.

Выходит, таким образом, что победу буржуазно-демократической революции Ленин мыслил не как окончание борьбы пролетариата и революции вообще, а как первый этап и переходную ступень к революции социалистической.

Но, может быть, Ленин впоследствии изменил свой взгляд на характер и размах русской революции? Возьмем другой документ. Я имею в виду статью Ленина, вышедшую в свет в 1915 г., в ноябре месяце, спустя два месяца после выхода в свет основной

---

[1]) Разрядка моя. *И. Ст.*

статьи т. Ленина о возможности победы социализма в одной стране. Вот что он говорит там:

«Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, т о-е с т ь за привлечение крестьянства, за и с ч е р п а н и е его революционных сил, за участие «непролетарских народных масс» в освобождении б у р ж у а з н о й России от в о е н н о-ф е о д а л ь н о г о «империализма» (=царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется н е м е д л е н н о не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а—д л я с о в е р ш е н и я с о ц и а л и с т и ч е с к о й р е в о л ю ц и и в союзе с пролетариями Европы». (Л е н и н, т. XIII, стр. 214.)

Вы видите, что как здесь, так и в предыдущей цитате, как в 1905 году, так и в 1915 году, Ленин одинаково исходил из того, что революция буржуазная должна перерасти в России в революцию социалистическую, что победа буржуазно-демократической революции в России является первым этапом русской революции, необходимым для того, чтобы перейти н е м е д л е н н о ко второму ее этапу, к революции социалистической.

Ну, а как быть с тезисами Ленина в 1915 г., на которые ссылался в своей речи т. Каменев и в которых говорится о задачах буржуазно-демократической революции в России? Не противоречат ли эти тезисы идее перерастания буржуазной революции в революцию социалистическую? Конечно, не противоречат. Наоборот, основой этих тезисов является именно идея перерастания буржуазной революции в революцию социалистическую, идея перерастания первого этапа русской революции во второй этап. Во-первых, Ленин вовсе не говорит в этих тезисах, что размах русской революции и задачи марксистов в России и с ч е р п ы в а ю т с я задачами свержения царя и помещиков, задачами буржуазно-демократической революции. Во-вторых, Ленин ограничивается в этих тезисах характеристикой задач буржуазно-демократической революции потому, что он считает эту революцию п е р в ы м этапом и б л и ж а й ш е й задачей русских марксистов. В-третьих, Ленин исходит из того, что осуществление своих задач русские марксисты должны н а ч а т ь не со второго этапа (как это предлагал т. Троцкий по схеме «без царя, но правительство рабочее»), а с первого этапа, с этапа буржуазно-демократической революции.

Есть ли тут какое-либо противоречие, хотя бы тень противоречия с идеей перерастания буржуазной революции в революцию социалистическую? Ясно, что нет.

Выходит, что т. Каменев явным образом сфальсифицировал позицию Ленина.

Но мы имеем свидетелей против т. Каменева не только в лице документов, исходящих от Ленина. Мы имеем еще свидетелей в лице живых людей, вроде, например, т. Троцкого, вроде XIV конференции нашей партии и, наконец, как это ни странно, в лице самих Каменева и Зиновьева.

Известно, что статья Ленина о возможности победы социализма в одной стране была выпущена в свет в 1915 г. Известно, что т. Троцкий, полемизировавший тогда с т. Лениным по вопросу о победе социализма в одной стране, тотчас же, т.-е. в том же 1915 г., ответил на эту статью специальной критической статьей. Что же сказал тогда т. Троцкий, в 1915 г., в своей критической статье? Как он расценил статью т. Ленина? Понял ли он ее так, что, говоря о победе социализма в одной стране, Ленин не имел в виду Россию, или как-либо иначе, скажем, так, как мы ее понимаем теперь все? Вот цитата из этой статьи т. Троцкого:

«Единственное, сколько-нибудь конкретное историческое соображение против лозунга Соединенных Штатов было формулировано в швейцарском «Социал-Демократе» (тогдашний центральный орган большевиков, где и была напечатана вышеупомянутая статья Ленина. *И. Ст.*) в следующей фразе: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма». Отсюда «Социал-Демократ» делает тот вывод, что возможна победа социализма в одной стране, и что незачем поэтому диктатуру пролетариата в каждом отдельном государстве обусловливать созданием Соединенных Штатов Европы... Что ни одна страна не должна «дожидаться» других в своей борьбе, это— элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок к борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать,—так свидетельствуют и опыт истории и теоретические соображения,—что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире» [1]). (См. соч. Троцкого, т. III, ч. 1, стр. 89—90.)

---

[1]) Разрядка моя. *И. Ст.*

Выходит, что т. Троцкий понял тогда статью Ленина не так, как ее старается теперь «понять» т. Каменев, а так, как ее понимал Ленин, как понимает ее партия и как понимаем ее мы все, иначе т. Троцкий не подкрепил бы себя в своей полемике с Лениным аргументом от России.

Выходит, что т. Троцкий свидетельствует тут, в этой цитате, против своего нынешнего союзника, против т. Каменева.

Почему же он не выступил в таком случае на этой конференции против т. Каменева? Почему т. Троцкий не заявил здесь открыто и честно, что т. Каменев явным образом искажает Ленина? Думает ли т. Троцкий, что его умолчание в данном случае можно квалифицировать как образец честной полемики? Да потому не выступил здесь т. Троцкий против Каменева, что он не хотел, видимо, путаться в сомнительное «дело» прямого оклеветания Ленина,—он эту черную работу предоставил т. Каменеву.

А как смотрит на это дело партия, в лице ее, напр., XIV конференции? Вот что говорится на этот счет в резолюции XIV конференции, трактующей о возможности победы социализма в одной стране:

«Из «неравномерности экономического и политического развития, каковая неравномерность есть безусловный закон капитализма», т. Ленин справедливо выводил две вещи: а) возможность «победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» и б) возможность, что эти немногие, или даже одна страна, необязательно будут странами самого развитого капитализма. (См., в особенности, заметки о Суханове.) Опыт русской революции доказал [1]), что такая первая победа в одной стране не только возможна, но что при ряде благоприятных обстоятельств эта первая страна победоносной пролетарской революции может (при известной поддержке международного пролетариата) продержаться и упрочиться на долгий период, даже в том случае, когда эта поддержка не выливается в форме прямых пролетарских революций в других странах». (Из резолюции XIV партконференции «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ».)

Выходит, что партия в целом, в лице ее XIV конференции, свидетельствует против т. Каменева, против его утверждения о том, что Ленин в своей статье о победе социализма в одной стране не имел, будто бы, в виду Россию. Иначе конференция не ска-

---

[1]) Разрядка моя. *И. Ст.*

зала бы, что «опыт русской революции доказал» правильность известной статьи Ленина о победе социализма в одной стране.

Выходит, что XIV конференция поняла статью т. Ленина так же, как понимал ее Ленин, как понимал ее Троцкий и как понимаем ее все мы.

А как отнеслись тт. Каменев и Зиновьев к этой резолюции XIV конференции? Разве это не факт, что проект резолюции был выработан и принят единогласно комиссией, в состав которой входили тт. Зиновьев и Каменев? Разве это не факт, что т. Каменев был председателем XIV конференции, принявшей единогласно упомянутую выше резолюцию, а т. Зиновьев—докладчиком по этой резолюции? Как могло случиться, что тт. Каменев и Зиновьев голосовали за эту резолюцию, за все ее пункты? Не ясно ли, что т. Каменев понимал тогда статью Ленина, цитата из которой прямо внесена в резолюцию XIV конференции, иначе, чем он старается теперь ее «понять»? Какому Каменеву верить,— тому ли, который, будучи председателем XIV конференции, голосовал за резолюцию XIV конференции, или тому, который выступает теперь, на XV конференции, в роли дворника при т. Троцком?

Выходит, что т. Каменев периода XIV конференции свидетельствует против т. Каменева периода XV конференции.

А почему молчит т. Зиновьев и не пытается поправить т. Каменева, явным образом фальсифицирующего и ленинскую статью 1915 г., и резолюцию XIV конференции? Разве это не факт, что т. Зиновьев, а не кто-либо другой, защищал на XIV конференции резолюцию о победе социализма в одной стране?

Выходит, что не все тут обстоит чисто у т. Зиновьева. (Голоса: «Совсем нечисто».) Где же тут честная полемика?

Выходит, что тт. Каменеву и Зиновьеву теперь не до честной полемики.

А вывод? Вывод такой, что т. Каменев не сумел выполнить роли дворника при т. Троцком. Он не оправдал надежд т. Троцкого.

III. Невероятная путаница, или т. Зиновьев о революционности и интернационализме.

Перехожу к т. Зиновьеву. Если т. Каменев во всем своем выступлении старался прочистить дорогу т. Троцкому, то т. Зиновьев взял на себя задачу доказать, что лидеры оппозиции являются единственными революционерами и единственными интернационалистами чуть ли не во всем мире.

Разберем его «доводы».

Он берет слова т. Бухарина о том, что при рассмотрении вопросов внутреннего порядка (строительство социализма) следует методологически отвлечься от вопросов внешнего порядка, он сличает, далее, это положение т. Бухарина с тезисами об оппозиционном блоке, где говорится о возможности победы социализма в нашей стране, и приходит к выводу, что Бухарин и ЦК, утвердивший в основном тезисы, забывают, будто бы, тем самым о международных задачах нашей революции, об интересах международной революции

Правильно ли все это? Все это пустяки, товарищи. Секрет тут состоит в том, что т. Зиновьев слаб в вопросах методологии, путается в трех соснах и выдает свою собственную путаницу за действительность. Бухарин говорит, что нельзя смешивать вопросы строительства социализма с вопросами создания гарантии от интервенций в нашу страну, вопросы внутренние с вопросами внешними. Бухарин вовсе не говорит, что вопросы внутренние не связаны с вопросами внешними, с вопросами международными. Он говорит лишь то, что нельзя вопросы первого порядка путать с вопросами второго порядка. Это основное и элементарное требование методологии. Кто же тут виноват, если т. Зиновьев не понимает элементарных вопросов методологии?

Мы исходим из того, что наша страна представляет два ряда противоречий, противоречий внутреннего порядка и противоречий внешнего порядка. Противоречия внутреннего порядка состоят прежде всего в борьбе социалистических и капиталистических элементов за руководство крестьянством. Мы говорим, что эти противоречия мы можем преодолеть своими собственными силами, мы можем победить капиталистические элементы нашего хозяйства, вовлечь в социалистическое строительство основные массы крестьянства и построить социалистическое общество. Противоречия внешнего порядка состоят в борьбе между страной социализма и капиталистическим окружением. Мы говорим, что разрешить эти противоречия собственными силами мы не можем, что для разрешения этих противоречий необходима победа социализма по крайней мере в нескольких странах. Именно поэтому мы и говорим, что победа социализма в одной стране является не самоцелью, а подспорьем, средством и орудием для победы пролетарской революции во всех странах.

Правильно ли все это? Пусть докажет т. Зиновьев, что это неправильно.

Беда т. Зиновьева состоит в том, что он не видит разницы между этими двумя рядами противоречий, он путает их без-

божно и выдает свою собственную путаницу за «подлинный» интернационализм, полагая, что кто отвлекается методологически от вопросов внешнего порядка при рассматривании вопросов внутреннего порядка, тот забывает об интересах международной революции.

Это очень смешно, но надо же понять, что это неубедительно.

Что касается тезисов, которые, якобы, упускают из виду международный момент нашей революции, то стоит прочесть эти тезисы, чтобы понять, что т. Зиновьев опять запутался. Вот что сказано в тезисах:

«Партия исходит из того, что наша революция является революцией социалистической, что Октябрьская революция представляет не только сигнал, толчок и исходный пункт социалистической революции на Западе, но она является вместе с тем, во-первых, базой дальнейшего развертывания мировой революции и, во-вторых, открывает собой переходный период от капитализма к социализму в СССР (диктатура пролетариата), на протяжении которого пролетариат, при правильной политике в отношении крестьянства, может и будет с успехом строить полное социалистическое общество, если, конечно, мощь международного революционного движения, с одной стороны, и мощь пролетариата СССР—с другой, будут достаточно велики для того, чтобы оградить СССР от военной интервенции империализма».

Вы видите, что международный момент учтен в тезисах целиком и полностью.

Дальше. Тов. Зиновьев, а вместе с ним и т. Троцкий приводят цитаты из сочинений Ленина о том, что «полная победа социалистической революции немыслима в одной стране, а требует самого активного сотрудничества по меньшей мере нескольких передовых стран»,—и странным образом приходят к тому выводу, что построение социализма в одной стране—дело непосильное для пролетариата нашей страны. Но это же путаница, товарищи! Разве партия когда-либо говорила, что полная победа, окончательная победа социализма в нашей стране возможна и посильна для пролетариата одной страны? Где это было и когда;—пусть укажут нам. Разве партия не говорит и не говорила всегда вместе с Лениным, что полная, окончательная победа социализма возможна лишь при победе социализма в нескольких странах? Разве партия не разъясняла десятки и сотни раз, что нельзя путать победу социализма в одной стране с полной, окончательной его победой? Партия всегда исходила из того, что

победа социализма в одной стране есть возможность построения социализма в этой стране, при чем эта задача может быть разрешена силами одной страны, полная же победа социализма есть гарантия от интервенций и реставрации, при чем эта задача может быть разрешена лишь при условии победы революции в нескольких странах. Как можно после всего этого путать безбожно одну задачу с другой задачей? Кто же тут виноват, что т. Зиновьев, а вместе с ним и т. Троцкий путают безбожно победу социализма в одной стране с полной, окончательной его победой? Прочли бы хоть известную резолюцию XIV конференции, где этот вопрос разъяснен с точностью, могущей удовлетворить даже совпартшкольца.

Тов. Зиновьев, а вместе с ним и т. Троцкий приводят ряд цитат из сочинений Ленина периода Брестского мира, где говорится о том, что внешний враг может разгромить нашу революцию. Но разве трудно понять, что эти цитаты не имеют отношения к вопросу о возможности построения социализма в нашей стране? Тов. Ленин говорит, что мы не обеспечены от возможности интервенций, и это совершенно правильно. Но разве партия говорила когда-либо, что мы можем гарантировать нашу страну от опасности интервенций своими лишь собственными силами? Разве партия не утверждала и не продолжает утверждать, что гарантию от интервенции может дать нам лишь победа пролетарской революции в нескольких странах? Как можно на этом основании утверждать, что построение социализма в нашей стране непосильно пролетариату нашей страны? Не пора ли прекратить это сознательное смешивание вопросов внешних, вопросов прямой борьбы с мировой буржуазией, с вопросами строительства социализма в нашей стране, с вопросами внутренними?

Дальше. Тов. Зиновьев приводит цитату из «Коммунистического манифеста»: «Соединение усилий по крайней мере цивилизованных стран есть одно из первых условий освобождения пролетариата», сличает эту цитату с цитатой из одной рукописи т. Ленина о том, что «для победы социализма нужны совместные усилия рабочих нескольких передовых стран»,—и приходит к тому выводу, что наша партия пошла как будто против этих общепринятых и безусловных положений, забыв об интернациональных условиях победы пролетарской революции. Ну, разве это не смешно, товарищи? Где и когда это было, чтобы наша партия недооценивала решающее значение интернациональных усилий рабочего класса и интернациональных условий победы революции в нашей стране? А что такое Коминтерн, если не выражение объединения усилий пролетариев не только передовых

стран, но и всех стран мира как для революции мировой, так и для развития нашей революции? А кто взял на себя инициативу основания Коминтерна и кто является его передовым отрядом, как не наша партия? А что такое политика единого фронта профсоюзов, как не объединение усилий рабочих не только передовых стран, но и всех вообще стран? Кто может отрицать первостепенную роль нашей партии в деле проведения политики единого фронта профсоюзов во всем мире? Разве это не факт, что наша революция всегда поддерживала и продолжает поддерживать развитие революции во всех странах? Разве это не факт, что рабочие всех стран своим сочувствием нашей революции и своей борьбой против попыток интервенции поддерживали и продолжают поддерживать нашу революцию? Что это, как не объединение усилий рабочих всех стран для победы нашей революции? А борьба английских рабочих против Керзона в связи с известной нотой? А поддержка английских углекопов со стороны рабочих СССР? Я мог бы, товарищи, привести еще ряд известных фактов такого же порядка, если бы была в этом необходимость.

Где же тут забвение интернациональных задач нашей революции?

В чем же тут секрет? А секрет состоит тут в том, что т. Зиновьев пытается подменить вопросом о совместных усилиях пролетариев всех стран для победы социализма в нашей стране кардинальный вопрос о возможности построения социализма в нашей стране, кардинальный вопрос о том, может ли устоять при современных международных условиях пролетарская власть перед лицом консервативной Европы.

Тов. Троцкий, нынешний учитель т. Зиновьева, говорит:

«Безнадежно думать... что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы». (Троцкий, т. III, ч. 1, стр. 90.)

Тов. Троцкий, нынешний учитель т. Зиновьева, говорит:

«Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты». (См. «Наша революция», стр. 278.)

А партия утверждает, что обе эти цитаты из сочинений т. Троцкого являются выражением социал-демократического уклона, выражением неверия в силы нашего пролетариата и нашей революции.

Вот в чем вопрос, т. Зиновьев, и вот о чем идет у нас спор.

Тов. Зиновьев, приводя цитаты из Ленина и из «Коммунисти-

ческого манифеста», пытается подменить этот основной вопрос другим вопросом, вопросом о соединении усилий пролетариев передовых стран для победы социализма в нашей стране.

Вот в чем секрет упражнений т. Зиновьева насчет забвения интернациональных задач нашей революции нашей партией.

Вот в чем секрет фокусов, путаницы и неразберихи у т. Зиновьева.

И вот эту невероятную путаницу, эту кашу и неразбериху в своей собственной голове т. Зиновьев имеет скромность выдавать за «настоящую» революционность и «настоящий» интернационализм оппозиционного блока.

Не смешно ли все это, товарищи?

Нет, товарищи из оппозиции, чтобы быть интернациональным революционером в наше время, находясь в рядах нашей партии, надо укреплять всемерно и поддерживать всеми силами нашу партию, являющуюся вместе с тем передовым отрядом Коминтерна. А вы ее разрушаете и развенчиваете.

Чтобы быть интернационалистом в наше время, надо укреплять всемерно и поддерживать всеми силами Коммунистический Интернационал. А вы его разлагаете и разрушаете, поддерживая и инструктируя всех и всяких Масловых и Сувариных.

Пора понять, товарищи из оппозиции, что нельзя быть революционером и интернационалистом, находясь в состоянии войны с нашей партией, являющейся передовым отрядом Коммунистического Интернационала. (Аплодисменты.)

Пора понять, товарищи из оппозиции, что, открыв войну против Коминтерна, вы перестали быть революционерами и интернационалистами. (Аплодисменты.)

Пора понять, что вы не революционеры и интернационалисты, а болтуны от революции и от интернационализма. (Аплодисменты.)

Пора понять, что вы не революционеры дела, а революционеры крикливых фраз и кинематографической ленты. (Смех; аплодисменты.)

Пора понять, что вы не революционеры дела, а кино-революционеры. (Смех; аплодисменты.)

IV. Тов. Троцкий фальсифицирует ленинизм.

Фокусы т. Троцкого, или вопрос о „перманентной революции".

Перехожу к выступлению т. Троцкого.

Тов. Троцкий заявил, что теория перманентной революции не имеет никакого отношения к обсуждаемому вопросу о характере

и перспективах нашей революции. Это очень странно, если не сказать больше. Как же так? Разве теория перманентной революции не является теорией движущих сил революции? Разве это не так, что теория перманентной революции трактует прежде всего о движущих силах нашей революции? Ну, а что такое вопрос о характере и перспективах нашей революции, как не вопрос о движущих силах этой революции? Как можно говорить, что теория перманентной революции не имеет никакого отношения к обсуждаемому вопросу? Это неверно, товарищи. Это уловка, фокус. Это попытка спрятать концы в воду. Это попытка спрятаться. Напрасный труд, т. Троцкий! Не пытайтесь спрятаться,— все равно не спрячетесь.

Тов. Троцкий в другом месте своей речи старался «намекнуть», что он давно уже перестал придавать серьезное значение теории перманентной революции. А т. Каменев в своей речи «дал понять», что т. Троцкий, пожалуй, не прочь отвернуться от теории перманентной революции, если он уже не отвернулся от нее.

Чудеса, да и только!

Давайте разберем вопрос: верно ли, что теория перманентной революции не имеет отношения к обсуждаемому вопросу, и если это неверно, можно ли поверить т. Каменеву, что т. Троцкий не придает значения теории перманентной революции и почти что отказался от нее.

Обратимся к документам. Я имею в виду прежде всего письмо т. Троцкого т. Ольминскому в декабре 1921 года, опубликованное в печати в 1925 г., письмо, от которого т. Троцкий никогда не пытался отказаться и не отказался доныне ни прямо, ни косвенно, и которое ввиду этого остается в полной силе. Что же сказано в этом письме о перманентной революции? Слушайте:

«Я вовсе не считаю, чтоб в несогласиях своих с большевиками я был во всем неправ. Неправ я был— и коренным образом—в оценке меньшевистской фракции, переоценивая ее революционные возможности и надеясь на то, что удастся изолировать в ней и свести на-нет правое крыло. Эта фундаментальная ошибка вытекала, однако, из того, что к обеим фракциям—и большевистской и меньшевистской—я подходил с точки зрения идей перманентной революции и диктатуры пролетариата, тогда как и большевики и меньшевики стояли в тот период на точке зрения буржуазной революции и демократической республики. Я считал, что разногласия между обеими фракциями принципиально не так глубоки, и надеялся (надежду эту я высказывал не раз в письмах и на докладах), что самый ход революции приведет обе фракции к пози-

ции перманентной революции и завоевания власти рабочим классом, что отчасти и произошло в 1905 году. (Предисловие т. Ленина к статье Каутского о движущих силах русской революции и вся линия газеты «Начало».)

Считаю, что моя оценка движущих сил революции была безусловно правильна. Выводы же, какие я из нее делал в отношении обеих фракций, были безусловно неправильны. Только большевизм сосредоточил в своих рядах, благодаря своей непримиримой линии, действительно революционные элементы как старой интеллигенции, так и передового слоя рабочего класса. Только благодаря тому, что большевизму удалось создать эту революционно-сколоченную организацию, оказался возможным столь быстрый поворот от революционно-демократической позиции к революционно-социалистической.

И сейчас я мог бы без труда разбить мои полемические статьи против меньшевиков и большевиков на две категории: одни— посвященные анализу внутренних сил революции, ее перспективам (теоретический польский орган Розы Люксембург, «Neue Zeit») и другие — посвященные оценке фракций русских социал-демократов, их борьбе и пр. Статьи первой категории я и сейчас мог бы дать без поправок, так как они вполне и целиком совпадают с позицией нашей партии, начиная с 1917 года. Статьи второй категории явно ошибочны и переиздавать их не стоило бы». (См. «Ленин о Троцком», 1925 год, с предисловием т. Ольминского.)

Что же из этого получается?

Выходит, что т. Троцкий ошибался в вопросах организационных, в вопросах же оценки нашей революции, в вопросе о перманентной революции он был и остался прав.

Правда, т. Троцкий не может не знать, что Ленин боролся против теории перманентной революции до конца своих дней. Но это его не смущает.

Выходит, далее, что обе фракции, и меньшевики и большевики, должны были притти к теории перманентной революции, но на деле пришли к этой теории только большевики, ввиду наличия у них революционно-сколоченной организации рабочих и старой интеллигенции, и пришли они не сразу, а «начиная» с 1917 года.

Выходит, наконец, что теория перманентной революции «вполне и целиком совпала с позицией нашей партии, начиная с 1917 года».

Судите теперь сами, похоже ли это на то, что т. Троцкий не придает большого значения теории перманентной революции? Нет, не похоже. Наоборот, ежели теория перманентной революции дей-

ствительно совпала, «начиная с 1917 года», с позицией партии, то из этого можно сделать только один вывод,—что Троцкий придавал и продолжает придавать этой теории решающее значение для всей нашей партии.

Но что значит «совпала»? Как могла совпасть теория перманентной революции с позицией нашей партии, если доказано, что наша партия в лице Ленина вела все время борьбу с этой самой теорией? Одно из двух: либо наша партия не имела своей теории и вынуждена была потом, ходом вещей, принять теорию перманентной революции т. Троцкого, либо она имела свою теорию, но она, эта теория, была незаметным образом вытеснена теорией перманентной революции т. Троцкого, «начиная с 1917 года».

Это «недоумение» разъяснил нам потом т. Троцкий в своем «Предисловии» к книге «1905 год», написанном в 1922 г. Излагая сущность теории перманентной революции и давая анализ оценки нашей революции с точки зрения теории перманентной революции, Троцкий приходит к следующему выводу:

«Хотя и с перерывом в 12 лет, эта оценка подтвердилась целиком». (Троцкий, «1905 год», «Предисловие».)

Иначе говоря: теория перманентной революции, «сконструированная» т. Троцким в 1905 году, «подтвердилась целиком» в 1917 г., спустя 12 лет.

Но как она могла подтвердиться? А большевики,—куда же они девались? Неужели они шли на революцию без всякой своей теории, неужели они только и оказались способными сколотить революционную интеллигенцию, революционных рабочих? И затем, на почве чего они сколотили рабочих, на основе каких принципов? Была же у большевиков какая-нибудь теория, оценка революции, оценка движущих сил революции? Неужели, кроме теории перманентной революции, никакой другой теории у нашей партии не существовало? Судите сами: жили мы, большевики, оказывается, и развивались без перспектив и без революционной теории; жили этак мы с 1903 г. до 1917 г.; а потом, «начиная с 1917 г.», глотнули незаметно теорию перманентной революции и стали на ноги. Бесспорно, это очень интересная сказка. Но как же это могло пройти незаметно, без борьбы, без встряски в партии? Как же это могло случиться так просто, ни с того, ни с сего? Ведь известно, что Ленин и его партия боролись с теорией перманентной революции с первых же дней ее появления в свет.

Впрочем, это «недоумение» разъясняет нам т. Троцкий в другом документе. Я имею в виду «Примечание» к статье Троцкого «Наши разногласия», написанное в 1922 г.

Вот соответствующее место из этой статьи:

«Если меньшевики, исходя из абстракции: «наша революция буржуазна», приходят к идее приспособления всей тактики пролетариата к поведению либеральной буржуазии, вплоть до завоевания ею государственной власти,—то большевики, исходя из такой же голой абстракции: «демократическая, а не социалистическая диктатура», приходят к идее буржуазно-демократического самоограничения пролетариата, в руках которого находится государственная власть. Правда, разница между ними в этом вопросе весьма значительна: в то время как антиреволюционные стороны меньшевизма сказываются во всей силе уже теперь, антиреволюционные черты большевизма грозят огромной опасностью только в случае революционной победы». (Троцкий, «1905 г.», стр. 285.)

Выходит, что не только меньшевизм имел свои антиреволюционные стороны, но и большевизм не был свободен от «антиреволюционных черт», которые грозили «огромной опасностью только в случае революционной победы».

Освободились ли потом большевики от «антиреволюционных черт» большевизма, и если да, то каким образом?

Это «недоумение» разъясняет нам т. Троцкий в «Примечании» к статье «Наши разногласия». Слушайте:

«Этого, как известно, не случилось, так как, под руководством т. Ленина, большевизм совершил (не без внутренней борьбы) свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весною 1917 г., т.-е. до завоевания власти». (Троцкий, «1905 год», стр. 285.)

Итак, «перевооружение» большевиков, «начиная с 1917 г.», на основе теории перманентной революции, спасение большевиков в связи с этим от «антиреволюционных черт большевизма», наконец, тот факт, что теория перманентной революции «подтвердилась», таким образом, «целиком»,—таков вывод т. Троцкого.

А куда девались ленинизм, теория большевизма, большевистская оценка нашей революции, ее движущих сил и т. д.? Они либо не «подтвердились целиком», либо вовсе не «подтвердились», либо рассеялись по воздуху, уступив место теории перманентной революции на предмет «перевооружения» партии.

Итак, жили-были на свете большевики, «сколачивали» они кое-как партию, «начиная» с 1903 г., но не имели революционной теории, блуждали-блуждали, «начиная» с 1903 г., и кое-как добрались до 1917 г.; потом, заметив т. Троцкого с теорией перманентной революции в руках, решили «перевооружиться» и, «перевооружившись», растеряли последние остатки ленинизма, ленинской теории революции, произведя таким образом «полное совпадение» теории перманентной революции с «позицией» нашей партии.

Это очень интересная сказка, товарищи. Это, если хотите, один из тех великолепных фокусов, какие можете встретить в цирке. Но у нас ведь не цирк, а конференция нашей партии. И мы ведь не нанимали т. Троцкого в цирковые артисты. К чему же эти фокусы?

Как расценивал т. Ленин теорию перманентной революции т. Троцкого? Вот что он пишет об этой теории в одной из своих статей, высмеивая ее, как «оригинальную» и «прекрасную» теорию:

«Выяснить соотношение классов в предстоящей революции— главная задача революционной партии... Эту задачу неправильно решает в «Нашем Слове» Троцкий, повторяющий свою «оригинальную» теорию 1905 года и не желающий подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории. Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков—«отрицание» роли крестьянства»... Тем самым «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию». (Ленин, т. XIII, стр. 213—214.)

Выходит, что, по Ленину, теория перманентной революции является полуменьшевистской теорией, игнорирующей революционную роль крестьянства в русской революции.

Непонятно только, как могла «совпасть вполне и целиком» эта полуменьшевистская теория с позицией нашей партии, хотя бы «начиная с 1917 г.».

А как расценивает наша партия теорию перманентной революции? Вот что сказано о ней в известной резолюции XIV партконференции:

«Составной частью троцкистской теории перманентной революции является утверждение, что «подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы» (Троцкий, 1922 г.),—утверждение, обрекающее пролетариат СССР в нынешний период на фаталистическую пассивность. Против подобных «теорий» т. Ленин писал: «До бесконечности шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных предпосылок для социализма». (Заметки о Суханове.) (Резолюция XIV партконференции.)

Выходит, что теория перманентной революции является той же сухановщиной, которую клеймит т. Ленин в своих записках «О нашей революции» как социал-демократизм.

Непонятно только, как могла «перевооружить» такая теория нашу большевистскую партию.

Тов. Каменев «дал понять» в своей речи, что т. Троцкий отворачивается от своей теории перманентной революции, приводя в подтверждение этого следующую, более чем двусмысленную, цитату из последнего письма т. Троцкого оппозиционерам от сентября 1926 г.:

«Мы исходим из того, что, как неопровержимо показал опыт, во всех сколько-нибудь принципиальных вопросах, где кто-либо из нас расходился с Лениным, правота была безусловно на стороне Владимира Ильича».

Но т. Каменев умолчал, что вслед за этим, в том же самом письме, т. Троцкий сделал следующее заявление, опрокидывающее предыдущее его заявление:

«Ленинградская оппозиция энергично выступила против теории социализма в одной стране, как теоретического оправдания национальной ограниченности». (См. письмо Троцкого, сентябрь 1926 г.—приложение к стенограмме заседаний ПБ ЦК ВКП(б) от 8 и 11 октября 1926 г.)

Какое значение может иметь первое, двусмысленное и ни к чему не обязывающее заявление т. Троцкого перед лицом второго его заявления, опрокидывающего первое?

Что такое теория перманентной революции? Отрицание ленинской «теории социализма в одной стране».

Что такое ленинская «теория социализма в одной стране»? Отрицание теории перманентной революции т. Троцкого.

Не ясно ли, что т. Каменев, приводя первую цитату из письма Троцкого и умалчивая о второй цитате, пытался запутать и обмануть нашу партию.

Но обмануть нашу партию не так-то легко, товарищи из оппозиции.

Жонглирование цитатами, или т. Троцкий фальсифицирует ленинизм.

Обратили ли вы внимание, товарищи, что вся речь Троцкого пересыпана самыми разнообразными цитатами из сочинений Ленина? Читаешь эти цитаты, вырванные из разных статей Ленина, и не понимаешь, чего больше добивается т. Троцкий: того ли, чтобы подкрепить ими свою позицию, или того, чтобы «поймать»

т. Ленина в «противоречиях». Он привел одну группу цитат из трудов Ленина, говорящих о том, что опасность интервенции может быть преодолена лишь в случае победы революции в нескольких странах, думая, очевидно, «разоблачить» этим партию, но он не понял, или не хочет понять, того, что эти цитаты говорят не против позиции партии, а за нее и против позиции Троцкого, ибо удельный вес опасности извне расценивается партией в полном согласии с линией Ленина. Он привел другую группу цитат, говорящих о том, что полная победа социализма невозможна без победы революции в нескольких странах, стараясь всячески жонглировать этими цитатами, но он не понял, или не хочет понять, того, что нельзя смешивать в одну кучу полную победу социализма (гарантия от интервенции) с победой социализма вообще (построение социалистического общества), не понимая, или не желая понять, того, что эти цитаты из Ленина говорят не против партии, а за партию и против позиции т. Троцкого.

Но, приводя кучу всяких, не относящихся к делу, цитат, т. Троцкий не захотел, однако, остановиться на основной статье Ленина о возможности победы социализма в одной стране (1915 г.), полагая, видимо, что т. Каменев благополучно освободил его своим выступлением от этой статьи. Однако можно считать теперь окончательно доказанным, что т. Каменеву не удалось выполнить свою роль, и статья т. Ленина остается во всей своей силе.

Тов. Троцкий привел, далее, цитату из известной статьи т. Ленина об отсутствии разногласий между ними по крестьянскому вопросу в области текущей политики. Но он забыл сказать, что эта статья Ленина не только не решает, но даже не задевает вопроса о разногласиях между Троцким и Лениным по вопросу о крестьянстве, в связи с возможностью построения полного социалистического общества в нашей стране.

Этим, собственно, и объясняется, что операции т. Троцкого с цитатами превратились в пустое жонглирование цитатами.

Тов. Троцкий пытался доказать наличие «совпадения» своей позиции с позицией Ленина по вопросу о возможности построения социалистического общества в нашей стране на основе внутренних сил нашей революции. Но как можно доказать недоказуемое?

Как совместить тезис Ленина о том, что «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране», с тезисом Троцкого о том,

что «безнадежно думать... что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы»?

Как совместить, далее, тезис Ленина о том, что «победивший пролетариат этой страны (одной страны. *И. Ст.*), экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира», с тезисом т. Троцкого о том, что «без прямой государственной [1]) поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру»?

Как совместить, наконец, тезис Ленина о том, что «только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах», с тезисом Троцкого о том, что «противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата»?

И затем: чем, собственно, отличается позиция Троцкого в вопросе о победе социализма в нашей стране от позиции О. Бауэра, состоящей в том, что «в России, где пролетариат составляет только незначительное меньшинство нации, он может утвердить свое господство только временно», что «он должен неизбежно вновь потерять его, как только крестьянская масса нации сделается достаточно зрелой в культурном отношении для того, чтобы самой взять власть в свои руки», что «только завоеванием политической власти со стороны пролетариата индустриального Запада можно обеспечить длительное господство индустриального социализма» в России?

Разве не ясно, что Троцкий ближе к Бауэру, чем к Ленину? И разве не верно, что позиция Троцкого есть позиция социал-демократического уклона, что Троцкий отрицает, по сути дела, социалистический характер нашей революции?

Тов. Троцкий пытался обосновать свой тезис о невозможности удержать пролетарскую власть перед лицом консервативной Европы рассуждением о том, что нынешняя Европа не является консервативной, что она более или менее либеральна и что если бы Европа была действительно консервативной, то пролетариат нашей страны не смог бы удержать власть. Но разве трудно понять, что т. Троцкий запутался тут целиком и окончательно? Как назвать, например, нынешнюю Италию, или Англию, или Фран-

---

[1]) Разрядка моя. *И. Ст.*

цию,—консервативной или либеральной? Что представляет собой нынешняя Северная Америка,—консервативную или либеральную страну? И какое значение может иметь для целости и сохранности нашей республики это «тонкое» и смехотворное подчеркивание разницы между консервативной и «либеральной» Европой? Разве республиканская Франция и демократическая Америка не так же интервенировали нашу страну в период Колчака и Деникина, как монархическая и консервативная Англия?

Тов. Троцкий особенно много места уделил вопросу о середняке. Он привел цитату из сочинений Ленина периода 1906 года, где Ленин предсказывает возможность отхода части середняков, после победы буржуазной революции, на сторону контр-революции, стараясь, видимо, доказать этим, что эта цитата «совпадает» с позицией Троцкого по вопросу о крестьянстве после победы социалистической революции. Не трудно понять, что т. Троцкий сравнивает тут вещи несравнимые. Тов. Троцкий склонен рассматривать среднее крестьянство как «вещь в себе», как нечто постоянное и раз навсегда данное. Но большевики никогда не смотрели так на среднее крестьянство. Тов. Троцкий, видимо, забыл, что у большевиков имеются три плана в отношении основной массы крестьянства: один план, рассчитанный на период буржуазной революции, другой план, рассчитанный на период пролетарской революции, и третий план, рассчитанный на период после упрочения советской власти. В первый период большевики говорили: вместе со всем крестьянством против царя и помещиков, при нейтрализации либеральной буржуазии, за буржуазно-демократическую революцию. Во второй период большевики говорили: вместе с беднейшим крестьянством против буржуазии и кулаков, при нейтрализации среднего крестьянства, за социалистическую революцию. А что значит нейтрализация среднего крестьянства? Это значит держать его под политическим наблюдением пролетариата, не доверять ему и принимать все меры к тому, чтобы он не вырвался из рук. В третий период, в тот период, который мы переживаем теперь, большевики говорят: вместе с беднотой, при прочном союзе с середняком, против капиталистических элементов нашего хозяйства в городе и деревне, за победу социалистического строительства. Кто смешивает эти три плана, три разные линии, отражающие три различных периода нашей революции, тот ничего не понимает в большевизме.

Ленин был совершенно прав, говоря, что после победы буржуазной революции часть середняков уйдет в контр-революцию. Оно так и случилось в период, например, «Уфимского правительства», когда часть середняков в Поволжьи ушла в контр-

революцию, к кулакам, а большая часть середняков колебалась между революцией и контр-революцией. Да иначе и не могло быть. Середняк на то и середняк, чтобы он выжидал и колебался: «чья возьмет, кто его знает, — уж лучше выждать». Только после первых серьезных побед над внутренней контр-революцией и особенно после упрочения советской власти середняк стал определенно поворачивать в сторону советской власти, решив, очевидно, что без власти нельзя, большевистская власть сильна и работа с этой властью является единственным выходом. В этот именно период и сказал т. Ленин вещие слова о том, что «мы вошли в такую стадию социалистического строительства, когда надо выработать конкретно, детально, на опыте работы в деревне основные правила и указания, какими мы должны руководствоваться для того, чтобы по отношению к среднему крестьянству стать на почву прочного союза». (Речь на VIII съезде, т. XVI, стр. 94.)

Вот как обстоит дело с вопросом о середняках.

Ошибка т. Троцкого состоит в том, что он подходит к вопросу о среднем крестьянстве метафизически, рассматривает среднее крестьянство как «вещь в себе» и запутывает тем самым вопрос, искажая и фальсифицируя ленинизм.

Наконец, дело вовсе не в том, что у пролетариата могут быть и будут еще противоречия и конфликты с известной частью середняков. Разногласие между партией и оппозицией состоит вовсе не в этом. Разногласие тут состоит в том, что партия считает эти противоречия и возможные конфликты в полне преодолимыми на основе собственных сил нашей революции, тогда как т. Троцкий и оппозиция считают, что эти противоречия и конфликты могут быть преодолены «только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата».

Тов. Троцкий, жонглируя цитатами, пытается упрятать эти разногласия куда-то в угол. Но я уже говорил, что обмануть нашу партию не удастся.

А вывод? Вывод такой, что надо быть диалектиком, а не фокусником. Поучились бы вы, товарищи из оппозиции, диалектике у т. Ленина, почитали бы его произведения,—пригодилось бы. (Аплодисменты; смех.)

„Мелочи“ и курьезы.

Тов. Троцкий упрекал меня, как автора тезисов, в связи с тем, что там говорится о революции «самой по себе», как революции социалистической. Тов. Троцкий находит, что такое обращение

с революцией является метафизикой. Я никак не могу согласиться с этим.

Почему говорится в тезисах о революции «самой по себе», как революции социалистической? Потому, что этим подчеркивается вся разница в оценке нашей революции между взглядами нашей партии и взглядами оппозиции. В чем состоит эта разница? В том, что партия рассматривает нашу революцию как революцию социалистическую, как революцию, представляющую некую самостоятельную силу, способную итти на борьбу против капиталистического мира, тогда как оппозиция рассматривает нашу революцию как бесплатное приложение к будущей, еще не победившей пролетарской революции на Западе, как придаточное предложение к будущей революции на Западе, как нечто, не имеющее никакой самостоятельной силы. Стоит только сравнить оценку Ленина пролетарской диктатуры в нашей стране с оценкой оппозиционного блока, чтобы понять всю пропасть между ними. В то время как Ленин расценивает пролетарскую диктатуру как инициативнейшую силу, которая, организовав социалистическое хозяйство, должна пойти потом на прямую поддержку мирового пролетариата, на борьбу с капиталистическим миром, оппозиция, наоборот, рассматривает пролетарскую диктатуру в нашей стране как пассивную силу, живущую под страхом немедленной потери власти «перед лицом консервативной Европы».

Разве не ясно, что слово «метафизика» пущено в ход для того, чтобы прикрыть им наготу социал-демократической оценки нашей революции со стороны оппозиции?

Тов. Троцкий говорил далее о том, что я заменил неточную и неправильную формулировку вопроса о победе социализма в одной стране, данную в моей книжке «Основы ленинизма» в 1924 г., другой формулировкой, более точной и правильной. Тов. Троцкий, видимо, недоволен этим. Почему, на каком основании,—он так и не сказал. Что может быть плохого в том, что я исправил неправильную формулировку, заменив ее правильной? Я вовсе не считаю себя безгрешным. Я думаю, что партия может только выиграть, если ошибка, допущенная тем или иным товарищем, признается им и исправляется потом. Что хочет, собственно, сказать т. Троцкий, подчеркивая этот факт? Может быть, он хочет последовать хорошему примеру и заняться, наконец, исправлением своих многочисленных ошибок? (Аплодисменты; смех.) Что же, я готов ему помочь в этом деле, если тут нужна моя помощь, готов его подтолкнуть и помочь ему. (Аплодисменты; смех.) Но т. Троцкий преследует, видимо, какую-то другую

цель. Если это верно, то я должен сказать, что его попытка есть попытка с негодными средствами.

Тов. Троцкий уверял в своей речи, что он не такой уж плохой коммунист, как его изображают представители большинства партии. Он привел целый ряд цитат из своих статей, говорящих о том, что он, т. Троцкий, признавал и продолжает признавать «социалистический характер» нашей работы, что он не отрицает «социалистического характера» нашей государственной промышленности и т. д., и т. п. Экая, подумаешь, новость! Этого еще не хватало, чтобы т. Троцкий отрицал социалистический характер нашей работы, нашей госпромышленности и т. д. Эти факты признаются теперь всеми, вплоть до нью-йоркской биржи, вплоть до наших нэпманов, не говоря уже об О. Бауэре. Теперь все видят, и враги и друзья, что мы строим промышленность не так, как строят ее капиталисты, что мы вносим в развитие нашей хозяйственной и политической жизни некие новые элементы, не имеющие ничего общего с капитализмом.

Нет, товарищи из оппозиции, не в этом теперь дело.

Дело обстоит теперь более серьезно, чем это может показаться оппозиционному блоку.

Дело идет теперь не о социалистическом характере нашей промышленности, а о том, чтобы построить социалистическое хозяйство в целом, несмотря на капиталистическое окружение, несмотря на наличие врагов, внутренних и внешних, ждущих гибели пролетарской диктатуры. Дело идет о том, чтобы добиться полного торжества ленинизма в нашей партии.

Дело теперь не в мелочах и курьезах. Мелочами и курьезами теперь не отговориться от партии. Партия требует теперь большего от оппозиции.

Либо вы проявите мужество и сумеете открыто и честно отказаться от своих принципиальных ошибок, либо вы этого не сделаете, и тогда получайте от партии заслуженную квалификацию вашей позиции как позиции социал-демократического уклона.

Одно из двух. От вас зависит сделать выбор. (Голоса: «Правильно!». Аплодисменты.)

V. Практическая платформа оппозиции. Требования партии.

От жонглирования цитатами лидеры оппозиции пробовали перейти к разногласиям практического характера. Тт. Троцкий и Каменев, так же как и т. Зиновьев, пытались формулировать эти

разногласия, утверждая вместе с тем, что важны не теоретические разногласия, а разногласия практические. Я должен, однако, сказать, что ни одна из формулировок наших разногласий, данных оппозицией на этой конференции, не отличается ни объективностью, ни полнотой.

Вы хотите знать, товарищи из оппозиции, в чем наши практические разногласия, вы хотите знать, чего от вас требует партия?

Слушайте:

1. Партия не может больше терпеть и не будет терпеть, чтобы вы каждый раз, когда вы остаетесь в меньшинстве, выходили на улицу, объявляли кризис в партии и трепали партию. Этого партия больше терпеть не будет. (Голоса: «Правильно!». Аплодисменты.)

2. Партия не может и не будет терпеть того, чтобы вы, потеряв надежду получить большинство в нашей партии, подбирали и накапливали всякие недовольные элементы, как материал для новой партии. Этого не может и не будет терпеть партия. (Аплодисменты.)

3. Партия не может и не будет терпеть того, чтобы вы, шельмуя партийный руководящий аппарат и ломая режим в партии, ломая железную дисциплину в партии, объединяли и оформляли все и всякие осужденные партией течения в новую партию, под флагом свободы фракций. Партия этого терпеть не будет. (Аплодисменты.)

4. Мы знаем, что у нас имеются большие трудности на путях строительства социализма. Мы видим эти трудности и имеем возможность преодолевать их. Мы приветствовали бы всякую помощь со стороны оппозиции в деле преодоления этих трудностей. Но партия не может и не будет терпеть того, чтобы вы делали попытки использовать эти трудности для ухудшения нашего положения, для нападения на партию, для атак против партии. (Аплодисменты.)

5. Партия понимает больше, чем все оппозиции, взятые вместе, что продвижение индустриализации и построение социализма возможны лишь при неуклонном подъеме материального и культурного положения рабочего класса. Партия принимает и будет принимать все меры к тому, чтобы материальное и культурное положение рабочего класса улучшалось неуклонно. Но партия не может и не будет терпеть того, чтобы оппозиция выходила на улицу с демагогическими заявлениями о немедленном подъеме заработной платы на 30—40%, зная наверняка, что промышлен-

ность не может выдержать такого подъема зарплаты в данную минуту, зная наверняка, что подобные демагогические выступления имеют своей целью не улучшение положения рабочего класса, а культивирование недовольства среди отсталых слоев трудящихся и организацию недовольства против партии, против авангарда рабочего класса. Партия не может и не будет терпеть этого. (Голоса: «Правильно!». Аплодисменты.)

6. Партия не будет и не может терпеть того, чтобы оппозиция продолжала и впредь подрывать основы смычки рабочих и крестьян, основы союза рабочих и крестьян, пропагандируя идею повышения отпускных цен и усиления налогового нажима на крестьянство, пытаясь «сконструировать» отношения между пролетариатом и крестьянством не как отношения экономического сотрудничества, а как отношения эксплоатации крестьянства пролетарским государством. Партия не может и не будет этого терпеть. (Аплодисменты.)

7. Партия не может и не будет терпеть того, чтобы вы, товарищи из оппозиции, продолжали и впредь сеять идейную сумятицу в партии, преувеличивать наши трудности, культивировать пораженческие настроения, проповедывать идею невозможности построения социализма в нашей стране и подрывать тем самым основы ленинизма. Партия не может и не будет терпеть этого. (Голоса: «Правильно!». Аплодисменты.)

8. Партия не может и не будет терпеть,—хотя это не только ее дело, но дело всех секций Коминтерна,—чтобы вы продолжали и впредь тормошить Коминтерн, разлагать его секции и развенчивать руководство Коминтерна. Партия не может и не будет терпеть этого. (Аплодисменты.)

Вот в чем состоят, товарищи из оппозиции, наши практические разногласия.

Вот в чем суть политической и практической платформы оппозиционного блока, и вот против чего борется теперь наша партия.

Тов. Троцкий, излагая в своей речи некоторые пункты этой платформы и старательно скрывая другие пункты, спрашивал: что же тут социал-демократического? Странный вопрос! А я спрашиваю: что же тут коммунистического, в этой платформе оппозиционного блока? Что же тут не социал-демократического? Разве не ясно, что практическая платформа оппозиционного блока проходит по линии отхода от ленинизма, по линии приближения к социал-демократии?

Вы хотели знать, чего требует от вас партия,—теперь вы знаете, чего она от вас требует. Либо вы выполните эти условия,

являющиеся вместе с тем условиями полного единства в нашей партии, либо вы этого не сделаете,—и тогда партия, побив вас вчера, начнет добивать вас завтра. (Аплодисменты.)

VI. Итог.

Каковы итоги, результаты нашей внутрипартийной борьбы?

У меня имеется документ от сентября 1926 года, подписанный т. Троцким. Этот документ замечателен в том отношении, что там имеется некая попытка предвосхитить итоги внутрипартийной борьбы, имеется некий прогноз и некая обрисовка перспектив нашей внутрипартийной борьбы. В этом документе сказано:

«Объединенная оппозиция показала в апреле и июле и покажет в октябре, что единство ее взглядов только укрепляется под влиянием грубой и нелойяльной травли, и партия поймет, что только на основе взглядов объединенной оппозиции есть выход из нынешнего жестокого кризиса». (См. письмо Троцкого оппозиционерам, сентябрь 1926 г.—приложение к стенограмме заседаний Политбюро от 8 и 11 октября 1926 г.)

Вы видите, что это почти что предсказание. (Голос: «Именно почти что».) Это почти что пророчество чисто марксистского типа, предвидение на целых два месяца. (Смех.)

Конечно, тут имеются некоторые преувеличения. (Смех.) Тут говорится, например, о нынешнем жестоком кризисе нашей партии. Но мы, слава богу, живы и здоровы и кризиса даже не приметили. Есть, конечно, некий кризис, но не кризис партии, а кризис некой фракции, называемой фракцией оппозиционного блока. Но нельзя же выдавать кризис маленькой фракции за кризис миллионной партии.

В документе т. Троцкого говорится дальше, что оппозиционный блок укрепляется и будет еще укрепляться в будущем. Я думаю, что тут тоже есть некоторое преувеличение. (Смех.) Нельзя отрицать тот факт, что оппозиционный блок разлагается, что от него откалываются лучшие элементы оппозиции, что он задыхается во внутренних противоречиях. Разве это не факт, что т. Крупская, например, отходит от оппозиционного блока? (Бурные аплодисменты.) Случайно ли это?

В документе т. Троцкого говорится, наконец, что только на основе взглядов объединенной оппозиции есть выход из нынешнего кризиса. Я думаю, что тут тоже имеется у т. Троцкого некоторое преувеличение. (Смех.) Товарищи из оппозиции не могут не знать, что партия объединилась и сплотилась воедино не на основе взглядов оппозиционного блока, а в борьбе с этими взглядами и против

этих взглядов, на основе социалистических перспектив нашего строительства. Преувеличение в документе т. Троцкого—явное.

Но ежели отвлечься от всех этих преувеличений, допущенных т. Троцким в его документе, то от прогноза как будто ничего, собственно, и не остается, товарищи. (Смех.)

Как видите, итог получается обратный тому итогу, который обрисовал нам т. Троцкий в своем прогнозе.

Я кончаю, товарищи. Тов. Зиновьев хвастал одно время, что он умеет прикладывать ухо к земле (смех), и когда он прикладывает его к земле, то он слышит шаги истории. Очень может быть, что это так и есть на самом деле. Но одно все-таки надо признать, что т. Зиновьев, умеющий прикладывать ухо к земле и слышать шаги истории, не слышит иногда некоторых «мелочей». (Сырцов: «Он другим ухом слушал».) Может быть, оппозиция и умеет, действительно, прикладывать уши к земле и слышать такие великолепные вещи, как шаги истории. Но нельзя не признать, что, умея слышать великолепные вещи, она не сумела услышать ту «мелочь», что партия давно уже повернулась спиной к оппозиции, а оппозиция осталась на мели. Этого они не услышали. (Голоса: «Правильно!».)

Что же из этого следует? А то, что у оппозиции, очевидно, уши не в порядке. (Смех.)

Отсюда мой совет: товарищи из оппозиции, лечите свои уши! (Бурные продолжительные аплодисменты. Конференция, стоя, провожает т. Сталина.)

Председательствующий. Товарищи, президиум обсудил сейчас, как вести работу конференции дальше, и нашел, что во вчерашнем предложении был допущен некоторый просчет (смех), что мы не успеем кончить работу до обеда. Поэтому предложения президиума сводятся к следующему: сегодня назначить короткое заседание конференции, часа на полтора, вечером в 8 часов, с тем, чтобы в перерыв мог собраться пленум ЦК и ЦКК. Нам необходимо разрешить вопрос о созыве съезда, о сроке созыва съезда, необходимо решить вопрос о ЦКК и РКИ ввиду ухода некоторых членов. Эти два дополнительных вопроса, если конференция не сможет их подробно обсудить, было бы, я думаю, неправильно разрешить, не уведомив конференцию.

Так что предложение президиума сводится к тому, чтобы в 8 часов назначить последнее заседание конференции, а в 6 часов—объединенный пленум ЦК и ЦКК. (Голоса: «Правильно».)

Желает ли кто-нибудь высказаться? Нет.

Голосую. Кто против этого предложения? Кто воздерживается? Принято.

Меня спрашивают относительно резолюций. Резолюции будут голосоваться во время вечернего заседания пленума.

Моисеенко. А резолюция по докладу т. Сталина? Сейчас голосовать!

Председательствующий. Остается еще голосование резолюции по докладу т. Сталина. Предлагается ее голосовать сейчас. Она еще не была принята в основе.

Голосуется. Кто за то, чтобы положить резолюцию по докладу т. Сталина в основу, прошу поднять руки. Опустите. Кто против этого? Кто воздерживается?

В основу положена единогласно. (Аплодисменты.)

Имеются ли предложения относительно поправок к этой резолюции? (Голоса: «Нет».)

Голосуется окончательный текст резолюции. Кто за него? Кто против? Кто воздерживается?

Резолюция утверждена окончательно и единогласно. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Заседание конференции закрывается до 8 часов.

Заседание четырнадцатое.

(3 ноября 1926 года, вечернее.)

Рыков (председательствующий). Для сообщения о работе комиссии по докладу «О хозяйственном положении страны и задачах партии» слово имеет т. Чубарь. (Аплодисменты.)

Чубарь. В работах комиссии, которая была выделена конференцией, не выявилось больших разногласий, и поэтому, я думаю, будет достаточно огласить поправки, не останавливаясь подробно на мотивах их внесения. В комиссии поправки были приняты большинством голосов, даже, пожалуй, единогласно. Некоторые формулировки были поручены редакционной подкомиссии в составе тт. Рыкова, Чубаря и Лобова. В этой окончательной редакции я и буду зачитывать поправки.

В разделе «Введение», на стран. 7-й, после слов «новой, более высокой техники» предлагается добавить: «К этому периоду закончилось собирание распыленного во время гражданской войны и интервенции пролетариата, произошло укрепление его организаций и достигнуто значительное улучшение материального положения рабочего класса».

Разделы 1-й и 2-й остались без изменений, никаких поправок к ним не вносилось.

В разделе 3-м—«Режим экономии и новые задачи в области управления»—вносятся следующие дополнения. На стран. 11-й, в абзаце 4-м, после слов «в целях», где говорится об улучшении управленческого аппарата хозяйства, вставляется: «улучшения его работы» и затем добавляется новый абзац: «Признать необходимым установление в законодательном порядке более точного разграничения функций и обязанностей отдельных инстанций как в области контроля, так и в области управления и планового руководства». В том же разделе, на стран. 12-й, после слов «и усиление бюрократизма» включается следующее добавление: «В соответствии с решениями апрельского пленума ЦК ВКП(б) об упорядочении

работы плановых органов, а также сокращении инстанций прохождения планов, конференция считает необходимым уже в ближайший период добиться более полного и правильного использования областных и республиканских плановых и оперативных органов в руководстве хозяйственной жизнью Союза ССР. При разработке хозяйственных планов с особым вниманием должны быть учтены интересы отсталых в хозяйственном отношении республик и областей».

И в этом же разделе, на стран. 12-й, где говорится о мелочной опеке, исключить слово «чересчур».

В разделе 4-м—«Сельское хозяйство и крестьянство»—на стран. 12-й, в абзаце 2-м, в котором говорится, что изживание этого явления, т.-е. усиленного отхода рабочей силы в города и перенаселения деревни, потребует длительного периода и стоит в прямой зависимости от развития земледельческой культуры, после слов «от развития земледельческой культуры» вставляется: «освоения новых земель малонаселенных районов путем переселения».

В разделе 5-м, на стран. 15-й, где дается характеристика неблагоприятных моментов истекшего года и где говорится, что «был пассивный торговый баланс», вносится добавление: «связанный в главной своей части с недовыполнением экспортных планов».

В разделе 6-м—«Основные проблемы текущего хозяйственного года», на стран. 17-й, абзац 2-й, после слов «накладных расходов», где говорится «Возможности расширения производства прежде всего нужно искать в улучшении работы самой промышленности: в технических достижениях, в лучшей организации рабочей силы, в поднятии производительности труда, в снижении накладных расходов» вносится добавление: «в ускорении оборота капиталов промышленности» и дальше остается «в решительном сокращении иммобильных ресурсов промышленности и т. п.».

В этом же разделе, на стран. 17-й, после слов «удешевления и улучшения качества» вставлен новый абзац:

«Решение этой задачи требует решительного устранения имевшихся до сих пор неувязок, нарушавших производство и дезорганизовавших работу хозяйственно связанных предприятий: несвоевременное выполнение заказов и несвоевременная их оплата, запоздание поставки сырья и полуфабрикатов, запаздывание с выплатой зарплаты, несвоевременное утверждение производственных программ, финансовых и кредитных планов и т. п.

При продолжающемся росте нашей промышленности и напряженности ее внутренних ресурсов все обслуживающие ее учреждения должны пересмотреть методы своей работы в целях более

чуткого и внимательного отношения к нуждам обслуживаемой промышленности, устраняя лишний, ненужный формализм, поскольку от этого зависит работа десятков и сотен предприятий. Вместе с тем должна быть установлена действительная ответственность учреждений и предприятий за нарушение договоров и невыполнение плановых заданий».

На этой же странице, несколько выше, после слов «и тому подобное» вставлен абзац, говорящий о рационализации, в следующей формулировке:

«Необходимость такой решительной постановки вопросов рационализации промышленности вытекает из того, что в наших условиях рационализация дает дополнительные источники для развертывания социалистической промышленности на основе более высокой производительности труда, удешевления себестоимости изделий и в противоположность капиталистическим странам обеспечивает увеличение рабочих кадров, занятых в производстве в целом».

На стран. 18-й, где, во втором абзаце, говорится о капитальном строительстве, после слов «топливо, электростроительство» комиссия вносит добавление: «В частности, должно быть уделено достаточное внимание развитию производства цветных металлов (меди, олова, свинца, алюминия)».

И в том же разделе, на стран. 19-й, после слов «использовать имеющиеся силы» сделано добавление:

«Конференция также обращает внимание всех партийных организаций, профессиональных и хозяйственных органов на необходимость повышения квалификации специалистов, а также усиления опытными специалистами низших звеньев производственной системы за счет управленческих органов, создавая должные условия для их работы на производстве».

Вслед за этим дополнением здесь же вносится еще одно добавление:

«Отмечая важную роль местной промышленности в хозяйстве страны, а также успехи, достигнутые в ее развитии, XV конференция считает необходимым, чтобы ВСНХ и другие центральные органы уделяли ей должное внимание и учитывали ее нужды при составлении кредитных и импортных планов и планов снабжения ее подсобными видами сырья и материалов».

В разделе «Проблема цен и товарооборот», на стран. 20-й, в 3-м абзаце, где говорится о том, что «конференция подтверждает, что линия на укрепление господствующего положения кооперации и государственной торговли в области товарооборота должна быть продолжена и дальше», перед словами «должна

быть» вставка: «на основе решений XIV партконференции со всей решительностью».

В раздел «Вопросы труда», на стран. 24-й, где говорится о жилищном вопросе, комиссия предлагает после слов «ускорить проведение этих решений в жизнь» добавление: «обратив особое внимание на своевременность отпуска кредитов на жилищное строительство и усиление контроля за правильным использованием этих кредитов»

Протокольным постановлением комиссии было принято еще одно предложение,—именно пожелание о разработке вопроса о заинтересованности местных органов в развитии государственных займов и ссудосберегательного дела.

Как видите, все поправки, разработанные комиссией, касаются главным образом уточнения и углубления тех принципиальных положений, которые были приняты конференцией в основе, когда голосовались тезисы т. Рыкова.

Председательствующий. Какой порядок угодно конференции принять для обсуждения поправок—обсуждать ли каждую поправку отдельно или в целом? (Голоса: «В целом».) Кто за то, чтобы обсуждать весь доклад, прошу поднять руки. Большинство. Кто за каждую поправку? Кто желает слова? Голосуется окончательный текст резолюции. Кто за него, тех прошу поднять руки. Кто против? Кто воздерживается? Принято единогласно.

Слово для доклада о результатах работы комиссии по проекту резолюции об итогах работы и очередных задачах профсоюзов имеет т. Догадов. (Аплодисменты.)

Догадов. Комиссия приняла ряд поправок и дополнений, которые я вам в последовательном порядке и доложу.

Во введении никаких изменений не было.

В разделе «Положение профсоюзов», введение, пункты 1, 2, 3, 4 приняты без изменений. В п. 5 этого раздела после слов «бытовые вопросы» добавлено: «а также невыполнение и несвоевременное освещение перед рабочими решений, принятых на общих собраниях». В п. 7 этого же раздела, там, где говорится о вовлечении женщин-работниц в выборную работу, текст изменен так: «Несмотря на то, что общее количество женщин-работниц, вовлеченных в активную профсоюзную работу и во все выборные органы профсоюзов, неукоснительно росло, последние выборы фабзавкомов показывают, при общем повышении, некоторое падение процента женщин в составе отдельных фабзавкомов крупных промышленных центров».

Дальше. 3-й абзац 7-го пункта превращен в 8-й пункт этого же раздела. В конце этого 8-го пункта добавлено: «Одновременно

с этим в области заключения колдоговоров следует признать факты имеющей место затяжки с заключением колдоговоров, вызывающие недовольство рабочих. Для устранения этого поручить ВЦСПС, ВСНХ и НКТруду дать соответствующие указания нижестоящим организациям и учреждениям».

В разделе «Режим экономии», в первом абзаце добавлено слово «политический». Таким образом раздел начинается: «Политический и культурный рост основных кадров пролетариата» и т. д. по тексту.

В третьем абзаце «Режима экономии» добавлено в конце: «усовершенствования системы управления производством и постановки самого производства». Дальше в этом же разделе «Режим экономии», в шестом абзаце, в конце добавлено: «Профсоюзы не только должны поддерживать все разумные мероприятия хозорганов, направленные к проведению режима экономии, но и быть инициаторами конкретных предложений, направленных к проведению лозунга партии о режиме экономии и рационализации производства».

В разделе «Производственные совещания» абзац третий изменен следующим образом: «Вопреки паническим крикам оппозиции, производственные совещания развиваются и постепенно переходят на более углубленную работу». Слова: «пренебрежительному отношению некоторой части хозяйственников и администраторов» вычеркнуты. В четвертом абзаце послее слов: «пренебрежительным отношением со стороны» добавлено «некоторой части хозяйственников и», а дальше читается по тексту. В пункте 4 этого же раздела после слов «приближения к делу управления предприятиями» добавлено: «а тем самым приближения к делу управления рабочих масс». Дальше так же, как в тексте.

В разделе «Профсоюзы и хозяйство», в первом абзаце, после слов «к делу выдвижения своих» вставлено: «кандидатов» вместо «представителей». Дальше, в этой же первой части первого абзаца, после слов «явно недостаточными и слабыми» добавлено: «Одновременно необходимо констатировать ряд случаев невнимания» вместо «что в известной мере объясняется невниманием». Дальше остается старый текст.

В конце второго абзаца раздела «Профсоюзы и хозяйство» добавлено: «Особое внимание должно быть обращено на согласование и утверждение кандидатур выдвигаемых на хозяйственные посты». В четвертом абзаце раздела «Профсоюзы и хозяйство» после слов «вечерние производственные кружки и курсы» добавлено: «всемерно вовлекая в них рабочую молодежь».

Раздел «Зарплата» остается без изменений.

В разделе же «О кооперации» после слов «втягивая в нее широкие слои рабочих и работниц» добавлено: «обращая особое внимание на содействие кооперации в борьбе за снижение розничных цен».

В разделе «Профсоюзы и партия», в первой же части первого абзаца после слов «со стороны» добавлено: «краевых, областных и»; дальше читается по тексту. Во втором разделе этого абзаца добавлено: «Крайкомы, областкомы и», а дальше идет: «губкомы» и т. д. по тексту. Кроме того, в этом же абзаце этого раздела после слова «парторганизаций» добавлено: «окружком».

Раздел «Госорганы и профсоюзы», пункт «а», после слов «невнимательного отношения со стороны» добавлено «некоторых». Дальше читается по тексту, и в конце пункта вычеркнуты слова: «сторожа, курьеры и т. п.».

В пункт «в» после слов «более ответственные посты» добавлено:

«Партия и профсоюзы должны вести решительную борьбу с сопротивлением, оказываемым выдвижению бюрократически-заскорузлыми, а также не соответствующими их назначению элементами в гос- и хозаппарате, систематически заменяя их выросшими культурно и политически наиболее способными рабочими».

Раздел «Безработица». Во втором абзаце после слов «безработица на ближайшее время грозит стать хронической» добавлено: «в силу аграрного перенаселения и непрерывного прилива рабочей силы в города из деревни».

В последнем абзаце этого раздела слово «беспощадной» заменено словом «решительной» (борьбой).

В разделе «Безработица и дети рабочих» в первом пункте после слов «подойти к решительной ликвидации беспризорности детей и подростков» добавлено: «считая необходимым полный охват детей рабочих школами соцвоса».

Раздел «Культработа». Я должен сказать конференции, что к разделу о культработе были замечания тт. Крупской и Семашко: Крупской—по общему разделу, а Семашко—к разделу о физкультуре. Комиссия нашла, что как замечания т. Семашко, так и замечания т. Крупской вполне исчерпаны теми предложениями, которые были изложены т. Томским в проекте тезисов.

В разделе о культработе вычеркнуто первое слово 1-го абзаца «В частности». Дальше в первой части первого абзаца после слов «политическим уровнем массы» добавлено: «рабочих», а дальше—как в тексте. Во второй части 1-го абзаца в конце после слов «потребностям массы» добавлено: «рабочих».

Перед вторым абзацем вставлено:

«Ввиду имеющих место отклонений от правильной линии конфе-

ренция напоминает необходимость проведения указаний XIV партсъезда о том, что «сама клубная работа должна быть максимально разносторонней, дабы сочетать в себе удовлетворение потребностей своих членов в отдыхе и здоровом развлечении с политико-просветительными и воспитательными задачами».

В этом же разделе, в пункте «е», в средине его, после слов «развитие разнообразных видов физкультуры» сделана вставка: «Профсоюзы, отстаивая и рекомендуя рабочим наиболее здоровые и гигиенические методы физкультуры, борясь против всяких ее извращений и уродливостей, в то же самое время должны решительно отказаться от попытки насильственного навязывания тех или иных видов физкультуры каждому рабочему».

Дальше, в этом же пункте «е», из предложения «Профсоюз, как школа коммунизма, обязан заботиться о развитии классового самосознания своих членов» вычеркнуты слова: «как школа коммунизма».

В этом же разделе, в пункте «е» после слов «Необходимо всемерно пойти навстречу тяге рабочих к общему образованию» вставлены слова: «особенно молодежи». Дальше после слов «вечерние курсы» вставлены слова: «и вечерние техникумы».

В конце этого же пункта вставлено добавление, предложенное союзом молодежи: «Необходимо более энергично развить работу по укреплению сети школ фабзавуча, ни в коем случае не допуская сокращения существующей общей сети школ фабзавуча.

Необходимо обеспечить гораздо бóльшую поддержку со стороны профорганизаций пионерского движения, привлекая внимание профсоюзов ко всей работе пионер-организаций, заинтересовывая в этом рабочих и особенно работниц».

В раздел о международной работе профсоюзов никаких изменений не внесено.

Теперь я должен доложить о некоторых протокольных постановлениях. Во-первых, было принято протокольное постановление следующего содержания: «Конференция считает необходимым, чтобы бюро фракции ВЦСПС подробно разработало и поставило на обсуждение съезда вопросы заключения коллективных договоров, упорядочения системы оплаты труда, улучшения рабочего снабжения и снижения цен и тем самым повышения реальной заработной платы».

Комиссия сочла необходимым, не внося это в тезисы, записать протокольным постановлением.

Скрыпник. Какой съезд? профсоюзный?

Догадов. Да. Кроме того, было принято еще протокольное постановление, также предложенное союзом молодежи. Союз молодежи настаивал на включении в тезисы вопроса о взаимоотношениях с профсоюзами, вопроса о зарплате и о членстве подростков. По этому поводу комиссия вынесла следующее постановление:

«Предложить комсомолу вопросы о представительстве, о взаимоотношениях комсомола с профсоюзами, о заработной плате рабочей молодежи и возрасте разрешить в обычном порядке— путем согласования своих предложений с бюро фракции ВЦСПС и в случае разногласий войти в соответствующие партийные инстанции».

В связи с заявлением некоторых товарищей о том, что необходимо дополнить тезисы пунктом, касающимся национального вопроса, комиссия вынесла следующее третье протокольное постановление:

«Принимая во внимание, что в ближайшее время состоится очередной всесоюзный съезд профсоюзов, на котором национальный вопрос должен получить полное освещение, и так как на данной конференции в прениях этот вопрос не был освещен,— снять этот вопрос».

Вот собственно все, что было предложено комиссией к проекту тезисов т. Томского.

Председательствующий. Кто желает слова? Голосуется окончательное утверждение. Кто за утверждение? Кто против? Кто воздержался? Принимается единогласно. (Продолжительные аплодисменты.)

Для сообщения о решениях сегодняшнего пленума ЦК партии слово имеет т. Косиор. (Продолжительные аплодисменты.)

Косиор. Товарищи, вы все знаете, что после смерти т. Дзержинского Центральный Комитет партии в согласии с ЦКК выдвинул т. Куйбышева на пост руководителя нашей промышленности, на пост председателя ВСНХ. Само собою разумеется, что, неся эту работу, т. Куйбышев не только физически, но и формально совершенно не в состоянии выполнять обязанности председателя ЦКК и наркома РКИ. Таким образом перед ЦКК встал вопрос о новом руководителе, который мог бы сейчас целиком и полностью отдать себя работе ЦКК.

Сегодня объединенный пленум ЦК и ЦКК выдвинул на этот пост т. Серго Орджоникидзе. (Продолжительные аплодисменты.) Товарищи, т. Орджоникидзе—член Центрального Комитета, но он не является членом ЦКК. Таким образом ЦК и ЦКК стали перед необходимостью пойти на некоторое нарушение

нашего устава. Принимая во внимание чрезвычайную обстановку, которая создалась в настоящее время со смертью т. Дзержинского и перемещением т. Куйбышева, ЦК и ЦКК взяли на себя ответственность пойти на это нарушение, с тем, чтобы этот вопрос внести на конференцию и затем доложить XV съезду.

Мы, товарищи, считаем, что это совершенно правильная мера, и партия целиком и полностью ее одобрит. (Аплодисменты.)

Председательствующий. По этому вопросу желает кто-нибудь высказаться? (Голоса: «Согласиться».) Голосуется. Кто за то, чтобы присоединиться к решению пленума ЦК и ЦКК, прошу поднять руки. Опустите. Кто против? Кто воздержался? Принято единогласно. (Продолжительные аплодисменты.)

Косиор. Теперь, товарищи, относительно съезда партии и съезда Советов. Объединенный пленум ЦК и ЦКК обсуждал сегодня этот вопрос. Конечно, было бы желательно созвать партийный съезд весною вместе со съездом Советов. Это было бы чрезвычайно желательно по целому ряду соображений, подробно на них останавливаться не приходится. Однако ввиду чрезвычайной трудности провести оба съезда одновременно и чрезвычайной трудности проводить на местах подготовительную работу и т. д., перед ЦК и ЦКК встал вопрос, что, пожалуй, было бы целесообразнее разделить эти съезды. Поскольку мы съезда Советов ни в коей мере откладывать не можем, потому что времени очень много прошло с последнего съезда и на местах началась подготовительная работа, объединенный пленум принял решение—съезд Советов созвать весною, а партийный съезд перенести на осень, примерно на сентябрь—октябрь.

Это свое решение пленум ЦК и ЦКК также вносит на обсуждение конференции. (Голоса: «Согласиться».)

Председательствующий. Голосуется. Кто за то, чтобы одобрить решение ЦК и ЦКК относительно созыва съезда Советов и съезда партии? Голосовать вместе? (Голоса: «Да, вместе».) Кто за это предложение, прошу поднять руки. Кто против? Кто воздержался? Принято единогласно.

Заключительная речь т. Рыкова.

Товарищи, работы XV конференции окончены.

Я думаю, что для всех присутствующих здесь ясно, что XV конференция войдет в историю нашей партии, как конференция, которая собралась в один из ответственнейших моментов в развитии партии и решила в духе ленинизма крупнейшие вопросы партийного и хозяйственного строительства. Вопросы,

стоявшие на повестке XV конференции, по своему значению настолько велики, что их нужно было бы, если бы была возможность, подвергнуть рассмотрению съезда партии.

На всех решениях XV конференции лежит отпечаток сложности и трудности тех задач, которые стоят перед партией и рабочим классом. В области хозяйственной работы XV конференция подвела итоги не только истекшему году, который, судя по началу его, мог принести стране серьезные хозяйственные потрясения, но и целому исключительного значения периоду социалистического строительства Советского Союза.

Позади XV конференции осталась громадная полоса «восстановительного» периода, того периода, которым партия и рабочий класс могут гордиться и на протяжении которого рабочий класс обнаружил совершенно исключительный героизм и беззаветную преданность делу строительства социализма в неслыханно тяжелых условиях. Этот период остался позади.

XV конференция работала на переходе к новому периоду. Она выработала директивы для работы в новых условиях переустройства всего нашего хозяйства на более высокой производственно-технической основе. Она конкретизировала практические пути осуществления индустриализации в соответствии с общей директивой XIV съезда партии. Уже одна эта часть работы XV конференции поднимает значение ее на совершенно исключительную высоту.

Я думаю, что конференция и вся партия в целом ни в какой мере не могут скрывать, что и на этом новом этапе нашего развития перед нами стоят громадные трудности внутреннего и внешнего порядка. Трудности внутреннего порядка связаны со значительной ролью мелкобуржуазных и капиталистических элементов в народном хозяйстве, особенно в деревне. Они связаны также с технической и культурной отсталостью нашей страны. Конференция и партия ни в коем случае не могут закрывать глаза на эти трудности дальнейшего развития.

В области международных отношений мы переживаем длительный период мирной передышки, но никто из нас не может поручиться, что эта мирная передышка продолжится настолько долго, как это хочется нашей партии и рабочему классу. Вопросы войны и мира зависят не только от нас, но и от того окружения, в котором мы ведем нашу работу по организации нового общества. Главной гарантией продолжения этой передышки является укрепление связи нашего рабочего класса с международным пролетариатом.

Товарищи, XV конференция войдет в историю нашей партии

с ответственнейшими решениями о внутрипартийном положении. Те трудности, которые мы испытывали и будем испытывать в области социалистического строительства, не могли не вызвать некоторых шатаний в рядах партии. Это происходило неоднократно и раньше в серьезные, ответственные моменты в жизни партии, когда та или другая часть, тот или другой отряд нашей партии временно не соглашались с нею и становились в оппозицию. Та оппозиция, с которой мы имели дело на XV конференции, очень знакома нам по всей истории нашей партии. Если вы проследите историю партии за время после Октября, вы увидите, что все и всяческие уклоны рассасывались легко. В то же время троцкизм проявил себя как наиболее устойчивая форма борьбы с ленинизмом. Поэтому неудивительно, что и новая оппозиция, новая попытка пересмотра партийной линии, пересмотра ленинизма вновь всплыла под флагом троцкизма. Только теперь в идеологии троцкизма, в связи с теми новыми задачами, которые стоят перед партией и рабочим классом, яснее, чем когда бы то ни было раньше, проявились элементы социал-демократического уклона и пораженчества. Но помимо этого оппозиция, с которой мы имели дело на XV конференции, имеет и некоторые отличительные черты. В истории нашей партии не было до сих пор случая, когда бы оппозиция выходила за рамки ВКП(б) и объединялась со всеми и всяческими оппозиционными группами заграничных коммунистических партий. Точно так же наша партия не знает случаев, чтобы оппозиционные группировки применяли те раскольнические формы действия, какие применяла последняя оппозиция.

XV конференция собралась в тот период, когда оппозиция потерпела полное банкротство, когда на рабочих партийных собраниях ей нанесен был решающий удар. Конференция собралась после появления известного документа, подписанного 6 членами Центрального Комитета, принадлежащими к оппозиции. Этот документ рассеял опасности для единства нашей партии, вытекавшие из фракционных раскольнических действий оппозиции. Я думаю, что выражу мнение всей партии, если скажу, что после опубликования этого документа были все основания ожидать, что оппозиция сделает дальнейшие шаги навстречу партии, что оппозиция сделает все возможное для того, чтобы обеспечить идейное единство нашей партии. После того как мы выслушали подробные доклады главнейших лидеров оппозиции, необходимо признать, что ожидания партии были обмануты: оппозиция, во-первых, пытается сохранить свой идейный блок и, во-вторых, она пыталась использовать трибуну конференции в целях идеологического нападения на ленинизм. Это, мне кажется, является но-

вым подтверждением правильности решения Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии о выводе лидеров оппозиции из Политбюро и тов. Зиновьева из делегации нашей партии в Коммунистическом Интернационале. (Аплодисменты.) Оппозиция настаивает на своих ошибках. Партия должна разоблачить эти ошибки оппозиции перед лицом рабочего класса всего мира. (Аплодисменты.)

Товарищи, резолюции конференции были приняты единогласно. Это обозначает громадную, исключительную сплоченность, достигнутую партией за последнее время. Эта сплоченность должна кое-чему научить и оппозицию. До настоящего времени партия давала достаточный срок оппозиции и для защиты своих взглядов и для исправления своих ошибок. Оппозиция должна после всего того, что произошло за последние месяцы, признать, что партия не может допустить, чтобы слишком долго испытывали ее терпение и вновь подвергли дискуссии принятые и утвержденные партией решения. До настоящего времени оппозиции уделялось гораздо больше внимания, чем это вытекает из той роли, из того влияния, которое она имела в рядах рабочего класса. Мы часто уделяли слишком большое внимание оппозиции в ущерб нашей положительной работе. Мне кажется, что рабочий класс и партия не могут дальше допустить, чтобы оппозиция своими выступлениями и своими попытками дискутировать по решенным уже вопросам мешала партии в ее практической работе.

Товарищи, XV конференция собралась на переломе двух гигантских эпох. За плечами рабочего класса, за плечами партии осталась громадная историческая эпоха гражданских войн, интервенций, восстановления разрушенного хозяйства. Партия и рабочий класс на протяжении этой эпохи обнаружили совершенно исключительное самоотвержение и успешно справились с задачами величайшей трудности. В новый период мы входим с гораздо большими силами, с окрепшим рабочим классом, с возросшей активностью его, с усилившейся как численно, так и идейно Всесоюзной коммунистической партией. Если в период «восстановительного» процесса наша партия и рабочий класс сумели справиться с гигантски трудными задачами, сумели преодолеть все шатания, которые были и в рабочем классе и в рядах коммунистической партии, не может быть сомнений в том, что рабочий класс и ВКП, набравшись сил и опыта на трудной работе восстановительного периода, с неменьшим успехом справятся с теми новыми задачами, которые стоят теперь перед партией.

Товарищи, в нашей партии неоднократно случалось, что та или другая группа товарищей отходила от столбовой дороги

коммунизма, но на протяжении короткого времени признавала свои ошибки и вновь вступала в общие ряды для дружной работы со всей партией. Этот путь открыт и для теперешней оппозиции. Но независимо от того, пойдет ли оппозиция по этому пути или не пойдет, партия со всей решительностью, со всей последовательностью, со всем напряжением сил будет продолжать дело защиты ленинизма, дело дальнейшего победоносного развития Октябрьской революции, дело строительства социализма в нашей стране. (Продолжительные аплодисменты, все встают и поют «Интернационал». Возглас с места: «Да здравствует Всесоюзная коммунистическая партия».)

Председательствующий. Заседание закрывается.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Резолюции XV конференции ВКП(б).

По докладу делегации ВКП(б) в ИККИ.

Заслушав и обсудив доклад т. Бухарина, XV партконференция одобряет целиком и полностью принципиальную линию делегации ВКП(б) и ее работу в Коммунистическом Интернационале.

Конференция вменяет делегации в обязанность продолжать решительную идейную борьбу против антиленинских уклонов в Коммунистическом Интернационале, проповедники которых, солидаризуясь в большей или меньшей степени с оппозицией внутри ВКП(б), в лице своих наиболее последовательных групп перешли уже в явно-антиреволюционный лагерь (Корш, Суварин, Маслов, Рут Фишер, исключенные из Коммунистического Интернационала, но имеющие своих сторонников в компартиях в лице Урбанса, Вебера и др.).

Конференция предлагает делегации ВКП(б) проводить в Коммунистическом Интернационале линию на дальнейшую большевизацию компартий, которая исключает теорию и практику так называемой свободы фракций и группировок, как принципа, резко враждебного организационным принципам ленинизма.

Конференция решительно осуждает фракционную и антиленинскую работу оппозиции ВКП(б) в Коммунистическом Интернационале.

Конференция целиком и полностью присоединяется к решениям ряда братских партий и пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) об освобождении т. Зиновьева от работы в Коммунистическом Интернационале.

О хозяйственном положении страны и задачах партии.

Введение.

Поставленная перед диктатурой пролетариата величайшая историческая задача строительства социалистического общества властно требует сосредоточения всех сил партии, государства и рабочего класса на вопросах хозяйственной политики.

В трудных условиях мирового капиталистического окружения, технической и экономической отсталости СССР, пестрого сочетания в народном хозяйстве различных социально-экономических укладов, острой борьбы социалистических и капиталистических элементов как в деревне, так и в городе—необходимы трезвый учет движущих сил хозяйственного развития и твердое, гибкое и своевременное воздействие государства на всю экономику страны в целях обеспечения планомерного развития ее по пути к социализму.

Основной предпосылкой успеха социалистического строительства является упрочение хозяйственной гегемонии крупной социалистической промышленности над всей экономикой страны и в первую очередь ее ведущая и социалистически преобразующая роль по отношению к крестьянскому хозяйству, рост численности и активности пролетариата и укрепление союза рабочего класса с основной массой крестьянства.

Развитие производительных сил страны, происходившее в истекшие годы новой экономической политики, более быстрый рост обобществленного сектора народного хозяйства сравнительно с частно-капиталистическим являются лучшим опровержением взглядов оппозиции, усматривающей в затруднениях и препятствиях первых шагов хозяйственного строительства аргумент против возможностей победоносного строительства социализма в нашей стране.

Под руководством ВКП(б) завершена в общем и целом огромная работа по восстановлению народного хозяйства. Восстановительный период может считаться в общих чертах законченным. Теперь народное хозяйство входит в новый период своего развития—период перестройки хозяйства на основе новой, более высокой техники.

К этому периоду закончилось собирание распыленного во время гражданской войны и интервенции пролетариата, произошло укрепление его организаций и достигнуто значительное улучшение материального положения рабочего класса.

Главнейшими итогами восстановительного процесса являются обеспечение руководящей роли командных экономических высот, находящихся в руках пролетариата, при достижении в основном довоенных размеров промышленного и сельскохозяйственного производства, железнодорожного транспорта, достижение преобладающей роли кооперации и госторговли в области товарооборота, установление твердой валюты и построение на новой основе кредитной системы.

I. Период перестройки хозяйства на новой технической базе и темп индустриализации.

С завершением восстановительного периода дальнейшее развитие народного хозяйства упирается в недостаточность и отсталость унаследованной от буржуазного общества производственно-технической базы. Народное хозяйство вступает в полосу, когда темп развития его сильно замедляется сравнительно с истекшими годами.

Совершенно неправильна пораженческая идеология, которая проявлялась в выступлениях оппозиции, связывающей с этим замедлением темпа срыв индустриализации и угрозу диктатуре пролетариата. Эта идеология не учитывает того, что развитие индустрии на основе расширения основного капитала (нового капитального строительства) никогда не могло и не может итти с такой быстротой, с какой происходило развитие промышленности на старой базе в восстановительный период за последние годы. Однако специфические условия советского государства обеспечивают за промышленностью более быстрый темп развития, чем в условиях капиталистического государства.

Предпосылкой дальнейшего роста промышленности является расширение основного капитала.

Все усилия партии и советского государства должны быть, в первую очередь, направлены на обеспечение такого расширения основного капитала, которое обусловливало бы постепенную перестройку всего народного хозяйства на более высокой технической базе.

Необходимо стремиться к тому, чтобы в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран. Успешное осуществление этого зависит от темпа накопления в народном хозяйстве и от тех ресурсов, которые оно сможет выделить для разрешения задачи индустриализации.

Одна из отличительных особенностей и вместе с этим одна из главнейших трудностей начального этапа индустриализации заключается в том, что затраты на капитальное строительство потребуют значительного напряжения народного хозяйства, между тем как результаты нового строительства, т.-е. продукция новых фабрик и заводов, лучшая по качеству и более дешевая по цене, будет поступать на рынок лишь спустя значительный срок, зачастую через несколько лет.

Было бы ошибочно полагать, что темп развития народного хозяйства в будущем не превысит темпа довоенного или даже

будет ниже его. Такой взгляд не учитывает того, что по мере осуществления плана промышленного строительства открываются все новые и новые возможности для последующего увеличения темпа развития как промышленности, так и сельского хозяйства, открываются все большие перспективы по использованию всех внутренних ресурсов СССР. Такой взгляд не учитывает также и тех коренных изменений, которые произошли в хозяйстве Советского Союза и отличают его от хозяйства капиталистических стран. Эти отличия, заключающиеся, в первую очередь, в уничтожении частной собственности на основные средства производства и в плановом руководстве всем хозяйством, превращаются все более и более по мере дальнейшего развития хозяйства в гигантские преимущества, обеспечивающие значительно более быстрый темп развития по сравнению с довоенным периодом и темпом развития капиталистических стран.

Реализация этих преимуществ в практическом строительстве составляет важнейшую задачу партии в период социалистического переустройства всего народного хозяйства.

Рациональное и планомерное использование всех наличных в народном хозяйстве возможностей обеспечивает сохранение достаточно значительного темпа развития народного хозяйства, роста из года в год обобществленной части его, укрепление и усиление руководящей роли пролетариата в нашей стране.

II. Источники накопления.

Темп расширения основного капитала будет зависеть:

а) от размеров накопления обобществленной промышленности;

б) использования через государственный бюджет доходов других отраслей народного хозяйства;

в) использования сбережений населения путем вовлечения их в кооперацию, в сберегательные кассы, внутренние государственные займы, кредитную систему и т. п.

Процесс расширенного воспроизводства промышленности должен быть обеспечен прежде всего вложением в индустрию новых масс прибавочного продукта, создаваемого внутри самой промышленности. Главнейшими условиями в деле увеличения размеров внутрипромышленного накопления являются: решительное сокращение накладных расходов, ускорение оборачиваемости капиталов, всемерная рационализация промышленности, применение в ней новейших достижений техники, увеличение производительности труда и повышение трудовой дисциплины.

Однако, как бы ни возрастало внутрипромышленное накопле-

ние, его, во всяком случае на протяжении ближайшего периода, не может быть достаточно для обеспечения необходимого темпа развития индустрии.

Поэтому дальнейшее развертывание промышленности будет в значительной степени зависеть от тех дополнительных средств, которые будут направлены в промышленное строительство.

Одним из главных орудий перераспределения народного дохода является государственный бюджет. В государственном бюджете Союза интересы индустриализации страны должны найти полное выражение. В расходной части бюджета должны быть обеспечены соответствующие ассигнования на промышленность, электрификацию и т. д.

Интересы индустриализации должны быть учтены, в первую очередь, и при составлении экспортно-импортного плана (увеличение импорта средств производства с сокращением импорта средств потребления).

Конференция находит, что до сих пор не было приложено сколько-нибудь серьезных усилий для сосредоточения средств, накопляющихся у населения, в кооперации, в сберегательных кассах, в займах и т. п. По мере роста общего благосостояния населения это использование через кооперативные и кредитные учреждения мелких сбережений населения должно приобретать все большее и большее значение, как один из источников средств для развития хозяйства.

Конференция категорически осуждает взгляды оппозиции о необходимости проведения индустриализации путем такого обложения деревни и такой политики цен, которые неизбежно привели бы к приостановке развития сельского хозяйства, сократили бы источники сырья для промышленности и рынок сбыта ее продукции, что с неизбежностью привело бы к резкому падению темпа индустриализации страны.

III. Режим экономии и новые задачи в области управления.

Осуществление индустриализации страны невозможно без строгого и неуклонного проведения режима экономии. Внимание всей партии и всех советских органов должно быть направлено на то, чтобы был положен конец всяким излишним и непроизводительным расходам.

Необходимым условием успешного и правильного проведения режима экономии является участие в нем широких рабочих масс. Твердое осуществление режима экономии может и должно сохранить значительные средства для дальнейшего развития хозяйства

на основе индустриализации страны. Конференция отмечает, что при проведении режима экономии были допущены извращения директив партии, выразившиеся в попытках осуществлять экономию за счет насущных интересов рабочего класса. Против такого извращения режима экономии необходимо повести решительную борьбу и в корне пресечь всякие попытки в этом направлении.

При осуществлении режима экономии должны быть достигнуты решительные успехи в сокращении штатов как хозрасчетных, так и госбюджетных органов, максимальном сокращении чрезвычайно высоких в настоящее время накладных расходов, рационализации всей системы управления и в решительной борьбе с бюрократизмом. Бюрократизм являлся громадным злом на протяжении всего периода существования советской власти. Это зло становится еще более опасным в настоящее время, когда страна приступает к перестройке всей своей хозяйственной жизни. Громадная стоимость бюрократического аппарата, чрезвычайная волокита в разрешении неотложных вопросов строительства, зачастую искажение директив партии и государственной власти—являются серьезнейшим препятствием на пути дальнейшего строительства.

В соответствии с новыми хозяйственными задачами необходимо, не ограничиваясь исправлением мелких недостатков в административно-хозяйственном аппарате, поставить вопрос о пересмотре всей системы построения управленческого аппарата хозяйством, в целях улучшения ее, максимального ее упрощения и удешевления.

Признать необходимым установление в законодательном порядке более точного разграничения функций и обязанностей отдельных инстанций как в области контроля, так и в области управления и планового руководства хозяйством.

На протяжении 9 лет после Октябрьской революции создалась очень сложная система организации производства, товаропроводящей сети, кредитных органов и т. п. Различные звенья этой системы часто нарастали стихийно. Самый круг их деятельности был определен при совершенно другой хозяйственной обстановке. Вставшие перед государством и народным хозяйством новые задачи часто не находят в этих органах необходимой опоры. Осуществление принципа централизации, совершенно необходимого при плановом, организованном хозяйстве, проводится в настоящее время теми же методами, которые были необходимы в период первых шагов организации советского хозяйства, но которые устарели в настоящее время. Внутри самих органов недостаточно проведен принцип точного разделения труда и ответственности как между различными звеньями этих органов, так и между отдель-

ными работниками. Несоответствие между системой организации и изменившейся обстановкой с ее новыми задачами неизбежно приводит к растрате средств и усилению бюрократизма.

В соответствии с решениями апрельского пленума ЦК ВКП(б) об упорядочении работы плановых органов, а также сокращении инстанций прохождения планов, конференция считает необходимым уже в ближайший период добиться более полного и правильного использования областных и республиканских плановых и оперативных органов в руководстве хозяйственной жизнью Союза ССР.

При разработке хозяйственных планов должны быть учтены с особым вниманием интересы отсталых в хозяйственном отношении республик и областей.

За время восстановительного периода образовался кадр работников, накопивший уже громадный опыт в деле организации управления промышленностью. Аппарат управления основными производственными ячейками (фабрика, завод) в достаточной степени окреп и овладел делом. Определилась громадная роль (которая в дальнейшем будет еще более возрастать) производственных совещаний, конференций и системы выдвиженчества, как формы непосредственного участия рабочих в организации производства. Все это дает возможность сделать дальнейший более решительный шаг в освобождении низших звеньев производственной системы от мелочной опеки, контроля и отчетности. Вместе с тем должна быть увеличена ответственность руководителей каждого отдельного органа (сверху донизу) за выполняемую ими работу.

IV. Сельское хозяйство и крестьянство.

Наступающий хозяйственный период вскрывает новые трудности как в развитии сельского хозяйства, так и в общественных отношениях в деревне. Недостаточность сельскохозяйственного инвентаря и машиноснабжения деревни служит причиной замедления хода развития сельскохозяйственного производства и может быть изжита лишь в связи с успешным развитием индустриализации. Недостаточное развитие сельскохозяйственной культуры, преобладание отсталых форм хозяйства—все это еще служит громадным препятствием для дальнейшего развития всего народного хозяйства.

Преобладание отсталых форм хозяйства порождает в ряде районов СССР перенаселение деревни и усиленный отход рабочей силы в города. Изживание этого явления потребует длительного периода и стоит в прямой зависимости от развития земледельческой культуры, освоения новых земель малонаселенных районов

путем переселения и индустриализации страны, в частности от развития местной промышленности и от интенсификации сельского хозяйства.

Политика партии в области сельского хозяйства исходит из наличия двух тенденций в развитии деревни: капиталистической и социалистической. Поэтому практические мероприятия в осуществлении курса партии на общее развитие производительных сил сельского хозяйства направлены к тому, чтобы в деревне неуклонно укреплялись и расширялись социалистические формы хозяйства.

Конференция констатирует расширение и укрепление роли и значения кооперативной общественности в деревне, в первую голову рост сельскохозяйственной кооперации.

Необходимо также констатировать успехи в развитии коллективных хозяйств как в отношении увеличения числа, так и укрепления их хозяйственной мощи. Развитие советских хозяйств за последнее время сделало их в общем бездефицитными, что способствовало усилению роли этих зачатков крупного социалистического производства в земледелии в деле развития сельскохозяйственной техники и культуры.

Все мероприятия в сельском хозяйстве должны исходить из необходимости дальнейшего укрепления союза рабочих с основной массой крестьянства — бедняками и середняками. Под этим углом зрения должны проводиться и в дальнейшем снабжение деревни с.-х. машинами и другими товарами, а также организация сбыта сельскохозяйственной продукции, построение с.-х. кредита и организация помощи бедняцкой части деревни (освобождение наиболее маломощного крестьянства от сельскохозяйственного налога, предоставление беднейшей части деревни особых кредитов, содействие развитию коллективных форм земледелия и т. п.).

Подтверждая правильность линии, установленной XIV партийной конференцией и XIV партийным съездом в отношении крестьянства, XV. партийная конференция решительно осуждает попытки оппозиции изменить эту политику в отношении крестьянства под флагом защиты будто бы интересов индустриализации и тем самым нанести непоправимый удар по смычке между городом и деревней.

Попытка рассматривать крестьянство только как объект обложения, дабы путем чрезмерных налогов и повышения отпускных цен увеличить изъятие средств из крестьянского хозяйства, должна неизбежно приостановить развитие производительных сил деревни, уменьшить товарность сельского хозяйства и создать угрозу разрыва союза рабочего класса и крестьянства, ставя под угрозу социалистическое строительство

Последние годы с полной ясностью обнаружили, что на основе национализации земли, экономической и общей политики советской власти (помощь бедняцкой и середняцкой массе крестьянства, рост кооперации, землеустройство, кредит, налоговая политика и т. д.), в условиях общего подъема народного хозяйства, происходит экономический подъем основных крестьянских масс, в том числе и значительной части бедняцких масс крестьянства (сокращение безлошадных и малопосевных хозяйств).

В политических и экономических условиях СССР особенностью дифференциации крестьянства является то, что на-ряду с ростом кулацких элементов деревни и пролетаризацией некоторой части бедняцких хозяйств происходит экономический подъем другой части бедняцких хозяйств.

Середняцкая масса деревни, пополняясь экономически поднимающимися бедняцкими хозяйствами, остается попрежнему главной силой земледелия.

Все это создает благоприятные условия для развития экономической и политической работы среди бедняков деревни, которые получают возможность в союзе с середняком через кооперацию бороться с нищетой и разорением и вести решительную борьбу за ограничение эксплоататорских стремлений кулачества.

Держа в дальнейшем неуклонно курс на развитие производительных сил сельского хозяйства, которое обеспечивает возможность быстрейшего развития промышленности и всего народного хозяйства, необходимо в практической работе в отношении крестьянства продолжать политику, направленную на развитие технических культур и животноводства, механизацию и интенсификацию сельского хозяйства, развитие отраслей промышленности, перерабатывающих сельскохозяйственные продукты, развитие совхозного и колхозного строительства.

Развитие кооперации попрежнему остается основной задачей партии в деревне, поскольку дальнейшее развитие сельского хозяйства, подъем его на высшую ступень техники и организации, вовлечение деревни в русло социалистического строительства — может быть достигнуто лишь путем развития и улучшения кооперативной работы.

V. Итоги истекшего 1925/26 г. и перспективы на 1926/27 г.

Охарактеризованные выше задачи и трудности длительного порядка оказали влияние на хозяйственное развитие 1925/26 г. и в еще большей степени кладут отпечаток на хозяйственный облик 1926/27 г.

Главнейшие итоги истекшего года сводятся (по данным Госплана) к следующему:

Валовая продукция сельского хозяйства возросла с 9 031,3 милл. рублей по довоенным ценам в 1924/25 г. до 11 124,4 милл. руб. в 1925/26 г., т.-е. на 23%; рост товарной части сельского хозяйства составил 22,8%. В связи с этим объем хлебозаготовок увеличился до 584 милл. пудов против 313,6 милл. пудов предыдущего года.

Производство госпромышленности возросло с 3 761 милл. довоенных руб. в 1924/25 г. до 5 333 милл. довоенных руб. в 1925/26 г., дав прирост на 42%. Внутри промышленности отрасли тяжелой индустрии обнаружили более быстрый темп развития по сравнению с легкой промышленностью. Капитальные вложения в промышленность значительно увеличились по сравнению с предыдущим годом. Общая сумма вложений составила 778 милл. руб. в 1925/26 г. против 385 милл. руб. в 1924/25 г.

Охарактеризованный рост производительных сил привел к дальнейшему подъему материального положения рабочего класса. Зарплата, составлявшая в 1924/25 г. в среднем за год 468 червонных рублей на 1 рабочего, повысилась в 1925/26 г. до 571 руб.

Госбюджет за 1925/26 г. вырос до 4 миллиардов руб.

Экспорт (по предварительным данным) возрос с 551 милл. рублей до 663 милл. рублей; импорт возрос с 720 милл. рублей до 759 милл. рублей.

Но этот общий рост производительных сил страны происходил в условиях существенных хозяйственных затруднений, которые были в главнейших чертах преодолены лишь во второй половине хозяйственного года.

На-ряду с большими хозяйственными достижениями за истекший год необходимо констатировать ряд неблагоприятных моментов:

а) рост розничных цен приблизительно на 10—11% за год; на-ряду с этим имело также место некоторое повышение себестоимости производства;

б) пассивный торговый баланс, связанный в главной своей части с недовыполнением экспортных планов;

в) образование денежного резерва по бюджету в значительно меньшем размере, чем это предполагалось;

г) недовыполнение доходной части бюджета транспорта, главным образом, в связи с увеличением в общей массе грузооборота малорентабельных перевозок, и как результат этого крайняя напряженность финансового положения транспорта, благодаря чему вновь встала проблема увеличения железнодорожных тарифов;

д) значительное сокращение топливных запасов к концу года, вызванное невыполнением плана добычи топлива (97%) при фактическом превышении планов расхода топлива (102,4%); недостаточное увеличение производства электроэнергии при чрезвычайном возрастании потребностей в ней.

Все эти отрицательные моменты в значительной степени объясняются теми специфическими хозяйственными затруднениями истекшего года, которые были вызваны приступом к осуществлению не соответствующих ресурсам страны планов капитальных затрат и развертывания промышленности, превышающих валютные ресурсы импорта, а также чрезмерным использованием эмиссии для хлебозаготовок и финансирования хозяйства в начале истекшего года. Уточнением и сокращением плановых предположений удалось ко второй половине хозяйственного года эти затруднения в основном изжить.

Основная линия хозяйственного плана была благодаря принятым мерам сохранена полностью, и все хозяйство поднялось на более высокую ступень развития.

Истекший год снова свидетельствует о дальнейшем укреплении и увеличении в экономике страны социалистических элементов. В области производства и товарооборота позиции социализма как в городе, так и в деревне укрепились.

Повторный хороший урожай 1926 года в значительной мере определяет общий характер хозяйственной жизни на протяжении всего 1926/27 года. Валовая продукция сельского хозяйства возросла на 7%, товарная часть на 14,4%; при этом рост по зерновым культурам составляет 9,1%, по животноводству—4,9%, по техническим же культурам обнаруживается падение на 6%. Это падение посева технических культур создает затруднения в текущем году по снабжению промышленности сырьем и развитию экспорта.

Промышленное производство предположено увеличить на 17—18% по сравнению с предыдущим годом (тяжелая индустрия свыше 20%). Размер капитальных вложений повышается до 900 милл. рублей, а вместе с электрификацией 1 050 милл. рублей.

Для обеспечения указанного роста производства и размера капитальных работ предполагается максимально увеличить долю промышленного импорта в общем составе ввоза из-за границы. Если в истекшем году импорт для нужд промышленности составлял немного более 60% всего импорта, то предполагается в этом году довести его до 80%. Оборудования в предстоящем году будет ввезено в три раза больше истекшего года. Сырья предполагается ввезти в размерах, обеспечивающих указанный выше рост производства.

В этих условиях голод на промышленные товары будет иметь место и в текущем хозяйственном году, при чем, однако, нет оснований предполагать его обострение.

В отличие от прошлого года насыщение рынка промышленными товарами широкого потребления будет происходить лишь за счет внутреннего производства.

VI. Основные проблемы текущего хозяйственного года.

Создавшаяся к началу наступившего года хозяйственная обстановка требует особого внимания партии и советских органов к практическому разрешению следующих важнейших задач:

а) Промышленность и капитальное строительство. Задачей партии и государства в руководстве промышленностью и в текущем хозяйственном году остается использование всех возможностей для максимального увеличения продукции промышленности, с целью изживания недостатка промышленных товаров и общего оздоровления товарооборота. Для осуществления этой задачи необходимо, на-ряду с организованным и максимальным использованием внутреннего сырьевого рынка, увеличить при малейшей возможности дополнительный ввоз иностранного сырья для полной нагрузки отраслей промышленности, работающих на широкий рынок. В новых условиях работы промышленности, при почти полной нагрузке существующего оборудования в большинстве отраслей, задача максимального увеличения продукции становится значительно более сложной, чем в предыдущие годы. Возможности расширения производства прежде всего нужно искать в улучшении работы самой промышленности: в технических достижениях, в лучшей организации рабочей силы, в поднятии производительности труда, в снижении накладных расходов, в ускорении оборота капиталов промышленности, в решительном сокращении иммобильных ресурсов промышленности и т. п.

Необходимость такой решительной постановки вопросов рационализации промышленности вытекает из того, что в наших условиях рационализация дает дополнительные источники для развертывания социалистической промышленности на основе более высокой производительности труда, удешевления себестоимости изделий и в противоположность капиталистическим странам обеспечивает увеличение рабочих кадров, занятых в производстве в целом.

XV конференция ВКП (б) считает важнейшей задачей соответствующих государственных и хозяйственных органов улучшение организации производства и управления промышленностью, макси-

мальное снижение административных, управленческих расходов, чтобы путем величайшей экономии и мобилизации всех средств добиться максимального увеличения продукции, ее удешевления и улучшения качества.

Осуществление этой задачи требует решительного устранения имевшихся до сих пор неувязок нарушавших производство и дезорганизовавших работу хозяйственно связанных предприятий: несвоевременное выполнение заказов и несвоевременная их оплата, запоздание поставки сырья и полуфабрикатов, запаздывание с выплатой зарплаты, несвоевременное утверждение производственных программ, финансовых и кредитных планов и т. п.

При продолжающемся росте нашей промышленности и напряженности ее внутренних ресурсов, все обслуживающие ее учреждения должны пересмотреть методы своей работы в целях более чуткого и внимательного отношения к нуждам обслуживаемой промышленности, устраняя лишний, ненужный формализм, поскольку от этого зависит работа десятков и сотен предприятий. Вместе с тем должна быть установлена действительная ответственность учреждений и предприятий за нарушение договоров и невыполнение плановых заданий.

Отмечая недостаточную экономическую и техническую проработку проектов капитальных работ, недостаточную увязку их с общехозяйственным планом, неорганизованность контроля за производящимися строительными работами (что зачастую приводило к нерациональному расходованию средств), XV конференция ставит перед органами промышленности задачу решительной борьбы с этими недочетами. Возлагая на соответствующие государственные и хозяйственные органы обязанность обеспечить вложение в капитальные работы и в новое строительство по промышленности не менее 900 милл. руб., а вместе с электрификацией не менее 1 миллиарда рублей, XV конференция ВКП(б) требует от всех органов максимальной предусмотрительности при начале новых капитальных работ, соблюдения величайшей плановой дисциплины и установления такой проверки исполнения планов, которая обеспечила бы экономичность и рентабельность строительства и соблюдение установленных размеров и сроков постройки.

Капитальное строительство еще в более значительной мере, чем в истекшем году, должно быть преимущественно направлено на переоборудование и перестройку тяжелой промышленности (металл, топливо, электростроительство). В частности должно быть уделено достаточное внимание развитию производства цветных металлов (меди, олова, свинца, алюминия).

Имея в виду необходимость форсировать постановку в нашей

стране производства орудий производства, с целью уничтожения зависимости от капиталистических стран в этой решающей для индустриализации области, конференция ставит перед государственными и хозяйственными органами задачу всемерного развития машиностроения. В этом направлении должны итти главные усилия руководящих органов промышленности, сюда должны быть направлены лучшие технические силы и лучшие коммунисты-администраторы.

Задачи, стоящие перед партией и государством в области промышленности, могут быть успешно разрешены лишь при условии вовлечения в эту колоссальную строительную работу творческих сил широчайших рабочих масс, ввиду чего необходимо добиться более близкого участия в этой работе профессиональных союзов и производственных совещаний.

Перестройка промышленности на новой технической базе, естественно, требует больше, чем когда-нибудь, мобилизации всех технически грамотных сил, имеющихся у нас в стране, и бережного отношения к специалистам, которые с преданностью своему делу отдают силы для помощи рабочему классу в грандиозном строительстве социализма. Нужно считаться с крайней малочисленностью технически культурных сил, доставшихся пролетарской диктатуре от культурно отсталой дореволюционной России, и наряду с заботами о росте технической культуры, о создании новых кадров техников из рабочих и крестьян государство должно экономно и целесообразно использовать имеющиеся силы.

Конференция также обращает внимание всех партийных организаций, профессиональных и хозяйственных органов на необходимость повышения квалификации специалистов, а также усиления опытными специалистами низших звеньев производственной системы за счет управленческих органов, создавая должные условия для их работы на производстве.

Отмечая важную роль местной промышленности в хозяйстве страны, а также успехи, достигнутые в ее развитии, XV конференция считает необходимым, чтобы ВСНХ и другие центральные органы уделяли ей должное внимание и учитывали ее нужды при составлении кредитных и импортных планов и планов снабжения ее подсобными видами сырья и материалов.

б) Проблема цен и товарооборот. Политика партии и в новых условиях осуществления индустриализации исходит из необходимости продолжения курса на снижение промышленных цен. Только этот курс на снижение цен отвечает интересам широких масс города и деревни. Тем большее значение приобретает преодоление определившихся на протяжении истекшего года острых

болезненных явлений в области цен, выразившихся в первую очередь в росте розничных цен на промтовары. Причины роста розничных цен коренятся в условиях, во-первых, товарного голода, создавшего возможность чрезмерно высоких накидок и прибылей для торгующих организаций, и, во-вторых, непомерных накладных расходов и нерациональной организации товаропроводящей сети. Наибольшей величины розничный индекс промтоваров достиг на 1 мая 1926 г.—2,71 против 2,25 на 1 мая 1925 г. Под влиянием мероприятий по снижению розничных цен этот индекс, начиная с 1 мая, обнаруживает некоторое понижение, составляя на 1 октября 2,64. Это снижение цен ни в коем случае не может быть признано достаточным. Раствор оптово-розничных «ножниц» остается еще чрезвычайно широким. Достижение решительных успехов на пути дальнейшего снижения розничных цен на промтовары приобретает тем большее значение, что хлебные цены стоят на уровне, значительно пониженном против прошлого года.

Конференция считает необходимым продолжать со всей энергией начатую партией кампанию за снижение розничных цен, втягивая в нее широкие слои кооперированного населения—рабочих и крестьян.

Имевшее место в истекшем году частичное повышение себестоимости производства диктует необходимость принятия решительных мер в направлении снижения себестоимости.

Конференция считает необходимым на протяжении настоящего года добиться такого понижения себестоимости промышленной продукции, которое сделало бы возможным понижение и отпускных цен.

Глубоко ошибочными являются предложения ряда товарищей из оппозиции о повышении отпускных цен на промтовары, как источнике дополнительных средств для ускорения индустриализации страны. Эти предложения XV всесоюзная конференция ВКП(б) отвергает со всей решительностью. Пытаться проводить индустриализацию методами повышения отпускных цен—значит развертывать нашу промышленность изолированно, оторванно от всех прочих отраслей народного хозяйства, ограничивать расширение рынка для сбыта ее продукции, стимулировать дальнейшее повышение розничных цен и тем самым понижать уровень реальной заработной платы, восстанавливать деревню против города, усиливать дифференциацию в деревне, делая промтовары доступными лишь для более зажиточных слоев деревни, создавать предпосылки для инфляции и, в конечном счете, сорвать осуществление самой задачи индустриализации. Повышение отпускных цен является особенно опасным в условиях фактической монополии госпромыш-

ленности, так как неизбежно приводит к техническому застою в ней и к усилению бюрократизма во всем хозяйственном аппарате.

Задачи, стоящие перед партией и советским государством в области цен, требуют особенного внимания к вопросам организации и упорядочения товаропроводящей сети.

Отмечая с удовлетворением достигнутые госторговлей и кооперацией успехи в отношении овладения товарооборотом страны, конференция подтверждает, что линия на укрепление господствующего положения кооперации и государственной торговли в области товарооборота на основе решений XIV партконференции со всей решительностью должна быть продолжена и дальше. Вместе с тем конференция констатирует недостаточность успехов, которые достигнуты в борьбе за оздоровление и удешевление государственной и кооперативной товаропроводящей сети.

Проведение строжайшего режима экономии в торгующих организациях, беспощадная борьба за снижение накладных расходов, сокращение аппаратов, преодоление бесхозяйственности, расхлябанности и бюрократизма в торговых аппаратах, усиление кредитной дисциплины являются попрежнему теми задачами, к разрешению которых должно быть привлечено самое усиленное внимание партии, рабочего класса и крестьянства.

Кооперация, овладевшая свыше чем на 40% розничным оборотом (а вместе с госрозницей свыше 60%), должна на деле доказать низовому потребителю—рабочему и крестьянину—преимущество перед частно-капиталистической торговлей, как более дешевая, экономная и отвечающая интересам широкого массового потребителя организация. Поэтому вопросы улучшения качества торговли кооперации выходят за пределы узких экономических задач и приобретают огромную политическую важность.

На-ряду с отмеченным ростом обобществленного сектора в народном хозяйстве роль частного капитала, особенно в области товарооборота, остается еще значительной. Отсюда вытекает необходимость особого внимания со стороны партии и государства к вопросам борьбы с частным капиталом.

Некоторые успехи, достигнутые на пути государственного регулирования частного капитала (экономическое регулирование на транспорте, снабжение промпродукцией лишь на строго определенных условиях, отведение частному капиталу лишь строго ограниченных областей деятельности и т. д.), свидетельствуют о том, что при лучшей постановке учета деятельности частного капитала возможно в большей степени, чем в настоящее время, подчинение его государственному регулированию.

Конференция особо подчеркивает явную недостаточность в настоящее время учета размеров частного капитала и направления его деятельности. Это отсутствие учета порождало преувеличенные исчисления частно-капиталистического накопления в отдельных отраслях хозяйства. Отсутствие учета частного капитала, при гибкости его в смысле перехода из одной сферы деятельности в другую, затрудняет практическое осуществление налоговой политики партии, основывающейся на прогрессивно-подоходном обложении, и ограничение этим путем частно-капиталистического накопления. Отсутствие же учета позволяло отдельным группам частного капитала уклоняться от обложения (группы, связанные с валютным рынком, и др.).

Особое внимание конференция обращает на необходимость установления тщательного контроля за деятельностью частного капитала, связанного с кустарной промышленностью, в целях борьбы с эксплоатацией им кустарей и ремесленников.

Одобряя проводимые партией и государством мероприятия по усилению обложения прибылей частного капитала, конференция считает необходимым провести в жизнь ряд мер, которые обеспечили бы, во-первых, надлежащий учет деятельности частного капитала и, во-вторых, сосредоточение его работы в тех отраслях народного хозяйства, которые в наибольшей степени делают возможными регламентацию его деятельности, учет и обложение его прибылей.

в) Внешняя торговля. Осуществление индустриализации на данной стадии развития упирается в необходимость максимального ввоза оборудования, возможность расширения которого зависит от развития экспорта и освобождения импорта от тех товаров, которые могут быть произведены внутри СССР.

Несоответствие между уровнем развития внешней торговли и развитием внутреннего производства страны ставит во весь рост задачу максимального расширения экспорта. Исходя из этого, конференция считает совершенно необходимым создание прочной экспортной базы народного хозяйства путем поощрения развития соответствующих отраслей сельского хозяйства и промышленности. Особенное внимание должно быть уделено развитию элеваторного и холодильного дела, первичной обработке экспортных продуктов сельского хозяйства, стандартизации их и соответствующей организации транспорта. В тех же целях конференция признает необходимым создание специального фонда для премирования экспорта наименее рентабельных товаров.

Отмечая неисполнение директив партии об активном балансе по внешней торговле на протяжении двух последних лет, конфе-

ренция со всей решительностью подчеркивает необходимость такого соотношения в размерах между экспортом и импортом, которое совершенно твердо гарантировало бы сведение платежного торгового баланса с активным сальдо в размерах, обеспечивающих накопление валютных резервов.

Необходимым условием успешного развития внешней торговли является понижение накладных расходов, продолжающих оставаться все еще непомерно высокими, улучшение качества работы аппарата внешней торговли и его удешевление.

XV всесоюзная конференция подчеркивает незыблемость монополии внешней торговли, как основной предпосылки наших хозяйственных отношений с капиталистическими странами и развития внешней торговли в направлении, наиболее полно отвечающем основным задачам социалистического строительства.

г) Вопросы труда. Улучшение материального положения рабочего класса, повышение его жизненного уровня в соответствии с достижениями и успехами народного хозяйства является одной из основных задач партии.

Последние годы характеризуются бурным ростом количества занятых рабочих, ростом номинальной и реальной заработной платы и улучшением условий труда. В связи с этим систематически из года в год возрастал удельный вес доходов лиц наемного труда в общем национальном доходе и составил (по данным Госплана) в 1925/26 г.—29,2% против 23,2% в 1923/24 г. и 22% в 1913 году.

На протяжении истекшего года число рабочих крупной промышленности возросло на 439 тысяч.

Реальная дневная зарплата повысилась на 11,7%.

XV всесоюзная партконференция одобряет полностью принятые ЦК решения о повышении в течение текущего года уровня зарплаты в отсталых отраслях производства и особенно низко оплачиваемых групп рабочих как дальнейший шаг в направлении изживания ненормальной разницы в оплате различных категорий трудящихся.

Конференция отмечает, что истекший год обнаружил ряд нездоровых явлений, выразившихся в первую очередь в замедлении роста производительности труда, ухудшении качества работы в связи с вовлечением значительного кадра малоквалифицированных рабочих, нерациональным использованием рабочей силы, частичным ослаблением трудовой дисциплины (прогулы и т. д.). Резко возросший процент прогулов приводит к необходимости в целях бесперебойности производства содержать значительный штат излишних рабочих (на случай возможных невыходов), тем

самым значительно удорожая производство. Против этих нездоровых явлений необходимо повести решительную борьбу. На-ряду с административно-техническими мероприятиями в этом направлении громадное значение приобретают производственные совещания. Без активного участия рабочих масс борьба за укрепление трудовой дисциплины не может вестись с полным успехом, равно как без широкого участия рабочих масс не могут быть успешно разрешаемы и все другие задачи и трудности, стоящие на пути социалистического строительства. Задача индустриализации страны сможет быть успешно разрешена только в том случае, если широкие массы рабочих будут отдавать себе ясный отчет как в тех задачах, которые стоят перед рабочим классом в деле расширения промышленности, так и в трудностях строительства всего народного хозяйства.

Хозяйственные, профессиональные и партийные организации должны всеми мерами способствовать улучшению работы производственных совещаний и быстрейшему осуществлению указаний и решений производственных совещаний, направленных к улучшению и рационализации производства.

Практическое осуществление индустриализации выдвигает неотложную задачу улучшения технической квалификации наличных и подготовки новых кадров квалифицированных рабочих, а также поднятия общего культурного уровня рабочих масс. В связи с этим необходимо улучшить постановку дела в школах фабрично-заводского ученичества, расширить сеть вечерних курсов и облегчить условия индивидуального и бригадного ученичества. Необходимо обратить серьезнейшее внимание на дело профтехнического образования и укрепления связи его с промышленностью.

Жилищный вопрос в быту рабочих стал одним из наиболее острых вопросов, без положительного решения которого невозможно улучшение положения рабочих в дальнейшем, не говоря уже о том, что усиливающийся жилищный кризис является сильнейшим препятствием в деле дальнейшего развертывания промышленности. Придавая первостепенное значение делу постройки рабочих жилищ, которое потребует для своего осуществления ряда лет, XV партконференция полностью одобряет практические решения июльского пленума ЦК и ЦКК по жилищному вопросу и считает необходимым ускорить проведение этих решений в жизнь, обратив особое внимание на своевременность отпуска кредитов на жилищное строительство и усиление контроля за правильным использованием этих кредитов.

XV всесоюзная конференция констатирует наличие значительного кадра безработных, несмотря на рост промышленности и на

вовлечение в государственную промышленность в течение последнего года свыше 400 тысяч новых рабочих.

Основным источником, откуда пополняются кадры безработных, является деревня, выбрасывающая в город излишнюю в сельском хозяйстве рабочую силу. Значительное влияние на рост безработицы оказывает также сокращение штатов обслуживающего персонала хозяйственных и государственных органов.

Связанная в своей главной части с избыточностью населения деревни безработица будет иметь неизбежно длительный характер. Важнейшими путями в ее изживании являются, во-первых, такие мероприятия в самом сельском хозяйстве, которые увеличили бы его потребность в рабочей силе (помощь деревенской бедноте, усиление трудоемких культур, интенсификация сельского хозяйства, коллективизация его, переселение и т. п.), и, во-вторых, развитие индустрии. Одновременно с этим должны быть приняты немедленные меры по расширению общественных работ, упорядочению помощи безработным, найма и увольнения рабочих и организации бирж труда.

Итоги работы и очередные задачи профсоюзов.

Введение.

Текущий момент характеризуется быстрым ростом производительных сил страны вообще, государственной промышленности— в частности. Этот рост сопровождается вместе с тем ростом социальных противоречий и—на данном отрезке времени—известным обострением классовой борьбы в стране, при относительном укреплении экономических и политических позиций пролетариата. Возрастающая хозяйственная, а также и политическая активность классов и групп, прямо враждебных пролетариату (буржуазия, кулачество), а равно возрастающая активность городской и сельской мелкой буржуазии, нуждающейся в пролетарском руководстве и обнаруживающей неизбежные шатания, требуют консолидации, сплочения, организации всех сил растущего пролетариата. Индустриальный пролетариат, как руководящий класс советского общества, должен и дальше всемерно укреплять свою позицию, свое влияние, свою роль. Профессиональные союзы, являющиеся самой широкой формой чисто классового по своему составу объединения рабочих, становятся в настоящий момент перед громадными задачами. Коммунистическое (общеполитическое, культурное, производственное) воспитание новых слоев ра-

бочего класса, повышение общей активности пролетариата как в политической жизни страны, так и в деле хозяйственно-социалистического строительства, поднятие материального жизненного уровня пролетариата в связи с ростом производительности труда, дальнейшее вовлечение широких пролетарских масс в борьбу с бюрократизмом и бюрократическими извращениями госаппарата—становятся с особой силой в порядок дня.

Переломный момент в жизни нашего хозяйства, связанный с переходом от восстановительного процесса к реконструктивному и с особыми трудностями этого перехода, требует от профсоюзов особо напряженной работы по широкому просвещению масс, повышению их интереса к общим задачам класса в его целом и более широкому вовлечению рабочих масс во все дело социалистического строительства (советы, хозорганы, кооперация и т. д.).

Рост профессиональных союзов, являющийся следствием роста пролетариата в стране, должен послужить могучим фактором укрепления пролетарской диктатуры и социалистического строительства.

Одновременно с этим, ввиду развития под ударами наступающего капитала борьбы за международное единство профдвижения, перед профсоюзами СССР становится задача еще более энергичной работы на фронте международной пролетарской борьбы. Рост влияния профсоюзов СССР в этой области должен еще более укрепить узы интернациональной солидарности широких масс борющегося пролетариата, способствовать делу братской связи между пролетариями капиталистических стран и пролетариями Советского Союза и тем самым помогать делу всемирного освобождения трудящихся от ига капитала и борьбе за победу международной революции.

Положение профсоюзов.

Несмотря на ряд хозяйственных затруднений истекшего года, советское хозяйство продолжало непрерывно расти. Вместе с его ростом во всех отраслях продолжала расти численность пролетариата и число членов профсоюзов:

на 1 апреля 1925 г.	6 950 400
„ 1 „ 1926 г.	8 768 200

Увеличение на 26,2%.

На-ряду с численным ростом профсоюзов шло непрерывное углубление их работы на основе развертывания пролетарской

демократии, расширение сети профсоюзных организаций, расширение и обновление союзного актива путем привлечения к пролетарской общественной работе новых десятков тысяч рабочих,— подтверждая на опыте целиком и полностью правильность директив XIV партсъезда.

Равным образом значительно оздоровилась и вся финансовая политика профсоюзов: окрепли финансы, усилилась помощь безработным, увеличились расходы на культработу, улучшилась финансовая отчетность, усилился контроль со стороны вышестоящих организаций, а равно и деятельность ревизионных комиссий, значительно сократились растраты.

Однако на-ряду с несомненными успехами профсоюзов во всех областях их работы и изжития уродливых форм «хозяйственного» уклона следует отметить ряд серьезных недостатков и уклонений в их работе, могущих затормозить дальнейшее проведение в жизнь решений XIV партсъезда. Эти недостатки и уклонения должны быть окончательно и решительно устранены.

Несмотря на значительное улучшение общей массовой работы и живой связи между вышестоящими и низшими органами профсоюзов, в работе профсоюзов все еще наблюдаются следующие недостатки:

1. Недостаточное выполнение своих прямых обязанностей защиты экономических и бытовых нужд и интересов рабочих и работниц, недостаточное внимание к их мелким насущным, бытовым и экономическим нуждам и требованиям, недостаточно энергичная защита справедливых и законных требований рабочих перед гос- и хозорганами, медлительность, а порой и волокита при проведении их в жизнь.

2. Далеко еще не достаточная деловая связь между ЦК и губотделами и райкомами профсоюзов, с одной стороны, и между этими последними и предприятиями—с другой, а также и между руководителями ФЗК и самой работающей массой, цехами, что свидетельствует о значительном преобладании канцелярских методов руководства, которое всегда ведет к взаимному непониманию между руководимыми и руководителями, формализму, с одной стороны, и раздражению и недоверию—с другой. Это является одной из причин имевшихся фактов нарушения союзной дисциплины и конфликтов и забастовок «без ведома» профсоюзов. Следует равным образом отметить, как недостаток, чрезвычайно редкое посещение предприятий руководителями и представителями высших профсоюзных организаций.

3. Недостаточное освежение в целом ряде районов платных

выборных работников ФЗК (председателей, секретарей, членов президиума), слабое втягивание на эти посты беспартийных рабочих, как равно и в высшие звенья профсоюзных организаций (губотдел, губпрофсовет, ЦК), что грозит обособлением этого слоя работников и отрывом их от масс.

4. Недостаточная работа над воспитанием молодого актива, что является причиной фактов невыдержанности в его рядах, колебаний и неумения обеспечить союзное влияние на массы.

5. Недостатки массовой работы, в частности постановка общих и делегатских собраний, загрузка порядка дня общих и делегатских собраний отвлеченными, неинтересными для рабочих вопросами, в которых тонут и не получают должного выявления и освещения насущные для рабочих экономические и бытовые вопросы, а также невыполнение и несвоевременное освещение перед рабочими решений, принятых на общих собраниях, разочарование рабочих общими собраниями, утомление и несерьезное к ним отношение.

6. Совершенно недостаточны связь и участие профсоюзов в работе советов и их органов, кооперации и т. п. Это особенно ненормально в теперешних условиях развертывания и оживления их работы, что требует максимального усиления организованного участия рабочих во всех отраслях советского и кооперативного строительства.

7. К числу недостатков союзной работы следует равным образом отнести и урок последних перевыборов в фабкомы. Несмотря на то, что общее количество женщин-работниц, вовлеченных в активную профсоюзную работу и во все выборные органы профсоюзов, неукоснительно росло, последние выборы в фабзавкомы показывают, при общем повышении, некоторое падение процента женщин в составе отдельных фабзавкомов крупных промышленных центров. Профсоюзы должны, не нарушая принципов нормальной демократии, при выборах союзных органов повести более энергичную разъяснительную работу среди своих членов за необходимость выдвижения женщин-работниц на все профсоюзные, хозяйственные и советские посты, энергично поддерживая на выборах кандидатуры женщин-работниц.

Во всей работе профсоюзов должно быть обращено большее внимание на развертывание работы среди работниц на предприятиях, согласно последних директив ЦК и ВЦСПС, устанавливающих правильное разграничение партийной и профессиональной работы среди работниц. Возложение профработы среди работниц целиком на фабзавместкомы поведет к более лучшему и полному обслуживанию интересов и нужд работниц (охрана труда, повышение

квалификации и т. д.) и тем самым к большей заинтересованности работниц союзной работой.

8. Практика обсуждения колдоговоров на делегатских и общих собраниях дала, безусловно, положительные результаты, развивая у рабочих наиболее сознательное отношение к своим правам и обязанностям, вытекающим из колдоговора, а равно и более отчетливое сознательное представление о хозяйственном положении и производственных задачах своего предприятия. Эта практика предварительного обсуждения колдоговора на общих собраниях рабочих с последующими докладами о ходе переговоров и об окончательном их результате должна получить всеобщее распространение. Одновременно с этим в области заключения колдоговоров следует признать факты имеющей место затяжки с заключением колдоговоров, вызывающие недовольство рабочих. Для устранения этого поручить ВЦСПС, ВСНХ и НКТруду дать соответствующие указания нижестоящим организациям и учреждениям.

Режим экономии.

Политический и культурный рост основных кадров пролетариата развивает его чуткое отношение ко всяким нарушениям революционного права и бюрократическим извращениям со стороны отдельных администраторов линии соввласти, является основой для дальнейшего роста производительности труда и дальнейших успехов социалистического строительства при сознательном участии всего пролетариата, требуя в то же время от администраторов и хозяйственников чуткого подхода к рабочим, внимательности и точного проведения во всех отраслях советской и, в частности, хозяйственной работы линии советского государства, соблюдения законов и прав рабочих.

Режим экономии, как необходимая предпосылка социалистического накопления, понижения себестоимости продукции и снижения цен на все продукты и товары, уже дал некоторые, правда еще скромные, результаты, и несомненно, наши успехи в этой области будут из года в год расти, являясь в то же время и предпосылкой для дальнейшего улучшения экономического положения рабочих.

Режим экономии направлен, таким образом, к укреплению и развитию октябрьских завоеваний рабочих и работниц и может успешно проводиться лишь при непременной активной поддержке самих широких рабочих масс и на основе борьбы с недостатками гос- и хозаппарата, усовершенствования системы управления производством и постановки самого производства, жесткого сокра-

щения непроизводительных расходов и укрепления трудовой дисциплины при действительном ограждении прав и интересов рабочих.

Поэтому следует признать безусловно нетерпимыми имевшие место явные извращения режима экономии со стороны ряда хозорганов в сторону проведения его не за счет рационализации процессов производства и сокращения накладных расходов, а путем нарушения насущнейших нужд и интересов рабочих, нервируя их частым несвоевременным пересмотром норм и расценок, мелким, придирчивым отношением административного персонала и даже порой допуская прямые нарушения колдоговоров и Кодекса законов о труде. Партия и профсоюзы должны объявить самую решительную борьбу со всякого рода бюрократическими извращениями линии партии и соввласти со стороны хозорганов и отдельных администраторов.

В то же время очередной задачей профсоюзов является планомерная неустанная работа над укреплением профсоюзной и трудовой дисциплины, решительная борьба с анархическими приемами, применяемыми отдельными группами рабочих для разрешения экономических и бытовых вопросов («волынки», забастовки без разрешения союза и т. п.) без того, чтобы исчерпать законные и нормальные методы удовлетворения своих претензий.

Равным образом решительно борясь против бюрократических извращений хозорганов, энергично отстаивая экономические и бытовые интересы рабочих, профсоюзы должны, опираясь на основные, наиболее сознательные кадры пролетариев, вести не менее энергичную борьбу с разнузданным отношением к производству и трудовой дисциплине, как угрозой срыва всего социалистического строительства, являющегося кровным делом рабочего класса. Прогулам, расхлябанности, недобросовестному отношению к своим обязанностям профсоюзы, опираясь на пролетарское общественное мнение, должны объявить самую решительную борьбу. Профсоюзы не только должны поддерживать все разумные мероприятия хозорганов, направленные к проведению режима экономии, но и быть инициаторами конкретных предложений, направленных к проведению лозунгов партии о режиме экономии и рационализации производства.

Точное выполнение как администрацией, так и рабочими законов, договоров и правил о труде и производстве (КЗоТ, колдоговоров, правил внутреннего распорядка, постановлений примирительных инстанций и третейских судов и т. д.) должно являться необходимейшей предпосылкой правильной организации труда и здоровой трудовой дисциплины.

Производственные совещания.

XIV съезд ВКП указал партии и профсоюзам, что «наилучшей формой втягивания широких рабочих масс в дело практического строительства советского хозяйства, воспитания в них сознания тесной зависимости интересов трудящихся от степени хозяйственных успехов социалистического государства, выдвижения и воспитания новых кадров хозяйственников и администраторов из среды рабочих являются призводственные совещания при фабриках, заводах и других крупных предприятиях и хозяйствах».

Конференция считает, что это определение роли производственных совещаний, данное XIV съездом, целиком и полностью подтверждено жизнью. В настоящее время производственные совещания (и конференции) должны при умелом и энергичном руководстве ими со стороны профсоюзов сыграть особо выдающуюся роль, приобщая широкие слои рабочих к сознательному участию в организации промышленности и всего дела социалистического строительства, воспитывая и обучая их делу управления производством, выдвигая новые тысячи пролетариев—администраторов и хозяйственников и тем самым создавая прочную основу для борьбы с бюрократизмом и оздоровления всего государственного и хозяйственного аппарата.

Вопреки паническим крикам оппозиции, производственные совещания развиваются и постепенно переходят на более углубленную работу. Первый этап работы производственных совещаний—обсуждение и устранение самых насущных недостатков—в основном почти закончен.

Временные заминки, наблюдающиеся в работе производственных совещаний, объяснялись волокитой в хозорганах, пренебрежительным отношением к ним со стороны некоторой части хозяйственников и фабрично-заводской администрации, порой ревнивым отношением ее к предложениям рабочих; невнимательным, а иногда и халатным отношением к ним со стороны отдельных профсоюзов, непониманием ими (профсоюзами) необходимости энергичного проведения в жизнь технически возможных и производственно целесообразных предложений производственных совещаний; неумением использовать гласность и пролетарскую демократию в борьбе с волокитой (стенгазеты, корреспонденции, доклады на общих собраниях); недостаточностью учета, контроля и отчетности о судьбе выдвигаемых производственными совещаниями предложений.

Подтверждая директивы XIV партсъезда о задачах произ-

водственных совещаний, конференция признает, что очередными задачами в данный момент являются:

1. Углубление работы производственных совещаний путем перехода, как правило, к плановой работе, устанавливая на первое время планы их работ на сравнительно небольшой отрезок времени, в то же время не отказываясь от постановки в порядок их обсуждения неочередных вопросов, выдвигаемых участниками совещаний.

2. Переход к обсуждению и разработке более крупных общих вопросов, как то: улучшение организации труда и производства всего цеха, всего предприятия, треста в целом и т. д., разлагая большие, сложные вопросы на ряд более мелких, частных, детально прорабатывая каждый из них в цеховых производственных совещаниях и в специально создаваемых для этой цели комиссиях. Президиум ВЦСПС и отдельные ЦК союзов, на основе внимательного изучения работы производственных совещаний, должны разработать ряд примерных инструкций о методах и системе работ производственных совещаний как общего характера, так и в отношении отдельных отраслей промышленности, и обсудить вопрос об издании специального журнала для руководства работой и объединения опыта производственных совещаний.

3. Все профсоюзные организации должны в большей мере, чем это было до сих пор, усилить внимание и практическое руководство работой производственных совещаний, настойчиво добиваясь скорейшего проведения в жизнь их производственно целесообразных решений, регулярно и возможно полно совместно с хозяйственниками информируя совещания о причинах отклонения их решений или замедления в проведении их в жизнь. Парторганизации должны в полной мере помочь профорганизациям в этой работе.

4. Обязать хозорганы усилить свое внимание к производственным совещаниям на основе июльского циркуляра (ВСНХ и ВЦСПС). ВСНХ должен наблюсти за проведением в жизнь указанного циркуляра и принять меры к устранению волокиты и халатности при рассмотрении предложений производственных совещаний, привлекая к ответственности администраторов и хозяйственников, не выполняющих указанных директив и искажающих линию советского государства в этом вопросе.

В интересах углубления работы производственных совещаний, их приближения к делу управления предприятиями,—а тем самым приближения к делу управления рабочих масс, их наилучшего ознакомления с его планами, финансами, с торговым и операци-

онным аппаратами, рациональным использованием имеющихся ресурсов,—признать полезным в виде опыта применить на отдельных предприятиях создание временных контрольных комиссий из рабочих данного предприятия, формируемых ФЗК и производственными совещаниями. Задачей подобных комиссий должно явиться детальное ознакомление со всей деятельностью заводоуправления за определенный срок его работы, его планами, финансами, методами управления, структурой аппарата, а равно и рациональным использованием находящихся в его распоряжении ресурсов для соответственного совместно с хозяйственниками доклада на пленуме производственного совещания.

Точное перечисление прав и обязанностей таких комиссий, их структура и метод формирования, а равно и определение тех предприятий, на которых в первую очередь должен быть проведен данный опыт, поручается разработать и определить ВЦСПС и ВСНХ.

Профсоюзы должны углубить работу производственных конференций путем более тщательной, компетентной подготовки и предварительной проработки их порядка дня, учета их опыта и регулярной проверки проведения в жизнь их постановлений и устранения указанных на данных конференциях недостатков.

Профсоюзы и хозяйство.

Необходимо признать работу и внимание профсоюзов к хозяйственно-экономическим вопросам и к делу выдвижения своих кандидатов на административно-хозяйственные посты явно недостаточными и слабыми. Одновременно необходимо констатировать ряд случаев невнимания хозорганов к указаниям профсоюзов и выставляемым ими кандидатурам на хозяйственные посты. Это положение должно быть возможно скорее изжито.

Для этого все партийные, профессиональные и хозяйственные организации должны неукоснительно помнить резолюцию XI съезда РКП и XIV съезда ВКП о необходимости энергичного участия профорганизаций во всех планирующих и регулирующих органах и выдвижения из рабочих хозяйственников-администраторов. Особое внимание должно быть обращено на согласование и утверждение кандидатур, выдвигаемых на хозяйственные посты.

Профорганизации должны усилить свое внимание к работе ревизионных комиссий хозорганов, улучшить состав своих представителей в них, установить с ними теснейшую связь так, чтобы быть всегда в курсе работ как своих представителей, так и ревизионных комиссий в целом, а тем самым и всей хозяйственной

деятельности данного предприятия, треста и отрасли промышленности в целом.

Это приблизит органы профсоюзов к хозяйству, увеличит их компетенцию и даст возможность активно влиять на организацию и управление производством.

Профсоюзы должны всемерно усилить свою работу по подготовке и обучению новых слоев рабочих делу управления социалистическим хозяйством, выдвигая способнейших из рабочих и работниц на различные хозяйственные посты (через производственные совещания), организуя при поддержке государства вечерние производственные кружки и курсы, всемерно вовлекая в них рабочую молодежь, курсы красных директоров, издания производственной литературы и т. д.

Парторганизации должны неуклонно поддерживать все деловые предложения и кандидатуры, выдвигаемые профсоюзами на различные хозяйственные посты.

Конференция считает, что: а) углубление работы производственных совещаний, б) усиление их контрольных функций, в) неуклонное и энергичное выдвижение рабочих на все хозяйственные посты, г) систематическое и планомерное участие профсоюзов в организации производства на основе решений настоящей конференции и при поддержке всей партии—явятся необходимыми предпосылками привлечения союзов и всего рабочего класса к делу организации производства и наиболее полно обеспечат успех социалистического строительства.

Зарплата.

ВКП, как партия рабочего класса, руководящая всеми формами борьбы пролетариата за его конечное освобождение, всегда считала и считает своей главнейшей задачей всемерное улучшение экономического положения рабочих. В обстановке капиталистического строя, в котором государственная власть и все орудия производства принадлежат классу капиталистов, компартия и ее члены обязаны поддерживать всякое требование рабочих к хозяину-капиталисту о повышении их жизненного уровня, как сторона, заинтересованная в ликвидации капитализма. В обстановке диктатуры пролетариата в государстве, «в котором трудящиеся крестьяне под руководством рабочих строят социализм, решительно отказываясь от руководства капиталистов» (из письма В. И. Ленина V съезду союзов), компартия, как авангард, осуществляющий диктатуру своего класса, руководя всем делом строительства социализма, кровно заинтересована в темпе социалистического накопления, являющегося в то же время темпом социалистического

строительства, от которого зависит, в свою очередь, темп дальнейшего повышения материального и культурного уровня пролетариата.

Свою политику в области зарплаты компартия, в интересах всего рабочего класса, его конечных целей и обеспечения непрерывности дальнейшего улучшения материального уровня пролетариата, должна строго согласовывать с действительным экономическим положением советского хозяйства, с ростом его производительных сил, его ресурсами, обеспечивая в то же время темп социалистического накопления, необходимый для победы строящегося социализма над борющимся за свое существование и развитие частным капиталом (находящим себе опору в факте международного капиталистического окружения СССР).

Конференция целиком и полностью одобряет политику партии в области зарплаты, всецело поддержанную профсоюзами. В частности конференция одобряет решение апрельского пленума ЦК ВКП, отвергшего явно неправильные и вредные предложения оппозиции о зарплате, которые в тяжелой экономической конъюнктуре того периода, при наличии растущего товарного индекса, неизбежно привели бы к большему росту цен, обесценению червонца и тем самым на деле к дальнейшему падению реальной зарплаты. Равным образом конференция одобряет сентябрьское постановление ЦК ВКП и Совнаркома о повышении зарплаты, на основе выявившихся перспектив общего хозяйственного оживления (урожай, повышение производительности труда и т. п.), как равно и общую директиву на подтягивание в зарплате наиболее низко оплачиваемых групп рабочих и более отсталых по зарплате отраслей вообще, как первый и важный шаг в направлении изжития явно ненормальной разницы в оплате различных категорий трудящихся. Партия и ее ЦК при энергичной поддержке профсоюзов и впредь будут прилагать всемерные усилия к дальнейшему повышению материального и культурного уровня рабочего класса на основе и в точном соответствии с экономическим положением всего хозяйства и успехами социалистического строительства, решительно отвергая безответственную демагогию и политиканство в этом важнейшем для рабочего класса и компартии вопросе.

Кооперация.

Ставя своей задачей всемерное улучшение экономических, культурных и бытовых условий пролетариата, профсоюзы всецело заинтересованы в здоровом развитии кооперации, успехи которой не только ведут к обеспечению победы элементов социалистических над хищническим частным капиталом, но и непосредственно обеспечивают прямое повышение реальной зарплаты рабочих.

Однако успешное развитие кооперации может быть обеспечено лишь на основе роста и укрепления кооперативной общественности трудящихся и пролетарской общественности в первую голову. Профсоюзы должны принимать более активное участие во всей кооперативной работе, втягивая в нее широкие слои рабочих и работниц, обращая особое внимание на содействие кооперации в борьбе за снижение розничных цен. Серьезная подготовка со стороны профсоюзов к собраниям уполномоченных, более серьезный подбор состава уполномоченных, выдвижение ими наиболее энергичных рабочих и работниц на все выборные кооперативные посты, более внимательное наблюдение за всей работой кооперации, в том числе и за практическими мелочами работы, ибо цены и качество товара в кооперативе фактически определяют высоту реальной зарплаты рабочих. Работа над улучшением кооперации и всей ее деятельности на базе пролетарской общественности должна являться для профсоюзов одной из важнейших отраслей работы по повышению реальной зарплаты и улучшению общих экономических и бытовых условий жизни рабочих.

Профсоюзы и партия.

После XIV съезда отношение к профсоюзам и методы руководства ими со стороны краевых, областных и губернских парторгапизаций значительно оздоровились; тем не менее в целом ряде случаев наблюдается недостаточно активное проведение в жизнь решений XIV партсъезда о профсоюзах, недостаточное внимание к их работе, отсутствие разъяснительной работы о задачах профсоюзов, в результате чего отношения низовых парторгапизаций к профсоюзам остаются почти прежними.

Крайкомы, обласкомы и губкомы ВКП должны принять все меры к изжитию наблюдающихся ненормальностей, поставив своей задачей добиться от подчиненных им парторганизаций (окружком, уком, райком, бюро ячейки) неукоснительного проведения в жизнь постановлений XIV съезда о профсоюзах, путем разъяснительной кампании, систематическим наблюдением за их работой в этой области, поправляя все их ошибки и уклонения от методов правильного руководства.

Госорганы и профсоюзы.

Констатируя, что система выдвиженчества, проводимая партией, профсоюзами и советами, дала значительные результаты, партия не может удовлетвориться достигнутыми успехами, как равно и не видеть отдельных недостатков в этой работе.

К числу таких недостатков следует отнести:

а) невнимательное отношение со стороны некоторых руководителей государственных, хозяйственных и кооперативных органов к работе выдвиженцев и, как следствие этого, невнимательное, а порой и недружелюбное отношение к ним со стороны нижестоящих административных лиц; результатом этого порой является постепенное понижение работников и работниц—выдвиженцев с той работы, на которую они первоначально были выдвинуты, вплоть до самых низших технических должностей;

б) низкую оплату труда выдвиженцев на советских должностях, что препятствует выдвижению на советскую работу квалифицированных рабочих;

в) слабую работу профсоюзов по выдвижению рабочих на ответственные советские, хозяйственные и кооперативные посты, почти полное отсутствие с их стороны наблюдения за работой выдвиженцев и отсутствие моральной поддержки в их работе.

Конференция считает очередной задачей всех парт- и профорганизаций, как одну из наиболее действительных мер борьбы с бюрократизмом, самое энергичное и систематическое выдвижение рабочих и работниц во все звенья государственного аппарата, внимательное наблюдение за их работой, оказание всемерной поддержки в ней и продвижение наиболее способных на высшие, более ответственные посты. Партия и профсоюзы должны вести решительную борьбу с сопротивлением, оказываемым системе выдвижения со стороны бюрократически-заскорузлых, а также не соответствующих своему назначению элементов в гос- и хозаппарате, систематически заменяя эти элементы наиболее способными, культурно и политически выросшими рабочими.

Выполнение этого является одной из самых действительных мер борьбы с бюрократизмом, путем орабочения всего госаппарата. Профсоюзы должны уделить больше внимания, чем это было до сих пор, всей работе советов, усилить свою активность в их текущих работах, выдвигая наиболее насущные вопросы быта рабочих, на основе опыта своей повседневной работы, усилив в то же время свою роль и участие в избирательной кампании при перевыборах в советы.

Оценивая, как несомненный успех дела обеспечения пролетарского влияния в деревне, значительное представительство батрачества—членов союза всеработземлеса в вол- и сельсоветах, следует более широко и планомерно развернуть начатую в этом направлении работу.

Равным образом внимание партии и профсоюзов должно быть уделено развитию начатой работы по созданию актива в союзе

всеработземлеса. Необходимо оказать всемерную поддержку сельскохозяйственным пролетариям на перевыборах сельсоветов и кооперативных органов, усиливая тем самым пролетарское влияние в деревне.

Должно изучить экономическое положение выдвиженцев и при участии профсоюзов выработать ряд мер, обеспечивающих выдвижение на советскую и общественную работу квалифицированных рабочих.

Профсоюзы и их органы сверху донизу должны принять самое активное участие в контрольной и реорганизационной работе РКИ, задачей которой в свою очередь является—суметь втянуть в свою работу профсоюзы, как таковые, и через них самые широкие массы трудящихся.

Безработица.

Несмотря на значительное развертывание промышленности и всех отраслей народного хозяйства, что повело к увеличению общего количества рабочих и служащих (с 6 035 300 в 1925 г. до 7 700 600 в 1926 г.—увеличение на 1 665 300 чел.), безработица не только не уменьшилась, а продолжает расти:

на 1 апреля	1925 г.	безработных членов союзов —	992 900
„ 1 „	1926 „	„ „ „ —	1 182 500

Увеличение на 19,1%.

Для отдельных категорий труда (чернорабочие, домашние служащие, низкоквалифицированные канцелярские служащие и т. д.) безработица на ближайшее время грозит стать хронической, в силу аграрного перенаселения и непрерывного прилива рабочей силы в города из деревни. Это ставит перед партией, профсоюзами и совластью задачу энергичной борьбы с безработицей как путем принятия ряда самых неотложных мер частного характера (см. постановление президиума ВЦСПС, одобренное комиссией Политбюро), так и путем проработки в советском порядке (Госплан) и разрешения более общего вопроса о трудовом использовании избыточного населения.

Партия, профсоюзы, хозорганы и все члены партии должны повести самую решительную борьбу с протекционизмом и кумовством при найме и увольнении рабочих и служащих и оказать решительную поддержку всем мероприятиям ЦК ВКП, ВЦСПС и советских органов, направленным к борьбе с безработицей.

Безработица и дети рабочих.

Особо остро стоит вопрос о безработице среди пролетарской молодежи (подростки и так наз. переростки, главным образом дети фабрично-заводских рабочих и низко оплачиваемых служащих).

Эта пролетарская молодежь, не имея возможности учиться не только в учебных заведениях, но и в предприятии, обречена на длительную безработицу и вынужденное безделье. Оставаясь вне воздействия пролетарских общественных организаций (ведущих работу главным образом и почти исключительно на предприятиях) и их культурно-просветительной работы, она морально разлагается и совместно с подрастающими слоями беспризорных образует главные кадры воинствующей «улицы», вырождаясь в антиобщественный элемент, заражающий своей психологией в силу бытовой близости значительную часть работающей молодежи и даже наименее устойчивые слои комсомола.

На этой почве вырастает,—правда, в погоне за сенсацией нередко панически преувеличиваемая нашей прессой,—волна хулиганства даже в лучших пролетарских районах, выявляя и возрождая позорные нравы и пережитки дореволюционного прошлого.

В противовес интеллигентским воплям о борьбе с хулиганством «вообще», профсоюзы, партия и государство должны провести планомерную борьбу с беспризорностью и безработицей молодежи путем проведения ряда практических мероприятий.

Необходимо в первую очередь:

1) Самым деловым образом подойти к решительной ликвидации беспризорности детей и подростков, считая необходимым полный охват детей рабочих школами соцвоса. В эту работу должны быть вовлечены все пролетарские общественные организации; профсоюзы должны взять на себя главную работу, втянув в нее самые широкие пролетарские массы.

2) Всемерно облегчить поступление на фабрики и заводы детям рабочих (подросткам и переросткам); профсоюзы и комсомол должны строго наблюдать за действительным проведением в жизнь часто нарушаемой брони подростков.

3) Наркомтруд, профсоюзы и хозорганы должны приступить к организации в рабочих районах ускоренных производственных курсов и школ, дающих возможность безработным детям рабочих приобрести элементарную квалификацию, облегчая для них тем самым возможность получения работы.

4) Профсоюзы должны разработать ряд мер, обеспечивающих полное вовлечение в круг проводимой ими культработы безработной пролетарской молодежи (доступ в клубы, кружки физкультуры, дневные занятия в клубах и т. д.).

Культработа.

В связи со все еще отстающим культурно-политическим уровнем массы рабочих и работниц и слабым учетом в культурно-просветительной работе их запросов и интересов, необходимо

обратить внимание на приспособление отраслей всей культработы к потребностям массы рабочих и работниц.

Ввиду имеющих место отклонений от правильной линии, конференция напоминает необходимость проведения указаний XIV партсъезда о том, что «сама клубная работа должна быть максимально разносторонней, дабы сочетать в себе удовлетворение потребностей своих членов в отдыхе и здоровом развлечении с политико-просветительными и воспитательными задачами». Вся культработа профсоюзов должна быть значительно оживлена и стать более разносторонней. Признавая значительные достижения профсоюзов в этой области, как то: а) углубление клубной работы, и в частности кружковой; б) более полное вовлечение в клубы взрослого рабочего; в) широкое развертывание сети красных уголков (на 1 декабря 1925 г.—15 932 и на 1 июля 1926 г.—19 000); г) развитие физкультуры; д) рост библиотек и углубление библиотечной работы (на 1 января 1925 г.—6 803 библ., на 1 января 1926 г.—8 850 библ.); е) развитие самодеятельности и установление выборности клубных правлений; ж) здоровый подход к развертыванию массовой культработы среди сезонных рабочих и в сельских местностях; з) усиление борьбы с неграмотностью,—в то же время следует отметить несомненно вновь наметившиеся уклоны в сторону использования клуба исключительно для политико-просветительных задач, постепенно вытесняя из клуба все виды развлечения и отдыха (танцы, драмкружки, хоры, музыку и пр.).

Такой чрезмерный ригоризм ведет к тому, что рабочий из клуба идет искать развлечений в пивную, трактир, чайную и на улицу.

Равным образом книжный, уродливо-«рациональный» подход к физкультуре (физкультура «как гигиена», «зарядка», «разрядка», «коррегирующие движения»), пренебрежительное отношение к соревновательным методам (борьба против «рекордсменства» и «спортсменства») и прямая борьба против этого в ряде клубов и у значительной части их работников, навязывание рабочим того, что нравится или что считается полезным их руководителями,—все это, вместе взятое, несомненно, тормозит большее развитие физкультуры, большее вовлечение в нее молодежи и грозит законсервировать размах и развитие разнообразных видов и форм физкультуры.

Профсоюзы, отстаивая и рекомендуя рабочим наиболее здоровые и гигиенические методы физкультуры, борясь против всяких ее извращений и уродливостей, в то же самое время должны решительно отказаться от попытки насильственного навязывания тех или иных видов физкультуры каждому отдельному рабочему.

Подобным уклонам, сужающим размах культработы, насквозь проникнутым системой навязывания рабочим массам, не считаясь с их бытовым укладом, индивидуальными и возрастными особенностями, самых «разумных», в кабинете выдуманных форм и методов отдыха и развлечений, надо объявить борьбу.

Профсоюзы не должны ни на минуту забывать своей обязанности всестороннего обслуживания культурных потребностей объединяемых ими масс, приспособляя формы и методы своей работы соответственно их производственным и бытовым особенностям и их культурному уровню, постепенно поднимая эти массы на все более и более высокие ступени культурного развития.

Профсоюз обязан заботиться о развитии классового самосознания своих членов, поэтому должен вести среди них полит- и профпросвещение, развивать их инициативу и самодеятельность на основе пролетарской демократии. Он должен вести производственное просвещение и воспитание, проводя всю эту работу через свои клубы и красные уголки. Но он обязан в равной мере работать над оздоровлением быта, путем предоставления рабочим здорового отдыха и развлечения. Всякая однобокость будет вредна.

Должно полнее и шире развить физкультуру, сделать ее активнее и многообразнее, втягивая в нее безработную пролетарскую молодежь. Необходимо равномерно развивать и улучшать все стороны союзной культработы, проверяя на опыте методы своей работы и отдельные мероприятия. Необходимо всемерно пойти навстречу тяге рабочих к общему образованию, особенно молодежи, организуя при поддержке партии и государства вечерние курсы, университеты и вечерние техникумы для рабочих, со специально выработанными программами и системой преподавания. Необходимо более энергично развить работу по укреплению сети школ фабзавуча, ни в коем случае не допуская сокращения существующей общей сети школ фабзавуча.

Необходимо обеспечить гораздо большую поддержку со стороны профорганизаций пионерского движения, привлекая внимание профсоюзов ко всей работе пионер-организаций, заинтересовывая в этом рабочих и особенно работниц.

Одним из главнейших препятствий к развитию и развертыванию профсоюзной культработы является недостаток помещений для клубов, теснота, загруженность клубных помещений собраниями различных общественных организаций (партийные и профессиональные съезды, конференции и т. д.); поэтому следует включать в план жилстроительства постройку клубов и помеще-

ний для собраний общественных организаций, в первую очередь в рабочих городах и районах. Равным образом при рассмотрении плана общественных работ следует включать в них устройство общественных садов и площадок для физкультуры.

Международная работа профсоюзов.

Конференция одобряет работу, проделанную ВЦСПС под общим руководством ЦК ВКП в области борьбы за единство международного профессионального движения.

В частности, конференция считает правильной линию, занятую ВЦСПС в отношении всеобщей английской стачки, стачки горняков и взаимоотношений с Генсоветом. ЦК ВКП и фракция ВЦСПС поступили правильно, отвергнув принципиально неправильное и политически вредное предложение оппозиции взять на себя инициативу разрыва Англо-русского комитета, что ничего иного не могло означать, как ориентацию на выход коммунистов из органов профсоюзов и из самых профсоюзов, в которых коммунисты находятся в меньшинстве, и по существу явилось бы услугой вождям Генсовета и послужило бы косвенным оправданием политики противников единства, в частности вождей Амстердамского Интернационала.

Конференция одобряет четкую и прямую критику предателей генеральной стачки и энергичную поддержку борющихся горняков.

Конференция считает, что опыт английской стачки отчетливо выявил на фоне наступления борющегося за свою стабилизацию капитала на рабочий класс несомненный рост классового сознания западно-европейских рабочих, рост их разочарования в реформистских методах борьбы, рост их симпатий к рабочим СССР и делу социалистического строительства в нашей стране. В то же время усиливается реакция реформистских вождей против полевения масс (изгнание революционных рабочих из союзов и другие методы репрессий—с одной стороны, перенесение и усиление культивирования «американских» методов классового сотрудничества, являющихся наиболее циничной формой соглашательства и лакейства вождей реформизма перед капиталом—с другой).

Задачей профсоюзов СССР в данных условиях является более, чем когда бы то ни было, всемерная братская помощь иностранным рабочим в их борьбе с наступающим капиталом, всемерное содействие процессу осознания ими своих истинно-классовых интересов и освобождение из-под влияния реформистских вождей.

Конференция одобряет работу по установлению братской связи с западно-европейскими рабочими путем рабочих делегаций, рекомендуя ВЦСПС и впредь оказывать всемерное содействие рабочим других стран в деле ознакомления их с жизнью и бытом рабочих СССР и всей страны в целом.

Конференция рекомендует фракции ВЦСПС усилить свое влияние и свою активную работу в Профинтерне и всемерно поддержать развертывание его деятельности, энергично продолжая борьбу за единство международного профдвижения.

Конференция, констатируя проделанную парторганизациями и профсоюзами большую работу по проведению в жизнь директив XIV съезда и целый ряд несомненных практических успехов, считает необходимым призвать все парторганизации, профсоюзы и всех членов партии к еще более энергичной работе по проведению в жизнь всех решений XIV партсъезда и настоящей конференции.

Конференция выражает уверенность в том, что профсоюзы при самой энергичной поддержке всей партии закрепят и разовьют имеющиеся достижения, энергично и систематически примутся за работу по устранению отмеченных недостатков, усилят и укрепят связь своих профсоюзных органов с объединенными ими массами, на основе пролетарской демократии, всестороннего и внимательного обслуживания их, защиты и улучшения экономических, бытовых и культурных нужд рабочих, неуклонно поднимая их общий культурный уровень, воспитывая и подготовляя десятки и сотни тысяч новых работниц и рабочих к управлению хозяйством и всем госаппаратом на основе здоровой смычки профсоюзов,— а через них и всей рабочей массы,—с производством, обеспечивая тем самым успешность строительства социализма и выполняя свою роль школы коммунизма.

Конференция равным образом уверена в том, что под руководством ВКП профсоюзы СССР, как наиболее сильная передовая часть Профинтерна, ни на минуту не прекращая своей борьбы против всякого классового соглашательства, будут столь же неустанно вести борьбу за кровно необходимое всему международному пролетариату единство профдвижения, отвергая всякие попытки к подмене живого дела и практической борьбы за массы пустой революционной фразой и выполняя стоящие перед ними международные революционные обязанности.

Об оппозиционном блоке в ВКП(б).

Характерной чертой переживаемого периода является усложнение борьбы между капиталистическими государствами и нашей страной, с одной стороны, и между социалистическими элементами и элементами капиталистическими внутри нашей страны, с другой стороны.

Если попытки мирового капитала к экономическому окружению нашей страны, к ее политической изоляции, к замаскированной блокаде и, наконец, к прямой мести за помощь рабочих СССР борющимся рабочим Запада и угнетенным народам Востока создают трудности внешнего порядка, то переход нашей страны от восстановительного периода к периоду перестройки промышленности и хозяйства, вообще, на основе высшей техники и усложняющаяся в связи с этим борьба между капиталистическими и социалистическими элементами нашего хозяйства—создают трудности внутреннего порядка.

Партия видит эти трудности и имеет возможность преодолевать их. Партия, при поддержке миллионных масс пролетариата, уже преодолевает эти трудности, уверенно ведя страну по пути к социализму. Но не все отряды нашей партии верят в возможность дальнейшего поступательного движения. Некоторые части нашей партии, правда, малочисленные, испугавшись трудностей, испытывают усталость и колебание, впадают в отчаяние и культивируют упадочные настроения, заражаются неверием в творческие силы пролетариата и приходят к идеологии капитулянтства.

В этом смысле нынешний переломный период напоминает до известной степени переломный период октября 1917 года. Как тогда, в октябре 1917 года, сложная обстановка и трудности перехода от буржуазной революции к революции пролетарской породили колебание одной части партии, пораженчество и неверие в возможность взятия власти и удержания ее пролетариатом (Каменев, Зиновьев), так и теперь, в нынешний переломный период, трудности перехода к новой фазе социалистического строительства порождают колебание в некоторых кругах нашей партии, неверие в возможность победы социалистических элементов нашей страны над элементами капиталистическими, неверие в возможность победоносного строительства социализма в СССР.

Оппозиционный блок является выражением этих упадочных и пораженческих настроений в рядах одной части нашей партии.

Партия видит трудности и имеет возможность преодолевать их. Но, чтобы побороть эти трудности, нужно прежде всего

преодолеть упадочные настроения и пораженческую идеологию в рядах одной части партии.

Оппозиционный блок в своем документе от 16 октября 1926 г., отказываясь от фракционности и отмежевываясь от явно-меньшевистских группировок внутри ВКП и вне ее, вместе с тем заявляет, что он остается на своих старых принципиальных позициях, не отказывается от своих принципиальных ошибок, и будет защищать эти ошибочные взгляды в рамках устава партии. Из этого следует, что оппозиционный блок думает и впредь культивировать в партии упадочные настроения и капитулянтство, что он думает и впредь пропагандировать в партии свои ошибочные взгляды.

Поэтому очередная задача партии состоит в том, чтобы вскрыть принципиальную несостоятельность основных взглядов оппозиционного блока, разъяснять их несовместимость с основами ленинизма и повести решительную идейную борьбу с принципиальными ошибками оппозиционного блока на предмет их полного преодоления.

I. Переход „новой оппозиции" к троцкизму в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции.

Партия исходит из того, что наша революция является революцией социалистической, что Октябрьская революция представляет не только сигнал, толчок и исходный пункт социалистической революции на Западе, но она является вместе с тем, во-первых, базой дальнейшего развертывания мировой революции и, во-вторых, открывает собою переходный период от капитализма к социализму в СССР (диктатура пролетариата), на протяжении которого пролетариат, при правильной политике в отношении крестьянства, может и будет с успехом строить полное социалистическое общество, если, конечно, мощь международного революционного движения, с одной стороны, и мощь пролетариата СССР, с другой, будут достаточно велики для того, чтобы оградить СССР от военной интервенции империализма.

Троцкизм придерживается совершенно других взглядов на характер и перспективы нашей революции. Несмотря на то, что троцкизм шел в Октябре 1917 года с партией, он исходил и продолжает исходить из того, что наша революция сама по себе не является, по существу дела, социалистической, что Октябрьская революция есть лишь сигнал, толчок и исходный пункт социалистической революции на Западе, что если наступит затяжка мировой революции и победоносная социалистическая революция на Западе не подоспеет в самый близкий период, то пролетарская власть в России должна будет пасть, или пере-

родиться (что одно и то же) под напором неизбежных столкновений между пролетариатом и крестьянством.

В то время как партия, организуя Октябрьскую революцию, исходила из того, что «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране», что «победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство», может и должен встать «против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстания против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств» (Ленин, том XIII, стр. 133),—троцкизм, наоборот, сотрудничая с большевиками в период Октября, исходил из того, что «безнадежно думать... что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы» (Троцкий, т. III, ч. 1, стр. 80—90, «Программа мира», вышедшая впервые в августе 1917 г.).

В то время, как партия исходит из того, что в Советском Союзе имеется «все необходимое» и «достаточное» «для построения полного социалистического общества» (Ленин, «О кооперации»), троцкизм, наоборот, исходит из того, что «подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы» (Троцкий, т. III, ч. 1, стр. 92—93, «Послесловие» к «Программе мира», писанное в 1922 г.).

В то время как партия исходит из того, что «10—20 лет правильных соотношений с крестьянством, и обеспечена победа во всемирном масштабе» (Ленин, план брошюры «О продналоге»), троцкизм, наоборот, исходит из того, что правильных соотношений с крестьянством не может быть у пролетариата до победы мировой революции, что пролетариат, взявший власть, «придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти», что «противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата» (Троцкий, «Предисловие» к книге т. Троцкого «1905 год», писанное в 1922 г.).

Конференция констатирует, что такие взгляды т. Троцкого и его единомышленников по основному вопросу о характере и пер-

спективах нашей революции не имеют ничего общего со взглядами нашей партии, с ленинизмом.

Конференция считает, что такие взгляды, принижая историческую роль и удельный вес нашей революции, как базы дальнейшего развития мирового революционного движения, ослабляя волю советского пролетариата к дальнейшему строительству социализма и препятствуя таким образом развязыванию сил международной революции, противоречат тем самым принципам действительного интернационализма и основной линии Коммунистического Интернационала.

Конференция считает, что эти взгляды т. Троцкого и его единомышленников являются прямым приближением ко взглядам социал-демократии в лице ее нынешнего лидера, Отто Бауэра, утверждающего, что «в России, где пролетариат составляет только незначительное меньшинство нации, он может утвердить свое господство только временно», что «он должен неизбежно вновь потерять его, как только крестьянская масса нации сделается достаточно зрелой в культурном отношении для того, чтобы самой взять власть в свои руки», что «временное господство индустриального социализма в аграрной России есть только пламя, которое призывает пролетариат индустриального Запада к борьбе», что «только завоеванием политической власти со стороны пролетариата индустриального Запада можно обеспечить длительное господство индустриального социализма» в России (О. Бауэр, см. «Большевизм или социал-демократия» на немецком языке).

Конференция квалифицирует поэтому подобные взгляды т. Троцкого и его единомышленников, как социал-демократический уклон в нашей партии в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции.

Основным фактом в развитии внутрипартийных отношений в ВКП после XIV съезда (осудившего принципиальные взгляды «новой оппозиции») является то обстоятельство, что «новая оппозиция» (тт. Зиновьев, Каменев), боровшаяся раньше против троцкизма, против социал-демократического уклона в нашей партии, перешла на сторону идейных позиций троцкизма, что она целиком и полностью сдала свои прежние общепартийные позиции троцкизму, выступая теперь за троцкизм с таким же жаром, с каким она выступала раньше против троцкизма.

Переход «новой оппозиции» на сторону троцкизма определили два главных обстоятельства: а) усталость, колебания, чуждые пролетариату упадочные настроения и пораженчество среди сторонников «новой оппозиции» перед лицом новых трудностей в переживаемый переломный период, при чем нынешние колебания и по-

раженчество тт. Каменева и Зиновьева возникли не случайно, а как повторение, рецидив тех колебаний и упадочных настроений, которые проявили эти товарищи девять лет назад, в октябре 1917 года, перед лицом трудностей тогдашнего переломного периода; б) полное поражение «новой оппозиции» на XIV съезде и возникшее в связи с этим стремление добиться во что бы то ни стало объединения с троцкистами для того, чтобы объединением двух групп, троцкистов и «новой оппозиции», возместить слабость и оторванность этих групп от пролетарских масс, тем более, что идейные позиции троцкизма вполне отвечали нынешним упадочным настроениям «новой оппозиции».

Этим же нужно объяснить тот факт, что оппозиционный блок превратился в сборный пункт всех и всяких, осужденных партией и Коминтерном, обанкротившихся течений внутри ВКП(б) и вне ее, от «демократических централистов» и «рабочей оппозиции» в ВКП(б) до ультра-левых оппортунистов в Германии и ликвидаторов суваринского толка во Франции.

Отсюда же вытекает та неразборчивость в средствах и беспринципность в политике, которые легли в основу существования блока троцкистов и «новой оппозиции» и без которых они не могли бы собрать воедино разнообразные антипартийные течения.

Таким образом, троцкисты, с одной стороны, и «новая оппозиция», с другой, вполне закономерно встретились на общей платформе социал-демократического уклона и беспринципного объединения разнообразных антипартийных элементов в борьбе против партии, образовав таким образом оппозиционный блок, представляющий—в новой форме—нечто вроде рецидива августовского блока (1912—1914 гг.).

II. Практическая платформа оппозиционного блока.

Практическая платформа оппозиционного блока является прямым продолжением основной ошибки этого блока в вопросе о характере и перспективах нашей революции.

Важнейшие особенности практической платформы оппозиционного блока сводятся к следующим основным пунктам:

а) Вопросы международного движения. Партия исходит из того, что передовые капиталистические страны переживают в общем и целом состояние частичной, временной стабилизации, что нынешний период является периодом межреволюционным, обязывающим коммунистические партии к подготовке пролетариата к предстоящей революции, что наступление капи-

тала, тщетно пытающегося упрочить стабилизацию, не может не вызвать ответной борьбы и объединения сил рабочего класса против капитала, что компартии должны вмешаться в обостряющуюся классовую борьбу и превратить атаки капитала в контр-атаки пролетариата на предмет завоевания диктатуры пролетариата, что для достижения этих целей коммунистические партии должны овладеть миллионными массами рабочего класса, все еще примыкающими к реформистским профсоюзам и ко II Интернационалу, что тактика единого фронта является таким образом необходимой и обязательной для коммунистических партий.

Оппозиционный блок исходит из совершенно других предпосылок. Не веря во внутренние силы нашей революции и впадая в отчаяние перед лицом затяжки мировой революции, оппозиционный блок скатывается с почвы марксистского анализа классовых сил революции на почву «ультра-левого» самообмана и «революционного» авантюризма, отрицает наличие частичной капиталистической стабилизации и сбивается таким образом на путь путчизма.

Отсюда требование оппозиции о пересмотре тактики единого фронта и срыве Англо-Русского комитета, непонимание роли профсоюзов и лозунг о замене профсоюзов новыми, выдуманными «революционными» организациями пролетариата.

Отсюда поддержка со стороны оппозиционного блока ультралевых крикунов и оппортунистов в Коммунистическом Интернационале (например в германской партии).

Конференция считает, что политика оппозиционного блока в области международной не отвечает интересам интернационального революционного движения.

б) Пролетариат и крестьянство в СССР. Партия исходит из того, что «высший принцип диктатуры—это сохранение союза пролетариата с крестьянством, дабы пролетариат мог удержать руководящую роль и государственную власть» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 331), что пролетариат может и должен быть гегемоном в отношении основной массы крестьянства в области экономической, в области строительства социализма, так же, как он был в октябре 1917 года гегемоном крестьянства в области политической, в деле свержения власти буржуазии и установления диктатуры пролетариата, что индустриализация страны может быть проведена лишь в том случае, если она будет опираться на постепенное улучшение материального положения большинства крестьянства (беднота, середняки), представляющего основной рынок для нашей индустрии, что ввиду этого должна проводиться такая экономическая политика (политика цен, нало-

говая политика и т.. д.), которая укрепляет смычку индустрии с крестьянским хозяйством и сохраняет союз рабочего класса и основной массы крестьянства.

Оппозиционный блок исходит из совершенно других предпосылок. Отходя от основной линии ленинизма в крестьянском вопросе, не веря в гегемонию пролетариата в отношении крестьянства в деле социалистического строительства и рассматривая крестьянство, главным образом, как враждебную среду, оппозиционный блок предлагает такие экономические и финансовые мероприятия, которые способны лишь разложить смычку города с деревней, развалить союз рабочего класса и крестьянства и подорвать тем самым всякую возможность действительной индустриализации. Таковы, например, а) предложение оппозиции о повышении отпускных цен на промтовары, каковое повышение не может не вызвать повышения розничных цен, обнищания бедноты и значительных слоев середняков, понижения емкости внутреннего рынка, разлада между пролетариатом и крестьянством, падения курса червонца и снижения в конце концов реальной заработной платы; б) предложение оппозиции о максимальном налоговом нажиме на крестьянство, каковой нажим не может не образовать трещины в деле союза рабочих и крестьян.

Конференция считает, что политика оппозиционного блока в отношении крестьянства не отвечает интересам индустриализации страны и диктатуры пролетариата.

в) Борьба против партийного аппарата под флагом борьбы с бюрократизмом в партии. Партия исходит из того, что партийный аппарат и партийные массы составляют единое целое, что партийный аппарат (ЦК, ЦКК, областные организации партии, губкомы, окркомы, укомы, бюро ячеек и т. д.) олицетворяет собой руководящий элемент партии в целом, что партийный аппарат вмещает в себя лучших людей пролетариата, которых можно и нужно критиковать за ошибки, которых можно и нужно «освежать», но которых нельзя шельмовать, не рискуя разложить партию и оставить ее безоружной.

Оппозиционный блок исходит, наоборот, из противопоставления партийных масс партийному аппарату, старается принизить руководящую роль партийного аппарата, сводя ее к функциям регистратора и пропагандиста, натравливает партийные массы на партийный аппарат и дискредитирует таким образом партийный аппарат, ослабляя его позиции в деле руководства государством.

Конференция считает, что такая политика оппозиционного блока, не имея ничего общего с ленинизмом, способна привести лишь к разоружению партии в ее борьбе против бюрократизма государ-

ственного аппарата, за действительную переделку этого аппарата и тем самым за укрепление диктатуры пролетариата.

г) Борьба против «режима» в партии под флагом борьбы за внутрипартийную демократию. Партия исходит из того, что «кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину в партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата» (Ленин, т. XVII, стр. 136), что внутрипартийная демократия необходима не для ослабления и развала пролетарской дисциплины в партии, а для ее укрепления и упрочения, что без железной дисциплины в партии, без твердого режима в партии, подкрепляемого сочувствием и поддержкой миллионных масс пролетариата, невозможна диктатура пролетариата.

Оппозиционный блок исходит, наоборот, из противопоставления внутрипартийной демократии партийной дисциплине, смешивает свободу фракций и группировок с внутрипартийной демократией и старается использовать такого рода демократию для развала партийной дисциплины и подрыва единства партии. Естественно, что призыв оппозиционного блока к борьбе против «режима» в партии, ведущий на деле к защите свободы фракций и группировок в партии, является тем самым призывом, который с увлечением подхватывается антипролетарскими элементами нашей страны, как якорь спасения от режима диктатуры пролетариата.

Конференция считает, что борьба оппозиционного блока против «режима» в партии, не имея ничего общего с организационными принципами ленинизма, способна привести лишь к подрыву единства партии, к ослаблению диктатуры пролетариата и к развязыванию антипролетарских сил в стране, старающихся ослабить и развалить диктатуру.

Одним из средств разложения партийной дисциплины и обострения борьбы внутри партии оппозиционный блок избрал метод всесоюзной дискуссии, навязать которую (дискуссию) попытался он в октябре этого года. Считая необходимым свободное обсуждение вопросов разногласий в теоретических журналах нашей партии и признавая за каждым членом партии право свободной критики недостатков нашей партийной работы, конференция напоминает вместе с тем слова Ленина о том, что наша партия является не дискуссионным клубом, а боевой организацией пролетариата. Конференция считает, что всесоюзная дискуссия может быть признана необходимой лишь в том случае, если а) эта необходимость признается, по крайней мере, несколькими местными парторганизациями губернского или областного масштаба; б) если

внутри ЦК нет налицо достаточно твердого большинства в важнейших вопросах партийной политики; в) если, несмотря на наличие твердого большинства в ЦК, стоящего на определенной точке зрения, ЦК все же считает необходимым проверить правильность своей политики путем дискуссионного обсуждения в партии. При этом во всех этих случаях всесоюзная дискуссия может начинаться и проводиться лишь после соответствующего решения ЦК.

Конференция констатирует, что в момент, когда оппозиционный блок требовал открытия всесоюзной дискуссии, не имелось в наличии ни одного из этих условий.

Конференция считает поэтому, что ЦК партии поступил вполне правильно, признав дискуссию нецелесообразной и осудив оппозиционный блок за его попытки навязать партии всесоюзную дискуссию по уже решенным партией вопросам.

Подводя итоги анализу практической платформы оппозиционного блока, конференция устанавливает, что эта платформа знаменует собой отход оппозиционного блока от классовой линии пролетарской революции в важнейших вопросах международной и внутренней политики.

III. Революционные слова и оппортунистические дела оппозиционного блока.

Характерной особенностью оппозиционного блока является тот факт, что он, будучи на деле выражением социал-демократического уклона в нашей партии, защищая на деле оппортунистическую политику, старается, тем не менее, облечь свои выступления в революционную фразеологию, старается критиковать партию «слева», старается рядиться в «левую» тогу. Объясняется это обстоятельство тем, что коммунистические пролетарии, к которым, главным образом, и апеллирует оппозиционный блок, являются наиболее революционными из всех пролетариев в мире, что они, воспитанные в духе революционных традиций, просто не будут слушать откровенных критиков справа, ввиду чего оппозиционный блок, для того чтобы сбыть свой оппортунистический товар, вынужден приклеить ему ярлык революционности, хорошо зная, что только при такой уловке можно будет привлечь к себе внимание революционных пролетариев.

Но так как оппозиционный блок является все же проводником социал-демократического уклона, так как он защищает на деле оппортунистическую политику, то слова и дела оппозиционного блока неизменно вступают между собою в конфликт. Отсюда внутренняя противоречивость в работе оппозиционного блока.

Отсюда разлад между словом и делом, между революционной фразой и оппортунистическим делом.

Оппозиция крикливо критикует партию и Коминтерн «слева» и предлагает, вместе с тем, пересмотр тактики единого фронта, срыв Англо-русского комитета, отход от профсоюзов, замену их новыми «революционными» организациями, думая всем этим двинуть вперед революцию, а на деле получается из этого помощь Томасу и Удегесту, отрыв компартий от профсоюзов, ослабление позиций мирового коммунизма,—стало быть, замедление революционного движения. На словах—«революционеры», а на деле—пособники Томасов и Удегестов.

Оппозиция с большим шумом «разносит» партию «слева» и требует, вместе с тем, повышения отпускных цен на промтовары, думая этим ускорить индустриализацию, а на деле должна получиться из этого дезорганизация внутреннего рынка, развал смычки индустрии с крестьянским хозяйством, падение курса червонца, падение реальной заработной платы и, стало быть,—подрыв какой бы то ни было индустриализации. На словах—индустриалисты, а на деле—пособники противников индустриализации.

Оппозиция обвиняет партию в нежелании борьбы с бюрократизмом госаппарата и предлагает, вместе с тем, повышение отпускных цен, думая, очевидно, что повышение отпускных цен не имеет отношения к вопросу о бюрократизме госаппарата, а на деле выходит, что из этого должна получиться полная бюрократизация государственного хозяйственного аппарата, ибо высокие отпускные цены являются вернейшим средством захирения промышленности и бюрократизации хозяйственного аппарата. На словах—против бюрократизма, а на деле—защитники и проводники бюрократизации государственного аппарата.

Оппозиция шумит и кричит против частного капитала и предлагает, вместе с тем, извлечь из области обращения государственные капиталы в пользу промышленности, думая этим подорвать частный капитал, а на деле получается из этого всемерное усиление частного капитала, ибо извлечение государственных капиталов из обращения, представляющего основную область работы частного капитала, не может не отдать торговлю в полное распоряжение частного капитала. На словах—борьба с частным капиталом, а на деле—помощь частному капиталу.

Оппозиция кричит о перерождении партийного аппарата, а на деле получается, что когда ЦК ставит вопрос об исключении одного из действительно переродившихся коммунистов, г-на Оссовского, оппозиция проявляет максимум лойяльности к этому госпо-

дину, голосуя против его исключения. На словах—против перерождения, а на деле—пособники и защитники перерождения.

Оппозиция кричала о внутрипартийной демократии и требовала, вместе с тем, всесоюзной дискуссии, думая этим реализовать внутрипартийную демократию, а на деле оказалось, что, навязывая громадному большинству партии дискуссию от лица ничтожного меньшинства ее, оппозиция совершила грубейший акт нарушения какой бы то ни было демократии. На словах—за внутрипартийную демократию, а на деле—нарушение основных принципов всякой демократии.

В переживаемый нами период обостренной классовой борьбы в рабочем движении может иметь место лишь одна из двух возможных политик: либо политика меньшевизма, либо политика ленинизма. Попытки оппозиционного блока занять среднее положение между двумя противоположными линиями, под прикрытием «левой», «революционной» фразеологии и при заострении критики против ВКП, должны были привести, и действительно привели, к сползанию оппозиционного блока в лагерь противников ленинизма.

Враги ВКП и Коминтерна знают цену «революционной» фразеологии оппозиционного блока. Поэтому, проходя мимо этой фразеологии, как ничего не стоящей, они единодушно восхваляют оппозиционный блок за его нереволюционные дела, подхватывая оппозиционный лозунг борьбы с основной линией ВКП и Коминтерна, как свой собственный лозунг. Нельзя считать случайностью тот факт, что эсеры и кадеты, русские меньшевики и немецкие «левые» социал-демократы,—все они нашли возможным выразить открыто сочувствие борьбе оппозиционного блока против партии, рассчитывая на то, что борьба оппозиционного блока приведет к расколу, а раскол развяжет антипролетарские силы нашей страны, на радость врагам революции.

Конференция считает, что партия должна обратить особое внимание на разоблачение «революционной» маскировки и выявление оппортунистической сущности оппозиционного блока.

Конференция считает, что партия должна охранять единство своих рядов, как зеницу ока, считая, что единство нашей партии является основным противоядием против всех и всяких контрреволюционных поползновений врагов революции.

IV. Выводы.

Подводя итоги пройденной стадии внутрипартийной борьбы, XV конференция ВКП констатирует, что партия выявила в этой борьбе свой огромный идейный рост, отвергла без колебаний

принципиальные взгляды оппозиции и добилась быстрой и решительной победы над оппозиционным блоком, заставив его открыто отказаться от фракционности и вынудив его отмежеваться от явно оппортунистических группировок внутри и вне ВКП.

Конференция констатирует, что в результате попыток оппозиционного блока навязать партии дискуссию и подорвать ее единство партийные массы еще более сплотились вокруг ЦК, изолировали тем самым оппозицию и обеспечили таким образом действительное единство рядов нашей партии.

Конференция считает, что только при активной поддержке широких партийных масс ЦК мог добиться таких успехов, что активность и сознательность, проявленные партийными массами в борьбе с дезорганизаторской работой оппозиционного блока, являются лучшими показателями того, что партия живет и развивается на началах действительной внутрипартийной демократии.

Одобряя целиком и полностью политику ЦК в его борьбе за обеспечение единства, конференция считает, что задачи партии в дальнейшем должны состоять в следующем:

1. Следить за тем, чтобы достигнутый минимум, необходимый для единства партии, был действительно проведен в жизнь.

2. Вести решительную идейную борьбу с социал-демократическим уклоном в нашей партии, разъясняя массам ошибочность принципиальных взглядов оппозиционного блока и выставляя на свет оппортунистическое содержание этих взглядов, какими бы «революционными» фразами они ни прикрывались.

3. Добиваться того, чтобы оппозиционный блок признал ошибочность своих взглядов.

4. Всемерно охранять единство партии, пресекая все и всякие попытки возобновления фракционности и нарушения дисциплины.

Приветствие коммунистической партии Германии.

Центральному Комитету коммунистической партии Германии.

Дорогие товарищи!

XV конференция ВКП(б) шлет братский пролетарский привет авангарду немецкого рабочего класса—коммунистической партии Германии, с которой наша партия связана в настоящее время больше, чем когда бы то ни было, общей борьбой за ленинизм против «левых» на словах, а на деле—социал-демократических, оппортунистических уклонов оппозиционного блока в ВКП и его союз-

ника—немецкой так называемой «ультра-левой» фракции, открыто проповедующей по существу социал-демократические и ренегатские идеи.

Объединенная оппозиция потерпела в нашей партии решительное поражение. Раскольническая фракционная работа оппозиционного блока встретила со стороны всей массы членов партии сокрушительный отпор. Ни в одной партийной организации, ни в одной рабочей ячейке оппозиция не получила даже сколько-нибудь заметного меньшинства. Рабочие-коммунисты Москвы и Ленинграда, партийная демократия, к которой пытались апеллировать лидеры оппозиции, сплошной большевистской стеной встала на защиту ленинской линии партии и ее единства. Разбитые наголову на всех партийных собраниях рядовыми партийцами-рабочими, оппозиционные лидеры оказались вынужденными, под давлением партийной массы, осудить свою фракционную деятельность и отказаться от фракционных методов борьбы. Партия указала свое место зарвавшимся вождям оппозиционного блока, думавшим завоевать влияние среди большевиков своим былым авторитетом и демагогической фразой. Партия доведет успешно до конца идейно-политическую ликвидацию того мелкобуржуазного уклона, который представлен оппозиционным блоком и на котором оппозиция попрежнему настаивает.

Коммунистической партии Германии приходится вести ту же борьбу против группировок, представляющих собою продолжение оппозиционного блока в ВКП. Идеи оппозиционного блока, попав на почву германской «ультра-левой», эволюционировали в законченную социал-демократическую политическую линию, которую защищают не только выброшенные за борт германской партией Корш, Маслов и Рут Фишер, но и руководители «ультралевых» группировок в партии (Вебер—Урбанс—Шолем). Та травля советского рабочего государства и ВКП, Германской компартии и Коминтерна, которую открыто ведут Шолем—Вебер—Урбанс, ставит их в один ряд с ренегатами и худшими врагами коммунизма. ВКП (б) приветствует ту линию, которую братская Германская партия заняла, чтобы положить конец этой пораженческой агитации Урбанса и К⁰ и их раскольнической фракционной работе внутри партии. Мы не сомневаемся, что коммунистической партии Германии в ближайшее время удастся ликвидировать остатки ультра-левого оппортунизма в ее рядах. Поражение оппозиции в ВКП и ликвидация «ультра-левых» группировок в Германской партии обеспечат абсолютно прочное ленинское единство в Коммунистическом Интернационале и сведут на-нет все попытки создания международной антибольшевистской фракции.

В последние месяцы и ВКП, и компартии Германии, и всему Коммунистическому Интернационалу пришлось уделять много сил на борьбу с упадочными мелкобуржуазными настроениями, нашедшими свое выражение во взглядах оппозиционного блока в ВКП и международных «ультра-левых» и «правых» группировок. Борьба эта еще не закончена, но полная победа ленинской линии над всеми разновидностями оппортунизма по всему фронту международного коммунистического движения уже обеспечена. Проявление и оформление пораженческой идеологии среди отдельных групп коммунистов является лишь небольшим преходящим эпизодом в победоносном развитии Коммунистического Интернационала.

Да здравствует ленинизм!!

Да здравствует большевистское единство коммунистической партии Германии!

Приложение 2.

СПИСОК

ДЕЛЕГАТОВ XV КОНФЕРЕНЦИИ ВКП(б) С ПРАВОМ РЕШАЮЩЕГО ГОЛОСА.

Фамилии и инициалы	Наименование организаций	Партстаж
Абдинов, К. Д.	Таджикская	1919
Азволинский, Я. П.	Кустанайская	1917
Акимов, А. Г.	Владимирская	1924
Акулик, М. А.	Минская	1919
Акулинушкин, П. Д.	Пензенская	1917
Алексеев, П. А.	Ленинградская	1914
Алексеев, В. А.	Чувашская	1918
Алексинский, М. А.	Белорусский военный округ	1917
Алимов, Н.	Заревшанская	1918
Альф, В. К.	Череповецкая	1905
Антипов, Н. К.	Ленинградская	1912
Асаткин-Владимирский	Владимирская	1904
Бадеев, О. Г.	Молдавская	1917
Балмасов, Я. А.	Курганская	1917
Барышев, Н. И.	Кубанская	1916
Барышников, С. П.	Вотская	1917
Бауман, К. Я.	Московская	1907
Бейка, Д. С.	Архангельская	1903
Бекер, И. Н.	Актюбинская	1914
Беленький, З. Н.	Сев.-Кавказская	1905
Березин, А. О.	Николаевская	1916
Бисярин, В. Г.	Новгородская	1914
Богданов, Д. Д.	Нижегородская	1917
Борисов, П. П.	Саратовская	1919
Борисов, С. В.	Орловская	1908
Боярский, Я. И.	Татарская	1919
Букатый, В. Л.	Каменская (Сибирь)	1917
Булатов, Д. А.	Вятская	1912
Булин, А. С.	Московский военный округ	1914
Буткин, И. А.	Зырянская	1918
Бухарин, К. И.	Костромская	1904
Вандыш, Л. А.	Мурманская	1914
Васильев, С. В.	Якутская	1917
Варов, С. Г.	Тюменская	1918
Вдовин, Ф. Г.	Златоустовская	1917
Верстонов, Ф. И.	Ульяновская	1913
Владимиров, В. Б.	Кременчугская	1908
Волков, Н. А.	Уральская	1918
Волков, А. С.	Ив.-Вознесенская	1905
Володин, В. Г.	Сев.-Кавк. военн. округ	1908
Восканов, Р. А.	Кинешемская	1914

Фамилии и инициалы	Наименование организаций	Партстаж
Габидуллин, Х. З.	Татарская	1917
Газа, И. И.	Ленинградская	1917
Газов, Л. П.	Адыг.-Черкесская	1918
Гибер, Б. В.	Московская	1918
Гилинский, А. Л.	Рязанская	1915
Глухов, И. К.	Калмыцкая	1914
Горбачев, Г. Г.	Саратовская	1917
Горбунов, А. А.	Сев.-Двинская	1918
Грановский, М. Л.	Владивостокская	1914
Грядинский, С. П.	Ленинградская	1912
Далгат, М. А.	Дагестанская	1918
Десов, Г. А.	Ленинградская	1902
Доненко, Н. Е.	Волынская	1914
Дулин, В. М.	Тамбовская	1916
Думченко, В. П.	Пермская	1918
Дуплицкий, Д. С.	Черноморский Флот	1918
Егер, В. Ю.	Красноярская	1917
Егорова, Е. Н.	Ленинградская	1911
Ермоленко, А. М.	Мелитопольская	1915
Ефремов, М. Н.	Самарская	1918
Ефремов, Р. П.	Армавирская	1917
Журин, Д. А.	Челябинская	1918
Заславский, Н. С.	Гомельская	1905
Затонский, В. П.	ЦК Украины	1917
Захаров, С. С.	Ставропольская	1907
Зашибаев, А. С.	Нижегородская	1917
Зеленский, И. А.	Сред.-Аз. бюро ЦК	1906
Зимин, Н. Н.	Иркутская	1915
Ибрагимов, Ш. Н.	ЦК Туркменистана	1915
Иванов, В. И.	ЦК Узбекистана	1915
Иванов, А. А.	Кузнецкая	1907
Икрамов, А.	Самаркандская	1918
Ильинский, И. М.	Бийская	1910
Иоаннисян, А. Г.	ЦК Армении	1906
Кабаков, И. Д.	Тульская	1914
Калмыков, Б. Э.	Кабардино-Балкарская	1918
Караев, А. Г.	Азербейджанская	1917
Каримов, А. К.	Ферганская	1920
Картвелишвили, Л. И.	Закавказский краевой комитет	1910
Кахиани, М. И.	Тифлисская	1917
Кениг, Г. Г.	Респ. Немцев Поволжья	1917
Киркиж, К. О.	Харьковская	1910
Киров, С. М.	Ленинградская	1904
Кисляков, Г. И.	Троицкая	1917
Клипиков, С. Н.	Самарская	1911
Клоков, П. В.	Новосибирская	1917
Клочко, П. С.	Полтавская	1919
Кожевников, С. Н.	Сибирский военный округ	1917
Кожухов, И. К.	Харьковская	1917
Козьмин, Д. Д.	Тверская	1913
Комаров, Н. П.	Ленинградская	1909
Копьев, А. К.	Брянская	1917
Коробусв, П. Д.	Воронежская	1918
Корчагин, А. А.	Псковская	1919
Котляр, С. О.	Терская	1918
Котов, В. А.	Московская	1915

Фамилии и инициалы	Наименование организаций	Партстаж
Криницкий, А. И.	Белорусская	1915
Кубяк, Н. А.	Далькрайком	1898
Кузнецов, В. Н.	Барабинская	1917
Кузьмин, Н. Н.	Средне-Азиатский военн. округ	1903
Куликов, Е. Ф.	Московская	1910
Кучмин, И. Ф.	Украинский военный округ	1912
Лепа, А. К.	Курская	1913
Любченко, П. П.	Киевская	1918
Ляксуткин, Ф. Ф.	Мариупольская	1913
Ляпин, А. И.	Барнаульская	1918
Ляпин, З. Ф.	Грозненская	1907
Майоров, М. М.	Томская	1906
Максимов, М. М.	Хабаровская	1917
Манаев, Н. С.	Джетысуйская	1920
Мандельштам, Н. Н.	Московская	1903
Маркитан, П. Ф.	Одесская	1918
Масаидов, М.	Сураханская	1919
Масленников, И. Ф.	Пермская (Мотовилихинская)	1917
Матвеев, В. С.	Вологодская	1917
Махарадзе, Ф. И.	ЦК Грузии	1891
Мацкевич, В. И.	Каспийский Флот	1919
Медведев, А. В.	Днепропетровская	1904
Мирзоян, Л. И.	Бакинская	1917
Михайлов, В. М.	Московская	1915
Михиенко, Д. А.	Артемовская	1918
Моисеенко, К. В.	Сталинская	1917
Моисеев, С. С.	Сарапульская	1906
Морозов, Г. Е.	Надеждинская	1918
Морозов, Н. Л.	Ярославская	1919
Москатов, П. Г.	Таганрогская	1917
Муценек, Я. Я.	Днепропетровская	1909
Нефедов, И. А.	Шадринская	1918
Никишин, А. А.	Бакинская	1917
Новиков, А. И.	Винницкая	1905
Новиков, М. И.	Донская	1917
Носов, И. П.	Тверская	1905
Носок-Турский, Д. А.	Читинская	1917
Нурмаков, Н.	Казаккрайком	1920
Орлов, Д. А.	Уралобком	1914
Осипов, Н. Н.	Тульская	1914
Охлопков, И. М.	Воронежская	1904
Павлюченко, Д. А.	Смоленская	1918
Перфильев, Н. Д.	Ив.-Вознесенская	1917
Петропавловский, С. Д.	Крымская	1904
Подгорный, А. И.	Черноморская	1917
Полонский, В. И.	Московская	1912
Попардэ, Л. А.	Ойратская	1911
Попок, Я. А.	Амурская	1909
Постышев, П. П.	Киевская	1904
Путнин, В. М.	Сталинградская	1918
Райтер, И. Л.	Акмолинская	1909
Разумов, М. О.	Башкирская	1913
Ракитов, Г. Д.	Калужская	1913
Ратнек, К. К.	Закавказская армия	1910
Рузыбаев, У.	Кашка-Дарьинская	1923
Рыжов, И. П.	Витебская	1913

Фамилии и инициалы	Наименование организаций	Партстаж
Рютин, М. Н.	Московская	1914
Рябинин, Е. И.	Тамбовская	1917
Рябов, А. Н.	Брянская	1906
Рябоконь, В. И.	Семипалатинская	1917
Сааков, О. А.	Ленинградский военный округ	1907
Сахат-Мурадов, Х. М	ЦК Туркменистана	1919
Сахъянова, М. М.	Бур.-Монгольская	1916
Севастьянов, Н. Ф.	Тагильская	1918
Семенов, И. А.	Нижегородская	1918
Семенов, Б. А.	Луганская	1907
Сидоров, К. Г.	Приволжский военный округ	1903
Смирнов, П. А.	Балтфлот	1917
Соболь, Н. Л.	Зиновьевская	1916
Сталин, И. В.	Ленинградская	1898
Старанников, В. П.	Астраханская	1911
Степанов, С. Ф.	Бакинская	1920
Строганов, В. А.	Ярославская	1905
Струппе, П. И.	Сев.-Зап. бюро ЦК	1907
Сырцов, С. И.	Сибкрайком	1913
Таджиев, А.	Ташкентская	1918
Такоев, С. А.	Северо-Осетинская	1918
Таран, С. Д.	Запорожская	1912
Тупицын, П. Н.	Оренбургская	1905
Угаров, О. Я.	Ленинградская	1905
Узюков, Н. А.	Киргизская	1918
Уханов, К. В.	Московская	1907
Филатов, Н. А.	Омская	1912
Фомин, В. К.	Сыр-Дарьинская	1917
Чернокозов, Х. П.	Шахтинская	1912
Чувырин, М. Е.	Криворожская	1903
Чупашов, П. Н.	Свердловская	1917
Чурилов, П. П.	Старо-Оскольская	1917
Шелыхманов, И. П.	Казаквоенкомат	1916
Шестаков, В. И.	Ленинградская	1914
Ширин, А. П.	Московская	1919
Шишин, Г. С.	В.-Камская	1918
Эшба, Е. А.	Чеченская	1914
Эшкинин, А. К.	Марийская	1919
Юревич, Э. И.	Московская	1913
Якубов, К. Я.	Кара-Калпакская	1924
Ярвисало, И. А.	Карельская	1907

СПИСОК

ДЕЛЕГАТОВ XV КОНФЕРЕНЦИИ ВКП(б) С ПРАВОМ СОВЕЩАТЕЛЬНОГО ГОЛОСА.

Фамилии и инициалы	Наименование организаций	Партстаж
Абаев, А. Н.	Юго-Осетинская	1918
Абель, Я. К.	ЦКК	1905
Аболин, А. К.	Зам. зав. отдел. ЦК	1908
Абрамов, К. А.	Татарская	1918
Авдеев, И. А.	ЦК	1901
Авдеев, П. Н.	ЦКК	1915
Агамалы-Оглы.	Нахичеванская	1920
Адамович, И. А.	Белоруссия	1918
Адров, К. П.	Бакинская	1919
Акимов, П. Н.	Полторацкая	1919
Акиртава, Н. Н.	Аджарская	1914
Акопян, С. П.	Московская	1916
Алексеева, Н. Н.	Ив.-Вознесенская (зав. губ. женотделом)	1920
Алексеева, В. Н.	Сев.-Кавк. крайком (зав. крайженотд.)	1919
Алексеев, А. Г.	Тверская	1917
Аменицкий, А. М.	Ленинградская	1910
Амосов, А. М.	ЦК союза железнодор.	1914
Амосов, П. Н.	ЦКК	1910
Ангаретис, З. И.	ИККИ	1906
Андреев, А. А.	Инструктор ЦК ВКП(б)	1917
Андреев, А. А.	ЦК	1914
Андреев, С. И.	Владимирская (ГК КСМ)	1924
Андронов, П. И.	Самарская	1913
Андрюхин, Я. Н.	Коростенская	1917
Антонов, П. Е.	ЦКК	1917
Антошкин, Д. В.	Московская	1905
Анцелович, Н. М.	ЦК союза сельхозлесрабочих	1905
Ароштам, Г. Н.	Инструктор ЦК ВКП(б)	1913
Арсентьев, П. Ф.	ЦК союза металлистов	1918
Артюхина, А. В.	ЦК	1910
Арыкова, Н.	Казаккрайком (зав. крайженотд.)	1919
Астров, В. Н.	Ленинградская	1917
Асфендиаров, С. Д.	Совет Национальностей	1919
Афанасьев, Н. А.	Сев.-Кавказская (Край КК)	1910
Ахун-Заде, Д. С.	Азербейджанская (ЦК КСМ)	1923
Бабушкин, А. В.	ЦКК	1917
Бадашов, А. Ф.	Тверская	1919
Бадулеску, А. С.	ИККИ	1924
Базилевич, Г. Д.	Московская	1917
Байкова, О. И.	Московская	1918

Фамилии и инициалы	Наименование организаций	Партстаж
Бакаев, И. П.	ЦКК	1906
Баклаев, Г. П.	Руков. пропгруппы ЦК	1912
Балтаев, К.	Хорезмская	1921
Балабанов, Ф. П.	Николаевская	1920
Баландин, В. М.	Ирбитская	1917
Баранников, А. И.	Белорусская (ЦК КСМ)	1920
Баташов. П. В.	ЦКК	1912
Бауэр, Я. Я.	ЦКК	1905
Бахутов, А. М.	Наркомтруд	1904
Беликов, Я. П.	Луганская	1917
Белова, О. А.	ЦКК	1903
Белобородов, А. Г.	НКВД	1907
Бергавинов, С. А.	Инструктор ЦК ВКП(б)	1917
Бердников, А. И.	Редакц. комиссия	1905
Березный, С. К.	ЦКК	1917
Берзин, Ю. П.	Московская	1912
Бибиков, С. И.	ЦКК	1920
Бияков, А. Д.	ЦКК	1917
Благонравов, Г. И.	Руковод. хоз. учрежд. (Резинотрест)	1917
Блеер, А. Д	Лубенская	1919
Богачев, М. Г.	Ленинградская	1919
Богданов, Н. П.	ЦК союза строителей	1914
Богданов, П. А.	Севкавкрайком	1905
Богуцкий, В. А.	ИККИ	1904
Борисов, И. И.	Московская	1911
Борьян, Б. А.	ЦКК	1903
Бочкарев, Ф. Р.	ЦКК	1918
Браудер, Е.	ИКК	1919 КП Америки
Брезановский, Я. Е.	Организ. комиссия	1921
Бройдо, Г. И.	Зам. зав. отд. ЦК	1903
Брудно, Е. И.	Тверская	1918
Брыков, А. П.	Руковод. хозяйств. учрежден. (ВСНХ РСФСР)	1917
Брюханов, Н. П.	НКФин СССР	1902
Бубнов, А. С.	ЦК	1903
Буденный, С. М.	Персонально	1919
Булат, И. Л.	Тамбовская	1912
Бумажный, Е. О.	Зам. зав. отд. ЦК	1917
Бунгш, Я. К.	ЦКК	1900
Бусарев, Н. М.	Московская	1919
Буслов, А. В.	Ленинградская (райком КСМ)	1922
Буссе, К. Ю.	ЦКК	1908
Бухарин, Н. И.	ЦК	1906
Бушуев, П. И.	ЦКК	1911
Быков, А. А.	Брянская (ГК КСМ)	1921
Быстров, С. М.	Ленинградская	1918
Варейкис, И. М.	ЦК	1913
Варелас, Г. А.	Черниговская	1920
Вартанян, А. А.	КИМ	1919
Васильевский, В. Н.	Зам. зав. отд. ЦК	1912
Васильева, А. П.	ЦКК	1915
Васильев, Г. Д.	Ив.-Вознесенская	1917
Васильев, Н. Т.	ЦКК	1917
Вейнберг, Г. Д.	ЦКК	1906
Викснин, С. О.	ЦКК	1912
Винокуров, А. Н.	Персонально	1903
Винтин, П. К.	Руковод. пропгруппы ЦК	1906
Вишнякова, П. И.	ЦКК	1903

Фамилии и инициалы	Наименование организаций	Партстаж
Владимиров, М. К.	Пензенская	1919
Владимиров, М. П.	ВЦСПС	1899
Владимирский, М. Ф.	ЦКК	1895
Власова, Е. А.	Руковод. пропгруппы ЦК	1905
Вольфович, М. А.	Руковод. пропгруппы ЦК	1904
Воробьев, И. П.	Ленинградская	1901
Воронин, И. М.	Владимирская	1918
Ворошилов, К. Е.	ЦК	1903
Высочиненко, С. Д.	ЦК ВЛКСМ	1917
Галанин, П. А.	Персонально	1905
Гамарник, Я. Б.	ЦК	1916
Гвоздев, И. Г.	Харьковская	1917
Гвоздецкий, С. П.	Б.-Церковская	1917
Гей, К. В.	ЦК	1916
Герасимов, А. Г.	ЦКК	1906
Гешке, О.	ИККИ	1910 КП Германии
Гинзбург, Л. И.	Сибкрайком	1919
Гипнер, Р.	КИМ	1916 КП Германии
Глотов, А. Д.	Нижегородская	1921
Глушенков, И. Е.	Псковская	1918
Гогоберидзе, Л. Д.	Заккрайком	1916
Голиков, И. Д.	ЦКК	1917
Голованов, Н. М.	Нижегородская	1917
Головешко, И. А.	Ленинградская	1917
Голодед, Н. М.	Белоруссия	1918
Голощекин, Ф. И.	ЦК	1903
Голюдов, С. Т.	Башкирская	1918
Гольцман, А. З.	ЦКК	1917
Гончарова, М. П.	ЦКК	1917
Гончаров, Н. К.	Руков. хоз. учрежд. (ВКС)	1904
Горбачев, А. М.	ЦК союза горняков	1919
Гордиенко, П. Я.	Канская	1917
Гордон, Р. М.	Руковод. пропгруппы ЦК	1915
Горев, А. П.	Урал (обл. комитет КСМ)	1921
Горкич, М. М.	КИМ	1923
Горлов, А. В.	ЦК ВЛКСМ	1920
Горчаев, М. Д.	ЦКК	1914
Горшин, И. Б.	Инструктор ЦК ВКП(б)	1912
Горьков, Д. А.	ЦКК	1920
Горюнов, В. Е.	ЦКК	1918
Грандов, М. С.	Газета „Беднота“	1926
Грачев, В. И.	Московская	1920
Григорьев, А. В.	Ленинградская (ГК КСМ)	1921
Григорьев, В. Н.	ЦКК	1912
Григорьев, М. Г.	Карельская	1920
Гриневич, А. В.	Инструктор ЦК ВКП(б)	1912
Грубер, Л. Я.	Уралобком	1917
Грузель, В. П.	ЦКК	1906
Грязев, И. Я.	ЦК КП(б) У	1905
Гузаков, П. В.	Зав. отд. ЦК	1905
Гульбе, Е. Р.	Руковод. пропгруппы ЦК	1906
Гуревич, М. Г.	Руковод. хозяйств. учрежден. (ВСНХ СССР)	1919
Гусаков, А. А.	Ив.-Вознесенская	1915
Гусев, А. Н.	Сев.-Зап. бюро ЦК	1918
Густи, Ф. Ф.	Респ. Немцев Поволжья	1919
Гуськов, И. Н.	ЦКК	1912
Гуськов, Ф. И.	Славгородская	1906

Фамилии и инициалы	Наименование организаций	Партстаж
Давлетбеков, Х.	Казаккрайком	1920
Давыдов, Н. М.	ЦКК	1906
Данилевская, М. В.	Харьковская (зав. окружн. женотделом)	1914
Демидов, М. И.	Череповецкая	1917
Демкин, В. С.	ЦКК	1920
Демченко, Н. Н.	Редакц. комиссия	1916
Дербышев, Н. И.	ЦК союза печатников	1896
Дзяугис, М. М.	ЦКК	1920
Диманштейн, С. М.	Зам. зав. отд. ЦК	1904
Димитров, Г. М.	ИККИ	1902 КП Болгарии
Дирик, К. Я.	ЦКК	1904
Добровольский, В. В.	ЦК союза химиков	1920
Догадов, А. И.	ЦК	1905
Долецкий, Я. Г.	ТАСС	1904
Долидзе, А. Г.	ЦКК	1905
Дуганов, М. С.	Ленинградская	1909
Дункан, Э.	ИККИ	Чл. Америк. секции
Евдокимов, Д. В.	ЦКК	1917
Евреинов, Н. Н.	ВЦСПС	1912
Евсеев, Н. В.	Сев.-Кавказская (крайком КСМ)	1923
Елагин, Т. И.	ЦКК	1920
Ендаков, М. Е.	Белоруссия	1905
Енукидзе, А. С.	ЦКК	1898
Еремин, И. Г.	Руковод. хоз. учрежд. (ВТС)	1917
Ерогов, М. С.	ЦК ВЛКСМ	1921
Ершов, П. И.	ЦКК	1921
Жданов, А. А.	ЦК	1915
Железов, В. И.	Ив.-Вознесенская (ГК КСМ)	1918
Жолдак, И. А.	ЦК ВЛКСМ	1918
Жуков, И. П.	ЦК	1916
Жуковский, И. Г.	Инструктор ЦК ВКП(б)	1909
Завьялов, В. П.	ЦК ВЛКСМ	1919
Загребальный, М. Н.	ЦКК	1917
Загуменных, М. М.	Урал (зав. обл. женотделом)	1905
Закондырин, И. Г.	Роменская	1918
Запотоцкий, А.	ИККИ	1920 КП Чехо-Словакии
Землячка-Самойлова, Р. С.	ЦКК	1896
Зиновьев, Г. Е.	ЦК	1901
Зязиков, И. Б.	Ингушская	1918
Ибраимов, В.	Крымская	1918
Иванов, А. В.	ЦИК СССР	1906
Иванов, А. М.	Руковод. хозяйств. учрежден. (ВСНХ РСФСР)	1919
Иванов, Г. В.	Ленинградская	1919
Иванов, И. А.	Брянская	1920
Иванов, П. Н.	Зав. отд. ЦК	1918
Иванов, С. М.	Московская	1921
Иванов, С. С.	Московская	1917
Иванов-Кавказский, В. Г.	Тифлисская	1907
Ивашов, М. И.	Н.-Тагильская	1919
Илек, Б.	ИККИ	1921 КП Чехо-Словакии

Фамилии и инициалы	Наименование организаций	Партстаж
Ильин, Н. И.	ЦКК	1910
Ишкова, К. А.	Бакинская	1920
Ищенко, А. Г.	ЦК союза водников	1917
Кабаков, Г. И.	ЦК союза деревообделочников	1917
Каганович, Л. М.	ЦК	1911
Казачков, Д. И.	Старобельская	1917
Калашников, В. С.	ЦКК	1906
Калинин, М. И.	ЦК	1898
Калманович, М. И.	Руковод. хоз. учрежд. (Сахаротрест)	1917
Калыгина, А. С.	ЦК	1915
Каменев, Л. Б.	ЦК	1901
Каминский, Г. Н.	ЦК	1913
Караваев, П. Н.	ЦКК	1903
Картуков, А. С.	Сальская	1920
Касрадзе, К. М.	Руковод. пропгруппы ЦК	1914
Катаяма, С.	ИККИ	КП Японии
Каширин, П. Д.	Оренбургская	1919
Квиринг, Э. И.	Инструктор ЦК ВКП(б)	1912
Квиринг, Э. И.	ЦК	1912
Килевиц, Ф. Ф.	Руков. хоз. учрежд. (ВТС)	1918
Кинешемцев, И. А.	ЦКК	1919
Кириллов, К. В.	Инструктор ЦК ВКП(б)	1908
Кирсанова, К. И.	Персонально	1904
Киселев, А. Е.	Казаккрайком	1917
Киселев, А. С.	ЦК	1898
Киссис, Р. Я.	Сибкрайком	1913
Клименко, И. Е.	ЦК	1919
Климович, Ф. Д.	Ленинградская	1909
Климов, Я. И.	ЦКК	1905
Клуцис, К. И.	ЦКК	1917
Кнорин, В. Г.	Ревиз. комиссия ЦК	1910
Кодацкий, И. Ф.	ЦК	1914
Кодевилла, В.	ИККИ	КП Аргент.
Козлов, Г. А.	Руковод. пропгруппы ЦК	1916
Козлов, Н. К.	Зам. зав. отд. ЦК	1909
Коковихин, М. Н.	ЦКК	1903
Коларов, В. П.	ИККИ	1901 КП Болгарии
Колгушкин, Ф. Т.	Ленинградская	1905
Колотилин, Н. Г.	Брянская	1919
Колотилов, В. Н.	Ленинградская	1917
Колотилов, Н. Н.	ЦК	1903
Комаров, В. Ф.	Рубцовская	1918
Комиссаров, И. Г.	Нижегородская	1917
Комиссаров, С. И.	ЦКК	1914
Кон, Ф. Я.	Персонально	1906
Кондратьев, С. С.	Майкопская	1918
Кондратьев, Т. К.	ЦК	1913
Коненков, А. Ф.	ЦКК	1913
Конотопов, Е. М.	ЦКК	1919
Конушкин, И. М.	Бакинская	1920
Корнблюм, И. Р.	ИККИ	1898
Корнюшкин, Ф. Д.	ЦК КП (б) У	1917
Короткий, Е. И.	Институт им. Ленина	1912
Коротков, И. И.	ЦКК	1905
Коростелев, А. А.	ЦК союза Рабпрос	1905
Коростелев, Г. А.	ЦКК	1905
Коротченко, Д. С.	Первомайская	1918
Корявченко, Н. И.	ЦКК	1919

Фамилии и инициалы	Наименование организаций	Партстаж
Косарев, А. В.	ЦК ВЛКСМ	1919
Косарев, В. М.	ЦКК	1898
Косиор, И. В.	ЦК	1908
Косиор, С. В.	ЦК	1907
Коссов, А. А.	ЦКК	1917
Костров, А. С.	Газета „Комсом. Правда“	1919
Котельников, Ф. С.	Ишимская	1919
Кошкарев, А. И.	Владивостокская	1918
Краваль, И. А.	Руковод. хозяйств. учрежден. (ВСНХ СССР)	1919
Крайнев, И. Н.	Ташкентская	1911
Красиков, П. А.	Персонально	1892
Крастынь, К. К.	ИККИ	1910
Кржижановский, Г. М.	ЦК	1893
Кривов, Т. С.	ЦКК	1905
Кристаловский, И. А.	Одесская	1901
Кроль, С. Я.	ЦК союза пищевиков	1914
Крумин, Г. И.	Газета „Экономич. Жизнь“	1908
Крумин, Н. П.	ЦКК	1906
Крупская, Н. К.	ЦКК	1898
Крыленко, Н. В.	Персонально	1904
Крэмэ, Ж.	ИККИ	1920 КП Франции
Кубицкий, И. И.	ЦКК	1917
Кудрявцев, Н. И.	Сибирь (крайком КСМ)	1920
Кудряшов, К. М.	ЦКК	1913
Кузениц, М. Б.	Дальний Восток (крайком КСМ)	1919
Кузнецова, Е. В.	Сибирь (зав. крайженотдел.)	1920
Кузнецов, Н. С.	Коми-Пермяцкая	1917
Куйбышев, В. В.	ЦКК	1904
Кулиев, Карра.	ЦКК	1918
Кульбешеров, Б.	ЦИК СССР	1920
Курамысов, И. М.	Казаккрайком	1921
Курганов, А. Я.	Украина (ЦК КСМ)	1922
Курников, И. И.	ЦК ВЛКСМ	1920
Курский, Д. И.	Ревиз. комиссия ЦК	1904
Кутузов, И. И.	ВЦСПС	1917
Куусинен, О. В.	ИККИ	1905
Кушаев, Х. К.	ЦИК	1919
Лагунов, М. В.	Сев.-Двинская	1922
Ладошин, Г. И.	ЦКК	1917
Ларичев, А. И.	Уральская (обл. КК)	1911
Ланда, М. М.	ПУР	1907
Ларин, В. Ф.	ЦКК	1915
Ларин, Ю. (М. А.)	Персонально	1917
Лебедев, А. В.	ЦКК	1904
Лебедев, Г. А.	Сев.-Зап. бюро ЦК	1923
Лебедев, М. А.	ЦКК	1905
Лебедев, Н. И.	ЦК союза текстильщиков	1903
Лебедь, Д. З.	ЦКК	1909
Лежава, А. М.	СНК	1904
Ленгник, Ф. В.	ЦКК	1893
Леонов, Ф. Г.	Газета „Правда“	1914
Лепешинский, П. Н.	Персонально	1898
Лепсе, И. И.	ЦК	1904
Лиздинь, Г. Я.	ЦКК	1896
Лисицин, Н. В.	ЦКК	1910
Литвинов, М. М.	НКИД	1898
Лобов, С. С.	ЦК	1913
Лозовский, С. А.	Профинтерн	1900
Локацков, М. П.	ЦКК	1905

Фамилии и инициалы	Наименование организаций	Партстаж
Ломинадзе, В. В.	ЦК	1917
Ломов, Г. И.	ЦК	1903
Луговой, А. В.	ЦК союза сахарников	1913
Лузин, А. И.	В.-Камская	1917
Лукашин, С. Л.	ЦК	1906
Луначарский, А. В.	НКПрос	1898
Луцук, А. М.	Ленинградская	1912
Любимова, С. Т.	Средн. Азия (зав. женотделом бюро ЦК)	1919
Любимов, И. Е.	ЦК	1902
Лядов, М. Н.	Персонально	1893
Магидов, Б. И.	Ревизионн. комиссия ЦК	1917
Майборода, М. В.	Купянская	1917
Макар, Е. Г.	Харбинская	1918
Максимов, М. Я.	Ив.-Вознесенская	1918
Максимов, П. А.	Руковод. хоз. учрежд. (ГЭТ)	1915
Максина, О. И.	ЦК ВЛКСМ	1919
Мальцев, К. А.	Зам. зав. отд. ЦК	1905
Мальцев, П. И.	ЦКК	1905
Манжара, Д. И.	ЦКК	1917
Маннер, К. Г.	ИККИ	1918
Манохин, У. И.	Кунгурская	1912
Мануильский, Д. З.	ЦК	1904
Манцев, В. Н.	Руковод. хозяйств. учрежден. (ВСНХ СССР)	1906
Марков, А. Т.	ЦК	1898
Марокин, Н. А.	Артемовская	1918
Мартынов, Д. И.	Курская	1913
Марченко, Д. А.	Харьковская	1920
Марченко, Н. Ф.	Нежинская	1919
Масленко, П. Ф.	Сталинская	1917
Маслюк, В. Л.	ЦКК	1920
Матвеев, Д. И.	ЦК	1920
Мартикян, С. Н.	ЦКК	1904
Медова, М. С.	ЦКК	1918
Межлаук, В. И.	Руковод. хозяйств. учрежден. (ВСНХ СССР)	1917
Мельничанский, Г. Н.	ЦК	1902
Менжинский, В. Р.	ОГПУ	1902
Меринг, Р. А.	КИМ	1920
Мерфи, И. С.	ИККИ	КП Британ.
Мещеряков, В. Н.	ЦКК	1905
Микоян, А. И.	ЦК	1915
Мильчаков, А. И.	ЦКК	1919
Милх, Л. Р.	Инструктор ЦК ВКП(б)	1917
Милютин, В. П.	ЦКК	1903
Минин, О. М.	ЦКК	1917
Миронов, В. Д.	Зеравшанская (Бухара)	1918
Митрофанов, А. Х.	ЦКК	1903
Митрофанов, П. В.	ЦК ВЛКСМ	1919
Михайлов, Д. Л.	Московская	1920
Михайлов, М. С.	Ленинградская	1913
Мицкевич-Капсукас, В. С.	ИККИ	1917
Модеко, А. А.	Сретенская	1917
Мокеев, М. П.	ЦКК	1918
Молотов, В. М.	ЦК	1906
Мороз, Г. С.	Московская	1917
Морозов, Г. Н.	Тульская	1919
Морозов, Д. Г.	ЦКК	1905
Морозов, И. М.	Новгородская	1917
Морозов, И. Т.	ЦКК	1908

Фамилии и инициалы	Наименование организаций	Партстаж
Москалев, А. М.	ЦКК	1917
Мунбаев, Ж.	Казаккрайком	1919
Муралов, А. И.	Нижегородская	1905
Муралов, Н. И.	ЦКК	1903
Муранов, М. К.	ЦКК	1904
Муратова, М. Ф.	Белоруссия (зав. женотделом)	1919
Мусабеков, Г.	ЦК	1918
Мухаметкулов, А. Б.	Башкирская	1920
Мчедлишвилли	ЦКК	1918
Мышкин, Ю. С.	Инструктор ЦК ВКП(б)	1912
Наговицын, И. А.	НКСобес.	1905
Назаретян, А. М.	ЦКК	1905
Нейман, Г.	ИККИ	1919 КП Герман.
Нейман, Я. К.	Гомельская	1917
Никитин, В. А.	Смоленская	1916
Никитин, И. М.	ЦКК	1917
Никаноров, А. Ф.	ЦКК	1917
Никифоров, В. В.	Тульская (ГК КСМ)	1919
Николаева, К. И.	ЦК	1909
Николаев, А. Н.	ЦК союза бумажников	1920
Николаев, К. Н.	ЦКК	1919
Новиков, А. В.	Руководитель пропгруппы ЦК	1912
Новиков, И. Ф.	Архангельская	1917
Новиков, Н. А.	Тобольская	1917
Новиков, Н. Ф.	ЦКК	1912
Новоселов, С. А.	ЦКК	1905
Ноздрин, М. М.	Минусинская	1905
Носов, С. В.	ЦК ВЛКСМ	1923
Нюрина, Ф. Е.	Зам. зав. отд. ЦК	1920
Одинцов, Д. Я.	Руковод. пропгруппы ЦК	1912
Озолин, А. И.	Могилев-Подольская	1905
Окунев, Г. С.	Ленинградская	1917
Ольминский, М. С.	Персонально	1898
Орахелашвили, М. Д.	ЦК	1903
Орджоникидзе, З. К.	ЦК	1903
Осинский, В. В.	ЦК	1907
Осьмов, Н. М.	ЦКК	1907
Отурин, И. А.	ЦКК	1917
Павлов, П. Н.	ЦК ВЛКСМ (Спортинтерн)	1921
Панов, Н. Ф.	ЦКК	1911
Пастухов, М. Д.	ЦКК	1908
Пахомов, Н. И.	ЦИК СССР	1917
Пеньков, М. А.	Московская	1907
Пеппер, Д.	ИККИ	1919
Петерс, Я. Х.	ЦКК	1904
Петерсон, С. А.	ЦКК	1917
Петров, С. П.	Чувашская	1917
Петров, Ф. Ф.	ИККИ	1910
Петровский, Г. И.	ЦК	1897
Пилацкая, О. В.	ЦК КП(б)У	1904
Пилявский, С. С.	Руковод. пропгруппы ЦК	1903
Писманик, Г. Е.	Московская	1917
Плаксин, К. И.	Саратовская	1904
Плачинда, И. С.	Уманская	1918
Плешаков, М. Г.	ЦКК	1904
Подвойский, Н. И.	ЦКК	1901
Поднек, А. И.	Орловская	1913
Позерн, Б. П.	ЦКК	1903

Фамилии и инициалы	Наименование организаций	Партстаж
Позднышев, А. Н.	Вятская	1917
Покко, С. И.	ЦКК	1905
Покровский, М. Н.	Персонально	1905
Полидоров, С. И.	Руководит. пропгруппы ЦК	1905
Полуян, Я. В.	ВЦИК	1912
Полянский, Н. А.	Тульская	1916
Пономарев, Л. П.	Владикавказская	1918
Попов, В. С.	ЦК союза Нарпит	1905
Попов, К. А.	Зам. зав. отд. ЦК	1906
Попов, Н. Н.	ЦК КП(б)У	1919
Поскребышев, А. Н.	Мандатн. комиссия	1917
Потапов, И. О.	Тульчинская	1917
Прищепчик, З. А.	ЦК Узбекистана (зав. женотделом)	1917
Прокофьев, А. М.	Московская	1919
Прохоров, Р. У.	ЦКК	1904
Птуха, В. В.	Инструктор ЦК ВКП(б)	1917
Пушкарев, В. П.	Тульская	1917
Пшеницын, К. Ф.	Инструктор ЦК ВКП(б)	1917
Пьянков, А. А.	Руководит. пропгруппы ЦК	1906
Пылаев, Г. Н.	Свердловская	1912
Пятницкий, И. А.	ЦКК	1898
Радус-Зенькович, В. А.	ЦКК	1898
Радченко, А. Ф.	ЦК	1912
Разенко, Д. А.	ЦК ВЛКСМ	1922
Разумов, Н. К.	ЦКК	1919
Раковский, Х. Г.	ЦК	1891
Рассолов, Е. И.	ЦКК	1917
Растопчин, Н. П.	ЦКК	1903
Рахманов, О. П.	Закавказье (крайком КСМ)	1923
Рейнвальдт, Г. О.	ЦКК	1908
Реммеле	ИККИ	КП Герман.
Решетков, И. В.	Московская	1910
Рогов, М. И.	Московская	1907
Рожков, И. Н.	Вологодская	1917
Рожнов, П. А.	Костромская	1918
Розе, К. В.	Ярославская	1917
Розит, Д. П.	ЦКК	1917
Розмирович, Е. Ф.	ЦКК	1904
Рой, М. Н.	ИККИ	КП Индии
Россен, Г. Р.	КИМ	1925
Ростиславов, Г. П.	Московская	1920
Рудзутак, Я. Э.	ЦК	1905
Руднев, С. И.	Руковод. пропгруппы ЦК	1916
Румянцев, И. П.	ЦК	1905
Русанов, Г. А.	Руковод. хоз. учрежд. (ВСНХ СССР)	1916
Рутковский, В. И.	Изюмская	1918
Рыков, А. И.	ЦК	1898
Рындин, К. В.	ЦК	1915
Рыскулов, Т. Р.	СНК РСФСР	1917
Рязанов, Д. Б.	Персонально	1889
Рястас, О. Ю.	ИККИ	1912
Саакян, А. А.	Карабахская	1917
Сабашников, М. Н.	Тульчинская	1917
Савельев, А. П.	Карач.-Черкесская	1918
Савельев, М. А.	Газ. „Торг.-Пром."	1903
Садеев, Д. С.	Киргизская	1918
Салтанов, С. А.	Нижегородская (ГК КСМ)	1921
Самойлов, Ф. Н.	Зам. зав. отд. ЦК	1903

Фамилии и инициалы	Наименование организаций	Партстаж
Самурский, Н.	Дагестанская	1917
Сапов, И. А.	Херсонская	1917
Сафронов, Н. Д.	ЦКК	1917
Сахарова, П. Ф.	ЦКК	1912
Сахатов, К.	Мервская	1925
Свистун, П. И.	Сумская	1909
Седельников, А. И.	Инструктор ЦК ВКП(б)	1914
Селиванов, А. А.	Донецкая	1905
Семашко, Н. А.	НКЗдрав	1894
Семков, С. М.	ЦКК	1902
Сенюшкин, Ф. М.	ВЦСПС	1919
Серганин, М. М.	Ленинградская	1912
Сергушов, М. С.	ЦКК	1904
Серебровский, П. А.	ЦК	1903
Серкин, И. О.	Калужская	1917
Сидерский, З. О.	Глуховская	1918
Силлен, Х.	ИККИ	КП Швеции
Скворчевский, А. С.	Руковод. пропгруппы ЦК	1913
Скворцов-Степанов, И. И.	ЦК	1896
Скобейников, А. И.	ЦКК	1905
Скрыпник, Н. А.	ЦК	1897
Славин, И. И.	ПУР	1917
Славинский, Ю. М.	ЦК союза Рабис.	1918
Слепков, А. Н.	Инструктор ЦК ВКП(б)	1919
Смидович, С. Н.	ЦКК	1898
Смирнов, А. П.	ЦК	1896
Смирнов, И. Н.	НКПочтель	1899
Смирнов, И. Ф.	Свердловская	1924
Смирнов, М. И.	Днепропетровская	1914
Смирнов, Н. П.	„Рабочая Газета“	1912
Смиттен, Е. Г.	Зав. отд. ЦК	1904
Снопков, И. А.	Московская	1918
Соболев, С. М.	ЦКК	1918
Сойфер, Я. Г.	ЦКК	1907
Соколинский, Г. М.	ЦК союза швейников	1905
Соколова, О. Н.	Зам. зав. отд. ЦК	1918
Соловьев, К. С.	ЦКК	1915
Сольц, А. А.	ЦКК	1898
Сорин, В. Г.	Институт им. Ленина	1917
Сорокин, М. Ф.	Средняя Азия (бюро ЦК КСМ)	1920
Сотников, П. С.	Сталинская	1917
Сотников, П. Г.	ЦК ВЛКСМ	1919
Софронов, П. П.	Московская	1918
Старостин, П. И.	ЦКК	1917
Стасова, Е. Д.	Персонально	1898
Степанов, С. И.	Ревиз. комис. ЦК	1897
Стецкий, А. И.	ЦКК	1915
Страздин, К. Я.	Руководит. пропгруппы ЦК	1916
Стриевский, К. К.	ЦК	1902
Стробыкин, И. А.	Тверская (ГК КСМ)	1921
Студитов-Парфенов, П. И.	ЦКК	1914
Стуруа, В. Ф.	ЦКК	1896
Стуруа, Г. Ф.	Абхазская	1901
Стучка, П. И.	ИККИ	1895
Стэн, Я. Э.	ЦКК	1914
Сулимов, Д. Е.	ЦК	1905
Суханов, А. И.	Черкасская	1913
Тальберг, П. Я.	ЦКК	1904
Тан-Пин-Сан	ИККИ	1920 КП Китая
Тарасов, С. Н.	Конотопская	1917

Фамилии и инициалы	Наименование организаций	Партстаж
Телешов, А. Н.	ЦК союза коммунальн.	1917
Темкин, М. М.	Бердичевская	1914
Теплов, Н. П.	Руковод. хоз. учрежд. (Днепропетр. зав.)	1904
Тер-Егиазарянц, Л. А.	Средне-Аз. бюро ЦК	1918
Терехов, Р. Я.	ЦКК	1912
Толоконцев, А. Ф.	ЦК	1914
Томский, М. П.	ЦК	1904
Трилиссер, М. А.	ОГПУ	1901
Троцкий, Л. Д.	ЦК	1917
Троицкий, А. Я.	ЦКК	1917
Трутнев, И. А.	ЦКК	1917
Трэн, А. П.	ИККИ	1920 КП Франции
Турянский, И. П.	ИККИ	1918
Угланов, Н. А.	ЦК	1907
Ударов, А. Н.	Средне-Аз. бюро ЦК	1919
Ульянова, М. И.	ЦКК	1899
Уншлихт, И. С.	ЦК	1900
Урываев, М. И.	ЦК	1917
Файзула-Ходжаев	ЦИК СССР	1920
Федкевич, И. Э.	ЦКК	1915
Федоров, С. С.	Московская (МК КСМ)	1921
Ферди, Б. Г.	ИККИ	КП Турции
Фесенко, А. К.	Проскуровская	1904
Фигатнер, Ю. П.	ЦКК	1903
Филлер, С. И.	ЦКК	1910
Финковский, А. И.	Нижегородская	1904
Фрешер, Е. Э.	Сталинградская	1919
Фрумкин, М. И.	НКТорг СССР	1898
Фюренберг, Ф.	ИККИ	1919 КП Австрии
Хабибулла, И.	ЦКК	1914
Ханин, Д. М.	ЦК ВЛКСМ	1920
Харин, С. И.	Златоустовская	1917
Харченко, В. А.	Астраханская	1924
Хасман, С. А.	Донская	1904
Хатаевич, М. М.	Ревиз. комиссия ЦК	1913
Хилькович, А. А.	Тульская	1920
Хинчук, Л. М.	Персонально	1920
Хитаров, Р. М.	КИМ	1919
Хохлов, В. С.	Рязанская	1917
Цай-Хо-Сян	ИККИ	1922 КП Китая
Цируль, Я. Я.	Зам. зав. отд. ЦК	1912
Цюрупа, А. Д.	ЦК	1913
Чаплин, Н. П.	ЦК	1919
Червяков, А. Г.	ЦИК СССР	1917
Чернышова, О. Ф.	ВЦСПС	1917
Чернявский, В. И.	Киевская	1911
Чистов, Б. Н.	Ульяновская	1917
Чичерин, Г. В.	ЦК	1918
Чубарь, В. Я.	ЦК	1907
Чугунов, Т. К.	Саратовская	1903
Чудов, М. С.	ЦК	1913
Чуцкаев, С. Е.	ЦКК	1903

Фамилии и инициалы	Наименование организаций	Партстаж
Шавердова, С. Н.	Закавказье (зав. крайженотдел.)	1917
Шаров, И. М.	Воронежская	1918
Шахгялдян, А. О.	Эриванская	1916
Шах-Гильдян, В. П.	Ярославская	1917
Шахрай, А. Б.	Владимирская	1918
Шацкин, Л. А.	ЦК ВЛКСМ	1917
Шверник, Н. М.	ЦК	1905
Шеболдаев, Б. П.	Зам. зав. отд. ЦК	1914
Шейнман, А. Л.	Госбанк	1903
Шелехес, И. С.	Инструктор ЦК ВКП(б)	1908
Шелухин, И. А.	ЦКК	1908
Шерудилло, А. П.	Сталинская (ОК КСМ)	1921
Шиллер, Р.	ИККИ	КП Австрии
Шиткина, М. М.	Ленинградская	1915
Шкирич, Н. Р.	ЦКК	1918
Шкирятов, М. Ф.	ЦКК	1906
Шкловский, Г. Л.	ЦКК	1898
Шлихтер, А. Г.	ЦК КП (б) У	1891
Шмераль, Б. И.	ИККИ	1920 КП Чехо-Сл.
Шмидт, В. В.	ЦК	1905
Шотман, А. В.	ЦКК	1899
Штернберг, Е. П.	Руковод. пропгруппы ЦК	1905
Штерн, В. М.	ИККИ	КП Герман.
Штраух, Э. М.	Орловская	1912
Шуб, А. И.	Прилукская	1919
Шумный, В. Е.	Зейско-Алданская	1914
Шумский, А. Я.	ИККИ	1918
Шустин, А. Я.	Шепетовская	1912
Эйсмондт, Н. Б.	НКТорг РСФСР	1907
Эйхе, Р. И.	ЦК	1905
Элиава, Ш. З.	Заккрайком	1904
Эрколи, М. А.	ИККИ	КП Италии
Эфендиев, М. М.	ЦКК	1904
Юзефович, И. С.	ЦК союза кожевников	1919
Юносов, К. А.	Ленинградская (губКК)	1905
Юрцен, М. М.	ЦКК	1903
Ягода, Г. Г.	ОГПУ	1907
Яковлев, В. А.	Московская	1914
Яковлев, Я. А.	ЦКК	1913
Янсон, Н. М.	ЦКК	1905
Ярославский, Е.	ЦКК	1898

СПИСОК

организаций и собраний, приславших приветствия XV конференции ВКП(б)

Абахинск	приветствие	от 2-й Идринской райконференции Минусинского окр.
Алчевск	„	„ собрания ячейки шахты артели Ворошиловского района.
Амстердам	„	„ Манну.
Артемовск	„	„ 6-го Артемовского окрсъезда союза сельхозлесорабочих.
Бабаев	„	„ рабочих фабрики „Красный Ткач" Клинского уезда.
Барнаул	„	„ 2-го Барнаульского округа батрацкого съезда.
Белгород	„	„ общего собрания Белгородской организ.
Богородск	„	„ широкой рабочей произв. конф. Богородско-Щелковского треста.
Великие Луки	„	„ общего собрания ячейки ВКП Великолуцкого депо МББ ж. д.
Вельск	„	„ очередного пленума укома.
Витебск	„	„ общего собрания рабочих и служащих завода № 3 сельхозмашин и орудий Белгосмедпрома.
Владимир	„	„ Владимирского губсъезда профсоюза деревообделочников.
Владимир	„	„ 12-го Владимирского губсъезда профсоюза совторгслужащих.
Воткинск	„	„ Воткинской райпартконференции.
Вязников	„	„ Владимирской произв. губ. конф. рабочих ф-к 2-го Льноправления.
Гори	„	„ расширенного пленума Горийского уездного комитета Грузии.
Городок (Проск. окр.)	„	„ общего собрания крестьян в день открытия кинофикации в приграничном селе Модвинале.
Грузия	„	„ собрания коллектива ВКП 65-го Кавказского кавалерийского полка.
Даг-огни	„	„ партсобрания стекольного завода „Даг-огни".
Днепропетровск	„	„ общего городского собрания актива Днепропетровского округа.
Днепропетровск	„	„ окр. съезда пищевиков.
Днепропетровск	„	„ райпартсобрания членов и кандидатов партии Днепропетровщины.
Ефремов	„	„ расширенн. пленума Ефремовского райкома Тульской организации.
Житомир	„	„ 500 делегаток г. Житомира, Волынского округа.

Зиновьевск	приветствие	от	объедин. партсобрания зав. „Красная Звезда", укр. кавал. школы и зав. „Смычка".
Запорожск	„	„	Запорожского партактива.
Инза (Ульяновск. губ.)	„	„	Инзенского волостного собрания партячеек.
Казань	„	„	областного съезда кожевников Татарии.
Калининск (Белоруссия)	„	„	3-й окр. конф. работников просвещения Калининского округа.
Калуга	„	„	траурного заседания красноармейцев и рабочих организаций, посвященного годовщине смерти т. Фрунзе.
Каменец-Подольск	„	„	окр. конференции профспилок.
Кашира	„	„	3-й произв. конф. рабочих и служащих Каширской Г. Э. С.
Киев	„	„	просвещенцев Киевщины.
Киев	„	„	9-го окр. съезда союза совторгслужащих Киевщины.
Кемь	„	„	общего собрания коллектива ВКП ст. Кемь Мурманск. ж. д.
Коврово (Белор.)	„	„	собрания делегатов ф-ки Абельман.
Кольчугинск. вол.	„	„	2-й Кольчугинской конф. крестьянок-делегаток.
Кольчугино	„	„	собрания работающих на 1 Г. М. ОЗ в Кольчугине.
Крапивны	„	„	расширенн. зас. бюро Крапивенского райкома Тульской организации ВКП(б).
Краснодар	„	„	3-й Кубанской окр. конф.
Крапоткино	„	„	Крапоткинской райпартконференции.
Крым	„	„	пленума Крымского райкома ВКП(б) Черноморского округа.
Кубанск	„	„	армрайконференции ВКП(б).
Кубанск (Грузия)	„	„	Кубанской 9-й партконф. ком. партии Грузии.
Кудымкора (Коми)	„	„	Косинского райпартсобрания Коми Пермского округа.
Кумары (Амур)	„	„	Кумарской комячейки.
Кунгур (Уралобласть)	„	„	Кунгурской райпартконференции.
Курск	„	„	общегородского партсобрания.
Курск	„	„	Курского губернского агитпропсовещания.
Лабинская	„	„	6-й Лабинской райпартконференции.
Ленинград	„	„	общего собрания членов и кандидатов ВКП центр. военно-морских учреждений Балтийского флота.
„	„	„	общего собрания коллектива ВКП Балтийского завода.
Ленинград	„	„	общезаводской конф. завода „Большевик".
„	„	„	общего собрания рабочих и служащих вагоностроительного завода им. Егорова.
„	„	„	конференции рабочих-сезонников и служащих постройки Василеостровской канализации Ленинграда.
„	„	„	пленума райкома ВЛКСМ Центрального городского района Ленинградской организации.
„	„	„	собрания актива Володарского района.
„	„	„	рабочих и работниц ф-ки Гознак.
„	„	„	губконференции Ленинградского губотдела союза кожевников.
„	„	„	объедин. собрания коллективов ВКП и комсомола.
„	„	„	Ленинградского комвуза им. Крупской.
„	„	„	комсомола и рабочей молодежи Ленинграда.

Ленинград	приветствие	от	собрания цехячеек ВКП ф-ки „Красный Маяк" Выборгского района.
»	»	»	очередной конференции завода „Красный Треугольник".
»	»	»	пленума цехячеек к-ва ВКП(б) „Красный Треугольник".
»	»	»	общего собрания курсантов комполитсостава Военно-механической тяги.
»	»	»	собрания завода „Манометр".
»	»	»	пленума Моск.-Нарвск. райсовета.
»	»	»	расширенн. пленума Моск.-Нарвск. района ВКП(б).
»	»	»	делегатского собрания XIV группкома Нарпит (бесп.).
»	»	»	губконференции союза Рабис.
»	»	»	» » »
»	»	»	делегатского собрания зав. „Русский Дизель".
»	»	»	коллектива ВКП(б) Севсудостроит. верфи.
»	»	»	пленума коллектива ВКП ф-ки „Скороход".
»	»	»	расширенн. пленума фабзавкомов ф-ки „Скороход" им. Калинина.
»	»	»	пленума губправления Ленинградского об-ва „Смычка города с деревней".
»	»	»	7-й конференции 1-го учпрофсожа Сев.-Зап. ж. д.
Ленинское (Вятск. губ.)	»	»	4-й Ключевской волорганизации Котельничского уезда.
Майкоп	»	»	3-го Майкопского окр. съезда профсоюзов.
Макеевка	»	»	общего партсобрания ячейки электромеханич. отд. рудников Маккомбината.
Малая Вишера	»	»	расширенного пленума М.-Вишерского укома.
Медынь	»	»	Медынского уездн. съезда союза сельхозрабочих.
Мариуполь	»	»	2-го пленума окружкома незаможных селян Мариупольщины вместе с расширен. пленумом райкома незаможных селян Люксембургского района.
Минск	»	»	группового собрания ячеек ВКП ст. Минск МББ совместно с ячейкой 1-го полка ГПУ.
»	»	»	2-й райконф. членов союза сельхозлесраб. и батраков.
Москва	»	»	объединенного собрания ячейки ВКП(б) и ВЛКСМ зав. „Амо".
»	»	»	Венгерской ком. партии через ИККИ.
»	»	»	1-го Всесоюзного съезда инженерных технических работников объединенных профсоюзов пищевиков.
Москва, Курск. вокзал	»	»	краснофлотцев учебного отряда, проезжающих из Балтийского в Черное море.
Москва	»	»	рабочих и служащих зав. „Геофизика".
»	»	»	произв. конф. об-ва потребителей „Коммунар".
»	»	»	общего собрания рабочих и служащих завода „Метрон" и маг. № 3 Треста точной механики.
»	»	»	общего собрания членов союза ж.-д. службы движения и связи при ст. Москва 1-я Моск.-Курск. ж. д.
»	»	»	производствен. конф. Мосстроя.

Москва	приветствие	от	общего собрания НКФ РСФСР и СССР.
»	»	»	общего собрания сотрудников изд-ва „Новая Москва".
»	»	»	работников изд-ва „Новая Деревня" (перевыборное собрание).
Московский уезд	»	»	4-й волостной партконф. Пролетарской волости.
Москва	»	»	пленума коллектива ф-ки „Пролетарский Труд".
Мушкетово	»	»	очередных ячейковых партсобраний Буденновской парторганизации.
Невель (Псковск. губ.)	»	»	6-го Невельского усъезда профсоюзов.
Н.-Новгород	»	»	общего собрания ж.-д. парторганизации станции.
Новопокровск	»	»	призывников 1904 г. Новопокровского района Кубанского округа.
Одесса	»	»	расширенн. пленума Одесского окркома МОПР'а совместно с гор. активом и представителями села и об-ва политкаторжан.
»	»	»	общегородского собрания партактива Одесской организации.
»	»	»	2-го окружного съезда союза „Пищевкус".
Орск	»	»	3-го Орского усъезда профсоюзов.
Ораниенбаум	»	»	общеволостного собрания членов союза Рабпрос.
Охотск	»	»	Охотской парторганизации.
Пенза	»	»	кустового открытого собрания ячеек коллектива комсомола ст. Пенза 1-я Сызрано-Вяземск. ж. д.
Петропавловск (Камчатка)	»	»	Камчатского окружкома.
Полторацк	»	»	общего собрания рабочих и служащих депо Полторацка.
»	»	»	собрания партактива Полторацкой организации Туркменистана.
Поти	»	»	общего собрания Потийской организации.
Пушино	»	»	рабоч. конф. зав. „Красный Путиловец".
Ревдино (Урал)	»	»	Ревдинской парторганизации.
Ровеньков ДНЦК	»	»	расширенн. пленума Ровенецкого райпарткома Луганского округа.
Рославль	»	»	Рославльской 19-й уездной партконференции.
Ростов-на-Дону	»	»	пленума Ростово-Нахичеванского н/Д. горсовета.
Ростов Ярославской губ.	»	»	9-го уездного съезда профорганизаций.
Самара	»	»	общегородского собрания слепых.
Свердловск	»	»	30 000 просвещенцев Урала (3-й обл. съезд Рабпрос).
»	»	»	членов коллектива ВКП сл. тяги ст. Свердловск.
»	»	»	3-го Уральского обл. съезда металлистов.
»	»	»	общ. собр. яч-ки „Камураллеса".
Севастополь	»	»	7-й конф. металлистов Крыма.
Сиротино	»	»	общего районного собрания членов и канд. Сиротинск. орган. (б.) Белоруссии.
Смоленск	»	»	Смоленской упартконференции.
Спирово	»	»	Спировского волпартсобрания.
Сталино	»	»	районной конфер. работниц и домохоз.
»	»	»	1-го окр. съезда сталинских медсанветработников.
»	»	»	общего собрания ячеек Сталинск. района.
Струнино	»	»	общего собрания рабочих ф-ки „5-й Октябрь".

Суксун	приветствие	от	7-й Суксунской райпартконф. Кунгурского округа.
Сысертский завод (Урал)	„	„	7-й партконфер. Сысертского зав. ж. д.
Таганрог	„	„	рабочих и служащих водного транспорта Таганрогского порта.
Тверь	„	„	общего собрания ячеек ВКП и ВЛКСМ связи гор. Твери.
„	„	„	расширен. пленума Тверского угоркома ВКП(б).
Терский округ	„	„	Воронцово-Александр. пленума райкома ВКП(б).
Тифлис	„	„	Всегрузинской конф. совторгслужащих.
Тифлис	„	„	коллектива ячеек Тифл. гор. трамвая.
Тихорецк (Кубан. окр.)	„	„	общегородского партсобрания Тихорецка.
Тула	„	„	ячейки инструментальной 2-й Тульского оружейного завода.
„	„	„	общего собрания ячейки ВКП совместно с комсомольцами и беспартийными Тульского рафинадного завода.
Туркестан	„	„	районной партконф. ст. Туркестан.
Шадринск	„	„	7-й Белоярской райпартконференции.
Шахты	„	„	36 000 пролетариев Шахтинского Донецкого окр. на 5-м окр. межсоюзном съезде.
Шостка	„	„	райсобрания Шосткинской организации.
Харьков	„	„	3-й Журавлевской районн. конф. ЛКСМ Украины Харьковской организации.
Херсон	„	„	от 3-го пленума Херсонского окрпрофсовета.
Хоринск (Бур.-Монг.)	„	„	Хоринского канткома ВКП Бурятского округа.
Черкасск	„	„	Черкасской городской организации.
Чиатуры (Грузия)	„	„	общего собрания ячеек Чиатурского промышл. района совместно с ЛКСМ и фракцией Всегрузинского съезда горняков.
Ярославль	„	„	имени всех ярославских металлистов.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ПАРТСЪЕЗДЫ И КОНФЕРЕНЦИИ

ОДИННАДЦАТЫЙ СЪЕЗД

Российской Коммунистической Партии (большевиков)
27 марта — 2 апреля 1922 года
СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

Стр. 552. Ц. 65 к.

★

ДВЕНАДЦАТЫЙ СЪЕЗД

Российской Коммунистической Партии (большевиков)
СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

Стр. 705. Ц. 4 р.

★

ТРИНАДЦАТЫЙ СЪЕЗД

Российской Коммунистической Партии (большевиков)
23 — 31 мая 1924 года
СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

Стр. 765. Ц. 3 р. (распродан).

★

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Российской Коммунистической Партии (большевиков)
СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

Стр. 335. Ц. 1 р. 40 к. (распродан).

★

XIV СЪЕЗД

Всесоюзной Коммунистической Партии (б)
18—31 декабря 1925 года
СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

Стр. 1029. Ц. 3 р. 50 к., в коленкор. перепл. 5 р. 50 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ПАРТСЪЕЗДЫ И КОНФЕРЕНЦИИ

ТРЕТИЙ ОЧЕРЕДНОЙ СЪЕЗД
Российской Социал-Демократической Рабочей Партии 1905 года
ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПРОТОКОЛОВ
С предисловием и под ред. М. Н. Лядова

Стр. 569. (Истпарт) Ц. 2 р. 30 к.

★

ПРОТОКОЛЫ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОГО СЪЕЗДА РСДРП
состоявшегося в Стокгольме в 1906 году
Со вступительной статьей О. А. Варенцовой

Стр. 404. (Истпарт) Ц. 4 р.

Оглавление. Введение. Протоколы Объединительного съезда. Приложения. I. Письмо К. Каутского. II. Аграрная программа и резолюции, принятые IV Объединительным съездом. III. Список делегатов, присутствовавших на съезде. Перед Объединительным съездом. После Объединительного съезда. Фракционная борьба. Литература. Примечания. Именной указатель. Предметный указатель.

★

СЕДЬМОЙ СЪЕЗД
Российской Коммунистической Партии (большевиков)
СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

Стр. 212. (Истпарт) Ц. 1 р. (распродан).

★

ПЕТРОГРАДСКАЯ ОБЩЕГОРОДСКАЯ И ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП(б)
в апреле 1917 года
ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ

Стр. 175. (Истпарт) Ц. 85 к.

★

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ
X Съезда Российской Коммунистической Партии
8—16 марта 1921 года

Стр. 204. Ц. 50 к.